

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
«КФУ имени В. И. Вернадского»

МАТЕРИАЛЫ X МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО КОНГРЕССА
**ФИЛОЛОГИЯ. СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

Симферополь, 10 – 11 апреля 2025 г.

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2025

УДК 81-119:575.82

ББК 81.40-00

М 341

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: Петренко А. Д., *д.филол.н., профессор, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Редактор: Полховская Е. В., *к.филол.н., доцент, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Состав Редакционного Совета:

Беловенцева М. В., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Верзун Е. Н., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Вовк Н. А., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Кожемяко Е. С., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Меметова Э. Ш., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Радченко Т. А., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность цитат, имен, названий и данных ответственность несут авторы публикаций. Редакционный совет не всегда разделяет мнения авторов.

М 341 **Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы** [Электронный ресурс] : материалы X Международного научного конгресса, Симферополь, 10 – 11 апреля 2025 г. / ред. Е. В. Полховская. – Электрон. дан. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2025. – Электрон. версия.

ISBN 978-5-907983-81-6

УДК: 81-119:575.82

ББК: 81.40-00

ISBN 978-5-907983-81-6

© Авторы статей, 2025

© Институт филологии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», 2025

© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ

<i>Бондаренко Л. В., Азарная Д. С.</i>	24
СПЕЦИФИКА КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА В СФЕРЕ КРАСОТЫ И ЗДОРОВЬЯ	
<i>Бондаренко Л. В., Вишневский И. Я.</i>	28
ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗА КОРОЛЯ АРТУРА В РОМАНЕ КАДЗУО ИСИГУРО «ПОГРЕБЕННЫЙ ВЕЛИКАН»	
<i>Бондаренко Л. В., Тен В. В.</i>	32
ТЕМА ИСКУССТВА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА В ЖАНРЕ ЭССЕ НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА О. УАЙЛЬДА	
<i>Верзун Е. Н.</i>	36
“NEW JOURNALISM” TRADITIONS IN NORMAN MAILER’S LATE WORKS (ON THE MATERIAL OF NON-FICTION NOVEL <i>THE CASTLE IN THE FOREST</i>)	
<i>Гриняк О. А.</i>	40
АКТУАЛИЗАЦИЯ ИМПЛИКАТОВ НА ФОНОГРАФИЧЕСКОМ УРОВНЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Р. ФРОСТА)	
<i>Ломакина И. Н.</i>	43
ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ДЕТЕКТИВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ ЭНТОНИ ГОРОВИЦА)	
<i>Полховская Е. В., Мазина Е. Н.</i>	46
ИЗУЧЕНИЕ ШЕКСПИРА В ВУЗЕ: МЕТОДЫ АКТИВНОГО ОСВОЕНИЯ	
<i>Радченко Т. А.</i>	51
ПУБЛИЦИСТИКА МАШИ ГЕССЕН КАК ПРИМЕР АНТИРОССИЙСКОЙ И АНТИТРАМПИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ <i>THE AUTOCRAT’S LANGUAGE</i>)	
<i>Чернобай С. Е.</i>	56
ФРАЗЕОДИДАКТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	
<i>Шевченко Н. В., Вовк Н. А.</i>	60
СТАНДАРТНОЕ БРИТАНСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ (RECEIVED PRONUNCIATION): СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	

МОЛОДАЯ НАУКА

<i>Влишяева Э. Л.</i>	64
ТЕМА ЗЛА В ТВОРЧЕСТВЕ СТИВЕНА КИНГА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ПРОТИВОСТОЯНИЕ», «ПОД КУПОЛОМ», «БЕЗНАДЁГА»)	
<i>Габрих Е. Е.</i>	68
АВТОРСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО В ЖАНРЕ ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. Ф. ЛАВКРАФТА)	
<i>Гологуз Д. В.</i>	73
ПРИМЕНЕНИЕ ДИДАКТИЧЕСКИХ ИГР ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	
<i>Гунько И. В.</i>	77
ОБРАЗ КОНЯ В БРИТАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ	
<i>Джелилова С. Р.</i>	81
СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В МЛАДШЕЙ ШКОЛЕ	

Ефременко А. В.	85
КОНЦЕПТЫ «SUCCESS» / «УСПЕХ» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА	
Жуковская В. С.	89
РОЛЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В 8-9-Х КЛАССАХ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	
Каминская Д. И.	93
ТИПЫ РЕАЛИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДОРИ ШАФРИР «СТАРТАП»)	
Каракошов М. С.	96
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, СОСТАВЛЯЮЩИХ КОНЦЕПТ «ВЕРА» В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ	
Керимова А. С.	102
КРАСНАЯ ШАПОЧКА КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ОБРАЗ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ	
Колиева Д. А.	106
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПОЭМЫ “SONG” ОСНОВОПОЛОЖНИКА ДВИЖЕНИЯ БИТ АЛЕННА ГИНЗБЕРГА	
Лукьянова А. С.	109
ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)	
Маву Д. К.	113
СПЕЦИФИКА ЖАНРА АНТИУТОПИИ В РОМАНЕ ДЖОНА ЛАНЧЕСТЕРА «СТЕНА»	
Маликова А. Р.	117
ОБУЧЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	
Манвелян А. Р.	121
ОРИГИНАЛЬНАЯ ОБРАЗНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ РОК-БАЛЛАД (НА ПРИМЕРЕ “THE RUST” СИВЕРТА ХЕЙМА)	
Меметова С. Р.	124
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНОГО ВИДЕОМАТЕРИАЛА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ	
Номоконова Е. Д.	128
ИСТОКИ ДИСПУТА: ОТ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ ДО СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ	
Пантон Е. А.	131
ТЕМА СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	
Проханов А. А.	134
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОМЕДИИ В СТИХАХ «ГОРЕ ОТ УМА» А. С. ГРИБОЕДОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	
Рукавицин А. П.	137
ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ НЕОЛОГИЗМА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	
Самохина Д. А.	140
ОБРАЗ ЖЕРТВЫ В РОМАНЕ ДОННЫ ТАРТТ «ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ»	
Смирнова А. В.	144
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ КИТАЯ В РОМАНЕ ПЕРЛ БАК «ЗЕМЛЯ»	
Солонина И. А.	148

ОБРАЗ ХУДОЖНИКА В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ДОМ У МОРЯ» ЭСТЕР ФРЕЙД)	
<i>Тухарь В. Г.</i>	152
КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	
<i>Феофилактова М. М.</i>	156
ТИПЫ РЕАЛИЙ В БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЗЭДИ СМИТ «БЕЛЫЕ ЗУБЫ»)	
<i>Филимончук А. А.</i>	159
СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ САСПЕНСА В РОМАНЕ С. КИНГА «МИЗЕРИ»	
<i>Хайберды Э. Э.</i>	162
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НУМЕРОЛОГИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ	
<i>Черненко Е. А.</i>	166
ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ XX-XXI ВЕКОВ	
<i>Чудова А. В.</i>	171
НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
<i>Шония М.</i>	175
КОНЦЕПТ «ТРУД» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	
ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ	
<i>Абдулмуслимова П. Р.</i>	179
SOME FEATURES OF NOAM CHOMSKY'S SPEECH PORTRAIT	
<i>Абдурефиева Э. Р.</i>	181
FILMONYMS: GRAMMATICAL TRANSLATION ASPECT	
<i>Аметова П. М.</i>	183
ОБРАЗ ЛЕДИ МАКБЕТ В КИНОВЕРСИЯХ	
<i>Баранова С. А.</i>	185
О РАЗРАБОТКЕ КОМПЛЕКСА УПРАЖНЕНИЙ ПО ФОРМИРОВАНИЮ НАВЫКОВ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В 8 КЛАССЕ	
<i>Бройченко А. С.</i>	187
МОТИВНАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА ЛОНДОНА В РОМАНЕ ПИТЕРА АКРОЙДА «ВЕЛИКИЙ ЛОНДОНСКИЙ ПОЖАР»	
<i>Выхорь Я. А.</i>	189
ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОГО РОМАНА ХАНТЕРА С. ТОМПСОНА «АНГЕЛЫ АДА»	
<i>Ибрагимова Э. Э.</i>	191
ОСОБЕННОСТИ ПЕЙЗАЖНЫХ ОПИСАНИЙ В РОМАНЕ ДАФНЫ ДЮМОРЬЕ «РЕБЕККА»	
<i>Ильина С. В.</i>	193
ТЕКСТ ГОРОДА В ПРОЗЕ МАУРИН ЛИ	
<i>Котова А. Е.</i>	194
BARBIE: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КИНОТЕКСТА	
<i>Кравец А. Ю.</i>	197
ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО РОМАНА ДЖ. М. КУТЗЕЕ «БЕСЧЕСТЬЕ»	
<i>Курьянова Е. С.</i>	199
ОБРАЗ ЛОНДОНА В ПОЭЗИИ УИЛЬЯМА ВОРДСВОРТА	
<i>Лузанова Е. П.</i>	202
ОБРАЗЫ ДОМА И САДА В РОМАНЕ КЕЙТ МОРТОН «ЗАБЫТЫЙ САД»	
<i>Мусиенко А. А.</i>	204

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ 9-Х КЛАССОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	
<i>Нагиленко М. П.</i>	207
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОНЗО-ЖУРНАЛИСТСКИХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА СТАТЕЙ ХАНТЕРА С. ТОМПСОНА «ВЕЛИКАЯ ОХОТА НА АКУЛ»)	
<i>Никитина Д. Р.</i>	210
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СФЕРЫ-ИСТОЧНИКА «КИНО»)	
<i>Окур С.</i>	212
«ДОНАЛЬД ТРАМП» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕДИАДИСКУРСА	
<i>Пластинкина А. В.</i>	215
ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	
<i>Свистович А. А.</i>	217
ПЕРЦЕПТИВНО-ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «МАРГИНАЛ» (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА П. ОСТЕРА «ТИМБУКТУ»)	

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В СОЦИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

<i>Аникеева Е. А.</i>	220
ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ НИЦШЕ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНУЮ ЛИТЕРАТУРУ ПОСТМОДЕРНИЗМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	
<i>Бридко Т. В.</i>	224
НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЕ	
<i>Воронцова Н. К.</i>	227
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АВСТРИЙСКОЙ РЕКЛАМЫ	
<i>Перепечкина С. Е.</i>	230
СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЗЕМЛЕ ГЕРМАНИИ СААР	
<i>Петренко Д. А., Лихачёв Э. В.</i>	234
ЯЗЫК ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ В БУНДЕСТАГ 2025 ГОДА	
<i>Пономарёва А. В.</i>	237
ОТ ДИАЛЕКТА К РЕГИОНАЛЬНОМУ РАЗГОВОРНОМУ ЯЗЫКУ – О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РЕГИОЛЕКТОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО АРЕАЛА	
<i>Сухарева Е. Е.</i>	241
ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
<i>Черныш И. В., Лукьянинкова Ю. А.</i>	245
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА У НОСИТЕЛЕЙ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА (ДИДАКТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)	

МОЛОДАЯ НАУКА

<i>Кузьмичёва А. Д.</i>	248
ИНТЕРФЕРЕНЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ГЕРМАНИИ	

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

<i>Аджи-Алимова Д. А.</i>	253

ОБРАЗ АВТОМОБИЛЯ В НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЕ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РЕКЛАМЕ	
<i>Алимова Э. И.</i>	255
ДИАЛЕКТ НЕМЦЕВ КРЫМА	
<i>Анисимова А. В.</i>	257
СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЗМА В ТЕКСТАХ ЛЕОНАРДА ТОМА	
<i>Георгиади К. А.</i>	259
СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ» В КОНТЕКСТЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ	
<i>Кленкова Т. Л.</i>	261
ТЕМА ВИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГЕНРИХА БЁЛЛЯ	
<i>Куликова О. Ю.</i>	264
СЛОГАНЫ АВТОМОБИЛЬНЫХ БРЕНДОВ ГЕРМАНИИ	
<i>Лихолетов Я. О.</i>	266
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЕКТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ	
<i>Пасько А. В.</i>	268
ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЮНХЕНСКОГО УРБАНОЛЕКТА	
<i>Сеник В. А.</i>	270
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖНОГО ЖУРНАЛА “SPIESSER”)	
<i>Стрельцова А. А.</i>	272
ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЧУВСТВ В НЕМЕЦКОМ КРИМИНАЛЬНОМ РОМАНЕ	
<i>Усеинова С. С.</i>	274
ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	
 ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ: ЭВОЛЮЦИЯ, КОНСЕРВАЦИЯ, РЕКОНСТРУКЦИЯ	
<i>Емельянова Т. А., Шапошник Н. А.</i>	276
РЕФЛЕКСИЯ АНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПАРФЮМЕРНОМ ДИСКУРСЕ	
<i>Лесова-Юзефович Н. С.</i>	279
ВАРИАТИВНОСТЬ И ДИНАМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НОРМЫ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	
<i>Науменко Н. П., Шибаева И. В.</i>	282
МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ РОЛЬ ДЕНЕГ В РОМАНЕ О. ДЕ БАЛЬЗАКА «ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА»	
<i>Радевич В. В.</i>	285
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ВОЕННОЙ АГИТАЦИОННОЙ РЕКЛАМЫ НА ПРИМЕРЕ ВИДЕО РОЛИКОВ РОССИИ И США	
<i>Томичева И. В.</i>	290
TEMPUS FUGIT В ПОЭЗИИ ФРАНЦИИ XIV–XVIII ВЕКОВ	
<i>Хренова Т. С.</i>	295
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАНЦУЗСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЛОНДОНЕ	
<i>Шапошник Н. А., Емельянова Т. А.</i>	298
ИНТЕРМЕДИАЛЬНОЕ ПИСЬМО МАРГЕРИТ ДЮРАС	
 МОЛОДАЯ НАУКА	
<i>Сейдаметова С. С.</i>	302

ЛИТЕРАТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ «ЧЕРНОЙ АФРИКИ» КОНЦА XX
– ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XXI ВЕКОВ

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Асанова А. С.	307
ДЕТСТВО: ПАРАЛЛЕЛИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	
Гурьянова А. А.	309
ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	
Демиденко Е. М.	310
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ СКАЗКИ АНТУАНА ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ»	
Иванова Д. Д.	312
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА	
Куликова А. А.	314
СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ И СФЕРЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	
Мустафаева А. Э.	316
ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКИХ СКАЗОК НА РУССКИЙ ЯЗЫК.	
Пономаренко Е. А.	318
ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СТРАНАХ МАГРИБА	
Седченко М. М.	319
STRUCTURAL AND LOGICAL TYPOLOGY OF THE SEMANTIC FIELD NEOLOGISM	
Федоренко А. В.	321
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ АФРИКИ	
Шохирева О. М.	322
К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ АЛЬБЕРА КАМЮ	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Глухенькая Л. Н.	325
ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА КЭРОЛ ЭНН ДАФФИ – LOST IN LOVE & LOST IN TRANSLATION?	
Зеленцова М. Г.	329
ТЕРМИНОЛОГИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ	
Иванникова Е. С.	334
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АВТОРСКОЙ МЕТАФОРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЙН РЭНД)	
Лукинова М. Ю.	338
АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ МАНИПУЛЯЦИИ В ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА	
Мартынюк Е. Б.	342
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА	
Норец М. В.	346
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД: ВОЗМОЖНОСТИ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
Рейнова А. В.	351
ПЕРЕВОД АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В РОМАНЕ ДЖ. Р. Р. МАРТИНА «ПЛАМЯ И КРОВЬ»	
Росляк В. О.	355
ВЛИЯНИЕ ФЕМИНИСТСКОЙ ТЕОРИИ НА ПЕРЕВОД ГЕНДЕРНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМ	
Татевосян Р. В.	360
СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА «ЗВЕЗДА» («СВЕТИСЬ, СВЕТИСЬ, ДАЛЕКАЯ ЗВЕЗДА... ») НА АРМЯНСКОМ	
Шалыга Д. А.	363
ПЕРЕВОД КРЫМСКИХ ТОПОНИМОВ В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	
Шуверова Т. Д., Зайцев А. И.	367
ОСОБЕННОСТИ СЕМИОЗИСА ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В МУЗЕЙНОМ ДИСКУРСЕ	

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Анфиногенов Д. А.	371
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОНОМАТОПИЧЕСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ «ГРОМОВЫХ» СЛОВ В РОМАНЕ Д. ДЖОЙСА «НА ПОМИНЕ ФИННЕГАНОВ» В ПЕРЕВОДЕ АНДРЕЯ РЕНЕ)	
Белялова А. Р.	374
К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ИМЕН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА YOUNG ADULT НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. ХИНТОН «ИЗГОЙ»	
Зайналова М. И.	376
ПРИЁМЫ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ В МУЛЬТФИЛЬМАХ (НА ПРИМЕРЕ МУЛЬТФИЛЬМА «ДУША»)	
Иванашко Ю. П., Процукович Е. А.	378
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ	
Карбань Н. А.	381
СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ ИДИОСТИЛИЯ Р. БРЭДБЕРИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА “IN THE SEASON OF CALM	

WEATHER”)	
Кирпикова В. В.	383
СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ МЕТАФОР ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	
Крицкая Б. А.	385
СПЕЦИФИКА НАЗВАНИЙ ВИН В АНГЛО-ГОВОРЯЩИХ СТРАНАХ	
Лапин Д. В.	386
О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ АДЕКВАТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ	
Мамедлаева А. Ф.	389
ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА СТЕНДАП-КОНЦЕРТА С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ПОД СУБТИТРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЛЬНОГО КОНЦЕРТА ИВАНА АБРАМОВА)	
Мезенцева К. А.	391
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ “NADES” НА РУССКИЙ ЯЗЫК	
Овсеян С. А.	393
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭКФРАСИСА В РОМАНЕ М. ЭТВУД «КОШАЧИЙ ГЛАЗ»	
Потапова М. А.	396
ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ИГРОВОГО СЛЕНГА	
Салиева Л. К.	398
ВОПРОС ПЕРЕВОДА ИМЕН НОВЫХ ФАКТОВ КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТИННОСТИ ИМЕНОВАНИЯ	

ВАРИАТИВНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА КАК ЦЕЛОСТНОЙ СТРУКТУРЫ

Андреева Т. Е., Стручков К. Н.	400
ЛЕКСИКОГРАФИЯ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
Банах Л. С.	404
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА МОРЯ В ПОЭЗИИ НИКОСА КАВВАДИАСА	
Кожуховская Ю. В., Лазариди С. А.	408
ОСОБЕННОСТИ КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫХ ПРАЗДНИКОВ ФРАКИЙСКИХ ГРЕКОВ КРЫМА (с. ЧЕРНОПОЛЬЕ, БЕЛОГОРСКИЙ РАЙОН)	
Конкова А. М.	413
ОСНОВНЫЕ СЛОЖНОСТИ В ВОСПРИЯТИИ КИТАЙСКОЙ ГРАММАТИКИ У РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ	
Лазариди С. А., Кожуховская Ю. В.	416
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЙ И СУЕВЕРИЙ ГРЕКОВ-ФРАКИОТОВ с. ЧЕРНОПОЛЬЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ	
Онищенко Ю. В.	420
ГОЛОСА БОЛЬШОГО ЛОНДОНА: ОТ СОЦИОЛЕКТА К МУЛЬТИЭТНОЛЕКТАМ	
Петренко А. Д., Петренко Д. А., Вовк Н. А.	424
РЕЗУЛЬТАТЫ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА В СОЦИАЛЬНО- КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НИГЕРИИ	
Петренко А. Д., Шевель В. Г.	428
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАЕКТОРИИ АВТОХТОННЫХ ЯЗЫКОВ ШТАТА КАЛИФОРНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЮТО- АЦТЕКСКИХ ЯЗЫКОВ)	
Сдобнова С. В.	431
ЭКФРАСТИЧНОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Г. ГЕССЕ «НАРЦИСС И ГОЛЬДМУНД»	

Сирица Е. А.	434
PROBLEMS OF BILINGUALISM AND MULTILINGUALISM (ON THE EXAMPLE OF THE LANGUAGE SITUATION IN INDIA)	
Стрембицкая Н. С., Стрембицкая Л. И.	438
ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В СФЕРЕ ТУРИЗМА	
Холодняк О. С., Акулова Т. М.	441
СИМВОЛИЗМ С.МАЛЛАРМЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ СИСТЕМ	
Чернышова М. В., Березуцкая В. П.	445
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ НОРМОТИПИЧНЫХ И НЕЙРООТЛИЧНЫХ ДЕТЕЙ	
Чернышова М. В., Еременко Ю. А.	449
THE INFLUENCE OF BILINGUALISM AND MULTILINGUALISM ON THE DYNAMICS OF THE PERSONAL MATURITY OF STUDENTS	
Чернышова М. В., Костовски Г. Т.	453
ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЕЁ ПОТЕНЦИАЛ В ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА	
Чернышова Т. Г., Александрова С. Е., Павленко В. Б.	458
CHANGING OF ELECTROENCEPHALOGRAM RHYTHMS WHEN PRONOUNCING WORDS	
Чернышова Т. Г., Пищурова В. С.	461
ЭКОЛИНГВИСТИКА. РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ	
Чернышова Т. Г., Сечин Д. Ю., Маркелов К. В.	465
APPLICATION OF NARRATIVE ANALYSIS MODEL TO REPORTAGE-LIKE TEXTS IN THE REGIONAL PRESS (USING THE EXAMPLE OF THE NEWSPAPER KRYMSKAYA PRAVDA)	
Чернышова Т. Г., Сидор М. В.	468
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГИПОТЕЗЫ СЕПИРА-УОРФА В КАРНАВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ	
Шиманович А. Н.	472
METHODS OF SPEECH INFLUENCE DURING THE PROCESS OF INQUIRY JUVENILES	

МОЛОДАЯ НАУКА

Бурдыко С. С.	477
ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НОМИНАЦИИ «ΣΠΤΗ» (ДОМ) В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАТЕКСТОВ)	

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Аккиева В. Л.	481
СИСТЕМА ОБРАЗОВ РОМАНА Б.ШЛИНКА «ЧТЕЦ» В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	
Георгиади А. А., Георгиади А. К.	483
ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА	
Кожемяко Е. С.	485
ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВ РОМАНА Б. ШЛИНКА «ВНУЧКА»	

Кошечая-Шиманович А. С.	487
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОЗНАНИЯ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ	
Кудишин Г. А.	489
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)	
Минасян Н. А.	491
МОТИВ ПРИНЕСЕНИЯ УМИЛОСТИВИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ГРЕЧЕСКИХ ДРАМАТУРГОВ	
Парфёнова Е. Ю.	493
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ	
Шиян М. В.	495
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЯЗЫК» И «РЕЧЬ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	
Яренко Д. Г.	497
ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА	

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

КОГНИТИВНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Абуева Н. А., Азизов Ш. А.	500
БРЕНДИНГ В СМИ: КОНЦЕПЦИИ, ПОДХОДЫ И ОСОБЕННОСТИ	
Абуева Н. А., Бузело А. С.	505
ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ РАМКИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ МАСС-МЕДИА И КУЛЬТУРЫ	
Абуева Н. А., Бузело А. С., Каракушев Д. Б.	512
ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
Абуева Н. А., Бузело А. С., Сибазатуллина О. Р.	522
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕДАКЦИИ КОРПОРАТИВНОГО СМИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ, АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	
Абуева Н. А., Дайван Кайгэ, Чэнь Шида	528
ОТ ТРАДИЦИЙ К СОВРЕМЕННОСТИ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗЛОЖЕНИЯ КИТАЙСКИХ ИСТОРИЙ НА ОСНОВЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ	
Арбузова Н. В.	532
ЦИФРОВЫЕ ПРАКТИКИ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	
Болдова Т. А.	535
ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЧЕТАНИИ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ	
Ермоленко О. В.	538
ПРОБЛЕМА ПЕРЦЕПЦИИ И АППЕРЦЕПЦИИ В МЕМУАРНО-БИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	
Ильина В. Ю.	541
РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ НАВЫКОВ НА КОГНИТИВНЫХ УРОВНЯХ ПО ТАКСОНОМИИ БЛУМА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЕКТИРОВАНИИ УЧЕБНЫХ ЗАДАНИЙ	
Кислицына Н. Н.	547
ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	

ПИСАТЕЛЯ	
<i>Мельниченко Т. В.</i>	551
АЛЕКСАНДР СПИРИДОНОВИЧ КОЗЛОВ: ИМЕНА, КОТОРЫЕ ПОМНИМ	
<i>Новикова Е. А., Чернявская О. Г.</i>	554
АНАЛИЗ СПОРТИВНЫХ БЛОГОВ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ	
<i>Нуржакын Е. Е.</i>	559
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА И ШКОЛЫ	
<i>Скляренко А. В.</i>	564
ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ СУБТИТРОВ ПРИ ПРОСМОТРЕ АУТЕНТИЧНЫХ ФИЛЬМОВ ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК	
<i>Тамерьян Т. Ю.</i>	568
РЕАКТИВНЫЙ ПЕРФОРМАТИВ КАК ПЕРСПЕКТИВИРУЮЩИЙ ФАКТОР ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА	
<i>У Яньцзю, Абуева Н. А.</i>	571
К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОМ, ГРАММАТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗЛИЧИИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК	
<i>Чернявская О. Г., Новикова Е. А.</i>	579
ЭВОЛЮЦИЯ СПОРТИВНЫХ БЛОГОВ: ОТ ТЕКСТОВОЙ ЗАПИСИ К МЕДИАПЛАТФОРМЕ	
<i>Чэнь Шида, Абуева Н. А.</i>	583
ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА РУССКОГО ЯЗЫКА НА ВЕБ-СТРАНИЦАХ КИТАЙСКОЙ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ	
<i>Шестакова Е. С., Бершадская С. В.</i>	590
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ УСВОЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: МЕТОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРАКТИВНЫЕ ПЛАТФОРМЫ	
 ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ	
<i>Доминенко Н. В.</i>	596
ХРОНОТОП ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ-РОМАНТИКОВ	
<i>Костинская Д. С.</i>	600
ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ ДОМИНАНТ НА СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАДИСКУРСА	
<i>Кохан О. Н.</i>	603
КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В НЕОВИКТОРИАНСКОМ РОМАНЕ САРА УОТЕРС «TIPPING THE VELVET»	
<i>Кравинская Ю. Ю.</i>	605
ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ МАОРИ В АСПЕКТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР КАК ТЕМАТИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ	
<i>Радченко С. В.</i>	609
ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ	
<i>Чиговани Т. В., Хлыбова Н. А.</i>	612
MODELLING OF THE COGNITIVE DOMINANT FAITH IN THE SERMON OF ST. JOHN OF SHANGHAI AND SAN-FRANCISCO ON THE SUNDAY OF ORTHODOXY	

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Мамудов Э. Р.

616

ФЕНОМЕН ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ГРЕКО-ЛАТИНСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ HERMENEUMATA PSEUDODOSITHEANA)

ПРЕДМЕТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВАРИАТИВНОСТИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Васильева О. А., Борзова И. А., Гулакова И. А.

619

ДЕЛОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ КАК АСПЕКТ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧЕНИЯ В БАКАЛАВРИАТЕ КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО

Мележик К. А., Харченко М. А.

622

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ НА АНГЛИЙСКОМ КАК ЛИНГВА ФРАНКА

Миколайчик М. В.

627

ВНЕАУДИТОРНОЕ ЧТЕНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО ЭКОНОМИКЕ И УПРАВЛЕНИЮ В МАГИСТРАТУРЕ

Сидоренко И. Я.

631

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА КОММУНИКАТИВНОЙ АГРЕССИИ ПОСРЕДСТВОМ ТАКТИКИ «ОСКОРБЛЕНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ПРЕЗИДЕНТА США ДОНАЛЬДА ТРАМПА)

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Васильева Е. А.

635

ЭФФЕКТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ КУРСАНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК И СРЕДСТВ АВТОМАТИКИ» ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИМ ТЕРМИНАМ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Кириллова И. И.	639
ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК КАК БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЫ	
Коган Ю. Н.	644
ФРАЗЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ	
Козлова А. Т., Зеленцова М. Г.	648
СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ УСТНОГО АНГЛИЙСКОГО ПОБУЖДЕНИЯ АПЕЛЛЯТИВНОГО ТИПА	
Никейцева О. Н.	652
ЭЛЕКТРОННЫЙ ТРЕНАЖЕР КАК СРЕДСТВО ПРАКТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	
Никитина М. С.	655
ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В ЦИФРОВОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
Ягенич Л. В.	657
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЦИНСКОГО ТРАКТАТА	

МОЛОДАЯ НАУКА

Абейдулина В. С.	662
МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ПИСЬМЕННОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТРАКТАТА ПО АНАТОМИИ)	
Маслиева С. Е.	667
ADVANTAGES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING FUTURE LAWYERS A FOREIGN LANGUAGE	

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Альбрант К. В.	670
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ О СЕРДЕЧНОСОСУДИСТЫХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ)	
Берладина И. Ю.	672
ВИДЫ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ	
Гончар М. В.	674
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «НОВЫХ» СЛОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ ПО ТРАВМАТОЛОГИИ	
Девлетова А. А.	675
ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ В КАРДИОЛОГИИ	
Долбина Е. А.	678
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ВЫЯВЛЕНИИ ПАТОЛОГИЙ	
Ермакова М. О.	680
ИЗУЧЕНИЕ МЕДИЦИНСКОГО АНГЛИЙСКОГО ПРИ ПОМОЩИ ОНЛАЙН- ПРИЛОЖЕНИЙ	
Жирко М. Д.	682
СТРАТЕГИЯ ОПИСАНИЯ ЯЗВЕННОЙ БОЛЕЗНИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ)	
Исмаилова Э. С.	684

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИЦИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	
<i>Коршун В. В.</i>	686
МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ДЕПРЕССИВНОГО СОСТОЯНИЯ	
<i>Мамбетова Э. М.</i>	688
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ ОЖИРЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ)	
<i>Мелешкина П. О.</i>	690
ДИСТАНЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ	
<i>Рафальский В. А.</i>	692
ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ	
<i>Решистов Р. Т.</i>	694
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	
<i>Рылов М. В.</i>	696
ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ ПРИ ОПИСАНИИ САХАРНОГО ДИАБЕТА НА ОСНОВЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ	
<i>Рябова А. Е.</i>	698
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ НЕЙРОХИРУРГИИ	
<i>Старкова В. А.</i>	700
ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ПОМОЩЬЮ МЕДИЦИНСКИХ СЕРИАЛОВ	
<i>Сухорукова К. А.</i>	702
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОНКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	
<i>Эмирусеинова А. Р.</i>	704
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АББРЕВИАТУР В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЦИНСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО КАРДИОЛОГИИ)	
<i>Яценко П. Д.</i>	706
СОВРЕМЕННЫЙ СЛЕНГ ВРАЧЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	
<i>Яцкая С. С.</i>	708
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА КРЫМСКИХ ТАТАР

<i>Аджимуратова З. Н.</i>	711
КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ БАЛА НУТКЪУНДАН ПЕЙДА ОЛГЪАН БАЗЫ СЁЗЛЕР	
<i>Бекирова Л. И.</i>	714
КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ ФИИЛЛЕРНИНЪ АНАЛИТИК ШЕКИЛЛЕРИ (ЧАСТЬ II).	
<i>Боргояков В. А., Арчимаева А. С.</i>	719
СОВРЕМЕННАЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА У ХАКАСОВ	
<i>Куртсеитов А. М.</i>	722
КЪЫРЫМТАТАР ФРАЗЕОЛОГИЗМЛЕРИНИНЪ СЁЗ ЯПУВ ВАРИАНТЛАРЫ	
<i>Меджитова Э. Н.</i>	725
ПАРНЫЕ И ПАРНО-ПОВТОРНЫЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В СЕВЕРНОМ (СТЕПНОМ) ДИАЛЕКТЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА	

Меметова Э. Ш.	729
ЮСУФ БОЛАТНЫНЪ «АЛИМ» РОМАНЫНДА МОРФОЛОГИК УСЛЮБИЙ ВАСТАЛАРНЫНЪ КЪУЛЛАНЫЛУВЫ	
Селендили Л. С.	733
КРЫМСКОТАТАРСКОЯЗЫЧНОЕ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО: СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ	
Усеинов Т. Б.	737
ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ПАРЕМИЯХ КРЫМСКИХ ТАТАР- СТЕПНЯКОВ И ТАТАР ДОБРУДЖИ РУБЕЖА XIX–XX ВВ. РЫБА	
Юнусов Ш. Э.	743
УСЕИН КУРКЧЕНИНЪ ИКЯЕЛЕРИНДЕ НЕСИЛЛЕРНИНЪ ИЧТИМАЙ- ПСИХОЛОГИК ПОРТРЕТЛЕРИНИНЪ СЫЗЫЛМАСЫ (БЕЛЛИ ТИЛЫШЫНАС АЛИМ ВЕ ЯЗЫДЖЫНЫНЪ 120-ЙЫЛЛЫГЪЫ МУНАСЕБЕТИНЕН)	

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Абжалилова Э. Ф.	747
КЪЫРЫМТАТАР ВЕ ТУРК ТИЛЛЕРИНДЕ СЫФАТЛАРНЫНЪ ЯПЫЛУВЫ	
Гугу И. И.	749
ОРТА АСЫРЛАР КЪЫРЫМТАТАР ДИВАН ЭДЕБИЯТЫНДА ФАРС НАЗМ ШЕКИЛЛЕРИНИНЪ КЪУЛЛАНЫЛУВЫ	
Ибраимова З. С.	751
БЕКІР ЧОБАН-ЗАДЕ ВЕ АМДИ ГИРАЙБАЙНЫНЪ НАЗМИЕТИНДЕКИ КЪАВРАМ ВЕ ОНЫ ИФАДЕ ЭТЮВ ЁЛЛАРЫ	
Сейдаметова С. Э.	753
ДЖ. ДАГЪДЖЫНЫНЪ «ОЛАР ДА ИНСАН ЭДИ» РОМАНЫНДА ИСИМЛЕРНИНЪ ЛЕКСИК-СЕМАНТИК ГРУППАЛАРЫ	
Ситджемилев Т. А.	755
КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ СЁЗ ЯПЫЛУВЫ	
Эбубекирова С. Р.	757
АШЫКЪ ОМЕРНИНЪ (...-1707) НАЗМИЕТИНДЕ МЕВЗУ ЧЕШИТЛИГИ	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОСТОЧНОЙ ФИЛОЛОГИИ

Аштиани Мадждабади Кохнех Наргес	759
ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИРАНСКИХ СТУДЕНТОВ УПОТРЕБЛЕНИЮ ВИДОВ ГЛАГОЛА В ФОРМЕ ИМПЕРАТИВА	
Меметов И. А.	761
СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ГЕРОЕВ В ТУРЕЦКИХ И РУССКИХ СКАЗКАХ	
Сухоруков А. Н.	765
НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КАСАТЕЛЬНО РЕЧЕВОГО АКТА ПРОСЬБЫ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ	
Умерова К. Э.	768
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В «СКАЗКЕ О РЫБАКЕ» ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АРАБСКИХ СКАЗОК «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»	

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Магаметов А. Р.	772
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО АРАБСКОГО ЯЗЫКА	
Минин В. А.	774
ПЕРСИДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В ДИАХРОНИИ	

Челебиев Д. Э.	776
СИНОНИМИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	

УКРАИНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Багрий М. Г.	779
ХУДОЖНИЙ СВІТ ПОЕМИ «ХРИСТОС» ВОЛОДИМИРА СОСЮРИ	
Гладкая И. С., Пелипась Н. И.	784
ХАРАКТЕРИСТИКА ІНСКРИПТІВ З ОСОБИСТОЇ БІБЛІОТЕКИ ПРОФЕСОРА О. І. ГУБАРЯ ЗА ЗАГАЛЬНОЮ СЕМАНТИКОЮ ТЕКСТУ	
Дехтярева Е. В.	787
ДІАЛЕКТНА СКЛАДОВА МОВИ ХУДОЖНІХ ТЕКСТІВ ГНАТА ХОТКЕВИЧА	
Кривенко О. В.	791
НАРОДНІ ІГРИ В ЗАПИСАХ ЛЕСІ УКРАЇНКИ В АСПЕКТІ ФОЛЬКЛОРНОЇ ДРАМИ (НА МАТЕРІАЛІ ЗБІРКИ «ДИТЯЧІ ГРИ, ПІСНІ Й КАЗКИ»)	

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Андреева Т. М.	795
ЛІНГВОКУЛЬТУРНИЙ АСПЕКТ ДОСЛІДЖЕННЯ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ НА ПОЗНАЧЕННЯ ХИТРОСТІ ЯК НЕГАТИВНОЇ РИСИ ХАРАКТЕРУ ЛЮДИНИ	
Гармаш С. А.	797
ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРАЗУ РУСАЛКИ В БАЛАДНІЙ ТВОРЧОСТІ Т. Г. ШЕВЧЕНКА	
Грозан Н. Ф.	800
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНИЙ АНАЛІЗ ПЕРФОРМАТИВНИХ ВИСЛОВЛЕНЬ У ДРАМАТИЧНИХ ТВОРАХ ЛЕСІ УКРАЇНКИ	
Данилова В. А.	802
ФІТОНІМІЧНА ЛЕКСИКА В ПОВІСТІ ОЛЬГИ КОБИЛЯНСЬКОЇ «В НЕДІЛЮ РАНО ЗІЛЛЯ КОПАЛА...»	
Кулев В. И.	805
ЗВЕРТАННЯ В ДРАМІ ЯРОСЛАВА СТЕЛЬМАХА «ПРОВІНЦІАЛКИ»	
Мищенко Е. А.	808
ОПИСОВО-ЗОБРАЖАЛЬНА ФУНКЦІЯ ОБРАЗНИХ ПОРІВНЯНЬ У МАЛІЙ ПРОЗІ МИХАЙЛА КОЦЮБІНСЬКОГО	
Скокова Т. А.	810
ПОЕТИКА КРИМСЬКОГО ТЕКСТУ ЛЕСІ УКРАЇНКИ	

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Аржанцева Т. В.	814
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ	
Капустина С. В.	819
ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ШКОЛЕ: «МУЖИК МАРЕЙ» КАК ПАСХАЛЬНЫЙ РАССКАЗ О НАРОДЕ-БОГАТЫРЕ	
Литвинчук И. Н.	823
ЭМОТИВНОСТЬ И ЭКСПРЕССИВНОСТЬ: АКТУАЛИЗАЦИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ АСПЕКТЕ	
Орехова Л. А., Первых Д. К.	827
150-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ А. С. ГРИБОЕДОВА В КРЫМУ: ГАЗЕТА «КРАСНЫЙ КРЫМ» И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ РЕСУРСЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ	
Прадиб О. Ю.	831
КОНЦЕПТ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ	
Рудницкая Л. И.	836
НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «КУЛЬТУРА РЕЧИ И ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ»	

МОЛОДАЯ НАУКА

Логунова Т. В.	840
ИНТЕГРАЦИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ В ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОФОНОВ ЧТЕНИЮ И АУДИРОВАНИЮ	
Приходько Ю. А.	845
ИЗУЧЕНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ Н. В. ГОГОЛЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД	

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Музыка К. П.	848
КОНЦЕПТЫ «ПРАВДА» И «ИСТИНА» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ	
Охотникова М. А.	850
РЕФЛЕКТИВНОСТЬ, ИМПУЛЬСИВНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕРЕАЛИСТИЧЕСКОМУ ОПЫТУ: ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ РКИ	
Шалимова О. А.	852
ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА У ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Бурдина А. С.	855
ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ЭПИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ГЛЮК»)	
Забашта Р. В.	861
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	
Зубенко Н. В.	865
ТЕКСТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ	

ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КАРТИНУ МИРА И СИСТЕМУ ЦЕННОСТЕЙ ЧИТАТЕЛЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Г. АДАМОВИЧА «ЕСЛИ ДНИ МОИ, МИЛОСТЬЮ БОГА...»)	
Коновалова Е. А.	870
АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЕ ПОЛЕ И КОНЦЕПТ «КРЫМСКИЙ МОСТ»: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИХОТОМИЯ	
Рудяков А. Н.	874
О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ	
Сегал Н. А., Мищенко А. Н.	879
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ С ИНТЕГРАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ОБРАЗОВАНИЕ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
Чабаненко Т. С.	883
ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ КАНАЛОВ В МЕССЕНДЖЕРЕ TELEGRAM	

МОЛОДАЯ НАУКА

Аксенова В. О.	886
ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН «ТЕРМИНАТОР» В ПЕЧАТНЫХ СМИ И ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ	
Горбунов Г. В.	890
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ АЛЕКСАНДРА БЛОКА «ДЕВУШКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ», БУЛАТА ОКУДЖАВЫ «Я УХОЖУ ОТ ПУЛИ», СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА «КРАЙ ЛЮБИМЫЙ! СЕРДЦУ СНЯТСЯ...»)	
Звонникова В. В.	894
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ Б. АХМАДУЛИНОЙ «ИЗ ГЛУБИНЫ МОИХ НЕВЗГОД...»: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	
Налбандова П. С.	899
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ ПРАЗДНИК В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ	

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Андрейченко О. И.	902
СОМАТИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)	
Борисенко А. О.	905
СОВЕТСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КИНОФИЛЬМА «КАВКАЗСКАЯ ПЛЕННИЦА»)	
Вознюк А. О.	907
ЗАГАДКА КАК ИНОСКАЗАТЕЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ	
Гаркавенко А. В.	910
ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА «КУЗНЕЧИК»)	
Гросу А. И.	913
АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЕ ПОЛЕ КАК СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «ДОБРО»)	
Дилюк Е. С.	915
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ «ВАТНИК» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	
Дорофеев Ю. В.	917

О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ <i>Кострулева Е. А.</i>	919
ФУНКЦИИ ВНЕЛИТЕРАТУРНЫХ НОМИНАТИВНЫХ СРЕДСТВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. М. ШУКШИНА «СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ»)	
<i>Лободина Ю. В.</i>	921
ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЯ И ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ: СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ	
<i>Малинина М. А.</i>	923
ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИНЕСТЕТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ОСОБЕННОСТИ СЕНСОРНОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА ПИСАТЕЛЕМ	
<i>Поваляева С. М.</i>	925
ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	
<i>Саакян Р. К.</i>	928
СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ <i>РОДИНА-МАТУШКА</i> В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ	
<i>Султанова Д. В.</i>	930
«ЗВЕЗДНОЕ» ИМЯ В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ	
<i>Хаялиева Н. Ш.</i>	932
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА <i>УЧИТЕЛЬ</i>	
<i>Ющак А. В.</i>	934
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА <i>ДЕВОЧКА</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>Гордеева Л. В.</i>	936
ОБРАЗ ПИСАТЕЛЯ-ХУДОЖНИКА КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А. С. ПУШКИНА)	
<i>Жданов С. С.</i>	940
ОБРАЗ КАНЕВА В РУССКИХ ТРАВЕЛОГАХ XIX ВЕКА	
<i>Ильницкая А. А.</i>	944
ОДЕССКИЙ ТЕКСТ КАК ЧАСТЬ НОВОРОССИЙСКОГО СВЕРХТЕКСТА В «ПУТЕШЕСТВИИ В ПОЛУДЕННУЮ РОССИЮ» В. В. ИЗМАЙЛОВА	
<i>Курьянов С. О., Ильницкая А. А.</i>	949
РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВОРОССИЙСКОМ ТЕКСТЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ)	
<i>Орехов В. В.</i>	956
«ОТМЕНА КУЛЬТУРЫ» И «ВЕТРЕННЫЕ ФРАНЦУЗЫ»: ОТ ПОЛИТИКИ К СТЕРЕОТИПУ	

МОЛОДАЯ НАУКА

Василенко Л. В.	960
ОБРАЗ ПРАВЕДНИКА В СИСТЕМЕ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА Н. С. ЛЕСКОВА «ОБОЙДЁННЫЕ»	
Гришина С. А.	964
PEDAGOGICAL IDEAS IN THE EARLY POETRY OF K. D. BALMONT (1890–1900): FORMATION AND GENESIS	
Искандарова Д. А.	968
МИФ О Ф. ДОСТОЕВСКОМ В РОМАНЕ В. О. ПЕЛЕВИНА «Т»	
Камакина А. А.	972
ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В АНГЛИЙСКОЙ СКАЗКЕ	
Климкина О. П.	975
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВАГОН КАК МЕТАФОРА ВНУТРЕННЕГО МИРА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»	
Мартышина Е. Ю.	979
ОБРАЗ СМЕРТИ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ А. С. ГРИНА «ШТУРМАН “ЧЕТЫРЁХ ВЕТРОВ”»	
Пироженко А. И.	983
МИФОПОЭТИКА: ГЕНЕЗИС, РАЗВИТИЕ И ОПЫТ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ	
Рыбин А. В.	987
ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ КАК ПРЕЗЕНТАНТ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ЛИРИКЕ В. С. ВЫСОЦКОГО	
Тагильцева Е. В.	990
ТАНАТОПОЭТИКА А. ВОЗНЕСЕНСКОГО: УЖАС ТЕЛА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОХОРОНЫ ГОГОЛЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА»)	
Шмигельская Л. Р.	994
СИСТЕМА ИМЕННЫХ СВЕРХТЕКСТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. НАБОКОВА	

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Аксенов И. Б.	998
КОНЦЕПТ «ВЫСШИЙ РАЗУМ» В ЦИКЛЕ «МИР ПОЛУДНЯ» А. И Б. СТРУГАЦКИХ	
Александрова И. В.	1000
ВОДЕВИЛИ А. А. ШАХОВСКОГО В СИСТЕМЕ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА	
Гончарова А. И.	1003
ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ	
Горб М. С.	1005
ФОНОГРАММЫ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ В ПЬЕСЕ А. Н. АРБУЗОВА «ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА»	
Дюсекеева М. Р.	1007
ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В РОМАНЕ А. Б. САЛЬНИКОВА «ОККУЛЬТТРЕГЕР»	
Ефимова Д. А.	1009
ПЬЕСА М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ТЕНИ»: ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТА И ПЕРСОНАЖНОЙ СИСТЕМЫ	
Жирнова Е. С.	1011
СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО	
Зябрева Г. А.	1013
КНИГА В. В. ВЕРЕСАЕВА «ЖИВАЯ ЖИЗНЬ» В СВЕТЕ АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ БЫТИЯ	

Мальцева Е. С.	1015
АНТРОПОНИМ «НИКОЛАЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ СТАВРОГИН»: АВТОРСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ	
Старовойтова А. А.	1017
ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТА В РАННЕЙ ДРАМАТУРГИИ В. С. РОЗОВА	
Терещенко К. Р.	1019
ВОПЛОЩЕНИЕ «ТРАДИЦИОННОГО» ЖЕНСКОГО ТИПА В ПОВЕСТИ «ВИНОВАТА ЛИ ОНА?» А. Ф. ПИСЕМСКОГО	
Федорчук П. А.	1021
КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В ЛИРИКЕ В. В. МАЯКОВСКОГО	

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА В ЕГО ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМАХ

Герасименко Ю. А.	1024
ФОНОВЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ СЕМАНТЕМ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	
Гусейнова Р. Н.	1030
МЕТАТЕМНЫЙ ПРИНЦИП АНАЛИЗА УЧЕБНОГО ТЕКСТА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ	
Иванюк Н. И.	1033
ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН К ОБУЧЕНИЮ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ИНДИЙСКИХ СТУДЕНТОВ, ПОЛУЧАЮЩИХ ОБРАЗОВАНИЕ В КФУ ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО)	
Майборода С. В.	1036
К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПО ОБУЧЕНИЮ НАВЫКАМ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ	
Пономаренко Е. А.	1039
ЭТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ВРАЧА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-МЕДИКОВ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
Ховалкина А. А.	1043
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ Л. В. ЩЕРБЫ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ	

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ

УДК 81'22

СПЕЦИФИКА КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА В СФЕРЕ КРАСОТЫ И ЗДОРОВЬЯ

Л. В. Бондаренко¹, Д. С. Азарная²,

*¹кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

*²обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. В исследовании рассматривается специфика использования креолизованного текста в дискурсивном пространстве красоты и здоровья. Основные характеристики креолизованного текста включают наличие повышенной информативной и эмоциональной нагрузки, сочетание вербального и невербального контента, различные степени креолизации. На лингвостилистическом уровне отмечается присутствие эмоционально окрашенной и специальной лексики, указание статистических данных и ссылок, а также таких стилистических приемов, как гипербола, метафора, эпитет. Аудио и видео элементы оказывают усиленное информационное и эмоциональное воздействие на потребителя, побуждая к активным действиям. Исследование проводилось на основе методов семантического, структурного и контекстуального анализа текста.

Ключевые слова: креолизированный текст, вербальный контент, визуальный контент, рекламный текст.

Summary. The study examines the notion of the creolized text and its functioning in the discursive realm of beauty and health. The main characteristics of the creolized text include informative and emotive charge, combination of verbal and non-verbal content, various degrees of creolization. On the linguistic level the creolized text is characterized by the abundant employment of the emotionally coloured lexis and terminology, statistical data, hashtags and links. Stylistically, it is rich in such devices as hyperbole, metaphor, epithet. Audio and video elements have both informational and emotional impact on the reader, encouraging to buy the product. The research is based on the combination of semantic, structural and contextual analysis of the text.

Key words: creolized text, verbal content, visual content, advertising text.

Введение. В современном дискурсивном пространстве средством передачи информации все чаще становится текст, содержащий экстралингвистические элементы – аудио и визуальные компоненты, которые дополняют его содержание и усиливают эмоциональное воздействие на читателя. Такой текст называют креолизированным. Креолизированный текст – это синтез различных коммуникативных стратегий, целенаправленно использующий вербальные и визуальные элементы для достижения максимального воздействия на аудиторию [1, с. 109]. Такая тенденция особенно ярко проявляется в сфере красоты и здоровья, где креолизированный текст становится основным инструментом коммуникации. Предлагая к использованию товары и услуги в сфере красоты и здоровья, составители текстов, описывающих качества продукта, особое внимание уделяют научной составляющей. Однако для создания более запоминающегося образа научная информация дополняется визуальным компонентом –

иллюстрации, видеоролики, анимации и инфографика. Сочетание языкового, тактильного, аудио и визуального способов передачи информации возникло и распространилось в дискурсе потребления и в рекламе относительно недавно и до сих пор недостаточно изучено, что определяет **актуальность** данного исследования.

Целью исследования выступает выявление специфики креолизованного текста в сфере красоты и здоровья на материале журналов Elle, Runway, Vogue. Поставленная цель предполагает решение следующий **задач**: определить понятие «креолизованный текст»; выявить особенности и характеристики креолизованного текста; проанализировать специфику креолизованного текста в сфере красоты и здоровья.

Результаты исследования. В последнее время в современной лингвистике возрос интерес к невербальным средствам коммуникации. Появляется все больше исследований в области лингвистики составного, поликодового, креолизованного текста, среди которых следует выделить работы Е. Е. Анисимовой [1], А. А. Бернацкой [2], Л. В. Головиной [3], Ю. А. Сорокина [3]. Ученые, работая в рамках различных подходов и направлений, внесли значительный вклад в понимание структуры, функций и прагматики креолизованного текста. Рассмотрев ряд формулировок, приходим к следующему определению креолизованного текста: «Креолизованный текст – это текст, который состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык). Примерами креолизованных текстов могут служить тексты рекламы, комиксы, афиши, плакаты [3, с. 44–48].

Специфика креолизованного текста обусловлена особенностями целевой аудитории, каналами распространения информации и целями коммуникации [2, с. 48–56]. Характерные черты такого текста включают: сочетание вербального и невербального компонентов: визуальных, аудио, тактильных (например, текст на особой бумаге, ткани, коже, пластике); наличие повышенной информативной и эмоциональной нагрузки, создаваемой за счет присутствия эмоционально окрашенной лексики и использования стилистических приемов. В таком тексте часто встречаются статистические данные, сопровождаемые хэштэгами и ссылками на источники информации, либо на другие подобные тексты, так что можно говорить об интертекстуальности как одной из характеристик креолизованного текста. По степени креолизации выделяют тексты *нулевой*, *частичной* и *полной креолизации* [4, с. 180–181]. В тексте с нулевой креолизацией присутствуют компоненты только одной семиотической системы – изображение, либо текст. В частично креолизованном тексте изображение сопровождает текст, но текст может интерпретироваться без изображения и без потери смысла. Полностью креолизованный текст соединяет вербальную и невербальную составляющие, которые образуют единое взаимозаменяемое целое [5, с. 22–28]. Для исследования были выбраны исключительно тексты с *полной креолизацией*. Это означает, что были рассмотрены только такие рекламные тексты, в которых вербальный компонент тесно связан с изобразительным компонентом.

Рекламная кампания сыворотки *Lancome* представляет собой яркий пример креолизованного текста, эффективно сочетающего вербальные и невербальные компоненты для достижения максимального воздействия на покупателя. В рекламе *Lancome* вербальный компонент представлен слоганом “Love your age”, призывающим к принятию себя, и описанием свойств сыворотки “youth activating serum” [8]. Невербальный (визуальный) компонент включает изображения знаменитых актрис разного возраста и этнической принадлежности, оформленные в бело-голубой цветовой гамме. Языковой и визуальный элементы тесно связаны между собой: слоган представляет идею вневременной красоты, а изображение демонстрирует, что счастливое будущее доступно каждой женщине, независимо от возраста и расы. Образы актрис выступают в качестве дополнительного эмоционального компонента,

поскольку их узнаваемая внешность и репутация оказывают влияние на восприятие продукта.

В сфере красоты и здоровья ключевыми концептами являются «молодость» и «красота». Обещание омоложения эффективно играет на желании женщин сохранить молодость: “The serum that makes your future brighter”. Эмоциональный заряд достигается за счет иллюстраций счастливых, смотрящих в светлое будущее женщин, поскольку одно из значений прилагательного “bright” – светлый, яркий, что в сочетании с существительным “future” интерпретируется как «яркое, жизнерадостное будущее». Метафора используется для привлечения внимания потребителя к основному свойству сыворотки ассоциируя продукт с желаемым образом жизни и положительными эмоциями. Лингвостилистические средства подобраны так, чтобы создаваемые образы были понятными и яркими. Простой и запоминающийся слоган, позитивная и оптимистичная лексика усиливают положительное восприятие продукта.

Использование статистических данных (“recommended by 97% of women”), хотя и не подкрепленное доказательствами, работает как элемент убеждения, усиливая доверие к продукту и его эффективности. Включение в текст прямой ссылки на сайт бренда (*lancome.com*) не только завершает композицию, но и добавляет важный элемент интерактивности и вовлеченности. Этот компонент напрямую связывает потенциального потребителя с дополнительной информацией о продукте, бренде и возможностях покупки. Таким образом, реклама *Lancome* демонстрирует продуманное использование креолизованного текста, эффективно сочетающего научную информацию с эмоциональным воздействием.

Реклама сыворотки *The Body Shop*, подобно *Lancome*, эффективно использует креолизованный тип текста, гармонично сочетая вербальные и невербальные элементы для создания убедительного и запоминающегося образа продукта. Визуальная доминанта рекламы *The Body Shop* выражена в изображении трех продуктов линейки *Tea Tree*, облаченных в красные плащи. Этот визуальный контент сразу же привлекает внимание и отсылает к знакомому образу супергероев. Вербальный компонент представлен описанием «suitable for blemished skin», акцентом на ключевом ингредиенте – *Tea Tree*. Визуальная метафора супергероев подкрепляется информацией о целебных свойствах продукта и обещанием решить любые проблемы кожи, что создает синергетический эффект. Экстралингвистическим компонентом является использование фоновых знаний потребителей, так как красный плащ является культурным кодом, понятным широкой аудитории.

Культурные коды довольно часто встречаются в сфере красоты, например, создающая интригу фраза “3-in-1. Wash. Scrub. Mask” представляет собой эллипсис и побуждает узнать больше о продукте. Описание “Anti-imperfection daily solution” предлагает решение конкретной проблемы [7]. Ссылка (*thebodyshop.com*) служит непосредственным призывом к действию, побуждая потребителя перейти на сайт для получения более подробной информации о продуктах, прочитать отзывы других покупателей, узнать об акциях и совершить покупку.

В рекламном тексте сыворотки *Avon* вербальные и невербальные компоненты тесно взаимодействуют для создания образа высокотехнологичного и эффективного продукта. Вербальный элемент представляет собой подробное описание механизма действия сыворотки, в котором используется специальная лексика: “increases efficiency up to 2 times...”, “advanced boost technology...”, “dyneins...”, “transport proteins...” [6]. Вербальный контент несет в основном информационную нагрузку, предоставляя детальную информацию о технологии и механизме действия сыворотки. Однако, использование специальных терминов (“dyneins”, “transport proteins”) также создает определенный эмоциональный эффект, внушая уверенность в компетентности производителя и эффективности продукта.

Невербальный элемент представлен графиком, наглядно демонстрирующим повышение эффективности крема при использовании с сывороткой, а также визуальным соотношением размеров сыворотки и крема. Цветовая гамма – сочетание золотого и черного – вызывает ассоциацию с премиальным качеством и высокой ценой и дополняет визуальный контент. Использование числового показателя, несмотря на отсутствие информации об источнике статистики и методологии исследования, помогает убедить потребителя в большей эффективности использования крема с сывороткой и без нее: “increases efficiency up to 2 times”.

Выводы. Креолизованный текст занимает важное место в индустрии красоты и здоровья, выступая в качестве мощного инструмента, который помогает формировать привлекательный имидж бренда и оказывать значительное влияние на потребителей. Основная его особенность заключается в гармоничном сочетании вербального и невербального контента, что создает эмоционально насыщенное и легко запоминающееся сообщение, которое способно вызвать интерес и желание у аудитории. Специфика креолизованного текста в сфере красоты и здоровья заключается в гармоничном сочетании рациональных и эмоциональных аргументов, реализуемых через различные каналы восприятия. Креолизованный текст отличается высокой информационной и эмоциональной плотностью. Он не просто рассказывает о свойствах продукта, но и пробуждает желание его приобрести. Тщательно подобранные факты о составе, клинических испытаниях или эффективности продукта (информативная составляющая) искусно переплетаются с апелляцией к глубинным желаниям и потребностям человека: желанию выглядеть моложе, привлекательнее, чувствовать себя увереннее, улучшить самочувствие (эмоциональная составляющая).

Список использованных источников

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – Москва : Академия, 2003. – 107 с.
2. Бернацкая, А. А. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия, история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение : Специализированный вестник ; под ред. А. П. Сковордникова. – Красноярск, 2000. – С. 48–56.
3. Головина, Л. В. Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук / Лариса Владимировна Головина. – Москва, 1986. – 173 с.
4. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин // Оптимизация речевого воздействия. – Москва, 1990. – С. 180–186.
5. Стеллиферовский, А. В. Проблема функционально-стилевого статуса языка рекламы / А. В. Стеллиферовский // Текст в функциональном аспекте. – Москва : Прогресс, 1988. – С. 22–28.
6. ELLE: Fashion Magazine – Beauty Tips, Fashion Trends, & Celebrity News [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.elle.com/>. (Access date: 15.03.2025).
7. Runway: Tools for human imagination [Electronic Resource]. – Access mode: <https://runwayml.com/>. (Access date: 15.03.2025).
8. Vogue: Fashion, Beauty, Celebrity, Fashion Shows [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.vogue.com/>. (Access date: 15.03.2025).

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗА КОРОЛЯ АРТУРА В РОМАНЕ КАДЗУО ИСИГУРО «ПОГРЕБЕННЫЙ ВЕЛИКАН»

Л. В. Бондаренко¹, И. Я. Вишневский²,

*¹кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

*²обучающийся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Актуальность данной работы обусловлена тем, что изучение процесса демифологизации образа короля Артура в романе Кадзуо Исигуро «Погребенный великан» позволяет выявить новые грани традиционного мифа, переосмысленного в контексте литературного дискурса. В отличие от классических мифологических представлений о короле как о величественном и непогрешимом правителе, Исигуро создает многослойный образ, в котором лидерство и героизм соседствуют с уязвимостью и человеческими слабостями. Исследование осуществлялось через призму культурно-исторического анализа мифологических сюжетов о короле Артуре и их литературной интерпретации, что дало возможность рассмотреть, как К. Исигуро использует миф для раскрытия проблематики человеческого существования в условиях забвения. Целью данной работы является демонстрация того, как автор осуществляет демифологизацию образа короля Артура, предоставляя читателю возможность переосмыслить знакомые мифы в контексте понимания исторической памяти и идентичности в произведениях К. Исигуро. В работе применяется метод сопоставительного анализа и герменевтический метод анализа текста.

Ключевые слова: «Погребенный великан», мифологема, король Артур, сэра Гавейн, демифологизация, Исигуро.

Summary. The relevance of this work is determined by the fact that the study of the demythologization process of the image of King Arthur in Kazuo Ishiguro's novel *The Buried Giant* results in the identification of new facets of the traditional myth reinterpreted within the context of literary discourse. Unlike classical mythological depictions of the king as a majestic and infallible ruler, Ishiguro creates a multilayered image in which leadership and heroism coexist with vulnerability and human weaknesses. The research was conducted through the lens of cultural-historical analysis of mythological narratives about King Arthur and their literary interpretation, which enabled an examination of how Ishiguro employs myth to explore the issues of human existence in the context of oblivion. The aim of this work is to demonstrate how the author carries out the demythologization of the image of King Arthur, providing the reader with the opportunity to reconsider familiar myths in the context of understanding historical memory and identity in Ishiguro's works. The research is based on the hermeneutic analysis of the text and comparative method.

Key words: *The Buried Giant*, mythologeme, king Arthur, sir Gawain, demythologization, Ishiguro.

Введение. Имя Кадзуо Исигуро хорошо известно читающей публике во всем мире. Его прозаические произведения заслужили высокую оценку в Англии и за ее пределами – романы К. Исигуро отмечены Букеровской премией, а в 2017 году писатель получил Нобелевскую премию по литературе. Его имя входит в список «ста лучших английских романистов всех времен», а семь его романов были переведены на

более чем 40 языков. Исследователи творчества К. Исигуро подчёркивают двойственность образной системы писателя, наличие западного и восточного элементов в романах «Там, где в дымке холмы» (*A Pale View of Hills*) и «Художник зыбкого мира» (*Artist of the Floating World*), что связывают с японским происхождением писателя. Для творчества К. Исигуро характерно переосмысление традиционных представлений о социальной и духовной морали, к примеру, в «Не отпускай меня» (*Never Let Me Go*, 2005) и «Остаток дня» (*The Remains of the Day*, 1989), эксперименты в жанрах научной фантастики и исторического фэнтези в романе «Погребенный великан» (*The Buried Giant*, 2015). Таким образом, **актуальность** данного исследования определяется активным вниманием к творчеству писателя и интересом к художественной интерпретации традиционных мифов о короле Артуре, представленной в романе.

Целью работы является выявление видов и способов авторской интерпретации образа короля Артура в романе «Погребенный великан» и определение значения этого образа в произведении.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: 1) рассмотреть традиционный образ короля Артура в литературном контексте; 2) проанализировать виды и способы художественной интерпретации исторического образа, с помощью которой демифологизируется образ короля Артура; 3) определить значение нового образа Артура в культурно-историческом аспекте.

Результаты исследования. Исторический образ короля Артура сложился в литературной традиции, начиная с «Истории бриттов» (1136) Гальфрида Монмутского, изобразившего Артура не только храбрым воином, но и справедливым и, даже, милосердным правителем, который защищает своих подданных и ведет страну к процветанию: «Король Артур был великим и стойким, чья доблесть и слава были прославлены во всех королевствах» [2]. Эпитеты «благородный» и «славнейший» помогают создать образ идеальной сильной личности – символа и меры моральных норм общества. По мнению автора, историческое величие фигуры короля Артура достойно вечной славы наряду с другими британскими королями: “*Yet the deeds of these men were such that they deserve to be praised for all time*” [2]. Об обстоятельствах смерти короля Артура рассказывается в средневековом произведении Томаса Мэлори «Смерть Артура» (*The Death of Arthur*, 1485), построенном на пересказе ранних легенд. С развитием литературной традиции, особенно в более поздние эпохи, идеальный образ короля Артура начинает подвергаться сомнению.

Так, в историко-фантазийном романе «Янки при дворе короля Артура» (*A Connecticut Yankee in King Arthur's Court*, 1889) Марк Твен рисует сатирическую картину средневекового рыцарства, насмехаясь над феодальным мышлением и наивностью: “*King Arthur was a kind-hearted man, but somewhat disposed to put too much confidence in his knights. He was brave and noble, but in a way that made him a subject of some ridicule*” [7].

Роман Т. Х. Уайта «Король былого и грядущего» (*The Once and Future King*, 1958) также написан в жанре фэнтези, представляя короля Артура не столько мудрым правителем, сколько обманутым своими приближенными монархом, который оказывается в определенной степени смешным в своих попытках поддерживать идеалы: “*Arthur was so idealistic and innocent that he often believed the knights of the Round Table would behave as he thought they should. But they were human, and his expectations led to numerous embarrassing misunderstandings*” [8]. Так, Артур становится не только объектом пародии, но и более человечным персонажем с множеством внутренних противоречий, что разрушает его мифологизированный образ непогрешимого героя.

В отличие от указанных произведений, в творчестве Кадзуо Исигуро образ монарха подвергается более глубокой и серьезной переоценке. В романе «Погребенный

великан» (*The Buried Giant*) прославленный и почитаемый Артур представлен как жестокий и деспотический правитель, правление которого приносит трагические последствия английскому народу. Это не просто иллюстрация морального падения героя, но полная демифологизация, в процессе которой идеализированный образ Артура рушится, раскрывая более сложную и болезненную реальность. К. Исигуро демонстрирует, как стремление к власти и ошибки верховного политика могут привести к трагедии всего народа, о чем говорит племянник короля сэра Гавейн: *“Our land is soaked with the remnants of a long-ago bloodshed”* [6]. В споре Вистана, выжившего рыцаря саксов, с его идейным противником – последователем короля Артура – сером Гавейном, сакс произносит: *“How can old wounds heal if they are crawling with worms? And how can the world endure forever if it is built on bloodshed and treacherous sorcery? I see how sincerely you want your long-standing nightmares to crumble to dust. But they lie in the ground as white bones, waiting to have their shroud pulled away”* [6]. Ненавистник Артура говорит о невозможности повернуть время вспять, забыть все обиды и раны, нанесенные его народу в результате кровопролития, учиненного королем и его подданными.

Для Вистана, выжившего рыцаря саксов, Артур повинен еще и в истреблении его народа: *“It was the Britons under Arthur’s command who slaughtered our people. It was the Britons under Arthur’s command who took our mothers. It is our duty to hate every man, woman, and child whose blood flows through their veins”* [6]. Артур повинен не только в уничтожении саксов, но и в том, что те позабыли нанесенные обиды из-за хмари, распространяемой драконихой, прирученной с помощью волшебника Мерлина, Гавейна и других четырех рыцарей.

Несмотря на то, что в момент повествования король Артур уже покинул этот мир, его образ сохраняет свою значимость и играет ключевую роль, определяя развитие общественно-политической линии сюжета, существующий порядок и неизбежность будущей войны. Артуру действительно удавалось временно сдерживать натиск саксов, однако после его смерти бритты в результате военных конфликтов были вынуждены окончательно отступить вглубь острова. Несмотря на то, что прошло уже много лет, сэра Гавейн, племянник короля Артура, один из рыцарей круглого стола, продолжает верно служить своему умершему королю. Для сэра Гавейна воцарившимся миром народ обязан великому королю бриттов – именно таким и предстает перед читателем Артур в начале повествования: *“The great king healed the scars of war that covered this land, so that a traveler today would scarcely see a mark or shadow of them”* [6]. Сэр Гавейн характеризует короля как мудрого правителя: *“The uncle was a ruler who never considered himself above the Lord, and always prayed for guidance. Moreover, he commanded us to save and provide refuge, whenever possible, to all women, children, and the elderly, both Britons and Saxons”* [6]. По словам Гавейна, Артур заботился не только о государстве в целом, но и об отдельных людях.

Демифологизируется не только образ самого Артура, но и члена его ближайшего окружения – Гавейна Оркнейского. Личность племянника короля Артура сэра Гавейна ассоциируется с героями рыцарских романов бретонского цикла наравне с Ланселотом, третьим по доблести рыцарем Круглого стола. Первые упоминания о нем находим в романе «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» (*Sir Gawain and the Green Knight*, автор неизвестен, XV век), где он предстает прекрасным молодым рыцарем, у которого каждая деталь его экипировки находится в безупречном состоянии: «Он был одет / В тонкую тунику тарсского шелка, / Кафтан с капюшоном, крепко сшитый, / Был белым горностаевым мехом подбит, / Дорогим аграфом заколот на шее. И золотые шпоры – все, как положено: / Плащ ниспадает с плеч, / И на узорном поясе кожаном – / Рыцарский верный меч. / Когда, наконец, он надел все, что надо, / Выглядел Гавейн воинственно и великолепно» [4]. В отличие от традиционного образа рыцаря, в романе

Исигуро сэра Гавейн представлен старым и утомленным: *“There was nothing at all menacing about the knight. He turned out to be very tall, but Axel assumed the body under the armour was thin, if not gaunt. The armour was old and rusty. The tunic, once white, bore the marks of many repairs. The knight’s kindly, wrinkled face peered out from the armour, and but for several long snow-white strands of hair, his head could have been described as entirely bald”* [6]. Такую же оценку дают сэру Гавейну и другие персонажи: *“He was hard to miss: dressed in rusty chainmail, riding a weary steed, and ready to proclaim to all and sundry his sacred duty...”* [6]. В романе формируется образ «анти-рыцаря», который получает «анти-описание». Вместо блестящих доспехов, отражающих солнечный свет, изображаются старые и ржавые доспехи, а вместо утонченной шелковой туники – изношенная и грязная одежда.

Выводы. Таким образом, в романе Кадзуо Исигуро «Погребенный великан» происходит значительная трансформация традиционных образов из текстов артуровского цикла, что выражается в демифологизации легендарных персонажей и их характеристик. Король Артур предстает не только как благородный и доблестный правитель, но и как жестокий и кровавый лидер, чьи действия привели к трагическим последствиям для своего народа. Образ сэра Гавейна, в свою очередь, являющегося «анти-рыцарем», с его устаревшими и ржавыми доспехами, служит контрапунктом к привычному идеализированному восприятию рыцарей в классических легендах. Через такие изменения в восприятии этих персонажей, Исигуро не только переосмысливает мифы о короле Артуре, но и поднимает вопросы памяти, утрат и исторической ответственности. Эти новые интерпретации предоставляют возможность глубже понять сложные моральные и философские темы романа, а также позволяют рассматривать мифологические мотивы как часть более широкого контекста поиска идентичности и личной вины в поствоенном мире.

Список использованных источников

1. Исигуро, К. Погребенный великан / К. Исигуро ; пер. с англ. М. Нуязиной. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 416 с.
2. Монмутский, Г. История бриттов / Г. Монмутский ; пер. с лат. А. С. Бобовича, С. А. Ошерова. – Санкт-Петербург : Азбука, 2020. – 480 с.
3. Нестеренко, Ю. С. Мифологические образы и мотивы в романе Кадзуо Исигуро «Погребенный великан» / Ю. С. Нестеренко – 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskie-obrazy-i-motivy-v-romane-kadzuo-isiguro-pogrebennyi-velikan/viewer> (дата обращения: 24.02.2025).
4. Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь / отв. ред. А. Н. Горбунов ; пер. В. П. Битак. – Москва : Наука, 2003. – 264 с.
5. Уайт, Т. Х. Король былого и грядущего. Книга 1 / Т. Х. Уайт ; пер. с англ. С. Б. Ильина. – Москва : Издательство «Северо-Запад», 1993. – 275 с.
6. Ishiguro, K. The Buried Giant / K. Ishiguro. – London : Faber and Faber, 2021. – 384 p.
7. Twain, M. A Connecticut Yankee at King Arthur’s Court / M. Twain. – New York : Penguin, 1986. – 410 p.
8. White, T. H. The Once and Future King / T. H. White. – New York : Harper Voyager, 2015. – 858 p.

ТЕМА ИСКУССТВА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА В ЖАНРЕ ЭССЕ НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА О. УАЙЛЬДА

Л. В. Бондаренко¹, В. В. Тен²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²обучающаяся 2-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Исследование посвящено теме искусства в английской литературе XIX века, изученной на материале эссе Оскара Уайльда. Цель работы – выявить особенности эссеистики Уайльда и раскрыть его эстетические взгляды на искусство. Использованы методы культурно-исторического и структурного анализа текста. Результаты показали, что эссе для Уайльда – инструмент выражения философии искусства, свободного от утилитарности и служащего красоте. Автор использует антитезу, метафору и иронию, подчеркивая противопоставление искусства и ремесла. Вывод: лингвистические и стилистические приемы Уайльда выражают его идеи о красоте, искусстве и его роли в обществе, подчеркивая актуальность его эстетики.

Ключевые слова: Оскар Уайльд, эссе, искусство, эстетизм, английская литература XIX века.

Summary. This study explores the theme of art in the 19th-century English literature, focusing on Oscar Wilde's essays. The aim is to identify the characteristics of Wilde's essay writing and reveal his aesthetic views on art. Cultural-historical and structural text analysis methods were employed. The results demonstrate that Wilde used the essay as a tool for expressing his philosophy of art, which he believed should be free from utilitarian purposes and dedicated to beauty. Wilde utilizes antithesis, metaphor, and irony, emphasizing the opposition between art and craft. In conclusion, Wilde's linguistic and stylistic devices convey his ideas about beauty, art, and its role in society, highlighting the enduring relevance of his aesthetic principles.

Key words: Oscar Wilde, essay, art, aestheticism, 19th-century English literature.

Введение. Искусство как одна из ключевых тем английской литературы XIX века занимает особое место в жанре эссе, в котором авторы выражают свои эстетические взгляды и философские размышления. В силу своих жанровых особенностей, эссе предоставляет уникальную возможность для рассуждения о взаимодействии литературы, искусства и культуры, что делает его важным объектом исследования. В творчестве Оскара Уайльда, одного из основоположников эстетизма, тема искусства раскрывается в эссеистике, где автор не только рассуждает о красоте, но и критикует общественные нормы, противопоставляя искусство утилитаризму. **Актуальность** исследования заключается в необходимости более глубокого изучения эссеистики XIX века как жанра, отражающего культурные и эстетические ценности эпохи, а также формирующего основы современных критических и художественных концепций.

Целью исследования является выявление особенностей раскрытия темы искусства в жанре эссе на материале творчества Оскара Уайльда. Поставленная **цель** предполагает решение следующих **задач**: определить основные характеристики жанра эссе и его роль в английской литературе XIX века; проанализировать тематические и стилистические особенности эссе Оскара Уайльда, выявить ключевые лингвистические средства; используемые автором для выражения эстетических и философских взглядов

на искусство, а также рассмотреть влияние творчества Уайльда на развитие жанра эссе и его актуальность в контексте современной культуры.

Результаты исследования. XIX век – эпоха зарождения эстетизма как направления в литературе, основоположниками которого называют Джона Раскина, уделявшего внимание моральным ценностям, и У. Пейтера, превозносившего красоту формы. Видными представителями эстетизма в английской литературе стали О. Уайльда, Лионел Джонсон и писатель-натуралист Джордж Мор. Их эстетические взгляды во многом формировались под влиянием французской доктрины «искусство ради искусства» и творчества У. Пейтера, отвергавшего морализм Раскина. Несмотря на то, что взгляды эстетов порой шокировали чопорное викторианское общество, они отражали моральные устои английского общества.

Эссе – это литературный жанр, занимающий промежуточное положение между научным трактатом, публицистикой и художественной прозой. Его основные особенности включают субъективность, свободную композицию и тематическое разнообразие. Жанровая специфика эссе позволяет автору выражать личные размышления, не ограничиваясь строгими правилами структуры и стиля, сочетая элементы рассуждения, описания и повествования, что делает эссе гибким и многогранным. Эссе часто оставляет вопросы открытыми, провоцируя читателя на самостоятельные выводы. Этот жанр стал важным инструментом для выражения идей в литературе, искусстве и философии, позволяя авторам не только делиться своими взглядами, но и влиять на общественное сознание.

Согласно мнению Е. В. Евдокимова, основными жанровыми особенностями эссе являются: субъективность; свободная композиция; небольшой объем; образность и выразительность; диалогичность и тематическое разнообразие [3, с. 4]. По мнению Н. В. Аниськиной, эссе XIX века в английской литературе представляют собой уникальное явление, отражающее интеллектуальные и социальные трансформации эпохи. Этот жанр, получивший широкое распространение, стал площадкой для обсуждения самых разнообразных тем – от философских размышлений о природе бытия до острых социальных проблем. [1, с. 12]. В эссе «Искусство и ремесленник» Оскар Уайльд раскрывает свои эстетические взгляды, подчеркивая, что искусство должно быть свободным от утилитарных целей и служить выражением красоты. Автор противопоставляет истинное искусство, вдохновленное природой и культурой, ремеслу, подчиненному коммерческим интересам. Уайльд критикует современное общество за стремление к практической пользе в ущерб эстетике и призывает к созданию произведений, отражающих гармонию и национальный дух. Он также обсуждает роль художника как творца, который должен вдохновляться окружающим миром и стремиться к совершенству формы и содержания. Через антитезу, метафоры и иронию Уайльд выражает свои идеи, подчеркивая, что искусство – это не просто ремесло, а высшая форма самовыражения и познания красоты.

В эссе «Искусство и ремесленник» Оскар Уайльд поднимает следующие ключевые вопросы: природа искусства и его цель; что такое истинное искусство?; должно ли искусство служить практическим целям или быть выражением чистой красоты? Свое мнение автор выражает с помощью антитезы, противопоставляя красоту безобразию: *«There is no opposition to beauty except ugliness: all things are either beautiful or ugly, and utility will be always on the side of the beautiful thing, because beautiful decoration is always an expression of the use you put a thing to and the value placed on it»* [6, с. 1]. Здесь Уайльд утверждает, что красота и полезность не противоречат друг другу, а, напротив, истинная красота всегда функциональна, и автор рассуждает отвлеченно, абстрагируясь от конкретных материальных проявлений красоты..

Писатель рассуждает по поводу искусства и ремесла – в чем разница между искусством и ремеслом? как коммерциализация влияет на качество и ценность

искусства?: *«Do not think that the commercial spirit which is the basis of your life and cities here is opposed to art»* [6, с. 1]. В эссе метафорически раскрывается роль художника в обществе – каковы задачи художника как творца?; должен ли художник вдохновляться природой и культурой или подчиняться требованиям рынка?, о чем О. Уайльд пишет: *«For the artist is not concerned primarily with any theory of life but with life itself, with the joy and loveliness that should come daily on eye and ear for a beautiful external world»* [6, с. 2]. Употребляя олицетворение *«an eye and ear for a beautiful external world»* автор подчеркивает живость окружающего мира и необходимость отражения в искусстве именно этого мира. Уайльд подчеркивает, что художник должен вдохновляться самой жизнью, а не абстрактными теориями, что делает искусство уникальным и индивидуальным.

С другой стороны, искусство должно отражать состояние современного общества и развиваться вместе с ним: *«The art we want is the art based on all the inventions of modern civilisation, and to suit all the needs of nineteenth-century life»* [6, с. 1]. Истинный художник, по мнению О. Уайльда, служит своему народу, отражая в искусстве жизнь своего народа, развиваясь вместе с ним. В жизни не всегда легко отличить добро от зла, хорошее от плохого, белое от черного – в жизни много полутонов, смешенных цветов и оттенков, в которых и предстоит разобраться художнику: *«For all beautiful colours are graduated colours, the colours that seem about to pass into one another's realm – colour without tone being like music without harmony, mere discord»* [6, с. 2]. Свою мысль автор выражает с помощью метафорической аналогии и сравнения жизни с цветом и музыкой. В эпоху индустриальной революции О. Уайльд как истинный эстет, призывает к чистоте искусства свободного от утилитарной пользы: *«Let us have no machine-made ornament at all; it is all bad and worthless and ugly»* [6, с. 1]. Уайльд резко критикует машинное производство декора, считая его лишённым души и красоты, что противопоставляет его ручному труду и истинному искусству. Критика машинного производства звучит в словах: *«We reverence it when it does its proper work, when it relieves man from ignoble and soulless labour, not when it seeks to do that which is valuable only when wrought by the hands and hearts of men»* [6, с. 1]. О. Уайльд признаёт пользу машин, но только в том случае, если они освобождают человека от рутинного труда, а не заменяют собой творческий процесс.

В эссе *«Art and the Handicraftsman»* искусство противопоставляется коммерции: *«Do not think that the commercial spirit which is the basis of your life and cities here is opposed to art. Who built the beautiful cities of the world but commercial men and commercial men only?»* [6, с. 1]. О. Уайльд признаёт роль коммерции в создании искусства, но при этом подчеркивает, что истинное искусство должно быть свободным как от догм, так и от сугубо коммерческих интересов, поскольку искусство есть высшая ценность человеческого духа, что подчеркивается посредством метафоры: *«Art shall be again the most glorious of all the chords through which the spirit of a great nation finds its noblest utterance»* [6, с. 5]. О. Уайльд возвышает искусство, утверждая, что оно является высшим выражением духа нации и противопоставляет его утилитарным намерениям.

Свое представление об искусстве О. Уайльд раскрывает через философские размышления, художественные образы и критику общественных норм, подчеркивая, что искусство должно быть свободным, вдохновляющим и отражающим высшие ценности человеческой культуры. Уайльд противопоставляет «истинное» искусство, выражающее благородную жизнь народа, и «ложное» искусство, созданное для украшения роскоши, с помощью метафоры: *«the art which you and I need be merely a purple robe woven by a slave and thrown over the whitened body of some leprous king... but rather shall it be the noble and beautiful expression of a people's noble and beautiful life»* [6, с. 4]. О. Уайльд использует яркий образ пурпурной мантии, сотканной рабом, чтобы подчеркнуть пустоту и лицемерие искусства, созданного ради роскоши,

противопоставляя его подлинному искусству, которое отражает жизнь и дух народа. Ирония и сарказм также становятся важным инструментом в творческом арсенале О. Уайльда – автор саркастически критикует поверхностное отношение к искусству: *«nothing could be easier than to bring the ordinary critic under the head of the criminal classes»* [6, с. 8]. В этом, наполненном сарказмом высказывании автор высмеивает тех, кто судит об искусстве, не понимая его сути, и подчеркивает, что такие критики не способны оценить истинную ценность художественного творчества.

В своих рассуждениях О. Уайльд использует экфрасис, описывая произведения визуального искусства, красоту архитектуры и декора, сравнивая её с гармонией музыки: *«one tone answering another like the answering chords of a symphony»* [6, с. 3]. Здесь он использует экфрасис, чтобы передать визуальную гармонию цветов через музыкальные образы, подчеркивая, что искусство, как и музыка, строится на взаимодействии и балансе элементов. В описании витражей и гобеленов О. Уайльд создает яркие визуальные образы: *«the most gorgeous stained-glass windows of Europe are filled with white glass, and the most gorgeous Eastern tapestry with toned colours – the primary colours in both places being set in the white glass, and the tone colours like brilliant jewels set in dusky gold»* [6, с. 3]. Из приведенного описания видно как автор использует экфрасис для передачи красоты и сложности художественных произведений, делая их визуально осязаемыми для читателя. О. Уайльд описывает скульптуру и архитектуру, подчеркивая их эстетическую ценность: *«If you build in marble you must either carve it into joyous decoration, like the lives of dancing children that adorn the marble castles of the Loire, or fill it with beautiful sculpture, frieze and pediment, as the Greeks did, or inlay it with other coloured marbles as they did in Venice»* [6, с. 6]. Здесь экфрасис используется для создания образа архитектуры, которая становится живым воплощением искусства, соединяя в себе функциональность и эстетику. В описании природы и её связи с искусством Уайльд пишет: *«Show him the quality of any beautiful work of nature like the rose, or any beautiful work of art like an Eastern carpet – being merely the exquisite gradation of colour, one tone answering another like the answering chords of a symphony»* [6, с. 3]. Этот пример показывает, как писатель соединяет природную красоту с искусством, используя экфрасис для передачи их единства, подчеркивая, что и природа, и искусство строятся на гармонии и взаимодействии элементов. Таким образом, экфрасис в эссе Уайльда становится важным инструментом для передачи визуальных и эмоциональных образов, что сближает его текст с поэзией и подчеркивает эстетическую глубину его размышлений об искусстве.

На лингвистическом уровне тема искусства раскрывается с помощью образной и специальной, связанной с искусством и эстетикой лексики: art, design, beauty, artist, harmony, taste, exquisite; прилагательные: glorious, noble, perfect, grand и другие создают возвышенное, отвлеченное от материального мира настроение. На синтаксическом уровне риторические вопросы и параллельные конструкции, усиливают эмоциональное воздействие на читателя. Например, в эссе «Искусство и ремесленник» Уайльд задает вопрос: *«Do you think it is simple and strong, noble in its aim, and beautiful in its result?»* [6, с. 3], вовлекая читателя в размышления о природе и цели искусства.

Вывод. Исследование показало, что эссеистика Оскара Уайльда является не только манифестом эстетизма, но и глубокими философскими размышлениями о природе искусства. Тема искусства в творчестве Уайльда раскрывается через противопоставление красоты и утилитаризма, что делает его работы актуальными в современном контексте. Яркие образы создаются за счет лингвистических средств, которые помогают автору выразить свои идеи и вовлечь читателя в диалог. Таким образом, эссеистика Оскара Уайльда представляет собой важный этап в развитии английской литературы XIX века. В этот период искусство становится не

только объектом исследования, но и способом самовыражения и критики общественных норм.

Список использованных источников

1. Аниськина, Н. В. Стилевая принадлежность эссе как проблема предпереводческого анализа текста / Н. В. Аниськина // Балтийский Гуманитарный Журнал. – 2019. – № 3 (28). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilevaya-prinadlezhnost-esse-kak-problema-predperevodcheskogo-analiza-teksta> (дата обращения: 09.02.2025).
2. Вербицкая, О. М. Особенности авторского стиля Оскара Уайльда (на материале сказок О. Уайльда) / О. М. Вербицкая, Е. Л. Гаврилюк // Magister Dixit. – 2013. – № 1. – С. 6–8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-avtorskogo-stilya-oskara-uaylda-na-materiale-skazok-o-uaylda> (дата обращения: 09.02.2025).
3. Евдокимов, Е. В. Эстетизм Оскара Уайльда в восприятии русских символистов / Е. В. Евдокимов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2013. – № 1 (11). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estetizm-oskara-uaylda-v-vospriyatii-russkih-simvolistov> (дата обращения: 02.02.2025).
4. Козырева, М. А. Художественное своеобразие эссеистики О. Уайльда / М. А. Козырева, М. Р. Заботина // Филология и культура. – 2014. – № 2 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-svoeobrazie-esseistiki-o-uaylda> (дата обращения: 09.02.2025).
5. Ушакова, Е. В. Декоративно-орнаментальная организация художественной реальности в творчестве О. Уайльда / Е. В. Ушакова // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2012. – № 1. – С. 6–8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dekorativno-ornamentalnaya-organizatsiya-hudozhestvennoy-realnosti-v-tvorchestve-o-uaylda> (дата обращения: 01.02.2025).
6. Wilde, O. Essays and Lectures / O. Wilde. – Москва : Инвестиционно-издательский холдинг, 2014. – 132 с.

УДК 821.111

“NEW JOURNALISM” TRADITIONS IN NORMAN MAILER’S LATE WORKS (ON THE MATERIAL OF NON-FICTION NOVEL *THE CASTLE IN THE FOREST*)

E. N. Verzun,

*senior lecturer of English Philology Department, Institute of Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

Аннотация. Статья посвящена изучению и анализу последнего художественно-документального романа американского писателя и журналиста Нормана Мейлера «Замок в лесу» в контексте «нового журнализма». Особое внимание уделяется специфике повествования, жанровым особенностям и образной системе романа. В ходе исследования используются описательный метод, метод структурного анализа, а также культурно-исторический метод.

Ключевые слова: новый журнализм, художественно-документальная литература, факт, повествование, образ.

Summary. The article is dedicated to the study and analysis of the non-fiction novel *The Castle in the Forest*, written by the American writer and journalist Norman Mailer in the context of “New Journalism”. Particular attention is paid to the specific character of narration, genre peculiarities, and the system of images. The analysis is conducted on the basis of the descriptive method, the method of structural analysis, and the cultural-historical method.

Key words: “New Journalism”, literary non-fiction, fact, narration, image.

The literary process at the turn of the 20th and 21st centuries demonstrates two stable trends: on the one hand, fiction is drawn towards journalism and factual reliability, on the other hand, journalism adopts various fiction techniques. These features are inherent in a great number of national literatures, but are most disseminated in the literature of the United States [1, p. 51]. Moreover, there is still no consensus on the genre affiliation of the “hybrid” works, and mechanisms for their analysis have not been developed. In this context, it seems reasonable to turn to the history of the development of American literature, in which certain periods of organic fusion of fiction and documentary can be identified. One of such periods is the 1960s and 1970s, when the school of “New Journalism” emerged in American literature.

“New Journalism” is an extremely controversial phenomenon. Although critics have repeatedly turned to its serious study, there is still no agreement on its time frame and no clear criteria for classifying a particular work as belonging to this movement. The main difficulty in defining “New Journalism” is that it is regarded both as a journalistic phenomenon and as a literary school.

There is also no unanimity regarding the authorship of the term “New Journalism”. In 1973, Tom Wolfe, one of the most influential promoters of this literary movement, published the anthology *New Journalism* [2], where he cited the best, in his opinion, examples of the genre, including excerpts from the works of such journalists and writers as H. S. Thompson, G. Talese, N. Mailer, T. Capote, and others. T. Wolfe preceded his publication with a preface, which is rightfully considered a manifesto of “New Journalism”. Wolfe consistently outlined the theoretical concept of the school, explained the criteria for including the works of certain writers and journalists into the framework of “New Journalism”, expressed his point of view on the reasons for the emergence of the phenomenon and analyzed the most successful artistic techniques.

Despite the fact that most of the experiments of the “new journalists” occurred in the 60s and 70s of the 20th century, it is impossible to say that after the 1970s, “New Journalism” was relegated to obscurity and became a fact of literary history. In the 1980s “New New Journalism” entered the literary arena and united such journalists and writers as A. Kotlowitz, R. Ben Cramer, J. Krakauer, W. Finnegan, A. N. LeBlanc, T. Conover, M. Lewis. Most of the “new journalists” continued to work actively, and although many of them tried to isolate themselves from this movement, their works demonstrated further application of the writing techniques formulated by T. Wolfe.

Speaking about the continuation of the traditions of “New Journalism”, the work of Norman Mailer (1923–2007) proves to be the most significant and indicative. Norman Mailer is an iconic figure not only for American literature and journalism, but also for the US cultural, social and political life in general. The writer took active part in the major events of his time: in 1967 he participated in the anti-war rally, known as the “March on the Pentagon”; in 1969 Mailer ran an unsuccessful campaign to become the mayor of New York, finishing fourth in the Democratic primaries. In addition, Mailer commented on all key events, since he believed that literature should be a sort of “arena of struggle” [1, p. 96].

Norman Mailer is well-known for his experiments with artistic and documentary forms. He is considered to be the most productive writer in terms of the diversity of genre forms. He experimented with such genre varieties as the non-fiction novel, artistic biography, fictional autobiography, essay, and artistic reportage. Most critics referred to Mailer as the best US journalist and documentarian.

Mailer’s works embody the basic principle of “New Journalism” – the author’s direct participation in the events described. The choice of his main character is not accidental – Norman Mailer, Reporter, Aquarius (Mailer’s zodiac sign). Most often, his hero performs a double function and serves simultaneously both as the embodiment of the author and a literary character. Following the traditions of “New Journalism”, Mailer relies on documentary facts, which are depicted with the application of fiction techniques. Among these techniques, one

can single out the following: retrospection and broken chronology (*Of a Fire on the Moon*, 1970); “framing” the material with a preface and afterword, which provide the explanation of the purpose of writing, indicate the events that served as the starting point and reveal the results one would like to achieve; a detailed description of the scene; dialogues and inner monologues that allow the readers to penetrate into the characters’ inner world; indirect speech (*The Executioner’s Song*, 1979); the unfolding of the narrative in the form of separate scenes (*The Fight*, 1975).

Tracing the evolution of Mailer’s work from the 1960s to the 2000s, one can conclude that his works of the 1990s and 2000s mostly represent a complex combination of not just fact and fiction, but mythical fiction and obvious documentary basis. Thus, in 1997, Mailer published his novel *The Gospel According to the Son*, which employs first-person storytelling from the perspective of Jesus Christ. It stays nearly entirely true to the text of the four canonical gospels. Jesus tells his own story, from his birth to a teen-aged virgin named Mary to his execution by crucifixion at the hands of the Romans. Just as in the gospels, he is resurrected from the dead, and ascends to heaven. In 2007 Norman Mailer released his last novel, *The Castle in the Forest*, in which he presented his own version of Adolf Hitler’s biography.

There is a direct connection between these two books. Norman Mailer finishes his “Gospel” with the words: “*God and Mammon still grapple for the hearts of all men and all women. As yet, since the contest remains so equal, neither the Lord nor Satan can triumph*” [3, p. 165]. 10 years later, the author turns again to the theme of the eternal struggle of Good and Evil, but this time his attention is focused not on the Saviour, but on one of the most terrible criminals of the twentieth century.

It is rather difficult to define the genre of *The Castle in the Forest*. The narration in the first chapters is done on behalf of the young SS Officer, who initially instructs the reader to remember him as Dieter, researching Hitler’s genealogy at the behest of Heinrich Himmler, who opens the novel speaking to SS officers about the importance of strong traits that result through incest. Dieter reminds the reader of the penalty he would suffer from the Nazi Party should his writings become public knowledge. He proceeds to describe his search for Hitler’s grandparents, to both detect any presence of Jewish ancestry and to ascertain whether Hitler was the product of incest. As the story unfolds, the readers get to know that Dieter is a demon sent to put Adolf Hitler on his destructive path.

The documentary basis of *The Castle in the Forest* is obvious. Into the bibliography of his book Mailer includes the biographies of Hitler and Stalin, works on the history of the Third Reich, the works of Friedrich Nietzsche, Martin Heidegger, Carl Jung, *The World History of Beekeeping and Honey Hunting*, the correspondence of Nicholas II and Alexandra, the book of Edvard Radzinsky about Rasputin, *Dr. Faustus* by Thomas Mann and *Paradise Lost* by John Milton, as well as *The Death of Ivan Ilych* and *Anna Karenina* by Leo Tolstoy. It should be noted that some of the books listed in this bibliography were given an asterisk for their historical or thematic relevance to *The Castle in the Forest*. In his commentary, Norman Mailer explained that “*Those titles to which an asterisk is attached did provide me, however, with a bounty of factual and chronological references that a novel in this form can never ignore*” [4, p. 479].

Mailer carries out a thorough study of Hitler’s family history, considering all possible versions of the origin of Hitler’s father Alois Hiedler. The first version, rejected by the writer, is that Hiedler’s father was a Jew who seduced his mother Anna Schicklgruber. The writer also turns his attention to a more widespread version that Alois was the son of Johann Nepomuk Hiedler (brother of Johann Georg Hiedler, the husband of Anna Schicklgruber). Both were related to the mother of Alois Hiedler. Moreover, Alois Hiedler, who himself was born as a result of incest, married the granddaughter of Johann Nepomuk, Klara Poelzl, who was his niece. Mailer, however, goes further and introduces into the novel the motif of triple

incest: Adolf Hitler's mother, Klara Poelzl, is, according to Mailer, not only Alois's niece, but also his daughter, due to the fact that in his early youth Alois had a love affair with her mother, his stepsister. In general, Mailer emphasizes the motif of incest, following the task he set – to show that physiological anomalies underlie the origin of this demonic personality.

Norman Mailer follows the facts meticulously and in his usual reporter's manner reproduces the Hitlers' family matters before and after Adolf's birth, right up to the moment when Adolf Hitler received his high school diploma. Mailer remains true to himself, selecting the most shocking facts and circumstances. Alongside with the true to life details (for example, the fact that Hitler used his high school diploma as toilet paper), the writer also presents details that can only be attributed to his imagination.

In addition to the thorough study of Adolf Hitler's family, N. Mailer introduces other historical facts into the text of the novel. One chapter of the book is devoted to the coronation of Nicholas II and the tragedy at Khodynka. In order to lend documentary authenticity to the narrative, Mailer includes excerpts from the diaries of Nicholas II. The factual material presented in this chapter helped Mailer to express his own view of Russia, which he calls a country "*so much nearer to God and to the Devil than any other land above the equator*" [4, p. 185–186], and his reflections about the mysterious Russian soul: "*These poor, ugly, big, strong, dumb men with their plain, sturdy, and often misshapen wives might be mean, small-minded, ignorant, bewildered, even stupefied, but all that could amount to no more than protective wax over a fine jelly in a jar. Beneath their torpor, I could sense a capacity to be strong, wise, generous, fair, loyal, yes, even understanding, or so, at least, had Tolstoy and Dostoyevsky harangued their readers*" [4, p. 248]. Here Mailer's irony manifests itself on several levels: in relation to the cliché about the mysterious Russian soul and the image of the Russian peasant, in relation to the creators of this cliché – Tolstoy and Dostoevsky, as well as in relation to himself, who fell under the influence of this cliché. Mailer's image of Russia deserves special attention; he visited Moscow and Minsk several times and in his non-fiction works often touched upon the topic of the USA and the USSR confrontation.

The facts in the novel are intertwined with fiction. Thus, the very existence of demons and angels, and especially the participation of demons in the process of Adolf Hitler's upbringing and the coronation of Nicholas II are questions that lie beyond not only the documentary, but also the real world. In addition, in the fourth chapter the veritable nature of Mailer's narrator is revealed. He turns out to be not just an SS officer, but a demon: "*Yes, I am an instrument. I am an officer of the Evil One. And this trusted instrument has just committed an act of treachery: It is not acceptable to reveal who we are*" [4, p. 79]. On the one hand, narrating from the demon's perspective, the author plays with the reader, creating the effect of "first-hand" information. On the other hand, the narrator in Mailer's work most often intentionally introduces himself as a writer – the embodiment of the author. Although it is impossible at this point to talk about Mailer's complete correlation with his narrator, there is still a feeling that the author in some way personifies himself with Dieter and speaks ironically of himself as a writer. This is especially evident in Dieter's reasoning about the genre of his book: "*Indeed, it must be obvious by now that there is no clear classification for this book. It is more than a memoir and certainly has to be most curious as a biography since it is as privileged as a novel. I do possess the freedom to enter many a mind. I could even say that to specify the genre does not really matter since my largest concern is not literary form, but my fear of the consequences*" [4, p. 87]. It is no mere chance that the demon is the "author" of Mailer's book. This allows Norman Mailer not only to emphasize Hitler's demonic nature, but also to explain the irrational nature of literary creative works.

It is often impossible to draw a line between fact and fiction in the analyzed novel. First, Mailer refers to the episode of the assassination of Empress Elizabeth of Austria by the anarchist Luigi Lucheni, which actually happened, but presents it through Mark Twain's perception – even a fragment of M. Twain's essay on this topic is included. Mailer resorts to

the technique of literary parody, since the reader soon learns that this essay never existed. Secondly, the author quotes the authentic diaries of Nicholas II, supplied with Nicholas and Alexandra Feodorovna's remarks, which are a product of Mailer's pure fantasy.

The writer introduces a fact but offers his own interpretation of its origin. For example, Mailer draws a parallel between mass murders in gas chambers and an episode which Adolf Hitler allegedly observed, when his father, a keen beekeeper, was forced to gas bees in their contaminated hive. The use of this technique can be largely attributed to the postmodernist concept of the recurrence of history.

In addition, Mailer supplies Hitler's image with certain features intended to prove and highlight the "diabolic" origin of his hero, among which are the unpleasant odor constantly emanating from his body and reminding a mixture of sulfur and rot, which, according to the narrator, serves the evidence of Hitler's belonging to the world of evil forces (Rasputin smelled the same, for example); a combination of vulnerability in childhood and heightened cruelty in youth; the presence of sexual deviations. All these characteristics, one way or another, were ascribed to Hitler, but Mailer's innovation was his desire, by correlating the documentary basis and fiction, to create an artistic image of a real person.

Thus, we can conclude that *The Castle in the Forest* partly follows the traditions of "New Journalism" and shows resemblance to a postmodernist collage and a play with historical facts. Mailer's last novel is indicative of the undeniable evolution of the author's work from artistic documentary to a more subtle combination of fact and fiction, which denotes a reverse motion towards artistic creativity.

References

1. Hellman, J. *Fables of Fact: The New Journalism as New Fiction* / J. Hellman. – Urbana : Univ. Illinois Press, 1978. – 164 p.
2. *The New Journalism with an Anthology* / ed. by T. Wolfe and E.W. Johnson. – New York : Farrar, Straus & Giroux, 1973. – 574 p.
3. Mailer, N. *The Gospel According to the Son* / N. Mailer. – New York : Random House, 1997. – P. 165.
4. Mailer, N. *The Castle in the Forest* / N. Mailer. – New York : Random House, 2008. – 489 p.

УДК 801.631.5

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИМПЛИКАТОВ НА ФОНОГРАФИЧЕСКОМ УРОВНЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Р. ФРОСТА)

О. А. Гриняк,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена определению специфики реализации скрытых смыслов в поэтических текстах. Основное внимание уделяется звуковому символизму в создании имплицитной тональности стихотворения. Фонографическое оформление текста рассматривается как носитель смысловой нагрузки, которая проявляется в индикаторах имплицитов, являющихся неотъемлемой частью имплицитивного пространства поэтического текста.

Ключевые слова: индикатор имплицита, аллитерация, ассонанс, ритмическая структура.

Summary. The article is devoted to the definition of the role of phonographic means in the realization of hidden meanings in poetic texts. The main focus is on sound symbolism in creating the implicit tone of the poem. The phonographic design of the text is considered as a carrier of the semantic load, which is manifested in indicators that are an integral part of the implicative space of the poetic text.

Key words: indicator of an implicate, alliteration, assonance, rhythmic structure.

Каждый художественный текст как поэтический, так и прозаический, представляет из себя определенную последовательность звуков, из которых возникает последовательность слов, фраз, предложений и всего сообщения [2, с. 49]. Со времен Платона и Аристотеля звучание слова привлекало интерес мыслителей не только своей содержательной основой, но и само по себе [1, с. 15].

Актуальность данного исследования обусловлена особым вниманием, которое представители американской поэзии XX века уделяли фонографическому оформлению текста. Беря за основу фоностилистический подход, мы анализируем каждый звук, каждую деталь художественного текста, как носителя смысловой нагрузки и неотъемлемой части имплицативного пространства поэтического текста.

Целью данного исследования является выявление индикаторов имплицатов, которые привлекают к себе внимание в процессе чтения благодаря стилистической окрашенности на фонографическом уровне поэтического текста и требуют от читателя больших когнитивных усилий для обработки скрытого в них смысла.

Г. Г. Москальчук отмечает, что в самой форме текста и его звучании содержится скрытый смысл. На фонетическом уровне имплицитный смысл проявляется в виде звукоподражания, аллитерации и ассонанса, на графическом на него указывает длина строк, разделение на строфы, создающие своеобразный ритмический рисунок текста [5, с. 219].

Теория звуковых ассоциаций квалифицировала звуки [u], [d], [r] как страшные, [i], [e] – радостные, [t], [p], [l] – нежные. Отмечается, что в текстах, в которых автор старается передать негативные эмоции, концентрация гласных [a], [ɔ], [u] превышает количество аналогичных звуков в текстах с нейтральной или положительной эмоциональностью [4, с. 15]. Например, в стихотворении “Storm Fear” Р. Фроста лирический герой описывает, как он с семьей переживает бурю. Бушующая стихия пытается выманить его из дома: “*Come out! Come out!*” [7, с. 50]. Ассонанс, использованный автором для описания бури, напоминает завывание ветра. Отсутствие рифмы и постоянного размера выделяет “Storm Fear” среди остального литературного творчества Р. Фроста и объясняется желанием автора передать хаотичную природу бури, её непредсказуемость.

Р. Фрост создал теорию про так называемые «звуковые предложения», основываясь на собственных наблюдениях, суть которых состоит в том, что «звучание и тональность человеческого языка так же семантически, как и сами слова» [8, с. 36]. Повтор того или иного слова, его звукового образа создает своеобразную мелодию. При таком повторе значение слова уходит на второй план, и читатель воспринимает только эмоции героев.

В поэтическом тексте “To the Thawing Wind” ритмическая структура, ассонанс звуков [i:], [i], [e] передает светлое, веселое настроение, а юго-западное направление ветра имплицитно указывает на то, что впереди ждут перемены к лучшему: “*O loud Southwester! Bring the singer, bring the nester/ Give the buried flower a dream;/ Make the settled snow-bank steam*” [7, с. 54].

Во второй строфе ассонанс «радостных» звуков [e] (melt, as), [i] (window, it, it, the, will), дифтонга [ei] (bathe, make) имплицитно указывает на оптимистическое настроение:

“*Bathe my window, make it flow,*

Melt it as the ice will go” [7, с. 54].

Рамочное расположение номинативных единиц “bathe, flow” в одной строке со словом-символом “window”, которое в поэзии Р. Фроста служит индикатором имплицата *душа*, активирует концептуальную схему «вода как очищение» и способствует экспликации скрытого смысла – *очищение души*.

В поэтическом тексте Р. Фроста “Mowing” слышится звук косьбы. Мягкое и тихое оноματοпоическое слово “whispered”, наряду с аллитерацией звуков [s], [w] имитирует монотонный звук косы, создает эффект присутствия на пашне, навевает спокойствие и лёгкую дрему:

“What was it, it whispered?/ Perhaps, something about the heat of the sun,/ Something, perhaps, about the lack of sound – / And that was why it whispered and did not speak” [7, с. 40].

Как и в большинстве стихотворений Р. Фроста, читатель слышит «звучание смысла». В «шепоте косы» скрыта некоторая неоднозначность, с одной стороны – это физический труд на земле, с другой – единение с природой и эйфория от проделанной работы: *“the sweetest dream that labor knows”* [7, с. 40]. Для Р. Фроста, как пронизательного наблюдателя и исключительного слушателя, тонкий звук острой косы был неотразим: «в конце концов, есть только три вещи, которых должно достичь стихотворение: глаз, ухо и то, что мы называем сердцем или разумом. Это важнее всего достучаться до ума читателя. И самый надежный способ достучаться до сердца – через ухо. Визуальные образы, которые создаёт стихотворение, важны, но ещё важнее выбрать и расположить слова в определённой последовательности, чтобы практически контролировать интонацию и паузы в голосе читателя» [8, с. 235].

Последовательное чередование ударных и безударных слогов, четкая ритмическая организация способствует легкому восприятию поэтического текста и пониманию скрытого в нем смысла. Таким образом, Р. Фрост дает возможность читателю не только насладиться мелодичностью поэтических форм, но и передает в присущей ему манере собственные знания и видение мира.

Список использованных источников

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск : Литература, 1998. – 1392 с.
2. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – Москва : Просвещение, 1990. – 301 с.
3. Кубрякова, Е. С. О новых путях исследования значения (теория айсберга) / Е. С. Кубрякова // Проблемы семантического описания единиц языка и речи : материалы Международной конференции. – Минск, 1998. – Ч. I. – 1998. – С. 38–39.
4. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – Москва : Просвещение, 1988. – 192 с.
5. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
6. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования / Е. В. Шелестюк. – Москва : Наука, 2014. – 344 с.
7. Frost, R. Robert Frost’s Poems / R. Frost. – New York, London, Toronto : Washington Square Press, Inc, 1996. – 124 p.
8. Frost, R. The Mentor Book of Major American Poets / R. Frost ; ed. by O. Williams and E. Honig. – Bergenfield (New York) : A Mentor Book, 1999. – P. 235–254.

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ДЕТЕКТИВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ ЭНТОНИ ГОРОВИЦА)

И. Н. Ломакина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.
Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается жанровое своеобразие постмодернистского детектива в прозе Энтони Горовица. Применение методов текстового анализа, структурного анализа и типологического подхода позволило установить, что романы Э. Горовица обладают такими жанровыми признаками как метафигиональность, языковая игра, интертекстуальность, рефлексивный характер расследования.

Ключевые слова: Э. Горовиц, постмодернистский детектив, метафигиональность, интертекстуальность.

Summary. The article deals with the generic specificity of a postmodern detective in Anthony Horowitz's prose. The use of the textual analysis and structural analysis methods, as well as the typological approach enabled us to find out that A. Horowitz's novels have such generic traits as metafiction, language game, intertextuality, the reflexive nature of investigation.

Key words: A. Horowitz, postmodern detective, metafiction, intertextuality.

Литература постмодернизма является объектом исследования российских и зарубежных учёных уже порядка полувека. Пристальное внимание уделяется изучению философских основ постмодернистской прозы, интертекстуальности, языковой игры. Особый интерес для филологов представляет метафигиональность, т.е. включение в повествование рассуждений автора о написании романа, писательском труде и природе языка.

Нельзя не отметить, что детективный роман является относительно устоявшимся жанром, мало подверженным изменениям. Однако в последние годы появляются детективы, содержащие элементы языковой игры, интертекстуальные вкрапления и обладающие характеристиками метапрозы. Подобные произведения получили название «антидетектив» [5], «зеркальный детектив» [6], «постмодернистский детектив» [3; 4; 6; 7].

Основываясь на трудах Н. В. Киреевой [3; 4], Н. Н. Кириленко [5], М. А. Можейко [6], З. М. Чемодуровой [7] и др. исследователей, можно сформулировать основные жанровые признаки постмодернистского детектива: пародия элементов классического детектива; отсутствие традиционного финала (преступник погибает или уходит от наказания); расследование становится предметом рефлексии, поиском детективом / следователем своей идентичности; читатель принимает активное участие в расследовании, выбирая одну или несколько предложенных автором интерпретаций совершённого преступления; происходит «размывание» границ между сыщиком, преступником и жертвой (нередко один персонаж выступает сразу в нескольких ипостасях); повсеместное использование интертекстуальности, аллюзий на классические произведения детективного жанра и др.

Анализируя новейшие тенденции постмодернистского детективного романа, Т. Н. Амирян вводит понятие «математический детектив», в котором расследование представлено как математическая игра [1]. В качестве примера автор приводит серию романов о «Прекрасной Гортензии» Ж. Рубо.

Н. В. Киреева, изучая «Нью-йоркскую трилогию» П. Остера, указывает на такие черты постмодернистского детектива как фокус на проблеме автора и читателя, определение границ идентичности человека, «принципиально новое видение языковой реальности, текста и интертекстуальности» [3]. Пол Остер является мастером языковой игры и метапрозы.

Таким образом, в рамках жанра «постмодернистский детектив» уже наблюдается два направления: математическое, в котором представлены формулы преступления, используется теория вероятности и т.д. (проза Ж. Рубо, роман А. Павези «Восьмой детектив»), и лингвистическое, где во главу угла ставится языковая игра и метафикциональность (произведения П. Остера, роман Дж. Фаулза «Энигма»).

К лингвистическому направлению постмодернистского детектива относится и творчество современного британского писателя, драматурга и сценариста Энтони Горовица (р. 1955). Несмотря на популярность данного автора и интерес к детективному жанру, в отечественном литературоведении отсутствуют работы, посвящённые изучению жанрового своеобразия постмодернистских детективов Э. Горовица, что свидетельствует об **актуальности данного исследования**.

Принадлежность романов «Сороки-убийцы» (*Magpie Murders*, 2016) [8] и «Совы охотятся ночью» (*Moonflower Murders*, 2020) [9] к направлению лингвистического постмодернистского детектива подтверждается наличием в этих произведениях следующих *жанровых признаков*:

1. *Метафикциональность*. Расследованием преступлений в обоих романах занимается литературный редактор Сьюзен Райленд, что отчасти и объясняет наличие многочисленных рассуждений о природе творчества, специфике детектива и т.д.: «*Twenty-four-hour news. Fake news. Politicians calling each other liars when they aren't actually lying themselves. Maybe there's something a little comforting in a book that actually makes sense of the world in which it takes place and leads you to an absolute truth?*» [9, с. 111]; «*Why is it that we have such a need for murder mystery and what is it that attracts us – the crime or the solution? Do we have some primal need of bloodshed because our own lives are so safe, so comfortable?*» [8, с. 257].

Особенностью анализируемых романов Э. Горовица является создание двух взаимопересекающихся миров: главная героиня Сьюзен одновременно расследует преступление, совершённое в отношении её знакомых, и читает перед публикацией детективный роман Алана Конвея. В результате, автор представляет две детективные сюжетные линии, которые самым причудливым образом пересекаются. Э. Горовиц использует приём «текст в тексте», причём, в отличие от принципа *mise en abyme* («принцип матрёшки»), когда «микротекст» является отражением «макротекста», в романах данного автора все тексты разные, но они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Например, в детективе «Совы охотятся ночью» Сьюзен расследует исчезновение Сесилии Трехерн (первый уровень текста); похищение Сесилии напрямую связано с романом Алана Конвея об Аттикусе Пюнде (второй уровень текста); в романе Конвея содержатся фрагменты монографии персонажа-сыщика Пюнда *The Landscape of Criminal Investigation* (третий уровень текста).

Э. Горовиц мастерски играет с восприятием читателя, то стирая грань между реальностью и вымыслом, то намеренно акцентируя на ней внимание: «*...Conway throws in a strange detail on page 77. Brent reaches the pub twenty-five minutes later. Why is he so specific about the time?...it is the first law of whodunnits that the most likely suspect never turns out to be the killer. So I suppose that rules him out*» [8, с. 211]. В данном фрагменте романа Сьюзен пытается понять, кто совершил убийство в редактируемом ею художественном произведении. Э. Горовиц намеренно противопоставляет первый и второй уровни текста, добиваясь правдоподобности и псевдодокументализма.

В романе «Сороки-убийцы» интересен эпизод, в котором вымышленный детектив Аттикус Пюнд приходит к редактору Сьюзен Райленд во сне: «*Much later that night, I thought the door opened and a man came into the bedroom. He was leaning on a stick. He didn't say anything but he stood there, looking sadly at Andreas and me, and as a shaft of moonlight came slanting in through the window, I recognized Atticus Pünd. I was asleep, of course, and dreaming, but I remember wondering how he had managed to enter my world before the thought occurred to me that maybe it was I who had entered his*» [8, с. 263]. Здесь наблюдается стирание границ между реальным и вымышленным миром или, точнее, между первым и вторым уровнями текста.

2. *Языковая игра.* Алан Конвей, персонаж романов Э. Горовица, – известный писатель, мастер розыгрышей и мистификаций. В каждом из своих романов о детективе Аттикусе Пюнде он творчески подходит к выбору имён и фамилий персонажей, используя для этих целей названия станций лондонского метро, фамилии производителей шариковых ручек, названия рек. В «Сороках-убийцах» все персонажи наделены «птичьими» именами: *Robin, Hen (Henriette), Whitehead, Redwing, Weaver, Crane, Lanner, Kite* и др.

В романе «Совы охотятся ночью» имена персонажей не только позаимствованы у известных авторов детективной прозы: их инициалы совпадают с инициалами владельцев и работников гостиницы, в которой жил Конвей: *Leonard Collins – Lionel Corby, Simanis Caks – Stefan Codrescu* и т.д.

Одним из излюбленных приёмов Конвея является анаграмма: *Robeson – Osborne, Barn Owl – Branlow, Madeline Cain – Aiden MacNeil*. Особенно интерес последний пример, т.к. в названии персонажа Мэделин Кейн (секретаря Аттикуса Пюнда) зашифровано имя убийцы Эйдена МакНила. Примечательно, что из первых букв названий романов Конвея складывается слово «анаграмма» (AN ANAGRAM).

В анализируемых произведениях Энтони Горовица содержится множество аллюзий на романы А. Кристи, А. К. Дойля, Э. С. Гарднера и др. признанных мастеров детективного жанра. Алан Конвей заимствует у Агаты Кристи множество названий, деталей, сюжетных ходов, о чём в беседе с мисс Райленд заявляет племянник «королевы детектива» Мэтью Притчард. Сьюзен и сама видит много совпадений: «*...Sir Magnus Pye and his wife stay at the Hotel Genevieve in Cap Ferrat. There's a villa in The Murder on the Links that has the same name. The Blue Boar is the pub in Bristol where Robert Blakiston is involved in a fight. But it also appears in St Mary Mead, home of Miss Marple*» [8, с. 274].

В романе «Сороки-убийцы» присутствует и стилизация, о чём заявляет Сьюзен Райленд: «*...the entire mechanism of Magpie Murders, the use of the old nursery rhyme, deliberately imitates a device that Christie used many times. She liked children's verse*» [8, с. 275]. Данная цитата примечательна ещё и тем, что является примером метафигциональности.

3. *Расследование становится предметом рефлексии, поиском детективом своей идентичности.* В самом начале романа «Сороки-убийцы» Сьюзен Райленд заявляет: «*This book changed my life...Magpie Murders really did change everything for me. I no longer live in Crouch End. I no longer have my job. I've managed to lose a great many friends...It was all down to that bastard Alan Conway*» [8, с. 7]. Пытаясь найти последнюю главу романа Конвея, а затем – и убийцу самого автора, Сьюзен подозревает всех друзей, своего возлюбленного Андреаса, и только настоящий убийца – глава издательства *Cloverleaf Books* Чарльз Кловер – остаётся вне подозрений. Преступник погибает, устроив пожар в офисе. Сьюзен остаётся без работы, без жилья и переезжает с Андреасом на Крит, полностью переосмыслив свои приоритеты и жизненные ценности.

Таким образом, романы Энтони Горовица «Сороки-убийцы» и «Совы охотятся ночью» являются ярким примером постмодернистского детектива. Данные произведения обладают такими жанровыми признаками как метафигциональность, языковая игра, интертекстуальность, рефлексивный характер расследования.

Список использованных источников

1. Амирян, Т. Н. От классического детектива к постмодернистскому детективу : аспекты жанровой трансформации / Т. Н. Амирян // *Метаморфозы жанра в современной литературе : сборник научных трудов*. – Москва : Изд-во ИНИОН РАН, 2015. – С. 146–162.
2. Варлакова, Е. А. Текстотипологические характеристики англоязычного детектива XX века : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Екатерина Александровна Варлакова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2012. – 21 с.
3. Киреева, Н. В. Генезис и динамика постмодернистского детектива в литературе США / Н. В. Киреева // *Философско-эстетические константы литературы США в динамике художественных направлений*. – Москва : ИМЛИ РАН, 2019. – С. 218–243.
4. Киреева, Н. В. Трансформация жанровых конвенций автобиографии и детектива в прозе американского постмодернизма : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Наталия Владимировна Киреева ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2011. – 50 с.
5. Кириленко, Н. Н. К вопросу об «антидетективе» / Н. Н. Кириленко // *Новый филологический вестник*. – 2009. – № 1(8). – С. 16–31.
6. Можейко, М. А. «Философия детектива» : классика – неклассика – постнеклассика / М. А. Можейко // *Вестник Половецкого государственного университета. Педагогические науки. Культурология*. – 2012. – № 15. – С. 137–140.
7. Чемодурова, З. М. Игра в постмодернистском детективе / З. М. Чемодурова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2014. – № 8 (38). – Ч. II. – С. 184–188.
8. Horowitz, A. Magpie Murders / Anthony Horowitz. – London : Orion Books, 2016. – 401 p.
9. Horowitz, A. Moonflower Murders / Anthony Horowitz. – New York : Harper Collins, 2020. – 457 p.

УДК 821.111

ИЗУЧЕНИЕ ШЕКСПИРА В ВУЗЕ: МЕТОДЫ АКТИВНОГО ОСВОЕНИЯ

Е. В. Полховская¹, Е. Н. Мазина²,

¹заведующая кафедрой английской филологии, кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена вопросу об использовании методики изучения творчества великого английского драматурга, нацеленной на активный процесс усвоения информации и анализа произведений. Подход (предложенный Рексом Гибсоном) основывается на работе с пьесами Шекспира как сценариями, а не просто текстами, требующими только прочтения и толкования. Произведения Шекспира могут

рассматриваться в курсе ряда филологических дисциплин (стилистика, лексикология, история англоязычной литературы, лингвокультурология, аргументативная риторика), что способствует более глубокому их изучению.

Ключевые слова: Шекспир, образность, лингво-стилистические средства, активное обучение, драматургия.

Summary. The article is devoted to the issue of using the certain method of teaching Shakespeare, great English playwright. It is based on the active process of gaining information and analysis of the works. The approach (suggested by Rex Gibson) presupposes to consider Shakespeare's plays as scripts rather than mere texts that require only reading and interpreting. The works of Shakespeare may be studied within the course of a number of philological subjects (stylistics, lexicology, history of the literature of English-speaking countries, lingo-cultural studies, argumentative rhetoric); that provides deeper knowledge of these works.

Key words: Shakespeare, imagery, lingo-stylistic devices, active studying, drama.

Все курсы зарубежной литературы для филологических специальностей вне зависимости от вуза включают в программу изучение творчества Шекспира. Шекспироведение – направление в науке, чья история насчитывает не одно столетие, а библиографические перечни литературоведческих работ складываются в тома. Сегодня наука располагает большим количеством свидетельств о елизаветинской эпохе, литературном и культурном контексте того времени, театральных условностях, литературных истоках, питающих творчество великого английского драматурга. Предлагаются все новые подходы, дополняющие традиционное академическое шекспироведение с его преимущественно текстологическими исследованиями: психоаналитический, феминистский, структуралистский, деконструктивистский, концептологический, неисторический и т. д. Интернет-ресурсы делают любые сведения легкодоступными.

Различие в изучении творчества Шекспира отечественными вузами и зарубежными, в основном, заключается в том, что в англоязычных странах упор делается на текстовый анализ отдельных произведений, а отечественные преподаватели опираются на глубокие обобщения российских ученых (исследования А. А. Аникста, М. Морозова, Г. Козинцева и др. [1; 2; 3; 4]) и говорят о драме Возрождения и присущих ей чертах, иллюстрируя примерами из шекспировских пьес. Оба подхода имеют как преимущества, так и недостатки. Вряд ли можно найти универсальные рецепты, к тому же надо учитывать и индивидуальные особенности обучающихся и их интересы, а также индивидуальный профессиональный стиль преподавателя.

Нельзя не согласиться с аргументами Рекса Гибсона, критикующего излишнюю академичность в изучении Шекспира, имеющую демотивирующий эффект: «The scholarly model may be suitable for postgraduate study, but it has had a demotivating effect on generations of school and college students» [7, с. 8]. В качестве примера Гибсон приводит в издание «Макбета» с полусотней страниц введения; к тому же там каждая строка оригинального текста снабжена комментариями длиной в пол страницы и ссылками на дюжину признанных авторитетов.

Зачастую задача изучения творчества Шекспира представляется неохватной (при учете небольшого академического времени, выделенного на него). Однако, по нашему мнению, с такой задачей можно справиться, если изучать шекспировские тексты в рамках нескольких филологических курсов. Так, например, иллюстрировать приемы классической риторики (дисциплина «Аргументативная риторика») возможно на примере монолога Марка Антония из пьесы «Юлий Цезарь».

*«Friends, Romans, countrymen, lend me your ears;
I come to bury Caesar, not to praise him.
The evil that men do lives after them;*

*The good is oft interred with their bones;
 So let it be with Caesar. The noble Brutus
 Hath told you Caesar was ambitious:
 If it were so, it was a grievous fault,
 And grievously hath Caesar answer'd it.
 Here, under leave of Brutus and the rest—
 For Brutus is an honourable man;
 So are they all, all honourable men—
 Come I to speak in Caesar's funeral.
 He was my friend, faithful and just to me:
 But Brutus says he was ambitious;
 And Brutus is an honourable man.
 He hath brought many captives home to Rome
 Whose ransoms did the general coffers fill:
 Did this in Caesar seem ambitious?
 When that the poor have cried, Caesar hath wept:
 Ambition should be made of sterner stuff:
 Yet Brutus says he was ambitious;
 And Brutus is an honourable man.
 You all did see that on the Lupercal
 I thrice presented him a kingly crown,
 Which he did thrice refuse: was this ambition?
 Yet Brutus says he was ambitious;
 And, sure, he is an honourable man.
 I speak not to disprove what Brutus spoke,
 But here I am to speak what I do know.
 You all did love him once, not without cause:
 What cause withholds you then, to mourn for him?
 O judgment! thou art fled to brutish beasts,
 And men have lost their reason. Bear with me;
 My heart is in the coffin there with Caesar,
 And I must pause till it come back to me».*

(W. Shakespeare, *Julius Caesar*)

В этом примере мы видим единство логоса (доказательство от противного), пафоса (эмоциональность оратора, знавшего и любившего Цезаря, проникновенные слова о Цезаре, плачущем над страданиями бедняка), этоса (упоминания заслуг Цезаря, его отказ от короны) и яркую языковую образность (использование метонимии – «lend me your ears», риторических вопросов, метафоры – «O judgment! thou art fled to brutish beasts»).

Шекспировские тексты обогатят и расцветят занятия по практическому курсу английского языка. А курс стилистики английского языка, безусловно, выиграет, если построит анализ стилистических приемов на богатых шекспировских тропах; взять, к примеру, авторские метафоры («O, full of scorpions is my mind, dear wife!» (*Macbeth*), «The slings and arrows of outrageous fortune» (*Hamlet*)), или фонетические приемы («Fair is foul and foul is fair: / Hover through the fog and filthy air» (*Macbeth*) – аллитерация создает ощущение злобного шипения, к тому же при произнесении звука [f] обнажаются зубы, что придает лицу ведьмы агрессивное звероподобное выражение).

Питер Акройд, прославленный английский писатель нашего времени, указывает на необходимость именно **читать** Шекспира, а не смотреть киноадаптации или слушать аудиокниги. Его аргументы в пользу чтения – смена культурной парадигмы от культуры аудиальной елизаветинской эпохи к нынешней визуальной. Наш современник

может следить за сюжетом, но не обладает навыками прислушиваться к слову, поэтому многие мысли и образы не воспринимаются. К тому же современные режиссеры нацелены на эксперимент, зачастую ничего не оставляя от оригинального текста [5, р. XI]. Мы же настаиваем на необходимости **играть** Шекспира.

Пьесы Шекспира не теряют своей ценности и в плане тематики, и в плане языка. Любовь и ненависть, гнев и нежность, коварство и искренность, трусость и мужество – все находит свое воплощение в шекспировских образах. Изучающие произведения Барда расширяют свой лексический запас, получают представление о стилях речи, языковой игре, углубляют знания литературы, культуры, истории.

Использование **методики активного освоения** предоставляет еще один бонус – внутреннюю мотивацию и саморазвитие (повышение самооценки, формирование чувства ответственности, умения работать в коллективе).

Шекспир писал для театра, для того, чтобы пьесы играли на сцене. Суть активного подхода и заключается в освоение через игру, драматизацию текста. Постановка отрывков из произведений активизирует креативность, интеллектуальную и эмоциональную вовлеченность.

Большинство предложенных Гибсоном видов деятельности (выполнение движений в соответствии с текстом, «застывшие картины» и т. п.) хороши для школы [7]. Однако нам представляется, что следует обратить внимание на такое задание как драматизация монологов. Гибсон предлагает озвучить монолог короля Ричарда (*King Richard III*) двум обучающимся. И это не лишено основания, так как в душе тирана и узурпатора происходит борьба (храбрость сменяется страхом и отчаянием, вера в себя – презрением к себе...). Драматизация монолога заставит вникнуть в текст, определит, как вербализируются различные эмоции, как необходимо оформлять отрывок интонационно.

*«Give me another horse! Bind up my wounds!
Have mercy, Jesu! I did but dream.
O coward conscience, how dost thou afflict me!
The light burns blue. It is now dead midnight.
Cold fearful drops stand on my trembling flesh.
What do I fear? Myself? There's none else by.
Richard loves Richard: that is I am I.
Is there a murderer here? No, yes, I am.
Then fly. What? From myself?
Alack, I love myself. Wherefore? For any good
That I myself have done into myself
For hateful deeds committed by myself.
I am a villain. Yet I lie, I am not.
Fool, of thyself speak well. Fool, do not flatter.
My conscience hath a thousand several tongues,
And every tongue brings in a several tale,
And every tale condemns me for a villain.
Perjury, perjury in the highest degree.
Murder, stern murder, in the direst degree,
All several things, all used in each degree,
Throng to the bar, crying all "Guilty!", "Guilty!"
I shall despair. There is no creature loves me;
And if I die, no soul will pity me.
Nay, wherefore should they, since that I myself
Find in myself no pity to myself?
Methoughts the souls of all that I murdered*

*Came to my tent, and every one did threat
Tomorrow's vengeance on the head of Richard».*

(W. Shakespeare, *King Richard III*)

Преподаватели кафедры английской филологии Института филологии КФУ им. В. И. Вернадского интегрировали изучение шекспировского наследия во многие дисциплины. Их методы включают как аудиторную работу (индивидуальную и групповую – постановка сцен, чтение диалогов и монологов, презентации), так и внеаудиторную/культурно-воспитательную (просмотр фильмов, визиты в театр).

В течении нескольких лет в апреле проводится мероприятие «Шекспировские чтения». В 2025 году организация этого мероприятия проводится силами не преподавателей, а самих обучающихся (4 курс, бакалавриат, направление подготовки – «Филология. Английский язык и литература»), что повышает их ответственность и мотивацию. Был организован конкурс *“Shakespearean Recitals Contest”*, который собрал более 75 участников – от младших школьников до студентов (представлен как наш университет, так и другие вузы РФ и зарубежья). Организаторы создали паблик в ВК, привлекая участников и зрителей, создавая интересные посты. Аудитория может узнать об малоизвестных фактах о Шекспире и его эпохе, прослушать отрывки из произведений Шекспира в исполнении знаменитых актеров, увидеть картины, вдохновленные шекспировской поэзией, оценить творчество участников конкурса, поделиться мнением о их выступлении.

В качестве итога отметим, что сочетание традиционных академических методов изучения литературы с методами активного вовлечения обучающихся в процесс освоения и популяризации текстов классиков повышает мотивированность и позволяет обучающимся в полной мере проявить свои таланты в области научного поиска, актерского мастерства, дизайна, сформировать навыки организации учебно-воспитательной деятельности.

Список использованных источников

1. Аникст, А. А. Шекспир. Ремесло драматурга / А. А. Аникст. – Москва : Советский писатель, 1974. – 607 с.
2. Аникст, А. А. Творчество Шекспира / А. А. Аникст. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1963. – 615 с.
3. Аникст, А. А. Трагедия Шекспира «Гамлет»: Литературный комментарий / А. А. Аникст. – Москва : Просвещение, 1986. – 223 с.
4. Шекспировский сборник / под. ред. Г. Н. Бояджиева, М. Б. Загорского, М. М. Морозова. – Москва : Всероссийское театральное общество, 1947. – 294 с.
5. Ackroyd, P. Reading Shakespeare Today / Peter Ackroyd // The Completed Works of William Shakespeare. – Glasgow : Collins, 2006. – P. XIX–XIV.
6. Ackroyd, P. Shakespeare. The Biography / Peter Ackroyd. – London : Vintage Books, 2006. – 546 p.
7. Gibson, R. Teaching Shakespeare / Rex Gibson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 258 p.
8. Shakespeare Hamlet / ed. by Richard Andrews and Rex Gibson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 268 p.

**ПУБЛИЦИСТИКА МАШИ ГЕССЕН КАК ПРИМЕР АНТИРОССИЙСКОЙ
И АНТИТРАМПИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ *THE AUTOCRAT'S LANGUAGE*)**

Т. А. Радченко,

*старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Исследование проводится в рамках мероприятий по реализации в 2024–2026 годах основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Аннотация. В наше время пропаганда уже давно утратила свой «топорный», прямолинейный характер, в значительной степени мимикрировала, успешно маскируясь под другие жанры, и, следовательно, превратилась в высокоэффективный механизм воздействия на сознание масс. В данном исследовании разрабатывается гипотеза, согласно которой публицистика Маши Гессен может быть классифицирована как пропаганда нового типа, направленная на завуалированную дискредитацию ряда объектов (в данном случае – России и Дональда Трампа). Цель исследования заключается в обосновании выдвигаемой гипотезы и предполагает решение ряда задач: 1) определение особенностей, критериев и признаков пропаганды; 2) проведение анализа статьи М. Гессен *The Autocrat's Language* с точки зрения содержания дискурса пропагандистского характера; 3) анализ материала исследования на предмет наличия признаков речевой манипуляции; 4) определение соответствия статьи жанру пропаганды по ряду критериев. В ходе исследования применялись методы контекстуального, семантического, лингвокультурного, а также дискурса-анализа.

Ключевые слова: антироссийская пропаганда, антитрампиистская пропаганда, Маша Гессен.

Summary. Nowadays, propaganda has long lost its bluntness and straightforwardness while largely imitating or being disguised as other genres; thus, it has transformed into an utterly effective mechanism used to manipulate the collective consciousness. This article elaborates on the hypothesis that Masha Gessen's publications can be classified as this new type of propaganda whose goal is to covertly discredit its objects (here they being Russia and Donald Trump). The research aims to provide evidence for the abovementioned hypothesis and focuses on addressing a number of objectives: 1) defining peculiarities, criteria and features of propaganda; 2) analyzing M. Gessen's article *The Autocrat's Language* to see if it can be regarded as propaganda from the point of view of content; 3) identifying applied means of speech manipulation; 4) verifying if it meets the criteria of being a piece of propaganda. The methods that have been applied in the course of the research are those of contextual, semantic, linguacultural and discourse analysis.

Key words: anti-Russian propaganda, anti-Trump propaganda, Masha Gessen.

Маша Гессен – достаточно известная медиа-фигура российской и американской журналистики. С ее биографией можно ознакомиться на многих онлайн-ресурсах, в частности таких, как Википедия, Рувики, LiveLib, Lenta.ru и др. На данный момент М. Гессен имеет статус иноагента в Российской Федерации, а в 2024 г. Басманный суд г. Москвы заочно приговорил ее к 8 годам колонии по делу о фейках о российской армии [5]. Не имея профильного или какого-либо высшего образования, гражданка США Маша Гессен, восстановив в 1993 году российское гражданство и вернувшись на родину, занимала ряд ключевых постов в различных крупных изданиях, в частности

возглавляла группу корреспондентов в журнале «Итоги», руководила корпунктом американского еженедельника *US News & World Report*, была главным редактором портала Полит.ру, зам. главреда журнала «Большой город», главредом журнала *Gala*, зам. главреда проекта «Сноб», главой журнала «Вокруг света», а также директором русской службы «Радио Свобода» [4]. В 2013 году М. Гессен вернулась в США, где занимается преподавательской деятельностью, а также служит штатным журналистом и колумнистом в изданиях *The New Yorker* и *The New York Times*.

В своих многочисленных публикациях, интервью и книгах Маша Гессен систематически критикует российское государство, обвиняя его в авторитаризме и концентрации власти, подавлении свободы слова и преследовании журналистов, нарушении прав человека и LGBTQ+ сообщества, коррупции и отсутствии верховенства закона, подавлении оппозиции и политических активистов, использовании пропаганды и манипуляциях общественным мнением, агрессивной внешней политике, историческом ревизионизме и т. д. В данной работе мы попробуем разобраться, каким образом конструируется «мягкая» высокоэмоциональная пропаганда Маши Гессен, основной целью которой является создание образа России-монстра, России-урода, России-концлагеря.

В качестве теоретической базы исследования мы будем опираться на работы Ю. В. Казакова [3], А. Н. Баранова и П. Б. Паршина [1] и Ю. А. Ильичевой [2], которые посвящены выявлению системных признаков пропаганды, лингвистической экспертизе текста, направленной на выявление пропаганды и признаков речевого манипулирования в политическом дискурсе.

В качестве характерных признаков пропаганды Ю. В. Казаков выделяет предвзятость и тенденциозность, а также манипулятивность, склонность к подбору фактов, в том числе намеренное допущение фактических неточностей, намеренное неразделение факта и мнения, формирование образа внешнего и внутреннего врага. Особый акцент делается на системности (повторении на протяжении достаточно длительного периода) этого явления, в том числе речь может идти об ответственности за пропагандистскую деятельность не на уровне авторов, а на уровне изданий. Эксперт отмечает присущее пропагандистским текстам свойство, которое выражается в умении имитировать высокую степень гражданской ответственности автора (т.н. «технологический профессионализм»). Также для пропаганды характерна бинарность (деление на «черное» и «белое») и линейность коммуникации. Тремя базовыми критериями для определения пропагандистского характера дискурса Ю. В. Казаков называет: 1) осознанную попытку манипуляции мнением; 2) позиционирование мнения как безоговорочно истинного ввиду непредставленности противоположного мнения; 3) тщательную маскировку намерения, содержащегося в сообщении с целью затруднения считывания его как пропаганды [3].

А. Н. Баранов и П. Б. Паршин указывают на три основных элемента пропаганды, которые делают ее наиболее эффективной и позволяют апеллировать к эмоциям реципиентов – это риторика, миф и символизм. Исследователи полагают, что коммуникативной целью пропаганды является намерение «внедрить в сознание адресата речи представление о некотором положении дел или его теоретическую рефлексию» [1]. Это намерение воплощается как в дискурсе, так и в отдельных текстах, формирующих данный вид дискурса. При этом такие тексты не подразумевают рефлексию по принципу истинности или соответствия общественной морали; они сочетают в себе как рациональную, так и эмоциональную аргументацию, которая может строиться на фундаменте ярких эффектных образов и обращении к общественной мифологии, а также, как правило, включают достаточно простые формулировки. С точки зрения содержания пропагандистский дискурс включает: 1) ряд обобщенных представлений, объявляемых реальными; 2) оценку определенных точек

зрения и ценностей; 3) представление желаемого положения вещей; 4) стереотипный набор инструментов и методов для перехода от реального к желаемому; 5) идеологемы (причинные; мирообразующие; императивные; прославления); 6) акторов (конкретно-референтных; собирательных; символические имена и знаковые события); 7) оценочные атрибуты акторов [1].

В 2017 году в *The New York Review of Books* вышла статья М. Гессен *The Autocrat's Language*; в рамках данного исследования выдвигаемая нами гипотеза заключается в том, что эта статья может быть классифицирована как пример антироссийской и антитрампистской пропаганды. Мы учитываем, что установление факта пропагандистского дискурса требует соответствия по критерию систематичности, и планируем в будущем рассмотреть другие публикации автора в этом контексте.

С точки зрения содержания заметка *The Autocrat's Language* содержит ряд ничем не подкрепленных представлений о современной России и Советском Союзе, которые автор выдает за реальное положение вещей, подменяя факты собственным ограниченным опытом или опытом людей, придерживающихся того же мнения. Так, М. Гессен, не ссылаясь на какие-либо источники, сообщает как факт, что в рамках «Программы реновации жилья в Москве» будут снесены вовсе не пятиэтажные хрущёвки, а постройки другой этажности начала XX века под видом хрущёвок в целях освоения освобожденных территорий («*These buildings are not five-story apartment blocks from the 1950s and 1960s, but they will be classified as such*» [6]) или, что достаточно традиционно для западной пропаганды, сравнивает Советский Союз с оруэлловским «ззеркальем» («*“Freedom,” on the other hand, was, as you know, slavery. That's Orwell's 1984. And it is also the USSR...*» [6]). М. Гессен также дает оценку политического курса, который был объявлен Президентом России В. В. Путиным в 2000 году и получил название «диктатура закона»; несмотря на то, что эта программа впоследствии достаточно конструктивно критиковалась как в России, так и за рубежом, автор оценивает её исключительно с терминологической точки зрения, определяя слова «диктатура» и «закон» как взаимоисключающие, а их сочетание как бессмысленное («*The phrase “dictatorship of the law” is so incoherent as to render both “dictatorship” and “law” meaningless*» [6]).

Представление желаемого положения вещей реализуется в идее эксклюзивности права писателей и ученых на проведение языковых экспериментов и установку правил языковой игры, что обосновывается их добрыми побуждениями («*When writers and academics question the limits of language, it is invariably an exercise that grows from a desire to bring more light into the public sphere, to arrive at a shared reality that is more nuanced than it was yesterday*» [6]). Набор методов, предлагаемых М. Гессен для достижения цели – достаточно распространенный призыв к личной ответственности, честности и максимальной прямолинейности («*To preserve that freedom, we have to become guardians of our language. We have to keep it alive and working. That means being very intentional about using words. That means, for example, calling lies, “lies”*» [6]), а также, видимо, к борьбе с отдельными эвфемизмами, которые лично автор считает неприемлемыми («*The problem is, the euphemism “misstatement” clearly connotes a lack of intent... The word “misstatement”, as applied to Trump, is, actually, a lie*» [6]).

В ходе исследования также был выявлен ряд идеологем: *мирообразующих* (выборы воспринимаются как свободное волеизъявление граждан, что не соответствует словарному описанию и является личной интерпретацией автора («*“elections,” also known as the “free expression of citizen will”*» [6]); вопросу языка и способности называть вещи своими именами придается гипертрофированное значение, так как эта способность, с точки зрения автора статьи, является не просто условием сохранения престижа для писателей и благонадежности для журналистов, но условием выживания

всей сферы общественных отношений («*This isn't merely a question of the prestige of the writing art or the credibility of the journalistic trade: it is about the basic survival of the public sphere*» [6]); продвигается идея бескомпромиссной борьбы за язык – категория относительности не должна существовать применительно к «слову» – цит. со ссылкой на Конфуция «*Hence there must be no arbitrariness in what is said. This matters above everything*» [6]); императивных (призыв называть ложь ложью («*we have to keep it alive and working. That means being very intentional about using words. That means, for example, calling lies, "lies"*» [6])).

На уровне акторов выявлены конкретно-референтные (Владимир Путин, Дмитрий Медведев, Дональд Трамп, Майк Пенс, Сергей Гандлевский, Дж. Оруэлл, я (I (Masha Gessen)), Ханна Арендт, Конфуций); собирательные (новые русские журналисты (the new Russian journalists), вся Москва (all of Moscow), сотни миллионов советских граждан (hundreds of millions of Soviet citizens), труппа мюзикла «Гамильтон» (the cast of the musical *Hamilton*), демократическая партия (Democrats), writers and academics, Национальное общественное радио США (National Public Radio), we (очевидно, Маша и сочувствующие ей читатели)).

Оценочные атрибуты акторов приводятся в черно-белой палитре. С одной стороны, следующие акторы получают негативную оценку: Владимир Путин нанес очередной сокрушительный удар по точности языка и соответствию его формы и содержания («*But then things in Russia got worse. A new government came in, and did new damage to the language. Vladimir Putin declared a "dictatorship of the law"*» [6]); в один ряд с Владимиром Путиным ставится Дональд Трамп («*Donald Trump has an instinct for doing both of these kinds of violence to language. But Trump also has a talent for using words in ways that make them mean nothing*» [6]); Национальное общественное радио США буквально обвиняется во лжи («*I am talking to you, National Public Radio, home to the word "misstatement", among others. The NPR argument is that the definition of "lie" involves intent—a lie is a statement made with the intention to deceive – and NPR does not have conclusive information on Trump's intent*» [6]). Среди акторов, получивших положительную оценку: новые русские журналисты, в т. ч. сама Маша Гессен, стремившиеся максимально приблизить форму языка к его содержанию («*the new Russian journalists opted for language that was descriptive in the most direct way: we tried to stick to verbs and nouns, and only to things that could be directly observed*» [6]) и авторитетные эксперты, чьи слова приводятся в поддержку аргументации автора: Ханна Арендт («*Only in the freedom of our speaking with one another does the world, as that about which we speak, emerge in its objectivity and visibility from all sides*» [6]); Конфуций («*If language is not correct, then what is said is not what is meant; if what is said is not what is meant, then what must be done remains undone...*» [6]); труппа мюзикла «Гамильтон», которая, как считает автор, с полным уважением к вице-президенту М. Пенсу, находившемуся в зале в качестве зрителя, превратили постановку в политическую акцию, обратившись к нему прямо со сцены («*Pence, if you recall, was booed and then passionately – and respectfully – addressed by the cast of the show*» [6]); «мы» (Маша Гессен и все, кто придерживаются аналогичной точки зрения) наделяются функцией мессий, именно на них возлагается миссия по сохранению смысла слов в пост-трамповском будущем («*But it's our job to make sure that we enter the post-Trump future with other words that still have meaning: "law," "freedom," "truth," "power," "responsibility," "life," "death"...*» [6]).

Ю. А. Ильичева выделяет ряд признаков речевого манипулирования в политическом тексте [1], и, как показывает анализ, многие из этих признаков свойственны тексту статьи Маши Гессен, а именно: 1) нереферентность или обобщение («*I had visitors from Moscow the other day, and the conversation, naturally, turned to what all of Moscow seems to be talking about these days*»; «*Hundreds of millions of Soviet*

citizens had an experience of the thing that could not be described» [6]); 2) наличие лексем-ограничителей, позволяющих полностью или частично снять с себя ответственность за выдвигаемый тезис, в т.ч. ссылок на авторитет («*A Russian poet named Sergei Gandlevsky once said ...*»; «*As Hannah Arendt wrote ...*»; «*Here is what Confucius had to say on the topic...*»; «*“Freedom,” on the other hand, was, as you know, slavery*» [6]); 3) прием создания комплексной эквивалентности («*Writing in Russian was a challenging exercise akin to navigating a mine field... Compared to this, writing in English was freedom*»; «*Witch hunts cannot actually be carried out by losers, big or small: the agent of a witch hunt must have power*»; «*Even the word “unintelligible,” inserted by the journalist, means nothing here, because how can something be unintelligible when uttered during a face-to-face interview?*»; «*This is what language is for: to enable you to name “secateurs,” buy them, and use them*»; «*The problem is, the euphemism “misstatement” clearly connotes a lack of intent – as though Trump simply took an accidental wrong step*» [6]); 4) прием интимизации повествования (повествование ведется от первого лица единственного числа (I) и иногда переключается на первое лицо множественного числа – «мы»: «*We know from experience that no one can adequately grasp the objective world in its full reality all on his own.*»; «*“Only in the freedom of our speaking with one another.” To preserve that freedom, we have to become guardians of our language.*»; «*I fear that there will come a time when we, individually or in groups, discard certain words*» [6]; 5) приём навешивания ярлыков («*Writing in Russian was ... akin to navigating a mine field ... writing in English was freedom.*»; «*“Freedom,” on the other hand, was, as you know, slavery. That’s Orwell’s 1984. And it is also the USSR ...*»; «*And then there is Trump’s ability to take words and throw them into a pile that means nothing*» [6]; 6) употребление многочисленных слов-аффективов («*I’m afraid, when... I fear that ...*»; «*it eviscerated the words*»; «*The language of politics had been pillaged, as had the language of values and even the language of feelings*»; «*This kind of language is good for describing things that are in front of your eyes and terrible for conveying the contents of your mind or heart. It was constraining*»; «*Trump’s word-piles fill public space with static. This is like having the air we breathe replaced with carbon monoxide. It is deadly. This space that he is polluting is the space of our shared reality*» [6]), в том числе слов-лозунгов, которые автор наделяет сакральным смыслом и связывает с возможностью сохранения истины и существования гражданского общества в мире после Трампа: «*“law,” “freedom,” “truth,” “power,” “responsibility,” “life,” “death,” “fifty-nine,” “president,” “presidential,” “unprecedented,” “lie,” “fact,” “war,” “peace,” “democracy,” “justice,” “love,” “secateurs”*» [6].

В заключение стоит отметить, что проведенный анализ доказывает, что рассматриваемая статья М. Гессен может быть классифицирована как образец пропаганды по трем основным критериям, предложенным Ю. В. Казаковым. Она представляет собой осознанную попытку манипуляции мнением (содержит множественные признаки пропаганды как на уровне содержания, так и в плане речевого манипулирования); позиционирует изложенное мнение как безоговорочно истинное ввиду не представленности противоположного мнения и тщательно маскирует намерение, содержащееся в сообщении (а именно бескомпромиссное очернение Российского государства, Советского Союза и Дональда Трампа), которое скрыто под маской высокоморальной гражданской позиции, отстаивание которой практически отождествляется с единственной возможностью сохранения гражданского общества.

Список использованных источников

1. Баранов, А. Н. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Том 12, № 2. – С. 53–65.

2. Ильичева, Ю. А. Речевое манипулирование в политическом тексте / Ю. А. Ильичева // Вестник СПбГУ. – 2013. – Вып. 4. – С. 172–184.
3. Казаков, Ю. В. Этически полноценная журналистика и ангажированная пропаганда: сравнительный анализ системных признаков / Ю. В. Казаков // Ойкумена прикладной этики. Вести прикладной этики. – 2016. – С. 181–197.
4. Лентапедия. Гессен, Мария : [сайт]. – URL: <https://lenta.ru/lib/14214629/> (дата обращения: 19.03.2025).
5. РБК. Суд заочно приговорил журналистку Машу Гессен к 8 годам по делу о фейках. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/07/2024/6694ec479a7947ad3d944996> (дата обращения: 19.03.2025).
6. Gessen, Masha. The Autocrat's Language [Electronic Resource] / Masha Gessen. – Access mode: <https://www.nybooks.com/online/2017/05/13/the-autocrats-language/>. (Access date: 20.03.2025).

УДК 81'373

ФРАЗЕОДИДАКТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

С. Е. Чернобай,

*старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье изучается роль фразеологии в формировании духовно-нравственных ценностей. Цель работы – выявить дидактический потенциал фразеологии английского языка, в частности пословиц, как основы для формирования духовно-нравственных ценностей обучающихся. Используемые методы включают общенаучные методы анализа и синтеза, методы компонентного и семантического анализов, описательный метод. Результаты показывают, что пословицы аккумулируют культурный опыт народа, в связи с чем они всегда имеют назидательный характер и диктуют определенные модели поведения. Выводы подчеркивают важность использования фразеологического материала в образовательном процессе на занятиях по иностранному языку, так как они способствуют формированию нравственных ценностей и соблюдению моральных норм поведения, одобряемых обществом, а также совершенствуют коммуникативную и лингвокультурную компетенцию обучающихся на английском языке.

Ключевые слова: английский язык, фразеология, фразеодидактика, пословица, духовно-нравственные ценности, воспитание.

Summary. The article investigates the role of phraseology in the formation of moral values. The aim of the study is to identify the didactic potential of English phraseology, namely of proverbs, as the basis for formation of students' moral values. The methods used include general scientific methods of analysis and synthesis, the methods of componential and semantic analyses, and the descriptive method. The results indicate that proverbs accumulate cultural experience of the nation; that is why they are always of homiletic character and dictate definite behaviour patterns. The conclusions emphasize the importance of using phraseological material in the educational process at the foreign language classes as they facilitate the formation of moral values and enforcement of morals, approved by the society, as well as they improve the students' English communicative and linguacultural competence.

Key words: the English language, phraseology, phraseodidactics, proverb, moral values, upbringing.

Ученые в области методики преподавания подчеркивают важность решения проблем относительно внедрения принципов гуманизации и гуманитаризации в образовании [4, с. 59]. Это обусловлено тем, что в настоящее время «все чаще наблюдается несоответствие и противоречие между уровнем образованности человека и состоянием его духовного и морального развития, вызывающее проблему дегуманизации межгрупповых и межличностных отношений, в частности в молодежных кругах. Необходимость следования гуманистическим идеалам в системе воспитания нового поколения вызвана ухудшением нравственной атмосферы, снижением авторитета нравственных идеалов и моральных норм в современном обществе» [4, с. 60]. Т. М. Воителева акцентирует внимание на том, что «источком общечеловеческой нравственности, национальной культуры является личность, которая рассматривается как ведущая социально-этическая категория, выражающая духовность» [5]. При этом ученой отмечает, что языковая личность формируется на протяжении всего обучения, и «прежде всего в процессе изучения родного языка как источника развития духовных способностей» [5]. Особенно благодатным материалом для развития духовно-нравственных ценностей является фразеология как родного языка, так и изучаемого иностранного. О чем и свидетельствует ряд работ отечественных авторов [1; 2; 3; 7; 8]. В связи с этим проводимое нами исследование является актуальным.

Цель работы – выявить дидактический потенциал фразеологии английского языка, в частности пословиц, как основы для формирования духовно-нравственных ценностей обучающихся. В ходе исследования применяются общенаучные методы анализа и синтеза, методы компонентного и семантического анализов, описательный метод.

Большинство ученых разделяет мнение, что фразеология национального языка представляет собой «его культуруносный «слой», объективирующий уникальную систему ценностных и духовно-нравственных доминант социума» [3, с. 289]. Для каждого общества центральными понятиями, формирующими его основу, являются семья, дом, родина, взаимоотношения в социуме.

Рассуждая о семье, следует помнить, что родители являются образцом для своих детей: «*As the mother, so is the daughter*»; «*Like father, like son*»; «*A crooked stick throws a crooked shadow*»; «*As the twig is bent, so the tree is inclined*» [6, с. 33]. Так как характер ребенка формируется в детстве, то важно заложить хорошие основы воспитания, чтобы вырастить достойного человека и гражданина. С одной стороны, поощряется строгость в воспитании и даже допускается возможность телесного наказания: «*Spare the rod and spoil the child*»; «*A man who has not been flogged is not educated*» [6, с. 36]. С другой стороны, родители должны быть гибкими, понимающими и уметь прощать ошибки своего ребёнка: «*A child needs love the most when he deserves it the least*»; «*A child's spirit is easily broken and difficult to heal*» [6, с. 36].

Любовь к дому и родине проявляется в том, что никакие блага чужих стран не могут склонить человека полюбить другую страну больше родного края: «*Dry bread at home is better than the honey of others*»; «*The tar of my country is better than the honey of others*» [6, с. 37]. Англичане известны своей любовью к путешествиям, тем не менее, для них нет ничего дороже дома и родины: «*East or West, home is best*» [6, с. 37]; «*There is no place like home*» [6, с. 39]. Только дома можно почувствовать себя по-настоящему защищенным: «*An Englishman's home is his castle*» [6, с. 38]. Любовь к Родине не зависит от идеальных условий, любовь и уважение к ней безусловны: «*My country, right or wrong*» [6, с. 39]. Также любовь к ней не определяется политическими убеждениями: «*True patriotism is of no party*» [6, с. 40]. Наряду с патриотизмом в английском обществе формируется уважение к чужой культуре и национальным традициям других народов, а

также к их образу жизни: «*Every country has its customs*» [6, с. 38]; «*So many countries, so many customs*» [6, с. 40]; «*When in Rome do as the Romans do*» [6, с. 38].

Одной из важнейших ценностей взаимоотношений человека является дружба. Многочисленные пословицы о дружбе подчеркивают, что она бесценна: «*A good friend is a great treasure*» [6, с. 102]; «*Friendship is love without wings*» [6, с. 101]. Друг может быть более близким, чем родственник, потому что мы выбираем друзей, прежде всего, по духу и общности интересов: «*A good friend is my nearest relative*» [6, с. 102]; «*A brother may not be a friend, but a friend will always be a brother*» [6, с. 99]. В дружбе важна верность: «*A faithful friend is better than gold*» [6, с. 100]; «*A faithful friend is the medicine of life*» [6, с. 100]; «*Don't trade old friends for new*» [6, с. 99]. Истинные друзья познаются в беде, они могут поддержать даже материально: «*A friend in need is a friend indeed*» [6, с. 100]; «*A friend in the market is better than money*» [6, с. 100]; «*Prosperity makes friends; adversity tries them*» [6, с. 104]. Настоящие друзья проявляют искренность в отношениях, стараются быть объективными: «*I cannot be your friend and your flatterer, too*» [6, с. 103]; «*There is no better mirror than an old friend*» [6, с. 104]. Акцентируется внимание на том, что лучше столкнуться открыто с врагом, чем иметь ненадежных и неискренних друзей: «*Better an open enemy than a false friend*» [6, с. 99]; «*A friend's envy is worse than an enemy's hatred*» [6, с. 101]. При этом нельзя использовать друзей, дружба подразумевает равные партнерские отношения: «*You cannot use your friends and have them too*» [6, с. 105].

Принимая во внимание социальные отношения, людям важно проявлять гостеприимство: «*Don't wear out your welcome*» [6, с. 78]; «*Welcome is the best dish on the table*» [6, с. 79]. Хозяину дома следует быть нелицеприятным, радушно принимать гостей: «*A merry host makes merry guests*» [6, с. 78]; «*Show no preference among your guests*» [6, с. 79]. Гостям, в свою очередь, нельзя злоупотреблять гостеприимством своих друзей и знакомых: «*An unbidden guest knows not where to sit*» [6, с. 79]; «*A constant guest is never welcome*» [6, с. 78]; «*Fish and visitors smell in three days*» [6, с. 78].

Несомненно, одним из фундаментальных качеств гуманного человека является доброта и ее проявление к окружающим, при этом доброта всегда находит отклик, а ее проявление всегда вознаграждается: «*Kindness always begets kindness*» [6, с. 89]; «*Kindness is the noblest weapon to conquer with*» [6, с. 89]; «*The good you do to others will always come back to you*» [6, с. 88]; «*An act of kindness is well repaid*» [6, с. 87].

Что касается работы с фразеологическим материалом на практических занятиях, то, прежде всего, обучающихся необходимо познакомить с языковой единицей, дав ее объяснение на английском языке, при необходимости можно представить эквивалент на родном языке. Далее следует отработка языкового материала, направленная на закрепление изучаемых фразеологизмов. Например, обучающимся могут быть предложены следующие задания: соединить части фразеологизма, чтобы получить исходный вариант; вставить во фразеологизм пропущенное слово; составить свои предложения с изучаемыми фразеологизмами; найти в предложенном тексте фразеологизмы и объяснить их значение в контексте; составить диалоги с использованием фразеологизмов; придумать (устно или письменно) рассказ с использованием изучаемых фразеологизмов. Задания включают в себя рецептивные, репродуктивные и продуктивные упражнения. Выполнив такие упражнения, обучающиеся легко активизируют использование фразеологизмов в своей речи в правильном контексте. Также выполнение упражнений на отработку изучаемого материала помогает достижению воспитательной цели, так как посредством изучения фразеологии обучающиеся смогут сформировать духовно-нравственные ценности.

Таким образом, исследование показывает, что в английской фразеологии закрепляются элементы культурного опыта, представляющие собой национально-культурные образцы поведения, взаимоотношений с родственниками, друзьями и

социумом. Подчеркивается, какие нормы поведения, личностные характеристики и качества приемлемы в обществе, а какие осуждаются. Изучение фразеологии на занятиях по английскому языку не только обогащает словарный запас обучающихся, совершенствуя их коммуникативную и лингвокультурную компетенции, но также является хорошей основой для формирования духовно-нравственных ценностей обучающихся, помогая им стать достойными членами гражданского общества с активной жизненной позицией и высокой нравственностью.

Список использованных источников

1. Баликоева, М. И. Этнолингвокультурный аспект репрезентации концепта VIRTUE / ХÆРЗУАГДЗИНАД (ДОБРОДЕТЕЛЬ) в английской и осетинской фразеологии / М. И. Баликоева, Н. Г. Губаева, И. Д. Бекоева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Том 14. – Вып. 5. – С. 1636–1640.
2. Бредихина, С. В. Использование библейских фразеологизмов в духовно-нравственном воспитании младших школьников / С. В. Бредихина // Наука и школа. – 2021. – № 6. – С. 263–271.
3. Буянова, Л. Ю. Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков / Л. Ю. Буянова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. – 2017. – Т. 15. – № 3. – С. 285–298.
4. Везетиу, Е. В. Сущность гуманизации учебно-воспитательного процесса в условиях реализации современной реформы образования / Е. В. Везетиу // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 80 (2). – С. 59–61.
5. Воителева, Т. М. Культуроведческий подход к обучению русскому языку как способ формирования ценностных ориентаций / Т. М. Воителева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturovedchesk-iy-podhod-k-obucheniyu-russkomu-yazyku-kak-sposob-formirovaniya-tsen-nostnyh-orientatsiy-shkolnikov> (дата обращения: 10.03.2025).
6. Дубенко, О. Ю. Англо-американські прислів'я та приказки. Посібник для студентів та викладачів вищих навчальних закладів / О. Ю. Дубенко. – Вінниця : НОВА КНИГА, 2004. – 416 с.
7. Курбанова, Э. О. Концепты «совесть», «стыд», «честь» в русской фразеологической и пословичной картинах мира / Э. О. Курбанова // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 1 (92). – С. 423–425.
8. Федуленкова, Т. Н. Формирование профессиональных компетенций специалиста посредством фразеологии библейской этимологии / Т. Н. Федуленкова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-professionalnyh-kompetentsiy-spetsialista-posredstvom-frazeologii-bibley-skoy-etimologii> (дата обращения 24.03.2025).

СТАНДАРТНОЕ БРИТАНСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ (RECEIVED PRONUNCIATION): СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. В. Шевченко¹, Н. А. Вовк²,

*¹старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается стандартное британское произношение (далее – СБП) в социолингвистическом аспекте. Авторы пришли к выводу, что Received Pronunciation (далее – RP) можно рассматривать с позиций лингвистического, лингводидактического и социолингвистического подходов. С точки зрения последнего СБП с конца 18 века получило четкое социальное сообщество его носителей. В настоящее время этот тип произношения в Соединенном Королевстве (далее – СК) используют не более двух-трех процентов населения, в основном – представители среднего и высшего классов.

С конца прошлого века этот тип артикуляции постепенно утрачивает свой престиж в британском обществе. Ряд социальных и профессиональных групп, с которыми обычно RP ассоциировалось, используют его в меньшей степени. В ходе работы применялись аналитический и сопоставительный методы исследования.

Ключевые слова: стандартное британское произношение, социолингвистика, социолингвистический аспект, Соединенное Королевство, британский вариант английского языка, акцент, произношение, высшие слои общества, средний класс, низшие слои общества, радиовещание, телевидение.

Summary. In the article there is analyzed Received Pronunciation (further – RP) in the sociolinguistic aspect. The authors came to the conclusion that RP can be considered from positions of the linguistic, linguodidactic and sociolinguistic approaches. From the point of view of the latter Received Pronunciation from the end of the 18th century obtained an exact community of its speakers. At present this type of pronunciation in the United Kingdom is used not more than by two or three percent of population, who mainly belong to middle and upper classes of society.

Since the end of the last century the type of articulation has gradually been losing its prestige among the British. A row of social and professional groups usually associated with RP are using it to a lesser extent. During the research there were used the analytical and comparative methods of the research.

Key words: Received Pronunciation, sociolinguistics, sociolinguistic aspect, the United Kingdom, British English, accent, pronunciation, upper classes, middle class, lower orders, broadcasting, telecasting.

Существуют различные точки зрения в отношении стандартного британского произношения. В *Collins Dictionary* термин *Received Pronunciation* идет с пометой *British* и объясняется как способ произнесения звуков в британском варианте английского языка (далее – БВАЯ), который часто используется в качестве стандарта в ходе преподавания английского как иностранного. Также используется аббревиатура *RP*. Аудиоверсии произношения слов и словосочетаний в онлайн версии словаря сделаны с помощью систем вокализма и консонантизма, присущего акценту *Received Pronunciation* [9]. В этой дефиниции не упоминается социолингвистический аспект.

Cambridge English Dictionary представляет это словосочетание уже как стандартный способ произношения слов в рамках южного БВАЯ представителями среднего класса [7]. Упоминание представителей социального слоя позволяет говорить о социолингвистике.

Oxford English Dictionary в словарной статье трактует СБП, объединяя лингвистический и социолингвистический элементы в трактовке. *Received Pronunciation* является наиболее распространенной или стандартной формой произношения; особенно имеется в виду стандарт разговорного британского английского (далее – БА), который наиболее нейтрален с региональной точки зрения. Далее вводится и социальный параметр: традиционно основой *RP* является речь образованных людей на юге Англии. Есть и уточнение, что СБП является формой произношения определенного регионального варианта английского языка (далее – АЯ), который наиболее похож на *Received Pronunciation*.

Составители онлайн словаря также сообщают, что в конце 20 века этот тип артикуляции постепенно теряет свой социальный престиж. Он более не используется большим количеством социальных и профессиональных групп, с которыми обычно ассоциировался [10].

Разное видение статуса СБП в англоязычных словарях обуславливает необходимость рассмотрения этого акцента БА в диахроническом аспекте.

С точки зрения эволюции языка СБП вошло в систему британских акцентов относительно недавно. Эта манера произношения, которая часто рассматривается как престижная по причине того, что ассоциируется с королевской семьей, британскими правящими кругами и Би-Би-Си [6], не фиксировалась в течение первой тысячи лет функционирования АЯ на территории Великобритании. Тогда отсутствовало и само понятие «стандартное произношение». Люди разговаривали с разными акцентами, которые выражали их региональное происхождение вне зависимости от образования или социального класса.

Во времена У. Шекспира владение региональной разновидностью произношения не препятствовало получению власти в королевстве. Известные мореплаватели Френсис Дрейк и Уолтер Роли разговаривали с сильным девонширским акцентом (юго-западным) акцентом. Действительно, можно было стать королем, имея региональное произношение, как это произошло в 1603 году, когда король Шотландии Яков VI стал королем Англии Яковом I, и шотландский акцент проник в коридоры власти [3].

СБП отсутствовало в Англии в 16-м веке. Люди, которые проживали на юго-востоке, вокруг столицы, считали свою манеру произношения образцовой. К концу 18-го века акцент, который был у представителей высших слоев общества, проживавших в упомянутом регионе, стал акцентом, который имитировали, если хотели выглядеть культурными людьми. По мере возрастания социальной мобильности у набиравшего силу среднего класса появился запрос манеру говорения, за которую их бы не критиковали представители высшего класса. Уроки по овладению «правильным» произношением, также известные как уроки красноречия, стали более распространенными. И движение за красноречие для соответствия этим запросам стало набирать обороты. В обиход вошел термин «полученное», означая вид произношения, которое было социально приемлемым, поскольку было передано «высшими слоями общества» [5, с. 154–155].

Высшее сословие осознанно или неосознанно развивало стандартное британское произношение таким образом, чтобы отличаться от «низших слоев». Если люди из бедных кварталов Восточного Лондона, известные как кокни, не произносили звук [h] в начале таких слов как *happy*, то все, кто хотел, чтобы его или ее считали культурным человеком, не поступали таким образом. Если на юго-западе Англии произносили [ɹ] после гласного, в словах как *cart*, то интеллигентные носители так не делали. Люди на

севере страны артикулировали *bath* с коротким звуком [æ], в то время как светское общество тянуло этот гласный: [ba:θ] [1]. По мере развития этот новый акцент АЯ стал стандартным по всему миру. Это был предпочитаемый вариант произношения закрытых частных привилегированных средних учебных заведений [2]. Выпускники таких школ, которые впоследствии становились миссионерами, дипломатами, государственными служащими и военными офицерами, распространили этот акцент по всему миру в ходе образования Британской империи.

СБП продолжает присутствовать в современной жизни, особенно в общественном телевизионном вещании, но его фонетический состав изменился. Произношение никогда не остается одним и тем же. Слушая радиопрограммы 1920-х и 30-х годов нельзя не поразиться «старому» звучанию стандартного британского произношения тех времен. Тогда, например, слово *lord* артикулировалось больше как [la:d]. Однако, даже акценты 1960-х и 70-х старомодны сейчас. И изменения продолжают. Например, молодые носители СБП начали растягивать губы во время произнесения долгого [u:] в таких словах, как *cool* [3].

Отношение к RP также изменилось. Большую часть 20-го века данная разновидность произношения была неоспоримым престижным британским акцентом, который ценили за ассоциации с периодами мировых войн, королевской семьей и актерами-классиками, такими как Лоуренс Оливье. Но в последние десятилетия произошло фундаментальное изменение. Сформировалось общество, в котором последовательные волны иммиграции, больше возможностей для получения работы для региональных носителей АЯ и резкое увеличение количества местных коммерческих радиостанций стало причиной появления беспрецедентного количества акцентов и опыта речевосприятия [4].

Радиовещание стало критическим фактором, так как это был главный способ, с помощью которого люди слышали новые варианты произношения. Региональное радио завоевывало аудиторию, удовлетворяя интересы местного населения. И новым слушателям нравилось, когда радиоведущие говорили на том же языке, что и они. Вскоре акценты, не похожие на RP, начали использоваться в качестве официальных в рамках национального радио- и телевидения и стали нормативными для коммерческих телевизионных объявлений.

В настоящее время можно наблюдать большую степень готовности оценить языковое разнообразие, чем, скажем, поколение назад. Британские акценты, которые считаются разновидностями произношения образованных и культурных людей, все еще существуют, но для них характерен больший уровень гибкости и вариативности, чем был раньше. Часто они включают особенности региональных акцентов [8], формируя так называемые модифицированное стандартное британское произношение или общий британский английский. По приблизительным подсчетам традиционное СБП, на котором всегда разговаривало не более 5% населения Англии, сейчас используют не более 2% носителей [3] или 3% жителей СК [10].

В ходе исследования были сделаны такие выводы:

1. СБП стало частью системы британских акцентов относительно недавно. До этого люди разговаривали с региональными фонетическими особенностями. При этом образование или социальный класс не были решающей характеристикой. Но к концу 18-го века ситуация стала меняться. Акцент представителей высших слоев общества юга Англии стал образцовым и его начали имитировать, чтобы казаться образованными. У этого типа произношения появилась четкая социальная характеристика.
2. Развивающийся средний класс стремился говорить таким образом, чтобы избежать критики высших слоев общества. Люди брали уроки красноречия. В обиход вошел

термин «полученное», означая вид произношения, которое было передано социальной элитой. К последней добавились уже и средние общественные слои.

3. Высшее сословие развивало RP. Этот новый южный акцент АЯ стал предпочитаемым вариантом произношения по всему Соединенному Королевству. Его использовали для преподавания и общения в закрытых частных привилегированных школах страны, выпускники которых впоследствии, будучи государственными служащими, распространили его по всему миру во время усиления Британской империи.

4. СБП продолжает присутствовать в современной жизни, особенно в телевидении (например, Би-Би-Си), но его фонетико-фонологические характеристики претерпели изменения. Отношение к RP также трансформировалось. По всему миру резко увеличилось число местных радиостанций. Люди начали слышали новые варианты произношения. Региональное радио завоевывало аудиторию, говоря с тем же акцентом, что и местное население.

5. RP используется образованными и культурными представителями социума, которые учитывают особенности региональных акцентов. Формируется модифицированное стандартное британское произношение или общий британский английский. В целом, традиционное СБП сейчас используют не более 2-3% носителей. Ранее цифра охватывала около 5% населения Великобритании.

6. Итак, можно сказать, что стандартное британское произношение рассматривают с нескольких точек зрения. Это способ артикуляции звуков в БВАЯ (лингвистический подход), который также часто используется в качестве стандарта в ходе преподавания АЯ как иностранного (лингводидактический подход). С позиций социолингвистического аспекта RP считается типом произношения, который с конца 18 века получил четкое социальное измерение. На текущем этапе носителями СБП в СК считаются представители среднего и высшего классов (королевская семья, руководство страны).

7. Отмечается, что в конце прошлого века этот тип артикуляции начал постепенно утрачивать свой престиж в обществе. Большое количество социальных и профессиональных групп, с которыми обычно RP ассоциировалось, перестают его использовать.

Список использованных источников

1. Accents – Received Pronunciation & Brummie [Electronic Resource]. – Access mode: <https://senecalearning.com/en-GB/revision-notes/a-level/english-language/aqa/3-4-4-accents-received-pronunciation-and-brummie>. (Access date: 20.04.2025).
2. Blog. Received Pronunciation (RP) and Standard English [Electronic Resource]. – Access mode: <https://englishteacher.lt/learn/blog/178-received-pronunciation-rp-and-standard-english>. (Access date: 20.04.2025).
3. Crystal, D. Received Pronunciation old and new [Electronic Resource] / David Crystal. – Access mode: <https://www.cambridge.org/elt/blog/2022/05/25/received-pronunciation-old-new/>. (Access date: 20.04.2025).
4. Jenkins, J. Global English and the teaching of pronunciation [Electronic Resource] / Jennifer Jenkins. – Access mode: <https://www.teachingenglish.org.uk/professional-development/teachers/knowning-subject/articles/global-english-and-teaching>. (Access date: 20.04.2025).
5. Mugglestone, L. Chapter 8: Received Pronunciation / Lynda Mugglestone // The History of English. Varieties of English. – Vol. 5. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2017. – P. 151–168.
6. Nordquist, R. Received Pronunciation [Electronic Resource] / Richard Nordquist. – ThoughtCo. – 2024. – Jun. 25. – Access mode: <https://www.thoughtco.com/received-pronunciation-rp-1692026>. (Access date: 20.04.2025).

7. Received Pronunciation [Electronic Resource]. – Access mode: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/received-pronunciation?q=Received+Pronunciation>. (Access date: 20.04.2025).
8. Received Pronunciation [Electronic Resource]. – Access mode: <https://icaltefl.com/received-pronunciation/>. (Access date: 20.04.2025).
9. Received Pronunciation [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/received-pronunciation>. (Access date: 20.04.2025).
10. Received Pronunciation [Electronic Resource]. – Access mode: https://www.oed.com/dictionary/received-pronunciation_n?tl=true. (Access date: 20.04.2025).

МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 821.111

ТЕМА ЗЛА В ТВОРЧЕСТВЕ СТИВЕНА КИНГА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ПРОТИВОСТОЯНИЕ», «ПОД КУПОЛОМ», «БЕЗНАДЁГА»)

Э. Л. Влиалева,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Бондаренко Л. В.,

*к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данного исследования является определение художественных приёмов и лингвостилистических средств выражения двойственной природы зла как отражения социо-культурных проблем американского общества в романах С. Кинга «Противостояние», «Под Куполом», «Безнадёга». В работе рассматривается предложенная автором классификация зла, в которой писатель выделяет его внешние и внутренние проявления, полагая, что *внешнее зло* не существует без *внутреннего*. *Внешнее зло* в романах «Под Куполом», «Противостояние» и «Безнадёга» находит художественное выражение в образах купола, вируса, в образе мистического странника Рэндалла Флэгга и духа «Тэка», в то время как *внутреннее зло* предстаёт в облике человека – Джима Ренни. В результате лингвостилистического анализа текста выявлено, что зло описывается с использованием таких стилистических средств как аллюзия, эпитет, оксюморон, сравнения, метафора. Встречаются эвфемизмы. Применение элементов дискурсивного анализа позволило проанализировать прагматический аспект зла как социальную проблему Америки.

Ключевые слова: Стивен Кинг, внутреннее зло, внешнее зло, Рэндалл Флэгг, Тэк, Джим Ренни, «Противостояние», «Безнадёга», «Под Куполом».

Summary. The aim of this study is to identify the artistic and linguo-stylistic devices of expressing the dual nature of evil as a reflection of socio-cultural issues of American society in Stephen King's novels *The Stand*, *Under the Dome*, and *Desperation*. The study examines the writer's classification of evil, in which he distinguishes between its external and

internal manifestations, arguing that *outer evil* cannot exist without *inner evil*. In the novels *Under the Dome*, *The Stand*, and *Desperation*, *external evil* is represented through the imagery of the dome, the virus, the image of a mystical traveller Randall Flagg, and the spirit “Tak”, while *internal evil* is embodied in the character of Jim Rennie. As a result of a linguo-stylistic analysis of the text, it was revealed that evil is vividly depicted due to the employment of such stylistic devices as allusion, epithet, oxymoron, simile, metaphor. Euphemisms also occur. The application of elements of discourse analysis allowed for examination of the pragmatic aspect of evil as a social problem in America.

Key words: Stephen King, inner evil, outer evil, Randall Flagg, Tak, Jim Rennie, *The Stand*, *Desperation*, *Under the Dome*.

Введение. Тема зла – одна из ведущих в творчестве С. Кинга, широко известного современного американского писателя, автора многочисленных культовых романов. В своих произведениях писатель пытается проникнуть в человеческое подсознание и исследовать тёмные стороны человеческой души. В литературной вселенной С. Кинга зло всегда представляется сложным, многогранным явлением, исходящим извне в виде сверхъестественных сил и изнутри самого человека. Изучение художественных экспликаций темы зла в романах писателя поможет лучше понять социально-психологические проблемы современного американского общества, что определяет **актуальность** работы.

Цель данного исследования – выявить художественные способы и лингвостилистические средства выражения многогранной природы зла в романах С. Кинга «Противостояние», «Под Куполом» и «Безнадёга». Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**: рассмотреть классификацию зла С. Кинга; провести анализ художественных экспликаций темы и выявить лингвостилистические средства создания образов зла в романах «Противостояние», «Под Куполом» и «Безнадёга»; провести лингвостилистический анализ текстов.

Методы исследования. В работе проводится литературоведческий анализ произведений С. Кинга с использованием методов лингвостилистического и дискурсивного анализа.

Результаты исследования. Ещё в начале своей литературной карьеры С. Кинг публикует работу «Пляска смерти» (*Danse Macabre*, 1981) о развитии жанра ужасов в литературе, кино, радио и телевидении, в которой предлагает собственную классификацию зла. Писатель разделяет *внутреннее зло*, являющееся результатом осознанного акта выражения свободной воли (“*a conscious decision to do evil*”, “*inside evil*” [2]), и *внешнее зло* (“*outside evil*” [2]), которое поражает героев извне, вынуждая их бороться либо полностью ему подчиниться. В романах С. Кинга бинарная природа зла находит многогранное художественное выражение на уровне сюжета, хронотопа и художественных образов, при этом *внешнее зло*, с которым приходится бороться положительным персонажам, не существует без *внутреннего зла*, присущего естеству каждого человека.

Эту мысль поддерживает Джонатан П. Дейвис в своей работе “*Stephen King’s America*” (1994), утверждая, что все сверхъестественные монстры и злодеи вселенной С. Кинга появляются в результате проявления человеческого, *внутреннего зла*: “*Yet another aspect of King’s fiction pertinent to morality and the human condition is that his monsters and villains stem directly from human evil*” [1, с. 38]. Тони Меджистрейл, автор большого количества работ о творчестве С. Кинга, приходит к аналогичному выводу: “*...the evil assembled in these places would not be capable of exerting such an active presence over human affairs without first gaining its strength and influence from earlier moments of human misconduct*” [6, с. 25].

На основании данных суждений рассмотрим некоторые художественные экспликации зла в произведениях С. Кинга. Так, в известном постапокалиптическом романе «Противостояние» (*The Stand*, 1978) повествуется о метаморфозах, произошедших с американским обществом после эпидемии убийственного гриппа. Воплощением *внешнего зла* в романе выступает Рэндалл Флэгг (*Randall Flagg*) – демоническое существо, мистический странник, путешествующий из прошлого в будущее. На первый взгляд, он является тем самым исчадием *внешнего зла*, о котором пишет автор в «Пляске смерти», однако, при более глубоком анализе произведения, становится очевидным тот факт, что само существование Р. Флэгга обусловлено *внутренним злом* всего человечества. Рэндалл, как воплощение *внешнего зла*, становится лишь отражением внутренних пороков человека, которые он использует в своих целях. Таким образом, само существование Рэндалла Флэгга обусловлено глубоким моральным упадком общества, усугубившемся в условиях катастрофы.

В романе «Под Куполом» *внешнее зло* становится причиной проявления *внутреннего зла* персонажей. Одним из наиболее ярких художественных образов выражения *внешнего зла* в романе выступает купол, отделивший вымышленный американский городок Честерс-Милл и его окрестности от всего мира, и, подобно супер-вирусу из «Противостояния», ставший причиной смерти практически всего скрытого под ним населения. Мистическая природа купола проявляется в его роли катализатора общего *внутреннего зла* немногих выживших жителей городка. Купол создаёт новую среду, в которой старые законы и моральные нормы перестают действовать. Страх и паника порождают агрессию, создавая идеальную почву для усиленного проявления *внутреннего зла* закрытых под куполом жителей.

В «Под Куполом», образом проявления *внутреннего зла* является религиозный чиновник Джим Ренни (*Jim Rennie*). Стремление Джима к абсолютной власти становится центральной сюжетной линией романа. Чиновник и всё поддерживающее его окружение – молодые экстренно назначенные полицейские, первый член городского управления Энди Сандерс (*Andy Sanders*) и другие, подчиняющиеся Джиму жители Честерс-Милла – демонстрируют поведение, обусловленное их *внутренним злом*, которое проявляется в их жестокости, коррупционных действиях и жажде к неограниченной власти. Деструктивные амбиции и утрата этических ориентиров приводят к эскалации насилия в обществе и смерти большинства населения городка.

В романе «Безнадёга» воплощением *внешнего зла* является бесформенный дух Тэк (*Tak*). Блуждающий древний дух обладает мистической способностью контролировать многих диких животных: змей, пауков, ядовитых скорпионов, орлов, койотов и других. Подобно вирусу из «Противостояния», он быстро переходит от одного человека к другому – вселяется в тело жертвы через дыхательные пути и питается её жизненной энергией. Демоническое существо искушает людей, заставляет их столкнуться с собственными страхами и тревогами. Однако, *внешнее зло* в образе Тэка оказывается побеждённым. Писатель показывает, что непоколебимая вера в Бога и добро, сила человеческого духа и моральная стойкость способны противостоять даже самому могущественному *внешнему злу*.

Для более глубокого осмысления природы *внешнего* и *внутреннего зла* в представленных произведениях автор использует ряд лингвостилистических приёмов. При создании образа демонического странника Р. Флэгга в «Противостоянии» С. Кинг использует аллюзии на творчество Рафаэля Санти и Франсиско Гойи, работы которых раскрывают светлые и тёмные стороны человека: “*not the face of the Raphael angel but of Goya devil*” [4, с. 325]. Санти, великий мастер эпохи Возрождения, в своём творчестве воплощает идеалы гармонии, красоты и духовной чистоты. Гойя, один из первых художников эпохи романтизма, в своих работах часто обращается к мрачным сторонам человеческой души. Периоды жизни и творчества двух знаменитых художников

приходятся на 16 и 18 века, что обращает внимание на мистический образ Рэндалла-странника. Светлый ангел Рафаэля и демон Гойи служат для раскрытия глубинной сути Флэгга: он – воплощение тьмы, противостоящей свету, и его зло существует вне времени, переходя из одной эпохи в другую. Частое повторение эпитетов “dark man”, “dark hilarity”, “dark face”, “horrible darkness”, “horrible laughter” указывает на то, что «чёрный человек» является воплощением зла и хаоса; оксюмороны “hatefully happy man”, “horrible handsome warmth”, “cozy, little malignant tumour” (в сочетании с метафорой) передают жуткую двойственность персонажа, его способность не только устрашать, но и переманивать на свою сторону сбившихся с правильного пути людей. Сравнения и гиперболы передают ужас, который испытывают встретившиеся с Рэндаллом люди: “...that ... grin. <...> but when it turned your way you felt as if your blood had turned into tomato soup” [4, с. 1158]; “a face to make waterglasses shatter <...>, to make small children crash their trikes” [4, с. 215]. Внешнее зло в романе метафорически представляется в виде раковой опухоли, ставшей причиной «разложения» Америки: “a single white cell taken from the **dying corpse of the old body politic**, a lone representative of the **carcinoma that had been eating the old society alive**” [4, с. 846]). Библейская аллюзия на первородный грех подтверждает идею многогранности зла и упадка морали в американском обществе: “...did you eat the apple or leave it alone? **Over there, in the West, they were eating them a mess** <...>. **The assassins of Eden were there, the dark fusilisers**” [4, с. 846]. Таким образом, зло в романе «Противостояние» – это не только внешняя угроза, выраженная в образе Рэндалла Флэгга, но и внутренняя слабость человечества, его склонность к саморазрушению, что наблюдается и в романе «Под Куполом» в образе политика «Большого Джима» – Джеймса Ренни, предположительно умершего от сердечного приступа. Чтобы выделить *внутреннее зло* персонажа, писатель употребляет метафору, уподобляя личность Джима Ренни ящерицу (“the man was a raptor”), идущему на все ради абсолютной власти, а его безжалостную улыбку – акульему оскалу (“...his fierce smile – the smile of a shark”). Эпитеты “carnivorously sociable smile”, “fierce smile” и “eerie face” указывают на хищную, звероподобную внешность чиновника и на жестокость Ренни, исходящую из его души и являющуюся проявлением *внутреннего зла*.

Демонстративная богобоязненность и многочисленные аллюзии на Библию, которыми изобилует речь Ренни, служат лишь маской для его поистине зверского характера: “I gave my heart to Jesus years ago, and if it was End Times, I wouldn’t be here” [5]; “‘The workman is worthy of his hire’, ... ‘Matthew ten-ten’. He neglected to cite the previous verse: Provide neither gold, nor silver, nor brass in your purses” [5]. В речи Джима присутствует лексика разных стилевых регистров. Сочетание возвышенной лексики с разговорной, изобилующей эвфемизмами (“bull-pucky”, “cotton-picking”, “son-of-a-buck”, “gosh-darn”) служит важной стилистической цели и создаёт комический эффект. На фоне попыток Ренни казаться благочестивым человеком, эвфемизмы в его речи звучат неестественно, нарочито и комично. Ренни говорит о моральных ценностях, но значения его слов обнажают истинные намерения говорящего и его настоящий характер, противоречащий высоким идеалам. Использование сленга “pal” при обращении к подчинённым подчёркивает его фальшивую «простоту», также являющуюся частью его манипуляций.

В романе «Безнадёга» лингвостилистические средства используются для описания разрушительной силы *внешнего зла* в образе бесформенного духа «Тэк». Эпитеты “monstrous rage”, “enormous pain”, “enormous force” описывают могущество древнего зла и ужасные изменения, которые претерпевает тело, разрушающееся под его влиянием. Библейская аллюзия на ветхозаветного Ангела Смерти символизирует беспощадность «Тэка», а также смерть и разрушение, причиной распространения которых он является: “...except this man was the Angel of Death. The destroyer” [3, с. 158]

Используя архаичные формы в своей речи (“*thee*”, “*thou goest*”, “*shalt*”), отсылки в Ветхому Завету одновременно с вульгаризмами, «Тэк» высмеивает христианскую религию, Дэвида Карвера (*David Carver*) и его сверхъестественную пророческую способность – слышать Бога. *Внешнее зло* разрушает любые попытки найти божественную истину, и, следовательно, противостоит свету и религиозной морали.

Выводы. В творчестве С. Кинга зло представлено как мистическое явление, имеющее двойственную сущность, причём *внешнее зло* неразрывно связано с *внутренним*, питающим и усиливающим его. В романах «Под Куполом», «Противостояние» и «Безнадёга» *внешнее зло* принимает форму ярких художественных образов купола, демонического странника и древнего духа. Проявлением *внутреннего зла* в «Под Куполом» является злой политик Джим Ренни. Лингвостилистический анализ текстов позволил выявить, что С. Кинг использовал разнообразные стилистические приёмы для создания образов зла. Аллюзии, эпитеты, оксюмороны, сравнения, метафоры и эвфемизмы придают образам более выраженный и насыщенный характер. Дискурсивный анализ текстов позволяет утверждать, что истинный источник зла кроется в человеческой душе, а его проявление – это отражение моральных и социальных проблем общества. Зло во вселенной С. Кинга циклично и является неотъемлемой частью человеческого существования.

Список использованных источников

1. Davis, J. P. *Stephen King's America* / J. P. Davis. – Bowling Green : Bowling Green State University Popular Press, 1994. – 179 p.
2. King, S. *Danse Macabre* / S. King. – New York : Simon & Schuster, Inc., 1981. – 363 p.
3. King, S. *Desperation* / S. King. – London : Hodder & Stoughton Ltd., 1996. – 1092 p.
4. King, S. *The Stand* / S. King. – New York : Anchor Books, 2011. – 1439 p.
5. King, S. *Under The Dome* / S. King. – London : Hodder & Stoughton Ltd., 2009. – 1092 p.
6. Magistrle, A. *The Moral Voyages of Stephen King* / A. Magistrle. – New York : Wildside Press LLC., 2006. – 154 p.

УДК-821.111

АВТОРСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО В ЖАНРЕ ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. Ф. ЛАВКРАФТА)

Е. Е. Габрих,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Полховская Е. В.,

*заведующая кафедрой английской филологии, к. ф. н., доцент, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья исследует концепцию мифотворчества как искусства создания и распространения мифов и легенд, подчеркивая его значение в культуре. Акцентируется внимание на авторском мифотворчестве, где создание новых мифов и модификация существующих позволяет авторам создавать уникальные миры. В качестве примера рассматривается творчество Говарда Филлипса Лавкрафта, чье влияние на жанр ужасов неоспоримо. Лавкрафт, будучи в детстве погруженным в чтение мифологических и сказочных произведений, создал «Некрономикон» и «Мифы Ктулху», которые приобрели известность посмертно благодаря его другу Августу

Дерлету. В статье также анализируются взаимосвязи между мифами, временем и пространством в произведениях Лавкрафта, что усиливает атмосферу ужаса, пронизывающую его творчество.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, авторское мифотворчество, готический роман, Лавкрафт.

Summary. The article explores the concept of myth-making as the art of creating and disseminating myths and legends, highlighting its significance in culture. It focuses on authorial myth-making, where the creation of new myths and the modification of existing ones allow authors to build unique worlds. The work of Howard Phillips Lovecraft is examined as an example, whose influence on the horror genre is undeniable. Lovecraft, immersed in reading mythological and fairy-tale works during his childhood, created the *Necronomicon* and the *Cthulhu Mythos*, which gained fame posthumously thanks to his friend August Derleth. The article also analyzes the interconnections between myths, time, and space in Lovecraft's works, which enhances the atmosphere of terror that permeates his creative output.

Key words: myth, myth-making, author's myth-making, gothic novel, Lovecraft.

Цель: исследовать особенности мифотворчества Лавкрафта, а также изучить основные характеристики авторского мифотворчества и его значимость в литературном наследии жанра готического романа.

Задачи: выявить источники влияния на создание данных мифов, проанализировать ключевые элементы, составляющие мифологическую систему Лавкрафта, в особенности классификацию божеств.

Актуальность статьи заключается в значимости авторского мифотворчества Лавкрафта и его влиянии на современных авторов, работающих в жанре ужаса и готического романа. Лавкрафтовские мотивы также активно используются в кино, видеоиграх и других продуктах медиа. Анализ его мифотворчества позволяет понять, как старые мифы трансформируются и адаптируются в современном мире.

Новизна работы заключается в малоизученности материала. Также статья анализирует мифотворчество Лавкрафта, учитывая его биографию и исторический контекст, что позволяет посмотреть на процесс создания авторских мифов под другим углом.

В данной статье были применены такие **методы** исследования и **подходы** как: культурно-исторический подход, феноменологический метод, контекстуальный анализ, типологический подход, методы текстового анализа.

Мифотворчество – это искусство создания или распространения мифов, легенд и мифологических рассказов. В словаре миф определяется как форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности. Мифологическое сознание отличается синкретизмом, восприятием картин, рожденных творческим воображением человека, в качестве «неопровержимых фактов бытия» [4]. Первоначально понятие «миф» было близко с понятием «логос», но со временем они начали отличаться. Понятие логоса теперь связано с рациональным и логическим мышлением, в то время как миф представляет собой нечто интуитивное и мистическое. В мифологии могут сосуществовать различные версии мифов, которые могут быть интерпретированы по-разному в зависимости от времени, места и культурного контекста. Роберт М. Прайс рассуждает, что в классической мифологии мифы представляют собой именно рассказы, у которых имеется конкретный автор, что это не просто какие-то вымышленные легенды. Опираясь на его слова, мифы могут быть исследованы как литературные произведения, отражающие культурный и социальный контекст своего времени [7].

Авторское мифотворчество – это процесс создания новых мифов или модификация существующих мифологических сюжетов. Это понятие может включать в себя разработку собственных мифических историй, богов, героев и преданий. В различных литературных жанрах, включая готический роман, авторы часто используют эту технику для создания уникальных и ужасающих миров и вселенных для своих произведений. Одним из наиболее ярких примеров авторского мифотворчества является творчество американского писателя Говарда Филлипса Лавкрафта, имя которого ассоциируется со знаменитыми «Мифами Ктулху».

Лавкрафт рос нелюдимым мальчиком с низкой самооценкой. Мальчик был болезненным и поэтому часто пропускал школьные занятия. Он не знал света дня, не выходя за пределы домашней библиотеки, глубоко погруженный в чтение. Ещё с самого детства будущий писатель увлекался и вдохновлялся мифологиями различных народов. По словам Л. Спрэга де Кампа, «на него, прирожденного книжного червя, больше влияло печатное слово, нежели его ровня. В сущности, лет до тридцати его представления о мире были в основном сформированы книгами» [6].

Поначалу мама читала ему волшебные сказки, а бабушка пересказывала готические европейские легенды, но в скором времени он сам освоил навык чтения в совершенстве. Одной из его первых книг была «Сказки» братьев Гримм, а в пять лет он уже ознакомился со «Сказками 1001 ночи». Книга настолько впечатлила маленького Лавкрафта, что он придумал себе псевдоним – арабское имя Абдул Альхазред. Позже оно будет известно в качестве автора «Некрономикона».

«Некрономикон» – это вымышленная книга, которая впервые была упомянута в романе «Начало и конец» Говарда Филлипса Лавкрафта. В его произведениях «Некрономикон» описывается как древний текст, содержащий знания о темных, запретных и опасных духовных практиках [1]. Согласно мифологии Лавкрафта, он рассказывает о древних богах, космических существах и силе, способной повлиять на человека и обратить его в состояние безумия. Эта книга является воплощением фантазии писателя, поэтому она не представляет собой большой привлекательности в реальности. В медиа же (играх, литературе, фильмах и т. д.) эта книга, напротив, пользуется огромным спросом и потому на неё часто делают аллюзии в данных источниках.

Немного повзрослев, Лавкрафт увлёкся уже древнегреческой мифологией, включая прочтение «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, и её влияние можно также ощутить на страницах его рассказов. Так, в «Возращении Ктулху» ужасное божество сравнивается с чудовищем из греческих мифов: «Великий Ктулху взгромоздился на каменный монолит, разинул пасть, плюнул вслед яхте и разразился громкими проклятиями, совсем как Полифем, упустивший корабль Одиссея» [2].

Однако за свою жизнь Лавкрафт не создал полностью систематизированную систему своих мифов. Так называемые «мифы Ктулху», как и в целом мифотворчество автора появились уже только после смерти писателя. Его близкий друг Август Дерлет собрал черновики работ и, слегка отредактировав их, выпустил их через свое издательство “Arkham House”.

Важной особенностью авторского мифотворчества Лавкрафта является его подход к осмыслению времени и пространства. Автор-фантаст представляет нам древних богов и существ, которые существуют за пределами человеческого понимания. Эти боги, включая именитого Ктулху, ждали своего часа в глубинах океана. Но теперь мы узнаем, что их пробуждение становится все более и более вероятным. Это создает ощущение мифологической непостижимости и ужаса, погружая читателя в мир, где границы реальности и вымысла размываются [5].

Еще одной важной чертой авторского мифотворчества Лавкрафта являются особенности его описания необыкновенных существ и монстров. Читатель встречается

с различными чудовищами, произошедшими от Ктулху и его союзников, других древних богов, про которых мы узнаём по мере погружения в тексты. Эти существа обладают необычными формами, не соответствующими классическим представлениям о монстрах. Так, например, многие из этих созданий состоят из множества конечностей, несимметричных частей, или же они сконструированы из материалов, которые не поддаются описанию. А также, многие из них имеют колоссальные размеры, что подчеркивает их силу и мощь. Ктулху, например, описывается как существо, затмевающее города, что вызывает у читателя чувство ничтожности. Лавкрафт, используя свой особый вокабуляр подчеркивает их размеры, называя их «циклопическими», то есть исполинскими. Для автора приём добавления неологизмов необходимо важен, поскольку он усиливает чувство неопределенности и тайны.

Однако главным в его произведениях по праву является атмосфера ужаса и безысходности. Лавкрафт черпал вдохновение и опирался на опыт своих предшественников, работавших в основном в жанре готического романа. Ни для кого не секрет, что Эдгар Аллан По оказал значительное влияние на творчество писателя. В литературном наследии По и Лавкрафта прослеживаются элементы готической традиции. Они сохраняют общую атмосферу подавленности, опустошенности, обреченности одинокого существа, запутавшегося в окружающем мире, осознаваемом как нечто бесконечно огромное и всепоглощающее. Лавкрафт создает целую вселенную, населенную мифологическими созданиями, которые внушают необъяснимый страх и, в конечном итоге, приводят человека к иступлению и потере рассудка. Такой исход представляется как самозащита, эскапизм и уход от реальности; безумие способно оградить человека от дальнейшего вреда, оно являет собой спасение от нежелания разума принять происходящее [3].

Говард Филлипс Лавкрафт за свою жизнь написал много рассказов, каждый из которых добавляет что-то новое к миру его воображения, будь то новый бог, монстр или инопланетное существо.

Существо, в честь которого назван цикл рассказов «Миф Ктулху», взято из рассказа «Зов Ктулху», который появился в журнале “Weird Tales” в 1928 году. Оно представляет собой древнего бога, который спит на дне океана в затонувшем городе Р’льех и которого однажды случайно пробуждают матросы. Автор описывает Ктулху как огромное исполинское существо, смесь осьминога, дракона и человека. Вид его был настолько устрашающим, что двое матросов тут же упали замертво от испуга, увидев его. Автор подробно описывает структуру культа, построенного вокруг фигуры инфернального божества, уделяя внимание его обрядам и ритуалам.

Но авторское мифотворчество Г. Ф. Лавкрафта простирается куда дальше, чем образ одного только Ктулху. В его обширной мифологии целое множество существ, каждое из которых вносит уникальный вклад в атмосферу космического ужаса. Классификация богов и монстров осуществляется не только по их природным характеристикам, но и по их взаимодействию с людьми и их представлениями о мире.

Древние (Great Old Ones) – это древние как сама Вселенная и непостижимые боги, они являются визитной карточкой в мифотворчестве Лавкрафта. К этим богам относятся Ктулху и другие, они могут оказать значительное и подавляющее влияние на человеческий разум. Они считаются трансцендентными, а их корни уходят далеко в космос – такие боги не могут быть прямо восприняты и поняты людьми. В основном они находятся в состоянии глубокого сна или медитации в глубинах океана. Их бессмертие и непостижимость служат символами первобытного ужаса, а их пробуждение может привести к глобальным последствиям. Например, в рассказе «Зов Ктулху» упоминается, что, если Ктулху проснётся, наступит Конец Света. При этом Древние могут влиять на земные дела лишь при определённых условиях и лишь тогда, когда им помогают их последователи – культисты. Другой знаменитостью среди

Древних богов у автора является Дагон. Имя его было взято из древнееврейских мифов, в которых он считался богом плодородия и земли [6]. Внешность его никому не известна, скорее всего он похож на получеловека-полурыбу (ивр. «даг» – рыба) и покровительствует рыбакам. Однако его, как и остальных чудовищ, нельзя назвать человеколюбом, так как он жаждет скорее разрушения и смертей, чем мира.

Внешние боги (Outer Gods) – группа богов, которые борются за сохранение баланса во вселенной и держат Великих старцев под контролем. Они представляют собой не конкретных существ, а некие воплощения бытия человеческой природы. Поэтому их сила запредельна физическим возможностям. Они также не могут быть полностью поняты людьми и обладают сверхъестественными способностями. Один из таких богов, Азатот, является султаном демонов, олицетворяющим собой ядерный хаос, так как именно он стоял в центре процесса мироздания.

Старшие боги (Elder Gods) – группа богов, которая была проработана уже последователями Лавкрафта, а не самим автором-фантастом. Она состоит из богов, которые противостоят Древним, и представляют собой смесь древних мифов различных народов. К ним относятся: Баст, Эндимион, Гипнос, Ноденс и другие.

Общая классификация богов и существ в «Мифах Ктулху» Г. Ф. Лавкрафта основана на их происхождении, мощи и природе, а также на почти полной непостижимости их сущности для человеческого разума. Это делает мифологию Лавкрафта уникальной и отличной от традиционных мифологий.

Помимо существ божественного происхождения, выделяются целые группы небожественных созданий, такие как: Старцы (Elder Things), Глубоководные (Deep Ones), Подземные (Chtonians) и Гули (Ghouls). В отличие от богов, эти существа менее опасны и доступны человеческому пониманию.

Бесспорно, Лавкрафт сумел воплотить свою неутолимую фантазию в виде собственного проработанного мифотворчества с огромной классификацией древних богов и монстров. Его уникальный мир в жанре космического ужаса, основываясь на готической традиции XIX века и древнегреческой и восточной мифологии, смог стать чем-то культовым, так глубоко любимым читателями по всему миру на протяжении уже многих лет. Таким образом, писатель показывает, как глубоко в прошлое уходит чувство страха и ужаса, присущие человеку с первобытных времён. Тема человеческой незначительности во вселенной и вселенское равнодушие привлекают внимание современных авторов и читателей. Лавкрафт практически не раскрывает все детали своей мифологии в одном произведении. Он предпочитает намекать и создавать загадки, которые позволяют читателю воображать и дополнять готический мир самостоятельно. Такой подход к мифотворчеству делает его произведения увлекательными и уникальными.

Список использованных источников

1. Ерохина, Т. И. Репрезентация мифотворчества Г. Ф. Лавкрафта в современной массовой культуре / Т. И. Ерохина, Е. С. Желтов // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 6. – С. 372–380.
2. Лавкрафт, Г. Ф. Зов Ктулху / Г. Ф. Лавкрафт. – URL: https://librebook.me/the_call_of_cthulhu/vol1/31 (дата обращения: 10.02.25).
3. Моршинский, В. С. Особенности преломления готической традиции в творчестве Г. Ф. Лавкрафта (на материале рассказа «Изгой») / В. С. Моршинский, П. А. Чересюк // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, вып. 7. – С. 2149–2153.
4. Новейший философский словарь : 3-е изд., исправл. ; под ред. А. А. Грицанова. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
5. О'Брайен, К. Л. Природа Мифов Ктулху / К. Л. О'Брайен. – URL: <http://www.unnamable1890.narod.ru/klob/nature.htm> (дата обращения: 07.02.2025).

6. Спрэг де Камп, Л. Лавкрафт : биография / Л. Спрэг де Камп. – Санкт-Петербург : Амфора, 2008. – С. 30–31.
7. Price, R. M. August Derleth: Myth Maker / R. M. Proce // Crypt of Cthulhu. – 1982. – Vol. 1, № 6. – P. 19.

УДК 821.111

ПРИМЕНЕНИЕ ДИДАКТИЧЕСКИХ ИГР ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Д. В. Гологуз,

*обучающийся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чернобай С. Е., старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье анализируется роль дидактических игр в обучении английскому языку в младших классах. Цель исследования – определить эффективность применения игр при формировании лексико-грамматических навыков младшеклассников на английском языке. Используемые методы включают анализ, синтез, эксперимент, прогнозирование, наблюдение и описание. В работе представлена классификация дидактических игр и описаны типы ведущей нервной деятельности детей. Также подтверждается важность игровой деятельности в младшем школьном возрасте. Рассмотрен УМК Spotlight для младшей школы на предмет игр, развивающих лексико-грамматические навыки учащихся. Предложены дополнительные игры согласно изучаемому материалу. Выводы подчеркивают значимость применения дидактических игр с элементами соревнования и творчества для закрепления формируемых навыков.

Ключевые слова: английский язык, лексико-грамматические навыки, дидактическая игра, младшая школа.

Summary. The paper analyses the role of didactic games in teaching English in the elementary school. The aim of the study is to identify the effectiveness of using games while forming the English language lexical and grammatical skills of primary school pupils. The methods used include analysis, synthesis, experiment, prognostication, observation and description. The paper presents the classification of didactic games and describes the types of children's leading nervous activity. It also affirms the importance of playing activity at the primary school age. The methodological package *Spotlight* for primary schools is examined for the purpose of identifying the games, developing lexical and grammatical skills of the pupils. Additional games are proposed according to the syllabus. The conclusions emphasize the significance of the usage of didactic games with the elements of competition and creativity in order to consolidate the skills under formation.

Key words: the English language, lexical and grammatical skills, didactic game, primary school.

Ученики младших классов обладают огромным интеллектуальным потенциалом в познании различных школьных предметов, включая английский язык. Плодотворная почва для этого – познавательная деятельность, которая реализуется с помощью дидактических игр, применение которых в учебном процессе обусловлено психофизиологическими особенностями младшеклассников [1; 9].

Проблемой исследования применения игр в обучении занимались многие методисты. Например, М. Ф. Стронин [8] классифицирует игры и сосредоточивает внимание на применении игр на уроках английского языка. Н. П. Аникеева рассматривает роль игры в воспитательном процессе [2]. Необходимость внедрения игровых методик в учебно-воспитательный процесс в младшей школе обуславливает актуальность работы.

Цель исследования – определить роль игр в изучении английского языка, в частности при формировании лексико-грамматического навыка младшеклассников. В ходе работы применяются общенаучные методы анализа и синтеза научной литературы, методы эксперимента и прогнозирования, метод наблюдения и описательный метод.

По мнению исследователей, лучшим временем для начала изучения иностранного языка являются младшие классы, так как именно в этот период у школьников создаются благоприятные анатомо-физиологические предпосылки для осуществления учебной деятельности [1, с. 68–74]. Большинству детей сложно изучать английский язык в будущем, если у них не возникло к нему интереса в начальной школе.

Каждый возрастной этап ребёнка имеет свои особые положения в системе принятых общественных отношений. Вместе с этим жизнь детей наполняется специальными взаимоотношениями с окружающими людьми. Советский психолог Л. С. Выготский выделял несколько типов ведущей деятельности. Для младенцев ведущим является эмоциональное общение. Раннему детству присуща манипулятивная деятельность. Для дошкольников характерна игровая деятельность. У младших школьников ведущей становится учебная деятельность. Для подростков важна социально признаваемая и социально одобряемая деятельность. У старшеклассников на передний план выходит учебно-профессиональная деятельность [6, с. 5–21]. Таким образом, в младшем школьном возрасте ведущая учебная деятельность приходит на смену игровой деятельности дошкольников.

Включение ребёнка в учебную деятельность знаменует начало перестройки всех психических процессов и функций. Однако, смена ведущей деятельности не означает, что игры исчезают из жизни ребёнка, просто основное место на данном этапе развития отводится обучению. Исходя из этого, игра не исчезает в младшем школьном возрасте совсем, она приобретает иные формы и содержание. Важно отметить, что игра – это тип осмысленной непродуктивной деятельности, где мотив лежит не в её результате, а в самом процессе [10, с. 121]. Игра занимает существенное место в жизни ребенка наряду с учебной деятельностью. Многие ученики берут с собой на занятия свои любимые игрушки, а на переменах активно играют в них с друзьями. Так как дети в младших классах неусидчивы и не могут долго фокусироваться на однообразной деятельности, учителю младших классов важно внедрять игры в учебную деятельность учащихся, особенно в процессе обучения английскому языку. Применение игр на уроках иностранного языка будет повышать мотивацию учащихся к изучаемому материалу, а также помогут в игровой форме усвоить сложный материал.

Особенно сложной для усвоения является грамматика иностранного языка. Основной целью изучения грамматики английского языка в младших классах является не просто заучивание конструкций, а развитие грамматических навыков для понимания и восприятия на слух речи, понимания, как формировать свою устную и письменную речь на английском языке. Общей целью обучения иностранному языку в младшей школе является формирование элементарной коммуникативной компетенции, то есть готовности и способности учащихся осуществлять общение с носителями изучаемого языка в различных формах в определённых типичных ситуациях на элементарном

уровне [7]. В ходе урока на отработку грамматических навыков важно включать как работу с учебником, так и игровые методики.

Существуют различные классификации игр. В нашем исследовании мы опираемся на классификацию М. Ф. Стронина, который подразделяет игры на грамматические, лексические, фонетические и творческие [8]. Грамматические игры ставят целью научить детей употреблять речевые образцы, содержащие определённые грамматические трудности, и создать необходимую ситуацию для употребления данных речевых образцов, развить активность речи и самостоятельность учеников. Цель лексических игр – тренировать учащихся в употреблении лексики в ситуациях, приближенных к естественной обстановке, активизировать речемыслительную деятельность учащихся, развивать их речевую реакцию, познакомить учащихся с сочетаниями слов. Целью фонетических игр является тренировка учащихся в произношении английских звуков, обучении школьников громко и отчетливо читать стихотворения, разучить стихотворение с целью воспроизведения по ролям. Творческие игры подразделяются на аудитивные и речевые игры. Аудитивные игры помогают научить школьников понимать смысл однократного высказывания, выделять главное в потоке информации, распознавать отдельные речевые образцы и сочетания слов в потоке речи, развить слуховую память и слуховую реакцию учащихся. Речевые игры способствуют обучению учащихся умению выражать мысли в их логической последовательности, практически и творчески применять полученные речевые навыки [8].

В ходе исследования мы рассмотрели учебники Spotlight для младшей школы [3; 4; 5] на предмет наличия игр, а также определения их эффективности. В Spotlight 2 [3] представлены достаточно эффективные лексико-грамматические игры, которые могут помочь младшеклассникам развивать свои способности и сфокусировать внимание на предмете. Например, в модуле 1a представлены игры на отработку специальных вопросов «What is this?» и «Where is...?» [3, с. 26], при этом не указан алгоритм работы; предположительно учитель задает вопросы ученику, указывая на картинку, а ученик должен ответить по образцу. Игры такого типа помогают детям усвоить лексические, фонетические и грамматические навыки; они не сложные для младшеклассников, но эти игры направлены лишь на отработку лексики и грамматики изучаемого модуля и их недостаточно, чтобы в полной мере овладеть лексикой и грамматикой в рамках отдельного модуля. Поэтому в дополнение учащимся предлагается представить свой дом на дереве (tree house) и описать его интерьер, используя активную лексику по теме «My Home» и грамматическую конструкцию «There is a...». Также игра развивает воображение. В учебниках для 3 и 4 классов все упражнения и игры однотипные. Мы полагаем, что учителю следует предлагать дополнительные командные игры, так как соревновательный дух повышает мотивацию. Например, при изучении в 3 классе глагола «to be» в Present Simple (is/are) и форм существительных в единственном и множественном числе учитель может предложить учащимся разделиться на две команды и составить по десять предложений с этими глаголами с использованием ранее пройденных существительных и прилагательных, представленных на картинках. Выигрывает команда, завершившая выполнение задания первой. Данная игра закрепляет лексико-грамматические навыки учащихся и повышает их интерес к обучению.

В учебнике для 4 класса представлено больше грамматического материала по сравнению с предыдущими классами, есть достаточное количество упражнений на отработку изучаемого материала, но очень мало игр. Например, во 2 модуле учебника представлено использование модального глагола «have to». Учитель может предложить учащимся поработать в парах, задавая друг другу вопрос об их домашних обязанностях с опорой на заранее подготовленные картинки, обозначающие определенную

деятельность, выбор картинок происходит в случайном порядке: «Ask your classmate about his/ her household chores. What does he/ she have to do at home?». Данная игра позволяет повторить ранее изученный лексический материал и закрепить использование нового грамматического явления.

На любом этапе младшей школы будут эффективны командные игры, включающие элементы соревнования и творчества. Проведенное исследование показывает, что применение игр в обучении английскому языку в младшей школе эффективно закрепляет формирование лексико-грамматических навыков и соответствует уровню психофизиологического развития младшеклассников. Важной составляющей лексико-грамматических игр является визуальное сопровождение (использование картинок с активной лексикой или карточек с грамматическими конструкциями). Также использование игр в учебно-воспитательном процессе повышает мотивацию к обучению и ведет к повышению успеваемости.

Список использованных источников

1. Акимова, М. К. Психофизиологические особенности индивидуальности школьников: учет и коррекция : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / М. К. Акимова, В. Т. Козлова. – Москва : Academia, 2002. – 160 с.
2. Аникеева, Н. П. Воспитание игрой : книга для учителя / Н. П. Аникеева. – Москва : Просвещение, 1987. – 144 с.
3. Быкова, Н. Английский в фокусе для 2 класса / Н. Быкова, Д. Дули, М. Поспелова, В. Эванс. – Москва : Express Publishing ; Просвещение, 2011. – 155 с.
4. Быкова, Н. Английский в фокусе для 3 класса / Н. Быкова, Д. Дули, М. Поспелова, В. Эванс. – Москва : Express Publishing ; Просвещение, 2011. – 165 с.
5. Быкова, Н. Английский в фокусе для 4 класса / Н. Быкова, Д. Дули, М. Поспелова, В. Эванс. – Москва : Express Publishing ; Просвещение, 2011. – 151 с.
6. Выготский, Л. С. Психология развития ребенка / Л. С. Выготский. – Москва : Смысл, 2005. – 512 с.
7. Приказ Министерства просвещения РФ № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc /400807193/> (дата обращения: 10.06.2023).
8. Стронин, М. Ф. Обучающие игры на уроках английского языка / М. Ф. Стронин. – Москва : Просвещение, 1984. – 112 с.
9. Шаграева, О. А. Детская психология: Теоретический и практический курс : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / О. А. Шаграева. – Москва : Владос, 2001. – 268 с.
10. Шадриков, В. Д. Психология деятельности и способности человека / В. Д. Шадриков. – Москва : Логос, 1996. – 291 с.

ОБРАЗ КОНЯ В БРИТАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

И. В. Гунько,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Полховская Е. В.,

*заведующая кафедрой английской филологии, к. ф. н., доцент, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная работа посвящена символическому значению образа лошади в британском фольклоре. Мы анализируем, как лошадь представлена в качестве духовного существа, мифического создания и спутника главных героев в различных жанрах народного творчества. Изучая эти образы, мы стремимся раскрыть более глубокие культурные верования, ценности и общественные нормы, которые находят свое отражение в фольклорных сюжетах о лошадях. Актуальность данной работы заключается в необходимости более глубокого понимания значимости образа коня в фольклоре Великобритании, а также в его связи с историческим, социальным и культурным контекстом. Такое исследование позволит не только раскрыть фольклорные традиции народа, но и пролить свет на универсальные символические образы и их значение в мировой культуре.

Ключевые слова: фольклор, образ коня, концепт, английский язык.

Summary. This work is devoted to the symbolic meaning of the image of a “horse” in British folklore. We analyze how the horse is represented as a spiritual being, a mythical creature and companion of the main characters in various genres of folklore. By studying these images, we strive to uncover deeper cultural beliefs, values, and social norms that are reflected in folklore stories about horses. The relevance of this work lies in the need for a deeper understanding of the significance of the horse image in British folklore, as well as in its connection with the historical, social and cultural context. Such a study will not only reveal the folklore traditions of the people, but also shed light on universal symbolic images and their significance in world culture.

Key words: folklore, image of a “horse”, concept, English language.

Целью работы является анализ образа коня в британском фольклоре, выявление его семантики и символического значения, а также определение роли данного образа в традиционной культуре народа. Исходя из цели работы, нами сформулированы следующие **задачи:** 1) теоретическое осмысление материала, связанного с понятием фольклора, его сущностью и развитием; 2) анализ образа коня в британском фольклоре.

Актуальность данной работы заключается в необходимости более глубокого понимания значимости образа коня в британском фольклоре, а также в его связи с историческим, социальным и культурным контекстом. Такое исследование позволит не только раскрыть фольклорные традиции народа, но и пролить свет на универсальные символические образы и их значение в мировой культуре.

Научная новизна работы состоит в отборе и структурировании разрозненных данных о произведениях британского фольклора, где конь является ключевым образом, а также анализе их образной составляющей. Новым является междисциплинарный подход, объединяющий лингвистические и литературоведческие методы исследования.

Предлагаемая концепция: фразеологию и фольклор объединяют ряд образных составляющих. Среди них – образ коня, в котором находит отражение духовный склад народа.

Основными **методами**, применяемыми в работе, выступают описательный, сопоставительный, метод классификации, контекстологический метод, концептуальный анализ, вариационный метод, структурно-типологический метод и компонентный анализ.

Методологической базой исследования служат работы В. Я. Проппа, А. Н. Афанасьева, Е. Б. Артеменко и К. В. Чистова.

Фольклорные традиции и обычаи подтверждают, что в британской культуре лошадь является символом чести, доблести и силы. Образ скакуна, боевого коня или лошади-друга часто встречается в литературе, искусстве и народных песнях, демонстрируя глубокое уважение и восхищение этими животными. В отличие от других культур, где лошадь преимущественно используется в хозяйственных нуждах, в Великобритании лошадь считается благородным существом, олицетворяющим свободу, мужество и преданность.

Согласно древней британской легенде, известный король Артур («Легенды о Короле Артуре») владел несколькими лошадьми. Лламрей была одним из его самых верных и любимых скакунов. Она отличалась своей силой, выносливостью и способностью выполнять сложные прыжки. Артур часто доверял Лламрей перевозить раненых рыцарей с поля битвы. Она также участвовала в поисках Святого Грааля и в последней битве Артура с Мордредом. По некоторым версиям легенды, Лламрей была похоронена вместе с Артуром на острове Авалон. По другим версиям, она вернулась к Владычице Озера, которая подарила её Артуру. Лламрей считается одной из самых знаменитых лошадей в мировой литературе и культуре [5, p. 172].

На сегодняшний день в Британии и многих странах Европы сохранились многочисленные изображения и статуэтки кельтской богини лошадей Эпоны. Происхождение Эпоны описывается в римских и греческих источниках. Согласно легенде, Фульвий Стелл, известный женоненавистник, вступил в связь с кобылой, от которой родилась его дочь Эпона. Имя Эпоны происходит от кельтского слова «eros», что означает «лошадь». Эпона стала богиней лошадей, коневодства и кавалерии, а также плодородия и исцеления. Её культ был очень популярен среди кельтов и распространился на многие регионы Европы. Её часто изображали в окружении лошадей или сидящей на лошади, а также с атрибутами изобилия, такими как корзина с фруктами или зерном [1, с. 40].

Рианнон (Rhiannon) – это богиня-покровительница лошадей в мифологии Уэльса. Она является героиней древних уэльских сказаний, собранных в Мабиногионе. В этих сказаниях она влюбляется в принца Пуилла и выходит за него замуж. Но ее счастье длилось недолго: ее сын Придери был похищен в ночь его рождения, а ее служанки, чтобы избежать ответственности, обвинили Рианнон в том, что это она съела своего ребенка. Рианнон была наказана за свое преступление: она должна была семь лет провести у входа во дворец, рассказывая свою историю всем проезжающим и предлагая понести их на спине, как лошадь. Так она прожила семь лет, пока не нашла своего сына и не была оправдана. С тех пор Рианнон почитается как богиня лошадей, и в ее честь существуют различные народные обычаи и праздники [1, с. 40].

В ирландской мифологии покровительницей лошадей считается богиня Маха (Macha). По поверьям, она помогала кельтам собирать урожай и защищала их земли от врагов. Она была воплощением плодородия, процветания, победы и безопасности. Маха вышла замуж за человека, который похвалился перед королем, что его жена, несмотря на беременность, способна перегнать любую лошадь. Король потребовал, чтобы Маха приняла участие в гонке, и ей ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Она победила в гонке, но умерла, родив двойню. Перед смертью она прокляла всех присутствующих и сказала, что они испытают такие же страдания. Люди, напуганные ее проклятием и желая успокоить ее душу, назвали место, где произошло это событие, Emain Macha (близнецы Махи) [1, с. 40].

В графстве Оксфордшир существует множество легенд о белой лошади Уффингтона, запечатленной в виде гигантского мелового рисунка на склоне холма. Так, в одной из них повествуется, что знаменитый холм, на котором изображено животное, называется холмом Дракона, и высечена на холме не лошадь, а дракон, которого убил Святой Георгий – ангел-хранитель Англии именно на этом месте. Другая легенда рассказывает, что когда-то в том месте, вблизи гробницы (Кузницы Вейланда), изготавливали подковы. Вэйланд был кузнецом богов в англосаксонской мифологии, поэтому именно он делал подковы для Белой лошади. По легенде, если странник оставит свою лошадь и один пенс прямо у гробницы кузнеца богов, то лошадь обязательно будет подкована удивительным, невидимым образом. Также англичане верят, что если встать в области глаз Уффингтонской лошади и, загадав желание, трижды повернуться с закрытыми глазами, то оно сбудется [4, р. 10].

В шотландской мифологии распространены легенды о водяном духе Келпи. В ее облики сосредоточена вода в своей сверхъестественной форме, а местом обитания существа стали реки и протоки. И хотя Келпи может являться в различных обликах, наиболее распространенный ее вид являет собой лошадь черного, иногда серого или белого цвета [3, с. 539]. Вместо роскошной гривы голова лошади Келпи покрыта камышами или водорослями, а глаза яростно горят огнем. Туловище существа имеет совершенно магическую возможность растягиваться в длину, завершаясь хвостом, как у рыбы. На передних ногах Лошади копыта вывернуты в обратную сторону, а вместо задних виднеются лапы.

Некоторые сказания гласят, что не чужда для Келпи и человеческая внешность. Чтобы заманить следующего мимо человека, лошадь превращается в юношу или девушку привлекательной внешности. Неопытный, глупый, не знающий местных традиций и сказаний путник, завороженный красотой существа, единожды сев на него, уже никогда больше не сможет оторваться, так как прилипает к туловищу лошади. Заманив добычу в свой плен, Келпи с громогласным шумом стремится в реку, быстро погружаясь в нее, чтобы под толщей воды сожрать своего пленника [3, с. 539].

Таким образом, образ коня в мифах и легендах Британских островов играет важную роль и имеет различные интерпретации. Конь может быть верным другом и спутником главного героя, сопровождая его в битвах и помогая в сложных ситуациях. Также образ коня может олицетворять божественное существо, символизирующее плодородие, исцеление или защиту от злых сил. Кроме того, конь может быть воплощением злого духа, сулящего опасность.

В английских волшебных сказках конь обладает положительными качествами верного слуги и помощника. Примером может послужить английская сказка “St George of Merrie England”. В данной сказке помощником главного героя является необыкновенный скакун по имени Байард. Он принадлежал колдунье Калиб, которая хотела подарить его Святому Георгию, если он останется с ней. Но Георгий отказался. Он победил колдунью и забрал коня себе. Байард был самым лучшим, самым быстрым и самым могущественным конем в мире. Он мог пролетать над землей и водой, как птица, и не знал усталости. Он был верным спутником и помощником Георгия во всех его приключениях. Он помог ему спасти принцессу от дракона, а также сражаться с королем Альмидором и другими врагами.

Также встречается жанр детской сказки, где часто используется образ коня. Примером такой сказки является “A horse and a wolf” («Лошадь и волк»). В данной сказке лошадь, пасущаяся на зеленом поле, становится объектом внимания голодного

волка. Волк терпеливо ждет, пока лошадь насытится, чтобы она не смогла быстро убежать. Когда лошадь обнаруживает волка, она понимает, что не сможет убежать и начинает хромать, чтобы ввести волка в заблуждение. Волк подходит к лошади, чтобы помочь ей с «шипам» в копытах, которые, по словам лошади, мешают ей передвигаться. Но лошадь пинает его и убегает, оставляя волка в недоумении. Таким образом, лошадь избегает опасности и спасает свою жизнь [2, с. 9]. Образ лошади в этой сказке представлен как символ ума и хитрости.

Таким образом, в английских сказках образ коня может быть интерпретирован по-разному, но чаще всего он ассоциируется с верностью, силой и мудростью. В волшебных сказках конь зачастую выступает как верный спутник и помощник главного героя, обладающий чудесными способностями переносить своего хозяина через пространство и время, помогая ему в его подвигах. В детских сказках образ коня является выражением различных качеств личности, таких как ум и хитрость, формируя определенный моральный вывод в конце повествования и побуждая читателя осознать главную мысль произведения.

Образ коня также распространен и в английском народном песенном творчестве. В песне “Poor Old Horse” говорится о старом коне, который когда-то был красивым и сильным, но теперь стал старым и слабым. Образ коня в этой песне представлен как символ упадка и старости. Когда-то он был великолепным и мощным, но теперь его силы покинули его, и он стал старым и слабым. Его хозяин, который когда-то заботился о нем и держал его в теплом стойле, теперь отвернулся от него. Конь вынужден есть траву, растущую под стеной, и выносить все виды непогоды. Его красота и сила ушли, и он остался один в старости: *“We have a poor owd horse / Poor owd horse, poor owd horse. / He once was a young horse / And in his youthful prime; / His master used to ride on him / And he thought him very fine. / Poor owd horse, poor owd horse. / But now he’s getting owd / And his nature doth decay, / He’s forced to nab yon short grass / That grows beneath yon way. / Poor owd horse, poor owd horse”* [6, p. 215].

Образ коня в этой песне символизирует старость и быстротечность времени. Он напоминает нам о том, что все в этом мире подвержено старению и упадку, даже самые сильные и могучие существа.

В песне “Trot Old Joe” говорится о коне по кличке Старый Джо. В тексте песни автор выражает свое восхищение этим конем, утверждая, что Джо –самый лучший конь из всех, которых ему довелось повстречать: *“Trot Old Joe, trot Old Joe, / You ride better’n any horse I know. / Trot Old Joe, trot Old Joe, / You’re the best horse in the country-o. / Whoa Joe! / Walk Old Joe... / Gallop Old Joe... / Trot slow Joe... / Trot fast Joe...”* [6, p. 219].

Образ коня в этой песне представляет собой символ надежности, устойчивости и верности и является образом верного и надежного спутника, который всегда готов служить своему хозяину. Таким образом, в английском песенном творчестве образ коня выступает в различных ролях и символизирует разные аспекты жизни. Преимущественно конь представлен как символ старости, но каждая песня раскрывает эту тему по-своему.

Таким образом, образ коня в культуре Британских островов, английских сказках и песенном творчестве является многогранным и глубоким. Он играет важную роль и имеет различные интерпретации, отражая широкий спектр человеческого опыта и жизненных ценностей. В мифах и легендах конь может быть верным другом и спутником главного героя, а также олицетворять божественное существо или быть воплощением злого духа. В английских сказках, образ коня часто ассоциируется с верностью, силой и мудростью, выступая как помощник главного героя и отражая положительные человеческие качества. В песенном творчестве конь может

символизировать старость, упадок, ностальгию по прошлому и большой жизненный опыт.

Список использованных источников

1. Градалева, Е. А. Праздники лошадей и лошади на праздниках: значение традиций в современной Великобритании / Е. А. Градалева // Вестник Томского государственного университета, 2020. – № 40. – С. 38–47.
2. Лебедева, Е. А. Лучшие английские сказки / Е. А. Лебедева // Best English Fairy Tales. – Москва : Издательство АСТ, 2017. – 92 с.
3. Мифология Британских островов : энциклопедия / [сост. и общ. ред. К. Королева]. – Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Terra fantastica, 2007. – 635 с.
4. Newman, P. Lost gods of Albion: the chalk hill-figures of Britain / Paul Newman. – Thrupp, Gloucestershire : Sutton Pub., 1997. – 216 p.
5. Reno, Frank D. Arthurian figures of History and Legend : A Biographical Dictionary / Frank D. Reno. – Jefferson : McFarland, 2011. – 264 p.
6. Roud, S. Folk Song in England / Stephen Roud. – London : Faber & Faber, 2017. – 764 p.

УДК 372.881.111.1

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В МЛАДШЕЙ ШКОЛЕ

С. Р. Джелилова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чернобай С. Е., старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье исследуются способы формирования коммуникативной компетенции на английском языке у младших школьников с акцентом на применение обучающих игр. Цель работы – разработать коммуникативные игры для обучения английскому языку младшеклассников. Для достижения поставленной цели используются общенаучные методы анализа и синтеза, метод наблюдения, экспериментальный и описательный методы. Результаты показывают, что обучающие игры на английском языке развивают языковые навыки, формируют коммуникативную компетенцию и повышают интерес к изучению иностранного языка. Выводы подчеркивают, что игровой формат обучения способствует росту доверия в коллективе и вызывает у учащихся чувство общности, что важно для их психологического и эмоционального развития.

Ключевые слова: английский язык, коммуникативная компетенция, обучающие игры, младшая школа.

Summary. The paper investigates the ways of the English communicative competence formation by primary schoolchildren with the focus on using educational games. The aim of the study is to elaborate communicative games to teach English at the primary school. The methods used include general scientific methods of analysis and synthesis, method of observation, experimental and descriptive methods. The results indicate that educational games develop linguistic skills, form communicative competence and increase the interest in learning a foreign language. The conclusions highlight that the playing format of teaching contributes to

the trust increase in the group and arouses the feeling of being a part of the community; this is important for the psychological and emotional development of primary schoolchildren.

Key words: the English language, communicative competence, educational games, primary school.

В условиях глобализации знание английского языка становится одним из ключевых факторов успешной социальной адаптации и профессиональной карьеры в будущем. Поэтому раннее изучение английского языка способствует формированию у детей коммуникативной компетенции. При обучении в младших классах важно применять игры, так как они являются неотъемлемой частью образовательного процесса в начальной школе. Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом ученых к проблемам формирования иноязычной коммуникативной компетенции в младшей школе, о чем свидетельствуют работы А. В. Ворониной [2], Е. В. Стюриной [9], З. Н. Никитенко [6], К. Е. Дранишниковой [4], М. А. Бочарниковой [1].

Цель работы – разработать коммуникативные игры для обучения английскому языку младших школьников. Данная цель обусловила постановку следующих задач: 1) уточнить понятие коммуникативной компетенции; 2) рассмотреть игры как один из эффективных методов обучения. В работе используются общенаучные методы анализа и синтеза, метод наблюдения, экспериментальный и описательный методы.

Проблема формирования коммуникативной компетенции младших школьников является актуальной, поскольку именно в этот период развитие и формирование личности происходит наиболее интенсивно. Благодаря гибкости мозга и быстрому формированию нервной системы младшеклассники способны запоминать все достаточно быстро. От того, насколько легко ребенок сможет взаимодействовать с окружающими людьми, зависит его место в жизни, учебная и трудовая деятельность. Поэтому коммуникативная компетенция имеет особое значение в жизни человека. Основной целью обучения иностранному языку является формирование данной компетенции для успешной межкультурной коммуникации. Коммуникативную компетенцию А. В. Воронина определяет как «знания, умения и навыки понимания чужих и порождения собственных программ речевого поведения с использованием иноязычных слов адекватно целям, сферам, ситуациям общения; умение выбрать русское или иноязычное слово, нужную языковую форму, способ выражения в зависимости от условий коммуникативной ситуации» [2].

Опыт педагогов показывает, что привлечение младшеклассников к устному общению лучше всего осуществляется в процессе игровой деятельности, так как детям все еще интересны игры. В этом возрасте преобладает непроизвольное запоминание: то, что развлекает и вызывает эмоциональную реакцию, запоминается легко и мгновенно. Игры снижают степень нервно-психического напряжения, способствуют формированию положительных эмоций, помогают закрепить знания. Любая игра предполагает «определенную цель, знание правил, а также элемент удовольствия» [7, с. 216]. Под учебной игрой понимают «особо организованное задание, требующее напряжения эмоциональных и умственных сил» [7, с. 216]. Выделяют языковые и коммуникативные игры [7, с. 219].

Формирование базового словарного запаса предшествует отработке коммуникативных навыков. Умение использовать разнообразные слова и правильно строить высказывания согласно грамматическим нормам является необходимым условием для развития речевых навыков. Существуют различные методы формирования лексических навыков. Например, метод ассоциаций является одним из способов развития памяти. Игры, основанные на применении данного метода, включают в себя мнемокарточки. Такие карточки быстрой ассоциации способствуют

запоминанию слова и его произношения благодаря созвучному русскому слову, например: heel (каблук) – «хилый»; tap (кран) – «тапочки»; strawberry (клубника) – «строитель». Запоминание новых слов с помощью уже знакомых является действенным методом [5]. Игра «Word Grab» способствует расширению словарного запаса. Необходимо подготовить набор карточек с английскими словами и положить их в центр стола. Учащиеся сидят вокруг стола и по очереди тянут одну карточку. Их задача – как можно скорее назвать слово, связанное с изображенным на картинке словом, например: по картинке с изображением сливы (plum) учащийся должен вспомнить ассоциацию с «пламенем».

В начальной школе на уроках помимо интеллектуальной сферы необходимо задействовать и физическую для сохранения и развития здоровья учащихся [3]. Особенно полезными могут быть пальчиковые игры, например «Пальчиковый твистер» при изучении названий цветов. На листе нарисованы кружочки разных цветов. Один из игроков называет цвет и палец, которым необходимо коснуться кружочка данного цвета. В эту игру можно играть в парах или всем классом. Во время изучения частей тела учащиеся могут разучить песню «Head, shoulders, knees and toes». Данная песня сопровождается выполнением движений и прикосновением руками к называемым частям тела. Такого типа задания (активные игры и исполнение песен) предлагается проводить на 15-20 минутах урока, когда внимание учащихся начинает рассеиваться и им нужна смена деятельности. Тематика песен и игр соответствует программе урока. Также исполнение песен способствует развитию фонематического слуха, помогая различать новые слова и фразы, правильно их произносить, что в дальнейшем поможет при аудировании и говорении.

Не менее эффективной является предметная игра, цель которой – познакомиться с различными свойствами предметов (форма, величина, цвет). Например, при изучении характеризующих прилагательных в 3-ем классе учащемуся завязывают глаза, дают предмет в руки и просят описать этот предмет, опираясь на свои ощущения. Такие сенсорные игры эмоционально развивают младшекласников. При изучении школьных принадлежностей «School things» эффективна следующая игра: учащегося просят принести его рюкзак и разные школьные принадлежности. Затем ему дают задание: «Put your book into your schoolbag». И далее учитель называет поочередно все предметы. За каждый правильно выбранный и сложенный в рюкзак предмет учащийся получает звездочки, которые затем обменивают на приз.

Для отработки грамматических конструкций there is/ there are предлагается игра «Funny fridge» при изучении темы «Food». Из обычной папки для бумаг делают холодильник, дверь которого имитирует обложка папки. Затем учащиеся рассказывают, что находится на полках холодильника. При этом они упоминают некоторые предметы, которые не должны храниться в холодильнике (наличие лишних предметов и объясняет название игры). По этому типу можно организовать игры «Funny shop», «Funny classroom», «Funny bedroom» и другие.

После повторения активной лексики и грамматики следует перейти к коммуникативным играм. Выделяют 3 вида коммуникативных игр [8]: 1) сюжетные игры с опорой на сюжетную схему какого-либо литературного произведения; 2) ролевые – моделирование различных ситуаций разной сферы в форме диалога; 3) творческие.

Примером сюжетной игры может быть «The Little House» на материале эпизодов сказки, представленной в учебнике Spotlight для 2-го класса. Учащиеся стучатся в дом, здороваются, уточняют, кто живет в доме, и просят пожить в этом доме и получают положительный ответ. В ходе игры участники закрепляют этикетные формулы социального общения, отрабатывают специальные вопросы к подлежащему, повторяют названия животных. Количество игроков может быть неограниченным.

Ролевые игры являются универсальными, так как они могут быть адаптированы к любой изучаемой теме. Например, при изучении названий продуктов питания и блюд можно организовать игру «In the Shop», в ходе которой учащиеся примеряют на себя роли продавцов и покупателей, или «In the Cafe», где один из учащихся официант, а другой учащийся или группа учащихся – посетители, заказывающие блюда из меню. Так как младшеклассники еще недостаточно самостоятельны в выборе лексико-грамматического материала, то учителю следует заранее подготовить раздаточные материалы или схемы на доске с указанием шаблонов, по которым следует строить беседу в указанных коммуникативных ситуациях.

Примером творческой игры может служить создание истории по картинкам «Картинки с историей». Учитель подбирает картинки разного содержания (с изображением людей, транспорта, пейзажей, предметов и ситуаций), на основе которых учащимся в парах или мини-группах предлагается придумать и рассказать сюжетную историю. Данная игра развивает навыки повествования и творческого мышления.

По мере взросления школьники увлекаются компьютерными играми. Поэтому в 4-м классе уместно подключать работу с онлайн-платформами или компьютерными играми. Например, с помощью игры «The Sims» можно изучать английский язык, выбрав в настройках этот язык. В ходе игры при создании образа персонажа можно изучить тематическую лексику о частях и структуре тела, внешности, одежде и аксессуарах, характере. Навыки чтения отрабатываются при получении уведомлений о важных событиях жизни персонажа. В группах можно отработать предлоги, названия предметов интерьера и экстерьера, дав задание учащимся обустроить дом для персонажей игры. Общение игровых персонажей, при котором симулируется реальная коммуникативная ситуация, совершенствует навыки устной речи учащихся.

Таким образом, опыт показывает, что игры способствуют развитию навыков социального взаимодействия. Игровой формат обучения вызывает у учащихся чувство общности и доверия, что важно для их психологического и эмоционального развития. Обучающие игры на английском языке развивают языковые навыки, формируют коммуникативную компетенцию и повышают мотивацию к обучению.

Список использованных источников

1. Бочарникова, М. А. Возможности начального иноязычного образования для формирования у учащихся коммуникативных умений/ коммуникативной компетенции на метапредметном уровне / М. А. Бочарникова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-nachalnogo-inoyazychnogo-obrazovaniya-dlya-formirovaniya-u-uchaschihsya-kommunikativnyh-umeniy-kommu-nikativnoy> (дата обращения 15.03.2025).
2. Воронина, А. В. Особенности компетентностного подхода к изучению иноязычной лексики в начальной школе/ А. В. Воронина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kompetentnostnogo-podhoda-k-izucheniyu-inoyazychnoy-leksiki-v-nachalnoy-shkole> (дата обращения: 25.03.2025).
3. Ганиева, А. Р. Здоровьесберегающие технологии при обучении говорению на уроках английского языка младших школьников в средней общеобразовательной школе / А. Р. Ганиева, О. В. Хасанова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdoroviesberegayushchie-tehnologii-pri-obuc-govoreniyu-na-urokah-angliyskogo-yazyka-mladshih-shkolnikov-v-sredney> (дата обращения: 28.02.2025).
4. Дранишникова, К. Е. Развитие коммуникативных способностей младших школьников на уроках английского языка / К. Е. Дранишникова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kommunikativnyh-sposobnostey-mladshih-shkolnikov-na-urokah-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 28.02.2025).

5. Жукова, И. В. Дидактические игры на уроках английского языка / И. В. Жукова // Первое сентября. Английский язык. – 2006. – № 4. – С. 83–85.
6. Никитенко, З. Н. Овладение младшими школьниками иностранным языком: компетенции или способности / З. Н. Никитенко // Наука и школа. – 2018. – № 1. – С. 14–17.
7. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: продвинутый курс : пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – Москва : Астрель, 2008. – 272 с.
8. Стронин, М. Ф. Обучающие игры на уроке английского языка / М. Ф. Стронин // Иностранные языки в школе. – 1984. – № 5. – С. 423–430.
9. Стюрина, Е. В. Возможности игры в формировании социокультурной компетенции младших школьников / Е. В. Стюрина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-igry-v-formirovanii-inoyazychnoy-sotsiokulturnoy-kompetentsii-mladshih-shkolnikov> (дата обращения: 20.03.2025).

УДК 81.373

КОНЦЕПТЫ «SUCCESS» / «УСПЕХ» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

А. В. Ефременко,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чернобай С. Е., старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье исследуется семантическая составляющая концептов *success* / *успех* в английской и русской лингвокультурах. Цель работы – охарактеризовать структуру концептов *success* и *успех* в английской и русской языковых картинах мира. Для достижения поставленной цели используются общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, методы компонентного, семантического, концептуального, контекстуального и сравнительно-сопоставительного анализов. Результаты показывают, что успех в английской лингвокультуре, прежде всего, связан с достижением поставленной цели, славы, богатства, социального статуса и общественного признания. В русской лингвокультуре достижение успеха связано не только с личными усилиями, но и внешними факторами или удачным стечением обстоятельств, которые могут способствовать достижению цели. Выводы подчеркивают, что в русской культуре успех неотъемлем от преодоления трудностей, связан с внутренним развитием и общественным признанием, тогда как в англоязычной традиции он чаще всего рассматривается как индивидуальное достижение, выраженное в материальном благополучии или профессиональном росте.

Ключевые слова: английский язык, русский язык, концепт, языковая картина мира, УСПЕХ.

Summary. The paper investigates the semantic structure of the concepts *success* / *ynex* in the English and Russian linguistic cultures. The aim of the study is to characterize the structure of the concepts *success* and *ynex* in the English and Russian linguistic pictures of the world. The methods used include general scientific methods of analysis, synthesis and generalization, methods of componential, semantic, conceptual, contextual, comparative and

contrastive analyses. The results indicate that success in the English linguistic culture is first and foremost connected with the achievement of the set goal, fame, wealth, social status and public acceptance. In the Russian linguistic culture the achievement of success is connected not only with the personal efforts but with external factors or fortunate coincidence which may facilitate the goal gaining. The conclusions emphasize that in the Russian linguistic culture the success is inherent in overcoming difficulties, is connected with the inward development and public acceptance while in the English tradition it is frequently regarded as the individual achievement, manifested through material wellbeing or professional advancement.

Key words: the English language, the Russian language, concept, the linguistic picture of the world, SUCCESS.

В лингвистических исследованиях конца XX – начала XXI веков значительное внимание уделяется проблемам взаимодействия языка и культуры, способам категоризации действительности и описанию языковых картин мира. Особенно интенсивно развиваются лингвокультурология и когнитивная лингвистика, в рамках которых одной из основных задач является интерпретация национальной концептосферы. Ученые отмечают, что успешность является одной из базовых потребностей человека и стимулом его поступков. Е. В. Калинкина подчеркивает, что успешность – это «основной мотив поведения, цель, на достижение которой направлены значительные усилия индивида» [цит. по 2, с. 50]. Данное явление может рассматриваться как «результат эффективной деятельности, предстающей в качестве оценки, как со стороны самого индивида, так и со стороны окружающих» [цит. по 2, с. 50]. Достижение успеха стало неотъемлемой частью жизни человека в западном и российском обществе. Средства массовой информации активно пропагандируют успешный образ жизни индивида во всех сферах его деятельности, что не может не оказывать влияние на индивидуальное сознание человека.

Интерес к изучению концептов «success» и «успех» в сравнительно-сопоставительном аспекте возрос за последнее десятилетие в связи с процессами глобализации, необходимостью межкультурной коммуникации и влиянием англо-американской культуры на русскую. А. А. Каслова и Н. А. Чернова [5], изучая вышеупомянутые концепты, выявляют как сходства, так и различия в их лексико-семантическом наполнении, когнитивной структуре и употреблении в различных типах дискурса. Их исследование позволяет глубже понять, какие ценности и приоритеты присущи носителям английского и русского языков и как они представлены в речи. Ю. М. Зинина и С. Ю. Ревюк [4] рассматривают концепты «success» и «успех» как культурно-значимые, анализируют этимологию лексемы успех по данным лексикографических источников, выделяют универсальные и национальные составляющие изучаемых концептов. Ученые также представляют результаты опросов, проведенных в американском и российских университетах с целью презентации исследуемых концептов в сознании носителей языка. В работе И. М. Смирнова выявлены когнитивные, ценностные и дискурсивные характеристики концептов «fame»/ «success»/ «слава» и «успех» [7]. Е. Н. Гончарова [2] исследует эволюцию концептов «success» и «успех» в американской и русской лингвокультурах. Таким образом, проводимое нами исследование выполняется в русле современных лингвистических тенденций. Актуальность работы обусловлена необходимостью понимания культурных различий в восприятии успеха для осуществления эффективной межкультурной коммуникации.

Цель работы – охарактеризовать структуру концептов «success» и «успех» в английской и русской языковых картинах мира. Для достижения поставленной цели используются общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, методы

компонентного, семантического, концептуального, контекстуального и сравнительно-сопоставительного анализов.

Под языковой картиной мира ученые понимают «совокупность знаний об окружающем человека мире, запечатленных в языковой форме. Отраженные в языке представления данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности» [1, с. 362]. Картина мира является центральным понятием концепции человека, выражающим специфику его бытия, она представляет собой «целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной жизни человека. Отражение же этого мира в единицах языка и текстах, создаваемых с помощью средств языка, и образует языковую картину мира» [1, с. 362]. Для описания языковых картин мира используются концепт. Концепт – это «национально-маркированный образ культуры, имеющий языковой выражение в виде слова, словосочетания, предложения и передающий некоторое лингвокультурологическое содержание, являющееся существенным для понимания национальных особенностей носителей языка» [1, с. 113].

Для понимания семантической наполняемости концептов «success» и «успех» следует обратиться к данным толковых словарей английского и русского языков. Так, в словаре Collins представлено следующее определение лексемы success в английском языке: «1) the achievement of something that you have been trying to do; 2) the achievement of a high position in a particular field; 3) the fact that something works in a satisfactory way or has the result that is intended; 4) someone or something that is a success achieves a high position, makes a lot of money, or is admired a great deal» [9]. В Оксфордском словаре английского языка даются следующие определения лексемы успех: «1) the achievement of a desired result or outcome; the accomplishment of an aim or purpose; 2) the luck or fortune (good or bad) which is a person has with respect to a particular situation, venture, endeavour; 3) a particular instance of (good or bad) fortune; 4) the (favourable or unfavourable) outcome of a medical treatment; the result of a scientific experiment; 5) a thing that succeeds or is successful, esp. in being popularly liked or financially profitable; 6) a person who succeeds or is successful, esp. in attaining wealth or social status; 7) the conclusion of a particular undertaking, course of events (whether favourable or not); 8) the inheriting of a position, title, estate» [12]. В словаре издательства Лонгман успех определяется следующим образом: «1) when you achieve what you want or intend; 2) when a lot of people like something, buy something, go to see something; 3) when someone achieves a high position in their job, on a course, in a sport, in society, etc.» [10]. В Вебстерском словаре находим следующее определение успеха: «1) a degree or measure of succeeding; 2) favourable or desired outcome; 3) one that succeeds» [11]. Таким образом, мы видим, что в английской лингвокультуре делается акцент на достижении поставленной цели, славы, богатства, социального статуса и общественного признания.

В русском языке успех определяется следующим образом: «1) удача в достижении чего-нибудь; 2) общественное признание; 3) хорошие результаты в работе, учёбе» [6]. Т. Ф. Ефремова определяет успех как «1) удачу в каком-либо деле, удачное достижение поставленной цели; 2) признание такой удачи со стороны окружающих, общественное одобрение чего-либо или чьих-либо достижений; 3) внимание общества к кому-либо, признание чьих-либо заслуг» [3]. Также успех понимается как «1) удача в задуманном деле, удачное достижение поставленной цели; 2) удача в военной операции, победа; 3) (только мн. ч.) то же о школьном учении, успеваемость; 4) признание такой удачи со стороны окружающих, общественное одобрение чего-нибудь, чьих-то достижений; 5) внимание общества к кому-нибудь, признание чьих-то достоинств, а также удача в ухаживании, флирте» [8]. Таким образом, в русской лингвокультуре достижение успеха связано не только с личными усилиями, но и

внешними факторами или удачным стечением обстоятельств, которые могут способствовать достижению цели.

В английской фразеологии представлены многочисленные примеры концептуализации успеха, его способов достижения и результатов: «to make a success of something», «to succeed with flying colours», «to triumph over adversity», «to come out on the top», «to make it», «to hit the jackpot», «to make one's mark». Для достижения успеха необходимо приложить усилия и, возможно, иметь немного везения: «where there's a will, there's a way», «hard work pays off», «the early bird catches the worm», «to pull oneself by one's bootstraps», «to work one's fingers to the bone», «to play one's cards right», «to have the Midas touch», «to be a go-getter». Достижение успеха связано с положительными чувствами, счастьем, благополучием и известностью: «to be on cloud nine», «to be sitting pretty», «to be in the limelight», «to have the world at one's feet», «to be laughing all the way to the bank».

В русском языке фразеологизмы, описывающие благоприятные условия для достижения успеха, часто апеллируют к удаче и везению: «родиться в рубашке», «судьба улыбнулась», «поймать птицу счастья», «пожинать лавры», «быть на коне», «завоевать себе имя», «играть первую скрипку». Однако, осуждается нечестный способ достижения цели и чрезмерное стремление к успеху и славе: «идти по головам», «влезть на Олимп». Для достижения успеха необходим кропотливый труд, терпение и умение пользоваться благоприятной ситуацией: «без труда не выловишь и рыбку из пруда», «терпение и труд все перетрут», «что посеешь, то и пожнешь», «куй железо, пока горячо».

В результате исследования мы приходим к выводу, что концепты «success» и «успех» занимают важное место в английской и русской языковых картинах мира, отражая не только индивидуальные представления о достижении целей, но и более широкие культурные, исторические и социальные особенности английского и российского общества. Различия в восприятии успеха формировались под влиянием экономических и философских традиций каждой страны. В русской культуре успех часто связан с преодолением трудностей, внутренним развитием и общественным признанием, тогда как в англоязычной традиции он чаще всего рассматривается как индивидуальное достижение, выраженное в материальном благополучии или профессиональном росте.

Список использованных источников

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва : Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Гончарова, Е. Н. Концепт успех / success в русской и американской лингвокультурах: историко-этимологический аспект / Е. Н. Гончарова // Вестник АГУ. – Вып. 2 (177). – 2016. – С. 49–53.
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova> (дата обращения: 12.03.2025).
4. Зинина, Ю. М. Концепт «успех» в современных русском и английском языках / Ю. М. Зинина // Филология: научные исследования. – 2021. – № 1. – С. 57–65.
5. Каслова, А. А. Концепт успех / success в русской и английской языковой картине мира / А. А. Каслова, Н. А. Чернова // Политическая лингвистика. – 2010. – № (2) 32. – С. 176–180.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/253658> (дата обращения: 10.02.2025).
7. Смирнов, И. М. Кросскультурная корреляция концептов «fame» / «success» / «слава» / «успех» в дискурсивной парадигме / И. М. Смирнов // Вестник ВолГУ. – 2014. – Сер 9.

– Вып. 12. – С. 112 – 114.

8. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1070934> (дата обращения: 10.03.2025).

9. Collins Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/success>. (Access date: 13.01.2025).

10. Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/success>. (Access date: 08.04.2025).

11. Meriam-Webster Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/success>. (Access date: 28.03.2025).

12. Oxford English Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: https://www.oed.com/dictionary/success_n?tab=meaning_and_use#19806150. (Access date: 08.04.2025).

УДК372.881.111.1

РОЛЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В 8-9-Х КЛАССАХ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В. С. Жуковская,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чернобай С. Е., старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье исследуется влияние медиатехнологий на обучение английскому языку в 8-9-х классах в процессе формирования коммуникативной компетенции. Цель работы – выявить, как медиатехнологии способствуют развитию навыков общения. Используемые методы включают анализ, наблюдение, эксперимент и описание. Результаты показывают, что интеграция медиатехнологий в учебный процесс повышает вовлеченность учащихся и улучшает их коммуникативные навыки, однако требует активного использования интерактивных элементов. Выводы подчеркивают значимость использования образовательных платформ и ресурсов для формирования у учащихся англоязычной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: английский язык, коммуникативная компетенция, медиатехнологии, обучение, средняя школа, 8-9-е классы.

Summary. The article investigates the impact of media technologies on the English language learning in the 8th and 9th grades, with a focus on developing English communicative competence. The aim of the study is to identify how media technologies contribute to the development of communication skills. The methods used include analysis, observation, and experimentation. The results indicate that the integration of media technologies into the educational process enhances student engagement and improves their communicative skills; however, it requires active use of interactive elements. The conclusions emphasize the significance of the usage of educational platforms and resources in fostering English communicative competence among students.

Key words: the English language, communicative competence, media technologies, education, secondary school, the 8th and 9th grades.

В условиях стремительного развития информационных технологий знание английского языка становится одним из ключевых факторов успешной коммуникации

и профессионального роста. Обучение иностранным языкам требует не только усвоения грамматики и лексики, но и формирования полноценной коммуникативной компетенции, которая позволяет эффективно взаимодействовать в разнообразных ситуациях.

В последние годы медиатеchnологии играют значимую роль в образовательном процессе и открывают новые горизонты для активного обучения, особенно для учащихся 8-9-х классов, когда совершенствуется языковая подготовка. Интеграция видео, аудиоматериалов и интерактивных платформ в учебный процесс делает занятия более увлекательными и эффективными, создавая аутентичную языковую среду и способствуя глубокому овладению языком. Этому посвящен ряд исследований. Например, М. Н. Вятютнев рассматривает интеграцию технологий в образовательный процесс [3]. Д. И. Изаренков анализирует педагогические технологии [4]. Л. А. Петровская исследует способы развития коммуникативных навыков у школьников [5]. О. Т. Солтанбекова изучает современные тенденции в области методики преподавания и использования медиа в образовании [7]. С. В. Тетина изучает методы оценки уровня коммуникативной компетенции [8].

Цель данной статьи – выявить влияние медиатеchnологий на обучение английскому языку в 8-9-х классах и их роль в формировании коммуникативной компетенции. В ходе работы применяются методы анализа, наблюдения, экспериментальный и описательный методы.

Коммуникативная компетенция – это сложное и многогранное явление, соответственно, существует относительно большое количество определений данного понятия. В отечественную науку данное понятие ввел М. Н. Вятютнев. Ученый определял коммуникативную компетенцию как «выбор и реализацию программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения; умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у учеников до беседы, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации» [3, с. 41].

Следует отметить, что развитие коммуникативной компетенции является ключевым аспектом обучения иностранным языкам. Коммуникативная компетенция подразумевает способность эффективно использовать язык в различных ситуациях, что включает умение грамотно строить высказывания, понимать собеседника и использовать соответствующие речевые обороты. Важно различать несколько видов коммуникативной компетенции: лингвистическую (грамматика и лексика), социолингвистическую (правила социокультурного поведения), дискурсивную (организация речевого высказывания) и стратегическую (преодоление языковых трудностей).

В ходе анализа учебно-методического комплекса *Spotlight* для 8 и 9 классов [1; 2] мы пришли к выводу, что авторы предоставляют значительное количество материалов, направленных на развитие коммуникативной компетенции учащихся. Однако следует отметить, что большинство упражнений не обладают интерактивным характером. Для создания благоприятной атмосферы на уроках учителю важно выбирать такие формы занятий, которые будут способствовать активизации коммуникативной деятельности учащихся. В целях внеклассных форм общения можно предложить учащимся основать клубы по интересам, кружки, театральные представления.

Как было упомянуто ранее, ученые акцентируют внимание на значимости внедрения медиатеchnологий в образовательный процесс. Медиатеchnологии охватывают широкий набор инструментов, включая компьютеры, цифровые камеры, микрофоны, видеокамеры и специализированное программное обеспечение, предназначенное для создания, обработки и распространения медийного контента, такого как аудио, видео,

изображения и текстовые материалы. Эти технологии активно применяются в преподавании иностранных языков, что способствует повышению интереса и эффективности обучения. Благодаря медиатехнологиям возможно создание интерактивных уроков с использованием мультимедийных ресурсов.

Учителю на уроках можно использовать *WordWall* [10]. Эта платформа представляет собой многофункциональный инструмент для создания как интерактивных, так и печатных материалов. Интерактивные упражнения воспроизводятся на любом устройстве, имеющем доступ в интернет. Шаблоны включают в себя дидактические упражнения, которые часто встречаются в педагогической практике.

Данный сервис не требует специальных умений для создания упражнений легко и быстро. Чтобы это сделать, необходимо следовать данному алгоритму действий: 1) для возможности создания интерактивного занятия выберите «Создать занятие»; 2) выберите шаблон для упражнения; 3) впишите заголовок занятия и задания; 4) заполните все необходимые данные; 5) нажмите на кнопку «Выполнено».

Составленные упражнения должны соответствовать следующим принципам: коммуникативная направленность; интеграция языковых видов деятельности; контекстуальность; последовательное усложнение; адаптивность; разнообразие упражнений; выполнение на протяжении всего курса обучения.

Перед тем, как разработать упражнения, была избрана определенная методика работы, предложенная Е. Н. Солововой, построенная на принципе «от простого к сложному» [6, с. 59].

Например, для учащихся 8-го класса можно создать упражнение на подбор актуальной лексики по теме “Holiday activities”. Посредством выполнения этого задания учащиеся смогут отработать лексику на тему путешествий, соединяя картинку с соответствующим выражением, что способствует введению новых слов и фраз в активный вокабуляр. Упражнение создано на платформе *WordWall* [10]. Кроме того, предлагаем разделить класс на группы по 4-5 человек, чтобы учащиеся могли составить небольшой рассказ-совет о том, какие действия, по их мнению, необходимо предпринимать в путешествии. Упражнение относится к модулю 6b учебника *Spotlight 8* [1, с. 92].

Также, для учащихся 9-го класса можно разработать упражнение “Interview”, которое направлено на развитие навыков аудирования и говорения. Задание состоит из 24 вопросов (аудиофайлов) на темы “Hobbies”, “Shopping”, “TV”, “Cinema”, соответствующих модулю 5 учебника *Spotlight 9* [2, с. 77]. Учащиеся прослушивают вопросы, а затем отвечают на них в устной форме, демонстрируя свое понимание речи на слух и навыки говорения.

Важно отметить, что подобное задание есть и в устной части общего государственного экзамена, поэтому оно направлена обучение девятиклассников выполнять типичные задания устной части экзамена по английскому языку. Упражнение содержит разнообразные вопросы, например: “How often do you usually go shopping?”.

Платформа *WordWall* [10] представляет собой удобный и многофункциональный инструмент для создания интерактивных и печатных материалов, который позволяет учителям легко разрабатывать дидактические упражнения, соответствующие современным требованиям образовательного процесса.

Genially [9] представляет собой интерактивную платформу, играющую значительную роль в современном образовательном процессе, особенно на уроках английского языка в 8-9-х классах. Данная платформа позволяет учителям и учащимся создавать визуально привлекательные и анимационные материалы, такие как презентации, инфографику, викторины и интерактивные задания. Это способствует

более увлекательному и эффективному обучению, что является важным аспектом формирования англоязычной коммуникативной компетенции.

Одной из ключевых особенностей *Genially* [9] является возможность интеграции интерактивных элементов. Учителя могут добавлять кнопки, ссылки и анимацию в свои материалы, что позволяет учащимся активно взаимодействовать с контентом. Это создает динамичную учебную среду, где учащиеся не только воспринимают информацию, но и применяют свои знания на практике. Например, участие в интерактивных викторинах способствует развитию навыков аудирования и говорения, что является необходимым для успешного овладения языком.

Платформа также поддерживает совместную работу, что позволяет учащимся работать в группах над проектами, обмениваться идеями и учиться друг у друга. Это особенно важно для формирования коммуникативных навыков, поскольку школьники учатся обсуждать, аргументировать и выражать свои мысли на английском языке.

Genially [9] не требует глубоких технических знаний, что делает её доступным для всех учителей и учащихся. Интуитивно понятный интерфейс позволяет быстро создавать и делиться контентом, что способствует активному обучению и повышению интереса к изучаемым темам. Используя *Genially* [9] на уроках, учителя могут легко адаптировать материалы под различные уровни подготовки и интересы учащихся, что способствует индивидуализации обучения. Применение платформы *Genially* [9] на уроках английского языка в 8-9-х классах не только делает процесс обучения более интерактивным и интересным, но и значительно способствует формированию англоязычной коммуникативной компетенции.

Кроме того, использование видео и аудиоматериалов на уроках английского языка способствует развитию навыков аудирования и совершенствованию произношения. Ученики могут прослушивать реальные диалоги, смотреть фильмы и клипы, что позволяет им погружаться в языковую среду и учиться у носителей языка. Это особенно важно для формирования навыков понимания на слух и улучшения акцента.

Таким образом, медиатехнологии играют важную роль в обучении английскому языку в 8-9-х классах, способствуя формированию англоязычной коммуникативной компетенции. Интеграция интерактивных элементов и использование современных образовательных платформ значительно повышают вовлеченность учащихся в учебный процесс и развивают их навыки общения. Поэтому необходимо продолжать исследовать и внедрять новые технологии в образовательный процесс, чтобы обеспечить качественное и эффективное обучение, соответствующее требованиям современного общества.

Список использованных источников

1. Английский язык. 8 класс : учебник для общеобразоват. организаций / Ю. Е. Ваулина, Д. Дули, О. Е. Подоляко, В. Эванс. – Москва : Express Publishing ; Просвещение, 2012. – 216 с.
2. Английский язык. 9 класс : учебник для общеобразоват. организаций / Ю. Е. Ваулина, Д. Дули, О. Е. Подоляко, В. Эванс. – Москва : Express Publishing ; Просвещение, 2010. – 216 с.
3. Вятютнев, М. Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах / М. Н. Вятютнев // Русский язык за рубежом. – 1977. – № 6. – С. 39–45.
4. Изаренков, Д. И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов / Д. И. Изаренков // Русский язык за рубежом. – 1990. – № 4. – С. 54–60.
5. Петровская, Л. А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг / Л. А. Петровская. – Москва : Издательство МГУ, 1998. – 348 с.

6. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций : пособие для пед. вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – 3-е изд. – Москва : Просвещение, 2005. – 239 с.
7. Солтанбекова, О. Т. Коммуникативная компетенция и ее составляющие / О. Т. Солтанбекова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – №. 6. – С. 40–44.
8. Тетина, С. В. Компетентностная модель учителя иностранного языка в условиях введения профессионального стандарта педагога / С. В. Тетина // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2015. – №. 3 (24). – С. 105–110.
9. Genially. – URL: <https://genially.com> (дата обращения: 10.02.2025).
10. Wordwall. – URL: <https://wordwall.net> (дата обращения: 10.02.2025).

УДК 821.111

ТИПЫ РЕАЛИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДОРИ ШАФРИР «СТАРТАП»)

Д. И. Каминская,

*обучающаяся 3-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Беловенцева М. В., старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются типы реалий в романе «Стартап» (“Startup”) американской писательницы Дори Шафрир (Doree Shafrir). Применение аналитического, сравнительного, описательного методов позволило выявить и классифицировать эти лексические единицы. В произведении присутствуют американские и британские бытовые и ономастические реалии, а также реалии транспорта. В ходе функционирования единицы с национальным и/или историческим колоритом, являющиеся именами собственными, в ряде случаев подвергаются аппелятивизации.

Ключевые слова: реалии, типы реалий, бытовые реалии, ономастические реалии, реалии транспорта, аппелятивизация, американская литература, Дори Шафрир, «Стартап».

Summary. The article considers the types of realia in the novel *Startup* by the American writer Doree Shafrir. The use of the analytical, comparative and descriptive methods allowed to find and classify these lexical units. In the literary work there are American and British everyday and onomastic realia as well as the transport ones. When functioning the units with national and/or historical colouring being proper names in a row of cases undergo appellativization.

Key words: realia, types of realia, everyday realia, onomastic realia, transport realia, appellativization, American literature, Doree Shafrir, *Startup*.

Современная литература отражает разнообразие культурных и социальных реалий, характерных для определенных регионов и эпох. Особенно ярко это проявляется в произведениях американских писателей, где реалии становятся важным элементом нарратива, создавая атмосферу и погружая читателя в контекст.

Множество ученых и литературоведов сосредоточены на изучении реалий, уделяя внимание их классификации, функции и влиянию на восприятие текста.

С. И. Влахов выделяет следующее определение термина «реалии»: «это слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит» [2, с. 54].

В. С. Виноградов в своих трудах отмечает, что в филологии существует двойственное понимание реалий:

– как предмета, понятия, явления, свойственного истории, культуре определенного определенной нации, страны и отсутствует в других;

– как слова или словосочетания, обозначающие такой объект, понятие, явление (лексема, фразеологизм, пословица, поговорка) [1, с. 123].

Интерес к изучению реалий в литературе продолжает расти как среди ученых, так и среди широкой аудитории. Несмотря на существование различных исследований, посвященных этому вопросу, неполнота определений, недостаток сведений о конкретных типах реалий и их функционировании в текстах подчеркивают актуальность данного исследования.

Языковеды выделяют разные критерии для классификации реалий. В своих работах Г. Д. Томахин изучал американские реалии, классифицируя их на денотативные и коннотативные. Денотативные реалии содержат только основную лексическую информацию, а коннотативные реалии включают смысловые и эмоциональные оттенки. Коннотативные реалии отражаются в значениях слов, их оттенках, эмоциональных нюансах и внутренней форме [3, с. 167].

Лингвист В. С. Виноградов предложил следующую классификацию:

1. Лексика, обозначающая бытовые реалии. Включает в себя включают жилище, имущество, одежду, пищу, виды труда и занятия, денежные знаки, единицы меры, музыкальные инструменты, народные танцы и песни, народные праздники, игры и обращения.

2. Лексика, обозначающая этнографические и мифологические реалии. К таким реалиям относятся народные общности, божества и сказочные существа.

3. Реалиям мира природы. Сюда входят животные, растения, ландшафт и пейзаж.

4. Слова, обозначающие государственно-административное устройство и общественную жизнь.

5. Лексика, которая обозначает ономастические реалии. Включает в себя антропонимы, топонимы, имена литературных героев.

6. Лексика, которая отражает ассоциативные реалии. К которым относятся вегетативные, анималистические символы, цветовая символика, а также фольклорные, исторические, литературно-книжные и языковые аллюзии [1, с. 156].

В своём романе «Стартап» Дори Шаффрир использует множество реалий для создания более реалистичной картины происходящего. Писательница в анализируемом произведении вводит разные типы этих лексических единиц для придания повествованию выразительности. В ходе анализа романа «Стартап» был выявлены различные типы реалий, в том числе и бытовые:

“...a royalblue **gingham-checked** button-down shirt tucked into **jeans** and a navy **blazer**...” [4, с. 11].

В этом предложении дается описание внешнего вида молодого человека, который одевается как типичный представитель своей профессиональной группы.

“...but rather providing free sustenance in the form of **granola bars** and **coconut water** and green juice (all sponsored by an on-demand laundry app), which they drank greedily before, or in some cases while, slithering onto the dance floor” [4, с. 8].

При помощи реалий *granola bars* и *coconut water* автор показывает пресыщенность публики, которым недостаточно классической еды. Маркетинг и красивые наименования становятся важнее вкуса и личных предпочтений.

Реалии транспорта и ономастические реалии присутствуют в таком случае:

“They came from all over the city in the predawn hours, a merry band of highly optimized minstrels in purple leggings and shiny headbands and brightly colored sneakers, walking the fifteen minutes from *the L train* or directing *an Uber* to the former spice factory in the no-man’s-land between *Williamsburg* and *Greenpoint*” [4, с. 7].

Название *the L* (полная форма *the L 14th Street – Canarsie Local*) относится к скоростной транспортной службе отделения «Б» нью-йоркского метро. Соответственно, *the L train* – это поезд, который принадлежит этой службе метро.

Uber именуется американская компания международного уровня из Сан-Франциско, которая известна тем, что разработала одноимённое мобильное приложение, используемое для работы с такси или частными водителями (поиск, вызов и оплата). Также можно заказать и доставку еды. В контексте предложения видно, что произошла аппелятивизация имени собственного. Слово *Uber* стало употребляться как название любого автомобиля, работающего на эту компанию, и может комбинироваться с неопределённым артиклем.

Williamsburg представляет собой город в юго-восточной части штата Вирджиния, который когда-то был его колониальной столицей. В настоящее время реставрирован и выглядит так же, как и в 18 веке. *Greenpoint* является самой северной частью Бруклина, района в городе Нью-Йорка.

Название общественного события упоминается в таком случае:

“Oh, and he’s run *the New York City Marathon* three times” [4, с. 17].

The New York City Marathon является ежегодным марафоном, который проходит в Нью-Йорке. Считается одним из крупнейших в мире. Впервые был организован в 1970 году и с тех пор проводится ежегодно в первое воскресенье ноября. Ещё одно общественное событие присутствует в следующем отрывке:

“But everything changed after graduation, when Sabrina failed to sell her thesis, a novel about three generations of a wacky but endearing Korean American family living in Princeton, New Jersey, even though one of her professors, who had won a *National Book Award*, called it brilliant and masterful and a host of other adjectives that failed to move editors at every major publishing house in New York” [4, с. 33].

National Book Award может использоваться по отношению к любой из нескольких премий, которые ежегодно вручаются в США тому автору, чья книга считается лучшей в той или иной категории.

Ономастические реалии можно найти и в таком контексте:

“Last night she had rushed home to find Owen, who was five, screaming at the nanny that he wanted to watch another episode of *Peppa Pig* on the *iPad*” [4, с. 37].

Peppa Pig является названием серии британских мультфильмов для дошкольников, а *iPad* – это бренд, название планшета, разработанного фирмой «Эппл».

В целом, следует отметить, что реалии составляют важный элемент американской литературы, способствуя созданию подлинной атмосферы и передаче уникальных черт и разнообразия американской культуры. Они позволяют читателю глубже погрузиться в произведение, переживая события и ощущая особенности американского образа жизни. Анализ произведения «Стартап» американской писательницы Дори Шаффрир показывает, что в романе используются американские и британские реалии, которые классифицируются как бытовые и ономастические реалии, а также реалии транспорта. В процессе функционирования реалии, которые являются именами собственными, могут подвергаться процессу аппелятивизации.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – Москва : Издательство Института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – Москва : Высшая школа, 1986. – 416 с.
3. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению / Г. Д. Томахин. – Москва : Высшая школа, 1988. – 240 с.
4. Shafir, D. Startup / D. Shafir. – New York : Little, Brown and Company, 2017. – 295 p.

УДК 81`38

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, СОСТАВЛЯЮЩИХ КОНЦЕПТ «ВЕРА» В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

М. С. Каракошов,

*обучающийся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Полховская Е. В.,

*заведующая кафедрой английской филологии, к. ф. н., доцент, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается концепт «Вера» в русских и английских паремиях. Анализируется специфика паремиологических единиц, их структурные и семантические особенности, а также различия в трактовке пословиц и поговорок в отечественной и зарубежной лингвистике. В рамках исследования выявлены ключевые фреймы, отражающие смысловые оттенки концепта «Вера» в двух языках. Особое внимание уделяется сравнительному анализу русских и английских паремий. В статье используются методы фреймового анализа, семантического исследования, сопоставительного анализа и метод фразеологической идентификации

Ключевые слова: вера, концепт, паремии, мировоззрение.

Summary. The article examines the concept of “Faith” in Russian and English paremias. It analyzes the specifics of paremiological units, their structural and semantic features, as well as differences in the interpretation of proverbs and sayings in domestic and foreign linguistics. The study identifies the key frames that reflect the semantic nuances of the concept of “Faith” in both languages. Special attention is given to the comparative analysis of Russian and English paremias. The research employs methods of the frame analysis, semantic investigation, comparative analysis and method of phraseological identification.

Key words: faith, trust, belief, concept, worldview.

Понятие картины мира строится на изучении представлений человека о мире. Представители когнитивной лингвистики утверждают, что наша концептуальная система, отображённая в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним [3].

Паремиологический фонд интересует ученых с древнейших времен. В течение многих веков складывался материальный фонд народной мудрости, который составил предмет изучения науки паремиологии. В этой связи следует отметить, что специфика

паремиологических единиц изучается отечественными и зарубежными лингвистами в рамках фразеологии.

В переводе с греческого слово «паремия» эквивалентно термину «пословица», но исследователи также включают в это понятие поговорки.

В словаре лингвистических терминов дается такое определение: «Пословица – краткое меткое поучительное народное изречение. Характеризуется художественной оформленностью, а также синтаксической самостоятельностью. Пословица составляет ядро фонда народных афоризмов, заключающих в себе многовековой опыт народа и народную дидактику» [4, с. 327–328].

Поговорке дается следующее определение: «Поговорка – краткое и меткое народное выражение. Отличается образностью, отражает народную наблюдательность, остроту взгляда» [4, с. 317].

Тем не менее, в лингвистике существует неопределённость в определениях самих понятий «пословица» и «поговорка». Например, в зарубежной литературе два этих понятия часто вообще не различаются. Авторы сборников английских пословиц и поговорок не видят больших различий между этими двумя типами коммуникативных фразеологических единиц, считая их краткими предложениями, выражающими всем известную истину или факт, в которых отражён опыт данной социо-культурной общности в обобщённом виде [2, с. 3].

Английские и американские исследователи делают акцент в изучении паремий на сопоставительных вопросах, сравнивая паремиологический фонд различных языков. Изучение паремиологии ведется с точки зрения психологии, лингвистики, литературоведения, фольклористики, истории и антропологии. Все исследователи затрагивают структурные и семиотические особенности паремий, изучают их этимологию, а также особенности их использования в текстах художественных произведений или текстах средств массовой информации.

Пословицы и поговорки (паремии) являются важным элементом языковой картины мира, отражающим ключевые культурные ценности и мировоззренческие особенности общества. Анализ паремий, связанных с концептом «вера», позволяет выявить, как в русской и английской культурах осмысляются и находят выражение понятия доверия, веры и убеждения.

Сделав выборку употреблений лексических единиц, составляющих концепт «Вера» в паремиях из русско-английского словаря пословиц и поговорок А. Моргулиса, были определены следующие фреймы:

Лексическая единица концепта ВЕРА	Выделенные фреймы
Faith	Фрейм 1. Faith – скептицизм (<i>“One eye has more faith than two ears”</i> ; <i>“Put no faith in tale bearers”</i>).
Belief	Фрейм 1. Belief – скептицизм (<i>“Believe not all that you see nor half what you hear”</i> ; <i>“Believe only half of what you see and nothing you hear”</i> ; <i>“Believe only half of what you hear”</i>);
	Фрейм 2. Belief – убеждение, через опыт (<i>“Seeing is believing”</i> ; <i>“What we see we believe”</i> ; <i>“I’ll believe it when I see it”</i> ; <i>“Believe one who has had experience”</i>);
	Фрейм 3. Belief – недоверие (<i>“He who lies once is never believed again”</i>);

	<i>"A liar is not believed when he tells the truth";</i> <i>"No one believes a liar when he tells the truth");</i>
	Фрейм 4. Belief – доверчивость <i>("He who believes easily is easily deceived";</i> <i>"It is easy to believe what you want to";</i> <i>"Men believe what they will to believe";</i> <i>"We soon believe what we desire");</i>
	Фрейм 5. Belief – отсутствие понимания <i>("The full do not believe the hungry";</i> <i>"He whose belly is full believes not him who is fasting");</i>
	Фрейм 6. Belief – сомнение <i>("Believe it or not").</i>
Trust	Фрейм 1. Trust – осторожность <i>("You should not trust people you are not on friendly terms with who offer you benefits or presents";</i> <i>"Never trust a wolf with the care of lambs";</i> <i>"Trust, but not too much";</i> <i>"Never trust a broken staff";</i> <i>"Do not trust all the people you meet by chance";</i> <i>"You cannot rely on the trustworthiness of all that is told").</i>
	Фрейм 2. Trust – проверка перед доверием <i>("First try and then trust";</i> <i>"If you trust before you try, you may repent before you die";</i> <i>"Test before trusting";</i> <i>"Try before you trust";</i> <i>"Before you trust a man, eat a peck of salt with him";</i> <i>"Eat a peck of salt with a man before you trust him");</i>
	Фрейм 3. Trust – хрупкость доверия <i>("A trustful man is often betrayed";</i> <i>"Sudden trust brings sudden repentance";</i> <i>"Trust is the mother of deceit");</i>
	Фрейм 4. Trust – баланс доверия и действий <i>("Put your trust in God, but keep your powder dry";</i> <i>"It is better to trust the eye than the ear") [5].</i>

Анализ пословиц и поговорок, связанных с концептом «Вера» из русско-английского словаря пословиц и поговорок А. Моргулиса, позволил выделить 10 фреймов и данные были оформлены в таблицу.

Сделав выборку употреблений лексических единиц, составляющих концепт «Вера» в паремиях из словаря пословиц и поговорок русского языка В. Даля, были определены следующие фреймы:

Лексическая единица концепта ВЕРА	Выделенные фреймы
<i>Вера</i>	Фрейм 1. Вера – нравственный ориентир («С верой нигде не пропадешь»; «Без веры живут на этом свете, а на том не проживешь»; «Вера спасает»; «Вера и гору с места сдвинет»; «Без веры господь не избавит, без правды господь не исправит»; «Не та вера правее, которая мучит, а та, которую мучат»; «Какова вера, таков у ней и бог»; «Менять веру – менять и совесть»; «Без добрых дел – вера мертва пред богом»; «Все под одним богом ходим, хоть и не в одного веруем»; «Бог любит веру, а деньги счёт»);
	Фрейм 2. Вера – идентичность («Что мужик, то вера; что баба, то устав»; «По старой вере, да по новой моде»; «Чья земля, того и вера»);
	Фрейм 3. Вера – осторожность («Счастью не вовсе верь. На счастье не надейся!»; «Счастью не верь, а беды не пугайся!»; «Не верь своим очам, верь моим речам!»; «Много слышится, да мало верится»; «Слушать его можно, а верить нельзя»; «Пойдешь просить – люди глухи: к тебе придут – и глухоте не верят»; «Верь приданому после свадьбы!»; «Не верь жене в подворье, а коню в дороге»; «Не верь брату родному, верь глазу своему кривому!»; «Не всякому слуху верь, не всякую правду сказывай!»; «Первому дураку не верь!»; «Первому вралю веры не давай!»; «Никому не верь, только счёту верь!»);
	Фрейм 4. Вера – доверчивость («Кто веру имеет, что волк овцу пасёт?»; «Раз солгал, а век веры не имут»; «Со вранья не мрут, да вперёд веры неймут»; «Кто вчера солгал, тому и завтра не поверят»; «Сложешь сегодня, не поверят и завтра»; «Изверишься в рубле, не поверят и в игле»; «Как кому верят, так тому и мерят»; «Кто легко верит, легко и пропадает»; «Первой касатке не верь»; «Одной ласточке не верь»; «Не верь малому да лукавому»; «Запрометчиву коню не верь в узде»);
	Фрейм 5. Вера – убеждение, через опыт («Когда смерил, так и поверил»;

	«Что мера, то и вера. Где мера, там и вера»; «Не всюду с верою, а инде и с мерою»; «Не верит барин повару, сам идет по воду»; «Никому не верит, а сам мерит»; «Коли не веришь нам, так пощупай сам»; «Как видят рождь, и мукою верят»; «Когда увижу, тогда и поверю»; «Не вижу, так и не верю»; «Дай в руки, поверю»);
	Фрейм 6. Вера – скептицизм («Больше верь своим очам, нежели чужим речам!»; «Больше верь делам, нежели словам!»; «Не верь чужим речам, верь своим очам!»; «Людским речам вполовину верь!»; «Не всякому слуху верь!»; «Не верь словам, верь деньгам»; «Ирод клянется, Иуда лобзает, да им веры неймут!»; «Не всякому верь, запирай крепче дверь!»; «Огню не верь и воде не верь»; «С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь»; «Не верь козлу в капусте, а волку в овчарне»; «Верь всходам, как зерно в закрое засыплешь»);
	Фрейм 7. Вера – мораль («Честь чести и на слово верит»; «Не божись, и без божбы никто не поверит»; «Не божись, в долг поверю»; «Не побожившись, и сам себе не верит»; «Соврешь – не помрешь, да вперед не поверят»; «Честь чести на слово верит»; «Верен, что золото в огне»);
	Фрейм 8. Вера – преданность («Верен, что золото в огне»; «При верном псе и сторож спит»; «Верен раб – и господин ему рад»; «Верный раб за господина умереть рад»; «В хвасте нет сласти, а будь на деле верен»; «Шут в дружбе неверен»; «Честь чести на слово верит»). [1]

Анализ употребления лексических единиц, составляющих концепт «Вера» в поговорках русского языка из словаря пословиц и поговорок русского языка В. Даля, позволил выделить 8 фреймов и полученные данные были оформлены в таблицу.

Для сопоставительного анализа лексических единиц, составляющих концепт «Вера» в английском и русском языках, единицы были разбиты на фреймы. При анализе поговорок удалось выделить 10 фреймов в английском языке и 8 фреймов в русском.

Наименование фрейма	Английский язык	Русский язык
<i>Вера – скептицизм</i>	+	+
<i>Вера – убеждение, через опыт</i>	+	+
<i>Вера – недоверие</i>	+	-

<i>Вера – доверчивость</i>	+	+
<i>Вера – отсутствие понимания</i>	+	-
<i>Вера – сомнение</i>	+	-
<i>Вера – осторожность</i>	+	+
<i>Вера – проверка перед доверием</i>	+	-
<i>Вера – хрупкость доверия</i>	+	-
<i>Вера – баланс доверия и действий</i>	+	-
<i>Вера – нравственный ориентир</i>	-	+
<i>Вера – идентичность</i>	-	+
<i>Вера – преданность</i>	-	+
<i>Вера – мораль</i>	-	+

Проведя сопоставительный анализ, можно сделать вывод, что совпадают 4 фрейма: «Вера – доверчивость», «Вера – осторожность», «Вера – убеждение, через опыт», «Вера – скептицизм».

В результате было обнаружено, что концепт «Вера» в поговорках английского и русского языков соотносится с доверчивостью и осторожностью. В английском языке лексическими единицами концепта «Вера» в поговорках люди выражают недоверие, отсутствие понимания, сомнение, проверку перед доверием, хрупкость доверия и баланс доверия и действий. Однако, в русском языке концепт «Вера» имеет высокую нравственную окрашенность в поговорках, что доказывают выделенные фреймы. Лексические единицы концепта «Вера» используются для выражения понятий: идентичность, преданность, мораль, и нравственный ориентир.

Список использованных источников

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – Москва : Университетская типография, 1862. – 1095 с.
2. Кусковская, С. Ф. Сборник английских пословиц и поговорок / С. Ф. Кусковская. – Минск : Вышшая школа, 1987. – 253 с.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
4. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов на Дону : Феникс, 2010. – 562 с.
5. Margulis, A. Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings / A. Margulis, A. Kholodnaya. – London : McFarland & Company Inc. Publishers, 1974.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ОБРАЗ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

А. С. Керимова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Мазина Е. Н.,

*к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации прецедентного образа Красной Шапочки в англоязычных поэтических текстах XX–XXI веков. Использование метода интертекстуального анализа, сравнительного и описательного методов, а также культурно-исторического подхода позволило установить, что специфика интерпретаций образа Красной Шапочки напрямую зависит от социокультурных ценностей и общественных настроений своего времени. Преимущественно наблюдается изменение перспективы повествования и мотивации происходящих действий, а также происходит смена ролей в системе персонажей сказки.

Ключевые слова: Красная Шапочка, прецедентный образ, сказка, сюжет, англоязычная поэзия.

Summary. The article examines the transformations of Little Red Riding Hood precedent image in English and American poetry of the XX–XXI centuries. The use of the intertextual analysis method, comparative and descriptive methods, as well as the cultural-historical approach made it possible to conclude that the peculiarities of the poets' interpretation of Little Red Riding Hood image depend directly on the socio-cultural values and public sentiments of their time. Mostly, there is a change in the perspective of the narration and the motivation for the actions happening, as well as an alteration of roles in the system of fairy tale characters.

Key words: Little Red Riding Hood, precedent image, fairy tale, plot, English poetry.

Со второй половины XX века отмечается интерес ученых к феномену прецедентного образа в связи с тем, что антропоцентрический подход как значимое направление методологии научных познаний прочно утвердился в современных филологических исследованиях.

В отечественной науке прецедентный образ принято отождествлять с прецедентным именем. Наиболее известное определение прецедентного имени было предложено Д. Б. Гудковым: «прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (Обломов, Илья Муромец), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (Иван Сусанин, Павлик Морозов)» [1, с. 83]. Е. А. Нахимова также предприняла попытку охарактеризовать прецедентные имена как «широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека, (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своеобразного культурного знака, символа определённых качеств, событий, судеб» [2, с. 25].

Цель данного исследования состоит в раскрытии особенностей трансформации образа Красной Шапочки в стихотворениях современных британских и американских

поэтов. Анализ англоязычных поэтических текстов рубежа XX–XXI веков позволил выявить различные подходы к интерпретации этого прецедентного феномена.

Американская поэтесса и писательница Энн Секстон предлагает феминистскую трактовку истории о Красной Шапочке. В стихотворении “Red Riding Hood” [7] автор затрагивает темы обмана и уязвимости жертв, в сатирическом ключе осмысливает проблемы женской идентичности и общественных ожиданий. Э. Секстон связывает историю «Красной Шапочки» с современной жизнью, меняя перспективу рассмотрения сказки. Автор предполагает, что навязанные обществом женские роли искажают представление о безопасности и восприятии обмана. Красная Шапочка подчиняется своей матери, заставляющей ее пройти через опасный лес в одиночку, чтобы отнести больной бабушке вино и пирог. Сама Э. Секстон добавляет ироничный комментарий: “*Wine and cake?/ Where's the aspirin?/ The penicillin?/ Where's the fruit juice?/ Peter Rabbit got chamomile tea./ But wine and cake it was*” [7], подразумевая, что путешествие с таким содержимым корзинки будет бесполезным и лишь подвергнет героиню опасности. При встрече с волком Красная Шапочка останавливается и вежливо отвечает на все его вопросы, поскольку, будучи мужским образом, он является для нее авторитетом, она доверяет ему и не видит в нем угрозы: “*Good day, Mr. Wolf, she said,/ thinking him no more dangerous/ than a streetcar or a panhandler*” [7]. В сцене повторной встречи Красной Шапочки и волка в доме бабушки Э. Секстон добавляет важную деталь: “*Grandmother looked strange,/ a dark and hairy disease it seemed*” [7] – героиня замечает странности во внешнем виде «бабушки», она инстинктивно чувствует опасность, и, тем не менее, оказывается съеденной. Таким образом, поэтесса показывает читателю, что следуя предписанным обществом стандартам приемлемого женского поведения, героиня подавила естественные инстинкты, что привело к трагическому исходу событий. Как и в оригинале, в адаптации Э. Секстон присутствует образ охотника-спасителя как символ подчинения мужской власти. Автор демонстрирует, как женщин убеждают, что их благополучие зависит от мужчин и они должны быть им благодарны.

Шотландская поэтесса Кэрол Энн Даффи также представляет феминистскую версию классической сказки в своем стихотворении “Little Red Cap” [4]. Красная Шапочка К. Э. Даффи – молодая женщина, полная сексуального любопытства, творческих амбиций и личной свободы. Первая фраза стихотворения: “*At childhood's end*” [4] прямо определяет одну из ключевых тем произведения – тему взросления. Главная героиня из привычной благоприятной среды отправляется в лес, но не с целью помочь больной бабушке, а в желании превратиться из невинной девушки во взрослую женщину. Ключевую роль в сюжете играет встреча с Волком: в версии К. Э. Даффи героиня замечает Волка, читающего вслух свои стихи. Девушка восхищается хищником, давая понять, что сама искала с ним встречи: “*I made quite sure he spotted me*” [4]. Красная Шапочка хочет, чтобы он осознал ее невинность и купил ей первый напиток, символизирующий один из моментов взросления. Героиня добровольно вступает в сексуальную связь с волком, отмечая его животную страсть. Далее в истории появляется образ белой голубки, символизирующий невинность: “*A living bird – white dove –/ Which flew, straight, from my hands to his open mouth/ One bite, dead*” [4]. Таким образом автор демонстрирует, что героиня выбирает отдать свою юность и чистоту, наслаждаясь тем фактом, что она изменилась и продолжает меняться. В версии К. Э. Даффи Красная Шапочка провела с Волком десять лет своей жизни. Размышляя о том, чему ее научило это время, проведенное с хищником, она образно сравнивает гнетущую природу их отношений с грибом, растущим изо рта мертвого тела и душащим его: “*and it took ten years/ In the woods to tell that a mushroom/ Stoppers the mouth of a buried corpse*” [4]. Красная Шапочка говорит о своем разочаровании в Волке как в сексуальном, так и в творческом плане, поскольку он и его искусство стали

устаревшими, однообразными и не вдохновляющими. Героиня берется за топор: *"I took an axe to the wolf/ As he slept, one chop, scrotum to throat"* [4]. Такое действие выступает в стихотворении метафорой уничтожения сексуальной силы Волка и утверждения Красной Шапочкой своей силы как отдельной личности. Она больше не ребенок, которым была до того, как вошла в лес, она выходит из леса независимой и имеющей полный контроль над своей жизнью.

Стихотворение американской поэтессы мексиканского происхождения Дженнифер Гивхан *"I am dark, I am forest"* [5] вызывает особый интерес, поскольку является этноспецифической адаптацией классической сказки. Автор создает образ девушки, чье путешествие в лес позволяет развернуться истории о межпоколенческих связях, культурной идентичности и семейной травме. Произведение начинается со следующих слов: *"I carried a bowl of menudo into the forest, I carried my bisabuela's tripas not daring ask whose intestines I carried"* [5]. Как и в оригинальной сказке, здесь присутствует путешествие в лес, еда, которую нужно нести через этот лес, и образ бабушки, однако на этом сходства завершаются. Менудо, являясь традиционным мексиканским блюдом, в данном контексте становится символом культурной идентичности, оно отражает связь с корнями, напоминая о жизни прабабушки, её трудностях и жертвах. Интересно, что образ внутренностей в данном контексте трансформируется из потерь в символ восстановления и памяти. Образ швейной машинки и тяжелого труда прабабушки отражает боль и ценность жизни женщин в семье поэтессы. Далее Дж. Гивхан указывает читателю на то, что ее история совсем не о наивной Красной Шапочке: *"I wore no red / I bore no basket / there was no forest but an avocado tree in the backyard of the house"* [5]. Дж. Гивхан также отмечает, что антагонистом ее истории был не волк, а человек, и речь идет не об обмане, а о домашнем насилии, о чем свидетельствует упоминание шрамов, оставленных ужасным мужем прабабушки: *"I carried her face / the scars her warped esposo left her granddaughter / carried those wounds through the womb"* [5]. Эти строки демонстрируют пересечение личной травмы и коллективной памяти. Образ лодки, на которой автор переправляет своих маму и прабабушку через кровавые воды, служит символом спасения, попыткой прервать печальный опыт женщин их семьи. Финальная фраза: *"I carried darkness into the forest & sliced it out"* [5], воплощает некий ритуал памяти: поэтесса оставляет тьму, унаследованную от предков, в метафорическом лесу, чтобы создать лучшее будущее последующим поколениям.

Стихотворение *"Little Red"* [6] американской поэтессы Салли Розен Кайндред представляет собой экзистенциальную интерпретацию оригинального текста. Автор обращается к теме матрилинейного наследия, а также упоминает неизвестную тьму, которая здесь представляется болезнью, не имеющей названия: *"To treat it, the doctor said, we don't need a name for it"* [6]. Как и в оригинальной сказке, главная героиня отправляется в лес к больной бабушке, чей недуг все еще остается не раскрыт. Автор упоминает корзинку и накидку: *"I picked up my basket, put her white coat inside. <...> like a saint's caul, like a fever"* [6], однако в адаптации С. Р. Кайндред они не имеют положительной коннотации, скорее отражают безысходность и страдание. Образу бабушки придана трагическая значимость, она не просто больна, а находится в предсмертном состоянии. В произведении американской поэтессы в роли злодея выступает неизвестная болезнь, которая может быть волчанкой или болезнью Лайма. Слово «волчанка» в исходном тексте звучит как *"lupus"*, что является латинским вариантом слова «волк». Путешествие героини С. Р. Кайндред через лес может олицетворять прохождение через болезненную терапию во время серьезного заболевания. Желание героини «стать буханкой, неподвижной» означает желание избавиться от борьбы и обрести покой. Автор отражает необходимость узнать точное название болезни, чтобы выразить свои страдания, и в то же время желания полностью

избавиться от этих страданий. Можно говорить о том, что стихотворение С. Р. Кайндред призывает читателя признать и принять неопределенность своего существования вместо того, чтобы искать окончательные ответы, автор демонстрирует боль и страдания как неотъемлемую часть жизни.

Американский поэт индийского происхождения Ага Шахид Али в стихотворении “The Wolf’s Postscript to ‘Little Red Riding Hood’” [3] предлагает комично-логический подход к интерпретации известной сказки. В своем произведении автор рассказывает о том, как создаются герои и злодеи, заставляя читателя задуматься, был ли антагонист действительно злым или у него была другая версия происходящего. Ш. Али меняет перспективу повествования, раскрывая мысли злодея оригинальной истории. Поэт начинает свое произведение следующей строкой: “*First, grant me my sense of history*” [3], таким образом напоминая читателю, что все истории можно рассматривать с разных точек зрения, что может менять ее смысл и сюжет. Волк сообщает читателю, что он руководствовался благими намерениями: “*I did it for posterity, for kindergarten teachers and a clear moral*” [3]. Далее главный герой напоминает читателю, что он мог бы съесть Красную Шапочку в первую же их встречу, а также говорит о нелепости своего вопроса о месте проживания бабушки, ведь будучи лесным обитателем, он точно знал ответ. В третьей строфе герой отмечает следующее: “*But I was no child-molester/ though you’ll agree she was pretty*” [3]. Несмотря на заверения героя в том, что его главной целью было преподать девушкам нравственный урок, сам факт упоминания внешней привлекательности девушки говорит о том, что его влечение определено было мотивом его действий в сказке. Сцена с охотником в рассказе Волка трансформирует его в жертву. Герой намекает читателю, что он не уснул и нарочно позволил охотнику разрезать себя и вложить внутрь камни, а затем побежал с этим грузом лишь для того, чтобы повеселить детей своим падением: “*I ran with that weight and fell down,/ simply so children could laugh*” [3]. Таким образом автор показывает, что герой все лишь выполняет предписанную ему роль.

Сюжетно-тематические различия представленных адаптаций позволили расширить рамки понимания популярного образа Красной Шапочки. Наивная и глупая маленькая девочка, нуждающаяся в сильном мужчине-спасителе, становится самостоятельной и рассудительной личностью, способной справиться с проблемами самостоятельно. В современных версиях сказки образ Красной Шапочки связан с темами взросления, сексуальности, становления личности, культурного самоопределения и общественного влияния. Некогда нравоучительная сказка для детей становится основой для отражения общественных волнений и личных переживаний писателей относительно актуальных социокультурных проблем.

Список использованных источников

1. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. – 1998. – № 4. – С. 82–93.
2. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2007. – 207 с.
3. Ali, Shahid. The Wolf’s Postscript to “Little Red Riding Hood” [Electronic Resource] / Shahid Ali. – Access mode : <https://poets.org/poem/wolfs-postscript-little-red-riding-hood>. (Access date: 15.09.2024).
4. Duffy, C. A. Little Red Cap [Electronic Resource] / Carol Ann Duffy. – Access mode : <https://cdn.fs.teachablecdn.com/7jCFWJFjRwOZ4VNzF2Lz>. (Access date: 15.09.2024).
5. Givhan, J. I am dark, I am forest [Electronic Resource] / Jennifer Givhan. – Access mode : <https://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/poems/145163/i-am-dark-i-am-forest>. (Access date: 15.09.2024).
6. Kindred, S. R. Little Red / Sally Rosen Kindred // TAB : The Journal of Poetry and Poetics.

– 2014. – № 2. – Р. 9.

7. Sexton, A. Red Riding Hood [Electronic Resource] / Anne Sexton. – Access mode : <https://allpoetry.com/poem/8505447-Red-Riding-Hood-by-Anne-Sexton>. (Access date: 15.09.2024).

УДК 801.631.5

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПОЭМЫ “SONG” ОСНОВОПОЛОЖНИКА ДВИЖЕНИЯ БИТ АЛЕННА ГИНЗБЕРГА

Д. А. Колиева,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Гриняк О. А.,

*к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются основные идеи и эстетические принципы литературного и культурного движения бит, сформировавшегося в США в 1950-х годах, анализируются ключевые аспекты бит-поэзии. В ходе исследования проведен лингвостилистический анализ поэмы “Song” Аллена Гинзберга, в котором раскрываются ключевые художественные приемы, символика и ритмическая структура произведения, отражающие философию бит-поэзии. В работе использованы описательный метод, метод лингвостилистического анализа и типологический подход.

Ключевые слова: движение бит, Аллен Гинзберг, эмоциональность, верлибр, джаз.

Summary. The article explores the main ideas and aesthetic principles of Beat poetry, which emerged in the United States in the 1950s as a literary and cultural movement. It also analyzes the key aspects of Beat writers’ creative work. The article presents a linguostylistic analysis of Allen Ginsberg’s poem *Song*, revealing its key artistic techniques, symbolism, and rhythmic structure, which reflect the philosophy of Beat poetry. The study employs the descriptive method, the method of linguostylistic analysis, and the typological approach.

Key words: Beat movement, Allen Ginsberg, emotionality, free verse, jazz.

Бит-поэзия, зародившаяся в 1950-х годах в США, стала отражением протестных настроений поколения, разочарованного в послевоенной американской реальности. Битники отвергали доминирующую идеологию общества потребления, видя в ней источник духовной стагнации и ограничения человеческой свободы. Их творчество представляло собой попытку создать новый художественный язык, способный выразить живые, непосредственные ощущения и внутреннюю правду человека, не искаженную социальными нормами [2]. В отличие от традиционной литературы того времени, бит-поэзия стремилась сломать устоявшиеся нормы, привнося в искусство элементы импровизации, спонтанности и глубокой эмоциональности.

Одним из ключевых принципов бит-поэзии стала ее приближенность к разговорному стилю. Использование живой, повседневной речи, насыщенной сленгом, арго, жаргоном улиц и выражениями афроамериканской джазовой культуры, придавало стихам непосредственность и подлинность [2]. Это было осознанным отступлением от литературных традиций, направленным на создание поэзии, доступной и понятной широкому кругу читателей. Битники сознательно отвергали искусственность и

академизм, считая, что поэзия должна быть голосом жизни, ее органичной частью, а не застывшей формой, лишенной настоящих чувств и эмоций.

Другим важным аспектом бит-поэзии была свобода формы. Авторы сознательно отказывались от строгих метрических схем и рифмовки, отдавая предпочтение верлибру, который позволял передавать поток сознания и спонтанность мысли. В этом проявлялось влияние джазовой музыки, с ее импровизационным характером и чувством ритмической свободы [3]. Поэзия битников напоминала джазовые композиции: строки могли удлиняться, обрываясь на неожиданных местах, слова наслаивались друг на друга, создавая эффект живой, пульсирующей ритмики. Это приближало бит-поэзию к устной традиции, делая чтение стихов не просто литературным актом, но и перформансом, отражающим эмоции и внутреннее состояние автора [2].

Бунтарский дух битников выражался не только в языке и форме их поэзии, но и в тематике произведений. Центральными темами бит-поэзии стали бунт против общества, поиски духовного освобождения, экспрессивное выражение человеческих эмоций, неприятие обывательских ценностей и материализма. Битники искали альтернативные способы существования, вдохновляясь восточными философиями, особенно дзэн-буддизмом, который предлагал иной взгляд на жизнь и сознание [3]. Многие отрицали карьеризм, предпочитая странствия, непредсказуемые жизненные пути и спонтанные переживания, которые становились основой их художественного самовыражения.

Бит-поэзия также активно использовала прием потока сознания, что позволяло передавать живые эмоции без структурных ограничений. Этот метод создавал ощущение непрерывного мыслительного процесса, в котором реальные и иррациональные образы сливались воедино, формируя своеобразный хаотичный, но искренний мир поэта [2]. В текстах битников часто встречаются автобиографические элементы, свидетельствующие о том, что их творчество было неотделимо от их личного опыта. Они писали о свободе, страданиях, любви, переживаниях и странствиях, используя поэзию как инструмент познания себя и окружающей действительности.

Мировоззрение ключевых представителей бит-поколения формировалось под влиянием социальных, культурных и философских факторов. Одним из главных аспектов их восприятия мира было неприятие западной цивилизации в ее традиционном понимании [2]. Битники выступали против конформизма, материализма и общества потребления, стремясь найти альтернативные формы существования, которые позволяли бы сохранить индивидуальность и внутреннюю свободу. Они отвергали официальную идеологию Америки 1950-х годов, считая её основанной на лицемерии и стремлении к социальному статусу в ущерб духовному развитию.

Поэма “Song” Аллена Гинзберга представляет собой основу битнической поэзии, демонстрируя ключевые черты движения: ритмическую свободу, эмоциональную насыщенность и философскую глубину. А. Гинзберг использует верлибр, что подчеркивает его стремление к естественности звучания и отказу от канонических поэтических форм. Это позволяет ему передавать живые, непрерывные эмоции, создавая эффект потока сознания.

Одной из ключевых стилистических особенностей поэмы является гипербола (“*The weight of the world is love*”), используемая для усиления идеи о всепроникающем влиянии любви на человеческое существование. Любовь представляется не только высшей ценностью, но и неким грузом, который каждый человек вынужден нести. Это символическое изображение усиливается благодаря анафоре (“*the weight, the weight we carry is love*”), создающей эффект навязчивости и подчеркивающей неизбежность данного чувства.

А. Гинзберг также активно использует антитезу (*“be mad or chill, obsessed with angels or machines”*), которая иллюстрирует широкий спектр человеческих состояний, противопоставляя экстремальные эмоции спокойствию, духовное – материальному. Этот прием подчеркивает центральную идею поэмы: независимо от внешних условий и внутренних метаний, любовь остается неизменным фундаментом жизни.

Еще одной важной стилистической чертой является метонимия (*“the skin trembles in happiness”*), которая делает любовь осязаемой, воплощая ее в физических реакциях тела. Это подчеркивает идею о том, что любовь не является абстрактным понятием, а глубоко укоренена в человеческом существовании. Прием олицетворения прослеживается в строках *“it touches the body, in thought constructs a miracle”*, где любовь представляется не только физическим, но и интеллектуальным и духовным явлением.

Важную роль в поэме играет параллелизм и повтор. Анафора (*“I wanted, I always wanted, I always wanted”*) создает эффект нарастающего эмоционального напряжения, передавая глубокую жажду соединения с чем-то высшим. Повтор ключевых фраз, таких как *“must rest in the arms of love”*, формирует ощущение мантры, призывающей к гармонии и покою, достигаемым только через любовь.

А. Гинзберг использует прием антиклимакса в финальных строках поэмы: *“The warm bodies / shine together / in the darkness...”*. Вся кульминация стихотворения строится на чувственном переживании близости, достигающей своей высшей точки, но затем внезапно обрушивается в стремление вернуться к исходному состоянию – *“to return / to the body / where I was born”*. Вместо осознания любви как высшей ценности, герой испытывает желание спрятаться от нее, уйти от ответственности, слиться с первичным, неосознанным существованием. Такой прием характерен для битников: на протяжении всей поэмы автор воспекает любовь, утверждая ее значимость, но в самом конце неожиданно отказывается от нее. Это подчеркивает центральную дилемму поэмы: любовь одновременно является высшей радостью и невыносимым грузом, бременю которого человек пытается избежать.

Таким образом, бит-поэзия представляет собой уникальное литературное явление, возникшее как протест против культурных и социальных норм. Использование верлибра, потока сознания и ритмической импровизации сближало их творчество с музыкальной и устной традицией, а специфика мировоззрения битников, выраженная в их интересе к восточной философии и поисках духовного освобождения, повлияла на тематику их произведений, в которых центральное место занимали любовь, одиночество, бунт и стремление к самопознанию. Лингвостилистический анализ поэмы “Song” Аллена Гинзберга позволяет увидеть, как эти идеи воплощены в художественной форме.

Список использованных источников

1. Ginsberg, A. Song [Electronic resource] / A. Ginsberg. – Access mode : <https://readalittlepoetry.com/2006/01/05/song-by-allen-ginsberg/>. (Access date: 10.02.2025).
2. Rahn, J. The Beat Generation [Electronic resource] / J. Rahn. – Access mode : <https://www.online-literature.com/periods/beat.php>. (Access date: 10.02.2025).
3. Lutz, A. The Beat Poets [Electronic resource] / A. Lutz. – Access mode : <https://www.poetryfoundation.org/collections/147552/an-introduction-to-the-beat-poets>. (Access date: 10.02.2025).

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)

А. С. Лукьянова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чернобай С. Е., старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается важность формирования лингвокультурной компетенции у старшеклассников на уроках английского языка посредством изучения фразеологии. Цель работы заключается в обосновании эффективности формирования лингвокультурной компетенции через изучение фразеологизмов как языковых знаков, обладающих лингвокультурным потенциалом. В исследовании применяются общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, экспериментальный и описательный методы. Представлено определение лингвокультурной компетенции и определено место фразеологии в её формировании. Рассмотрен УМК “Spotlight” (9–11-е классы) на предмет наличия фразеологизмов и способов их отработки. Предложен алгоритм работы для активации фразеологизмов в речи учащихся.

Ключевые слова: английский язык, лингвокультурная компетенция, фразеологизм, фразеодидактика, межкультурная коммуникация.

Summary. The paper examines the importance of pupils’ linguocultural competence formation by studying idioms at the English lessons at the senior secondary school. The aim of the paper is to substantiate the efficiency of linguocultural competence formation by studying idioms as language signs, having linguocultural potential. The following methods are used in the research: the general scientific methods of analysis, synthesis and generalization, the experimental and descriptive methods. The definition of linguocultural competence is given, and the role of phraseology in its formation is identified. The educational methodological complex *Spotlight* (9th–11th grades) is studied with regard to the usage of idioms and the ways of their training. The algorithm for activation of idioms in the pupils’ speech is proposed.

Key words: the English language, linguocultural competence, idiom, phraseodidactics, cross-cultural communication.

Владение иностранным языком подразумевает способность к полноценной коммуникации с его носителями, что невозможно без формирования лингвокультурной компетенции, объединяющей знания о языке, народе, менталитете, культуре, этикете, нравственности и т.д. Действительно, что является обычным в одной языковой культуре, может быть одновременно неприемлемым в другой.

Цель исследования – обосновать необходимость формирования лингвокультурной компетенции старшеклассников посредством изучения английских фразеологизмов. Актуальность работы обусловлена важностью овладения языком с учетом культурных и исторических аспектов, поведенческих норм, общепринятых правил, этикета и морали, что является значимым для общения. В работе применяются

общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, экспериментальный и описательный методы.

Проблемам формирования лингвокультурной компетенции посвящены работы О. И. Халупо [10], Л. А. Городецкой [7], И. В. Харченковой [11]. Л. А. Городецкая понимает лингвокультурную компетенцию как «часть культурной компетентности личности, проявляющейся в общении и представляющей собой совокупность взаимосвязанных представлений об общих нормах, правилах и традициях вербального и невербального общения в рамках данной лингвокультуры» [7, с. 9]. В этом определении акцентируется внимание на проявлении национально-окрашенных черт в речи.

И. В. Харченкова в определении лингвокультурной компетенции ставит на первый план практическую значимость, а именно понимание тонкостей языка и владения им, имея в своем арсенале и лингвистические, и экстралингвистические знания. В ее понимании лингвокультурная компетенция – «совокупность системно организованных знаний о культуре, воплощенных в языке, готовности к аксиологической и семиотической интерпретации языковых и экстралингвистических фактов, а также аналитических и коммуникативных умений, которые приобретаются в процессе знакомства с этнокультурными ценностями и концептосферой страны изучаемого языка» [11, с. 247]. Благодаря этой компетенции происходит сближение обучающихся с иноязычной средой. Становится возможным принятие иного менталитета, системы ценностей и картины мира, исключая недопустимость «диалога культур».

Формирование лингвокультурной компетенции – сложный процесс ввиду того, что лингвокультурная информация выражена имплицитно. Она зашифрована в языке и для ее понимания следует обращаться к другим отраслям наук: социологии, истории, литературоведению, искусствоведению, музыковедению и многим другим. Именно поэтому необходимо серьезно подойти к оттачиванию умений и навыков, ведущих к освоению лингвокультурной компетенции.

Эффективным методом ее формирования является изучение фразеологизмов – «устойчивых выражений с самостоятельным значением, близким к идиоматичному» [9, с. 634]. Они не переводятся дословно, и от этого их понимание затруднено. Среди признаков, присущих фразеологизмам, отметим воспроизводимость в речи; устойчивость состава, структуры и семантики; компонентную раздельнооформленность; стилистическую функцию, т.е. образную, эмоционально-экспрессивную, оценочную характеристику предмета, действия, ситуации [6, с. 15]. Однако, не все устойчивые выражения закрепляются в языке, они проходят «естественный отбор». «В разные времена одни слова и понятия разных наций и языков становятся культурно значимыми, другие, наоборот, исчезают» [10, с. 155]. То есть язык сохраняет только то, что ценно.

Фразеологизмы считаются уникальным языковым материалом из-за содержания отношения носителей языка к означаемому в способе передачи означаемого. Например, можно предположить, что ФЕ “an old chestnut” (досл. «старый каштан») обозначает что-то устаревшее, неприятное. Действительно, выражение определяется как «шутка, история или объект, которые утратили интерес с течением времени и постоянным повторением» [16, с. 51]. Фразеологизмы «накапливают знания культуры и наиболее ярко отражают культурно-исторический опыт народа и особенности развития любого языка» [4, с. 115]. Например, англичане известны своей порядочностью, ФЕ “a gentleman’s agreement” (джентльменское соглашение) обозначает неоформленное соглашение, основанное на доверии партнеров и неоформленное документально.

Фразеологизмы представляют собой репрезентацию понятий, выраженных материальной и духовной культурой нации, фольклором, бытом, особенностями

религиозного строя, нравственности, этикетом, в комплексе образующих культурно-национальное мировоззрение. Ф. И. Буслаев заслуженно называет фразеологизмы «языковым наследием предков» [5, с. 37], из чего следует обязательный характер их преподавания на уроках английского языка старшеклассникам. Достижение психовозрастной зрелости регламентирует владение иностранным языком на высоком уровне, что невозможно без знания фразеологических единиц. В связи с этим возникла фразеодидактика – «отрасль фразеологии, занимающаяся систематическим изучением фразеологизмов в контексте обучения родному или иностранному языкам» [14, с. 88].

Нами проведен анализ на предмет содержания фразеологического материала в УМК “Spotlight” для 9–11-х классов [1; 2; 3]. Отмечено, что упражнения для отработки фразеологизмов встречаются не так часто (одно на модуль) и являются однообразными. Например, в упр. 4 предлагается список фразеологизмов для заполнения пропусков в предложениях по смыслу [3, с. 65]. В задании 6 необходимо выбрать слово, входящее в состав фразеологизма [1, с. 30]. По такой аналогии составлены все упражнения на закрепление фразеологизмов в УМК. Сведения о значении, истории, контексте употребления отсутствуют. Для проверки в задании рекомендуется обращаться к разделам Wordlist или Appendix, находящимся в конце книги, в которых указан лишь перевод ФЕ. Отсутствие объяснений и однообразные упражнения не содействуют усвоению информации и развитию лингвокультурной компетенции, что сказывается на уровне владения идиоматикой изучаемого языка. Изучение национально-маркированной фразеологии должно быть обязательным элементом формирования лингвокультурной компетенции ученика, но в системе обучения этот компонент упускается.

Возможным решением проблемы предстает привлечение дополнительных материалов учителем. Для достижения цели формирования лингвокультурной компетенции через призму фразеологии на начальном этапе распространено применение аутентичных материалов, охватывающих литературу, кинематограф, историю, а также распознавание в них фразеологизмов. Их интеграция «снижает риск искажения иноязычной деятельности» [8, с. 29]. Примером является отрывок из “Three Act Tragedy” А. Кристи, где используется ФЕ “to beat about the bush” – «ходить вокруг да около»: “Having settled his guest in a chair, the actor went straight to the point. ‘I’m not going to beat about the bush’, he said” [12]. Могут быть применимы иллюстрации буквального значения ФЕ, способствующие быстрому запоминанию. Для второго этапа подходят задания из УМК “Spotlight” на заполнение пропусков соответствующими фразеологизмами. Окончательному усвоению материала способствуют коммуникативные задания с использованием ФЕ в устной диалогической и монологической речи, что приведет к продуктивному использованию ФЕ. Соответствуя уровню новейшего прогресса, рекомендуется использовать образовательные платформы “Kahoot” [17], “Englishclub” [13] и “LearnEnglishteens” [15], предлагающие различные упражнения, викторины и игры.

Очевидно, что овладение английским языком невозможно без формирования лингвокультурной компетенции, представляющей неотъемлемую часть обучения. А фразеологизмы как уникальные языковые единицы являются ключом к пониманию специфики менталитета носителей языка, что обуславливает необходимость их внедрения в образовательный процесс, особенно в старшей школе. Однако, в современных учебных материалах, таких как УМК “Spotlight” 9–11-е классы, недостаточно упражнений на закрепление ФЕ. В связи с чем предлагается комплексный подход к подбору упражнений и рекомендованы дополнительные источники. Через изучение фразеологизмов повысится уровень владения языком и станет возможным диалог культур.

Список использованных источников

1. Английский язык. 10 класс : учебник для общеобразоват. учреждений / О. В. Афанасьева, Д. Дули, И. В. Михеева [и др.] ; 5-изд. – Москва : Express Publishing ; Просвещение, 2012. – 248 с.
2. Английский язык. 11 класс : учебник для общеобразоват. учреждений / О. В. Афанасьева, Дж. Дули, И. В. Михеева [и др.] ; 2-изд., доп. и перераб. – Москва : Express Publishing ; Просвещение, 2009. – 244 с.
3. Английский язык. 9 класс : учебник для общеобразоват. учреждений / Ю. Е. Ваулина, В. Эванс, Дж. Дули, О. Е. Подоляко. – 2-е изд. – Москва : Express Publishing ; Просвещение, 2010. – 216 с.
4. Богатикова, Л. И. Лингвокультурный аспект фразеологических единиц / Л. И. Богатикова // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2015. – № 2 (46). – С. 115–118.
5. Буслаев, Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные Ф. Буслаевым / Ф. И. Буслаев. – Москва : Типография А. Семена, 1854. – 176 с.
6. Глотова, Т. А. Теория общей фразеологии : учебное пособие / Т. А. Глотова, М. Т. Бекоева, Т. Г. Цакалиди. – Владикавказ : Издательско-полиграфический центр «СОГУ», 2019. – 138 с.
7. Городецкая, Л. А. Лингвокультурная компетентность личности как культурологическая проблема : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореф. дис. ... докт. культурологии / Людмила Александровна Городецкая ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2007. – 48 с.
8. Добыкина, М. И. Использование аутентичных материалов в формировании умений чтения в 8–9 классах / М. И. Добыкина // Студенческий электронный журнал СТРИЖ. – 2020. – № 6-1 (35). – С. 29–33.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 27-е изд., испр. – Москва : Мир и Образование, 2013. – 735 с.
10. Халупо, О. И. Языковая культура и лингвокультурная компетенция / О. И. Халупо // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 152–155.
11. Харченкова, И. В. Концепция формирования лингвокультурологической компетенции студентов языковых факультетов на материале креолизованных текстов при обучении немецкому языку / И. В. Харченкова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 246–250.
12. Christie, A. Three Act Tragedy [Electronic Resource] / A. Christie. – Access mode: <https://books-all.ru/read/439151-three-act-tragedy.html>. (Access date: 09.03.2025).
13. eBooksforEnglishLearners&Teachers [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.englishclub.com/?a=Englishcoach>. (Access date: 20.02.2025).
14. Ettinger, S. Vom Lehrbuch zum autonomen Lernen. Skizze eines phraseologischen Grundkurses für Französisch / S. Ettinger // Phraseologie und Phraseodidaktik. – Wien : Edition Praesens, 2001. – P. 87–104.
15. LearnEnglish Teens [Electronic Resource]. – Access mode: <https://learnenglishteens.britishcouncil.org>. (Access date: 20.02.2025).
16. Oxford Dictionary of Idioms / ed. by J. Siefring. – 2th ed. – New York : Oxford, 2004. – 340 p.
17. Welcome to the Kahoot! [Electronic Resource]. – Access mode: <https://kahoot.com/community>. (Access date: 20.02.2025).

СПЕЦИФИКА ЖАНРА АНТИУТОПИИ В РОМАНЕ ДЖОНА ЛАНЧЕСТЕРА «СТЕНА»

Д. К. Маву,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Мазина Е. Н.,

к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются жанровые особенности антиутопии XXI века на материале романа «Стена» британского писателя Джона Ланчестера. Применение культурно-исторического, типологического и герменевтического подходов, а также описательного метода и метода стилистического анализа позволило определить, что наряду с традиционными сюжетно-жанровыми признаками антиутопии, в работе Дж. Ланчестера присутствуют специфические авторские черты, обусловленные влиянием глобальных проблем экологического характера последнего десятилетия, а также общественных волнений британского общества, связанных с миграционной политикой.

Ключевые слова: жанр, антиутопия, Дж. Ланчестер, англоязычная литература.

Summary. The article deals with the genre features of dystopia of the 21st century based on John Lanchester's novel *The Wall*. The use of cultural-historical, typological and hermeneutic approaches, as well as stylistic and descriptive methods of analysis, allowed concluding that along with the traditional genre features of dystopia, J. Lanchester's work contains author's specific features caused by the influence of global environmental problems of the last decade, as well as public sentiment in British society related to the migration policy.

Key words: genre, dystopia, J. Lanchester, English literature.

Многие современные литературоведы сходятся во мнении, что антиутопия как жанр является разновидностью утопии [2], т.е. антиутопия представляет собой реакцию на утопическую идею, доказывающую невозможность и кошмарность последней. Согласно И. Д. Тузовскому, под жанром антиутопии принято понимать любое художественное произведение, в котором представлена ценностно и эмоционально неприемлемая для автора и читателя социальная модель, номинально выполняющая гуманистические функции предупреждения негативных вариантов развития общества в будущем или на основе альтернативных социально-политических, экономических и культурно-философских концепций [3].

Б. А. Ланин выделил следующие характерные черты антиутопии как литературного жанра: 1) вымышленное общество, страдающее от проблем экономического, политического, техногенного или природного характера, созданных человечеством; 2) особый тип хронотопа – действие романа происходит в будущем, после какой-либо катастрофы (переворота, войны, революции, природного катаклизма), и в определённом, отграниченном от остального мира месте, чаще всего на географически изолированном участке земли; 3) ограничение внутренней свободы, отнятие у личности права на критическое осмысление происходящего как основная концепция антиутопии; 4) страх как ключевой элемент атмосферы антиутопии;

5) основной конфликт антиутопии представлен в парадигме «социальная среда – личность»; 6) противостояние личности установленной диктатуре, завершающееся, в большинстве случаев, поражением главного героя [1].

Анализ произведения Джона Ланчестера «Стена» (*The Wall*, 2019) [4] позволил выявить соотношение традиционных и специфических черт антиутопического романа XXI века.

Дж. Ланчестер представляет будущее общество, пережившее климатическую катастрофу, именуемую автором как «Изменение», в результате которой большая часть суши ушла под воду. Местом действия романа является современная Великобритания, береговая линия которой ограждена бетонным барьером, известным как «Стена». Такой особый вид хронотопа как ограниченность пространства и посткатастрофический период является характерным для антиутопического жанра.

Стена служит для защиты граждан Великобритании от нежелательных мигрантов, потерявших свои дома вследствие катаклизма. Власти страны представляют мигрантов как отчаявшихся, жестоких и опасных людей, называя их «Другие». Посредством художественного текста Дж. Ланчестер экстраполирует нынешние общественные беспокойства по поводу повышения уровня моря, а также миграционной проблемы Великобритании. Роман становится не просто художественным вымыслом, но вполне вероятной будущей реальностью, он несет в себе характер предостережения, присущий антиутопическому жанру. Также, следует отметить, что тема климатических изменений позволяет отнести роман Дж. Ланчестера к поджанру климатической фантастики (*cli-fi*).

По достижении определенного возраста молодых граждан Великобритании отправляют на обязательную двухлетнюю службу для обороны «Стены» от нападения «Других», такая вынужденная охрана известна как «Защитники». Повествование романа начинается с прибытия на службу главного героя, чей внутренний монолог создает гнетущую атмосферу: *“It’s cold on the Wall. <...> You know that you are there for two years. <...> You know that there’s nothing you can do about that. It is frightening <...> No choice – everything about the wall means you have no choice”* [4, с. 9]. Отсутствие свободы выбора, повсеместный контроль, ритуализация жизни и мрачный тон повествования являются специфическими чертами антиутопического жанра, которые Дж. Ланчестер демонстрирует уже с первых страниц своего романа.

По истечении срока службы «Защитникам» будет разрешено прожить остаток жизни в безопасности в пределах государства. Однако, в случае если «Другие» сумеют пересечь барьер, «Защитники», во время дежурства которых произошло происшествие, будут вынуждены занять место мигрантов. Несмотря на противопоставление «Других» и «Защитников», их судьбы связаны воедино: *“They [others] are clever, they are desperate, they are ruthless and they are fighting for their lives, so all of these things had to be true for us as well. One in, one out: for every Other who got over the Wall, one Defender would be put to sea”* [4, с. 27]. Причины миграции «Других» и «Защитников» различны: одни вынуждены искать спасение из-за непригодных для жизни условий их родных земель, других заставляют мигрировать в соответствии с законами государства и с согласия общества. Автор демонстрирует обреченность судьбы человека и в пределах, и за пределами «Стены».

В сцене возвращения главного героя домой и его встречи с семьей автор поднял проблему конфликта поколений. Мысли персонажа отражают состояние поколения молодых людей после «Изменения»: *“None of us can talk to our parents. It’s not us, it’s them. <...> The olds feel they irretrievably fucked up the world, then allowed us to be born into it. You know what? It’s true. That’s exactly what they did”* [4, с. 39]. Кроме того, молодого человека одолевает чувство несправедливости, поскольку старшее поколение не проходит службу на «Стене», хотя именно они причастны к появлению

такой необходимости. Привычные роли в отношениях между родителями и детьми смещаются. Сама идея дома и семейных отношений как будто перестает существовать.

Немаловажным классом нового британского общества является «Помощь». Когда «Другим» удастся перебраться через стену, им предоставляют выбор: эвтаназия, возвращение обратно в море или, в случае если они обладают ценным опытом, возможность стать «Помощью». Данный эвфемизм служит для обозначения координируемого государством рабства, посредством которого любой гражданин может «одолжить» полезных беженцев. Дж. Ланчестер демонстрирует, что несмотря на современные тенденции политкорректности и социального равенства, под влиянием угрозы выживания человек обратится к самым темным сторонам своей природы. Еще одной ступенью иерархии нового общества являются «Производители» – молодые люди, принявшие решение завести детей. Молодое поколение считает их странными: *“We shouldn’t want to bring children into the world. We broke the world and have no right to keep populating it. We can’t feed and look after all the humans there already are, here and now”* [4, с. 26]. Именно в силу таких общественных настроений государство ввело новую политику, улучшающую положение «Производителей» – срок службы уменьшается, предоставляются отдельное жилье и дополнительное питание, появляется возможность регулировать свои смены. Главный герой видит некий парадокс в сложившейся ситуации: *“Because the Wall needs so many people, we need people to breed, so that there are enough people to man the Wall”* [4, с. 26]. «Стена» присутствует во всех сферах общественных отношений, вся жизнь людей выстраивается вокруг нее. Автор использует образ «Стены» не просто как физического барьера, но как символ ограничения свободы выбора человека.

Политика созданного Дж. Ланчестером государства-крепости, представлена с точки зрения протагониста. Время от времени он видит над головой инверсионные следы самолета, который тратит оставшееся скудное авиационное топливо, чтобы доставить члена «элиты» на бесполезные встречи на высшем уровне в тщетных попытках исправить разрушенный мир. Тщеславие выступает одной из основных черт политического класса Великобритании, представляющего собой «Элиту» в романе Дж. Ланчестера. Политики гордятся своей решительностью в условиях распадающегося мира, они произносят речи о героизме Британии, героизме «Защитников» и о том, что благодаря им Британия победит, как она всегда побеждала. Однако, из текста романа можно понять, что представители «Элиты» не проходят обязательную службу: *“They tell us that everyone goes to the Wall, no exceptions. Somehow, though, when I saw the politician, I knew for the first time that that couldn’t be true. This man had clearly never been on the Wall. You heard rumours about medical exemptions, exemptions for extra education. No one ever admitted to not going to the Wall, but we all suspected that there were rich and powerful people who got out of it”* [4, с. 72]. Данный отрывок демонстрирует невозможность принципа всеобщего равенства, который является одной из ключевых идей утопического жанра. Дж. Ланчестер изображает политическую систему, в которой все равны лишь условно, и именно «элита» решает, применительно к кому действует данная условность.

Преобладающими настроениями в повествовании выступают страх, безысходность и чувство несправедливости, что выражено основными конфликтами – конфликтом человека и социума, а также конфликтом поколений. Однако, наряду с устоявшимися жанровыми принципами антиутопии, роман «Стена» отражает и авторскую специфику. Сюжет романа разворачивается в рамках действительно существующего государства, что создает острое ощущение вероятности такого развития событий в реальности. Образ главного героя Джозефа Кавана не типичен для жанра антиутопии. Протагонист не является бунтарем, восставшим против новой системы, он выступает в качестве рассказчика, бесстрастного проводника в

художественный мир автора. Джозеф Кавана всего лишь представитель своего поколения, страдающий от несправедливости судьбы, определенной ему новым общественным строем. Кроме того, в финале романа главный герой не терпит поражения, скорее наоборот, автор оставляет читателю небольшую надежду на лучший исход событий.

К основным лингвостилистическим средствам, выявленным в антиутопии Дж. Ланчестера «Стена» относятся лексический повтор (*cold, concrete, the Wall*), метафоры (*There is the Wall in front of you, a long low concrete monster* [4, с. 10]) и сравнения (*“It’s cold as slate, as diamond, as the moon”* [4, с. 9]). Данные приемы позволили автору романа создать атмосферу отчаяния, продемонстрировать ритуализацию жизни героев, ограниченность их прав и свобод, трагизм их бытия. Кроме того, автор обратился к символическим: 1) Стена является символом не только физической ограниченности пространства, но и ограниченности свобод человека. Судьба человека зависит от Стены; 2) Плавающее сообщество – образ утопического общества, где все равны и все трудятся на благо социума. Однако конструкция плавающего сообщества изображена шаткой и неустойчивой, она не может существовать долгое время, ее могут погубить стихия или человек; 3) Керосиновая лампа и спички – символ надежды для главного героя, который уже не надеялся их увидеть. Самым интересным стилистическим элементом романа стало фигурное стихотворение, ставшее графической визуализацией произошедших в мире романа изменений.

Произведение «Стена» можно считать одним из наиболее ярких примеров романов-антиутопий XXI века. Используемые автором сюжетные стратегии и языковые средства позволили отразить жанровую специфику антиутопии, сохраняя при этом авторский стиль. Посредством своего романа Дж. Ланчестер прогнозирует наихудший итог, к которому могут привести современные общественно-политические настроения Великобритании, а также климатический кризис.

Список использованных источников

1. Ланин, Б. А. Анатомия литературной антиутопии / Б. А. Ланин // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 154–163.
2. Романчук, Л. А. Утопии и антиутопии : их прошлое и будущее / Л. А. Романчук // Порог. – 2003. – № 2. – С. 49–53.
3. Тузовский, И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / И. Д. Тузовский. – Челябинск, 2009. – 312 с.
4. Lanchester, J. *The Wall* / J. Lanchester. – London : Faber & Faber, 2019. – 168 p.

ОБУЧЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А. Р. Маликова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Ломакина И. Н.,

*к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению применения мультимедийных технологий для обучения английскому языку младших школьников. Целью исследования является выявление способов оптимизации уроков иностранного языка в начальной школе с помощью мультимедиа. В ходе работы применяются метод наблюдения, описательный и экспериментальный методы. Результаты анализа УМК «Английский в фокусе» для 3 класса показывают, что авторы включают достаточное количество заданий для формирования навыков говорения, чтения, понимания на слух и письма, но они недостаточно интерактивны, чтобы вовлечь детей в учебный процесс. Выводы указывают на эффективность применения мультимедийных технологий для развития языковых компетенций младших школьников.

Ключевые слова: английский язык, мультимедийные технологии, младшие школьники, обучение.

Summary. The article is devoted to the studies of multimedia technologies application for teaching English to younger schoolchildren. The purpose of the study is identifying ways to optimize foreign language lessons in primary schools using multimedia. The research methods include methods of observation, description and experiment. The analysis of the English textbook “Spotlight” for the 3rd grade shows that there are tasks for the formation of speaking, reading, listening and writing skills, but they are not interactive enough to involve children in the learning process. The conclusion highlights the effectiveness of using multimedia technologies for the development of language competencies of younger schoolchildren.

Key words: English, multimedia technologies, primary school students, teaching.

Повышение эффективности обучения в школах является одним из основных объектов изучения за последние десятилетия. Современное образование находится в центре значительных изменений, вызванных быстрым развитием информационных технологий. В эпоху цифровой трансформации акцент переносится с традиционных методик обучения на инновационные подходы, где цифровые технологии играют ключевую роль в учебном процессе. Нынешняя задача для преподавателей – овладение современными и действенными методиками подачи материала.

Целью исследования является выявление способов оптимизации уроков английского языка в начальной школе с помощью мультимедийных технологий.

Важно иметь представление об особенностях преподавания младшим школьникам, ведь школьное детство – значимый и ответственный период становления личности. Этот возраст является ключевым для формирования, освоения и становления навыков учебной работы, индивидуальных особенностей и способностей, навыков самоконтроля и самоорганизации, адекватной самооценки, развития критичности по

отношению к себе и окружающим, социальных норм, нравственного развития, навыков общения со сверстниками, установления прочных дружеских контактов. Современные педагогические и психологические исследования стремительно развиваются, опираясь на существующие теории таких учёных как Л. И. Божович [0], Л. С. Выготский [0], И. А. Зимняя [0], В. А. Крутецкий [0], Д. Б. Эльконин [0] и др.

Ситуация в сфере современного образования предъявляет особые требования к организации учебного процесса, использованию инновационных средств обучения, что приведёт к созданию «новой образовательной среды, которая способствовала бы повышению качества обучения и достижению планируемых (предметных, метапредметных и личностных) результатов обучающихся через применение интерактивных и информационных технологий» [0, с. 342]. В эту группу современных инструментов входят мультимедийные технологии как эффективные средства, обладающие значительными образовательными ресурсами и удовлетворяющие психологические потребности младших школьников на уроках английского языка.

Игра в младшем школьном возрасте по-прежнему сохраняет свою актуальность, в силу знаний и умений детей она становится более сложной, чем в дошкольном возрасте, направленной на развитие психических и физических качеств.

С использованием мультимедиа дети получают возможность учиться через игру, что способствует более глубокому пониманию материала и стимулирует их учебный интерес.

Анализ УМК “Spotlight” для 3 класса помогает прийти к выводу о том, что в учебнике есть все задания для развития разных языковых навыков (говорения, понимания на слух, чтения и письма) [0]. Однако именно применение мультимедийных технологий позволило бы вовлечь младших школьников в образовательный процесс. Мультимедиа делают уроки более интересными и увлекательными, а также способствуют улучшению понимания и усвоения материала.

УМК “Spotlight 3” можно дополнить мультимедийными материалами: электронной доской, интерактивными сайтами, игровыми онлайн-платформами. Такая подача материала послужит доказательством повышения качества образования в сфере английского языка.

Современное образование требует смены старых методик на новые, креативные техники преподавания, основанные не на заучивании материала, а его понимании и заинтересованности в процессе изучения языка. Следовательно, структура урока должна включать использование мультимедиа. Также обязательным элементом в структуре каждого урока является постановка цели, которая определяет ход урока и его содержание.

В структуре урока для младших школьников можно выделить несколько этапов [0]:

1. Проверка домашнего задания.
2. Warm-up (разогрев).
3. Презентация нового материала.
4. Практика.
5. Завершение урока.

Для некоторых педагогов актуальным остаётся вопрос избегания однообразия при проверке домашнего задания. Для младших школьников эффективна игровая форма проверки усвоенных знаний. На первом этапе игровые технологии не только помогают сделать интересной проверку домашнего задания, но и активизируют мыслительную деятельность учащихся. Можно использовать такие игры с использованием мультимедийных технологий как:

1) «Рисуем ответ». Учителю необходимо подготовить вопросы по пройденной теме, ответы на которые ребята смогут быстро и просто нарисовать. Дети

должны быть предупреждены, что ответы нужно не озвучивать, а изображать на бумаге.

2) Игра «Похлопаем–потопаем». Проверяя домашнее задание, педагог демонстрирует вопрос на электронной доске и предлагает варианты ответов к ним. В случае правильного ответа задача детей – похлопать в ладоши, если же ответ неверный – потопать ножками. Эта игра – отличная разминка и хороший способ снять напряжение в классе.

Следующим этапом в структуре урока для младших школьников является разогрев (*warm-up*). *Warm-up activities* – это виды деятельности или игры, которые проводятся в начале урока с целью мотивации учащихся к общению на английском языке и рациональному использованию урочного времени.

Можно использовать следующие игры с использованием мультимедийных технологий:

1) Игра “*What is missing*” («Чего не хватает?») – хороший способ повторить ранее изученную лексику. Учитель заранее готовит презентацию с определённой лексикой, а затем просит детей запомнить её и перелистывает слайд, на котором не хватает одного слова. Педагог спрашивает “*What is missing?*”, и дети должны вспомнить название карточки.

2) Список слов на уроке (“*Word lists*”). Это задание подходит, если слова, с которыми работает учитель, можно распределить на категории. Оно направлено на повторение изученной лексики и правописание. Необходимо разделить класс на мини-группы и подготовить таймер на электронной доске. Задача школьников – написать столько слов из категории, сколько успеют, например, за 20 секунд. Как только время заканчивается, они должны перестать писать. Если есть слово, написанное с ошибкой, можно его исправить. Если слово написано не полностью, то дописать.

3) Аудио-игры для тренировки навыков аудирования. Игры, в которых ученики должны слушать аудиозаписи и отвечать на вопросы, помогут им улучшить навыки аудирования.

Игры на платформе *Wordwall* могут быть отличным способом разогреть учащихся перед уроком и подготовить их к изучению нового материала. Их можно демонстрировать на электронной доске [0, с. 154]. *Wordwall* имеет 36 шаблонов интерактивных заданий. К самым распространённым шаблонам можно отнести:

1. «Сопоставить» (требуется соотнести слово с его определением).
2. «Викторина» (несколько вопросов с множественным выбором).
3. «Пропущенное слово» (заполнение пропущенных слов в тексте).
4. «Групповая сортировка» (перетаскивание каждого элемента в правильную группу).

5. «Анаграмма» (расположение букв в слове в правильном порядке).

На этапе презентации нового материала можно использовать различные медийные платформы, презентации, видеофайлы, которые позволят познакомить младших школьников с лексикой и грамматикой в занимательной форме.

Этап актуализации знаний важно сочетать с играми. Встроенные в презентацию интерактивные задания, такие как квизы, головоломки или задания для обсуждения, помогут ученикам активно участвовать в уроке. Сначала педагог использует игры на распознавание, в которых дети осуществляют процесс поиска нужного слова, предложения, предмета или картинки. Далее можно включать более сложные игры, в которых дети используют английский язык: они могут говорить короткие предложения для отработки грамматической конструкции либо называть предметы для закрепления новой лексики.

Подведение к концу урока английского языка с использованием мультимедийных технологий может быть не только информативным, но и вдохновляющим:

1) Итоговый квиз или викторина с использованием мультимедийных слайдов или интерактивных заданий, чтобы повторить ключевые моменты урока.

2) Видео-резюме урока, включающее основные моменты и выделенные ключевые факты или правила английского языка.

3) Интерактивная доска для создания коллективного резюме урока, на которой ученики могут добавлять важные факты или выражения.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что мультимедийные инструменты эффективно усиливают процесс обучения, обогащая его и привлекая внимание учащихся. Внедрение новых информационных технологий в учебный процесс стимулирует интерес учащихся и способствует формированию позитивной мотивации. Это позволяет не только повысить результативность обучения, но и стимулировать учащихся к дальнейшему самостоятельному изучению английского языка.

Список использованных источников

1. Божович, Л. И. Отношение школьников к учению как психологическая проблема / Л. И. Божович // Проблемы формирования личности : избранные психологические труды. – Москва : МОДЭК, 1995. – 91 с.
2. Быкова, Н. И. УМК «Английский в фокусе» (Spotlight) : 3 класс : учебник : ч. 1 / Н. И. Быкова, Д. Дули, М. Д. Поспелова. – 13-е изд. – Москва : Express Publishing ; Просвещение, 2023. – 104 с.
3. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – Москва : Просвещение, 1991. – 222 с.
4. Кожевникова, В. В. Коммуникативная компетентность учителя начальной школы как условие владения образовательными мультимедиа технологиями / В. В. Кожевникова, И. В. Мерзликина // Учёные записки Института социальных и гуманитарных знаний. – 2018. – № 1 (16). – С. 341–347.
5. Кошеварова, Ю. А. Использование платформы Wordwall в обучении грамматике английского языка / Ю. А. Кошеварова, Д. А. Галиева // Общие вопросы языкознания. Лингводидактика. – 2023. – № 3 (101). – С.152–157.
6. Крутецкий, В. А. Основы педагогической психологии / В. А. Крутецкий. – Москва : Просвещение, 1972. – 256 с.
7. Собрание сочинений : Основы дефектологии. В 6 т. Т. 5 / автор-составитель Л. С. Выготский ; под редакцией Т. А. Власовой. – Москва : Педагогика, 1983. – 368 с.
8. Эльконин, Д. Б. Психология обучения младшего школьника / Д. Б. Эльконин. – Москва : Просвещение, 1974. – 328 с.
9. TEFL-TESOL-Certificate : игры на английском языке для детей. – London, 2025. – URL: <https://tefl-tesol-certificate.com/blog/igry-na-anglijskom-yazyke-dlya-detej> (дата обращения: 14.02.2025).

ОРИГИНАЛЬНАЯ ОБРАЗНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ РОК-БАЛЛАД (НА ПРИМЕРЕ “THE RUST” СИВЕРТА ХЕЙМА)

А. Р. Манвелян,

*обучающийся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Гриняк О. А.,

*к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена художественной ценности рок-баллад на примере композиции норвежского автора и исполнителя Сиверта Хейма “The Rust” (2023). В исследовании рассмотрены стилистические приемы, с помощью которых раскрывается оригинальная образность. В статье приведена классификация образов, особое внимание уделяется лингвостилистическим и когнитивным механизмам создания новых образов, которые содействуют концептуальному прорыву в восприятии мира человеком.

Ключевые слова: лингвостилистический анализ, рок-баллада, кенотипический образ, архетипический образ, стереотипный образ, символизм, концептуальная структура.

Summary. The article is devoted to the artistic value of rock ballads on the example of the composition *The Rust* by Norwegian author and performer Sivert Høyem. Stylistic techniques and imagery in the work, their meaning and functions are considered in detail. The research focuses on the classification of images, with special attention paid to the linguistic and cognitive mechanisms of creating new images that contribute to a conceptual breakthrough in human perception of the world.

Key words: linguostylistic analysis, rock ballad, kenotype image, archetype image, stereotype image, symbolism, conceptual structure.

Лингвостилистический анализ рок-баллад первой четверти 21 века позволил по-новому взглянуть на определение данного жанра «громко и грустно». В текстах современных рок-баллад присутствует не только лирическая, но и эпическая составляющая, позволяющая проследить сюжет, конфликт и систему образов.

Целью статьи является выявление и классификация образов современной рок-баллады. В определении образа мы опираемся на когнитивный подход, а именно на способность нашего сознания понять явно невыраженный смысл текста. Образ, воплощенный в тексте, рассматриваем как лингвокогнитивный конструкт, объединяющий в себе два начала – концептуальное и вербальное [1, с. 38].

Концептуальные схемы являются своего рода основой для формирования образа, способствуя его пониманию на подсознательном уровне. «Вербальная сторона образа – это воплощение концептуальной структуры в словесную ткань текста» [1, с. 81]. Лингвокогнитивный подход с опорой на классификацию образов по способу их образования, новизне или стереотипности позволяет раскрыть особенности функционирования словесных образов в тексте.

В зависимости от того, какие тропы или фигуры составляют структуру образа, мы различаем метафорические, метонимические, параболические и метаболические

образы. Исходя из семантики классифицируем образы по наличию или отсутствию в них новизны – стереотипные, архетипические и кенотипические.

Стереотипные образы выступают как «шаблоны» или «схемы» субъективной интерпретации опыта, помогающие людям ориентироваться в окружающей их действительности и адаптироваться к ней. «Стереотипы» способствуют организации взаимодействия человека с объектами внешнего мира, выполняя функции средства «экономии мышления», психологической защиты, избавляющего от чувства неопределённости и непредсказуемости событий. По мнению У. Липпмана, большинство человеческих знаний о мире, в том числе и об обществе, имеют стереотипный характер [2].

В основе архетипического образа лежит архетип – обобщенно-образная схема, формирующая мир человеческих представлений, устойчивых мотивов, проходящая через всю историю культуры [8]. Находясь в коллективном бессознательном, архетипы «прописаны» в психической деятельности любого человека, что проявляется в сновидениях, предметах культуры, искусства, средствах массовой информации.

Если в архетипе общее предшествует конкретному, как изначально заданное, то в кенотипе общее – это конечная перспектива конкретного, которое вырастает из истории и перерастает её, прикасаясь к границам вечного. Термин «кенотип» образован от древнегреческих слов “kainos” – «новый» и “typos” – «образ», «отпечаток». Буквально «кенотип» – это «новообраз» [6].

Песенное творчество первой четверти 21 века отличается созданием образов, не имеющих аналогов, заставляя слушателя по-другому взглянуть на обыденные явления повседневной жизни, современного мира и общества, в результате чего, происходит переосмысление происходящего, понимание глубинной сути вещей. Кенотипический образ, по М. Эпштейну, является «познавательно-творческой» структурой, отражающей новую кристаллизацию общечеловеческого опыта, сложившегося в конкретных исторических обстоятельствах, но к ним не сводимая, выступающая как прообраз возможного или грядущего [6].

В формировании кенотипов прослеживаются два основных направления:

- новый смысл локализуется в одной номинативной единице либо занимает весь образ (метафорический, метонимический и т. д.), новизна в данном случае проявляется путем «приращения» значения в номинативных единицах, или путем разрушения архетипических концептуальных схем.
- другой способ состоит в рассредоточении кенотипа по всему образному пространству произведения [2, с. 318].

Формирование кенотипа, смысл которого рассредоточен, осуществляется посредством взаимодействия образов во всем тексте. В анализируемой рок-балладе “The Rust” субъект кенотипического образа содержится в заголовке, а его объективная часть реконструируется путем интеграции образов всей рок-баллады.

“A rusty bathtub in the garden” вне контекста дома выбивается из стереотипного восприятия, отображая нечто ненужное, отслужившее свое и не нашедшее новое применение. Вместо стереотипного образа “a bathtub as a bowl filled with clear water” слушатель представляет картину заброшенной местности, где возле дома стоит ржавая ванна, такие же автомобили, которые служат символами ухудшающейся жизни персонажей. “Only one of them is running” – единственное авто на ходу олицетворяет надежду на избавление от разрушающей силы «ржавчины».

Важную роль в рок-балладе играют образы «ночи» и «дороги»: “So one night like any other. / She passes a minute / Then she starts down the road” [7]. Архетипический образ “night” проявляет амбивалентные черты: с одной стороны, ночь связана со страхом и неизвестностью, с другой стороны, она даёт возможность сильнее

почувствовать драматизм положения затерянного в мировом хаосе человека, даёт ему возможность увидеть себя «лицом к лицу пред пропастью тёмной» [3, с. 158].

Дорога “the road” является «универсальной метафорой жизненного пути человека... И часто эта метафора оказывается точнее многих слов. Такую метафору удобно использовать как способ понимания жизненного пути человека» [4]. Антитеза “you can get anywhere/ on the full tank of fuel/ and on an empty heart” раскрывает извечную проблему поиска баланса между материальным и духовным в жизни человека.

Ключевые образы рок-баллады реализуются в припеве: “It’s not a place for new beginnings / Everything you make just falls apart / The house neglected and forbidding / A one-eyed giant ‘neath the stars” [7]. Стереотипный образ “place for new beginnings” передает бытующее мнение, что “moving to a new place involves making a fresh start” [4]. Отрицание “it’s not” усиливается употреблением фразового глагола “falls apart”, который, кроме основного значения «разваливаться на части», может реализовать метафоричное – «ссориться, расходиться».

Образ-парабола “a one-eyed giant” построен на основе аллюзии на мифологический сюжет о Циклопе, одноглазом свирепом и жестоком великане. В рок-балладе “The Rust” образ дома, в котором горит всего одно окно (one eye), служит символом разлада, стагнации и саморазрушения. Как и Одиссей, спасаясь от Циклопа, героиня рок-баллады принимает решение уехать, оставляя позади: “the slow decay” [7].

“The Rust” не отпускает слушателя на протяжении всего звучания композиции, создавая атмосферу упадка и разочарования. Метафоричность образа проявляется в медленном и методичном разрушении самого главного, что есть в человеке – разрушении его души: “it’s the rust that eats the soul” [7].

Архетипический образ зимнего неба появляется в заключении рок-баллады и служит напоминанием о конечности человеческой жизни и вечности Вселенной: “The winter sky burns eternally / But people come and people go” [7].

Подводя итог, важно подчеркнуть, что автору и исполнителю рок-баллады “The Rust” Сиверту Хейму удалось создать лироэпическое произведение с четко выраженной сюжетной линией, воплотив человеческие переживания и стремления в оригинальных образах – the rust, a rusty bathtub, a one-eyed giant, в архетипическом образе – the sky, в стереотипных образах – the car, the road, a place for new beginnings. Атмосферный и интроспективный тон рок-баллады в сочетании с её запоминающимися образами побуждает слушателей задуматься о сложностях собственных отношений и хрупкости бытия.

Список использованных источников

1. Белехова, Л. И. Словесный поэтический образ в историко-типологической перспективе: лингвокогнитивный аспект (на материале американской поэзии) / Л. И. Белехова. – Киев : Наука, 2002. – 368 с.
2. Дымова, А. В. Образ ‘blue sky’ на вербальном и иконическом уровне британского и американского рок-дискурса / А. В. Дымова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-blue-sky-na-verbalnom-i-ikonicheskom-urovne-britanskogo-i-amerikanskogo-rok-diskursa> (дата обращения: 10.02.2025).
3. Железнякова, Т. В. Образ дня и ночи в лирике Ф. И. Тютчева / Т. В. Железнякова // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – 2016. – Т. 6. №1. – С. 157-159
4. Левыкин, Р. Дорога как метафора жизненного пути человека / Р. Левыкин. – URL: <http://helpmenow.ru/статьи/дорога-как-метафора-жизненного-пути-ч/> (дата обращения: 10.02.2025).
5. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – Москва : Общественное мнение, 2004. – 376 с.

6. Эпштейн, М. Парадоксы новизны / М. Эпштейн. – Москва : Советский писатель, 1988. – 417 с.
7. Hoyem, S. Rust [Electronic Resource] / Sivert Hoyem. – Access mode: <https://genius.com/Sivert-hyem-the-rust-lyrics>. (Access date: 25.01.2025).
8. Jung, C. G. Two Essays on Analytical Psychology / C. G. Jung. – Routledge, 2014. – 121 p.

УДК 372.881.111.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНОГО ВИДЕОМАТЕРИАЛА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

С. Р. Меметова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Бондаренко Л. В.,

*к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются способы использования аутентичного видеоматериала для эффективного формирования лингвокультурной компетенции на занятии по английскому языку в вузе, что является актуальным в контексте динамичной интеграции культур и укрепления статуса английского языка как международного. Применение метода моделирования учебного процесса и эксперимента, а также сравнительного и описательного методов анализа позволило представить ключевые этапы работы и результаты экспериментального занятия, выявляющие положительные аспекты использования видеоматериалов на английском языке. К таким аспектам можно отнести возможность полного погружения в языковую среду, ознакомление с особенностями поведенческой и речевой реакции носителей языка в условно реальных социальных ситуациях, улучшение понимания фонетической и интонационной составляющей беглой английской речи.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, лингвокультурная компетенция, аутентичные видеоматериалы, английский язык.

Summary. The article considers the ways of using authentic video materials for the effective formation of linguacultural competence in an English language class at a university, which is relevant in the context of the dynamic integration of cultures and strengthens the status of English as an international language. The use of the modelling of the educational process method and experiment, as well as the comparative and descriptive methods of analysis made it possible to present the key stages and the results of the experimental lesson, revealing the positive aspects of using authentic videos. These aspects include the possibility of full immersion in the language environment, familiarization with the features of the behavioral and speech reactions of native speakers in simulated discourses and improved understanding of the phonetic and intonational components of fluent English speech.

Key words: foreign language teaching, linguacultural competence, authentic video materials, English language.

Введение. В условиях динамичного научного и социо-культурного развития и глобализации при подготовке современного специалиста в любой сфере внимание уделяется не только овладению иностранным языком, но и формированию

лингвокультурных компетенций, что стало одной из основных задач при обучении иностранному языку.

Согласно А. А. Подгорбунских, лингвокультурная компетенция представляет собой «интегративное качество специалиста, отражающее готовность и способность к взаимопониманию и взаимодействию с представителями другого лингвокультурного социума на основе овладения знаниями об иной лингвокультуре и соционормативным коммуникативным опытом с целью их реализации в различных сферах профессиональной деятельности» [4, с. 102]. В условиях искусственной языковой среды развитие данного качества часто бывает проблематичным в силу отсутствия регулярного взаимодействия с носителями изучаемого иностранного языка. В настоящее время одним из наиболее эффективных способов компенсации живого общения с англоговорящим миром является применение аутентичных видеоматериалов на занятии. В отличие от аудио и печатного текста, видеоматериал объединяет в себе речевые и прагматические аспекты акта речевого взаимодействия. Видео не только отражает содержательную сторону общения (речь, произношение, интонация), но и предоставляет визуальную информацию о месте события, внешнем виде и невербальном поведении участников общения в коммуникативной ситуации. Таким образом, **актуальность** исследования определяется эффективностью использования аутентичного видеоматериала при обучении иностранному языку в вузе (английскому).

Цель работы – опытно-экспериментальным путем выявить возможности применения видеоматериалов в качестве эффективного инструмента формирования лингвокультурной компетенции на занятиях по английскому языку в ВУЗе и разработать пакет заданий для развития компетентного общения.

В соответствии с поставленной целью были определены следующие **задачи**: раскрыть понятие лингвокультурной компетенции, изучить методику работы с аутентичными видео на занятии по английскому языку, провести экспериментальную работу и представить результаты использования видео для создания лингвокультурной реальности.

Результаты исследования. В ходе исследования было проведено экспериментальное занятие со студентами второго курса направления подготовки «английский язык и литература». Целью эксперимента являлось развитие лингвокультурной компетенции обучающихся при помощи аутентичных видеоматериалов. Основной задачей занятия стало озвучивание видео, позволяющее повысить общий уровень мотивации студентов и их творческий потенциал [2].

В качестве практической основы занятия был отобран видео фрагмент, соответствующий программной теме курса, а также разработаны учебные задания, отвечающие требованиям трех этапов работы с видеоматериалом.

В начале занятия были определены тема и цель урока. Для этого студентам было предложено мини-обсуждение по следующим вопросам: *Have you ever had a job interview? What was it like? How should you dress for a job interview? Is likeability important while getting a new job?* Данное задание позволило учащимся погрузиться в языковую среду и активизировать речевую деятельность.

В рамках преддемонстрационного этапа работы, при помощи визуальных средств, студенты познакомились с героями видео и будущим сюжетом. Задачей обучающихся было описать изображения используя слова: *job interview, apply for, employer, CV, candidate*. Общая известность фильма, фрагмент которого был представлен, способствовала привлечению внимания и включению обучающихся в работу. Студентам удалось назвать имена известных актеров, а также кратко изложить сюжет фильма.

Далее последовал демонстрационный этап, направленный на развитие большего понимания видео отрывка. На данном этапе упражнения способствуют концентрации

на сюжете видео и выделению фактической информации. В качестве видеоматериала был предложен фрагмент из фильма “Devil Wears Prada”, продолжительностью две с половиной минуты, демонстрирующий собеседование главной героини. Выбранный эпизод логически отражает тему занятия, а указанная продолжительность не затрудняет восприятие. Задание данного этапа включало в себя просмотр отрывка из фильма (собеседование) без звука с комментированием происходящего на экране. Такой вид деятельности способствовал активации речемыслительной деятельности обучающихся. Студенты описали внешний вид героев, проанализировали их жесты, мимику, поведение и окружающую обстановку, а также высказали свои предположения по поводу возможного речевого содержания видео. Затем видео отрывок был продемонстрирован повторно со звуком. Таким образом, у студентов была возможность сравнить свои предположения с действительностью сюжета. Во время третьего просмотра эпизода были добавлены субтитры, для исключения трудностей в понимании некоторых высказываний, и, в качестве дополнительного просмотрового задания, студенты определили верность/не верность утверждений для лучшего понимания фактической информации из текста:

Watch the short video. Do you recognize the film? Are the sentences true (T) or false (F)?

1. *Andy is applying for personal assistant position.*
2. *She has already worked in fashion magazines.*
3. *Miranda likes Andy's style.*
4. *Andy doesn't know who Miranda is before the interview.*
5. *Andy is pretty good at writing.*

Последемонстрационный этап работы с эпизодом является аналитическим, реализуя принцип доминирования проблемных заданий, направленных на обобщение, анализ и систематизацию полученных лингвокультурных знаний в контексте коммуникативной ситуации. Именно на этом этапе студенты озвучивали видео фрагмент. Обучающиеся получили раздаточный материал с репликами героев сюжета и разделились на несколько групп. Время для подготовки составило пять минут. Затем каждая группа озвучивала видео пытаясь повторить фонетические и интонационные модели героев.

В результате проведенного занятия было установлено, что при просмотре аутентичных видео на подсознательном уровне запоминаются фонетические нормы, различия между акцентами и диалектами, а также поведенческие модели, способствующие лучшему пониманию социокультурных норм представителей другой культуры, что в свою очередь является основной задачей развития лингвокультурной компетенции.

В ходе эксперимента было проведено занятие на аналогичную тему без использования видеоматериала. Результаты сравнения двух занятий показали, что использование визуальных элементов, напоминающих знакомые сюжеты; яркие сцены, музыка и актерская игра создают благоприятный эмоциональный фон, что способствует более глубокому вовлечению студентов в процесс обучения и повышает мотивацию. Поскольку отсутствие визуальной опоры отдаляет студентов от рассматриваемой темы, они быстро теряют интерес к материалу, представленному исключительно в текстовом формате. Занятие проходит менее динамично.

Преимуществом использования видео также стала активная устная речевая деятельность. Студенты участвовали в дискуссии в ходе выполнения всех заданий за счет невербальной информации, полученной из видео. Наблюдение и анализ применения слов и выражений в прагматическом контексте способствовал улучшению понимания языкового материала, а также корректному фонетическому и интонационному оформлению речи. Анализ действий героев видеоролика побуждал к

воспроизведению поведенческих норм, жестов и мимики при озвучивании видео, что напрямую способствует развитию лингвокультурной компетенции.

В группе, где видеоматериал не применялся, вовлечение обучающихся в дискуссию проходило затруднительно. Обучающиеся применяли навыки устной речи, только если это предполагало задание. Студенты были сосредоточены на грамматике и лексике без контекста, что не позволило развивать речевые навыки в социо-культурном контексте. Кроме того, было отмечено регулярное допущение фонетико-интонационных ошибок в высказываниях, что связано с невозможностью услышать аутентичную речь. Также, у студентов отсутствовала возможность изучить особенности поведения героев в конкретных ситуациях реального общения для дальнейшего использования в дискурсе.

Немаловажную роль на занятии сыграла эмоциональная составляющая. Применение видеоматериала способствовало развитию эмоционального интеллекта и навыков интерпретации. Студенты демонстрировали уверенность в своих знаниях и умениях, что способствовало активному участию обучающихся в выполнении проблемных заданий, а именно, озвучивании видео. Отсутствие видео опоры стало причиной пассивного отношения обучающихся к проблемным заданиям. Недостаток необходимых знаний для выполнения поставленных задач привел к менее выраженной эмоциональности и незаинтересованности студентов в процессе обучения.

Выводы. Полученные результаты демонстрируют, что видеоролики являются мощным стимулом к изучению иностранных языков, поскольку обучающиеся запоминают аудиовизуальную информацию в несколько раз лучше и правильнее, чем только устную информацию. При овладении новой лексикой видео представляет прекрасную возможность применения грамматических структур и лексических оборотов изучаемого языка в контексте. Видеоматериал отражает культурную составляющую общения, раскрывая особенности социально-бытовых ситуаций и поведенческие модели носителей языка, что позволяет определить значимость использования видеоматериала при обучении иностранным языкам, формировании и развитии лингвокультурной компетенции.

Список использованных источников

1. Бородина, Э. В. Применение видеоматериалов в обучении говорению на английском языке на старшем этапе / Э. В. Бородина, Е. А. Плахова // Казанский вестник молодых учёных. – 2020. – № 4. – С. 9–14.
2. Конанкова, Е. В. Этапы работы с видеофрагментом для озвучивания на уроке иностранного языка / Е. В. Конанкова // Евразийский научный журнал. – 2021. – № 7. – С. 182–183.
3. Парфенова, С. О. Особенности использования интерактивных видеоматериалов при формировании иноязычной социокультурной компетенции младших школьников / С. О. Парфенова, И. В. Круглова // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2024. – № 9. – С. 295–309.
4. Подгорбунских, А. А. Содержание понятия «Лингвокультурная компетентность студентов вуза» / А. А. Подгорбунских // Вестник ЮУрГУ. – 2001. – № 38. – С. 100–103.

ИСТОКИ ДИСПУТА: ОТ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ ДО СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

Е. Д. Номоконова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Гриняк О. А.,

*к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается диспут как эффективное средство формирования навыков говорения у учащихся 9-х классов. Прослеживается историческая связь диспута с древнегреческой философией и его эволюция до современного применения в образовании. Подчеркивается важность учета психологических особенностей подросткового возраста для успешного проведения диспута. Также определены ключевые характеристики диспута и его роль в развитии коммуникативной компетенции учащихся.

Ключевые слова: диспут, эффективная коммуникация, навыки, правила ведения диспута.

Summary. The article examines dispute as an effective mean of developing speaking skills among 9th grade students. The historical connection of the dispute with ancient Greek philosophy and its evolution to application in modern education is traced. The importance of considering the psychological characteristics of adolescence for a successful dispute is emphasized. The key characteristics of a dispute and its role in the development of students' communicative competence are also identified.

Key words: dispute, effective communication, skills, rules of dispute.

Анализ методической литературы показал, что способ формирования навыков говорения на основе диспута у обучающихся средней школы проработан не в полном объеме. **Актуальность** темы обусловлена тем, что уроки-диспуты ещё недостаточно разработаны в методической литературе и нечасто используются во время проведения уроков английского языка. **Цель** нашего исследования – доказать, что диспут является эффективным средством формирования навыков говорения на английском языке у учащихся 9-х классов.

«В споре рождается истина» утверждал древнегреческий философ Сократ [6]. Не случайно соревнование в «умных беседах» считалось в античном мире одним из наиболее уважаемых искусств. Диспут (от лат. *disputare* – рассуждать, спорить) трактуется как вид диалогической речи, публичный спор на научную или разговорно-бытовую тему; характеризуется большим количеством участников, выражающих различные мнения и суждения по одному и тому же вопросу [1, с. 64].

Мыслители Древней Греции обратили внимание на то, что знания, полученные и усвоенные в результате столкновения и борьбы различных точек зрения, имеют более прочный характер, в большей степени определяют поведение человека, создают условия для единства мышления и действия [2, с. 6].

Впоследствии диспуты стали набирать популярность в средние века в Европе. В английском парламенте диспуты представляли собой образец ораторского искусства

и риторики, способствуя привлечению внимания широких слоев общества к обсуждению насущных проблем [3, с. 43].

В наше время диспут представляет собой специально организованное представление, в ходе которого происходит демонстративное столкновение мнений по какому-либо проблемному вопросу. По поводу данного вопроса участники диспута выражают различные мнения и суждения [4, с. 97].

Развертывается диспут благодаря:

- оценкам, аргументациям, смысловым связям с реальной жизнью, опоре на личный опыт, которыми пользуются участники спора;
- элементам монолога и диалога (диалогические элементы придают эмоциональную окраску дискуссии, а монологические служат для выражения её логического содержания);
- умениям доказательно, аргументированно излагать свою точку зрения, сохранять выдержку и спокойствие, воспринимать критику, с уважением относиться к мнению оппонента, что относится к воспитательным потенциалам диспута [4, с. 97].

В словаре методических терминов Э. Г. Азимова и А. Н. Шукина дается следующее определение: «диспут – это прием обучения, повышающий интенсивность и активность учебного процесса за счет включения обучаемых в обсуждение поставленной проблемы» [1, с. 64]. Своеобразие диспута заключается в том, что он предполагает обучение на моделях, примерах, а также позволяет реализовать активность учащегося через его участие в обсуждении проблем, представляющих для него интерес.

В школьной практике диспут начал набирать популярность, так как он способствует не только усвоению знаний, но и развитию важных социальных и коммуникативных навыков, формированию критического мышления и ценностных ориентаций, что делает его ценным инструментом в современной школе.

Главной целью обучения говорению принято считать формирование и развитие коммуникативной компетенции учащихся и практическое овладение иностранным языком; с введением ФГОС одним из новых требований является создание основы для саморазвития через самооценку и самоконтроль [9].

В нашей работе мы рассматриваем диспут как средство формирования навыков эффективной коммуникации на иностранном языке. В процессе речевого взаимодействия участники должны знать не только язык, но и «неписанный кодекс», конвенциональные (договорные) правила, которые помогают выстроить эффективную коммуникацию. Основы современной эффективной коммуникации изложил в своей прагматической теории философ-лингвист Г. П. Грайс, выдвинув четыре максимы (правила):

- максима количества (высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем необходимо);
- максима качества (не говорить того, что считается ложным и для чего нет достаточных оснований);
- максима релевантности (не отклоняться от темы обсуждения);
- максима манеры (избегать неясности, двусмысленности, многословия, излагать мысли чётко, быть организованным) [8, с. 14–16].

Немаловажную роль для успешного проведения урока-диспута среди учеников 9 классов играет знание подростковой психологии. Ускорение темпов физического, эмоционального и умственного развития подростков приводит к появлению новых потребностей в самостоятельности, утверждении ценности своего «я» [7, с. 364]. Следовательно, учитель обязан создать такие условия в классе, чтобы, не подавляя естественной возрастной активности, эмоциональности, стремлений к самосознанию,

ученик смог самореализоваться. Поэтому, основу современного урока должна составить активная деятельность самих учащихся, что и определяет роль такой формы работы, как диспут.

Во время подготовительного этапа проведения диспута необходимо озвучить тему и объяснить ее выбор, уточнить условия, указать на ключевые моменты, создать необходимое настроение. Ведущий диспута (учитель) на этапе подготовки должен проинструктировать учеников, как правильно вести диспут:

1. Перед тем, как спорить, подумай, что именно ты должен сказать.
2. Если ты пришел на диспут, обязательно выскажи и аргументируй свое мнение.
3. Говори просто и ясно, логично и последовательно.
4. Говори только то, что тебя интересует, что ты знаешь, в чем ты уверен, не утверждай того, в чем сам не уверен.
5. Спорь честно: не перекручивай мысли человека, с которым ты не согласен.
6. Не повторяйся и не повторяй слов других.
7. Помни, что лучшие доказательства – точные факты.
8. Уважай того, кто спорит с тобой; твое тактичное поведение доказывает, что ты не только сильный оппонент, но и воспитанный человек [5].

Диспут, исходя из вышесказанного, не просто одна из форм урочной работы, а более высокая духовная форма общения. Здесь школьники приобретают навыки, которые им нужны в жизни: учатся строить свое поведение с учетом позиции других людей. Таким образом, выбор формата урока-диспута в школе, тщательная подготовка к нему не только улучшает качество коммуникации, создают условия для познавательной активности учеников, но и способствует развитию положительных социальных навыков, необходимых для успешного взаимодействия в обществе, воспитывают культуру общения в споре.

Список использованных источников

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва : ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Зеленуха, В. А. Диспуты и дискуссии. Методика подготовки и проведения : учебно-методическое пособие для преподавателей детских школ искусств / В. А. Зеленуха. – Благовещенск : ГПОБУ АО «АКИК», 2022. – 13 с.
3. Касентаева, К. У. Возникновение дебатов и основные форматы их проведения / К. У. Касентаева // Вестник КАСУ. – 2009. – № 1 – С. 43–47.
4. Куприянов, Б. В. Формы воспитательной работы с детским коллективом в деятельности классного руководителя / Б. В. Куприянов // Народное образование. – 2014. – № 2 – С. 92–109.
5. Кривошеин, Н. И. Урок диспут – как один из видов уроков на основе коммуникативной технологии / Н. И. Кривошеин. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2015/12/08/urok-disput-kak-odin-iz-vidov-urokov-na-osnove> (дата обращения: 18.01.2025).
6. Меньшенина, П. К. В споре рождается истина / П. К. Меньшенина // Молодой ученый. – 2018. – № 20 (206). — С. 88–89. – URL: <https://moluch.ru/archive/206/50312/> (дата обращения: 19.02.2025).
7. Обухов, Л. Ф. Возрастная психология / Л. Ф. Обухов. – Москва : Юрайт, 2015. – 460 с.
8. Бортников, В. И. Практика эффективной коммуникации : учебно-методическое пособие / В. И. Бортников, Т. В. Ицкович, Ю. Н. Михайлова, Ю. Б. Пикулева ; под общ. ред. В. И. Бортникова, Ю. Б. Пикулевой. – Екатеринбург : Уральский университет, 2021. – 140 с.
9. Приказ Минобрнауки России от 17 мая 2012 года № 413 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта

основного общего образования». – URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (дата обращения: 18.05.2023).

УДК 821.111

ТЕМА СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е. А. Пантон,

*обучающаяся 3-го курса кафедры английской филологии, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Ломакина И. Н.,

к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается специфика темы смерти в современной англоязычной литературе. Применение описательного метода, метода структурного анализа и типологического подхода позволило установить, что тема смерти в современных художественных произведениях рассматривается с разных точек зрения: философской, религиозной, антропологической. Современная литература рассматривает смерть как трансформационный процесс, часть естественного природного цикла.

Ключевые слова: тема смерти, танатопэтика, Дж. Керуак, Дж. Сэлинджер, Э. Смит.

Summary. The article examines the specifics of the topic of death in modern English-language literature. The use of the descriptive method, the structural analysis method and the typological approach allowed us to establish that the theme of death in modern works of art is considered from different points of view, namely philosophical, religious, anthropological ones. Modern literature considers death as a transformational process, a part of a natural cycle.

Key words: the theme of death, thanatopoetics, J. Kerouac, J. Salinger, E. Smith.

Смерть как один из краеугольных камней человеческого существования находила отражение в литературе с античных времён и до наших дней.

Тему смерти изучали как отечественные, так и зарубежные литературоведы. Согласно Б. В. Томашевскому, смерть – это практически всегда событие, т. е. «перемещение персонажа, внешнее или внутреннее, через границу, разделяющую части или сферы изображённого пространства и моменты художественного времени, связанное с осуществлением его цели или, наоборот, отказом или отклонением от неё, а также преодолением препятствий» [3, с. 211].

Изучение тематики смерти в литературе послужило введению термина «танатопэтика». Впервые данный феномен обозначил немецкий литературовед А. Ханзен-Лёве в 1993 г., однако это не являлось чётко выделенным определением.

Р. Л. Красильников отмечает: «Исходя из работ А. Ханзена-Лёве и литературоведческого понятия “пэтика”, определим танатопэтику как дисциплину, изучающую способы репрезентации танатологической семантики, построения танатологических текстов или их фрагментов, влияние темы смерти на формальный строй произведения. С другой стороны, как и в случае с просто “пэтикой”, этот термин может обозначать совокупность данных способов, т.е. объект изучения в

соответствующем исследовании» [2]. Интерес отечественных и зарубежных учёных к теме смерти и в то же время недостаточное количество работ, посвящённых изучению специфики художественного изображения смерти в современной англоязычной литературе, свидетельствуют об **актуальности данного исследования**.

Опираясь на теоретические труды в области танатопэтики, можно выделить основные черты художественных произведений, посвящённых тематике смерти:

1. Экзистенциальные исследования: литература наполнена вопросами о смысле жизни, существовании и конечности бытия, т.е. писатели изучают философские глубины и субъективные переживания.

2. Личное и эмоциональное восприятие: главные персонажи и их переживания касаются горя, утраты и страха перед смертью, что создаёт эмоциональную связь с читателем.

3. Социальные и культурные аспекты: в произведениях рассматриваются общепринятые взгляды на смерть, обряды и ритуалы, связанные с ней в различных культурах.

4. Метафизические размышления: авторы произведений рассуждают о загробной жизни, бессмертии и природе смерти, предлагая различные философские и религиозные концепции.

5. Символизм и метафоры: смерть часто представляется через символы и метафоры, создавая глубокие образы и ассоциации для более глубокого описания и придания атмосферы произведению.

6. Смешение жанров и родов литературы: многие произведения о смерти объединяют элементы драмы, поэзии, фантастики и даже юмора.

Данная тема нашла огромный отклик в художественной литературе XX в. в силу ряда причин. В те времена люди пережили две мировые войны, революции и множество локальных конфликтов, которые повлияли на переосмысление жизни. Так, в английской литературе сформировались два взгляда на смерть. Согласно одному из них, «земля превращается в ад, а смерть – попытка бегства из него. При этом писатели невольно показывают, что такое бегство не приносит избавления» [4]. Другие же в своих работах опирались на христианскую традицию: «В христианстве английские писатели первой половины XX века нашли то, что не просто дало им силы жить, но и явилось онтологическим основанием идеи человеческого бессмертия» [4].

В американской литературе видное место занимает роман Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (*The Catcher in the Rye*, 1951). Произведение представляет собой описание внутреннего состояния подростка, который сталкивается с вызовами взросления и стремлением найти своё место в этом мире. Джером Сэлинджер поднимает множество тем в данном романе: противостояние личности и общества, отроческое бунтарство, одиночество, а также смерть.

Смерть в произведении представлена в образе младшего брата Алли, который уже три года как мёртв: *“He’s dead now. He got leukemia and died when we were up in Maine, on July 18, 1946. You’d have liked him. He was two years younger than I was, but he was about fifty times as intelligent. He was terrifically intelligent. His teachers were always writing letters to my mother, telling her what a pleasure it was having a boy like Allie in their class”* [5, с. 59]. Для Холдена, главного героя, смерть Алли оказалась шокирующей переменной в его жизни, которая породила страх перед новыми потерями.

Джек Керуак – американский писатель, поэт, важнейший представитель литературы «бит-поколения». В произведении «В дороге» (*On the Road*, 1957), изображается путешествие по Соединённым Штатам и Мексике двух друзей и единомышленников – Сала Парадайза и Дина Мориарти. Главные герои познакомились зимой 1947 г. в Нью-Йорке и быстро подружились. Их объединяла общая страсть – дорога. Лейтмотивом произведения служит идея пути, который символизирует не

только физическое преодоление расстояний, но и внутренний путь, который ведёт к Богу, истине, любви и дружбе.

Кульминация данного романа наступает, когда главные герои достигают Мексики. Страна их встречает музыкой, которая кажется мелодией Второго пришествия: «Эти потрясающие мелодии переполняли собой таинственный золотистый послеполуденный час, напоминая о звуках, которых ждёшь в день Страшного суда и Второго пришествия» [1, с. 345].

Дж. Керуак затрагивает тему смерти с точки зрения философии. Дорога – это символ самой жизни. В мире романа феномен дороги уводит героев от смерти в городской черте – мира работы, брака и рутины.

«Осень» (*Autumn*, 2016) – роман шотландской писательницы Элли Смит. Автор изображает взаимоотношения между пожилым мужчиной и молодой женщиной на фоне социальных и исторических изменений.

Дэниел Глюк, 101-летний бывший автор песен, лежит в своей комнате в доме престарелых и погружается во сны. Его регулярно навещает 32-летняя Элизабет Деманд, которая в детстве была его соседкой. Мать Элизабет не одобряла их раннюю дружбу из-за разницы в возрасте – Дэниелу было 85 лет, а Элизабет всего 13, но несмотря на это, она сблизилась с ним и черпала вдохновение из его рассказов о произведениях искусства. Под влиянием Дэниела Элизабет стала преподавателем истории искусств в лондонском университете. Повествование варьируется между длительными снами Дэниела, который приближается к смерти, и воспоминаниями Элизабет о начале их дружбы и её последствиях.

Элли Смит описывает смерть как неизбежную часть жизни, а также как способ осмыслить перемены и потери. Дэниел приближается к концу своего пути, что заставляет Элизабет размышлять о времени, памяти и наследии.

Название романа имеет символический характер. Главный герой Дэниел приближается к смети, что соотносится с меланхоличной погодой в осенний сезон, когда деревья уже приготовились к зимнему сну.

Таким образом, тематика смерти в художественных произведениях англоязычных авторов характеризуется разнообразием. Не всегда данная тема представлена самостоятельно; на примерах произведений, написанных в период с 1950 по 2016 гг. можно проследить, что она идёт в связке с другими фундаментальными вопросами, например, утрата людей, поиск смысла жизни и религиозный подтекст, а также старость.

Современная литература часто рассматривает смерть не как конечный акт, а как трансформационный процесс. Авторы стремятся осмыслить эту тему сквозь призму человеческих переживаний, болей и радостей, что позволяет читателю увидеть смерть не только как трагедию, но и как часть естественного цикла жизни.

Список использованных источников

1. Керуак, Дж. В дороге / Дж. Керуак. – Москва : АСТ, 2020. – 370 с.
2. Красильников, Р. Л. Танатопэтика в свете идей М. М. Бахтина / Р. Л. Красильников // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 1 (22). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tanatopoetika-v-svete-idey-m-m-bahtina/viewer> (дата обращения: 18.02.2025).
3. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие / Б. В. Томашевский ; вступ. статья Н. Д. Тмарченко ; комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тмарченко. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
4. Федотов, А. А. Два взгляда на смерть в английской литературе первой половины XX века / А. А. Федотов, Е. В. Ширяева // На пути к гражданскому обществу. – 2017. – № 2 (26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dva-vzglyada-na-smert-v-angliyskoy-literature-pervoy-poloviny-xx-veka/viewer> (дата обращения: 24.02.2025).

5. Salinger, J. D. The Catcher in the Rye / J. D. Salinger. – New York : Alfred A. Knop, 1990. – 288 p.

УДК 82:81'255.2=111

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОМЕДИИ В СТИХАХ «ГОРЕ ОТ УМА» А. С. ГРИБОЕДОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

А. А. Проханов,

*обучающийся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Вовк Н. А., старший преподаватель кафедры
английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается специфика перевода комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Актуальность исследования связана с постоянным интересом отечественных и зарубежных переводчиков к русской классике. Анализируемая комедия в стихах имеет свои языковые особенности, которые сложны для передачи на английский язык (далее – АЯ) ввиду того, что необходимо соблюсти баланс между словесной и стихотворной составляющими. Также следует отметить, что в этом году отмечается 230-летие со дня рождения Александра Грибоедова и 200-летняя годовщина его пребывания в Крыму. В целом, ямб как размер сохранен при передаче на АЯ в переводе А. Вагапова. Структура строф исходного текста (далее – ИТ) подвергается изменениям в переводном тексте (далее – ПТ). Используются лексические трансформации, такие как антонимический перевод, целостное преобразование высказывания, развитие значения. Были выявлены грамматические, пунктуационные и синтаксические трансформации.

Ключевые слова: перевод комедии в стихах, А. С. Грибоедов, «Горе от ума», переводческие трансформации.

Summary. The article deals with the specific features of the translation of the comedy *Woe from Wit* by A. S. Griboyedov. The topicality of the research is connected with the national and foreign translators' interest in Russian classical literary works. The verse comedy has its language peculiarities, which are difficult for rendering into the English language (further – EL) as it is necessary to balance the verbal and verse components. Also it should be noted that this year there are 230th year since Aleksander Griboedov's birth and 200th anniversary since his arrival in Crimea.

In general, the author came to the conclusion that iambus as a meter is preserved in rendering into the EL in the translation by A. Vagapov. The stanza structure of the original text undergoes changes in the translation text. One uses lexical transformations, such as antonymic translation, total restructuring of the utterance, extension of meaning. There were found grammar, punctuation and syntactic transformations.

Key words: translation of verse comedy, A. S. Griboyedov, *Woe from Wit*, translation transformations.

Несколько переводчиков занимались передачей пьесы «Горе от ума» А. С. Грибоедова на английский язык. Среди них – О. Элиас [3], Н. Семенова [4], А. Вагапов [5]. Следует отметить, что все трое при работе с названием произведения предлагают вариант “*Woe from Wit*”, в котором присутствует стилистический прием аллитерации с повторением звука [w]: [‘wəʊ frəm ‘wit]. Сам поэт в заглавии не

использует этот прием. Анализ значений этих слов показывает следующее. Слово “woe” трактуется как “very great sadness” – «очень большая печаль» [7], то есть «горе». Что касается лексической единицы «wit», то словарь Collins Dictionary содержит три значения. Первое из них – “the ability to use words or ideas in an amusing, clever, and imaginative way” – «способность использовать слова или идеи забавным, искусным или образным способом» [6]. На русский язык передается как «остроумие». Во втором значении – это «остроумный человек». Третье значение содержит семы, которые подчеркивают интеллектуальные данные: умственные способности, ум, смекалка. Этот вариант реализуется в переводе. В целом, можно сказать, что слово «горе» передается эквивалентом “woe”, а «ум» переводится с помощью конкретизации: из трех значений выбирается одно, которое наиболее соотносится с семантикой лексической единицы исходного языка. Слово «ум» можно передать и такими лексическими единицами, как, например, “intellect, mind, intelligence”, но “woe” характеризуется краткостью и способностью к аллитерации со словом “wit”.

При написании комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедов писал вольным ямбом [2, с. 73]. Он то укорачивал строки, растягивал их, что позволяло имитировать живую речь. В ходе перевода структуру стихов приходится менять, как в работе А. С. Вагапова [5]. В оригинале материал расположен таким образом:

«Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!

Вчера просилась спать – отказ,

«Ждем друга». – Нужен глаз да глаз,

Не спи, покуда не скатишься со стула.

Теперь вот только что вздремнула,

Уж день!.. сказать им...» [1, с. 4].

В переводе текст принимает такую форму:

“It’s dawning! ...Oh! How fast

The night has passed!

They didn’t let me go to bed

‘In expectation of a friend’.

I had to be on the alert,

It’s only now that I could doze

Sitting like this, in such a pose!

I could have fallen from the chair!

It’s dawn... They must be unaware...” [5].

В целом, ямб сохранен при передаче на АЯ. Но если сопоставить структуру стихов, то видно, что шесть строк в исходном тексте переданы девятью строками в переводном тексте. В ряде случаев одна строка в ИТ выражается двумя в ПТ. Такие трансформации происходят на синтаксическом уровне. Антонимический перевод присутствует в таком случае:

«Вчера просилась спать – отказ» [1, с. 4] – “They didn’t let me go to bed” [5].

В исходном языке отсутствуют какие-либо отрицательные частицы, в переводном языке используется глагол *let* со вспомогательным глаголом прошедшего неопределенного времени *did* в отрицательной форме с частицей *not*. На грамматическом уровне возможны такие изменения:

«Ждем друга» [1, с. 4] – “In expectation of a friend” [5].

Глагол в первом лице множественного числа настоящего времени «ждем» в исходном тексте передается субстантивной фразой “in expectation of”. Дополнение «друг» в ПТ конкретизируется через использование неопределенного артикля “a friend”, уточняя, что этот человек на данном этапе повествования еще не конкретизирован.

Фразеологизм «нужен глаз да глаз» [1, с. 4] в процессе перевода заменен аналогом в АЯ, который звучит как “to be on the alert” [5]. Используется лексическая трансформация, которая называется целостное преобразование высказывания. У ФЕ разная образная основа и структура, но их объединяет ситуация, в которой они могут использоваться. В этом случае необходимость постоянного внимания к сложившимся обстоятельствам.

Синтаксическая трансформация присутствует и в таком случае:

«Не спи, покуда не скатишься со стула.

Теперь вот только что вздремнула» [1, с. 4].

“It’s only now that I could doze

Sitting like this, in such a pose!

I could have fallen from the chair!” [5].

Предложение «Теперь вот только что вздремнула» идет позже в ИТ. В ПТ переводчик употребляет его ранее. Соответственно, «Не спи, покуда не скатишься со стула» [1, с. 4] размещено ближе к концу строфы. В этом случае также используется нулевой перевод. Глагол в повелительном наклонении в отрицательной форме «Не спи» не передан в ПТ. Также имеет место и антонимический перевод: «покуда не скатишься со стула» [1, с. 4] передается предложением “I could have fallen from the chair” [5], где отрицательная форма глагола в настоящем времени в исходном тексте выражена в переводном тексте комбинацией модального глагола *could* в прошедшем времени и перфектным инфинитивом *have fallen*, которые образуют форму сослагательного наклонения, которая выражает действие, не случившееся в прошлом.

При передаче фразы «Уж день!..» [1, с. 4] используется развитие значения: “It’s dawn...” [5]. Слово «день» передано в ПЯ как «рассвет». Эти две лексические единицы имеют такие общие семы, как «время суток» и «солнечный свет». В остальном они отличаются. Также в этом случае видна трансформация на уровне пунктуации: в исходном тексте присутствует восклицательный знак и две точки, а в тексте перевода – троеточие. Восклицательный знак придает эмоциональность высказыванию, а троеточие в переводе выражает напряженность и недосказанность.

В целом, можно сказать, что пьеса «Горе от ума» А. С. Грибоедова вызывает интерес специалистов по литературному переводу, в том числе и тех, кто работает с английским языком (О. Элиас, Н. Семенова, А. Вагапов). При передаче названия произведения переводчики предлагают вариант “Woe from Wit”, в котором присутствует прием аллитерации.

При написании комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедов писал вольным ямбом, что позволяло имитировать живую речь. В ходе перевода структуру строф приходится менять, как, например, делает А. Вагапов. В целом, ямб сохранен при передаче на АЯ. Но если сопоставить структуру строфы, то видно, что строки в исходном тексте переданы большим количеством строк в переводном тексте. Такие трансформации происходят на синтаксическом уровне. Также переводчик использует такие лексические трансформации, как антонимический перевод, целостное преобразование высказывания, развитие значения. Были выявлены грамматические и пунктуационные трансформации.

Список использованных источников

1. Грибоедов, А. С. Горе от ума / А. С. Грибоедов. – Москва : ДА!Медиа, 2014. – 147 с.
2. Маймин, Е. А. Русский вольный ямб и стих «Горя от ума» / Е. А. Маймин // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции ; отв. ред. С. А. Фомичев. – Ленинград : Наука, 1977. – С. 73–84.
3. Griboyedov, A. S. Woe from Wit / A. S. Griboyedov ; transl. by O. Elias. – London : Bradda Books, 1952. – 168 p.

4. Griboyedov, A. S. Woe from Wit / A. S. Griboyedov ; transl. by N. Semyonova. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 176 p.
5. Griboyedov, A. S. Woe from Wit [Electronic Resource] / A.S. Griboyedov ; transl. by A. Vagapov. – Access mode: <https://spintongues.vladivostok.com/griboyedov.htm>. (Access date: 23.03.2025).
6. Wit. Collins Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/wit>. (Access date: 23.03.2025).
7. Woe. Collins Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/woe>. (Access date: 23.03.2025).

УДК 81'373.43:811.111:070

ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ НЕОЛОГИЗМА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

А. П. Рукавицин,

*обучающийся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Вовк Н. А., старший преподаватель кафедры
английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается жизненный цикл неологизмов (далее – ЖЦН), которые используются в масс медиа. Автор приходит к выводу, что ЖЦН зависит от востребованности в социуме именуемых ими объектов или явлений. Актуализация конкретного аспекта общественной жизни влияет на использование новых лексических единиц, в ряде случаев уже сформированных, которые начинают постоянно присутствовать в разных видах масс медиа. Если общество не проявляет интерес к тем или иным вопросам, то и частота применения неологизмов определенной направленности снижается, помещая такие единицы в «режим ожидания».

В ходе исследования использовались аналитический и сопоставительный методы анализа.

Ключевые слова: неологизм, жизненный цикл неологизма, средства массовой информации.

Summary. In the article there is analyzed the neologism life cycle (further – NLC) in mass media. The author comes to the conclusion that the NLC depends on the society's need in the objects and phenomena named with neologisms. Actualization of the concrete aspect of the public life influences the usage of new lexical units, in some cases already formed, which start their constant presence in different types of mass media. If the society does not express any interest in these or those questions, then the usage frequency of the neologisms of the definite sphere diminishes; such units are kept in “standby mode”.

During the research the analytical and comparative methods of analysis were used.

Key words: neologism, neologism life cycle, mass media.

Язык находится в постоянном развитии. Как живой системе, ему надо соответствовать социальным, экономическим и политическим и прочим процессам, в которые вовлечены носители языка, и принимать изменения, которые фиксируются с помощью неологизмов, представляющих собой важный класс языковых единиц, наличие которых свидетельствует о развитии языка. В процесс неологизации вовлечены и масс медиа через такие направления, как радио, телевидение и Интернет.

В настоящее время английский язык (АЯ) стал самым используемым в мире. Новых слов в АЯ становится все больше и больше. Часто это связано с новыми объектами номинации. Существует потребность и в образовании слов с эмоционально-экспрессивным компонентом. Когда-то английский для отражения новых концепций и различных абстрактных понятий заимствовал слова из других языков с целью использовать их как неологизмы. Сейчас же ситуация поменялась. Значительное количество новых слов появляется в самом АЯ.

Существует много определений понятия «неологизм». В онлайн словаре Collins Cobuild English Language Dictionary неологизмом называется новое слово или словосочетание в языке, а также уже существующая лексическая единица, которая используется в новом значении [7].

Питер Ньюмарк (Peter Newmark) считает, что неологизмы можно определить как заново составленные лексические единицы или существующие ЛЕ, которые приобрели новое значение [8, с. 140]. Джон Алджео (John Algeo) и Томас Пайлз (Thomas Pyles) видят новое слово как форму или использование формы, не зафиксированной в общих словарях [4, с. 2].

Н. З. Котелова считает, что неологизмы являются словами, значениями слов и идиомами, которые существуют в конкретном языке, подязыке и языковой сфере. Соответственно, они не существовали в предыдущий период в том же языке, подязыке, подязыковой сфере [3, с. 171].

В целом, можно сказать, что самая важная характеристика нового слова или словосочетания связана с его новизной. Все носители языка ощущают его необычность.

Важным вопросом является жизненный цикл неологизма (далее – ЖЦН). Исследователи по-разному подходят к видению этого аспекта. Например, А.Меткалф (A. Metcalf) в своей работе дает шкалу, с помощью которой можно определить способность новых слов и словосочетаний войти в словарный состав языка. Шкала называется «FUDGE factor». Буква F означает *frequency of use*, частотность использования. U связана с *unobtrusiveness*, то есть ненавязчивостью. Это означает, что новая лексическая единица не должна быть совсем необычной. Буква D расшифровывается как *diversity of users and situations*, то есть разнообразие пользователей и ситуаций. G означает *generation of forms and meanings*, то есть генерация форм и значений. E – это *endurance of the concept*, то есть продолжительность использования концепции [6, с. 156].

Еще один взгляд на жизненный цикл неологизма предлагают Бхагаван Бехера (Bhagavan Behera) и Приядаршани Мишра (Priyadarshani Mishra), в котором выделяют такие фазы: нестабильность (очень новое слово или слово, которое используется только небольшой субкультурой); размытость (лексическая единица стала встречаться значительно чаще, но не получила убедительное принятие); стабильность (получение признания, мода на использование, возможное получение длительного принятия); устаревание (точка, где слово перестало быть новым, вошло в словарный состав языка); архаизация (лексическая единица, когда-то бывшая неологизмом, так культурно устарела, что ее использование рассматривается вне норм изменившейся культурной традиции; возможна ситуация, когда такое слово совсем выйдет из употребления) [5, с. 26].

Неологизмы часто употребляются в масс медиа, роль которых в настоящее время значительно возросла. Т. Г. Добросклонская проанализировала контекстные употребления термина «язык средств массовой информации» и выделила три самых распространенных его значения. Первое из них охватывает весь корпус текстов, которые производятся и распространяются СМИ. Второе – это сбалансированная интралингвистическая система, у которой есть тот или иной состав лингвостилистических особенностей. Третье значение – специфическая знаковая

система, у которой есть определенное сочетание языковых и внеязыковых компонентов, специфических для того или иного вида масс медиа, которые представлены печатными изданиями, радио, телевидением, Интернетом [2, с. 18]. В языке средств массовой информации очень быстро получают свое отражение социальные трансформации, для фиксации наименования которых необходимы новые понятия.

Англоязычные масс медиа содержат множество неологизмов. Одни из них могут касаться деятельности того или иного политика, например, экс-президента США Барака Обамы: “*Obamanism, Obamanomics, Obama-ite, Obama-oid, Obamacan, Obamacon, Obamanator, Obamatrons; prObamedia, Obama effect, Obamanation, Obamomentum, Obamerica*” [1].

Если политическая деятельность не является совсем удачной, то образуются неологизмы с отрицательными коннотациями – “*Barapocalypse, Obamageddon, Obamatania, Obamaphobia, Obamaphrenia*” [1].

Если взять перечисленные аспекты с точки зрения ЖЦН, то можно сказать следующее. Пока имя Б. Обамы в связи с его деятельностью было в активной части информационного поля, то эти новые слова и словосочетания употреблялись довольно часто. Затем они, сохранив новизну, стали частью пассивного запаса. Сейчас этот политик не играет важной роли в жизни Соединенных Штатов. Его вспоминают время от времени по определенным информационным поводам, что выводит эти неологизмы из режима ожидания в прямое использование.

Ряд новых лексических единиц связан с Дональдом Трампом. При образовании неологизмов часто использовались суффиксальный и префиксальный способы: “*Trumpist, Trumper, Trumpism, Trumpish, Trumpesque, Trumpy, Trumpward, Trumpkin, anti-Trumper, pro-Trump*” [1] и т.п. Разговорный стиль Д. Трампа обусловил появление термина-неологизма “*Trumpspeak*”, а схожесть с манерой его поведения стала называться *Trumpishness* (*Trump + ish + ness*). Последний неологизм несет отрицательное значение. Подразумеваются негативные качества Дональда Трампа, представленные высокомерием и невежественностью.

Так называемые демократические СМИ в отношении Дональда Трампа способствовали образованию неологизмов с отрицательной окраской: “*Trumpocalypse, Never Trumper, Trumpophrenia, Trumpentantrum, Trumpogeddon, Trumpomania, Trumpophobia, Trumpophelia*” [1].

В отношении Джо Байдена используется неологизм *Bidenisms* (*Biden + ism(s)*), который означает комичные слова, фразы и оговорки этого президента.

Новые лексические единицы, связанные с Д. Трампом, были, во многом, образованы «демократическими» масс медиа в его первый президентский срок. По его окончании началась травля Дональда Трампа, поскольку он баллотировался на второй срок и был конкурентом Джо Байдена, что привело к интенсивному использованию «готовых» неологизмов, связанных с деятельностью Трампа. За четыре года до повторного участия в выборах 2024 года и в ходе последней предвыборной компании эти новые слова и словосочетания опять заполнили радио-, теле- и Интернет-ресурсы. Жизненный цикл неологизмов, посвященных Д. Трампу, увеличился.

Пандемия коронавируса 2020–2022 годов привела к появлению значительного количества новых лексических единиц. Среди них такие: “*social distance; hand sanitiser; caremongering; zoomwear*” [1]. Сложная обстановка тех дней выражается неологизмами *Vaccine Hunger Games* (аллюзия на книгу и фильм *Hunger Games*); “*vaccine nationalism; toxic productivity; blursday; pandemicide; doom-scrolling*” [1]. В постковидный период появились такие новообразования: “*loxit (lockdown + exit); lockstalgia (lockdown + nostalgia); post-pandemic stress disorder (PPSD); corona / covid crunch*” [1].

Анализ ЖЦН этой тематики показывает, что они постоянно востребованы с 2020 года. Возникают новые штаммы коронавируса. Социальную дистанцию следует соблюдать постоянно. На основе существующих вакцин разрабатываются новые. Довольно серьезной оказалась эпидемиологическая обстановка 2024–2025 годов. На некоторых территориях вводили карантин и дистанционное обучение.

В целом, можно сделать вывод, что жизненный цикл неологизма зависит от востребованности именуемого им объекта или явления. Если в социуме постоянно актуализируется определенный аспект, который подразумевает необходимость использования уже имеющихся новых лексических единиц, то последние будут постоянно присутствовать в различных видах масс медиа. Если общество не проявляет интерес к тем или иным вопросам, то и частота применения неологизмов определенной направленности снижается, помещая такие единицы в «режим ожидания».

Список использованных источников

1. Бондаренко, А. В. Неологизмы в англоязычных СМИ как средство манипуляции общественным сознанием / А. В. Бондаренко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2023. – Вып. 7 (875). – С. 9–15.
2. Добросклонская, Т. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Добросклонская. – Москва : Флинта ; Наука, 2020. – 180 с.
3. Котелова, Н. 3. Избранные работы / Н. 3. Котелова. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. – 276 с.
4. Algeo, J. The Origins and Development of the English Language / John Algeo, Thomas Pyles. – Boston : Wadsworth Cengage Learning, 2010. – 347 p.
5. Behera, Bh. The Burgeoning Usage of Neologisms in Contemporary English / Bhagavan Behera, Priyadarshani Mishra // IOSR Journal Of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS). – 2013. – November–December. – Issue 3. – Volume 18. – P. 25–35.
6. Metcalf, A. Predicting New Words. The Secrets of their Success / A. Metcalf. – Boston : Houghton Mifflin, 2002. – 224 p.
7. Neologism. Collins [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/neologism>. (Access date: 14.03.2025).
8. Newmark, P. A Textbook of Translation / Peter Newmark. – Hoboken : Prentice-Hall International, 1988. – 402 с.

УДК 821.111

ОБРАЗ ЖЕРТВЫ В РОМАНЕ ДОННЫ ТАРТТ «ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ»

Д. А. Самохина,

*обучающаяся 3-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Бондаренко Л. В., к. ф. н., доцент
кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается образ жертвы в новом университетском детективе на материале романа «Тайная история» Донны Тартт. Предметом исследования являются способы и средства создания образа жертвы в романе. Основное внимание уделяется динамике отношений между жертвой и другими героями, их внутренним конфликтам, связанными с моральным выбором и

ответственностью за свои поступки. Проведенное с применением методов структурного и интертекстуального анализа исследование показало, что «Тайная история» является не только романом о преступлении, но и исследованием тонких граней человеческой психологии и отношений. Образ жертвы создается с помощью таких художественных приемов как портрет, пейзаж, диалоги, описание поступков и поведения персонажей.

Ключевые слова: образ жертвы, университетский роман, университетский детектив, «Тайная история», Донна Тартт.

Summary. The article examines the image of the victim in the new academic detective genre using Donna Tartt's novel *The Secret History* as the primary material. The focus of the study is on the methods and means of creating the victim's image in the novel. Particular attention is paid to the dynamics of the relationships between the victim and other characters, as well as their internal conflicts related to moral choices and accountability for their actions. The research, conducted using structural and intertextual analysis methods, has shown that *The Secret History* is not only a novel about crime but also an exploration of the subtle nuances of human psychology and relationships. The image of the victim is created through artistic techniques such as portraiture, landscape, dialogue, and descriptions of characters' actions and behaviors.

Key words: the image of the victim, campus novel, university detective story, *The Secret History*, Donna Tartt.

Актуальность работы определяется повышенным интересом современного общества к виктимной психологии и способам ее проявления в социуме, что находит отражение в многочисленных художественных произведениях литературы, живописи, кинематографа, музыки.

Целью работы является выявление специфики образа жертвы в современной американской литературе на материале нового университетского детектива Донны Тартт «Тайная история», что позволяет глубже понять смысл текста и более детально интерпретировать проблематику романа. Поставленная **цель** предполагает решение следующих **задач**: изучить историю возникновения образа жертвы и его основные характеристики, проанализировать образы жертвы в романе «Тайная история» и художественные средства его создания – описания внешности, пейзажа и обстановки; описания поступков и поведения персонажей. Исследование проводилось с использованием метода психологического анализа, культурно-исторического и описательного методов.

Результаты исследования. Образ жертвы не является новым для отечественной и зарубежной литературы. Данный художественный образ находим еще в древнегреческих мифах, в которых жертва провоцирует опасную для себя ситуацию уже самим фактом своего существования и своим поведением. Так, царь Фив Эдип (герой мифа и трагедии Софокла «Царь Эдип», написанной на его основе) в силу неосознаваемых им обстоятельств оказывается мужем собственной матери и убийцей своего отца. Узнав о содеянном, он ослепляет себя. В конце трагедии читатель осознает, что Эдип играет роль как героя, так и преступника, но еще в большей степени он выполняет роль жертвы собственной духовной слепоты. В библейском сюжете о Каине и Авеле виктимологическая ситуация иная. Потенциальная жертва – Авель осознает опасность, исходящую от брата, но в силу определенного психологического состояния (чувства вины перед ним) не противится обстоятельствам, идет с Каином в поле, где и погибает от его руки. Авель, в отличие от Эдипа, представляет собой образ жертвы с ощущением вины, в следствие чего он не находит в себе сил к сопротивлению и, как бы, внутреннее оправдывает действия своего убийцы, свершившего приговор. Поведение Авеля провоцирует насилие над ним, однако сама жертва этого не осознает. Античные и библейские жертвенные образы находят художественную интерпретацию в

романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором жертва Раскольникова – Алена Ивановна – безжалостная ростовщица, паразитирующая на стесненном материальном положении окружающих и спекулирующая на их несчастьи. Своим откровенно корыстным поведением она вызывает непреодолимое отвращение у своего убийцы – Раскольникова. Писатель намеренно создает отвратительный виктимный образ ростовщицы, чтобы показать, что выбор жертвы предопределен и личностью, и ее социальным статусом. Образ старухи представляет тип активной, хотя и неосознанно, провоцирующей жертвы. В романах Ф. М. Достоевского глубоко раскрываются не только виктимологическая сторона преступлений, значение отношений между преступником и жертвой в генезисе криминологических механизмов, но и «самоубийственные» последствия совершаемых деяний для преступника: так, Раскольников «становится нравственным изгоем, жертвой своей идеи»; в его натуре есть и добро, и зло, но зло побеждает [1].

В литературном контексте образ жертвы является универсальным архетипом, начиная с античности, поскольку жертвоприношение – один из древнейших религиозных ритуалов. С появлением письменности появляются описания этих ритуалов и формируются образы божества, которому приносят жертву, образ жреца и впоследствии сам образ жертвы. Древние цивилизации не случайно выбирали жертву для жертвоприношения. Этот процесс был глубоко символичным и взаимодействовал с верованиями и ритуалами общества. Жертва часто выбиралась с учетом различных факторов, таких как социальное положение, физические качества и астрологические характеристики. Это подчеркивало важность ритуала в жизни людей и их стремление к взаимосвязи с божественным. С течением времени образ жертвы значительно трансформировался, приобретая формы жертвы физической, психологической и социальной.

В произведении Донны Тартт представлены несколько образов жертвы: Банни – как физическая жертва, убитый фермер – религиозно-ритуальная жертва и сами главные герои – как социально-психологические жертвы своего преступления. Рассмотрим эти образы более подробно. Эдмунд Коркоран является одним из центральных персонажей романа «Тайная история» Донны Тартт. В начале произведения он входит в пятерку студентов, изучающих древнегреческий язык и античную литературу, что сразу же выделяет их среди общей массы студентов 80-х годов прошлого столетия. На первый взгляд Банни ничем не отличается от своих друзей: «*Consider even bluff old Bunny. Not a childhood of reefer coats and dancing lessons, any more than mine was. But an American childhood ... an upbringing vitally present in Bunny in every respect, from the way he shook your hand to the way he told a joke*» [6, с. 20]; («Взять даже нашего простофилю Банни. Детство, не больше моего похожее на то, что проходит под знаком матросских костюмчиков и уроков танцев. Но все же американское детство. Неудивительно, что это воспитание проявлялось у Банни абсолютно во всем, от рукопожатия до манеры рассказывать анекдоты» [5, с. 19]). Однако, Ричард Пейпен, главный герой романа, понимает, что хотя Банни и выглядит легкомысленно несерьезным, по сравнению с остальными студентами древнегреческой группы, он, тем не менее, неотъемлемая часть их коллектива: «*I do not now nor did I ever have anything in common with any of them, nothing except a knowledge of Greek and the year of my life I spent in their company*» [6, с. 20]; («Ни с кем из них у меня нет и не было ничего общего – ничего, кроме знания греческого и года жизни, проведенного вместе» [5, с. 20]). Со слов Ричарда, Банни – «*sloppy blond boy, rosy-cheeked and gum-chewing, with a relentlessly cheery demeanor. His voice was loud and honking, and carried in the dining halls*» [6, с. 66]; («неряшливый, розовощекий, постоянно жевавший жвачку блондин, неизменно пребывавший в приподнятом настроении. В столовой я часто слышал его громкий и резкий голос, легко различимый в общем шуме» [5, с. 66]).

Внешность и поведение Банни вполне отвечает характеристикам определенного типа жертвы – отличающегося от большинства индивидуума.

Банни – двойственный персонаж, походивший больше на обычного студента, чем на члена привилегированной группы. Другие обучающиеся колледжа всегда выделяли Банни как наиболее приятного студента древнегреческой филологии: «*He is hilarious. I hate that geeky friend of his, though, the other one with the glasses, what's his name?*» [6, с. 185]; («Классный парень, с ним не соскучишься. Я вот только терпеть не могу его приятеля. Мерзкий такой тип, тоже в очках, как его там?» [5, с. 186]). Круг общения Банни выходит за пределы группы «студентов-греков», с одной стороны, и не ограничивается приятельским общением с однокурсниками, с другой. Банни, ставшему жертвой, не известно о христианском понятии греха и морали, и на вопрос, задумывался ли он когда-нибудь об этих вещах, он смеется и отвечает: «*Of course not. I'm not a Catholic*» [6, с. 58]; («Что я, католик какой-нибудь?» [5, с. 58]). Важно то, что студенты Джулиана убивают Банни не как личность, а как существо, поправшее античный идеал. Банни не соблюдает пост перед вакханалией, смеется над их идеей, над самими вакханцами, постигшим состояние ритуального безумия, и осуждает то, что по законам античности не должно осуждаться. Банни предается гедонизму, а впоследствии начинает задумываться о семье и браке на девушке, не разделяющей сакральные принципы его друзей и даже угрожает рассказать о совершенном убийстве полиции. И все же Генри и остальные не планируют убивать Банни, пока не возникают непредвиденные обстоятельства. Банни провоцирует разговор с учителем о понятиях добра, зла и морали, из которого становится ясно, что он больше не «античник» и, именно поэтому Банни обречен на смерть.

В «Тайной истории» Донны Тартт Банни не единственная жертва – во время вакханалии студентами был убит случайно оказавшийся в лесу фермер. Лидер группы – Генри описывает процесс убийства сумбурно, так как все четверо находились в состоянии аффекта: «*I do not know how that happened. There was a dreadful mess. I was drenched in blood and there was even blood on my glasses*» [6, с. 345]; («Я понятия не имею, как это произошло. Хаос был страшный. Я был весь в крови, брызги были даже на очках» [5, с. 346]). Герои утверждают, что убийство было случайным, но все участники находились на территории дома фермера, так как тело погибшего нашли именно там. Ричард отмечает, что в Вермонте это играет решающую роль: «*trespassing on someone's land was tantamount to breaking into his house*» [6, с. 347]; («нарушение границ частных владений было равносильно взлому жилища» [5, с. 349]). Тем самым, читатель понимает, что фермер – не «случайная» жертва. Своей реакцией на проникновение на личную территорию он спровоцировал студентов, находившихся в экстазе. Не отдавая себе отчета в своих действиях, группа молодых людей убивает невинного, ставшего жертвой «ритуального жертвоприношения», тем самым закончив вакханалию. Фермер является точкой в истории языческих увлечений главных героев, ведь именно с этого убийства и начинается детективная линия повествования, завершающаяся убийством Банни. В романе отсутствует какая-либо характеристика фермера, тем самым жертва не вызывает сочувствия или жалости, а убийство – лишь толчок к основным действиям романа.

Структура книги напоминает «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, убийцы сами становятся психологическими и социальными жертвами, ступая на путь саморазрушения. Фрэнсис смертельно боится предстать перед судом и, даже пытается убить себя, пытаясь таким образом избежать ответственности. Однако ему не хватает на это смелости – наказание приходит позже, в виде болезни и браком с нелюбимой женщиной. Чарльз говорит о смерти Банни как о вещи противоестественной, моральном преступлении, и поэтому, Бог иллюзий насылает на него безумие. Джулиан, изначально выступая в роли идейного вдохновителя и мудрого старца, подобно

Платону, создавшего свою «школу», узнав об убийстве Банни, страшится юридических последствий и бросает студентов из-за трусости. Воспринимая отстранение учителя как предательство сакральных ценностей, Генри остается единственным носителем античного идеала – Ричард не был посвящен в ритуал, а Камилла поддерживает Чарльза в том, что идея убийства ужасна. Следуя «великой идее», Генри устраивает свое самоубийство в законах античной культуры. В «Преступлении и наказании» раскаяние духовное инициирует юридическое признание своей вины, здесь же закон не свершает правосудия, потому что нет духовного преступления. Все участники убийства наказывают себя сами. Ричард справедливо не считает себя злодеем и не получает наказания. Ричард и Камилла – единственные, кого продолжает посещать дух Генри, как символ идей античности.

Выводы. Таким образом, в романе Донны Тартт «Тайная история» представлены несколько типов жертвы, собранные в один общий архетипичный образ жертвы – физической, духовной и социальной. Через призму жертвенности главных героев автор демонстрирует, как следование идеалам, вдохновленным античной эстетикой, и идеям классической философии, может привести к трагическим последствиям. «Тайная история» не просто исследует тему преступления, но и глубоко анализирует человеческую природу, показывая, как жертва становится одновременно источником разрушения и самопознания.

Список использованных источников

1. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – Москва : Издательство «Эксмо», 2003. – 435 с.
2. Квинси, Т. Убийство, рассматриваемое как искусство / Томас Квинси. – Санкт-Петербург : Невский проспект, 2001. – 208 с.
3. Ривман, Д. В. Криминальная виктимология : учебное пособие / Д. В. Ривман. – Санкт-Петербург : Юнити-Дана, 2002. – 635 с.
4. Софокл. Царь Эдип / Софокл. – Москва : Академический проект, 1995. – 215 с.
5. Тартт, Д. Тайная история / Донна Тартт. – Москва : АСТ, 2015. – 516 с.
6. Tartt, D. The Secret History / Donna Tartt. – New York : Penguin Books, 1992. – 486 p.

УДК 821.111

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ КИТАЯ В РОМАНЕ ПЕРЛ БАК «ЗЕМЛЯ»

А. В. Смирнова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Бондаренко Л. В., к. ф. н., доцент
кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматриваются способы и средства создания образа Китая в английской художественной литературе XX века на материале романа Перл Бак «Земля». Применение культурно-исторического и герменевтического подходов, а также сопоставительного и описательного методов анализа текста позволило определить, что художественное изображение Китая в произведении происходит на тематическом и сюжетно-образном уровнях. Образ Китая имеет ярко выраженную полярную структуру – аграрный север и индустриальный юг. Основными

составляющими облика Северного Китая в начале XX века можно считать образы земли как первоисточника всего живого, семьи как основы патриархального общества, отношение к религии, социо-культурный уклад жизни. Индустриальный юг представлен в образе города и в образе жизни горожан. Характеры героев романа П. Бак выступают как архетипы аграрного Севера.

Ключевые слова: Перл Бак, Китай, «Земля», художественный образ.

Summary. This article explores the ways and means of creating artistic image of China in Perl Buck's novel *The Good Earth*. Application of the cultural-historical and hermeneutic approaches, as well as the comparative and descriptive methods of analysis allowed us to determine that the artistic description of China occurs at the thematic and plot-imagery levels. The main elements constituting the image of the traditional China are the image of the earth as the primary source of all living beings; the portrait of the main character's family, revealing the features of the relationships of all its members, the depiction of women, as well as a description of the socio-cultural features of China's development at the beginning of the XX century.

Key words: Pearl Buck, China, *The Good Earth*, artistic image.

Образ Китая в мировой литературе начал формироваться в XVII веке на основе легенд и мифов. Китай привлекал внимание писателей как нечто экзотическое, непознанное и таинственное. С наступлением эпохи Просвещения растущие знания о Китае разделили образ страны на два противоположных представления: синофилия и синофобия. С одной стороны, европейские мыслители восхищались восточной культурой и рассматривали китайскую философию как альтернативу европейским традициям. С другой стороны, имело место более презрительное изображение, связанные с социально-политическими факторами и колониальными конфликтами. Напряжение между синофилией и синофобией стало самым важным аспектом, определяющим фактическое понимание Китая до XX века. В конце XIX начала XX веков образ Китая в мировой литературе становится более многогранным, появляясь в работах не только европейских, но и китайских авторов, получивших международное признание. Их произведения помогли разрушить стереотипы о Китае. Западные писатели продолжали исследовать и переосмысливать китайскую культуру в своих произведениях, среди которых следует выделить «Беспримерное нашествие» (*The Unparalleled Invasion*, 1908) Джека Лондона, «Доктор Фу Манчу» (*Dr. Fu Manchu*, 1913–1959) С. Ромера, «Китай для меня» (*China to Me: A Partial Autobiography*, 1944) и «Сестры Сун» (*The Soong Sisters*, 1941) Э. Хан, а также «На китайской ширме» (*On A Chinese Screen*, 1922), «К востоку от Суэца» (*East of Suez*, 1922) и «Узорный покров» (*The Painted Veil*, 1925) С. Моэма. Особое значение для понимания западным миром китайской культуры и философии имел роман П. Бак «Земля», в котором писательнице удалось представить целостный образ Китая, его культурную специфику, позволив большому количеству людей на Западе глубже понять менталитет и жизненный уклад китайского народа. Литературоведы и критики по достоинству оценили художественные способности писательницы и ее стремление к установлению взаимопонимания между восточным и западными миром, удостоив П. Бак Нобелевской премии по литературе за роман «Земля» в 1938 году.

События романа «Земля» разворачиваются в Китае конца XIX–начала XX веков. История рассказывает о жизни нескольких поколений семьи Лунг. Изображение Китая представлено в контексте поляризации. Юг страны является промышленным и урбанистическим пространством. Основные сферы деятельности здесь – бизнес, образование и политика. Именно в изображении южного города можно заметить четкое социальное расслоение на бедных и богатых: *“Men laboured all day at the baking of breads and cakes for feasts for the rich, and children laboured from dawn to midnight and slept all greasy and grimed as they were upon rough pallets on the floor and staggered to the*

ovens next day, and there was not money enough given them to buy a piece of the rich breads they made for others" [1, с. 95]. В это же время Север представляется исключительно аграрной зоной. Жизнь людей, независимо от социального статуса, здесь связана с землей и ее возделыванием, что объясняет «натуралистический» взгляд героев на свою судьбу. Сравнивая жизнь в городе и в деревне, главный герой думает о том, как размеренно и естественно земля кормит людей на Севере и как страдают поля на Юге в погоне людей за наживой: *"And where Wang Lung's fields spread out in slow and leisurely harvest twice a year of wheat and rice and a bit of corn and beans and garlic, here in the farms about the city men urged their land with perpetual stinking fertilising of human wastes to force the land to a hurried bearing of this vegetable and that besides their rice"* [1, с. 88]. Кроме того, автор демонстрирует различие в отношении горожан и крестьян к труду и к жизни. В городе люди не хотят работать, они лишь просят милостыню и обсуждают несправедливость своего положения, говоря о том, чтобы они сделали будь у них деньги богачей: *"they would eat and sleep, and of how they would gamble in this great tea-shop and in that, and of what pretty women they would buy for their lust, and, above all, how none would ever work again"* [1, с. 101]. Главный герой романа, Ван Лунг живет на севере. Его отец и дед работали на земле. Лунг предпочитает работать, он не может воровать или грабить, как это делают люди на юге, даже ради себя и своей семьи. Слушая о больших деньгах он всегда думает, что мог бы купить новую землю и возделывать ее на благо своей семьи. Именно такому герою, по замыслу автора, улыбается удача, и Ван Лунг становится обладателем достаточного количества денег, чтобы вернуться домой к своим полям. Герой верил, что именно в земле будущее благополучие его семьи: *"The life in the shadow of the great wall was not the life Wang Lung loved. There was his land waiting for him"* [1, с. 96].

На протяжении всего романа происходит прославление земли и почвы как основы и источника жизни. Связь с землей олицетворяет моральное благочестие, здравый смысл, уважение к природе и трудовой этике. Именно мысли о земле помогли Ван Лунгу и его семье выжить на Юге: *"they also would go back, if not this year, then next, said Wang to his own heart. As long as there was the land! And the thought of it lying there, waiting for him, rich with the spring rains, filled him with desire"* [1, с. 96]. Надежда на возвращение домой, к своей земле, поддерживала семью в чужом краю. В тоже время, отчуждение от земли автор связывал с упадком и коррупцией, отражением этой идеи стало падение дома Хван: *"All during the lifetime of the Old Lord and of his father the fall of this house has been coming. In the last generation the lords ceased to see the land and took the moneys the agents gave them and spent it carelessly as water. And in these generations the strength of the land has gone from them and bit by bit the land has begun to go also"* [1, с. 126]. Пренебрегая традициями и забыв о земле, даже богатые люди обречены на падение не только материальное, но и моральное.

Образ земли выступает как основная тема и ведущий мотив произведения. П. Бак изображает землю как живое существо и источник всей жизни, это вездесущий образ: *"this earth which formed their home and fed their bodies and made their gods"* [1, с. 28]. Образ земли как источника благосостояния является важной составляющей образа традиционного Северного Китая, основой которого выступает почтительное отношение к старшему поколению. Мы видим как главный герой заботится о своем пожилом отце даже в самых трудных обстоятельствах: *"As for the old man, he fared better than any, for if there was anything to eat he was given it, even though the children were without. Wang Lung said to himself proudly that none should say in the hour of death he had forgotten his father"* [1, с. 65]. Сыновняя почтительность – одно из центральных понятий конфуцианства, являющееся отличительной чертой китайского менталитета. Образ старшего Лунга является собирательным для Северного Китая. Почитание традиций заметно и в семейных отношениях между Ван Лунгом и его женой, бывшей

рабыней в богатом доме, которую бедный крестьянин купил у хозяев. О-Лан – идеальная жена. Она покорна, молчалива, выполняет всю работу по дому и помогает мужу в поле, ничего не просит, ни на что не жалуется. Лунг понимает, что своим процветанием он во многом обязан верной О-Лан, однако, это не мешает ему завести вторую, более молодую и красивую жену. Автор изображает отношения полного подчинения и зависимости жены от мужа: *“she was like a faithful, speechless serving-maid, who is only a serving-maid and nothing more”* [1, с. 28]. Из-за темной кожи и больших ног (ступни являются важным показателем красоты в китайской культуре), неухоженной внешности и постаревшей кожи О-Лан больше не привлекает мужа: *“He saw for the first time that her hair was rough and brown and unoiled and that her face was large and flat and coarse-skinned, and her features too large altogether and without any sort of beauty or light. <....> and her hands and feet were large and spreading”* [1, с. 138]. В романе П. Бак изображает патриархальное общество, в котором мужчины обладают полной властью над женщинами, имея право завести вторую и третью жену, если позволяли средства, и бесконечное количество наложниц. Дочери в семье менее желанны – их могут убить в младенчестве или продать в рабство. Как отец, Ван Лунг принимает полный контроль над своими детьми, определяя их будущее. Традиционное уважение к родственникам П. Бак демонстрирует в образе дяди главного героя. Несмотря на безнравственность и аморальность поведения родственника, Ван Лунг оказывает ему материальную поддержку и уважение как старшему в семье: *“This uncle was the younger brother of Wang Lung's father, and by all the claims of relationship he might depend upon Wang Lung if he had not enough for himself and his family”* [1, с. 50].

На протяжении всего произведения автор также рассматривает культурный образ Китая, описывая традиции и обычаи народа. Так, в романе присутствуют сцены свадьбы, родов и похорон. Кроме того, упоминается значение красного цвета, символизирующего удачу и счастье: *“he bought squares of red paper on which were brushed in gilt ink the letter for happiness and some with the letter for riches, and these squares he pasted upon his farm utensils to bring him luck in the New Year”* [1, с. 40].

Концепт «удача» играет важную роль в романе – П. Бак использует в повествовании такой сюжетный прием как стечение обстоятельств. Именно благодаря удачной череде событий Ван Лунгу удалось выкупить часть земли у почитаемой семьи Хван: *“They must be getting poorer, for the Old Mistress herself told me they wished to sell land, some of the land to the south of the house, just outside the city wall <...> ‘I will buy it!’ he cried in a lordly voice. ‘I will buy it from the great House of Hwang!’”* [1, с. 45]. По счастливой случайности Ван Лунг получил достаточно золота, чтобы восстановить свое хозяйство после голодного года: *“Money! Aye, he needed that! And again it came to him clearly, as a voice speaking. ‘Money – the child saved – the land!’”* [1, с. 113]. В это же время О-Лан случилось найти драгоценности за счет которых была выкуплена остальная земля семьи Хван.

Выводы. Можно говорить о том, что в романе “The Good Earth” П. Бак удалось представить всеобъемлющий образ Китая посредством описания уклада жизни и традиций китайского народа. Автор создает собирательные мужские и женские образы для отражения межличностных и социальных взаимоотношений характерных для Китайского культурного пространства. Личный опыт писательницы помог воплотить в образах героев отличительные черты характера и менталитета китайского народа. Роман «Земля» можно по праву считать проводником в мир китайской культуры.

Список использованных источников

1. Buck, P. The Good Earth / P. Buck. – London : Albatros, 1947. – 293 p.

2. Hsia, A. The vision of China in the English Literature of the Seventeenth and Eighteenth Centuries / A. Hsia. – Hong Kong : The Chinese University Press, 1998. – P. 253.
3. Xie, Y. A Study of Representation of Chinese Culture in W. Somerset Maugham's *The Painted Veil* / Y. Xie, D. Cui // Studies in Linguistics and Literature. – 2024. – Vol. 8. – № 1. – P. 105–116.
4. Zhang, C. Chinese Rural Realism [Electronic Resource] / C. Zhang. – Access mode : <https://zeithistorische-forschungen.de/2-2021/5964>. (Access date: 24.01.2025).

УДК 821.111

ОБРАЗ ХУДОЖНИКА В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ДОМ У МОРЯ» ЭСТЕР ФРЕЙД)

И. А. Солонина,

*обучающаяся 2-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Бондаренко Л. В., к. ф. н., доцент
кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена раскрытию образа художника и его трансформации в контексте английской литературы. Исследуются характерные особенности творческой личности, её мировоззрение и отношения в обществе. На примере анализа романа английской писательницы Эстер Фрейд «Дом у моря» устанавливается своеобразие личности художника как собирательного творческого образа, который раскрывается через метафорические ассоциации с морем, домом, природой. В работе используется культурно-исторический подход, метод структурного анализа, метод психоанализа.

Ключевые слова: образ художника, творческая личность, английская литература, Эстер Фрейд, «Дом у моря».

Summary. The article highlights the problem of the image of an artist and its transformations in the English literature. The paper dwells upon the characteristics of the artistic personality, their worldview and social relationships. The analysis is based on the novel *The Sea House* by Ester Freud, in which the image of the artist is presented as a complex multisided phenomenon, revealing itself through metaphorical associations with the sea, the house and the nature. The work is based on the cultural historical approach, structural analysis and the method of psychoanalysis.

Key words: image of the artist, artistic personality, English literature, Ester Freud, *The Sea House*.

Образ художника привлекает художников, музыкантов, поэтов, писателей с тех пор, как появилось искусство. Художник – творец прекрасного, наделенный особым даром, он не похож на других людей, его мысли, слова и поступки, порой, противоречат социальным нормам, а образ окутан тайной. Романы, в которых раскрывается образ художника, занимают особое место в мировой литературе. С течением времени представление о творческой личности менялось, и вместе с ним менялось ее восприятие читателем. Особенно актуальной тема художника становится в английской литературе 19 века. Так, С. Т. Кольридж, представитель английского романтизма, сравнивал художника с пророком. Нельзя не упомянуть романы «Портрет

Дориана Грея» (1890) О. Уальда, «Свет погас» (1891) Р. Киплинга, «Луна и грош» (1919) С. Моэма, в которых авторы по-разному исследовали образ художника. В современной английской литературе образ художника раскрывается более широко – его мировоззрение, взаимодействие с природой, личные качества и отношения в обществе. Художник – не исключительная личность, он один из нас, что оставляет читателю широкое поле для собственной интерпретации образа. Среди современных писателей и произведений, в которых затрагивается эта тема, можно выделить Т. Шевалье «Девушка с жемчужной сережкой» (1999), Д. Форд «Портрет миссис Шарбук» (2007), Э. Фрейд «Дом у моря» (2004).

В ходе исследования было определено, что в литературном контексте образ художника представляет собой творческую личность, литературный персонаж, в котором отражаются внутренние конфликты поиска смысла существования и значимости в обществе. Он символизирует идеал искусства, вдохновение и самовыражение. В романе Эстер Фрейд «Дом у моря» образ художника является центральной темой. Эстер Фрейд (1963) – британская писательница, одна из немалочисленных детей известного художника Люсьена Фрейда, мастера психологического портрета. Эстер посвящает роман своему отцу: «For my father Lucian». Особенностью романа является его сюжетная организация – в нём пересекаются две сюжетных линии из разных временных отрезков в чередующихся главах [1]. В романе присутствуют образы нескольких художников, объединяясь в один сложный собирательный образ творческой личности, который создается с помощью таких художественных приемов, как пейзаж, портрет, внутренняя речь, авторская характеристика, диалоги.

Одним из самых ярких образов художника является Макс Майер – художник-любитель, приехавший в графство Саффолк, Стирборо после смерти своей сестры. Здесь он ищет вдохновение и, выполняя заказ хозяйки, рисует все дома деревни на свитке. Ему 42 года, он слегка глуховат с рождения, возможно, это способствует его замкнутому поведению, частому желанию уединиться и больше времени проводить на природе. Его одежда так же неприметна, как и внешность, в руках «тонкий кожаный портфель», в котором он носит свои рисунки. Максусу пришлось пережить тяжелые времена, депортацию и годы вдаль от родных. В образе Макса Майера Э. Фрейд показывает глубокие переживания художника, внутренний конфликт личности и одиночество в обществе. Макс страдает от несчастной любви к замужней женщине, зная, что они никогда не смогут быть вместе. Но еще больше он страдает от того, что не может писать: «*But the truth was he was afraid of starting. It was so long since he'd painted anything at all. And his reputation for being an amateur of promise was based on a period of intensity that had ended almost fifteen years before*» [2, с. 32]. Майер так давно ничего не писал, что боится начать, потому что боится провала. Его терзает неуверенность. На помощь приходят письма наставника – художника Генри Катберта, который учил маленького Макса не только живописи, но и житейской мудрости. Возможно, эта переписка основана на реальных письмах английских художников Спенсера Гора и Джона Домана Тернера. Гор обучал Тернера с 1908 по 1913 год. Среди известных произведений Тернера – четыре свитка, в том числе «Уолберсвикский свиток» с панорамным видом саффолкской деревни, написанный в 1931 году [4].

Клаус Леман – известный архитектор, построивший часть домов в Стирборо и путешествующий в поисках работы, представляет собой иной тип творческой личности. Скорее всего, прототипом данного героя стал Эрнст Фрейд, известный представитель архитектурного стиля ар-деко [4]. К. Леман выглядит аккуратно и элегантно: «*Klaus Lehmann... a small, neat, handsome man...*» – успешный архитектор, он рационален, прагматичен, известен в обществе, женат на молодой красивой женщине (в которую влюблен Макс) и стремится контролировать свою жену даже на

расстоянии: «... *I lie many hundreds of miles away from you, in such a fury you can hardly imagine, waiting for those tender letters which should be hurrying towards me. How can I imagine your life when you've stopped sharing it with me...*» [2, с. 104]. Леман упрекает Эльзу в том, что ее письма стали более редкими и краткими. Для творческой личности письма имеют особое значение как способ выражения себя, возможность изложить свои мысли и переживания, не боясь быть непонятым. Личные письма – это нечто интимное, предназначенное для близкого человека, не для общества. Именно из переписки Лемана и Эльзы, Макса и Генри Катберта главная героиня романа Лили Бреннан узнает о событиях в городке Стирборо в 1950х. Лили, как и Макс, переживает глубокий душевный конфликт, пытаясь разобраться в своих чувствах к Нику, перспективному лондонскому архитектору, который, как Леман свою жену, пытается контролировать ее на расстоянии: «*And you'll be back next week, anyway. Won't you? Lily? Come on, don't be like that*» [2, с. 69].

Она приезжает в Стирборо, чтобы собрать материал для архитектурного проекта в колледж и в поисках места, где остановиться, снимает дом, в котором встречались Макс и Эльза. Образ старого деревянного дома, пережившего шторм и разрушения стихией, отражает глубокие чувства живших в нем людей, что остро чувствует Лили: «*Lily's cottage was decorated in every shade of brown. Brown carpet, pale brown walls, a sofa and two chairs in clove and amber stripes... There was a garden, shared between her cottage and the next, where one large tree stretched roundly out over the lawn*» [2, с. 5]. Главная героиня является воплощением образа современного художника – открытой миру, тонко чувствующей, ищущей творческой личности. Детали интерьера старого дома и окружающий пейзаж отражают душевное состояние Лили – ей не хватает душевного тепла, она чувствует себя одинокой и ненужной на старой улице Грин, на которой много таких домов. Писательница описывает несколько домов на улице Грин, и читателю предстоит самостоятельно понять, о каком именно доме идёт речь в этом лабиринте строений. Речь идет и о «скрытом доме», но, как узнает Лили, это и есть тот самый дом у моря: «*Lily held her breath. Hidden House, she would finally see it, in all its intricate detail, awash with colour, but there was nothing there*» [2, с. 264].

В романе «Дом у моря» две сюжетные линии развиваются параллельно, не имея точек соприкосновения до тех пор, пока Лили не прочтет все письма Лемана и Эльзы, и не станет известно о том, что братья-близнецы Роберт и Альберт Леманы – дети Эльзы, рожденные после смерти мужа. «*So A. L. Lehmann and the Bogman were brothers. Robert and Albert. Bob and Bert. And she remembered the photograph of the woman, haunted, holding those swaddled twins*» [2, с. 253]. Говоря о близнецах как о связующем звене между эпохами, стоит упомянуть, что у них осталось имущество в Австралии, где Макс провёл военные годы в лагере для интернированных. «*...they were left land in Australia named in Meyer's will, although they didn't seem too happy about it!*» [2, с. 264]. Неясность и недосказанность окружают образ художника таинственностью, отличая его от обычных людей. Читателю предлагается самому дорисовать незаконченный образ и догадаться, кто отец близнецов.

Художник и его творчество не подвержены времени, они будут жить вечно, переходя из поколения в поколение. Так, на выставке работ «*Millenium exhibition*» Лили видит картину с изображением старого Стирборо, написанную Максом Майером: «*Lily stepped nearer and there, moving like the slowest film, was a painting of the village. She watched as the handle turned, its houses, lanes, gates and hedgerows hardly changed. There were animals and signposts, trees and flowers, some minutely drawn in pen and ink, others a blaze of abstract colour. "Who painted this?" she asked. "A visitor to the village. An artist. Max Joseph Meyer"*» [2, с. 264].

Чтобы лучше понять образ художника, стоит обратить внимание на мир вокруг него и на природу. В романе особую роль играет образ моря, через который автор

раскрывает внутренний мир художника – Лили море дарит ощущение спокойствия и удовлетворения, она видит в море могущественную силу и красоту: «*I was so beautiful she felt a pull inside her, as if the tide were drawing out her heart*» [2, с. 112]. Лили наблюдает, как Этель, местная женщина, совершает ритуал омоложения, купаясь в холодном море: «*‘It’s this that keeps me young’, Ethel told her, and she lay body on the cushion of a wave*». [2, с. 188]. Лили решает последовать её примеру и искупаться, что символизирует для неё личностное обновление и приобщение к мудрости природы [3]. Для Макса и Эльзы море – беспощадная разрушающая стихия, разлучившая их навсегда.

Деревня Стирборо находится рядом с рекой, впадающей в море, поэтому часто случаются наводнения. Такие природные стихии отражают внутренние переживания героев. Важной деталью в романе стал эпизод наводнения, в эпицентре которого оказались Макс и Эльза: «*Elsa and Max ran to the far window and looked behind them at the sea. It was coming in, wave after wave, submerging the dunes, pouring into the marshes. Below them the water had risen. The chairs were on their backs, the table sunk, but the dresser was still there, rocking back and forth*» [2, с. 247]. Автор использовала реальные события, произошедшие в 1953 году, когда из-за мощного прилива и ветров на восточном побережье Англии затопило 24000 домов, погибло 307 человек. Это стало кульминацией обеих историй и привело к печальному концу обоих романов. Таким образом, море является символом, который влияет на судьбы людей и их переживания.

Реальность повествованию придает использование переименованных автором названий реальных мест, легко узнаваемых по описаниям пейзажа. Скорее всего, название городка Стирборо было выдуманно автором в честь художника Уилсона Стира, который нарисовал пляж в этой деревне в один из волшебных летних дней. Настоящее название деревни – Уолберсвик [4].

Выводы. Образ художника играет важную роль в современной английской литературе. В романе Эстер Фрейд «Дом у моря» этот образ раскрывается через описание внешности, характера и поведения творческих личностей в настоящее время и несколько поколений ранее, а также через детали, связывающие сюжетные линии. Описание природы, архитектуры и интерьеров домов также играет роль в создании образа художника. Проявление природной стихии становится кульминацией и отражает душевный кризис внутреннего мира героев. Эстер Фрейд предлагает читателю самому раскрыть тайну не подверженного времени образа художника.

Список использованных источников

1. Малащенко, Ю. Особенности сюжетной организации в романе Э. Фрейд «Дом у моря» / Ю. Малащенко // Материалы ежегодной научной конференции студентов и магистрантов университета (Минск, 19–20 апреля 2018) : в 3 ч. – Минск : МГЛУ, 2018. – Ч. 3. – С. 102–103.
2. Freud, E. *The Sea House* / E. Freud. – London : Penguin Books, 2004. – 277 p.
3. Minka, A. *The Voice of the Sea in The Sea House by Esther Freud* / A. Minka // *Footpath : A Journal of Contemporary British Literature in Russian Universities*. – 2010. – No. 3. – P. 49–52.
4. *Mysteries under an open Suffolk sky – once you’ve got your bearings* [Electronic Resource] // *The Guardian*. – Access mode: <https://www.theguardian.com/books/2003/jul/06/fiction.features2>. (Access date: 03.03.2025).

КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В. Г. Тухарь,

*обучающаяся 3-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чернобай С. Е., старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена изучению структуры концепта «пространство» в английской языковой картине мира. Цель исследования – охарактеризовать структуру концепта «Space» в английской языковой картине мира по данным словарей. В работе применяются общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, метод семантического анализа, метод компонентного анализа, метод концептуального анализа, описательный метод. Результаты исследования показывают, что концепт “Space” в английском языке является многогранным и играет важную роль в лингвокультуре. Этот концепт охватывает не только физическое пространство, но и абстрактные, социальные, психологические и временные аспекты, что делает его значимым для понимания и описания окружающего мира.

Ключевые слова: концепт, пространство, фразеологизмы, языковая картина мира, английский язык.

Summary. The paper scrutinizes the structure of the concept “Space” in the English linguistic picture of the world. The aim of the research is to characterize the structure of the concept “Space” in the English linguistic picture of the world based on the dictionary data. The research methods used in the work are analysis, synthesis, the methods of componential and semantic analyses, the method of contextual analysis and the descriptive method. The results of the research show that the concept “Space” in English is multifaceted and plays an important role in the linguistic culture. This concept encompasses not only physical space, but also abstract, social, psychological, and temporal aspects; this makes it significant for understanding and describing the world around us.

Key words: concept, space, phraseological units, linguistic picture of the world, English.

Конец XX – начало XXI веков является периодом становления когнитивистики. Работы таких ученых как С. А. Аскольдов [1], Д. С. Лихачев [8], С. Г. Воркачев [4] дали толчок к развитию когнитивной лингвистики и исследованию концептосферы. Формирование и развитие представления о концепте «пространство» в гуманитарных науках не ускользнуло от внимания отечественных и зарубежных исследователей. Д. Лакофф и Р. Лангакер разработали когнитивную теорию метафоры, в которой доказывают, что концепт «пространство» зависит от культурных и языковых особенностей человека [6]. А. Вежбицкая анализирует концепт «пространство» в русских метафорах. Ученая отмечает, что можно говорить о времени как о пространстве («время летит», «время движется вперед») [3, с. 547]. Ж. Гудвин изучает концепт «пространство» в контексте взаимодействия людей, культуры, общества [12]. Э. Сепир изучает, как концепт «пространство» используется в разных языках и культурах. Он считает, что язык играет важную роль, в том, как люди воспринимают пространство.

Э. Сепир обращает внимание на то, что различные культуры имеют разное представление о концепте «пространство» [9].

Что касается концепта “Space” в английской языковой картине мира, то О. С. Акетина утверждает, что «пространство, осознаваемое в английском языке его носителем, <...> имеет определенные лингвокультурные черты, что позволяет определить специфику фрагментации действительности английской лингвокультурой, прежде всего, на внутреннее и внешнее пространство как соотношение местонахождения объектов» [2]. Это значит, что носители английского языка воспринимают и делят “Space” на «внутреннее» и «внешнее» особым образом, что находит свое отражение в языке [2]. Английский язык, как и другие индоевропейские языки, «реконструируют пространство в трехмерном измерении (высота, ширина, длина)» [2]. Также ученая заявляет, что в английском языке «ядро поля концепта «пространство» представлено лексемой “Space”», однако английский язык располагает множеством других единиц (лексических и грамматических) для обозначения различных точек пространства, его характеристик и параметров. М. В. Всеволодова акцентирует внимание на том, что в английском языке, как и в других языках, прослеживается связь между локализацией и движением, что подтверждается использованием термина «локум» [10, с. 98]. Из вышеизложенного следует, что структура английского концепта “Space” требует дальнейшего анализа. Следовательно, проводимое нами исследование является актуальным.

Цель исследования – охарактеризовать структуру концепта “Space” в английской языковой картине мира по данным словарей. В работе применяется общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, метод семантического анализа, метод компонентного анализа, метод концептуального анализа, описательный метод.

Концепт “Space” имеет различные интерпретации в зависимости от контекста. В Cambridge Dictionary определяется, что «space is an empty area that is available to be used» [10]. Здесь также дано другое определение: «Space is the area outside the Earth» [10]. Согласно первому определению, пространство – это пустая область, которая доступна для использования. Oxford Dictionary приводит такое определение: «Space is outside earth’s atmosphere» [13]. Это подтверждает предыдущее определение и уточняет, что пространство находится за пределами атмосферы Земли. Lingvanex Dictionary дает различные определения пространству. В первом говорится о том, что «space is the unlimited expanse in which everything is located» [14]. Второе определение свидетельствует о том, что «space is an empty area (usually bounded in some way between things)» [14]. Третье определение гласит, что «space is a blank character used to separate successive words in writing or printing» [14]. Также отмечается, что «space is the interval between two times», «space is a blank area», «space is one of the areas between or below or above the lines of a musical staff», «space is (printing) a block of type without a raised letter» [14]. Первое определение указывает на бесконечную пространственную область, где расположены все объекты. Во втором определении подчеркивается идея пустоты внутри определенной области, ограниченной другими объектами. Это значит, что пространство подразумевает под собой пространство как «неограниченное пространство», в котором расположено все сущее. В данном случае “Space” – это всеобщее пространство, которое включает в себя все объекты, материю, энергию, а также их взаимодействие. Это определение подчеркивает бесконечность и всепроникающий характер пространства, представляя его как фундаментальный аспект вселенной. Третье определение связано с использованием пробелов для разделения слов в тексте. Здесь описывается пространство как пустой символ, используемый для разделения последовательных слов при написании или печати. В данном контексте “Space” представляет собой знак, который обозначает разделение между отдельными словами, обеспечивая читаемость и понимание текста. Это определение связано с

письменной коммуникацией и визуальным представлением текста. Следующее определение относится к временному интервалу, который разделяет два различных временных пункта или события. Другое определение описывает пространство как пустую область. В данном контексте “Space” может относиться к физическому, психологическому или абстрактному пространству, которое не заполнено объектами или информацией. Также подчеркивается основное свойство пространства – его пустота или открытость для использования или заполнения. Предпоследнее определение связано с музыкальными нотами и указывает на область между линиями нотного стана. И последнее определение в Lingvanex Dictionary связано с типографскими терминами и описывает тип блока без выпуклой буквы.

Таким образом, “Space” может описываться как физическая пустота, область за пределами Земли, бесконечная пространственная область, временной интервал, область между объектами или символ для разделения слов в тексте в зависимости от контекста и используемого источника.

Концепт “Space” можно также рассмотреть на примере синонимов room, volume, capacity, extent, margin, extension, scope, expanse, leeway, amplitude. Синоним «room» подчеркивает физический аспект пространства, указывая на незанятую область или комнату. Например: «There wasn't enough room for all the gear» [11]. В данном контексте синоним указывает на то, что не было достаточно места для размещения всего оборудования в определенном пространстве (комнате или области).

Концепт “Space” может реализовываться с помощью фразеологизмов, обозначающих пространство. Например, фразеологизм «the foot of man never stepped there» [7] передает идею о месте, куда редко кто-либо попадает или куда трудно добраться. Это выражение используется для описания отдаленных и малоизвестных мест.

Фразеологизмы «to the ends of the world» и «drag oneself a long way on a wild goose chase» [7] также относятся к области дистанции и недостижимости, указывая на отдаленные места или труднопроходимые пути. Здесь пространство может интерпретироваться как физическое расстояние, которое человек преодолевает, но без реальной цели или конечного пункта назначения.

Такие выражения, как «to some godforsaken hole miles from anywhere» и «to the middle of nowhere» [7], подчеркивает удаленность этого места от основных населенных пунктов или цивилизации, и указывает на большое расстояние от ближайших населенных пунктов или центров. В данном контексте, он отражает пространственную изоляцию и отдаленность этого места, подчеркивая его удаленность и отсутствие близости к другим населенным пунктам. Фразеологизмы «be gone all the way to Timbuktu» и «as far as the eye can reach» [7] также указывают на отдаленность и труднодоступность определенных мест.

Приведенные выше фразеологизмы представляют собой ярко выраженные образы, используемые для передачи идей о далеких, отдаленных местах или недостижимых целях. Они могут использоваться для описания географической дистанции, недостижимости или невероятности чего-либо.

Выражение «near at hand» [7] обозначает, что что-то находится в непосредственной близости и легко доступно. Это может указывать на физическую близость или доступность чего-либо. Фразеологические единицы «at close quarters» и «side by side» [7] указывают на близость или соседство, выражая идею, что объекты или люди находятся рядом друг с другом. Выражение «come close to smb» [7] подчеркивает физическую близость или близость в пространственном смысле, указывая на то, что объект находится близко или прямо напротив.

Таким образом, “Space” охватывает не только физические измерения, но и временные промежутки. Это говорит о том, насколько богато и разнообразно может

быть использование одного и того же слова в различных контекстах для передачи сложных и многогранных понятий. Фразеологизмы, выражающие концепт “Space”, могут быть представлены как в буквальном, так и в метафорическом смысле. Они помогают выразить идеи о близости, удаленности, достижимости, а также о психологических и эмоциональных состояниях. Эти фразеологизмы не просто описывают физическое пространство, но также отражают наши ощущения и восприятие пространства в абстрактных терминах, передавая богатство человеческого опыта. В дальнейшем планируется проанализировать вербализацию концепта «пространство» в англоязычном дискурсе.

Список использованных источников

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово : антология / С. А. Аскольдов ; под ред. проф. В. П. Нерознака. – Москва : Academia, 1997. – 279 с.
2. Акетина, О. С. Способы экспликации концепта «Пространство» в английской лингвокультуре / О. С. Акетина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-eksplikatsii-kontsepta-prostranstvo-v-angliyskoy-lingvokulture/viewer> (дата обращения: 25.05.2024).
3. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. – Москва : Языки славянской культуры, 2011. – 568 с.
4. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы / С. Г. Воркачев. – Москва, 2001. – С. 64–72.
5. Всеволодова, М. В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова. – Москва : Русский язык, 1982. – 262 с.
6. Лангакер, Р. У. Когнитивная грамматика / Р. У. Лангакер. – Москва, 1992. – 54 с.
7. Литвинов, П. П. 3500 английских фразеологизмов и устойчивых словосочетаний / П. П. Литвинов. – Москва : Астрель, 2007. – 287 с.
8. Лихачев, Д. С. Мысль и язык / Д. С. Лихачев, А. А. Потебня. – Москва : Лабиринт, 1999. – 256 с.
9. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – Москва : Прогресс : Изд. группа «Универс», 1993. – 654 с.
10. Cambridge Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: <https://dictionary.cambridge.org/?ysclid=lrxc4e0zby425387189>. (Access date: 10.05.2024).
11. Collins Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus/space>. (Access date: 05.06.2022).
12. Goodwin, C. Conversational Organization: Interaction between Speakers and Hearers [Electronic Resource] / Charles Goodwin. – Access mode: <https://openlibrary.org/account/login?redirect=/works/OL15879292W>. (Access date: 07.05.2024).
13. Oxford Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/?ysclid=lw6grmh2pa981962556>. (Access date: 10.05.2024).
14. Linguanex Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: <https://linguanex.com/dictionary/meaning/space>. (Access date: 10.05.2024).

ТИПЫ РЕАЛИЙ В БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЗЭДИ СМИТ «БЕЛЫЕ ЗУБЫ»)

М. М. Феофилактова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Вовк Н. А., старший преподаватель кафедры
английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Данная статья посвящена типам реалий в британской литературе. Автор пришел к выводу, что реалии выражают уникальные особенности национального быта и культурных традиций определенного этноса. Они играют ключевую роль в передаче читателю авторского мировоззрения. В качестве источника иллюстративного материала послужил роман Зэди Смит (Zadie Smith) «Белые зубы» (“White Teeth”). В ходе анализа были выявлены географические, мифологические, ономастические реалии, а также реалии религии и культуры.

Ключевые слова: реалии, типы реалий, британская литература, Зэди Смит, «Белые зубы».

Summary. This article is devoted to the types of realia in British literature. The author came to the conclusion, that realia express the unique features of national life and cultural traditions of a definite ethnos. They play a key role in conveying the author’s worldview to the reader. As the source of the illustrative material there was used the novel *White Teeth* by Zadie Smith. During the analysis there were found geographical, mythological, onomastic realia as well as the ones of religion and culture.

Key words: realia, types of realia, British literature, Zadie Smith, *White Teeth*.

Реалии тесно связаны с историей и менталитетом разных народов. Такие лексические единицы являются одним из главных языковых маркеров культуры. Национально маркированная лексика используется и в произведениях британской литературы, где с их помощью формируется индивидуально-авторский стиль писателя, выражаются его моральные ценности и образ мышления.

У термина «реалия» есть ряд определений. Например, Л. Н. Соболев использует этот термин в таких значениях: «бытовые и специфически национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а, следовательно, и в языках других стран» [2, с. 290] и «слова из национального быта, которых нет в других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах» [2, с. 290]. С другой стороны, реалиями называют слова и словосочетания, обозначающие такой предмет, понятие или явление.

Г. Д. Томахин считает, что реалии – это наименования предметов материальной культуры, а также явлений и особых имен национальных героев определенного этноса [3]. Болгарские исследователи С. Влахов и С. Флорин считают, что этот класс слов или словосочетаний называют объекты, характерные для быта, культуры, социального контекста одного определенного народа и чужды другому. Это лексические единицы, которые содержат культурный код той или иной нации. Они несут национальный и культурный колорит [1]. А. Д. Швейцер считает, что сама специфика реалий такова, что «они часто находятся вне фонда знаний носителей другой культуры и другого языка» [4, с. 153].

Существует классификация реалий, предложенная С. Влаховым и С. Флориным, которая включает:

1) географические реалии (названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии, и названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью, а также названия эндемиков (названия животных и растений));

2) этнографические и мифологические реалии (этнические и социальные общности и их представители; сказочные существа, легендарные места);

3) ономастические реалии;

4) общественно-политические реалии, как актуальные, так и исторические (административные единицы и государственные институты и т. п., торговые заведения; основные воинские и полицейские подразделения и чины; гражданские должности и профессии, титулы и звания);

5) реалии системы образования, религии и культуры;

6) меры и деньги [1].

Реалии употребляются в произведении Зэди Смит (Zadie Smith) «Белые зубы» (“White Teeth”) (2000) [5]. Писательница мастерски вводит национальную британскую лексику:

“On **Boxing Day** morning, six days before he parked outside Mo’s **halal** butchers, Archie had returned to their **semi-detached** in **Hendon** in search of that **Hoover**” [5, с. 9].

Boxing Day – это праздник, который отмечается в Великобритании 26 декабря, на следующий день после Рождества. *Semi-detached (house)* – это тип дома, который широко распространен в Соединенном Королевстве. Два строения соединены одной общей стеной.

Поскольку в Англии живут люди разного вероисповедания, то в тексте была найдена реалия *halal*, что означает мясо животных, которые были заколоты согласно исламским законам.

Hendon представляет собой название бывшего городского района в Миддлэссексе, на юго-востоке Англии, сейчас это часть Барнета. *Hoover* является названием британской марки пылесоса. Реалия, которая связана с королевской семьей, присутствует в следующем предложении:

“It turned out to be a short, unedifying viewing experience, low on entertainment value, the metaphysical equivalent of **the Queen’s Speech**” [5, с. 13].

The Queen’s Speech представляет собой речь, зачитываемую монархом перед началом каждой сессии парламента. В этом выступлении правительством определяется законодательную программу. Религиозная реалия встречается в таком случае:

“He was no great believer in destiny, Archie, but on reflection it did seem that a special effort of predestination had ensured his life had been picked out for him like a company **Christmas** present – early, and the same as everyone else’s” [5, с. 13–14].

Великобритания является протестантской страной, в которой 25 декабря празднуется Рождество. Общественно-политическая реалия упоминается в таком контексте:

“Summer of 1955 Archie went to **Fleet Street** with his best winkle-pickers on, looking for work as a war correspondent” [5, с. 14].

На *Fleet Street* расположены офисы значительного количества британских периодических изданий. Эта реалия обозначает все газеты Великобритании и журналистов, которые работают на них. Мифологическая реалия также была выявлена в ходе анализа:

“Tim Westleigh (more commonly known as **Merlin**) finally registered the persistent ringing of a doorbell” [5, с. 18].

В артуровском цикле легенд *Merlin* был волшебником и советником Короля Артура. Мерлина навечно заточила в дерево женщина, которой он раскрыл секрет

своего искусства. Один из героев произведения упоминает Боба Дилана и цитирует его песню:

“‘But I was so much older then,’ sang Archie mischievously, quoting a ten-year-old **Dylan** track, arching his head round the door, ‘I’m younger than that now.’” [5, с. 19].

Bob Dylan является американским автором и исполнителем многих песен. Это одна из культовых фигур англоязычной культуры. Название британской субкультуры присутствует в таком контексте:

“Ryan fancied himself as a bit of **a Mod**” [5, с. 24].

Modes представляют собой молодежь в Британии, которые носят особый вид опрятной одежды, ездят на мотороллерах и любят слушать музыку в стиле «соул». Многие юноши и девушки были модами в начале 1960-х. Несколько географических реалий можно найти в следующем случае:

“Ryan drove her across **London** and up to **Hampstead Heath**, the very top of **Parliament Hill**, where, looking down from that peak on to the sickly orange fluorescence of the city, carefully, tortuously, and in language that was not his own, he put forward his case” [5, с. 36].

В приведенной цитате упоминается столица Соединенного Королевства *London*. *Hampstead Heath* является названием популярного места для отдыха возле Хамстеда, в северной части Лондона. *Parliament Hill* находится в той же местности.

Таким образом, в произведении «Белые зубы» автор использует географические, мифологические, ономастические, реалии религии и культуры. В своем романе З. Смит актуализирует мотив мультикультурализма. Писательница показывает реальную урбанистическую и социальную среду, в которой живут иммигранты и их потомки. Герои произведения сталкиваются с проблемами ассимиляции и разными взглядами на традиции.

В заключение, стоит подчеркнуть, что реалии являются важным элементом фоновых знаний, которые необходимы для полного понимания текста на иностранном языке. Недостаток знаний об истории страны, ключевых исторических событиях, значимых политических и исторических личностях может привести к трудностям в интерпретации сравнений, исторических отсылок и других подобных элементов, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на языковой компетенции.

Список использованных источников

1. Влахов, С. Непере译имое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Международные отношения, 1986. – 194 с.
2. Соболев, Л. Н. О переводе образа образом / Л. Н. Соболев // Вопросы художественного перевода. – Москва : Советский писатель, 1955. – С. 270–290.
3. Томахин, Г. Д. Реалии в языке и культуре / Г. Д. Томахин // Иностранные языки в школе. – 1997. – № 3. – С. 13–18.
4. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – Москва : Наука, 1988. – 216 с.
5. Smith, Z. *White Teeth* / Zadie Smith. – London : Vintage, 2001. – 448 p.

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ САСПЕНСА В РОМАНЕ С. КИНГА «МИЗЕРИ»

А. А. Филимончук,

*обучающийся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Ломакина И. Н., к. ф. н., доцент
кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается специфика саспенса в романе С. Кинга «Мизери». Применение описательного метода, методов стилистического анализа, текстового анализа, структурного анализа и герменевтического подхода позволило установить, что саспенс в анализируемом произведении создаётся за счёт авторского использования эпитетов, метафор, сравнений, градации и др. стилистических средств. Большую роль в романе «Мизери» играет символика цвета.

Ключевые слова: саспенс, страх, ужас, Стивен Кинг.

Summary. The article deals with the suspense specificity in S. King's novel *Misery*. The use of the descriptive method, the stylistic analysis, the textual analysis, the structural analysis methods, as well as the hermeneutic approach enabled us to find out that suspense in the novel under analysis is created due to the authorial use of epithets, metaphors, similes, gradation and other stylistic devices. The colour symbolism plays a great role in *Misery*.

Key words: suspense, fear, horror, Stephen King.

Саспенс – это литературный приём, который авторы используют для поддержания интереса читателей на протяжении всего повествования. Это состояние психологической неуверенности, тревоги, нерешительности и сомнений. В литературном произведении саспенс – ожидание исхода сюжета или решения проблемы, загадки или тайны.

Эффект саспенса достигается при помощи разнообразных литературно-художественных приёмов (семантических повторов, акцентирующих семы «смерть», «опасность», «страх», «ужас»; синтаксиса, основанного на компрессии и избыточности; ярких и специфических деталей, усиливающих состояние беспокойства, тревожного ожидания и чувства «подвешенности» и т.д.) и стилистических средств (эпитетов, метафор, сравнений, градации и др.).

Одним из ведущих авторов художественной прозы XX в., которую относят к литературе «саспенса», безусловно, стал американский писатель Стивен Эдвин Кинг. Несмотря на наличие исследований творчества данного автора в отечественном и зарубежном литературоведении, саспенс в романе «Мизери» (*Misery*, 1987) остался вне зоны внимания российских учёных, что свидетельствует об **актуальности** данного исследования.

Как пишет Н. Пальцев, произведения С. Кинга являются кристаллизированным выражением его главного мировоззренческого интереса к «необычному, подспудному, сокровенному в человеческой натуре» [2]. Влияние на мировоззрение данного автора философии З. Фрейда справедливо отмечали Н. Пальцев, А. М. Тлеупова, Н. Г. Сахарова, О. П. Дмитриева и др. исследователи его творчества [2; 3; 4].

«Мизери» – роман, написанный в жанре психологического триллера, но исследователи и критики сразу уловили новаторский характер и глубокий философский

подтекст этой книги. Уже в 1987 г. Д. Катценбах подчёркивал отдаление «Мизери» от устоявшихся традиций, заложенных Э. По, Г. Ф. Лавкрафтом и А. Бирсом [6], – уход от рамок «готического» романного жанра.

Основной сюжет романа закручивается вокруг отношений двух главных героев – известного писателя Пола Шелдона и его поклонницы-психопатки Энни Уилкс, что позволяет определить жанр данного произведения как психологический триллер.

Кингу удалось чрезвычайно ярко описать сумасшествие Энни: “...and Paul was frightened by what he saw on her face, because what he saw was nothing; the black nothing of a crevasse folded into an alpine meadow, a blackness where no flowers grew and into which the drop might be long. It was the face of a woman who has come momentarily untethered from all of the vital positions and landmarks of her life, a woman who has forgotten not only the memory she was in the process of recounting but memory itself...” [7, с. 11] (лицо героини похоже на «чёрную расселину» с «отсутствующим, яростным взглядом» [1, с. 29], «совершенно пустыми, тусклыми глазами» [1, с. 36], «глазами убийцы» [1, с. 132].

«Сверхъестественный ужас» [1, с. 296] охватывает от этой кошмарной женщины, её поступков и логики, постоянно меняющегося настроения, невозможности угадать, что взбредёт ей в голову в следующий момент: “...The panic was yammering more loudly now, asking what was he going to do, what was he going to do, for Christ's sake, this might be his last chance...” [7, с. 161]; “...He felt stark and simple terror steal into him” [7, с. 167] (в его сознание «вползает тупой леденящий ужас...»); он «боится лишь боль, которую она может ему причинить...» [1, с. 280].

Триллер С. Кинга «Мизери» нацелен на процессуальное описание страдания (боли), позволяющее читателю воспринимать его как длительный процесс, вокруг которого выстраивается повествование и нагнетается напряжение (саспенс) – основной механизм романа. Эмоциональный комплекс, соотносимый с концептом “misery”, становится сюжетообразующим элементом романа.

Большая часть текста романа нацелена на выражение страдания как длительного и изменчивого состояния, активно переживаемого главным героем, который фактически находится в заточении у серийной убийцы: “...darkness...then the pain and the haze” [7, с. 6]; “...the pain throbbed in his legs and made a deep steel circlet around his crotch” [7, с. 17].

Заточение Пола внутри одной комнаты и абстрактное первичное представление о том, что творится за её пределами, усиливает ощущение таинственности. Абсолютная замкнутость этого «мирка» способствует усилению страха героя, а значит, и читателя.

Внешняя обстановка включает в себя стихийное зимнее состояние природы: завывание ветра, сильные снегопады, тёмно-багровые закаты, «пепельно-серые лучи рассвета» [1, с. 325], холодные ночи: “...He could hear the steady, keen whine of the wind outside...” [7, с. 9]; “...He lay back, looking at the ceiling, listening to the wind...” [7, с. 19]; “...all the world outside froze solid...” [7, с. 181] (мороз «сковывает весь внешний мир...»).

Заостряя внимание при описании природы на специфических деталях, ключевых образах, Стивен Кинг усиливает состояние беспокойства и тревожного ожидания. Эпитеты, сравнения, олицетворения, применяемые автором, придают пейзажным описаниям образность и эмоциональность, помогают раскрыть образ боли, страха и ужаса в романе.

Важной составляющей «Мизери» является страх, поэтому одним из аспектов исследования в данной работе является изучение лингвостилистических средств, используемых автором романа для создания атмосферы страха: фонетических, лексических, синтаксических средств выразительности.

Основным фонетическим средством, использованным в произведении, является *звукоподражание*, т.е. произведение новых слов путём фонетического уподобления тому или иному звуковому явлению в живой и неживой природе, а также в деятельности человека.

Так, в самом начале произведения автор использует ономатопею для описания аварии, в которую попал главный герой:

“– *umber whunnnn*

yerrrrnnn umber whunnnn

fayunnnn

These sounds: even in the haze” [7, с. 3].

Наиболее распространённым лексическим средством, используемым автором, является *метафора*: “*Well, here was the jinx and the natural disaster all rolled up on one; here was Hurricane Annie...*” [7, с. 18]. В данном примере автор отождествляет разрушительность действий Энни Уилкс со стихийными бедствиями. Использование данного приёма позволяет составить полноценную картину происходящего с главным героем, выразить его отношение к событиям и полноценно погрузиться в атмосферу произведения.

Ещё одним приёмом, используемым автором для создания эмоционального напряжения в произведении, является *градиация*: “*He had a bad – no, not just bad; terrible, horrible – moment when it seemed the wheelchair was not going to fit*” [7, с. 75]. В предложении описан эмоциональный момент, пережитый главным героем. Пол Шелдон, напуганный тем, что его коляска не войдёт в дверной проём, и Энни его застанет с поличным, начинает паниковать. Благодаря подробному описанию сцены, читатель может ощутить этот мимолетный, но сковывающий страх.

Важным аспектом в передаче страха, а также в создании гнетущей атмосферы произведения является *цветовая гамма*, используемая автором для описания как состояния главного героя, так и места, в котором он находится.

Чтобы описать провалы в памяти Пола Шелдона, вызванные травмами и злоупотреблением лекарствами, а также эмоциональные переживания героя, автор использует серый цвет. Он сравнивает состояние Пола Шелдона с туманом и дымом: “*When the pain wasn’t harrying him through the deep stone grayness of his cloud, he was dumbly grateful...*” [7, с. 5]. В данном случае выбор именно серого цвета неслучаен, т.к. в большинстве культур серый воспринимается как цвет тоски и несчастья. Не менее важным является сравнение психологического состояния главного героя с туманом. Помимо ассоциаций с серым цветом, туман сам по себе имеет метафорический смысл в литературе. В данном случае туман служит символом поиска, потерянности, враждебности, безвременья и одиночества.

Таким образом, С. Кинг добивается эмоционального напряжения читателей, используя различные языковые средства эмотивности: авторские эпитеты, метафоры, сравнения, градиацию, использование символики цвета и т.д. С их помощью автор передаёт атмосферу романа, чувство страха, ужаса, безысходности и обречённости. Благодаря использованию большого количества стилистических средств можно ясно представить картину событий и увидеть героев такими, какими их задумывал автор.

Список использованных источников

1. Кинг, С. Мизери / Стивен Кинг ; пер. с англ. А. Георгиева. – Москва : Издательство АСТ, 2022. – 381 с.
2. Пальцев, Н. Страшные сказки Стивена Кинга. Фантазии и реальность / Н. Пальцев. – URL: <http://kingclub.narod.ru/wdove/WIN1251/terror.html> (дата обращения: 01.10.2024).
3. Сахарова, Н. Г. Концепты «ужас» и «страх» как отражение индивидуально-универсальных особенностей языковой личности в интерпретации языковой картины мира (на материале рассказов Стивена Кинга) / Н. Г. Сахарова, О. П. Дмитриева //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3 (81). – Ч. 2. – С. 371–374.

4. Тлеупова, А. М. Роль творчества С. Кинга в мировой литературе / А. М. Тлеупова // Филологические науки в России и за рубежом : материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – Санкт-Петербург : Реноме, 2012. – С. 75–78.

5. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. – Oxford : Oxford University Press, 1982. – 1256 p.

6. Katzenbach, J. Summer Reading : Sheldon Gets the Ax / J. Katzenbach. – Access mode: <https://www.nytimes.com/1987/05/31/books/summer-reading-sheldon-gets-the-ax.html> (Access date: 05.10.2024).

7. King, S. Misery / Stephen King. – New York : Hodder & Stoughton, 1987. – 297 p.

8. Scott, A. F. Current Literary Terms : a Concise Dictionary of Their Origin and Use / A. F. Scott. – London : Blackwell, 1980. – 1329 p.

9. The American Heritage Dictionary. – New York : Dell Publishing, 1983. – 947 p.

УДК 81`373.7:811.111:811.161.1

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НУМЕРОЛОГИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Э. Э. Хайберды,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Полховская Е. В.,

*заведующая кафедрой английской филологии, к. ф. н., доцент, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассматривается функционирование фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом-числительным в русском, английском и французском языках. Анализируются основные функции. ФЕ, включая их роль в коммуникации, познании и стилистическом оформлении речи. Особое внимание уделяется культурным особенностям, влияющим на восприятие числительных в составе фразеологизмов. Исследование позволило выявить как общие черты, так и различия в употреблении нумерологических устойчивых выражений в трех языках.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, числительное, функция.

Summary. This article examines the functioning of phraseological units (PUs) with a numeral component in Russian, English and French. The analysis focuses on the primary functions of PUs, encompassing their contribution to communication, cognition, and stylistic structuring of discourse. Cultural nuances affecting the interpretation of numerals within phraseological expressions are given special consideration. The study uncovers both similarities and differences in the application of numerical idioms across the three languages.

Key words: phraseology, phraseological units, numeral, function.

Целью работы является выявление особенностей функционирования нумерологических фразеологических единиц (ФЕ) в русском, английском и французском языках, а также определение их роли в коммуникативном и культурном контексте. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи:**

- 1) дать определение нумерологическим фразеологизмам и уточнить их классификацию;
- 2) исследовать особенности употребления ФЕ с компонентом-числительным в трех сравниваемых языках;
- 3) определить сходства и различия в функционировании нумерологических ФЕ в русском, английском и французском языках.

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к фразеологическим единицам как носителям культурной информации, отражающим национальную картину мира. Числительные играют значимую роль в языке и культуре, их символика находит выражение в устойчивых выражениях, однако функционирование таких фразеологизмов в сравнительно-типологическом аспекте до сих пор остается недостаточно изученным.

Научная новизна заключается в комплексном анализе функционирования нумерологических фразеологических единиц в трех языках с учетом семантических и культурологических факторов. В работе выявлены общие и специфические закономерности употребления ФЕ с компонентом-числительным в трех сравниваемых языках.

Основными **методами**, применяемыми в работе, выступают методы фразеологических исследований (фразеологической идентификации и фразеологического описания), сравнительно-типологический, когнитивный, компонентный и функциональный анализ.

Теоретической базой выпускной квалификационной работы послужили исследования учёных, Ш. Балли, А. В. Кунина, В. Н. Телии и др.

Фразеология – важная часть языка, отражающая культурные, исторические и социальные особенности народа. Одной из интересных категорий фразеологизмов являются выражения, содержащие числительные. Их функционирование в различных языках позволяет выявить как универсальные закономерности языкового развития, так и уникальные черты, присущие каждому языку. Числа играют особую роль в языке, обладая не только количественным значением, но и символическим. Во многих культурах определенные числа приобретают особый смысл, который затем закрепляется в языке через устойчивые выражения. ФЕ с числительными широко распространены в русском, английском и французском языках.

Вклад в изучение фразеологии внесли многие выдающиеся ученые, чьи труды заложили фундамент современного понимания этой области лингвистики. В. В. Виноградов, с его классификацией фразеологизмов по семантическим типам, стал одним из основоположников фразеологической науки. А. В. Кунин глубоко исследовал идиоматичность, структуру и функционирование фразеологических единиц в речи, предложив развернутую теорию английской фразеологии. Н. М. Шанский посвятил свои работы изучению истории происхождения фразеологизмов, их этимологии и изменениям значений во времени. В последние десятилетия активно развивают фразеологическое направление такие ученые, как В. Н. Телия, исследующая когнитивные аспекты фразеологии, и Д. Б. Гудков, изучающий фразеологию в контексте межкультурной коммуникации. Их работы и труды других исследователей способствуют дальнейшему развитию фразеологии как важной и динамично развивающейся области языкознания.

Несмотря на большое количество работ, посвященных специфике языка и фразеологии в целом, ученые все еще не смогли прийти к единому мнению об определении фразеологии. Сам термин «фразеология» впервые встречается в словаре М. Neandera “Phraseologia isocratis grecolatina” 1558 года. Спустя время он был введен и истолкован исследователем Ш. Балли. В своей работе «Общая лингвистика и вопросы французского языка» он определяет фразеологию как «раздел стилистики, изучающий связанные словосочетания» [2, с. 15].

В современной науке существует ряд формулировок, трактующих понятие фразеологической единицы, однако за основу исследования было взято определение, предложенное А. В. Куниным: «Фразеологическая единица – это раздельнооформленное сочетание слов с переосмысленным значением и устойчивостью не ниже минимальной на фразеологическом уровне» [3, с. 5]. Согласно этому определению, фразеологизм представляет собой такое сочетание слов, где значения его отдельных компонентов не играют важной роли, так как ключевым является значение всего сочетания.

В настоящее время вопрос о функционировании ФЕ является одним из самых актуальных в современной лингвистике. Функция – это «роль, выполняемая языковой единицей при воспроизведении в речи» [1, с. 506]. Часто исследователи делят функции на две большие группы, а именно на вариативные и константные. Согласно А. В. Кунину, к константным функциям следует относить познавательную, коммуникативную и номинативную.

«Коммуникативной функцией ФЕ является их назначение служить средством общения или сообщения» [3, с. 58]. Следовательно, подобно отдельным словам и предложениям, ФЕ играют важную роль в коммуникативном процессе.

Номинативная функция ФЕ определяется А. В. Куниным как «их соотносительность с объектами реального мира, включая и ситуации, а также замена этих объектов в речевой деятельности их фразеологическими наименованиями» [3, с. 58]. Важно отметить, что ФЕ – это не простые наименования, в отличие от отдельных слов.

Номинативная функция наиболее тесно связана с познавательной функцией, которая рассматривается А. В. Куниным как «опосредованное сознанием социально детерминированное отражение объектов реального мира, способствующее их познанию» [3, с. 58]. Это утверждение подчеркивает неразрывную связь между способностью языка называть (номинировать) объекты и явления окружающего мира и нашей способностью познавать мир.

Как отмечает В. Н. Телия, для фразеологизмов характерна семантическая двуплановость – это «идиоматичность относительно того «прямого» значения, которое выражено в буквальном смысле таких выражений» [4, с. 74]. Учитывая тот факт, что большинство фразеологизмов обладают экспрессивно-окрашенным значением, их практически невозможно использовать в качестве нейтрального средства обозначения.

Вторую группу функций представляют вариативные функции, к которым относят семантические и прагматические функции. В свою очередь к семантическим функциям относятся: волюнтативная, дейктическая, результативная и др. функции. К прагматическим функциям следует относить стилистическую, кумулятивную, директивную, оценочную и резюмирующую функции. Стилистическая функция подразумевает использование фразеологизмов в целях достижения стилистического эффекта. Кумулятивная функция считается свойственной, например, пословицам и поговоркам. Фразеологизмы являются обобщением жизненного опыта народа, его традиций, которые реализуются в речи в виде совета. «Резюмирующая функция фразеологизма состоит в том, что он является кратким резюме предыдущего высказывания» [3, с. 61].

В ходе исследования было отобрано 450 фразеологизмов, которые включают 150 единиц русского, 150 единиц английского и 150 единиц французского языков. Было определено, что фразеологизмы с числительными выполняют важные функции в трех сравниваемых языках. Они служат средством передачи информации, выражения эмоций и усиления высказывания. Например, фразеологизм «говорить одно и то же по сто раз» в русском языке передает идею раздражения из-за повторений, аналогично французскому “*dire cent fois*” и английскому “*talk nineteen to the dozen*”, где акцент на скорости речи.

Часто фразеологизмы выражают неопределенно большое количество: «*семеро одного не ждут*» в русском, «*jamais deux sans trois*» во французском и «*third time lucky*» в английском языках. Эти выражения подчеркивают повторяемость событий. Также фразеологизмы передают крайние эмоции: «*на седьмом небе от счастья*» в русском, «*être au septième ciel*» во французском и «*on cloud nine*» в английском.

Некоторые фразеологизмы выполняют номинативную функцию: «*пятая колонна*» в русском, «*fifth column*» в английском и «*la cinquième roue de la charrette*» во французском, обозначающие предателей или ненужных людей. Также встречаются фразеологизмы, связанные с оценкой значимости, такие как русский «*первый блин комом*», французский «*premier venu*» и английский «*first come, first served*».

Фразеологизмы отражают культурные особенности и восприятие чисел, как в выражении «*чертова дюжина*» в русском, которое передает негативное отношение к числу 13, в отличие от нейтрального «*treize à la douzaine*» во французском. В английском языке встречаются ФЕ как с негативной коннотацией («*baker's dozen*»), так и выражающие нейтральное отношение («*thirteen to the dozen*»). Интересно различие в восприятии числа **семь**: в русском «*семь пятниц на неделе*» обозначает непостоянство, во французском «*chausser ses bottes de sept lieues*» – быстроту, а в английском «*behind seven locks*» – скрытность.

Также различается восприятие числа **три**: во французском оно обозначает маленькое количество («*trois fois rien*» – *сущая мелочь*), в русском, наоборот, его нередко используют для выражения большого количества («*за три моря*», «*в три погибели*»), а в английском оно символизирует гармонию, порядок и благополучие («*give three cheers*»).

ФЕ с числительными часто выполняют стилистическую функцию, придавая речи эмоциональную окраску. Например, во фразеологизмах трех языков часто встречается гиперболизация. Русское выражение «*тысячу лет не виделись*» используется для обозначения длительности разлуки, французское «*avoir mille choses à faire*» подчеркивает загруженность и большое количество дел, а английское «*not in a million years*» подчеркивает невозможность чего-либо.

ФЕ с компонентом-числительным помогают выразить отношение к чему-либо. Например, русский фразеологизм «*семи пядей во лбу*» используется для обозначения очень умного человека. В английском языке похожее значение передает выражение «*one step ahead*», а во французском языке встречается фразеологизм «*avoir les deux pieds dans le même sabot*» – *быть нерасторопным*, имеющий отрицательное значение.

Некоторые фразеологизмы выполняют резюмирующую функцию. В русском языке фраза «*свести к нулю*» используется, когда речь идет об обесценивании усилий или устранении значимости чего-либо. Во французском выражение «*mettre dans le mille*» означает точное попадание, а в английском «*hit the nail on the head*» – правильное решение.

Анализ функционирования нумерологических ФЕ в русском, французском и английском языках наглядно демонстрирует, что они выполняют схожие функции, но в то же время имеют свои национально-культурные особенности. В русском языке фразеологизмы часто связаны с социальными отношениями, в английском языке преобладают выражения, связанные с прагматизмом, а во французском языке выделяется образность фразеологических конструкций.

Заключение. Таким образом, результаты исследования показали, что фразеологизмы с числительными являются важной частью языковой картины мира, так как они отражают коллективное сознание народа, его традиции и восприятие чисел. Их изучение помогает не только глубже понять язык, но и проследить взаимосвязь языка и культуры.

Список использованных источников

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва : Эдиториал УССР, 2001. – 392 с.
3. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностр. яз. / А. В. Кунин. – Москва : Высшая школа, 2005. – 200 с.
4. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской школы», 1996. – 287 с.
5. Oxford English Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: <http://www.oxforddictionaries.com/>. (Access date: 20.04.2024).
6. Larousse Dictionnaire [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>. (Access date: 15.04.2024).

УДК 81.42-82.111

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ XX-XXI ВЕКОВ

Е. А. Черненко,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Мазина Е. Н.,

*к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. Языковая игра (ЯИ) представляет собой одну из актуальных проблем современной лингвистики и стилистики текста. Этот широко представленный в различных сферах социокультурной реальности феномен характеризуется большим многообразием средств и механизмов реализации и в художественной литературе. Особый интерес современных ученых вызывает специфика функционирования данного вида игры в разных литературных жанрах. Цель данного исследования состоит в выявлении приемов создания и функций языковой игры в англоязычной детской поэзии XX–XXI вв. Анализ ЯИ на различных языковых уровнях позволяет классифицировать и системно представить наиболее характерные механизмы реализации игры в тексте детских стихотворений. Для достижения поставленной цели были использованы методы контекстуального и стилистического анализа, сравнительный и описательный методы.

Ключевые слова: языковая игра, функция, стилистический прием, детская поэзия, языковой уровень, комический эффект, речь.

Summary: Language game is one of the topical problems of modern text linguistics and stylistics. This phenomenon is widely represented in various spheres of socio-cultural reality, and it is characterized by a great variety of means and mechanisms of implementation in fiction. The specificity of functioning of this game in different literary genres is of special interest for modern scholars. The purpose of this study is to identify the methods of creating the language game and study its functions in children's poetry written in English in the 20th–21st centuries. The analysis of language game at different linguistic levels allows to classify

and systematically present the most characteristic mechanisms of implementation of this game in the text of children's poems. The methods of contextual and stylistic analysis, as well as the comparative and descriptive methods were used to achieve this goal.

Key words: language game, function, stylistic device, children's poetry, language level, comic effect, speech.

В отечественной науке сложился целый ряд подходов к толкованию языковой игры. В работах Н. Д. Арутюновой [2], Ю. Д. Апресяна [1], В. З. Санникова [8] и многих других сделан акцент на отклонении от языковой нормы как сущностной характеристике данного феномена. Т. А. Гридина [4], Б. Ю. Норман [7] отмечают особую лингвокреативную деятельность при реализации языковой игры и трактуют ее как лингвистический эксперимент. С. В. Ильясова [6] предлагает новый подход к освещению природы ЯИ – с точки зрения коммуникативной нормы. В качестве основных характеристик языковой игры отечественные ученые выделяют: коммуникативную направленность, многоуровневую реализацию, креативность, аномальность, экспрессивность, многоплановость, ассоциативную природу, способность реализоваться на уровне логических категорий [3].

Под термином «языковая игра» нами будет пониматься вид речевой деятельности человека, состоящий в намеренном нарушении языковых норм в определённой речевой ситуации для создания экспрессивного, эстетического или комического эффекта.

В данном исследовании мы следуем распространённому в отечественной науке подходу к анализу и классификации языковой игры – по уровням ее реализации (лексический, фонетический, графический, морфологический, синтаксический), учитывая при этом, что такое разделение является довольно условным, так как зачастую ЯИ реализуется сразу на нескольких уровнях.

В англоязычной детской поэзии наиболее широко представлена **лексическая языковая игра**, реализующаяся за счет таких явлений, как паронимия, полисемия, омонимия и омофония. Авторские каламбуры обогащают текст, делая его более интересным, развлекательным и запоминающимся для детской аудитории, а также могут служить эффективным средством освоения языка и культуры.

Языковая игра, основанная на паронимии, привлекает внимание детей к сходно звучащим словам, имеющим разный смысл, например:

“Fish like to slip
In the *deep* rain
Not take a *dip*
In frying pan” [15, с. 16].

В этом стихотворении паронимическая аттракция (слова *slip* и *dip*, *deep* и *dip*) усиливает контраст между двумя вариантами развития ситуации, создает комический эффект, реализуя развлекательную функцию, и придает выразительность тексту.

На лексическом уровне нередко можно встретить также языковую игру на основе использования омофонов. Например:

“Just how few can
Ride the *toucan*?
Two can” [16, с. 92].

В этом небольшом отрывке стихотворения происходит шутовское обыгрывание слова *toucan* и словосочетания *two can*. Комический эффект, создаваемый посредством обрисовки нелепой ситуации, усиливается за счет слов, схожих по звучанию, но разных по написанию и значению. Такого рода каламбур – излюбленный приём в детской литературе.

Не менее выразительными и оригинальными оказываются случаи ЯИ, построенные на обыгрывании значений омонимов, например:

“Never *badger a badger* in the dark
Or swing a tiger by the tail” [14, с. 4].

Семантическим механизмом игры выступает здесь «переключка» смыслов двух слов: 1) *badger* – дразнить, 2) *badger* – барсук, удачно выбранных автором для реализации как экспрессивной, так и воспитательной функции.

На морфологическом уровне языковая игра основана на обыгрывании частей слова. Весьма интересным является окказиональное расчленение словоформы, вкрапление лексемы и шутовское обыгрывание всех частей этой словоформы:

“GOOD MORNING, MR CROCO-DOCO-DILE

Good Morning, Mr Croco-doco-dile,

And how are you today?

I like to see your croco-smoco-smile,

In your croco-woco-way” [11, с. 49].

Слово *crocodile* разрывается и дополняется другими словами, рифмующимися с начальным компонентом, для придания стихотворению ему игривости и комичности.

Аналогичный механизм реализации языковой игры наблюдаем ниже:

“On every octofoot he put

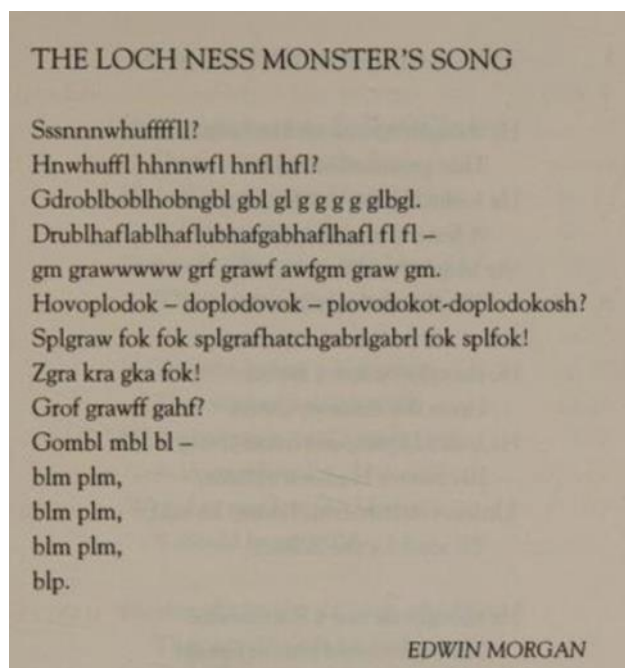
an octosocktopus

but in his hurry, one foot got put” [11, p. 19].

Слово *octopus* разрывается и образует новые словоформы, такие, как *octofoot*, *octosocktopus*. Примечательна также межъязыковая синонимия компонентов слова: *octofoot* и *octopus*, способствующая реализации языковой игры. Использование ЯИ позволяет развивать мышление и фантазию у маленьких читателей, поскольку создает интересные и оригинальные образы.

Приемы языковой игры на фонетическом уровне включают в себя звукоподражание, благозвучие, эмфатическую пунктуацию.

Необычным примером игрового использования звукоподражания может послужить данное стихотворение:

[12, с. 62].

Понять его невозможно, потому что оно полностью состоит из выдуманных звуков, имитирующих речь Лох-несского чудовища. Стихотворение не несёт интеллектуальной нагрузки, а реализует исключительно развлекательную функцию. Этот прием помогает создать звуковой образ чудовища и развивает фантазию ребенка.

На уровне синтаксиса авторы всячески обыгрывают структуру предложений, используя анадиплосис, синтаксический параллелизм, инверсию, анафору, многосоюзие, эпифору и другие приемы.

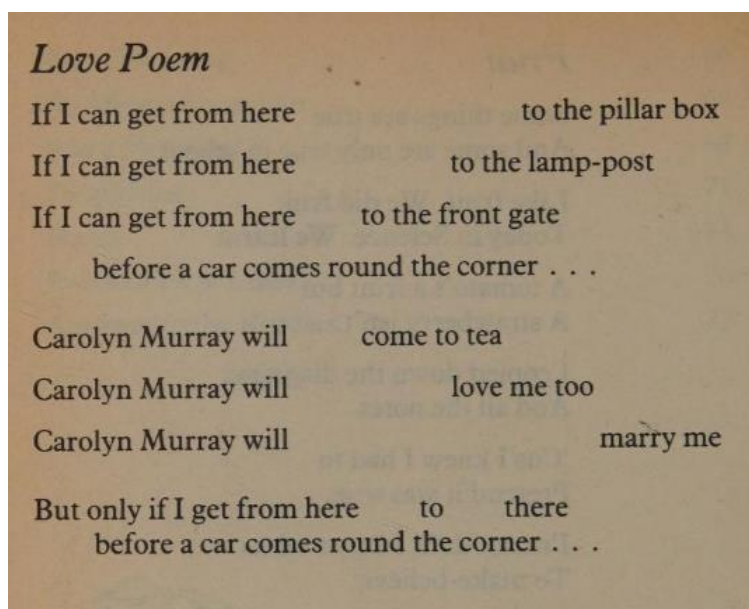
Рассмотрим пример анадиплосиса:

“Little toad little toad *mind yourself*
mind yourself let me *build my house*
build my house to be at home
be at home till I one day vanish” [15, с. 24].

Данное стихотворение интересно тем, что практически полностью оно построено на использовании такого синтаксического приема как анадиплосис. В начале каждой новой строки повторяется окончание предыдущей, что придает стихотворению динамичность и кажется, будто одна строка переливается в другую.

Языковая игра на графическом уровне включает в себя визуальные эффекты, используемые на уровне текста для привлечения внимания юных читателей, развития у них творческого воображения.

Рассмотрим стихотворение, написанное в виде лука, выпускающего стрелу, подобно стреле Купидона.

[13, с. 8].

Как можно видеть, визуально стихотворение поделено на две смысловые части фразой “before a car comes round the corner” – если стрела Амура успеет долететь до Каролин и поразить ее до того, как машина выедет из-за угла, то она полюбит героя, и они пожениются. Стихотворение призвано приковывать внимание читателя, вызывать у него интерес и развивать воображение.

Таким образом, приёмы языковой игры привлекают внимание читателя к языковой форме, к её структурным элементам – морфеме, слову, букве, к осознанию правильности или неправильности написанного, благодаря чему развивается внимательность. Языковая игра в англоязычной детской поэзии выполняет развлекательную, экспрессивную, воспитательную, эмотивную функции, а также функцию создания комического эффекта за счет использования средств различных языковых уровней. ЯИ задействует мышление, воображение, стимулирует восприятие, развивает языковые навыки у детей, позволяет добавить тексту больше экспрессивности. Авторы могут играть со словами, чтобы подчеркнуть иронию,

парадокс или противопоставление идей. С элементами языковой игры текст становится более выразительным, ярким, живым.

Список использованных источников

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды : монография : в 2 кн. Кн. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (К проблемам языковой картины мира) / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–20.
3. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира : монография / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев ; Школа «Языки русской культуры». – Москва, 1997. – 576 с.
4. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество : монография / Т. А. Гридина ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 1996. – 215 с.
5. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова ; под редакцией Е. А. Земской. – Москва : Наука, 1983. – С. 39–54.
6. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве : монография / С. В. Ильясова, Л. П. – Москва : Флинта, 2018. – 294 с.
7. Норман, Б. Ю. Теория языка. Вводный курс : учебное пособие / Ю. Б. Норман. – Москва : Наука, 2003. – 296 с.
8. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры : учебное пособие / В. З. Санников ; Российская государственная библиотека. – Москва : Язык русской культуры, 1999. – 541 с.
9. Фащанова, С. В. Языковая игра в радиодискурсе: коммуникативно-прагматический аспект : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Светлана Владимировна Фащанова ; Томский гос. ун-т. – Томск, 2012. – 24 с.
10. Dahl, R. Revolting Rhymes / R. Dahl. – London : Puffin Books, 2001. – 52 p.
11. Duffy, A. C. 101 poems for children / A. C. Duffy. – London : Macmillan Children's Books, 2012. – 226 p.
12. Edwin, M. Selected poems / M. Edwin. – Manchester : Carcanet Press Limited, 1985. – 148 p.
13. Govar, M. Third time lucky / M. Govar. – Teddington : Richmond Upon Thames Education Committee, 1951. – 84 p.
14. McDough, R. Poetry pie / R. McDough. – London : Puffin Poetry, 2015. – 132 p.
15. Rosen, M. The best children's poetry from Agard to Zephaniah / M. Rosen. – London : Puffin Books, 1946. – 308 p.
16. Silverstein, S. Where the sidewalk ends : the poems & drawings / S. Silverstein. – New York : Harper and Row, 1974. – 182 p.

**НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

А. В. Чудова,

*обучающаяся 3-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чернобай С. Е., старший преподаватель кафедры
английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье исследуются английские фразеологизмы с национально-маркированным компонентом. Цель работы – охарактеризовать семантику английских национально-маркированных фразеологических единиц. Для достижения поставленной цели используются общенаучные методы анализа и синтеза, методы компонентного и семантического анализов, описательный метод. Результаты показывают, что фразеологизмы с национально-культурным компонентом, прежде всего, описывают характер человека, его отношение к труду, взаимоотношения в социуме. Относясь к различным семантическим группам, национально-маркированные фразеологизмы содержат в своем составе имена собственные, названия мер и денежных единиц, указание на исторические события и другие реалии. Выводы подчеркивают уникальность фразеологии как способа отражения менталитета нации и ключа к пониманию иноязычной культуры.

Ключевые слова: английский язык, фразеологизм, национальная маркированность.

Summary. The paper investigates the English idioms with a nationally-marked component. The aim of the research is to characterize the semantics of the English nationally-marked idioms. The methods used include general scientific methods of analysis and synthesis, methods of componential and semantic analyses, descriptive method. The results indicate that nationally-marked idioms first and foremost describe the character of a human, his attitude to the labour, and relations in the society. Being a part of different semantic groups, nationally-marked idioms contain proper names, the names of measurement and monetary units, reference to historical events and other realia. The conclusions highlight the uniqueness of phraseology as a means of mentality reflection and the key to understanding a foreign culture.

Key words: the English language, idiom, national markedness.

На протяжении многих десятилетий фразеология является объектом исследования ученых в рамках различных научных подходов. С конца XX века лингвисты изучают фразеологию с позиции лингвокультурологии, что открывает возможность анализировать фразеологический материал национальных языков в контексте взаимодействия языка и культуры. Ученые исследуют классификацию фразеологизмов в современном языкознании [1], а также с позиции этимологии устойчивых выражений [3]. Такой подход позволяет акцентировать внимание на том, как языковые явления отражают культурные реалии, ценности, традиции и мировосприятие конкретного народа, что впоследствии будет способствовать адекватной межкультурной коммуникации и развитию лингвокультурологической компетенции. Сравнительно-сопоставительные исследования фразеологии разных

языков помогают выявить как универсальные, так и национально-культурные характеристики данных языковых единиц, что в свою очередь помогает лучше понимать как свою, так и чужую культуру [2; 5]. Современные исследования подчеркивают важность сформированности фразеологической компетенции у учителей, преподающих филологические дисциплины [4]. Таким образом, проводимое нами исследование является актуальным.

Цель работы – охарактеризовать семантику английских национально-маркированных фразеологических единиц. Для достижения поставленной цели используются общенаучные методы анализа и синтеза, методы компонентного и семантического анализов, описательный метод.

Страноведческая ценность фразеологизмов заключается в достоверности их содержания. Исконно английские фразеологизмы отражают традиции и обычаи английского народа: «*good wine needs no bush*» – «хорошее вино в ярлыке не нуждается» (по традиции, трактирщики вывешивали ветки плюща в знак того, что в продаже имеется вино) [7, с. 125]; «*Baker's dozen*» – «чертова дюжина» (по старинному английскому обычаю, торговцы хлебом получали от булочников тринадцать хлебов вместо двенадцати, причем тринадцатый шел в счет дохода торговцев) [6, с. 13]. Многие фразеологизмы связаны с английской историей и реалиями: «*to put somebody in the cart*» – «поставить кого-либо в тяжелое положение» [6, с. 46]. Словом ‘cart’ называли повозку, в которой доставляли преступников к месту казни или возили по городу с позором; «*to read the Riot Act*» – «сделать выговор, отчитать кого-либо»; «приказать толпе разойтись» [6, с. 243] (the Riot Act – закон об охране общественного спокойствия и порядка, действует с 1715 г.). ФЕ «*As well be hanged for a sheep as lamb*» [8] (досл. «если уж суждено быть повешенным за овцу, то почему бы не украсть заодно и ягненка») отсылает к старому английскому закону, по которому кража овцы каралась смертной казнью через повешенье. Некоторые фразеологические единицы связаны с поверьями и преданиями: «*Halcyon days*» – «спокойные, мирные дни» [9] (по древнему преданию, зимородок выводит птенцов в гнезде, плавающем по морю в период зимнего солнцестояния; в этот период, около двух недель, море бывает совершенно спокойным). Фразеологизмы могут быть связаны с реальными ситуациями, представленными в карикатурах: «*the old lady of Threadneedle Street*» (шутливое) – «старая леди с Треднидл-стрит» – Английский банк [10] (выражение обязано своим происхождением карикатуре Джона Гилрея (1797), на которой премьер-министр Уильям Питт пытается завладеть золотом старой леди, сидящей на запертом сундуке. Деньги были нужны Питту для войны с Наполеоном. Подпись под карикатурой гласила: ‘Political Ravishment, or The Old Lady of Threadneedle Street in Danger’). Ряд фразеологизмов основан на сказках, баснях и других произведениях художественной литературы. Так, персонаж сказки *Fortunatus* представлен в выражении *Fortunatus's purse* – «неистощимый кошелек». ФЕ «*sing for one's supper*» – «отрабатывать долги, платить за оказанную милость» [6, с. 282] основана на песенке XVIII века; ФЕ «*a Simple Simon*» обозначает простака [10] (по имени действующего лица в стихах для детей). Произведения Уильяма Шекспира являются одним из наиболее крупных литературных источников, обогативших фразеологический фонд. Одной из самых многочисленных по составу групп фразеологических единиц является группа, содержащая в своем составе имена собственные, например: «*Aunt Sally*» – «детская игра» [9]; «*Jack Tar*» – «матрос» [10]; «*before you could say Jack Robinson*» – «очень быстро» [9]; «*Tommy Atkins*» – «британский солдат» [10].

В ходе анализа отобранных фразеологизмов была выделена семантическая группа, представляющая национальный характер англичан. Так, типичный англичанин должен быть терпеливым и сдержанным: «*keep one's balance*» (быть уравновешенным) [9], «*show patience and self-control*» (проявлять терпение и, выдержку) [9], «*get a grip on*

oneself» (владеть собой, взять себя в руки) [6]. В то же время он должен быть решительным, смелым и благородным: «*a man of decision*» (решительный человек) [9]; «*to bell the cat*» – (брать на себя ответственность в рискованном деле) [9], «*pull someone's chestnuts out of the fire*» – (подвергаться опасности вместо кого-либо) [9], «*a heart of oak*» (мужественный человек) [6], «*none but the brave deserve the fair*» (смелость города берет) [8], «*show courage*» (проявлять мужество) [9], «*a big heart*» (благородство) [8], «*as good as gold*» (благородный, порядочный) [8], «*a heart of gold*» (благородное сердце) [8].

В работе ценятся трудолюбие, честность и профессионализм, умение быть лидером: «*work tirelessly*» (работать непокладая рук) [9], «*go the whole hog*» (делать что-то основательно или полностью) [6, с. 145], «*(as) straight as a die*» (очень честный) [9], «*clean hands*» (честность) [10], «*good faith*» (добросовестность) [10], «*a man of the world*» (человек, умудренный опытом) [8], «*beat one's best*» (быть на высоте) [8], «*sweep the board*» (преуспеть, добиться успеха) [9]. Фразеологизмы указывают на долгое время, затраченное на работу, а также на ее трудоемкость: «*to burn the midnight oil*» [7, с. 502] и «*the smell of the lamp*» [6, с. 267]. Характеризуя качество и эффективность / неэффективность выполняемой работы или деятельности, можем использовать ряд устойчивых выражений: «*to get cracking*» (действовать быстро и энергично); «*to hit the ground running*» (заниматься чем-то активно, с энтузиазмом) [6, с. 144]; «*to put your shoulder to the wheel*» (настроиться на энергичную работу) [6, с. 134]. Тем не менее, англичане могут быть ленивыми: «*to have a bone in one's leg*» (быть не в состоянии шевельнуть пальцем ноги) [6, с. 33], «*swing the lead*» (симулировать, лодырничать) [6, с. 134], (это морской термин – бросать лот, увиливать от работы, симулируя болезнь).

Подчеркивается важность умения быть жизнерадостным: «*animal spirits*» (жизнерадостность) [9], «*be cheerful*» (быть жизнерадостным) [8]. Ценится порядочность («*diamond of the first water*» – человек, замечательных достоинств [10]) и осуждается высокомерие и эгоизм: «*to punch above your weight*» – выступать в более высокой весовой категории [8], «*to have an axe to grind*» – действовать в своих интересах, иметь личные причины или интерес для того, чтобы что-то сделать [9], «*to curry favour*» – втираться в доверие посредством подобострастного поведения [8].

Одним из факторов, влияющих на мировоззрение и образ жизни народа, являются климатические условия региона. Многие фразеологизмы содержат в себе описание ветреной, пасмурной и дождливой погоды: «*bow great guns*» – очень ветреная погода [6, с. 132]; «*chuck it down*» – сильный дождь [6, с. 53], «*a London particular*» – густой туман [6, с. 177]. Некоторые «погодные» фразеологизмы подверглись полному переосмыслению, в результате чего обозначают качества человека (глупость) и его физическое состояние (быть нетрезвым): «*to be out in the cold*» (остаться в дураках) [10], «*to be in the wind*» – «подвыпить, быть навеселе» [10].

Семейные узы и родственные связи нашли свое отражение во фразеологизмах: «*the angel in the house*» – букв. «ангел в доме» [6, с. 7], данная ФЕ обозначает женщину, преданную своим детям, мужу и домашнему очагу. ФЕ «*ships that pass in the night*» используется при упоминании о мимолетных знакомствах [6, с. 259]. Также ряд ФЕ характеризует взаимоотношения между людьми (сотрудничество): «*a halfway house*» (компромисс) [6, с. 134], «*hand in glove*» (в тесном сговоре или взаимодействии) [6, с. 134], «*to play ball*» (сотрудничать с кем-либо).

Фразеологизмы знакомят нас с реалиями английской культуры и быта, включающими денежные единицы, систему мер, различные игры и реалии современной жизни: «*to be ten a penny*» – полным-полно, хоть пруд пруди [9]; «*penny wise and pound foolish*» – крохобор в мелочах и расточительный в крупном [10]; «*by inches*» – мало-помалу [10]; «*hide one's light under a bushel*» – зарывать талант в землю [9]; «*have smb. over a barrel*» – поставить кого-либо в безвыходное положение; «*make a*

pint measure hold a quart» – сделать невозможное [10]; «*play fast and loose*» – вести двойную игру (выражение связано со старинной английской игрой, в которую играли на ярмарках) [9]; «*thumb a ride*» – голосовать, ехать автостопом [10]; «*go Scot-free*» – остаться безнаказанным [10] (Scot – ист. налог, подать. Быть освобожденным от уплаты налога); «*John Barleycorn*» – Джон Ячменное Зерно (название виски, пива и др. солодовых напитков) [7, с. 247].

Исследование показывает, что фразеологизмы могут служить своего рода «окном» в менталитет народа. Использование определенных фраз во время общения способно передавать не только информацию, но и эмоциональные оттенки, культурную идентичность и моральные ценности, характерные для данной культуры [4].

Таким образом, национально-маркированные фразеологические единицы являются важным инструментом, отражающим культурные особенности и менталитет англоговорящих народов. Эти единицы не только представляют собой языковые конструкции, а создают соответствующий контекст, который помогает исследовать идентичность и традиции, сохранившиеся на протяжении веков. Это открывает широкие перспективы для будущих исследований, направленных на понимание культурной динамики в языковом пространстве и на изучение изменений во фразеологии под влиянием новых культурных реалий, а также на выявление новых фразеологических единиц, возникающих в результате взаимодействия различных культур.

Список использованных источников

1. Абдулкадырова, П. М. К вопросу о классификации фразеологических единиц современного английского языка / П. М. Абдулкадырова, Т. Б. Баранникова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2014. – № 4. – С. 67–69.
2. Залалдинова, А. А. Фразеологические единицы английского, русского и немецкого языков с национально-культурным компонентом / А. А. Залалдинова, Е. Ф. Арсентьева // Филология и культура. – 2012. – № 2 (28). – С. 178–181.
3. Кузёма, Т. Б. Основные принципы классификации исконно английских фразеологизмов / Т. Б. Кузёма, А. А. Токарева // Гуманитарная парадигма. – 2018. – № 1 (4). – С. 15–19.
4. Урманчеева, И. С. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов и паремий в подготовке учителя-словесника / И. С. Урманчеева // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – № 2. – С. 122–135.
5. Шагбанова, Х. С. Изучение устойчивых выражений путем сравнения фразеологических единиц русского и английского языков / Х. С. Шагбанова // Филология: научные исследования. – 2023. – № 6. – С. 37–46.
6. Oxford Dictionary of English Idioms / ed. by J. Siefring. – London : Oxford University Press, 2004. – 288 p.
7. The Oxford Dictionary of English Proverbs / ed. by W. G. Smith. – London : Oxford University Press, 2003. – 502 p.
8. Cambridge Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: <https://dictionary.cambridge.org/ru>. (Access date: 07.02.2025).
9. Collins Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.collinsdictionary.com>. (Access date: 19.02.2025).
10. Dictionary.com [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.dictionary.com>. (Access date: 07.02.2025).

КОНЦЕПТ «ТРУД» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

М. Шония,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чернобай С. Е., старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается концепт «труд» в английской и русской лингвокультурах в сравнительно-сопоставительном аспекте. Цель работы – охарактеризовать концепты «labour» и «труд» в английской и русской языковых картинах мира. Для достижения поставленной цели использованы общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, методы компонентного, семантического, концептуального и сравнительно-сопоставительного анализов. Исследование демонстрирует определенное сходство в концептуализации труда в анализируемых лингвокультурах. В обеих культурах народ серьезно относится к труду, поощряя качественное выполнение работы, трудолюбие, безделье и лень порицаются. Труд оказывает благотворное влияние на развитие личности. В английской и русской лингвокультурах труд представлен как нравственная ценность.

Ключевые слова: концепт, труд, лингвокультура, языковая картина мира, английский и русский языки.

Summary. The paper scrutinizes the concept “labour” in the English and Russian linguistic cultures in the comparative and contrastive aspect. The aim of the paper is to characterize concepts “labour” and “труд” in the English and Russian linguistic worldviews. To reach the set objective the following methods are used: general scientific methods of analysis, synthesis and generalization, the methods of componential, semantic, conceptual, comparative and contrastive analyses. The research shows a certain similarity in the conceptualization of labour in the linguistic cultures under analysis. In both cultures people take labour seriously, encouraging qualitative work, diligence; idleness and laziness are condemned. Labour has a wholesome effect on the individual’s development. At the same time in the Russian culture people aspire to get the result, applying little effort. Labour is presented as a moral value in the English and Russian linguistic cultures.

Key words: concept, labour, linguistic culture, linguistic worldview, the English and Russian languages.

Интерес к изучению концептов в лингвистике появился в конце XX века, и к настоящему времени сложилась основательная теоретическая база для проведения исследований в области лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Вопросы взаимосвязи языка и культуры освещены в работах Ю. С. Степанова [12], Е. И. Зиновьевой [5], С. А. Прохоцкой [9]. Не вызывает сомнения тот факт, что язык служит основным средством презентации культуры. Изучение концептов в разных языках представляет собой интересную и сложную задачу для лингвистов и культурологов. Концепт «труд» выразительно актуализирует общечеловеческие ценности, так как труд является неотъемлемой составляющей жизнедеятельности человека. На материале русского языка Т. В. Гоннова представляет характеристику концепта «труд» в социокультурном аспекте [3], О. Е. Чернова рассматривает

эволюцию идеологического содержания концепта «труд» в русском языке в период с 1933 по 2002 годы [15]. На материале английского и русского языков А. С. Бакаева описывает концепт «труд» как социалингуокультурный и дает его системную характеристику в сравнительно-сопоставительном аспекте [1]. Н. Н. Бочегова и Г. М. Самойлова анализируют национально-культурные прототипы, ставшие основой концептов «work/ job» и «труд/ работа» в английской и русской лингвокультурах [2]. Таким образом, интерес ученых к изучению концепта «труд» как на материале одного, так и нескольких языков обуславливает актуальность проводимого исследования.

Цель работы – охарактеризовать концепты «labour» и «труд» в английской и русской лингвокультурах. Для достижения поставленной цели использованы общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, методы компонентного, семантического, концептуального и сравнительно-сопоставительного анализов.

Согласно М. А. Федорову, лингвокультура определяется как «культура, воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык» [14, с. 83]. Рассматривая взаимосвязь языка и культуры, С. А. Прохощая отмечает, что «именно в языке и через язык выявляются такие важнейшие особенности и черты, как национальная психология, характер народа, склад его мышления, самобытная неповторимость художественного творчества, нравственное состояние и духовность» [12, с. 129]. В менталитете народа хранится образ мира и передается из поколения в поколение посредством концептов, вербализованных разноуровневыми языковыми знаками [4]. До настоящего времени не сложилось единого определения термина «концепт». По мнению Ю. С. Степанова, концепт представляет собой, с одной стороны, некий «сгусток культуры», формирующийся в сознании людей; с другой – это средство, объект, благодаря которому самый обычный человек вливается в культуру и даже в какой-то степени оказывает на неё влияние [12, с. 43]. Надо отметить, что разные языки по-разному концептуализируют мир, и это подтверждается тем фактом, что в любом языке есть номинативные единицы, которые не имеют эквивалентов в других языках [4].

В ходе исследования анализируются языковые единицы различных уровней, включая лексику, фразеологизмы и афоризмы. Важнейшие понятийные характеристики концепта «труд» отражены в значениях слов “work”, “labour” и “job” в английском, а «труд» и «работа» в русском языках. Так, лексические экспликативы как в английском, так и русском языках представляют характеристику трудящегося человека (“workman” и «работник»): toiler – труженик; obligatory, slave – человек, который обязан выполнить работу; assiduous – старательный человек; slogger – усердный, неутомимый работник; reliable – надежный исполнитель; plodder, slogger, drudge – работяга; workaholic – трудоголик [2, с. 38]. В обеих лингвокультурах образ трудящегося человека связан с усердной, старательной работой, тяжелым трудом и ответственностью.

В английском и русском языках представлен ряд пословиц о труде. Прежде всего в них подчеркивается, что каждый обязан работать, а труд будет соответственно вознагражден: “No work, no recompense” [17, с. 485] – «Кто не работает, тот не ест»; “By labour come wealth” [17, с. 409] – «Труд обогащает страну» [8]; “He who would search for pearls must dive for them” [17, с. 433], “He that will eat the kernel must crack the nut” [17, с. 407] – «Любишь кататься, люби и саночки возить» [8]. При этом необходимо быть терпеливым и внимательным при выполнении своих обязанностей: “Patience wins the day” [17, с. 432] – «Терпение и труд всё перетрут» [8]; “Score twice before you cut once” [10] – «Семь раз отмерь, один раз отрежь» [1, с. 48]. Напоминается о качественном выполнении работы: “Never do things by halves” [17] – «Делать как-нибудь, так никак и не будет» [10]. Важно не забывать выделять время на отдых: “In the morning mountains, in the evening fountains” [10], “Work before pleasure” [10] – «Делу – время, потехе – час» [8], «В субботу – на работу, в воскресенье – на веселье» [1, с. 49].

Некоторые действия, связанные с работой, не требуют усилий: “easy as a pie”, “easy as biscuit”, “piece of cake” – «раз плюнуть» [10], «в два счета» [11], «как блины печь» [1, с. 53]. Положительно оценивается труд и с точки зрения религиозной этики: “God helps those who help themselves” [16]; «Бог дал здоровья в дань, а деньги сам достань» [10]; «Бог дал руки, а веревки сам вей» [11].

В афоризмах также зафиксировано представление людей о труде, например: «Легкость дается тяжелым трудом» [7]. Труд является неотъемлемой составляющей жизни человека: «труд – образ, содержание, стихия и цель жизни» [7]. Отмечается, что залогом развития личности является упорный труд: “if a man wishes to improve himself, let him improve his work” [13]. Труд помогает справиться с тревогой: “work is the best well-known cure for worry” [13]. Осуждаются бездельники: “if you want things done, call a busy man – the man of leisure has no time” [13]. Труд из чувства долга не приведет к успеху: “the man who works merely because he has to, will never advance” [13].

Отмечается ряд фразеологизмов с зоонимическим компонентом, вербализирующих концепт «труд». Как в английской, так и русской культуре пчела и лошадь являются символом труда: «Мудрый человек без работы, что пчела без меда» [4, с. 47], “A wise man without work is a bee without honey” [16, с. 47], «пахать как лошадь» [6], “to work like horse” [6]. Фразеологизмы с зоонимами муравей, волк, корова, бобёр и птица имеют положительную коннотацию, акцентируя внимание на усердном труде: «муравей не велик, а горы копает» [6], «волка ноги кормят» [5], «корми с осени коров сытнее, весна будет прибыльнее» [6], “to work like beaver” [6], “the early bird catches the worm” [6]. Отрицательную окраску имеют ФЕ с компонентами «собака», «ворона», «галка», «муха», «слон» и «осёл», обозначающие безделье или рутинную работу: «гонять собак» [6], «ворон считать» [6], «считать галок» [6], «считать мух» [6], «слонов слонять» [6], “donkey work” [6]. Необходимо отметить, что ФЕ с компонентом названий птиц в русском языке имеют отрицательную коннотацию, а в английском – положительную.

Анализируемый материал наглядно показывает, что концепт «труд» в сознании англичан и русских связан с благосостоянием и достатком, мудростью и счастьем, отдыхом и удовольствием. Усердие и упорство, терпение и саморазвитие приводят к успеху и противопоставляются лени и безделью.

Таким образом, в английской и русской лингвокультурах концепт «труд» является ценностным, раскрывая отношение народов к работе и далее формируя их мировоззрение посредством «культурных кодов» в языке. Англичане серьёзно относятся к труду, народ порицает безделье и лень, а работа должна всегда выполняться качественно и тщательно. Отмечается влияние упорного труда на развитие личности. Это позволяет понять, что человек оценивается не по словам, а по его действиям и отношению к труду. В русской культуре отношение к труду двойственное. С одной стороны, представлено положительное отношение к работе, поддерживается стремление людей качественно работать, а безделье порицается. С другой стороны, у русского народа есть желание достичь результата, приложив к этому минимум усилий. В английской и русской лингвокультурах труд и трудолюбие представлены как нравственная ценность.

Список использованных источников

1. Бакауова, А. С. Системные характеристики социолингвокультурного концепта «труд» в русском и английском языковом сознании : специальность 6М020500 «Филология» – дис. магистр. / А. С. Бакауова ; Инновационный Евразийский университет. – Павлодар, 2014. – 73 с.
2. Бочегова, Н. Н. Национально-культурные прототипы концептов *work, job / труд, работа* в английской и русской лингвокультурах / Н. Н. Бочегова, Г. М. Самойлова //

- Вестник Курганского Государственного Университета. – 2019. – № 3. – С. 3–15. – URL: <https://e.lanbook.com/reader/journalArticle/557786> (дата обращения: 11.01.2025).
3. Гоннова, Т. В. Труд / Т. В. Гоннова // Антология концептов ; под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Москва : Гнозис, 2007. – С. 475–483.
4. Джененко, О. В. Картина мира – языковая картина мира – этническая картина мира / О. В. Джененко, Е. Ю. Куликова, В. О. Тинакина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 1 (1). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kartina-mira-yazykovaya-kartina-mira-etnicheskaya-kartina-mira> (дата обращения: 13.01.2025).
5. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике : учебник / Е. И. Зиновьева. – Санкт-Петербург : СПбГУ ; Нестор-История, 2016. – 182 с.
6. Мриничева, А. Зоонимы в русских пословицах и поговорках как зеркало национального менталитета / А. Мриничева. – Балахна, 2022. – 63 с.
7. Мудрые мысли, афоризмы, цитаты и высказывания о труде и работе. – URL: <https://dzen.ru/a/ZPsAhxzLQQ-jUQyo> (дата обращения: 12.03.2024).
8. Пословицы о труде. – URL: <https://m.posloviz.ru/category/trud> (дата обращения: 13.01.2025).
9. Прохоцкая, С. А. Взаимосвязь языка и культуры. / С. А. Прохоцкая // Записки горного института. – 2005. – № 160 (2). – С. 129–132.
10. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 13.01.2025).
11. Словарь пословиц и поговорок онлайн. – URL: <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 13.01.2025).
12. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Академический проект, 2004. – 992 с.
13. Столбовская, И. Английские афоризмы на тему «Труд и безделье. Work and Leisure» / И. Столбовская. – URL: <https://www.study.ru/article/angliyskie-aforizmy/angliyskie-aforizmy-na-temu-trud-i-bezdele-work-and-leisure> (дата обращения: 13.01.2025).
14. Федоров, М. А. Термин «Лингвокультура» в аспекте теории культуры / М. А. Федоров // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2014 – № 6 (2). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-lingvokultura-v-aspekte-teorii-kultury/viewer> (дата обращения: 14.01.2025).
15. Чернова, О. Е. Труд / О. Е. Чернова // Антология концептов ; под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Москва : Гнозис, 2007. – С. 484–497.
16. Hard Work Proverbs. The Library Of Proverbial Wisdom [Electronic Resource]. – Access mode: <https://proverbials.com/hard-work-proverbs>. (Access date: 13.01.2025).
17. Margulis, A. Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings / A. Margulis, A. Kholodnaya. – Jefferson, North Carolina and London: Mcfarland& Company, Inc. Publishers, 2000. – 487 p.

SOME FEATURES OF NOAM CHOMSKY'S SPEECH PORTRAIT

P. R. Abdulmuslimova,

*4th year student of English Philology Department, Institute of Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

Scientific adviser: Mazina E. N., PhD in Philology, docent of English Philology Department, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Introduction. The modelling of speech portraits as a method of describing the linguistic personality is becoming more and more popular in modern linguistics. In this field of knowledge, a sufficient experience of methodological and theoretical understanding of the phenomenon of speech portrait has been formed by Russian and foreign scholars. However, the theory needs to be backed with solid empirical data on peculiarities of speech portraits of famous personalities. Our study focuses on modelling the speech portrait of Noam Chomsky, an American linguist, philosopher, professor of linguistics at the Massachusetts Institute of Technology, author of the classification of formal languages called the Chomsky hierarchy. Noam Chomsky's work on generative grammars played a crucial role in the decline of behaviourism and further advanced the development of cognitive sciences [1].

The aim of this paper is to reveal the main features of the speech portrait of Noam Chomsky. **The objectives** of the research are as follows: to study the essence of the speech portrait; to characterise some phonetic, lexical, grammatical peculiarities of N. Chomsky's speech portrait.

The research methods are the descriptive method; the methods of structural, content and semantic analysis.

Main ideas and results. The pioneer of speech portraiture in linguistic discourse was a Soviet linguist and literary critic M. Panov, who proposed the idea of a phonetic portrait [4]. At the same time, a German linguist J. Weisgerber, Humboldt's follower, described the linguistic personality in the sociolinguistic context of the native language [5]. These studies were among the first prerequisites for the emergence of anthropocentric approach to language learning as well as the discipline of linguopersonology.

In the present study, speech portrait is defined as a set of specific phonetic, morphological, lexical and syntactic characteristics of the person's speech that manifests certain communicative intentions and strategies. A speech portrait gives us a chance to recognise the most striking features of the linguistic personality's speech.

In order to identify and generalise the main characteristics of Noam Chomsky's speech portrait, we analysed his "Interview on Language and Knowledge", with Professor Brian Magee [3], which is one of a series of interviews titled "Modern Philosophy".

The phonetic characteristics of the linguist's speech portrait include both individual and collective traits associated with the social environment. The collective traits are expressed in his manner of pronunciation, which includes some "dialect features of the Philadelphia and Boston accents" [2]. In particular, he pronounces "r" as "ah", which is typical of the Boston accent. At the same time, in Noam Chomsky's speech, we can notice a rise in the sound /ɔ/ and its diphthongization into /ɔɪ/, which is a specific feature of the Philadelphia dialect. N. Chomsky's individual speech style is characterised by clear and precise articulation, a slow pace that is suitable for audio perception, and intentional pauses between phrases, which emphasise key points.

The lexical features of the scholar's speech portrait are determined in general by a balance of neutral and formal (academic) vocabulary, which facilitates the discussion of intricate linguistic and philosophical concepts for a broader audience. Special terms from linguistics and philosophy, such as "*Generative Grammar*", "*Universal Grammar*", "*Empiricism*", "*Cognitivism*" [3], are interwoven with rhetorical devices such as lexical repetitions ("*...selection of **evidence**, distortion of **evidence**, creation of **evidence**...*" [3]), epithets ("*trivial generalisation*", "*illusory clarity*", "*great leap*", "*enormous implications*" [3]) and logical comparisons ("*...these changes seems to me very much **analogous** to growth the organs...*"; "*...it's more **like** trying to understand the underlying rules of a game by observing how people play it.*" [3]), enhancing the clarity, memorability, and persuasiveness of his arguments.

In the morphological structure of the scholar's speech, nouns and adjectives noticeably predominate; it indicates that Chomsky is especially interested in describing the qualities of objects, their essence ("*The **dominant picture** of **language** was that it is essentially a **system** of **habits** or **skills**, or **dispositions** to act and that is acquired through extensive **training**, **overtraining**, through **repetition**, perhaps, through **procedures** of **induction** or **generalization**, or **association***" [3]).

The syntax of N. Chomsky's speech is characterised by the predominance of complex sentence structures, which reflects the complexity of his thought processes and allows him to articulate the logical connections between his ideas, and cover the discussed problem in great detail ("*This state changes **until** it evolves into a mature state, **which**, as we define it, is a state of linguistic knowledge, and **which** ultimately represents the culmination of this developmental process*" [3]).

Conclusion. The speech portrait of Noam Chomsky allows us to characterise the linguist as a highly intelligent, reasonable, articulate and educated person. This is evidenced by the compliance of the scholar's speech with the established norms and the particular communicative situation at all levels of portrait analysis, by Chomsky's appealing to authoritative sources, as well as his desire to convey the essence of the actively discussed problem the philosophical nature of knowledge through the use of understandable and popular speech constructs.

References

1. Barsky, R. Noam Chomsky: A life full of dissent / Robert Barsky. – Massachusetts : MIT Press, 1997. – 256 p.
2. Kwon, S. Phonetic and phonological changes of Noam Chomsky : A case study of dialect shift [Electronic Resource] / Soohyun Kwon. – Access mode: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1679147719&tld=ru&lang=en>. (Access date: 18.03.2023).
3. Noam Chomsky interview on Language and Knowledge [Video] // YouTube. – Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=ZVXLo9gJq-U&t=711s>. (Access date: 16.02.2025).
4. Panov, M. V. The history of Russian literary pronunciation of the VIII–XIX centuries / M. V. Panov ; exec. ed. D. N. Shmelev. – Moscow : Nauka Publ., 1990. – 453 p.
5. Weisgerber, J. L. Native language and the formation of the spirit / J. L. Weisgerber ; transl. from German, author of the introductory article and comments O. A. Radchenko. – Moscow : Unified URSS, 2004. – 232 p.

FILMONYMS: GRAMMATICAL TRANSLATION ASPECT

E. R. Abdurefieva,

*3rd year student student of English Philology Department, Institute of Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

Scientific adviser: Radchenko T. A., senior lecturer of English Philology Department,
Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Introduction. In the realm of global cinema, film titles play a crucial role not only in identifying the artwork but also in encapsulating its essence and thematic core. These titles, referred to as “filmonyms” serve as a unique intersection of language, culture, and marketing that can influence audience perception even before the viewer engages with the content [1]. When films cross linguistic borders, their titles often undergo significant transformation to accommodate the grammatical, cultural, and contextual elements of the target language [3]. The translation of filmonyms from English into Russian, in particular, offers a compelling case study for examining the interplay between grammar and meaning. English and Russian are structurally distinct languages with different grammatical rules. When translating from English into Russian, the distinct grammatical structures of each language necessitate significant transformations that go beyond simple word substitution; these changes can involve altering verb tenses, adjusting noun cases, and modifying number agreements to maintain the intended meaning and emotional impact [2].

This paper analyzes 25 selected English horror film titles [4] and their Russian counterparts in order to explore the grammatical challenges and strategies employed by translators, shedding light on how these transformations influence perception by the audience and cultural resonance. By examining the interplay of language and culture in the translation of filmonyms, the study underscores the importance of grammatical awareness for effective cross-cultural communication within the global film industry.

The aim of this work is to analyze the methods of translating film titles from the grammatical point of view from English into Russian, how they change, and the difference in translating grammatical structures in both languages. Thus, it aims to conduct a comparative analysis of original titles and their translations to identify the effectiveness of the chosen translation methods and to search for optimal strategies for adapting film titles for the Russian audience based on the grammatical methods of interpretation.

The objectives of the work are as follows: to define filmonyms, to review literature on grammatical translation methods, analyze the grammatical structures of film titles in both source and target languages, examine how these structures influence the translation process and the final translated titles.

The research methods which were used in this paper are the methods of pragmatic, contextual and comparative analysis.

Main ideas and results. The difference in the principles of grammatical structure, expressed in the belonging of these languages to different grammatical groups, is reflected in significant differences between grammatical properties, for example, in the existence of dissimilar grammatical categories: articles in English, case forms in Russian; gerund in English, adverbial participle in Russian; fixed word order in English; etc.

There are many classifications of translation methods of grammatical structures of feature film titles. An expert of translation studies T. A. Kazakova identifies 6 grammatical translation methods according to the morphological transformations under conditions of **form difference** or lack of it in English and Russian languages [2]. They are as follows:

1. Full Translation is applicable when there is complete similarity in both grammatical forms and their meanings and functions in the source and target languages: «*Images*» – «*Видения*» (1972, USA); «*Don't Breathe*» – «*Не дыши*» (2016, USA); «*Nina Forever*» – «*Нина навсегда*» (2015, UK); «*28 Days Later*» – «*28 Дней Спустя*» (2002, UK); «*Bloody Sunday*» – «*Кровавое Воскресенье*» (2002, USA); «*Heretic*» – «*Еретик*» (2024, USA).

2. Zero Translation is used when the grammatical form matches in both the source and target languages, but the tradition of explicating certain content elements within that form does not align. This method is mostly applied in such cases where there are articles in the original movie titles in English. There is no need to compensate for the information related to the specified article, as it is mostly grammatical and does not impact the overall meaning of the message: «*The Shining*» – «*Сияние*» (1980, USA); «*The Killing of a Sacred Deer*» – «*Убийство Священного Оленя*» (2017, UK); «*The Others*» – «*Другие*» (2001, USA); «*The Cabin in the Woods*» – «*Хижина в лесу*» (2011, USA).

3. Functional Substitution is applied when the functions or meanings of similar grammatical forms do not coincide in the source and target languages; in such cases, the original form may be replaced with a different type of form in the target language based on functional similarity: «*Hellraiser*» – «*Восставший из Ада*» (1987, UK); «*Dead Alive*» – «*Живая мертвечина*» (1992, New Zealand); «*Unsane*» – «*Не в себе*» (2018, USA); «*Unfriended*» – «*Убрать из друзей*» (2014, USA); «*The Happy Death Day*» – «*С днем смерти!*» (2020, USA).

4. Conversion – changes the morphological status of a grammatical unit while retaining its meanings, it is applied when there are discrepancies between source and target languages: «*The Invisible Man*» – «*Человек-невидимка*» (2020, USA); «*Malicious*» – «*Зло*» (2017, USA); «*Warm Bodies*» – «*Тепло наших тел*» (2013, USA).

5. Expansion – splits a lexico-grammatical unit into components to convey information, typically used to convert synthetic forms into analytical ones based on context or grammatical rules; «*The Blair Witch Project*» – «*Ведьма из Блэр: Курсовая с того света*» (1999, USA); «*Men*» – «*Под мужской*» (2022, UK); «*It Follows*» – «*Оно приходит за тобой*» (2014, USA); «*Sorry, I Killed You*» – «*Простите, что вас убил*» (2020, USA); «*Housebound*» – «*Привязанные к дому*» (2014, New Zealand).

6. Compression – reduces the morphological form while preserving its meanings, used to express the same information more concisely in analytical contexts: «*The Loved Ones*» – «*Любимые*» (2009, Australia); «*It Chapter Two*» – «*Оно 2*» (2019, USA).

Conclusion. In conclusion, this study highlights the various methods employed in the translation of film titles from English to Russian, as categorized by T. A. Kazakova. The analysis identifies six key translation strategies based on morphological transformations under conditions of form similarity and difference. Each strategy addresses specific grammatical nuances and content discrepancies between the source and target languages. By examining these methods and their applications to notable horror film titles, the study illustrates how translators navigate the complexities of grammatical structures to maintain semantic integrity and cultural relevance.

Overall, this research outlines the critical role of grammatical awareness in achieving effective cross-cultural communication in the global film industry, enhancing both audience engagement and understanding of diverse cinematic narratives. Moving forward, continued exploration of the relationship between language and translation in film will prove invaluable, paving the way for further research and dialogue in this dynamic and evolving field.

References

1. Aleksandrova, O. I. Original and translated film titles as specific naming units / O. I. Aleksandrova // RUDN Journal of Language Studies : Semiotics and Semantics. – 2017. – No. 8 (4). – P. 1191–1199.

2. Antropova, A. V. The titles of American, English and Russian films: comparative characteristics and problems of translation : dissertation of the Candidate of Philology / A. V. Antropova. – Ekaterinburg, 2008. – 217 p.
3. Kazakova, T. A., *Prakticheskie osnovy perevoda* / T. A. Kazakova. – Saint Petersburg : «Izdatelstvo Soyuz», 2000. – 320 p.
4. Spisok 100 luchshix filmov uzhasov [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.film.ru/compilation/100-luchshih-filmov-uzhasov-po-versii-time-out>. (Access date: 05.03.2025).

УДК 82

ОБРАЗ ЛЕДИ МАКБЕТ В КИНОВЕРСИЯХ

П. М. Аметова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Полховская Е. В.,

*заведующая кафедрой английской филологии, к. ф. н., доцент, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Введение. Образ Леди Макбет занимает особое место в одноименной трагедии Уильяма Шекспира, являясь одним из наиболее сложных и многогранных женских персонажей мировой литературы. В кинематографе трактовка Леди Макбет варьируется от традиционного образа роковой женщины, побуждающей супруга к преступлению, до глубоко психологизированного портрета, раскрывающего ее внутренние конфликты, мотивы и социальные ограничения. **Актуальность** данной работы обусловлена необходимостью анализа трансформации образа Леди Макбет в кинематографе в контексте изменения культурных и социальных представлений различных эпох.

Целью данного исследования является анализ образа Леди Макбет в ключевых кинематографических адаптациях трагедии Шекспира, выявление специфики его интерпретации в разные исторические периоды и в разных культурных контекстах. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) проанализировать особенности экранизаций «Макбета» XX и XXI веков; 2) сопоставить трактовки Леди Макбет различными режиссерами; 3) определить основные художественные приемы и визуальные средства, используемые для построения образа персонажа в кино.

Методы исследования. В данном исследовании использованы сравнительно-исторический и интертекстуальный методы, а также элементы культурно-исторического анализа.

Результаты исследования. Образ Леди Макбет в кинематографе меняется в зависимости от художественных тенденций и социальных представлений о женщине. В классической экранизации О. Уэллса (1948) героиня представлена в духе традиционного театрального канона: как безжалостная, честолюбивая фигура, подчиняющая себе Макбета. В фильме Р. Поланского (1971) акцент сделан на телесности и жестокости мира, что придает персонажу реалистичность и подчеркивает ее власть над мужем через соблазн и манипуляции.

Современные адаптации, такие как фильм Дж. Курзеля (2015), предлагают иной взгляд на героиню, смещая акцент с демонической сущности к психологической

глубине. Здесь Леди Макбет показана как женщина, пережившая утрату ребенка, что становится основой для мотивации ее поступков. В мини-сериале BBC (2010) с Патрицией Франсис Леди Макбет предстает не только амбициозной, но и эмоционально уязвимой, что вступает в противоречие с ее действиями и создает драматическое напряжение.

Одним из ключевых аспектов изменения образа Леди Макбет в кино является визуальная интерпретация ее психического состояния. В фильме Орсона Уэллса сцены с Леди Макбет насыщены тенями, игра света и контраста усиливает ощущение ее роковой природы. В версии Поланского режиссер использует натуралистический стиль, делая акцент на физической реальности преступления, что позволяет рассматривать Леди Макбет не как абстрактную злодейку, а как женщину, вовлеченную в кровавую борьбу за власть.

В версии Курзеля цветовая гамма и композиция кадров подчеркивают связь персонажа с трагедией материнской утраты. Использование крупных планов на глаза и выражение лица Леди Макбет позволяет передать ее внутренний надлом, добавляя глубину ее образу. Подобная техника используется и в сериале BBC, где внимание к мимике и пластике актрисы акцентирует тонкую психологическую игру.

Еще одним важным аспектом является звучание голоса Леди Макбет в различных версиях. В классических постановках ее речь выделяется членораздельностью, четкой дикцией и доминирующим тоном. В более поздних версиях наблюдается смещение к эмоциональной неустойчивости: голос Леди Макбет дрожит, теряет уверенность.

Таким образом, анализируя различные киноверсии трагедии, можно сделать вывод, что образ Леди Макбет постепенно эволюционирует от одномерного злодейского архетипа к более многогранному и трагическому персонажу, глубина которого раскрывается через визуальные, звуковые и сюжетные приемы.

Выводы. Анализ киноинтерпретаций показывает, что образ Леди Макбет остается многозначным и подвергается переосмыслению в зависимости от времени и культурного контекста. Если в классических версиях преобладал образ коварной преступницы, то в современных трактовках внимание сосредоточено на внутренних переживаниях героини, что приближает ее к зрителю и лишает однозначной негативной оценки.

Список литературы

1. Брук, П. Пространство пустоты: заметки о театре / П. Брук. – Москва : Искусство, 2001. – 240 с.
2. Котов, Л. И. Интерпретация шекспировских образов в мировом кинематографе / Л. И. Котов. – Санкт-Петербург : Наука, 2017. – 312 с.
3. Хьюстон, Д. Шекспир в кино: история адаптаций / Д. Хьюстон. – Лондон : Routledge, 2004. – 356 с.
4. Холмс, Д. Психологические аспекты трагедии Шекспира / Д. Холмс // Вестник зарубежной литературы. – 2019. – № 3. – С. 45–59.
5. Уильямс, Р. Драма и социальные изменения / Р. Уильямс. – Кембридж : Cambridge University Press, 1994. – 289 с.

О РАЗРАБОТКЕ КОМПЛЕКСА УПРАЖНЕНИЙ ПО ФОРМИРОВАНИЮ НАВЫКОВ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В 8 КЛАССЕ

С. А. Баранова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Георгиади А. А., к. п. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. На современном этапе развитие методики обучения иностранным языкам характеризуется наличием ряда тенденций, среди которых значимое место занимает использование интернет-технологий в качестве одной из составных частей дидактической системы. В обучении письму на английском языке интернет-технологии (электронные мессенджеры, электронная почта, образовательные электронные ресурсы) не только способствуют овладению учащимися лексико-грамматическим материалом, но способны активизировать обучение, т.к. являются популярным способом коммуникации. В такой ситуации не утрачивает актуальности поиск новых способов формирования навыков письменной речи у учащихся средней школы.

Целью данного исследования является описание комплекса упражнений, направленного на формирование навыков англоязычной письменной речи у учащихся 8 класса.

Задачи исследования: уточнить сущность обучения англоязычному письму и письменной речи в 8 классе; охарактеризовать цели, содержание и трудности обучения англоязычной письменной речи; описать комплекс упражнений для формирования навыков англоязычной письменной речи у учащихся 8 класса.

Методы исследования. В работе использованы методы теоретического анализа, обобщения и сравнения, а также метод педагогического эксперимента.

Результаты исследования. В педагогической практике под обучением письму понимают технологию овладения графическими, орфографическими, пунктуационными навыками, которые становятся опорой для обучения письменной речи – сложной творческой деятельности, направленной на выражение мыслей в письменной форме [3, с. 72–73].

Согласно требованиям Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования, обучение иностранному языку должно быть ориентировано на достижение допорогового уровня А 2 [2]. Очевидно, что обучение иноязычной письменной речи в 8 классе будет характеризоваться переходом от ранее сформированного уровня А 1 к уровню А 2. Общие требования к письменной речи на данном этапе обучения заключаются в переходе от реализации умений предоставлять информацию по вопросам, имеющим личное значение (о симпатиях и антипатиях, семье, домашних животных), используя простые слова / знаки и основные выражения; составлять простые изолированные фразы и предложения к овладению навыками составлять серию простых фраз и предложений, связанных простыми соединителями, такими как «и», «но», «потому что». В результате учащиеся должны быть готовы применять приобретенные навыки в творческих работах, докладах и эссе, письменном личном общении, заполнении анкет и формуляров (в том числе онлайн), в ходе онлайн-транзакций и совместной работы [4, с. 66–87].

Отечественные методисты выделяют в обучении письменной речи практическую (овладение межкультурными коммуникативными компетенциями и развитие учебных умений), воспитательную (формирование мировоззрения и системы моральных ценностей), общеобразовательную (расширение кругозора учащихся) цели [1, с. 5]. Основные задачи включают развитие языковых и интеллектуальных навыков, поддержку ученика в раскрытии его индивидуальности и формировании личности. В процессе овладения письменной речью учащиеся сталкиваются с трудностями на графическом (сходство и различия букв в родном и иностранном языке); графемно-фонемном (соответствия букв звукам); орфографическом (звуко-буквенные и буквенно-звуковые различия); пунктуационном уровнях [3, с. 43]. Эта специфика была учтена при разработке комплекса упражнений по формированию навыков письменной речи с использованием интернет-технологий (презентаций, интерактивной доски, аудиодиктантов, видео, электронной почты и образовательных онлайн-платформ).

На отработку навыков грамматики, орфографии, написания различных типов письменных текстов направлены презентации, иллюстрирующие новый лексико-грамматический материал. Пошаговое введение новой лексики в формате текстов с пропущенными словами и фразами для заполнения, исправление текстов с ошибками осуществляется при помощи интерактивной доски. Написание аудио-диктантов помогает учащимся развивать навыки аудирования и фокусирует внимание на грамматике и правилах пунктуации: учащиеся заполняют текст с пропущенными словами, расставляют предложения в правильном порядке, выполняют задания в соответствии с прослушанным текстом. Просмотр видео влияет на эмоциональную сферу и мотивирует учащихся писать сочинения, отвечать на вопросы учителя и делать пересказы, опираясь на содержание просмотренного сюжета. Это способствует формированию лексико-грамматических, орфографических и пунктуационных навыков, развивает критическое мышление. Использование электронной почты для проверки заданий позволяет формировать навыки официальной коммуникации. Обращение к образовательным онлайн-платформам позволяет дифференцировать содержание обучения и готовить учащихся к пользованию английским языком вне школы.

Выводы. Таким образом, представленный комплекс упражнений для формирования навыков английской письменной речи у учащихся 8 класса позволяет адаптировать учебный материал под потребности и интересы обучающихся, что будет способствовать достижению оптимальных результатов в обучении.

Список литературы

1. Жукова, Н. А. Практический курс методики обучения иностранному языку: Практикум / Н. А. Жукова. – Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2020. – 108 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования : [официальный сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/401433920/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 07.02.2025).
3. Щукин, А. Н. Методика преподавания иностранных языков : учебник для студ. учреждений высш. образования / А. Н. Щукин, Г. М. Фролова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2015. – 288 с.
4. Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment [Electronic Resource]. – Access mode: <http://www.coe.int/lang-cefr>. (Access date: 07.02.2025).

МОТИВНАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА ЛОНДОНА В РОМАНЕ ПИТЕРА АКРОЙДА «ВЕЛИКИЙ ЛОНДОНСКИЙ ПОЖАР»

А. С. Бройченко,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Полховская Е. В.,

*заведующая кафедрой английской филологии, к. ф. н., доцент, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Введение. «Великий лондонский пожар» (1982) – первый роман Питера Экройда – не исторический, как можно было бы ожидать из его названия; действие в нем полностью разворачивается в наше время.

Первый роман Экройда «Великий лондонский пожар» является пересказом темы «Крошки Доррит» Диккенса. В то же время это в высшей степени оригинальное произведение, свидетельствующее о существовании индивидуального «акройдовского» стиля. В нем писатель впервые предстает как создатель современной мифологии, поэтически запечатлевший образ современного Лондона.

Целью работы является определение мотива огня и пожара в романе Питера Акройда «Великий лондонский пожар».

Методами исследования являются культурно-исторический, а также типологический и психологический подходы, методы стилистического, нарративного и вербального анализа.

Результаты исследования. Мотив в системе литературной тематики является эффективным инструментом, который часто используется авторами при написании своих произведений. И. В. Силантьев определяет мотив как «носитель устойчивых значений и образов повествовательной традиции и одновременно как повествовательный элемент, участвующий в сложении фабул конкретных произведений» [1, с. 9–10].

Мотив, будучи обобщением единиц повествования, является единицей обобщенного уровня повествования. В качестве такового «он обретает определенные фабульные и сюжетные свойства и функции» [1, с. 79].

Сквозь роман Питера Акройда «Великий лондонский пожар» проходят определенные мотивы, из которых, как из элементов пазла, складывается образ Лондона. Из мотивов, прослеживающихся в романе, можно выделить: мотив *огня и пожара*, представление о *городе как о тюрьме*, *мотивы реки и моста*, *театра*.

Мотив огня и пожара заложен автором в самом названии романа «Великий лондонский пожар». «Великим» становится пожар, устроенный Одри и Крошкой Артуром: «То, что получило имя Великого пожара, ... принесло несчастье и разруху в город» [2, с. 62].

Пожар в романе является отсылкой для читателей к цепочке сокрушительных катастроф: к пожару 1666 г., а также к пожару 1885 г., уничтожившему остатки тюрьмы Маршалси.

Намеки на пожар рассыпаны по всему тексту романа: оглушительный вой пожарных сирен разрывает тишину лондонских улиц, проникая в дома и жилища,

пожарные машины спешат к месту трагедии, Одри и Летиция смотрят шоу о буднях пожарной бригады и т.д.

Пожар в романе Акройда становится развязкой всех сюжетных линий и переплетений, оставляя после себя только истинно ценное. «Пламя бушевало день и ночь. Тиму казалось, что огонь может гореть вечно, пожирая весь Лондон» [2, с. 63]. В пожаре исчезает симулякр кинопавильона на берегу Темзы, и вместе со своим детищем погибает его создатель Спенсер Спендер. С. Онега называет «великий Лондонский пожар» в романе апокалиптическим, «знаменующим переход из одного исторического цикла в следующий» [3, с. 19]

Конец света, обретший форму неконтролируемого пламени, несет с собой противоречивые разрушения невероятных масштабов: «Пожар разрушил многое, что было фальшивым и ужасным, и многое, что было великолепным и прекрасным» [2, с. 61]. Одновременно он является очистительным пламенем, сжигающим все наносное и искусственное. Ведь для Одри весь проект по экранизации «Крошки Доррит» с самого начала является ошибкой, «насмешкой» (*mockery*). С ее точки зрения, она «оказывает Лондону услугу», сжигая декорации, очищая город, возвращая реальность.

Выводы. Таким образом, мотив в произведении Питера Акройда «Великий лондонский пожар» не только служит связующим звеном между различными сюжетными линиями, но и выполняет глубокую символическую функцию. Пожар становится метафорой разрушения и очищения, отражая как исторические катастрофы, так и внутренние конфликты персонажей. Через образы огня и разрушения автор передает идею о необходимости избавления от фальши и искусственности, что в конечном итоге ведет к обновлению и возвращению к истинным ценностям. Таким образом, мотивы, пронизывающие роман, создают многослойный образ Лондона, который является не только географическим местом, но и символом более широких процессов, происходящих в обществе. В этом контексте «Великий лондонский пожар» становится не просто историческим событием, а мощным художественным инструментом, способствующим осмыслению сложных тем жизни и человеческой судьбы.

Список литературы

1. Клименко, Е. С. Урбанистическое пространство: образ города-театра в романе П. Акройда «Процесс Элизабет Кри» / Е. С. Клименко // Мультикультурализм в современном художественном мышлении : сборник научных статей. – Тюмень : Типография «Печатник», 2007. – С. 60–63.
2. Силантьев, И. Поэтика мотива / И. Силантьев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Москва, 2004. – 295 с.
3. Ackroyd, P. The Great Fire of London / Peter Ackroyd. – London : Abacus, 1982. – 192 p.
4. O'neaga, S. Metafiction and Myth in the Novels of Peter Ackroyd / S. O'neaga. – New York, 1999. – 190 p.

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОГО РОМАНА ХАНТЕРА С. ТОМПСОНА «АНГЕЛЫ АДА»

Я. А. Выхорь,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Ломакина И. Н.,

*к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Введение. 60–70-е гг. XX в. в США отмечены ростом интереса к жанрам нон-фикшн, автобиографии и мемуаров. Это связано со значительными изменениями в социально-политической системе страны (война во Вьетнаме, политические убийства, развитие движения хиппи, борьба чернокожих и женщин за равные права). В этих условиях литература выполняет важнейшую функцию – отражение состояния общества и те изменения, которые в нём происходят.

Хантер Стоктон Томпсон является одним из самых неоднозначных американских писателей рубежа XX–XXI вв. Вся его писательская и журналистская деятельность была ознаменована стремлением отразить основные социально-политические события, происходящие в США во второй половине XX в. В своих произведениях автор стремился выявить, проанализировать, классифицировать и систематизировать те социально-политические изменения, которые происходили в Америке. **Актуальность исследования** обусловлена интересом отечественных и зарубежных учёных к «новому журнализму» и в то же время недостаточной изученностью жанрового своеобразия романа Х. С. Томпсона «Ангелы Ада».

Цель работы – выявить жанровые особенности художественно-документального романа Хантера С. Томпсона «Ангелы Ада».

Поставленная цель обуславливает необходимость решения следующих **задач**: 1) изучить «новый журнализм» Хантера С. Томпсона и его роль в американской литературе XX в.; 2) определить жанровые особенности романа «Ангелы Ада».

Методы исследования включают в себя описательный метод, метод структурного анализа, типологический и герменевтический подходы, а также общеполитические методы анализа и синтеза.

Результаты исследования. Хантер Стоктон Томпсон является важной фигурой в истории американской и мировой литературы и журналистики. Его рассматривают как основателя гонзо-журнализма. В художественно-документальной прозе Хантера С. Томпсона открываются новые формы для функционирования образа автора в нон-фикшн [1]. В своих произведениях автор придерживался четырех основных техник «нового журнализма»:

– выстраивание материала сцена-за-сценой, когда повествование внезапно переходит от одного эпизода к другому, без долгих исторических экскурсов;

– обязательное присутствие автора на месте происшествия, детальная фиксация диалогов персонажей, позволяющая наилучшим образом раскрыть их личность через речь;

– принцип «хамелеона»: возможность посмотреть на определённое явление глазами его участников, перманентное изменение точки зрения, когда автор позволяет вмешаться во внутренний мир очевидцев события;

– детализация статуса: описание жестов действующего лица, его характера, привычек и манер, интерьера и т. д. [2].

Проведённый анализ позволил установить, что роман «Ангелы Ада» принадлежит к «новому журнализму». Особенности произведения являются документализм, фактологичность, репортажная форма, диалогизм, детализация статуса [5]. Важным является присутствие автора на месте событий.

Произведение Хантера С. Томпсона можно назвать «бунтарским», т. к. в нём отражено противодействие «ангелов» традиционной Америке, с её устоявшимися ценностями и взглядами. Бунтарский образ автор основывает на противостоянии традиционным ценностям, среднему классу, который автор называет «цивилами».

Бунтарский характер произведения основан на понятии «контркультура». При этом, нужно отметить, что контркультура не ставит своей целью противостояние основным государственным ценностям и принципам, а выступает против их искажения истеблишментом.

Хантеру С. Томпсону удалось нарисовать запоминающийся портрет бунтаря, позволяющий читателю глубже понять динамику социальных процессов в Америке того времени. Однако, в произведении бунтарём являются не только герои, но и сам автор. В жизни противостояние и социальная реакция Хантера С. Томпсона проявлялись в участии писателя в различных акциях протеста и митингах.

Выводы. Жанровое своеобразие романа Хантера С. Томпсона «Ангелы Ада» заключается в документализме, фактологичности, преобладании репортажной формы. Достоверность повествования достигается присутствием автора (нарратора) в эпицентре развивающихся событий.

Список литературы

1. Вулф, Т. Новая журналистика и антология новой журналистики / Том Вулф ; пер. с англ. Д. А. Благов, Ю. А. Балаян. – Санкт-Петербург : Амфора, 2008. – 574 с.
2. Коновалова, Ж. Г. Контркультура и «американская мечта»: трансформация концепции «мечты» в художественно-документальных книгах Х. Томпсона, Т. Вулфа / Ж. Г. Коновалова // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 2 (24). – С. 184–188.
3. Томпсон, Х. С. Ангелы ада / Х. С. Томпсон. – Москва : Гудьял-Пресс, 2001. – 541 с.
4. Davies, D. R. The Postwar Decline of American Newspapers : 1945–1965 (The History of American Journalism) / David R. Davies. – Westport, Connecticut : Praeger Publishers, 2006. – 186 p.
5. Weingarten, M. The Gang That Wouldn't Write Straight : Wolfe, Thompson, Didion, and the New Journalism Revolution / Marc Weingarten. – New York : Three Rivers Press, 2005. – 325 p.

ОСОБЕННОСТИ ПЕЙЗАЖНЫХ ОПИСАНИЙ В РОМАНЕ ДАФНЫ ДЮМОРЬЕ «РЕБЕККА»

Э. Э. Ибрагимова,

*обучающаяся 3-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Ломакина И. Н.,

*к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Введение. Изучение особенностей пейзажных описаний в литературе имеет большую актуальность, поскольку пейзажи играют важную роль в создании образов и атмосферы произведения. Они позволяют читателю визуализировать происходящее. Пейзажные описания способны создавать эмоциональную окраску произведения, передавать настроение и чувства героев и авторскую точку зрения. Автор может использовать определённые элементы природы или ландшафта для передачи скрытых значений и смыслов. Значимость литературного пейзажа, а также интерес отечественных и зарубежных учёных к видовой и функциональной специфике пейзажных описаний свидетельствует об **актуальности** данного исследования.

Целью исследования является характеристика художественного описания пейзажа в романе Д. Дюморье «Ребекка». В соответствии с поставленной целью предполагается решить следующие **задачи**: раскрыть понятие «пейзаж», исследовать его возникновение и эволюцию в художественной литературе; выделить разновидности пейзажа и изучить его функции в художественном произведении; проанализировать виды и функции пейзажа в романе «Ребекка».

Методы исследования. В исследовательской работе используются метод текстового анализа, описательный метод, метод структурного анализа, герменевтический подход, общепhilosophические методы анализа и синтеза.

Результаты исследования. Пейзаж играет важную роль в создании атмосферы произведения и помогает читателю визуализировать мир, описанный автором. «В художественном произведении пейзаж может выполнять несколько функций: служить фоном для действия, характеризовать местность и колорит, а также выступать как зеркало душевного состояния героев, демонстрируя эмоциональную картину. Пейзаж также может обозначать место, время и обстановку действия, что помогает читателю легко представить себе, где и когда происходит действие» [2].

Роман «Ребекка» Дафны Дюморье, опубликованный в 1938 г., является одним из самых известных произведений английской литературы XX в. Это готический роман, в котором переплетаются элементы детектива, психологической драмы и мистики.

В исследуемом романе Д. Дюморье демонстрирует мастерское использование пейзажа как неотъемлемой части повествования. Мэндерли – не просто место действия, а полноценный персонаж, символ прошлого, тайн и эмоционального состояния героев. Величественный дом широко известен своей красотой, но он скрывает мрачные тайны: измены Ребекки и её убийство Максимом. Временами Мэндерли кажется воплощением Ребекки, поскольку её влияние здесь до сих пор чувствуется в каждой детали, от обстановки до меню: *“There was Manderley, our Manderley, secretive and silent as it had always been, the grey stone shining in the moonlight*

of my dream, the mullioned windows reflecting the green lawns and the terrace. Time could not wreck the perfect symmetry of those walls, nor the site itself, a jewel in the hollow of a hand" [3, с. 6].

Для владельца поместья, Максима де Уинтера, Мэндерли является крепостью и символом тягостного прошлого. Для новой же миссис де Винтер поместье представляет собой непреодолимую преграду, связанную с образом Ребекки: *"This drive twisted and turned as a serpent, scarce wider in places than a path, and above our heads was a great colonnade of trees, whose branches nodded and intermingled with one another, making an archway for us, like the roof of a church. Even the midday sun would not penetrate the interlacing of those green leaves, they were too thickly entwined, one with another, and only little flickering patches of warm light would come in intermittent waves to dapple the drive with gold. It was very silent, very still"* [3, с. 89]. Автор сравнивает извилистую подъездную дорожку со змеёй, а сплетающиеся ветви деревьев – со сводом церкви.

Море и погода часто используются для передачи настроения и эмоций персонажей. Например, шторм и туман символизируют неопределённость и опасность, связанные с прошлым Максима и тайнами Ребекки: *"I could see the sea from the terrace, and the lawns. It looked grey and uninviting, great rollers sweeping in to the bay past the beacon on the headland"* [3, с. 161].

Описания растений, таких как рододендроны, также служат для передачи настроения и атмосферы. Они могут символизировать красоту и опасность. Рододендроны олицетворяют Ребекку: *"The rhododendrons stood fifty feet high, twisted and entwined with bracken, and they had entered into alien marriage with a host of nameless shrubs, poor, bastard things that clung about their roots as though conscious of their spurious origin"* [3, с. 7]. По ходу романа значение этого символизма становится очевидным, поскольку читатели узнают всю правду о тайной жизни Ребекки.

Эти алые цветы также растут за окнами утренней гостиной, которую любила первая миссис де Уинтер, и расставлены по всей комнате, символизируя подавляющее присутствие Ребекки в Мэндерли. Описание цветов посредством использования эпитетов *blood-red, slaughterous red, luscious, fantastic* наводит на мысль о насилии, крови и чувственности. Цветы также олицетворяют изменения в поместье Мэндерли: *"...the tall shrubs looked dark and drab now that the colour had gone"* [3, с. 320]. Однако новые цветы, голубые гортензии, не меняют образ Мэндерли; в развязке сюжета поместье сгорает.

В целом, пейзаж в «Ребекке» не только служит фоном для действия, но и является его активным участником, влияющим на эмоции и судьбы персонажей.

Выводы. Пейзажные описания в романе «Ребекка» Дафны Дюморье имеют важное значение для создания образа произведения, атмосферы и внутреннего мира главных героев. Мэндерли – не просто место действия, а полноценный персонаж, символ прошлого, тайн и эмоционального состояния героев. Описания природы, моря, растений, погоды не только создают атмосферу, но и усиливают психологическое напряжение, символически отражая внутренние переживания персонажей. При создании пейзажных описаний автор использует красочные эпитеты и сравнения.

Список литературы

1. Левина, Н. Н. Пейзаж как универсальный компонент в художественном нарративе / Н. Н. Левина // Финно-угорский мир. – 2016. – № 1. – С. 30–31.
2. Лабузная, В. Ю. Компаративный анализ экранизаций романа «Ребекка» Дафны Дюморье. Хронотоп замка / В. Ю. Лабузная // Художественная культура. – 2021. – № 4 (39). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komparativnyy-analiz-ekranizatsiy-romana-rebekka-dafny-dyumorie-hronotop-zamka> (дата обращения: 09.03.2025).
3. Du Maurier, D. Rebecca / Daphne du Maurier. – London : Curtis Brown, 1938. – 512 p.

ТЕКСТ ГОРОДА В ПРОЗЕ МАУРИН ЛИ

С. В. Ильина,

обучающаяся 3-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Ломакина И. Н.,

к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь

Введение. Описание места действия в литературе играет ключевую роль в передаче идей, эмоций и смысловых глубин произведения. Оно помогает читателям визуализировать происходящее, что способствует более глубокому пониманию изображаемых сцен и персонажей. Насыщенный символическим значением, текст города позволяет авторам выразить сложные идеи или концепции через словесные ассоциации и образы.

Целью исследования является описание образа города в романе Маурин Ли «Танцующие в темноте» (*Dancers in the Dark*, 1999). Согласно поставленной цели, предполагается решить следующие **задачи**: раскрыть понятия «образ» и «топозкфрасис»; выявить основные виды образов и рассмотреть их применение в художественной литературе; проанализировать роман «Танцующие в темноте» и выявить образ Ливерпуля и Керкби, созданный автором.

Основными **методами исследования** послужили описательный метод, метод структурного анализа, метод текстового анализа, герменевтический подход, общепсихологические методы анализа и синтеза.

Результаты исследования. Рассматривая важность текста города в произведении, можно отметить, что он является основой многих образов и символов. Он не только описывает внешние детали, такие как улицы и здания, но и создаёт контекст, в котором эти образы обретают смысл. Городской текст позволяет авторам передавать тонкие нюансы чувств, мыслей и переживаний персонажей, а также атмосферу. Важно понимать, что именно текст формирует структуру произведения, его ритм и стиль, что в конечном итоге влияет на восприятие образов и идей, заложенных автором.

Топозкфрасис – изображение архитектурного сооружения / сооружений в художественной литературе. О. Клинг определяет топозкфрасис как «описание в литературном произведении места действия, которое несёт на себе особую эстетическую нагрузку» [1, с. 105]. Можно сказать, что топозкфрасис выполняет своего рода интермедийную функцию и вместе с тем подчёркивает значение отдельного топоса в тексте.

В романе Маурин Ли «Танцующие в темноте» центральную роль играют два города – Ливерпуль и Керкби. Впечатление читателя о этих местах формируется через чувства, эмоции и реплики главных героинь, Милли Кэмерон и Фло Клэнси.

Красочные описания природы Ливерпуля, уютных улочек создают неповторимую атмосферу. Однако, стоит отметить, что данный литературный приём употребляется в основном при описании города в период жизни Фло, а не Милли. Можно предположить, что данный факт обусловлен ритмом жизни наших современников, которые вынуждены проводить свои дни в постоянной спешке, чтобы

успеть сделать всё задуманное: “William Square began to wake up to the new day: cars drove away, others came to take their place...children shrieked on their way to school...” [3, с. 169]. То же самое происходит и с Милли: она вынуждена обращать внимание в первую очередь на свои проблемы и разгадку семейной тайны: “Still I waited by the car...For the first time, I noticed the pretty gardens... I’d centred my loathing on the place when it was my life that was wrong!” [3, с. 231]. Ритм жизни Фло, в свою очередь, более размеренный, т.к. она работает обычной швеёй за небольшие деньги, но не смотря на это, автор погружает нас в атмосферу города именно военного периода, чтобы показать всю боль и страдания не просто одного отдельного персонажа и его семьи, а целого народа: “The war had been over for three months, the lights were on again and the celebrations, the parties, the dancing in the street were just memories” [3, с. 196]. Маурин Ли уделяет большое внимание деталям, которые помогают нам лучше прочувствовать всю атмосферу того времени, эмоции страха, смирения, разрушения и потери, характерные для жителей военного Ливерпуля: “There was rarely any sign of public transport and she had to make her way carefully along pavements carpeted with splintered glass, passing the sad, broken remains of buildings that had been the landmarks of lifetime, and the little streets with yawning gaps where houses had been only day before” [3, с. 178].

Выводы. Образ города в романе Маурин Ли «Танцующие в темноте» имеет ключевое значение, т.к. через контрастные описания Ливерпуля в разные временные периоды автор изображает судьбы главных героинь. Эти городские пейзажи не только подчёркивают различия в их жизненных путях, но и усиливают эмоциональное восприятие читателя. Таким образом, текст города становится важным инструментом для передачи настроения и динамики сюжета, влияя на эмоциональное состояние читателей и углубляя их сопереживание героиням.

Список литературы

1. Клинг, О. А. Топоэкфрасис : место действия как герой литературного произведения (возможности термина) / О. Клинг // Экфрасис в русской литературе : сборник трудов Лозаннского симпозиума. – Москва : МИК, 2002. – С. 97–110.
2. Рябкова, Т. В. Художественный образ города в изобразительном искусстве / Т. В. Рябкова // Известия Байкальского гос. университета. – 2020. – Т. 30. – № 2. – С. 205–210.
3. Lee, M. Dancers in the Dark / Maureen Lee. – London : Orion, 1999. – 378 p.

УДК 801.73

BARBIE: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КИНОТЕКСТА

А. Е. Котова,

обучающаяся 3-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Радченко Т. А., старший преподаватель кафедры
английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В данном исследовании анализируются коммуникативные стратегии в кинотексте фильма *Barbie* (2023). Образ Барби является отражением поп-культуры, и изучение коммуникативных стратегий позволяет определить семантические и прагматические инструменты воздействия на зрителя. **Актуальность** изучения данной

проблемы обусловлена необходимостью понимания механизмов влияния поп-культуры на социальные нормы и ценности транслируемых ею сообщений.

Целью данного исследования является выявление коммуникативных стратегий, использованных в фильме *Barbie* (2023). В связи с поставленной целью были определены следующие задачи исследования: 1) изучить сущность терминов «кинотекст» и «коммуникативная стратегия»; 2) определить коммуникативные стратегии в кинотексте *Barbie* (2023); 3) провести анализ применяемых стратегий.

Методы исследования. В исследовании использованы следующие методы: элементы дискурса-анализа, концептуальный, а также контекстуальный анализ.

Результаты исследования.

Кинотекст – сложный многоуровневый феномен, представляющий собой не просто набор образов и звуков, а цельную знаковую систему со своими правилами. Для анализа наиболее продуктивен подход, рассматривающий кинотекст как креолизованный текст, синтез различных знаковых систем; каждая из этих систем имеет свой «язык», свои единицы и правила сочетаемости. Это позволяет применить к кинематографическим произведениям инструментарий, разработанный в рамках семиотики, теории текста и других лингвистических дисциплин.

Ю. М. Лотман предложил следующий подход к анализу структуры кинотекста [2], выделив в нем три основных повествовательных тенденции:

1) изобразительная. Кинотекст как «движущаяся живопись», где визуальный ряд (кадры, ракурсы, монтажные переходы) становится ведущим, организует визуальное повествование, передавая зрительные образы, детали и динамику действия;

2) словесная. Вербальный компонент кинотекста (диалоги, закадровый текст, титры), необходимый для дополнения, уточнения, комментирования визуального ряда;

3) музыкально-звуковая. Звуковое сопровождение фильма (музыка, шумы, звуковые эффекты) создает определенную аудиальную среду, усиливает эмоциональное воздействие на зрителя, может выступать в роли нарративного элемента.

Только комплексное взаимодействие трех повествовательных тенденций полностью раскрывает художественно-повествовательный потенциал фильма. В рамках данного исследования кинотекст в основном рассматривается в рамках словесной тенденции.

О. С. Иссерс определяет коммуникативную стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [1, с. 54], т. е. совокупность конкретных шагов, направленных на достижение определенной цели в общении. Лингвист подчеркивает значимость этапа планирования, на котором определяются цель общения и используемые тактики, средства и приёмы.

В целом, коммуникативные стратегии представляют собой комплекс речевых действий, предназначенных для решения конкретной коммуникативной задачи, и реализуются посредством коммуникативных тактик. Стратегия обеспечивает долгосрочный результат (например, влияние на мировоззрение), тактика же представляет собой совокупность коммуникативных приемов и реализуется на отдельных этапах общения с целью установления и поддержания контакта, развития разговора, убеждения, и т.д. [4, с. 4].

Особенностью коммуникативных стратегий кинотекста является мультимодальность: сочетание словесных, визуальных, звуковых, других коммуникативных средств, что позволяет управлять вниманием зрителя, вызывать эмоциональный отклик, формировать восприятие информации.

В ходе исследования было выявлено, что в кинотексте фильма *Barbie* (2023) содержатся две основные коммуникативные стратегии, реализуемые за счет различных

тактик. Для анализа использовалась классификация коммуникативных стратегий, предложенная О. Л. Михалёвой [3]:

1. Стратегия на повышение статуса Барби. Стратегия на повышение связана с желанием говорящего показать себя с лучшей стороны. Данная стратегия реализуется посредством следующих тактик:

- тактика анализ-«минус», заключающаяся в критическом рассмотрении ситуации без прямого выражения негативного отношения к ней или её участникам. Например, она демонстрирует негативные стороны социальных условий для женщин, чтобы вызвать эмоциональный отклик у зрителя и изобразить девочек жертвами своего положения.

- тактика презентации – представления кого-либо в выгодном свете, при этом говорящий напрямую указывает на положительные качества. Например, *“Yes, Barbie changed everything! Then, she changed it all again. <...> Because Barbie can be anything, women can be anything”* (демонстрирует её независимость и уверенность в себе), *“Pink just looks so good on us / P, pretty / I, intelligent / N, never sad / K, cool”* (описывает Барби как привлекательную, умную, жизнерадостную и крутую). Так режиссёр использует описанные тактики для создания положительного образа Барби, изображая её в качестве вдохновительницы образа эмансипированной сильной женщины.

2. Развлекательная стратегия, оказывающая релаксационное действие на зрителя. Её наличие видится обоснованным в силу функциональных особенностей кино, а также принадлежности фильма к жанру комедии. Реализуется в рамках тактики иронизирования.

- Тактика иронизирования заключается в осуществлении воздействия за счёт контраста между сказанным и подразумеваемым. Она используется для демонстрации насмешки, сарказма или критики, чтобы вызвать эмоциональную реакцию у собеседника или аудитории. Например, *“Thanks to Barbie all problems of feminism and equal rights have been solved! At least that’s what the Barbies think”* (демонстрирует несоответствие между воображаемым вкладом Барби в эмансипацию и реальным влиянием на женщин, что вызывает комический эффект).

Однако зачастую развлекательная стратегия является вспомогательной по отношению к стратегии повышения статуса – режиссёр заигрывает со зрителем, создавая иллюзию осознания недостатков и противоречий героев через самоиронию. Тем не менее, это не работает в силу того, что ни одна из поднятых проблем в фильме окончательно так и не находит решения. В частности, в фильме затрагиваются проблемы гендерного неравенства, положения мужчины и женщины в системе патриархата, капитализма, задается ряд острых открытых вопросов, об ответах на которые, видимо, предстоит задуматься зрителю.

Выводы. Представленные коммуникативные стратегии (направленная на повышение статуса Барби и развлекательная) выполняют комплементарную функцию, обе они направлены не только на развитие сюжета, но в значительной степени на поддержание позитивного образа Барби, в том числе с целью повышения оборота продаж компании создателей знаменитой куклы.

Список литературы

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва : ЛКИ, 2008. – 288 с.
2. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин : Ээсти Раамат, 1973. – 92 с.
3. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

УДК 371.398

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО РОМАНА ДЖ. М. КУТЗЕЕ «БЕСЧЕСТЬЕ»

А. Ю. Кравец,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Верзун Е. Н., старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Англоязычная университетская проза стала одним из ярчайших литературных явлений рубежа XX–XXI вв. и попала в число интеллектуальных хитов последних десятилетий.

Как особое художественное явление университетский роман был осознан ещё в 1950–1960-х годах, и важную роль в его становлении сыграла студенческая революция бурных шестидесятых. С самого начала произведения об академической среде были весьма разнородны, однако в 1970–1990-е ситуация изменилась: в университетской прозе начинают преобладать работы, написанные с реалистических позиций. Главное в них – бытописательская сторона (нравы, уклад жизни, ценности академической среды, персонажи – типичные студенты и преподаватели), постановка и обсуждение насущных нравственных и социальных проблем. **Актуальность** настоящего исследования определяется следующими факторами: интересом современных литературоведов к изучению университетской прозы; важностью выявления особенностей данного жанра для обозначения тенденций развития современного университетского романа.

Цель работы заключается в выявлении жанровой специфики университетского романа Дж. М. Кутзее «Бесчестье». В соответствии с поставленной целью были определены следующие **задачи**: 1) охарактеризовать сущность понятия «университетский роман»; 2) определить жанровые особенности университетского романа Дж. М. Кутзее «Бесчестье».

Методы исследования. В данном исследовании использованы культурно-исторический и герменевтический подходы, метод структурного анализа, а также описательный и сопоставительный методы.

Результаты исследования. «Университетский роман» является жанровой разновидностью современной литературы, где в последнее время наблюдается настоящее возрождение реалистического романа – бытописательского, социально-критического и психологического.

Университетский роман представляет собой произведение, «действие которого разворачивается в замкнутом пространстве университета или кампуса, описывая жизнь его обитателей в контексте межличностных и социальных конфликтов» [1]. Д. Лодж выделяет два подвида университетских романов: 1. собственно университетские романы, действия которых разворачиваются в Оксбридже, а главными героями выступают студенты и их быт; 2. кампусные романы, описывающие жизнь

преподавателей высших учебных заведений, их взаимоотношения с окружающими, взгляды на жизнь [2].

Тематика университетского романа тесно связана с общественными настроениями и затрагивает такие серьезные проблемы как классовое неравенство, дискриминация, политические и социальные противостояния. Кроме того, университетская проза может перенимать особенности других жанров (роман воспитания, политический и производственные романы), что позволяет расширить тематическое поле университетского романа.

О. Ю. Анциферова выделяет следующие основные черты жанра университетского романа: наличие университетского пространства; конфликт героя-интеллектуала с окружающей средой; переосмысление стереотипов, связанных с институтом высшего образования; яркие второстепенные герои и сатирический тон повествования [3].

Роман южноафриканского писателя Джона Максвелла Кутзее «Бесчестье» (*Disgrace*, 1999) [4], отмеченный Букеровской премией, является частично университетским романом, с присущими ему основными жанровыми особенностями. История разворачивается в университетской среде. Протагонистом романа выступает Дэвид Лури – 52-летний профессор Кэйптаунского университета. Будучи некогда уважаемым профессором современных языков, увлеченным своей деятельностью, теперь Дэвид обрисован как один из тех людей, для которых работа всего лишь источник дохода, не приносящий никакого морального удовлетворения. Отношения героя со студентами абсолютно нейтральные, ни он, ни они не проявляют особого интереса к изучаемой дисциплине или друг к другу. Согласно жанровым принципам, выделенным О. Ю. Анциферовой, Дэвид Лури является идеальным примером героя-интеллектуала, которого не принимают в университетском окружении.

На рубеже XX–XXI вв. в университетской прозе проявилась еще одна, в дальнейшем основополагающая, черта – особый тип конфликта в парадигме отношений «преподаватель-студент». Противостояние героя и университета здесь выражается в обвинении в сексуальных домогательствах или нарушении политкорректности. Именно этот тип конфликта становится ключевым в работе Дж. М. Кутзее. Главного героя обвиняют в интимной связи со студенткой Мелани Исаакс.

Кульминацией личностных конфликтов в первой части романа становится заседание комиссии по решению возникшего конфликта, ставшего на тот момент достоянием общественности, ведь именно после этой сцены жизнь главного героя кардинально меняется. Дэвид не пытается защищать себя, он признает, что действительно вступал в интимную связь со студенткой, проявляя некую, возможно неуместную, стойкость. Герой не чувствует вины или раскаяния, он не считает, что совершил какое-либо преступление. Тон профессора весьма ироничен и снисходителен, несмотря на ситуацию, в которой он находится. Это еще один принцип раннего университетского романа – ирония и насмешливый характер высказывания.

Как уже было отмечено, университетский роман отличается наличием хорошо прописанных второстепенных героев. Помимо Мелани, важными персонажами выступают мистер Исаакс, отец Мелани, и бывшая жена главного героя, Розалинда. Мистер Исаакс стал первым человеком, указавшим на ошибочность действий профессора и приближающийся конфликт. Он не имеет достаточного образования, но он человек нравственный, хорошего воспитания, желающий дать своей дочери лучшую жизнь. Его можно считать противоположностью главного героя, подчеркивающей и без того весьма сомнительное поведение протагониста. Розалинда, бывшая жена главного героя, выступает в качестве голоса совести, а также демонстрирует взгляд на ситуацию со стороны. Именно персонаж Розалинды впервые использует выражение «disgraceful» [4]. Она высказывает те мысли, которые Дэвид пытался утаить даже от самого себя.

Именно после разговора с бывшей женой, главный герой решается оставить пост преподавателя и свою некогда размеренную жизнь в университете, и перебирается на ферму к своей дочери. Помимо темы сексуальных домогательств, в романе также подняты темы дискриминации, сложностей отношения родителей и детей, кризиса среднего возраста и трудностей самоопределения.

Отличительной особенностью прозы Дж. М. Кутзее можно считать простоту изложения, при обильном использовании различных стилистических приемов (аллюзии, метафоры, лексические повторения).

Выводы. Жанр университетского романа был и остается одним из самых популярных и многогранных жанров постмодернистской литературы. Первая часть романа Дж. М. Кутзее «Бесчестье» представляет собой отличный пример университетского романа в традиционном его понимании. Здесь нашли отражение практически все жанровые принципы академической прозы XX–XXI вв., которые помогли писателю создать многослойное и нравственно сложное произведение, заставляющее читателя переосмыслить понятия верности и неверности некоторых действий и социокультурных ситуаций.

Список литературы

1. Baldick, C. The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms / C. Baldick. – Oxford : Oxford UP, 1990. – 246 p.
2. Lodge, D. The Art of Fiction / D. Lodge. – New York : Vintage Books, 2011. – 254 p.
3. Анциферова, О. Ю. Университетский роман: жизнь и законы жанра / О. Ю. Анциферова // Вопросы литературы, 2008. – № 4. – С. 262 – 268.
4. Coetzee, J. M. Disgrace [Electronic Resource] / J. M. Coetzee. – Access mode: <https://libcat.ru/knigi/starinnaya-literatura/219836-j-coetzee-disgrace.html>. (Access date: 28.01.2025).

УДК 82-21

ОБРАЗ ЛОНДОНА В ПОЭЗИИ УИЛЬЯМА ВОРДСВОРТА

Е. С. Курьянова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Полховская Е. В.,

*заведующая кафедрой английской филологии, к. ф. н., доцент, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Введение. Процесс роста значения городов и городской культуры в развитии европейского общества первой половины XIX века нашёл своё отражение в произведениях английских поэтов данного периода. Тема города не прошла мимо и Уильяма Вордсворта (William Wordsworth) (1770–1850), хотя и не стала одной из центральных в его художественном наследии. Однако несмотря на обширный круг исследований, сосредоточенных на творчестве английских поэтов XIX века, изучение образа британской столицы в поэзии У. Вордсворта еще не получило должного места в литературоведении.

Цель данного исследования – выявить и изучить авторские стратегии создания образа Лондона Уильямом Вордсвортом.

Задачи исследования:

- определить лексическое значение понятий «образ» и «мотив» в литературоведении;
- вычленив «городские» и, в частности, «лондонские» мотивы, реализованные в поэтическом творчестве Уильяма Вордсворта;
- выявить вербальные и стилистические средства, служащие формированию образа Лондона в художественной системе У. Вордсворта.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: культурно-исторический, сравнительно-типологический, мотивный метод, структурно-семантический подход, метод стилистического анализа.

Результаты исследования. Согласно наблюдениям М. М. Гиршмана и А. В. Домашенко, художественный образ – это одна из основных литературно-эстетических категорий, которая «характеризует специфические соотношения внехудожественной действительности и искусства, процесса и результата художественного творчества как особой области человеческой жизнедеятельности. Прежде всего обращает на себя внимание конкретно-чувственная, индивидуально-предметная форма отражения объективной действительности в образе художественном» [4, с. 149]. Образ города в произведениях У. Вордсворта создается при помощи системы взаимосвязанных и взаимообусловленных мотивов. Наиболее продуктивным для настоящего исследования представляется определение мотива Б. М. Гаспаровым: «В роли мотива в произведении может выступать любой феномен, любое смысловое «пятно» – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.; единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте» [3, с. 32].

Уильям Вордсворт – яркий представитель «Озёрной школы». Большая часть его жизни была связана с Озёрным краем – горным регионом в Северо-Западной Англии, в графстве Камбрия. В британской столице поэт бывал лишь наездами, эпизодически. Поэтому совершенно закономерно, что тема города и, в частности, Лондона является факультативной для произведений поэта. Однако ее реализацию нельзя игнорировать, если мы хотим получить полное представление об особенностях его творчества, а также о воплощении образа Лондона в английском романтизме.

У. Вордсворт рисует Лондон лишь в нескольких поэтических текстах, не создает масштабных картин городской действительности, поэтому его нельзя относить к числу поэтов-урбанистов. Симпатии поэта отданы деревне, природе родного края, которая была для него источником вдохновения, естественной средой, способной возрождать душу. Вордсворт был противником городской культуры, видел в городе порождение безнравственной цивилизации, олицетворение бед, испытаний, пороков («Лондон», «Сонет, написанный в Лондоне в сентябре 1802 года», баллады «Странница» и др.). Так, в поэме «Майкл» город получает определение “dissolute”, т.е. «развратный, беспутный», а в элегии “To Joanna” («Скала Джоанны») возникает образ «дымного города»: “Amid the smoke of cities did you pass / The time of early youth” [1, с. 118]. В автобиографической поэме «Прелюдия» (“The Prelude”) основная примета улиц Лондона – нескончаемый людской поток, в котором герой жаждет всмотреться в конкретные лица, но не успевает сделать этого: “How often in the overflowing streets / Have I gone forwards with the crowd” [2, с. 856].

Из всех конкретных топографических объектов Лондона в стихах Вордсворта присутствуют лишь Темза, Вестминстерский мост, порт, Ричмонд – пригородный район столицы («Сонет, написанный на Вестминстерском мосту 3 сентября 1802 года», «Стихи, написанные вечером у Темзы вблизи Ричмонда»). Пространственные координаты – “ships, towers, domes, theatres, and temples” [1, с. 102] – выступают конкретными маркерами городского мира, однако они просто перечислены, даны без подробной детализации.

Для формирования образа Лондона у Вордсворта менее значимы предметные детали и мотивы, зато чрезвычайно важны мотивы сенсорные – аудиальные и визуальные. В стихотворении “Composed Upon Westminster Bridge, September 3, 1802” звуковые детали заменяются минус-приёмом: настойчиво акцентируются тишина, статика, отсутствие городского шума, звуков – свидетельств деятельности людей, что создаёт ощущение спокойствия, несуетного течения жизни: “This City now doth, like a garment, wear / The beauty of the morning; silent, bare” [1, с. 102]. Лексема “bare” в данном контексте воспринимается не только в прямом значении «голый, обнаженный», подкреплённом сравнением “like a garment”, но в значительной степени и как «пустой», то есть маркируется незаполненность пространства людьми, что вполне характерно для раннего утра. Вместе с тем в соседстве со словом “touching” возникает и добавочный смысл: «беззащитный», т. е. трогательный в своей незащищенности и открытости. Строки “Ships, towers, domes, theatres, and temples lie / Open unto the fields, and to the sky” [1, с. 102] («Корабли, башни, купола, театры и храмы лежат, открытые полям и небу»; перевод наш – Е. К.) подчеркивают соотнесенность городского пейзажа не с миром людей, а с миром природы.

Аудиальное оформление образа города дополняется визуальными характеристиками городского пространства (ясная, красочная цветовая палитра города, создаваемая мотивами блеска, сияния, яркого света), что транслирует общее радостное, оптимистичное настроение, ощущение гармонии. Единственной «одеждой» пробуждающегося города становится Красота (“The beauty of the morning” [1, с. 102]), её вербальным выражением являются строки, воплощающие озаренность картины солнцем, сияние ярких красок: “All bright and glittering (...) Never did sun more beautifully steep / In his first splendour” [1, с. 102]. Эти мотивы призваны передать приподнятое эмоциональное состояние лирического героя-созерцателя, наблюдающего величественную панораму британской столицы. Сенсорная образность организует и балладу “Lines Written near Richmond upon the Thames, at Evening”.

В результате У. Вордсвортом создается обобщенный образ Лондона, репрезентирующий идею красоты и гармонии, но далекий от реальности, не передающий представления о современных автору социальных проблемах городских жителей. Столица показана вне признаков современного прогресса и напоминает спокойную, мирно спящую усадьбу, а не большой индустриальный город. Социальная составляющая урбанистического бытия, жизнь горожан остаются вне фокуса внимания У. Вордсворта. Его образность навеяна не грубой повседневностью лондонского существования, а романтически-созерцательным отношением автора к жизни, признанием созерцания и художественного воображения подлинными творческими процессами. Изображение Лондона Вордсвортом – антитеза «Лондону» (1794) У. Блейка, где все сенсорные образы призваны передать бесчеловечную сущность большого города.

Выводы. Образ Лондона, созданный У. Вордсвортом, характеризуется особой эмоциональностью, медитативностью, очень субъективен и не столько представлен городским пейзажем, сколько воплощает «пейзаж души» лирического субъекта. Через картины природы передается внутреннее состояние героя. Хотя изображение британской столицы и не является ключевой темой для творчества поэта, однако связанные с ней мотивы четко отражают авторскую позицию: город принимается им лишь в том случае, если он сближен с природой, не входит в дисгармонию с ней, не несет антигуманной сущности, не подавляет в человеке его лучшие качества – нравственную чистоту, искренность, душевную щедрость, тонкость чувств и переживаний. Так воплощается значимая для У. Вордсворта идея необходимости связи природы и городской цивилизации.

Список литературы

1. Вордсворт, У. Избранная лирика / У. Вордсворт ; составл. Е. Зыковой. – Москва : Радуга, 2001. – 434 с.
2. Вордсворт, У. Прелюдия / У. Вордсворт ; перев. Т. Стамовой и др. – Москва : Ладомир ; Наука, 2017. – 1032 с.
3. Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века / Б. М. Гаспаров. – Москва : Наука, 1993. – 304 с.
4. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тamarченко. – Москва : Изд-во Кулагиной, 2008. – 358 с.

УДК 821.111

ОБРАЗЫ ДОМА И САДА В РОМАНЕ КЕЙТ МОРТОН «ЗАБЫТЫЙ САД»

Е. П. Лузанова,

*обучающаяся 3-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Бондаренко Л. В., к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Образы дома и сада занимают одно из наиболее значимых мест в английской литературе, начиная со средневековья и до настоящего времени. Наиболее яркие образы дома и сада прослеживаются в романах Джейн Остин, Шарлотты Бронте, Оскара Уайльда, Луизы Мэй Олкотт, Уильяма Голдинга и других английских писателей. В классическом викторианском романе эти два образа сливаются воедино, образуя целостный образ поместья, объединяющий в себе не только дом и сад, но и многие поколения владельцев, чьи судьбы тесно с ними связаны. Образ родового поместья остается в центре внимания и в новом викторианском романе Кейт Мортон, что определяет **актуальность** данного исследования. Образы дома и сада становятся предметом анализа в работах таких авторов, как С. М. Богатова, О. В. Телегина, Н. П. Мартынова, Э. Ю. Замуленко, И. В. Давыденко, и раскрываются в качестве способа раскрытия характера героев. Однако, в творчестве К. Мортон образ поместья изучен фрагментарно, что также является основанием для данной работы.

Целью исследования является определение художественной функции образа дома и сада в романе К. Мортон «Забытый сад» и выявление художественных и лингвостилистических средств создания образа дома и сада в романе.

Методы исследования. В основе исследования лежит культурно-исторический анализ текста, стилистический метод и метод интертекстуального анализа.

Результаты исследования.

Роман Кейт Мортон «Забытый сад» (*The Forgotten Garden*, 2008) представляет собой многослойное повествование, сочетающее жанр исторического романа, драмы и семейной саги. Однако, произведение относят к новому викторианскому роману. Как и в классическом викторианском романе, его центральным мотивом является образ поместья, объединяющий в себе образы дома и сада, прошлое и настоящее, связывая главную героиню с памятью о ее семье.

Маленькая Кассандра, оставленная родной матерью, растет в доме своей бабушки Нелл, чье прошлое окутано тайной. Став взрослой, Кассандра продолжает исследование собственных корней, и настоящий «дом» Нелл в Англии становится

местом, где она обретает собственное счастье: *"Past. Future. Family. Her own past was filled with memories, a lifetime of beautiful, precious, sad memories. For a decade she had moved among them, slept with them, walked with them"* [4, p. 545]. Кейт Мортон использует такой стилистический прием, как антитезу: *"Past. Future"*, противопоставляя прошлое будущему. Именно дом связывает два этих понятия. Исследуя историю рождения Нелл, Кассандра чувствует необъяснимую связь с садом: *"She also knew why the garden was so important to her, why she felt her own roots connecting to its soil, deeper and deeper with each moment she spent within its walls. She was at home in the garden, for in some way she couldn't explain"* [4, p. 544]. Используя каламбур, писательница соотносит семейные корни («roots») Кассандры с корнями растений в саду, тем самым подчеркивая связь с родовым поместьем.

Образы дома и сада в романе выступают хранителями семейной тайны. Старинное поместье Чёрнгорб (*Blakhurs Manor*) на протяжении многих лет хранило тайну рождения Нелл, до тех пор, пока Кассандре не удалось раскрыть ее. Попадая в заброшенный дом, Кассандра ощущает атмосферу таинственности: *"Cassandra stepped through the gate and was struck once more by the strange, heavy silence that lay around the cottage. There was something else, too, something she felt but couldn't name. An odd sense of collusion"* [4, p. 305]. К. Мортон использует эпитет *"heavy silence"*, чтобы передать атмосферу места. Сад, прилежавший к поместью, становится очевидцем бесславного погребения Элизы своей тетей, ненавидевшей племянницу всю жизнь: *"Finally, the girl was to be relegated to the earth. She would disappear and be forgotten: it would be as if she'd never existed. And in time people would forget that she had. Adeline closed her eyes, blocked out the noise of the wretched birds who had started to twitter eagerly, the leaves that were rustling urgently now. She listened instead for the blessed sound of loose earth falling on to the solid surface beneath... In the dancing yellow light, Adeline saw that a long thorny rose tendril had wrested its way free from the flower bed to clutch at her. Its thick thorn was lodged in her palm"* [4, p. 541]. Используя олицетворение, писательница наделяет сад живой душой. Шелестящие листвою деревья и длинный колючий усик розы, схвативший Аделин за ладонь – молчаливые свидетели преступления хозяйки Чёрнгорба.

Образы дома и сада – символы убежища, где герои могли укрыться от мнения общественности, оставаясь наедине с собой и собственной идентичностью. Так, Лайнус Мунтраше, находясь в саду, переставал страдать от собственных недостатков, которые прежде были причиной его каждодневных разочарований: *"Most miraculous of all, in the garden Linus's shame had disappeared. The plants, the trees, the flowers, cared not at all that his left leg had stopped growing inches short of his right"* [4, p. 299]. Посредством олицетворения цветов, деревьев и растений Кейт Мортон изображает сад как живое существо. Именно туда убегала Элиза в самые тягостные минуты, терзаемая тоской, разочарованием, унынием: *"Eliza took a deep breath. She'd come to the garden because it was the place in which she always felt settled, and today more than ever she needed it to work its magic"* [4, p. 367].

Дом и сад становятся местом исцеления для Кассандры, которая, потеряв мужа и маленького Лео, погружается в расследование семейной тайны. Полное исцеление приходит в момент, когда она доводит до конца дело Нелл – раскрывает тайну ее рождения, восстанавливая связь со своим прошлым, тем самым оживляя заброшенное поместье. Знание о прошлом семьи помогает ей обрести себя как личность. И тогда Кассандра снова обретает любовь и счастье: *"...sigh, heavy with years of weariness, escaped her"*. Метафора: *"heavy with years of weariness"* передает тяжесть многолетних переживаний героини, которые затем перестали тревожить ее сознание [4, p. 545].

Проводя параллели между судьбами персонажей, Кейт Мортон подчеркивает, что история повторяется – любовь и предательство, потери и душевное исцеление.

Автор чередует события прошлого с настоящим, отражая схожесть судеб и переживаний.

Выводы. В романе Кейт Мортон «Забытый сад» образы дома и сада служат метафорой утраты, надежды, памяти, исцеления, хранителей семейной тайны, символизируя убежище для страдающей души. Писательница использует образы дома и сада для объединения прошлого с настоящим, создавая параллель между природой и человеческой жизнью. Заброшенное поместье, требующее заботы для того, чтобы снова ожить, во многом отражает судьбы владельцев, нуждающихся в восстановлении и понимании.

Список литературы

1. Гончарова, Н. Ю. Образ сада в английском романе XX века: опыт лингвопоэтического исследования / Н. Ю. Гончарова. – Уфа : Лето, 2014. – URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/108/5732/> (дата обращения: 18.03.2025).
2. Дмитриева, Е. Е. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова. – Москва : Объединенное гуманитарное издательство, 2008. – 528 с.
3. Шанина, Ю. А. Семантика и функции садового пространства в английском романе рубежа XX–XXI веков / Ю. А. Шанина // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/50FLSK423.pdf> (дата обращения: 18.03.2025).
4. Morton, K. The Forgotten Garden / K. Morton. – New York : Atria Books, 2008. – 552 p.

УДК 372.881.111.1

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ 9-Х КЛАССОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А. А. Мусиенко,

*обучающаяся 2-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чернобай С. Е., старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В современном обществе знание иностранного языка, особенно английского, является важной составляющей успешной деятельности в разных сферах жизни человека. При этом для глубокого освоения иностранного языка необходимо не только усвоение грамматики и лексики, но и овладение лингвокультурной компетенцией, сформированность которой позволяет осуществлять успешно межкультурную коммуникацию. Одним из ключевых аспектов лингвокультурной компетенции является знание фразеологизмов, которые служат важным источником информации о культуре и традициях народа. **Актуальность темы** обусловлена необходимостью интеграции лингвистических и культурологических аспектов в процессе обучения английскому языку. Знание фразеологии изучаемого языка помогает учащимся не только обогатить свой словарный запас, но и глубже понять мышление носителей языка для успешной коммуникации. **Научная новизна** работы заключается в обосновании целесообразности изучения английских фразеологизмов в средней

школе ввиду способности фразеологии хранить и передавать из поколения в поколение знания о системе ценностей, традициях и социальных отношениях народа.

Цель исследования – выявить степень сформированности англоязычной фразеологической компетенции учащихся 9-х классов для последующего формирования лингвокультурной компетенции. Для достижения цели необходимо выполнить следующие **задачи**: 1) выявить сущность понятий «компетенция», «коммуникативная компетенция» и «лингвокультурная компетенция»; 2) определить уровень владения старшеклассниками фразеологией родного и иностранного языков; 3) предложить систему упражнений для развития англоязычной лингвокультурной компетенции на материале фразеологии.

Методы исследования. В данной работе применяются общенаучные методы анализа и синтеза научной литературы по теме, эмпирическое исследование, основанное на анкетировании учителей и учащихся, статистический и описательный методы.

Результаты исследования. В ходе работы определено, что основой современного общего образования стал компетентностный подход, в рамках которого учащиеся должны сформировать ряд компетенций. Под компетенцией понимают «совокупность знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине, а также способность к выполнению какой-либо деятельности на основе приобретенных знаний, навыков и умений» [1, с. 107]. Основной целью обучения иностранному языку является овладение коммуникативной компетенцией, под которой подразумевается «способность решать средствами иностранного языка актуальные задачи общения в бытовой, учебной, производственной и культурной жизни; умение учащегося пользоваться фактами языка и речи для реализации целей общения» [1, с. 98]. Можно говорить о сформированной коммуникативной компетенции, если учащийся успешно взаимодействует с носителями изучаемого языка согласно нормам и культурным традициям данного языка. Коммуникативная компетенция не является однородной структурой, а представляет собой комплексный феномен, в состав которого входят речевая, языковая, социокультурная, страноведческая, стратегическая компетенции. О. И. Халупо подчеркивает, что в рамках данной компетенции «назрела необходимость ставить вопрос о лингвокультурной компетенции, способах и методах ее формирования, выявлении ее уровней у разных слоев населения» [3, с. 154], потому что именно наличие данной компетенции способствует решению социокультурных проблем и помогает справляться с поставленными коммуникативными задачами. Л. А. Шкатова включает в лингвокультурную компетенцию «овнешненные языком (выраженные в ключевых словах, словосочетаниях, фразеологических единицах и прецедентных текстах) базовые знания во всех сферах человеческой деятельности, позволяющие адекватно понять неспециальную информацию, чтобы ориентироваться в современном мире» [цит. по 3, с. 154]. Также лингвокультурную компетенцию можно рассматривать как «овладение языком как сокровищницей культуры, духовным богатством народа» [2, с. 251].

Мы полагаем, что для овладения фразеологией изучаемого языка, необходимо хорошо знать фразеологию родного языка. В связи с этим было проведено два анонимных тестирования учащихся 9-х классов на базе МБОУ СОШДС «Лингвист» г. Симферополя. В исследовании приняло участие 15 человек. Тестирование знания фразеологизмов на русском языке включало 4 задания. В задании 1 учащимся был дан список фразеологизмов, к которым они самостоятельно давали объяснения. В задании 2 был предложен текст, в котором необходимо было подчеркнуть все фразеологизмы. В задании 3 были даны фразеологизмы, которые надо было употребить в предложенных контекстах. Задание 4 включало подбор объяснений из списка к фразеологизмам. Самым простым для выполнения было задание 1. Десять человек справились с ним на

100%, 2 человека и 5 человек выполнили правильно 70% и 50% задания соответственно. Наиболее сложным оказалось задание 3; всего лишь 3 человека выполнили задание без ошибок, 4 человека выполнили правильно 74 % задания и остальные 8 человек – 60% задания. Таким образом, тестирование показывает, что владение учащимися фразеологией русского языка находится на среднем уровне. Учащиеся недостаточно хорошо понимают значение фразеологизмов, некоторые из них неспособны использовать фразеологизмы в речи. Тестирование знания английских фразеологизмов проводилось на базе ранее изученного материала в УМК «Starlight». Учащимся было предложено выполнить 3 задания; в задании 1 необходимо было соотнести фразеологизм с его значением, в задании 2 – подобрать к картинкам фразеологизмы из списка, в задании 3 – заполнить пропуски в предложениях соответствующими фразеологизмами из списка. Самым легким было задание 2; 13 человек выполнило его без ошибок, 2 человека допустило по 2 ошибки. Задание 1 лишь 3 человека выполнили без ошибок, 5 человек выполнило задание на 70 % правильно, 7 человек не справилось с заданием, не дав ни одного правильного ответа. Задание 3 было выполнено на 100% 4 учащимися, на 85 % – 2, на 60% – 3, на 45 % – 2, 3 человека не дали ни одного правильного ответа. Таким образом, тестирование показало, что менее половины опрашиваемых владеют английской фразеологией на достаточном уровне, основная часть учащихся имеют низкий уровень владения фразеологией изучаемого языка, несмотря на то, что обучаются в специализированной школе с углубленным изучением английского языка.

Выводы. Проведенное исследование показывает, что в процессе обучения как английскому, так и родному языку не уделяется должного внимания формированию фразеологической компетенции, что, в свою очередь, не позволяет в полном объеме сформировать лингвокультурную компетенцию. В связи с этим нами разработан дополнительный комплекс упражнений согласно тематике УМК «Starlight» для 9 класса, направленный на формирование фразеологической компетенции, для внедрения в учебный процесс. Результаты апробации упражнений будут представлены в дальнейшем исследовании.

Список литературы

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва : Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Уракова, Ф. К. Формирование лингвокультурологической компетенции на уроках русского языка как иностранного / Ф. К. Уракова, Д. Д. Жажева, С. Н. Пханаева, И. В. Щербашина // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12. – № 3А. – С. 248–255.
3. Халупо, О. И. Языковая культура и лингвокультурная компетенция / О. И. Халупо // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 3 (218). – Вып. 50. – С. 152–155.

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ГОНЗО-ЖУРНАЛИСТСКИХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА
СТАТЕЙ ХАНТЕРА С. ТОМПСОНА «ВЕЛИКАЯ ОХОТА НА АКУЛ»)**

М. П. Нагиленко,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Верзун Е. Н., старший преподаватель кафедры
английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Гонзо-журнализм, сформировавшийся в 1970-е годы, представляет собой радикальный отход от традиционных принципов объективной репортажной прозы. Основателем и наиболее ярким представителем данного жанра является американский писатель и журналист Хантер С. Томпсон (Hunter Stockton Thompson, 1937–2005). Его стиль характеризуется субъективностью, экспрессивностью и неповторимым сочетанием документального и художественного начала.

Целью данного исследования является выявление и анализ ключевых лингвостилистических особенностей гонзо-журнализма на примере работы Хантера С. Томпсона «Великая Охота на Акул» (*The Great Shark Hunt*, 1974). В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих **задач**: изучить основные принципы гонзо-журнализма; выделить и проанализировать синтаксические, лексические и графические приемы, используемые Х. С. Томпсоном в сборнике «Великая Охота на Акул»; рассмотреть влияние данных приемов на восприятие текста.

В основе **методологии** нашего исследования лежит системный подход, предполагающий анализ художественно-документальных текстов в совокупности их выразительного и содержательного планов. В ходе работы нами также использовались сравнительно-исторический метод и метод комплексного анализа художественного текста.

Результаты исследования. Гонзо-журнализм – это исключительный вид журналистики, а точнее репортажа, где субъективный взгляд на происходящие события противопоставляется объективному взгляду. Доминирующее место в репортаже такого рода отводится эмоциям и душевным переживаниям автора в ходе взаимодействия с реалиями общественной жизни [1].

В ходе исследования нами были выделены следующие лингвостилистические особенности, характерные для гонзо-журналистских текстов:

- Графическая и орфографическая специфика. Одной из отличительных черт гонзо-журнализма является преднамеренное нарушение орфографических норм, направленное на воссоздание эффекта живой, спонтанной речи, а также на усиление экспрессии. В работах Хантера С. Томпсона, в частности в серии репортажей «Великая Охота на Акул», орфография выходит за рамки традиционной нормы, становясь инструментом формирования особого нарративного стиля. В исследуемых работах Томпсона можно выделить следующие приемы:

1. Искажение стандартной орфографии. Автор часто прибегает к фонетическим деформациям слов: 'goddamn' вместо 'God damn', 'ya' вместо 'you', 'fuckin' вместо 'fucking', 'bout' вместо 'about', 'wantcha' вместо 'want you' [2]. Эти формы передают не

только разговорную речь, но и внутреннее состояние говорящего, будь то раздражение, паника или азарт.

2. Использование курсива. В гонзо-журналистских текстах курсивом выделяется внутренняя речь персонажа, иностранные слова; часто использование курсива подчеркивает саркастический тон говорящего: *“All this bullshit about tourism and development – what the hell do you want here, another Aspen?”* [2].

- Лексико-семантические особенности. Гонзо-журналистские тексты отличаются смещением разговорных, жаргонных, экспрессивных и терминологических элементов.

1. Разговорные и нецензурные выражения. Х. С. Томпсон активно использует вульгаризмы и просторечия, создавая эффект грубой, реалистичной речи: *“Get the fuck out of the building!”*, *“These crazy bastards!”* [2].

2. Наличие в тексте барбаризмов. Так как события рассказа происходят в Мексике, Томпсон использует испанские слова и выражения без перевода, чтобы передать локальный колорит: *‘Chingadoj’*, *‘jefe’*, *‘Playa del Carmen’* [2]. Использование испанской лексики не только погружает в атмосферу, но и подчеркивает культурный барьер между автором-американцем и местными жителями.

3. Терминологическая лексика. Поскольку «Великая Охота на Акул» формально посвящена рыболовному турниру, в тексте встречаются специализированные термины, связанные с рыболовством: *‘angler’*, *‘marlin’*, *‘gaff’* [2]. Они используются не столько для информирования читателя, сколько для создания контраста между официальной стороной турнира и хаосом, в который погружен автор.

4. Модификация фразеологизмов. Томпсон трансформирует известную пословицу, сохраняя оригинальную структуру и при этом придавая ей совершенно новый смысл: *“wallow with the eagles at night and then soar with the pigs in the morning”* [2]. Оригинальная пословица звучит как *“You can’t wallow with the pigs at night and then soar with the eagles in the morning”* («Нельзя бултыхаться со свиньями по ночам и утром летать с орлами») и имеет разные формулировки, смысл которых сводится к тому, что если вы хотите достичь всего, чего желаете, вы должны выбрать привычки, которые будут вам в этом помогать. Томпсон иронизирует над этим, говоря, что для него главная трудность заключается в том, чтобы «бултыхаться с орлами ночью и летать со свиньями утром», тем самым выражая свою неприязнь к людям, с которыми ему предстоит провести время.

- Синтаксическая специфика. Синтаксис играет ключевую роль в формировании экспрессивного, динамичного и субъективного стиля гонзо-журналистики. В отличие от традиционного репортажного письма, где доминирует четкая структура и нейтральные конструкции, в своих гонзо-текстах Хантер С. Томпсон использует хаотичный, ритмически изменчивый синтаксис, который отражает его личное восприятие событий и психологическое состояние.

1. Разорванные и фрагментарные конструкции. Хантер Томпсон использует неполные предложения, неожиданные разрывы и вставки, создающие эффект живой речи: *“Carry my bags? Well ... why not? To where? Well...”* [2]. Такие фрагментарные предложения напоминают отрывки мыслей и делают текст больше похожим на поток сознания.

2. Длинные многосоюзные предложения. Автор использует избыточно длинные предложения, перегруженные деталями: *“So we are looking at a very heavy day... 2000 miles between here and home, no cash at all, ten brutally expensive days in three hotels on the Striker Aluminum Yachts credit tab, which just got jerked out from under us when the local PR team decided we were acting too weird to be what we claim to be – and so now we are down to about \$44 extra between us – with my bill at the Cabañas hovering around \$650 and Bloor’s at the San Miguel not much less – plus 11 days for that wretched car from the local Avis dealer who already hit me for \$40 cash for a broken windshield, and God only*

knows how much he'll demand when he sees what condition his car is in now..." [2]. Наращивание деталей через повторяющиеся союзы отражает состояние хаоса, нервозности и растущего напряжения.

- Структура и композиция текста. В классической журналистике репортаж строится по схеме «заголовок – лид – концовка» [3]. Отход от этой традиционной композиции является одной из главных стилистических особенностей гонзо-журнализма. У Томпсона структура репортажа носит нелинейный характер – вместо четкого изложения темы и ключевых событий в начале репортажа Томпсон использует сценическое введение, погружая читателя в атмосферу своего пребывания в Мексике – такое введение напоминает скорее начало художественного произведения, а не журналистского текста. Ключевая тема исследования писателя, которая должна обозначаться в заголовках или самых первых строчках, перемещается на второй план, а внимание автора концентрируется на воспоминаниях рассказчика. Важные сюжетные детали появляются фрагментарно, завязка сюжета откладывается и подается через поток сознания, а не в виде информационного блока, что свойственно традиционной журналистике [3]. Воспоминания автора могут соединяться с главной темой, могут плавно переходить в другие и при этом обличать сознание рассказчика для читателя.

Выводы. Гонзо-журнализм Х. С. Томпсона представляет собой синтез документального и художественного повествования, характеризующийся субъективностью, экспрессией и размытием жанровых границ. На лингвостилистическом уровне это выражается в использовании разговорных и сленговых элементов, деформации стандартных орфографических и пунктуационных норм, а также динамичном синтаксисе. Эти особенности делают жанр уникальным и определяют специфику гонзо-нарратива как одной из наиболее радикальных форм современного репортажного письма.

Список литературы

1. Захаров, Ю. Гонзо-журналистика в современном мире / Ю. Захаров // Медиа Аль-Манах. – № 5. – 2009. – С. 50–55.
2. Thompson, H. S. The Great Shark Hunt / H. S. Thompson. – New York : Simon & Schuster, 2003. – P. 493–529.
3. Колесниченко, А. В. Практическая журналистика : учебное пособие / А. В. Колесниченко. – Москва : Издательство Московского университета, 2008. – 180 с.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СФЕРЫ-ИСТОЧНИКА «КИНО»)

Д. Р. Никитина,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Полховская Е. В.,

заведующая кафедрой английской филологии, к. ф. н., доцент,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Одной из главных особенностей, объединяющих медиадискурс различных стран, является использование прецедентных имен. Прецедентные имена – это имена собственные, которые связаны с широко известной личностью, событием либо текстом. Активное использование прецедентных имен вызвано потребностью в обращении к различным культурным явлениям, определенным качествам и ситуациям. В образах, которые лежат в основе таких имен, нередко содержится информация о различных моральных и этических нормах, способных оказывать воздействие на поведение членов общества.

Актуальность работы обусловлена необходимостью понимания менталитета жителей англоязычных стран, что способствует успешному межкультурному взаимодействию, а также устойчивым интересом лингвистического сообщества к сфере-источнику «Кино». Изучение прецедентных имен и систематизация знаний о них являются важными в связи с тем, что такие имена способны аккумулировать актуальную информацию о культуре и жизни определенного общества.

Целью данного исследования является анализ функциональной нагрузки прецедентных имен из сферы кино, встречающихся в медиа англоязычных стран. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) изучить понятия «дискурс», «медиадискурс», «прецедентные имена»; 2) рассмотреть особенности использования прецедентных имен в контекстах; 3) выявить, какую информацию и окраску несут прецедентные имена сферы-источника «Кино»; 4) описать цели употребления в текстах.

Методы исследования. Методологическую основу исследования составили общенаучный метод познания в сочетании с такими частно научными методами, как когнитивно-дискурсивный подход и дискурсивный анализ. В работе также были применены структурный, дефинитивный, функциональный подход к исследованию.

Результаты исследования. Многие лингвисты, в том числе Т. Г. Добросклонская, считают медиадискурс специфичным типом речемыслительной деятельности, характерным исключительно для информационного поля массмедиа [1]. Сфера-источник «Кино» является областью возникновения многих прецедентных имён (далее – ПИ), связанных с героями, актёрами, их личными качествами, привлекательностью внешности и голоса и, наконец, вкладом в культуру и искусство. Обращение к ПИ постоянно возобновляется в речи представителей различных национальных и лингвокультурных сообществ [2].

В ходе проведения исследования были отобраны прецедентные имена из сферы-источника «Кино», встречающиеся в текстах англоязычного медиадискурса. Далее описаны присущие им коннотации и возможные функции.

В первом примере использовано ПИ Brad Pitt. Брэд Питт является одним из самых известных продюсеров и киноактеров, его имя вызывает ассоциации с успехом, харизмой и привлекательностью – это идеальный символ для подчеркивания личного влияния в бизнесе. Используя имя Брэда Питта, автор рекламы апеллирует к желанию читателя достичь аналогичного уровня успеха и уверенности в себе. Пример:

How to be the Brad Pitt of Business – and improve personal impact through form (yvettejeal.co.uk).

Далее в текстах медиа использовано ПИ Leonardo DiCaprio. ДиКаприо ассоциируется с огромной популярностью, успехом в киноиндустрии. ДиКаприо известен как выдающийся актёр, получивший множество наград и признание за свои роли. В медиапространстве наблюдается увеличение числа статей с заголовками, в которых актер Тимоти Шаламе сравнивается с ДиКаприо. ПИ подчеркивает талант и потенциал молодой звезды в кино. Пример:

Why Timothee Chalamet Is The Next Dicaprio (timelytakes.com).

The new DiCaprio? How Timothée Chalamet became the biggest star on the planet (independent.co.uk).

ПИ Meryl Streep используется для создания ассоциации с её выдающимися актёрскими способностями и харизмой. Автор текста упоминает «внутреннюю Мерил». Лили Джеймс пытается воплотить в себе те же качества, которые делают актрису такой выдающейся: эмоциональную глубину, выразительность и умение погружаться в роль. Пример:

Lily James Taps Her Inner Meryl to Become a Dancing Queen (nytimes.com).

Упоминание ПИ Johnny Depp связано с уникальным стилем и образом актера. Депп известен своими эксцентричными и запоминающимися ролями, а также тем, что он часто экспериментирует с внешностью своих персонажей. Стиль актера может служить своего рода эталоном, когда речь идет о создании выразительного образа. Пример:

Experiment with different textures, it all depends on how Deppified you want to go; I'd say the look above is pretty neutral...not too out there (medium.com).

Следует помнить, что и имена героев кино могут стать прецедентными и ассоциироваться с силой характера, умением преодолевать трудности, успехом в какой-либо отрасли и прочим. Так, ПИ Batman используется как культурный ориентир. Бэтмен – это супергерой, символ мужества и отваги, и упоминание этого персонажа вызывает у зрителей ассоциации с его чертами. Он борется со злом, моральными дилеммами. Пример:

Suicide Squad: Will Smith explains how his character could become the next Batman (independent.co.uk).

UNMASKED: *Who is The Next Batman in Future State?* (community.cbr.com).

Популярным ПИ стало Bridget Jones из фильма «Дневник Бриджит Джонс», экранизации книги Хелен Филдинг. Главная героиня – одинокая женщина, которая принимает решение найти партнера и осознает, что это может стать непростой задачей. Необходимо отметить, что сферой-мишенью реализации этого признака не всегда становится девушка. В следующих заголовках статей ПИ используется по отношению к принцу Гарри. Пример:

In Spare, Prince Harry Reveals His Inner Bridget Jones (vogue.com).

Is Prince Harry the new Bridget Jones? (theguardian.com).

Please Do Not Compare Prince Harry to Bridget Jones (elle.com).

Is Prince Harry the fresh Bridget Jones? (callelargafilms.com).

Выводы. Прецедентные имена из сферы-источника «Кино» являются эффективным средством для создания ассоциаций, усиления эмоциональной окраски

медиа-сообщений. Они позволяют авторам обращаться к культурным кодам, понятным широкой аудитории.

Список литературы

1. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. – Москва : Флинта; Наука. 2008. – 263 с.
2. Назарова, Р. З. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов / Р. З. Назарова, М. В. Золотарев // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика». – 2015. – Т. 15, вып. 2. – 23 с.

УДК 808.5:316.61

«ДОНАЛЬД ТРАМП» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕДИАДИСКУРСА

С. Окур,

*обучающаяся 2-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Радченко Т. А., старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В современном мире СМИ играют ключевую роль в формировании общественного мнения и создании социальной реальности. Известные личности, в том числе политические лидеры, становятся объектами пристального внимания со стороны медиа, которые, в свою очередь, создают определенные образы, влияющие на восприятие и оценку этих личностей обществом. Центральным понятием для анализа этого влияния является медиадискурс – совокупность всех процессов и производных речевой деятельности в области средств массовой информации, включающая, в том числе, и особенности их координирования. Изучение данной темы является актуальным в силу высокой степени погруженности современного человека в медиасреду, что обуславливает необходимость понимания того, как осуществляются различные процессы в этой сфере, и способствует развитию навыков критического анализа и медиаграмотности. Образ Дональда Трампа – один из самых неоднозначных и ярких в современной медиасфере; он представляет собой яркий пример того, как медиадискурс может формировать и транслировать социокультурные смыслы, влияя на политические процессы и общественное мнение.

Целью данного исследования является анализ дискурс-модели образа Дональда Трампа как политика в медиадискурсе. На основе теоретических данных выявляется, каким образом этот образ формируется в республиканских медиаисточниках. Кроме того, исследование направлено на анализ реакции аудитории на представленный в медиа образ с целью выявления транслируемых социокультурных смыслов. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) изучить теоретические основы понятия «медиа-дискурс»; 2) рассмотреть коммуникативную модель медиа-дискурса и ее элементы; 3) определить типы медиадискурса; 4) охарактеризовать медиа источники, используемые для исследования образа Дональда Трампа; 5) провести анализ образа и условий его конструирования на основе определенных медиа источников.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: контент-анализ, дискурс-анализ, статистический анализ, сравнительный и социокультурный анализ.

Результаты исследования. Проведенный анализ медиа-дискурса, в рамках которого конструируется образ Дональда Трампа, демонстрирует ключевую роль средств массовой информации в формировании общественного мнения и воссоздании определенной политической реальности. В условиях современной поляризации американского медиaprостранства, особенно остро проявляющейся в противостоянии республиканской и демократической партий, а значит и в медиадискурсе соответственно про-республиканских и про-демократических СМИ, образ такого политика, как Дональд Трамп, становится объектом целенаправленного конструирования, отражающего и укрепляющего существующее идеологическое разделение.

Как показал анализ видеозаписи выступления Дональда Трампа в Лас-Вегасе после его инаугурации, опубликованной *Fox News*, про-республиканский телеканал использует все доступные средства для укрепления позиции Д. Трампа как сильного лидера и дальнейшего продвижения его политической программы [3]. *Fox News*, выступая в роли отправителя сообщения, намеренно формирует положительный образ Д. Трампа, представляя информацию в выгодном свете и акцентируя внимание на успехах и достижениях президента и его администрации за короткий срок (***“this week alone I took nearly 350 executive actions to reverse the horrible failures and betrayals that we inherited from a group of people”, “I imposed a federal hiring freeze, a federal regulation freeze, a foreign aid freeze”, “I created the new department of government efficiency”, “we withdrew from the World Health Organization, where we paid 500 dollars million a year and China paid 39 dollars million a year despite a much larger population”, “I declared a national energy emergency to unlock the liquid gold under our feet”, “my administration has also begun the largest deregulation campaign in the history of our country”, “we’ve accomplished more in one week than other administrations have accomplished in four years”***). Это достигается за счет тщательного выбора тем, расстановки акцентов и положительных сравнений, выставляющих действующую администрацию в выгодном свете, что служит укреплению идеологической позиции консервативной партии.

Ключевым фактором является ориентация на определенную целевую аудиторию телеканала – консервативно настроенных граждан США, которые ожидают подтверждения своих убеждений и положительной информации о Д. Трампе. Анализ комментариев к видео, подавляющее большинство которых носит положительный характер, подтверждает, что *Fox News* успешно добивается ожидаемой реакции аудитории, представляя Д. Трампа как сильного, надежного и целеустремленного лидера, любящего свою страну и народ.

Сообщение, транслируемое *Fox News*, включает в себя ключевые нарративы, направленные на восстановление Америки и возвращение к величию, обеспечение безопасности и борьбу с преступностью, возвращение свободы и справедливости, укрепление меритократии и равенства возможностей, также в них подчеркивается сила и единство нации. Эти нарративы реализуются посредством популистских приемов, националистической риторики, упрощения сложных проблем и создания образа общих «врагов».

Визуальное оформление видео, включающее длительные кадры с Д. Трампом, крупные планы лиц его сторонников и американских флагов, способствует укреплению позитивного образа президента и способствует формированию чувства национальной идентичности. Позитивный, оптимистичный, энергичный и воодушевляющий тон также играет важную роль в формировании желаемого восприятия.

Таким образом, анализ элементов коммуникативной модели – от отправителя до контекста – позволяет глубоко понять механизмы конструирования образа Дональда Трампа в медиа-дискурсе [1, с. 22]. Благодаря дискурсивному подходу к изучению данного вопроса, то есть учету различных условий, включающих политическую ориентацию источника информации, характеристики целевой аудитории, риторические приемы, визуальное оформление и контекст события, становится очевидной роль медиа в создании и укреплении определенной идеологии и формировании общественного мнения [2, с. 104]. В частности, анализ конкретного примера (видео *Fox News*) демонстрирует, как данные инструменты используются для создания положительного образа Д. Трампа и мобилизации его сторонников.

Выводы. Д. Трамп в данных условиях предстает как сильный, решительный и неординарный лидер, который, несмотря на критику оппозиции, обладает харизмой и способен мобилизовать своих сторонников. Он позиционируется как защитник простого народа, борец против элит и «истеблишмента», что делает его привлекательным для достаточно широкой аудитории. Такой эффект достигается за счет простых и понятных патриотических лозунгов, апеллирующим к эмоциям аудитории, а также за счет акцентирования общих проблем, с которыми Д. Трампу и его сторонникам вместе предстоит бороться. Его энергичный тон и воодушевляющая речь способствуют созданию позитивного впечатления. Кроме того, президент апеллирует к традиционным ценностям, таким как семья, религия и патриотизм, привлекая поддержку консервативной аудитории.

Однако следует учитывать, что этот образ является конструктом и может отличаться от реальной личности Д. Трампа и даже от его образа, представленного в других источниках и жанрах медиа-текста. Он формируется в медиадискурсе и отражает цели и интересы различных заинтересованных сторон, в частности, республиканских медиа-источников.

Список литературы

1. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. – 2006. – Т. 10, вып. 2. – С. 20–33.
2. Коновалова, М. В. Медиадискурс и подходы к его изучению / М. В. Коновалова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Филологические науки. – 2015. – Т. 27, вып. 98. – С. 101–108.
3. Trump holds a rally in Las Vegas after inauguration: видеоклип // YouTube ; Fox News. – URL: https://www.youtube.com/live/tLQTsNXQqj0?si=g_loUhe_J6rnmOxY (дата обращения: 20.02.2025).

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

А. В. Пластинкина,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чернобай С. Е., старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Во второй половине XX века наблюдается повышенный интерес лингвистов к изучению понятия гендера в языке, что связано с определенными социальными процессами и ростом феминистского движения. Как отмечает М. Н. Шевченко, «андроцентричность языка впервые была подвергнута критике представительницами феминистской лингвистики в 60–70 г. XX века в США и Германии» [5]. Их главной целью стало «разоблачение мужского доминирования в общественной и культурной жизни, а также в языке» [5]. Проблематику гендера стали изучать в рамках социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, что привело к становлению гендерной лингвистики. Данная наука занимается «анализом структур языка для получения информации о том, какую роль играет гендер в той или иной культуре, а также о том, какие поведенческие нормы для мужчин и женщин фиксируются в текстах разного типа» [5]. Гендер рассматривается как «когнитивный феномен, проявляющийся не только в языковых клише, но и в речевом поведении носителей языка» [3, с. 87]. Данное исследование является актуальным, так как вопрос о четкой репрезентации мужского и женского все еще остается открытым, несмотря на многочисленные работы в этой области.

Цель исследования – выявить наиболее характерные черты гендерных стереотипов в английской языковой картине мира, представленной на уровне лексики и фразеологии.

Задачи исследования: 1) уточнить сущность понятий «стереотип» и «гендерный стереотип»; 2) охарактеризовать гендерные стереотипы в языковой картине мира британцев.

Методы исследования. В работе применяются следующие методы: общенаучные методы анализа и синтеза, методы компонентного и семантического анализа, описательный метод.

Результаты исследования. Под стереотипом понимают «создаваемые культурой образы людей из других групп, которые призваны объяснить поведение этих людей и дать ему оценку» [4, с. 120]. Однако стереотипы представляют собой «избирательный и неточный способ восприятия действительности, ведущий к ее упрощению и порождающий предрассудки» [4, с. 121]. Тем не менее, ученые полагают, что стереотипизация неизбежна в силу взаимодействия человека с окружающей его действительностью и «проекцией на мир собственных чувств, ценностей человека» [4, с. 121]. Стереотипу присущи следующие характеристики: «эмоционально-оценочный характер; устойчивость и стабильность; согласованность стереотипов, проявляющаяся в том, что большинство индивидов социальной общности разделяют существующие в ней представления; неточность стереотипа, которая является результатом несовершенности процесса познания» [5]. Гендерные стереотипы представляют собой «репрезентированные в тексте представления о социальной роли мужчин и женщин,

которые нацелены на изменение сознания адресата, а также его поведенческих и нравственных установок как результата коммуникативного текстового воздействия, различающихся полоролевой спецификой восприятия» [1].

Анализ языкового материала показывает яркое проявление стереотипизации женских и мужских образов, отражая представления о фемининности и маскулинности, типичные для своего времени. В начале XX века в британском обществе все еще господствуют стереотипы викторианской эпохи, которые характеризуют женщину как защитницу набожности, праведности, безропотности и домашней жизни: «*champion of piety, purity, submissiveness and domesticity*» [2, с. 231]. Женщина представляла ценность исключительно как «жена» и «хранительница семейного очага»: «*wife is the key to the house*», «*every woman should learn to cook*». В то же время мужчине отводилась главенствующая роль, мужчина ценился за заслуги и лидерские качества: «*He's a brilliant scientist*»; «*He has no chance of losing*» [2, с. 65]. Стереотипизация преобладает и в личностных качествах. Мужчине надлежало быть умным, сильным, независимым, учтивым («*Politeness is an attribute of a gentleman*»), женщине – безропотной, тихой, слабой и покорной: «*weak, slow, passive*», «*has to be protected, cannot fight, cannot perform a simple action of life*» [2, с. 129].

В речи представление женщин как имеющих подчиненный по отношению к мужскому статус создается за счет определенного порядка слов при перечислении представителей гендерных и других социальных ролей: «*husband, wife and children*» противопоставляется «*teachers, parents and pupils*» [3, с. 123–125]. В английских пословицах как продукте языкового народного сознания преобладают отрицательные коннотации при характеристике женщины, определяя ее как глупое и порочное существо. Достаточно большой пласт лексики и фразеологии связан с обозначением женских пороков и эвфемизмами, представляющими аморальную женщину: «*scarlet woman, hooker, call girl, hustler, working girl, b-girl, lady of the evening, fancy lady, lady in red, streetwalker*» [2, с. 75].

Выводы. Языковая картина мира, представляющая собой определенный способ восприятия и организации окружающей действительности посредством языка, является основой для создания и укрепления определенных социальных стереотипов, которые становятся ориентиром в восприятии реальной действительности и оказывают влияние на развитие и становление современного английского языка. Гендер, в основе которого лежит оппозиция «мужское – женское», представляет собой инструмент, с помощью которого индивидуальное и коллективное сознание воспринимает и оценивает мир и многообразие человеческих отношений. Основной особенностью гендерных стереотипов является то, что они прочно закрепляются в сознании общества и очень медленно изменяются, при этом многие стереотипы представляют собой предрассудки. Тем не менее, в ходе социально-культурного развития такие стереотипы подвергаются процессу моделирования, «ломая» старые стереотипы и формируя новые традиционные установки, отражающие понимание роли, места и функций мужчин и женщин как в отдельно взятом обществе, так и в мировом сообществе в целом.

Список литературы

1. Белова, Н. В. Гендерные стереотипы языкового сознания / Н. В. Белова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-stereotipy-yazykovogo-soznaniya> (дата обращения: 20.02.2025).
2. Гейвандов, Э. А. Женщина в пословицах и поговорках народов мира: красота, любовь, супружество / Э. А. Гейвандов. – Москва : Гелиоцентр, 1995. – 304 с.
3. Павленко, Н. А. Гендерный компонент в семантике английских фразеологических единиц / Н. А. Павленко // Філологічні трактати. – 2013. – Т. 5, № 2. – С. 87–92.

4. Рябова, Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований / Т. Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. 5, вып. 1–2 (15–16). – С. 120–139.
5. Шевченко, М. Н. Гендерные стереотипы / М. Н. Шевченко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-stereotipy> (дата обращения: 15.02.2025).

УДК 82

**ПЕРЦЕПТИВНО-ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО
ТИПАЖА «МАРГИНАЛ» (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
П. ОСТЕРА «ТИМБУКТУ»)**

А. А. Свистович,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Ломакина И. Н., к. ф. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Лингвокультурология – раздел языкознания, занимающийся вопросами взаимосвязи языка и культуры. Лингвокультурный типаж представляет собой «тип личности, выделяемой по социально-значимым параметрам в рамках определённого социально-этнического общества, проявляющий определённые речеповеденческие характеристики и узнаваемый носителями конкретной этно- или социокультуры по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [3, с. 27].

В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова под «маргиналом» понимается:

1. «Человек, находящийся в промежуточном, пограничном положении между какими-либо социальными группами, утративший прежние социальные связи и не приспособившийся к новым условиям жизни; лицо, находящееся на периферии общества» [1, с. 515].
2. «Тот, кто находится на грани общества (бомжи, бездомные, безработные и т.п.)» [1, с. 515].
3. «Обидное прозвище, ругательство, инвектива» [1, с. 515].

Английский словарь даёт следующее определение: “...marginal (adj.) not part of a main or important group or situation: *marginal groups in society*” [5].

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами:

- теория лингвокультурного типажа имеет междисциплинарный характер, что полностью отвечает тенденциям развития современной лингвистики;
- теория активно развивается, однако многие типажы не получили должного описания в научных работах;
- «маргинал» – распространённый и в каком-то смысле вневременной типаж, который тем не менее развивается и может меняться с течением времени, поэтому важно зафиксировать его нынешнее состояние.

Целью данного исследования является комплексное лингвокультурное моделирование типажа «маргинал» на основе романа П. Остера «Тимбукту».

Методы исследования. Данное исследование основано на сочетании структурного и контекстуального методов, метода текстового анализа, описательного

метода, герменевтического подхода, а также общефилософских методов анализа и синтеза.

Результаты исследования. Для выявления перцептивно-образных особенностей лингвокультурного типажа «маргинал» в романе П. Остера «Тимбукту» была использована модель описания, предложенная О. А. Дмитриевой [2]. В данной модели предполагается составление «паспорта» для данного типажа, включающего следующие аспекты:

1. Внешний облик (внешность, одежда, возраст): *“Willy’s salad days were but a dim memory, a pile of compost moldering in a vacant lot”* [4, с. 7].
2. Гендерная принадлежность: *“a scrawny sixteen-year-old boy”* [4, с. 13].
3. Происхождение/определяемый типажом социальный статус: *“For the first year, Willy’s mother supplemented their income by giving piano lessons to young Jewish brats in the apartment, but that ended one morning in November of 1947 when Willy poked his little face out from between her legs and unexpectedly refused to stop breathing”* [4, с. 7].
4. Место жительства, характер жилища: *“He grew up American, a Brooklyn boy who played stick-ball in the streets, read Mad magazine under the covers at night, and listened to Buddy Holly and the Big Bopper”* [4, с. 29].
5. Сфера деятельности: *“Lord knows how many drugs that boy ingested in the two and a half years he spent on Morningside Heights”* [4, с. 59].
6. Досуг: *“In the twenty-three years since he’d taken on the surname of Christmas, Willy had filled the pages of seventy-four notebooks with his writings. These included poems, stories, essays, diary entries, epigrams, autobiographical musings, and the first eighteen hundred lines of an epic-in-progress, Vagabond Days...”* [4, с. 38].
7. Семейное положение: *“He found them alien, wholly embarrassing creatures, a pair of sore thumbs with their Polish accents and stilted foreign ways, and without really having to think about it he understood that his only hope of survival lay in resisting them at every turn”* [4, с. 18].
8. Коммуникативное поведение/речевые особенности: *“Damn, damn, and double damn”; “Looke here, ol’ bud”* [4, с. 47].

Выводы. Анализ художественной литературы позволяет понять становление и развитие типажа «маргинал» в обществе, а модель описания, предложенная О. А. Дмитриевой, позволяет выявить ключевые аспекты перцептивно-образных особенностей данного типажа. Использование этой модели на примере романа П. Остера «Тимбукту» позволяет лучше понять и проанализировать типаж «маргинал», его внешний облик, социальный статус, сферу деятельности и др. характеристики. Такие исследования могут пролить свет на культурные и социальные особенности общества и помочь лучше понять его структуру и динамику.

Анализ характеристик лингвокультурного типажа «маргинал» позволяет выделить специфические черты таких личностей: отчуждённость, одиночество, критичное отношение к миру, отсутствие целостного восприятия и способности к установлению глубоких связей с окружающими.

Психологические особенности маргиналов включают в себя переживания беспокойства, тревожности, чувство неполноценности и беспомощности.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – Москва : Норинт, 1998. – 1535 с.
2. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века / О. А. Дмитриева. – Волгоград : ВГПУ «Перемена», 2007. – 307 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : ВГПУ «Перемена», 2002. – 477 с.
4. Auster, P. Timbuktu / Paul Auster. – New York : Faber and Faber, 2008. – 181 p.

5. Cambridge Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode:
<https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/businessman>. (Access date: 16.05.2024).

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В СОЦИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

УДК 821.112.2

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ НИЦШЕ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНУЮ ЛИТЕРАТУРУ ПОСТМОДЕРНИЗМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Е. А. Аникеева,

*старший преподаватель кафедры немецкой филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В рамках данной статьи рассматривается тема культурного наследия Фридриха Ницше, нашедшего свое идейное отражение в немецкоязычной литературе второй половины XX века. Целью работы является определение степени глубины влияния основных положений теории Ницше на трансформацию человеческого сознания в связи с изменившимися условиями существования в результате мировых событий. В ходе исследования были использованы аналитический и сопоставительный методы. В работе сделан вывод, что постмодернизм явился тем самым антикризисным потенциалом, который мог вдохнуть новые ощущения в жизнь индивидов и дать предпосылки и возможность перестроить модель сознания в изменившихся исторических условиях.

Ключевые слова: постмодернизм, немецкоязычная литература, дискуссия, нигилизм, трансформация, культурное наследие.

Summary. This article deals with the topic of Friedrich Nietzsche's cultural heritage, which found its ideological reflection in the German-language literature of the second half of the XX century. The aim of the work is to determine the depth of influence of the main provisions of Nietzsche's theory on the transformation of human consciousness in connection with the changed conditions of existence as a result of world events. During the research there were used analytical, comparative methods. The paper concludes that postmodernism was the very anti-crisis potential that could breathe new feelings into the life of individuals and give the preconditions and opportunity to restructure the model of consciousness.

Key words: postmodernism, German-language literature, discussion, nihilism, transformation, cultural heritage.

Постмодернизм является универсальным культурологическим течением, затрагивающим не только область литературы, но и политики, философии, искусствоведения, музыки, науки. Большой интерес и спор стабильно вызывают вопросы истоков зарождения и широкого распространения постмодернизма во всех сферах жизни общества. В настоящее время продолжается дискуссия, выявляя новые точки зрения на влияние «ницшеанства», которое внесло значительный вклад в развитие мировой культуры.

Авторитет авторов, которые первые вступили на путь литературных опытов, подвергался сильной критике, их не замечали и не принимали во внимание их труды. Намеренно не замечались труды таких авторов, как У. Бранднер, У. Видмер, П. Хандке и др. Немецкоязычные писатели в своем сознании были, некоторым образом, связаны господствующим в то время единством государства и личности и вынуждены были соответствовать потребностям властей держать под строгим контролем гражданское сознание. К настоящему времени уже существует достаточно большое количество исследований Б. Гройса, Н. Маньковской, В. Тупицына, В. Руднева, М. Эпштейна, И. Ильина, М. Ямпольского и т.д. Рассмотрены различные литературоведческие,

философские, психоаналитические концепции – Р. Реннера, В. Вельша, М. Бубера, Л. Фидлера, У. Эко.

Атмосфера относительно стабильного существования западного общества 70-х годов XX столетия способствовала тому, что литературное течение постмодернизма проявило себя во всем многообразии новых способов выражения. Разделить четкими границами постмодернизм и предшествующий ему модернизм довольно сложно, хотя такие попытки предпринимались как зарубежными, так и отечественными исследователями. Например, в отличие от распространенных жанров периода послевоенной немецкоязычной литературы, а именно, романа или короткой истории, в которых преобладал простой понятный язык, в постмодернистской литературе широко используются такие средства, как пародия, гротеск и сатира. В рамках постмодернистского произведения читателю всегда предлагаются ребусы, шифры и загадки с целью подтолкнуть его к “активному” чтению, разбудить его творческую способность, вовлечь в игру его интеллект [5, с. 87]. На первый план повествования выходит ирония, которая приветствуется читателями, уставшими переживать жизнь с ее жестокой реальностью. Массовая культура постепенно начинает пополняться и обогащаться новыми образами, находящимися на грани вымысла и правды. Отличительной особенностью постмодернизма является то, что наши прошлые знания о мире не являются непреложной истиной и могут, и даже должны, подвергаться сомнению, так как не существует более довлеющего над нами закона универсального знания, и вполне вероятно, что истина не одна, а их множество. Задача мыслящего человека состоит в том, чтобы построить собственную систему восприятия действительности, изменив свое отношение к предыдущему опыту. Очевидно, что постмодернизм – одно из интереснейших литературных течений, которое позволяет лучше понять внутренний мир персонажа и осознать смысл его поступков в процессе трансформации. Лозунг «открытого искусства» возник в процессе становления и утверждения постмодернизма, как ведущего направления в культурном пространстве, в том числе в области литературоведения.

Идеи Ницше можно представить в виде камертона для общества, которое созрело к переменам и изменениям, но еще не вполне было готово отказаться от прошлого опыта, однако уже готово отказаться от тотального рационализма. Суть его философии заключалась, прежде всего, в отрицании того привычного мировоззрения, на котором базировались устоявшиеся гражданские и религиозные принципы существования общества. Нигилизм Ницше, его критическое переосмысление уже существовавших ранее философских теорий, послужили огромным толчком для дискурса многих исследователей творчества этого весьма влиятельного мыслителя XX века.

Ницше предлагал свое видение и понимание социальных и индивидуальных процессов. Истинную картину мира, по его утверждению, раскрыть и упорядочить не смогут ни язык, ни мышление, они лишь искажают ее, следовательно, необходимо отказаться от господства идей рационализма и от всех иллюзий, которые базируются на гуманизме. Нет ничего вечного, устоявшегося, во всем существуют множество возможностей трактовки и везде присутствует относительность. Познание и мораль он также относит к изменчивым и подвижным категориям. То, что привычно было считать адекватностью, уже не в состоянии отразить постоянно меняющийся мир вокруг нас, поэтому стремление что-то упорядочить, подчинить законам и вывести формулу устойчивости означает наши безуспешные попытки взять под контроль хаос. Наше знание – это результат исторически обусловленной языковой и социальной практики. Одним из постулатов философской теории Ницше является утверждение, что человек не способен самостоятельно познать глубину устройства мира и изменить порядок вещей. Конструировать и преобразовывать действительность не является способностью

человека, он слишком мал и незначителен для этого. Следовательно, нужно отказаться от попыток привести мир в упорядоченную систему.

Существующие рамки 70-х годов не вмещали себя новое постмодернистское течение в литературе, непривычные и необычные жанры, с помощью которых писатели изображали образы и события, вызывали непонимание и, как следствие, отторжение. Впрочем, это не помешало в дальнейшем таким писателям, как Г. Гессе и Р. Музиль привлечь пристальное и заинтересованное внимание многих писателей и читателей к принципам построения постмодернистского произведения. Например, в литературе ГДР писатели Х. Мюллер, Ф. Р. Фрис, К. Вольф, У. Пленцдорф, И. Моргнер, Ф. Браун в своих произведениях используют принципы постмодернистского построения и развития сюжета. В ФРГ об искусстве постмодернизма стали говорить ближе к середине 80-х годов. Как постмодернистские романы, привлекли к себе внимание произведения Патрика Зюскинда («Парфюмер» 1985), Бото Штрауса («Молодой человек» 1984), Кристофа Рансмайра («Последний мир» 1988).

Мнение Ричарда Тарнаса о том, что в самых общих чертах постмодернистское мышление можно рассматривать как незавершенный и непостоянный набор положений, который складывается постепенно под влиянием множества разнообразнейших интеллектуальных и культурных толкований, нашло подтверждение в рассмотренных произведениях. Поэтому если, несмотря на имеющиеся в рамках постмодернизма различия, попытаться выделить этот «набор положений», т. е. его некоторые общие черты, то прежде всего, видимо, надо назвать следующие из них. Так, поскольку отрицается оппозиция «субъект-объект» и субъект перестает быть центром познания, то становится возможным говорить о субъекте без философствования, что в рамках классического философского мышления является нонсенсом. Говоря же о мире и культуре как о совокупности текстов, представители постмодернизма утверждают, что смысл текста не может расцениваться всеми с точки зрения абсолютной истины и поэтому не может претендовать на признание всеми. Что касается понятия «прогресс», исследуемого не только в социуме, а и в науке, то от него вообще следовало бы отказаться [6].

В результате данного исследования были выявлены следующие закономерности связи ницшеанской теории с немецкой литературой второй половины XX века на примерах некоторых значимых произведений указанного периода. Так, в своем знаменитом романе «Парфюмер», Зюскинд описал механизмы крушения абсолютной власти в тот момент, когда в человеке пробуждается собственное сознание. Образ главного героя является противопоставлением образам, описываемым в модернизме. Главный персонаж, парфюмер Гренуй, превознес себя над законами общества, где подчинение власти являлось главным способом существования, создал собственную мораль, разрешив себе убийство людей во имя достижения своей цели.

Писатель Бото Штраус в своем романе «Молодой человек» также строит свое повествование на принципах модернизма, но призывает к свободе от церемоний, в которых люди находят устойчивость и стабильность, призывает отказаться от общественного понимания успеха, а больше ориентироваться на критичное восприятие исторического опыта, искать и находить опору в ироническом переосмыслении действительности. Эта «специфически немецкая утрата преемственности» заключалась в крайне резком обрыве культурных связей, вследствие изгнания из страны нацистским режимом наиболее значительных и высоких традиций немецкого искусства [2]. Персонажи, представленные в романе Бото Штрауса, как будто сложены из мозаики и олицетворяют собой образы потерянной национальной идентичности. Автор показывает ретроспективу прошлого, создает смешанный портрет героев и заполняет пространство своего произведения начатыми и незаконченными историями, как бы предоставляя читателю самостоятельно довести до конца сюжетную линию. Этот

прием характерен для постмодернизма и обусловлен постулатом, что человек ничего не способен изменить в мире и его попытки преобразований действительности заранее обречены на провал.

В романе «Последний мир» Кристофа Рансмайра можно также рассмотреть проблему трансформации человеческого сознания. Сюжетная линия построена на связи с мифологией. Глубоко исследуя произведения Овидия, автор также демонстрирует качество постмодернистского принципа, а именно, распад субъекта как центра познания и утверждение децентрации, т. е. отрицание центра как такового. Интересен способ изображения автором собственно модели постмодернистского сознания современного человека в качестве калейдоскопа самых различных реалий из человеческой жизни. Текст как способ отражения действительности собран из разнообразных свидетельств современников различных исторических периодов. Это и отрывки воспоминаний, пересказы легенд, интерпретации снов и т.д. Пребывая в поиске новой надежной опоры, персонаж произведения находится в положении человека, который, отрицает пройденный путь и находится в поисках неизведанного, не встречая понимания. Но необходимо было также дать почувствовать это своим читателям и приучить их к новым взглядам на изменяющуюся действительность, чему в значительной степени способствовала философская теория Ницше, которая полностью отвечала постмодернистским тенденциям.

Таким образом, исследование материала ряда художественных произведений авторов немецкоязычной литературы позволяет прийти к выводу, что существует связь глубокого и драматичного характера немецкого постмодернизма со спецификой немецкой истории XX века, что нашло отражение в особенности литературных произведений, в которых на первый план выходили чувства хаотичности, бессмысленности, безнадежности и абсурдности бытия, а также поиск собственной идентичности и попытки установления какого-либо единого начала и универсальных предпосылок интегрирующих идей.

Список использованных источников

1. Васильева, А. В. Национальный характер немецкого постмодернизма / А. В. Васильева // Молодой ученый. – 2009. – № 10 (10). – С. 190–192.
2. Гугнин, А. А. Причудливые пути постмодернизма / А. А. Гугнин // Германия XX век. Модернизм, авангард, постмодернизм. – Москва, 2008. – С. 289–303.
3. Ницше, Ф. Письма / Ф. Ницше ; сост. И. А. Эбаноидзе. – Москва : Культурная революция, 2007. – 400 с.
4. Ницше, Ф. Юный Ницше: Автобиографические материалы. Избранные письма. Из ранних работ. 1856–1868 / Ф. Ницше ; сост. В. М. Бакусов. – Москва : Культурная революция, 2014. – 304 с.
5. Роганова, И. С. Немецкая литература: прошлое и настоящее / И. С. Роганова // Современная Европа. – № 1. – 2007. – С. 87–101.
6. Тарнас, Р. История западного мышления / Р. Тарнас. – Москва : КРОН-ПРЕСС, 1995. – С. 335.

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЕ

Т. В. Бридко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной статье автор изучает проблему нейтрализации гендерного фактора при конструировании немецкоязычных рекламных текстов. Целью исследования является анализ лексико-грамматических средств немецкого языка, используемых авторами рекламных сообщений для формирования гендерно-нейтрального текста. В работе были использованы метод сопоставительного анализа, метод лексического отбора, индуктивно-дедуктивный метод и метод количественного подсчета. В ходе проведенного исследования выявлено, что для формирования гендерно-нейтрального текста авторы употребляли слова общего мужского рода, формы официального обращения, а также местоимения. Наиболее часто создатели рекламных сообщений использовали местоимение *du* или его варианты, в меньшей степени – слова общего мужского рода.

Ключевые слова: немецкий язык, рекламный текст, гендерная идентичность, нейтрализация гендера, лингвистика.

Summary. In this article, the author examines the problem of gender neutralization in German advertising texts. The purpose of the study is to analyze the lexical and grammatical means of the German language used by the composers of advertising texts to form gender-neutral texts. The author used the following scientific methods: the method of comparative and quantitative analyses, the method of lexical selection and the inductive-deductive method. The study shows that the writers used words of the generic masculine, the forms of formal address, as well as pronouns to form a gender-neutral text. The writers used the pronoun *du* (or its variants) most often, and the words of the generic masculine were the least popular ones.

Key words: German, advertising text, gender identity, gender neutralization, linguistics.

В современном мире реклама является неотъемлемой частью общества. Она информирует потенциальных потребителей о товарах и услугах; повышает узнаваемость брендов и отдельных личностей; влияет на общественное мнение посредством оповещения населения о социально значимых проблемах, а также расставляет ценностные ориентиры. В связи с популярностью рекламы она становится объектом пристального внимания со стороны ученых различных областей наук: экономических, социологических, культурологических, филологических, психологических и т.д. (Ф. Котлер, Г. Армстронг, М. Ю. Рогожин, К. А. Татаринцов, М. Э. Ананикян, Т. Н. Патрахина, Р. Г. Железнёва, О. Л. Цветкова и др.).

Одновременно с этим гендерная проблематика также занимает важное место в научных трудах по всему миру. Вопросы гендера разрабатываются в психологии, культурологии, антропологии, социологии, политологии, лингвистике, кинематографии, медицине и других науках (И. Гофман, С. Киллерман, Д. Мани, Т. В. Бендас, Т. Лакер, Д. Лорбер, Ш. М. Берн, Е. П. Ильин, А. Ф. Филатова, А. В. Белова и др.). В частности, как отмечает профессор А. Д. Петренко, «влияние проблем женской эмансипации и активное участие женщин в общественной жизни находят свое непосредственное отражение в языке» [1, с. 19].

Данная работа посвящена анализу отображения гендерного фактора в рекламных сообщениях, поскольку, не смотря на ряд работ, рассматривающих взаимосвязь рекламы и гендера (Л. С. Повелкина, М. В. Городникова, Е. С. Гриценко), вопрос о нейтрализации гендерной идентичности в немецких рекламных текстах недостаточно изучен на данный момент, что обуславливает **актуальность** исследования.

Целью научной работы является рассмотрение и анализ средств немецкого языка, употребляемых авторами рекламных текстов для сохранения гендерной нейтральности в рекламе.

Методы исследования включали метод сопоставительного анализа, метод лексического отбора, индуктивно-дедуктивный метод и метод количественной обработки материала. В качестве практического материала были использованы рекламные сообщения на немецком языке, представленные в свободном доступе в сети Интернет.

В человеческом обществе всегда существовало архетипическое разделение на две группы – мужчин и женщин, основанное на принципе биологического пола. Однако, на протяжении всей истории человечества социумом пересматривались многие жизненно важные вопросы (например, существование души у человека или животных, правомерность рабовладения, эвтаназия и др.). Сейчас настало такое время, когда многие представители человеческого рода ставят под сомнение факт совпадения своего биологического пола, полученного при рождении, и своей гендерной идентичности. Сомневаясь, они ищут признаки своей «фемининности» или «маскулинности», сверяясь с той информацией, которая преподносится в современной киноиндустрии, художественной литературе, научных трактатах, глянцевого журналов, рекламных сообщениях и т.д. С целью увеличения эффективности рекламы, которая прежде всего является «инструментом маркетинга» [1, с. 37], её авторы активно используют подобные тенденции современной гендерной политики. Их действия возможно объяснить тем, что, как справедливо отмечает О. Л. Цветкова, «реклама является как бы зеркальным отражением мира» и несет в себе некое подобие внушения, которое берет свои истоки «из практик нейролингвистического программирования» [3, с. 37].

Германия, объявляя себя толерантной и демократической страной, активно поддерживает такие веяния в обществе, что находит свое отражение в ее культуре и языке. В этой стране еще в начале восьмидесятых годов прошлого века благодаря движению «бросок на формы» (*Marsch durch die Formen*), происходит феминизация языка [2, с. 19].

Как известно, одной из самых важных проблем современной феминистской критики языка в Германии и за ее пределами является использование слов мужского рода для идентификации индивидуумов, играющих важную роль в процессе формирования гендерной идентичности в рекламе. Это объясняется тем фактом, что в немецком языке во всех без исключения лексических парах женские формы являются производными от мужских: *Werber – Werberin, Sportler – Sportlerin*. Это явление достаточно редко встречается в современных рекламных слоганах, что вероятно объясняется желанием рекламодателей избежать привязки к определенному полу. В качестве примера, можно привести следующие рекламные сообщения:

Auch Werberinnen tragen diese IWC.

BMW Fahrer-Training.

Помимо этого, представители феминизации языка яростно критикуют формы мужского рода в гендерно-нейтральном контексте, которые используются для обозначения представителей обоих полов (так называемый *generisches Maskulinum*, общий мужской род). В качестве выхода из сложившейся ситуации было предложено использование гендерно-нейтральных причастий (*Studierende*) или форм официального

обращения (*Studentinnen und Studenten*). Однако проведенное исследование выявило, что несмотря на подобные веяния, в немецкой рекламе существует тенденция, согласно которой в рекламных сообщениях по-прежнему активно используются формы общего мужского рода (около 12% от всех зафиксированных слов). При этом не имеет значения, размещена ли реклама в журнале/сайте с женской или мужской целевой аудиторией, например:

Hobbyköche und Genießer werden sich über das neue Klimagaren freuen.

Musterstädter Senioren schätzen an uns vor allem eins.

Для обозначения лиц в гендерно нейтральном тоне, авторы немецких рекламных сообщений часто прибегают к употреблению местоимений первого или второго лица (23% от всех выявленных слов). Такой метод позволяет создать видимость диалога с потенциальным клиентом:

Wenn selbst ich mir ein Cabrio leisten kann, können Sie das auch.

Sie lieben schwarze Pisten? Wir auch.

Wir helfen alkoholkranken Menschen. Bitte helfen Sie uns!

Bunte Vielfalt? Haben wir schon.

В некоторых случаях, однако, подчеркивается гендерная принадлежность реципиента или же адресанта сообщения. Впрочем, необходимо отметить, что такое явление встречается довольно редко (менее 1%) и не носит массового характера:

Wir Männer wünschen uns eine glatte, gepflegte Haut ohne Irritationen.

Помимо местоимений первого и второго лица, выявлено, что наиболее частотными в рекламных текстах являются местоимение второго лица *Du* (24% от всех зафиксированных слов), вежливая форма *Sie* (17% от всех проанализированных слов) или их варианты:

Und jetzt Du!

Samtweiche Haut – Fühlen Sie sich großartig.

Diese Schminkfehler machen dich älter.

Du kannst alles sein – nur nicht ungeschickt.

Tulpen, wie nett von dir!

In Norwegen erwartet dich der Fang deines Lebens!

Несмотря на то, что неопределенно-личное местоимение *man* также является объектом пристального внимания немецкой феминистской критики языка в связи с его этимологией (ср. *der Mann* – мужчина, человек). Анализ практического материала показал, во-первых, данное явление встречается в менее, чем 13 % случаев от всех употреблений местоимений. Во-вторых, в рекламных сообщениях местоимение *man* не носит дискриминирующего характера, так как категория пола при традиционном употреблении *man* не является релевантной:

Man sagt von ihm, dass seine Füße nicht oft auf dem Boden stehen.

Professionelle Haarpflege, die man sich leisten kann.

Das trägt man heute: den Organspendeausweis.

So stapelt man Glücksgefühle.

Подводя общий итог проведенному исследованию, можно утверждать, что изучение гендерных характеристик рекламного текста – актуальное и перспективное направление в гендерной лингвистике. В рекламном тексте действие гендерного фактора является ярким и наглядным. В дальнейшем хотелось бы рассмотреть другие способы соблюдения гендерной нейтральности в рекламных текстах.

Список использованных источников

1. Патрахина, Т. Н. Научная дефиниция «реклама»: теория вопроса / Т. Н. Патрахина, К. И. Шамсутдинова // Вестник магистратуры. – 2016. – № 1 (52), Т. II. – С. 116–117.

2. Петренко, А. Д. Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы) : монография / А. Д. Петренко, В. М. Бухаров, Д. А. Петренко [и др.] ; под ред. д-ра филол. наук, проф. А. Д. Петренко. – Москва : ИНФРА–М, 2018. – 370 с.
3. Цветкова, О. Л. Репрезентация гендера в рекламе: стратегии, стереотипы, средства / О. Л. Цветкова // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 4 (23). – С. 34–43.

УДК 811.12

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АВСТРИЙСКОЙ РЕКЛАМЫ

Н. К. Воронцова,

*старший преподаватель кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена особенностям рекламной коммуникации в Австрии. Реклама отражает особенности социума, этноса и менталитета современной Австрии. Характерной чертой является сохранение национально-культурных особенностей путем употребления австрийского национального варианта немецкого языка.

Ключевые слова: социолингвистика, рекламная коммуникация, австрийский немецкий язык, национальная идентичность.

Summary. The article is devoted to the features of advertising communication in Austria. Advertising reflects the features of society, ethnicity and mentality of modern Austria. Typical is the preservation of national and cultural features by using the Austrian national variant of the German language.

Key words: sociolinguistics, advertising communication, Austrian German, national identity.

Рассматривая современную картину глобального общества, нельзя не отметить тот факт, что сегодня информация является неотъемлемой частью его существования. Современное общество определяется как «общество потребления», «информационное», «общество масс-медиа». За короткий промежуток времени массовая коммуникация стала распространенной во всех областях человеческого существования, и уже невозможно представить себе жизнь без информации и источников ее распространения.

Рекламную коммуникацию можно рассматривать как особый вид социокультурного общения, поскольку она осуществляется в масштабах всего человечества и является важным условием развития и организации социума. Особенность рекламной коммуникации заключается прежде всего в ее социальной обусловленности, что дает основание рассматривать ее в системе социокультурных отношений и как определенный вид таких отношений [5, с. 209–210]. То, что развитие рекламной коммуникации влияет на культуру настолько, что человек не всегда способен ей противостоять, прогнозировалось еще в то время, когда признаки массово-коммуникативной экспансии только начали появляться. В основе истории рекламы лежит история культуры человечества. У людей всегда существовала потребность в общении, и эта потребность создавала различные способы коммуникации – словесные, изобразительные, предметные. Рекламу в настоящее время понимают как особую форму коммуникации, направленную на принуждение людей к приобретению предлагаемого товара. Составляющими рекламы являются адресант, текстовое сообщение и реципиент. Особенности последнего влияют на восприятие и оценку

рекламного обращения. При исследовании рекламы нам представляется важным уделить особое внимание социолингвистическому аспекту.

Социолингвистика как наука, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии, изучает широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его использование для коммуникативных целей и, в частности, речевое поведение как процесс выбора оптимального варианта для построения социально корректного высказывания. При этом выявляется сам механизм отбора социально значимых вариантов, устанавливаются критерии, на основе которых происходит выбор.

Одной из актуальных проблем социолингвистики является вопрос языка и нации. Народность, этнос, будучи разделенным государственными границами, может создавать несколько национальных формирований при сохранении языковой общности. И хотя язык все же остается важнейшим, стойким и очевидным «признаком номер один» нации, в этом правиле возможны исключения. Нация – это не только языковая общность, но так же и культурная и историческая. Как справедливо отмечает В. Поллак, «Кто отрицает австрийскую нацию из-за употребления письменного немецкого языка, должен был бы так же отрицать швейцарскую, бельгийскую, бразильскую, чилийскую, мексиканскую, американскую, которые имеют общий со странами происхождения язык, но при этом обладают уникальными национально-культурными особенностями так же, как и австрийская нация» [4, с. 18]. Наиболее важной особенностью языковой ситуации в странах, где язык представлен в виде национального варианта, является «значительное расширение употребления обиходно-разговорного языка во всех его разновидностях, от сближающихся с диалектом до приближающихся к литературному языку. Региональный вариант обиходно-разговорного языка в процессе коммуникации нередко приобретает особую функциональную нагрузку» [1, с. 4].

Немецкий язык имеет свои национальные варианты, и это нужно учитывать при исследовании особенностей немецкоязычной рекламы. Так, например, баварская реклама отличается от австрийской или швейцарской, так как апеллирует к своей аудитории, стремясь таким образом привлечь как можно больше покупателей. Таким образом, рекламные тексты могут быть проанализированы с учетом особенностей национальных вариантов языка.

Австрийский национальный вариант немецкого языка – это система вариантов, типичных для Австрии, в основе которых лежит как общенемецкий, так и австрийский диалектный языковой субстрат. М. Клайн понимает под австрийским вариантом немецкого языка континуум вариантов, в центре которых стоит разговорный язык [3, с. 125]. П. Визингер в своей работе о центральных и южных баварских диалектах в Баварии и Австрии выделяет следующие группы диалектов:

- 1) среднебаварские диалекты (восточные и западные);
- 2) особые диалектные ландшафты в границах среднебаварского диалекта (Нижняя Австрия и Вена, Верхняя Австрия, Нижняя и Верхняя Бавария);
- 3) центрально-южные баварские диалекты (Штирия и юго-восточная Нижняя Австрия, Зальцбург, южная часть Верхней Баварии);
- 4) южнобаварские диалекты (Каринтия и Тироль) [7].

В Австрии всячески стараются побороть доминирующую роль Германии в использовании стандартного языка путем придерживания норм собственного национального варианта, что зачастую граничит с пуризмом. [2]. Благодаря употреблению австрийского национального варианта рекламное сообщение достигает высокой степени доверия. Так, например, рекламный слоган австрийского обувного бренда Humanic – „*Humanic passt immer*“ – перекликается с типичным для австрийского немецкого „*das passt*“, что, помимо основного значения «подходить»,

является аналогом стандартного немецкого „*Alles klar*“ – все ясно. Это придает рекламному объявлению позитивную окраску, а потребителям – уверенность в своем выборе.

Типичным для австрийских рекламных текстов является употребление морфем, присущих австрийскому национальному варианту. Широко распространенным является суффикс – *lein* в лексемах: „*Spieglein, Spieglein an der Wand, wer ist der modischste, schönste Stiefel im Land? Hinter allen Bergen von Stiefeln und Schuh, bist brandneu und modischste du. Humanic passt immer – Stiefel und Schuh.*“ Кроме того, употребление слова *Berge* – горы не случайно, так как это указание на один из символов Австрии – Альпы.

В рекламе традиционных австрийских булочек с начинкой (*Wachauer*) мы встречаем существительное *Jause* (австр. – перекус, закуска, полдник) – „*A Jaus'n und ka Snack! Die Wachauer – Jaus'n aus Österreich.*“

Многие рекламные тексты построены на игре слов. Так в рекламе ликера *Stroh* „*Macht aus jedem Schmarrn einen Kaiser!*“, для привлечения внимания обыгрывается значение существительного *Schmarren* (*Schmarrn*) – юж. нем.; австр. – ерунда, глупость, бесполезная вещь, и название австрийского блюда *Kaiserschmarren* (сладкий омлет).

Так же типичным австрицизмом можно назвать акцент на атмосфере в рекламных текстах, что часто связано с такими ключевыми словами, как *Genuss* (наслаждение), *Gemütlichkeit* (уют), например: „*Genießen Sie imperialen Ambiente!*“ Часто австрийские рекламодатели используют лексемы австрийского варианта, предлагая традиционные места отдыха и заведения общественного питания: „*Zum Alten Beisl: Klassiker aus der österreichischen Küche, zubereitet mit den besten Zutaten in einem urigen Ambiente!*“ Согласно словарю национальных вариантов словом *Beisel* обозначается простая закусочная, где люди часто собираются большой компанией.

Особое внимание уделяется австрийской кухне. В меню ресторанов и кафе часто встречаются типичные для Австрии в целом или конкретного региона блюда и названия продуктов, например, в меню венского ресторана „*Beisl am Prater*“:

- *Wiener Schnitzel. Bei uns zur Auswahl: Das echte Wiener vom Kalb – oder ein Schnitzel Wiener Art vom Schwein. Dazu passt perfekt ein rescher Grüner Veltliner!*

- *Maronimousse mit Beerenragout und Schlagobers im Glas.*

Знаковой можно назвать рекламу в Интернете ресторана *Figlmüller*, в котором представлены рецепты и происхождение названий знаменитых блюд австрийской кухни: „*Heutzutage gilt der Tafelspitz als Aushängeschild der österreichischen Rindfleischküche. Geschnitten wird er übrigens aus dem Rinderschlägel – der sogenannte „Spitz“ ist das beste Stück und war somit namensgebend.*“

Типичной особенностью австрийского варианта является употребление уменьшительных суффиксов *-erl*, *-el*, *-l*. Одним из примеров может послужить ласковое название собора св. Стефана в Вене – *Steffl: Kaufhaus Steffl, Steffl Arena*.

Реже встречаются рекламные тексты, написанные полностью на австрийском национальном варианте. Например, в рекламном ролике сети австрийских супермаркетов «*Spar*» маленькая девочка встречает на живописном альпийском лугу женщину, и между ними происходит диалог: „*Mogst mitkumma? – Wohin? – Hoam. – Und wo ist des? – Na, dahoam ebm. – Und wos gfoit da an dahoam? – Dahoam ist Natur pur.*“ На стандартном немецком этот диалог звучал бы так: „*Möchtest du mitkommen? – Wohin? – Heim. – Und wo ist das? – Na, zu Hause eben. – Und was gefällt dir an zu Hause? – Zu Hause ist Natur pur.*“ В данном случае рекламируется торговая марка продуктов питания *Natur Pur*, продаваемых в супермаркетах *Spar*.

Таким образом, можно сделать вывод, что австрийская реклама содержит элементы как стандартного немецкого языка, так и австрийского национального варианта. Последний представлен в рекламных текстах на морфологическом,

лексическом, фразеологическом и диалектном уровнях. Австрийский национальный вариант немецкого языка является эффективным средством привлечения внимания потребителя к рекламному объявлению в прессе и Интернете, символизирует настроение, характер, отличительные особенности региона, вызывает положительные эмоции.

Список использованных источников

1. Петренко, А. Д. Проблемы социолингвистической вариативности языка в немецкоязычных автохронных ареалах / А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова, Д. А. Петренко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: Филологические науки. – Симферополь, 2016. – Т. 2 (68). – № 2. Ч. 1. – С. 3–16.
2. Ammon, U. Nationale Varianten des Deutschen / Ulrich Ammon // Studienbibliographien Sprachwissenschaft. – Heidelberg : Groos, 1997. – 138 S.
3. Clyne, M. German as a pluricentric language / Michael Clyne // Pluricentric languages. Differing Norms in Different Nations. – Berlin ; New York, 1992. – 466 p.
4. Pollak, W. Was halten die Österreicher von ihrem Deutsch? Eine sprachpolitische und soziosemiotische Analyse der sprachlichen Identität der Österreicher / W. Pollak. – Wien : OGS // ISSS, 1992. – 170 S.
5. Turner, J. The Structure of Sociological Theory / J. Turner. – Chicago, 1986. – P. 209–210.
6. Wiesinger, P. The Central and Southern Bavarian Dialects in Bavaria and Austria / Peter Wiesinger. – Wien : Beiträge zur Varietätentheorie des Deutschen, 1998. – 714 p.

УДК 81'276

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЗЕМЛЕ ГЕРМАНИИ СААР

С. Е. Перепечкина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье анализируется языковая ситуация (ЯС) в земле Саар, описываются ее лингвогеографические особенности, статус и функции используемых идиомов, языковая компетентность представителей различных групп населения. В качестве релевантных факторов, формирующих ЯС, определены исторический, территориальный и институциональный (языковая политика). Отмечается тенденция изменения типа ЯС в земле Саар от моноязычной к многоязычной (распространение французского языка-партнера).

Ключевые слова: земля Саар, языковая ситуация, языковая политика.

Summary. The article deals with the language situation in Saarland, describes its linguogeographical features, the status and functions of the idioms used, the linguistic competence of various groups of the population. Historical, territorial and institutional (language policy) factors are identified as relevant for forming the language situation in this German state. There is a tendency to change the type of language situation in the Saarland from monolingual to multilingual (the spread of French as a partner language).

Key words: Saarland, language situation, language policy.

Федеральная земля Саар в силу своего расположения у границ франкофонных территорий (Франция/Лотарингия, Люксембург) и сложных исторических перипетий представляет собой уникальный объект социолингвистического исследования, которое можно развернуть сразу в нескольких взаимосвязанных направлениях –

лингвистическом и лингвогеографическом, историческом, социо- и лингвокультурном, а также институциональном, соотносящимся с языковой политикой. В условиях тесных экономических и культурных связей в большом еврорегионе «Саар-Лор-Люкс» эта земля становится сегодня местом реализации идеи многоязычия, значимость которого подчеркивается в словах Альберта Рааша, основателя Саарского совета по языкам (Sprachenrat Saar): оно обеспечивает хорошие возможности для контактов и партнерства и способствует сближению друг с другом [7].

В данной статье рассматривается языковая ситуация в земле Саар с целью выявления ее специфики, что предполагает описание используемых идиомов, их статуса и функций, анализа языковой компетенции различных групп населения, а также языковой политики, проводимой сегодня в федеральной земле.

Среди *лингвогеографических особенностей* земли Саар в качестве релевантных выделим, прежде всего, функционирующие здесь диалекты – рейнско-франкский и мозельско-франкский, разделенные «линией *das/dat*» («*das/dat-Linie*»). Свое начало эта линия берет в Лотарингии в Крётцвальде, идет к северу вдоль старой границы графства Саарбрюккен и простирается до Рейна у г. Боппард (земля Рейнланд-Пфальц). На юго-востоке говорят на рейнско-франкском диалекте (языковой ареал «*das, was, es*»), а на северо-западе – на мозельско-франкском (ареал «*dat, wat, et*»). В прошлом граница между этими ареалами была более четкой и, по мнению В. Хаубрикса (Саарский университет), в значительной степени совпадала со старой епархиальной границей [1]. Рейнско-франкские области Саара до 1815 года были в основном протестантскими (напр., графство Саарбрюккен и герцогство Цвайбрюккен), мозельско-франкские территории находились преимущественно под влиянием католического Трирского курфюршества. В длительной истории развития языковой границы «*das/dat*» (прим. с 1350 по 1600 гг.) нельзя не учитывать также влияние политических и социально-экономических факторов.

Оба диалекта относятся к группе западно-средненемецких, которые в обиходе их носителей называются «платт», часто с указанием соответствующего места, напр., «*Eifeler Platt*», «*Sankt Wendeler Platt*» или «*Saarbrigger Platt*». По словам Петера Штольца, краеведа и писателя, подвидов местных диалектов в Сааре столько же, сколько деревень, и даже от семьи к семье люди говорят по-разному. П. Штольц отмечает при этом особую красоту и мелодичность родного наречия Энсхайма с характерной монофтонгизацией (*Hus – Haus, min – mein*) и заменой «*d*» и «*t*» на «*l*» (*Laden – Lale; Mädchen – Mäle*) [3].

Следует отметить, что по ряду причин мозельско-франкский постепенно отступает вглубь территории, уступая лингвистическому влиянию Саарбрюккена, в котором большое распространение получил рейнско-франкский диалект. «Движущей силой» последнего является индустриализм, кроме того, он ближе к верхненемецкому (литературному) языку и больше подходит для иммигрантов из соседних регионов Германии, в частности, рабочих из Пфальца. Носителями мозельско-франкского по-прежнему остаются оседлые сельские жители, фермеры в северо-западных областях Саара [2].

Французское влияние на язык и культуру жителей Саара. Галльский, достаточно скромный, след в языке жителей Саара определил ряд факторов, влияние которых можно было бы назвать противоречивым. С одной стороны, территориальная близость к Франции (157-километровая граница), с другой – использование в примыкающей к Саару французской Лотарингии немецкого диалекта, понятного в Сааре. Сдержанность по отношению к французскому языку, обусловленная тем, что для жителей Саара Франция на протяжении веков была вражеской страной; однако именно тот факт, что земля Саар после Второй мировой войны была под французский протекторатом, не только ее экономика и политика, но и язык испытали на себе явное

французское влияние [8]. Уже более ста лет назад в язык саарцев вошли такие слова, как *Forschett* (фр. *fourchette*, «вилка»), *Alleh hopp!* (фр. *aller*, «идти»); *allabonnär* (фр. *a la bonne heure*, «в добрый час»); *alert* (нем. *munter*, «бодро», фр. *alerte*); *Bagaasch* (нем. *Gepäck*, фр. *bagage*); *Troddwa, Trottuar* (нем. *Bürgersteig*, фр. *trottoir*); *Schess(e)long* (нем. *Sofa*, фр. *chaise longue*); *Portmonnä* (нем. *Geldbörse*, фр. *porte-monnaie*) [2]. Французское происхождение некоторых слов определяется сразу, в других же оно может быть не столь очевидным и требуется работа с этимологическими словарями. Эдит Браун, исследовательница саарских говоров и писательница, посвятила им книгу «*Keine Fisimatenten – französische Worte in Saarländischen Mundarten*», в названии которой одно из выражений, имеющих разные трактовки. «*Mach bloß kenn Fisimatente*» по мнению Э. Браун происходит от латинского *Visae patentes* («должным образом выданный патент»), канцелярского выражения 16 века, приобретшего позднее ироничный оттенок («излишняя сложность»), а не от французского «*Visitez ma tente*» («Посетите мою палатку») [10].

За годы попеременной смены территориальной принадлежности Саара у жителей этой земли сложилась самобытная культура, в которой сочетаются немецкие и французские черты. Популяризация «французского образа жизни на саарский манер» (*saarvoirevivre; savoir vivre*, «знаю, как жить») также принесла свои плоды, и не только в гастрономии (ежегодный фестиваль франкофонного сценического искусства и мн. др.).

О статусе, степени распространенности и функциях диалектов. _Сегодня, несмотря на широкое использование литературного языка, в земле Саар диалект распространен во всех слоях общества, прежде всего, в неформальной обстановке, дружеской, домашней. Число молодых людей, владеющих диалектом и действительно пользующихся им, в Сааре гораздо выше, чем где-либо в стране [3, с. 9]. Согласно оценке П. Штольца, 90–95 процентов жителей Саара (исключая мигрантов) говорят в повседневной жизни на местных диалектах [3]. Публикуется литература на диалекте, его можно услышать на сцене театров и кабаре, на традиционных песенных фестивалях. К числу некоторых особенностей его использования в литературном творчестве можно отнести распределение по жанрам: наибольшую долю составляют короткие рассказы, глоссы, анекдоты, большие формы встречаются редко, известен только роман Карла Конрата «*Dä Konschtäbajass vu Rom*» («Жонглёр из Рима») на мозельско-франкском диалекте [4]. В лирике также преобладают более короткие формы – сонет, баллада, хайку, конкретная поэзия, стихотворения в прозе. Ода, элегия, гимн или подобные формы довольно редки: диалект – простой народный язык и, вероятно, его сложно адаптировать к торжественному, высокому тону. Некоторые известные персонажи кабаре и телесериалов также говорят на диалекте (инспектор Палю в телевизионной криминальной драме «*Tatort*»; Хайнц Беккер, обыватель из Бексбаха с характерными репликами «*Im Läwe ned.*», «*Jo, geh' fort.*», «*Du Dummschwätzer.*» в комедийном телесериале «*Familie Heinz Becker*»).

Тем не менее, долгое время диалект считался старомодным, не престижным, говорить на нем считалось признаком провинциальности, малообразованности. От детей в школе требовалось говорить только на литературном немецком языке, считалось даже (еще в середине XX в.), что диалект препятствует овладению литературным стандартом [1]. Сегодня национальное самосознание жителей Саара выросло, диалект снова стал частью их культуры и идентичности. По мнению Андре Клумпа (языковед, проф. Трирского университета), диалекты формируют идентичность и объединяют людей, они связаны с родиной. Диалектная речь вызывает чувство доверия, она эмоциональнее, на диалекте разговаривают со своими лучшими друзьями и с семьей [6]. П. Штолец также отмечает, что «литературный немецкий язык нужен человеку для «головы», для ума, а диалект (платт) – для души» (*Перевод наш. – С. П.*)

[3]. Исследователь дает оптимистичные прогнозы в отношении мозельско- и рейнско-франкского диалектов, хотя они по данным ЮНЕСКО находятся под угрозой исчезновения [6]. Как уже было отмечено, в Сааре сравнительно много людей отдают предпочтение диалекту. И если раньше ставилась задача научить детей литературному немецкому языку, то сегодня – наоборот, во многих семьях им прививается диалект. По свидетельству П. Штольца, «и студенты в университетском кампусе обычно говорят на «платт», когда находятся между собой. Даже общаясь через цифровые медиа, молодые люди на удивление много пишут на диалекте, но, конечно, каждый пишет так, как хочет, поскольку единой диалектной орфографии нет.... Диалекты, как и все живые языки, просто изменяются, и они будут жить в измененной форме» [3].

О языковой политике как факторе, формирующем языковую ситуацию. Ключевым моментом в языковой политике земли Саар является сегодня т.н. «французская стратегия» (Frankreich-Strategie), принятая ее правительством в 2014 году и предполагающая к 2030 году сделать французский язык вторым языком общения и таким образом утвердиться в качестве «ворот во Францию» [5]. Среди множества примеров успешных транснациональных усилий, предпринятых в Сааре в последние годы, выделяются следующие: введение французского языка в первом классе начальной школы («раннее начало»), обмен воспитателями из детских садов, сотрудничество между центрами образования для взрослых и университетами региона Саар-Лор-Люкс. Развивать диалог между учреждениями, занимающимися иностранными языками в регионе, и координировать их деятельность является главной задачей Саарского совета по языкам (основан 19 мая 1991 г.) [7]. Языковая политика в земле Саар направлена, т.о., не только на сохранение и поддержку существующих здесь диалектов, но и на широкое использование французского языка как языка-партнера. Такую языковую политику можно рассматривать как важный фактор, формирующий языковую ситуацию в земле Саар. Подчеркнем также, что языковую ситуацию в этой федеральной земле неизбежно следует рассматривать в контексте ее исторического развития, связанного с Францией (Лотарингией), Люксембургом и Германией.

Тип языковой ситуации в земле Саар. По числу идиомов ЯС в земле Саар можно определить как поликомпонентную (территориальные и социальные разновидности немецкого языка); по параметру коммуникативной мощности – как демографически неравновесную и многополюсную (функционально доминирует немецкий литературный язык в сферах официального общения и как минимум два доминирующих идиома – два диалекта – в сфере неформального общения); по лингвистическому характеру входящих в ЯС идиомов – моноязычная (разновидности одного языка – немецкого) с тенденцией к многоязычной (распространение французского языка-партнера); гомогенная (языки индоевропейской семьи) и гомоморфная (типологически сходные языки); по характеру доминирующего идиома в федеральной земле – эндогlossная (доминирует немецкий язык и его диалекты).

Список использованных источников

1. Das eine und das andere Saarländisch. – URL: <https://www.dw.com/de/das-eine-und-das-andere-saarländisch/a-4246268> (дата обращения: 14.10.2024).
2. Das saarländische Wörterverzeichnis // Homepage von Reinhard Bürck. – URL: http://www.reinhard-buerck.de/waltraud_schwambach/misc/saarland_/woerterbuch/start.htm (дата обращения: 22.12.2024).
3. Der Mensch braucht Platt für sein Gemüt. Interview mit Peter Stolz // Saarbrücker Zeitung. – 18.02.2018. – URL: https://www.saarbruecker-zeitung.de/nachrichten/politik/topthemen/der-mensch-braucht-platt-fuer-sein-gemuet_aid-7332893 (дата обращения: 14.10.2024).
4. Eckert, P. Saarländische Mundarte und Mundartliteratur / Peter Eckert // Webseite: Literaturland Saar. – URL: <https://www.literaturland-saar.de/themen/saarlaendische-mundart/>

(дата обращения: 22.12.2024).

5. Holl, Th. Frankreich-Strategie. Das Saarland soll zweisprachig werden / Thomas Holl // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 21 Januar 2014. – URL:

<http://www.faz.net/aktuell/politik/inland/frankreich-strategie-das-saarland-soll-zweisprachig-werden-12762333.html> (дата обращения: 14.10.2024).

6. Lotz, J. Morjen und Guude – Dialekte in RLP sterben aus / Julia Lotz // Südwestrundfunk. – (SWR1 Rheinland-Pfalz) 21.02.2023. – URL: <https://www.swr.de/swraktuell/rheinland-pfalz/internationaler-tag-der-muttersprache-dialekte-rlp-100.html> (дата обращения: 15.01.2025).

7. Raasch, A. Die Sprachen im Saarland und der Sprachenrat Saar / Albert Raasch // Webseite: Sprachenrat Saar. – URL: <https://sprachenrat-saar.de/die-sprachen-im-saarland-und-der-sprachenrat-saar/> (дата обращения: 14.10.2024).

8. Saarländer und Französisch. Liebe auf Sparflamme. – URL: <https://www.goethe.de/de/kul/mol/20437956.html> (дата обращения: 14.10.2024).

9. Speyer, A. Der saarländische Dialekt: Warum wir reden, wie wir reden / August Speyer // Unserding. Themen. – 22.04.2024. – URL: <https://www.unserding.de/unserding/news/themen/saarlaendisch-dialekt-sprache-saarland> (дата обращения: 14.10.2024).

10. Von Flemm und Fissäl // Saarbrücker Zeitung. – 22.03.2009. – URL: <https://www.saarbruecker-zeitung.de/saarland/saarbruecken/riegelsberg/von-flemm-und-fissael-aid-260925> (дата обращения: 14.10.2024).

УДК 811.112:342.843/.532

ЯЗЫК ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ В БУНДЕСТАГ 2025 ГОДА

Д. А. Петренко¹, Э. В. Лихачёв²,

¹заведующий кафедрой немецкой филологии, кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей языка предвыборной кампании в бундестаг ФРГ 2025 года. Анализируются стратегии и методы воздействия на избирателей через политические лозунги в речи кандидатов в ходе дебатов и выступлений в СМИ. Исследуется эмоционально-прагматический потенциал высказываний политических деятелей. В ходе лексического и лингвостилистического анализа определяются языковые средства создания положительного имиджа кандидата и укрепления доверия электората к предвыборной программе партии. С помощью частотного анализа лексики устанавливаются лексемы, наиболее часто используемые в речи политиков.

Ключевые слова: политический дискурс, метафора, аргументация, бундестаг, эмоционально-прагматический потенциал, дебаты.

Summary. The article is devoted to the study of the peculiarities of the language of the election campaign to the Bundestag of the Federal Republic of Germany in 2025. Strategies and methods of influencing voters through political slogans in the speech of candidates during debates and media appearances are analysed. The emotional and pragmatic potential of the political figures' statements is investigated. In the course of lexical and linguistic analysis the linguistic means of creating a positive image of the candidate and

strengthening the electorate's trust to the party's election programme are determined. With the help of frequency analysis of lexicon the lexemes most frequently used in the speech of the politicians are established.

Key words: political discourse, metaphor, argumentation, Bundestag, emotional-pragmatic potential, debate.

Введение. Речь немецких политиков в бундестаге и во время дебатов исследовалась в социофонетическом [4], лингвокультурном [2], лингвопрагматическом [6] и коммуникативном аспектах [5]. Отдельные исследования были посвящены языковым особенностям в высказываниях отдельных политиков во время предвыборной кампании [1; 6]. Осенью 2024 г. бундестаг Германии не смог утвердить проект госбюджета на 2025 год, что привело к расколу коалиции и назначению досрочных выборов, которые состоялись 23 февраля 2025 года [7]. Рекордная за последние 38 лет явка в 82,5% указывает на максимальную вовлеченность избирателей в политический процесс. По итогам выборов, две крупнейшие партии Германии, CDU/CSU и SPD показали второй худший и наихудший результат в истории (28,5% и 16,4% соответственно), в то время как AfD – лучший, заняв второе место (20,8%). Борьба за власть в ходе обострившегося политического кризиса нашла свое языковое выражение в рамках предвыборного дискурса в высказываниях кандидатов в канцлеры ФРГ в ходе дебатов и выступлений в СМИ, исследование которых стало **целью** данной работы. Поставленная цель обусловила необходимость выполнения ряда **задач**: сбор высказываний политиков, описание лексических и стилистических языковых средств, использующихся для защиты своей позиции и атаки оппонентов, определение наиболее важных тем и участников предвыборного дискурса. Указанные задачи решались с использованием таких **методов**, как описательный метод, метод частотного анализа лексики, метод лингвостилистического анализа. **Материалом** исследования послужили текстовые записи высказываний кандидатов в канцлеры ФРГ общим объемом 56 страниц. Полученные **результаты** можно изложить следующим образом.

В ходе предвыборной гонки лидеры партий высказывали полярные мнения по вопросам миграции, экологии, социальной и международной политики. Например, *Die Linke* выступает за уменьшение социального расслоения (*Es sollte keine Milliarden geben*), в то время как центристская *CDU* утверждает, что в Германии вообще не должно быть левой политики. *FDP* критикует ускоренный переход к климатической нейтральности (к 2045 году вместо общеевропейского 2050 года), в результате которого страна может превратиться в *Industriemuseum*. Борьба за голоса избирателей (*für sich trommeln*) проводилась как на рациональном, так и на эмоциональном уровне аргументации, что нашло свое отражение в выборе лексических и стилистических средств. Для того, чтобы заручиться поддержкой электората, политики «идут в народ» (*ein Bad in der Menge nehmen*), «делают рискованные заявления» (*sich weit aus dem Fenster legen*), становятся «товарищами по несчастью» в случае неудачи (*Leidensgenossen*). Декорации предвыборной сцены, создаваемые метафорами *harter Schlagabtausch* «обмен тяжелыми ударами», *politisches Schwergewicht* «политический тяжеловес», *Paradebeispiel* «образцовый пример» (от *Parade* «защита»), *Luft wird dünn* «не хватает воздуха», *die letzten Meter des Wahlkampfes* «последние метры предвыборной борьбы» напоминают о ринге или легкоатлетической арене. Политические дебаты ассоциируются с развлекательными ток-шоу (*politischer Konkurs* «политический конкурс», *Zungenschlag* «острый выпад, колкое словцо»).

Кризис правящей коалиции косвенно признается партией власти *SPD*, которой мешает «встречный ветер» (*der Wind weht von vorn*) и которая «не сулит своим избирателям золотые горы» (*nicht das Blaue vom Himmel versprechen*). Политика конкурирующей *CDU* может «свести Европу в могилу» (*Europa zu Grabe tragen*) и сравнивается с безответственными азартными играми (*unverantwortliche Zockerei*), а

критика в свой адрес высмеивается как жупел, т.е. пугало (*Popanz aufbauen*). Результаты досрочно прервавшейся каденции канцлера от SPD оцениваются такими эпитетами как *schieres Desaster* «абсолютная катастрофа», *katastrophale Bilanz* «катастрофический итог», его деятельность на посту как *hat alles versemmt* «запорол все», а его самого называют *Kanzler des Abstiegs* «канцлер падения/вылета в низшую лигу». В качестве слабости экономической политики указывается «необузданность государственных расходов» (*Zügellosigkeit von Staatsausgaben*), а государство сравнивается с кораблем, который должен сменить курс (*Umsteuern der Gesellschaftspolitik*). Наиболее агрессивной [3] является риторика лидера партии CDU, которой называет конкурентов *grüne und linke Spinner* («зелёные и красные психи»), а своих избирателей – «вменяемыми людьми» (*alle Tassen im Schrank haben*). Несмотря на то, что наиболее частой лексемой помимо названий партий и фамилий политиков в дебатах были такие слова как *Zukunft* («будущее») и *Kollegen* («коллеги») – частота их употребления составила более 1% – призыв А. Вайдель *unsere Hand ist ausgestreckt für alle* («мы протягиваем нашу руку всем») остается без ответа, и такие партии как *Die Linke* и *AfD* вместе со своим электоратом подвергаются маргинализации.

Заключение. Проведенное исследование позволило выявить ключевые особенности языка предвыборной кампании в бундестаг ФРГ, такие как высокий эмоционально-прагматический потенциал высказываний, широкое применение метафор и эпитетов для создания положительного имиджа кандидатов и укрепления доверия электората. Поляризация политических взглядов отдельных партий находит свое языковое выражение в острой критике, подчас перерастающей в речевую агрессию. Дальнейшие перспективы исследования включают углубленный анализ взаимосвязей между стратегиями политической коммуникации и изменениями в общественном мнении, а также изучение влияния новых медиа на формирование языкового стиля предвыборных кампаний. Кроме того, актуальным представляется сравнительный анализ языковых практик различных политических сил Германии и изучение роли цифровых технологий в формировании современных политических нарративов.

Список использованных источников

1. Буркхардт, А. «Германии нужны перемены». Лингвистические наблюдения над языком ХДС и его главы во время предвыборной кампании в бундестаг 2005 г. / А. Буркхардт // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2010. – № 10. – С. 11–33.
2. Никонова, Ж. В. Лингвокультурная специфика современного немецкого политического дискурса (на примере текстов дебатов в бундестаге) / Ж. В. Никонова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 2. – С. 85–92.
3. Пекарская, И. В. Речевая агрессия как нарушение лингвоэкологических норм в масс-медийном пространстве современного политического дискурса / И. В. Пекарская // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 1(6). – С. 120–140.
4. Петренко, Д. А. Социофонетическая вариативность произношения политических деятелей Германии : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Даниил Александрович Петренко ; Киев, 2003. – 20 с.
5. Принципалова, О. В. Реализация эмотивности в политических дебатах (на примере заседаний германского бундестага) / О. В. Принципалова // МНКО. – 2024. – № 6 (109). – С. 631–633.
6. Шапочкин, Д. В. Предвыборная кампания в бундестаг ФРГ 2021 года: лингвопрагматический анализ / Д. В. Шапочкин // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 4 (40). – С. 34.
7. Bundestagswahl 2005 ; Wikipedia 2025. – URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Bundestagswahl_2025 (дата обращения: 08.03.2025).

**ОТ ДИАЛЕКТА К РЕГИОНАЛЬНОМУ РАЗГОВОРНОМУ ЯЗЫКУ –
О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РЕГИОЛЕКТОВ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО АРЕАЛА**

А. В. Пономарёва,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,
институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию современного состояния региолектов в немецкоязычном ареале, их трансформации от традиционных диалектов к региональным разговорным языкам. Рассматривается влияние глобализации и стандартизации на локальные языковые варианты, а также роль социокультурных факторов в сохранении или утрате диалектных особенностей.

Ключевые слова: диалект, региолект, немецкоязычный ареал.

Summary. The article is devoted to the study of the current state of regional dialects in the German-speaking area, their transformation from traditional dialects to regional spoken languages. The influence of globalization and standardization on local language variants is considered, as well as the role of socio-cultural factors in the preservation or loss of dialectal features.

Key words: dialect, regional dialect, German-speaking area.

Хотя использование диалекта значительно сократилось за последние 100 лет на большей части территории немецкоязычного ареала, в целом все еще существует значительное диалектное разнообразие. Даже стандартный немецкий язык характеризуется диатопической неоднородностью на разных уровнях – произносительном, лексическом, грамматическом. Это тем более верно в отношении разговорного повседневного языка, который в зависимости от региона может быть более диалектным, регионально-диалектным или более близким к стандарту.

В начале 90-х годов XX века немецкий социалингвист П. Браун утверждал, что каждый язык является «полисистемой форм». Национальному варианту немецкого языка свойственны такие формы существования, как стандартный литературный язык, разговорный язык, специальные языки, а также территориальные разновидности – так называемые «аллосистемы» (диалекты, наречия, говоры) [7].

Немецкий язык является своеобразной «архисистемой», объединяющей несколько функциональных подсистем, которые отличаются территорией распространения: одни из них представляют административные варианты (Areal Sprachen), а другие понимаются как региональные языки (Dialekte). Долгое время в германистике изучались преимущественно территориальные варианты немецкого языка, а именно – немецкий, австрийский и швейцарский; диалекты же оставались за пределами пристального научного интереса. По мнению У. Аммона, «при сопоставительном изучении разновидностей немецкого языка в центре внимания ученых находился не диалект, а стандартные (литературные, нормативные) варианты немецкого языка тех стран, где он является родным» [4, с. 243].

Необходимо отметить, что на протяжении многих десятилетий ученые предпринимали попытку определить специфику региональной разговорной речи. Было выяснено, что ее распространение связано с усилением значимости языка центров политической, экономической и культурной жизни, которыми являются, в первую очередь, крупные города с их периферией. Образуя специфическое языковое пространство, эти города служат базисом для развития разговорного варианта, который

по своей фонетико-морфологической структуре является регионально окрашенным. В отличие от диалектов особенности этого варианта кроются не только в региональных признаках, они зависят еще от уровня культуры носителей этого варианта. Сегодня выделяются различные по размеру ареалы функционирования того или иного разговорного варианта немецкого языка: вюртембергский, баденский, баварско-швабский, пфальцский и другие. Однако ни в коем случае их нельзя путать с диалектными зонами.

Большинство ученых, занимающихся проблемами языковой вариативности, берут за основу своего исследования модель «литературный язык – разговорный язык – диалект». Как видим, разговорный вариант занимает промежуточное звено между литературным языком и диалектом. Согласно В. Бешу, «разговорный язык в своей устной форме присущ кругу образованных людей, иначе говоря, зависит от социального статуса носителя языка» [6, с. 385]. В целом, статус разговорной речи достаточно трудно определить, так как в данной разновидности языка территориальный фактор коррелирует с социальным.

Разработка методологического базиса данного исследования требует четкой дефиниции диалекта, который в отечественном языкознании трактуется достаточно широко – «разновидность определенного языка, употребляемого как средство общения между лицами, связанными территориальной, социальной или профессиональной общностью» [3, с. 105]. Диалект часто отождествляют с такими понятиями, как наречие (Mundart) и региональный вариант языка (regionale Variante einer Sprache).

«Диалект» и «говор» могут рассматриваться как относительные синонимические понятия, так как трактуются они часто по-разному. Под «наречием», например, Х. Поль понимает «географически ограниченную разговорную форму языка, которая употребляется в отдельных местах определенного языкового ареала» [14]. Диалект же, напротив, рассматривается как «совокупность общих языковых черт для нескольких говоров определенного языкового ареала» [14].

В современной лингвистике диалекты определяются как специфическая языковая система, которая:

1) наделена высокой степенью сходства с другими языковыми системами, что способствует как минимум частичному взаимопониманию носителей разных языковых систем;

2) имеет региональную закреплённость, т.е. территория регионального распространения этой системы не пересекается с ареалом использования другой языковой системы;

3) не имеет письменной стандартизации в виде официально нормированных орфографических и грамматических правил [10, с. 65].

Диалектологи отмечают, что «между зонами чистых диалектов нередко можно найти и переходные зоны, в которых диалектные особенности перемешаны, особенно в тех случаях, когда регион был заселен относительно недавно» [8, с. 89–103].

Во многих регионах Германии диалекты утратили свою первоначальную ведущую коммуникативную функцию; они все больше конкурируют с другими разновидностями языка – региолектами, которые, хотя и обладают пространственной ограниченностью, но характеризуются значительно большей ареальной распространенностью и, следовательно, большим межрегиональным влиянием.

Термин «региолект» ввел в научное употребление А. С. Герд, понимая его как «особую форму устной речи, в которой уже утрачена значительная часть архаических черт диалекта, а также развились новые особенности. Эта форма, с одной стороны, еще не достигла статуса литературного языка, а с другой, благодаря наличию ряда варьирующихся ареальных черт, не совпадает полностью с городским просторечием.

Региолекты охватывают ареал ряда смежных диалектов, включая города и поселки городского типа, то есть весьма значительные группы этноса» [1, с. 23].

П. фон Поленц также отмечал, что «региолект – это вариант немецкого языка, который находится в постоянном развитии и характеризуется наличием системы языковых различий, проявление которых не является обязательным и может также иметь место за пределами обозначенного региона» [15, с. 456].

На близость региолекта к стандартному литературному языку указывают исследователи рейнского региолекта Г. Корнелиссен и М. Эльменталер, полагая, что рейнский региональный язык является «диалектом стандартного немецкого языка, то есть происходит непосредственно от него [9; 11].

А. Ленц, изучая особенности языковой ситуации в городах в ареале функционирования мозельско-франконских диалектов, утверждает, что в данном регионе «наблюдается новый этап развития языковых процессов: здесь большинство жителей, родившихся после 1950 года, общаются уже не на диалекте, а на региолекте» [13, с. 12]. Развитие региональных языков на протяжении XX столетия привело также к постепенной «рейн-майнизации (Rhein-Mainisierung)» южной части Центрального Гессена, где вместо новогессенского диалекта всё более активно используется рейнско-майнский региолект [17].

Региолект может играть определяющую роль там, где исконные местные диалекты почти не используются или же слишком разнообразны. Примером такой ситуации является Рурский регион, где рурский региолект, который до середины XX в. считался неполноценным и непрестижным, постепенно становится ведущей языковой разновидностью в рамках повседневной коммуникации.

А. Беккер отмечает, что «рурский региолект сигнализирует о приватности» [5, с. 27], что делает его схожим с диалектом, а это свойство будет препятствовать полному вымиранию этого самобытного разговорного языкового варианта региональной природы.

В современных лингвистических исследованиях «для определения статуса рурского региолекта также нередко используется понятие «субстандарт» как противопоставленный литературному языку вариант, который обладает как особенностями разговорного языка, так и диалектными характеристиками» [2]. Отсюда возникает проблема возможности определения четких ареалов распространения современных диалектов и региолектов, опираясь исключительно на их характерные признаки. Согласно Д. Халленбергеру, региолект – это «не сформированная замкнутая система, а скорее континуум между минимумом и максимумом не характерных для литературного языка отличительных черт, некоторые из которых также присущи локальным диалектам» [12, с. 93].

Современные исследования региональных языков должны быть направлены на решение ряда вопросов, в том числе: где заканчиваются диалекты и где начинаются региолекты или региональные языки? Сколько промежуточных языковых разновидностей существует в региональном языке? Являются ли переходы между этими промежуточными разновидностями плавными или четко разделенными? Актуальность таких исследований обусловлена как теоретической значимостью для науки, так и практической необходимостью сохранения языкового и культурного наследия.

Список использованных источников

1. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику / А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургск. ун-та, 2005. – 456 с.
2. Пономарёва, А. В. Роль рурского региолекта в языковой ситуации города Эссен (Германия) / А. В. Пономарёва // Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры : монография. – Москва, 2015. – С. 262–346.

3. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва : ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век» ; ООО Издательство «Мир и Образование», 2003. – 623 с.
4. Ammon, U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz: Das Problem der nationalen Varietäten / U. Ammon. – Berlin ; New York : De Gruyter, 1995. – 575 S.
5. Becker, A. K. „Ruhrdeutsch“. Die Sprache des Ruhrgebiets in einer umfassenden Analyse. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg / A. K. Becker. – Recklinghausen, 2003. – 436 S.
6. Besch, W. Territoriale Differenzierung / W. Besch // Kleine Enzyklopädie der Deutschen Sprache. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2001. – S. 383–423.
7. Braun, P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Sprachvarietäten / P. Braun. – Stuttgart : Kohlhammer, 1998. – 265 S.
8. Chambers, J. K. Dialectology / J. K. Chambers, P. Trudgill. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 201 p.
9. Cornelissen, G. Rheinisches Deutsch. Wer „spricht“ wie mit wem und warum / G. Cornelissen. – Köln : Greven-Verlag, 2005. – 133 S.
10. Eichinger, L. M. Sprache und Sprachgebrauch im Süden Deutschlands / L. M. Eichinger // Regionale Standards: Sprachvariationen in den deutschsprachigen Ländern. – Budapest, 2001. – S. 61–94.
11. Elmenthaler, M. *Sprachgrenzen und Sprachschichtungen im Rheinland*. Zur sprachlichen Genese des „Rheinischen“ / M. Elmenthaler // „*Rheinisch*“. Zum Selbstverständnis einer Region. – Stuttgart : Metzler, 2001. – S. 119–144.
12. Hallenberger, D. Tuusse ma eem im Kabäusken fitschen...: Die Sprache im Ruhrgebiet / D. Hallenberger, J. Volmert. – Paderborn : Verlag Ferdinand Schöningh, 1990. – 110 S.
13. Lenz, A. Vom Dialekt zur regionalen Umgangssprache: Zur Vielfalt regionaler Sprechweisen / A. Lenz // Sterben die Dialekte aus? Vorträge am Interdisziplinären Zentrum für Dialektforschung an der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg. – URL: <http://www.dialektforschung.phil.uni-erlangen.de/sterbendialekte> (дата обращения: 19.01.2025).
14. Pohl, H. D. Gedanken zum österreichischen Deutsch: Gibt es eine „nationale“ österreichische Variante? / H. D. Pohl // Sprachnormung und Sprachplanung. Festschrift für Otto Back zum 70 Geburtstag. – Wien : Praesens, 1996. – S. 31–47.
15. Polenz, P. von Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart / P. von Polenz. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1999. – 757 S.
16. Sprick, C. Hömma! Sprache im Ruhrgebiet / C. Sprick. – Straelen ; Niederrhein : Straelener Ms.-Verl, 1992. – 160 S.
17. Vorberger, L. Regionalsprache in Hessen. Eine Untersuchung zu Sprachvariation und Sprachwandel im mittleren Hessen / L. Vorberger. – Stuttgart, 2019. – 404 S.

ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. Е. Сухарева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации, факультет романо-германской филологии, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронеж

Аннотация. В статье рассматриваются основы интерлингвокультурологии – современного направления в лингвистике, возникшего на стыке лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Аналитический обзор научной литературы теоретико-практического характера позволил выявить ключевые понятия, проблематику и векторы актуальных исследований в этой области.

Ключевые слова: интерлингвокультурология, контакт лингвокультур, культуроним, идионим, ксеноним.

Summary. The article focuses on the basics of interlinguoculturology, a new linguistic discipline that arose at the intersection of linguoculturology and intercultural communication. An analytical review of scientific literature of a theoretical and practical character allows to identify key concepts, problems and vectors of current research in this area.

Key words: interlinguoculturology, contact of linguocultures, culturonym, idionym, xenonym.

Природный интерес человека к иным языкам и культурам, стремление познать эти «иные миры» и взаимодействовать с ними воплощается в научной сфере в появлении ряда дисциплин, направленных на раскрытие взаимосвязи между языком и культурой, сущности языка как хранителя и транслятора культурных смыслов, как универсального способа концептуализации мира. Анализируются также процессы языковых и культурных контактов и обусловленные ими особенности коммуникации. Язык исследуется не только как средство коммуникации и познания, но и как культурный код нации.

Интерлингвокультурология, истоки которой мы находим в трудах В. В. Кабакчи, начиная с 1987 г. [3], формируется в тесной связи с лингвокультурологией и теорией межкультурной коммуникации, переводоведением, а также теорией языковых контактов, лексикологией, лексикографией и когнитивной лингвистикой. Особенностью этого направления в лингвистике является сам предмет исследования, а именно, номинация фактов чужой культуры средствами исходного языка; понятие «ксеноним» (от греч. *xenos* «иностранный», «чужой») становится одним из центральных в этой междисциплинарной отрасли (термин введен ученым в 1998 г. [4]). По определению В. В. Кабакчи и Е. В. Белоглазовой, интерлингвокультурология – это «лингвистическая дисциплина, изучающая проблему вторичной культурной ориентации языка, обращенного в область иноязычной культуры» [6, с. 9], т. е. она поднимает вопросы формирования лексического пласта языка, возникающего в процессе контактирования двух лингвокультур. Под «культурной ориентацией языка» ученые предлагают понимать «адаптацию его вербального арсенала в соответствии со спецификой окружающего мультикультурного мира» [6, с. 25]. При первичной культурной ориентации язык обращен к реалиям родной (внутренней) культуры, при вторичной – происходит адаптация этих реалий в области иноязычной (внешней) культуры. А. В. Семенова замечает, что «иноязычное описание культуры при вторичной ориентации более всего характеризуется культурной диверсификацией и

вариативностью лексического пласта языка» [11, с. 68], что обусловило введение ряда специальных терминов, отражающих многообразие лексических единиц: культуронимы, полионимы, идиокультуронимы, идионимы и ксенонимы (см. [6, с. 26–29]). Культуронимы (совокупность названий элементов культурного континуума) подразделяются на полионимы, которые обозначают элементы, представленные в большинстве культур («универсальная лексика, используемая для описания культуры как при первичной, так и при вторичной культурной ориентации языка» [11, с. 68]) и идиокультуронимы – наименования элементов, присущих конкретной культуре. Идиокультуронимы распадаются в свою очередь на идионимы (они обладают первичной культурной ориентацией, напр., «*Berlin*», «*der Reichstag*» в немецком языке) и ксенонимы – идиокультуронимы, обладающие вторичной культурной ориентацией («*der Daoismus*», «*die Gong-Fu*» – ксенонимы китайской лингвокультуры в немецком языке), т. е. ксеноним используется для обозначения элементов внешних культур. Л. Е. Корнилова отмечает, что понятие «ксеноним» шире, чем заимствование, поскольку включает «не только узусные заимствования (фиксированные словарем наименования элементов внешних культур), но и окказионализмы, находящиеся на данном этапе за рамками словаря» [9, с. 20].

Конкретный статус идионимов и ксенонимов определяется их отношением к языку и культуре. Так, слово «*тройка (лошадей)*» является идионимом в русской лингвокультуре, а в немецкой и английской – ксенонимом (нем. *Trojka*, англ. *troika*), поскольку называет элемент иноязычной культуры. В этом проявляется «ксенонимическая относительность» статуса составляющих культуронимической пары «идионим – ксеноним».

В качестве языка описания иноязычной культуры может использоваться фактически любой язык, к примеру, немецкий или английский, обращенные в поле русской или китайской культур. Теория использования одного языка (традиционно это может быть один из языков международного общения) в ориентации на какую-либо другую культуру предполагает поиск адекватного наименования элементов этой иной культуры, например:

Keramik aus Gschel (russisch Гжельская керамика) oder einfach nur ***Gschel*** (russisch Гжель) ist eine typisch russische Keramik, die ihren Namen vom Gebiet Gschel herleitet, einem der traditionellen russischen Zentren der Keramikherstellung.

Gzhel is a style of Russian ceramics which originates from the village of Gzhel not far from Moskow.

Khokhloma. Eine Stilrichtung der russischen Kunst, die traditionell auf hölzernen Haushaltsgegenständen gemalt wird.... Russische ***Matroschka Puppen*** im ***Hohloma*** Stil. Eine Marke traditioneller russischer Ornamente, die zum Bemalen von Holzlöffeln verwendet werden.

В приведенных выше текстах иноязычного описания элементов русской культуры использованы приемы транскрипции или транслитерации, на фонографическом уровне обнаруживается вариативность фонетического и орфографического оформления (однако в немецкоязычном описании существительное написано с заглавной буквы в соответствии с нормами немецкого языка); семантическая однозначность, явная соотнесенность с другой (иностранной) культурой; необходимость пояснений семантики при помощи описательных оборотов, что свидетельствует о частичной адаптации данных наименований в принимающем языке. *Gschel*, *Khokhloma* / *gzhel*, *hohloma*, *Moskow* являются ксенонимами в немецкой / английской лингвокультурах, а их протопиты (*гжель*, *хохлома*, *Москва*) – идионимами в русской. Приведем ряд аналогичных примеров именования элементов русской культуры средствами других языков:

«*квас*» – англ. *kvass*, нем. *der Kwass*, фр. *le kvas*, *kwass*

«кулич» – англ. *kulich*, нем. *der Kulitsch*, фр. *le koulitch*

«копейка» – англ. *copeck*, нем. *die Kopeke*, фр. *le copeck, kopeck*

С развитием межкультурной коммуникации и процессом глобализации поле языковой картины мира той или иной культуры расширяется. В него проникают представления о предметах и явлениях, заимствованные из других культур. Язык в данном случае становится средством передачи наименований разного рода понятий из одной культуры в другую. Таким образом, с точки зрения интерлингвокультурологии языковая картина мира может быть определена как переориентация культурных реалий, приобретенных из иноязычной лингвокультуры, и их адаптация в родной. Иными словами, это отражение с помощью языковых средств одним народом восприятия реальности другого.

Ксенонимы, являясь воплощениями культуры в языке, могут также представлять собой репрезентацию ментального образа того или иного предмета или явления, т.е. быть концептами культуры. Изучение ксенонима в качестве концепта дает возможность не только определить его толкование, но и представить языковую картину мира, отражающую ценности культуры и особенности того или иного народа. В связи с этим А. В. Колмогорова и А. В. Маликова, ссылаясь на монографию Н. Г. Юзефович [12], дают определение интерлингвокультурной картины мира как некоего лингвокультурного пространства, в котором концепты из одной концептосферы переходят в другую. Ученые акцентируют внимание на том, что «перевод концептов подразумевает рассмотрение возможных путей передачи концепта, что на языковом уровне выглядит как подбор способов вербализации и семантизации возникающего культуронима» [8, с. 25].

Одной из основополагающих идей интерлингвокультурологии является идея «внутреннего перевода в оригинальном иноязычном описании культуры», развиваемая проф. Е. В. Белоглазовой [6, с. 4]. «Внутренний перевод» необходимо осуществляется в прямом межкультурном диалоге, когда нет переводчика-посредника, источник информации об иной культуре «становится одновременно и участником общения, и переводчиком» [6, с. 6].

Интерлингвокультурологический подход как инструмент исследования прямого межкультурного диалога применяется сегодня достаточно широко на примерах русского, английского и немецкого языков, описывающих элементы восточноазиатской культуры (китайской, японской, вьетнамской), т.е. результаты контакта двух цивилизаций – Востока и Запада (напр., [9]). В фокусе внимания находятся также *Rossica* – совокупность аутентичных иноязычных описаний России [1; 5], различные дискурсы, в частности сетевой и диаспоральный (особые формы существования языка в иноязычных и инокультурных пространствах, напр., русскоязычной диаспоры в Китае [2]). Изучение идиокulturонимов проводится на материале словарей, текстов СМИ и художественной литературы, интернет-ресурсов и др. В аспекте перевода рассматривается, прежде всего, проблема достижения адекватности передачи культурно-специфических лексических единиц внешней (иноязычной) культуры средствами языка внутренней («своей») культуры [10]. Вектор интерлингвокультурологических исследований может быть направлен в область когнитивистики, поскольку ксеноним как носитель образа представляет собой концептуальную единицу, закрепленную в коллективном языковом сознании принимающей лингвокультуры, образует ассоциативные связи и влияет на восприятие установок «чужой» культуры. Для межкультурного общения весьма ценны исследования прикладного характера – лексикографические, описывающие и интерпретирующие инокультурные лексические единицы (см., напр. [7]), а также создание лингвострановедческих и лингвокультурологических словарей.

Подводя итог, отметим, что исследование объектов культурного континуума

вторичной культурной ориентации способствует более полному пониманию процессов межкультурного взаимодействия разных народов. Интерлингвокультурология – активно развивающаяся междисциплинарная научная область с большим исследовательским потенциалом.

Список использованных источников

1. Белоглазова, Е. В. Стереотипное и творческое в заголовках Rossica : корпусное исследование / Е. В. Белоглазова, Н. К. Генидзе // Известия Восточного института. – 2022. – № 4. – С. 104–113.
2. Ван, Ю. Ксенонимы-китаизмы в сетевом дискурсе современной русскоязычной диаспоры Китая : специальность 5.9.5. «Русский язык. Языки народов России» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ван Юаньин ; Томский гос. университет. – Томск, 2024. – 26 с.
3. Кабакчи, В. В. Внешнекультурная коммуникация (проблемы номинации на материале англоязычного описания советской культуры) : специальность 10.02.04. «Германские языки» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Виктор Владимирович Кабакчи ; Ленинградский гос. университет. – Ленинград, 1987. – 31 с.
4. Кабакчи, В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации : учебное пособие / В. В. Кабакчи. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 231 с.
5. Кабакчи, В. В. Англоязычное описание русской культуры. Russian Culture Through English : учебное пособие для студ. высш. учебн. заведений. – Москва : Издательский центр «Академия», 2009. – 224 с.
6. Кабакчи, В. В. Введение в интерлингвокультурологию : учебное пособие для вузов / В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2017. – 253 с.
7. Кабакчи, В. В. The Dictionary of Russia : 2500 cultural terms. Англо-английский словарь русской культурной терминологии : словарь / В. В. Кабакчи. – Москва : Директ-Медиа, 2023. – 576 с.
8. Колмогорова, А. В. Опыт тезаурусного моделирования способов объективации интерлингвокультурной картины мира (на материале произведений русских писателей-франкофонов) / А. В. Колмогорова, А. В. Маликова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Пермь : [б. и.], 2017. – Т. 9, вып. 2. – С. 24–31.
9. Корнилова, Л. Е. Восточноазиатские ксенонимы в немецком языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Людмила Евгеньевна Корнилова ; Дальневосточный гос. университет. – Владивосток, 2010. – 296 с.
10. Попова, В. Л. Проблема англоязычной передачи русскокультурных эргонимов-ксенонимов / В. Л. Попова, Т. А. Маркова // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск, 2017. – № 1 (31). – С. 313–317.
11. Семенова, А. В. Интерлингвокультурологический подход с позиции контактной вариативности / А. В. Семенова // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – Москва, 2018. – Т. 15, № 1. – С. 67–75.
12. Юзефович, Н. Г. Интерлингвокультурная картина мира в английском языке вторичной культурной ориентации (на материале описания российской действительности) / Н. Г. Юзефович. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – 268 с.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА У НОСИТЕЛЕЙ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА (ДИДАКТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

И. В. Черныш¹, Ю. А. Лукьяникова²,

¹*старший преподаватель кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

²*обучающаяся 3-го курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье исследуются основные лингвистические, методические и социокультурные проблемы, с которыми сталкиваются носители украинского языка при изучении немецкого языка. Целью работы является выявление специфических трудностей, возникающих при изучении фонетики, грамматики и лексики немецкого языка, а также определение эффективных стратегий их преодоления. Методология исследования включает сопоставительный анализ украинского и немецкого языков, анализ учебной литературы и опрос студентов. Основные результаты указывают на значительное влияние языковой интерференции, необходимость применения коммуникативного подхода и учета социокультурных особенностей. Сделан вывод о важности разработки специализированных учебных материалов и повышения мотивации учащихся.

Ключевые слова: немецкий язык, украинский язык, интерференция, сопоставительный анализ, методика преподавания, мотивация, билингвизм, трудности обучения, фонетика, грамматика.

Summary. The article examines the main linguistic, methodological, and socio-cultural problems faced by Ukrainian speakers when learning German. The aim of the study is to identify the specific difficulties that arise when studying the phonetics, grammar, and vocabulary of the German language, as well as to determine effective strategies for overcoming them. The research methodology includes a comparative analysis of Ukrainian and German, an analysis of educational literature, and a survey of students. The main results indicate a significant impact of language interference, the need to apply a communicative approach, and the consideration of socio-cultural characteristics. The conclusion is drawn about the importance of developing specialized teaching materials and increasing student motivation.

Key words: German language, Ukrainian language, interference, comparative analysis, teaching methods, motivation, bilingualism, learning difficulties, phonetics, grammar.

В современном мире, характеризующемся глобализацией и активным международным сотрудничеством, владение иностранными языками становится неотъемлемой частью успешной профессиональной и личностной реализации. Немецкий язык, являясь одним из наиболее распространенных в Европе и мире, представляет значительный интерес для носителей украинского языка, стремящихся к расширению своих образовательных и карьерных возможностей.

Однако, несмотря на определенную типологическую близость украинского и немецкого языков, обусловленную их принадлежностью к индоевропейской языковой семье, процесс изучения немецкого языка носителями украинского сопряжен с рядом специфических трудностей. Эти трудности обусловлены различиями в фонетических, грамматических и лексических системах, а также влиянием социокультурных

факторов, что требует от преподавателей и методистов разработки и применения специализированных подходов и стратегий обучения.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью выявления и систематизации основных проблем, с которыми сталкиваются носители украинского языка при изучении немецкого языка, а также поиском путей повышения эффективности процесса обучения.

В рамках данной статьи будут рассмотрены основные лингвистические, методические и социокультурные факторы, влияющие на успешность изучения немецкого языка украинскими студентами.

Фонетическая система немецкого языка, по сравнению с украинским, характеризуется наличием ряда специфических звуков, которые отсутствуют или имеют иное произношение в украинском языке. К таким звукам относятся умлауты («ä», «ö», «ü»), заднеязычный согласный «x» и другие. Произношение этих звуков требует от носителей украинского языка перестройки артикуляционного аппарата и формирования новых произносительных навыков.

Кроме того, в немецком языке значительную роль играет дифференциация долгих и кратких гласных, что может представлять сложность для носителей украинского, в котором данное различие не является смысловозначительным. Несоблюдение долготы и краткости гласных может привести к искажению смысла слова и затруднению понимания речи [1].

Грамматическая система немецкого языка характеризуется рядом особенностей, которые существенно отличаются от украинской грамматики. Наиболее сложными для усвоения являются:

- *Падежная система*: Наличие четырех падежей (Nominativ, Genitiv, Dativ, Akkusativ) и соответствующих падежных окончаний требует от студентов запоминания большого количества правил и исключений. Ошибки в употреблении падежей являются самыми распространенными у носителей украинского языка.
- *Артикли*: Правильное употребление артиклей (der, die, das) является сложной задачей, поскольку требует знания рода существительного, который не всегда совпадает с украинским. Отсутствие или неправильное употребление артикля может существенно затруднить понимание смысла предложения [2].
- *Порядок слов в предложении*: В немецком языке существует строгий порядок слов, особенно в придаточных предложениях, который отличается от более свободного порядка слов в украинском. Нарушение порядка слов может привести к грамматическим ошибкам и затруднению понимания смысла предложения.
- *Система глагольных времен*: Образование и употребление временных форм глагола в немецком языке также представляет определенную сложность. Особенно трудным является усвоение правил образования Perfekt и Präteritum, а также употребления модальных глаголов.

Лексический состав немецкого и украинского языков, несмотря на наличие общих корней и заимствований, имеет существенные различия. Носители украинского языка часто сталкиваются с трудностями при изучении многозначных слов, синонимов и антонимов, а также фразеологизмов и идиоматических выражений, которые не имеют прямых аналогов в украинском языке.

Кроме того, в немецком языке широко распространено *словообразование путем сложения основ*, что приводит к образованию длинных и сложных слов. Понимание структуры таких слов и значения отдельных компонентов требует от студентов значительных усилий и времени.

Успех в изучении немецкого языка носителями украинского языка во многом зависит от выбора и применения эффективных методов и приемов обучения. Традиционные методы, ориентированные на заучивание правил и грамматических

конструкций, часто оказываются неэффективными, поскольку не учитывают специфические трудности, с которыми сталкиваются носители украинского языка [3].

В настоящее время все большее распространение получают коммуникативные методы, направленные на развитие навыков устной и письменной речи, а также на формирование умения использовать язык в реальных коммуникативных ситуациях. Однако, для эффективного применения этих методов необходимо учитывать особенности украинского языка и культуры, а также разрабатывать специализированные учебные материалы, адаптированные к потребностям украинской аудитории.

Недостаточное использование принципов контрастивной лингвистики при разработке учебных материалов также является одной из причин низкой эффективности обучения. Контрастивный анализ позволяет выявить сходства и различия между двумя языками и использовать эту информацию для более эффективного преподавания и усвоения материала.

Социокультурные факторы также оказывают значительное влияние на успешность изучения немецкого языка. Мотивация, отношение к культуре Германии, доступность учебных материалов и возможность общения с носителями языка являются важными факторами, определяющими результаты обучения.

Позитивное отношение к немецкой культуре и знание истории и традиций Германии может значительно повысить мотивацию к изучению языка. Доступность качественных учебных материалов, а также возможность общения с носителями языка в реальных или виртуальных ситуациях также способствует более эффективному усвоению материала [4].

Важно учитывать также влияние стереотипов и предрассудков, связанных с немецким языком и культурой, которые могут негативно влиять на мотивацию и уверенность в себе. Преподаватели должны стремиться к формированию позитивного образа Германии и немецкого языка, подчеркивая его значимость в современном мире.

Для повышения эффективности обучения немецкому языку носителей украинского языка необходимо применять комплексный подход, включающий следующие стратегии:

- Использование контрастивного анализа: при разработке учебных материалов и планировании уроков необходимо учитывать сходства и различия между украинским и немецким языками, уделяя особое внимание проблемным аспектам.
- Применение коммуникативного подхода: необходимо создавать на уроках коммуникативные ситуации, моделирующие реальные жизненные ситуации, и стимулировать студентов к активному общению на немецком языке.
- Использование аутентичных материалов: необходимо использовать аутентичные материалы (тексты, аудио, видео), отражающие современную немецкую культуру и реальные ситуации общения.
- Индивидуализация обучения: необходимо учитывать индивидуальные особенности и потребности каждого студента, разрабатывая персонализированные программы обучения.
- Повышение мотивации: необходимо создавать положительную атмосферу на уроках, использовать интересные и увлекательные задания, а также поощрять успехи студентов.
- Использование современных технологий: необходимо использовать современные информационные технологии (интерактивные доски, онлайн-платформы, мобильные приложения) для повышения эффективности обучения и создания более интерактивной и увлекательной учебной среды.
- Организация внеаудиторной деятельности: необходимо организовывать внеаудиторную деятельность (языковые клубы, просмотр фильмов на немецком языке,

участие в конкурсах и олимпиадах), направленную на расширение языковой практики и повышение мотивации.

Изучение немецкого языка носителями украинского языка представляет собой сложный и многогранный процесс, сопряженный с рядом специфических трудностей, обусловленных лингвистическими, методическими и социокультурными факторами. Преодоление этих трудностей требует комплексного подхода, включающего использование контрастивного анализа, применение коммуникативного подхода, индивидуализацию обучения, повышение мотивации и использование современных технологий.

Для повышения эффективности обучения немецкому языку украинских студентов необходимо разрабатывать специализированные учебные материалы, адаптированные к их потребностям и учитывающие особенности украинского языка и культуры. Кроме того, важно формировать позитивное отношение к немецкому языку и культуре, а также создавать возможности для общения с носителями языка.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку новых, более эффективных методов и приемов обучения, а также на изучение влияния различных факторов на успешность изучения немецкого языка носителями украинского языка.

Список использованных источников

1. Бим, И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: проблемы и перспективы : учебное пособие для студ. пед. институтов по специальности № 2103 «Иностранный язык» / И. Л. Бим. – Москва : Просвещение, 2016. – 256 с.
2. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению : пособие для учителей и студентов / Е. И. Пассов. – Москва : Просвещение, 2011. – 223 с.
3. Щукин, А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для вузов / А. Н. Щукин. – Москва : Высшая школа, 2013. – 334 с.
4. Byram, M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence / M. Byram. – Clevedon : Multilingual Matters, 2017. – 128 p.

МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 811.112

ИНТЕРФЕРЕНЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ГЕРМАНИИ

А. Д. Кузьмичёва,

*обучающаяся 4-го курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Научный руководитель: Бридко Т. В., к. ф. н., доцент
кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена исследованию лексических и грамматических особенностей немецкой речи русскоязычных жителей Германии. Актуальность исследования определяется тем, что явление языковой интерференции при контакте немецкого и русского языков еще недостаточно исследовано. Целью исследования является анализ немецкой речи русскоязычных жителей Германии с точки зрения социолингвистики. В ходе исследования были использованы описательный метод,

сопоставительный метод, метод статистических и количественных подсчётов. В качестве метода сбора информации использовалось анкетирование. В результате проведённого исследования были выявлены основные интерференционные ошибки в речи русскоязычных жителей Германии, сделаны выводы о влиянии социальных факторов на речь респондентов.

Ключевые слова: глобализация, билингвизм, интерференция, русскоязычное сообщество.

Summary. The article is devoted to the study of the lexical and grammatical features of the German speech of Russian-speaking residents of Germany. The relevance of the study is defined by the fact that the phenomenon of linguistic interference in contact between German and Russian requires deeper investigations. The purpose of the study is to analyze the German speech of Russian-speaking residents of Germany from the sociolinguistic point of view. In the course of the study, the descriptive method, the comparative method, the method of statistical and quantitative calculations were used. A questionnaire was used as the main method of collecting information. As a result of the study, the main interference errors (transfer errors) in the speech of Russian-speaking residents of Germany were identified. The influence of social factors on the speech of respondents was analyzed.

Key words: globalization, bilingualism, interference, Russian-speaking community.

В последние десятилетия во всем мире наблюдается усиление миграционных процессов. Данная тенденция является одним из признаков глобализации, характерной для современного общества. В современном мире практически не осталось государств, которые не были бы так или иначе вовлечены в миграционное взаимодействие. Германия в этом вопросе не является исключением. По данным Федерального статистического управления Германии (Destatis), в 2022 году в стране проживало 20,2 млн. людей с иммигрантским прошлым, это на 6,5% больше, чем в 2021 году, когда иммигрантов насчитывалось около 19 млн. Число иммигрантов увеличилось по сравнению с предыдущим годом из-за большого количества беженцев, в основном из Украины, Сирии и Афганистана [8].

Иммигранты создают в Германии свои представительства и активно участвуют в жизни своей новой родины. В то же время они стремятся сохранить язык и культуру страны исхода. Это приводит к формированию поликультурного общества, в котором сосуществуют разные культуры и языки.

В связи с этим актуальными становятся проблемы межкультурной коммуникации, диаспоризации, адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество, процессы культурного и языкового взаимовлияния. Несмотря на большой интерес отечественных и зарубежных исследователей к вопросам билингвизма и языкового контактирования (В. И. Дятлов, В. Д. Попков, А. Д. Петренко, Д. А. Петренко, Т. В. Бридко, Р. Брубейкер, М. Эсман, Рупп्रेхт С. Баур и др.), данная тема еще недостаточно исследована. Существует потребность в изучении влияния русского языка на речь на немецком языке, а также влияния социальных факторов на особенности речи русскоязычных иммигрантов в Германии.

Германия на протяжении многих лет служит «центром притяжения» русскоязычного населения. Наибольшее число российских граждан среди стран-членов ЕС в 2023 г. проживало именно в Германии. Несмотря на отсутствие четких статистических данных, число русскоязычных иммигрантов намного выше. Согласно данным микропереписи ФРГ, в 2021 г. в Германии проживало около 3.5 млн. человек из постсоветских государств, что составляет примерно 4% населения [4, с. 32].

В работах Т. В. Бридко языковая ситуация, в которой оказываются русскоговорящие переселенцы в Германии, характеризуется как диглоссная и билингвистическая одновременно. Внутри русскоговорящего сообщества коммуникация осуществляется на русском языке или на русско-немецком диалекте. В

то же время эмигранты сталкиваются с двуязычной ситуацией в тех случаях, когда они вынуждены общаться с коренными носителями немецкого языка [2, с. 75].

Употребление членами русскоязычного сообщества родного языка в иноязычном обществе приводит к явлению языкового контакта. Понятия «билингвизм» и «языковой контакт» тесно связаны и предполагают наличие друг друга.

В лингвистике до сих пор не существует единого толкования билингвизма. В данной работе используется широкая концепция билингвизма, представленная К. Х. Ханазаровым: «О наличии двуязычия мы можем говорить там, где люди владеют вторым языком в степени, достаточной для общения и обмена мыслями с носителями второго языка... важно не то, на каком языке мыслит человек, то, может ли человек общаться и обмениваться мыслями с помощью второго языка» [7, с. 119]. Данное определение представляется наиболее подходящим для описания языковой ситуации в русскоязычном сообществе Германии, так как русско-немецкое двуязычие характеризуется попеременным использованием родного и изучаемого языков в зависимости от ситуации общения, а также различной степенью владения вторым языком.

Некоторые лингвисты считают, что понятие языкового контакта неразрывно связано с понятием билингвизма, так как именно в речи билингвальных индивидуумов проявляется влияние одного языка на другой. Так, по мнению М. М. Михайлова: «...двуязычие – это самый процесс контактирования языков, поскольку соприкосновение языков осуществляется только в речи двуязычных или многоязычных людей, а его результат закрепляется в языке» [5, с. 42]. В результате контакта в сознании билингва двух языковых систем возникает явление интерференции.

На данный момент в лингвистической литературе не существует единой трактовки термина «языковая интерференция». Наиболее подходящим для данного исследования является определение, данное современным ученым Л. Г. Фомиченко: «...под интерференцией понимается взаимодействие языковых систем в условиях естественного или искусственного двуязычия, возникающее при языковых контактах и выражающееся в отклонениях от языковой нормы и системы второго языка под влиянием когний родного языка (менталитета, энциклопедических знаний, лингвистических знаний, языковых способностей)» [6, с. 24].

Интерференция проявляется на всех языковых уровнях, следовательно, интерференционные явления можно разделить на несколько групп. Лингвисты выделяют основные типы интерференции: фонетико-фонологическая, лексико-семантическая, грамматическая интерференция [1, с. 16]. В данной статье предметом анализа являются лексико-семантические и грамматические интерференционные ошибки в речи русскоязычных жителей Германии.

Данное научное исследование проводилось в несколько этапов:

1. Сбор и изучение необходимой теоретической литературы по проблематике.
2. Составление анкет и сбор материала для исследования.
3. Анализ полученной информации.

Материалом исследования послужили анкеты, а также электронно-цифровые записи естественной, неподготовленной устной речи респондентов.

В результате анализа речи русскоязычных жителей Германии были выделены следующие интерференционные ошибки на грамматическом уровне языка:

1. Нарушения правил спряжения глаголов (Eltern von Monika *habe*...; damit *werde* sie...).
2. Ненормативное употребление местоимений (Monikas Eltern *geschenkt sie* kleines Auto).
3. Нарушения правил склонения прилагательных (...Geld für *öfteres* Reisen zu haben; ...aus *gesundheitlich* Gründen).
4. Неправильное употребление артикля (Eltern von Monika *habe ein klein* Auto *geschenkt*,

weil sie für ihr Gesund überhaupt mit *dem* U-Bahn nicht fahren kann).

5. Опускание артикля (Das ist _ Symbol von der Stadt.).

6. Незнание рода существительных (Im Vergangenheit war *er* Hauptstadt von Hanse).

7. Нарушения правил образования множественного числа существительных (für ihre öfter *Reise*; Trotz alle *Überredung*...).

8. Ненормативное образование временных форм глагола (Hier *hat* Kanzler Willy Brandt geboren).

9. Ошибки при образовании пассивного залога (Der Stadt wird *bei* den meisten Menschen nicht als schön angesehen).

10. Ошибки при образовании степеней сравнения прилагательных (Hier gibt es 7 Türme in Innenstadt, *am berühmten* ist Holstentor).

11. Неправильное употребление предлогов (...*über* das Wochenende zu arbeiten; ...weil sie *für* ihr Gesund... nicht fahren kann).

12. Несогласованность временных форм (Das Kind *fordert* dem Arzt die Zunge nicht zeigen, was im bilden *machte*, da er kein Untersuchung durchführen *konnte*).

13. Нарушение порядка слов в предложении (...weil sie wegen ihrer Gesundheit überhaupt nicht mit der U-Bahn fahren kann).

Возникновение интерференционных ошибок на данном уровне языка в речи русскоязычных иммигрантов обусловлено несовпадениями грамматического строя немецкого и русского языков. Широким полем для проявления интерференции являются различия в таких грамматических категориях, как категория рода, множественного числа существительных, вида, времени и залога глагола и т.д.

На лексико-семантическом уровне языка были выделены следующие интерференционные ошибки:

1. Неверное название существительных: *Bundesrepublik* Baden-Württemberg (вместо Bundesland), *Kirschen* (вместо Kirchen), *Gesund* (вместо Gesundheit).

2. Употребление словосочетаний вместо сложносоставных слов: Teil der Stadt (Stadtteil).

3. Недодифференциация в употреблении предлогов: Völkerschlacht *mit* Napoleon; *über* das Wochenende arbeiten.

4. Недодифференциация в употреблении глаголов: Ich *lebe* in Lübeck; In diesem Forum kann man über DDR und BDR *kennen*.

Причиной возникновения интерференционных ошибок на лексико-семантическом уровне языка является идентификация значений слов и их лексической сочетаемости родного языка с изучаемым.

Следует отметить, что в немецкой речи респондентов, которые, согласно данным анкет, ранее изучали английский язык, чаще присутствуют заимствования и кальки: «Sie ist nicht compliant» (англ. Compliance); «...für ihre frequenten Reisen» (англ. frequent travel). Данное явление обусловлено тем, что немецкий и английский языки относятся к группе германских языков и схожи как по структуре, так и по лексическому составу.

Интерференционные ошибки, выявленные в результате анализа письменной и устной речи русскоязычных жителей Германии, в большинстве случаев относятся к лексико-семантическому и грамматическому уровням языка. Это объясняется тем, что данные языковые уровни являются наиболее гибкими и чаще подвергаются интерференции [3, с. 20]. Причиной возникновения таких ошибок является неподготовленность говорящих, а также недостаточная языковая компетенция, связанная с тем, что многие из них начали изучать немецкий язык недавно.

Стоит отметить, что респонденты, изучавшие немецкий язык до переезда в Германию, а также часто использующие немецкий язык для повседневного общения,

совершают меньше интерференционных ошибок, чем респонденты, предпочитающие общаться в быту на русском языке.

Подводя итоги данного исследования, можно сказать, что интерференционные ошибки, возникающие в речи представителей русскоязычного сообщества Германии, обусловлены влиянием их родного языка на немецкий. Кроме того, на речь русскоязычных жителей Германии влияет большое количество внеязыковых факторов. К таким факторам относятся: возраст иммигранта, уровень образования, сферы использования иммигрантом русского и немецкого языков, а также отношение самого иммигранта к немецкому языку и немецкому обществу. Активное участие русскоязычных переселенцев в жизни немецкого общества способствует более быстрому овладению иностранным языком, и, соответственно, облегчает процесс адаптации к новому обществу.

Список использованных источников

1. Абрамова, Н. В. Функционально-структурные особенности явления интерференции в условиях языкового контакта (на примере немецкого языка) / Н. В. Абрамова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 1. Ч. 1. – С. 16–19.
2. Бридко, Т. В. Особенности немецкого языка переселенцев из бывшего СССР в Германии / Т. В. Бридко // Культура народов Причерноморья. – Симферополь : Изд-во «Таврия», 2008. – № 138. – С. 75–77.
3. Виноградская, М. В. Интерферентные явления в речи российских немцев: грамматический и лексико-семантический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Виноградская. – Майкоп : Адыгейский государственный университет, 2009. – С. 23.
4. Матюхова, Е. И. На перепутье: русскоязычные сообщества в Германии. Анализ и прогноз / Е. И. Матюхова // Журнал ИМЭМО РАН. – 2024. – № 3. – С. 27–37.
5. Михайлов, М. М. Двужычие в современном мире : учебное пособие / М. М. Михайлов. – Чебоксары : Чувашский университет, 1988. – С. 42.
6. Фомиченко, Л. Г. Прагмалингвистика в условиях интерференции / Л. Г. Фомиченко. – Волгоград : Изд-во Волгоградского университета, 1995. – С. 24.
7. Ханазаров, К. Х. Критерии двуязычия и его принципы / К. Х. Ханазаров // Проблемы двуязычия и многоязычия. – Москва : Наука, 1972. – С. 119–124.
8. Statistisches Bundesamt. 24,3% der Bevölkerung hatten 2022 eine Einwanderungsgeschichte [Electronic Resource]. – Access mode: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2023/04/PD23_158_125.html. (Access date: 02.03.2025).

**ОБРАЗ АВТОМОБИЛЯ В НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЕ:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РЕКЛАМЕ**

Д. А. Аджи-Алимова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Бридко Т. В., к. ф. н., доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Данная работа посвящена актуальной проблеме формирования образа современного автомобиля в сознании потребителей с помощью средств рекламы. На фоне растущей конкуренции на автомобильном рынке, понимание способов воздействия рекламного текста на формирование спроса у потенциальных покупателей становится действительно важным. В ходе исследования анализируется репрезентация автомобиля в контексте немецкой культуры, выявляются основные средства формирования образа, а также его влияние на потребительское поведение.

Актуальность работы заключается в том, что автомобиль уже давно перестал быть просто средством передвижения, превратившись в важный культурный феномен, отражающий общественные ценности. Как известно, именно в немецкой культуре автомобиль занимает действительно особое место. Вследствие этого изучение способов формирования его образа в сознании потребителей посредством рекламы представляется актуальным.

Целью данного исследования является выявление и анализ стилистических средств, используемых в немецкой рекламе для формирования образа автомобиля.

Задача данного исследования заключается в том, чтобы выявить основные языковые средства, используемые в немецкой автомобильной рекламе для формирования образа, и проанализировать, как они влияют на потребительское поведение.

Методы исследования. Методологическую основу составляют совокупность научных приемов и методов исследования явлений и процессов, в том числе, такие как анализ, классификация, метод стилистического анализа, описательный метод и другие.

Результаты исследования. Практической базой данного исследования послужили автомобильные рекламные сообщения, отобранные из немецкого журнала «Der Spiegel», а также тексты, находящиеся в свободном доступе в сети интернет.

В ходе анализа удалось выявить, что реклама – это действительно многомерное явление, которое выступает в качестве объекта исследования во многих научных направлениях. Если говорить о лингвистических свойствах рекламного текста, необходимо упомянуть его экспрессивность и выразительность. Такой эффект достигается с помощью ярких, примечательных стилистических фигур. В рекламе они являются средством привлечения внимания к товару, а также инструментом для формирования потребительского спроса. В связи с этим, специалисты по рекламе часто прибегают к использованию стилистических средств для формирования определенных образов в сознании потенциальных покупателей [1, с. 79].

Понятие «стилистический прием» подразумевает под собой намеренное усиление какой-либо структурной или семантической черты языковой единицы. Средства речевой выразительности подразделяются на лексические, фонетические и синтаксические [4].

С помощью лексических средств выразительности создаются объемные и красочные образы – слуховые, визуальные или же даже обонятельные. В ходе исследования было выявлено, что чаще всего для создания образа автомобиля используются следующие лексические средства: эпитеты (*attraktiv, faszinierend, hervorragend*), метафоры (*bewegt sich der Koreaner auf einem Niveau*), сравнения (*als souveräne Luxuslimousine*), гиперболы (*Extrem gut vorbereitet*) и олицетворения (*Souverän auf der Straße: Der Jeep Grand Cherokee S-Limited*) [2].

В качестве фонетических средств авторы рекламных текстов используют следующие: аллитерация (*praktische ParkPilot, verknüpften Farbe Feuerorange*), ассонанс (*sichern Sie sich, erstklassige Beratung der Mercedes-Benz*) и звукоподражание («Zoom-Zoom» (подражание работе мотора)). Такие средства создают образ автомобиля с помощью повтора различных звуков или их сочетаний, они придают словам мелодичности, что делает их более запоминающимися [5].

Синтаксические средства выразительности, в свою очередь, помогают подчеркнуть в рекламе самое главное, сделать акцент на чем-либо. В ходе анализа рекламных текстов были выявлены такие средства, как: антитеза (*Viel Kraft und wenig Verbrauch*), анафора (*Parkpilot vorn. Parkpilot hinten*), риторический вопрос (*Warum eine Kopie, wenn man das Original haben kann?*) и риторическое восклицание (*Viel Kraft und wenig Verbrauch – so wird Fahrspaß heute definiert!*), инверсия (*Jetzt schauen wir uns gemeinsam die fünfte Generation des Range Rover*), а также эллипсис (*Die Eroberung der digitalen Welt, Freude am Fahren*) [3].

Выводы. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что для эффективности немецкой автомобильной рекламы многие специалисты прибегают к использованию языковых средств выразительности. С их помощью они создают образ автомобиля, который откладывается в сознании потенциального покупателя и способствует увеличению потребительского спроса.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 325 с.
2. Использование тропов как средств речевой выразительности. – URL: <https://wika.tutoronline.ru/russkij-yazyk/class/10/ispolzovanie-tropov-kak-sredstv-rechevoj-vyrazitelnosti> (дата обращения: 01.03.2025).
3. Синтаксические средства выразительности: анализ на примерах. – URL: <https://wika.tutoronline.ru/russkij-yazyk/class/11/kak-ispolzovat-sintaksicheskie-sredstva-vyrazitelnosti-v-russkom-yazyke?ysclid=lw8ald3y6m659957572> (дата обращения: 01.03.2025).
4. Стилистические особенности русскоязычной, молодежной, коммерческой рекламы (на материале печатных изданий для женщин). – URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/79/3370/> (дата обращения: 01.03.2025).
5. Языковые средства выразительности. – URL: <https://wika.tutoronline.ru/russkij-yazyk/class/11/yazykovye-sredstva-vyrazitelnosti> (дата обращения: 01.03.2025).

ДИАЛЕКТ НЕМЦЕВ КРЫМА

Э. И. Алимова,

обучающаяся 4-го курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Лихачёв Э. В., к. ф. н., доцент кафедры немецкой
филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Данное исследование посвящено изучению лексических, грамматических и фонетических особенностей диалекта крымских немцев.

Цель данного исследования – это анализ диалекта крымских немцев, при этом основной **задачей** является изучение произносительных особенностей диалекта крымских немцев в сопоставлении с нормой литературного немецкого языка.

Методы исследования. В данной исследовательской работе используются эмпирические (запись речи информантов, письменная передача речи информантов), теоретические (социофонетический анализ) методы исследования.

Результаты исследования. Диалект немцев Крыма возник в результате смешения языков немецкоговорящих переселенцев с языками народов, населяющих полуостров. Работы, в которых основным предметом изучения являются диалект и вариативность языка, требуют комплексного подхода в рассмотрении. Во-первых, как отмечала М. М. Гухман, это опора на литературную норму немецкого языка и использование его в качестве «своеобразного эталона» [2, с. 37], а во-вторых – это «грамматическое описание говоров отдельных поселений», ведь именно такая последовательность позволяет определить «родину говора (Heimatbestimmung)» [3, с. 498].

Известно, что главными областями-очагами эмиграции немцев на территорию Крыма была юго-западная Германия (Гессен, Бавария, Баден, Эльзас, Пфальц), а также Швейцария и Австрия. Хотя доминирующее число исследований, посвященных изучению крымско-немецкого взаимодействия, охватывали их культурный и исторический аспект, информацию о лингвистической составляющей можно получить от потомков немецких колонистов, прибывших в Крым в 18–19 веках. Итоги исследования нагляднее всего можно представить, разделив отличия (заметные при сравнении диалекта крымских немцев с литературным немецким языком) по разделам языкознания. В качестве источника эталонного произношения можно использовать Aussprachewörterbuch Duden [4]:

Грамматико-синтаксические изменения:

1. Употребление единственного числа вместо множественного: *De Kinder geht in de Schule* вместо *Die Kinder gehen in der Schule*.
2. Особое согласование падежей: *Ik wart auf di(r)* вместо *Ich warte auf dich*.
3. Несоблюдение категоризации рода, появление общего артикля: *de Mann, de Frau, de Radio*.
4. Редукция или выпадение артикля: *Ich geh in Schu* вместо *Ich gehe in die Schule*.
5. Замена уменьшительно-ласкательных суффиксов -chen и -lein на -le или -li без утраты этой функции: *Autole, Kindle*.

Лексические изменения:

1. Разный словарный состав: *Lampe – Licht; Mama – Mutter*.

2. Заимствования из русского и украинского языков: *Dawai, Dobre, Gastronom*.
3. Влияние русского и украинского языков было оказано на словарный запас; в языковом запасе немцев-переселенцев стали появляться слова, обозначающие предметы быта, например, слова-кальки от слов люлька, рушник и т.д.

Фонетические изменения (первым указан вариант трансформировавшегося слова, затем – вариант литературной нормы):

1. Выпадение *e* в окончании *-en* в глаголах (на примере глагола *trinken*): *Mägsch mit mia wos trinkn gehn*.
2. Вокализация *-г* на конце: *mia – mir; bessa – besser; aba – aber*.
3. Замена одних согласных звуков на другие: *Isch/Ik = Ich: das isch aba leicht; taken/machen*.
4. Замена *-s* перед *-t* шипящим *-sch*: *fesht – fest; du hascht – du hast; wat /was*.
5. Изменение дифтонгов: *Daitsch – Deutsch*.
6. Замена гласного *-о* дифтонг *-au*: *Raut – rot; Pass of – Pass auf; Ooge – Auge*.
7. Замены гласных *-а, -и, -і* на *-о, -е*: *Tonte – Tante; Koh – Kuh; Tesch – Tisch; Gote Nacht – Gute Nacht*.
8. Оглушение некоторых согласных: *Kuten Tach – Guten Tag*.
9. Тенденция к фонетической адаптации слов немецкого языка, имеющих фонетические аналогии в русском языке, с приближением их произношения к русскоязычному варианту: *Sstul – Stuhl*.

Выводы. Изучение языковой ситуации конкретного региона предоставляет возможности для формирования наиболее полного образа самой территории и народов, проживающих на ней. Результаты исследования помогли показать текущее состояние немецкого языка на территории Крыма. Особый интерес вызывает сравнительный анализ преобразования «привезенного диалекта» в условия развития на территории Крымского полуострова, что следует отразить в последующих исследовательских работах, что обуславливает актуальность дальнейших исследований по данной теме.

Список литературы:

1. Бухаров, В. М. Швабский диалект в Крыму: тенденции в развитии фонетической системы / В. М. Бухаров, О. В. Бойкова // Вестник ТвГУ. – 2018. – № 4. – С. 32–41.
2. Гухман, М. М. Литературный язык / М. М. Гухман. – Москва : Просвещение, 1970. – 241 с.
3. Жирмунский, В. М. Общее и германское языкознание / В. М. Жирмунский. – Ленинград : Наука, 1976. – 686 с.
4. Kleiner, S. Das Aussprachewörterbuch / S. Kleiner, R. Knöbl, M. Mangold. – Berlin : Dudenverlag, 2015. – 933 с.

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЗМА В ТЕКСТАХ ЛЕОНАРДА ТОМА

А. В. Анисимова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Черныш И. В., старший преподаватель кафедры
немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Данное исследование посвящено изучению художественных текстов современного немецкого писателя Леонарда Тома в прагматическом аспекте: комические образы в его произведениях. В качестве материалов исследования послужили рассказы Леонарда Тома из книги „Das Idealpaar“ (2012).

Целью данного исследования является анализ художественных произведений Леонарда Тома и выявление особенностей авторского стиля писателя, способов создания комического эффекта. Для реализации этой цели были поставлены следующие **задачи**: 1) определить особенности и характерные черты авторского стиля Леонарда Тома; 2) проанализировать художественные тексты автора с целью интерпретации содержания и средств выразительности; 3) рассмотреть характерные стилистические приемы и средства выразительности, которые создают комический эффект в рассказах писателя.

Методы исследования. В данной исследовательской работе используются метод прагматического анализа в литературе, метод текстового анализа, а также метод семантического анализа и лексико-стилистической интерпретации произведений.

Результаты исследования. Леонард Тома (род. 1966 г.) – современный немецкий писатель, поднимающий в своих произведениях актуальные проблемы общества, такие как: частные судьбы людей, вопросы миграции, моральных ценностей. Его книги написаны простым, доступным языком, а сюжеты не отличаются тяжелой смысловой нагрузкой. При этом художественные произведения Леонарда Тома насыщены различными языковыми, стилистическими приемами, которые во взаимодействии с повседневными, легкими сюжетными рядами формируют уникальный авторский почерк.

Особое место в произведениях Леонарда Тома занимают комизм, тонкий юмор, ироническое отношение автора к происходящему. Писатель использует различные художественные приемы, создавая комические ситуации, ироничные образы, что непосредственно является основной составляющей уникальности его стиля, реализацией творческого подхода в литературе. Для более детального анализа обратимся к изучению конкретных художественных текстов автора. Для данной исследовательской работы были использованы произведения Леонарда Тома из книги „Das Idealpaar“ (2012), а именно рассказы „Herr Kaffer geht spazieren“, „Mozart, sonntags, gratis“, „Der Siegertyp“.

Рассмотрим основные художественные приемы для создания комического эффекта в текстах Леонарда Тома.

Перифраз является одним из центральных приемов в творчестве писателя. Это определенное переименование явлений, где автор заменяет нейтральные лексические единицы на эмоционально окрашенные фразы, создавая карикатурные, гиперболизированные образы. Так в рассказе „Der Siegertyp“ автор использует

следующие перифразы: в первую очередь, само существительное из названия 'Siegertyp' «везунчик», вместо того, чтобы назвать человека удачливым, или, например, 'Langweiler' «зануда», вместо использования словосочетания «скудный человек» [4].

Кроме того, можно отметить активное использование *графических и фонетических приемов*, которые помогают усилить эмоциональный эффект высказываний и придать юмористическую окраску фразам. Так, в рассказе „Herr Kaffer geht spazieren“, главный герой вместо того, чтобы купить билет для посещения ботанического сада, решает проникнуть бесплатно и перелезть через забор. Происходящие комичные события сопровождаются таким фонетическим приемом, как *звуковой символизм*: 'schwupp!' «бац!» и 'psst' «тише» [5]. Говоря о графических приемах, в том же тексте автор придает высказыванию большой накал эмоциональности, меняя правильное написание слов: ‚Jaaa, jaaa, schööön brav‘ [5, с. 45].

В тексте „Mozart, sonntags, gratis“ помимо ироничного сюжета, можно отметить яркую *метонимию*. Рассказчик повествует об истории, где он безуспешно пытается пригласить своих знакомых на концерт, на котором исполняются симфонии Моцарта. При этом используется следующая метонимия, придающая комический оттенок: «Meine Einladung zu Mozart»; «Kein Wort von Mozart. Ich glaube, sie braucht keinen Mozart mehr»; «Mozart an diesem Sonntagnachmittag ist faul, unprofessionell und unsolidarisch» [6]. Здесь можно заметить, как автор (в данном случае Моцарт) заменяется его музыкальными произведениями, которые исполняются другими людьми уже в современном мире.

Помимо этого, стоит отметить такую стилистическую фигуру, как *олицетворение*. Данный художественный прием позволяет придать тексту юмористический оттенок. Так в рассказе „Herr Kaffer geht spazieren“ автор следующим образом описывает растения в ботаническом саду: «Pflanzen sind etwas Wunderbares. Sie sprechen nicht und wollen nichts» [5, с. 41].

Интересно и то, как в тексте „Der Siegertyp“ между строк писатель делает отсылку к другому писателю и произведению: «Einmal sehe ich eins auf dem Tisch liegen: Hermann Hesse, ‚Demian‘, wer ist das denn?» [4, с. 58].

Также можно отметить фигуру *лексического повтора* в рассказе „Mozart, sonntags, gratis“, которая имеет юмористическую окраску и усиливает комический эффект высказывания «Typ: reicher Tourist. Mit dicker Kamera vor dickem Bauch» [6, с. 53].

После изучения основных стилистических приёмов и способов создания комизма в творчестве Леонарда Тома, стоит обратить внимание на другие художественные приемы, формирующие индивидуальный стиль писателя. Так можно отметить повествовательную перспективу от первого лица в текстах автора: «Ich erzähle und erzähle, aber plötzlich sehe ich sie nicht mehr. Das macht mich nervös. Ich suche sie, sie sitzt neben Alfred und spricht mit ihm» [4, с. 58]. Это создает ощущение особой близости рассказчика с читателем, который с сочувствием и сопереживанием знает обо всех мыслях, эмоциях, сомнениях повествователя. На уровне лексики можно отметить использование большого количества разговорных выражений, которые оживляют язык художественных текстов, придавая ему динамичность: 'Ab und zu'; 'zum Kuckuck'; 'ich habe jetzt die Nase voll!'; 'So ein Pech!'; 'zum Teufel'; 'quatscht'; 'hat es doch geklappt'. Кроме того, особое место занимает синтаксический стилистический прием – эллипс, где пропускается структурно важный элемент, например подлежащее или сказуемое. В текстах Тома таким пропущенным элементом чаще всего выступает сказуемое: «Eine archaische Situation, absolut zeitlos. Zwei Stunden nur Musik, Ruhe, Respekt. Keine Show, kein Event, kein Firlefanz»; «Sonja. Eine Kollegin. Workaholic, aber sehr hilfsbereit». Данный синтаксический прием придает произведениям динамичность и ритмичность.

Выводы. Таким образом, проанализировав художественные тексты Леонарда Тома, можно выделить следующие способы создания комизма. Писатель, формируя ироничные образы, использует перифразы, метонимии, звуковой символизм, графические приемы, олицетворение, лексические повторы. Кроме того, формированию индивидуального авторского стиля способствуют такие фигуры, как эллипс, повествовательная перспектива от первого лица, разговорная лексика.

Список литературы

1. Долинин, К. А. Интерпретация текста / К. А. Долинин. – Москва : Просвещение, 1985. – 304 с.
2. Петренко, Д. А. Стилистика немецкого текста : учебное пособие / Д. А. Петренко, А. В. Пономарёва. – Симферополь : ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», 2019. – 131 с.
3. Тимофеев, Л. И. Словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – Москва : Просвещение, 1974. – 509 с.
4. Thoma, L. Das Idealpaar: Der Siegertyp / L. Thoma. – München : Hueber, 2007. – S. 57–63.
5. Thoma, L. Das Idealpaar: Herr Kaffer geht spazieren / L. Thoma. – München : Hueber, 2007. – S. 41–45.
6. Thoma, L. Das Idealpaar: Mozart, sonntags, gratis / L. Thoma. – München : Hueber, 2007. – S. 47–56.

УДК 808.2

СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ» В КОНТЕКСТЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ

К. А. Георгиади,

*обучающийся 4-го курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Перепечкина С. Е., к. ф. н., доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В современном мире приемы речевой манипуляции широко используются в политике, бизнесе, маркетинге и других сферах общественной жизни. Они направлены на убеждение людей в определенных идеях, продвижение продуктов или услуг, создание определенного образа личности или организации. Речевая манипуляция способствует достижению целей и получению выгоды от взаимодействия с другими людьми, но может быть использована для нарушения свободы выбора, что грозит человеку и обществу негативными последствиями. Изучение приемов речевого манипулирования помогает стать более осведомленными и защищенными от таких практик. На изучение приемов манипулирования индивидуальным и массовым сознанием с использованием СМИ направлены работы отечественных и зарубежных авторов. Основу различных техник манипуляции составляют приемы речевого воздействия. Вместе с тем уточнения требует само понятие «речевое воздействие», широко употребляемое в различных контекстах.

Целью данного исследования является уточнение сущности понятия «речевое воздействие» применительно к печатной прессе. Задачи исследования:

- 1) охарактеризовать основные подходы к трактовке понятия «речевое воздействие»;
- 2) уточнить специфику речевого воздействия в текстах газетных публикаций.

Методы исследования: анализ научной литературы по теме исследования, анализ словарных дефиниций и семантических компонентов значений лексем.

Результаты исследования. В самом общем виде понятие «речевое воздействие» трактуется как синоним речевого общения. Уточним значение ключевых слов, составляющих данное понятие. Речью называется чья-либо способность говорить; формулировать какие-либо мысли; речами называют разговор [6]. Воздействие означает систему действий, имеющих целью повлиять на кого-нибудь или что-нибудь; воздействие может быть моральным, физическим; быть направлено как на кого-нибудь, так и на ход событий [7]. Термин «речевое воздействие» отражает наличие потенциальной или реализуемой способности осуществлять коммуникацию, направленную на физическое и моральное состояние другого человека и ход каких-либо событий. Таким образом, любое речевое воздействие является попыткой коммуникантов «достичь определенных неречевых целей, которые в итоге ведут к регуляции деятельности собеседника» [8, с. 38].

Традиционно проблемы речевого воздействия рассматриваются в исследованиях по социологии, психологии, теории коммуникации, методике преподавания иностранного языка. Исследование феномена предполагает рассмотрение понятия в широком смысле как произвольную и непроизвольную передачу информации субъектом реципиенту в процессе речевого общения в устной и письменной формах, которая осуществляется с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств и определяется сознательными и бессознательными интенциями адресанта и целями коммуникации – предметной, коммуникативной или информационной, а также пресуппозициями и конкретной знаковой ситуацией [5, с. 39]. Вместе с тем, изучение этой сферы реальности не может «устраниться от рассмотрения нижнего этажа всякого человеческого общения ... речи, т.е. устного и письменного общения с помощью разных языковых систем, мимических и пантомимических знаков, внешних выражений эмоций, некоторых специализированных систем знаков» [6, с. 149].

В газетных публикациях потенциал средств выразительности предполагает использование лингвистического уровня, на котором проявляются две основных функций газеты – сообщение и воздействие [4, с. 31]. Так, события и персонажи, представленные в новостях, получают дальнейшее освещение, анализируются, снабжаются комментарием, обрастают мнениями и оценками, приобретая определенную идеологическую модальность. При этом лингвистические способы выражения мнения и оценки варьируют от эксплицитных до имплицитных: 1) употребление слов и словосочетаний с оценочным значением, а также с отрицательными или положительными коннотациями: *«фактически стали второй по величине диаспорой в Германии»*, *«оказываются подозреваемыми гораздо реже»*, *«заметно опережает общую тенденцию»* [9]; 2) манипуляции идеологически-модальной лексикой: *«в худшем случае Stada предпочтет Украине Россию»*, *«масштабы бизнеса в Украине куда более скромные»* [3]; 3) использование различных стилистических приемов: *«бьет тревогу»*, *«пытающаяся усидеть на двух стульях»*, *«хлынул поток беженцев»* [2]; 4) особое синтаксическое построение фразы (порядок слов, вопросы, повторяющиеся синтаксические конструкции): *«воюющую в Украине российскую армию»*, *«после начала российского вторжения»*, *«соблюдая все действующие международные санкции»*, *«Как во время войны к новым пропагандистам в России пришла популярность и кому они подчиняются?»* [1].

Выводы. При анализе газетных публикаций относительно потенциала их воздействия на мнение читателя целесообразным будет опираться на определение

понятия «речевое воздействие» как передачу информации субъектом реципиенту в процессе речевого общения в письменной форме, осуществляемую с помощью лингвистических, нелингвистических символических и паралингвистических средств, отображенных на лингвистическом уровне, и определяемую сознательными интенциями адресанта и целями коммуникации.

Список литературы

1. Букетов, К. Кто такие «военкоры» и почему они стали популярными в РФ / К. Букетов. – URL: <https://www.dw.com/ru/kto-takie-voenkory-i-pocemu-oni-stali-popularnymi-v-rf/a-65260010> (дата обращения: 02.03.2025).
2. Венкина, Е. В. ФРГ призвали усилить меры против обхода санкций по России / Е. В. Венкина. – URL: <https://www.dw.com/ru/v-frg-prizvali-usilit-mery-protiv-obhoda-sankcij-v-otnosenii-rf/a-65263083> (дата обращения: 02.03.2025).
3. Гурков, А. Фармкомпания Stada пожаловалась правительству ФРГ на Украину / А. Гурков. – URL: <https://amp.dw.com/ru/farmkompania-stada-pozalovalas-pravitelstvu-germanii-na-ukrainu/a-65238847> (дата обращения: 02.03.2025).
4. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. – Москва : Флинта ; Наука, 2008. – 263 с.
5. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – Москва : Наука, 1979. – 231 с.
6. Толковый словарь русского языка / [Ахапкин Д.Н. и др.] ; под ред. Д. В. Дмитриева. – Москва : Астрель [и др.]. – 989 с.
7. Толковый словарь Д. Н. Ушакова. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 02.03.2025).
8. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография / Е.В. Шелестюк. – Москва : Флинта ; Наука, 2014. – 344 с.
9. Сотников, Д. Украинцы в криминальной статистике ФРГ / Д. Сотников. – URL: <https://amp.dw.com/ru/bezency-iz-ukrainy-v-kriminalnoj-statistike-frg-o-cem-govorot-cifry/a-65252724> (дата обращения: 02.03.2025).

УДК 821.112.2

ТЕМА ВИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГЕНРИХА БЁЛЛЯ

Т. Л. Кленкова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Лихачёв Э. В., к. ф. н., доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Данная работа посвящена рассмотрению темы вины в произведениях немецкого писателя Генриха Бёлля в контексте трактата Карла Ясперса «Вопрос о виновности».

Актуальность работы заключается в том, что тема вины является одной из интереснейших в немецкой литературе XX века, поскольку отражает состояние немецкого народа после войны.

Целью данного исследования является комплексный анализ темы вины в произведениях немецкого писателя Генриха Бёлля в аспекте литературы, лингвистики, философии и психологии, а также трудов Карла Ясперса.

Поставленная цель обуславливает необходимость выполнения следующих задач: 1) собрать необходимую теоретическую литературу по проблематике; 2) рассмотреть концепцию вины Карла Ясперса; 3) изучить тему вины в произведениях Генриха Бёлля; 4) определить категорию вины в его произведениях; 5) провести сравнительный анализ концепций Ясперса и Бёлля.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: методы эмпирического уровня (наблюдение, сравнение, анализ), методы теоретического уровня (логический метод, структуралистский метод, биографический метод, историко-литературный метод).

Результаты исследования. В первой половине 20 века немецкая литература осмысливала трагическую судьбу Германии, которая потерпела поражение в двух войнах, пережила 12 лет существования нацистской диктатуры и экономический кризис. Многие немцы не хотели переосмысливать прошлое, они были морально и физически обессилены. Лишь немногие были готовы признать свою вину за становление нацизма. Поэтому была явная необходимость проводить работу с самосознанием населения по перевоспитанию. Важную роль в этом деле сыграли немецкий философ Карл Ясперс и писатель Генрих Бёлль [3].

Немецкий философ, психолог, а также психиатр Карл Теодор Ясперс в своём труде «Вопрос о виновности» был первым, кто разграничил виды виновности. «Разграничения между понятиями виновности уберегут нас от пошлого разглагольствования о вине, при котором всё без градаций сводится к одной-единственной плоскости, чтобы решить дело с кондачка, как то свойственно плохим судьям» [5, с. 20]. Итак, он выделил четыре вида виновности: уголовная, политическая, моральная и метафизическая [5, с. 18–19]. К уголовной виновности относятся люди, которые напрямую повинны в совершённых государством преступлениях. Те, кто подписывал преступные указы, руководил различными военными формированиями, совершал военные преступления [5, с. 18, с. 23]. Следующая, политическая виновность охватывает всех граждан государства. «Каждый человек отвечает вместе с другими за то, как им правят» [5, с. 18]. И в этой категории речь не столько о вине, сколько об ответственности, возлагающейся на каждого человека, живущего в определённом государстве [5, с. 18, с. 23]. Моральная виновность охватывает сферу глубоко личную, под неё попадают те политические и военные действия, которые человек сам для себя смог осознать, как недопустимые [5, с. 18–19, с. 23]. И последняя категория, метафизическая виновность. Чтобы понять эту категорию, достаточно представить то, что творится с человеком, когда на его глазах происходит зло, помешать которому, он не в силах. Человек чувствует вину за то, что не пожертвовал своей жизнью, чтобы сопротивляться злу [5, с. 19–20, с. 23].

После такого детального разграничения Карл Ясперс спас от уравнивания одинаковой вины обычного немца и Гитлера. Вина Гитлера очевидно уголовная, но такая вина не применима к обычному человеку, не совершавшему преступлений. Как к гражданину, к нему применима политическая виновность, а также, если у него есть совесть, и моральная. Но цель Ясперса была не только в том, чтобы облегчить положение своих сограждан, но и в том, чтобы привести общество к перерождению. Именно поэтому философ большое внимание уделил политической и моральной виновности.

Переходим от психологического аспекта понимания вины к литературному аспекту. Немецкий писатель Генрих Бёлль наряду с Карлом Ясперсом также стал первым в своей области, кто упомянул тему немецкой вины в своих работах. Для него

проблема вины играла первостепенную роль, потому что он считал долгом раскрыть правду на прошлое, и дать Германии шанс на восстановление. В своих произведениях он не рассматривает вину отдельного человека, он ставит, прежде всего, вопрос о том, что означает война для всей нации. В выбранных для анализа произведениях: «Где ты был, Адам?», «Путник, когда ты придёшь в Спа...» и «Бильярд в половине десятого», писатель поднимает тему вины в различных её аспектах. В соответствии с теорией Карла Ясперса можно выделить следующие типы вины в его произведениях. В романе «Где ты был, Адам?» присутствует политическая или коллективная вина солдат, которые выполняли приказы власти, затем уголовная вина командиров и нацистского правительства Германии, которые отдавали приказы. Моральная вина у Генриха Бёлля чаще всего относится к личной вине отдельных персонажей [2]. В произведении «Путник, когда ты придёшь в Спа...» из чётко выраженных присутствует политическая вина системы образования Германии, которая готовила школьников к «героической» смерти за родину. Уголовную не можем обозначить, так как не были названы определённые лица. Отмечаем моральную вину главного героя, потому что он воевал за нацистов [4]. Рассматривая его самый известный роман «Бильярд в половине десятого» было выявлено, что уголовную вины выделить нельзя, так как не были названы имена конкретных преступников, а также они не были осуждены. Политическая вина лежит на многих персонажах этого романа, кто молчал и не сопротивлялся нацистской идеологии [1]. Моральную вину нужно рассматривать очень детально, она здесь первостепенная. Последняя категория вины, метафизическая является не очевидной в произведениях писателя, она в основном выражается в общем трагизме происходящего и некой безысходности немцев.

Выводы. Таким образом, тема вины является важной для понимания чувств, которые испытывал немецкий народ в послевоенное время. Для чёткого разделения вины Карл Ясперс создал свой трактат «Вопрос о виновности», который является отличным трудом для отправной точки в любых научных работах, связанных с этой темой. А Генрих Бёлль в свою очередь смог наглядно, на примере своих персонажей раскрыть тему вины в своих произведениях.

Список литературы

1. Бёлль, Г. Бильярд в половине десятого : роман / Г. Бёлль. – Москва : АСТ, 2023. – 480 с.
2. «Где ты был, Адам?». – URL: https://librebook.me/gde_ty_byl_adam (дата обращения: 03.03.25).
3. Проблема вины в трудах Карла Ясперса. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-viny-v-trudah-karla-yaspersa/viewer> (дата обращения: 03.03.25).
4. «Путник, придёшь когда в Спа...». – URL: <https://lib.ru/INPROZ/BELL/wayfarer.txt> (дата обращения: 03.03.25).
5. Ясперс, К. Вопрос о виновности / К. Ясперс. – Москва : Прогресс, 1999. – 146 с.

СЛОГАНЫ АВТОМОБИЛЬНЫХ БРЕНДОВ ГЕРМАНИИ

О. Ю. Куликова,

обучающаяся 3-го курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Перепечкина С. Е., к. ф. н., доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Слоганы автомобильных брендов играют ключевую роль в формировании имиджа и привлечении потребителей. Немецкие концерны используют словесные конструкции, которые отражают их философию, ценности и стремления. Эти короткие фразы создают эмоциональную связь с потребителями и служат важным маркетинговым инструментом. **Актуальность** темы обусловлена увеличением популярности немецких автомобилей на мировом рынке, значение слоганов становится полезным инструментом для автолюбителей, дилеров и других участников автомобильной отрасли. Через призму слоганов раскрываются национальные особенности рекламного дискурса, что делает их значимым предметом лингвистических исследований.

Целью исследования является анализ лексико-семантических характеристик немецких легковых автомобилей, заключенных в слоганах, и выявление основных тенденций и закономерностей в их развитии.

Задачи исследования: 1) проанализировать специфику слоганов немецких автомобилей; 2) изучить влияние тенденций в автомобильной индустрии на смысловое содержание слоганов. Материалом исследования послужили слоганы немецких автомобильных брендов в объеме 73 лексических единиц за период с 1924 по 2021 гг.

Методы исследования: анализ письменных источников, обращение к специализированным базам данных и электронным ресурсам; методы сплошной выборки, дискурсивного анализа и интерпретации.

Результаты исследования. Немецкие производители автомобилей уделяют особое внимание лингвистическим аспектам при выборе слоганов для своих автомобилей. Употребление определённых терминов, слов и звучных названий может повлиять на успешность продукта на рынке, его восприятие потребителями, узнаваемость бренда.

Слоганы немецких марок автомобилей (BMW, ALPINA, Opel, DKW, VW, Mercedes-Benz, Audi, Porsche и др.) отличаются элегантностью, простотой, выразительностью, качеством. Производители автомобилей из Германии прочно закрепились на мировых рынках государств, предлагая огромное число моделей.

Mercedes-Benz. Один из наиболее ярких слоганов этого бренда – «*Das Beste oder nichts*» («Самое лучшее или ничего», 2010) представляет собой абсолютный отказ от компромиссов. Эта асимметрия создает впечатление решимости и уверенности, что очень подходит для бренда «*Ihr guter Stern auf allen Straßen*» («Ваша путеводная звезда на всех дорогах», 1955) – в этом слогане «*Stern*» (звезда) выступает символом надежности и безопасности. Звезда является метафорическим указателем, который помогает людям находить правильный путь. В контексте автомобилей или транспортной компании такой слоган подчеркивает, что компания заботится о своих клиентах на каждом этапе их пути. В слогане «*Folge deinem eigenen Stern*» (2004) также

прослеживается ассоциативная связь с логотипом компании – трехконечной звездой серебристого цвета, символизирующей господство марки на суше, на море и в воздухе. «*Fortschritt beginnt mit einem Mercedes*» («Прогресс начинается с Mercedes», 2015) – здесь ключевое слово «*Fortschritt*» (прогресс) используется для создания образа, что именно эта марка открывает путь к будущему. Лексическая структура утверждает лидирующую позицию компании. С 1975 года слоганы Mercedes-Benz подчеркивали стремление к индивидуальности, качеству и образу жизни, который ассоциировался с этим брендом. В настоящее время, с интеграцией электромобилей, компания использует слоган «*Driving the future*» («Вождение будущего», 2016) «*Driving*» (вождение) олицетворяет действия и движения. Оно предполагает не только физическое вождение автомобиля, но и подразумевает более широкий контекст: движение к инновациям и новым технологиям.

Audi. Слоган «*Vorsprung durch Technik*» («Превосходство через технологии», 1982) четко выражает философию Audi о том, что качество и инновации дают им конкурентное преимущество. «*Jeder Kilometer ein sicheres Vergnügen*» («Каждый километр – это безопасное удовольствие», 2010) – в этом слогане продемонстрировано сочетание «*sicher*» (безопасный) и «*Vergnügen*» (удовольствие), что создает ощутимый контраст. Использование слова «*jeder*» (каждый) подчеркивает универсальность опыта вождения Audi. Переход к этому слогану указывает на более инновационный подход компании, это адаптация к изменению ожиданий современных потребителей, которые ценят не только качество, но и эмоциональную связь с автомобилем.

BMW. Идея слогана «*The Ultimate Driving Machine!*» (1975) – подчеркнуть необычайные свойства и непревзойденное качество автомобилей BMW. «*Die treibende Kraft*» («Движущая сила», 2000) – «*Kraft*» может интерпретироваться как мощь автомобиля и его эмоциональное воздействие на водителя. Слоган акцентирует внимание на инновациях и прогрессе, а также подразумевает, что компания является «движущей силой» не только для автомобилей, но и в сфере автомобильных технологий [4]. Концерн олицетворяет приверженность к лидерству: «*Maßstäbe setzen*» («Устанавливать стандарты», 2005), и акцентирует амбициозный подход BMW к постоянному улучшению и определению новых стандартов в автомобильной индустрии. «*Ein neues Auto. Ein neues Fahren*» («Новый автомобиль. Новое вождение», 2015) – слоган демонстрирует не только фокус на технологии, но и внимание к тому, как эти технологии влияют на ежедневный опыт вождения.

Volkswagen. В 2007 году дебютировал самый популярный слоган компании «*Volkswagen. Das Auto*» – символ проверенной годами надежности «народного автомобиля». «*VW hält den Vorsprung*» («VW сохраняет лидерство», 2003). «*Vorsprung*» (преимущество) создаёт значимый код, ассоциирующий VW с качеством и инновациями [5]. Такой слоган как «*Da weiß man, was man hat*» (2010) внушает ощущение уверенности и доверия к продукту. Volkswagen символизирует немецкое качество и надежность и в настоящее время: «*The Future is Electric*» (2019), «*Electric for All*» (2021) акцентируют внимание на направлении компании в сторону устойчивого и экологически чистого будущего.

Выводы. Анализируя тенденции слоганов немецких автомобилей, можно отметить акцент на инновациях, устойчивом развитии и доступности, что отражает изменения в потребительских предпочтениях и актуальные социальные вызовы. Также наблюдается преобладание символов и эмоционально окрашенной лексики, способствующей созданию крепкой связи с потребителями и формированию положительного восприятия бренда.

Список литературы

1. BMW. Исторические логотипы и слоганы. – URL: <https://www.bmw.com/en/index.html> (дата обращения: 15.10.2024).

2. Volkswagen. История бренда. – URL: <https://www.vw.com/en.html> (дата обращения: 27.11.2024).
3. Audi. Бренд и дизайн. – URL: <https://www.audi.com/en/> (дата обращения: 16.12.2024).
4. Historische Slogans und Claims von Automarken. – URL: <https://neuroflash.com/de/blog/slogans-claims-von-automarken/> (дата обращения: 01.03.2025).

УДК 372.881.111.22 + 004.8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЕКТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Я. О. Лихолетов,

*обучающийся 4-го курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Черныш И. В., старший преподаватель кафедры
немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Изучение иностранного языка – сложный и длительный процесс, требующий значительных усилий и времени. Немецкий язык, с его богатой грамматикой и специфической лексикой, представляет собой особую сложность для многих учащихся. Однако, развитие искусственного интеллекта (ИИ) открывает новые перспективы в обучении, предлагая инновационные инструменты и методы, способные оптимизировать процесс освоения немецкого языка как иностранного (НКИ). В данной работе рассматриваются основные возможности и проблемы использования ИИ при изучении немецкого языка как иностранного, а также исследуются пути их эффективного применения в образовательных процессах.

Актуальность. В условиях глобализации и растущей необходимости владения иностранными языками, внедрение инновационных технологий в образовательный процесс приобретает особую значимость. Искусственный интеллект (ИИ) стал мощным инструментом, способным не только дополнить традиционные методы обучения, но и предложить качественно новые подходы к изучению языков. При этом использование ИИ в изучении немецкого языка как иностранного актуально в свете растущего интереса к изучению немецкого языка как одного из основных средств международного общения и профессиональной коммуникации.

Цель данной работы – проанализировать ключевые возможности, которые предоставляет ИИ для изучения немецкого языка, а также выявить существующие проблемы, связанные с его применением в образовательной среде.

Методика исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный и сравнительный.

Результаты. Использование искусственного интеллекта (ИИ) в обучении немецкому языку как иностранному (НКИ) открывает новые горизонты, предлагая персонализированный подход и автоматизированную обратную связь. Однако, внедрение ИИ не лишено сложностей и ограничений.

Возможности ИИ:

ИИ-системы предлагают ряд преимуществ для изучения НКИ. Во-первых, индивидуализация обучения позволяет адаптировать учебный процесс к каждому

студенту. Алгоритмы анализируют успехи и трудности, фокусируясь на проблемных областях, таких как сложная грамматика или недостаточный словарный запас. Система подбирает оптимальные упражнения, регулирует сложность заданий и предлагает наиболее подходящие учебные материалы. Во-вторых, автоматизированная обратная связь ускоряет процесс обучения. ИИ-инструменты мгновенно проверяют работы, оценивая грамматику, орфографию, пунктуацию и даже произношение, предоставляя конкретные рекомендации по улучшению. Это позволяет студентам оперативно корректировать ошибки и отслеживать свой прогресс. В-третьих, интерактивное обучение делает процесс более увлекательным. ИИ позволяет создавать разнообразные игры и упражнения, включая виртуальных собеседников и симуляторы реальных коммуникативных ситуаций. Это повышает мотивацию и вовлеченность учащихся. Наконец, доступность и гибкость ИИ-инструментов позволяют учиться в любое время и в любом месте, что особенно важно для тех, кто не имеет возможности посещать традиционные курсы. Онлайн-платформы, такие как TalkPal – нейросеть, созданная именно в качестве инструмента для изучения иностранного языка. Она предоставляет теорию, а также генерирует упражнения на аудирование, разговорную практику, чтение и письмо [2], и репетитор немецкого языка с искусственным интеллектом от Speak Pal.ai поможет студентам раскрыть свой языковой потенциал, повысить свою уверенность в себе и улучшить беглость своей речи с помощью персонализированных уроков, интерактивных упражнений и обратной связи в реальном времени [3].

Ограничения ИИ:

Несмотря на преимущества, применение ИИ в обучении НКИ сталкивается с определенными трудностями. Качество данных играет решающую роль в эффективности ИИ-систем. Неточности и ошибки в обучающих данных могут приводить к некорректным рекомендациям и искаженному пониманию языка. Более того, отсутствие человеческого фактора остается существенным ограничением. ИИ не может полностью заменить живого преподавателя, который предоставляет не только знания, но и мотивацию, эмоциональную поддержку и помощь в решении сложных проблем. В отличие от человека, ИИ не способен к логическому мышлению и глубокому пониманию контекста. Хотя современная лингвистика исследует логические отношения в естественном языке для создания искусственного интеллекта, способного к человеческому мышлению [1], полноценная замена преподавателя пока невозможна. Наконец, стоимость и доступность ИИ-инструментов могут ограничивать доступ к качественному образованию для многих студентов. Не все платформы бесплатны, и стоимость некоторых программ может стать существенным препятствием. Чрезмерная зависимость от технологий может также привести к недостаточному развитию самостоятельности и критического мышления.

Выводы. Искусственный интеллект предлагает значительные возможности для улучшения процесса обучения немецкому языку как иностранному. Однако ИИ должен рассматриваться как вспомогательный инструмент, дополняющий, а не заменяющий традиционные методы обучения и живое общение с преподавателем. Успешное применение ИИ в НКИ зависит от тщательного отбора качественных инструментов, разумного сочетания технологий и традиционных методов, а также от решения практических вопросов, связанных с его функционированием.

Список литературы

1. Шапошникова, Н. М. Логические отношения между предложениями в современном немецком языке на материале романа Патрика Зюскинда «Парфюмер» / Н. М. Шапошникова, А. И. Норанович, П. О. Войтов // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 193.
2. Speakpal AI. Репетитор немецкого языка с искусственным интеллектом. – URL: https://www.speakpal.ai/AIlanguageTutor/ru?country_id=4 (дата обращения: 08.03.2025).
3. Talkpal AI. Преподаватель иностранных языков с искусственным интеллектом. – URL: <https://talkpal.ai/ru/изучайте-немецкий-язык/> (дата обращения: 09.03.2025).

УДК 81`28

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЮНХЕНСКОГО УРБАНОЛЕКТА

А. В. Пасько,

*обучающаяся 3-го курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Пономарёва А. В., к. ф. н., доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Мюнхен традиционно выступает лицом баварской культуры в сознании немецкой нации, однако под влиянием внеязыковых факторов происходит изменение не только социальной, но и лингвистической обстановки города.

Целью данного исследования является рассмотрение условий существования урбанолекта Мюнхена и его языковых особенностей.

Задачи исследования: 1) рассмотреть современное положение урбанолекта Мюнхена; 2) провести фонетический анализ речи носителя мюнхенского урбанолекта; 3) определить некоторые грамматические и лексические особенности урбанолекта Мюнхена.

Методы исследования. В данном исследовании применяются дескриптивный и сравнительный методы.

Результаты исследования. Урбанолект, или городской язык, по замечанию А. В. Пономарёвой, является «одним из наиболее актуальных объектов исследования современной социолингвистики» [1, с. 271]. Говору Мюнхена, как и баварскому диалекту в целом, грозит исчезновение – данное опасение объединяет многих исследователей языка (Karl-Heinz Göttert, Hans Triebel, Helmuth Hopper, Horst Münzinger и др.). Причиной тому являются оскудение баварской лексики у молодежи, отказ от использования диалекта в коммуникативных ситуациях обиходно-бытового характера, отсутствие систематического обучения детей диалекту. Пессимистичные прогнозы, однако, разделяют не все учёные (Helmuth Ettenhuber, Alfred Bammesberger): урбанолект Мюнхена гибок и восприимчив к изменениям – следует ожидать его эволюцию, а не полное исчезновение говора.

Можно выделить следующие экстралингвистические факторы, способствующие трансформации мюнхенского урбанолекта: замещение баварского диалекта литературным языком вследствие престижа последнего, слабо отвечающая условиям сохранения диалекта школьная система, миграция, проникновение в языковое пространство города диалектов других регионов, туризм.

По мнению Альфреда Баммесбергера, идеальным информантом для изучения мюнхенского диалекта является человек старшего возраста (около 60 лет), как минимум два поколения предков которого жили в Мюнхене [3, с. 10]. Фонетический анализ речи урожденного мюнхенца, преподавателя мюнхенского говора Хельмута Эттенхубера, дал следующие результаты: были выявлены такие фонетические особенности как переход звонкого альвеолярного спиранта [z] в глухой альвеолярный спирант [s] (в лексемах *sind*, *sowohl*); употребление баварской фонемы [å] (*hatten*, *Sprachen*) и интуитивная склонность к замене гласной [a] на [o] (*Erfahrung*), что указывает на прочно закрепившуюся фонетическую привычку носителей мюнхенского говора; апокопа (*Leut* вместо *Leute*); в лексемах с фонемой [r] (*Gruppe*, *bayerische*, *rum*, *her*) замечен типичный для юга Германии аллофон – альвеолярный дрожащий [r], также известный как «das rollende R» или «das Zungenspitzen-R»; аспирация выражена менее ярко чем в литературном немецком, но ослабление согласных (Konsonantenschwächung) не прослеживается в полной мере – фонемы [t] и [p] различимы и отчётливы, они не заменяются на [d] и [b] соответственно.

На грамматическом уровне необычной чертой мюнхенского урбанолекта является использование в разговорной речи союзов, изменяющихся по лицам (*konjugierte Konjunktionen*) [3, с. 153-154]. Конструкции с союзом *wan* (*wenn*, *wann*) – пример данного явления. Так, во втором лице единственного и множественного числа к основе союза добавляются флексии -st и -ts соответственно: *wanst* (*du*) *kimst* (*wenn du kommst*), *wants* (*ia/es*) *kemts* (*wenn ihr kommt*). Личные местоимения в подобных предложениях уместны, но не облигаторны. В первом и третьем лице единственного числа союз не получает окончание: *wan i kim* (*wann ich komme*), *wan a kimd* (*wenn er kommt*), *wan s kimd* (*wenn sie kommt*). Во множественном числе третьего лица к союзу присоединяется флексия -s (*wans kema* – *wenn sie kommen*), в то время как в первом лице возможно два варианта: *wan ma kema* или *wama kema* (*wann wir kommen*).

Лексический ярус мюнхенского урбанолекта содержит много заимствований из французского языка (*Beflamot*, *Parablui*, *Trottoir*). В результате распространения интернет-технологий лексика урбанолекта также пополняется англицизмами (*E-Baik*, *ois easy*, *Fuitaimschopp*), которые частично ассимилируются на фонетическом уровне.

Полупрефиксы с анималистическими семантическими компонентами *Sau-* и *Hund(s)-* продуктивны, обладают признаком усиления и служат образованию пейоративов. Лексемы с данными морфемами свойственны устной речи и, как правило, фиксируются в словарях в исходном виде, без полуаффикса. Например, в словаре Duden упоминаются синонимичные лексемы *Graffel* и *Glump* («рухлядь»), но не приводятся их варианты с полупрефиксами: *Saugraffl* и *Hundsglump*. Словари, посвященные непосредственно баварскому диалекту (*Bairisches Wörterbuch* [2]) или австрицизмам (*Das österreichische Volkswörterbuch* [4]), более обширно рассматривают подобный пласт лексики и закрепляют в том числе формы с аффиксом: *Saubua* («озорник»), *Hundsua* (груб. «непослушный мальчик»), *Sauhund* («плут, негодяй»). Примечательно, что некоторые немецкие лексемы с религиозным семантическим компонентом в баварском диалекте приобретают пейоративный оттенок, а основанные на них полуаффиксы усиливают негативную коннотацию. Так, онлайн-словарь *Sprachnudel* указывает латинизм *Kruzifix* («распятие») как пейоратив с пометкой «южнонемецкий». Примеры лексем с полупрефиксами *Kruzi-* и *Kraiz-/Kreuz-* следующие: *Kruzifünferl* («чёрт возьми!»), *Kruzitürken* («проклятие!»); *Kraizdaifi* («какого чёрта!»), *Kreuzbirnbaum* («зараза!»).

Выводы. Мюнхенский урбанолект подвержен трансформациям в результате множества внеязыковых факторов и обладает собственными уникальными чертами на фонетическом, лексическом и грамматическом ярусах языка.

Список литературы

1. Пономарёва, А. В. Роль рурского региолекта в языковой ситуации города Эссен (Германия) / А. В. Пономарёва // Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры : монография ; под общ. ред. А. Д. Петренко. – Москва : Перо, 2015. – С. 262–346.
2. Bairisches Wörterbuch. – URL: <https://www.bayrisches-woerterbuch.de/> (дата обращения: 03.02.2025).
3. Bammesberger, A. Münchnerisch: Eine bairische Mundart – für die, die's wirklich können wollen / Alfred Bammesberger // Volk Verlag München. – 2023. – 160 S.
4. Das österreichische Volkswörterbuch. – URL: <https://www.volkswoerterbuch.at/> (дата обращения: 03.02.2025).

УДК 81'42

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖНОГО ЖУРНАЛА “SPIESSER”)

В. А. Сеник,

*обучающаяся 4-го курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Пономарёва А. В., к. ф. н., доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В работе рассматриваются прагматические и стилистические особенности немецкоязычных медиатекстов. Их изучение позволяет понять, как информация передается в современных медиа и как она воспринимается целевой аудиторией. Особенно интересным является анализ текстов, ориентированных на молодежную аудиторию, поскольку в них часто отражаются тенденции языка и культуры, а также специфические коммуникационные стратегии. Журнал “Spiesser” представляет собой яркий пример такого медиатекста, в котором сочетаются различные элементы, направленные на привлечение внимания и вовлечение читателей в диалог. **Актуальность** этой темы заключается в стремительном развитии медиапространства и важностью осознания того, как медиатексты, созданные для молодежи, влияют на их восприятие и социальные установки. Анализ прагматических и стилистических особенностей статей этого журнала поможет раскрыть механизмы формирования молодежных идеалов и подходов к коммуникации в современном немецкоязычном обществе.

Целью данного исследования является анализ прагматических и стилистических особенностей немецкоязычных медиатекстов на примере статей молодежного журнала “Spiesser”. Цель обусловила постановку следующих задач: 1) исследовать прагматические особенности медиатекстов молодежного журнала “Spiesser”, включая использование средств выразительности и влияния на восприятие информации; 2) проанализировать стилистические особенности статей журнала, выявив ключевые элементы, направленные на привлечение внимания и создание эффекта вовлеченности.

Методы исследования. В данном исследовании использованы описательный и сравнительный методы, а также метод случайной выборки для составления языкового корпуса исследования.

Результаты исследования. Медiateкст представляет собой текст, созданный для распространения через разнообразные медийные платформы, где успешно сочетаются текстовые, визуальные и звуковые элементы. Важно отметить вклад таких исследователей, как Ю. М. Лотман, А. В. Соколов, Т. Г. Добросклонская, М. Маклюэн и И. М. Дзялошинский, которые раскрыли особенности медiateкста, такие как поликодовость, обеспечивающая сочетание вербальных и невербальных элементов [3, с. 89]; интерактивность, позволяющая аудитории взаимодействовать с контентом [2, с. 61]; и адаптивность, которая подразумевает изменение формы и содержания в зависимости от целевой аудитории [1, с. 48].

Типология медiateкстов включает различные категории по содержанию – новостные, образовательные и развлекательные материалы [2, с. 54]; по жанру – статьи, интервью, репортажи и рецензии [4, с. 37]; а также по формату – печатные, цифровые и аудиовизуальные [1, с. 41]. Медiateксты выполняют несколько функций, среди которых выделяются информационная (передача знаний), развлекательная (обеспечение досуга), манипулятивная (влияние на поведение аудитории) и социальная (формирование идентичности аудитории). Рассматривая прагматику и стилистику медiateкста на примере журнала *Spiesser*, можно отметить, что его целевая аудитория состоит из молодёжи Германии в возрасте от 14 до 24 лет. Основные характеристики этой аудитории включают равномерное распределение по полу, охват городской и сельской местности Германии, а также интересы в области образования, карьеры, технологий и развлечений, что обуславливает активный и цифровой образ жизни.

Прагматические стратегии журнала включают информирование о новостях и трендах, развлечение через рецензии на музыку и кино, социализацию, предоставляющую возможность читателям участвовать в создании контента, и мотивацию, представленную историями успеха и интервью. Языковые стратегии характеризуются использованием молодёжного сленга (*Mega cool, Krass, Chillig*), англицизмов (*Casual Look, Social Media, Online-Dating*), эмоционально-экспрессивной лексики (*Na klar!, Oh Mann!, Echt jetzt?*), креативных заголовков (*«Wie viel Social Media ist zu viel?»*) и интерактивных элементов.

Способы взаимодействия с аудиторией включают активную работу в социальных сетях, таких как Instagram и TikTok, проведение конкурсов и викторин, а также вовлечение читателей в процесс создания контента. Визуальные элементы журнала, включая яркие обложки, типографику, инфографику и фотоиллюстрации, играют важную роль в привлечении внимания.

Стилистические особенности проявляются в разговорном стиле изложения, использовании коротких абзацев, графических акцентов (*«Trendy, toll, total dein Style»*), а также риторических вопросов (*«Hast du deinen Traumjob schon gefunden?»*) и диалоговых конструкций. Роль социальных сетей в этом контексте неопределима: они способствуют расширению аудитории, укреплению связи с читателями, анализу их предпочтений и формированию устойчивого сообщества вокруг журнала.

Выводы. Журналу “*Spiesser*” удалось добиться уникального сочетания информационных и развлекательных функций, что делает его особенно привлекательным для молодого поколения. Благодаря использованию прагматических и стилистических стратегий, журнал завоевал популярность среди молодёжи, и его контент находит отклик у читателей. Социальные сети и онлайн-платформы играют ключевую роль в распространении “*Spiesser*”, позволяя ему охватить широкую аудиторию и поддерживать активное взаимодействие с читателями. Интерактивные форматы, представленные в журнале, создают эффект вовлечённости, что позволяет молодым людям не только читать, но и участвовать в создании контента. Кроме того, визуальная подача материалов гармонично соответствует интересам и стилю жизни целевой аудитории, что делает журнал ещё более привлекательным. Поэтому работа

представляет собой всесторонний анализ медиатекста, исследуя прагматику и стилистику на примере журнала “Spiesser”, демонстрируя его успешные стратегии взаимодействия с молодёжной аудиторией.

Список литературы

1. Дзялошинский, И. М. Современный медиатекст. Особенности создания и функционирования / И. М. Дзялошинский, М. А. Пильгун. – Москва : Юрайт, 2019. – 345 с.
2. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Г. Добросклонская. – Москва : Флинта, 2020. – 180 с.
3. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва : Искусство, 1970. – 387 с.
4. Соколов, А. В. Основы теории коммуникации / А. В. Соколов. – Санкт-Петербург : Издательство В. А. Михайлова, 2002. – 461 с.

УДК 811.112

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЧУВСТВ В НЕМЕЦКОМ КРИМИНАЛЬНОМ РОМАНЕ

А. А. Стрельцова,

*обучающаяся 3-го курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Бридко Т. В., к. ф. н., доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. На сегодняшний день в лингвистической литературе активно исследуются процессы, описывающие то, как язык отражает эмоциональное состояние личности, что играет ключевую роль в формировании социально-психологического облика человека. Эмоции являются неотъемлемой частью общения, поскольку они не только передают дополнительную информацию, но и влияют на восприятие собеседников, их отношения и цели диалога. Инициатор разговора использует эмоции как мощные аргументы, чтобы донести свою точку зрения или вызвать определённую реакцию у собеседника. В свою очередь, его оппонент интерпретирует эти эмоции для понимания истинности высказываний и уровня искренности или заботы говорящего. В речи эмоциональное воздействие проявляется через различные языковые средства, такие как интонация, осознанный выбор определённых слов, метафор и других стилистических приемов. Данная работа **актуальна** в контексте современных лингвистических исследований, связанных с выражением эмоций в немецком языке, а также недостаточным изучением эмоциональности как части языковой деятельности. Помимо этого, языковые средства выражения чувств в немецком криминальном романе до сегодняшнего дня не рассматривались.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является выявление лексических средств для передачи эмоций и чувств в немецком криминальном романе «Die letzte Instanz» Elisabeth Herrmann. В ходе работы были поставлены задачи: изучить существующие в современной эмотиологии способы семантического анализа эмотивной семантики слов; проанализировать существующие подходы к изучению эмоций в рамках различных научных дисциплин (в лингвистике, психологии, нейропсихологии, когнитивистике); провести анализ используемых способов

выражения чувств и эмоций, а также изучить как с помощью данных средств выражения автор передает и создает нужную эмоциональную окраску в художественном произведении.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие научные методы: дедукции и индукции, сопоставительный метод, и контент-анализ.

Результаты исследования. В последние годы в лингвистике наблюдается повышенный интерес к личности самого говорящего и изучению языка как средства межличностной коммуникации [1, с. 85] и достаточно явно прослеживается развитие антропоцентрической парадигмы [1, с. 86]. Как нельзя лучше эту тенденцию иллюстрирует возросший интерес лингвистов к эмоциональной сфере человека, ведь эмоция может считаться наиболее ярким проявлением субъективного начала [3, с. 38]. Исследователями повсеместно отмечается роль эмоций в жизни человека. По мнению таких ученых, как Е. В. Пак, В. И. Шаховский и других, эмоции пронизывают жизнь человека полностью, сопутствуя любой деятельности, организуя и направляя ее, позволяя оценить ход процесса и его результаты. Они отражают в сознании человека его «эмоциональное отношение» к неким феноменам (как внешним, так и внутренним) которое зависит от того, как их объективные свойства соотносятся с потребностями субъекта [2, с. 23; 4, с. 208].

Изучение лексических и синтаксических средств выразительности способствует более глубинному и детальному пониманию немецкого языка, а также понимание культурной составляющей немецкого языка. Сравнения, метафоры и парцелляция играют ключевую роль в выражении эмоций в тексте, влияя на восприятие читателя.

Во-первых, они придают тексту эмоциональную окраску, делая его более запоминающимся и вызывая соответствующие реакции. Во-вторых, эти тропы создают яркие образы, помогая читателю лучше представить описываемые пейзажи, ситуации и персонажей. В-третьих, они усиливают воздействие текста, подчеркивая ключевые идеи и делая абстрактные концепции более понятными.

Таким образом, сравнения и метафоры обогащают текст, способствуя лучшему пониманию и запоминанию. Исследование синтаксических средств, таких как повторы и риторические вопросы, также помогает понять, как язык передает эмоции. Эффективное использование этих приемов делает текст более глубоким и проникновенным для аудитории.

В ходе анализа лексических единиц, используемых автором романа «Die letzte Instanz» для выражения чувств героев, были использованы следующие приёмы: метафора (185 раз), эпитеты (387 раз), парцелляция (100 раз) и т. д. Например, «Erst das Geschäft. Dann das Ficken. Eins nach dem anderen» [5, с. 26]. Изучив особенности употребления автором языковых средств для описания эмоций, можно с уверенностью заявить, что для описания гнева чаще всего используются метафоры: «Haben Sie Tomaten auf den Augen?» [5, с. 21]. Также в другом предложении можно наблюдать пример метафоры: «Denkst du, deine Schoßhunde machen mir Angst? Also sag mir jetzt, wo Gülay steckt, oder ich jage dich und deinen ganzen verdammten Saustall in die Luft» [5, с. 91]. А также обсценная лексика: «Scheiße, kapiert?» [5, с. 155]. Ещё один пример использования обсценной лексики можно увидеть во фразе: «Du Drecksau!» [5, с. 157]. Для описания страха автор предпочитает эпитеты и сравнения: «Ein instinktives, animalisches Gefühl» [5, с. 77].

Выводы. Основными языковыми средствами выражения эмоций в романе «Die letzte Instanz» были метафора, эпитеты, парцелляция, сравнения. В дальнейшем хотелось бы провести более подробный анализ выражения чувств в данном романе.

Список литературы

1. Коростова, С. В. Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии / С. В. Коростова // Издание Рос. гос. пед. университета им. А. И. Герцена. – 2009. – Вып. № 103. – С. 85–86.
2. Пак, Е. В. Семантическая эволюция лексических способов репрезентации концепта negative emotions: на материале английского языка / Е. В. Пак // Издание Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов. – 2011. – С. 23.
3. Соснина, Ю. А. Эмотивность внутренней формы слова / Ю. А. Соснина // Издание Кемеров. гос. университет. – 2009. – С. 38.
4. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе язык / В. И. Шаховский // Изд. ЛКИ. – 2008. – С. 208.
5. Herrmann, E. Die letzte Instanz / Elisabeth Herrmann. – München : Random House GmbH, 2018. – 157 S.

УДК 811.112

ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

С. С. Усеинова,

*обучающаяся 3-го курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Бридко Т. В., к. ф. н., доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Как известно, процесс заимствования иностранных слов влияет на лексику любого языка и отражает не только его развитие, но и изменения в обществе, связанные с культурными и экономическими контактами между странами. Современная Германия является экономическим и культурным центром Европы и привлекает большое количество иммигрантов со всех стран. Именно поэтому немецкий язык регулярно пополняется заимствованиями из различных языков, включая корейский, японский и китайский. Однако, несмотря на активное проникновение восточноазиатских ксенонимов в немецкую лексику, эта область остается недостаточно изученной, что определяет **актуальность** данной работы. Из-за обилия иностранных заимствований, в современном немецком языке все чаще встречаются слова, написание которых не соответствует традиционным орфографическим нормам. Это явление свидетельствует о глубинных изменениях в языковой системе и подчеркивает необходимость дальнейших исследований в области лингвистики.

Цель и задачи исследования. Цель работы состоит в выявлении восточноазиатских ксенонимов и заимствований, употребляемых в современном немецком языке. В ходе работы были поставлены следующие задачи: 1) исследовать историю контактов немецкого языка с восточноазиатскими языками; 2) провести анализ различных типов восточноазиатских заимствований в немецком языке, выявить их основные характеристики и особенности адаптации.

Методика исследования. В данной работе использованы следующие научные методы: дескриптивный метод, сравнительно-сопоставительный метод и метод дискурсного анализа.

Результаты исследования. Как известно, исторические связи Германии с Восточной Азией через торговлю и культурный обмен способствовали проникновению

в немецкий язык заимствований восточноазиатского происхождения [1]. Как показал анализ практического материала, они различаются по степени адаптации, графическому оформлению, морфологическим и семантическим особенностям.

Современные лингвисты разделяют фонетическую адаптацию на полную и частичную [2]. Полная адаптация подстраивается под немецкие нормы произношения, например, слово *Kimchi* ['kimʃi]), в то время как частичная сохраняет элементы оригинального звучания, например, *Tofu* ['to:fu], из *tōfu* 豆腐. Графическая адаптация зависит от систем латинизации. Такие слова как, *Shaolin* (少林) и *Kungfu* (gōngfu 功夫) соответствуют китайской пиньинь-транскрипции, а японские слова могут передаваться через хепбёрновскую систему, как в случае с *Shōgun* (将軍).

Говоря о морфологической ассимиляции необходимо уточнить, что она проявляется в присвоении артиклей, например, *der Kimono* или *das Sushi*. Ассимиляция также проявляется в образовании множественного числа: одни слова остаются неизменными, такие как, *der Samurai – die Samurai*, тогда как другие получают суффикс -s, например, слова *das Anime – die Animes* [3]. Было выявлено, что семантические изменения также играют важную роль, например, слово *Manga* в немецком языке обозначает исключительно японские комиксы, тогда как в японской лексике оно охватывает все виды комиксов. Другой пример – слово *Zen*, установлено, что в немецкой речи оно часто ассоциируется со «спокойствием», хотя изначально обозначает буддийскую традицию.

Корейские заимствования, такие как *Hanbok* (한복) и *K-Pop*, вошли в немецкий язык сравнительно недавно и чаще сохраняют оригинальное написание и произношение. Однако, в практическом материале были обнаружены некоторые слова, которые ассимилируются сильнее. Например, *Taekwondo* (태권도) часто произносится с типично немецкой интонацией.

Выводы. Рассмотрение восточноазиатских заимствований в немецком языке позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день язык является динамичным и открытым к внешним влияниям, что способствует его обогащению и развитию. Восточноазиатские заимствования играют важную роль в расширении лексического запаса немецкого языка, привнося новые слова и выражения, отражающие культурные, социальные и технологические аспекты восточноазиатских обществ. Эти заимствования демонстрируют активное взаимодействие и обмен между культурами, а также способствуют углублению взаимопонимания и сотрудничества между странами. Процесс адаптации заимствований показывает гибкость и эволюцию немецкого языка, что позволяет ему интегрировать новые элементы и отражать современные реалии. В дальнейшем изучение восточноазиатских ксенонимов и заимствований в немецком языке будет продолжать открывать новые аспекты культурного и лингвистического взаимодействия, подчеркивая важность межкультурного диалога и взаимного обогащения.

Список литературы

1. Мамлева, Л. А. Становление Великого шёлкового пути в системе трансквиализационного взаимодействия народов Евразии / Л. А. Мамлева // *Vita Antiqua*. – 1999. – № 2. – С. 53–61.
2. Хауген, Э. Процесс заимствования / Э. Хауген // *Новое в лингвистике: Языковые контакты*. – Вып. VI. – Москва : Прогресс, 1972. – С. 344–382.
3. Bauer, W. Tsingtau 1914 bis 1931. Japanische Herrschaft, wirtschaftliche Entwicklung und die Rückkehr der deutschen Kaufleute / W. Bauer. – München : Iudicium, 2000. – 247 S.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ: ЭВОЛЮЦИЯ, КОНСЕРВАЦИЯ, РЕКОНСТРУКЦИЯ

УДК 81.42

РЕФЛЕКСИЯ АНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПАРФЮМЕРНОМ ДИСКУРСЕ

Т. А. Емельянова¹, Н. А. Шапошник²,

¹старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.

Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.

Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье исследуется актуализация античного культурного наследия в современном парфюмерном дискурсе посредством лингвокультурологического анализа названий ароматической продукции, что определяет *цель* настоящей работы. Методологическую базу исследования составили: метод сплошной выборки, метод сопоставительного анализа, метод лексико-семантического анализа и метод стилистического анализа. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что названия парфюмерных композиций чаще всего содержат аллюзии на известных личностей, события и традиции как на современном национальном языке, так и на языке классической эпохи.

Ключевые слова: рефлексия, парфюмерный дискурс, парфюмерная продукция, античность, латинский язык.

Summary. The article determines the actualization of the ancient cultural heritage through the linguacultural analysis of the aromatic products` names that determines the purpose of this work. The methodological basis of the study consists of the following methods: continuous sampling, comparative analysis, lexical-semantic analysis, and stylistic analysis. The results of the study allow us to conclude that the names of perfume compositions most often contain allusions to famous personalities, events and traditions both in the modern national language and in the language of the classical era.

Key words: reflection, perfumery discourse, perfumery products, antiquity, Latin language.

На протяжении всего своего существования человек всегда стремился познать свою историю, осмыслить свои исторические судьбы, прогнозировать будущее и формулировать пути дальнейшего развития. Несмотря на ту временную разницу между античностью и современностью, древние культура и философия находят свое отражение в жизни и деятельности современного человека. История античности, культура античности так глубоки и так полновесны по своему содержанию, что по прошествии многих сотен лет ученые, художники и политики до сих пор к ней обращаются. «Образы античного мира смело можно назвать нематериальным культурным наследием человеческой цивилизации. По сей день они продолжают быть источником вдохновения как для мира искусства и моды, так и для парфюмерии» [5].

Тема античности привлекала внимание многих отечественных и зарубежных исследователей: М. С. Куторга, Ф. Ф. Соколов, В. В. Латышев, Ф. Вольф, Б. Нибур, Р. Бентли и другие. Также в современной лингвистике не угасает интерес к тематическим дискурсам. Парфюмерный дискурс – «это тип профессиональной коммуникации, связанный с созданием, производством, рекламой и оценкой

парфюмерной продукции» [2, с. 71]. Внимание к нему диктует возросшая популярность к ароматам и запахам, которая началась в эпоху пандемии и продолжается по сегодняшний день, что указывает на *актуальность* настоящего исследования.

Что же касается понятия «рефлексия», то «оно является не только основополагающим и сложным понятием, но и спорным по пониманию. Относительно нее всегда существовали различные мнения» [1]. Если обратиться к этимологии понятия «рефлексия», то можно отметить, что позднелатинское *reflexio* – это обращение назад к основанию, отражение. В контексте данного исследования вслед за М. А. Рожковым, рефлексия античности нами определяется «как теоретическое и практическое усвоение античных ценностей современной культурой» [3, с. 3]. Это процесс, который помогает понять влияние античных традиций на современную философию, искусство и общественные науки, и, в частности, на парфюмерное искусство.

Новизна работы заключается в самом выборе темы, где впервые предпринята попытка определения влияния античного искусства на создание и продвижение современной парфюмерной продукции. Исследуемый материал был отобран на сайте парфюмерного интернет-журнала *Fragrantica* [4].

Со времен античности парфюмерных композиций до нас не дошло. Да и в то время парфюмерии, в современном понимании, конечно, не существовало. Античность – это тот период в истории человечества, который, пожалуй, больше всех остальных вдохновляет современных парфюмеров на творчество. В качестве ярких примеров парфюмерного искусства, вдохновленных образами греко-римского наследия, можно назвать следующие парфюмерные дома и ароматические композиции:

- Французская марка «Phaedon Paris» (Федон Париж) относит нас в 4 в до н. э.. «Phaedon Paris» – это парфюмерный дом, созданный двумя парижскими эстетами, заядлыми путешественниками и любителями древних культур. В середине 2000-х годов их мечта создать парфюмерный бренд, отражающий их интересы, оформилась с появлением так называемой нишевой парфюмерии. Именно на основе воспоминаний о барельефе дворца царя Дария, выставленном в Лувре, возникла зооморфная эмблема дома с двумя ассирийскими грифонами. В качестве логотипа эту эмблему украшает имя легендарного раба, ставшего философом – Федона из Элиды.

- Еще одним ярким примером обращения к античности является парфюмерная вода французского бренда элитной парфюмерии «Diptique» («Диптих») – «Virgilio» («Вергилий»). На медальоне флакона над надписью *Virgilio* начертана сцена из «Энеиды» – самого известного произведения римского поэта.

- Туалетная вода французской парфюмерной марки «Goutal Paris» («Гуталь Париж») «Bois d'Hadrien» («Лес Адриана») отсылает нас к временам римского императора Адриана (117–138 гг. н.э.). Создание аромата было вдохновлено историческим романом Маргерит Юрсенар «Воспоминания Адриана», изданным в 1951 году в Париже. По форме этот роман представляет собой серию писем, образующих своеобразное завещание, адресованное Марку Аврелию. В свое время роман был успешно переведен на классическую латынь. Парфюмерное творение «Bois d'Hadrien» объединило в себе и античность, и французскую литературу.

- Еще одна парфюмерная композиция – это «Invasion Barbare» («Вторжение варваров») от французского парфюмерного дома «MDCI Parfums». С вторжением варваров мы связываем гибель античной цивилизации и распад Римской империи. Падение Западной Римской империи в 476 году положило условный конец периоду античности и ознаменовало начало новой эпохи – Средневековья. Название самой марки MDCI, которая является аббревиатурой, отсылает к написанию римских дат. Даже форм-фактор флаконов делает отсылку к греко-римской эпохе. Крышки этих парфюмов представляют собой маленькие античные бюсты.

• Молодой российский парфюмерный бренд «Palazzo della Bellezza» («Дворец красоты») в 2024 году выпустил целую коллекцию парфюмов «Giardino Imperiale» (Императорский сад), вдохновленной садами Древнего Рима: «Anima pura» («Чистая душа»), «La nostra storia» («Наша история»), «Liberta» («Свобода»), «Lucrezia» («Лукреция»), «Prophetissa» («Пророчица»), «Rea silvia» («Рея Сильвия») [5].

• Итальянский бренд нишевой парфюмерии «Filippo Sorcinelli» («Филиппо Сорчинелли») очень интересен тем, что это, пожалуй, единственный бренд, который в парфюмерном дискурсе обращается к церковной и религиозной тематике. В контексте исследования необходимо отметить ароматическую композицию «Haec Dies» («Сей день»), посвященную евангельской истории о воскресении Иисуса Христа. «Название парфюма отсылает к пасхальному антифону, который поётся после первого чтения Писания на пасхальной мессе: «Haec dies quam fecit Dominus» или «Сей день сотворил Господь» – фрагмент 117 псалма, который в церковной традиции считается пророчеством о воскресении Христа» [4]. Это не единственный аромат от «Filippo Sorcinelli», в названии которого используется латинский язык и великолепным образом объединяются христианство и античность.

Список примеров отражения античности в парфюмерном искусстве на этом не заканчивается, но позволяет сделать определенные выводы. Обращение современных парфюмеров в своем творчестве к греко-римскому наследию продиктовано желанием приобщиться к идеалам красоты и гармонии, желанием по-новому интерпретировать античное наследие, желанием привлечь внимание любителей парфюмерии к своему творчеству. И в первую очередь для создателя духов важно содержимое флакона – его парфюмерная композиция, игра нот, которая способна раскрыть задумку автора. Название и форма флакона аромата – это специфический контекст, который настраивает пользователя на определенные ольфакторные ощущения и впечатления. Так, во флаконе под названием «Вергилий» пользователь парфюмерии не будет ожидать чего-то нежного или изысканного. Каждый пример анализируемого материала представляет собой синергию внешней составляющей и ароматического содержимого, которая как художественное произведение повествует о той или иной истории, как полотно художника изображает знаменитых личностей, как музыкальное произведение заставляет вслушиваться в ноты. Таким образом, искусство парфюмерии, как и другие виды искусств, обращаясь к греко-римскому наследию, создает интересные и уникальные ароматические произведения, которые могут стать предметом дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. Козырева, Т. В. Понятие рефлексии в истории философии / Т. В. Козырева // Вестник угроведения. – 2013. – № 2 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-refleksii-v-istorii-filosofii> (дата обращения: 12.01.2025).
2. Косицкая, Ф. Л. Жанровая палитра французского парфюмерного дискурса / Ф. Л. Косицкая // Вестник ТГПУ. – 2016. – № 6 (171) – С. 71–75. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-palitra-frantsuzskogo-parfyumernogo-diskursa> (дата обращения: 10.01.2025).
3. Рожков, М. А. Рефлексия античного наследия : культурологический аспект : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореф. дис. ... канд. культурологии / Михаил Анатольевич Рожков ; Мордовский гос. ун-т. – Саранск, 2009. – 18 с.
4. Парфюмерный онлайн-журнал «Fragrantica» : [сайт]. – URL: <https://www.fragrantica.ru> (дата обращения: 05.02.2025).
5. URL: <https://bellezzaprofumi.com> (дата обращения: 10.02.2025).

ВАРИАТИВНОСТЬ И ДИНАМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НОРМЫ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Н. С. Лесова-Юзефович,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена изучению и описанию динамического характера языковой нормы, которая проявляется в форме вариативности языка. Целью исследования является рассмотрение и анализ явления динамической природы языковой нормы и ее вариативности на примере французского языка. В ходе работы использовался комплекс лингвистических методов: описательно-аналитический и индуктивно-дедуктивный. На основе представленного материала сделан вывод о том, что языковая вариативность французского языка наиболее ярко выражена на уровне лексики, представленной в допущении употребления различных форм сниженного, просторечного варианта лексемы. Данные единицы вариативности французского языка составляют пласт аргю.

Ключевые слова: язык, норма, сниженная лексика, динамический характер, аргю, арготизм, лингвокультурология, социолект.

Summary. The analysis and description of dynamic nature of language norm and its variations is considered in the article. The purpose of this research is examining and analysis of the phenomenon of dynamic language's nature of norm and its variations with the example of the French language. To achieve the purpose, such methods as description, analysis, induction and deduction were used. As a result of the research the language variation of French is visually presented at the vocabulary level, with the usage of different substandard, common word variants. These items of the French language variation constitute the argot course.

Key words: language, norm, substandard lexis, dynamic nature, argot, argotism, linguo culturology, sociolect.

Язык является динамической системой, которая подвержена многим преобразованиям. «Языковая система, находясь в постоянном использовании, создается и видоизменяется коллективными усилиями тех, кто ею пользуется. Новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы языка, но работающее, функционально целесообразное, ведет к перестройке в нем, а каждое очередное состояние языковой системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта. Таким образом, язык в процессе речевого функционирования развивается, изменяется, и на каждом этапе этого развития языковая система с неизбежностью содержит в себе элементы, которые не завершили процесс изменения. Поэтому различные колебания, варианты неизбежны в любом языке» [3, с. 47].

Язык – это феномен, отражающий различные изменения, как политического, так и социального характера, в жизни общества. Исходя из этого, изменения в языковой системе и, как следствие, в языковой норме, являются естественными.

Понимание нормы как динамического феномена в языке нашло отображение в работах многих лингвистов таких, как П. М. Алексеев [1], Э. Сепир [2], О. О. Сергиенко [7], Ю. С. Степанов [4], L.-J. Calvet [5]. Динамический характер языковой нормы объясняется социальным воздействием на язык, где говорящий – это деятель, который корректирует функционирование лексических единиц в ходе коммуникации. Он

осуществляет передачу информации с помощью закреплённой нормы, взятой за образец.

Противоречивая природа языковой нормы – её стабильность и динамичность, прежде всего обусловлена историческим фактором. Изменение экстралингвистической реальности влияет на отбор всех коммуникативных единиц языковой системы, лексическая единица, которая раньше использовалась в качестве нормы, заменяется другой языковой единицей, которая больше используется социумом и является более актуальной. В данном случае, возникает явление, которое называют «вариативность языковой нормы».

Начиная с античных времен и до наших дней нормативный подход к языку преобладает во всех лингвистических традициях. С течением времени в языке создается строгая норма, которую необходимо соблюдать. На ранних стадиях развития языка, вопрос языковой нормы не стоял настолько остро, поскольку не существовало четкого различия между устным и письменным языком. Язык воспринимался как дар и нечто неизменяемое, а латынь и романские языки считались различными вариантами одного и того же языка, возвышенным и вульгарным, но не разными этапами в развитии языков. Однако, в процессе развития науки, искусства, изменений в государственном аппарате, укреплялась идея поиска общего кода коммуникации. Данным кодом для нации является её национальный язык, функции которого охватывают все стороны жизнедеятельности народа.

В истории формирования национального французского языка особо выделяют 16 век, когда Франциск I издал приказ, под названием Ордонанс Вилер-Котре, согласно которому французский язык стал официальным языком права и администрации. В связи с растущей ролью французского языка в обществе возник ряд проблем, связанных с нормализацией языка, появилась необходимость создания общепринятой нормы языка. Впервые данный вопрос поднимается в грамматиках Дюбуа, Мегре, Вожля.

В 1635 г. была создана Французская академия – научное учреждение Франции, главной функцией которого является «тщательная и бережная работа, предназначенная сформулировать определенные правила для нашего языка, чтобы сделать его чистым, выразительным и способным представлять искусства и науки» [8].

Норма, как явление общественное, вызывает огромный интерес исследователей, которые рассматривают её как инструмент, с помощью которого говорящий делает выбор в пользу определенной лингвистической единицы.

Изменения языка и существование вариантов нормы свидетельствует о прогрессе и эволюции языка. Норма нестабильна и ставит проблему выбора перед говорящим, однако, временной отрезок для осуществления данного выбора достаточно короткий. Отсюда, человек делает выбор в пользу того варианта, который для него является более удобным, и в тоже время наиболее полно выражает его мысль. Осуществленный индивидом выбор не всегда может совпадать с закреплённой языковой нормой, то есть происходит сдвиг в использовании некоторых устоявшихся языковых реалий в пользу говорящих на данном языке людей.

На данный выбор влияет социальный контекст, то есть место, время, статус говорящего, возраст, пол. Согласно этим критериям, говорящий выбирает необходимый вариант слова, оборота, и т. д., то есть норма обретает вариант в соответствии с экстралингвистической реальностью.

Согласно Франсуазе Гадэ (Françoise Gadet) [6] существуют следующие виды вариативности:

1. Вариативность согласно пользователю:

- диахроническая вариативность (историческая): французский язык XVII и XXI века;

- региональная вариативность: французский язык Франции, Канады, Африки, Парижа, Марселя;
- социальная / возрастная вариантность: молодежь – пожилые, жители города и деревни, профессиональные социолекты.

2. Вариативность согласно языку:

- стилистическая / ситуативная вариантность: контекст коммуникации, вид;
- регистр (литературный, разговорный).

Вариативность французского языка проявляется на всех уровнях языка: фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом. Достаточно обширным количеством вариантов нормы представлен лексический уровень французского языка, данная вариативность обусловлена, прежде всего, региональной особенностью его использования.

Сегодня существует не единый французский язык, а множество его территориальных вариантов. Различают образцовый французский язык – язык Франции и национальные варианты французского языка. Миллионы франкофонов, проживающих в странах, где французский является государственным языком, используют его вариант. С одной стороны, носители языка пользуются общими правилами и структурами французского, с другой стороны, в этот вариант французского вкрапляются характерные территориальные обороты, слова. Более того, в рамках каждого национального варианта французского языка существуют его региональные варианты. Данные разновидности национальных языков воздействуют на вариативность на других уровнях французского языка, в том числе на лексический пласт системы.

В зависимости от экстралингвистических реалий, франкофоны изменяют существующие французские слова, создают новые и перестают пользоваться некоторыми нормативными вариантами. Говорящие, либо испытывая давление со стороны другого языка, либо из-за необходимости описания нового явления, вынуждены использовать новые лексические единицы. Таким образом, французский язык обрывает не только территориальными вариантами, но и развивается в плоскости социолектной вариативности. Живая речь является более подвижной, динамичной, чем письменная форма, поэтому изменения в речи происходят намного чаще и быстрее. Более того, новые языковые единицы из устной речи проникают в письменную литературную форму, создавая конкуренцию устоявшейся норме.

В рамках данной вариативности достаточно распространенным и актуальным в последнее время является арготизм, который проникает в литературный язык, тем самым влияя на динамический характер нормы и заставляя язык эволюционировать. Такой процесс становится актуальным в связи со стиранием границ между социальными слоями общества, происходящим все более интенсивно в настоящее время. Арготизмы внедряются в повседневную речь образованной прослойки общества, а через нее проникают в язык художественной литературы, закрепляясь в литературной норме.

Таким образом, на каждом новом этапе функционирования языковой системы существует объективная необходимость изучения факторов, влияющих на динамические преобразования в системе языка.

Список использованных источников

1. Алексеев, П. М. Квантитативные аспекты речевой деятельности / П. М. Алексеев // Языковая норма и статистика. – Москва, 1977. – С. 47.
2. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – Москва : Прогресс, 1993. – 656 с.
3. Соколова, В. В. Культура речи и культура общения / В. В. Соколова. – Москва : Просвещение, 1995. – 190 с.

4. Степанов, Ю. С. Основы языкознания / Ю. С. Степанов. – Москва : Просвещение, 1975. – 271 с.
5. Calvet, L.- J. Les Voix de la ville, Introduction à la sociolinguistique urbaine / L.- J. Calvet. – Paris : Payot, 1994. – 305 p.
6. Gadet, F. La Variation sociale en français. Nouvelle édition revue et augmentée / Françoise Gadet. – Paris : Ophrys, 2006. – 186 p.
7. Сергиенко, О. О норме и вариативности в паремиологии [Электронный ресурс] / О. Сергиенко. – Санкт-Петербург, 2012. – URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/125597/2_OperaSlavica_22-2012-4_2.pdf?sequence=1 (дата обращения: 02.02.2017).
8. Académie française [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.academie-francaise.fr/la-langue-francaise/le-francaisaujourd'hui> (дата обращения: 10.02.2017).

УДК 82–312.1

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ РОЛЬ ДЕНЕГ В РОМАНЕ О. ДЕ БАЛЬЗАКА «ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА»

Н. П. Науменко¹, И. В. Шибеева²,

¹старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья представляет собой попытку анализа функции денег во французском обществе девятнадцатого века на примере произведения Бальзака «Шагреновая кожа». Целью работы является отображение духовно-психологического механизма денег и их влияния на человеческое сознание, на социально-экономические аспекты жизни. Произведения Оноре де Бальзака, объединенные в «Человеческой комедии», позволяют оценить неоднозначную роль денег во Вселенной Бальзака.

Ключевые слова: французская литература XIX века, деньги, Оноре де Бальзак, «Шагреновая кожа», разрушение, энергия, метафизика.

Summary. The article is an attempt to analyze the function of money in the French society of the 19th century using the example of Balzac's work *Shagreen Skin*. The purpose of the article is to reflect the spiritual and psychological mechanism of money and its impact on human consciousness, on the socio-economic aspects of life. The works of Honore de Balzac, combined in *The Human Comedy*, allow us to assess the ambiguous role of money in Balzac's Universe.

Key words: French literature of the 19th century, money, Honore de Balzac, *Shagreen Skin*, destruction, energy, metaphysics.

XIX век во Франции знаменует собой рождение капиталистического общества с его финансистами, инвесторами, предпринимателями, которые становятся все более богатыми. Оно построено на контрастах, где деньги играют определяющую иерархическую роль: между оставшимися в живых дворянами старого режима и новым дворянством, родившимся во времена империи, такими как отец Бальзака, который с 1803 года добавляет к своему имени частицу «де», как признак дворянского происхождения.

Чтобы полностью понять роман «Шагреновая кожа», важно знать исторический контекст, в котором Бальзак написал это произведение. Ибо девятнадцатый век во

Франции был временем великих социальных, политических и экономических перемен. Французская революция изменила общество, а рост промышленного капитализма разрушил старые социальные структуры.

После июля 1830 года у людей сложилось впечатление, что власть была отдана лавочникам, а значит, и деньгам. «Шагреновая кожа», которая с некоторых сторон представляет собой картину общества после июльской революции, не могла обойтись без упоминания этой темы. Но Бальзак идет гораздо дальше, он придает деньгам символическое значение. Исследователи творчества Бальзака даже задаются вопросом, не являются ли деньги главным действующим персонажем. В произведениях видно, как деньги вписываются в бальзаковскую Вселенную. Богатство, как источник комфорта, благополучия, роскоши, неразрывно связано с социально-психологическими и духовно-нравственными сторонами жизни героев. По словам И. Бродского: «Наравне с землей, водой, воздухом и огнем, деньги – суть пятая стихия, с которой человеку чаще всего приходится считаться» [2].

В романе «Шагреновая кожа» Бальзак стремится раскрыть одно из противоречий буржуазного общества: несовместимость труда и благополучия. С одной стороны, нищета, с другой стороны, погоня за наслаждениями, богатством, разгул страстей, разрушающие человеческую личность. Шагреновая кожа – это символ обреченности личности на пути к исполнению эгоистических желаний. «Человек истощает себя безотчетными поступками... Желать – сжигает нас, а мочь – разрушает...» [1, с. 42]. Эта мысль раскрывается в истории главного героя. Молодой Рафаэль, проиграв в азартные игры последнюю копейку, намеревается покончить жизнь самоубийством. Он случайно попадает к антиквару, где старик показывает ему кожу, имеющую силу исполнять все желания ее владельца.

Рафаэль Валантен принадлежит к старинной, но разорившейся знати, над чем насмехается его спутник Эмиль, приводя причудливую генеалогию «... он Рафаэль де Валантен! ... Мы не какой-нибудь подкидыш, мы – потомок императора Валента, родоначальника всех Валентинов ...» [1, с. 58].

Но социальный разрыв стирается, как только появляются деньги, и в роскошном особняке банкира Тайфера смешиваются молодые люди из знати, буржуа, иногда артисты, часто без состояния, они пользуются деньгами хозяина, «который тратит две тысячи экю на ужин». Бальзак детально описывает роскошь, изысканные деликатесы, драгоценную посуду и тонкое постельное белье... В одних и тех же салонах, театрах, на модных парижских площадках встречаются баронесса де Нусинген, графиня де Ресто, графиня Феодора, а также и безродные куртизанки, Евфрасинья и Акилина, которых поддерживают богатые любовники. Деньги тратятся без счета, главное – получить их любыми способами, как Растиньяк объясняет Рафаэлю: «Рассеянная жизнь, милый мой, – это целая политическая система. Жизнь человека, занятого тем, как бы прокутить свое состояние, становится часто спекуляцией: он помещает свои капиталы в друзей, в наслаждения, в покровителей, в знакомых» [1, с. 118].

В романе противопоставлены друг другу две женские фигуры: «нежная и покорная» Полина и Феодора, «спрятанная бронзовое сердце под своей хрупкой и изящной оболочкой и ... когда-то отдалась за золото» [1, с. 138]. Вся поддержка и любовь Полины, ее помощь, не спасают Рафаэля от лап Феодоры, ради которой он тратит свои последние деньги, погружается в разврат, пока не оказывается в долгах. Главный герой грезит о неприступной Феодоре: «... не была ли эта женщина символом всех моих желаний, целью моей жизни? Графиня Феодора, богатая... – разве это не воплощение моих надежд, моих видений?» [1, с. 120]. Итак, Рафаэля привлекает, прежде всего, богатство Феодоры. Пропасть, отделяющая Феодору от Рафаэля, носит денежный характер.

Рафаэль порицал себя за идолопоклонство богатству, роскоши. Он не мог полюбить прекрасную Полину из-за ее бедности. Ее красота все еще скрыта отсутствием денег, которое запрещает ей всякую роскошь: «как героиня сказки об «Ослиной шкуре», она позволяла увидеть симпатичную ножку в отвратительных туфлях» [1, с. 113].

В романе «Шагреновая кожа» персонаж вписывается в очень реальное, точно описанное общество. В предисловии к «Человеческой комедии» Бальзак писал, что в нем воплощается двойное видение, одновременно «добро и зло века», пережитое молодежью, характерном для начала XIX века, в поисках абсолюта, в котором ей отказывает общество, где господствует только материализм; концепции человеческой жизни, основанной на идее энергии: необходимо сделать выбор между интенсивной, но короткой жизнью, потому что она сжигает эту жизненную энергию, или долгой жизнью, но по инерции, чтобы сэкономить энергию [3]. Бальзак хочет показать читателям, что деньги, власть и женщины истощают, в то время как разумная и умеренная жизнь, наполненная мудростью, позволяет жить долго.

В произведении желание является именно символом энергии, которую Рафаэль растрчивает. Во время его исповеди читатель хорошо понимает, что моменты, когда у Рафаэля достаточно денег, чтобы осуществить свои желания, редки, отсюда и вмешательство фантастического объекта, который позволяет установить прямую связь между желанием и реализацией. Но следствием этого забвения является потеря жизненной энергии. Бальзак связывает увядание Рафаэля не с кожей, а с богатством. Роковой образ богатства является наиболее важным элементом общества, отсутствие денег препятствуют воплощению его желаний. В 1830 году деньги заложили основы нового, неизвестного общества, и Бальзаку удалось показать, как происходят перемены в кажущемся хаосе после Июльской революции.

Оноре де Бальзак знакомит читателя с реальностью, материалистическим обществом, которое разрушает добродетель и побеждает порок. Роман «Шагреновая кожа» известен своим тематическим богатством и стилем повествования, в котором реализм сочетается с фантастическими элементами. Произведение оказало влияние в своё время и продолжает изучаться как ключевое в творчестве Бальзака, но также и во французской литературе в целом.

Французский литературный критик Ю. Бузенна (Youness Bousenna) в статье «Деньги, одержимость века Бальзака» отмечает, что писатель в своих произведениях открывает фигуры, в которых власть и богатство неразрывно связаны. Всё является преступлением в этом обществе, где человек в перчатках «совершил убийства, в которых не проливается кровь» и где «того, кто возвращается со своей хорошо приготовленной добычей, приветствуют, празднуют, принимают в хорошем обществе», чтобы добиться успеха, нужно быть охотником за миллионами, готовым на всё... для которых уже нужно быть богатым или казаться таковым» [4]. Эти слова отражают суть романа и заслуживают внимания.

Теофил Готье отмечал, что Бальзак с его глубокой проницательностью понимал и описал общество, в котором правят деньги [5, с. 141]. Бальзак показал, что богатство представляет собой некую духовную сущность, влияя на сознание, мировоззрение, ценностные ориентиры и душу человека. Говоря о социальной важности, деньги в творчестве Бальзака играют метафизическую роль.

Список использованных источников

1. Бальзак, О. Шагреновая кожа / О. Бальзак. – Москва : Художественная литература, 1970. – 320 с.
2. Бродский, И. А. Проза и эссе / И. А. Бродский. – 2016. – URL: https://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_prose.txt_with-big-pictures.html// (дата обращения: 12.12.2024).

3. Balzac, H. de. Avant-propos [Ressource électronique] / H. de Balzac. – Mode d'accès : https://sd-2.archive-host.com/membres/up/212523840231394720/Paperolles_autres_e-livres/AvantProposBalzac.pdf. (Date d'accès: 14.03.2025).
4. Bousenna, Y. L'argent, obsession du siècle de Balzac / Y. Bousenna. – Mode d'accès : <https://philitt.fr/2018/10/31/largent-obsession-du-siecle-de-balzac/>. (Date d'accès: 14.03.2025).
5. Dictionnaire des littératures de langue française / ed. par J-P. de Beaumarchais. – Paris : Bordas, 1994. – С. 134–150.

УДК 821.112

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ВОЕННОЙ АГИТАЦИОННОЙ РЕКЛАМЫ НА ПРИМЕРЕ ВИДЕО РОЛИКОВ РОССИИ И США

В. В. Радевич,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу военных агитационных видеороликов Вооруженных сил Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки с целью анализа взаимодействия вербальных и невербальных средств реализации различных тактик воздействия в презентационных текстах рекламного военного дискурса, выявлению общих и специфических черт.

Ключевые слова: видеоролик, социальная реклама, военный дискурс, вербальные и невербальные средства воздействия.

Summary. The article is devoted to the analyses of military propaganda videos of the Armed Forces of the Russian Federation and the United States of America in order to analyze the interaction of verbal and non-verbal means of implementing various tactics of influence in the presentation texts of advertising military discourse, identifying common and specific features.

Key words: commercial, social advertising, military discourse, verbal and non-verbal means of influence.

Жизнь современного человека, и общества в целом, сложно представить без такого явления как реклама. Данная сфера человеческой жизни постоянно развивается, трансформируясь под влиянием различных социальных, экономических и политических событий. Её роль уже не ограничивается коммерческой или рыночной коммуникацией, в наши дни она стала неизменным атрибутом всех областей общественной жизни. Рекламный дискурс также является инструментом идеологического, психологического и политического воздействия.

Современное общество всё чаще прибегает к использованию рекламы для решения острых социальных проблем. Широкое применение в этом плане получила социальная реклама.

Социальная реклама не преследует коммерческих целей, не формирует интереса к товару для его продвижения на рынке, под социальной рекламой понимается исключительно информация, направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства.

Она выходит за рамки экономических задач и направлена, прежде всего, на достижение более гармоничных отношений в обществе, таких как популяризация здорового образа жизни, поддержка незащищенных слоёв населения, борьба с

бедностью, преступностью, загрязнением окружающей среды, а также популяризация многочисленных общественных организаций и фондов и т. д.

Ж. Бодрийяр считал, что современный человек все лучше сопротивляется рекламному императиву, при этом становится восприимчивее к рекламному индикативу (т. е. к факту существования рекламы как очевидного явления определенной культуры) [2, с. 179]. Реклама отвлекает сознание реципиента, смещая фокус человеческой психики с собственно прагматической сущности на общечеловеческие ценности, такие как патриотизм, любовь, семья, дружба и т.д. Более того, формируя у человека некие мировоззренческие и поведенческие стереотипы, она исподволь подводит реципиента к покупке определенного продукта или лояльности к определенному бренду, концепции, которая предстает в сознании потребителя как неотъемлемая часть общечеловеческой культуры, она помогает людям почувствовать, что они являются частью общества которое предлагает всё самое лучшее.

Такой механизм воздействия является крайне актуальным для военной рекламы, так как все ее виды, так или иначе, вносят вклад в создание имиджа вооруженных сил и формирование позитивного отношения общества к данному социальному институту.

Являясь одним из старейших социальных институтов, нормы общения и поведения в вооружённых силах строго регламентированы уставом и иерархической системой. Потребность государства в сильной армии, способной противостоять любой агрессии, не утратила свою актуальность и в наши дни. Однако престиж армии напрямую зависит от отношения к ней общества и от желания граждан вступить в ее ряды. Военный дискурс, согласно классификации В. И. Карасика, относится к институциональному дискурсу и представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений [4, с. 10].

В условиях сложившейся военно-политической обстановки в мире вооруженные силы всех стран нередко прибегают к рекламе в пропагандистских и агитационных целях. Грамотное воздействие на сознание молодых людей с помощью СМИ способствует мотивации молодежи и привлечению ее к срочной службе и службе по контракту и осуществляется благодаря тому, что социальная реклама носит регулятивный характер. В свою очередь, основной ее целью является формирование и корректирование общественного мнения.

Н. Д. Арутюнова пишет: «В современном мире образы проникли в повседневную жизнь человека, и роль их резко возросла. Тому причиной популярность кино и телевидения. Образы общественных деятелей постоянно появляются на телеэкране. Их корректируют эксперты, советники. Образ стал имиджем» [1, с. 323]. Полборн также отмечает, что основная функция образа – представление с целью привлечь внимания; показать то, что выгодно, и скрыть то, что показывать нежелательно. По его словам, образ должен полностью поглотить внимание аудитории и пробудить ее воображение [6, с. 15].

Для создания образа в социальной рекламе необходимо взаимодействие вербальных и невербальных средств реализации стратегий воздействия на потенциального реципиента. К наиболее часто используемым и распространенным видам популяризации военной службы относятся рекламные плакаты, листовки, баннеры и видеоролики. Последние и послужили материалом для исследования.

Милитарные презентационные тексты, используемые в видео, носят, скорее, аттрактивный и персуазивный характер. Они должны быть лаконичными, достаточно своеобразными, чтобы выделяться среди множества других рекламных роликов и быть психологически убедительными, чтобы повлиять на отношение адресата к теме рекламы.

Рекламные тексты той или иной страны отражают специфику мировосприятия и образа жизни ее граждан, а также обладают определёнными признаками,

обусловленными особенностями языка, его поликодовых аспектов и коммуникативного поведения.

Будучи непрямым видом коммуникации, реклама не может учитывать индивидуальный опыт реципиента, при этом ее прагматическая направленность может быть реализована только посредством воздействия на отдельную личность, а не на общество в целом. В таких условиях весьма перспективным является апелляция не к индивидуальному опыту, а использование личностных структур как основы организации любого опыта.

Анализ англоязычных и русских агитационных роликов выявил ряд общих и специфических черт.

Прежде всего, в текстах роликов обеих стран используется повелительное наклонение и эллиптические конструкции, что соответствует параметрам военного и рекламного дискурсов. В то же время подобные языковые средства являются характерными чертами манипуляции, способствующие усилению эффекта воздействия информации на реципиента. Наиболее распространёнными примерами являются фразы: «Присоединяйся к СВОим», «Вступай в Армию России», «Мир и свобода», «Доблесть и доброта» (РФ); «Be all that you can be», «Be strong», «Army strong», «Advance your military career» (США) [9; 10; 12].

В содержательной части видео присутствует демонстрация военной техники, слаженного боевого реагирования, математическая точность расчётов, разнообразие форм вооружения и техники, организованность и дисциплина. Подобная совокупность образов вызывает у зрителя чувство надёжности, достоверности информации, гордости за свою страну, желание принадлежности к этой группе, желание стать частью этой истории, показываемой в ролике.

Следующей общей чертой в большинстве видео можно назвать противопоставление образов гражданской мирной жизни и военной службы. Первая представлена изображениями семьи, рутинной работы, прогулками с друзьями, спортивными играми во дворе и подкрепляется такой положительно окрашенной эмоционально лексикой как «семья, дети/family/children», «дружба/friendship», «друзья/friends», «прежняя жизнь/before», «оставь/leave», «это первый день твоей новой жизни», «комфорт/comfort». Вторая же представляется как «I'm a warrior and a member of a team», «I will never accept defeat», «I'm a guardian», «trained and proficient», «новая жизнь», «узнать себя», «познать границы своих возможностей», «ты готов ломать себя до изнеможения?», «боль закаляет», «превзойти», «стать лучше» [8; 9; 10; 11; 12].

Тема преодоления трудностей также весьма распространена и сопровождается выражениями «познать границы своих возможностей», «...до изнеможения каждый день», «превзойти», «forget your comfort», «you'll have to earn your place among us», «be all that you can be». В материалах анализа авторы апеллируют к таким морально-волевым качествам как «честь», «отвага», «доблесть», «мужество», «sacrifice», «courage», «defense», «salvation», «physical and emotional strength» [8; 9; 10; 11; 12].

Ещё одной общей чертой является образ будущего. Он характеризуется картинками мирного времени, совместной деятельности с семьёй и друзьями, особенно с детьми, благотворительной деятельности, такой как забота о престарелых или больных людях, строительства или улучшения условий жизни. Все эти кадры олицетворяют «созидание/творение», которое в сознании человека имеет положительную окраску. Для лучшего эмоционального воздействия кадры «мира» следуют за демонстрацией разрушений, взрывов, элементов боевых операций, таким образом, создавая контраст и формируя в сознании зрителя логическую цепочку «борьба-разрушение-создание лучшего».

Говоря об индивидуальных особенностях русских и американских агитационных роликов, то их специфика, как правило, заключается в разных подходах или отношении к общим темам.

В первую очередь стоит отметить главенство архетипического образа «герой», используемого почти всеми армиями мира. Особенность такого явления как «архетип» заключается в том, что он обращается к образам, запечатленным в психике, напрямую, при этом актуализируя осознание чего-то знакомого и значимого.

С. Н. Курбакова считает, что познание человеком действительности начинается «прежде всего, с осмысления того, кто действует, где действует, когда действует» [3, с. 236–237]. В контексте исследования наибольшую нагрузку несут языковые знаки, которые указывают на лицо, время и место. Эти параметры являются важной частью концептуальной картины мира, а способы и средства их воплощения в речевой деятельности определяются спецификой национальных языков и целей коммуникации.

В рамках данной статьи мы рассмотрим наиболее часто встречающийся архетип – образ «Герой».

Образ «героя» включает в себя среду, которая требует особых навыков и стойкости; машины, самолеты, техническое оснащение, все, что способно быстро перемещаться; все, что обладает мощностью и силой. Для создания подобного эффекта используются яркие краски, четкие линии и контуры, соответствующее музыкальное сопровождение. Окружающая фон аскетичен и функционален, ничего лишнего и отвлекающего от главной цели. Все эти черты в совокупности порождают ощущение силы, превосходства, избранности.

В американских роликах образ «героя» часто сопровождается использованием возвышенной лексики и превосходной степени сравнения: «the best technology in the world», «the best tools», «the strongest», «the best training», «I am a guardian of freedom and American way of life». Подобная направленность на себя и свои достоинства, иногда несколько утрированная их демонстрация является характерной чертой американского мировоззрения, находящая отражение и в их военной рекламе [10; 11; 12; 13].

В русской военной рекламе образ «героя», по нашему мнению, больше акцентируется на обязательном наличии определённых моральных качеств, помимо физических и технических параметров. Вербально это выражается с помощью таких лексических единиц, как «доблесть и доброта», «по настоящему», «пределам возможного вопреки», «быть смелым – значит мыслить», «сильным – значит духом», «преданность», «честь», «ответственность», «жить достойно», «вместе – чтобы беречь», «не жалеть себя», «не ради славы, но во имя жизни и мира, и свободы доблестью и добротой». Образ героя-защитника органично вписывается в процесс созидания лучшей жизни, будучи его элементом, а не целью.

Антагонистом положительного образа героя-защитника выступает образ врага. Как правило, в американской военной рекламе он предстаёт нарушителем свободы и демократии, тем, кто представляет угрозу «American way of life» (американскому стилю жизни). Он описывается как «unrelenting» (неумолимый), «unexpected and unpredictable» (неожиданный и непредсказуемый), а окружающий нас мир представлен как «uncertain and evolving» (неопределённый и постоянно меняющийся). Российская агитационная реклама предлагает зрителю видеть врага в себе вчерашнем, в своих слабостях и страхах, и цель «героя-защитника» победить себя прошлого и стать лучше, чем ты есть сегодня [8; 9; 10; 12; 13].

Идея толерантности также нашла своё отражение в военной рекламе, однако воплощена она по-разному. В американских роликах она представлена гендерным и национальным разнообразием. В армию США приглашают всех, вне зависимости от пола, расы и вероисповедания. Однако относительно недавнее видео от лица девочки

Эммы, у которой две мамы, вызвало широкий общественный резонанс и большое количество отрицательных отзывов от людей со всего мира [10].

В русских видео идея толерантности в основном представлена многообразием национальностей и вероисповеданий. Весьма популярным является ролик, сюжет которого развивается во время боевых действий и звучат молитвы, христианские и мусульманские, а бойцы – представители разных национальностей, проживающих на территории Российской Федерации. Видеоряд завершается фразой «Мы – русские. С нами Бог!» [9].

Несмотря на наличие большого числа женщин, состоящих в рядах вооружённых сил РФ, целевой аудиторией именно агитационной рекламы являются мужчины. Это подкрепляется мотивационными вопросами и фразами, такими как «Разве в этом твоя сила?», «Таким защитником ты хочешь быть?», «Ты же мужик. Будь им» [8].

Проведённый нами анализ военных агитационных роликов армий России и США показал несомненное наличие большого количества общих тем и методов воздействия, однако представлены они с учётом национальных, культурных и языковых особенностей. В ходе исследования нами были выявлены черты, позволяющие говорить о военных агитационных видео роликах как об особом виде социального рекламного текста в рамках военного дискурса и как о материале, представляющем интерес для дальнейшего изучения в условиях текущей военно-политической обстановки.

Список использованных источников

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
2. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – Москва : Рудомино, 1999. – 212 с.
3. Курбакова, С. Н. К проблеме исследования интерактивности речевой коммуникации / С. Н. Курбакова // Коммуникация в современном поликультурном мире: прагматика лингвистического знака ; отв. ред. Т. А. Барановская. – Москва, 2015. – С. 227–237.
4. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сборник научных трудов ; под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
5. Олянич, А. В. Коммуникативные стратегии в военно-политическом дискурсе / А. В. Олянич // Вестник ВолГУ. – 2004. – Вып. 3. – С. 121–128.
6. Полборн, Р. Образ и предвкушение : учебно-методическое пособие / Р. Полборн // Рос. акад. Образования ; Моск. психол.-соц. ин-т. – Москва : Флинта, 2003. – 310 с.
7. Томская, М. В. Оценочность в социальном рекламном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Томская. – Москва, 2000. – 200 с.
8. Рекламный ролик Министерства Обороны. – URL: <https://yandex.ru/video/preview/4667471182394561884> (дата обращения: 01.03.2025).
9. Новый военный рекламный ролик. – URL: <https://yandex.ru/video/preview/2080036349525074320> (дата обращения: 23.01.2025).
10. Army recruitment ads. Rutube : [сайт]. – URL: <https://rutube.ru/video/9c53ff435f579b693d2e4e75f99af686/> (дата обращения: 05.02.2025).
11. Army strong. Youtube : [сайт]. – URL: <https://m.youtube.com/watch?v=bi9ueJ3pPqY&pp=ygUcQW1lcmljYW4gbWlsaXRhcnkgY29tbWVYyY2lhbNIHCQlPCQGHKiGM7w%3D%3D> (дата обращения: 27.12.2024).
12. American army commercial. Youtube : [сайт]. – URL: <https://m.youtube.com/watch?v=rSilTq4shzA&pp=ygUcQW1lcmljYW4gbWlsaXRhcnkgY29tbWVYyY2lhbA%3D%3D> (дата обращения: 06.01.2025).
13. I am an American soldier. Youtube : [сайт]. – URL: <https://m.youtube.com/watch?v=QG8DXajoVWc&pp=ygUcQW1lcmljYW4gbWlsaXRhcnkgY29tbWVYyY2lhbA%3D%3D> (дата обращения: 06.01.2025).

TEMPUS FUGIT В ПОЭЗИИ ФРАНЦИИ XIV–XVIII ВЕКОВ

И. В. Томичева,

*старший преподаватель кафедры романской и классической филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Поэзия эхом откликается на извечные вопросы человека, сталкивающегося с неумолимым ходом времени, тесно связанным со смертью. От эпохи к эпохе поэты балансируют между желанием сублимировать время лиризмом и противоположным желанием относиться к нему реалистично. Тема стремительного бега ярко отражена в творчестве поэтов Франции XIV–XVIII веков.

Ключевые слова: *tempus fugit*, Франция, поэзия, Средневековье, эпоха Возрождения, классицизм, романтизм.

Summary. Poetry echoes the eternal questions of a person who is faced with the inexorable passage of time, closely related to death. From epoch to epoch, poets balance between the desire to sublimate time with lyricism and the opposite desire to treat it realistically. The theme is vividly reflected in the works of poets of France of the XIV–XVIII centuries.

Key words: France, poetry, the Middle Ages, Renaissance, classicism, romanticism.

Tempus fugit – излюбленная тема античных писателей и философов. Многие латинские поэты отмечают, что время безвозвратно уходит, и выражают это с помощью мыслей и дефиниций, которые прошли сквозь время и часто используются художниками после них. В своих «Георгиках» Вергилий констатирует: «*Fugit irreparabile tempus*». При этом он добавляет, что человек, слишком озабоченный деталями, склонен забывать, что все имеет свое начало и конец, что он смертен. Все тщетно: «*Vanitas vanitatum et omnia vanitas*» – сказано в книге Екклесиаста.

В Древнем Риме, согласно легенде, раб должен был напоминать торжествующим военачальникам, что однажды они умрут: это знаменитое *memento mori*, выражение, ставшее с тех пор очень известным. Наслаждаться жизнью – вот единственный императив, которому должен подчиняться человек. Римский поэт Гораций резюмирует это так: *carpe diem*, что означает «лови день», то есть «наслаждайся каждым днем», потому что ты больше не сможешь этого делать после смерти. Для латинских поэтов мудрость заключается в осознании того, что время фатально течет, ведя к неизбежной смерти, и что нужно уметь наслаждаться каждым моментом.

Почему именно в поэзии чаще всего встречается мотив уходящего времени? Бег времени всегда был темой, которая особенно нравилась поэтам, словно не существует более подходящей формы, чем поэзия, чтобы говорить об этом. Действительно, стихотворение, благодаря своей рифмованной и часто короткой форме, особенно хорошо поддается запоминанию, декламации и, следовательно, передаче. Оно становится своего рода воспоминанием, которое проходит через века и увековечивает его объект. Кроме того, в поэзии способны развиваться образы, символизирующие время и смерть, ставшие настоящим обыденным явлением, например, увядающий цветок или даже ручьи, река или река, текущие в потоке времени [1].

Наконец, стихотворение, обладающее потрясающей способностью производить исключительный эстетический эффект, является идеальной формой чествования, навсегда прославляющей его предмет [3]. Особенно когда речь идет о женщине,

которую поэт некогда любил: стихотворение становится светлым воспоминанием о даме.

Средневековые характеризуются вездесущностью смерти, страхом смерти. К концу этой исторической эпохи человек постепенно осознает свое собственное существование, уже не как часть сообщества, а как личность. Страх смерти, с которым неразрывно связан ход времени, обостряется и становится все более заметным в произведениях искусства, в поэтических текстах [11].

Известный французский поэт XV века Франсуа Вийон, в частности, выражает страх перед лицом смерти и тоску по бегущему времени в своем сборнике «Testament» (1461). В нем звучит античная тема *tempus fugit*, а также средневековый мотив *ubi sunt*. Вдохновленный латинским выражением «*ubi sunt, fuerunt?*» поэт задается вопросом смерти известных людей прошлого. Возможно, одним из его самых известных стихотворений является «Ballads des Dames du temps jadis» в котором повторяются знаменитые слова: «*Mais ou sont les neiges d'autant*». Вийон сравнивает женщин с исчезающими снегами, которые, какими бы чистыми и яркими они ни были, навсегда тают на солнце.

В своей балладе «Ballade des pendus» (1489) Вийон заходит так далеко, что описывает гниющие трупы осужденных, которые просят живых помолиться Богу, чтобы он их простил:

*«Quant à la chair, que trop avons nourrie,
Elle est pièce dévorée et pourrie,
Et nous, les os, devenons cendre et poudre.
De notre mal personne ne s'en rie;
Mais priez Dieu que tous nous veuille absoudre!»* [2].

Творчество многих поэтов параллельно поднимает тему раннего ухода из жизни [4]. Речь идет чаще всего о молодой девушке, слишком рано похищенной смертью. Как, например, видно из строк баллады, написанной внуком короля Карла V, отца Людовика XII, Шарля Орлеанского «*Las, mort, qui t'a fait si hardie...*»:

*«Las! Mort, qui t'a fait si hardie
De prendre la noble Princesse
Qui était mon confort, ma vie,
Mon bien, mon plaisir, ma richesse!»* [13].

Смерть изображается беспристрастной или даже слепой, поскольку она не обращает внимания ни на возраст, ни на богатство, ни на моральный облик, унося с собой всех: молодых и старых, богатых и бедных, святых и грешных. Смерть любимой, олицетворяющей молодость, красоту и любовь, в этом контексте представляет собой наихудшую из несправедливостей.

В художественных произведениях эпохи Возрождения сквозит подражание античным авторам. Поэты, особенно под влиянием творчества Плеяды, стремятся обновить средневековую поэзию, черпая вдохновение у греко-латинских авторов. Среди прочего, они повторяют основные мотивы античной поэзии, такие как стремительный бег времени, но в более элегической и лирической манере, чем поэты средних веков.

Поэты эпохи Возрождения оплакивают необратимый ход времени и, в частности, углубляются в тему воспоминаний. Осознание ускользающего времени вызывает не столько тревогу, сколько меланхолию, в отличие от того, что выражалось в поэзии Средневековья. В своей эпиграмме «*De moi-même*» Клеман Маро, предтеча «Плеяды», сожалеет о своей ушедшей юности:

*«Plus ne suis ce que j'ai été,
Et ne le saurais jamais être.
Mon beau printemps et mon été*

Ont fait le saut par la fenêtre» [7].

Память о счастливых моментах и людях, которых прежде любили, является средством борьбы с их уходом. Пьер де Ронсар видит в поэзии способ увековечить исчезнувшие навек красоту и молодость. В своих «*Sonnets pour Hélène*» (1578) он объясняет Элен де Фонсек, что его стихи сделают ее красоту бессмертной:

*«Quand vous serez bien vieille, au soir, à la chandelle,
Assise auprès du feu, dévidant et filant,
Direz, chantant mes vers, en vous émerveillant:
Ronsard me célébrait du temps que j'étais belle»* [15].

Следует отметить, что, подписав своим именем эти стихи, Ронсар, кажется, ищет собственного бессмертия.

Memento mori – эта меланхолия по поводу ускользающего времени заставляет поэтов описывать тщету мира и человека. В «*Les Antiquités de Rome*» (1558) французский поэт, член поэтической группы Плеяда, ближайший друг ее руководителя Пьера де Ронсара Жоашен дю Белле размышляет о падении римской цивилизации. Духовный упадок этого огромного пласта истории становится для него символом того, что все умирает:

*«Espérez-vous que la postérité
Doive, mes vers, pour tout jamais vous lire?
Espérez-vous que l'œuvre d'une lyre
Puisse acquérir telle immortalité?
Si sous le ciel fût quelque éternité,
Les monuments que je vous ai fait dire,
Non en papier, mais en marbre et porphyre,
Eussent gardé leur vive antiquité»* [12].

Наряду с пассивной меланхолией по поводу уходящего времени некоторые поэты, и в первую очередь Пьер де Ронсар, возвращаются к «радостям жизни», откровенно вторя знаменитому *carpe diem* Горация. Мотив сорванного цветка часто присутствует в стихах Ронсара. Обратимся к финалу «*Quand vous serez bien vieille...*»:

*«Vivez, si m'en croyez, n'attendez à demain:
Cueillez dès aujourd'hui les roses de la vie»* [15].

Этот же мотив явно звучит в ставшем очень известным сонете «*Mignonne, allons voir si la rose*» из цикла «*Amours de Cassandre*» (1545):

*«Cueillez, cueillez votre jeunesse:
Comme à cette fleur la vieillesse
Fera ternir votre beauté»* [15].

В XVII веке движение барокко появляется на фоне кризиса и потрясений. Жесточайшие религиозные войны, революция Коперника (открытие того, что Солнце, а не Земля, находится в центре вселенной) нещадно напоминают о нестабильности мира.

В таком особом контексте смерть и неудержимость времени становятся популярными темами, но в более выраженной и резкой форме, чем раньше.

Именно в это время появляется искусство «тщеты и суетности жизни», произведения которого были призваны напоминать человеку о его земной жизни. Часто встречаются изображения черепа, окруженного предметами, символизирующими бег времени (*montres, sabliers...*), мимолетность (*fleurs flétries, bulles de savon, bougies se consumant...*) и предметами, сопутствующими человеческой деятельности, часто представляемой как напрасная (*livres, pinceaux, partitions, nourriture...*). Поэзия барокко подхватывает эти символы тщетности. В своем сонете «*Mais si faut-il*», отрывке из «*Essay de quelques poèmes chrétiens*» (1588), французский поэт и переводчик Жан де Спанд использует множество подобных метафор, сравнивая время с цветами, с

«ampoule venteuse», «flambeau qui lance une flamme fumeuse», с «rive écumeuse», «clairs éclairs» или даже «neige qui fond».

Перед лицом непостоянства и хаотичности времени жизнь представляется эфемерной иллюзией, часто сравниваемой со сном. Стихотворение французского религиозного поэта и реформатора XVII века Жана-Батиста Шассинье, взятое из книги «Mépris de la vie et consolation contre la mort» (1594), красноречиво говорит об этом:

«Est-il rien de plus vain qu'un songe mensonger,
Un songe passager vagabond et muable?
La vie est toutefois au songe comparable
Au songe vagabond muable et passager» [16].

В поэзии XVII века вновь появляется изображение гниющего человеческого трупа. Авторы описывают смерть человека, погибшего жестокой насильственной смертью. Жан-Батист Шассинье в своем стихотворении «Un corps mangé de vers» пишет:

«Ici l'une des mains tombe de pourriture,
Les yeux d'autre côté détournés à l'envers
Se distillent en glaire, et les muscles divers
Servent aux vers goulus d'ordinaire pâture:
Le ventre déchiré cornant de puanteur
Infecte l'air voisin de mauvaise senteur,
Et le nez mi-rongé difforme le visage» [16].

Такие грубые и мрачные описания выполняют функцию *memento mori*: они призваны напомнить человеку о его смертности в самом жестоком и ужасном аспекте. Поэты живопишут разложение плоти, стремясь пробудить осознание читателя.

Классицизм тоже не остался в стороне от темы уходящего времени. Во второй половине XVII века поэты-классики также обращаются к *tempus fugit*, но с меньшим акцентом и более формально. В этот исторический период сама поэзия, поэтическая форма имеет большее значение, чем ее содержание. И *tempus fugit* – это скорее повод для игр с формой и стихосложением. Время и смерть отдаляются друг от друга. В «Stances à Marquise» (1658) выдающийся поэт и драматург, отец французской трагедии Пьер Корнель обращается к мотивам, характерным для эпохи Возрождения, таким как, например, неминуемая старость возлюбленной:

«Marquise, si mon visage
A quelques traits un peu vieux,
Souvenez-vous qu'à mon âge,
Vous ne vaudrez guère mieux.
L'image de la fleur flétrie:
[Le temps] saura faner vos roses
Comme il a ridé mon front» [5].

В поэтическом творчестве ярко выделяется идея о том, что поэзия способна сделать красоту дамы бессмертной:

«Vous ne passerez pour belle
Qu'autant que je l'aurai dit» [5].

В своих баснях (1668) Жан де Лафонтен также с особым изяществом затрагивает темы смерти и бегства времени. В своей басне «La Mort et le Mourant» он представляет персонажа, упрекающего смерть в том, что она пришла за ним «au pied levé», не дав ему возможности подготовиться.

В литературном творчестве XVIII века слышны первые шаги романтизма. Поэзия XVIII века, сравнительно мало дошедшая до потомков, является продолжением классической поэтической формы, поскольку сохраняет традиционное стихосложение. В ней явно видно влияние поэзии барокко, излюбленные темы которой она

подхватывает, чтобы обработать их с лиризмом, меланхолией и чувственностью. Она прокладывает путь романтической поэзии, которую по преимуществу можно назвать поэтическим движением меланхолии и *tempus fugit*.

К примеру, в лирике Андре Шенье, поэта, журналиста и политического деятеля своего времени, повторяется мотив молодой девушки, слишком рано унесенной смертью. Он рассказывает историю Мирто, которая, плывя на корабле к своему будущему мужу, была унесена ветром и утонула. Начало стихотворения стало широко известным:

*«Pleurez, doux alcyons, ô vous, oiseaux sacrés,
Oiseaux chers à Thétis, doux alcyons, pleurez.
Elle a vécu, Myrto, la jeune Tarentine»* [10].

В начале XX века романтизм превращает *tempus fugit* в избранную тему. Время описывается поэтами-романтиками без жестокости, а скорее с нежной меланхолией. Знаменитые строки из поэмы Альфонса де Ламартина «Le Lac» (1820), резюмируют это романтическое восприятие времени:

*«Aimons donc, aimons donc! de l'heure fugitive,
Hâtons-nous, jouissons!
L'homme n'a point de port, le temps n'a point de rive;
Il coule, et nous passons!»* [14].

Неуловимое и универсальное, время может быть союзником, но также и противником. Оно побуждает действовать, вызывать воспоминания, но также может вызывать чувство безысходности или сожаления. В вечности ход времени и ускользание секунд не имеют никакого значения, потому что время не остановить. Но в человеческой жизни все иначе... Для поэтов Франции XIV–XVIII веков время олицетворяет уходящую жизнь. Для них время может быть источником сожаления или меланхолии. Для одних оно может течь слишком медленно, в такт временам года. А для других время летит слишком быстро, унося все с собой. Иногда поэты утрачивают надежду и радость перед лицом «наступающей зимы» и «уходящего лета». В их творчестве слышна ностальгия: воспоминания о юности, о любви постепенно растворяются во времени. Уходящее время загадочно для поэтов; оно никогда не останавливает свой ход и не обращается вспять. Но все же некоторые поэты осмеливаются противостоять бегу времени и призывают наслаждаться жизнью.

Список использованных источников

1. Арутюнова, Н. Д. Время: модели и метафоры / Н. Д. Арутюнова // Язык и время : сборник научных статей. – Москва : Наука, 1997. – С. 51–61.
2. Вийон, Ф. Баллада повешенных / Ф. Вийон. – URL: <https://www.askbooka.ru/stihi/fransua-viyon/ballada-poveshennyh.html> (дата обращения: 03.03.2025).
3. Винокур, Г. О. Понятие поэтического языка / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку : сборник научных статей. – Москва : Гос. уч.-пед. изд-во Мин прос. РСФСР, 1959. – С. 388–393.
4. Каган, М. С. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / М. С. Каган. – Ленинград : Политиздат, 1990. – 415 с.
5. Корнель, П. Стансы к маркизе / П. Корнель. – URL: <https://stihi.ru/2020/10/06/8688> (дата обращения: 03.03.2025).
6. Логический анализ языка: Язык и время / под ред. Н. Д. Арутюновой, Т. Е. Янко. – Москва : Индрик, 1997. – 332 с.
7. Маро, К. De moi-même / К. Маро. – URL: <https://atimopheyevev.narod.ru/FrancePoems/FrancePoems.html> (дата обращения: 03.03.2025).

8. Мурьянов, М. Ф. Время (понятие и слово) / М. Ф. Мурьянов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 2. – С. 14–21.
9. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – Москва : Республика, 1993. – 447 с.
10. Шенье, А. Элегия / А. Шенье. – URL: https://fabulae.ru/poems_b.php?id=505196 (дата обращения: 03.03.2025).
11. Шкинёв, П. Д. Пространство и время в литературе и искусстве: некоторые аспекты исследования / П. Д. Шкинёв // Нехудожественная литература: научно-теоретический журнал. – Нижний Новгород : Касталия, 1993. – С. 5–24.
12. Bellay, J. Les Antiquités de Rome / J. Bellay. – URL: http://www.florilege.free.fr/recueil/du_bellay-les_antiquites_de_rome.html (дата обращения: 03.03.2025).
13. Orléans, Charles d'. Las! Mort, qui t'a fait si hardie / Charles d'Orléans. – URL: <https://www.poesie-francaise.fr/charles-d-orleans/poeme-las-mort-qui-t-a-fait-si-hardie.php> (дата обращения: 03.03.2025).
14. Lamartine, A. Le lac / A. Lamartine. – URL: <https://www.tania-soleil.com/alphonse-de-lamartine/> (дата обращения: 03.03.2025).
15. Ronsard, P. Quand Vous serez bien vieille / P. Ronsard. – URL: <https://www.poesie-francaise.fr/pierre-de-ronsard/poeme-quand-vous-serez-bien-vieille.php> (дата обращения: 03.03.2025).
16. Shassignet, J.-B. Sonnet CCLIII / J.-B. Shassignet. – URL: <https://www.wikiopoemes.com/poemes/jeanbaptiste-chassignet/sonnet-ccliii.php> (дата обращения: 03.03.2025).

УДК 81-23

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАНЦУЗСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЛОНДОНЕ

Т. С. Хренова,

*ассистент кафедры романской и классической филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Исторические связи Лондона и Парижа помогают понять современные политические и культурные контакты. Исследование демонстрирует, как языковые, образовательные и коммерческие отношения формируют межнациональную идентичность, что важно в контексте мировой многополярности.

Цель исследования заключается в изучении исторического и культурного влияния французской диаспоры на Лондон с XIX века до современности, включая анализ социальных, экономических и политических аспектов интеграции французских мигрантов. Акцент делается на роли ключевых групп (учителей, политических изгнанников, ремесленников) в формировании культурного ландшафта города, а также на трансформации сообщества в периоды кризисов (революции, мировые войны, послевоенное время). В работе применены историко-архивный и демографический анализ, а также сравнительный метод исследования.

Ключевые слова: социолингвистическая характеристика, Лондон, культурный обмен, миграция, интеграция, французский язык, франко-британские отношения.

Summary. The historical ties between London and Paris help to understand modern political and cultural contacts. The study demonstrates how linguistic, educational, and commercial relations shape interethnic identity, which is important in the context of globalization. The aim of the study is to study the historical and cultural influence of the

French diaspora on London from the 19th century to the present, including an analysis of the social, economic and political aspects of the integration of French migrants. The focus is on the role of key groups (teachers, political exiles, artisans) in shaping the cultural landscape of the city, as well as on the transformation of the community during periods of crisis (revolutions, world wars, post-war period). The work uses historical, archival and demographic analysis, as well as a comparative research method.

Key words: sociolinguistic characteristics, London, cultural exchange, migration, integration, French language, Franco-British relations.

Лондон и Париж были единственными городами в Западной Европе, которые отличались богатым и образованным дворянством и коммерческим классом, а также статусом королевских столиц. Каждый из этих городов стал естественной моделью, альтернативой и убежищем от другого. Некоторые французы, прибывшие в Лондон, оставались на короткое время, другие – дольше, чем планировали, некоторые так и не уехали, став частью городской жизни, и почти все оставили после себя определенное наследие. От северного Хэмпстеда до восточного Спиталфилдса, от центрального Сохо до юго-западного Южного Кенсингтона и за их пределами – следы французского влияния в Лондоне многочисленны и разнообразны. Они отражаются в самых разных сферах, религиозных, образовательных и политических учреждениях, формируя живую связь между культурами двух стран.

Лондон отличался парламентской монархией, динамичной экономикой и менее строгой (до 1880-х годов) цензурой. В Париже было искусство. Франция, как писал историк английской франкофонии Робин Иглз, «была в Англии повсюду: в еде, манерах, одежде, развлечениях и, особенно, в языке. Французский был вторым языком образованной Англии, как и образованной Европы. Гораций Уолпол, Эдвард Гиббон и Уильям Бекфорд (а позже Эдджернон Суинберн и Оскар Уайльд) писали не только по-английски, но и по-французски» [3, с. 67].

Уроки французского языка также пользовались большим спросом среди лондонского населения, и многие французы стали внештатными преподавателями языка. Мигранты, прибывшие вскоре после общеевропейских беспорядков 1848 года, иногда сталкивались с жесткой конкуренцией в этой области со стороны французских домашних слуг, которые не оскорбляли политические и эстетические чувства респектабельных лондонских классов. С годами репетиторство стало одним из самых надежных источников дохода для беженцев, таких как Артюр Рембо и Поль Верлен, которые предлагали уроки французского.

Книготорговцы, артисты и преподаватели, каждый по-своему, способствовали распространению французского языка и культуры в Лондоне. Торговля французскими книгами и газетами была оживленным бизнесом. Книжный магазин «Nachette», интеллектуальное связующее звено между двумя странами, согласно лондонской «Хронике Лондона» от 24 сентября 1904 года, находился на Кинг-Уильям-стрит с середины 1860-х годов. Под руководством Анри Клейнана он был ведущим продавцом французских книг, а с 1911 года, под руководством Эмиля Ротиваля, – французских газет. В «Парижской библиотеке Пирне» на Шарлотт-стрит продавались французские и иностранные газеты. Книжный магазин «Ж. Барьер и компания» на Грин-стрит, предлагал все известные французские газеты. В «Библиотеке Космополит» на Шарлотт-стрит был читальный зал с 5000 работами на французском языке.

Наиболее активными защитниками французского языка и культуры были учителя, которые сформировали группу, насчитывавшую в 1911 году 505 мужчин и 2133 женщины. В нее входили также молодые женщины, составляющие значительную долю работающих француенок. Они приехали в Лондон в поисках работы учителями начальных классов.

Работа Элизабет Рэндалл «Особый случай? Французские протестанты Лондона» подчеркивает, что французы интегрировались во множество областей – от книгопечатания и изготовления шелка до медицины, ювелирного дела, моды, искусства и инженерии, а также преподавания и перевода. «Протестантская иммиграция в то время не всегда преследовала религиозные цели, и уже многие утверждали, что приехали в Лондон в поисках новой жизни и возможностей» [6, с. 25].

Мэйр Кросс отмечает, что «изгнанники, которым Лондон казался менее гостеприимным местом, тем не менее общались как со своими хозяевами, так и с другими французскими гражданами, укрепляя французскую идентичность и распространяя знания о Лондоне» [2, с. 140]. Исследование Томаса Джонса и Роберта Томбса «Французы, оставшиеся в изгнании» подтверждает роль Лондона как важного центра политики, печати и издательского дела, где столица и французские беженцы взаимно влияли друг на друга. При этом политические эмигранты не только создавали новые предприятия и учреждения, но и представители рабочих профессий продолжали применять свои навыки. В викторианском Лондоне высоко ценился труд французских специалистов – от поваров, сапожников и портных до дизайнеров, преподавателей языков и торговцев вином.

В противовес тем, кто осваивал ремесла и бизнес, Констанс Бантман в своей статье «Практически единственный свободный город в мире: описание присутствия французских анархистов в Лондоне в конце 1870-х–1914 годах» подчеркивает странность и «непохожесть» политических эмигрантов. «Жизнь многих французских беженцев и изгнанников в городе была очень тяжелой. Бедность, в которой жили многие французы, породила еще одну характерную черту современной жизни французов в Лондоне: благотворительные предприятия, которые также способствовали развитию важной общественной деятельности» [1, с. 200].

Мишель Рапопорт фокусируется на количестве французских граждан, которые участвовали в экономическом росте Лондона в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков и внесли весомый вклад в его развитие. «Во французской колонии выделяются четыре группы, которые были бы узнаваемы сегодня и были идентифицированы со времен поселения гугенотов: коммерческие, образовательные, социальные и благотворительные» [7, с. 56]. XIX век ознаменовался ростом влияния французских объединений и обществ в Лондоне, что стало важной частью жизни французской диаспоры в столице. Федерация французских ассоциаций в Великобритании (основанная в 1942 году) до сих пор остается активной и олицетворяет особый тип французского сообщества в городе. Она поддерживает тесные связи с посольством Франции, авторитетными профессиональными ассоциациями, бизнес-структурами и культурными организациями, многие из которых имеют глубокие исторические корни в Лондоне.

К моменту начала Второй мировой войны французская диаспора в Лондоне структурно изменилась, сформировавшись вокруг двух основных групп: деловых кругов и представителей культурной сферы. Сообщество концентрировалось вокруг различных институтов, включая культурные (Французский институт, образовательные учреждения и церкви); экономические (Французская торговая палата); профессиональные объединения; благотворительные организации, такие как французская больница.

Несмотря на внутренние разногласия, характерные для Франции того периода, французская диаспора в Лондоне сохраняла единство. Однако начало войны и особенно капитуляция Франции в мае-июне 1940 года кардинально изменили ситуацию в общине. Перед французами всех сословий и профессий встал выбор: сохранить верность законному правительству Франции, позаботиться о семьях (вернувшись на родину, где их ждала неизвестность), или вступить в движение Сопротивления под

руководством де Голля. Многие действительно вернулись во Францию, тогда как в Лондон хлынул новый поток эмигрантов – военные разных рангов, гражданские лица из всех социальных слоев и политических течений, зачастую с противоположными взглядами. Это было время глубокого раскола, и если бы не сохранившиеся свидетельства того периода – от известных ресторанов в Сохо до официальных памятников вроде статуи де Голля и мемориальной доски в Карлтон-Гарденс, – сегодняшний Лондон вряд ли узнал бы в том «свободном французском» сообществе своих предшественников.

По оценкам до 2023 года, в Великобритании проживало около 150–160 тысяч французских граждан, большинство из которых предпочитают жить и работать в Лондоне и на юго-востоке страны. После 2020 года наблюдается снижение числа граждан ЕС в Великобритании, включая французских. Часть из них могла покинуть страну из-за ужесточения миграционных правил или получить британское гражданство.

Французское присутствие в Лондоне – это не просто история миграции, а сложный процесс взаимовлияния, где культурные, экономические и политические факторы создали уникальный симбиоз, сохраняющийся до наших дней.

Список использованных источников

1. Bantman, C. Almost the Only Free City in the World : Mapping out the French Anarchist Presence in London, Late 1870s–1914 / C. Bantman. – Liverpool : Liverpool University Press, 2013. – P. 193–216.

2. Cross, M. The French in London During the 1830s : Multidimensional Occupancy / M. Cross // Manchester University Press. – 2012. – P. 129–154.

3. Eagles, R. Francophilia in English Society / R. Eagles. – London : London Press, 2000. – P. 67, 94.

4. Jones, T. C. The French Left in Exile: Quarante-Huitards and Communards in London, 1848–80 / T. C. Jones, R. Tombs. – London : London Press, 2002. – P. 165–192.

5. Kelly, D. A history of the French in London: Liberty, Equality, Opportunity / D. Kelly, M. Cornick // London Institute of Historical Research. – 2013. – P. 261–265.

6. Randall, E. A Special Case? London's French Protestants / E. Randall // Manchester University Press. – 2013. – P. 13–42.

7. Rapoport, M. Debussy et les Proms, in Actes du Colloque Debussy / M. Rapoport // Princeton University Press. – 2013. – P. 56.

УДК 821.133.1

ИНТЕРМЕДИАЛЬНОЕ ПИСЬМО МАРГЕРИТ ДЮРАС

Н. А. Шапошник¹, Т. А. Емельянова²,

¹*старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

²*старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются интермедийные связи в творчестве французской писательницы XX века Маргерит Дюрас. С помощью культурно-исторического и описательного методов проанализированы кинотексты М. Дюрас, изучение которых послужило целью исследования. Созданный ею универсальный вид произведения «текст театр фильм» остается актуальным явлением в литературе и искусстве, так как до сих пор вызывает интерес научного (статьи, диссертации о

гибридных текстах) и творческого (театральные и балетные постановки) сообществ. основополагающий принцип дюрассовской текстовой структуры – «видеть значит слышать» выводит на передний план Голос, звучание, которого поддерживается визуально. Часто это однообразный видеоряд, например, городской пейзаж, не отражающий содержание истории и не отвлекающий от прослушивания текста.

Ключевые слова: интермедиальность, «текст театр фильм», гибридный текст, кинотекст, фильм Голос.

Summary. This article examines intermedial connections in the works of the 20th century French writer Marguerite Duras. With the help of cultural-historical and descriptive methods, M. Duras's film texts were analyzed, the study of which was the research purpose. She created the universal work type, "text theater film," which is still a relevant phenomenon in literature and art, as it arouses the scientific (articles, dissertations on hybrid texts) and creative (theatrical and ballet productions) communities' interest. The fundamental principle of Duras's textual structure – "to see is to hear" – brings the Voice to the forefront, the sound of which is supported visually. Often this is a monotonous video sequence, for example, a cityscape, which does not reflect the story content and does not distract from the text listening.

Key words: intermediality, "text theater film", hybrid text, film text, *The Voice*.

«В эпоху постмодернизма происходит некая "разгерметизация" границ искусства, и разные виды искусства сливаются в единое неделимое художественное целое...» [2], что способствует появлению интермедиальности. Под интермедиальностью понимается особое взаимодействие разных видов медиа внутри одного художественного пространства. Термин «интермедиальность», образованный от английских морфем «inter» и «media», разработан немецким ученым О. Ханзен-Лёве и отечественным литературоведом, профессором И. П. Ильиным. «В широком смысле интермедиальность – создание целостного полихудожественного пространства в системе культуры (художественного метаязыка культуры, по Ильину). В узком – особый тип внутритекстовых взаимоотношений в художественном произведении, где взаимодействуют разные виды искусства» [2].

В 1950-е годы на первый план выходит метод интертекстуальности, не новый для культурной традиции европейских стран (символисты в XIX в.), однако получивший во второй половине XX века научное обоснование и напрямую связанный с анализом интермедиальных произведений.

Ключевой характеристикой творчества Маргерит Дюрас является особый вид интертекстуальных и интермедиальных связей, когда многократно и с разных сторон перерабатываются собственные тексты и темы: «Peu à peu, les histoires migrent, les genres se pénètrent, les matériaux coagulent. On peut lire "India Song", le voir sur scène ou à l'écran, et ce ne sera jamais le même», («Мало по малу истории мигрируют, жанры смешиваются, материал выкристаллизовывается. "Индия сонг" можно читать, смотреть на сцене или на экране, но всегда это будет нечто иное» – *перевод мой, Н. А. Шапошник*) [4, с. 84]. Таким образом, целью данного исследования является выявление в творчестве М. Дюрас особых черт интермедиального текста.

На наш взгляд, основа писательского метода М. Дюрас – поиск, поиск ответа на волнующие ее вопросы. Для этого автор формирует «трехмерную модель» с помощью различных медиа: литературного текста, театральной постановки и фильма, чтобы не только прочесть, но и увидеть, и услышать, и может быть найти ответ: «"Texte théâtre film": telle est l'indication qui accompagne, lors de la publication du livre (1973), le titre "India Song"», («"Текст, театр, фильм": такая ремарка сопровождает опубликованную в 1973 году книгу "Индия сонг"» – *перевод мой, Н. А. Шапошник*) [4, с. 84]. Подобный эксперимент порождает уникальный для французской литературы метатекст, который можно читать, смотреть и слушать, и сама писательница свидетельствует об этом.

М. Дюрас не разделяет свои произведения на жанры, объединяя их словом «текст», а свой творческий метод называет «письмом» («l'écriture»). Скорее всего именно «письмо» наиболее полно характеризует то жанровое разнообразие (от дневниковых записей до интервью, опубликованных в виде книг), которое она оставила своей аудитории.

В подтверждение вышесказанному обратимся к исследованиям французского лингвиста Анри Мешонника, который, изучая поэтику ритма, приходит к выводу, что видеть значит слушать, следовательно, ««зрелищность» текста кроется в театрализации, спектакле голоса. Это подразумевает, что ситуация, действие, тело вписаны в текст, а не текст наложен, “встроен” в определенную ситуацию, характеризующую наличием действия и действующих лиц. Если текст становится действием, какими критериями может быть охарактеризована его «сила»? Нерасторжимым соединением визуальности (visualité) – устности (oralité) – ритма (rythme)» [1]. Таким образом, в написанном тексте, в том, как он рассказывается и заключены «зрелищность», «театральность», порождающие воображение и визуальность.

В своем диссертационном исследовании о «гибридных» текстах Ю. А. Маричик выделяет основные признаки дюрасовского «текста театра фильма»: назывные, короткие предложения, использование настоящего времени даже в плане прошлого, преобладание лексико-семантических полей со значением визуального и аудиального восприятия, поэтическое письмо, основанное на ритме и музыкальности, описательный, метафорический стиль изложения, повторы и смысловые лакуны – все это, по мнению исследовательницы, составляет «кинематографический стиль». В таком случае литературное произведение перестает быть автономным, в него встраиваются элементы из других медиа, на первый план выходит голос. Значимость написанного теперь напрямую зависит от интонации, тембра, мелодики и модуляций произносящего текст.

Для М. Дюрас в создаваемой истории важным является не столько звучание и визуальный ряд, сколько внутренний голос, внутренняя тень, тишина, порождаемые письмом (l'écriture). Однако, подлинное литературное произведение, по Дюрас, всегда непознаваемо до конца. Подобная писательская манера делает читателя, слушателя (аудиокниги), зрителя соучастником смыслопорождений всего недосказанного. Кинематограф писательница расценивает как продолжение художественного текста, но не на бумаге, а на киноплёнке, как способ воспроизвести внутренний голос аудиовизуально. Особенность сценариев М. Дюрас в том, что это не подробные покрупные описания, а цельный кинематографический текст, который обязательно читается вслух на съемочной площадке, он должен создать визуальный ряд, основанный на ассоциациях, порождаемых кинотекстом. Таким образом, съемочный процесс становится чтением. «М. Дюрас утверждала, что пишет литературный сценарий для читателей, коими являются члены съемочной группы... фильм становится “книгой”» [1].

В 1958 году писательница создает свой первый кинотекст – сценарий к фильму Алена Рене «Hiroshima – mon amour» («Хиросима – любовь моя»). В «Хиросиме» три истории, объединенные двумя главными героями, соответствуют трем кинематографическим планам. Первая – любовь французской актрисы и японского архитектора, находится на переднем плане (эти кадры состоят из крупных и портретных планов). Это история развивается в режиме реального времени. Вторая история – это трагедия ядерного взрыва в Хиросиме, о которой рассказывает главный герой, его голос накладывается на документальные видеоматериалы. Третья, фоновая незримая история – драма о невозможной любви и изгнании юной девушки из только что освобожденного от фашистов Невера. О ней говорит главная героиня, ее голос накладывается на кадры японской хроники и кадры любовных переживаний японца и француженки. Таким образом, сценарий, написанный без каких-либо технических

указаний, становится полноценным объемным литературным произведением, с полифоническим звучанием, которое достигается десинхронизацией звука и визуального ряда и добавляет «...новые смысловые сгустки и толкования к тому, что мы видим на экране. Так, текст (слово) влияет на фильм (визуальное, зрительный ряд) Но и фильм также влияет на текст – пробелы, пустоты в тексте оставляют место для отсутствующего, непоказанного кинокадра» [1].

Французский кинокритик Марко Узаль характеризует приход М. Дюрас в кинематограф как ответ на посредственные, по ее мнению, киноадаптации ее книг: «*Déçue par les adaptations univoques de ses livres, l'écrivaine s'est vite essayée au scénario, puis à la réalisation... L'évolution des rapports de Marguerite Duras avec le cinéma consiste en une appropriation progressive de cet art, allant de l'apprentissage laborieux à la radicalité souveraine*» («Разочарованная одноголосными киноадаптациями своих книг, писательница отважилась сначала на написание сценария, а после и на кинопроизводство... Эволюция взаимоотношений Маргерит Дюрас и кинематографа заключается в ее поступательном овладении этим искусством, пройдя путь от тяжелого ученичества до полной независимости» – *перевод мой, Н. А. Шапошник*) [5, с. 82]. Она не считала себя кинорежиссером, но романистом, который продолжает писать вне литературы, на другом «носителе», который называют фильмом.

Фильм «Грузовик» («*Le Camion*»), в котором М. Дюрас сценарист, режиссер и актриса можно по праву назвать авторским кино. В кадре она сидит за столом напротив актера Жерара Депардье и рассказывает ему историю, об одном водителе грузовика, который подбирает на дороге голосующую женщину. Женщина наверняка очень разговорчива, а шофер напротив молчалив, может, потому что не слушает, а может потому, что ему все равно. В то время как М. Дюрас читает текст, а Жерар Депардье то соглашается со сказанным, то напоминает эпизоды истории, то повторяет отдельные фрагменты рассказа, на экране разворачивается видеоряд парижского предместья, по которому едет грузовик. Сначала в кабине только водитель, а потом водитель с женщиной. Такова фабула фильма. «... le film n'est pas donné il s'invente au fil de sa "lecture" et reste donc toujours inaccompli, au conditionnel... L'auteur et l'acteur sont les voix qui porte le texte vers les images, ils cherchent à voir à travers lui, et, pris dans ce processus de création, le spectateur est lui aussi dans une position de lecteur» («... нет готового фильма, он создается в процессе "чтения" и, таким образом, все время остается незавершённым, в условном наклонении... Автор и актер становятся голосами, которые несут текст к изображению, они стремятся увидеть сквозь текст, и, захваченный этим процессом творения, зритель и сам оказывается чтецом» – *перевод мой, Н. А. Шапошник*) [5, с. 82]. Присущая творчеству М. Дюрас недосказанность выражается здесь грамматическим условным наклонением («*Le mode conditionnel*») глагола, когда действия нереальны, а предполагаемы или желательны. Подобный «фильм Голоса» становится кинопочерком Дюрас и получает свое дальнейшее развитие в фильме «*Agatha et les lectures illimitées*» («Агата, или Бесконечное чтение») 1981 года. Непрерывный видеоряд морского пейзажа, виллы, интерьера отеля в каком-то курортном городке, редко фигур главных героев, как всегда мужчины и женщины, сопровождается закадровым звучанием трех голосов, рассказывающих историю. Иногда на экране появляются отрывки текста, таким образом зритель вовлекается в процесс чтения, а значит и создания смысла. Статичность кадра, закадровое озвучание, фрагменты текста на экране являются элементами немого ненарративного кино, простым аттракционом, по выражению актера и сценариста Тома Ганнинга. Следовательно, М. Дюрас в своих фильмах возвращается или возрождает первобытный синкретизм, когда руководящая роль звука, ритма, мелодики голоса служила высвобождением эмоциональной и физической энергии [3].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что самоинтертекстуальность, характерная романам М. Дюрас порождает особый кроссмедиаальный вариант ее внелитературного творчества, когда многократная переработка собственных тем, сюжетов и образов создает объемный многоголосный метатекст («текст театр фильм»), порождающий в процессе реализации новые уникальные смыслы.

Список использованных источников

1. Маричик, Ю. А. Формы письма в современном французском языке : вербальное и визуальное в творчестве Маргерит Дюрас : специальность 10.01.03 «Литература стран народов зарубежья (французская)» : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Юлия Александровна Маричик ; Российский гос. Гуманитарный ун-т. – Москва, 2007. – 30 с.
2. Седых, Э. В. К проблеме интермедиаальности / Э. В. Седых // Вестник СПбГУ ; глав. ред. Л. Н. Полубояринова. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-intermedialnosti> (дата обращения: 12.03.2025).
3. Шулятьева, Д. В. «Агата, или Бесконечное чтение» Маргерит Дюрас: к проблеме литературности в кино / Д. В. Шулятьева // Вестник Московского университета ; глав. ред. М. Л. Ремнёва. – Москва : Издательство Московского университета, 2016. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agata-ili-beskonechnoe-chtenie-margerit-dyuras-k-probleme-literaturnosti-v-kino> (дата обращения: 03.03.2025).
4. Bident, Ch. Auteur de théâtres / Christophe Bident // Le Magazine littéraire. – 2011. – Novembre. – P. 84–85.
5. Uzal, M. Dans ses films, une spectatrice de génie / Marcos Uzal // Le Magazine littéraire. – 2011. – Novembre. – P. 82–83.

МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 82:81'27(6)=133.1

ЛИТЕРАТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ «ЧЕРНОЙ АФРИКИ» КОНЦА XX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XXI ВЕКОВ

С. С. Сейдаметова,

обучающаяся 4-го курса кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Томичева И. В., старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. История франкоязычной африканской литературы отмечена стремлением к отличиям, оригинальности и культурным связям романов с общественными практиками, противостоящими западной художественной литературе. Парадоксально, но это стремление к аутентичному письму реализуется на заимствованном языке (французском). Постколониальная поэтика позволяет определить ситуацию высказывания, которую некоторые франкофонные африканские писатели описывают в своих произведениях. Стратегия повествования, применяемая африканскими авторами, рассчитана на две аудитории: европейскую и коренную публику, которая, по сути, состоит исключительно из представителей элиты, поскольку французский язык является языком избранных.

Ключевые слова: африканская литература постколониализм, негритюд, мигритюд, идентичность, франкофония.

Summary. The history of French-language African literature is marked by the desire for differences, originality, and cultural connections between novels and social practices opposed to Western fiction. Paradoxically, this desire for authentic writing is realized in a borrowed language (French). Postcolonial poetics allows us to define the situation of utterance that some francophone African writers describe in their works. The narrative strategy used by African authors is designed for two audiences: the European and the indigenous public, which, in fact, consists exclusively of representatives of the elite, since French is the language of the chosen.

Key words: African literature postcolonialism, negritude, migritude, identity, francophonie.

Сегодня, как и в прошлом, большинство франкоязычных африканских писателей, обосновавшихся на Западе, и те, кто продолжает жить в Африке, создают произведения, посвящённые миграционным процессам, социальным, политическим и экологическим проблемам. Африканская литература также положила начало эмансипации в африканских государствах.

В романе Эме Сезера «Cahier d'un retour au pays natal» (1939) провозглашается: «*Ma bouche sera la bouche des malheurs qui n'ont point de bouche, ma voix, la liberté de celles qui s'affaissent au cachot du désespoir*» – «Мои уста будут устами несчастий, у которых нет рта, мой голос – свобода тех, кто рухнул в темницу отчаяния» (*здесь и далее перевод С. Сейдаметовой*) [4, с. 39]. Однако потребовалось еще сорок лет, чтобы из уст угнетенных зазвучали голоса африканских женщин. В 1979 году сенегальская писательница Мариама Ба публикует в Дакаре свой роман «Une si longue lettre», прокладывая путь всем тем, кто с тех пор старался раскрыть подобный сюжет, создавая персонажей, выражающих жажду жизни и отказ от слепой власти кланов, отцов и супругов.

В начале 80-х годов тон становится резко радикальным благодаря романам Кена Бугула «Le Baobab fou», Вероники Таджо «À Vol d'oiseau» и Каликст Бейала «C'est le soleil qui m'a brûlée». В этих произведениях отрицается консенсус в отношении доверия и самоцензуры. Их персонажи обнажают многочисленные притеснения по признаку расы, класса и пола, жертвами которых становятся женщины из колониальных и постколониальных обществ. Авторы осуждают кабальную зависимость и насилие, которым подвергаются их героини, не отвергая при этом культурных основ африканского общества. Мятежные или смирившиеся женщины из их романов своими болями и словами свидетельствуют о трудном компромиссе, к которому незадолго до своей смерти в 1981 году призывает Мариама Ба: «*C'est à nous, femmes, de prendre notre destin en main pour bouleverser l'ordre établi à notre détriment et de ne point le subir. Nous devons user comme les hommes de cette arme, pacifique certes, mais sûre, qu'est l'écriture*» – «Мы, женщины, должны взять свою судьбу в свои руки, чтобы нарушить установленный порядок за наш счет, и не пострадать от этого. Мы должны, как и все люди, использовать это оружие, мирное безопасное, каким является литература» [6].

С тех пор перо женщин-авторов Африки выиграло битву за эмансипацию, используя язык, который способен быть союзником и оружием. В романах Фату Диом, Саллы Дьенг или Танеллы Бони рассказывается о персонажах, которые пересекают границы, задаются вопросом о своем будущем, беспокоятся о других и о себе, сталкиваются с социальными законами и неравенством в Африке и за ее пределами. Эти рассказы несут в себе боль женщин. Например, в легенде бауле «Reine Rockou», героиня которой жертвует своим ребенком, чтобы спасти свой народ. Песни, образы, сюжеты этих произведений отвергают фатализм, несмотря на «*malédiction du sang*» (родовое проклятье), тяготеющее над каждой героиней. Этому вторит роман Леоноры

Миано «Contours du jour qui vient»: *«Je le sais plus précisément. La maison d'Embényolo m'expose, dans le langage simple de la stricte réalité, les mobiles des crimes perpétrés non pas à l'encontre de ta fille, mais de ta propre chair. Car c'est ce que je suis, mère, ta chair. Que je le veuille ou non. L'eau du fleuve me montre un visage qui ressemble au tien. Les yeux jaunes, les joues creuses. Je ne pourrai jamais te faire sortir de moi. Cette colère est vaine»* – «Я знаю точно. Дом Эмбенёло раскрывает мне на простом языке мотивы преступлений строгой реальности, совершенных не против вашей дочери, против вашей собственной плоти. Именно этим я являюсь, мать, твоей плотью. Нравится мне это или нет. Вода реки показывает мне лицо, похожее на твое. Желтые глаза, впалые щеки. Я никогда не смогу выкинуть тебя из себя. Этот гнев напрасен» [10, с. 265].

Мирное оружие, которым является литература, не утверждает истин, а помогает читателю правильно понимать и изменять жизнь, усваивать передовые идеи, формировать свой характер и убеждения. В конце XX века, когда «régimes prédateurs» (бесчеловечные режимы) раздирали континент разрушительными гражданскими войнами, борьба с «колониальным» языком становится, возможно, единственным способом поднять голову. С конца 90-х годов многие писатели выбирают тему войны, исследуют область невыразимого, отмечают ее ужасы. Хорхе Семпрун в книге «L'écriture ou la vie» пишет: *«Un doute me vient sur la possibilité de raconter. Non pas que l'expérience vécue soit indicible. [... Non] la forme d'un récit possible, mais sa substance. Non pas son articulation, mais sa densité. Ne parviendront à cette substance, à cette densité transparente que ceux qui sauront faire de leur témoignage un objet artistique, un espace de création. Ou de recreation. Seul l'artifice d'un récit maîtrisé parviendra à transmettre partiellement la vérité du témoignage»* – «У меня возникает сомнение в возможности рассказать это. Не то чтобы пережитый опыт был невыразимым. [... Не] форма возможного повествования, а его содержание. Не его стройность, а его плотность. Этого состояния, этой транспарентности достигнут только те, кто знает, как превратить свое свидетельство в художественный объект, в пространство для творчества. Или воссоздания. Только с помощью искусного повествования можно частично передать истинность свидетельств» [12, с. 17]. Эту мысль подтверждает А. Вабери в своем предисловии к книге «Moisson de crânes»: *«Ce livre n'a pas la prétention d'expliquer quoi que ce soit, la fiction en occupe la part centrale. L'imagination et la subjectivité irriguent ses nerfs sensitifs»* – «Эта книга не претендует на то, чтобы что-либо объяснять, художественная литература занимает здесь центральное место. Воображение и субъективность питают ее чувствительные нервы» [13].

Повествование романа Тьерно Моненембо «L'Aîné des orphelins» построено на аллюзивном языке. История молодого Фаустина, находящегося в тюрьме в ожидании казни, похожа на саму страну: разбитая, раздробленная, разрушенная. Его прошлое воссоздается по крупницам; текст сплетает нити его памяти: *«J'ai dû fouiller longtemps, j'étais loin de penser qu'il s'agissait d'un enfant. Tu étais accroché à ta mère comme un nouveau-né et tu lui tétais les seins. Tu n'es pas un homme comme les autres. Tu es né deux fois pour ainsi dire: la première fois tu as tété son lait et la seconde fois son sang...»* – «Мне пришлось долго искать, я и не думала, что это ребенок. Ты прижимался к матери, как новорожденный младенец, и зависел от ее груди. Ты не такой человек, как другие. Ты родился дважды, так сказать: в первый раз ты был вскормлен ее молоком, а во второй раз – ее кровью...» [11, с. 142].

Литература позволяет понять, интерпретировать и, возможно, переосмыслить жизнь общества. Предоставляя слово детям-солдатам и их жертвам, Эммануэль Донгала в романе «Johnny Chien méchant» и Амаду Курума в «Allah n'est pas obligé» обнажают потерю человечности у этих детей, прошедших через земной ад.

Изгнание, бывшее ранее изгнанием за проступок, и миграция представляют собой «травму», которую африканское население переживает уже в течение долгого

времени. Африканцы истощены конфликтами, раны от которых, кажется, не смогут затянуться. В наши дни последствия самым серьезным образом сказываются на «западном» мире. Вынужденная миграция стала темой современной литературы, и африканские писатели делают ее главной темой своих произведений. Тема не новая, т. к. африканская литература с самого начала своего появления поднимает темы изгнания с насиженных мест, поиска идентичности, ностальгии по потерянной Родине, начиная с произведений Сенгора и Сезера. Отзвуки слышны в «Le Doker noir» (1956) Усмана Сембена, «Un Nègre à Paris» (1959) Бернара Дадье и в знаменитом романе «Aventure ambiguë» (1961) Шейха Амиду Кане. Эти художественные произведения, имеющие автобиографический характер, рассказывают о судьбах героев, которые в большинстве своем отправляются во Францию на учебу. Вернувшись на родину, они задаются вопросом о возможности примирения двух взаимосвязанных систем ценностей, уверенные в том, что над их исконной культурой довлеет культура «Запада».

Однако подобное представление мира, разделенного на полярности, не имеет смысла в современном глобализированном мире. Национальные границы больше не могут заявлять о культурном или творческом единстве. Для нового поколения писателей африканского происхождения территория не является признаком принадлежности. Для современных африканских авторов именно язык позволяет существовать в единстве. Большинство этих писателей покинули Африку по политическим, экономическим или личным причинам. Они живут в условиях межкультурного общения, диалога культур и языков, стремясь найти пространство, предлагающее новую идентичность.

Ален Мабанку, Каликст Бейала, Сами Тчак, Бессора, Косси Эффуи и Фату Диоме, «enfants de la postcolonie» (дети постколониального общества), по словам Абдурахмана Вабери, автора великолепной книги «Государства Африки», живут в странах, куда стремятся попасть эмигранты. В Европе или Америке они становятся свидетелями крушения иллюзий тех, кто ничего не знает о европейских реалиях, как герой произведения Массала, который приезжает во Францию воодушевленный выдумками Моки и терпит крах, столкнувшись с печальной реальностью Парижа. В первом романе Алена Мабанку «Bleu, blanc, rouge» (1998) герой понимает, что ему никогда не удастся разрушить европейский миф, в который в его стране все верят, как в спасательный круг:

«— *Pour qui te prends-tu? Tu perds ton temps; ils ne te croiront pas au pays. Ces gens-là n'ont jamais changé, et ce n'est pas les larmes que tu auras versées qui les apitoieront. Ils aiment le rêve*» — «Кем вы себя возомнили? Вы тратите свое время впустую; Вам не поверят в этой стране. Эти люди никогда не менялись, и пролитые вами слезы не вызовут у них жалость. Они верят в иллюзию» [9, с. 132].

В своем романе «Kétala» Фату Диом выступает с обличением такого положения вещей. Озвучивая предметы, сопровождавшие умершую Меморию, она рассказывает о беспокойной жизни этой молодой женщины, которая, покинув Африку вместе со своим мужем, живет в Европе жизнью, превратившейся в настоящий ад.

Критика традиционных привычек и обычаев — новый вызов для африканской литературы. Теперь она не обязательно создается в Африке, но находится на прямой связи со всеми современными проблемами континента. Время *migritude*, несомненно, пришло на смену *negritude*. Писатели создают миры, в которых множественная идентичность, оторванность от корней и «промежуточность», являются важнейшими компонентами. Независимо от того, принадлежат ли поэты к новому поколению «Afrique sur Seine» или живут между континентами, их творчество является важнейшим локусом их перемещений и исканий, как четко сформулировал квебекский писатель Жак Годбу в 1975 году в своем «Le réformiste: textes tranquilles»: «*Ecrire, c'est*

comme immigrer, c'est faire un choix, c'est refuser de se laisser porter par les idées reçues, c'est être conscient de la précarité des échanges, c'est assumer l'angoisse de la mort, c'est rejeter la famille et l'héritage» – «Писать – это все равно, что иммигрировать, значит делать выбор, отказываться поддаваться общепринятым законам, осознавать ненадежность мира, принимать страх смерти и отвергать семью и наследие» [7, с. 151].

Таким образом, африканские авторы ясно осознают, что решение взяться за перо – это акт, связанный с разрушением основополагающих принципов. Являясь частью мировой литературы, литература франкофонной Африки формирует постоянно меняющиеся образы. Писатели придают форму идентичности, находящейся в процессе бесконечной эволюции, используя знания со всего мира, интегрируя в словесную ткань местный устный язык с тем, который стал языком Африки, французским. Национальные границы больше не являются значимыми «marches» (шагами). Однако встречи между вымышленными мирами, языками и культурами задают тон этому огромному кластеру франкоязычной литературы, актуальность которой Ален Мабанку смог сформулировать еще в 2006 году: *«Pendant longtemps, ingénu, j'ai rêvé de l'intégration de la littérature francophone dans la littérature française. Avec le temps, je me suis aperçu que je me trompais d'analyse. La littérature francophone est un grand ensemble dont les tentacules enlacent plusieurs continents. [...] La littérature française est une littérature nationale. C'est à elle d'entrer dans ce grand ensemble dont les tentacules enlacent plusieurs continents. [...] La littérature française est une littérature nationale. C'est à elle d'entrer dans ce grand ensemble francophone»* – «Долгое время, будучи наивным, я мечтал об интеграции франкоязычной литературы во французскую литературу. Со временем я понял, что ошибся. Франкоязычная литература – это великое целое, качающееся нескольких континентов. [...] Французская литература – это национальная литература. Ей предстоит войти в это великое целое, в этот великий франкоязычный ансамбль» [14]. Африканская литература остается верным свидетелем пробуждения континента и культурного возрождения Африки в целом.

Список использованных источников

1. Гавришева, Г. П. Литература Бенина / Г. П. Гавришева // Франкоязычные литературы Тропической Африки. – Москва : Наука, 2005. – С. 144–180.
2. Найденова, Н. С. Эволюция концепции негритюда и ее роль в современной франкоязычной африканской литературе / Н. С. Найденова // XII Конференция африканистов «Африка в условиях смены парадигмы мирового развития» (Москва, 24–26 мая 2011 г.). – Москва : Институт Африки РАН, 2011. – С. 191–192.
3. Никифорова, И. Д. История романских форм в литературах Африки / И. Д. Никифорова. – Москва : Наука, 2010. – 760 с.
4. Césaire, A. Cahier d'un retour au pays natal / A. Césaire. – Paris : Présence africaine, 1990. – 101 p.
5. Chevrier, J. Littératures francophones d'Afrique noire / J. Chevrier. – Paris : Les écritures de Sud, 2006. – 209 p.
6. Classiques-garnier.com : [сайт]. – URL: <https://classiques-garnier.com/africana-figures-de-femmes-et-formes-de-pouvoir-preface.html?displaymode=full> (дата обращения: 10.03.2025).
7. Godbout, J. Le réformiste – textes tranquilles / J. Godbout. – Montréal : Boréal, Collection Papiers collés, 1994. – 263 p.
8. Kesteloot, L. Les écrivains noirs de langue française: Naissance d'une littérature / L. Kesteloot. – Bruxelles : Univer libre, 1963. – 343 p.
9. Mabanckou, A. Bleu, Blanc, Rouge / A. Mabanckou. – Paris : Presence Africa, 2010. – 226 p.
10. Miano, L. Contours du jour qui vient / L. Miano. – Paris : Pocket, 2008. – 247 p.
11. Monénembo, T. L'aîné des orphelins / T. Monénembo. – Paris : Seuil, 2005. – 160 p.

12. Semprun, J. L'Ecriture ou a vie / J. Semprun. – Paris : Gallimard, 1994. – 318 p.
13. Africultures.com : [сайт]. – URL: <https://africultures.com/a-propos-de-moissons-de-cranes-textes-pour-les-rwanda-1711/> (дата обращения: 10.03.2025).
14. Eurozine.com : [сайт]. – URL: <https://www.eurozine.com/que-la-decolonisation-litteraire-commence/> (дата обращения: 10.03.2025).

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

УДК 821.133.1

ДЕТСТВО: ПАРАЛЛЕЛИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. С. Асанова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры романской и классической филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Лесова-Юзефович Н. С.,

*к. ф. н., доцент кафедры романской и классической филологии, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Введение. В данной работе исследуются общие черты произведений на тему детства в русской и французской литературе. В процессе исследования выявляется связь между изображением детства русскими и французскими писателями.

Актуальность исследования заключается в том, что, несмотря на различные культурные, социальные и исторические контексты, произведения на тему детства, написанные во Франции и России, имеют общие черты.

Цель исследования – провести параллели во французской и русской литературе на тему «детство».

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие **задачи**:

- 1) провести сравнительный анализ изображений детства в произведениях ключевых авторов французской и русской литературы;
- 2) выявить основные общие черты, присущие произведениям о детстве;

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: биографический метод, историко-сопоставительный метод, метод структурной поэтики.

Результаты исследования. В культурах обеих стран создано большое количество произведений, посвященных теме «детство». В литературе Франции и России существует множество произведений, которые сочетают в себе как яркие, радостные аспекты детства, так и его горести и трагедии. Для проведения параллелей между французской и русской литературы, были изучены произведения на тему детства обеих стран, выделены два основных направления, а затем проведен сравнительный анализ.

В процессе исследования было обнаружено, что во французской литературе, как и в русской, авторы, писавшие о детстве, работали в двух тематически противопоставленных друг другу направлениях. Первые произведения, поднимающие социально-психологические проблемы: тема детства без детства, трудного детства, лишенного беззаботности. Освещая данные проблемы, писатели преследуют несколько важных целей: помочь читателям понять, с какими трудностями сталкиваются дети, как травмы и переживания влияют на формирование личности, поведение и мироощущение

человека во взрослом возрасте, вызвать чувство вины у людей за появление данной трагедии и призвать к действию. В таком жанре писали французские писатели Гектор Мало «Без семьи» (1878), Жюль Валлес «Дитя» (1878), Жюль Ренар «Рыжик» (1894), и др. В отечественной литературе также выделилось отдельное тематическое направление, главной целью которого являлось желание показать тяжелую жизнь детей из бедных семей, детей-сирот, бездомных детей. Данная проблема становится главной в произведениях Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» (1876), В. Г. Короленко «Дети подземелья» (1886), А. И. Куприна «Чудесный доктор», А. П. Чехова «Спать хочется» (1888) и «Ванька» (1886), М. Горького «Детство» (1913). Обращение к проблеме нищеты, голода, детской трагедии писателей Франции и России имело цель привлечь внимание общества и способствовать изменениям. Произведения второго направления, в противовес первым, изображали детство как счастливую безмятежную пору, дарящую незабываемые теплые воспоминания. Философско-поэтическое и идиллическое направление открыло читателю мир ностальгического детства. В произведениях внимание направлено на внутренний мир ребенка, изучение глубины его души, на переживания и эмоции, которые он испытывает, сталкиваясь с разными обстоятельствами. В таком жанре написали свои произведения французские авторы Марсель Паньоль «Слава моего отца» (1957), Ален Фурнье «Большой Мольн» (1913), Поль Маргерит «Заколдованный сад» (1896), Пьер Лоти «Роман о ребенке» (1890), а также отечественные Н. Г. Гарин-Михайловский «Детство Тёмы» (1891–1892), С. Т. Аксаков Аксакова «Детские годы Багрова-внука» (1858), Л. Н. Толстой «Детство» (1852) и другие. Писателей данного направления привлекает внутренний мир ребенка, его искренние эмоции и переживания, детские страхи и радости, а также сложные отношения с окружающими взрослыми. Они исследуют первые шаги к пониманию таких вневременных истин, как дружба, предательство и стремление к принятию. В их произведениях отражаются моменты осознания неизменности времени, столкновения с такими понятиями, как справедливость и несправедливость, а также первые попытки осмыслить свою роль в большом мире. Эти темы позволяют читателям заглянуть в душу ребенка, увидеть его борьбу за идентичность и место в жизни, а также ощутить всю полноту его восприятия реальности.

В обеих литературах существует множество произведений, которые сочетают в себе как яркие, радостные аспекты детства, так и его горести и трагедии. Такие произведения подчеркивают многогранный и двойственный характер детства, его способность к радости, но и уязвимость и неуверенность. Французская и русская литература отражает сложность и многогранность этого периода человеческой жизни.

Выводы. Таким образом, во Франции и России, несмотря на различие в менталитете, культуре, времени, места написания, существуют произведения на тему детства с ярко-выраженными общими чертами. Во французской и русской литературе можно выделить два типа произведений о детстве: счастливое и несчастливое. Произведения о трагическом детстве интересны тем, что, несмотря на различные культурные и исторические аспекты, писатели обеих стран обращались к теме детства с одной целью, для привлечения внимания к одной и той же проблеме. Точно также как и в произведениях о радостном детстве связывающим звеном является уделение большого внимания эмоциональному восприятию мира ребенком, его внутренним переживаниям и мечтам.

Список литературы

1. Арзамасцева, И. Н. Детская литература : учебник для вузов / И. Н. Арзамасцева. – Москва : Академия, 2008. – 576 с.
2. Брандис, Е. От Эзопа до Джанни Родари. Зарубежная литература в детском и юношеском чтении / Е. Брандис. – Москва : Дет. лит., 1980. – 446 с.

З. Гукасян, А. Тема детства во французской литературной традиции и в творчестве Гюго / А. Гукасян // Lit.niv.ru : [сайт]. – 2025. – URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-fra/gukasyan-tema-detstva-gyugo.htm> (дата обращения: 19.02.2025).

УДК: 81-26

ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

А. А. Гурьянова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры романской и классической филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Храбскова Д. М., заведующая кафедрой романской и классической филологии, к. ф. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Исследование посвящено анализу роли литературы в формировании языковой картины мира – системы восприятия действительности через языковые структуры, характерные для конкретной культуры.

Актуальность. На современном этапе развития человечества, когда культура меняется, а технологии развиваются, изучение того, как литература влияет на язык и культуру, помогает понять, как передаются традиции и как может изменяться язык в будущем.

Цель исследования. Определить механизмы влияния литературных произведений на языковую картину мира и их роль в трансформации культурных, социальных и когнитивных моделей.

Методы исследования: историко-культурный подход, компаративный анализ, когнитивно-оценочный опрос.

Результаты исследования. Языковая картина мира определяется как модель восприятия реальности через язык, специфичный для каждой этнической группы [1]. Литература, будучи частью языка, может усиливать или изменять эту модель через выбор слов, синтаксических конструкций и метафор.

Литературные произведения – стихи, проза или драматургия – являются важнейшим источником для анализа языковой картины мира. В произведениях писателей выражается не только личная философия и жизненная позиция, но и социальная интерпретация действительности: времени и общества. Через литературные тексты передаются культурные архетипы, общественные ценности, моральные принципы, которые составляют неотъемлемую часть языковой картины мира.

Каждый писатель, опираясь на традиции своего народа и культурную историю, привносит в язык определенные элементы, которые отражают уникальность национальной картины мира. Так, в русской литературе можно найти глубокие философские размышления о жизни, смерти, любви, долге, судьбе, что глубоко проникает в языковую картину мира. Например, русская литература традиционно уделяет особое внимание внутреннему миру человека, его эмоциональному состоянию, тогда как в англоязычной литературе акцент может быть сделан на рационализм и объективизацию.

Литература часто вводит новые слова и фразы, которые становятся частью повседневного языка. Например, У. Шекспир, чьи произведения добавили английскому языку тысячи слов и выражений, таких как “all that glitters is not gold” и “the green-eyed

monster” [2]. Эти нововведения своего времени не только обогащают язык, но и влияют на то, как люди выражают идеи и эмоции, тем самым формируя языковую картину мира.

Литература, как и язык, является отражением человеческого опыта. Она помогает создать более полное представление о мире, обогатить и углубить языковую картину мира. Она не только фиксирует общественные и культурные изменения, но и непосредственно участвует в их формировании, влияя на мировоззрение общностей и поколений.

Выводы. Литература играет ключевую роль в развитии языка и социального мышления. Через художественные тексты передаются культурные коды, формируются новые понятия и меняется восприятие действительности. Проведенное исследование позволяет сделать заключение о том, что:

- 1) литература – важнейший фактор формирования языковой картины мира;
- 2) писатели не только отражают реальность, но и создают новые языковые и концептуальные модели;
- 3) литературные произведения влияют на общественное сознание, закрепляя или меняя культурные нормы.

Список литературы

1. Лингвистическая картина мира. – URL: <https://www.redalyc.org/journal/279/27964115002/html/> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Литература и лингвистика // Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. – URL: <https://oxfordre.com/linguistics/display/10.1093/acrefore/9780199384655.001.0001/acrefore-9780199384655-e-332> (дата обращения: 05.03.2025).
3. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / В. А. Маслова. – Москва : Флинта, 2007. – 296 с.
4. Обучение языку через литературу: проблемы и возможности для изучающих английский язык // ScienceDirect. – 2024. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2215039024000390> (дата обращения: 05.03.2025).

УДК 82.0

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ СКАЗКИ АНТУАНА ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ»

Е. М. Демиденко,

*обучающийся 4-го курса кафедры романской и классической филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Силин В. В., к. ф. н., доцент кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

В работе исследуется философская сказка «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, для интерпретации которой используются три подхода литературоведческого исследования художественного текста: контекстуальный, имманентный, интертекстуальный. Комплексное использование всех трех подходов позволяет более полно раскрыть идейное содержание произведения.

Небольшая по объему сказка «Маленький принц» была выбрана для исследования, так как она хорошо демонстрирует все три подхода литературной интерпретации.

Цель исследования – интерпретация содержания философской сказки «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери на основе использования контекстуального, имманентного и интертекстуального анализа.

В исследовании использованы следующие **методы**: биографический, культурно-исторический, метод структурной поэтики.

В результате исследования было выявлено:

1. Поскольку контекстуальная интерпретация предполагает реконструкцию смысла, заложенного автором в произведении, то для этого необходимо исследовать контекст произведения, то есть, биографическую и социально-историческую информацию. Эта информация, а также жизненный опыт читателя позволяют реализовать реконструкцию смысла. Контекстуальная интерпретация помогает выявить в «Маленьком принце» абсурдные ситуации, которые пародируют распространенные людские пороки и формируют социально-критическое содержание «Маленького принца».

2. Имманентная интерпретация направлена на конструкцию содержания текста, которую осуществляет исследователь без опоры на контекст и, следовательно, на реконструкцию авторского мнения. Имманентная интерпретация служит выявлению в тексте иносказательного содержания, которое определяется с помощью метода структурной поэтики. В «Маленьком принце» простое структурное сопоставление поэтики эпизодов, в которых главный герой общается с второстепенными персонажами, позволяет сформулировать универсальную идею сказки, которая указывает на отсутствие взаимопонимания между людьми.

3. При интертекстуальной интерпретации выявление содержания определяется как его деконструкция. Первая часть этого термина, деструкция, определяется как «разрушение» произведения на части, которые, предположительно, заимствованы из общекультурного интертекста. Вторая часть, конструкция, означает, что читатель самостоятельно формирует из этих частей идейное содержание произведения. Интертекстуальная интерпретация состоит из имманентного анализа, когда в тексте определяются интертекстуальные образы, и из контекстуального анализа, который объясняет причину введения в текст того или иного интертекстуального элемента. В «Маленьком принце» образ Розы из «Романа о Розе», образ Лиса из «Романа о Лисе», образ Змея из библейского сюжета об Адаме и Еве – все они приобретают понятное значение благодаря биографическому контексту, который подсказывает, что Сент-Экзюпери адресовал их своей жене Консуэло, с которой он был в ссоре.

Таким образом, комплексная интерпретация философской сказки «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, основанная на контекстуальном, имманентном и интертекстуальном подходе, способствует более глубокому и всестороннему раскрытию содержания произведения.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Д. Д. Иванова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры романской и классической филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Шапошник Н. А., старший преподаватель
кафедры романской и классической филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь

Введение. В работе анализируются типологические особенности европейского исторического романа и выявляются черты, которые характерны лишь для этого жанра. Материалом исследования послужили произведения Виктора Мари Гюго «Собор Парижской Богоматери», Ильдефонсо Фальконеса «Собор у моря», Умберто Эко «Имя Розы». Работа представляется **актуальной**, поскольку ее результаты могут служить материалом для дальнейших исследований в области зарубежной литературы, а также при обучении на занятиях по мировой литературе в высших и средних учебных заведениях. **Целью исследования** является выявление типологических черт европейского исторического романа. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- изучить общие черты исторического романа;
- проанализировать произведения В. М. Гюго «Собор Парижской Богоматери», И. Фальконеса «Собор у моря», У. Эко. «Имя Розы»;
- выделить типологические признаки исторического романа в каждом из проанализированных текстов.

Методы исследования. В данной работе использовались типологический и эстетический подходы, сравнительно-исторический, культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, метод лексико-стилистического и литературоведческого анализа текста, компонентный анализ.

Результаты исследования. Для анализа были использованы русские переводы трех романов: «Собор Парижской Богоматери» В. М. Гюго, «Собор у моря» И. Фальконеса, «Имя Розы» У. Эко. В результате проведенного исследования были выделены следующие типологические черты исторического романа:

1. *Исторический контекст и достоверность.* По мнению Г. Флеминг, исторический контекст – это детали, которые окружают какое-либо событие [4]. Часто события исторического романа разворачиваются в конкретную эпоху, воссозданную с опорой на факты, реалии и культурные особенности описываемого времени. Автор исследует исторические документы, чтобы передать быт, социально-политическую обстановку и мировоззрение эпохи. Однако, допустима художественная интерпретация, если она не искажает общеизвестные исторические факты. Например, в «Соборе у моря» Ильдефонсо Фальконес совмещает достоверную эпидемию чумы в Барселоне с действиями вымышленного героя, чтобы показать его доброту и самоотверженность: когда Арнау спасает детей от верной смерти [2, с. 370].

2. *Смешение вымысла и реальности.* В произведениях этого жанра присутствуют как конкретные исторические персонажи, так и вымышленные герои, чьи судьбы и личные драмы вплетены в историческое повествование и взаимообусловлены. Так, В. М. Гюго описывает «...празднество, объединившее с незапамятных времен праздник

Крещения с праздником шутов» [1, с. 6], где присутствовали и реально существовавший кардинал Карл Бурбон, и вымышленный Квазимодо.

3. *Тематика и проблематика.* В историческом романе поднимаются универсальные темы: борьба за власть, свобода человека, мораль, культурные конфликты, вопросы исторической памяти, роли личности в истории, противостояние традиции и прогресса. Также, через описание прошлого автор может комментировать проблемы, актуальные для его времени. В романе У. Эко «Имя Розы» ярким примером данного тезиса является слепой монах Хорхе, который пытается скрыть от остальных монахов в аббатстве наличие трактата Аристотеля о смехе, так как он видит в нём угрозу догмату о недопустимости смеха как «разрушителя страха перед Богом». Убийства в аббатстве, спровоцированные попытками скрыть книгу, демонстрируют, как властимущие готовы жертвовать человеческими жизнями ради сохранения монополии на истину: «Я никого не убивал. Каждый из них закончил жизнь по собственному предопределению и по собственным грехам. Я был только средством...», – говорит Хорхе в оправдание убийства монахов, нашедших книгу Аристотеля [3, с. 358].

4. *Особенности стиля.* Язык исторического романа дополняется разнообразными деталями и элементами, создающими атмосферу описываемой эпохи, но остается доступным современному читателю. В «Соборе Парижской Богоматери» религиозность и образованность персонажей передается репликами из церковных католических текстов на латыни, а также используются архаизмы и специфическая лексика: «Это пылает мой тюфяк. – И, уподобив себя кормчему судна, которое терпит крушение в ночи, он благоговейно добавил: – *Salve, maris stella*» [1, с. 88].

5. *Социально-культурный анализ.* Через взаимодействие героев в историческом романе раскрываются сословные, религиозные или этнические противоречия конкретной эпохи. В «Соборе у моря» сюжет в частности строится на информации о правилах сосуществования разных сословных и социальных категорий граждан Барселоны. В этом контексте можно отметить рассказ отца Берната, где он говорит сыну об отношении к сословиям и социальной несправедливости.

Выводы. Таким образом, можно выделить следующие типологические черты исторического романа: симбиоз исторической правды и художественного вымысла, взаимодействие исторических личностей и вымышленных героев, универсальные, вечные темы борьбы за власть, социального и этнического неравенства, страха, предательства. Также, отличительным признаком этого жанра является особый речевой стиль, который подчеркивает нравы и обычаи описываемую эпоху.

Список литературы

1. Гюго, В. Собор Парижской Богоматери / Виктор Гюго. – Москва : PocketBook, 2015. – 509 с.
2. Фальконес, И. Собор у моря / Ильдефонсо Фальконес. – Санкт-Петербург : Азбука Аттикус, 2022. – 733 с.
3. Eco, U. *Il nome della rosa* / Umberto Eco. – Rome : Bompiani, 2004. – 358 p.
4. Fleming, G. *The Importance of Historic Context in Analysis and Interpretation* / Grace Fleming. – 2024. – URL : <https://www.thoughtco.com/what-is-historical-context-1857069> (дата обращения: 16.03.2025).

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ И СФЕРЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

А. А. Куликова,

*обучающаяся 2-го курса кафедры романской и классической филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Радевич В. В., к. ф. н., доцент кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. С 18 века в языкознании и лексикологии появился такой термин, как «неологизм». Это обусловлено особенностью языковой системы, так как лексический состав языка является наиболее изменчивой и подвижной сферой языка, отражающей изменения общественно-политического и культурного характера жизни общества. Главное отличие неологизмов от всех других единиц словарного состава языка – это новое качество, которое закрепляется в новом слове. Словарный состав любого языка, в том числе и французского, является живой историей данного народа. В лексическом составе языка отражаются все события, явления, понятия которые лучше помогают новые слова – неологизмы. **Актуальность** работы заключается в отражении аккумулятивной функции неологизмов в процессе сохранения исторических фактов, а также в исследовании вариативности их образования.

Целью данного исследования является выявление особенностей образования неологизмов, а также причин их возникновения.

Задачи исследования:

- 1) изучить на основе трудов как отечественных, так и зарубежных исследователей предлагаемые классификации способов образования неологизмов;
- 2) выявить наиболее распространенные формы создания новых слов;
- 3) проиллюстрировать зависимость неологизмов и их значения от исторических событий и сферы употребления новых слов.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: методика описания, методика сопоставления, морфемный анализ и словообразовательное моделирование.

Результаты исследования. В диахронии способы образования неологизмов изменчивы, однако общепринято выделять три варианта их создания: словообразовательный или морфологический, семантический и заимствования. К первому типу составления новых слов относятся такие процессы как аффиксация, словосложение, конверсия, реверсия, сокращение.

Процесс аффиксации заключается в использовании аффиксов, которые в рассматриваемом случае выполняют словообразовательную функцию, новые слова строятся на примерах уже существующих продуктивных моделях. Например, в слове «aérosolisation» (воздушное распространение мелких частиц) – использован суффикс -isation, несущий такое семантическое ядро, как обобщение процесса, выражение существительным определенного состояния или действия.

Сложение заключается в объединении основ нескольких слов для создания нового. Во французском языке в рамках метода сложения выделяются телескопные слова, во французской терминологии названные, как mot-valise (слово-чемодан). Важным отличием телескопных слов от других видов словосложения является то, что

при их образовании происходит соединение не значимых морфем, а произвольных частей, фрагментов слов [4]. Например, слово «foultitude» состоит из двух обычных слов «foule» и «multitude». При образовании нового слова было использовано начало первого и окончание второго.

Если аффиксальный способ широко распространен во всех флективных, синтетических языках, словосложение пользуется особой популярностью во французском, то конверсия занимает особое место в английском. «I'll google it» – в данном примере мы наблюдаем переход из одной части речи в другую. Также конверсионный способ распространён во французских газетных слоганах [3].

Такой способ как заимствования обычно обоснован развитием научно-технического прогресса и международных отношений. Также важным фактором является процесс миграции. С переселением людей в новые языковые условия происходит взаимодействие разных культур на языковом уровне, в большей степени затрагивая лексическую составляющую. Большое количество заимствований во французский язык в настоящее время наблюдается из английского. Так, к примеру, в связи с научным развитием общества и его цифровизацией, появились такие термины как искусственный интеллект AI (Artificial Intelligence), финансовые технологии (fintech), которые также вошли в лексический состав французского языка: Intelligence Artificielle, fintech.

Семантический метод основан на эволюции семантики слова, которая продолжается на протяжении всего периода существования языковой системы и рассматривается в диахроническом аспекте.

Довольно часто в языке возникают неологизмы на основе разных сфер общественной жизни. Так, политический неологизм «la routinisation» («путинизация») характеризует период нахождения у власти Владимира Путина. В данном случае фамилия президента России выполняет семантическую роль глагола, обозначая действие правление государством.

С помощью неологизмов в языке фиксируются те или иные исторические события. Так, в период Covid-19 во время самоизоляции свою популярность обрела удаленная работа. Во французском языке появилось большое количество телескопных слов, включающих в себя составную часть «télé-», которая включает в себе такое семантическое значение, как «удаленный, удаленно, на расстоянии» («télétravail», «télétravailleur») [1].

Новые лексические единицы также отражают быт, привычки, мировоззрение общества на определенном временном этапе. Неологизм «loler sur twitter» выполняет этническую функцию в языковой структуре. В этом словосочетании можно заметить популярность определенной социальной сети среди французов, что явно является отличительным аспектом идентичности их народа, а также цифрового развития страны. С помощью неологизмов можно проследить и развитие привычек человека. К примеру, такая зависимость как курение электронных сигарет отражена в новом термине для обозначения людей, склонных к вышеназванному процессу: их называют не «fumeur», как курящих обычные сигареты, а «vapoteur» от «vapeur» («пар») [2].

Выводы. В каждом языке особую популярность имеет определенный метод, в зависимости от структуры, вида языка. Например, в синтетических языках способ аффиксации будет явно преобладать по сравнению с аналитическими. Так, во французском языке популярен процесс словосложения, а в английском – конверсионный метод. Однако стоит отметить, что распространенность того или иного вида образования неологизмов, не означает отсутствие других. Процесс заимствования можно выделить отдельно, так как он непосредственно отражает взаимодействие нескольких культур на языковом уровне и занимает свое место в каждом языке.

Новые лексические единицы связаны с актуальным временем их возникновения событиями в обществе, в мире. В неологизмах отражены такие аспекты, как уклад жизни человека, идентичность народа, мировоззрение, привычки человечества.

Список литературы

1. Бородулина, Н. Ю. Особенности ковидного лексикона французского языка / Н. Ю. Бородулина, М. Н. Макеева, В. И. Копельник // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kovidnogo-leksikona-frantsuzskogo-yazyka> (дата обращения: 28.03.2025).
2. Сабирова, Г. Б. Неологизмы во французском языке / Г. Б. Сабирова // Вестник науки и образования. – 2021. – № 1-1 (104). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-vo-frantsuzskom-yazyke> (дата обращения: 28.03.2025).
3. Матюшенко, М. С. Конверсия как источник неологизмов во французских слоганах (на материале французской прессы) / М. С. Матюшенко // БГЖ. – 2020. – № 1 (30). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konversiya-kak-istochnik-neologizmov-vo-frantsuzskih-sloganah-na-materiale-frantsuzskoy-pressy> (дата обращения: 28.03.2025).
4. Эрстлинг, Л. В. Телескопные слова во французском языке / Л. В. Эрстлинг // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. – 2010. – № 22. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teleskopnye-slova-vo-frantsuzskom-yazyke> (дата обращения: 28.03.2025).

УДК 82-21

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКИХ СКАЗОК НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А. Э. Мустафаева,

*обучающаяся 4-го курса кафедры романской и классической филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Силин В. В., к. ф. н., доцент кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В приведённой работе исследуются способы преодоления проблем перевода французских народных сказок, обладающих определенной жанровой спецификой и национальным колоритом. Анализ таких способов перевода был осуществлен на примере произведений известных французских писателей, таких как Шарль Перро и Жан де Лафонтен.

Актуальность исследования заключается в том, что перевод фольклорных произведений по праву считается одним из самых сложных, так как от переводчика требуются энциклопедические знания и большой опыт переводческой работы.

Целью исследования является определение способов решения проблем перевода французских сказок.

Для достижения цели исследования были определены следующие **задачи:** 1) определить жанровое своеобразие французских сказок; 2) отметить основные сложности перевода художественных текстов; 3) рассмотреть основные приёмы перевода художественных текстов; 4) выявить способы решения проблем перевода французских сказок.

Методы исследования. В данном исследовании использовались следующие методы: метод анализа и синтеза, метод предпереводческого анализа, метод лингвостилистического анализа и сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования. В результате проведённого исследования были выявлены основные методики перевода сказок Шарля Перро и Жана де Лафонтена. Для этого русские переводы сказок были сопоставлены с оригинальными текстами на французском языке.

Было отмечено, что перевод художественных текстов имеет специфические особенности, отличаясь от перевода иных специализированных текстов. Основная задача перевода литературного текста заключается не только в передаче семантического смысла текста, но и в воссоздании авторского стиля, то есть, его манеры изложения, используемых им языковых и стилистических средств, и самое главное – передаче эстетического воздействия на читателя [2, с. 55].

При анализе перевода названий французских сказок было обнаружено, что переводчики в основном использовали метод калькирования или дословного перевода, так как старались сохранить их национальный колорит. Например, «Peau d'Âne» – «Ослиная шкура». В данном переводе используется прием калькирования, хотя, можно отметить перестановку слов местами в случае названия сказки на русском языке.

В результате анализа перевода текстов произведений были выявлены некоторые отклонения от их смыслового содержания. Связано это, очевидно, с тем, что переводчики стремились максимально сохранить оригинальную форму повествования. Кроме того, переводы французских сказок постоянно адаптировались, поскольку исследованные произведения были опубликованы в XVII–XVIII веках и поэтому содержат много устаревших слов и выражений, например, «le poignard» – кинжал (это устаревшее слово, которое больше не употребляется в современном французском языке).

Выводы. Таким образом, в исследовании были изучены особенности перевода сказок Шарля Перро и Жана де Лафонтена и определены способы решения проблем их перевода. А именно, выделены виды приёмов, использованных при переводе французских сказок, даны их характеристики и определена их уместность.

Список литературы

1. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – Москва : Валент, 2014. – 424 с.
2. Гак, В. Г. Теория и практика перевода: французский язык / В. Г. Гак, Б. Б. Григорьев. – Москва : Интердиалект, 1997. – 455 с.
3. Perrault, Ch. Le Petit Poucet / Charles Perrault. – Санкт-Петербург, 2013. – URL: <https://e.lanbook.com/book/57638> (дата обращения: 16.03.2025).

ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СТРАНАХ МАГРИБА

Е. А. Пономаренко,

*обучающаяся 4-го курса кафедры романской и классической филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Лесова-Юзефович Н. С.,

*к. ф. н., доцент кафедры романской и классической филологии, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Введение. Исследование посвящено анализу эволюции франкоязычной литературы в странах Магриба.

Целью данного исследования является анализ эволюции франкоязычной литературы стран Магриба и определение её роли в формировании культурной и национальной идентичности региона.

Задачи исследования: 1) изучить исторические предпосылки возникновения и развития франкоязычной литературы в странах Магриба; 2) выделить основные этапы эволюции франкоязычной литературы в регионе; 3) определить влияние франкоязычной литературы на общественное сознание и культурное развитие стран Магриба.

В работе были использованы следующие **методы исследования:** анализ литературных текстов и критических работ, историко-описательный метод, компаративный анализ, биографический метод и культурологический подход.

Результаты исследования: Магриб – огромная территория на севере Африки, состоящая из трех стран: Алжира, Туниса и Марокко. Каждая из них имеет свои культурные особенности, но, несмотря на это их объединяет арабо-берберская и мусульманская культуры, которые французское влияние сформировало по-разному.

Проведённое исследование показывает, что развитие франкоязычной литературы в странах Северной Африки является результатом борьбы местного населения за независимость и справедливость.

Магрибинские писатели периода колонизации были вынуждены бороться за сохранение своей культурной самоидентификации. Некоторые из них выбирали использование местных языков, тем самым сохраняя уникальность своих корней и традиций, в то время как другие предпочитали использовать французский язык как инструмент для выражения своих идей и требований.

Франкоязычная литература в странах Магриба – это особое слияние культур, выраженное в прозе и поэзии. Это возможность людей возвысить свой голос над колониальным гнетом, чтобы вести за собой людей. Каждый автор писал о своих переживаниях, тем самым сформировалось такое множество произведений, которые способны рассказать историю о пережитых временах. В научном исследовании рассматривалось творчество таких авторов как: Мулуд Маммери («Забытый Холм», «Опиум и Дубинка», «Через пустыню»), Мухаммед Диб («Большой дом», «Пожар», «Ремесло ткача»), Мулуд Фераун («Сын бедняка»), Катеб Ясин («Неджма») и др.

Катеб Ясин не только выражал свой протест в романах, но и писал пьесы, которые буквально «дышали» событиями борьбы за независимость Алжира. Как, например, его первая пьеса «Труп в окружении», написанная в 1955 году, отражала кровавые события сперва мирной демонстрации в Алжире в 1945 году, превратившейся

в кровавое восстание против французских колонистов. Каждое произведение Катеба Ясина и других писателей, поэтов и драматургов того времени было наполнено особым французским языком, наполненным магрибинским взрывным динамизмом и бунтарством. Последующие пьесы алжирского драматурга, как и первая, содержали множество мистических, фольклорных моментов, что придавала им особенный шарм, и тем самым они не раз были поставлены в театрах в разных точках мира.

Вопреки колониальному давлению, франкоязычная литература в Северной Африке обогащалась и развивалась в контакте с европейской культурой. Важно отметить, что страны Магриба не были похожи культурой на другие арабские страны, ведь под влиянием прежних завоеваний сформировалась особое переплетение берберской, турецкой, арабской, французской и византийской культур.

Эволюция литературы в Алжире, Тунисе и Марокко проходила все этапы культурной и общественной борьбы, тем самым отражая те страшные события, происходившие в регионе. Она начиналась как инструмент колониальной политики, и постепенно трансформировалась в средство для выражения национальной идентичности и борьбы за независимость. После обретения независимости, франкоязычная литература продолжала развиваться, отражая сложные процессы модернизации в регионе.

Франкоязычные писатели стран Магриба внесли большой вклад в мировую литературу, создав уникальные произведения, соединяющие в себе две культуры, Запад и Восток, способствующие взаимопониманию и культурному обмену.

Выводы. Анализ франкоязычной литературы в странах Магриба показал, что она является очень динамичной и постоянно развивающейся. Произведения каждого из представленных авторов – это зеркало на происходящие события, будь то период колонизации, Алжирская война или период независимости.

Список литературы

1. Прожогина, С. В. Магрибинское литературное франкоязычие : история, психология, культурная и социополитическая реальность / С. В. Прожогина // Историческая психология и социология в истории. – 2021. – С. 46–61.
2. Прожогина, С. В. Магриб : Франкоязычные писатели 60–70-х годов / С. В. Прожогина. – Москва : Наука, 1980. – 272 с.
3. Lessova, N. S. Naissance et évolution de la dramaturgie Algérienne de la langue française (années 50-80) / N. S. Lessova // Regards russes sur les littératures francophones. – 1997. – С. 15–27.

УДК 811.111

STRUCTURAL AND LOGICAL TYPOLOGY OF THE SEMANTIC FIELD NEOLOGISM

R. R. Sedchenko,

*1st year student of Roman and Classic Philology Department, Institute of Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

Scientific adviser: Hrabskova D. M., PhD in Philology, docent of Roman and Classic Philology Department, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Introduction. Tens of thousands of words appear every year. Sometimes we invent new things and need words for them. In other cases, we decide that something is important and that it needs a name. Or we are just bored with old words and we update them. As a rule,

if the public likes the word, it is beginning to come into general use. These words are called neologisms. Newmark defines neologisms as “newly invented lexical units or existing lexical units that acquire new meaning” [2, p. 138].

The aim of this work is to typologize structurally and logically one of the semantic fields, specifically *neologism*. **The objectives** of the work are as follows: to define the concept of the semantic field; to conduct a paradigmatic analysis of the term ‘neologism’; to define and analyze structural components of the semantic field ‘neologism’.

The **methods** which were used in this paper are the method of textual analysis and the typological method.

Main ideas and results. A semantic field is a set of words (or lexemes) related in meaning. The phrase is also known as a word field, lexical field, field of meaning, and semantic system. Linguist Adrienne Lehrer has defined semantic field more specifically as “a set of lexemes which cover a certain conceptual domain and which bear certain specifiable relations to one another” [5].

Neologisms as a linguistic phenomenon can be considered from different aspects: temporal (synchronous), geographical, social and communicative. Thus, a neologism is a unit of vocabulary, a word, a verbal element or phrase, a meaning or whose signifier-signified relationship, suggesting an effective function in a particular model of communication, has not previously materialized as a linguistic form in the immediately preceding stage of the lexicon of a language. This novelty, observed in relation to the precise and empirical definition of vocabulary, usually corresponds to a certain feeling of the speaker.

In the end, with full certainty, we can confirm that the main distinctions of neologisms are: 1) a feeling of novelty when perceiving a word; 2) inclusion of the words in printed dictionaries. A large number of definitions of the term “neologism” have become the reason for the emergence of classifications of new words that differ in content.

Conclusion. In conclusion, the structural components of the semantic field were revealed and combined into a typology, also revealing the many ways neologisms can be classified in, by what means they can be united or the many ways to form new words, which include collocation, conversion, abbreviations, adjectivization, reverse word formation, lexical-semantic method, etc. and so on. However, not all of these methods are used to the same extent, and the proportion of each of them is not the same in the process of word formation.

References

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : «Едиториал УРСС», 2004. – 571 с.
2. Гак, В. Г. О современной французской неологии / В. Г. Гак. – Ленинград : Новые слова и словари новых слов, 1978. – С. 37–52.
3. Лопатин, В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – Москва : Наука, 1973. – 152 с.
4. Несветайло, Ю. Н. Трактовка понятий неологізм і окказіоналізм в сучасній науковій парадигмі / Ю. Н. Несветайло. – Ставрополь, 2008. – 148 с.
5. Barnhart, R. The Barnhart Dictionary of Etymology / R. Barnhart. – New York : Bronx, 1998. – 52 p.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ АФРИКИ

А. В. Федоренко,

*обучающаяся 4-го курса кафедры романской и классической филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Храбскова Д. М., заведующая кафедрой романской и классической филологии, к. ф. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В данном исследовании выполнен социолингвистический анализ современного положения французского языка как коммуникативной системы в странах африканского континента. Французский язык закрепился на территории Африки благодаря колониальному прошлому. Однако после обретения странами независимости начались попытки замены французского языка местными коммуникативными идиомами. Вследствие данного фактора статус и положение французского языка в мировоззренческой традиции африканских народов все еще не определены.

Актуальность исследования обусловлена многополярностью современного мира и необходимостью определения эквивалентных коммуникативных компонентов для достижения взаимопонимания между представителями разных языковых культур.

Цель исследования – определение современного положения французского языка в странах Африки с точки зрения социолингвистических параметров оценки коммуникативной функции.

В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие **задачи:** изучить историю появления и распространения французского языка на африканском континенте; рассмотреть проблемы и способы замены и внедрения языка в местную языковую культуру; проанализировать отношение местного населения и мнения исследователей относительно французского языка.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: историко-аналитический, сравнительно-сопоставительный, метод социолингвистического анализа.

Результаты исследования. Французский язык закрепил свое положение в странах Африки благодаря колониальному господству Франции на континенте в прошлом, а после деколонизации обозначился вопрос языкового выбора. Одной из важнейших проблем, возникших после отказа от французского языка, стало отсутствие главного и единого государственного языка, поскольку границы колоний были сформированы без учета этнолингвистических показателей. Ситуация осложняется тем, что большинство коренных языков Африки не имеют письменной формы, и это препятствует их использованию в качестве официальных.

Более того, даже французский язык не имеет однозначного статуса с точки зрения населения Африки, поскольку для многих это все еще иностранный язык. Багана Ж. утверждает, что для африканцев французский язык остается языком «чужой культуры» и не может занять положение родного [1, с. 92]. С генеалогической точки зрения французский язык принадлежит группе романских языков индоевропейской семьи языков, в то время как африканские языки относятся к совершенно другим языковым семьям, поэтому и имеются различия в структуре и морфологии.

Однако французский язык сохраняет свою коммуникативную функцию на территории африканского континента благодаря тому, что выполняет роль нейтрального посредника, обеспечивающего взаимодействие между этническими группами. В некоторых странах Африки он стал инструментом полиэтнического общения, объединяя людей с разными языковыми корнями. Более того, распространенность французского языка в образовательной системе и государственных структурах делает его необходимым для функционирования общества. Исследования отечественных и зарубежных лингвистов показывают, что современное поколение африканцев все меньше связывает французский язык с колониальным прошлым и все чаще воспринимает его как второй язык, необходимый для профессионального и социального роста.

Выводы. На данный момент французский язык закреплён официальным статусом во многих государствах Африки, однако не является этническим языком, проживающих на африканских территориях народов, то есть можно обозначить два факта: 1) французский язык – не родной язык для народов Африки; 2) французский язык – больше, чем просто иностранный язык в Африке.

Список литературы

1. Багана, Ж. Французский язык в Африке: проблемы интерференции / Ж. Багана. – Москва : Наука, 2006. – 163 с.
2. Ольдерогге, Д. А. История изучения африканских языков / Д. А. Ольдерогге. – Москва : Наука, 1990. – 160 с.
3. Старостин, Г. С. Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 1: Методология. Койсанские языки / Г. С. Старостин. – Москва : Языки славянской культуры, 2013. – 510 с.

УДК 1(44)'141.32

К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ АЛЬБЕРА КАМЮ

О. М. Шохирева,

*обучающаяся 4-го курса кафедры романской и классической филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Науменко Н. П., старший преподаватель
кафедры романской и классической филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь

Введение. В работе рассматриваются философские концепции Альбера Камю через призму его творчества, с особым акцентом на циклы абсурда и бунта, которые являются ключевыми для понимания мировоззрения писателя. Философия Камю представлена как целостная система взглядов, эволюционирующая от признания абсурда к концепции бунта, а также к незавершенному циклу любви. Эти концепции отражают поиск смысла в условиях абсурдного существования.

Актуальность работы заключается в анализе творчества Камю в свете его философии, что обусловлено неослабевающим интересом к экзистенциальной философии и ее влиянию на современную литературу и культуру. Исследование позволяет выявить уникальный взгляд Камю на проблемы общества и провести параллели с современными реалиями.

Целью данного исследования является выявление и анализ ключевых философских концепций в творчестве Альбера Камю на основе деления его произведений на циклы, а также рассмотрение эволюции идей писателя от концепции абсурда к бунту и дальнейшему поиску смыслов в рамках незавершенного цикла любви. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) рассмотреть философию абсурда в произведениях Камю, входящих в цикл абсурда (роман «Посторонний», эссе «Миф о Сизифе», пьесы «Калигула» и «Недоразумение»); 2) проанализировать концепцию бунта в рамках соответствующего цикла (роман «Чума», эссе «Бунтующий человек», пьесы «Осадное положение» и «Праведники»); 3) проанализировать незавершенный цикл любви и его возможную роль в концептуальном развитии философии Камю; 4) определить значение философских концепций Камю для современной экзистенциальной мысли и литературы.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: дескриптивный метод, биографический метод, историко-сравнительный метод и метод литературоведческого анализа.

Результаты исследования. Творчество Альбера Камю можно рассматривать через призму нескольких тематических циклов, которые отражают эволюцию его философских взглядов и художественных методов [1]. Цикл абсурда включает в себя роман «Посторонний», эссе «Миф о Сизифе», пьесы «Калигула» и «Недоразумение». Общей темой этих произведений является исследование абсурдности человеческого существования. Камю описывает абсурд как метафизическое состояние, возникающее вследствие противоречия между стремлением человека найти смысл жизни и безразличием мира. Исходя из журналистского опыта писателя в Кабилии, одном из беднейших районов Алжира, можно предположить, что его восприятие абсурда формировалось на основе личных наблюдений за нищетой и социальной несправедливостью [2]. Роман «Посторонний» иллюстрирует абсурдность через историю Мерсо, который оказывается осужденным не за само преступление, а за несоответствие ожиданиям общества. Через этот образ Камю подчеркивает бессмысленность социальных норм и судебной системы. Эссе «Миф о Сизифе» представляет собой философский манифест цикла абсурда. Камю рассматривает самоубийство как центральный вопрос философии, противопоставляя ему принятие абсурда. Вместо поиска утешения в высших идеях или религии он предлагает концепцию «человека абсурда», который осознает бессмысленность жизни, но продолжает действовать.

Цикл бунта включает роман «Чума», пьесы «Осадное положение» и «Праведники», эссе «Бунтующий человек». Этот этап творчества Камю знаменует собой переход от размышлений о бессмысленности жизни к утверждению человеческой свободы через сопротивление. Камю выделяет три основные формы бунта: 1) метафизический бунт – протест против абсурдности существования, попытка утвердить ценность человека в мире без объективного смысла; 2) исторический бунт – коллективное сопротивление угнетению и социальной несправедливости, объединение людей ради защиты свободы; 3) бунт в искусстве – выражение протеста через творчество, где литература становится средством осмысления и сопротивления абсурду [3].

После разработки концепций абсурда и бунта Камю обратился к третьему этапу своего творчества, который можно условно назвать циклом любви. В него должны были войти роман-эпопея «Первый человек», пьеса «Дон Фауст» и эссе о Немезиде. Идея любви в работах Камю тесно связана с возвращением к истокам, переосмыслением традиции и поиском глубинной связи с человеческой сущностью. В 1950-е годы он активно исследовал художественные идеалы, анализируя творчество

своих предшественников и современников, что свидетельствует о его стремлении соединить философию и искусство в новом ключе.

Выводы. Творчество Камю представляет собой последовательное осмысление ключевых экзистенциальных вопросов: сначала через признание абсурда, затем через сопротивление ему, и, наконец, через попытку выйти за рамки противопоставления. Философия абсурда не только помогает осмыслить индивидуальные переживания, но и служит важным инструментом для анализа социальных и культурных явлений, а его идеи продолжают оказывать влияние на современные философские и литературные течения, подтверждая универсальность его взглядов на природу бытия.

Список литературы

1. Камю, А. Творчество и свобода : сборник / А. Камю ; пер. с франц., сост. и предисл. К. Долгова. – Москва : Радуга, 1990. – 608 с.
2. Фокин, С. Л. Альбер Камю. Роман. Философия. Жизнь / С. Л. Фокин. – Санкт-Петербург : Издательство «Алетейя», 1999. – 384 с.
3. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю ; под ред. Д. М. Носов. – Москва : Политиздат, 1990. – 415 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

УДК 81'255.2

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА КЭРОЛ ЭНН ДАФФИ – LOST IN LOVE & LOST IN TRANSLATION?

Л. Н. Глухенькая,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Осмысление психоэмоционального состояния влюбленности, личного опыта и культурного наследия в вопросах межгендерных интимных отношений и их реинтерпретация сквозь призму постмодернистского мировидения в любовной лирике К. Э. Даффи делает творчество поэтессы значимым объектом для лингвистического и переводческого анализа. В настоящей статье анализируются переводческие стратегии, нацеленные на перевыражение изображения любовных переживаний и актов чувственности в стихотворении «Валентинка» при переводе на русский язык.

Ключевые слова: К. Э. Даффи, «Валентинка», любовная лирика, художественный перевод, переводческая стратегия.

Summary. C. A. Duffy's love poetry presents a significant object for linguistic and translation analysis since it reflects the psycho-emotional state of falling in love, demonstrates both personal experience and culturally inherited perspective of inter-gender intimate relations and focuses upon their reinterpretation through the prism of postmodern worldview. The article analyzes translation strategies aimed at re-expressing images of intimate feelings and acts of sensuality in the poem *Valentine* when translated into Russian.

Key words: C. A. Duffy, *Valentine*, love poetry, literary translation, translation strategy.

Лирический «голос» шотландской поэтессы Кэрол Энн Даффи к 1985 году оформляется в «зрелое» творчество, которое охватывает три ведущих направления: общественно-политическая лирика, «женское письмо» и литература для детей. Все эти направления объединяет форма драматического монолога, постмодернистская свобода поэтической формы и обращение к классическим образам и сюжетам с целью их сатирического переосмысления в условиях новой реальности. Благодаря предложенной феминистской концепции «женского взгляда» поэтесса снискала признание как профессионального сообщества, в т.ч. удостоившись в 2009 году звания Поэта-лауреата, так и массового читателя. В своей интимной лирике автор затрагивает вопросы генезиса гендерно маркированных ролей и природы женского мировоззрения, а также раскрывает проблемы женской чувственности и интенциональности чувств.

Феномен любовной лирики, как правило, рассматривается исследователями с точки зрения стилистической специфики, риторических позиций и жанрового репертуара. Целью данной статьи является характеристика переводческого подхода к любовной лирике К. Э. Даффи. В качестве материала исследования было подобрано одно из ранних стихотворений Даффи – «Валентинка» (англ. *Valentine*), – которое имеет несколько русскоязычных переложений, что позволяет сравнить различные стратегии переводчиков в достижении прагматической эквивалентности.

Как известно, за обликом святого Валентина, отсылку к которому мы видим в названии стихотворения, скрываются сразу несколько исторических ипостасей христианских мучеников (Валентина Интернамского, Валентина Римского), по легенде,

совершавшим обряд венчания во времена гонений на христиан. Праздник Валентинов день возник гораздо позже, в конце XIV века, а традиция отмечать день всех влюбленных стала скорее данью народному поверью, указывавшему на то, что в этот день (очевидно, с приходом тепла и весны) птицы начинают искать себе пару для продолжения потомства. Невиданную доселе популярность праздник приобрел в XX веке и превратился в настоящую коммерческую вакханалию: количество различного рода сувениров и маленьких подарков, преподносимых в этот день возлюбленными друг другу, из года в год растет. Именно сложившейся традиции дарить в этот день возлюбленным открытки в виде сердца – валентинки – поэтесса и посвящает свое стихотворение, которое в отсутствие приставки *St. (Saint)* переводим именно как «валентинка».

Уже с первых слов Даффи демонстрирует отказ от традиционных символов любви и страсти – красной розе автор говорит: «Нет!» В переводе В. Ильиной-Печеновой сохранена конструкция *Not ... or* (Ни... ни), что важно для актуализации признака действия. А. Нестеров, в свою очередь, меняет синтаксис. В его переводе мы видим вопросительную форму, которая благодаря своей риторичности позволяет переводчику передать содержательную сторону отрывка, но меняет тональность повествования. Когда на месте уверенного *Not* в тексте перевода появляется знак вопроса, перед читателем открывается внутренний диалог героини, которая убеждает себя в правильности поступка и, наконец, заключает «Ну нет».

Оригинал: “*Not a red rose or a satin heart. / I give you an onion. / It is a moon wrapped in brown paper*” [1, с. 30].

Перевод А. Нестерова: «Розу? Сердечко из шелка? Ну нет. / Луковицу. В подарок. / Чем не Луна в бумажной обертке?» [4].

Перевод В. Ильиной-Печеновой: «Ни алую розу, ни сердце атласное. / Тебе подарила я репчатый лук. / Ведь это луну облекли в фольгу красную» [3].

Взамен розы женщина предлагает субъектной форме «другого» (ее возлюбленному) принять в подарок головку лука. Таким образом, перед читателем должна предстать лирическая героиня, осознающая свою прагматичность в условиях новой реальности, обесценивающей всякое нежное чувство. В переводе Нестерова героиня продолжает вопрошать внутренний голос, что не делает ее более уверенной в своем желании. В то же время Ильина-Печенова использует грамматическую трансформацию и обращается к форме прошедшего времени «подарила» вместо *I give*, тем самым усиливая эффект намерения.

Интересно также отметить лексико-семантические преобразования в переводе Нестерова, который тяготеет к функциональным заменам: *a satin heart* – сердечко из шелка, *brown paper* – бумажная обертка.

Автор также умышленно подчеркивает и выводит на первый план эмоциональность своей героини, в том числе совмещая в ее сознании реалистическое с образным. Головка лука у Даффи – это метафора любовной драмы. Страдания из-за неразделенной любви поэтесса сравнивает со свойством лука вызывать слезы.

Далее Даффи вводит богатый романтический образ луны, но лишь затем, чтобы тут же развенчать его символизм. Луковица внешне схожа с полной луной и потому в тексте преподносится буквально как завернутая в бумагу покупка, что еще раз наталкивает на мысль о том, что в обществе потребления любое проявление чувства не просто обесценивается, а низводится до процесса купли-продажи.

Оригинал	Перевод А. Нестерова	Перевод В. Ильиной-Печеновой
<i>“It promises light like the careful</i>	<i>«А в ней – обещание света, как в раздеванье любимой»</i> [4].	<i>«Которая всем нам сулит света круг, подобно любви,</i>

<i>undressing of love</i> ” [1, с. 30].		беззащитной, внимательной» [3].

В переводе Нестерова видим буквальный перевод и конкретизацию: *undressing of love* – раздевание любимой (эпитет *careful* опущен). Такой переводческий ход неоправданно сужает смысловую доминанту строки: любовь многогранна, многослойна, ее возможно познать, снимая слой за слоем внешние проявления, чтобы добраться до истинного чувства. С другой стороны, метафора луковицы передает ранимость влюбленного человека. Чем больше вы контактируете с луком, тем выше вероятность слез. Сближаясь с возлюбленным, вы становитесь более уязвимым.

В переводе Ильиной-Печеновой происходит расширение контекста за счет использования более экспрессивной лексической единицы «беззащитный». И если чувство любви можно назвать беззащитным, то вот «внимательным» в оригинале было его познание, изучение, а поскольку в данном отрывке действие *to undress* опускается, то, как следствие, метафора не сохраняется.

Конечно, переводческие потери требуют компенсационных техник. Примером может служить выбор глагола «сулит» (англ. *promises*) с целью воссоздания классической высокой тональности любовного стихотворения. Необходимость такого шага, тем не менее, может вызывать сомнения, т.к. мы имеем дело с образцом современной постмодернистской поэзии, для которой характерно либо использование нейтральной и разговорной лексики с эмфатическими включениями в виде неологизмов и/или окказионализмов, либо смешение разных стилей. Так, высокая, поэтическая лексика в поэзии К. Э. Даффи часто перемежается со сниженными, а порой и вовсе вульгарными словами.

В. Ильина-Печенова также добавляет экспрессивности за счет конкретизации *light* – «света круг». Кроме того, таким способом переводчица добивается сохранения рифмы: лук – круг.

Следующий отрывок начинается с односложного предложения, выделенного в отдельную строку, *Here*. Оно отражает пространственные координаты хронотопа художественной реальности, в которой представлены герои. И поскольку в тексте оригинала крайне важна интенциональность намерений героини, которую автор подтверждает на протяжении всего стихотворения соответствующим синтаксисом (*I give you, here, It will blind, It will make, I am trying, Take it*), то и переводчики, в свою очередь, пытаются усилить этот эффект за счет обращения к глаголам действия «держи», «смотри».

Оригинал	Перевод А. Нестерова	Перевод В. Ильиной-Печеновой
“<i>Here.</i> <i>It will blind you with tears like a lover.</i> <i>It will make your reflection a wobbling photo of grief.</i> <i>I am trying to be truthful.</i> <i>Not a cute card or a kissogram</i>” [1, с. 30].	«На вот, держи. Заставит залиться слезами, как любовь, что ушла: а в глазах отразится дрожащая фотка горя. Я ведь не вру, не кривляюсь. Что?! Открытку?! Вырезной поцелуйчик?!» [4].	«Смотри. Ослепит вдруг слезами глаза Влюбленный Увидит с зеркал обязательно – Печаль, над которой нависла гроза. Стараюсь быть искренней: Ни телеграммы, ни милой открытки о страсти» [3].

С метафорой *It will blind you with tears* справились оба переводчика – «заставит залиться слезами» (пер. Нестерова), «ослепит вдруг слезами» (пер. Ильиной-Печеновой).

А вот метафору *It will make your reflection a wobbling photo of grief* не удастся передать в полной мере. Оба переводчика буквально работают со словом *reflection* – «в глазах отразится» (пер. Нестерова), «увидит с зеркал» При этом, В. Ильина-Печенова вновь попыталась восполнить образность за счет обращения к традициям классической интимной лирики и характерным для нее природным образам – «печаль, над которой нависла гроза», – которых не было в оригинале. А. Нестеров, в свою очередь, предлагает в данном отрывке крайне эмфатический синтаксис, которого также не было в оригинале. Кроме того, он активно задействует разговорную лексику (фотка, кривляюсь, поцелуйчик).

Особый интерес в последней строчке представляет реалия *kissogram*, которая обозначает поздравительную открытку (по сути – альтернативу валентинке), вручаемую с поцелуем. Оба переводчика намеренно отказываются от транслитерации. Выбор Ильиной-Печеновой падает на устаревшее «телеграмма». В переводе Нестерова видим окказиональное «вырезной поцелуйчик» (образовано, вероятно, по аналогии с валентинкой, представляющей собой вырезанную из бумаги или картона открытку в форме сердца). Таким образом, переводчики попытались сделать реалию *kissogram* доступной отечественному читателю.

Образ обжигающей любви в тексте оригинала сопряжен с вкусовыми и обонятельными ощущениями: *its fierce kiss* – «луковый вкус горит» (пер. Нестерова), «поцелуй на губах будет <...> горячим» (пер. Ильиной-Печеновой).

Оригинал	Перевод А. Нестерова	Перевод В. Ильиной-Печеновой
<i>"I give you an onion. Its fierce kiss will stay on your lips, possessive and faithful as we are, for as long as we are. Take it. Its platinum loops shrink to a wedding-ring, if you like. Lethal. Its scent will cling to your fingers, Cling to your knife"</i> [1, с. 30]	<i>«Луковицу в подарок. Луковый вкус горит на губах поцелуем, одержимостью, верностью – правда, на нас похоже? Горит, покуда мы вместе. Ну же, держи колечко луковое, на палец. Это тебе на свадьбу. Если свадьбы захочешь. Знаешь? Это – смертельно. Запах въедается в пальцы, нож, и тот не отмоешь»</i> [4].	<i>«А лук. его поцелуй на губах будет самым правдивым, горячим и верным, как друг, как мы с тобой, впрочем, возьми, пока есть мы. Из красных пластинок создай два кольца, и если захочешь до смерти быть вместе останется запах его до конца»</i> [3].

Работая с эпитетами *possessive and faithful*, А. Нестеров выстраивает в переводе удачную оппозицию «одержимость – верность», потребовавшую замены частей речи и перестройки синтаксической структуры предложения.

В. Ильина-Печенова опускает эпитет *possessive*, тем самым теряя важное противопоставление бескорыстной любви и чувства собственности. Сравнение «верным, как друг» в данном случае не компенсирует потерю смысла.

Как уже было сказано, К. Э. Даффи всячески подчеркивает интенциональность намерений героини соответствующим синтаксисом. В системе кадров внутреннего

зрения это позволяет читателю ощутить динамику повествования: образ руки, протянутой с подарком возлюбленному, сменяет образ рук, на чьих пальцах мы видим обручальные кольца *platinum loops* (как известно, часто изготавливаемые из таких драгоценных металлов, как золото, серебро или платина). На вид кольца из платины будут белыми, как и кольца репчатого лука, но в переводе у Ильиной-Печеновой кольца ошибочно красные: «Из красных пластинок создай два кольца».

Проведенный анализ демонстрирует, что сохранение как смысловых доминант, так и экспрессивных средств их выражения в любовном стихотворении «Валентинка» К. Э. Даффи при переводе на русский язык не всегда представлялось возможным. С одной стороны, это связано с тем, что заявленная тематика не является сугубо любовной, и переводчик должен учесть это в работе над текстом. Поэтесса имплицитно поднимает проблему связи духовного и материального в условиях постмодернистского общества и бросает вызов принятым в обществе потребления стереотипам. Заменяв открытку в виде сердца, типичный подарок ко дню Святого Валентина, на простую луковицу, автор указывает на то, что феномен любви как дара в обществе потребления слепо возведен в культ, а клише и символы действуют лишь как катализаторы проблемы коммерциализации. С другой стороны, передача звукового образа художественного произведения и его стилистического разнообразия – это всегда путь трансформаций и потерь, не исключая для переводчика возможность проявить себя как соавтор. Но адекватное образное воспроизведение возможно только тогда, когда переводчик предлагает альтернативную и/или компенсационную стилистику, не меняя при этом тональности стихотворения, а оправданность таких мер продиктована прагматическим эффектом от полученного художественного текста на языке перевода.

Список использованных источников

1. Duffy, C. A. *Mean Time* / C. A. Duffy. – London : Picador, 2017. – 64 p.
2. *The Poetry of Carol Ann Duffy: “Choosing Tough Words”* ; ed. by A. Michelis, A. Rowland. – Manchester University Press, 2004. – 224 p.
3. Перевод стиха «Валентинка» Кэрл Энн Даффи (Валентина Ильина-Печенова) // Стихи.ру. – URL: <https://stihi.ru/2012/02/18/5042> (дата обращения: 10.03.2025).
4. Даффи, К. Э. Стихотворение «Четверг» / Кэрл Энн Даффи // Книги, рекомендуемые феминистками : LiveJournal. – URL: <https://fem-books.livejournal.com/1793314.html> (дата обращения: 10.03.2025).

УДК 81'25

ТЕРМИНОЛОГИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

М. Г. Зеленцова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной статье предпринята попытка проанализировать возможные трудности на пути отраслевого переводчика при переводе устных или письменных текстов в сфере экономики и финансов. Проанализированы основные терминологические сложности экономического англоязычного текста, выявлены их причины, затрудняющие поиск оптимального выбора переводческого решения.

Ключевые слова: термин, переводческое решение, терминологическая вариативность, экономический термин, финансовый термин

Summary. This article considers the analysis of possible challenges facing any translator while doing oral or written translation in the field of economics and finance. The main terminological difficulties of the economic English-language text are analyzed, their causes making it difficult to find the optimal choice of a translation solution are identified.

Key words: term, translation solution, terminological variability, economic term, finance term.

Как известно, практическая переводческая деятельность требует постоянного саморазвития и совершенствования: уровень знаний и умений переводчика с каждым годом изменяется в геометрической прогрессии; предметная область и тематика переводов становятся все более разнообразными, что отражается, в первую очередь на том, какое переводческое решение предпримет специалист в том или ином случае.

С целью разрешить противоречия, вызванные межъязыковой асимметрией, терминологической варианностью, непереводимостью тех или иных лексических единиц в тексте оригинала, и др., переводчику необходимо сделать рациональный выбор среди имеющихся переводческих стратегий, приемов, операций и средств переводящего языка или вариантов перевода, которые позволят адекватно представить текст источника на языке перевода.

Сфера экономики и финансов является ярким примером приложения всех усилий переводчика в процессе принятия решений. Дело в том, что сегодня уже недостаточно уметь проводить терминологический анализ понятий, новых терминов конкретной области знания и предлагать наиболее адекватные способы перевода, устраняя при этом явление терминологической вариативности в переводной отраслевой литературе. Практическая подготовленность переводчика сводится к умению использовать накопленный практический опыт, который помогает находить правильные переводческие решения.

Исследования перевода как процесса принятия решений представляют собой направление в переводоведении, открытое в 1967 г. работой “Translation as a Decision Process” И. Левого – чешского теоретика перевода, представителя Чехии в Международной федерации переводчиков и члена редколлегии переводческого журнала *Babel* [8]. Сторонниками данного подхода являются Л. К. Латышев, Я. И. Рецкер, Р. К. Миньяр-Белоручев, А. Д. Швейцер. Вопрос принятия решений и выбора в письменном переводе изучали многие исследователи (А. Darwish; J. Holmes; J. Levy; W. Lörscher; W. Wilss). А вот, к примеру, Л. К. Латышев использует переводческое решение наряду с понятием переводческих трансформаций.

При этом стоит отметить, что исследования перевода с точки зрения принятия решений носят междисциплинарный характер и предполагают использование в переводоведении понятийно-категориального и методологического аппарата теории принятия решения и психологии. Несомненно, принятие оптимального переводческого решения является одним из основных вопросов переводоведческой науки, и выбор решения, основанного на единственно правильном выборе лексического средства в ЯП для передачи соответствующего фрагмента иноязычного текста, – это путь к оптимальному переводу.

Итак, в литературе можно встретить такие подходы к принятию переводческих решений как макро- (глобальная стратегия), микро-подход (выбор одного из множества), и так называемый «поиск золотой середины», который занимает промежуточное положение между указанными выше. Все они нацелены на достижение адекватности, реалистичности и полноценности переводимого фрагмента текста оригинала, однако при переводе терминологических текстов возникают особые весьма труднопреодолимые препятствия, переводчик должен быть с ними знаком и готов к их решению.

Исследование процесса принятия решений в переводе направлено на понимание внутренней стороны переводческой деятельности и, соответственно, повышения эффективности переводческой рефлексии. Как утверждает А. А. Воюцкая в своем диссертационном исследовании «Перевод как процесс принятия решений» (2021): «Принятие решений понимается в настоящей работе как “когнитивный процесс, результатом которого является выбор мнения или курса действий среди нескольких альтернативных возможностей”, а выбор – как “результатирующий акт принятия решения”» [2, с. 3].

Так как термин является единицей перевода, то это значит, что он может обуславливать его самостоятельное решение на перевод. Поэтому для достижения адекватного перевода специального текста за единицу перевода необходимо принимать не отдельный термин, а целую терминосистему как «квант переводческих решений, в отрыве от которого перевод отдельно взятого термина приводит к ошибкам» [6, с. 203].

В сферу переводов по экономике и финансам могут входить такие темы как **основные макроэкономические данные**: ВВП, инфляция и дефляция, индикаторы рынка труда, недвижимости и доверия, центральные банки; **основы валютного рынка**: устройство рынка, валютные пары, фундаментальный и технический анализ; **основы фондового и сырьевого рынка**: устройство рынков, их различия и сходства, основные инструменты, доходность и риск; **основы финансовой отчетности**: бухгалтерский баланс, отчет о прибыли и убытках, отчет о движении денежных средств; **основные финансовые показатели**: рекомендации по финансовым активам; **маркетинг**: маркетинговое исследование, маркетинговая коммуникация, современные маркетинговые технологии; **цифровая и глобальная экономика**: блокчейны, цифровые финансы, международные экономические организации и др., а также **деловая документация**: от бизнес-планов и коммерческих предложений до тендерных материалов; **финансовая документация**: перевод отчетов, инвестиционных материалов, заключений и другой экспертной документации, финансовые инструменты; **банковская документация**: перевод кредитных и залоговых договоров, а также документы, регулирующие корреспондентские отношения между банковскими учреждениями и гарантийные соглашения; **бухгалтерские материалы**: аудиторские заключения, балансы, отчеты и сметы; **страховая документация**: договора страхования, полисов и экспертных заключений; **инвестиции**: инвестиционный климат, инвестиции в производстве (модернизация), инвестиции в сфере инноваций и др.; **стратегический / управленческий консалтинг**: инструменты структурного мышления, нейроменеджмент.

Проведя анализ обширного иллюстративного материала в сфере экономики и финансов, для начала необходимо отметить всевозможные случаи, для решения которых переводчик должен иметь в виду следующее: 1) расщепление семантики терминов (появление новых смыслов в семантике слова; выявление содержательного ядра многозначного слова; использование узуального значения многозначного термина; коллокация терминов в различных окружениях и профессиональных контекстах); 2) вариативность терминов и вариативность их перевода (различия исторических и социально-культурных условий развития терминологии в разных странах ведет к межязыковой вариативности, терминологической вариативности, наличие синонимов, терминологических дублетов); 3) отсутствие в языке перевода эквивалента термину оригиналу; 4) появление предтерминов, иногда и без учета и регистрации в словарях или глоссариях; 5) язык экономических текстов метафоричен, насыщен фразеологизмами и идиомами, наличие (особенно в устной речи) сленга и жаргонизмов; 6) обилие узкоспециализированных терминов, неологизмов, аббревиатур и сокращений, далеко не все из которых можно найти в словарях. Настолько динамично развивается сфера экономики и финансов.

Приведем некоторые примеры вышесказанному. Термин *bad debt* имеет несколько значений 1) безнадежный долг, безнадежная задолженность (долг, взыскание которого не представляется возможным; 2) в банковской практике это может быть сильно просроченная ссуда, 3) в практике коммерческого предприятия – задолженность покупателя, объявленного банкротом, и т.п.). При этом этот термин имеет синонимы: *uncollectible account*, *non-accrual asset*, что усугубляет принятие оптимального решения по его переводу [5; 7].

Также не ясно содержание термин *bank run*, который имеет синонимический ряд как *run on a bank*, *bank panic*. Он означает «массовое изъятие вкладов» (массовое изъятие вкладчиками депозитов из банка в связи с сомнениями в его финансовом положении или другими событиями) [5].

Так, выражение *bottom line* имеет несколько значений как: 1) нижняя черта, итог баланс доходов и расходов; 2) чистая прибыль после налогообложения. Например: *Our objective is to grow our bottom line by about 10 per cent. Наша цель – увеличить размер чистой прибыли примерно на 10 %* [5, с. 19].

Так, в экономических текстах можно встретить слова, при переводе которых одновременно использовано два приема перевода термина: 1) через транслитерацию / транскрипцию и 2) через калькирование. Например: *bondholder* – *бондхольдер* – *держатель облигации*; *bonanza* – *бонанза* – *золотое дно*, а также здесь еще встречается перевод и через экспликацию – «*очень прибыльное предприятие// предприятие, приносящее доход*».

Достаточно много терминов переводятся через экспликацию, тем самым нарушая критерии к структуре термина (критерий краткости, однокомпонентности). Такие слова называют предтерминами, и их адаптация в ЯП и выбор переводческого решения еще не завершены. Например: *Brady Bonds* – *брэди бондз* – облигации, выпущенные в результате реструктуризации просроченного государственного долга развивающимися или слаборазвитыми странами, *a tax haven* – *налоговый рай, оффшорная зона, территория с льготным режимом налогообложения*.

А вот британское выражение *to go a bomb* (BrE) и американское *to bomb* (AmE) могут показаться на первый взгляд синонимичными, но как оказалось «*to go a bomb* означает *to be successful* “быть успешным”» [9], а вот «*to bomb* означает *to go badly* – “что-то идет не так, плохо”» [9]. Неверное, его понимание и переводческое решение приведет к неприятному инциденту на переговорах, например. Так, в газете *The Irish Independent* пишут: “*Assume you won’t meet any communication problems because you speak English. You may think you are paying somebody a compliment by telling them their business is going a bomb; Americans will infer you think it is failing*” [9].

Встречая терминологические дублеты, необходимо помнить, что они не отличаются по содержанию, но отличаются страной употребления. Например, в США (AmE) следует переводить слово «дочерная компания» как *daughter company* или *child company*, а в Великобритании (BrE) переводим как *subsidiary*; «аудитор» – *Chartered accountant* (BrE) / *certified public accountant* (AmE); также «текущий счет» – *current account* (BrE) / *checking account* (AmE); а также есть ФЕ характерные только для британского варианта (BrE): *be mean with money* – быть жадным; *carry the can* – взять на себя всю ответственность; *get the push* – быть уволенным и др. В Америке можно встретить ФЕ, которые почти не употребляются в британском варианте английского языка. Например: *do a land-office business* – иметь много клиентов, *to snow someone* – блефовать перед кем-либо и др.

Однако термины могут быть и терминологическими дублетами, но их значения отличаются от страны пребывания. Так, например, «*creditors* (BrE) “это суммы, которые организация должна выплатить поставщикам товаров и услуг”/ *accounts*

payable or payables (AmE) “это суммы, которые ещё не выплачены и которые бизнес должен за товары и услуги, купленные в кредит”» [3].

Среди профессиональных жаргонизмов в экономике можно встретить такое слово-гибрид как *a bankster* (banker + gangster), что значит «коррупцированный банкир». Слово *skint* (голяк, на мели, без гроша в кармане) – это британское жаргонное выражение следует переводить как «человек без гроша в кармане» и т.д. А в предложении «“*I am skint*” необходимо перевести как “Я – банкрот”» [7].

Благодаря метафорическому переосмыслению переводчики могут добиться адекватного перевода некоторых сленгизмов: *money-spinner* (бук. прядильщик денег) – прибыльное дело; *cube farm* – офис для индивидуальной работы, заполненный кабинками» [4]; *chainsaw consultant* (бук. консультант бензопил) – эксперт со стороны, привлечённый для сокращения численности сотрудников, при этом «оставляя руки руководства чистыми» [4].

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что, во-первых, полученные результаты могут повысить эффективность переводческой рефлексии; во-вторых, обеспечить более качественное, обдуманное принятие решений и выбор в переводе, в частности в сфере экономики и финансов, в-третьих, дать обоснования необходимости выработки критериев выбора переводческого решения в условиях существования вариативных способов перевода.

Список использованных источников

1. Воюцкая, А. А. В поисках единицы перевода: функционирование единицы перевода как единицы принятия решения / А. А. Воюцкая // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2022. – Т. 4. – № 1. – С. 6–15. – URL: <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-6-15> (дата обращения: 17.03.2025).
2. Воюцкая, А. А. Перевод как процесс принятия решений : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воюцкая Александра Анатольевна ; ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». – Москва, 2021. – 277 с. – URL: <https://www.disscat.com/content/perevod-kak-protsess-prinyatiya-reshenii> (дата обращения: 17.03.2025).
3. Зеленцова, М. Г. Фразеология и идиоматика англоязычного экономического дискурса: проблемы перевода / М. Г. Зеленцова, А. Т. Козлова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы III международной научно-практической конференции, Симферополь, 25–27 апреля 2019 года. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. – С. 124–129.
4. Зеленцова, М. Г. Особенности терминологической номинации в англоязычном экономическом дискурсе: от понимания к переводу / М. Г. Зеленцова, А. Т. Козлова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : Материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 года / гл. ред. М. В. Норец. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2017. – С. 129–134.
5. Русина, Ю. Н. Краткий англо-русский словарь финансово-экономических терминов с пояснениями / Ю. Н. Русина. – Пинск : ПолесГУ, 2015. – 85 с.
6. Чистова, Е. В. Терминосистема как единица перевода / Е. В. Чистова // Филологические науки. Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 7 (25) : в 2-х ч. Ч. II. – С. 201–204.
7. Английский для экономистов. – URL: <https://englex.ru/english-for-economists/> (дата обращения: 17.03.2025).

8. Levý, J. Translation as a decision process. Scientia Traductionis [Electronic Resource] / J. Levý, G. Althoff, C. Vidal. – 2012. – No. 11, P. 72–96. – URL: <https://doi.org/10.5007/1980-4237.2012n11p72>. (Access date: 17.03.2025).
9. Mascull, B. Business Vocabulary in Use, Advanced. Third ed-n / Bill Mascull. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017.

УДК 81.25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АВТОРСКОЙ МЕТАФОРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЙН РЭНД)

Е. С. Иванникова,

*старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. Перевод художественных текстов – один из самых сложных и интересных аспектов переводоведения. Этот вид перевода тесно связан с переводом различных стилистических выразительных средств, которые делают текст ярким, запоминающимся и уникальным. Одним из таких выразительных средств считаются метафоры.

Ключевые слова: метафора, теория перевода, литературные произведения, добавление, опущение, функциональная замена, перевод, образ.

Summary. The translation of literary texts is one of the most difficult and interesting aspects of translation studies. This type of translation is closely related to the translation of various stylistic expressive means that make the text vivid, memorable and unique. Metaphors are considered to be one of these expressive means.

Key words: metaphor, theory of translation, literary works, addition, omission, functional replacement, translation, image.

Метафоры – это универсальное явление, потому что они существуют во всех языках: в английском (*a mindgame*), в русском (*брачные узы*), в казахском (*эгийз козыдай*) и т.д. Они являются ценным источником информации и показателем развития языка, культуры и речи. Согласно П. Ньюмарку, метафора – это «применение слова или словосочетания к тому, что оно не обозначает буквально, то есть для описания одной вещи в терминах другой» [6, с. 44]. Существует множество различных классификаций метафор. Одна из наиболее полных и всеобъемлющих классификаций принадлежит П. Ньюмарку, поскольку она полностью передает все особенности метафор. Питер Ньюмарк предложил классификацию метафор, которая включает шесть типов [6, с. 74].:

1. **Стертые метафоры** (dead). Их фигуральный характер уже не ощущается, чаще встречаются при описании времени и пространства, географических объектов, деятельности людей [6, с. 41].
2. **Метафоры-клише** (cliche). Несколько потеряли свою эстетическую составляющую и всё чаще используются лишь в коннотативной функции, чтобы яснее выразить свою мысль.
3. **Общая метафора** (stock). Является эффективным способом описания конкретного или абстрактного понятия, которая оказывает эмоциональное воздействие на читателя.
4. **Адаптированная метафора** (adapted). Автор советует максимально адаптировать её при переводе под носителей языка.
5. **«Недавняя» метафора** (recent). Метафорические неологизмы, многие из которых «анонимны» и широко распространены в языке оригинала.

6. Оригинальная метафора (original). Индивидуально-авторские метафоры, которые не распространены в общем употреблении [6, с. 44].

Стертые метафоры обычно фиксируются в словарях. В произведениях Айн Рэнд такие метафоры встречаются редко, так как её стиль отличается оригинальностью и глубоким символизмом. Однако в её романах можно найти некоторые выражения, которые могут быть интерпретированы как стёртые метафоры, особенно если рассматривать их в контексте традиционных литературных или культурных шаблонов. Вот примеры таких метафор в её ключевых произведениях: «Гимн», «Мы живые», «Источник» и «Атлант расправил плечи».

В произведении «Гимн» – “But what is the road if not a light in the darkness” [5, с. 67]. «Свет» функционирует как стёртая метафора познания. Хотя свет в произведении «Гимн» имеет глубокий символический смысл, сам образ света как символа знания и истины является довольно распространённой стёртой метафорой. Однако Айн Рэнд придаёт этому образу новый смысл, связывая его с индивидуальностью и свободой. «Тьма» “darkness as an absolute symbol of ignorance, oppression, and collectivism” [5, с. 37] – функционирует как стёртая метафора невежества. Айн Рэнд связывает «физическую темноту» туннеля с «интеллектуальной темнотой» коллективистского общества “The walls are cracked and water runs upon them in thin threads without sound, black and glistening as blood. We crawled through a narrow cleft in the rock, and we breathed stale air, and the light of our torch flickered and died. But we went on, for we knew that this place was ours and ours alone” [5, с. 54]. Противопоставление света и тьмы – это классическая стёртая метафора, которую Рэнд использует для передачи борьбы между знанием, невежеством и подавлением.

В произведении «Мы живые» – “Marx’s Workers of the world, throw off your chains in prison imagery!” [4, с. 144]. «Тюрьма» является стёртой метафорой тоталитаризма. Образ тюрьмы для описания тоталитарного режима – это распространённая стёртая метафора, которую Рэнд использует, чтобы подчеркнуть отсутствие свободы в советском обществе. Однако она наполняет этот образ глубоким философским смыслом, связывая его с подавлением индивидуальности. “Love as a worn-out metaphor for rebellion” [4, с. 250]. Использование любви как символа сопротивления системе – это довольно распространённый литературный приём. В произведении «Мы живые» Айн Рэнд адаптирует это клише, чтобы показать, как чувства могут стать последним оплотом свободы.

Метафоры-клише в произведениях Айн Рэнд используются редко, так как её стиль и философия направлены на оригинальность, индивидуальность и глубокий символизм. Однако в её романах можно найти некоторые выражения, которые могут быть интерпретированы как клише, особенно если рассматривать их в контексте традиционных литературных или культурных шаблонов. Вот примеры таких метафор-клише в её ключевых произведениях.

«Атлант» как метафора опоры. “Atlases carrying the world” [2, с. 211]. Использование образа Атланта, держащего мир на своих плечах – это классическое клише, которое Айн Рэнд адаптирует для передачи идеи о том, что создатели и изобретатели являются опорой общества.

«Забастовка» как метафора сопротивления. “The geniuses disappearing into Galt’s Gulch as a strike of mind” [2, с. 331]. Использование забастовки как символа борьбы за справедливость – это классическое клише, которое Рэнд наполняет новым смыслом, связывая его с идеей сопротивления эксплуатации.

Хотя Айн Рэнд редко использует метафоры-клише в их традиционном понимании, она адаптирует классические образы и символы, чтобы передать свои философские идеи. Эти метафоры, даже если они кажутся клишированными, всегда

наполнены глубоким смыслом и служат для раскрытия ключевых тем её произведений: борьбы за индивидуальность, свободу и сопротивление системе.

Общая метафора, которая объединяет произведения Айн Рэнд – «Гимн», «Мы живые», «Источник» и «Атлант расправил плечи», – это борьба за индивидуальность и свободу в мире, где их подавляют. Эта метафора раскрывается через различные образы и символы в каждом из произведений, но всегда остаётся центральной для философии Рэнд. В произведении «Гимн» свет, который открывает главный герой, становится символом познания, свободы и пробуждения индивидуальности. В мире, где царит тьма коллективизма, свет олицетворяет надежду на освобождение и возвращение к человеческому «Я». «Мы» как метафора подавления. Общество, где люди называют себя «Мы», становится метафорой полного уничтожения индивидуальности. Борьба Равенства за своё «Я» – это борьба за свободу в мире, где личность растворена в коллективе. «Stone» как метафора несокрушимости. Камень, который Рорк добывает в карьере, символизирует его несокрушимую волю и независимость. Это метафора борьбы за свободу в мире, где общество пытается сломить индивидуальность.

Адаптированные метафоры в произведениях Айн Рэнд – это те образы и символы, которые она заимствовала из мировой культуры, истории, мифологии или литературы, но переосмыслила и встроила в свои произведения для передачи собственных философских идей. Эти метафоры помогают ей раскрыть темы индивидуальности, свободы, творчества и сопротивления системе. «Prometheus» как адаптированная метафора. Главный герой, Равенство 7-2521, выбирает себе имя «Prometheus», что отсылает к древнегреческому мифу о титане, который подарил людям огонь и был наказан за это. В романе Прометей становится метафорой человека, который приносит свет (знание и свободу) в мир тьмы (коллективизма и подавления). «We created it. We brought it from the night of the ages» [5, с. 77]. Равенство 7-2521 тайно изобретает электрическую лампу, нарушая запрет Совета. «Свет» – это символ разума, запрещенного тоталитарным обществом. Айн Рэнд адаптирует этот образ, чтобы подчеркнуть борьбу за индивидуальность и познание.

В проведении «Атлант расправил плечи» Атлант – это созидатели, гении и предприниматели, которые «держат мир» своим трудом, пока остальные паразитируют на них. В мифологии Атлант не может освободиться, наказанный Зевсом, он обречен вечно держать на плечах небесный свод. В произведении «Атлант расправил плечи» предприниматели Голт, Реарден и Дагни сознательно сбрасывают груз, парализуя общество, которое их эксплуатирует “If you see Atlas standing with his muscles tense, holding the world on his shoulders, if you want him to continue standing - what do you say to him?.. STOP!” [2, с. 267].

Адаптированные метафоры в произведениях Айн Рэнд – это мощный инструмент для передачи её философских идей. Они позволяют ей соединить классические образы с современными (для её времени) проблемами, создавая универсальные и запоминающиеся символы. Эти метафоры делают её произведения не только глубокими, но и доступными для широкой аудитории.

В романе Айн Рэнд «Гимн», написанном в 1937 году, все метафоры и символика связаны с контекстом произведения и его антиутопическим миром. Однако, если говорить о «недавней метафоре» в современном прочтении, можно интерпретировать некоторые элементы романа в свете актуальных сегодня тем, таких как технологический прогресс, свобода личности и сопротивление тоталитаризму. Пример «недавней метафоры»: “Electric light as a technological freedom” [5, с. 67] в современном контексте открытие электрического света Равенством 7-2521 можно рассматривать как метафору «технологического прогресса и его роли в освобождении человека» [5, с. 66]. Сегодня технологии часто воспринимаются как инструмент, который может либо угнетать, либо освобождать человека. В романе свет становится символом не только

индивидуальности, но и технологического прорыва, который общество пытается подавить. Это можно сравнить с современными дебатами о контроле над технологиями, цензуре в интернете и использовании инноваций для подавления свободы.

В романе Айн Рэнд «Гимн» оригинальные метафоры играют ключевую роль в раскрытии философских идей автора. Они помогают передать борьбу за индивидуальность, свободу и познание в мире, где коллективизм и подавление личности доведены до абсолюта. Вот несколько примеров оригинальных метафор из произведения: “What happened in the cave?” Пещера функционирует как метафора свободы. Иронично, что пещера, место, которое обычно ассоциируется с заточением, в романе становится пространством свободы для Равенства 7-2521. Там он может думать, экспериментировать и быть собой, вдали от контроля общества. Это оригинальная метафора, которая переворачивает традиционные представления о свободе и заключении “This place was from the past... We found strange devices here, manuscripts that spoke of things we did not understand” [5, с. 37].

Оригинальные метафоры в романе «Гимн» помогают Айн Рэнд передать ключевые идеи о важности индивидуальности, свободы и познания. Они создают яркий образ мира, где подавление личности доведено до крайности, и показывают, как человек может преодолеть эту систему через осознание своего «Я».

При переводе метафор переводчик может прибегать к различным видам переводческих приемов. Одна из наиболее полных классификаций принадлежит Н. И. Борковцу [1]. Эта классификация включает буквальный перевод, эквивалентный перевод, описательный перевод, переводческие трансформации, компенсацию, нейтрализацию. Буквальный перевод используется при создании буквального эквивалента на языке перевода. Эквивалентный перевод означает, что переводчик пытается найти эквивалент на языке перевода. Описательный перевод означает лексическую замену с использованием дополнительных пояснений, сравнений и описаний. Переводческая трансформация – это замена исходного метафорического образа образом, принятым в языке перевода. Компенсация применяется, когда переводчик решает передать какие-либо языковые единицы, присутствующие в языке оригинала, с помощью других единиц. Меняется способ выражения, но смысл остается прежним. Нейтрализация метафоры используется реже и нежелательна, поскольку в этом случае теряется смысл метафоры и ее оригинальность. Проблемы при переводе метафор возникают из-за того, что переводчику приходится сталкиваться с проблемой перевода культурных особенностей, отраженных в структуре самой метафоры. Переводчик должен учитывать, как культуру исходного языка, так и культуру перевода.

Айн Рэнд, известная своими философскими романами, часто использует метафоры для выражения своих идей. Вот буквальные переводы некоторых метафор из её произведений: «Light»: В буквальном смысле это может быть просто «свет», но в контексте романа он символизирует знание и индивидуальное сознание. «We»: Буквально это местоимение, но в романе оно используется для обозначения коллективизма, где индивидуальность подавляется. «Life» Символ свободы, стремления к самореализации и борьбы за свои идеалы в условиях тоталитарного режима. В романе «life» – это не просто существование, а борьба за право быть собой. В произведениях Айн Рэнд, где метафоры часто несут глубокий философский смысл, нейтрализация может быть использована для упрощения текста без потери основного содержания.

Перевод метафор – чрезвычайно сложное явление, требующее детального анализа языковых средств автора, подбора таких приемов перевода, которые позволят передать не только смысл самого произведения, но и уникальность стиля авторского

текста. Мы рассмотрели основные характеристики метафор и проблемы, возникающие в процессе их перевода.

Список использованных источников

1. Борковец, Н. И. Техническая метафора в художественном тексте (на материале произведений немецких писателей 30-40-х гг. XX в.) / Н. И. Борковец // Вестник Академии российских энциклопедий. – Челябинск, 2001. – С. 82–86.
2. Mayhew, R. Essays on A. Rand's *Atlas Shrugged* / R. Mayhew // Lexington Books. – 2009. – 516 p.
3. Mayhew, R. Essays on A. Rand's *The Fountainhead* / R. Mayhew // Lexington Books. – 2007. – 349 p.
4. Mayhew, R. Essays on A. Rand's *We the Living* / R. Mayhew // Lexington Books. – 2004. – 369 p.
5. Mayhew, R. Essays on A. Rand's *Anthem* / R. Mayhew // Lexington Books. – 2004. – 114 p.
6. Newmark, P. Approaches to translation / P. Newmark. – Oxford : Pergamon Press, 1981. – 200 p.

УДК 81-119

АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ МАНИПУЛЯЦИИ В ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА

М. Ю. Лукинова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Цель статьи: проанализировать лингвистические и риторические средства, использованные в речи, чтобы повлиять на общественное восприятие. Статья посвящена исследованию актуальной на сегодняшний день проблемы речевой манипуляции в политическом дискурсе. В работе приведен анализ текста инаугурационной речи американского президента Д. Трампа с точки зрения ее принадлежности к политическому дискурсу в плане речевого воздействия в целом и манипулятивного воздействия в частности. Для достижения этой задачи с помощью герменевтического подхода и сопоставления конкретные примеры соотносятся с речевыми стратегиями. Рассматриваются основные манипулятивные стратегии и тактики. В результате анализа материала автор делает вывод о лингвистических и риторических стратегиях Д. Трампа с точки зрения речевой манипуляции.

Ключевые слова: манипулятивное воздействие, лингвистическая стратегия, риторическая стратегия, коммуникативная цель, политика, политический дискурс.

Summary. The purpose of the article is to analyze the linguistic and rhetorical means used in speech to influence public perception. The article is devoted to the study of the current problem of speech manipulation in political discourse. The paper analyzes the text of the inaugural speech of the American President D. Trump in terms of its belonging to political discourse in terms of speech impact in general and manipulative impact in particular. In order to achieve this task, specific examples are correlated with speech strategies by means of hermeneutic approach and correlation. The main manipulative strategies and tactics are considered. As a result of analyzing the material, the author makes a conclusion about D. Trump's linguistic and rhetorical strategies from the point of view of speech manipulation.

Key words: manipulative influence, linguistic strategy, rhetorical strategy, communicative purpose, politics, political discourse.

В современном мире наблюдается необратимый процесс внедрения политики в повседневную жизнь человека в связи с развитием информационной эры, что оказывает, как и положительное, так и отрицательное психологическое воздействие на человека. Такое воздействие на человека можно охарактеризовать манипулятивным, поскольку сам человек как составная единица общества является объектом, который поневоле подвергается информационным потокам благодаря медиа. СМИ выступает платформой психологического воздействия от субъектов, а именно от политических деятелей, и является фокусом исследований многих лингвистов, социологов и других подобных профессий.

Человек как социальное звено не может избежать политических вопросов, как бы он этого не хотел. При всем желании, находясь в социуме, это невозможно, поскольку большая часть информации исходит от социальных сетей. В наше время практически каждый человек зарегистрирован на разных медийных порталах и проводит как минимум два часа в сутки за скроллингом ленты.

Таким образом, в политическом дискурсе можно выделить три связующие: субъект в лице политического деятеля, объект – общество, медиа – рабочий инструмент. Все три компонента взаимосвязаны и не являются односторонним процессом, поскольку в любом случае каждый из выделенных компонентов всегда получают обратную связь. Прежде чем прийти к консенсусу, необходимо раскрыть сами понятия «политика», «политический дискурс», «дискурс», «манипуляция».

Политика определяется как: «1) сфера деятельности, связанная с отношениями между социальными группами и государствами, основным содержанием которой является проблема завоевания, утверждения и использования государственной власти; 2) участие в делах государства, определяющее форму, задачи, содержание его деятельности; 3) процесс управления общественными делами; 4) вопросы и события общественной государственной жизни; 5) наука и искусство поиска оптимального способа решения социальных проблем; 6) все виды деятельности, связанные с руководством в какой-либо социальной сфере» [1].

Для осуществления политической деятельности в социуме используется коммуникативный ресурс, что показывает неделимую связь с лингвистикой.

Далее, в толковом переводческом словаре понятие дискурса также раскрывает лингво-политическую взаимосвязь, установив, что дискурс – это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [2]. Следовательно, политический дискурс является одним из направлений дискурса для реализаций социо-идеологических целей, прибегнув к ораторскому искусству. Оценка восприятия речи зависит от правильной формулировки и анализа возрастного ценза и психологического состояния слушателя. Коммуникатор должен вызывать доверие у оппонента так, чтобы сам человек был заинтересован в информации, а сам поднятый вопрос должен быть актуальным, чтобы процесс внушения был добровольным. В таком случае выступление будет успешным, если сам оратор будет выслушан. Политик должен обладать умением выражать свои мысли логически, быть определенным в своих высказываниях и быть гибким во время стрессовых ситуаций. Так, он сможет удержать внимание слушателя до конца и оказать влияние на сознание человека.

По сути, политический язык является одним из самых искусных «манипуляторов» электоратом, без которого существование политической рекламы как качественного продукта на политическом рынке было бы совершенно невозможно. Политическая реклама является основным методом манипуляции для радикального влияния на большие массы людей.

Е. О. Опарина отмечает, что в жизни современного общества политическая коммуникация выполняет важную функцию. По политическим выступлениям мы судим о направлениях в развитии международных отношений, о приоритетах политиков в различных сферах социально-политической жизни, а также о предпочтениях избирателей [3, с. 367].

Рассмотрим лингвистические и риторические стратегии в инаугурационной речи Дональда Трампа от 20 января 2025 г. Вслед за Е. О. Опариной особенности языка Дональда Трампа «рассматриваются как выражение сформировавшейся у него системы представлений о «стране и мире», о потребностях избирателей, о «правильном» пути и о собственной миссии. Эта специфика формирует композиционные и содержательные признаки его выступлений, а также, не в последнюю очередь, его словарь и лингвостилистические свойства» [3]. Цель инаугурационной речи – изложить свое видение, объединить страну, рассмотреть ключевые политические вопросы. Риторика Трампа, соответствует его фирменному популистскому стилю, подчеркивая такие темы, как «Америка прежде всего», национальный суверенитет, экономическое возрождение и критика политического истеблишмента, позиционирование себя как лидера, борющегося за «простых американцев» против воспринимаемой элиты.

Лингвистические стратегии

1. Простота и доступность языка:

– Короткие, запоминающиеся фразы и лозунги: *“And our top priority will be to create a nation that is proud, prosperous, and free. The American dream will soon be back and thriving like never before”* [4].

– Разговорный стиль с минимумом сложной терминологии, что делает речь понятной для широкой аудитории: *“But as you see today, here I am. The American people have spoken”* [4].

– Использование просторечий и идиом для создания эффекта близости к «простому народу»: *“I will end the practice of catch and release”* [4].

2. Бинарные оппозиции:

– Активное использование местоимений «мы» и «наш» для сплочения аудитории: *“Our liberties and our nation’s glorious destiny will no longer be denied. And we will immediately restore the integrity, competency, and loyalty of America’s government”* [4].

3. Повторы:

– Повтор ключевых слов или фраз для усиления сообщения (например, «величие», «безопасность», «победа»).

– Анафора (повтор в начале предложений): *“Our sovereignty will be reclaimed. Our safety will be restored”* [4].

4. Гиперболизация:

– Преувеличение масштабов проблем («самый страшный кризис в истории») или успехов («невероятные достижения»): *“We now have a government that cannot manage even a simple crisis at home while, at the same time, stumbling into a continuing catalogue of catastrophic events abroad”* [4].

– Использование абсолютных формулировок («никогда», «всегда», «каждый»): *“We will be the envy of every nation, and we will not allow ourselves to be taken advantage of any longer”* [4].

5. Конкретные примеры и истории:

– Упоминание отдельных случаев для эмоционального воздействия: *“Just a few months ago, in a beautiful Pennsylvania field, an assassin’s bullet ripped through my ear. Today is Martin Luther King Day. And his honor – this will be a great honor. But in his honor, we will strive together to make his dream a reality”* [4].

Риторические стратегии

1. Эмоциональные апелляции:

- **Страх:** указание на внешние/внутренние угрозы (иммиграция, экономический спад, потеря традиционных ценностей): *“For many years, a radical and corrupt establishment has extracted power and wealth from our citizens while the pillars of our society lay broken and seemingly in complete disrepair”* [4].
- **Надежда:** обещание быстрых решений и светлого будущего: *“From this day forward, our country will flourish and be respected again all over the world. We will be the envy of every nation, and we will not allow ourselves to be taken advantage of any longer”* [4].
- **Гнев:** критика оппонентов, СМИ, «глубинного государства»: *“For many years, a radical and corrupt establishment has extracted power and wealth from our citizens while the pillars of our society lay broken and seemingly in complete disrepair”* [4].

2. Популистские элементы:

- Апелляция к «народу» против «коррупцированных элит».
- Упрощение сложных проблем до бинарного выбора («хорошо vs плохо», использование риторики «мы против них», деление аудитории на сторонников и противников): *“Our country can no longer deliver basic services in times of emergency, as recently shown by the wonderful people of North Carolina – who have been treated so badly – (applause) – and other states who are still suffering from a hurricane that took place many months ago or, more recently, Los Angeles, where we are watching fires still tragically burn from weeks ago without even a token of defense”* [4].

3. Структура нарратива:

- **Прошлое:** описание упадка или ошибок предыдущих администраций: *“We have a government that has given unlimited funding to the defense of foreign borders but refuses to defend American borders or, more importantly, its own people”* [4].
- **Настоящее:** акцент на текущих угрозах: *“But first, we must be honest about the challenges we face. While they are plentiful, they will be annihilated by this great momentum that the world is now witnessing in the United States of America”* [4].
- **Будущее:** видение преобразований под своим руководством.

4. Антитеза:

- Противопоставление «хаоса» прошлого и «порядка» будущего («Раньше было разрушение, теперь будет процветание»): *“My recent election is a mandate to completely and totally reverse a horrible betrayal and all of these many betrayals that have taken place and to give the people back their faith, their wealth, their democracy, and, indeed, their freedom”* [4].

5. Использование этоса (авторитета):

- Упоминание личных достижений: *“Like in 2017, we will again build the strongest military the world has ever seen. We will measure our success not only by the battles we win but also by the wars that we end – and perhaps most importantly, the wars we never get into”* [4].
- Подчеркивание роли «сильного лидера», способного на решительные действия: *“Under my leadership, we will restore fair, equal, and impartial justice under the constitutional rule of law. My proudest legacy will be that of a peacemaker and unifier. That’s what I want to be: a peacemaker and a unifier”* [4].

6. Сарказм и юмор:

- Критика оппонентов через иронию: *“They (fires) are raging through the houses and communities, even affecting some of the wealthiest and most powerful individuals in our country – some of whom are sitting here right now. They don’t have a home any longer. That’s interesting. But we can’t let this happen”* [4].

– Разговорные шутки для установления контакта с аудиторией: “*Never again will the immense power of the state be weaponized to persecute political opponents – something I know something about*” (Laughter) [4].

Цель стратегий:

- **Мобилизация базы:** усиление поддержки среди лояльных сторонников.
- **Демонизация оппонентов:** создание образа общего врага.
- **Упрощение сложных вопросов:** для быстрого восприятия и запоминания.
- **Создание образа решительного лидера:** через уверенность и прямолинейность.

Эти стратегии направлены на максимизацию эмоционального отклика и укрепление связи с аудиторией, что характерно для популистской риторики Трампа. Колеблясь между страхом и надеждой, Трамп создает речь, которая эмоционально манипулирует аудиторией, представляя свою программу как единственный путь к спасению. Эта стратегия не только заряжает энергией его базу, но и подавляет инакомыслие, укрепляя его представление о нации, которая вечно находится на грани и нуждается в его руководстве, чтобы выжить и процветать. Пример подобной речи отражает современные тенденции в политическом дискурсе, которые диктуются трансформацией культуры и мышления и проявляются в языковом вкусе политиков и их избирателей.

Список использованных источников

1. Словарник. – URL: https://www.slovarnik.ru/html_tsot/p/politika.html (дата обращения: 06.03.2025).
2. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Язык. Познание. Коммуникация. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 5–11.
3. Опарина, Е. О. Дональд Трамп: Речевой портрет политика / Е. О. Опарина, М. Б. Раренко // Феномен Трампа : монография ; под ред. А. В. Кузнецова. – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – С. 367–384.
4. Donald Trump's Second Inaugural Address [Electronic Resource]. – Access mode: https://en.wikisource.org/wiki/Donald_Trump%27s_Second_Inaugural_Address (Access date: 06.03.2025).

УДК 88.12

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА**

Е. Б. Мартынюк,

*старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Слоган как структурный элемент рекламного текста представляет собой наибольшую трудность для переводчика, так как подлежит не только прагматической адаптации, но должен сохранить свою лаконичность, фонетический рисунок, ритм и другие характеристики. В статье рассмотрены различные приемы, использованные при переводе английских рекламных слоганов на русский язык.

Ключевые слова: слоган, перевод, методы перевода, переводческие трансформации, рекламный текст.

Summary. Slogan as a structural element of advertising text presents the major problem for a translator because it needs not only to be transcreated but also should save its

brevity, phonetic sounding, rhythm and other properties. Different methods used in translation of English advertising slogans into the Russian language are examined in this article.

Key words: slogan, translation, methods of translation, translation transformations, advertising text.

Реклама является неотъемлемым атрибутом любой предпринимательской деятельности, выполняя огромную роль в продвижении товаров на рынке. Основные структурные элементы, которые почти всегда используются в рекламном тексте, это: заголовок, основной текст и рекламный слоган. Причем, рекламный слоган является одним из важнейших компонентов, оказывая значительное влияние на потребителя.

Слоган определяется как «спрессованная до формулы суть рекламной концепции, доведенная до лингвистического совершенствования запоминающаяся мысль» [2, с. 367]. Слоган должен вызывать устойчивую ассоциацию с рекламируемым товаром и наоборот, т.е. слоган выделяет фирму и ее продукцию среди конкурентов [13, с. 106]. Иногда весь рекламный текст состоит из рекламируемого собственного имени и сопровождающего его слогана.

Основные требования к слогану – «краткость, запоминаемость, наличие торговой марки и переводимость на другие языки. Многие компании пренебрегают последним требованием, в связи с чем возникают курьёзные случаи перевода или необходимость создания абсолютно нового слогана для определённой страны» [7].

Язык рекламных слоганов характеризуется рядом специфических особенностей. К числу основных лингвистических особенностей рекламных слоганов относят: их краткость и лаконичность; использование рифмы, аллитерации и других фонетических приемов для создания запоминающегося эффекта; игра слов (каламбур); использование грамматических и синтаксических особенностей, таких как вопросительные и восклицательные конструкции, эллипсис; а также культурные и социальные отсылки, например связь с ценностями и традициями целевой аудитории [1, с. 300].

Структурно в слогане можно выделить информативную и эмоциональную составляющие [11]. Информация, представленная в слогане, может затрагивать разные характеристики товара. Это может быть тип рекламного объекта: *Carlsberg – probably the best beer in the world*; отличительное качество товара: *Satellite and GSM combined. At least you may be truly mobile*; адресат продукции: *Libero – the best friend of your child*; эффективность использования: *You can. Cannon*.

Основная цель слогана – привлечение внимания к рекламируемому объекту – осуществляется за счет эмоциональной составляющей, и для ее создания используется целый набор средств выразительности. Образность, экспрессивность и эмоциональность создаются за счет использования лексики, обладающей обилием значений; использования стилистически окрашенных слов (окационализмы, архаизмы, термины и т. д.); широкого употребления идиом [6; 12].

Использование таких стилистических средств придает рекламному слогану оригинальность, делает его более ярким, а следовательно, запоминающимся и заметным: метафора: *Where money lives (CITYBANK)*; метонимия: *Be a Pepper! (Dr. Pepper Soft Drink)*; повтор: *The future's bright, the future's Orange! (Orange)*; зевгма: *Have a Coke and a smile! (Coca-Cola)*; эпитеты: *Engineered to a higher standard – the human standard. The new Lexus experience amazing*; неологизмы: *Grab a Snickers! – Проголодался? Сникерсни! (Snickers)* [4; 10]. Важными просодическими характеристиками слогана, повышающими экспрессивность рекламного текста, являются фонетический и ритмический повтор: *Eye it, try it, buy it (Chevrolet)*.

Касаясь грамматических особенностей слоганов, в частности, анализируя частотность употребления частей речи, следует отметить преимущественное использование глаголов (*get, buy, try, see, open, love, come*). Это объяснимо, так как коммуникативной задачей рекламного слогана является призыв к действию, и именно

глагол выполняет эту задачу. Причем, употребление глаголов в повелительном наклонении свойственно и русскоязычной рекламе, однако «дословный перевод таких глаголов, как *have, be, like, love* и т.д., не звучит адекватно, поэтому переводчику приходится прибегать к замене, которая помогла бы сохранить денотативное значение» [9, с. 76]. Примером такого перевода служит рекламный слоган *Kit Kat: Have a break, have a Kit Kat*, – *Есть перерыв, есть Kit Kat* [9, с. 76]. Также повелительное наклонение зачастую встроено в структуру повествовательного или вопросительного предложения благодаря чему текст приобретает рекомендательный характер: *Wouldn't you rather have a Buick?* (*Buick*) [8, с. 97–98].

Использование личных и притяжательных местоимений в тексте рекламного слогана создают атмосферу непринужденности, дружеского разговора. Непосредственная адресованность потребителю выражается через использование местоимений *you (your)*: *What's coming into view is a better partner for you* (*Chevron Texaco*). Реже используются местоимения *I, we (my, our)*, которые могут относиться как к адресату рекламы, так и хозяину продукта: *We love to see you smile* (*McDONALDS*); *I'd walk a mile for Camel*.

Что касается синтаксических особенностей рекламных слоганов, следует отметить, что подавляющее большинство слоганов – простые предложения. Это объясняется стремлением слогана к краткости, иногда он представлен словосочетанием или даже одним словом: *Boundless* (*AT&T*); *The spirit of travel* (*LUIS VUITON*). Сложные предложения встречаются намного реже: *So easy to use, no wonder we are the world's No.1* (*AOL*). Часто используются эллиптические конструкции: *Can't break it. Can't break in* (*Oracle*), в этом случае происходит стилизация слогана под разговорную речь. Также довольно частотными являются:

- риторический вопрос, риторическое обращение, риторическое восклицание – *Will you be on the list?* (*Best Inventions Competition*); *Let's walk together!* (*Child Fund.org*);
- синтаксические повторы – *Pinch salt, not yourself. On second thought, maybe you do need that pinch* (*IKEA*);
- инверсия – *Engineered to a higher standard – the human standard. The new Lexus experience amazing* [4].

Прагматический аспект рекламных слоганов связан с воздействием на аудиторию и направленностью рекламного текста на выполнение определённых целей. К числу основных прагматических аспектов рекламных слоганов представляется возможным отнести следующие: использование убеждения и призыв к действию, для чего употребляются императивы и различные мотивационные фразы; создание положительного образа бренда, т.е. ассоциации его с качеством, надежностью, инновациями; адаптация к целевой аудитории: причем необходим учет возраста, пола, социального статуса и культурных особенностей потребителей.

Если в языке оригинала слоган призван вызывать определенные эмоции, то по причине «социальных и культурных различий стран языка оригинала и языка перевода дословный перевод слогана может не иметь того коммерческого успеха, который он мог бы вызвать на языке оригинала» [9]. В этом случае дословный адекватный перевод рекламного текста, который был бы доступен пониманию иноязычных потребителей, практически невозможен. Именно это обуславливает необходимость прагматической адаптации англоязычной рекламы при переводе ее на русский язык и наоборот.

Адекватный перевод предусматривает не только сопоставление с каждой единицей языка соответствующей единицы другого языка, но и ее замену, если дословный перевод не может полностью передать смысл высказывания. И поскольку данный вид текста носит ярко выраженную коммуникативную направленность, «надо переводить дух и контекст рекламного сообщения, а не просто слова» [3, с. 256].

Знание и понимание специфических характеристик рекламных слоганов определяет способность адекватно их переводить. Перевод рекламного текста может быть довольно стандартен и для достижения адекватности переводчику иногда достаточно использования переводческих соответствий или переводческих трансформаций, таких, как модуляция: *The legend rolls on. – Легенда на колесах (Harley-Davidson)*; конкретизация: *Let's make things better. – Изменим жизнь к лучшему (Philips)*; генерализация: *Carlsberg – probably the best lager in the world. – Carlsberg – пожалуй, лучшее пиво в мире*; антонимический перевод: *It's a Skoda. Honest. – Шкода. Без обмана* [3; 7].

Также используются такие приемы как: замена: *Inspired by babies. Created by Pampers. – Малыши вдохновляют. Pampers создает*; добавление: *Thomas. Made in Germany. – Обрати внимание – сделано в Германии. Das ist Thomas*; приём целостного преобразования: *Maybe she's born with it, Maybe it's Maybelline. – Все в восторге от тебя, а ты от Maybelline* [9].

Как известно, существует несколько основных подходов к пониманию переводческой эквивалентности. По мнению Г. А. Николенко и И. А. Гулаковой [12], наиболее эффективно выполнять перевод рекламного сообщения в соответствии с концепцией динамической (или функциональной) эквивалентности. Понятие динамической эквивалентности введено в лингвистику ученым Ю. Найдой [цит. по 1, с. 144], который предложил устанавливать полноценность перевода не путем сравнения исходного текста с текстом перевода, а путем сопоставления реакции получателя переводного текста и получателя текста на исходном языке. Сила воздействия, экспрессия, «способность вызвать строго определенную ответную реакцию у реципиента будут признаками правильной передачи рекламного слогана на языке перевода» [6, с. 75].

Таким образом, перевод рекламных слоганов является одним из самых сложных видов перевода. Дословный перевод рекламных слоганов, коротких, запоминающихся высказываний, насыщенных выразительными средствами, в силу их специфики без потери экспрессивности практически невозможен. Чтобы добиться необходимого эффекта при переводе коммерческой рекламы, как правило, требуется осуществлять прагматическую адаптацию текста.

«Вычленение характерных особенностей языка рекламного слогана, понимание их воздействия на рациональную и эмоциональную сферы сознания потребителя и затем устранение языкового и культурно-этнического барьера между коммуникантами – вот этапы процесса перевода рекламных текстов» [5, с. 134]. Необходимо спрогнозировать реакцию рядового потребителя рекламы на текст сообщения на языке перевода. Этот прогноз опирается не только на знание исходного и переводящего языков, но и на знание особенностей национальной психологии, различий в культурно-исторических традициях, знание реалий.

Список использованных источников

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учебное пособие для студентов филол. и лингвист. фак. вузов / И. С. Алексеева. – Москва : Академия ; Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 352 с.
2. Бобров, В. Б. Англо-русский словарь по рекламе и маркетингу: Около 40000 терминов / В. Б. Бобров. – Москва : Руссо ; Живой язык, 2004. – 752 с.
3. Головлева, Е. Л. Основы рекламы / Е. Л. Головлева. – Москва : Моск. гуманитарный ин-ут ; Ростов-на-Дону : Изд-во «Феникс», 2005. – 322 с.
4. Ефимов, Д. К. Лингвистические особенности рекламных слоганов и их перевод (на материале журнала «Time» за 2021 г.) / Д. К. Ефимов // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2(2). – URL: <https://uzshspu.ru/journal/article/view/142> (дата обращения: 16.03.2025).

5. Кеворков, В. В. Слоган: Практическое руководство / В. В. Кеворков. – Москва : РИП-холдинг, 2003. – 134с.
6. Кромптон, А. Мастерская рекламного текста / А. Кромптон. – Тольятти, 1995. – 165с.
7. Кудисова, Е. А. Проблемы перевода рекламных слоганов (на примере экспрессивного словообразования) / Е. А. Кудисова // Германские языки. Филологический аспект. – 2019. – № 5 (49). – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/problemny-perevoda-reklamnykh-sloganov-na-primere-ekspressivnogo-slovoobrazovaniya.html> (дата обращения: 16.03.2025).
8. Курганова, Е. Б. Манипулятивный потенциал жанра рекламного сообщения / Е. Б. Курганова // Акценты. Новое в массовой коммуникации, 2005. – № 3-4. – С. 97–102.
9. Лежнина, И. В. Прагматическая валаптация англоязычных рекламных слоганов при переводе на русский язык / И. В. Лежнина // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода : Международный сборник научных статей. – Том 2. – Выпуск 9. – Нижний Новгород : Изд-во ООО «Альба», 2019. – С.75–78.
10. Лызлова, И. А. Проблема перевода рекламных слоганов в аспекте когнитивной и прагматической лингвистики (на материале английских слоганов) / И. А. Лызлова, А. В. Горшенина. – Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет, 2016. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-perevoda-reklamnyh-sloganov-v-aspekte-kognitivnoy-i-pragmaticheskoy-lingvistiki-na-materiale-angliyskih-sloganov> (дата обращения: 16.03.2025).
11. Морозова, И. Г. Слагая слоганы / И. Г. Морозова. – Москва : РИП-холдинг, 2003. – 100 с.
12. Николенко, Г. А. Лингвистические особенности рекламных текстов и способы их перевода / Г. А. Николенко, И. А. Гулкова. – 2009. – URL: https://samlib.ru/w/wagapow_a_s/advertise-tr.shtml (дата обращения: 16.03.2025).
13. Серикова, Е. И. Слоган как центральный компонент рекламной коммуникации / Е. И. Серикова // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 3-4. – С. 105–108.

УДК 81'322.4

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД: ВОЗМОЖНОСТИ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М. В. Норец,

заведующий кафедрой теории и практики перевода, доктор филологических наук, доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Художественный перевод, требующий передачи эстетики, стиля и культурного контекста, остаётся сложной задачей для искусственного интеллекта (ИИ). Статья анализирует эволюцию технологий машинного перевода – от rule-based систем до нейросетей (NMT, Transformer), оценивая их возможности и ограничения в работе с метафорами, каламбурами, ритмом и авторским идиолектом. На примере исследований российских учёных (Гарбовский, Костикова и др.) показано, что ИИ эффективен в обработке контекста, но неспособен полностью заменить человека в силу присущей ему креативности и культурной чуткости. Обсуждаются гибридные подходы, этические вопросы, метрики качества (BLEU) и трансформация профессии. Перспективы связаны с симбиозом технологий и человеческой экспертизы, где ИИ становится инструментом, а не конкурентом переводчика.

Ключевые слова: художественный перевод, искусственный интеллект (ИИ), нейросетевые модели, машинный перевод.

Summary. Literary translation, which requires the transfer of aesthetics, style, and cultural context, remains a challenging task for artificial intelligence (AI). The article analyzes the evolution of machine translation technologies – from rule-based systems to neural networks (NMT, Transformer), assessing their capabilities and limitations in working with metaphors, puns, rhythm and author's idiolect. Using the results of researches of Russian scientists (Garbovsky, Kostikov, and others), it has been shown that AI is effective in context processing, but unable to replace humans completely due to the lack of creativity and cultural sensitivity. Hybrid approaches, ethical issues, quality metrics (BLEU) and the transformation of the profession are discussed. The prospects for the field development are related to the symbiosis of technology and human expertise, where AI becomes a tool rather than a competitor to the translator.

Kew words: literary translation, artificial intelligence (AI), neural network models, machine translation.

Художественный перевод традиционно считается одной из наиболее сложных областей межкультурной коммуникации, требующей не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания культурного контекста, авторского стиля и эстетических нюансов. С развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ) вопрос о возможности автоматизации этого процесса приобрёл особую актуальность. Российские учёные, такие как Н. К. Гарбовский, О. И. Костикова [1], О. И. Коваль, А. А. Петров [3], Р. Г. Мифтахова, Е. А. Морозкина [4], М. В. Норец, А. В. Рейнова [5] и др. активно исследуют потенциал ИИ в данной сфере, анализируя как технические достижения, так и фундаментальные ограничения. Цель данной статьи – систематизировать результаты современных исследований, оценить роль ИИ в художественном переводе и обозначить перспективы взаимодействия человека и машины в этой области.

Художественный перевод требует не только точной передачи смысла, но и сохранения эстетической ценности, авторского стиля и культурных нюансов. Современные технологии искусственного интеллекта, основанные на нейросетевых моделях и машинном обучении, демонстрируют значительный потенциал в решении этих задач. Рассмотрим ключевые возможности ИИ в данной области, опираясь на исследования российских учёных и практические кейсы.

Современные системы машинного перевода (МП) обучаются на обширных массивах параллельных текстов, включая классическую и современную литературу. Это позволяет им выявлять закономерности, характерные для художественных произведений.

История развития систем машинного перевода началась с ранних правил, основанных на жёстких лингвистических правилах. На этом этапе системы сталкивались с серьёзными ограничениями, особенно при работе с многозначными словами. Например, английское слово «bank» могло переводиться только как «банк» (финансовый) или «берег» (речной), в зависимости от заранее заданных контекстных правил.

Машинный перевод (МП) прошёл несколько этапов развития, каждый из которых определялся технологическими возможностями своего времени:

1. Rule-based системы (1950–1990-е гг.). Эти системы опирались на формальные правила, заложенные лингвистами: морфологический анализ (членение слов на корни и аффиксы). Например, для перевода русского слова «читающий» система выделяла корень «чит-» и суффикс «-ающий»; синтаксические правила (построение деревьев зависимостей). Например, в предложении «Кот ест рыбу» система определяла

подлежащее («кот»), сказуемое («ест») и прямое дополнение («рыбу»); словари: базы данных с эквивалентами слов.

2. Следующий этап развития пришёлся на 1990–2010-е годы, когда произошёл переход к статистическому машинному переводу. Этот подход был основан на использовании больших корпусов параллельных текстов и вероятностных моделей. Системы начали использовать фразовые таблицы, определяющие наиболее вероятный перевод фразы на основе её частотности. Например, фраза «strong tea» с вероятностью 90% переводилась как «крепкий чай», а не «сильный чай». В этот период были разработаны алгоритмы IBM, использующие технологию выравнивания слов в параллельных текстах. Однако статистические системы имели существенные ограничения: низкое качество перевода редких конструкций и игнорирование контекста за пределами отдельной фразы.

3. Революционный прорыв произошёл в 2014 году с появлением нейросетевого машинного перевода (NMT). Эти системы получили возможность анализировать целые предложения и учитывать широкий контекст. Основой новой технологии стала архитектура seq2seq, где кодировщик преобразует исходный текст в вектор, а декодировщик генерирует перевод. Важным этапом стало появление модели Transformer в 2017 году. Эта технология использует механизм внимания (attention), позволяющий анализировать связи между словами в предложении. Например, в сложном предложении «Она дала ему книгу, которую купила вчера» система корректно определяет связь между словами «книга» и «купила», даже если они разделены другими членами предложения. Преимущества нейросетевого перевода очевидны: система способна учитывать широкий контекст и эффективно работать с разнородными данными – от новостных статей до поэтических текстов. Особенно показателен пример перевода английской фразы «Time flies like an arrow», где современная система способна распознать каламбур и выбрать правильный вариант перевода, соответствующий контексту.

Художественный перевод представляет собой особую сложность для систем искусственного интеллекта, поскольку требует решения задач, выходящих за рамки простой лингвистики. Одной из ключевых проблем является работа с метафорами. Например, в стихотворении Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!» слово «плакать» несёт двойной смысл – эмоциональный и метеорологический (таять). Системы искусственного интеллекта часто выбирают буквальный перевод «to cry», упуская важный подтекст произведения.

Особую сложность представляют каламбуры. В пьесе Шекспира «Much Ado About Nothing» заголовок обыгрывает слово «nothing» (ничто/noting – слухи). Человеческий переводчик способен создать аналогичную игру слов («Много шума из ничего»), тогда как искусственный интеллект ограничивается буквальными вариантами перевода.

В художественном переводе особую роль играют ритм и звукопись. Например, в стихах Маяковского важен агрессивный ритм, создаваемый словами «Высь, крыльцо, лозунг, флаг». Системы машинного перевода, как правило, сохраняют семантику, но нарушают этот важный ритмический рисунок.

Другой аспект – авторский идиолект. В произведениях Набокова встречаются сложные синтаксические конструкции, как в знаменитом «Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел». Искусственный интеллект часто упрощает такую структуру, теряя характерную стилистическую избыточность.

При переводе художественных текстов необходимо учитывать культурные реалии. Например, русское слово «блины» при переводе на английский требует дополнительного пояснения («traditional Russian pancakes»), чтобы передать связь с праздником Масленицы.

Сложности также возникают при работе с идиомами. Выражение «бить баклуши» (бездельничать) при буквальном переводе «to chop logs» может ввести читателя в заблуждение, поскольку теряется его культурная специфика.

Для оценки качества работы искусственного интеллекта в художественном переводе используются различные метрики и подходы. Одной из основных метрик является BLEU (Bilingual Evaluation Understudy), сравнивающая совпадения n-грамм с эталонным переводом. Однако этот метод имеет существенный недостаток – он не учитывает смысловую глубину текста. Например, перевод «dark night» как «тёмная ночь» может получить высокий балл BLEU, но при этом потерять поэтическую выразительность оригинала.

В основе теории релевантности (Sperber & Wilson) лежит принцип, согласно которому перевод должен вызывать у читателя те же ассоциации, что и оригинал. Это особенно важно при работе с символикой текста.

Теоретические основы применения ИИ в переводе базируются на эволюции технологий – от жёстких правил к нейросетям, способным обучаться на контексте. Однако художественный перевод остаётся областью, где креативность и культурная чуткость человека незаменимы. ИИ может имитировать форму, но не дух текста [9], что создаёт необходимость гибридных подходов, где технологии дополняют, но не заменяют человеческий интеллект.

Несмотря на существующие ограничения, развитие технологий машинного обучения открывает новые возможности для совершенствования систем перевода. Активное развитие систем понимания естественного языка, улучшение алгоритмов обработки контекста и создание более совершенных моделей перевода позволяют надеяться на постепенное преодоление существующих ограничений.

Искусственный интеллект демонстрирует значительный прогресс в области перевода, художественный перевод остается сферой, требующей особого подхода и глубокого понимания культурных и лингвистических особенностей. Сочетание технологий ИИ с профессиональной экспертизой человека остается наиболее перспективным путем развития в этой области. Хотя ИИ демонстрирует значительный прогресс в переводе, художественный перевод остается областью, требующей человеческого участия. Ограничения связаны с невозможностью полного понимания культурных особенностей, контекста и эмоциональной составляющей текста. Оптимальным решением остается гибридный подход, сочетающий возможности машинного перевода с профессиональной редактурой человека.

В будущем ожидается постепенное преодоление существующих ограничений благодаря развитию технологий и созданию более совершенных алгоритмов, учитывающих специфику художественного перевода. Однако полное замещение человека в этой области представляется маловероятным в обозримой перспективе.

Однако такое взаимодействие не лишено определенных проблем и вызовов. В профессиональной сфере существует риск снижения квалификации переводчиков, потери творческого компонента работы и уменьшения спроса на человеческий труд. Качество перевода также может страдать из-за сложностей с передачей культурных особенностей и работы с нестандартными текстами.

Этические вопросы, возникающие при использовании ИИ в художественном переводе, требуют особого внимания. Проблемы авторства перевода, ответственности за ошибки и конфиденциальности данных становятся все более актуальными в современном профессиональном сообществе.

Для успешного решения возникающих проблем необходим комплексный подход. Профессиональное развитие переводчиков должно включать освоение навыков работы с ИИ, развитие творческих способностей и постоянное повышение квалификации. Оптимизация рабочих процессов предполагает четкое распределение

задач между человеком и машиной, разработку стандартов качества и создание эффективных методик работы.

В долгосрочной перспективе взаимодействие с ИИ приведет к существенной трансформации профессии переводчика. Профессиональные компетенции будут эволюционировать в сторону повышения значимости творческих навыков и развития умений работать с современными технологиями. Появится потребность в новых специализациях, таких как специалисты по настройке систем ИИ, эксперты по оценке качества машинного перевода и консультанты по интеграции технологий.

Рынок труда также претерпит существенные изменения. Растет спрос на специалистов с гибридными навыками, появляются новые форматы работы, трансформируются требования к профессиональной подготовке переводчиков. При этом важно сохранить баланс между использованием технологических преимуществ ИИ и сохранением уникальности человеческого подхода к художественному переводу.

Успешное развитие взаимодействия ИИ и человека в художественном переводе требует внимательного планирования и адаптации. Ключевым фактором успеха станет способность профессионального сообщества эффективно использовать преимущества искусственного интеллекта, сохраняя при этом свою профессиональную идентичность и творческий подход к работе. Это потребует постоянного развития новых навыков и адаптации к меняющимся условиям профессиональной деятельности.

При правильном подходе такое взаимодействие может привести к значительному повышению эффективности работы переводчиков и улучшению качества художественного перевода, сохраняя при этом его творческий характер и уникальность. Важно помнить, что ИИ является не заменой переводчику, а мощным инструментом, способным расширить его возможности и помочь в решении сложных профессиональных задач.

Список использованных источников

1. Гарбовский, Н. К. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? / Н. К. Гарбовский, О. И. Костикова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2019. – № 4. – С. 3–24.
2. Ермоленко, О. В. Математические методы в лингвистике: применение модели нейронных сетей в системе машинного перевода / О. В. Ермоленко, И. И. Горев // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы III международной научно-практической конференции. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2019. – С. 115–119.
3. Коваль, О. И. Применение нейронных сетей для машинного перевода / О. И. Коваль, А. А. Петров // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. – 2020. – № 2. – С. 161–163.
4. Мифтахова, Р. Г. Машинный перевод. Нейроперевод / Р. Г. Мифтахова, Е. А. Морозкина // Вестник Башкирск. ун-та. – 2019. – № 2. – С. 497–502.
5. Норец, М. В. Использование искусственного интеллекта при переводе художественного текста (на примере романа Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь») / М. В. Норец, А. В. Рейнова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Том 10 (76). – № 3. – С. 149–158.
6. Норец, М. В. Применение цифровых технологий в переводческой деятельности / М. В. Норец // Ежегодная международная научная конференция Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна. – Ереван, 2023. – С. 109–112.
7. Норец, М. В. Художественный перевод и искусственный интеллект: традиция и новаторство / М. В. Норец, А. В. Рейнова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 12 (150). – URL: <https://research-journal.org/archive/12-150-2024-december/10.60797/IRJ.2024.150.111> (дата обращения: 17.12.2024).

8. Огнева, К. Н. Особенности нейросетевого перевода художественного текста с английского языка на русский (на примере модели нейросети SeamlessM4T) / К. Н. Огнева // Актуальные вопросы перевода, лингвистики, истории литературы и фольклора: сборник статей XII Международной научной конференции молодых ученых (Екатеринбург, 9 февраля 2024 г.). – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2024. – С. 263–272.

9. Соколова, Н. В. Машина против человеческого перевода в синергетическом переводческом пространстве / Н. В. Соколова // Научный журнал Волгоградского государственного университета. Лингвистика. – 2021. – Т. 20. – № 6. – С. 89–98.

УДК 81'25

ПЕРЕВОД АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В РОМАНЕ ДЖ. Р. Р. МАРТИНА «ПЛАМЯ И КРОВЬ»

А. В. Рейнова,

*специалист кафедры теории и практики перевода, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данное исследование посвящено выявлению особенностей образования авторских неологизмов в романе Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь». Произведен комплексный анализ возможных способов перевода новых лексических единиц и установлена частотность применения того или иного переводческого приема. Анализ словообразовательных моделей, используемых при создании неологизмов, облегчает при переводе передачу смысла, заложенного в них автором.

Ключевые слова: авторский неологизм, фэнтези, словообразовательные модели, способы перевода.

Summary. The study is aimed to determine the peculiarities of the author's neologisms word-formation models in the novel *Fire and Blood* by J. R. R. Martin. During the study the complex analysis of possible ways of new lexical units translation has been carried out, and the frequency of a particular translation technique usage has been established. The analysis of the neologisms word-formation models can be useful during the transference of the meaning given to them by the author.

Key words: author's neologism, fantasy, word-formation models, methods of translation.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей формирования и функционирования авторских неологизмов в романе Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и Кровь» [2; 4] и специфики их перевода на русский язык. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) проанализировать структуру авторского неологизма и определить способ его образования; 2) изучить контекст, в котором он встречается, найти примеры его употребления в других частях произведения; 3) проанализировать уже существующие и возможные варианты перевода.

Актуальность исследования заключается в высокой популярности романов-фэнтези и сложности их перевода, обусловленной постоянными изменениями языка данного жанра, который изобилует авторскими неологизмами, возникающими благодаря способности индивидуума использовать словообразовательные возможности, заложенные в системе того или иного языка. **Научная новизна** работы состоит в том, что в исследовании предложена классификация авторских неологизмов из романа Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь» по способу их образования; также в семантическом плане выделены обобщенные тематические группы / сферы

функционирования. Даются рекомендации по переводу авторских неологизмов с учетом их структурно-содержательных и функциональных особенностей. Также дан перевод тех новообразований, которые были опущены переводчиком.

Применялись следующие **методы** исследования: метод анализа лингвистической литературы, сплошной выборки, лингвистического наблюдения и описания, структурно-семантический анализ, метод морфемного и контекстуального анализа, статистический метод, общеполитические методы анализа и синтеза.

«Писатель-фантаст, создавая литературное произведение, сталкивается с необходимостью каким-то образом именовать предметы и явления выдуманного им мира. В зависимости от основной идеи произведения новые номинативные единицы облекаются в различные формы. ... В некоторых случаях автор использует звукокомплексы, которые призваны подчеркнуть отдаленность фантастического мира от земного во времени и пространстве. ... В других – новые номинативные единицы создаются по известным словообразовательным моделям путем использования словообразовательных аффиксов» [1, с. 7].

Необходимо разграничивать понятия «авторский окказионализм» и «авторский неологизм». В результате анализа теоретических работ и эмпирического материала удалось обобщить и выделить следующие дифференциальные признаки, которые представлены в таблице:

Неологизм	Авторский окказионализм	Авторский неологизм
социальная принадлежность	индивидуальная принадлежность	индивидуальная принадлежность
узуальность	неузуальность	неузуальность
способность к утрате новизны	постоянная новизна	способность к утрате новизны
нормативность	ненормативность	нормативность / ненормативность
отсутствие тесной связи с контекстом	контекстуальная зависимость / возможность выхода за рамки контекстуальной зависимости (редко)	возможность выхода за рамки контекстуальной зависимости
высокая степень номинативности	высокая степень экспрессивности	номинативность / экспрессивность

Окказионализмы зачастую образуются в прагматических целях коммуникации в определенный момент времени, в условиях конкретной ситуации общения. Им присуща художественная полифункциональность, определяющаяся эстетическими вкусами автора, вплоть до выражения эмоциональной оценки: позитивной, иронической или пренебрежительной.

Окказионализмы представляют лексические явления. Для них «номинативная функция вторична, а основным будет раскрытие какой-либо дополнительной черты явления и реализация субъективного отношения к фактам объективной действительности или субъективная оценка поступка, действия собеседника» [3, с. 8]. Авторские неологизмы служат для обозначения реалий вымышленного мира: от простых вещей и действий до названий нереальных объектов, животных и персонажей. Все они являются новыми лексическими единицами, но можно предположить, что они будут использоваться другими авторами. То есть номинативная функция для них является основной, а не факультативной. Окказионализмы появляются спонтанно,

авторские неологизмы создаются в процессе сознательного творчества с определенной стилистической целью. Главный дифференцирующий признак – это то, что окказионализмы используются в конкретном контексте только один раз, в то время как авторские неологизмы могут повторяться в пределах произведения и служить обозначением важных реалий вымышленного мира.

В ходе анализа языкового материала, отобранного методом сплошной выборки, удалось выделить несколько обобщенных тематических групп / сфер функционирования авторских неологизмов в романе Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь». Всего проанализировано 870 языковых единиц: **этнографические** (*the Volantenes* – волантийцы, *the wildlings* – одичалые, *the Ibbenese* – иббенийцы); **мифологические** (*the Seven of Westeros* – семь богов Вестероса, *the godswood* – богороща); **географические реалии** (*Driftmark* – Дрифтмарк, *the Shivering Sea* – Студеное море); **реалии государственно-административного устройства общественной жизни** (*the Great Council* – Большой совет); **имена и прозвища героев** (*The Rogue Prince* – Порочный принц, *the Sons of the Dragon* – Сыновья Дракона); **имена драконов** (*Seasmoke* – Морское Чудо, *Tessarion the Blue Queen* – медно-синий Тессарион); **названия исторических событий и периодов** (*the Hour of the Wolf or the Judgment of the Wolf* – Час Волка); **титуты** (*the Protector of the Realm and Prince Regent* – Хранитель Государства и принц-регент); **фразеологические сочетания** (*the proverbial "heir and a spare"* – один прямой наследник и один «запасной», *to take the black* – выбрать черное); **названия вымышленных произведений** (*Grand Maester Munkun's «The Dance of the Dragons, A True Telling»* – книга великого мастера Манкена «Подлинная история Пляски Драконов»); **цветовая символика** (*the gold cloaks* – золотые плащи, *Targaryen red and black* – цвета Таргариенов, черный с красным); **вымышленные традиции** («*the hallowed Andal tradition wherein the rights of a trueborn son always came before the rights of a mere daughter*» – «священные традиции андалов, согласно которым права законнорожденного сына всегда ставятся выше прав дочери»).

Весь языковой материал можно разделить на несколько групп, выделенных по способу образования авторских новообразований: 1) слова, созданные автором не по правилам словообразования английского языка; 2) слова, образованные по продуктивным словообразовательным моделям английского языка, корневая морфема которых создана автором или к корневой морфеме, созданной автором, добавлен аффикс; 3) авторские неологизмы, образованные с помощью аффиксальной деривации; 4) авторские неологизмы, образованные путем словосложения; 5) авторские неологизмы, образованные с помощью переосмысления, т.е. семантической деривации; 6) авторские неологизмы-словосочетания, атрибутивные словосочетания; 7) создание устойчивых выражений.

Также для наименования вымышленных реалий Дж. Р. Р. Мартин иногда использует слова, заимствованные из древних языков, например: *Yronwood* (сущ *Old English* + сущ) – Айронвуд – переводим с помощью транскрипции; *Fawnton* (сущ + сущ *Old English*) – Фаунтон – переводим с помощью транскрипции; *Seagard* (сущ + сущ *Old English*) – Сигард – переводим с помощью транскрипции; *Orkmont* (сущ + сущ *Old French*) – Оркмонт – переводим с помощью транслитерации; *Volantis (lam)* – Волантис – переводим с помощью транслитерации; *the Triarchy (lam)* – Триархия – переводим с помощью адаптивного транскодирования.

При переводе авторских неологизмов, образованных с помощью аффиксальной деривации, чаще всего используется прием адаптивного транскодирования. Переводчик вначале обращает внимание на то, что именно обозначено авторским неологизмом (национальность, народность, географические реалии и т.д.), затем исследует способ образования нового слова, его структуру и ищет в языке цели соответствующие

средства выражения, например: *Torrentine* – торрентийские; *Westerosi* – вестеросцы; *the Targaryens* – Таргариены; *Archmaesters* – архимейстеры; *Dornish* – дорнийский / дорнский; *Sisterton* – Сестринцы.

По принципу словосложения наиболее продуктивными моделями образования авторских неологизмов являются: **существительное + существительное** (55%), например: *The Boneway* (сущ + сущ) – Костяной Путь (прил + сущ); **прилагательное + существительное** (31%), например: *Greenblood* (прил + сущ) – Зеленая Кровь; **другие, менее продуктивные модели: объединение нескольких слов с помощью дефиса, например: master-at-arms** – мастер над оружием; *Asshai*; **глагол + существительное, например: watchmen** – Братья Дозора.

При переводе необходимо обращать внимание на модель образования авторских неологизмов. Чаще всего используется прием калькирования, но из-за особенностей русского языка в большинстве случаев одно сложное слово переводится словосочетанием. То есть, необходимо выделить в английском сложном слове главный элемент и проанализировать его связь со вторым компонентом, который зачастую дает ему характеристику: *Nightsong* (сущ + сущ) – (замок) Ночная Песнь (прил + сущ) – калькирование; *Mistwood* (сущ + сущ) – Туманный Лес (прил + сущ) – калькирование и т.д. Аналогичным способом переводятся те авторские реалии, которые по своей структуре являются словосочетаниями: *the Maiden of the Vale* – Дева Долины – калькирование; *a “queen’s party”* – «партия королевы» – калькирование и т.д.

Особый интерес для исследования представляют те названия реалий вымышленного мира, которые были опущены переводчиком. Предложим свой вариант перевода с учетом выявленных доминирующих способов, ранее использованных переводчиком данного произведения:

- *The Tyroshi* – жители Тироша / тирошцы – описательный перевод / адаптивное транскodирование;
- *Lichyards* (сущ + сущ) – лечебницы – генерализация;
- *Rhaenyra Triumphant* (в переводе опущен подзаголовок, который также является названием исторического периода) – Триумф / Победа Рейениры – калькирование;
- *Rhaenyra Overthrown* (в переводе опущен подзаголовок, который также является названием исторического события) – Свержение Рейениры – калькирование;
- *The Short, Sad Reign of Aegon II* (в переводе опущен подзаголовок, который также является названием исторического периода) – Короткое и печальное правление Эйгона II – калькирование;
- *The Voyage of Alyn Oakenfist* (в переводе опущен подзаголовок, который также является названием исторического события) – Плавание Дубового Кулака – калькирование.

Также отметим, что в официальном переводе «Игры Престолов» на русский язык Ю. Р. Соколова и переводах последующих книг Н. И. Виленской название замка «*Casterly Rock*» переведено как «*Бобровый Умес*». По-видимому, данный перевод возник в силу неверного истолкования «*Casterly*» не как фамилии первых владельцев, а как прилагательного от «*castor*» (бобер). Неизвестно как выглядел герб рода Кастерли, однако, скорее всего, бобров на нем не было (исходя из того, что бобры в скалистой местности не обитают). Следует также отметить, что «*caster*» переводится и как «литейщик», поэтому «*Casterly Rock*» можно перевести как «Скала Литейщиков».

Таким образом, можно сделать следующий **вывод**: при переводе авторских неологизмов чаще всего обращаются к транскрипции, транслитерации, калькированию, а также к таким приемам как: другой порядок слов, приближенный перевод, замена части речи и опущение. Выбранный переводчиком прием должен решать конкретные

прагматические задачи: сохранять стилистику произведения, передавать средневековый колорит романа и создавать целостную картину вымышленного мира.

Список использованных источников

1. Багичев, А. В. Авторские номинации реалий в художественном тексте / А. В. Багичев // Лингвокультурология. Языкознание и литературоведение. – Екатеринбург, 2008. – С. 6–15.
2. Мартин, Дж. Р. Р. Пламя и кровь / Дж. Р. Р. Мартин. – Москва : AST Publishers, 2019. – 279 с.
3. Рейнова, А. В. Перевод авторских неологизмов в романе Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь» / А. В. Рейнова, М. В. Норец // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы VII международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2023. – С. 296–301.
4. Несветайло, Ю. Н. Неологизмы и окказионализмы как конститuenty лексического макрополя современного английского языка: системны и словообразовательный аспекты : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Юлия Николаевна Несветайло ; ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет». – Ростов-на-Дону, 2010. – 18 с.
5. Норец, М. В. Использование искусственного интеллекта при переводе художественного текста (на примере романа Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь») / М. В. Норец, А. В. Рейнова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Том 10 (76), № 3. – С. 149–158.
6. Martin, G. R. R. Fire and Blood / George R. R. Martin. – New York : Bantam Books, 2018. – 789 p.

УДК 81'25:396.1

ВЛИЯНИЕ ФЕМИНИСТСКОЙ ТЕОРИИ НА ПЕРЕВОД ГЕНДЕРНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМ

В. О. Росляк,

*ассистент кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Актуальность исследования данной темы обусловлена необходимостью пересмотра традиционных подходов к переводу, который зачастую игнорирует гендерную направленность языка. Феминистская теория открывает новые горизонты для понимания и интерпретации языковых форм, позволяя ставить под сомнение стереотипные и патриархальные конструкции. Это исследование направлено на осознание и подчеркивание значимости феминистского подхода при переводе гендерно-маркированных языковых форм, что имеет прямое влияние на формирование общественного сознания. Цель исследования заключается в анализе влияния феминистской теории на перевод гендерных языковых форм, выявлении проблем, с которыми сталкиваются переводчики в контексте применения феминистских подходов, а также в оценке последствий этого влияния на восприятие текста в целевой культуре.

Ключевые слова: феминистская теория, гендер, языковая форма, гендерный стереотип, теория и практика перевода.

Summary. The relevance of the study is determined by the need to revise traditional approaches to translation, which often ignore the gendered nature of language. Feminist theory opens new horizons for understanding and interpreting language forms, allowing

stereotypical and patriarchal constructions to be questioned. This study attempts to understand and emphasise the significance of the feminist approach in the translation of gendered language forms, which has a direct impact on the formation of social consciousness. The aim of the study is to analyse the influence of feminist theory on the translation of gendered linguistic forms, to identify the problems faced by translators in the context of applying feminist approaches, and to assess the implications of this influence on the perception of the text in the target culture.

Key words: feminist theory, gender, language form, gender stereotype, theory and practice of translation.

Идеи феминизма сильно повлияли на многие научные области, особенно на лингвистику и переводческое дело. В наше время, когда активно обсуждаются вопросы гендерного равенства и социальной справедливости, проблемы гендера, языка и его перевода приобретают всё большую важность. Перевод текстов, содержащих гендерно маркированные выражения, требует не простого поиска лексических эквивалентов. Перевести такой текст грамотно – значит учитывать культурные и социальные особенности источника и языка перевода, а также применять знания феминистской теории и критики. Это связано с тем, что язык не является нейтральным инструментом, а отражает и воспроизводит социальное и гендерное неравенство. Поэтому качественный перевод должен стремиться к воспроизведению не только смысла, но и социального и гендерного подтекста исходного текста, иногда даже корректируя его, чтобы избежать укрепления гендерных стереотипов в языке перевода. Задача переводчика – найти адекватные способы передачи гендерной специфики, учитывая контекст и цель перевода.

Феминистская теория – это обширное и постоянно развивающееся поле исследований, возникшее как прямой ответ на вековую несправедливость и системную дискриминацию, которой подвергались и продолжают подвергаться женщины во всех уголках планеты. Ее корни уходят в конец XIX века, в эпоху зарождения первых феминистских движений, боровшихся за элементарные права женщин: право голоса, доступ к образованию и равные возможности на рынке труда [1]. В то время акцент делался преимущественно на юридических и политических аспектах гендерного неравенства, на достижении формального равенства перед законом. Однако, феминистская мысль не стояла на месте. Вторая половина XX века ознаменовалась настоящим взрывом идей, радикально расширившим рамки феминистской теории. Ключевую роль в этом сыграли работы таких мыслителей, как Симона де Бовуар и ее эпохальное произведение «Второй пол» [2]. Эта книга, и многие другие работы того времени, переместили фокус внимания с чисто юридических и политических аспектов на более глубокие, культурные, социальные и психологические корни гендерного неравенства. Феминистская теория начала исследовать, как гендер формирует идентичность, влияет на язык, на способы восприятия мира и взаимодействия с ним. Она стала анализировать, как гендерные стереотипы проникают в самые различные сферы жизни, от семьи и межличностных отношений до политической системы и глобальной экономики.

Сегодня феминистская теория представляет собой сложный и многогранный комплекс различных подходов и направлений [5]. Ее ветви простираются по географическим регионам, отражая культурную специфику и особенности гендерных отношений в разных обществах. Существуют этнические феминизмы, учитывающие влияние расовой принадлежности на переживание гендерного угнетения, а также феминистские теории, учитывающие религиозную принадлежность, классовую принадлежность и сексуальную ориентацию. Разнообразие подходов обусловлено стремлением понять многомерность гендерного опыта и учесть все его нюансы. Методология исследований также варьируется: от качественных исследований,

сосредоточенных на личных историях и нарративах, до количественных, использующих статистический анализ. Различия касаются и самой идеологии: от либерального феминизма, стремящегося к интеграции женщин в существующие системы власти, до радикального, призывающего к радикальному переосмыслению социальных структур.

Современные феминистские теории рассматривают гендерное равенство в контексте глобализации, технологического прогресса и новых форм коммуникации. Влияние интернета, социальных сетей и других цифровых технологий на формирование гендерных идентичностей и на распространение гендерных стереотипов – это важнейшая тема современных дискуссий. Особое внимание уделяется проблеме кибербуллинга, сексуальных домогательств в сети и неравенству в доступе к информационным технологиям.

Одним из самых значительных достижений современной феминистской теории является разработка концепции интерсекциональности [4]. Эта концепция подчеркивает, что различные формы угнетения – гендерная, расовая, классовая, религиозная и другие – не существуют изолированно, а переплетаются друг с другом, создавая сложные и многоуровневые системы доминирования и подчинения. Феминистская теория оказала глубокое и многостороннее влияние на широкий спектр гуманитарных и социальных наук. В лингвистике, например, она привела к критическому переосмыслению языка как инструмента утверждения гендерного неравенства и к разработке более инклюзивных и недискриминационных языковых практик. В психологии феминистские теории повлияли на понимание развития гендерной идентичности, на исследование гендерных стереотипов и на разработку методов психотерапии, учитывающих гендерные особенности. В политической науке феминистская теория привела к развитию гендерного анализа политических процессов, к исследованию представительства женщин в политике и к разработке политик, направленных на достижение гендерного равенства.

Феминистская теория оказала значительное и глубокое воздействие на лингвистику и языкознание, изменив привычное восприятие языка как инструмента, который не только отражает, но и активно формирует социальную реальность [3]. Это влияние проявляется в нескольких ключевых направлениях, каждое из которых вносит свой вклад в переосмысление и развитие языковых практик.

Первое направление – это критический анализ языка. Феминистские лингвисты активно исследуют, как язык может отражать и воспроизводить патриархальные структуры власти, существующие в обществе. Они занимаются анализом гендерных стереотипов, которые закреплены в языке, и разрабатывают стратегии, направленные на их разрушение. Второе направление связано с созданием гендерно-нейтрального языка. В ответ на критику традиционных языковых форм, были разработаны подходы, направленные на создание языка, который отражает стремление к инклюзивности и равенству. Это включает в себя использование нейтральных форм, активный отказ от стереотипов и избегание гендерных ярлыков, особенно в отношении обозначения профессий и социальных ролей. Третье направление – это эксперименты с языковыми формами. Феминистская теория вдохновила лингвистов на проведение экспериментов с языковыми структурами, что позволяет создавать новые формы выражения, которые лучше отражают разнообразие современных идентичностей. Четвертое направление связано с социолингвистикой. Феминистские взгляды создали основу для изучения того, как язык влияет на восприятие гендера в обществе. Исследования в этой области анализируют, как аспекты гендерно-нормативного поведения проявляются в речевых практиках, как язык может укреплять или подрывать социальные нормы и ожидания, связанные с гендером.

Таким образом, феминистская теория продолжает оказывать значительное влияние на лингвистику, стимулируя новые исследования и переосмысление формирования языка. Она подчеркивает важность языка как инструмента, который не только отражает, но и активно конструирует гендерную идентичность и социокультурные нормы. Это влияние становится все более актуальным в современном обществе, где вопросы гендерного равенства и инклюзивности выходят на передний план общественной дискуссии.

Гендерные языковые формы представляют собой лексические и грамматические элементы, которые служат сигналами о гендерной идентичности человека, будь то мужская, женская или небинарная [6]. Эти формы проявляются в различных аспектах языка и играют значимую роль в формировании и отражении социальных норм и стереотипов, связанных с гендером. Первый аспект, который следует рассмотреть, – это гендерные местоимения. Они используются для обозначения пола и могут существенно различаться в зависимости от языка. Например, в английском языке существуют местоимения «he» (он) и «she» (она), которые четко указывают на гендерную принадлежность. В то же время, местоимение «they» стало популярным в качестве гендерно-нейтральной альтернативы, позволяя людям, которые не идентифицируют себя с традиционными гендерными категориями, выразить свою идентичность. В русском языке аналогично используются местоимения «он» и «она», что также подчеркивает гендерные различия. Второй важный аспект связан с гендерным склонением. В языках, где существительные и прилагательные имеют разные формы в зависимости от рода, таких как русский или испанский, пол обозначается формами, которые согласуются с родом существительного. Например, в русском языке выражение «опытный учитель» относится к мужчине, тогда как «опытная учительница» указывает на женщину. В английском же языке, где многие личные существительные являются гендерно-нейтральными, фраза «an experienced teacher» может относиться как к мужчине, так и к женщине, что делает английский подход более универсальным. Третий аспект касается гендерно маркированных профессий и ролей. В некоторых языках профессии и должности имеют гендерные наименования, что подчеркивает гендерные различия в обществе. Например, в русском языке есть слова «директор» и «директриса», которые четко обозначают пол человека, занимающего эту должность. В английском языке, напротив, слово «principal» используется как гендерно-нейтральное, что позволяет избежать акцента на поле. Стоит отметить, что в последние годы наблюдается тенденция к снижению роли гендера в языке. Это выражается в создании и использовании нейтральных форм, которые позволяют избежать привязки к определенному полу. Таким образом, гендерные языковые формы не только отражают существующие в обществе социальные нормы, но и могут усиливать их. Изучение этих форм становится важным шагом для понимания того, как язык влияет на восприятие гендера и как он может изменяться в ответ на меняющееся общество.

Феминистская теория оказывает значительное влияние на перевод гендерных языковых форм, поскольку её основная цель заключается в переосмыслении и деконструкции традиционных гендерных стереотипов, которые находят отражение в языке. В этом контексте деконструкция гендерных стереотипов становится ключевым аспектом, который рассматривает процесс анализа и пересмотра языковых форм, поддерживающих устоявшиеся представления, связанные с полом. Гендерные стереотипы могут возникать как из устной, так и из письменной традиции и закрепляться в языке через использование определённых лексических и синтаксических конструкций. Например, во многих языках существуют грамматические категории, которые подчеркивают гендерные различия, хотя не все языки делают это явно.

При переводе текстов переводчики сталкиваются с необходимостью учитывать эти гендерные аспекты, и они могут использовать различные стратегии для устранения гендерных стереотипов. Одним из таких методов является выбор нейтральных форм. Например, если в оригинальном тексте используется фраза «Every teacher should have a high moral code», переводчик может изменить её на «Каждый учитель и учительница должны иметь высокие моральные ценности». Такой подход помогает избежать гендерной предвзятости и делает текст более инклюзивным. Другой важной стратегией является изменение местоимений. В языках, где существует гендерное различие, переводчик может использовать гендерно-нейтральные местоимения или альтернативные конструкции. Например, вместо использования «он» или «она» можно ввести «они» в единственном числе, что позволяет избежать привязки к определённому полу и делает текст более универсальным. Также переводчик может создать пространство для идентичности, включая в перевод дополнительные комментарии или пояснения, которые помогают восстановить контекст и прояснить гендерные аспекты, которые могут быть неочевидны в оригинале. Это может быть особенно важно в случаях, когда текст затрагивает темы, связанные с феминизмом или гендерными вопросами, что позволяет более полно передать смысл и намерения автора.

Таким образом, феминистская теория и её влияние на перевод гендерных языковых форм подчеркивают важность осознания и пересмотра языковых норм, которые могут поддерживать устаревшие стереотипы. Переводчики, принимая во внимание эти аспекты, могут способствовать созданию более справедливого и инклюзивного языка, который отражает разнообразие человеческого опыта и идентичности. Это не только помогает устранить предвзятости, но и способствует более глубокому пониманию культурных различий и гендерных вопросов в глобальном контексте.

В заключение, можно сказать, что феминистская теория в переводе является важным инструментом для борьбы с гендерными стереотипами и предвзятостью. Она призывает переводчиков к более внимательному и осознанному подходу к языку, что в свою очередь может привести к изменениям в общественном восприятии гендерных ролей и идентичностей. С помощью таких стратегий, как выбор нейтральных форм, изменение местоимений и создание пространства для идентичности, переводчики могут активно участвовать в деконструкции данных стереотипов и способствовать созданию более инклюзивного языкового пространства.

Список использованных источников

1. Грошовкина, Н. А. Феминистская философия о сущности и содержании гендера / Н. А. Грошовкина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2014. – № 2(12). – С. 102–106.
2. Бовуар, С. де. Второй пол / С. де Бовуар. – «Азбука-Аттикус», 1949.
3. Дини, И. А. Влияние феминистской критики языка на гендерную проблематику в языкознании / И. А. Дини, Е. М. Сидоренко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 7(150). – С. 142–147.
4. Коновалова, А. П. Интерсекциональный феминизм как социокультурный феномен / А. П. Коновалова // Социокультурная динамика в условиях глобализации : сборник научных статей. – Улан-Удэ : Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2020. – С. 44–51.
5. Маркова, А. И. Художественное соотношение маскулинности и феминности в пьесе Т. Стоппарда “the hard problem” / А. И. Маркова // Научный старт – 2023 : сборник статей аспирантов и магистрантов. – Том 2, Часть 2. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2023. – С. 305–310.

6. Муслумова, Т. В. Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления / Т. В. Муслумова // Вестник Шадринского государственного педагогического института. – 2015. – № 4(28). – С. 114–120.
7. Sharabi, C. Gendered Language Explained [Electronic Resource] / Corinne Sharabi. – Access mode: <https://www.getblend.com/blog/gendered-language/>. (Access date: 10.03.2025).

УДК 821.161.1/821.19

СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА «ЗВЕЗДА» («СВETИСЬ, СВETИСЬ, ДАЛЕКАЯ ЗВЕЗДА...») НА АРМЯНСКОМ

Р. В. Татевосян,

доктор филологических наук, профессор,
Армянский государственный педагогический университет
имени Хачатура Абовяна, Ереван

Аннотация. Стихотворение Лермонтова «Звезда» («Светись, светись, далекая звезда...») является первой по времени создания оригинальной вариацией на тему стихотворения Байрона «Солнце бессонных...».

В статье рассматриваются три перевода этой вариации: А. Ханларяна, А. Мнацаканяна и А. Погосяна. А. Ханларян «смягчает» атмосферу стихотворения, в его переводе нет эпитетов «слабый», «больной», добавлен эпитет «сладкий». Взгляд, «исполненный огня», в переводе Ханларяна предстает «лицом, ярким, светлым». В переводе А. Погосяна исчезают романтические краски, полутона, появляются реальные, резкие черты, расстраивающие смысл и напевность стихотворения. Ближе к оригиналу перевод А. Мнацаканяна.

Ключевые слова: перевод, оригинал, вариация, эпитет, рифмовка, пунктуация, временные формы.

Summary. Lermontov's poem *The Star (Shine, shine, a distant star...)* is the first original variation on the theme of Byron's poem *The Sun of the Sleepless*.

The article examines three translations of this variation done by A. Khanlaryan, A. Mnatsakanyan and A. Poghosyan. A. Khanlaryan "softens" the atmosphere of the poem: there are no epithets "weak", "sick" in his translation, the epithet "sweet" is added. The gaze, "full of fire," in Khanlaryan's translation appears as "a bright, light face." The romantic colours and halftones disappear in A. Poghosyan's translation; instead, real, sharp features appear, upsetting the meaning and melodiousness of the poem. The translation done by A. Mnatsakanyan is closer to the original.

Key words: translation, original, variation, epithet, rhyming, punctuation, tense forms.

У Лермонтова есть три вариации на тему стихотворения Байрона «Солнце бессонных...» из цикла «Еврейские мелодии». Как не раз отмечалось в литературоведении, все три обращения не были ни переводом, ни подражанием, а были самостоятельными стихотворениями на тему «далекой звезды». Первая по времени создания вариация озаглавлена «Звезда» (1830). «В стихотворении Лермонтова возникает, в частности, отсутствующий у Байрона мотив «слабой» надежды и радости: «Твой слабый луч, сражаясь с темнотой, / Несет мечты душе моей больной» [4, с. 175].

Стихотворение относится к пейзажно-медитативным произведениям Лермонтова. В первой строфе, включающей шесть строк, сжато представлен ночной пейзаж (светящаяся звезда и сражающийся с темнотой слабый луч), пробуждающий мечты. А во второй строфе (4 строки) – размышление о призрачности былой любви, к

которой обращена душа поэта, она «летит» к давно закрывшемуся для нее взгляду любимой, как к лучу звезды.

Мы рассматриваем три перевода этой вариации: А. Ханларяна, А. Мнацаканяна и А. Погосяна. Перевод А. Ханларяна был опубликован, когда отмечалось столетие со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Богатая армянская периодика была переполнена материалами о жизни и творчестве поэта и многочисленными переводами. В том же номере газеты «Оризон» был напечатан также выполненный Ханларяном перевод стихотворения Лермонтова «Горные вершины». Здесь же помещен и перевод стихотворения «Выхожу один я на дорогу», который осуществил часто обращавшийся к Лермонтову С. Бабян.

Вариация Лермонтова написана пятистопным ямбом, рифмы смежные:

*«Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда;
Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несет мечты душе моей больной;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко...»* [3, с. 99].

А. Ханларян перевел стихотворение десятисложником, в первой строфе рифмы перекрестные, во второй – смежные.

Приведем первую строфу:

*«Շողա՛, շողա՛, հեռավոր աստղիկ,
Թող տեսնեմ քեզ միշտ գիշերւայ մթնու՛մ
Մթան հետ կու՛ում քո լույսը քաղցրիկ
Իմ երազները իր գիրկն է կանչու՛մ...
Նրանք թռչու՛մ են քեզ մօտ, դէպի վե՛ր
Եւ սիրտս թերթէ, սիրտս անարգել՛...»* [2, с. 40].

Если в оригинале луч несет мечты душе, а душа взлетает ввысь, к мечте, то в переводе звезда, ее свет зовет мечты лирического героя в свои объятия. Атмосфера этих строк более мягкая, теплая, отзывчивая. И именно этой тональностью перевода объясняется «исчезновение» эпитетов «слабый» (слабый луч) и «больной» (больная душа), а также добавление эпитета «сладкий» (твой сладкий свет).

А. Мнацаканян применил двенадцатисложник, рифмы в этом переводе не всегда точны. Изменен и характер рифмовки в первой строфе – ababcc.

*«Փայլի՛ր, փայլի՛ր պայծառ, դու աստղ
Որ գիշերները ես քեզ միշտ էլ հանդիպեմ.
Անուրջներ է բերում հոգուն իմ վիրավոր
Քո լույսը նվազկոտ՝ մաքառող մութի դեմ:
Սլանում է բարձր հոգին իմ դէպի քեզ,
Եվ այս կուրծքըս ազատ ու թերթէ է այնպես:»* [1, с. 66].

Здесь переставлены третья и четвертая строки, и потому в третьей и пятой строках повторилось слово «душа» (в оригинале – «душа» и «она»). В переводе А. Ханларяна нет слова «душа». Важна и пунктуация: обе строфы у Лермонтова заканчиваются многоточием. В переводе А. Ханларяна три многоточия, Мнацаканян завершает строфы точками, у А. Погосяна многоточием завершается только первая строфа.

А. Погосян перевел десятисложником и сохранил смежные рифмы:

*«Շողա՛, շողա՛, օ՛, աստղ իմ հեռավոր,
Լուսավորի՛ր դու միշտ գիշերն իմ խոր,
Խավարի դեմ կռվող թույլ շողիդ մեջ
Իմ վիրավոր հոգու երազն է պերճ:
Հոգիս բարձր թռչում, ձգտում է քեզ,*

Հիմա ազատ, թերև շնչում եմ ես...» [2, с. 40].

Обращение в первой строке усилено междометием (о́). Звезда в этом переводе не только далекая, но и «моя». «Мою звезду» призывает поэт осветить «мою глубокую ночь».

В оригинале ночь указывает время, отмечает пору встречи взгляда с лучом. В переводе «моя глубокая ночь» определяет душевное состояние лирического героя. В этой строфе оригинала есть один эпитет к слову душа – «больная». Настроению героя, его душевному состоянию и размышлениям отведена вторая строфа. И подобная композиция характерна для пейзажно-медитативных стихотворений Лермонтова. Слова «светись» и «луч» А. Погосян передает однокоренными словами, внося таким образом повтор (շողի, շող).

Если в оригинале мечты дарует лирическому герою луч, то в переводе сам луч является мечтой, к тому же «роскошной» (պերճ).

Переводя вторую строфу:

*«Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но как к тебе к нему еще лечу;
И хоть нельзя, – смотреть его хочу...»* [3, с. 99].

А. Ханларян «взгляд» заменяет «лицом», и не огненностью взора, а светлостью, яркостью обрисовывает его. Появляется здесь и вздох-восклицание (ах!).

«Ես տեսայ մի դէմք, պայծառ, լուսեղէն,
Ա՛խ, նա ինձ համար ծածկւած է արդէն.
Բայց ինչպէս դէպ՝ քեզ, դէպ՝ նա եմ թռչում
Թէև անհնար – տեսնել եմ տենչում...» [3, с. 99].

По сути, А. Ханларян создает переводческую вариацию на тему стихотворения Лермонтова.

Ближе к оригиналу А. Мнацаканян:

«Տեսել եմ ես հայացք, որ հրով էր հորդուն
(Փակված է ինձ համար նա շատ վաղուց արդեն).
Բայց ինչպէս միշտ դէպ՝ քեզ՝ նրա մոտ եմ թռչում
Եվ, չնայած իզուր–կրկին տեսնել՝ տենչում» [1, с. 66].

А. Погосян меняет прошедшее время на настоящее: «я видел» на «я вижу». В оригинале говорится о «взгляде, исполненном огня». Переводчик «заземляет» образ, уточняет и пишет о «взгляде» (без огненности, без определений) «той девушки»:

«Տեսնում եմ ես հայացքն այն աղջկա
(Նա ինձ համար վաղուց արդեն չկա):
Քո մեջ նրա՛ն եմ ես փնտրում նաև.
Թէև անհույս է դա, բայց թող նայեմ» [1, с. 40].

Образ не упоминаемой в оригинале девушки материализуется. В таком переводе исчезают романтические краски, полутона. Из-под них проступает история реально-резкого расставания. «Она для меня давно уже не существует», – читаем в переводческой интерпретации А. Погосяна. В лермонтовской вариации «взгляд» закрылся для лирического героя, но он летит к нему, как к лучу, как к мечте. В переводе же лирический герой в луче ищет ее (девушку) «также». Одного этого «также» (նաև), стоящего к тому же в конце строки, в сильной позиции, достаточно, чтобы расстроить тональность стихотворения.

«И хоть нельзя – смотреть его хочу» [3, с. 99], – читаем в вариации. В переводе же не о желании говорится, а о решимости лирического героя – пусть смотрю («թող նայեմ»).

И вместо многоточия А. Погосян завершает вторую строфу точкой. Избранные переводчиком интонации «пересказа» этого стихотворения требуют определенной, точной концовки – точки.

Зыбкость всей картины, мечтательная неопределенность, призрачность любви, к которой устремлена мечта, любви не только бывшей когда-то, но и длящейся, исчезают в таком переводе.

Список использованных источников

1. Лермонтов, М. Ю. Избранные произведения (на армян. яз.) : т. 1 / М. Ю. Лермонтов. – Ереван : Айпетрат, 1941. – 260 с.
2. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений в трех томах (на армян. яз.) : т. 1/ М. Ю. Лермонтов. – Ереван : «Айастан», 1965. – 450 с.
3. Лермонтов, М. Ю. Сочинения в шести томах : т. 1/ М. Ю. Лермонтов. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1954. – 452 с.
4. «Лермонтовская энциклопедия». – Москва : «Советская энциклопедия», 1981. – 784 с.

УДК 81'25

ПЕРЕВОД КРЫМСКИХ ТОПОНИМОВ В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Д. А. Шалыга,

*старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Искажение перевода крымских топонимов в туристическом дискурсе рассматривается на примере названия Алустон / Алушта. В статье обосновывается ошибочность готской, таврской и староитальянской интерпретации происхождения топонима и состоятельность вариантов перевода из древнегреческого языка.

Ключевые слова: крымские топонимы, этимология, перевод, Алустон, Алушта.

Summary. The translation distortion of Crimean toponyms in the tourist discourse is considered using the example of the name Aluston / Alushta. The article substantiates the erroneousness of the Gothic, Taurian and Old Italian interpretation of the toponym origin and the validity of the translation options from the Ancient Greek language.

Key words: Crimean toponyms, etymology, translation, Aluston, Alushta.

Информативная и рекламная функции текстов, характерных для туристического дискурса, обуславливают ключевую роль наименования объекта посещения, что, в первую очередь, реализуется с помощью использования соответствующего топонима. Раскрытие значения топонима и трактовка его происхождения содержится в большинстве путеводителей и описаний туристических объектов, а также экскурсионных рассказов. Большая часть крымских топонимов не происходит из русского языка, поэтому объяснение значения актуально не только в текстах для иностранных туристов, но и в текстах для внутреннего туриста, что отражает специфику региона. В таком случае раскрытие значения топонима представляет собой перевод его компонентов на русский язык, зависящий от правильной этимологизации.

С точки зрения этимологии крымских топонимов можно выделить названия, происхождение которых определяется, и их значение не является предметом дискуссии. Однако большой пласт топонимики полуострова составляют названия, происхождение которых однозначно не устанавливается. Сложность этимологизации

связана с лакунами в дошедших до нас сведениях, многокомпонентным этническим составом населения полуострова и многослойностью крымской топонимики. Такие названия, в свою очередь, можно разделить на две группы. К первой относятся топонимы, этимология которых не ясна или гипотетична, значение не известно. Вторую группу составляют обозначения с несколькими вариантами трактовки происхождения и соответственно значения, предложенными разными исследователями.

Объяснение происхождения таких имен предполагает не только корректное сопоставление и реконструкцию языковых форм, но и обязательное привлечение сведений о времени и условиях бытования обозначаемого объекта и появления наименования, его первом упоминании. Толкование наименования должно коррелировать со свойствами обозначаемого объекта. Нарушение этих принципов ведет к появлению ошибочных трактовок, которые из научных публикаций и топонимических словарей попадают в тексты, функционирующие в туристическом дискурсе. Цель данной работы состоит в выявлении приоритетной версии этимологии и перевода крымских топонимов и минимизации распространения ложных этимологий и ошибочных вариантов.

На официальном сайте музея под открытым небом Крепость Алустон перечисляются выдвинутые в разное время разными авторами интерпретации значения названия крепости и, соответственно, современного города Алушта («устье гор», «неумытая», «сквозняк»), но наиболее аргументированной называется готская версия. Готскую этимологию топонима предложили в совместной публикации немецкие исследователи Гюнтер Нойман и Клаус Дювель в 80-е годы прошлого века [23]. Ученые связывают первое упоминание топонима, известный фрагмент о строительстве крепостей Алушта и в Горзувитах в правление Юстиниана I (527–565 гг.) в трактате «О постройках» (*De Aedificiis*) Прокопия Кесарийского со сведениями о проживании на побережье готов области Дори из другого фрагмента того же источника [24, III, VII, 11, VII, 13]. Из формы *Aluston* они реконструируют крымско-готскую форму **alust* (ср.п., склонение на -а- по типу *waurd*), которую сравнивают с нидерландскими топонимами, возводимыми к общегерманской форме **alista/alusta* со значением «ольховый», «ольховая». Топонимы с компонентом «ольха» в Западной Европе часто происходят от названия рек со значением «поросший ольхой», получивших название от ольшаников на их берегах. Авторы считают возможным провести параллель с природой крымского южного побережья, основывая свою аргументацию на упоминании этого вида среди растительности полуострова в советской справочной литературе. Другим аргументом служит наличие гидронима с названием Алушта, который исследователи посчитали первичным по отношению к названию крепости.

В V томе «Флоры СССР», на который ссылаются немецкие исследователи, Крым лишь фигурирует в обширном списке регионов, где растет *Alnus glutinosa* – Ольха клейкая или черная [20, с. 312]. П. С. Паллас, перечисляя лиственные деревья Крыма, относит ольху к видам мелкоколосья «в горах и их лесах» и характеризует как растущую «редко и высоко» [15, с. 189]. Н. А. Головкинский называет ольху среди деревьев леса, покрывающего северный склон выше предгорий [9, с. 33]. Н. И. Рубцов отмечает сохранившиеся прирусловые леса с преобладанием ольхи в верховьях рек Альмы и Качи [18, с. 68]. В верховьях этих рек локализует произрастание единичных деревьев и небольших групп Л. Н. Згуровская [10, с. 84]. В прошлом нижнюю часть южного склона Главной гряды покрывали леса из сосны, пушистого дуба, древовидного можжевельника, земляничного дерева, фисташки и т.д.; ольха среди растений этой зоны не называется [11; 16; 17].

Подтверждением готской этимологии могло бы послужить наличие рощ ольхи вдоль русла реки Улу-Узень (Алушта-Су, Алушта), особенно в ее нижнем течении и у устья, где находится крепостной холм. Гидроним Алушта (*das Thal des Baches Alušta*) в

литературе досоветского периода авторы готской версии находят у В. Томашека [25, с. 73]. Однако И. Л. Белянский приводит примеры, когда названия крымских рек вторичны по отношению к названиям населенных пунктов: «алуштинская Улу-Узень упоминалась как Алушта-Су, Дерекойка была известна как Ялта, Суук-Су – как Судак» [4, с. 47]. Как отмечает А. Л. Бертъе-Делагард, крымскотатарское название Улу-Узень «большая река» и подобные ему Кучук-Узень «малая река» и Куру-Узень «сухая река» калькировали и со временем вытеснили греческие названия: Мегалопотам, Микропотам и Ксеропотам [5, с. 11; 2, с. 211]. Таким образом, основа аргументации германской этимологии при ближайшем рассмотрении теряет свою прочность.

Постулируемую в работе немецких ученых крымско-готскую форму критикуют О. Н. Трубачев [19, с. 215–216] и Н. А. Ганина [7, с. 239]. Кроме того, словарь Г. Кёблера фиксирует в готском языке существительное со значением «ольха» *alīza, *alīsa [22].

О. Н. Трубачев этимологизирует топоним как состоящее из двух компонентов таврское имя *sal-ōsta со значением «устье гор» [19, с. 216]. Таврская этимология строится автором на гипотезе, что вариант названия с утерянным в последствии начальным s- более древний. При этом автор обращается к источнику XII в. Вариант Salusta (в латинском переводе) или Schalusta (в немецком переводе) / šalusta (на карте, реконструированной К. Миллером) известен благодаря арабскому географу и картографу Мухаммаду аль-Идриси (1100–1165 гг.), «который при дворе Рожера Сицилийского мог пользоваться сообщениями норманнских или итальянских купцов и путешественников» [8, с. 244; 12, с. 104, 183–184; 21, с. 151]. На искажения крымских топонимов в арабских и итальянских источниках обращают внимание А. Л. Бертъе-Делагард и А. И. Маркевич [5, с. 21; 13, с. 25].

В топонимических словарях Крыма встречается также версия перевода названия из староитальянского «сквозняк» [6]. Однако первое упоминание названия Прокопием Кесарийским не позволяет связывать происхождение топонима со староитальянским языком.

А. И. Маркевич разделяет названия более ранних греческих поселений, усвоенных греками от местного киммерийского и тавро-скифского населения, и греческие названия более поздних поселений, к которым и относит топоним Алустон [13, с. 18]. Поскольку археологические исследования подтверждают строительство крепости в VI в. [14, с. 66], а ее назначение заключается в обеспечении византийцам безопасного каботажа вдоль Южного берега [1, с. 301], то наиболее вероятной представляется греческая интерпретация топонима. А. И. Маркевич вслед за А. Я. Гаркави и А. Л. Бертъе-Делагардом приводит перевод названия с греческого «неумытая» [5, с. 8; 13, с. 20], И. Л. Белянский трактует его как «недоступная воде» [3, с. 147].

Таким образом, изучение вопроса на примере названия Алустон / Алушта позволяет констатировать продвижение в туристическом дискурсе не лишённого привлекательности, но при этом ошибочного перевода.

Список использованных источников

1. Айбабин, А. И. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.) / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. – Симферополь : Антиква, 2017. – 366 с.
2. Белецкий, А. А. Греческие элементы в географических названиях Крыма / А. А. Белецкий // Этимология 1967. – Москва : Наука, 1968. – С. 201–214.
3. Белянский, И. Л. Заметки по крымской топонимике / И. Л. Белянский // Топонимика Крыма 2010 : сб. статей памяти И. Л. Белянского. – Симферополь : Универсум, 2010. – С. 147–152.

4. Белянский, И. Л. Здесь рождается Бельбек / И. Л. Белянский // Топонимика Крыма 2010: сб. статей памяти И. Л. Белянского. – Симферополь : Универсум, 2010. – С. 47–48.
5. Бертъе-Делагард, А. Л. Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде / А. Л. Бертъе-Делагард // ИТУАК. – № 57. – Симферополь, 1920. – С. 1–135.
6. Большой топонимический словарь Крыма. – URL: https://xn--b1abdpmm1az4e.xn--p1ai/oldpages/crimea_placenames/index.htm (дата обращения: 07.03.2025).
7. Ганина, Н. А. Крымско-готский язык / А. Н. Ганина. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – 288 с.
8. Гаркави, А. Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе / А. Я. Гаркави // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. – Казань : Типография Императорского Университета, 1891. – Т. 2. – С. 239–248.
9. Головкинский, Н. А. Путеводитель по Крыму / Н. А. Головкинский. – Симферополь, 1894. – 551 с.
10. Згуровская, Л. Н. Рассказы о деревьях Крыма: Краеведческие очерки / Л. Н. Згуровская. – Симферополь : Таврия, 1984. – 224 с.
11. Кондараки, В. Х. Универсальное описание Крыма / В. Х. Кондараки. – Николаев, 1873. – Ч. 1. – 253 с.
12. Кеппен, П. И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических / П. И. Кеппен. – Санкт-Петербург : Имп. Акад. наук, 1837. – 412 с.
13. Маркевич, А. И. Географическая номенклатура Крыма, как исторический материал (памяти А. Л. Бертъе-Делагарда) / А. И. Маркевич ; под редакцией секретаря о-ва Н. Л. Эрнста // ИТОИАЭ. – Том 2 (59). – Симферополь, 1928. – С. 17–32.
14. Мыц, В. Л. Крепость Алустон в VI–XV вв.: от византийского фруриона до генуэзского консульства / В. Л. Мыц // Byzantinoturica: Византия и византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе. Тезисы докладов всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–28 сентября 2023 г. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. – С. 63–70.
15. Паллас, П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / П. С. Паллас. – Москва : Наука, 1999. – 246 с.
16. Педдакас, И. М. Что представляет собой восточный район Южного берега от Алушты до Кутлака / И. М. Педдакас // Экономика и культура Крыма. – Симферополь, 1935. – Т. 1-2. – С. 108–117.
17. Плугатарь, Ю. В. Леса Крыма / Ю. В. Плугатарь. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2015. – 385 с.
18. Рубцов, Н. И. Растительный мир Крыма / Н. И. Рубцов. – Симферополь : Таврия, 1978. – 128 с.
19. Трубачев, О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье / О. Н. Трубачев. – Москва : Наука, 1999. – 320 с.
20. Флора СССР / ред. В. Л. Комаров. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1936. – Том 5. – 762 с.
21. Arabische Welt- und Länderkarten. Die Länder Europas und Afrikas im Bilde der Araber / Hrg. K. Miller. – Stuttgart, 1927. – 195 S.
22. Köbler, G. Gotisches Wörterbuch [Electronic Resource] / G. Köbler. – Access mode: <https://www.koeblergerhard.de/gotwbhin.html>. (Access date: 15.03.2025).
23. Neumann, G. Alust – ein krimgotischer Ortsname? / G. Neumann, K. Düwel // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Bd. 98. – H. 2. (1985). – S. 280–284.

24. Procopius. On Buildings / Translated by H. B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. – Cambridge : Harvard University Press, 1940. – P. 3–363.
25. Tomaschek, W. Die Goten in Taurien / W. Tomaschek. – Wien, 1881. – 75 S.

УДК 316.77-81'23

ОСОБЕННОСТИ СЕМИОЗИСА ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В МУЗЕЙНОМ ДИСКУРСЕ

Т. Д. Шуверова¹, А. И. Зайцев²,

¹профессор кафедры теории и практики перевода и коммуникации, кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранных языков, ФГБОУВО «Московский педагогический государственный университет», Москва

²аспирант кафедры теории и практики перевода и коммуникации, Институт иностранных языков, ФГБОУВО «Московский педагогический государственный университет», Москва

Аннотация. Данная статья посвящена изучению особенностей генезиса знаков в рамках музейного дискурса. В ходе работы мы использовали описательный и структурный методы, методы концептуального и дистрибутивного анализа. В работе объясняется процесс эстетического преобразования знаков естественного языка и моделирование вторичного семиозиса. Формирование новых знаков в музейных текстах сопряжено с проблемой языковой интерференции. Использование транслитерации и транскрибирования не только вызывает лексическую интерференцию, но и приводит к образованию пустых знаков, не обладающих смыслом для представителей других культур. Такие приемы перевода как экспликации, описательный перевод, переводческий комментарий представляются более выгодными, так как в результате их использования формируются ранее не существовавшие знаки в языке перевода.

Ключевые слова: семиозис, знак, десигнат, интерпретанта, паратекстуальный комплекс музейного дискурса, языковая интерференция, артефакт, стратегии доместикизации и форенизации.

Summary. This article is devoted to the study of the peculiarities of the signs genesis within the museum discourse. In the course of the work we used descriptive and structural methods, methods of conceptual and distributive analysis. The paper explains the process of aesthetic transformation of natural language signs and the modelling of secondary semiosis. The formation of new signs in museum texts is associated with the problem of language interference. The use of transliteration and transcribing not only causes lexical interference, but also leads to the formation of empty signs that have no meaning for representatives of other cultures. Such translation techniques as explication, descriptive translation, and translation commentary seem to be more favourable, as they result in the formation of previously non-existing signs in the target language.

Key words: semiosis, sign, designate, interpretant paratextual complex of museum discourse, language interference, artifact, domestication and forenization strategies.

В рамках музейного дискурса одно из ключевых мест занимает семиозис – динамический процесс порождения и интерпретации знака, соответствующего определенному абстрактному или материальному объекту. В качестве знака могут выступать самые разнообразные объекты: абстракции, предметы, явления, свойства, отношения, действия и многое другое. Изучение процесса семиозиса в контексте музейного дискурса представляет собой актуальную задачу, так как получение знания способствуют приобретению, хранению, переработке, а также передаче информации.

Одной из главных особенностей знака в рамках музейного дискурса является его изобразительный, а не условный характер. Согласно классификации Ч. Пирса, такие знаки определяются как иконические, или изобразительные и служат важным эстетическим инструментом в художественной коммуникации [5]. Изобразительный знак проявляет свою многогранную природу и в рамках художественно-эстетической реальности отражает динамику объективной реальности. Примечательно, что изобразительный знак обладает свойствами как собственных денотатов, так и репрезентируемого объекта. Как утверждал советский литературовед Ю. М. Лотман, «словесное искусство хотя и основывается на естественном языке, но лишь с тем, чтобы преобразовать его в свой – вторичный – язык, язык искусства» [3, с. 32–34]. Из этого вытекает одна из парадоксальных тенденций – изобразительное искусство часто прибегает к повествованию, что свойственно словесному искусству, а словесное искусство, в свою очередь, создает из материальных условных знаков словесный образ, что является по своей природе изобразительным знаком. Таким образом, в музейном и художественном дискурсах происходит эстетическое преобразование языковых знаков и моделирование на основе естественного языка вторичной системы, компоненты которой порождают новую семантику, часто необлечённую в языковую форму.

Помимо собственных характеристик изобразительного знака в процессе семиозиса в контексте музейного дискурса важная роль отводится культурным и социальным факторам, а также сплетению смыслов, вкладываемых художником, и свобода к их интерпретированию реципиентами. Своеобразие семиозиса в музейном дискурсе приводит к формированию уникальной, эмоционально-окрашенной, художественной информации, семантической сложности, смысловой концентрации, многорядности прагматического потенциала. Интерпретация знака двухрусной структуры в контексте музейного дискурса обладает высокой степенью вариативности, так как каждый может понять текст и артефакты по-своему. Толкование одного и того же знака представителями разных культур может кардинально отличаться. Так, французский философ Жак Деррида, используя рефлексивный подход, объясняет, что интерпретатор оценивает прочитанное, основываясь на собственном опыте, своем понимании социальных норм и ценностей, а также современном состоянии общества. Согласно философу, значение знака содержится не в самом тексте, а в смысле, вкладываемом в этот знак интерпретатором [1].

Несмотря на возможные расхождения в интерпретации знаков и артефактов, мы можем наблюдать, как конструируются новые смыслы, что, в свою очередь, обогащает концептуализирование мира и делает объект более ценным. Также концепция открытости арт-объекта и художественного произведения всегда предоставляет возможность реципиенту «домыслить недосказанное», что способствует как расширению границ прагматического компонента существующего знака, так и порождению нового путем изменения пресуппозиций и импликаций. Такой подход демонстрирует принцип неограниченного семиозиса Ч. С. Пирса.

Однако важно отметить, что открытость произведения искусства не предполагает произвольного, фивольного толкования. Согласно положениям итальянского ученого Умберто Эко, автор и реципиент должны иметь некую общую платформу для успешной реализации прагматического потенциала знака [7]. Этой платформой могут выступать, например, одинаковые ценности. Также ученый критикует тенденцию извлекать все возможные и невозможные смыслы, так как это пагубно сказывается на целостности артефакта или текста. Суть данной позиции, выступающей в роли противовеса подходу Ч. С. Пирса, заключается в том, что характер интерпретации и алгоритм смыслового развертывания уже предопределены самим объектом.

В результате перевод текстов музейного дискурса приводит к появлению новых знаков на языке перевода. Новые знаки могут быть созданы на матрице различных лексических единиц языка оригинала. Наиболее распространенными из них являются реалии, историзмы, архаизмы, профессионализмы, неологизмы, термины, средства выразительности речи, эмоционально-оценочные компоненты текста. Приведем несколько примеров указанных лексических единиц, найденных нами в текстах Третьяковской галереи, в соответствующем порядке: «губерния», «Царь Салтан», «церковь Спаса на Песках»; «гумно», «салопа», «чепец»; «чухонцы»; «выкраска», «раскадровка», «на натуре»; «русскость»; «пензионерская поездка», «мирискусники», «диптих»; «прошла гвоздем», «как бы увиденным в калейдоскоп», «Шишкин не лиричен, он эпичен, монументален, репрезентативен»; «Боже мой!», «собачка», «злобный».

Успешность образования нового знака, понятного иностранному реципиенту, зависит от выбора стратегии перевода, наиболее популярными из которых являются доместикация и форенизация. Стратегия доместикации состоит в максимальной адаптации текста к нормам языка перевода и принимающей культуры. Стратегия форенизации, напротив, заключается в сохранении и воспроизведении на языке перевода особенностей и полноты содержания оригинального текста, несмотря на потерю легкости восприятия перевода. Американский переводчик Лоуренсу Венути отдает предпочтение стратегии форенизации и считает, что переводчик должен абстрагироваться от влияния родного языка и культуры и как можно более точно передать авторский стиль и замысел, наравне с уникальным своеобразием исходного языка [8]. Однако если переводчик преследует другие цели, например, сделать текст на языке перевода более доступным к восприятию, то доместикация становится главным инструментом. Чтобы принять правильное решение, до осуществления перевода специалисту необходимо установить, насколько иностранные реципиенты нуждаются в социальной и прагматической адаптации текста. Уровень данной потребности и определит, в пользу какой стратегии – форенизации или доместикации – переводчику следует сделать выбор.

Выбор стратегии отражается не только на качестве смысловой нагрузки и соответствии оригиналу, но и на степени и характере влияния языков друг на друга. Проанализировав переводы текстов Третьяковской галереи [9], мы сделали вывод, что такие приемы перевода, как транслитерация и транскрипция («пальто «Скобелев»» – “Skobelev coat”, «на выставке «Мир искусства»» – “at the ‘Mir Iskusstva’ exhibition”, «усадьбы Борок в Тульской губернии» – “Borok estate in the Tula Gubernia”, «один из критиков «Московских ведомостей»» – “A ‘Moskovskiye Vedomosti’ critic”, «Сказка о Царе Салтане» – “The Tale of Tsar Saltan”, «васнецовские богатыри» – “Vasnetsov’s bogatyrs”, «Боярыня Морозова» – “Boyarynya Morozova”, «на хуторе Мишкина пристань» – “in the small village of Mishkina Pristan”, «приглушенность красного цвета ее сарафана и кокошника» – “the muted red colour of her sarafan and kokoshnik”), калькирование («Принцесса лягушка» – “The Frog Princess”, «Царевна-Лебедь» – “The Swan Princess”) и дословный перевод («выставка передвижников» – “travelling Art Exhibitions”, «убили медведей и шкуру поделили» – “we killed the bears and shared the skins”, «на Девичьем поле» – “at Devichy Field”, «глаза души» – “the eyes of a soul”, «закатными красками» – “sunset colours”, «русскость» – “Russianness”) были использованы в целях сохранения особенностей русского языка и аутентичности славянских культур и народов. Исключения в некоторых случаях составляет использование калькирования. При этом приеме перевода значения всех или некоторых компонентов лексической единицы исходного языка могут не совпадать со значениями эквивалентов на языке перевода. Однако иностранный посетитель может догадаться о значении кальки, при условии наличия необходимых фоновых знаний. Также если

переводчик осуществит грамотный компонентный анализ сем, выделяя ядерные и окооядерные элементы, и подберет единицы на языке перевода, адекватно передающие содержание единицы языка оригинала, то калька не вызовет эффекта отторжения у реципиента.

Использование других приемов перевода, вызывающих лексическую интерференцию, может приводить к образованию пустых знаков, не обладающих смыслом для представителей других культур. Как правило, большинство пустых знаков возникает путем транслитерации и транскрибирования исходной языковой единицы. В итоге, такие знаки и текст в целом не реализуют свои прагматические потенциалы, не восполняют недостаток фоновых знаний и не оказывают запланированное воздействие на иностранных участников музейного дискурса. Таким образом, стратегия форенизации, осуществляемая при помощи транслитерации, транскрибирования, приближенного и дословного перевода, в процессе семиозиса в рамках музейного дискурса не представляется удачной.

В текстах Третьяковской галереи нами также были зафиксированы случаи использования переводчиками стратегии доместикации. Адаптация таргетированных лексических единиц и доступность текста для более широкой англоговорящей публики были достигнуты при помощи таких приемов, как экспликация («картина, предметы на которой изображены в натуральную величину» – “life-size painting”, «Иван Грозный» – “Ivan the Terrible”), описательный перевод («леший» – “wood spirit”, «дружинник» – “military governor”, «смотрины» – “bride show”, «Хоровод» – “Round Dance”, «платье-«опашень»» – “wide long-skirted caftan”, «он предвосхищает в нем поэтику мирискусников» – “the artist anticipated in this painting the poetics of the ‘World of Art’ Society”, «Товарищество передвижников» – “the Itinerant Artists group”) переводческий комментарий («девочка-семилеточка» – “Little Seven-Year-Old Girl (a Russian fairytale character)”, «Царевна-Несмеяна» – “Princess Nesmeyana (One Who Never Smiles)”, «Вечорниці» – “Vechornici (an evening party)”, «свиткой» – “Svitka (a sleeveless Ukrainian overcoat)”) функциональная замена («дипломная работа» – “graduation project”, «Гусляры» – “Psaltery Players”, «скоморох» – “jester”, «Русь» – “Russia”, «группа чухонцев» – “a group of Estonians”, «работа на натуру» – “drawing from life”, «истинный герой произведения» – “the true central subject”, «прошла гвоздем» – “main feature”, «народной песне» – “folk poetry”, «гумно» – “the barnyard”) и приближенный перевод («в Саратовской губернии» – “in the Saratov Province”, «хутор» – “village”, «усадьба» – “manor”, «князь» – “prince”, «витязь» – “knight”, «во время пенсионерской поездки» – “during his trip on a scholarship” «дворянская культура» – “gentry culture”).

При функциональной замене и приближенном переводе семантическое значение лексических единиц на разных языках может значительно отличаться. В связи с этим реципиент не воспринимает переведённую единицу языка в максимально приближенном к оригиналу варианте. Также неоправданное желание адаптировать оригинальный текст к нормам языка перевода может пагубно отразиться на художественной ценности, стилистических характеристиках и авторской задумке. Следующие примеры иллюстрируют полную потерю реалий, распространённых в славянских культурах: «Русь» – “Russia”, «группа чухонцев» – “a group of Estonians”, «в Саратовской губернии» – “in the Saratov Province”, «хутор» – “village”, «усадьба» – “manor”, «князь» – “prince”.

Стоит отметить, что итогом использования экспликации, описательного перевода, переводческого комментария становится образование ранее не существовавшего знака в языке перевода. При этом сопровождение оригинальной языковой единицы дополнительной уточняющей информацией помогает более полно раскрыть смысл знака. Используя приемы прагматической адаптации, переводчику удастся не только сохранить концептуальное поле слов и культурное своеобразие

народа, но сделать информацию более удобной для восприятия англоговорящими посетителями музея. При этом представители других культур остаются равноправными участниками дискурса, так как им предоставляются те же условия для ознакомления с экспозицией. Таким образом, стратегия доместикации, эффект которой достигается при помощи приемов прагматической адаптации, представляется наиболее успешным решением при переводе текстов музейного дискурса.

Список использованных источников

1. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – Москва : Ad Marginem, 2000. – 512 с.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для инст. и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с.
3. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – Санкт-Петербург : Искусство, 1998. – С.12–150.
4. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
5. Пирс, Ч. С. Логические основания теории знаков / Ч. С. Пирс. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 349 с.
6. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика : антология ; сост. Ю. С. Степанов. – Москва : Академ. проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 47.
7. Эко, У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / У. Эко ; пер. с англ. и итал. С. Серебряного. – Санкт-Петербург : Symposium ; Москва : Изд-во РГГУ, 2005. – 502 с.
8. Venuti, L. The Translator's Invisibility: A History of Translation / L. Venuti. – London : Routledge, 1995. – 324 p.
9. Третьяковская галерея : [сайт]. – Москва. – URL: [Virtual Gallery - page 1 of 89](#) (дата обращения: 07.02.2025).
10. Musée d'Orsay [Electronic Resource]. – Access mode: [Le modèle noir de Géricault à Matisse | Musée d'Orsay](#). (Access date: 25.01.2025).

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

УДК 81'255.2

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОНОМАТОПИЧЕСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ «ГРОМОВЫХ» СЛОВ В РОМАНЕ Д. ДЖОЙСА «НА ПОМИНЕ ФИННЕГАНОВ» В ПЕРЕВОДЕ АНДРЕЯ РЕНЕ)

Д. А. Анфиногенов,

*обучающийся 1-го курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Норец М. В., заведующий кафедрой теории и
практики перевода, д. ф. н., доцент, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь

Введение. В работе рассматриваются способы перевода ономатопических окказионализмов в тексте романа «На помине Финнеганов» («Finnegans Wake») Д. Джойса.

Целью данного исследования является выявление особенностей перевода на русский язык окказиональных ономатописических единиц на материале «громовых» слов в романе Д. Джойса «На помине Финнеганов» в переводе Андрея Рене. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) раскрыть семантические и ономатописические особенности обозначенных окказиональных единиц в тексте оригинала, 2) изучить способы перевода данных единиц на русский язык, 3) оценить адекватность перевода, учитывая все обозначенные особенности оригинала.

Методы исследования. В данном исследовании были применены следующие методы: метод семантического анализ, метод интертекстуального анализа, сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования. «Громовые» слова в тексте романа являются окказиональными единицами, всего таких слов десять, девять из которых состоят из ста букв, а десятое из ста и одной буквы, что в сумме даёт тысячу и одну букву, таким образом, отсылая к «Тысяче и одной ночи». Переводчик Андрей Рене применяет к этим словам эпитет «громовые», переводя уже введённое западными исследователями этого феномена понятие «thunder words» [2, с. 198]. Выбор такого определения связан с тем, что каждое стобуквенное слово призвано выразить через звукопись гром, стук или кашель. Наряду с термином «громовое» слово, мы используем термин «гекатограмма» (с греч. «hekaton» сто, «gramma» буква), чтобы избежать излишних повторений.

Каждая гекатограмма в тексте романа может быть разложена на составные части, в которых угадываются осмысленные слова. Таким образом, природа гекатограмм не исключительно ономатописическая, что делает межъязыковую трансляцию данных единиц крайне затруднительной, так как, помимо соблюдения звукописного компонента, переводчик должен стремиться к сохранению многообразия ассоциативного ряда, закладываемого смыслом каждого отдельного слова в составе гекатограммы, а также к соблюдению нужного количества букв в каждом слове, чтобы в переводе не была потеряна аллюзия на известный сборник восточных сказок.

В первом полном русском переводе Андрея Рене (2021 г.) был принят ряд переводческих решений, позволивший, с той или иной долей точности, трансплантировать смыслы романа на русскоязычную почву. Перевод каждого «громового» слова снабжён переводческим комментарием. Из первого комментария мы узнаём, что в оригинальном слове использовано тринадцать слов, означающих «гром» на различных языках. При этом первый компонент слова («bababad...») представляет особый интерес. Помимо возможного искажения с хинди «badel», – «облако», оно может отсылать к сквозному мотиву Вавилонской башни (The Tower of Babel), так как этим словом предваряется всё последующее смешение языков в «громовых» словах. Автор перевода решает применить редупликацию приставки «раз», как в слове «разразиться» («разразраз...»), и продолжить отсылкой к имени бога Зевса в традиционно-поэтическом виде («...зевес...»), применяя также скрытую синтаксическую конструкцию («...сокрушименя...»). Далее переводчик использует имена богов грома из различных пантеонов, заканчивает словом «гром» из болгарского «...гръм...», и искажённым региональным «молонья», молния. Таким образом, переводчик уходит от возможности транскрипции или транслитерации, и прибегает к необходимому со-творению нового текста на основе оригинала. Подобный метод автор перевода применяет и к остальным «громовым» словам.

Такой подход приводит переводчика к наполнению текста собственными окказионализмами-аллюзиями. В частности, примечательно упоминание в переводческом комментарии к пятому «громовому» слову фрагмента из «Братьев Карамазовых» для объяснения начала слова («всеизгиб...»): «Я говорю тебе: изгиб. У Грушеньки, шельмы, есть такой один изгиб тела <...>» [1]. В оригинале пятое

«громовое» слово начинается с «thingcrookly...», где можно проследить связь с англ. «crooked», кривой, изогнутый.

Другая немаловажная особенность подхода Андрея Рене к переводу гекатограмм состоит в игре с графикой их компонентов. Так, в переводе второго «громового» слова используются украинские и сербские слова с использованием графики этих языков («...гуркотіты...», «...тутъава...», «...грмъавина...»), что добавляет слой «отчуждённости» тексту, но при этом не мешает его считываемости в силу схожести букв «нь», «ль» с русскими сочетаниями «нь» и «ль», и в силу понятности латинской графики («i» в украинском) для русскоязычного читателя. Однако в случаях, когда графика слишком экзотична для русскоязычного человека, Андрей Рене переводит латиницу в кириллицу. Так, в переводе шестого «громового» слова Андрей Рене использует чешское «zavřel dveře» в следующем виде: «...заврелдвере...».

Ещё одним элементом игры с графикой текста послужила капитализация некоторых букв в восьмой гекатограмме («...ragheallachnatullagh...», «...СлухорейлинаВерхнеталкурган...»), что, как указано в комментарии, является обозначением имени персонажа (Persse O'Reilly, Прося Сухокрыл) и топонима (Tallaght, ирл.: «чумная могила», перевод в тексте: Верхнеталкурган, от г. Курган), однако необходимость капитализации не поясняется. Это можно рассматривать как отступление от оригинала, обусловленное творческим видением переводчика и неординарностью языка романа.

Выводы. По нашему мнению, автору перевода удастся справиться с тремя основными задачами, которые перед ним ставит данный текст: 1) передать звукописный компонент «громовых» слов, через искажение нормы языка и следование джойсовскому приёму сращения слов в труднопроизносимые кластеры; 2) вложить в каждую отдельную часть «громового» слова смысл, формирующий ассоциативные цепочки языковой игры с читателем; 3) соблюсти необходимое количество букв в «громовых» словах так, чтобы в сумме они давали число 1001. Нельзя не заметить, что ряд переводческих решений Андрея Рене отдаляет текст перевода от текста оригинала. Иногда такие решения выглядят как принятые не из острой необходимости, а из намерения автора перевода выразить своё, в первую очередь русскоязычное, истолкование, что, как мы отмечали, в какой-то мере само и является острой необходимостью, навязанной данным текстом. По нашему мнению, худшее, что переводчик мог бы сделать по отношению к данному роману, это пытаться строго придерживаться текста оригинала, тем самым отказывая ему в диалоге.

Список литературы

1. Рене, А. «На помине Финнеганов» / А. Рене // Журнал «Самиздат». – 2021. – URL: https://samlib.ru/r/rene_a/index_1.shtml (дата обращения: 09.03.2025).
2. Benstock, B. Joyce-again's wake; an analysis of Finnegans wake / B. Benstockю – Seattle : University of Washington Press. – 1966. – 344 p.
3. Зеленцова, М. Г. Окказиональное преобразование фразеологических единиц при переводе (на материале романа А. Кристи «Смерть на Ниле») / М. Г. Зеленцова, С. А. Шило // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : Материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 года ; глав. ред. М. В. Норец. – Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал», 2017. – С. 143–148.
4. Норец, М. В. Способы перевода авторских окказионализмов в романе «Вокзал потерянных снов» Чайны Мьевиля / М. В. Норец, В. И. Цирульник // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы III международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2019. – С. 262–268.

**К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ИМЕН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ЖАНРА YOUNG ADULT (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА С. ХИНТОН «ИЗГОИ»)**

А. Р. Белялова,

*обучающаяся 1-го курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Лукинова М. Ю.,

*к. ф. н., доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Введение. Young Adult (далее – YA) или литература для молодых взрослых является относительно молодым жанром, который возник лишь в середине прошлого века. YA литература получила широкое распространение в Соединенных Штатах, а некоторые произведения в этом жанре даже стали мировыми бестселлерами. К проблеме особенностей литературы для молодых взрослых обращалось множество зарубежных авторов, однако среди отечественных исследователей, особенно в области переводоведения, произведения жанра YA все еще мало изучены.

Целью данного исследования является выявление переводческих методов и стратегий, использованных при переводе имен в романе С. Хинтон «Изгой». Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) определить на основе зарубежных и отечественных трудов сущность понятия Young Adult; 2) выявить особенности подростковой прозы; 3) обозначить переводческие приемы и трансформации, используемые при работе с произведениями для молодых взрослых.

Методы исследования: контекстуальный метод, стилистический метод, сопоставительный метод, метод «тщательного прочтения».

Результаты исследования. Возникновение жанра YA связывают, в первую очередь, с выделением новой демографической группы, в которую входили люди в возрасте от 12 до 18 лет. До середины XX в. не существовало какого-либо перехода от детства к взрослому возрасту, однако события Второй мировой войны (для Европы) и войны во Вьетнаме (для США) пошатнули социальную структуру общества. Только в 50-е года прошлого столетия ученые из абсолютно различных научных областей стали задумываться о понятии «юность». Поскольку подростки теперь были в центре внимания, библиотекари начали составлять списки литературы для молодых взрослых, которые позже использовались бы в учебных заведениях. Тогда же название жанра “Young Adult” вошло в общее употребление; оно сохранилось по сей день и стало интернациональным, а в 1991 году организация YASD (Youth Action for Social Development) совместно с Национальным центром статистики образования издала указ, в котором говорилось, что young adults: “are those individuals from twelve to eighteen years old” [1, с. 25].

Многие ученые расходятся во мнениях относительно определения жанра YA. Тем не менее, в своей работе “Young Adult Literature of the 21st Century” исследовательница П. Коул определила критерии, которым должно соответствовать произведение данного жанра:

1. Протагонистом является подросток.

2. События, развивающиеся в жизни протагониста должны решать его/ее конфликт.
3. Рассказчиком является молодой взрослый.
4. Книга в этом жанре написана молодым взрослым и для молодых взрослых.
5. На книге есть отметка, что она относится к жанру “Young Adult”.
6. В таких книгах не может быть счастливого конца, т.к. это характеристика детской литературы.
7. У героя нет родителей или у него с ними напряженные отношения.
8. В книгах этого жанра поднимаются насущные для подростков темы (темы взросления, сексуальности, отношений, наркотиков и т.д.).
9. Книга состоит не более чем из 300 страниц, обычно около 200 [2, с. 49].

Также необходимо отметить, что книги в жанре YA выделяются среди остальных жанров, в силу своей стилистической специфики. В таких произведениях используется динамическое и, в то же время, упрощенное повествование. Язык произведений зачастую соответствует временному отрезку, в который происходят события книги, а повествование ведется от первого лица. В произведениях подростковой литературы преобладают аутентичные диалоги, детальная передача фактов и реалий, сленг и нецензурная лексика, встречается циничный, саркастический или иронический тон.

При переводе подростковой литературы наиболее часто приходится прибегать к лексическим трансформациям, поэтому мы считаем целесообразным сконцентрировать анализ романа «Изгой» С. Хинтон в переводе А. Завозовой именно на этом уровне текста. Особую трудность вызывает перевод имен и прозвищ, т.к. зачастую они представляют собой игру слов или являются говорящими.

Главного героя и рассказчика зовут “Ponyboy Curtis”, в переводе же его имя звучит «Понибой Кертис»; в данном случае был применен прием транскрипции, который часто используется при переводе имен собственных. Имя одного из братьев рассказчика в оригинале звучит как “Sodapop” (сокр. “Soda”). В данном случае переводчица заменила имя прямым эквивалентом, так что при переводе оно стало «Газировка» (сокр. «Газ»), что является адекватным вариантом, т.к. при транскрипции было бы упущено прямое значение имени. Еще одному персонажу романа принадлежит специфическое прозвище “Two-Bit”, которое имеет прямое значение «никудышный, никчемный, плохой», однако в переводе данного персонажа называют «Смешинка», что расходится со смыслом прозвища в оригинале. В данном случае переводчица прибегла к полной лексической и семантической замене. Стоит отметить, что прозвище «Смешинка» не соответствует образу персонажа: “He was about six feet tall, stocky in build” [3, с. 12], что создает нежелательный юмористический эффект, поэтому такой перевод не может считаться адекватным. Фамилию героя “Johnny Cade” нередко коверкают в романе, называя его “Johnny Cake”. Подобным образом и А. Завозова видоизменяет фамилию персонажа «Джонни Кейд» на «Джонни Кекс», что соответствует семантике оригинала и достигает насмешливого тона, который присутствует в романе. Интересным примером также является перевод прозвища героини Черри Валанс, которое в оригинале звучит как “Cherry Valance”. В данном случае переводческая задача заключалась в том, чтобы перевести не само прозвище, а то, как его обыгрывают в книге. Героиня отмечает, что ее называют Cherry “because of my hair” [3, с. 25]. В переводе А. Завозова создает иное сравнение, чтобы сохранить игру слов: «Меня зовут Шерри, но все называют меня Черри, как помидорку» [4, с. 47].

Выводы. При переводе имен и прозвищ в романе С. Хинтон «Изгой» используется не только привычный прием транскрипции, но и лексические и семантические трансформации, замена эквивалентом, а также замена образа.

Список литературы

1. Cart, M. Young adult literature: from romance to realism / M. Cart. – Chicago : ALA Neal-Schuman, 2016. – 329 p.
2. Cole, P. Young adult literature in the 21st century / P. Cole. – New York : McGraw-Hill, 2009. – 724 p.
3. Hinton, S. E. The Outsiders / S. E. Hinton. – New York : Speak, 2008. – 180 p.
4. Хинтон, С. Е. Изгой / С. Е. Хинтон ; перев. с англ. А. Завозова. – Москва : Лайвбук, 2023. – 288 с.

УДК 811.111

ПРИЁМЫ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ В МУЛЬТФИЛЬМАХ (НА ПРИМЕРЕ МУЛЬТФИЛЬМА «ДУША»)

М. И. Зайналова,

*обучающаяся 1-го курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Лукинова М. Ю.,

*к. ф. н., доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Введение. С научно-техническим прогрессом меняются условия работы переводчиков, особенно в контексте новых платформ для видео и анимации. XXI век характеризуется распространением видеохостингов и стриминговых сервисов, что создает новые вызовы. Одним из приоритетных направлений является анимация, становится заметным её влияние на различные аудитории и разнообразие жанров. Перевод мультфильмов и мультсериалов представляет собой молодой и активно развивающийся сегмент аудиовизуального перевода. Тем не менее, переводчики сталкиваются с трудностями, связанными с новизной материалов и увеличением спроса на анимацию. Этим обусловлена **актуальность** исследования.

Целью данного исследования является анализ приёмов перевода языковых средств создания образов персонажей на примере мультфильма «Душа» студии Пискар, выпущенного в 2020 году и переведенного на русский язык студией дубляжа «Невафильм» [1; 4].

Задачи исследования: 1) проанализировать особенности адаптации персонажей мультфильма «Душа» на русском языке с точки зрения культурного контекста; 2) исследовать используемые переводческие приёмы для передачи эмоциональных и смысловых нюансов персонажей; 3) произвести сравнительный анализ оригинального текста и перевода для выявления ключевых отличий в подаче образов персонажей.

Методы исследования. В данном исследовании использованы контекстуальные и сопоставительные методы.

Результаты исследования. «Мультфильмы и мультсериалы в наше время занимают большую часть индустрии развлечений. Многие из них создаются на английском языке, и, как следствие, требуют перевода для показа в других странах. Поскольку целевая аудитория мультфильмов и мультсериалов – дети в возрасте до 12 лет, перевод должен быть полным, чтобы у детей не возникло проблем при просмотре, и, как правило, используется дублирование для мультфильмов и липсинк для

мультсериалов. Однако тот факт, что перевод выполняется «для детей», подразумевает две противоположных точки зрения, два подхода. С одной стороны, перевод должен быть качественным и полноценным, иначе детям будет сложно воспринимать информацию или они даже могут что-то воспринимать не так, а затем совершать ошибки в речи. С другой, детям важнее не то, что персонажи говорят, а то, что происходит на экране, как это происходит, а значит, они не будут уделять много внимания самому переводу и им можно пренебречь» [2, с. 65].

Следует начать с анализа перевода названия мультфильма. Название «Soul» [4] переведено на русский язык как «Душа» с помощью приёма калькирования. Перевод адекватен с точки зрения семантики и символического значения, которым обладает слово «душа» в английском и русском языках – оно ассоциируется с внутренней сущностью человека, его индивидуальностью и духовной составляющей. В контексте мультфильма, центральной темой которого является самопознание, смысл жизни и связь между музыкой и внутренним «Я» человека, слово «soul» в значительной степени передает первостепенную суть мультфильма и его идею. Тем не менее, не все культурные и социальные аспекты могут быть полностью переданы через перевод. К примеру, в английском языке «soul» также является музыкальным жанром, что добавляет оригинальному названию многослойность, так как именно музыка играет в мультфильме ключевую роль.

Для передачи образов персонажей использованы различные приёмы. В частности, в оригинальном тексте реплики Джо Гарднера, произносимые в классе, представлены сжато и уверенно [3]. Однако, когда на экране появляется визуальный ряд, зритель замечает, что персонаж испытывает неуверенность перед учениками и недовольство собственной работой. Это состояние в русском переводе передается с помощью использования слов-паразитов, которые акцентируют внимание на его мягкости и смирении перед неудачной игрой детей на инструментах: «Alright! – Ну, хорошо» [3, с. 1]; «Let's try something else – Ещё разок, да?» [3, с. 1; 1]; «I'll be right back – Так, все замерли, я быстро» [3, с. 3; 1]. Также использован прием генерализации, который, в дополнение к невербальной коммуникации Джо на экране, подчеркивает скромность героя и то, как он преуменьшает собственные успехи: «Well, you know, for a coffee shop. – Да... мы с ним сыграли всего-то пару песен». [3, с. 7; 1].

Для передачи образа матери Джо, которая не воспринимает всерьез увлечение сына музыкой и подработкой в барах, подобраны фразы и слова, которые не имеют аналогов в других языках, будут верно истолкованы людьми, выросшими в русской культуре. Для перевода её реплик применяются контекстуальные замены: «After all these years, my prayers have been answered! A full-time job! – Свершилось, мои молитвы услышаны! В кои-то веки у тебя человеческая работа!» [3, с. 4; 1]. Фраза «человеческая работа» благодаря приему локализации обрела тот смысл, который подразумевается героиней. Он не так ярко заложен в оригинальной фразе «full-time job». Еще один пример: «With this job, you'll be able to put that dead-end gigging behind you – Ты наконец сможешь оставить эти халтурки в клубах» [3, с. 4; 1]. Слово «халтура» укоренилось в русской культуре и не имеет полных аналогов в других языках.

Для передачи образа Кудряша, который намного младше Джо, просторечив, и, очевидно, недостаточно образован, при переводе используются сленговые выражения: «My boy Bishop said he sat in on with you on a set last year in Brooklyn – Мой друган Бишоп сказал, что в том году играл с вами в Бруклине» [3, с. 7; 1]; «This is the cat I was telling you about – Вот чел, о котором я рассказывал» [3, с. 7; 1].

Выводы. В процессе передачи образов персонажей мультфильма «Душа» были учтены все нюансы оригинального сценария, восприятие мультфильма разной возрастной аудиторией и культурные различия. Всё это способствовало оригинальному

и творческому переводу названия произведения, имён персонажей и, непосредственно, успешной передаче образов героев.

Список литературы

1. Душа. 2020. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/775273/?utm_referrer=www.google.com (дата обращения: 01.03.2025).
2. Матюхин, И. Б. Перевод мультсериалов: проблема перевода имен собственных / И. Б. Матюхин // Вестник науки и образования. – 2019. – № 19-1 (73). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-multserialov-problema-perevoda-imen-sobstvennyh> (дата обращения: 02.03.2025).
3. Сценарий мультфильма «Душа». – URL: <https://www.scriptslog.com/script/soul-2020> (дата обращения: 01.03.2025).
4. Soul. 2020 [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.imdb.com/title/tt2948372/>. (Access date: 01.03.2025).
5. Курбанова, Н. М. Способы перевода лайфстайл-образов (англо-русский перевод) / Н. М. Курбанова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы VIII международной научно-практической конференции, Симферополь, 25–26 апреля 2024 года. – Симферополь : ООО Издательство Типография «Ариал», 2024. – С. 189–194.
6. Панычев, В. В. Система образов в романе Роберта Энтони Сальваторе «Два меча. Темный эльф» / В. В. Панычев, М. В. Норец // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 года. – Симферополь : ООО Издательство Типография «Ариал», 2017. – С. 322–326.

УДК 81.25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ

Ю. П. Иванашко¹, Е. А. Процукович²,

^{1,2}кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», Благовещенск

Введение. В процессе перевода художественного текста переводчик неминуемо сталкивается с необходимостью передачи с одного языка на другой культурно-исторических реалий, обусловленных особенностями исторического развития народа, говорящего на языке оригинала, их бытом, общественно-политическим строем, внутрисоциальными процессами, протекающими в обществе. Нередко такие реалии являются уникальными для конкретной культуры и, соответственно, не находят эквивалентов в языке перевода. Проблема отсутствия лексических аналогов во взаимодействующих в процессе перевода языков вынуждает переводчика искать наиболее продуктивные методы передачи лексем, способствующие достижению переводческой эквивалентности текстов без значительных языковых потерь.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является анализ способов перевода безэквивалентной лексики, содержащейся в текстах современной англоязычной художественной литературы, и выявление наиболее продуктивных их видов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: произвести отбор языкового материала для исследования; провести анализ способов перевода отобранной лексики художественных текстов, использованных профессиональными переводчиками, определить наиболее и наименее продуктивные их типы с точки зрения сохранения при переводе максимального количества значений, заложенных в исследуемых лексемах.

Методы исследования: метод сопоставительного анализа, дескриптивный метод, дефинитивный и контекстуальный методы.

Результаты исследования. Материалом для настоящего исследования стали безэквивалентные лексические единицы, отсегментированные из текстов современных произведений англоязычной художественной литературы и их переводов на русский язык [2; 3; 4; 5]. Анализу подверглись 60 лексических единиц (слов и словосочетаний), представленных несколькими группами: 1) имена собственные – имена и фамилии людей (в т. ч. «говорящие»), прозвища, названия компаний, брендов, товаров, не имеющие постоянных соответствий в языке перевода; 2) собственно реалии – слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на языке перевода.

Исходя из сведений научной литературы, наиболее распространёнными способами передачи безэквивалентной лексики являются: 1) транслитерация и транскрипция; 2) калькирование; 3) описательный перевод; 4) приближенный перевод; 5) трансформационный перевод [1]. Каждый из представленных видов перевода имеет определённые особенности, ограничения в использовании, преимущества и недостатки. Первостепенной целью переводчика при работе с текстами художественной направленности является достижение переводческой эквивалентности, заключающейся в максимально возможном сохранении всех значений, смыслов и намерений, заложенных автором исходного произведения как в текст в целом, так и в наполняющие его отдельные лексические единицы. Иными словами, переводчику необходимо постараться передать не только референциальные значения языковых единиц, подразумевающие отношения между знаком (словом) и обозначаемым им предметом, но и прагматические, выражающие отношение носителя исходного языка или всего языкового коллектива к тому или иному предмету или явлению. При работе с безэквивалентной лексикой к вышеперечисленным значениям, которые должны быть переданы при переводе, нередко присоединяется проблема сохранения национально-культурного компонента, что, в свою очередь, требует от переводчика не только умений грамотно применять адекватные способы перевода к исходным лексическим единицам, но и глубоких познаний в исторических и культурных реалиях.

Анализ отобранной для исследования лексики показал, что при передаче первой группы безэквивалентных слов и словосочетаний переводчики, в основном, прибегают к приёму транскрипции, преимуществом которого, несомненно является компактность переводных единиц и сохранение исходной звуковой формы оригинальных имён и названий. Однако основным недостатком данного приёма является невозможность передачи «говорящих» имён – исходное значение, заложенное автором в имя, утрачивается. Наилучшим способом передачи «говорящих» имён собственных, по нашему мнению, является калькирование, но и в случае с этим приёмом переводчикам не всегда удаётся верно трактовать значимые компоненты именования. Например, имя пациента психиатрической больницы *Multiple Miggs* в произведении «Молчание ягнят» [3; 4] было передано как *Многократник Миггз*, что привело к искажению медицинского термина *multiple*, означающего «человека, страдающего раздвоением (расщеплением) личности». Следовательно, данное имя можно было перевести как *Многоликий Миггз*. В некоторых ситуациях уместно опускать при переводе названия продуктов или товаров и сохранять их функциональную принадлежность, так как получателям перевода не всегда известен упоминаемый в тексте оригинала бренд. Рассмотрим пример: *Crawford took a jar of Vicks VapoRub out of his pocket and offered it around.* – *Крофорд достал из кармана баночку с растиркой от простуды и предложил остальным.* Однако имена собственные целесообразнее сохранять и в случае, если они могут быть незнакомы читателю переводного текста, давать переводческий комментарий в виде подтекстовой

сноски. Например: *Yard-sale records. Love themes by Zamfir, Master of the Pan Flute.* – *Пластины с уличной распродажи. Замфир, король флейты. Песни о любви.*

Анализ переводов реалий показал, что одним из распространённых способов передачи данной группы лексем является приближенный перевод. Например: *Drugstore's open on the corner already. We'll get some coffee.* – *Кафе на углу уже открыто. Идёмте выпьем кофе* [3; 4]. Такой способ передачи лексики приемлем, если другие приёмы оказываются менее удачными или невозможными. При этом, в данном случае для *drugstore* в языке перевода целесообразнее было бы использовать заимствованное из немецкого языка понятие «дрогери» как более близкий к оригиналу вариант. Калькирование и описательный перевод представляют самую многочисленную группу способов передачи реалий, например: *Autumn Fall* – *осенний бал*, *Dress-Up Friday* – *нарядная пятница*, *Drama Club* – *театральная студия*, *letter jacket* – *куртка с эмблемой команды*, *Single-A ball* – *нижняя бейсбольная лига*, *scratch ticket* – *моментальная лотерея* и т. д. [2; 5]. При калькировании в некоторых случаях переводчики сталкиваются с проблемой передачи многозначной лексики. Так, например, школьное мероприятие по сбору пожертвований для пожарной команды *Carrying the Boot* было переведено как «наполни сапог», однако слово *boot* имеет также и сленговое значение «деньги», поэтому использование лексемы «сапог» не является верным в данном случае [2; 5].

Выводы. В результате проведённого анализа языкового материала было установлено, что при передаче безэквивалентной лексики переводчик прибегает к широкому спектру приёмов, наиболее часто используемыми из которых являются транскрибирование, калькирование, описательный и приближенный виды перевода. При этом, каждый приём обладает как преимуществами, так и недостатками, влекущими потери при передаче референциальных и / или прагматических значений, поэтому переводчик в каждом конкретном случае должен оценивать степень языковых потерь и выбирать тот приём, который позволяет достичь коммуникативную эквивалентность текстов ИЯ и ПЯ.

Список литературы

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – 240 с.
2. Кинг, С. Будет кровь / Стивен Кинг. – Москва : АСТ, 2022. – 544 с.
3. Харрис, Т. Молчание ягнят / Томас Харрис. – Москва : ЭКСМО, 2023. – 512 с.
4. Harris, T. The Silence of the Lambs / Thomas Harris. – London, 2019. – 421 p.
5. King, S. If it Bleeds / Stephen King. – New York : Scribner, 2020. – 436 p.

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ ИДИОСТИЛЯ Р. БРЭДБЕРИ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА
“IN THE SEASON OF CALM WEATHER”)**

Н. А. Карбань,

*обучающийся 1-го курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Глухенькая Л. Н.,

к. ф. н., старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В работе рассматриваются вопросы передачи авторского стиля американского писателя-фантаста Р. Брэдли при переводе на русский язык. Идиостиль Брэдли характеризуется следующими деталями: фантастический и антиутопический сеттинг, аллюзивность повествования, метафорическое моделирование образа и синтаксические средства образной репрезентации. Его творчество разнообразно по стилю, что позволяет детально изучить особенности авторского стиля и подходы к его передаче на русский язык. **Актуальность** работы обусловлена значимостью творчества Рэя Брэдли и необходимостью изучения передачи и сохранения идиостилистических особенностей при переводе на русский язык. Кроме того, исследование поможет развить понимание аспектов переводческой практики в области американской художественной литературы.

Целью данного исследования является рассмотрение результатов передачи идиостиля Р. Брэдли при переводе рассказа «In the Season of Calm Weather» на русский язык. Данная цель обусловила постановку следующих задач: 1) изучить ключевые языковые и стилистические особенности идиостиля Р. Брэдли, конституируемые в рассказе; 2) раскрыть стратегии, которые использовали переводчики при адаптации идиостилистических доминант произведения: концептуальных метафор и синтаксических конструкций, структурообразующих элементов для художественной реальности у Брэдли.

Методы исследования. В данном исследовании были использованы следующие методы: метод сравнительно-сопоставительного анализа и метод семантического анализа.

Результаты исследования. Отличительной характеристикой идиостиля Р. Брэдли является активное использование в новеллистике ярких и неожиданных метафор, которые выстраиваются в особую систему смыслов. Далее рассмотрим несколько примеров.

В первую очередь обращаем внимание на название произведения – «In the Season of Calm Weather». Перевод Арама Оганяна «Бархатный сезон» имеет следующую трактовку: теплая и мягкая погода, а также время года, когда природные пейзажи преобразуются и становятся более привлекательными как для простых туристов, так и для творческих личностей. Таким образом, переводчик, обращаясь к устоявшейся метафоре, использует прием генерализации. Кроме того, подчеркивается важность раскрытия темы искусства. Нора Галь перевела название произведения как «Погожий день». Этот вариант перевода отличается лаконичностью, подчеркивается

красота дня как времени суток, внешняя идиллия и, конечно, вызываемая ими радость, которая в то же время представляется как мимолетная.

Следующим рассмотрим описание подсолнухов Ван Гога: «... those fire-squirting, thick-wormed Van Gogh sunflowers» [1]. Арам Оганян адаптировал данное описание следующим образом: «... пышущие жаром подсолнухи Ван Гога с лепестками как жирные гусеницы...» [3, с. 8]. Оганян сохраняет внутренне качество и смысл метафоры, но использует функциональную замену (*пышущие жаром подсолнухи*). Использование более простого образа в данном случае делает текст доступнее для массового читателя, однако теряется метафоричность и ощущение напряжения от ожидания гипотетической встречи главного героя с кумиром, показанное в оригинале.

Перевод Норы Галь: «... брызжащие огнем подсолнухи Ван Гога на мощных стеблях» [2, с. 6] более приближен к оригиналу, так как он сохраняет метафору (*брызжащие огнем*) и добавляет символизм связи природных сил и искусства (*мощные стебли*).

Синтаксис в рассказах Брэдбери также часто отвечает за эмфатизацию. Например, перечисления могут быть использованы для создания ощущения изобилия и передачи чувственности, как в эпизоде, где Пикассо престаёт в образе Нептуна «... crowned with limewood, alabaster, coral, paintbrushes clenched like tridents in horn-nailed fists...» [1]. Перевод А. Оганяна: «... увенчанный водорослями, алебастром и кораллами, стиснув кисти, подобно трезубцам в когтистых пальцах...» [3, с. 9]. Здесь автор заменяет *limewood* на «морские водоросли», тем самым развивая образность в океанической субсфере и усиливая эффект божественной могущественности художника Пикассо.

Перевод Норы Галь: «... встающий из вод в венце из алебаstra и коралла, когтистые пальцы сжимают подобно трезубцу большущие кисти...» [2, с. 7], с одной стороны, демонстрирует переводческий прием опущения. Как следствие, акцент смещается в сторону земной (небожественной) действительности. С другой стороны, благодаря тому, что внимание приковано к материальному, передается мощь искусства, гиперболизировано сосредоточенная в руках художника с «когтистыми пальцами» и «огромными кистями».

Использование стилистических приемов перечисления, повторов и параллелизмов в произведениях Брэдбери нередко связано с передачей чувства ритма в строке и сопряжено с тем, чтобы подчеркнуть важность деталей для образования сюжетного единства, например, отражающую временные координаты хронотопа художественной реальности – «... now... now... now...» [1]. А. Оганян смещает временное «сейчас» на пространственное «вот... вот... вот...» [3, с. 13]. Нора Галь, в свою очередь, интерпретирует этот отрывок несколько иначе, переводя ощущения в разряд ожидания «чуда», продолжающегося акта творения: «А вот ещё... и ещё... и ещё...» [2, с. 11].

Выводы. Несмотря на различия в подходах для сохранения метафоричности описания и передачи эмфатического синтаксиса на русский язык, оба переводчика, используя упомянутые в работе стратегии, достаточно точно передали как авторский стиль, так и настроение произведения. Современный подход Арама Оганяна к переводу рассказа Р. Брэдбери делает его более доступным и привлекательным для широкого читателя. Используемые им методы перевода упрощают как процесс прочтения текста, так и процесс восприятия контекста, в который он вписан, т.е. перевод А. Оганяна прагматически эквивалентен.

Перевод же Норы Галь более точный, элегантный и эстетически приближенный к оригиналу. Он понравится читателю, который оценит точную передачу стиля оригинала. Сообразно определить перевод как более функциональный, но менее запоминающийся. Ориентирован на более интеллектуальную аудиторию, которая

ценит стилистическую утонченность и точное воспроизведение художественных качеств оригинала, а также знакома с аспектами творчества Р. Брэдли. Перевод Н. Галь более полно и точно передает идиостиль автора.

Список использованных источников

1. Bradbury, R. In the Season of Calm Weather / Ray Bradbury [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.cliffsnotes.com/literature/b/bradburys-short-stories/summary-and-analysis-medicine-for-melancholy/in-a-season-of-calm-weather>. (Access date: 03.03.2025).
2. Брэдли, Р. Лекарство от меланхолии / Р. Брэдли ; перевод с английского Н. Галь [и др.]. – Москва : Эксмо, 2020. – 320 с.
3. Брэдли, Р. Лекарство от меланхолии / Р. Брэдли ; перевод с английского А. Оганян. – Москва : Эксмо, 2023. – 320 с.

УДК 81-13

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ МЕТАФОР ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В. В. Кирпикова,

*ассистент кафедры иностранных языков, филологический факультет,
ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», Благовещенск*

Введение. Метафоры – неотъемлемая часть любого языка, которая неизбежно вызывает у переводчика семантические трудности при переводе текста с исходного языка (ИЯ) на переводящий язык (ПЯ). Изучением метафор занимаются разные учёные, как отечественные, так и зарубежные. Однако, несмотря на большое количество подходов к переводу метафор и фразеологизмов, универсальный способ перевода так и не выработан [1, с. 200–201]. Одна из наиболее популярных сегодня теорий перевода метафор предложена Питером Ньюмарком, который выделил семь способов перевода метафоры [2, с. 106–113]. Однако при переводе метафор с китайского языка на русский в данном исследовании мы руководствовались подходом Раймонда ван де Брука, который предлагает три способа их перевода [3, с. 77].

Актуальность работы заключается в отсутствии единого универсального способа перевода метафор, а также возрастающим интересом к восточноазиатской культуре и художественной литературе со стороны лингвистов-исследователей и широкой аудитории, что в свою очередь ведёт к необходимости создания переводных текстов на русском языке и выбору наиболее адекватных переводческих средств для их организации.

Цель данного исследования заключается в выборе и описании средств перевода, способствующих достижению эквивалентности при переводе метафор с китайского языка на русский. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) провести критический анализ научной литературы по теме; 2) осуществить перевод художественного текста на китайском языке (повесть Янь Гэлин «13 цветов Нанкина»); 3) выявить и произвести подсчет узких контекстов, содержащих метафоры, представляющие трудности при переводе на русский; 4) предложить такие способы их перевода, которые позволили бы достичь максимального сходства текстов оригинала и перевода.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: метод анализа, наблюдение, описание, количественный метод обработки данных.

Результаты исследования. В ходе исследования нами было выделено 37 узких контекстов, содержащих метафоры, которые вызвали трудности при передаче на

русский язык. Для их перевода нами были использованы такие приемы как перефразирование (замена исходной метафоры полным русскоязычным синонимом), замещение (замена исходной лексической единицы близкой по значению единицей) и калькирование (полный перевод и содержания, и средства передачи смысла).

Чаще всего для передачи метафор использовалось перефразирование (59.46%), при этом исходная метафора заменялась на синонимичную русскоязычную метафору, фразеологизм либо коллокацию. Например:

(1) 她这个轻如红尘的女人，一旦消失，就像从来没投胎到这世上似的。

Как только эта женщина, легкая как багровая пыль, исчезнет, от нее **не останется и следа в этом мире.**

В данном примере выделенный фрагмент является метафорой, построенной на основе буддийского термина 投胎, который буквально переводится как *перейти в следующее воплощение; переродиться; перевоплотиться в человеческом образе (о демоне или духе)*. Т.е. исходная метафора буквально переводится как «будто она и не перерождалась в этом мире» и означает, что человека как будто никогда не существовало. Однако русскоязычные читатели далеки от буддизма и его терминологии, поэтому исходную лексическую единицу возможно заменить на синонимичную метафору – *не останется и следа в этом мире.*

Для перевода метафор использовалось также замещение (35.14%), когда исходная метафора заменялась на синонимичную коллокацию либо нейтральную лексику со схожим значением, т.е. сохранялось только референциальное значение, а прагматическое утрачивалось. Например:

(2) 苏菲蚊子似的说：“小愚，你不是说，也叫你爸带我走吗？”

«Сяо-юй, разве ты не обещала, что попросишь отца и меня взять с собой?» – **пропищала Софи.**

В данном случае метафора 蚊子似的说 буквально переводится как *сказать как комар*. Использование дословного перевода здесь возможно, но русскоязычному читателю будет трудно его воспринять, так как исходная метафора для него непривычна и не совсем понятна. Следовательно ее необходимо заменить на такую языковую единицу, которая была бы понятна русскоязычному читателю и при этом полностью передавала референциальное значение исходной, например, глагол *пищать*. Он не только отражает смысл метафоры, но и сохраняет определенную часть образности, которую она несет. Ведь в понимании русскоязычного читателя комар именно пищит.

Наименее часто для перевода метафор использовалось калькирование (5.41%). Например:

(3) 趁这个空当，墙头上的女人们都像雨前田鸡一样纷纷起跳，落进院内。

Воспользовавшись этой заминкой, остальные **спрыгнули** со стены во двор, ловко **как лягушки.**

В данном примере выражение 像雨前田鸡一样纷纷起跳 имеет буквальный перевод *прыгать как лягушки после дождя*. В русском языке также существует подобное выражение, связанное с лягушками, в значении «высоко или далеко прыгать» – *прыгать как лягушка*. Следовательно, буквальный перевод здесь вполне возможен, однако уточнение «после дождя» следует опустить. Действительно, считается, что во время и после дождя лягушки выпрыгивают из своих убежищ на открытые места и становятся более активными, но для русскоязычного читателя данное уточнение излишне.

Выводы. Исследование позволило прийти к следующим выводам: 1) для передачи метафор чаще всего использовалось перефразирование, при этом исходные лексические единицы заменялись на синонимичные русскоязычные метафоры либо

фразеологизмы; 2) замещение для передачи метафор использовалось в тех случаях, когда исходная лексическая единица не имела синонима в русском языке, а буквальный перевод был бы непонятен русскоязычному читателю; 3) использование калькирования для передачи метафор обуславливалось полным совпадением исходной метафоры с русскоязычным эквивалентом и возможностью ее понимания русскоязычным читателем.

Список литературы

1. Яковенко, Т. И. Способы перевода метафор в зарубежной теории перевода / Т. И. Яковенко, А. М. Шайхалиева // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 4. – С. 200–208.
2. Newmark, P. A. Textbook of Translation / P. A. Newmark. – New York / London : Phoenix ELT, 1995. – 402 p.
3. Broeck, Raymond van den. The Limits of Translatability Exemplified by Metaphor Translation / Raymond van den Broeck // Poetics Today. – Vol. 2, № 4. – 1981. – P. 73–87.

УДК 81-115

СПЕЦИФИКА НАЗВАНИЙ ВИН В АНГЛО-ГОВОРЯЩИХ СТРАНАХ

Б. А. Крицкая,

*обучающаяся 1-го курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Введение. Виноделие – одна из древнейших сфер жизни человека, которая затрагивала большинство населения планеты. Благодаря урбанизации, эта отрасль не теряет своей важности и востребованности, так как от её развития зависит экономическая сфера жизни общества: как производителей этой продукции, так и стран-импортёров. Помимо исследований в более прикладной, практической сфере, ведутся также и дополнительные, нацеленные на более узкую специфику (к примеру, в лингвистике). Для нас, крымчан, тема виноделия приобретает особую актуальность, так как наш регион известен как один из самых продвинутых в сфере виноделия в России [2, с. 311].

Целью данного исследования является установление определённой закономерности, в силу которой винам различных стран даются определённые названия.

Задачи исследования: 1) изучить историю виноделия с лингвистической точки зрения; 2) рассмотреть названия винных компаний и их товаров в нескольких англо-говорящих странах; 3) определить закономерности и особенности, объясняющие те или иные названия и характеристики.

Методы исследования. В данном исследовании использован метод контекстного анализа.

Результаты исследования. Благодаря тому, что история виноделия зарождалась в таких европейских странах как Италия, Испания и Франция, многие названия и понятия происходят из этих трёх языков, к примеру, названия сортов винограда – «Корвина» (ит. *Corvina*), «Альбариньо» (исп. *Albariño*), «Каберне-совиньон» (фр. *Cabernet Sauvignon*)» [1, с. 149] и т.д. Однако, несмотря на влияние этих стран на другие в области виноделия, англо-говорящие страны создавали и свои собственные названия, передающие колорит своих народов. К примеру, вина США «Emblem (Эмблема)» Майкла Мондави, «The Prisoner (Заклочённый)», «Juggernaut Hillside (Неуловимый на холме)» [6, с. 107]. Также, Австралийская продукция, которая

выпускается под следующими названиями «Two Hands Bella's Garden (Сад Бэллы «своими руками»)), «Riverland (Риверлэнд / досл. Земля у реки»))» [5, с. 230].

Выводы. Разумно полагать, что страны «первооткрыватели» виноделия проложили путь для всех остальных, оставив свой след в истории индустрии путём закрепления базовых понятий, например, названий сортов винограда, и установили определённые правила для производства данного вида продукции. Всё же, англоговорящие страны не стали полностью копировать результаты трудов и деятельности европейских стран, благодаря чему появилось разнообразие интерпретаций, названий и характеристик винной продукции. В названиях австралийских и американских вин заключается не только связь с историей виноделия, но в них также отражается специфика народов этих стран, особенности их картины мира. Образность также играет важную роль, т.к. с её помощью виноделы придают красок напитку, создавая перед глазами ценителя грандиозные картины, превращая употребление напитка в полноценное путешествие.

Список литературы

1. Трошин, Л. П. Виноград: иллюстрированный каталог. Районированные, перспективные, тиражные сорта / Л. П. Трошин, П. П. Радчевский. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 271 с.
2. Вина Крыма : Товарный словарь / И. А. Пугачёв (главный редактор). – Москва : Государственное издательство торговой литературы. – Санкт-Петербург, 1956. – 550 с.
3. Вольф, А. Е. Долины Меганомы – колыбель крымского виноградарства. – Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2013. – 256 с.
4. Вина стран Нового Света: доступные и легендарные (Чили, Аргентина, США, Австралия, Новая Зеландия, ЮАР) [18+] / [тексты: Диляра Булгакова и др.]. – Москва : Э, 2016. – 230 с.
5. Виноделие Австралии – регионы, история производства, сорта. – URL: <https://swu.ru/regions/avstraliya?ysclid=m7ly7328v0361234023> (дата обращения: 10.03.2025).
6. Винодельческие регионы США. – URL: <https://swu.ru/regions/ssha?ysclid=m7lz41914j633468327> (дата обращения: 10.03.2025).

УДК 81'25

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ АДЕКВАТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ

Д. В. Лапин,

*обучающийся 2-го курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Зеленцова М. Г.,

*к. ф. н., доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Введение. Профессиональная компетентность переводчика предполагает определенный набор навыков, в том числе умение осуществлять коммуникацию в разных сферах науки и техники. Поэтому столь важно грамотно оперировать терминами как средством освоения соответствующей области знания. Ряд специфических черт, присущих термину, позволяют ему эффективно обслуживать ту или иную сферу деятельности. Однако с этим обстоятельством связана одна из

проблем, возникающая перед переводчиком: сохранить эти черты при передаче термина с одного языка на другой. Перевод в данном случае должен соответствовать оригиналу как формально, так и функционально – иными словами, он должен быть терминологически адекватным.

Цель исследования – проанализировать особенности перевода терминов с английского на немецкий и русский языки на примере терминологии музыканта-гитариста. **Задачи исследования:** 1) рассмотреть сущность понятия «термин»; 2) ознакомиться с целями и задачами сопоставительного терминоведения; 3) провести сравнительный анализ англо-, немецко-, и русскоязычных терминов музыканта-гитариста. **Актуальность исследования** обусловлена попыткой изучить относительно новую и изменчивую терминологию через призму трех языков.

Методы исследования: метод сплошной выборки, сопоставительный метод, метод обобщения.

Результаты исследования. Терминоведы, рассуждая о свойствах и функциях термина, в большинстве своем сходятся во мнении, что термин – это языковая единица, функционирующая в определенной профессиональной сфере, имеющая четко очерченное значение и характеризующаяся системностью, контекстуальной независимостью и стилистической нейтральностью [2; 3; 5]. В рамках исследований термина рассматривается ряд самых разных вопросов, в том числе перевод терминов с одного языка на другой. Так, данной проблемой занимается сопоставительное терминоведение, наука, изучающая различия в лексической, семантической и грамматической структуре терминов исходного языка и языка перевода. В специальном тексте термины несут в себе основную смысловую нагрузку – тем важнее переводчику сделать перевод их адекватным, т.е. соответствующим условиям и задачам деловой или научной коммуникации.

Системность термина подразумевает, что его перевод должен осуществляться в зависимости от принадлежности данного термина к той или иной терминосистеме – «сознательно сформированной совокупности языковых единиц» [2, с. 70]. Так, слово *neck* (англ.) само по себе содержит целый ряд значений. Однако в рамках русскоязычной музыкальной терминосистемы оно переводится как *гриф* в значении продолговатой части гитары, вдоль которой натянуты струны. Примечательно, что лексема «гриф» имеет немецкое происхождение. Тем не менее, ее семантика не совпадает со смысловым содержанием слова *der Griff* (нем.) – для обозначения вышеупомянутой части гитары в немецком языке существует аналогичный английскому термин *der Hals*. Еще одна иллюстрация терминологической системности: такие слова, как *fret* (англ.), *der Bund* (нем.) и *лад* в сфере производства гитар имеют одно значение – пространство между поперечными делениями на грифе. Таким образом, можно согласиться с Е.В. Чистовой, выделяющей в качестве единицы перевода специальных текстов не термин сам по себе, а всю терминосистему, к которой данный термин принадлежит [4]. При этом терминосистема заменяет термину контекст, обуславливая его контекстуальную независимость [3].

Термин стилистически нейтрален, т.е. лишен каких-либо экспрессивных оттенков. Переводчику необходимо уметь отличать термины от т.н. «профессионализмов», лексических единиц, которые также профессионально маркированы, но применяются преимущественно в разговорной речи и, следовательно, характеризуются меньшей нормированностью. Например, *amp* (англ.) / *der Amp* (нем.) – это разговорная форма слова *amplifier* (устройство, усиливающее электрический сигнал от звукоснимателя на электрогитаре). В русском языке данному значению соответствует как *усилитель* – технический термин, так и *усилок* – это, в свою очередь, один из примеров профессиональных жаргонизмов, которых целесообразно отнести к просторечиям.

Перевод может быть осложнен фактом синонимии терминов в пределах одной терминосистемы. Тем не менее, смысловые оттенки синонимов, как правило, все же не идентичны. Переводчику стоит учитывать гипонимические (родо-видовые) отношения между терминами: так, *plectrum* (англ.) – это пластинка, посредством которой извлекаются звуки при игре на щипковом инструменте вообще; *pick* (англ.) – та же пластинка, но используемая при игре на гитаре. Данные термины переводятся соответственно как *das Plektrum* (нем.) / *плектр* и *der Pick* (нем.) / *медиатор*. Переводчику не стоит забывать о различиях между американским и британским вариантами английского (или о «межвариантной терминологической номинации» [1]): например, *tube amplifier* (амер.) и *valve amplifier* (брит.) одинаково переводятся как *der Röhrenverstärker* (нем.) или как *ламповый усилитель*.

Выводы. Для достижения терминологической адекватности при переводе недостаточно владеть лишь языками исходного и переводного текстов или определенными переводческими навыками. Требуются также обширные знания о затрагиваемой сфере деятельности, в том числе умение оперировать ее терминологическим аппаратом, иначе добиться необходимой точности и объективности при переводе практически невозможно.

Список литературы

1. Зеленцова, М. Г. Особенности терминологической номинации в англоязычном экономическом дискурсе: от понимания к переводу / М. Г. Зеленцова, А. Т. Козлова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 г. ; глав. ред. М. В. Норец. – Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2017. – С. 129–134.
2. Коломиец, Л. А. Особенности перевода авторского стиля Джоан Роулинг «Гарри Поттер и орден феникса» / Л. А. Коломиец, М. В. Норец // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 года ; глав. ред. М. В. Норец. – Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2017. – С. 206–210.
3. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – Изд. 6. – Москва : URSS, 2022. – 248 с.
4. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики ; отв. ред. С. К. Шаумян. – Москва : Наука, 1968. – С. 103–125.
4. Чистова, Е. В. Терминосистема как единица перевода / Е. В. Чистова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 7. – Тамбов : Грамота, 2013. – URL: <https://www.gramota.net/article/phil20131154/fulltext> (дата обращения: 07.03.2025).
5. Rey, A. Essays on Terminology / A. Rey ; transl. and ed. by J. C. Sager. – Amsterdam : John Benjamins Publishing, 1995. – 223 p.

**ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА СЕНДАП-КОНЦЕРТА
С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ПОД СУБТИТРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОЛЬНОГО КОНЦЕРТА ИВАНА АБРАМОВА)**

А. Ф. Мамедлаева,

*обучающаяся 2-го курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Лукинова М. Ю.,

к. ф. н., доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь

Введение. Сендап комедия представляет собой искусство, в котором комик выступает перед живой аудиторией, обычно говоря напрямую со зрителями. Главная задача сендап-комика – рассмешить толпу; выступления строятся на основе подготовленного комиком юмористического материала (шуток, историй, пародий), а также импровизаций при взаимодействии с залом. Главным инструментом усиления комического эффекта при этом является утрирование фактов, т.е. чрезмерное преувеличение и заострение тех или иных черт объекта, неожиданные сопоставления и уподобления. Авторы исследуют сложности перевода отрывков сендап-выступления с русского на английский язык. Особое внимание уделяется сендап-комедии, ее особенностям, переводческим стратегиям, используемым при передаче оригинального текста.

Целью данного исследования является анализ переводческих стратегий и трудностей перевода сольного концерта российского сендап-комика Ивана Абрамова «Мои девочки».

Задачи исследования: 1) определить стратегии и приемы, используемые для адаптации юмористического контента на русский язык; 2) исследовать сценический образ Ивана Абрамова; 3) перевести концерт «Мои девочки» Ивана Абрамова с русского на английский язык; 4) отметить трудности перевода концерта «Мои девочки» Ивана Абрамова.

Методы исследования. В данном исследовании были использованы: сравнительно-сопоставительный метод, лингвостилистический анализ, метод трансформационного анализа, дефинитивный метод, метод лингвистического описания, а также аналитический метод.

Результаты исследования. Иван Абрамов – сендап-комик, телеведущий и участник проекта Comedy Club. Известен своим интеллектуальным юмором, сатирическими монологами и оригинальной подачей с элементами музыкального сопровождения. В его выступлениях часто поднимаются темы языка, культуры, социальных стереотипов и семейной жизни. Был переведен его второй сольный концерт «Мои девочки», длиною в 1 час 44 минуты 4 секунды под субтитры.

Комик использует в своем выступлении достаточно высокопарный язык, который не свойственен сендап выступлениям. Рассмотрим несколько примеров. «“Иван, ну вот вам зачем эта *материцина и скобрезность*? Вы ведь из интеллигентной семьи”, часто мне говорят,...» [3]. Наш перевод: Ivan, why do you need to use that *foul language of sheer unnecessary sophistication*? You are from a decent family", people often say to me.

Иван Абрамов часто в своих выступлениях использует рояль: «...в 13 лет я уже хотел нравиться девочкам. А с этим *шифоньером* невозможно нравиться девочкам до 60. (...) Помню, бабушка Тамара Ивановна говорила: “Ой, Ванька, да ты не понимаешь, как сядешь в компании за рояль, сыграешь, девки вокруг *штабелями будут падать*”. Я говорю: “Бабуль, давай честно, во-первых, я не часто оказываюсь в компании Александры Пахмутовой, вот честно давай, во-вторых, я не хочу нравиться девкам, которые знают, что такое ‘штабелями падать’”. Которые: “Ой, Иван, вы так *владеете роялем, прям как мой первый муж крепостными*. Очень феерично”» [3].

Наш перевод: ‘... by the age of 13, I already wanted girls to like me. And with this *big boy*, it's impossible for girls under 60 to like me. (...) I remember my grandmother Tamara Ivanovna used to say: ‘Oh, Vanya, you don't realise that when you sit down at the piano in a company and play, girls will be *swooning over you*.’ I said: ‘Grandma, let's be honest, firstly, I don't often find myself in the company of Alexandra Pakhmutova, and secondly, I don't want to be liked by girls who know what it is to “swoon over”’. Like: ‘Oh, Ivan, *your grand piano skills are simply dazzling – just like my first husband's management of his serfs*. So majestic!’ В данном примере наблюдается интертекстуальность и зевгма, что делает перевод более затруднительным.

Рассмотрим еще примеры. Оригинал: “У тебя дома уже есть эта икона, зачем тебе еще?” “Зачем-зачем, буду с бабушками повторками меняться”. Зачем тебе эти бабушки, Прохор? Не скажу. А спою, да? Как говорится, *смахну седину между зубов и спою*” [3].

Наш перевод: «‘You already have this *estampita* at home, why do you need more?’ ‘Why, why, why, I'll swap repeats with my grandmothers.’ Do you really need those grandmothers, Prokhor? I won't tell you. But I'll sing, won't I? As they say, I'll *brush the grey moustache off between my teeth and sing*». На протяжении всего концерта Иван упоминает Прохора Шаляпина. В английском контексте имя Шаляпина может быть непонятным, при первом упоминании стоит добавить «the singer Prokhor Shalyapin».

Оригинал: Когда уролог, извиняюсь за подробности, говорит: «Иван, а сейчас встаньте на *локоточки*», ты уже проиграл. Ты на локоточках, и остаётся только петь «*Святая Катерина, пошли мне дворянина!*» [3]. Наш перевод: When the urologist, I'm sorry for all these details, says: ‘Ivan, now stand on *those little elbows of yours*’, you have already lost. You are on your elbows, and the only thing left to do is to sing ‘*Holy night, silent night*’. / *Saint Catherine, send me some noblemen!*

Выводы. Таким образом, исследование показало, что ключевыми проблемами являются: сохранение высокопарного стиля, передача игры слов и стилистических приемов. Их точная передача на английский требует креативных решений, так как дословный перевод теряет комический эффект. Упоминания Александры Пахмутовой, Прохора Шаляпина и фразы из русских песен могут быть непонятны англоязычной аудитории. Анализ переводов показал, что передача стендап-комедии требует не только знания языка, но и глубокого понимания культурного контекста, игры слов и стилистических особенностей. Дословный перевод часто не передает юмор, а адаптация может исказить оригинальный смысл. Оптимальный подход – баланс между точностью и адаптацией, позволяющий сохранить стиль и комический эффект выступления.

Список литературы

1. Маркарян, Э. Р. Языковые особенности жанра стендап-комедии / Э. Р. Маркарян // Язык и межкультурная коммуникация. – 2023. – С. 84–89.
2. Решетарова, И. В. Структурные и композиционные особенности юмористических текстов в жанре стендап-комедии / И. В. Решетарова // Вестник донецкого национального университета. Серия: филология и психология. – Донецк, 2020. – С. 108–111.

3. Сольный концерт Ивана Абрамова «Мои девочки». – URL: https://vkvideo.ru/video-27477591_456240038?t=19m13s (дата обращения: 07.03.2025).

УДК 85'21

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ «HADES» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

К. А. Мезенцева,

*обучающаяся 1-го курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Бармина Е. А.,

*к. ф. н., доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Введение. Компьютерные игры в XXI веке получили наиболее активное развитие, и некоторые современные исследователи выделяют игры в отдельный жанр художественного творчества. Поскольку большинство игр созданы на английском языке, появляется потребность в переводе для более широкой аудитории. Перевод данного медиапродукта представляет собой сложный процесс, требующий не только знания языка, но и понимания культурных, социальных и стилистических особенностей оригинального текста. Видеоигры как медиапродукт часто используют разнообразные стилистические средства, такие как метафоры, аллюзии, сленг и идиоматические выражения, это усложняет задачу переводчиков, вызывает определенные трудности и определяет **актуальность** рассмотрения способов адекватной передачи в переводе на русский язык различных средств выразительности.

Целью данного исследования является раскрытие и последующий переводческий анализ особенностей передачи стилистических средств в видеоигре «Hades» на русский язык. В связи с этим были поставлены следующие **задачи**: 1) выделить и классифицировать найденные стилистические средства в видеоигре; 2) провести сравнительный анализ оригинала и перевода; 3) выявить особенности передачи при переводе стилистических средств выразительности.

Методы исследования. Описательно-аналитический метод, лингвостилистический анализ, сравнительный анализ.

Результаты исследования. В основе данного исследования лежит современная интерпретация видеоигр как особого жанра художественного творчества [3]. Из этого следует, что текст компьютерной игры «Hades» следует рассматривать как художественный, соответственно, перевод также должен быть художественным. Данный тип перевода, по словам Р. К. Миньяр-Белоручева, «требует не просто использовать старое, заученное раз и навсегда, он предполагает речевое творчество» [2, с. 176]. Как правило, в художественном тексте кроется широкое обилие стилистических приемов и средств: от метафор до каламбуров. Современные видеоигры представляют собой не просто интерактивные развлечения, но и сложные повествовательные структуры, в которых язык играет важную роль в создании атмосферы и передаче характера персонажей. Например, в игре «Hades» 2020 года используется архаизированный стиль речи, отсылающий к древнегреческой мифологии, что создаёт

уникальный эффект погружения в античный мир. По своей сути, вся игра – это аллюзия на древнегреческую мифологию и авторская интерпретация некоторых событий.

Как было указано ранее, в видеоигре присутствует большое количество архаизмов и устаревших грамматических конструкций, которые более не употребляются в современной речи. Это добавляет художественному миру «Hades» правдоподобности и поэтизма, а также связи с реальными событиями и личностями. Примером архаичной грамматической конструкции может служить употребление междометия «why» в начале утвердительного предложения для выражения удивления. «*Why, that's the finest offering I've seen all day, Nephew!*». На русский язык восклицание перевели при помощи междометия, имеющего аналогичную функцию: «*О, это лучший подарок за весь день, племянник!*». Другим примером может послужить выражение «*How fare you, Nephew, well?*», где «how fare you» является архаизмом фразы «how are you doing». В русском переводе оттенок архаичности передается за счет использования полного варианта фразы вместо более разговорного редуцированного варианта («как дела»): «*как удум дела, племянник, хорошо?*».

Некоторые стилистические приемы, например, такие как фигуративный эпитет *pig-faced* в предложении «*You, and all your pig-faced children, and your concubines...*» были генерализированы: «все ваши неприглядные дети и любовницы». Для некоторых трудных ситуаций переводчики используют грамматические замены. Например, в предложении «*He is unwelcome here*» активный залог заменяется на пассивный при переводе: «Здесь ему *не рады*». К грамматической трансформации относится и конверсия при переводе следующей фразы: «*Heroes? Mere mortals, same as all the rest*» – «Герои? *Всего лишь* смертные, как и все остальные», где прилагательное «mere» преобразовали в частицу «всего лишь».

Без особых затруднений переводчики передали сравнения с сохранением оригинального смысла, например, «*Why do it to me like that, Zag, man, I thought we were close as grapes upon the vine, but I was wrong?*», где сравнение «близки, как виноград на лозе» перевели с разворачиванием для большей поэтичности предложения: «*Зачем же ты поступаешь со мной так, дружище, Заг? Я думал, что мы так же близки, как виноградинки, растущие на одной лозе, разве я ошибся?*». Примечательно и то, что при переводе первого предложения удалось создать рифму «так – Заг», что было бы вполне свойственно данному персонажу. Особую трудность при переводе представляют шутки, метафоры и каламбуры. Например, «*So, you had a run-in with the Minotaur out in Elysium, did you? Perhaps the only soul within this realm more bull-headed than you*». Здесь Аид сравнивает своего сына с минотавром, называя последнего еще более «быкоголовым» (дословно), т.е. упрямым. В русском переводе постарались сохранить сравнение на основе бычьих характеристик, заменив эпитет на метафору: «*Итак, ты встретился с Минотавром в Элизии. Пожалуй, это единственная душа в моем царстве, которая уперлась рогом похлеще тебя*».

Иногда в процессе перевода приходится прибегать к компенсации. Например, при встрече Загрея и Гермеса последний говорит: «*Well look at you, Coz! Rushing to victory after successive victory. Caught wind of your accomplishments down there! Well then, let's keep the streak alive!*». «Got wind» – это устойчивое выражение в английском языке, которое имеет эквивалентный перевод «дошли слухи». В локализации переводчики изменили «дошли» на «долетели», сохранив связь с личностью персонажа Гермеса и отсылающего на его способность летать: «*Ты только посмотри на себя, братец! После одной победы сразу же мчишься за новой. До меня долетели слухи о твоих достижениях! Что ж, не сбавляй темп!*», при этом последняя фраза «keep that streak alive» не была переведена с сохранением шутки и просто генерализирована.

Выводы. При работе с различными стилистическими средствами, такими как архаизмы, эпитеты, метафоры, сравнения и каламбуры, использовались разнообразные

приемы художественного перевода. Ключевой особенностью является то, что переводчики постарались сохранить оригинальный дух повествования видеоигры и при этом передать все стилистические приемы как можно ближе к оригиналу без потери их смысла.

Список литературы

1. Алимов, В. В. Теория перевода : пособие для лингвистов-переводчиков / В. В. Алимов. – Москва : URSS, 2024. – 240 с.
2. Глухенькая, Л. Н. Феномен игры – переводческий аспект / Л. Н. Глухенькая // Молодая наука : сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых, Ялта, 27–28 октября 2017 года ; науч. ред. Н. Г. Гончарова. – Ялта : ООО Издательство Типография «Ариал», 2017. – С. 269–270.
3. Норец, М. В. Аудиовизуальный перевод и локализация видеоигры «Метро 2033» / М. В. Норец, А. Р. Азизова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Том 9 (75), № 3. – С. 129–140.
4. Норец, М. В. Особенности локализации игры «Метро 2023» / М. В. Норец, А. Р. Азизова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы VII международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2023. – С. 253–257.
5. Норец, М. В. Формирование переводческих тактик при локализации имен собственных игровых персонажей в игре «Honkai impact 3rd» / М. В. Норец, Л. А. Османова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы VII международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2023. – С. 263–268.
6. Югай, И. И. Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX–XXI веков : специальность 17.00.09 «Теория и теория искусства» : дис. ... канд. искусствовед. наук / Инга Игоревна Югай ; Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2008. – 226 с.

УДК 81'255.2

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭКФРАСИСА В РОМАНЕ М. ЭТВУД «КОШАЧИЙ ГЛАЗ»

С. А. Овсепян,

*обучающаяся 1-го курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Глухенькая Л. Н., к. ф. н., старший преподаватель
кафедры теории и практики перевода, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь

Введение. Экфрасис, выступающий в романе Маргарет Этвуд «Кошачий глаз» (1988) инструментом взаимодействия вербального и визуального, становится ключом к пониманию сложных нарративных стратегий автора, раскрывающих проблемы женской субъективности, травмы и памяти. Исследование посвящено анализу экфрасиса как многофункционального литературного приема в произведении и возможностям его перевода на русский язык.

Актуальность работы обусловлена двумя основными факторами. Экфрасис в современной литературе остается недостаточно изученным явлением, особенно в контексте его гендерной интерпретации и роли в формировании автобиографического дискурса. Роман Этвуд, сочетающий в себе художественное осмысление личного опыта и культурной памяти, демонстрирует уникальный синтез визуальных и вербальных образов, что делает его значимым объектом для лингвостилистического и переводческого анализа.

Целью исследования является выявление лингвостилистических особенностей перевода экфрасиса в романе. В соответствии с поставленной целью предполагается решить следующие **задачи**: определить виды экфрасиса в оригинальном тексте; проанализировать стилистические средства, используемые для их создания; сравнить оригинальный текст и перевод, выявив стратегии передачи визуальных образов и оценить их.

Методы исследования. В исследовательской работе используются сравнительный анализ оригинала и перевода, стилистический анализ, дескриптивный подход к переводческим решениям, герменевтический метод для интерпретации смысловых нюансов.

Результаты исследования. В ходе анализа особенностей перевода экфрасиса в романе Маргарет Этвуд «Кошачий глаз» были выявлены следующие ключевые аспекты:

1. Типология экфрасиса и ее отражение в переводе. В романе представлены все четыре типа экфрасиса: полный, свернутый, нулевой и микроэкфраз. Полный экфрасис, например, описание картины «Кошачий глаз», требует максимальной точности перевода для сохранения детализации образа. В русском переводе наблюдается тенденция к адаптации сложных метафорических конструкций: «Time is water, not a straight road» [3, с. 112] // «Время течёт, как вода, а не прямая дорога» [2, с. 124], что позволяет сохранить эмоциональную глубину текста. Свернутый экфрасис, как в случае фрагментарного описания портретов героев, часто дополняется переводчиком с целью компенсации культурных различий: «Their faces are Victorian portraits, stiff and unyielding, yet hiding storms beneath the surface» [3, с. 134] // «Их лица – словно портреты викторианской эпохи: строгие, непреклонные, но под этой маской бушуют штормы чувств, невидимые для случайного взгляда» [2, с. 145]. Нулевой экфрасис (отсылки к визуальным образам без их детального описания) реализуется через контекстуальные подсказки, что требует от переводчика высокой чувствительности к имплицитным смыслам: «The faces of the past dissolve like ice, leaving only the outline of what once was» [3, с. 201] // «Лица прошлого тают, как лёд, оставляя лишь контур того, что когда-то существовало» [2, с. 219]. Микроэкфразы передаются через краткие реминисценции, усиливая экспрессию за счет выбора более выразительных русских эквивалентов: «Her eyes are sharp, like glass marbles» [3, с. 45] // «Её глаза остры, как стеклянные шарики, пронзающие душу» [2, с. 52].

2. Стилистические средства и их роль в создании экфрасического эффекта. Анализ показал, что основными стилистическими средствами, используемыми для создания экфрасиса, являются метафоры, эпитеты, сравнения и синтаксический параллелизм. Например, описание «Девочек и ледяной реки» содержит такие эпитеты, как *the icy river* (рус. ледяная река), *dissolving faces* (рус. растворяющиеся лица), которые передают не только визуальный образ, но и символическое значение времени и памяти. В переводе эти средства адаптированы с учетом языковых особенностей русского языка: например, метафора *time is water* передана через более привычное для русскоязычного читателя сравнение «время течет, как вода».

3. Гендерный аспект экфрасиса и его отражение в переводе. Экфрасис в романе часто используется как инструмент гендерной субверсии, где женский нарратив противопоставляется патриархальному взгляду. Например, описание портретов мужчин в доме Элейн сопровождается ироничными ремарками: «Their faces are masks of confidence, hiding the fear of a woman's gaze» [3, с. 89] // «Их лица – маски уверенности, за которыми скрывается страх перед женским взглядом, способным разрушить их иллюзии» [3, с. 89]. В переводе этот эффект усиливается за счет использования более экспрессивных лексических единиц, таких как *masks of confidence* (рус. маски *наигранной* уверенности) или *fear* (рус. *скрытый* ужас), что делает критику еще более явной.

4. Переводческие стратегии и их влияние на восприятие текста. Для передачи экфрасических пассажей переводчики используют следующие стратегии:

- прямой перевод, когда оригинальный текст максимально точно передаётся на русский язык (например, описание картин Элейн: «The Cat's Eye is a window through which I see the world, but it also mirrors my isolation» [3, с. 147] // «Кошачий глаз – это окно, через которое я смотрю на мир, но оно же отражает мою изоляцию» [2, с. 163]);

- компенсация, применяемая для сохранения эмоциональной окраски при потере культурно-специфических элементов (например, замена *Victorian portrait* на «портрет в классическом стиле»);

- адаптация, необходимая для передачи сложных метафор и аллюзий, понятных русскоязычному читателю (например, замена *a thousand words painted in silence* на «картина говорит больше слов»).

Выводы. Результаты исследования лингвостилистических особенностей перевода экфрасиса в романе Маргарет Этвуд «Кошачий глаз» подтверждают многоаспектность и полифункциональность данного литературного приема. Экфрасис, выступая мостом между визуальным и вербальным, оказывает значительное влияние на восприятие читателя и формирование поведенческих паттернов персонажей. Перевод экфрасических пассажей требует комплексного подхода, учитывающего как лингвистические, так и культурные особенности исходного и целевого языков. Так, замена культурно-специфических реалий делает текст доступным для русскоязычного читателя, при этом не теряется его художественная выразительность.

Список литературы

1. Рубинс, М. Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция / М. Рубинс. – Санкт-Петербург : Академ. проект, 2003. – 354 с.
2. Норец, М. В. Особенности речей англоязычного политического дискурса на материале выступлений Дональда Трампа и Майка Помпео / М. В. Норец, А. А. Михайлова // StudNet. – 2021. – Т. 4, № 4.
3. Этвуд, М. Кошачий глаз / М. Этвуд ; перев. Т. Боровиковой. – Москва : Эксмо, 2021. – 512 с.
4. Atwood, M. Cat's Eye / M. Atwood. – London : Virago Press, 1990. – 487 p.
5. Heffernan, J. A. W. Museum of words: The poetics of ekphrasis from Homer to Ashbery / J. A. W. Heffernan. – Chicago : University of Chicago Press, 2004. – 293 p.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ИГРОВОГО СЛЕНГА

М. А. Потапова,

*обучающаяся 2-го курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Лукинова М. Ю.,

*к. ф. н., доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Введение. Игровой сленг представляет собой уникальный пласт языка, который формируется в рамках игрового сообщества. Он включает в себя специфические термины, аббревиатуры, жаргонизмы и выражения, которые зачастую непонятны людям, не вовлечённым в игровую индустрию. Перевод игрового сленга становится всё более актуальной задачей в связи с глобализацией игровой индустрии и необходимостью локализации игр для разных языковых аудиторий. Однако этот процесс вызывает ряд трудностей, связанных с культурными различиями, отсутствием прямых аналогов и динамичностью сленга.

Целью данного исследования является выявление основных трудностей, возникающих при переводе игрового сленга. Исследование направлено на анализ специфики игрового языка и поиск эффективных стратегий перевода, которые позволят сохранить смысл и эмоциональную окраску оригинального текста.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы: 1) сопоставительный анализ сленга на материале стриминговых платформ и чатов, связанных с игровой индустрией; 2) изучение теоретических работ по переводу сленга и локализации.

Результаты исследования. Термин «сленг» впервые упоминается в 1756 году как «*language of a low or vulgar type*» (язык сниженного или вульгарного типа). На данный момент, из 600 тысяч слов в английском языке около 45 тысяч относятся к сленгу. При этом «в запасе у среднестатистического носителя языка, составляющего от 10 до 20 тысяч слов, 2 тысячи – сленг» [3, с. 445]. В. А. Хомяков вводит понятие «общий сленг», описывая его как «относительно устойчивый для определенного периода, широко распространенный и общепонятный слой лексики и фразеологии в среде живой разговорной речи (иногда с фонетическими, морфологическими и синтаксическими особенностями), весьма неоднородный по своему генетическому составу и степени приближения к литературному языку, имеющий ярко выраженный эмоционально-экспрессивный оценочный характер, представляющий часто протест-насмешку против социальных, этических, эстетических, языковых и других условностей и авторитетов» [4, с. 39]. И. Р. Гальперин называет сленгом «тот слой лексики и фразеологии, который появляется в сфере живой разговорной речи в качестве разговорных неологизмов, легко переходящих в слой общеупотребительной литературной разговорной лексики» [1, с. 91].

Перевод сленга геймеров представляет собой сложную задачу из-за его уникальных особенностей, которые делают его отличным от стандартного языка. Игровой сленг часто содержит отсылки к культурным явлениям, мемам, событиям или персонажам. Например, фразы из популярных игр или стримов могут быть узнаваемы только в определенном сообществе. Переводчик сталкивается с необходимостью

адаптировать такие отсылки, чтобы они были понятны целевой аудитории. Сленговые единицы для данного исследования были взяты из чатов игровых магазинов таких как: «epic games» и «steam», стриминговой платформы «twitch», а также форума «reddit».

Транскрипция и транслитерация являются основными способами пополнения игрового сленга. **Транскрипция** определяется как «написание, используемое в научных целях, целью которого является максимально точная запись всех особенностей произношения какого-либо языка, независимо от его графических и орфографических норм». Например, «пооб» (неопытный игрок) или «loot» (добыча, ресурсы) принято переводить транскрипцией «нуб», «лут» [2, с. 418]. **Транслитерация** определяется как «передача букв одной письменности посредством букв другой письменности» [2, с. 418]. В отличие от транскрипции, транслитерация передает написание слова, а не его произношение, игнорируя правила чтения букв и буквосочетаний. Примеры: «донат» (donate), *аркада* (arcade).

Игровой сленг характеризуется своей лаконичностью и точностью, что обусловлено необходимостью быстро и эффективно передавать информацию в условиях динамичного игрового процесса. Каждая секунда в игре может быть решающей, поэтому использование кратких и ёмких выражений становится преимуществом. Например, вместо длинного предложения «У моего персонажа мало очков здоровья» игроки скажут просто «Low HP» (мало ХП или мало здоровья).

Следует также обратить внимание на то, что игровые неологизмы в русском языке часто становятся основой для новых словообразований. Например, слово «**стил**» (от англ. «to steal» – «красть, воровать»), обозначающее кражу убийства в компьютерной игре (когда его засчитывают не тому игроку), легко порождает глагол «**застилить**», существительное «**стилер**» или причастие «**застиленный**».

От английского «to cast» («кидать, бросать, метать») в игровой среде возникают такие термины, как «**кастеры**» – герои, которые в основном используют заклинания. Обычно они обладают большим запасом «**маны**» (единица магической силы, от англ. «mana»), что позволяет им совершать «**прокаст**» – последовательное использование нескольких или всех своих способностей, или «**абиллок**» (от англ. «an ability» – «способность, навык»).

Таким образом, игровой сленг не только заимствует иностранные слова. Он активно адаптирует их, создавая новые формы и выражения, которые легко встраиваются в речь игроков.

Выводы. Игровой сленг – это динамичный пласт языка, который формируется в игровом сообществе. Перевод игрового сленга вызывает трудности из-за культурных различий, отсутствия прямых аналогов и его постоянного обновления. Основные стратегии перевода включают транскрипцию, транслитерацию и калькирование, что позволяет адаптировать сленг для целевой аудитории. Игровые неологизмы активно заимствуются из английского языка и адаптируются, создавая новые словоформы и выражения, которые легко встраиваются в речь игроков.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – Москва, 1958. – 459 с.
2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань, 2010. – 486 с.
3. Норец, М. В. Аудиовизуальный перевод и локализация видеоигры «Метро 2033» / М. В. Норец, А. Р. Азизова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Том 9 (75), № 3. – С. 129–140.
4. Норец, М. В. Особенности локализации игры «Метро 2023» / М. В. Норец, А. Р. Азизова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы VII

международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2023. – С. 253–257.

5. Норец, М. В. Формирование переводческих тактик при локализации имен собственных игровых персонажей в игре «Honkai impact 3rd» / М. В. Норец, Л. А. Османова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы VII международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2023. – С. 263–268.

6. Суденко, А. И. Лексические особенности сленга в англоязычных сетях / А. И. Суденко // Молодой ученый. – 2021. – № 21 (363). – С. 445–447. – URL: <https://moluch.ru/archive/363/81451/> (дата обращения: 05.03.2025).

7. Хомяков, В. А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. – Вологда, 1971. – 104 с.

УДК 81'25

ВОПРОС ПЕРЕВОДА ИМЕН НОВЫХ ФАКТОВ КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТИННОСТИ ИМЕНОВАНИЯ

Л. К. Салиева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры международной коммуникации, факультет мировой политики, ФГБОУВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва

Введение. Состав имен языка отражает достижения культуры народа, говорящего на этом языке. Достижения культуры, определяющие прогресс человечества, становятся всемирным достоянием, страны заимствуют их часто вместе с именами новых фактов культуры, поскольку создание своих собственных имен задача необычайно сложная и затратная. В последние 30 лет в ситуации принимающей стороны оказался русский язык. Нам пришлось и приходится заимствовать язык новых технологий, менеджмента, социальных сетей, новых социальных явлений, возникающих в сети интернет и пр. Основная часть заимствований в этот период осуществлена не профессиональными переводчиками, а специалистами определенных отраслей или работниками СМИ, не имеющими ни специальных переводческих знаний, ни времени на подбор русскоязычных эквивалентов. В результате сложившейся ситуации в последнее время вопрос о чистоте современного русского языка становится все более актуальным, эта повестка уже рассматривается на государственном уровне. Основное внимание в дискуссии уделяется внешней форме знака, засилью иностранного звучания, а также некоторым грамматическим явлениям, таким, к примеру, как аналитизм. При этом практически никакого внимания не уделяется тем смыслам, которые усваиваются с приходом заимствованной культуры.

Целью настоящего доклада является поставить проблему прихода в язык перевода противоречащих его духу смыслов как проблему ложного именования, возникающего в результате неграмотного перевода, а в конечном итоге недостатка нормализаторской деятельности.

Используя **метод** сопоставления словарных статей таких слов английского и русского языка, как «culture», «evangelist» и «культура», «евангелист», мы рассматриваем правомерность использования этих русских соответствий для перевода английских словосочетаний «cancel culture» и «IT-evangelist».

Результаты исследования и выводы:

1. Межнациональные культурные контакты ведут к взаимному влиянию языков друг на друга, создавая общность смысловой и стилиевой динамики. Не последнюю роль

в этом процессе играет перевод имен новых фактов культур. Перевод – это количественное и качественное расширение языка перевода, в том числе его смысловой сферы, то есть введение новых смыслов в язык перевода.

2. Вопрос о чистоте языка и соблюдении норм языка в аспекте введения в использование новых иностранных слов – это не только вопрос о внешней стороне заимствованного имени (о заимствованиях в иноязычной графике, транслитерациях, транскрипциях, кальках и пр.), но также и вопрос об истинности именования с точки зрения языка перевода, о соответствии смысла (со всеми коннотациями) заимствованного слова природе называемой вещи и духу языка перевода.

3. Заимствованные имена могут противоречить как духу языка перевода, его аксиосфере, так и не соответствовать истинному смыслу именуемого факта культуры в его представлении на языке перевода и в его культуре. В результате перевода на русский язык ‘cancel culture’ как «культура отмены» (буквализм) и ‘IT evangelist’ как ‘ИТ-евангелист’ / ‘ИТ-проповедник’ (заимствование в иностранной графике, буквализм) созданы ложные имена, которые 1) не соответствуют истинному смыслу именуемого объекта на русском языке: английское словосочетание ‘cancel culture’ означает спонтанное контркультурное поведение, в то время как в русском языке слово «культура» всегда предполагает норму, одобряемую обществом; русское слово «евангелист» (автор Евангелия, член/проповедник секты евангелистов) не имеет ни значения, ни потенциала создания переносного значения «промоутер», и потому не соответствует роли специалиста по продвижению информационных услуг; 2) подобное расширение значения рассматриваемых слов противоречит духу русского языка: слово «культура» входит в состав ценностных концептов русского языка, использование его в значении «контркультура, антикультура» нарушает аксиологическую сферу русского языка, девальвирует ценность; слово «евангелист» для русского языкового сознания называет либо авторов Евангелий, либо в определенных контекстах членов секты евангелистов, отсюда использование слова в значении «промоутер» не отвечает духу языка (как результат, оскорбляет чувства верующих), и не отражает характера деятельности специалиста по СО (как возможный результат, представляет компанию как секту).

ВАРИАТИВНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА КАК ЦЕЛОСТНОЙ СТРУКТУРЫ

УДК 811.511.12

ЛЕКСИКОГРАФИЯ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Т. Е. Андреева¹, К. Н. Стручков²,

*^{1,2} кандидат филологических наук, доцент кафедры северной филологии,
Институт языков и культур народов Северо-востока РФ, ФГАОУ ВО «Северо-
восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова», Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск*

Аннотация. Для российской гуманитарной науки одним из актуальных приоритетных направлений остается фиксация и документация языков, находящихся под угрозой исчезновения. Безотлагательной задачей является создание научной базы для сохранения и ревитализации эвенкийского языка – создание различного типа словарей, описательных грамматик, издание фольклорных материалов. В статье дается краткий обзор лексикографических работ по языку эвенков, начиная с накопления лингвистического материала в XVII – начале XVIII в. по настоящее время. В статье использован описательный метод лексикографического анализа. Результаты: данные словари стали важным компонентом лингвистического описания эвенкийского языка, средством преподнесения его словарного состава для исследователей тунгусо-маньчжурских языков и алтайских языков в целом.

Ключевые слова: исчезающие языки, ревитализация, эвенкийский язык, лексикография, двуязычный словарь, литературный, диалектная лексика.

Summary. One of the urgent priority areas for the Russian humanitarian science remains the fixation and documentation of endangered languages. An urgent task is to create a scientific basis for the preservation and revitalization of the Evenki language – the creation of various types of dictionaries, descriptive grammars, and the publication of folklore materials. The article gives a brief overview of lexicographic works on the Evenki language, starting from the accumulation of linguistic material in the XVII – early XVIII century to the present. The article uses the descriptive method of lexicographic works. These dictionaries have become an important component of the linguistic description of the Evenki language, a means of presenting its vocabulary for researchers of the Tunguso-Manchurian languages and the Altaic languages in general.

Key words: endangered languages, revitalization, Evenki language, lexicography, bilingual dictionary, literary, dialectal lexicon.

Введение. Исследования исчезающих языков коренных малочисленных народов Севера дают возможность для дальнейшего их сохранения и развития, расширяют и углубляют научное представление о языковых системах в целом. Эвенкийская лексикография по сравнению с другими тунгусскими языками отличается масштабностью, широтой охвата различных пластов словарного состава, известными традициями в подготовке и издании академических и учебных словарей. И, несмотря на это, безотлагательной задачей является создание научной базы для сохранения и документации исчезающих языков.

Целью данного исследования является предоставление краткого обзора лексикографических работ по языку эвенков, начиная с накопления лингвистического материала в XVII – начале XVIII в. по настоящее время.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный метод, лексикографический анализ.

Результаты исследования. Исследования исчезающих языков коренных малочисленных народов Севера дают возможность для дальнейшего их сохранения и развития, расширяют и углубляют научное представление о языковых системах в целом.

Эвенкийский (тунгусский) язык относится к северно-тунгусской языковой общности, его изучение началось в XVII – начале XVIII в.

В эвенкийском языке более или менее изучены звуковой строй и грамматика, описанная в учебном пособии, словарный состав – в двуязычных словарях различного типа и назначения (их около 20) [3, с. 4–11].

Первые публикации материалов по лексическому составу эвенкийского языка принадлежат зарубежным исследователям. Голландец Н. Витзен опубликовал первые списки тунгусских (эвенкийских) и ламутских (эвенских) слов [4]. После него шведский офицер Ф. Страленберг зафиксировал небольшое количество слов эвенков, живших по Енисею и Нижней Тунгуске. Эти записи были изданы Ю. Клапротом в 1823 г. в Париже. В 1787 г. в России вышел «Сравнительный словарь языков и наречий», составленный академиком П. С. Палласом. В него вошли образцы языков народов, проживающих в России; материалы по эвенкийскому были собраны от носителей, проживающих в бассейне Енисея и Верхней Ангары и др. районах их проживания [3].

В XIX – начале XX вв. изучение эвенкийского языков связано с именами М. А. Кастрена, Вл. Котвича, Л. И. Шренка, С. К. Патканова, А. А. Шифнера, А. Ф. Миддендорфа, Р. К. Маака, В. Н. Васильева, К. М. Рычкова, П. П. Шмидта и др. Этому же периоду исследования тунгусо-маньчжурских языков посвящены специальные статьи автора [4, с. 96–104].

В советское время началось планомерное изучение языков коренных малочисленных народов Севера, создается письменность для эвенков, составляются первые учебники и буквари для национальных школ. Были созданы благоприятные условия для составления словарей на более высоком лексикографическом уровне. Одним из первых таких словарей является «Тунгусско-русский словарь» Е. И. Титова, который был издан в 1926 г. в Иркутске [4, с. 28–30].

Наибольший вклад в изучение эвенкийского языка в советское время внесла Г. М. Василевич. Ею собран, систематизирован и опубликован огромный лексический материал. Ее «Русско-эвенкийский словарь», содержащий около 20 000 слов (М., 1948) и «Эвенкийско-русский словарь», содержащий около 25 000 слов (М., 1958) являются до сих пор наиболее полными среди других лексикографических изданий.

В 1958 г. вышел в свет «Эвенкийско-русский словарь (литературного языка)», составленный В. А. Горцевской, В. Д. Колесниковой и О. А. Колесниковой. Он содержит 10 000 слов, имеет приложения: краткий очерк и лексику эвенкийского литературного языка.

В 1968 г. выходит из печати совместный труд эвенковедов по лексикографии – «Диалектологический словарь эвенкийского языка: по материалам говоров эвенков Якутии» [3, с. 7]. Это третий выпуск диалектологических материалов по изучению говоров эвенков. В словаре сведены материалы, собранные составителями в 1958–1963 гг. во время командировок в места расселения эвенков – в Олекминский, Учурский, Алданский районы Якутии, в Аяно-Майский район Хабаровского края, а также М. Г. Колесовым в 1956 г. в Тимптонском районе (чульманский говор). Для сравнения с лексикой говоров эвенков Якутии привлечены слова из словаря Г. М. Василевич, для сравнения с эвенской лексикой – из словаря В. И. Цинциус и Л. Д. Ришес, для

сравнения с якутской лексикой – из словаря Э. К. Пекарского и орфографического словаря якутского языка, для сравнения с русской лексикой – из словаря С. И. Ожегова.

Словарь А. В. Романовой и А. Н. Мыреевой обладает лексикографической информативностью. Он отражает не только общеэвенкийскую лексику говоров эвенков Якутии, но и иноязычные заимствования, попавшие в эвенкийский язык из родственного ему эвенского, а также из русского и якутского языков. Несомненным достоинством надо отметить, что он действительно является лингвистическим, а не просто переводным двуязычным словарем.

Следующим крупным достижением якутских тунгусоведов в области лексикографии является «Эвенкийско-русский словарь», содержащий около 30 000 слов, изданный в издательстве «Наука» в Новосибирске в 2004 г. [3, с. 7]. Он включен в серию «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 3). Издание выполнено в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Историко-культурная эволюция, современное положение и перспективы устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (проект «Языки малочисленных народов Севера в системе этнокультурного взаимодействия»). Этот словарь на сегодняшний день является самым полным словарем, в список его источников вошли ранее опубликованные словари Г. М. Василевич, Б. В. Болдырева, полевые материалы, собранные А. Н. Мыреевой и др. во время научных экспедиций в 1958–1999 гг. [4]. По своему содержанию словарь является диалектологическим. Слова снабжены пометами говоров и диалектов. Составители ставили своей задачей оказать посильную помощь эвенкам-учителям, учащимся, переводчикам, студентам при изучении эвенкийского языка, чтении эвенкийских газет, общественно-политической литературы и при переводе с эвенкийского языка на русский. Словарь может быть полезен также и исследователям, занимающимся изучением урало-алтайских, в том числе и тунгусо-маньчжурских языков. Материалы словаря дают возможность ставить и решать новые задачи, связанные с изучением лексики в традиционных аспектах (системно-семантическом, словообразовательном, мотивационном, этимологическом и др.) и новых, в частности когнитивном, ориентированном на изучение соотношения языка диалектоносителей и их мышления, языка и сознания, мироощущения, мировосприятия эвенков, языковой личности диалектоносителя, лингвокультурологическом, направленном на выявление фрагментов материальной и духовной культуры эвенков в семантике диалектных лексических и фразеологических единиц, на установление когнитивных источников образных слов и т. д.

Словарь является бесценным источником данных о концептуальной картине мира эвенков. Любой диалектный словарь, в том числе и, говоров эвенкийского языка, является языковым памятником материальной и духовной культуры эвенков, из которого черпают знания об эвенке, человеке труда, его мироощущениях, миропонимании, его представлениях о нравственности, о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Такие типы словарей дают также богатейший материал для сопоставительных исследований лексики в разных аспектах.

К таким словарям относятся словари, подготовленные нашими сотрудниками в сотрудничестве с Благовещенским государственным педагогическим университетом в рамках реализации долгосрочной целевой программы «Развитие туризма и этнокультурного наследия в Амурской области на 2012–2016 годы» – «Словарь джелтулакского говора амурских эвенков» из 2-х частей [1, с. 7–30]. Настоящий «Словарь джелтулакского говора амурских эвенков» ставит своей задачей зафиксировать лексику исчезающего говора эвенкийского языка. Данный словарь, содержащий 16300 слов в первой части и 4000 слов во второй части, составлен на основе словарных материалов, записанных носительницей джелтулакского говора

учительницей-пенсионеркой Мальчакиной Раисой Егоровной, проживавшей в поселке Усть-Нюкжа Тындинского района Амурской области. Иллюстративный контекстный материал всесторонне раскрывает семантику и грамматическое функционирование уникального диалектного слова. Словарные материалы дополняют образцы речи эвенков джелтулакского говора, статья о фонетических, морфологических и лексических особенностях говора, краткие исторические сведения об эвенках данной локальной группы и сведения о составителях словаря. Авторами Приложения являются доктор филологических наук Г. И. Варламова и кандидат филологических наук Т. Е. Андреева. Словарь был издан при финансовой поддержке БГПУ.

Словарь зейского говора эвенков Амурской области, авторами которого являются Б. В. Болдырев, Г. В. Быкова, Г. И. Варламова и Л. К. Сенина, издан также в г. Благовещенске издательством БГПУ в 2010 объемом 435 страниц и с приложением [2]. Он содержит 10000 слов, составлен на основе словарных материалов, записанных носителем зейского говора Сениной Лидией Константиновной. Иллюстративный контекстный материал всесторонне раскрывает семантику и грамматическое функционирование уникального диалектного слова. Словарные материалы дополняют образцы речи эвенков зейского говора и сведения о составителях словаря.

Таким образом, за период с 1958 года тунгусоведы Института внесли большой вклад в эвенкийскую диалектную лексикографию и в российскую диалектную лексикографию в целом. Перед нашим Отделом стоят еще большие теоретические и практические задачи по развитию, укреплению и распространению эвенкийского литературного языка, разработке различных типов словарей (терминологических, этимологических и др.), создание академической грамматики и др.

Во второй половине XX и начале XXI вв. российскими лингвистами были созданы уникальные по своему содержанию лексикографические издания: «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. Т. 1-2» под редакцией В. И. Цинциус (Л.: Наука, 1975–1977); «Эвенкийско-русский словарь» Г. В. Василевич (М.: ГИС, 1958); «Русско-эвенкийский словарь» и «Эвенкийско-русский словарь» Б. В. Болдырева (Новосибирск: Наука, 1994 и 2000); «Эвенкийско-русский словарь» А. Н. Мыреевой (Новосибирск: Наука, 2004). Все они содержат богатый сравнительный и диалектный словарный материал по тунгусо-маньчжурским языкам.

За последние годы в отделе северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН увеличивается число выпускаемых словарей. Так, на основе изданных лексикографических источников вышла серия словарей: «Имена собственные персонажей эвенкийского эпоса: словарь-указатель». Составители: Г. И. Варламова, А. Н. Варламов, Н. Е. Захарова, М. П. Яковлева (Новосибирск, 2019); «Словообразовательный словарь эвенкийского языка. Глагол». Составители: Т. Е. Андреева, Н. Е. Захарова, Л. Е. Кудрина, К. Н. Стручков (Новосибирск, 2018).

Заключение. В разные периоды эвенкийская лексикография была призвана решать ряд просветительских и культурных задач, каждая из которых была важна для своего времени. Уже самые ранние словари эвенкийского языка были призваны к использованию в обучении эвенкийской грамоте детей-эвенков. Словари, изданные в 1930–1950-е гг., сослужили и служат прекрасную службу переводчикам художественной литературы и материалов для СМИ на эвенкийском языке. Эвенкийско-русские и русско-эвенкийские словари, издающиеся с конца 1950-х гг., стали важным компонентом лингвистического описания эвенкийского языка, средством преподнесения его словарного состава для исследователей тунгусо-маньчжурских языков и алтайских языков в целом. Учет опыта издания словарей

эвенкийского языка и подготовка новых изданий – это требование современного состояния лингвистической науки и залог ее успешного развития в будущем.

Список использованных источников

1. Болдырев, Б. В. Словарь джелтулакского говора амурских эвенков (из 2-х частей) / Б. В. Болдырев. – Благовещенск, 2013. – С. 7–30.
2. Болдырев, Б. В. Словарь зейского говора эвенков Амурской области / Б. В. Болдырев. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – 425 с.
3. Мыреева, А. Н. Лексика эвенкийского языка / А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2001. – 104 с.
4. Петров, А. А. Лексика тунгусских языков. Духовная культура / А. А. Петров. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. – 199 с.

УДК 821.14'06

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА МОРЯ В ПОЭЗИИ НИКОСА КАВВАДИАСА

Л. С. Банах,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье раскрываются авторские концептуальные метафоры моря в сборнике стихов «Марабу» греческого поэта Никоса Каввадиаса. При проведении исследования применялись герменевтический и типологический подходы, метод тщательного прочтения, метод символической интерпретации. Были выделены такие концептуальные метафоры, как «море – любовь», «море – спаситель», «море – смерть», «море – знания и опыт». В использовании метафор просматривается двойственное отношение поэта к морю, которое одновременно внушает страх и любовь, спасает и губит, дарит знания и опустошает.

Ключевые слова: новогреческая литература, концептуальная метафора моря, Никос Каввадиас, сборник стихов «Марабу».

Summary. The article reveals the author's conceptual metaphors of the sea in the collection of poems *Marabou* by the Greek poet Nikos Kavvadias. The research was conducted with the help of hermeneutic and typological approaches, the method of careful reading, and the method of symbolic interpretation were used. The following conceptual metaphors were identified: "sea – love", "sea – savior", "sea – death", "sea – knowledge and experience". The use of metaphors reveals the poet's dual attitude towards the sea, which simultaneously inspires fear and love, saves and destroys, gives knowledge and devastates.

Key words: New Greek literature, conceptual metaphor of the sea, Nikos Kavvadias, collection of poems *Marabou*.

Греки всегда связывали свои судьбы и чаяния с морем. Оно сыграло первостепенное значение в формировании этнического сознания народа Греции, стало частью языковой картины греческого мира и нашло отражение во многих текстах греческой поэзии и прозы. Море характеризуется как ключевая лингвокультурная универсалия греческой действительности. Неслучайно в греческом языке есть три слова для обозначения моря – *θάλασσα* (обобщенное понятие), *πόντος* (открытое море), *πέλαγος* (море с островами). Поскольку поэзия концентрирует в себе культурно-исторический опыт народа, представляет языковое сознание через образный способ мышления и, следовательно, представляет языковую концептуализацию мира,

представляется актуальным рассмотреть концептуальную метафору моря в творчестве греческого поэта Никоса Каввадиаса.

Цель исследования – выявить авторские концептуальные метафоры моря в поэзии Никоса Каввадиаса. Задачи исследования: 1) проанализировать авторские метафоры в сборнике «Марабу»; 2) раскрыть систему образов в сборнике «Марабу». В отечественном литературоведении подобное исследование проводится впервые, что позволяет говорить о его новизне. Переводы текстов Н. Каввадиаса принадлежат автору статьи.

Никос Каввадиас (Νίκος Καββαδίας, 1910–1975) родился в г. Никольск-Уссурийский в России в семье греков с о. Кефалонья. В 1914 г. с началом Первой мировой войны переехал с семьёй в Грецию в г. Аргостоли, затем в Пирей. С 18 лет публиковал стихи в журнале «Большая греческая энциклопедия» под псевдонимом Петрос Валхалас. По окончании гимназии он сдал вступительные экзамены на медицинский факультет. В это время умер его отец, и Никос вынужден был поступить на службу в морскую компанию, чтобы помочь семье. В ноябре 1929 года Каввадиас получил паспорт моряка и в следующем году ушел в рейс юнгой на сухогрузе «Святой Николай». Никос Каввадиас, проведя большую часть жизни в море, посвятил свои стихи морской стихии, быту моряков, их надеждам, страхам, мечтам. Корабль для него – это весь мир в уменьшенном объеме, поэтому в его поэзии было создано множество авторских метафор, связанных с морем. В целом вышло три сборника стихов Каввадиаса: «Μαραμπού», 1933, «Πούσι» («Туман», 1947 г.), «Τραβέρσο» («Траверсо», опубликованный после его смерти в 1975 году).

Первый сборник стихов под названием «Марабу» поэт опубликовал в 1933 году, с тех пор друзья его самого звали Марабу (марабу – экзотическая птица, родственная аисту, слово имеет арабские корни и означает «аскет», «отшельник»). Сборник состоит из 22 стихов, в которых всесторонне представлена любовь поэта к «голубому простору». Как отмечает исследовательница Ю. В. Маслова: «Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума» [3, с. 59]. При помощи метафоры каждый автор передаёт особенности своего мировосприятия и тем самым создаёт неповторимые, характерные только для его стиля авторские образы. Описывая свою связь с морем, Каввадиас в стихотворении «Марабу» отмечает: «είχα μιαν άβουλη ψυχή δαρμένη απ' τα πελάγη» «у меня была безрассудная душа, измотанная морем» (здесь и далее по тексту перевод мой – Л. Б.) [5, с. 9]. Для Каввадиаса море – это любовь, море – это душа. Мы четко видим его отношение к морю в стихотворении «A bord de l' «Aspasia»»:

«Κι εγώ, που μόνο την υγρή έκταση αγάπησα,

Λέω πώς εσένα θα μπορούσα ν'αγαπήσω».

«И я, любивший только бескрайний водный простор,

вдруг понял, что мог бы тебя любить всем сердцем» [5].

В стихотворении «Mal du départ» вновь появляется концептуальная метафора «море – любовь»:

«Θά μείνω πάντα ίδανικός κι άνάξιος έραστής

τῶν μακρυσμένων ταξιδιῶν καὶ τῶν γαλάζιων πόντων» [5].

«Я навсегда останусь мечтательным и неумелым любовником

Дальних путешествий и голубых просторов».

Исследовательница В. Я. Задорнова отмечает: «Поэты разных веков проводят параллели между одними и теми же объектами; они создают образы одного типа, используя схожие метафоры для сравнения предметов или явлений. Частое использование одних и тех же аналогий заставляет нас говорить о неких метафорических инвариантах образов, функционирующих на понятийном уровне. Эти

инварианты, или поэтические концептуальные метафоры, существуют в поэтической понятийной картине мира и находят разнообразное языковое выражение у поэтов» [1, с. 163]. Так, в поэзии Каввадиаса море или океан часто предстают дикими («κι εγώ κοιτάζοντας χλωμός τον άγριον Ινδικό»), враждебными («Τα βράδια, όταν η θάλασσα χτυπάει τις λαμαρίνες, και πολεμάει με δύναμη να σπάει τα καρφιά»). Но в то же время море спасает от бед внешнего мира, создаётся концептуальная метафора «море – спаситель». Так, в стихотворении «Γράμμα στον ποιητή Καίσαρα Έμμανουήλ» Каввадиас предлагает другу отправиться в дальнейшее путешествие по морю, чтобы уйти от проблем и печалей. Каввадиас ждет от моря чуда, что оно избавит его от всех невзгод, что море покажет ему праведный путь и поможет обрести истинную любовь.

*«Γνωρίζω κάτι, που μπορούσε, βέβαια, να σας σώσει.
Ένα καράβι... Να σας πάρει, Καίσαρ...Να μας πάρει...» [5].*
*«Я знаю, что могло бы наверняка Вас спасти.
Корабль... Чтобы унёс Вас корабль, Кесарь... Нас унёс...»*
*«Καίσαρ, από ένα θάνατο σε κάμαρα,
κι από ένα χωματένιο πεζό μνήμα,
δε θα 'ναι ποιητικότερο και πι'όμορφο,
ο διαφέγγος βυθός και τ'άγριο κύμα,» [5].*
*«Кесарь, чем смерть в обычной комнате,
В земляной прозаичной яме,
Не поэтичнее ли и красивее
Прозрачная глубина и дикие волны?»*

Примечательным элементом, упомянутым Каввадиасом при создании образа моряков, является то, что, даже терпя большие лишения, они грезят о море, которое, несомненно, является их большой любовью. Несмотря на тяготы они даже благодарны морской стихии, ведь она примирила их со смертью. Когнитивная метафора «море – смерть» часто вписывается в портрет моряка. Так, в стихотворении «Γράμμα ένός άρρώστου» находящийся при смерти моряк вспоминает, как он всегда мечтал ходить в моря, но морские путешествия принесли ему много печали «Τι θλίψη στα ταξίδια κρύβεται άπειρη!» («В путешествиях скрывается бесконечная печаль!») Больной сравнивает смерть с путешествием на корабле, где Харон является капитаном:

*«Αλήθεια! Ο Χάρος ήθελα να 'ρχότανε
Σαν ένας καπετάνιος να με πάρει» [5].*
*«Правда! Я бы хотел, чтобы пришёл Харон
Словно капитан забрать меня».*

«Метафорическая модель – это существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя понятийными сферами, которую можно представить определённой формулой: «Х – это Y». Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: «Х подобен Y» [4, с. 64]. Так, в стихотворении «Η πλώρη μας» носовую часть корабля поэт сравнивает с гробницей. В этой части корабля моряк часто сталкивается с осознанием того, что на плавучем морском алтаре он пожертвовал своей «мирской» жизнью и своим спокойствием. То есть, создаётся метафора «корабль – гроб».

*«Στην πλώρη αυτή κατάστρεψα τον ήρεμο εαυτό μου
Και σκότωσα την τρυφερή παιδιάτικη ψυχή.
Όμως ποτέ δεν μ'άφησε το επίμονο όνειρό μου
Και πάντα η θάλασσα πολλά μου λέει, όταν αχεί» [5].*
*«На носу этого корабля разрушил я своё спокойствие
И убил свою нежную детскую душу.
Но меня никогда не оставил мой навязчивый сон,
И всегда мне многое море говорит, когда шумит».*

Море в этом стихотворении ассоциируется с живым существом. Тишина на носу корабля ассоциируется с гробовой тишиной. Доктор филологических наук Н. Н. Кислицына отмечает, что «...наиболее существенными типами ассоциаций являются ассоциации, возникшие на основании сходства и смежности в пространстве или во времени, так как фактически эти психические процессы лежат в основе лингвистических явлений, называемых метафорой и метонимией» [2, с. 96]. Ещё одной устойчивой ассоциацией стало сравнение кошки, живущей на корабле, с женщиной. Каввадиас многократно отмечает, что одиночество моряков скрашивает присутствие некоторых животных, преимущественно кошек или обезьян. Животное идентифицируется с человеком и, кажется, дополняет его или разделяет с ним трудности, с которыми он сталкивается на море. Так, в стихотворении «Οἱ γάτες τῶν φορτηγῶν» моряки крайне печалются, когда погибает кошка, словно теряют любимую женщину:

*«Και τότε οι ναύτες που πολύ σπάνια λυγάει η καρδιά τους,
Πάνε στην πλώρη να κρυφτούν με την καρδιά σφιχτή,
Γεμάτη μία παράξενη πικρία που όλο δαγκώνει,
Σαν όταν χάνουμε θερμή, γυναικά αγαπητή» [5].
«И тогда моряки, чьё сердце редко стонет,
Идёт в носовую часть, чтобы спрятать сжавшееся сердце,
Наполненной странной печалью, которая глубоко ранит,
Словно когда теряют страстную, любимую женщину».*

В стихотворении «Ἡ μαϊμού τοῦ Ἰνδικοῦ λιμανιοῦ» поэт рассказывает об обезьяне, которую он приручил и с которой они живут как пара друзей, разделяют повседневную жизнь, она поддерживает и развлекает его во время долгих ночных вахт.

*«Όταν στη γέφυρα έκανα τη βάρδια της νυχτός
κι η νύστα βασανιστικά τα μάτια μου ετρυπούσε,
στον ώμο μου κρυώνοντας στεκόταν σκυθρωπή
και σοβαρά μαζί μ'έμέ τον μπούσουλα κοιτούσε» [5].
«Когда на мостике я нёс ночную вахту,
И дрёма неистово смыкала мне глаза,
Она, согнувшись, на плече моём стояла, замерзая,
Серьёзно глядя на стрелки компаса».*

Автор оценивает поведение обезьяны, как если бы это был человек, и считает большим достоинством то, что она умеет молчать («Είχε προτέρημα πολύ μεγάλο: να σιωπάει»), однако отмечает, что у обезьяны тоже есть сходство с женщиной: «Μα κάτι είχε απ'την ύπουλη καρδιά της γυναικός» («Что-то есть в ней от вероломного сердца женщины»). При гибели животного моряк испытывают боль («...σε κρατά λύπη μεγάλη. Απόψε ψόφησαν οι δυο μου παπαγάλοι κι ο πίθυκος που 'χα με κούραση γυμνάσει» – «...тебя одолела огромная печаль. Сегодня сдохли два моих попугая и обезьяна, которую я надрессировал с таким трудом» [5].

Море представляется Каввадиасу чем-то священным: «Θὰ μεταλάβω μὲ νερό θαλασσινὸ» («Я причащусь морскою водою») из стихотворения «Fata Morgana». Многократно поэт отмечал, что море подарило ему мудрость, создавая авторскую когнитивную метафору «море даёт знания и опыт»:

*«Άναψε στη γέφυρα το φως.
Μέσα μου μιλεί ένας παπαγάλος
γέρος στραβομούτης και μεγάλος
μα γιομάτος πείρα και σοφός» [5].
«Загорелся на мостике свет.
Внутри меня говорит попугай
Я стал кривоносым стариком и поседевшим,*

Но полным опыта и мудрости».

Таким образом, посредством метафоризации образа морской стихии передаётся отношение автора к жизни, его оценка событий, выстраиваются личностные ценностные ориентиры, идеалы поэта. Никос Каввадиас создал ряд авторских концептуальных метафор, которые отобразили его мировоззрение и жизненный опыт. Ведущее место в его сборнике «Марабу» занимают метафоры «море – любовь», «море – спаситель», «море – смерть», где «корабль – это гроб», «море – знания и опыт». Море предстаёт диким, враждебным, святым, любимым, бескрайним, спасающим. Яркими являются ассоциативные связи кошки, живущей на корабле, с женщиной, обезьяны с верным другом, а нос корабля часто представляется могилой. Море для Каввадиаса – это испытание на прочность, человечность и духовную силу.

Список использованных источников

1. Задорнова, В. Я. Парадигмы образов в английской поэзии / В. Я. Задорнова // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 82. – Т.1. – С. 163–166.
2. Кислицына, Н. Н. Концепция лингвистической коннотации (когнитивно-дискурсивный аспект) / Н. Н. Кислицына. – Симферополь : ООО «Антиква», 2022. – 328 с.
3. Маслова, Ю. В. Когнитивная метафора как средство выражения авторского стиля русских рок-поэтов / Ю. В. Маслова // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – № 13 (156), вып. 18. – С. 59–64.
4. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2003. – 250 с.
5. Καββαδίας, Ν. Μαραμπού / Νίκος Καββαδίας. – Αθήνα : Εκδόσεις Άγρα, 1994. – 52 σ.

УДК 811.14

ОСОБЕННОСТИ КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫХ ПРАЗДНИКОВ ФРАКИЙСКИХ ГРЕКОВ КРЫМА (с. ЧЕРНОПОЛЬЕ, БЕЛОГОРСКИЙ РАЙОН)

Ю. В. Кожуховская¹, С. А. Лазариди²,

¹кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей календарно-обрядовых праздников фракийских греков Крыма с. Чернополье Белогорского района. Особое внимание уделяется текущему состоянию обрядовой системы общины; приводятся данные о сохранившихся связях с балканским ареалом.

Ключевые слова: концептуальная картина мира, обряд, календарно-обрядовые праздники, фракийские греки, фольклор.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-01227, <https://rscf.ru/project/23-78-01227/> «Лингвокогнитивный аспект вопроса этнической и национальной идентичности (на материале новогреческого языка)» в КФУ им. В. И. Вернадского.

Summary. The paper focuses on the study of the peculiarities of the calendar and ritual holidays of the Thracian Greeks of Crimea (Chernopolye, Belogorsk district). The study

provides data on the preserved connections with the Balkan area. Special attention is paid to the current state of the ritual system of the community.

Key words: conceptual picture of the world, ritual, calendar holidays, Thracian Greeks, folklore.

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (project No 23-78-01227, <https://rscf.ru/project/23-78-01227/>) and took place in V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Проведение календарных праздников греками села Чернополье – выходцев из Восточной Фракии (Румелии) – имеет ряд особенностей, выделяющих их из праздников других групп греков Крыма. Вплоть до недавнего времени жители с. Чернополье сохраняли развитую систему календарно-обрядовых праздников (которые подробно описаны И. К. Зековой [2], а праздники греков Крыма в целом – И. А. Наумовой [5]). Однако современное общество характеризуется тенденцией утраты народных традиций, как и этнических языков. Цель настоящей статьи – установить текущее состояние календарно-обрядовой системы как основы этнической идентичности и проследить устойчивость ее связей с балканским фольклором.

Обрядовые практики представляют собой семиотическую систему, в основе которой лежит язык символических действий, который «предшествует словесному языку и служит базой для усвоения последнего» [3, с. 351]. В Чернополье обрядовые практики обязательно сопровождает песенный фольклор, таким образом, особо значимой является вербальная составляющая обрядов. Существовали обрядовые песни, которые исполнялись вне зависимости от праздника: «Χριστός γεννιέται» (Христос рождается) и «Ο Κωνσταντίνος ο μικρός» – песня о юном Константине (имеется в виду Константин Великий – покровитель общины) – после этого исполнялись песни, которые имели отношение к празднику [4]. Однако в настоящее время наблюдается редукция обрядовой системы и обязательной для исполнения является только «Χριστός γεννιέται» – песня, изначально приуроченная к Рождеству. Здесь прослеживается функция замещения св. Константина «высшими существами», характерное для балканского фольклора, где одним из вариантов замещения является: Константин – Господь, Елена – Богородица [6, с. 175], которые фигурируют в данной песне.

Все праздники, отмечаемые жителями с. Чернополье, выстраиваются вокруг символического «центра» – Панаира. Храмовый праздник Панаир – день памяти святого, в честь которого освящен престол в местной церкви, играет важную роль для всех групп греков Крыма [4] и позволяет «осознать себя как общность, нацию и часть православного мира» [5, с. 231], а Панаир в честь равноапостольных святых Константина и Елены, который отмечают фракийские греки Крыма, среди них наиболее известен. Кроме того, празднуются малые или домашние Панаиры, когда все община собирается в доме того, кто взял на определённый праздник обязанность по его устройству. По материалам экспедиции 1996 года (под руководством С. А. Лазариди) Панаиры были распределены по семьям и регулярно отмечались. Так, на конец лета – осень их устраивали в день Параскевы Римской (8 августа), Успение Пресвятой Богородицы (28 августа), Святой Веры, Надежды, Любви (30 сентября), Покров Богородицы (14 октября), Димитрия Солунского (Ай-Димитрес) (8 ноября), Архангела Михаила (21 ноября). Во время подобных Панаиров не чаще сорока дней менялась рубашка на иконе. Старую рубашку резали на полосы, которые раздавали членам общины, брали их в армию или в дальний путь.

В наши дни именно переодевание рубашек икон свв. Константина и Елены, который проводится в домовый церкви общины, так называемой «конаки», становится интегрирующим фактором для сообщества, а закрытый характер обряда придает еще большую степень сакральности. Во время обряда срезают votivные приношения «айко» (изображают фигурки коня, человека и отдельных частей тела – руку, ногу, глаз,

ухо, горло) и пришивают их на новую рубашку. По материалам экспедиции 2025 года (под руководством Ю. В. Кожуховской) община собирается шесть раз в год: на Рождество, перед началом поста, на Пасху, в день свв. Константина и Елены, на Успение Пресвятой Богородицы и св. Дмитрия Солунского. Таким образом, выработались наиболее важные «точки» календарного года, символически воплощающие «вечное возвращение» (термин М. Элиаде): когда через ритуал происходит разбор старого мира и конструирование нового. «Центром» для греков-фракиотов Крыма является Панаир, посвященный свв. Константину и Елене, проводимый с особой тщательностью и подготовкой третьего июня. Особенности его проведения свидетельствуют о дохристианском происхождении праздника, при этом прослеживаются как индоевропейские корни, так и черты более ранних земледельческих культур анатолийского происхождения.

В первую очередь, праздник принято возводить к дионисийским мистериям, происходящим из доиндоевропейских балканских земледельческих культур. Однако, кроме этого, св. Константина и Елену связывают с Громовержцем: среди прочего на основе мотивов воды и огня [6, с. 174]. Как и на Балканах, источник с. Чернополье принадлежит св. Константину, и именно «выбор» Константином этого источника обусловил текущее место проживания греков-фракиотов Крыма [2]. С другой стороны, в интервью (1996 и 2025 гг.) упоминается, что предки членов общины были «нестинарами» или «нестенариями» («*αναστενάριοι*»), и обряд хождения по раскаленным углям исполняли (в закрытом помещении) вплоть до недавнего времени. С мотивом огня членов общины связывает и символика цвета: почитание красного цвета ассоциируется с мотивом огня-солнца [6]. На Балканах, где также существовала традиция менять рубашку иконы, которая осуществлялась раз в год в Панаир, рубашка обязательно была красного цвета [6, с. 175]. В Чернополье под влиянием Революции 1917 г., за которой последовало закрытие церкви, члены общины отказались от красной ткани, однако затем во время Великой отечественной войны получили знамение, что нужно вновь использовать красный цвет [2].

Еще около тридцати лет назад малые Панаиры проводились следующим образом. С вечера пекли специальных хлеб – кулич без сахара и яиц из кисломолочного теста с дрожжами. Утром после восхода солнца приносили в жертву барашка и делали курбан. Все приходящие на Панаир приносили свои пожертвования – хлеб и половину курицы; на праздник нужно было приходить натошак.

Ко всем собравшимся по очереди подходила хозяйка дома с курильницей и говорила слова приглашения: «Калимерас...» (*Καλημέρας* = *Καλημέρα σας*). Приглашенный благодарил хозяйку и трижды ладонью правой руки махал над каминой на себя, окуривая себя ладаном, обязательно вдыхая его. Каждый из приглашенных входил в ту комнату, где находились иконы свв. Константина и Елены и праздника Панаира. Иконы стояли на столе у окна. Кроме икон справа на столе стоят подносы с деньгами, которые жертвовали все приходящие, и подносы с зажженными свечами. Поставив свечу, положив жертву и помолившись, участник праздника выходил из дома. После этого в доме собирается наиболее уважаемые пожилые члены общины, кадили дом и молились. Хозяйка дома приглашала тех, кто занят приготовлением праздничного стола в дом. Там в комнате с иконами вдоль одной стены сидели женщины, у другой – стояли. Вошедшие делали три земных поклона и подходили к первой женщине, стоящей в ряду, она держала икону святого, которую нужно поцеловать, потом подходили ко второй женщине, она держала икону свв. Константина и Елены в рубашке с нашитыми айко – нужно поцеловать «те, к которым душа лежит». Третья женщина – с миской, в которую опущен край снятой с иконы рубашки. У четвертой женщины – маленький серебряный ковшик, из которого надо трижды отхлебнуть. Пятая – самая старшая женщина с хлебом для Панаира в руках,

она подает кусочек «кулити» (кулича), гость должен обмакнуть его в соль, и съесть, а потом в знак благодарности поцеловать ей руку. Сидящие у противоположной стены женщины издают возгласы: «Хорошо!», «Ах!», «Дай Бог здоровья!» и др.

Затем по прошествии некоторого времени хозяйка опять приглашала зайти в дом (в этот раз женщины допускаются с непокрытой головой) для того, чтобы самая старшая женщина совершила обряд кропления водой. Нужно перекреститься, встать на колени перед миской со святой водой, в которой лежала рубашка с иконы. Этой рубашкой кропили над головой, трижды позвякивая айко. После этого садились за стол, в то время как хозяйка вместе с несколькими женщинами обслуживала присутствующих.

Курбан варят во время таких праздников в больших котлах на костре. Шкура барашка остается хозяину на Панаир, голова и ноги барашка лежат во дворе.

Обряд переодевания икон в наши дни выступает основой годовичного календарного цикла. Однако и другие сохранившиеся праздники также имеют ярко выраженные балканские корни. Начинается обрядовый цикл для общины, по словам И. К. Зековой – текущей хранительницы наследия фракийских греков Крыма, с Юрьева дня (6 мая): «ходим и собираем траву, и сушим её», «мы режем барана, потому что этот праздник для нас первый в году» (интервью 2025 г.). Георгий Победоносец – не только христианский святой, он обладает особой значимостью для народов Балкан и связывается с основным мифом. Чернопольцы называют его одним из своих покровителей (кроме царей Константина и Елены, а также Дмитрия Солунского, и в меньшей степени Николая Чудотворца).

У фракийских нестинаров самостоятельным персонажем, замещающим св. Константина и также ассоциирующимся с громовержцем, является святой Ильи [6, с. 175], которому посвящена одна из старинных икон жителей с. Чернополье. Сразу после депортации («когда жили в бараках») день святого Ильи (2 августа) не отмечали; позже, когда информант (И. К. Зекова, 1942 г. р.) уже ходила в школу «собирались три семьи и покупали живность, и резали», «то, что мы будем резать на праздник, мы – ладаном. И свечку ставим, и тогда уже режем». Сейчас всегда празднуется на улице, так как собирает «побольше людей».

Однако именно в праздники зимнего цикла вовлечена большая часть общины, что во многом способствует сохранению этнической идентичности: в них участвует значительно больше чернопольцев чем в обряде переодевания икон; при этом фиксируется взаимосвязь обрядов между собой. Так, на святого Николая (19 декабря) зажигают свечу и кладут на стол монету, которая после запекалась в пирог Василиопиту в день Ай-Василя (день св. Василия) [5, с. 225]. Василиопиту было принято есть четырнадцатого января утром, при этом раньше обязательно резали кусок для колодца. Ай-Василь приходится на начало календарного года, относится к обходным праздникам и имеет чёткие обрядовые правила: мумуеры – «μωμώεροι» (колядующие) ходят только после двенадцати ночи и только «хлопцы» с шестнадцати лет и мужчины. Обряд классифицируется как инициация, а тот, кого принимают в «хлопцы» должен принести для угощения вина. Сейчас установлен порядок обхода – «знают в какие дома их пускают», обход продолжается до утра: так, к информантке (И. К. Зекова) приходят уже в пятом часу. Обряд сопровождается двумя песнями. Одна песня («Ту Василиу») поется на улице во дворе, затем хозяйка открывает дверь, держит свечку, и колядующие заходят. Садятся и в доме начинают петь вторую песню (Артиминью – «Αρχιμηνιά»). Порог должен переступить парень, имеющий обоих родителей, с правой ноги, ему хозяин дает деньги. Раньше дойдя до конца деревни «хлопцы» обнимались, шли в церковь и ставили свечу. После иногда пировали у кого-нибудь в доме и затем расходились.

Ай-Афанас (день св. Афанасия, 31 января) также является общим праздником для всей общины. Варили кашу «куркут»: зерна пшеницы мелили на жерновах, сеяли на дуршлаге, и варили баранину в бульоне. Кашу варили во дворе церкви, где была кухня и стояли чаны. Люди приходили с кастрюлями, каждый брал эту кашу к себе домой и оставляли деньги на выкуп барашка. После того как кашу поели старики, приходили «хлопцы» и выкупали себе кашу, а затем праздновали всей компанией. Сейчас мужчины на собранные на Ай-Василь деньги совершают жертвоприношение.

Завершает зимние праздники символическое «убиение» зимы, производимое в обряде перехода на Масленицу (Апокрис). Раньше на Масленичной неделе было принято ходить друг другу в гости и просить прощения «Схорнам» – «Теос насхорна!» (Θεός να σχώρνα!). В наши дни греки просят прощения друг у друга в Прощеное воскресенье, когда расходятся после масленичных гуляний. Раньше бытовал обычай собирать детей. Отваривали яйца вкрутую, чистили и подвешивали на нитки под потолком так, чтобы яйцо висело примерно в метре от пола. Дети должны ртом поймать и съесть яйцо. Потом следующее и так далее. Подобный обычай происходит из Болгарии (где вместо вареного яйца иногда брали кусок халвы) – один из обычаев южнославянского мясопуста, его символическое значение заключалось в обереге от ведьм, наиболее активных в это время: в конце обряда нитку поджигали, что соответствовало символическому сжиганию ведьмы [1, с. 194].

В воскресенье на Масленицу брали корзинки, наполненные соломой, и ставили на шесты – три штуки, а в наши дни – берут один шест и одну корзинку. Мужчины держали шесты в руках, а другие стреляли в них из ружья, символически «убивая» старый год. Затем их зажигают и кидают на землю, из них разгорается костер, через который надо трижды прыгнуть или хотя бы перешагнуть, чтобы ноги не болели, а раньше также считалось, чтобы очиститься от вшей. Обряд сопровождается обращением к силам природы: горам, полям, ветру – ακούστε, καλά γουνά (βουνά), τε (καί) καλά χωράφια [...] (послушайте, милые горы и милые поля [...]).

Таким образом, в последние десятилетия наблюдается редукция обрядовой системы фракийских греков Крыма, которая выстраивается вокруг символического центра – обряда переодевания древних икон свв. Константина и Елены – покровителей общины, проводимого в наиболее важные даты календарного года, и воплощающий «вечное возвращение».

Список использованных источников

1. Агапкина, Т. А. Масленица / Т. А. Агапкина // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. – Москва : Межд. отношения, 2004. – Т. 3. – С. 194–199.
2. Зекова, И. К. Греки Восточной Фракии в Крыму / И. К. Зекова. – Симферополь: Нижняя Орианда, 2019. – 160 с.
3. Иванов, В. В. Примечания / В. В. Иванов // Леви-Строс К. Структурная антропология. – Москва : Наука, 1985. – С. 340–364.
4. Лазариди, С. А. Христианские мотивы в греческой народной лирике / С. А. Лазариди // Международный сборник. Таврические духовные чтения. Таврическая духовная семинария, УПЦ. – Симферополь, 2013. – Т. 2. – С. 255–263.
5. Наумова, И. А. Особенности проведения календарных праздников греками Крыма / И. А. Наумова // Этнография Крыма XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы. – Симферополь, 2002. – С. 221–231.
6. Цивьян, Т. В. Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце / Т. В. Цивьян // Балканский лингвистический сборник. – Москва : Наука, 1977. – С. 172–195.

ОСНОВНЫЕ СЛОЖНОСТИ В ВОСПРИЯТИИ КИТАЙСКОЙ ГРАММАТИКИ У РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ

А. М. Конкова,

старший преподаватель кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются основные сложности в восприятии китайской грамматики у русскоязычных студентов. В частности, проводится сопоставительный анализ расхождений в системах данных языков, обозначается важность грамматической стороны речи. В ходе исследования выявлены наиболее распространенные ошибки при переводе, допускаемые обучающимися, предпринята попытка детально рассмотреть и систематизировать данные трудности.

Ключевые слова: грамматика китайского языка, методика обучения китайскому языку, лингвистическая трудность.

Summary. The article reveals main difficulties in the perception of the Chinese language grammar by Russian-speaking students. A comparative analysis of these two languages system differences is represented in particular, also the importance of the grammatical aspect of speech is indicated. The research covers the most common translation mistakes made by students and tries to examine and systematize them.

Key words: the Chinese language grammar, methods of teaching Chinese, language-learning difficulty.

Для полноценного формирования языковых компетенций важно учитывать специфические особенности грамматики китайского языка, что обуславливает необходимость тщательного изучения трудностей, с которыми сталкиваются русскоязычные студенты. Основной причиной ошибок при переводе является использование типичных синтаксических структур родного языка, что совершенно неприемлемо для языка изолирующего типа. Будучи носителями языка флективного типа, обучающимся сложно адаптироваться к тому, что все грамматические отношения в китайском языке передаются исключительно при помощи порядка, а не через формы слов, и грамматические конструкции китайского и русского языков имеют колоссальные различия.

Для повышения качества преподавания китайского языка мы сделали попытку детально рассмотреть и систематизировать данные трудности. Посредством методов наблюдения и анализа были выявлены основные типы сложностей, связанные с восприятием грамматики, которые возникают у учащихся в процессе изучения китайского языка.

1. Фиксированный порядок слов в предложении, который диктуется строгими правилами. Синтаксис китайского языка не позволяет менять слова местами так, как это возможно делать в русском языке, ведь именно порядок слов определяет смысл не только отдельных иероглифов, но и всего предложения в целом. Это происходит из-за отсутствия признаков частей речи в китайском языке, то есть один и тот же иероглиф может выступать и в роли глагола, и в роли существительного, и предлога или прилагательного в зависимости от местоположения в предложении. Кроме того, в китайском языке отсутствуют суффиксы, окончания и приставки, а написание самого иероглифа никак не изменяется и не имеет никакой связи с тем, какой частью речи он является в различных контекстах. То есть взаимное расположение всех иероглифов в

предложении и определяет, какое именно из своих возможных значений каждый из них выражает в отдельности и в сочетании с соседними иероглифами.

Поэтому именно порядок слов является основным грамматическим инструментом, что также обусловлено отсутствием в языке категорий рода, склонения и спряжения, а также некоторых частей речи, например, причастия и деепричастия.

«Особенностью предложения в китайском языке является то, что оно характеризуется относительно твердым порядком слов, который всегда грамматически значим. Перестановки слов без изменения синтаксических связей (а стало быть, и синтаксических функций) ограничены и допустимы лишь в той мере, в какой разное взаимное расположение слов дает сходный или одинаковый грамматический эффект» [6, с. 15].

Например, предложение «Кошки едят мышей» в русском языке полностью сохраняет смысл при перестановке членов местами – «Мышей едят кошки», в китайском, напротив, при изменении порядка слов в предложении мы получим совершенно иное значение: «Кошки едят мышей» – 小猫吃老鼠 (кошка+ есть+ мышь) и вариант «Мыши едят кошек» – 老鼠吃小猫 (мышь+ есть+ кошка).

«Специалисты-китаеведы, в частности А. М. Ефремов, полагают необходимым отказаться от использования терминов «подлежащее» и «сказуемое» в отношении китайского языка, поскольку в данном случае у русскоговорящих студентов прослеживается четкая ассоциация с существительным и глаголом в русском языке. В виду грамматических особенностей китайского языка в качестве подлежащего и сказуемого могут выступать совершенно иные части речи, не такие как в русском языке, что приводит в подавляющем количестве случаев к абсолютному непониманию» [1, с. 750].

Русскоязычные обучающиеся часто не могут выявить ни основные, ни второстепенные члены предложения, ни определить, какими частями речи они выражены. Это происходит еще и потому, что функцию определения может выполнять как глагол или глагольное словосочетание, так и целое предложение, при этом в китайском языке отсутствует союзное слово «который», что вызывает трудности перевода и затрудняет понимание.

2. Отсутствие морфологических признаков у иероглифа, что позволяет определить принадлежность слова к определенной части речи только в контексте. То есть можно определить относится ли данное слово, например, к глаголам или существительным представляется возможным только в словосочетаниях.

Помимо этого, данная особенность вызывает необходимость учить не только отдельные иероглифы, но и целые слова, состоящие из нескольких иероглифов, потому что зачастую бывает практически невозможно догадаться о смысле слова, даже зная значение каждого иероглифа из составляющих его.

3. Отсутствие категории «времени» в ее традиционном понимании, то есть изменения формы глагола. Поэтому для выражения времени в основном используется контекст, добавляются временные наречия или немногочисленные служебные иероглифы – грамматические частицы.

4. Идентичность некоторых конструкций. Часто русскоговорящим студентам может показаться, что те или иные грамматические элементы взаимозаменяемы. Но это является заблуждением, так как каждый оборот используется в определенных, узко ограниченных ситуациях, и несет свой индивидуальный оттенок значения, то есть эта похожесть на самом деле обманчива.

5. Отсутствие в русском языке аналогов некоторых концепций китайского, что создает значительные препятствия при переводе и недопонимание.

Например, «комплементы» – члены предложения, которые ставятся после сказуемого и дополняют его значение, они являются неотъемлемой частью китайской грамматики. Такие особые слова добавляют оттенок к глаголам или прилагательным, выражая состояние, результат, вероятность, направление, кратность, длительность действия или количество и степень.

Или «счетное слово» – служебная часть речи, представляющая собой особую единицу измерения, которую используют для указания количества предметов. Этот очень необычный языковой компонент условно присоединяет числительное к существительному. Они ставятся после числительного, то есть числительные не могут самостоятельно выступать в роли определения, а также счетные слова обязательны после указательного или вопросительного местоимения, то есть перед существительным, при этом указывая на категорию конкретного предмета. Разные классы предметов предполагают использование различных счетных слов, и эта сочетаемость имеет фиксированный характер. Деление на эти группы основано на внешних признаках предмета или его состоянии и физических характеристиках. Например, для предметов с плоскими поверхностями используется счетное слово 张 zhāng «лист», то есть словосочетание «три стола» переводится как 三张桌子 (три+лист+стол) или для предметов с ручкой, спинкой используется счетное слово 把bà «рукоятка» 五把椅子 (пять+рукоятка+стул).

Известно, что на пути освоения нового языка, как и новой культуры часто возникает много барьеров. Большие различия на всех уровнях систем русского и китайского языков становятся источником трудностей в коммуникации. Русскоязычные студенты, носители языка синтетического строя испытывают значительные сложности в адаптации к аналитическому строю китайского языка. Представленная классификация факторов, затрудняющих освоение грамматики, служит для оптимизации процессов преподавания и повышения качества межнационального общения.

Список использованных источников

1. Бехтева, Н. Н. Трудности овладения китайским языком студентами- русофонами / Н. Н. Бехтева // Молодой ученый. – 2015. – № 22 (102). – С. 748–751.
2. Болдырева, А. С. Трудности в изучении китайского языка: основные ошибки и способы их устранения / А. С. Болдырева // Доклады Башкирского университета. – 2023. – Т. 8, № 3. – С. 77–92.
3. Ефремов, А. М. Функциональный аспект китайской речи / А. М. Ефремов // Мир китайского языка. – Москва, 1999. – № 3. – С. 10.
4. Кочергин, И. В. Очерки лингводидактики китайского языка / И. В. Кочергин. – Москва : Издательство АСТ «Восток-Запад», 2006. – 192 с.
5. Рогова, Г. В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Г. В. Рогова, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сахарова. – Москва : Просвещение, 1991. – 289 с.
6. Щичко, В. Ф. Практическая грамматика китайского языка : учебное пособие / В. Ф. Щичко. – Москва : Издательство ВКН, 2016. – 208 с.

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЙ И
СУЕВЕРИЙ ГРЕКОВ-ФРАКИОТОВ
с. ЧЕРНОПОЛЬЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ**

С. А. Лазариди¹, Ю. В. Кожуховская²,

¹*старший преподаватель кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

²*кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры теории
языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена изучению своеобразия суеверной картины мира греков-фракиотов села Чернополье Белогорского района Республики Крым. Народная культура выходцев из Восточной Фракии содержит элементы, которые в течение двухсот лет существовали изолированно. Производится классификация народных верований и суеверий, особое внимание уделяется выявлению динамики изменений, происходящих в картине мира.

Ключевые слова: концептуальная картина мира, суеверие, верования, фракийские греки, фольклор.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-01227, <https://rscf.ru/project/23-78-01227/> «Лингвокогнитивный аспект вопроса этнической и национальной идентичности (на материале новогреческого языка)» в КФУ им. В. И. Вернадского.

Summary. The paper focuses on the study of the peculiarities of the superstitious picture of the world of the Greeks-Thracians of the village of Chernopolye of Crimea. The Eastern Thracian folklore contains elements that have been passed down for two hundred years. The paper presents the classification of folk beliefs and superstitions, special attention is paid to identifying the dynamics of changes occurring in the picture of the world.

Key words: conceptual picture of the world, superstition, beliefs, Thracian Greeks, folklore.

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (project No 23-78-01227, <https://rscf.ru/project/23-78-01227/>) and took place in V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Фракийские греки Крыма являются выходцами из Восточной Фракии, они переселились в Российскую империю в XIX веке после Андринопольского мирного договора между Россией и Турцией. В наши дни греки-фракиоты представлены небольшой группой, которой удалось сохранить свою культуру и фольклор, а особенностью является «вера в народные обычаи и поверья, восходящие к дохристианскому времени» на фоне соблюдения церковных праздников [5, с. 9]. Цель статьи – установить содержание современной суеверной картины мира фракийских греков Крыма. Материалом послужили результаты фольклорно-этнографической экспедиции 1996 г. под руководством С. А. Лазариди и этнолингвистической экспедиции 2025 г. под руководством Ю. В. Кожуховской. Содержимое фракийской суеверной картины мира села Чернополье можно классифицировать на несколько категорий: способность причинить вред (демонологические персонажи, люди, способные сглазить); целительство и знахарство; магическое воздействие на окружающий мир; приметы; гадания и вещие сны.

1. Причинение вреда. Согласно народным поверьям, вред человеку могут причинять демонологические персонажи, которые связаны, в первую очередь, с пороговыми символами, что соотносится с соответствующим периодом христианского календаря: очень сильно вредит нечистая сила по ночам от Рождества до Крещения. У фракийских греков с. Чернополье считается, что в это время нельзя работать и выбрасывать за порог кости.

Народная демонология фракийских греков Крыма включает как мужские, так и женские персонажи. Материалы экспедиции 1996 года зафиксировали таких персонажей, как ведьмы (джаду или джазу/чазу, дзеды, царцафлы), домовые (обур), а также черти (диаволос). Эти персонажи связаны с символикой границы; например, домовой живёт в окне, нише. По представлениям греков-фракиотов он очень злой, при этом у других групп крымских греков, появление домового может быть не только ко злу, но и к добру. При этом у крымских греков-понтийцев (Старый Крым) домовые могут быть и женщинами.

У греков-фракиотов домовой приходит по ночам в образе высокого лохматого человека, щипает людей, душит человека перед смертью. Средства противодействия ему исходят из христианской веры: домового может прогнать молитва. Когда он дает знак о своем присутствии стуком или плачем лягушки, тогда собираются старые женщины, читают молитвы и все проходит. Кроме того, на праздники окуривают дом ладаном и ставят на дверях крест, чтоб домовой и нечистая сила не могли войти (информанты: П. К. Бендеров, 1934 г., А. А. Липиева, 1930 г., Е. Д. Ставраки, 1931 г.).

Во внешнем мире обитают привидения, которые являются в виде собак, кошек в степи, лесу, то есть местах, связанных с символикой границы, и следовательно, иномирием; привидения водят человека по кругу.

Вред скоту могут причинять ведьмы: наводить порчу, доить коров по ночам. Могут устроить засуху. Если засуха – дело рук ведьмы, то чтобы пошел дождь, её необходимо окатить водой. Кроме того, ведьмы наводят страшную порчу верёвочкой с ног покойника и свечами, что горели в комнате, пока в ней лежал покойник. Ведьма может являться после смерти своим ближайшим родственникам и мучить их: тогда надо вбить осиновый кол в ноги.

Чертами оборотня обладает ведьма: может превращаться в огромные колеса, лошадей, индюка. Живёт в мусоре, паутине. Вся нечистая сила боится огня, потому что, если нечистых опалить огнём они не могут больше летать и сгорают.

Материалы экспедиции 2025 года демонологических персонажей в народной памяти не выявили. Однако в настоящее время остается вера в сглаз от недобрых людей. От сглаза оберегали в основном детей и беременных женщин. Сглазить могут и мужчины, и женщины, но могут и родители, если они смеются над чем-то, что делает ребенок.

2. Целительство. Синкретизм христианства и языческих представлений – религиозного и магического мышления наиболее ярко проявляется в Чернополье в виде votivных приношений, нашиваемых на рубашки икон. Если человек очень сильно болеет, или болеют его родственники, он может пообещать пришить на рубашку иконы к празднику так называемые «айка» – серебряные изображения человека и его органов, которые, по словам И. К. Зековой, заказывают у одного мастера в Белогорске. Обычно одна женщина покупает ткань: раньше рубашки шили несколько женщин, которые умели, сейчас шьет И. К. Зекова. Новые рубашки надевают на икону за неделю до праздника, и на рубашку нашивают «айко». Votivные приношения, похожие на чернопольские, отмечаются, например, у мариупольских греков [2, с. 119–120].

Кроме того, деревенские знахарки могли читать молитвы от сглаза и испуга. «Полечить» могут и мужчины, и женщины: нужно пойти три раза, чтобы почитали молитвы от болезней. Иногда этому сопутствовало ношение оберега. Так, чтобы не

сглазили ребёнка, надо сплести красную, голубую и жёлтую нитки и надеть на руку ребёнка; плели обычно сами, а потом бабки-знахари начитывали особые молитвы (И. Вакуленко); можно было надевать голубые бусинки на чёрные нитки, кончики птичьих перьев (А. А. Липнева). Можно было вколоть в одежду булавку головкой вниз – обязательно так, чтобы она касалась тела. Воздействие не только на тело человека, но и на окружающее его жилище пространство: против сглаза помогает также освященный мак, который рассыпают по двору (М. М. Бендерова).

Иногда лечили самостоятельно. Молитве сопутствовали обрядовые действия: набирали воду в чашечку, брали три спички, и, если сглазили, угольки во время чтения молитвы тонут. Когда на человеке сильный сглаз – знахаря самого начинает ломать, он зевает, ему плохо. Сглаз особого типа знахарки вычитывали три раза по утрам до восхода солнца, обкуривая больного дымом лечебных трав (А. А. Липнева). Таким образом, обрядовые действия связаны с символикой границы: временной (граница дня и ночи) или пространственной (дихотомия «свое-чужое»: граница тела человека или его жилища с окружающим миром).

Испуг вычитывают на платки или выливают воском, вычитывают обязательно три раза. За такое лечение нельзя благодарить и говорить «спасибо», вместо этого нужно пожелать здоровья.

Воду после этого выливают в особое место – банку с водой разбивают об камень под так называемым «Чертовым мостом» за деревней (И. К. Зекова).

3. Магическое воздействие. Способность воздействовать на окружающий мир, прежде всего, происходит из сакральных мест деревни, связанных с именем духовного покровителя св. Константина. Таким местом является источник «аязма», вода из которого, считается, обладает целебными свойствами. Кроме того, магическое мышление выражается в обрядах, воздействующих на хозяйственную жизнедеятельность. Если болеет домашнее животное, ему читают молитвы, коровам на рога вешают голубые бусинки, в корм льют святую воду и добавляют скорлупу освященных яиц.

Благополучие хозяйственной деятельности человека во многом зависит от погоды. В марте–апреле раньше проводился обряд вызывания дождя, основывающийся на симпатической магии: девочку наряжали в листья лопуха, и во главе с ней дети обходили дома, напевая обрядовую песню «Врѣѣ тѹриац (кѹриѣм, то есть кѹриѣ моу или кѹриац, то есть кѹриа моу) кѹбо веро...» («Господи, зажди холодной водой»), хозяйка должна была вылить кружку воды на голову «лопушка» и угостить детей сладостями [3, с. 114]. Обряд был широко распространен на Балканах, имел множество вариаций, назывался додолой или пеперудой, но имел и другие названия, в зависимости от места распространения. Его принято возводить к основному мифу, где центральный персонаж выполнял роль жены громовержца, а ее окружение были жрицами [4, с. 391].

В наши дни остались поверья, связанные с христианским календарем: верба, сорванная в Вербное воскресенье, не только оберегает дом и загон для животных, но и способна остановить непогоду. Когда начинается ветер, хозяйкой дома три раза производится обход двора и затем верба поджигается.

Отдельную категорию составляют запрещения в связи с календарными праздниками. Например, на Страстную неделю нельзя было ничего делать по хозяйству. На Ивана постного (11 сентября), кроме общих запретов, нельзя есть красное, круглое, танцевать, резать ножом. Однако разрешалось что-либо резать после того, как ударить несколько раз ножом по деревянной палке или пирогу – для того, чтобы не рождалось уродов, не было двух цыплят из одного яйца.

К магическому воздействию также можно отнести сохранившийся в наши дни обряд жертвоприношений. Во времена греческого язычества «домашнее животное забивали и поедали “для” бога», что было воплощением «священного действия» [1,

с. 102], при этом с древности суть обряда заключалась в сплочении общины, в «единении» («κοινωνία») [1, с. 106]. Как и в античности [1, с. 102], у фракийцев наиболее важным жертвенным животным является бык, которому принято золотить рога. Наиболее распространенная жертва – барашек, кроме того, фиксируется принесение в жертву определенного животного, в зависимости от праздника. Так, только на Троицу можно приносить в жертву животное женского рода (курицу). Приношения на некоторые праздники не регламентированы, однако, например, на Рождество чаще принято жертвовать свинью.

Среди обычаев, сохранившихся только в народной памяти, можно выделить обход деревни перед началом поста. По словам И. К. Зековой (интервью 2025 г.): «Вот они (мужчины) одеваются, берут ослика, цепляют небольшую повозку. И они одеваются дзамала» (τζαμάλα – слово арабского происхождения – «верблюд»). Ряженые идут по деревне и «пугают плохое», «и они в каждый дом заходили, во двор идут». Обычай относится к категории зооморфных обрядов Балкан, где доминируют верблюды и медведь, ассоциирующиеся с плодородием [6, с. 53].

4. Приметы. Есть в Чернополье и вера в приметы, часто связанные с православием, например, очень дурным знаком считается, если упадёт икона. Однако некоторые считают, что, если она упала изображением вверх – это хороший знак.

5. Гадания и вещие сны. Чернопольцы верят в вещие сны. Считается, что вещий – тот сон, который человек увидел под пятницу. Существуют и связанные с этим запреты: если во сне зовёт умерший родственник, нельзя идти к нему, то есть к смерти. Чтобы сон не сбылся, проснувшись, надо сразу посмотреть в окно, и сон забудется. До сих пор вещие сны, особенно в кризисные события жизни, – важная составляющая суеверной картины мира.

Сохранились рассказы о знамениях – видениях во сне, в связи со значимыми событиями в истории общины. Одно из них произошло перед депортацией, когда не знали, будут ли высылать греков. Девушка шестнадцати лет не пила, не ела неделю, и ей пришло знамение, что все-таки вышлют, но не навсегда. Другой случай произошел после возвращения и связан с серебряным голубем, который хранился на алтаре, символом Духа Святого; в 1944 году его забрала женщина и в 1948 году продала в Белогорскую церковь; когда члены общины узнали об этом после возвращения в Крым – его уже не было. Во сне информант получила знак, что нужно найти голубя: сновидица летала во сне и пела старинную фракийскую песню, о том, что человек не должен чувствовать спокойно, а должен вернуть украденное (Полевой архив Центра греческих исследований при НИЦК, кассета 1, 1996).

Гадания в Чернополье приурочены к календарным праздникам, из них можно выделить два наиболее значимых – зимой на Ай-Василь и летом – на Ай-Янь. Как и во всём Крыму, греки гадают на счастье по праздничному пирогу на Ай-Василь, в которой запечена монета. Куски режут по очередности: первый – Ай-Василю, затем – Дому, затем – по старшинству. Нашедший монету прикладывает её к иконе три раза, загадывая желание. Если монета будет держаться на иконе – желание сбудется.

Гадание на Ай-Янь сопровождалось уникальным песенным фольклором, при этом «первая мандинада представляет собой обращение к Богородице, перед ее исполнением поющая должна трижды перекреститься» [5, с. 21]. В обряде участвовали девочки и незамужние женщины, которые собирали букетики «китки», которые оставляли на ночь в кадushке с т. н. «немой водой», а вестницей судьбы выступает девочка 10–12 лет [5].

Таким образом, в настоящее время под влиянием реалий современного мира фиксируются динамические изменения в суеверной картине мира фракийских греков Крыма. Наиболее устойчивыми являются поверия, связанные с христианским календарем, которые, однако, имеют дохристианское происхождение (вотивные

приношения на рубашках икон и др.). Вместе с тем, наблюдается тенденция к утрате традиций, связанных с земледельческой деятельностью (например, обряд вызывания дождя «лапатас»), утрачены поверья, связанные с демонологическими персонажами.

Список использованных источников

1. Буркерт, В. Греческая религия. Архаика и классика / В. Буркерт. – Санкт-Петербург : Алетейя. – 585 с.
2. Гармаш, Л. Н. Вотивные приношения как элемент христианской культуры греков Приазовья / Л. Н. Гармаш // Проблемы греческой культуры. Материалы конференции. – Симферополь, 1997. – С. 119–120.
3. Зекова, И. К. Греки Восточной Фракии в Крыму / И. К. Зекова. – Симферополь : Нижняя Орианда, 2019. – 160 с.
4. Иванов, В. В. Додола / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энцикл. в 2 т. ; гл. ред. С. А. Токарев. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1. – С. 391.
5. Кифниди, С. А. Фольклорное наследие фракийских греков Республики Крым / С. А. Кифниди, С. А. Лазариди, Л. С. Банах. – Симферополь : ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2020. – 52 с.
6. Βαρβούνης, Μ. Γ. Γκια Τζαμάλα γκια / Μ. Γ. Βαρβούνης. – Κομοτηνή : Κέντρο Λαϊκών Δρωμένων Κομοτηνής, 1999. – Σελ. 53.

УДК 81'282.8

ГОЛОСА БОЛЬШОГО ЛОНДОНА: ОТ СОЦИОЛЕКТА К МУЛЬТИЭТНОЛЕКТАМ

Ю. В. Онищенко,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье исследуются особенности диалектной области, охватывающие Лондон и смежные с ним графства, выделяются формы языка, присущие населению данных территорий на современном этапе развития английского языка на территории Соединенного Королевства. Приводятся фонетические особенности некоторых перечисленных форм, что в целом характеризует языковую ситуацию в стране. В исследовании используются такие методы, как анализ специализированной литературы, статистических данных, сравнительно-сопоставительный метод. Полученные результаты позволяют сформулировать ряд релевантных для Великобритании тенденций развития английского языка в социофонетической перспективе.

Ключевые слова: языковая ситуация, социолект, произносительные инновации, социофонетические характеристики.

Summary. The article investigates peculiar features of the dialect area which includes London and Home Counties; highlighting the forms of the English language inherent to the population of the territories on the contemporary stage of development of the English language in the United Kingdom. The phonetic characteristics of some of the listed forms are given, which in general characterizes the language situation in the country. The study uses methods such as analysis of specialized literature and of statistical data, comparative method. The results obtained allow to formulate a number of trends relevant for the UK in the development of the English language from a sociophonetic perspective.

Key words: language situation, sociolect, phonetic innovations, sociophonetic characteristics.

В последние десятилетия исследователи справедливо отмечают, что этнический и религиозный состав стран Западной Европы, в частности, Германии и Великобритании, значительно изменился за прошедшие полвека, поскольку данные страны меняют свою миграционную политику, радушно принимая иностранных граждан, в том числе, жителей стран третьего мира [1, с. 70].

Сравнение данных переписи населения Англии позволяет установить, что в 2021 году 91,1% жителей страны считали родным языком английский (английский или валлийский в Уэльсе) по сравнению с 92,3% в 2011 году при общем приросте населения в стране. Среди оставшегося населения в 2021 году 7,1% свободно владели английским языком (английским или валлийским в Уэльсе), 1,5% (880 тыс. человек) – на удовлетворительном уровне, 0,3% вообще не говорили на английском [2].

Польский язык оставался наиболее распространенным вторым языком, составляя 1,1% (612 тыс.) жителей в 2021 году. При этом, количество носителей румынского языка возросло с 68 тыс. в 2011 году до 0,8% населения, или 472 тыс. человек, в 2021 году. Почти неизменным осталось количество людей, говорящих на панджаби и урду; бенгальский и гуарати насчитывали до 20 тыс. меньше носителей по сравнению с 2011 годом, в то же время, португальский и испанский поднялся с 9 и 10 позиции «десятки» наиболее популярных языков на 5 и 6 позиции, с увеличением населения приблизительно на сто тысяч. Носителей арабского языка, как и итальянцев, стало на 50 тыс. больше, тогда как французское и китайское население снизилось на 20 тыс. При всем этом, наибольшее соотношение населения, которое не считает английский либо валлийский языки родными, сосредоточено в Лондоне и прилегающих к нему городах (8-35% населения), а также Бирмингеме, Манчестере, Лидсе [2]. Таким образом, можно утверждать об общей тенденции к многонациональности и мультиэтничности крупных урбанистических областей в стране, где языковой контакт уже стал повседневностью, в частности, в молодежной среде. В то же время, наиболее популярными в столице (среди рабочего населения, «London's workers») являются английский (около 3,5 млн), польский (около 106 тыс.), французский около (50 тыс.), гуарати (48 тыс.) [5].

Следует отметить, что сближение некогда отдаленных друг от друга прослоек общества Великобритании, а именно, сокращение дистанции между высшим и низшим классами с возникновением подклассов на среднем уровне социальной иерархии, ведет также к стиранию границ между присущими им формами языка. К примеру, так называемый «Большой Лондон», наряду с юго-востоком Англии, использует такие формы произношения, как SSBE, или стандартный южно-британский английский, EE, или Эстуарный английский, и MLE, или лондонский мультикультурный английский (в перечень не включен как акцент Кокни, так и традиционная норма Received Pronunciation, или RP) [8]. В исследовании, проведенном учеными из Университета Эссекса, поучаствовали около двухсот англичан возрастом от 18 до 33 лет. Около 26% молодежи отметили EE в качестве свойственного им в наибольшей мере, половина владела стандартным акцентом, остальные отдали предпочтение MLE [9] (см. табл. 1.).

Таблица 1.

Акценты юга Англии, Лондона (молодежь 18–33 лет)

Название формы языка на английском языке	Название формы языка на русском языке	Соотношение, %
Standard Southern British English (SSBE)	Стандартный южно-британский английский	49%
Estuary English (EE)	Эстуарный английский	26%
Multicultural London English (MLE)	Лондонский мультикультурный английский	25%

Следует отметить, что под SSBE подразумевается современная форма произношения RP (contemporary RP), которое за последние полвека претерпело стремительную трансформацию, лишившись прежней элитарности [7]. Для спецификации традиционного произношения в его классической форме используется термин «traditional RP» [10].

Еще в 1980-х годах Дж. Уэллс говорил о том, что произношение рабочего класса Лондона является наиболее влиятельным источником фонологического изменения не только в Англии, но, возможно и для всего англоязычного мира. В те же года У. Лабов, разработавший фундаментальные положения теории социофонетической вариативности, отмечает, что акцент местных уроженцев семей переселенцев из ямайки, выросших в Англии, не особо отличается от произношения других лондонцев-представителей рабочего класса [Цит. по 4].

Среди причин распространения мультиэтнOLEкта в молодежной среде фонетисты Дж. Чешир, С. Фокс и П. Керсуилл называют наличие в подобных социальных группах участников, которые являются одновременно членами различных компаний друзей (friendship networks), и пользуются популярностью среди сверстников, охотно подражающих им как в манере одеваться и вести себя, так и в манере говорить. Такие представители молодежной среды выступают «брокерами» (термин Э. Уэнгера), или активными переносчиками тех или иных идей и элементов от одной молодежной группировки к другой, и обладают новаторскими личностными качествами [4, p. 21–22].

Носители MLE происходят из самых разных этнических и культурных групп, и живут в различных районах, чем и определяются сущность понятия «мультиэтнOLEкт» Дж. Чешир отмечает, что чем более этнически разнообразными являются дружеские сообщества подростков, тем больше вероятность того, что они будут говорить на MLE [3]. Интересно, что варианты мультиэтнOLEкта появились в других крупных городах, таких как Бирмингем и Манчестер, где элементы MLE приживаются на локальном языковом субстрате [6]. Так, ряд лингвистов говорит о британском мультикультурном английском, Multicultural British English (MBE), также известном как Multicultural Urban British English (MUBE) или Urban British English (UBE), который возник на основе MLE и находится под его влиянием.

Сам факт того, что мультиэтнOLEкт представляет собой комбинацию специфических черт и особенностей того или иного локального диалекта (субстрата), подразумевает невозможность унифицированного описания. Так, выделяют общие, базовые черты для разновидностей MBE [3; 4; 6].

Среди особенностей MLE исследователи указывают на 1) фронтингование GOOSE (от центрального ряда к переднему), 2) не такой открытый, как стандартный вариант, долгий FLEECE, 3) гласный TRAP более отодвинут к центральному ряду, чем в стандартном произношении, 4) долгий [ɪ:] субституирует дифтонг NEAR, 5) сдвигание к центру ядра, монофтонгизация FACE, 6) PRICE звучит как немного продвинутый [ɜ:], 7) MOUTH звучит как [æ:] или немного более центральный [e:], 8) отодвинутый к заднему ряду глайд GOAT, либо с усеченным глайдом [ou]/[o:]. Заимствованными из Кокни чертами MLE можно считать субституцию /θ,ð/ → /f,v/ наряду со специфическими для мультикультурного английского /t,d/, гортанную смычку, реализуемую в интервокальном контексте, а также полную L-вокализацию (переход «темного» аллофона в гласный заднего ряда [u]). Как и в большинстве региональных разновидностей произношения в Великобритании, происходит замена /ŋ/ → /n/ в -ing-форме глагола. Основным различием между Кокни и MLE является реализация [h] в начале слова в MLE там, где в Кокни согласный выпадает. Уникальными для MLE чертами является также более отодвинутые по месту образования /k,g/, дентализация /s,z/ → [s̺,z̺]. На уровне интонации MLE варьируется от карибской мелодики, где

каждый слог произносится с приблизительно одинаковой силой ударения, до интонационно-ритмического рисунка Кокни, где ударному слогу придается наибольший акцент, в то время, как остальные слоги произносятся очень бегло и «стерто».

Как отмечает Р. Драммонд, исследовательский интерес представляет дальнейшее изучение мультиэтнологии в отношении его взаимодействия с супралокальными произносительными чертами, в частности, если они конкурируют с базовыми характеристиками МВЕ [6].

Подводя итоги, следует отметить, что в мультикультурном британском обществе переключение кодов представляется распространенным явлением, и демонстрирует способность говорящего адаптироваться к различной культурной и языковой среде. Данная способность также имеет социальную коннотацию: переключая языковой код, индивид может выражать принадлежность к тому или иному сообществу, а также сохранять свою культурную самобытность. Так, владение различными формами английского языка в мультикультурном социолектном ландшафте Лондона стало обыденным явлением, обусловленным демографическими и экономическими процессами.

Список использованных источников

1. Бухаров, В. М. Эволюция этносоциолектов в странах Западной Европы / В. М. Бухаров, А. Д. Петренко, Д. А. Петренко, Д. М. Храбскова, Т. В. Бридко, А. В. Пономарёва, К. А. Мележик, Э. Ш. Исаев, С. Е. Перепечкина, Н. М. Евстафьева, Э. В. Лихачёв, Ю. Б. Федотова // Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы) : коллективная монография. – Москва : «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2018. – С. 70–90.
2. Census2021 [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/language/bulletins/languageenglandandwales/census2021>. (Access date: 08.03.2025).
3. Cheshire, Jenny. Multicultural London English and New-Dialect Formation / J. Cheshire // Roczniki Humanistyczne. – 2023. – № 71. – P. 45–64.
4. Cheshire, J. Ethnicity, friendship network and social practices as the motor of dialect change: linguistic innovation in London / J. Cheshire, S. Fox, P. Kerswill // Sociolinguistica. – 2008. – P. 1–23.
5. Do people speak English in London [Electronic Resource]. – Access mode: <https://ontario-bakery.com/london/do-people-speak-english-in-london/>. (Access date: 08.03.2025).
6. Drummond, R. Multicultural British English [Electronic Resource] / R. Drummond. – Access mode: <https://www.robdrummond.co.uk/multicultural-british-english/>. (Access date: 08.03.2025).
7. Lindsey, G. English After RP: Standard British Pronunciation Today / G. Lindsey. – Cham Switzerland : Palgrave Macmillan, 2019. – 153 p.
8. The Guardian [Electronic Resource]. – Access mode: <https://theguardian.com/science/2023/oct/31/language-barrier-why-even-harry-has-stopped-speaking-the-kings-english>. (Access date: 08.03.2025).
9. The Telegraph [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.telegraph.co.uk/news/2023/10/30/kings-english-cockney-replaced-new-accents/>. (Access date: 08.03.2025).
10. Upton, C. Received Pronunciation / C. Upton // A Handbook of Varieties of English. – Vol. 1: Phonology. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. – 1168 p.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА В СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НИГЕРИИ

А. Д. Петренко¹, Д. А. Петренко², Н. А. Вовк³,

¹директор Института филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, доктор филологических наук, профессор, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²заведующий кафедрой немецкой филологии, кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

³старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Актуальность исследования состоит в том, что в социально-коммуникативном пространстве Федеративной Республики Нигерия (далее – ФРН) происходит значительное количество языковых контактов (далее – ЯК). Они реализуются в рамках трех языковых акторов: английский язык (далее – АЯ) – местные языки – нигерийский пиджин-инглиш (далее – НПИ). АЯ закрепился в виде нигерийского варианта английского языка (далее – НВАЯ), который подвергнулся определенному влиянию локальных языковых систем. НПИ, по сути, представляет собой комбинацию английского и языков этносов Нигерии. Процесс интеракции НВАЯ, местных языков и нигерийского пиджин-инглиша сопровождается такими явлениями, свойственными для ЯК, как языковое заимствование, интерференция, создание неологизмов, переключение языковых кодов.

В ходе работы были использованы аналитический и сопоставительный методы исследования.

Ключевые слова: языковой контакт, сохранение родного языка, языковой переход, создание новых языков, английский язык, нигерийский вариант английского языка, местные языки, нигерийский пиджин-инглиш, лингва-франка, актор, языковое заимствование, интерференция, неологизм, переключение языковых кодов, язык икверре, Федеративная Республика Нигерия.

Summary. The relevance the research is in the fact that in the social and communicative space of the Federative Republic of Nigeria there are many language contacts (further – LC). They are realized within three linguistic actors: English – local languages – the Nigerian Pidgin English (further – NPE). English is present in the form of Nigerian English (further – NigE), which has undergone a certain influence of local language systems. In fact, NPE is a combination of English and Nigeria's ethnic languages. The process of interaction of NigE, local languages and the Nigerian Pidgin English is accompanied by such phenomena atypical of LC as language borrowing, interference, coinage, code switching.

During the research there were used the analytical and comparative methods of the research.

Key words: language contact, language maintenance, language shift, creation of new languages, the English language, Nigerian English, local languages, the Nigerian Pidgin English, actor, language borrowing, interference, coinage, code switching, Ikwerre, the Federative Republic of Nigeria.

В зависимости от результата выделяют три основных вида ситуаций языкового контакта: сохранение родного языка, языковой переход и создание новых языков [7].

ЯК не всегда приводит к появлению нового контактного языка, хотя по этому вопросу существуют разные мнения [5]. В Федеративной Республике Нигерия существует множество вариантов языкового контакта, который определяется следующей триадой: английский язык – местные языки – нигерийский пиджин-инглиш. Первый из них подвергся влиянию остальных, но сумел сохраниться в виде НВАЯ и стать лингва-франка в ФРН. Последний как раз и появился в результате взаимодействия первых двух, образовав, по сути, новый язык, который, в отличие от НВАЯ, широко используется в неформальной обстановке. В ходе взаимодействия трех языковых акторов возникает ряд специфических явлений.

Первое из них – языковое заимствование. В этом случае слова из одного языка перемещаются в другой с последующим использованием, что может возникать в результате постоянного контакта между людьми, которые разговаривают на разных языках. С. Томасон и Т. Кауфман (S. Thomason; T. Kaufman) считают заимствование включением единиц иностранного языка (далее – ИЯ) в родной той или иной группой носителей этого языка. В результате языкового контакта словарный запас говорящих обогащается новыми элементами из ИЯ [9]. Лексическая единица берется из языка-донора (далее – ЯД) и вводится в язык-реципиент (далее – ЯР). Таким образом, ЯД отдает лексическую единицу, а ЯР ее получает. Лексические заимствования присутствуют в таких примерах:

- а) «You like *tatafo* too much» [6, с. 74];
- б) «My fine *bobo*, love of my life» [6, с. 74].

В этих предложениях слова *tatafo* и *bobo* заимствованы из нигерийского пиджин-инглиша носителем нигерийского варианта английского языка. В этом случае язык-реципиент – это НВАЯ, а язык-донор представлен НПИ.

Важно отметить, что процесс заимствования является функцией, которую осуществляет пользователь, вводящий лексическую единицу в предложение. Другой носитель может сказать то же самое предложение, используя слова из нигерийского английского – *gossip* и *boy* – вместо лексических единиц из нигерийского пиджин-инглиша. Из этого следует вывод, что процесс заимствования осуществляют именно носители, а не язык [6, с. 74].

Типы заимствования, которые получаются в ходе языкового контакта, включают лексические и культурные. Первые представлены такими частями речи, как существительные, наречия и глаголы, принятые из одного языка в другой. Например, в английский язык были заимствованы слова из французского, латинского, древнегреческого и немецкого: *physics* и *butter* (из латинского), *albino* и *banana* (из португальского) [3]. Культурные заимствования заполняют лакуны словарного состава ЯР, так как они обозначают объекты или концепции, новые для его культуры. Много слов было принято из таких областей, как наука или юриспруденция [8].

Второй случай взаимодействия языков представлен интерференцией, то есть влиянием одного языка на другой в рамках речи билингвов, использующих оба языка. Случаи отклонений от стандартного использования возникают в результате того, что человек знает более чем один язык [10]. Влияние одного языка на другой в речи билингвов очень значимо и для понимания того, идет ли овладение вторым языком должным образом или есть проблемные моменты [4].

Лексическая интерференция включает использование языковых и внеязыковых факторов по отношению к словам [2]. Ряд лексических единиц в НПИ могут иметь эквиваленты в НВАЯ, но с более широким значением. Слово *father* не относится в нигерийском пиджин-инглише только к родителю мужского пола, а к любому взрослому мужского пола, который имеет тот же самый возраст, что и биологический отец. Примерами интерференции могут служить следующие случаи:

НПИ	НВАЯ
<i>Open the tap</i>	<i>turn on the tap</i>
<i>tight friend</i>	<i>close friend</i>
<i>on the light</i>	<i>switch on the light</i>

Третий случай касается создания неологизмов, то есть формирования новых лексических единиц, которые создаются или намеренно, или случайно. Ряд слов из НВАЯ в НПИ имеют значения, которыми они не обладают в стандартном английском: «*cash madam (wealthy woman), go-slow (dense traffic), kobalise (implicate), long leg (nepotism)*» [6, с. 75–76].

Также существует и такое явление, как переключение языковых кодов (далее – ПЯК). Это практика чередования двух языков в той или иной коммуникативной ситуации [11]. ПЯК может быть между двумя диалектами, двумя близкородственными языками или двумя языками, которые принадлежат к разным классам. Следует отметить, что наблюдаются сложности в определении сходств и различий между смешением языковых кодов и переключением языковых кодов. К ПЯК прибегают носители-мультилингвы, разговаривающие на двух или более языках. В настоящее время переключение языковых кодов считается важным навыком, наиболее эффективно применяемым носителями нескольких языков, которыми они владеют на высоком уровне. ПЯК считается показателем способности общаться на двух языках, а не демонстрацией языковой несостоятельности.

Примером взаимодействия языка икверре и НПИ, зафиксированном в городе Порт-Харткорт, может служить использование местоимений *we* и *they* в таком случае:

а) «*'Anyi nde na asu asusu anyi(.) ma ha na e yuzu Pidgin for skul.*'» [6, с. 76];

б) «*'We' [their parents] speak our language (the Ikwerre language), but 'they' [the younger generation] speak NPE at school.*'» [6, с. 76].

Переключение с языка икверре на нигерийский пиджин-инглиш актуализирует разрыв между *them* (молодежью) и *us* (родителями). Такое различие показывает отрицательное отношение со стороны родителей. Имеет место очевидное отделение/дистанция и неодобрение со стороны говорящего, показывающего, что у поколений разный образ мышления. По наблюдениям А. Аканде (A. Akande), монолингвы считают, что принадлежат к особой группе носителей ввиду использования своего языка, что отличает их от билингвов и мультилингвов [1].

С точки зрения используемых языков люди могут группироваться в этнические группы или речевые сообщества. В частности, причинами ПЯК может быть недостаток знаний определенного языка, солидарность с конкретной группой людей, в том числе и по политическим мотивам во время политических кампаний.

В целом, можно сделать такие выводы:

1. Выделяют три основных вида ситуаций языкового контакта: сохранение родного языка, языковой переход и создание новых языков. В Нигерии существует множество вариантов для ЯК, определяемого таким триединством как НВАЯ – местные языки – НПИ. Интеракция трех языковых акторов обуславливает появление ряда специфических явлений.

2. Первое из них – языковое заимствование. Лексическая единица берется из ЯД и вводится в ЯР. Процесс заимствования – это функция, осуществляемая пользователем, вводящим слово в предложение. В социально-коммуникативном пространстве ФРН слова из нигерийского пиджин-инглиша могут использоваться в нигерийском английском. Типы заимствования, которые получаются в ходе языкового контакта, включают лексические и культурные.

3. Второй случай взаимодействия языков – интерференция. Случаи отклонений от стандартного использования возникают в результате того, что человек знает более

чем один язык. Лексическая интерференция включает использование языковых и внеязыковых факторов по отношению к словам. Ряд лексических единиц в НПИ могут иметь эквиваленты в НВАЯ, но с более широким значением.

4. Третий случай касается создания неологизмов. Ряд слов в нигерийском пиджин-инглише имеют значения, которыми они не обладают в нигерийском варианте английского языка.

5. Переключение языковых кодов является практикой чередования двух языков в той или иной коммуникативной ситуации. ПЯК может быть между двумя диалектами, двумя близкородственными языками или двумя языками разных классов. К нему прибегают носители-мультилингвы, разговаривающие на двух или более языках. Переключение языковых кодов считается показателем способности вступать в коммуникацию на двух языках. Это не признак языковой несостоятельности. ПЯК может наблюдаться, например, при взаимодействии местного языка (икверре) и НПИ. Выделяют разные причины, по которым происходит переключение языковых кодов.

Список использованных источников

1. Akande, A. Codeswitching and identity / A. Akande // English Usage in Nigeria since 1842 : Patterns and Changes. – Ikot Ekpene : Devconsort, 2011. – P. 218–231.
2. Akindele, F. The Sociology and Politics of English in Nigeria / F. Akindele, W. Adegbite. – Ile-Ife : OAU Press, 2005. – 178 p.
3. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 480 p.
4. Ellis, R. Second Language Acquisition / R. Ellis. – Oxford : Oxford University Press, 1997. – 160 p.
5. Garrett, P. Language Contact and Contact Languages / P. Garrett // A Companion to Linguistic Anthropology. – USA : Blackwell Publishing, 2006. – P. 47–72.
6. Ipinmoroti, A. D. An Assessment of Contact Linguistic Features of Nigerian Languages in Fuji House of Commotion (A Popular Nigerian Soap Opera) / A. D. Ipinmoroti // Journal of English and Communication in Africa. – 2019. – Mar/Jun. – No 1&2. – Vol. 2. – P. 66–99.
7. Matras, R. Language Contact / R. Matras. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 366 p.
8. Myers-Scotton, C. Multiple voices; An Introduction to Bilingualism / C. Myers-Scotton. – USA : Blackwell Publishing, 2006. – 480 p.
9. Thomason, S. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics / S. Thomason, T. Kaufman. – Berkeley : University of California Press, 1992. – 428 p.
10. Weinreich, U. Languages in Contact: Findings and Problems / U. Weinreich. – The Hague : Mouton, 1970. – 148 p.
11. Woolard, K. Code-switching / K. Woolard // A Companion to Linguistic Anthropology. – Malden : Blackwell Publishing, 2006. – P. 73–94.

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ТРАЕКТОРИИ АВТОХТОННЫХ ЯЗЫКОВ ШТАТА КАЛИФОРНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЮТО-АЦТЕКСКИХ ЯЗЫКОВ)**

А. Д. Петренко¹, В. Г. Шевель²,

*¹директор Института филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и
социолингвистики, доктор филологических наук, профессор, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

*²старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.
Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей развития социолингвистической траектории языков штата Калифорния в контексте многообразия подходов к вопросам территориальной вариативности автохтонных языков штата Калифорния с точки зрения их классифицирования, в частности генеалогического и ареального. Цель данной работы заключается в описании полноты диапазона территориальной вариативности юто-ацтекских языков, характеризующих территорию штата Калифорния в домиссионерский период (до 1769 г.). Приводится маршрутизация широкого спектра территориальной вариативности указанных языков согласно номенклатуре типов: моно-баннок, шошони-команше, юте-чемиуеви, серрано, габриэльньо, луйсеньо-кауилья.

Ключевые слова: социолингвистика, языковая вариативность, территориальная вариативность, языковая ситуация штата Калифорния, автохтонные языки штата Калифорния, юто-ацтекские языки.

Summary. The article is devoted to particularities of the development of sociolinguistic trajectory of California Indian languages within the frames of multiplicity of approaches to territorial differentiation considering specifics of genealogical and areal classifications. The purpose of the given work is to describe the diapason of territorial variation of Uto-Aztecan languages peculiar to the time before the mission period (before 1769) within the state of California. The wide spectrum of territorial variation of Uto-Aztecan languages is shown according to the nomenclature of types: Mono-Bannock, Shoshoni-Comanche, Ute-Chemehuevi, Serrano, Gabrielino, Luiseno-Cahuilla.

Key words: sociolinguistics, language variation, territorial variation, language situation of the state of California, California Indian languages, Uto-Aztecan language family.

В контексте обсуждения особенностей развития социолингвистической траектории языков штата Калифорния специфика обоснования и закрепление функциональной роли автохтонных языков определены многообразием их территориальной вариативности, спектр распространения которой представляет следующие языковые семьи: атабаскскую, алгскую, хоканскую, чумашскую, пенутийскую, юкки-ваппо, юто-ацекскую.

Семья юто-ацтекских языков, отделившись от юманских и чумашских языков, появилась на калифорнийском побережье около 1600 лет назад, протянувшись по большей части площади пустынного нагорья – Большого Бассейна Северной Америки, только северная ветвь которых простиралась на 965,4 км до мексиканской границы [5, с. 579].

К числу юто-ацтекских языков, распространенных в северной и юго-восточной частях штата Калифорния, Л. Кемпбелл относит группу нумийских языков (плато

шошони), причисленную к северным юто-ацтекским языкам, западная ветвь которых состоит из языка павиотсо-баннок (северного паюте), распространенного среди представителей племен шошони-баннок в штатах Орегон, Айдахо и Невада, а также языка моно (моначи) – на озере Моно в восточной Калифорнии, входящего в употребление южных и западных округов штата [1, с. 2055; 4].

А. Л. Кребер и Р. Ф. Хайзер выделяли группу моно-баннок (в рамках ветви плато), где наряду с северным паюте (павиотсо), моначи (западным моно), оформившимся около 600 лет назад, дифференцируют языки: паюте озера Моно, паюте долины Оуэнс [5, с. 580].

В центральной Калифорнии нумийскую группу языков олицетворяет язык племен шошони-гошуте, применяемый в районе горного хребта Панаминт, в северо-восточной части пустыни Мохаве в восточной Калифорнии, а также среди представителей индейского народа команчи, принадлежащих к племени шошони в штате Калифорния, соседствующем штате Вайоминг, в штате Оклахома.

Кроме того, язык южных паюте, проживающих в Калифорнии, граничащих с нею штатах Невада, Аризона, и штате Юта, а также язык племени юте и их потомков чемеуэви, проживающих в восточной части пустыни Мохаве и направлении реки Колорадо в штатах Юта, Колорадо, Калифорния и Аризона, дополняют ветвь центральных регионов [1, с. 2055].

В классификации А. Л. Кребер шошони-команчская группа включает в себя язык шошони-панаминт, распространенный поселенцами вблизи горы Косо [5, с. 1136].

Кавайису – язык индейского народа, проживающего на территории Техачапи-Мохаве пустыни Мохаве на юге штата Калифорния, оформился в отдельную единицу около 600 лет назад, которую А. Л. Кребер и Р. Ф. Хайзер относят к группе юте-чемеуэви, среди других языков шошони-команше, моно-баннок в рамках ветви плато (Большого Бассейна), а тюбатулабаль, встречающийся в обиходе народов тюбатулабаль и банкалаци, в верхнем течении реки Керн на северо-востоке города Бейкерсфилд, закрепившейся в статусе самостоятельного в тот же период, представляет ветвь реки Керн [5].

В классификации Л. Кемпбелл, подгруппа серранских языков, относящаяся к группе такийских языков южной Калифорнии, представленная языком серрано, включает в себя следующие его разновидности: китанемук, кауилья, купеньо, луисеньо-хуаненьо, габриэленьо-фернанденьо.

Кроме того, группа такийских языков, объединяет говорящих на языке хопи, проживающих за калифорнийской границей в штате Аризона, которые представляют ветвь пуэбло в классификации А. Л. Кребер [1, с. 2055; 4; 5, с. 577].

К тому же, А. Л. Кребер и Р. Ф. Хайзер ранжируют южную калифорнийскую ветвь на группы: серрано (китанемук, аликлик, мохиньям (вануйме), серрано); габриэленьо (фернанденьо, габриэленьо, николеньо), группу луисеньо-кауилья (хуаненьо, луисеньо, купеньо, западный кауилья, кауилья горной местности, кауилья пустынной местности) [5, с. 694].

Таким образом, диалекты серрано, наиболее северный из которых китанемук, иллюстрирующий характер языковой ситуации округа Керн: в верхнем течении ручьев Техон-Крик и Пасо-Крик, водотоков тыльной стороны гор Техачапи, северного уклона гор Либр и Сомил, наряду с долиной Антилоп и западной оконечностью пустыни Мохаве; а также аликлик, дополняющий диапазон диалектного распределения в округах Вентура, Лос-Анджелес, Керн, прежде всего, речного участка между водотоком Сесп-Крик и рекой Пиру-Крик, большей части реки Пиру-Крик, ручья Кастаик-Крик, реки Пастория-Крик в районе дренажа долины Сан-Хоакин.

У. О. Брайт также придерживается мнения, что татавиам (аликлик) описывает языковую ситуацию долины реки Санта-Клара в ее верхнем течении в южной Калифорнии, в качестве представителя группы такийских языков [2, с. 230].

Мохиньям (вануйме) лингвистически представляет реку Мохаве в округе Сан-Бернардино, тогда как серрано – горные хребты Сан-Бернардино и Сан-Габриель, гору Сан-Горгонио, озеро Беар и реку Беар-Крик, обширную равнину от города Кукамонга до города Ментон в округе Сан-Бернардино, каньон Сан-Тимотео.

В свою очередь, особенности диалектного ландшафта габриэленьо отражены следующим топографическим делением: фернанденьо, распространенным в долине реки Лос-Анджелес, поселениях Хахамо, Каве и Мау в городе Лос-Анджелес, а также Пасек в городе Сан-Франциско; габриэленьо – в округе Лос-Анджелес, преимущественно в южной части города Сьерра-Мадре, на, по меньшей мере, половине территории округа Ориндж, островах Санта Каталина, Санта-Барбара, Сан-Кlemente; николеньо – на островах Санта-Барбара.

В рамках группы луисеньо-кауилья естественной зоной происхождения и развития луисеньо служит береговая зона и истоки реки Сан-Луис-Рей над озером Хеншоу в округе Сан-Диего, также как и река Санта-Маргарита, и область, окружающая озеро Эльсиноре-Темекьюла, острова: Санта Каталина, Сан-Кlemente [3]; хуаненьо – вершина южной части горного хребта Санта-Ана в округе Риверсайд и прилегающая к ней морская территория, а также поселение Сан-Онофре в округе Сан-Диего; купеньо – гористая местность у верховьев реки Сан-Луис-Рей, наряду с поселениями Купа и Вилакал в округе Сан-Диего.

Сфера становления идиомы западных кауилья сосредоточилась главным образом в каньоне Палм-Спрингс, горном кряже Сан Джацинто, продолжающимся в возвышенности Кавишму, перевале Сан-Горгонио в округе Риверсайд; кауилья горной местности – на горной местности южнее горы Сан Джацинто, в особенности поселениях каньонного типа: Пави, Чавимай и Хулавона в округе Риверсайд, вершине горного хребта Санта-Маргарита в округе Сан-Диего; идиомы кауилья пустынной местности – в юго-восточной части пустыни Колорадо, кроме того, от северного края долины Коачелла до озера Солтон-Си.

Классификация же Л. Кемпбелл в рамках южной юто-ацтекской группы подразумевает языковое единство пиманского языка (тепиманского), наряду с его диалектом пима-папаго, применяющимся в пустыне Сонора на территории штата Аризона, и языков таракахитик, в числе которых яки, майо, кахита, на которых говорят на западном побережье штата Сонора в Мексике, городах Тусон и Финикс штата Аризона.

Таким образом, как генеалогическое, так и топографическое единство юто-ацтекских языков, распространенных в штате Калифорния в домиссионерский период характеризовали следующие языковые группы: моно-баннок, шошони-команше, юте-чемиуеви, серрано, габриэленьо, луисеньо-кауилья, разделявшие сферы социально-коммуникативного влияния в рамках восточных и южных территорий штата, в частности, штатах: Моно, Иньо, Сан-Бернардино, Керн, Лос-Анджелес, Риверсайд. Сохранение масштабирования социолингвистической траектории в направлении расширения спектра территориальной вариативности обусловлено минимизацией контактов с миссионерскими движениями, миновавшими указанный территориальный диапазон в соотношении, представившем возможность удержания как этнокультурной, так и лингвистической целостности (в объеме от 23 до 60%).

Список использованных источников

1. Ammon, U. Sociolinguistics: An international Handbook of the Science of Language and Society / U. Ammon, N. Dittmar, K. J. Mattheier. – Berlin : de Gruyter, 1987. – Vol. 1. – 2056 p.

2. Bright, W. The Alliklik Mystery / W. Bright // Journal of California Anthropology. – 1975. – Vol. 2. – P. 228–230.
3. California language archive : [website]. – California, 2022. – Access mode: <https://cla.berkeley.edu/languages/ventureno.html>. (Access date: 14.05.2025).
4. Campbell, L. American Indian Languages: The Historical Linguistics of Native America / L. Campbell. – New York : Oxford University Press, 1997. – 512 p.
5. Kroeber, A. L. Handbook of the Indians of California / A. L. Kroeber. – Washington : Government Printing Office, 1925. – 1139 p.

УДК 821.112.2

ЭКФРАСТИЧНОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Г. ГЕССЕ «НАРЦИСС И ГОЛЬДМУНД»

С. В. Сдобнова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и
социолнгвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена изучением стратегии создания автором образов при помощи художественного приема экфразы. Целью исследования является изучение стратегии экфрасиса в повести Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд». В работе были использованы следующие методы исследования: биографический метод, культурно-исторический, структурно-семиотический и метод литературной герменевтики. В произведении Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд» экфраза представлена как дискретный тип текста, представляющий собой эпическую интеграцию детализированного описания образа матери Гольдмунда.

Ключевые слова: интермедийность, образ, иконический образ экфрасис, Г. Гессе.

Summary. The relevance of this work is caused by studying of the author's strategy of creating images using the artistic technique of ecphrase. The aim of this work is to study the strategy of ecphrasis in H. Hesse's narrative *Narcissus and Goldmund*. The following research methods were used in the work: the biographical method, the cultural-historical, structural-semiotic and literary hermeneutics method. Ecphrase is presented as a discrete type of text in H. Hesse's work *Narcissus and Goldmund*, which is an epic integration of a detailed description of the image of Goldmund's mother.

Key words: intermediation, image, iconic image, ecphrasis, H. Hesse.

Исследованием понятия художественного образа в литературе занимались отечественные и зарубежные ученые, такие как М. М. Бахтин, В. Г. Белинский, Н. В. Брагинская, Ю. М. Лотман, В. В. Кожин, Е. В. Яценко, Р. Барт, К. Г. Юнг, У. Эко, П. Фридендер, О. Вальцель, Г. Мюллер и др. Анализ концепции экфрасиса в повести Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд» составляет новизну и актуальность работы. Стремление гессевских героев постичь себя через познание окружающего мира – довольно автобиографично. Актуальность данного исследования обусловлена изучением стратегии создания автором образов при помощи художественного приема экфразы.

Целью исследования является изучение стратегии экфрасиса в произведении Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд». Заявленная цель требует решения таких задач, как: определение понятия экфрасис, анализ содержательно-формальных характеристик экфрасиса, определение авторской стратегии экфрасиса. В работе были использованы

следующие методы исследования: биографический метод, культурно-исторический, структурно-семиотический и метод литературной герменевтики.

В соответствии с исследованиями Н. В. Брагинской, «возникновение самостоятельного жанра экфраз во II в. н.э. (Никострат Македонский был, видимо, первым автором книги “Картин” (Ei)ko/nej) связывают с “расцветом” изобразительных искусств в этот период» [1, с. 262]. Экфрасис – означает в широком смысле «детализированное описание персонажей, предметов или событий...», а в узком смысле экфрасис «подразумевает описание произведений изобразительного искусства» (Перевод наш – С. С.) [9, с. 182]. С появлением термина «экфрасис» предполагается также дифференциация между экфразой как типом текста и экфразой как жанром. Кроме того, Н. В. Брагинская [1] противопоставляет диалогический экфрасис, в форме диалогической речи, монологическому экфрасису. По мнению Е. В. Яценко, «с точки зрения способа подачи в тексте экфрасисы делятся на цельные, где описание является непрерывной ограниченной частью текста, и дискретные – описание прерывно, рассеяно на некотором пространстве текста, чередуется с повествованием» [6, с. 51]. Однако «не только слово пытается приобрести свойство изобразительности, но и изображение наделяется свойствами повествовательности или предстает как наглядная иллюстрация» [1, с. 263]. Следовательно, экфрасис является приемом трансформации изобразительного языка в словесный язык, наделяя образ наглядностью и аллегоричностью.

Экфрасис осуществляет следующие функции: текстоструктурирующую, описательно-характерологическую, рефлексивную, интерпретационную и эмоционально-оценочную [4, с. 418].

Экфрасис переводит в слово не объект и не код, а восприятие объекта и толкование кода. Довольно точное определение понятия «иконический знак» представлено У. Эко в его знаменитом труде «Отсутствующая структура. Введение в семиологию»: «Иконические знаки не “обладают свойствами объекта, который они представляют”, но скорее воспроизводят некоторые общие условия восприятия на базе обычных кодов восприятия, отвергая одни стимулы и отбирая другие, те, что способны сформировать некую структуру восприятия, которая обладала бы – благодаря сложившемуся опытным путём коду – тем же “значением”, что и объект иконического изображения» [5, с. 157]. Следует также обратить внимание на размышления самого Г. Гессе о значении всякого символа, встречающегося на жизненном пути: «Всякое явление на земле есть символ, и всякий символ есть открытые ворота, через которые душа, если она к этому готова, может проникнуть в недра мира, где ты и я, день и ночь становятся едины. Всякому человеку попадают то там, то тут на жизненном пути открытые ворота, каждому когда-нибудь приходит мысль, что все видимое есть символ и что за символом обитают дух и вечная жизнь» [2, с. 116].

Действие повести «Нарцисс и Гольдмунд» («Narziss und Goldmund», 1930) происходит в средневековой Германии. Разрушение личности Гольдмунда, главного героя повести Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд», предопределено его отцом в результате отлучения мальчика от матери. Приближение к образу матери происходит у Гольдмунда только во сне. Нарцисс утверждает, что человек, не помнящий своего детства и свою мать, не способен понимать своё назначение и призвание в жизни, такой человек находится в постоянном заблуждении. Необходимость для Гольдмунда найти себя сопровождалась, по убеждению Нарцисса, важностью «возвращения» к своим истокам, к образу забытой матери. Не удивительно, что Гольдмунд, находясь на грани сна и яви, в полудремоте грезил о своей забытой матери, чей образ создан прямым экфрасисом. Прямой экфрасис, по мнению Е. В. Яценко, «представляет собой непосредственное описание либо простое обозначение визуального артефакта в литературном произведении» [6, с. 140]. Наконец, к герою в момент пробуждения

является образ матери: «Он увидел этот образ, он обрел его и вздрогнул как бы в мучительном наслаждении. Он увидел, он прозрел. Он видел Ее. Он видел Великую, Сияющую, с ярким цветущим ртом, блестящими волосами. Он видел свою мать» [3, с. 49] («Fand das Bild wieder und zuckte wie in schmerzlicher Wollust zusammen. Er sah, er war sehend geworden. Er sah Sie. Er sah die Große, Strahlende, mit dem voll blühenden Munde, mit den leuchtenden Haaren. Er sah seine Mutter» [8, с. 58]). Поскольку Г. Гессе демонстрирует субъективное восприятие образа, этот иконический экфрасис является дескриптивным и психологическим.

Концепция П. Фридлендера [7] состоит в том, что путь экфрасиса пролегает от неточных, запутанных, даже фантастических описаний к точным. Данная особенность наблюдается в произведении, где осуществляется стратегия постепенной детализации образа: «Несколько раз он намечал также тонкими неопределёнными штрихами большую женскую фигуру матери-земли, сидящую с руками на коленях, с лёгкой улыбкой на лице, с печальными глазами. Бесконечно благодатно действовало на него это излияние, чувство рисующей руки, власть над видениями» [3, с. 201] («Mehrmals auch deutete er mit dünnen, ahnenden Strichen eine große Frauengestalt an, die Erdenmutter, sitzend mit den Händen im Schoß, im Gesicht unter schwermütigen Augen ein Hauch von Lächeln. Unendlich wohl tat ihm dies Strömen, das Gefühl in der zeichnenden Hand, das Herrwerden über die Gesichte» [8, с. 251]). Писатель создает в повествовании иконический образ матери, обращаясь к экфрастическому изображению с многочисленными уточнениями и детализированным описанием.

В конце своего жизненного пути, угасая, Гольдмунд все явственнее представлял образ матери: «Я лежал, и в груди у меня нестерпимо жгло, и я сопротивлялся и кричал, но вдруг услышал чей-то смеющийся голос – голос, который я не слышал с самого детства. Это был голос моей матери, низкий женский голос, полный сладострастия и любви» [3, с. 263] («Ich lag, und in meiner Brust tat es brennend weh, und ich wehrte mich und schrie, aber da hörte ich eine Stimme lachen – eine Stimme, die ich seit meiner Kindheit nicht mehr gehört hatte. Es war die Stimme meiner Mutter, eine tiefe Frauenstimme, voll von Wollust und Liebe» [8, с. 331]). В описании иконического образа матери автор использует прием интермедальности, объединяя звуковые и художественные элементы повествования. Интермедальность художественного произведения определяется наличием в тексте контаминации или отсылки к объектам других видов искусства.

В произведении Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд» экфраза представлена как дискретный тип текста, представляющий собой эпическую интеграцию детализированного описания образа матери Гольдмунда. Данный экфрасис произведения является прямым, непосредственно описывающим образ. В процессе повествования образ изображался все более детализировано и аллегорично. Завершая описание иконического образа матери Гольдмунда, автор использовал прием интермедальности, объединяя звуковые и живописные элементы повествования. Экфрасис как содержательно-формальный прием обуславливает описательный характер текста произведения. В повести «Нарцисс и Гольдмунд» экфрасис осуществляет ряд важных художественных функций: трансформация изобразительного языка в словесный, наделение образа наглядностью и аллегоричностью.

Список использованных источников

1. Брагинская, Н. В. Экфрасис как тип текста: (к проблеме структурной классификации) / Н. В. Брагинская // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели: структура балканского текста. – Москва : «Наука», 1977. – С. 259–283.
2. Гессе, Г. Повести, сказки, легенды, притчи / Г. Гессе. Собрание сочинений : в 4 т. – Т. 1. – Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1994. – 607 с.

3. Гессе, Г. Повести, сказки, легенды, притчи / Г. Гессе. Собрание сочинений : в 4 т. – Т. 3. – Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1994. – 510 с.
4. Сдобнова, С. В. Экфрасичность произведения Г. Гессе «Череда снов» / С. В. Сдобнова // Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : материалы IX Международного научного конгресса, Симферополь, 04–05 апреля 2024 г. – Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024. – С. 415–418.
5. Эко, У. Отсутствующая структура : введение в семиологию / У. Эко ; пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004. – 544 с.
6. Яценко, Е. В. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель / Е. В. Яценко // Вопросы философии. – 2011. – № 11. – С. 47–57.
7. Friedländer, P. Johannes von Caza, und Paulus Silentarius. Kunstbeschreibungen Justinianischer Zeit / Paul Friedländer. – Leipzig ; Berlin : B. G. Teubner, 1912. – 335 S.
8. Hesse, H. Narziss und Goldmund / Hermann Hesse. – 2. Aufl. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1972. – 333 S.
9. Metzler Lexikon Literatur : Begriffe und Definitionen / begr. von Günther Schweikle und Irmgard Schweikle ; hrsg. von Dieter Burdorf, Christoph Fasbender und Burkhard Moennighoff. – Stuttgart ; Weimar : Metzler, 2007. – 845 S.

УДК 811.111'282.4(540):81'27

PROBLEMS OF BILINGUALISM AND MULTILINGUALISM (ON THE EXAMPLE OF THE LANGUAGE SITUATION IN INDIA)

Е. А. Сирица,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается и описывается сложность, вариативность, неоднозначность особенности распространения английского языка в качестве второго / третьего. На основе анализа трехязычия на территории мультилингвальной Индии определены проблемы: слабое владение английским большинством населения (90 %); ограничения в получении доходной квалифицированной работы; отсутствие повышения успеваемости по естественнонаучным предметам; субтрактивное преподавание коренных языков; стагнация в развитии подязыков науки, жанров / стилей литературы коренных языков.

Ключевые слова: английский язык, лингва франка, хинди, билингвизм, трехязычие, межкультурное взаимодействие, адаптивность, информационное поле.

Summary. The article examines and describes the complexity, variability, and ambiguity of the peculiarities of the spread of English as a second/third language. Based on the analysis of trilingualism in the territory of multilingual India, the following problems have been identified: poor proficiency in English by the majority of the population (95%); limitations in obtaining gainful skilled work; lack of improvement in academic performance in natural sciences; subtractive teaching of indigenous languages; stagnation in the development of sublanguages of science, genres/styles of literature of indigenous languages.

Key words: English, lingua franca, Hindi, bilingualism, trilingualism, intercultural interaction, adaptability, information field.

Globalization and internationalization of the economy and business are the main vectors of the society development in the 21st century. General trends of development of

society determine new requirements for the organization and provision of the educational process in the system of higher education.

The aim of this article is to outline the sociolinguistic features of multilingual societies and the challenges associated with the growing influence of English as a lingua franca as it is currently taught and used.

Our research methods include a sociolinguistic analysis of language situations in countries belonging to the “expanding” and “outer” circles of English as lingua franca, as well as an analysis of the impact of artificial English – trilingualism – on the social dynamics of the population, primarily in the areas of education, professional and scientific activity, career growth, everyday social functioning of individuals and the harmony of their existence in their native language environment. It is also problematic that this kind of trilingualism is exoglossic, including a linguistic culture that is foreign in relation to the traditions and ontology of the native languages existing on a given territory [1, p. 48–66].

The trend of modern global language policy is bilingualism and trilingualism in mononational and multinational states. At the same time, in the conditions of monopolarity, English is put forward as a global lingua franca, it is given an exclusive status among other languages of the world. The projection of English bilingualism and trilingualism into the future is seen as the only course of development for humanity; it is claimed that the sublanguages of global science and culture of the future will have English as their code.

To justify the English hegemony, the currently widespread and essentially humanistic ecolinguistic paradigm is used, among other things. It is argued, in particular, that “the modern economic and technological context requires the cultivation of a global language of interethnic communication, for which the world English is currently suitable. The only option seems to be the spread of such a linguistic ecology that supports individual bilingualism or even elite polylingualism” [2, p. 1011–1066]. This justification seems paradoxical to us, since the introduction of English at the same level of instruction as native languages definitely changes the naturally formed linguistic situation of multinational states, that is, it changes, figuratively speaking, the balance of the linguistic ecosystem. This is due to the fact that the English linguistic culture is more expansive than most other linguistic cultures in the world, it tends to displace local languages from the “high” social spheres of communication.

Over several centuries, the English, through trade, military actions, and colonial conquest, actively penetrated into various territories, influencing the languages and peoples’ culture. In the postcolonial period, it is officially recognized as the first or second foreign language in many dependent lands.

However, English bilingualism and trilingualism have not historically been accompanied by and, in fact, have not been aimed at the construction and development of national and ethnic languages and cultures. British language policy did not provide for language construction/development in colonial territories or the indigenization of public administration in native languages [4; 6]. In the zone of English influence, no tradition has been developed and there is no goal to develop the discourse of secondary and higher education in national languages, sublanguages of special disciplines and sciences. For example, in Africa and Southeast Asia, including India, teaching in senior classes of secondary schools is conducted predominantly, and in higher education institutions – entirely in English [3, p. 27–46]. Scientific works in postcolonial countries, especially in the natural sciences, are written almost exclusively in English, a trend that is becoming global in the modern context of unipolar hegemony. This situation hinders the development of sublanguages of science in native languages, and the unequal internationalization of science, expanding and enriching the English segment, leads to the extinction of national segments of scientific research. The press is also reduced to the level of “ethnoexotics” or is unified, drawing stories from the same Western sources [5; 7]. English linguistic culture significantly changes the “code” itself and the value system of the peoples that fall within its sphere of

influence. As a result of the expansion and consolidation of the English language in “high” functional-communicative spheres, its introduction as a second or third language, the sovereign development of national languages, their enrichment at the expense of the original verbal-conceptual, graphic and morphosyntactic material, their genre-stylistic complication, and sublinguistic differentiation are curtailed. Borrowings of vocabulary and holistic communication formulas (by transcription or tracing) from the English language are often not fully assimilated, sometimes even preserving the original graphic representation in Latin. As for syntax and morphology, English is an analytical language with features of grammatical isolation, simpler than many languages in terms of syntactic structure and morphological system, and its active introduction can lead to the erosion of their grammar [8]. In this regard, the simplification of syntax, reflecting the logical-semantic and pragmatic-rhetorical connections of statements, should be especially noted. English stylistic canons prescribe the “popularization” of high styles, including, along with the rejection of high rhetorical pathos in favor of bright idiomaticity and colloquial vocabulary, the rejection of complex syntax.

One example of the problems associated with trilingualism is the language situation in one of the countries where English trilingualism has been in place for a long time – India. Along with the state language, the language of the national majority – Hindi – and the native language, which is different for different ethnic groups, English plays the role of a second language in India and serves the “high” functional spheres of social communication. In modern India, English is one of the 23 official languages and citizens must study and know it as the main language of interethnic communication. Trilingualism has developed in this country historically, it is due to a number of factors, initially – India’s colonial past, the use of English as the language of interaction between the colony and the metropolis, the British policy of spreading English for interethnic interaction between the peoples of India. The trilingual formula involves studying three different languages: native and/or regional, state (Hindi), second or foreign (English in the vast majority of cases) [9].

However, there are a number of intractable problems associated with English education.

First, the reality is that although English is taught everywhere, it is not at an advanced level in most states and for most Indians, and almost always, applicants to higher education face a language problem. Statistics show that the majority of citizens' knowledge of English leaves much to be desired. According to sociologists, very small amount of Indian residents are English speakers [4; 6; 7; 9].

Secondly, English is taught subtractively, i.e. a person does not receive systematized knowledge about their native culture and language. The best type of bi- and multilingual education is currently considered additive, i.e. when the study of a second and third (foreign) language occurs on the basis of the native language [9]. English education alienates representatives of ethnic minorities and “lower” castes both from the historically close Hindi, established as the state language, and from their own linguistic cultures, changing the cultural code of their speakers, contributing to the global policy of English hegemony. Indeed, members of the Indian upper and middle classes have easier access to English, cementing their place in the “inner circle” of Anglophones, the “inner circle of power and privilege” [4; 5; 6]. At the same time, for the vast majority of Indian students, English becomes a source of social division and isolation [7].

Summing up some of the problems associated with the English language in India:

- 1) English-medium education does not contribute to better assimilation of specialized subjects, especially the exact and natural sciences;
- 2) English is taught subtractively, that is, a person does not receive systematized knowledge about his native culture and language;
- 3) English does not eliminate, but rather reinforces inequality;

4) Teaching in English in secondary and higher education increases the stagnation of indigenous languages, slows down or stops the development of sublanguages, styles/genres of science, professional communication, literature, journalism based on the original language.

In conclusion, it's necessary to note that spread of a non-native language in a country is influenced by language policy on a global and national scale. The trends of linguacultural integration / sovereignization and language policy indicate that the influence of the English language will be reduced to the level of an intercultural communication code, and it should also cease to be an instrument of social differentiation and the introduction of concepts of English culture. It seems that in the future, instruction in Indian educational institutions will be conducted in Hindi and the languages of national minorities. English will probably remain part of the country's multilingual linguistic ecology, but as an auxiliary language of interethnic communication and science, i.e., a language purified of the cultural information of the "inner circle" countries [8].

The globalization of language is dangerous for the English-speaking peoples themselves. It seems that now both the culture embedded in the English and even the national identity of the English-speaking peoples are on display. The condition for preserving ethnocultural identities in the new system of world languages is the division of functions: the language of global communication is used to ensure the overcoming of interlingual and intercultural barriers throughout the world.

References

1. Meganathan, R. English Language Education Situation in India: Pedagogical Perspectives / R. Meganathan // *The Journal of English as an International Language*. – 2015. – № 10 (1). – P. 48–66.
2. Muralidharan, K. The Aggregate Effect of School Choice: Evidence from a two stage experiment in India / K. Muralidharan, V. Sundararaman // *Quarterly Journal of Economics*. – 2018. – № 130 (3). – P. 1011–1066.
3. Strevens, P. English as an International Language: Directions in the 1990s / P. Strevens // *The Other Tongue. English Across Cultures* ; ed. by Braj. B. Kachru. – Oxford ; New York : Pergamon Press, 1983. – P. 27–46.
4. Bilingual Education in India Education [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.ukessays.com/essays/education/bilingualeducation>. (Access date: 18.02.2025).
5. English language education in India [Electronic Resource]. – Access mode: <https://saundz.com/English>. (Access date: 25.02.2025).
6. The Indian States Opportunities for International Higher Education Collaboration [Electronic Resource]. – Access mode: www.britishcouncil.org/education/ihe. (Access date: 18.02.2025).
7. Puri, A. English Speaking Curse. Outlook [Electronic Resource] / A. Puri. – Access mode: <http://www.outlookindia.com/article/English-Speaking-Curse/237015> /. (Access date: 05.03.2025).
8. UIS (UNESCO Institute of Statistics), Education: Gross enrolment ratio by level of education [Electronic Resource]. – Access mode: <http://data.uis.unesco.org>. (Access date : 20.02.2025).

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Н. С. Стрембицкая¹, Л. И. Стрембицкая²,

*¹старший преподаватель кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

*²обучающаяся магистратуры кафедры туризма и индустрии гостеприимства,
факультет экономики и управления, Российский государственный социальный
университет, Москва*

Аннотация. Иностранный язык является важным средством межкультурной коммуникации как комплекса разнообразных контекстов. Данная работа направлена на изучение преподавательской деятельности по интеграции развития межкультурной компетенции в процесс обучения иностранному языку. Цель работы – дать определения межкультурной коммуникации и межкультурной компетентности, а также на основании существующей модели межкультурной компетенции предложить разнообразные виды деятельности, направленные на подготовку специалистов в сфере туризма, способных эффективно взаимодействовать на межкультурном уровне. Выбор методов исследования (обзор проблематики, описание и анализ) обусловлен целью работы. В результате представлены основные методические рекомендации по интеграции межкультурной компетенции в преподавание иностранных языков для последующего успешного профессионального общения обучающихся.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, интеграция межкультурной коммуникации в преподавание иностранных языков, модель межкультурной компетенции.

Summary. Foreign language is an important means of intercultural communication as a complex of diverse contexts. This work is aimed at studying the process of integrating the development of intercultural competence into the process of foreign language instruction. The aim of the work is to provide definitions of intercultural communication and intercultural competence, and on the basis of the existing model of intercultural competence to suggest a variety of activities aimed at training specialists in the field of tourism capable of operating effectively at the intercultural level. The choice of research methods (problem review, description and analysis) is conditioned by the purpose of the work. As a result, the main methodological recommendations for the integration of intercultural competence in foreign language teaching for further successful professional communication of students are presented.

Key words: intercultural communication, intercultural competence, integration of intercultural communication in foreign language teaching, model of intercultural competence.

Успешное развитие индустрии туризма и гостеприимства определяется качеством подготовки специалистов, способных выдержать конкуренцию на рынках труда в сфере профессиональной деятельности. Современное туристское образование, ориентированное не только на спрос, но и на потребности развития личности в социальном, экономическом и природном плане, взаимодействует с процессами глобализации и стремительного технологического развития, которые меняют характер трудовой деятельности, а также умения и навыки, необходимые выпускнику в данной области. Расширение мобильности, профессиональных и личных контактов между представителями разных культур способствует росту научного и практического

интереса к формированию не только специфических знаний и умений выпускников, но и подготовки их к взаимодействию с представителями стран с иными социальными традициями, общественным устройством и культурой [4].

Отечественные и зарубежные исследователи А. Д. Петренко, Л. И. Богатикова, Э. Холл, Т. Шенкер, М. Байрам и другие в своих работах неоднократно подчеркивали тот факт, что изучение языка неразрывно связано с культурным развитием, с осознанием культуры изучаемого языка и преподавание языка в широком масштабе должно быть синонимом преподавания культуры. Понятие «готовность студента к межкультурной коммуникации» рассматривается как интегративная характеристика личности, определяющая уровень профессионализма будущего специалиста в его иноязычной коммуникативной компетенции и включает в себя потребности, мотивы, психологические качества, предметные и интеллектуальные знания, умения и навыки выполнения поставленных задач [1; 2; 3; 5; 6; 7].

Межкультурная коммуникация как сложное сочетание разнообразных контекстов (культурных, этнолингвистических, лингвострановедческих, исторических, экологических, социоллингвистических и т.д.) предполагает формирование определенной компетентности, которая определяется как степень, в которой специалист эффективно адаптирует свои вербальные и невербальные сообщения к соответствующему культурному контексту.

Согласно определению Терезы Шенкер, межкультурная компетенция – это «знания о себе и других, открытость и любопытство к знаниям, навыки интерпретации и коммуникации, навыки исследования и взаимодействия, а также культурная осведомленность, связанная с критическим мышлением» [10]. Майкл Байрам представил модель межкультурной компетенции в виде групп знаний, навыков и установок, которую мы использовали как базовую в процессе проведения исследования [6]:

- знания о себе и других, знания о взаимодействии, об отношениях индивида с обществом;
- навыки интерпретации и информационного контакта;
- распознавание культурного поведения с помощью критического мышления;
- навыки открытия и взаимодействия;
- межкультурные установки: любопытство, открытость и суждение с разных точек зрения с различными ценностями, убеждениями и поведением.

В процессе обучения иностранному языку овладение межкультурной компетенцией подразумевает приобретение знаний, навыков и установок, необходимых для взаимодействия с людьми из разных культур, формирование обучающегося «как личности с отличной перспективой, культурными ценностями и поведением» [8].

Таким образом, опираясь на теоретические предпосылки наряду с исследованиями в данной области и практическим опытом можно с уверенностью говорить о том, что в процессе овладения межкультурной коммуникативной компетенцией необходимо задействовать все виды речевой деятельности в ходе выполнения различных видов аудиторной работы. Мы предлагаем обратить особое внимание на такие виды деятельности, как интервью, ролевые игры, лингвострановедческие и социоллингвистические наблюдения и анализ, работа с рекламными брошюрами и роликами, презентации и анализ конкретных ситуаций, реалий и стереотипов, доклады и сообщения на темы, связанные с туризмом в различных странах и регионах, с последующим обсуждением в группе, создание виртуальных туров с учетом особенностей регионов и дестинаций, создание буклетов и листовок с рекомендациями и советами для туристов, знакомство с основами неформальной и деловой переписки, особенности языковой и неязыковой

репрезентации в различных социальных, культурных и религиозных сообществах и другие. Существует широкий спектр источников информации, таких как аутентичные тексты, аудиозаписи и видеозаписи, карты, фотографии, диаграммы, обучающие ролики из сети Интернет.

Отметим, что при работе с аутентичными материалами необходимо убедиться, что учащиеся владеют знаниями по специальности, а также понимают контекст и намерения автора. В процессе использования таких видов аудиторной деятельности, как объяснение и анализ, дискуссия, презентация и изучение определенных ситуаций (кейсов) рекомендуем использовать материалы из различных источников, описывающих идентичные проблемы, но с разной точки зрения и с конкретными примерами из реальной жизни, чтобы обучающиеся могли сравнивать и критически анализировать прочитанное. Овладение навыками анализа не менее важно, чем изучение фактической информации.

Для дальнейших исследований в области межкультурной коммуникации, а также для разработки методических рекомендаций по формированию межкультурных компетенции у обучающихся необходимо уделить особое внимание работе Джеймса В. Нойлипа «Intercultural Communication: A Contextual Approach», который предлагает четкую контекстуальную модель для изучения коммуникации в культурном, микрокультурном, экологическом, социореляционном и перцептивном контекстах. Выделяя ценности, этническую принадлежность, физическую географию и установки, книга рассматривает способы взаимодействия, включая язык тела, зрительный контакт и обмен словами, а также этапы взаимоотношений, кросс-культурный менеджмент, межкультурный конфликт и культурный шок [9].

Подводя итоги, еще раз отметим, что интеграция процесса овладения межкультурной компетенцией в систему преподавания и изучения иностранного языка для туризма направлена на подготовку человеческих ресурсов, обладающих необходимыми знаниями, навыками и установками для глобального делового опыта. Необходимо понимать, что конечная цель изучения иностранного языка в данном контексте направлена на культурное понимание и владение иностранным языком. Являясь важным средством межкультурной коммуникации и одновременно особым механизмом эффективного взаимодействия, иностранный язык влияет на процесс формирования профессиональных квалификаций и компетенций будущих специалистов в индустрии туризма, что обеспечивает их конкурентоспособность на рынке труда и гарантирует трудоустройство по специальности. Преподавателям иностранного языка для туризма необходимо помнить о преимуществах, которые дает развитие навыков межкультурной коммуникации будущим профессионалам, и включать виды деятельности по их освоению и развитию в рабочую программу дисциплины «Иностранный язык для туризма».

Список использованных источников

1. Богатикова, Л. И. Основы межкультурной коммуникации: тексты лекций для студентов специальностей 1– 02 03 06 01 «Английский язык. Немецкий язык», 1– 02 03 06 02 «Английский язык Французский язык» / Л. И. Богатикова. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – 280 с. – URL: <http://library.lgaki.info:404/2017/Богатикова%20Л.%20И.pdf> (дата обращения: 28.02.2025).
2. Бурова, Ю. В. Проблемы профессиональной подготовки студентов направления «туризм» в контексте обучения межкультурной коммуникации / Ю. В. Бурова, В. П. Богачева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-professionalnoy-podgotovki-studentov-napravleniya-turizm-v-konteksteobucheniya-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 01.03.2025).

3. Кистанова, Л. П. Межкультурная коммуникация и межкультурное взаимодействие как основа формирования иноязычной коммуникативной компетентности специалистов сферы туризма в процессе профессиональной подготовки / Л. П. Кистанова, Т. Г. Михалева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-i-mezhkulturnoe-vzaimodeystvie-kak-osnova-formirovaniya-inoazychnoy-kommunikativnoy-kompe-tentnosti> (дата обращения: 10.03.2025).
4. Концепция формирования межкультурной коммуникации студентов средствами иностранного языка. – URL: https://bstudy.net/839758/sport/kontseptsiya_formirovaniya_mezhkulturnoy_kommunikatsii_studentov_sredstvami_inostrannogo_yazyka#:~:text= (дата обращения: 10.03.2025).
5. Петренко, А. Д. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры : коллективная монография / под ред. А. Д. Петренко. – Москва : Издательство «Перо», 2015. – 491 стр.
6. Byram, M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Multilingual Matters [Electronic Resource] / M. Byram. – Access mode: https://docviewer.yandex.ru/view/1742707113/?*. (Access date: 10.03.2025).
7. Hall, E. T. The Silent Language / E. T. Hall. – New York : Doubleday, 1959. – 240 p.
8. Van Ba, Le. The classroom activities to integrate intercultural competence development into tourism English classrooms in the enhancement of learners' intercultural competence [Electronic Resource] / Le Van Ba, Nguyen Thu Hang. – Access mode: <https://edu.snru.ac.th/wp-content/uploads/2022/01/34.1.pdf>. (Access date: 10.03.2025).
9. Neulip, J. W. Intercultural Communication: A Contextual Approach [Electronic Resource] / J. W. Neulip. – Access mode: https://vk.com/wall-169240848_8891. (Access date: 10.02.2025).
10. Schenker, T. Intercultural competence and cultural learning through telecollaboration [Electronic Resource] / T. Schenker. – Access mode: <https://journal.equinoxpub.com/Calico/login>. (Access date: 01.03.2025).

УДК 81.119

СИМВОЛИЗМ С. МАЛЛАРМЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ СИСТЕМ

О.С. Холодняк¹, Т. М. Акулова²,

¹*старший преподаватель кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского», Симферополь*

²*аспирант философского факультета, Институт «Таврическая академия»,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Стефан Малларме использовал уникальную систему символизма, где символ выступает не как описание объекта, а как призыв к нему. Прямое описание, по мнению поэта, неспособно передать суть предмета, оно лишь констатирует его существование. Малларме предлагал искать основания объектов в философии «вещи-в-себе», переключаясь с современными темными онтологиями и новыми философскими системами. Язык, по его убеждению, должен быть очищен от избыточности, а поэзия стремиться к выражению трансцендентального. Важнейшим аспектом его подхода стало понимание языка как партитуры, где звучание и последовательность формируют контекст восприятия. Эти идеи находят яркое воплощение в работах «Un coup de dés

jamais n'abolira le hasard» и «Démon de l'analogie», где символизм служит ключевым средством передачи глубинных смыслов.

Ключевые слова: Малларме, символизм, аналогия, вещь-в-себе, философия языка, трансцендентальность, поэтическая партитура, поэзия.

Summary. Stéphane Mallarmé developed a unique system of symbolism where the symbol serves not as an object description but rather as a call to it. According to the poet, direct description is incapable of conveying the essence of an object; it merely confirms its existence. Mallarmé suggested searching for the foundations of objects in the philosophy of the “thing-in-itself” resonating with contemporary dark ontologies and new philosophical systems. He believed that language should be purified from excessiveness, while poetry strives to express the transcendental. A crucial aspect of his approach was understanding language as a score, where sound and sequence shape the context of perception. These ideas find vivid expression in works such as *Un coup de dés jamais n'abolira le hasard* and *Démon de l'analogie* where symbolism acts as a key means of conveying profound meanings.

Key words: Mallarmé, symbolism, analogy, thing-in-itself, philosophy of language, transcendence, poetic score, poetry.

Символизм, созданный Марселем Прустом и Стефаном Малларме, на долгие годы сформировал основы французской литературы и философии. Барбара Джонсон отмечала влияние Малларме на критиков XX века. Структуралисты и деконструктивисты, следуя примеру Малларме, сосредоточились на лингвистическом анализе текста, исследуя синтаксис, интервалы, звучание и семантику. Интерес Малларме к случайности оказал значительное влияние на последующее развитие философии, особенно на постструктуралистские и деконструктивистские теории. Такие мыслители, как Жак Деррида и Ролан Барт, развивали идеи о том, что язык и текст контекстуальны и заключены в корреляте.

Квентин Мейясу, исследуя систему контингентности и корреляционизма в работе «О необходимости контингентности», для преодоления лингвистической замкнутости современных философских систем нашел в символизме Малларме выход из предопределенности языка современной философии.

Для Мейясу Малларме совершил некий Гуссерлевский жест, говоря о символе – не как о системе замены, а как о некоей аналогии, которая являет собой не просто ассоциацию, способ познания и воссоздания объекта по деталям, конструируя его с помощью символической системы.

С. Малларме говорит о своей системе как о «Демоне аналогии», в которой его теоретические изыскания особенно заметны. Проза в поэзии была не нова, однако некая «ревизия» Малларме, как называют это современные теоретики, реконструировала символ в поэзии [5].

Символ у Малларме не описывает объект, а вызывает к нему, поскольку прямое описание объекта ничего не говорит о нем, кроме как то, что он может явить себя. Это очень характерно для современных темных онтологий и новых философских систем, которые ищут основание объекта в философии пост-кантовской «вещи-в-себе». Так мы говорим об объекте как о цепочке смыслов, которые остались похоронены в корреляционизме лингвистического поворота и только рациональность может позволить высветить предмет, так сам С. Малларме пишет:

«В совершенном применении этой тайны и состоит символ: вызывать малопомалу предмет, чтобы показать состояние души, или, наоборот, выбирать предмет и извлекать из него путём последовательных разгадок душевное состояние» [2, с. 23].

Малларме был уверен, что язык должен был быть очищен от лишнего, а поэзия должна стремиться к выражению трансцендентального: «Я думаю, что нужно, напротив, чтобы был лишь намек. Созерцание вещей – песня, так как образ проистекает из грез, ими возбужденных» [2, с. 23].

Стоит сказать, что поздний Малларме, нащупав лингвистический кореллят – говорил не только о смысле, но и том, что язык есть партитура: звучание и последовательность влияют на формирование общего контекста восприятия, и символизм в таком случае выступит дополнением, ведь именно грамматическая основа (или последовательность) языка влияет на восприятие произведения актором. Особенно это заметно в работе «Un coup de dés jamais n'abolira le hasard» («Бросок костей никогда не отменит случай») и «Démon de l'analogie» (Демон аналогии):

«который произносил слова в нисходящем тоне: «Пенультьема умерла», так чтобы слово

Пенультьема

стояло в конце стиха, а слово

Умерла

отделилось от загадочного переноса и стало еще бесполезнее в пустоте смысла».

(Приведена выдержка из работы «Демон аналогии») [6, с. 22].

Большая часть поздних произведений Малларме, таких как «Un Coup de Dés», посвящена исследованию сложной взаимосвязи между содержанием и формой. Поэт экспериментировал с текстом, играя с расположением слов и пробелов на странице, что придавало его стихам многомерность и глубину. Эти эксперименты демонстрируют стремление Малларме к созданию новой эстетики, где форма сама по себе становится частью содержания,

Стихотворение Стефана Малларме «Un coup de dés jamais n'abolira le hasard» стало одной из важнейших работ поэта. Название произведения часто переводится на русский язык как «Бросок игральные кости никогда не уничтожит случайность». Примечательно, что некоторые переводы отражают различные интерпретации названия. Например, Квентин Мейясу предпочитает вариант «Бросок кости», тогда как Дж. Уолди в своем переводе склоняется к варианту «Удар кости».

Эти различия в переводе затрагивают важный философский вопрос, связанный с природой случайности. Мейясу, подобно Малларме, размышляет над тем, что такое случайность и каким образом она возникает. В частности, возникает вопрос: является ли человек посредником случайности, или его действия не способны повлиять на её появление?

Возвращаясь к вопросу преодоления, Мейясу утверждает, что в своих поздних работах, известных как «герметические пробы», Малларме вновь обращается к случаям, случайностям и неопределённостям. Через символизм поэт подчёркивает несовершенство языка как средства описания и выражения мыслей. По мнению Малларме, язык оказывается неспособным установить необходимую связь между звучанием и смыслом, что лишает его точности и ясности в передаче идей. Так Малларме пишет, что «он (язык) лишен необходимой связи между звучанием и значением» [7, с. 36].

Малларме использует разрывы строк, различные шрифты и размеры текста, а также пустые места на странице, чтобы создать визуальную и звуковую динамику. Визуальное оформление поэмы также отражает случайность. Разрыв строки, использование различных шрифтов и размеров текста, а также пробелы создают впечатление хаоса и непредсказуемости. Однако, стремясь разгадать сложную структуру поэмы, Алан Бадью, а вслед за ним и Квентин Мейясу попытались систематизировать произведение, найти его основания и предложить собственные трактовки. Мейясу назвал этот процесс «решением» поэмы [7, с. 37]. По его мнению, центральная идея произведения заключается в том, что случайность всегда несет в себе нечто большее, выходящее за пределы самого случайного события.

«когда я бросаю кости, результат неустойчив –

Бесконечный

Отчетливый
Плеск» [6, с. 21].

Бросок кости, как символ, наглядно иллюстрирует, насколько человек бессилен перед случайностью, демонстрируя непредсказуемость событий и решений. Это подтверждает неизбежную зависимость существования от судьбы и случайных обстоятельств, так Мейясу, «решая» поэму Малларме, пишет, что «Контингентность или совпадение, случай, действительно бесконечен в том смысле, что одновременно содержит и то, что его демонстрирует во всей грустной очевидности, и то, что его тот отрицает за счет появления светящегося Смысла» [7, с. 33].

Мы видим, каким образом Малларме трансформировал банальную идею «все случайно», наделив ее инверсией гегелевской бесконечности: это больше не дух, содержащий в себе все, в том числе то, что его отрицает, но процессия Небытия (как отсутствие Смысла), которое определяет и то, что кажется из него исключенным [7, с. 34].

Малларме рассматривает случайность как основополагающий принцип существования. В его понимании мир не подчиняется строгим законам, а полон непредсказуемых событий. Поэт стремится показать, что даже самые упорядоченные структуры, будь то язык или человеческая жизнь, подвержены влиянию случайности.

Малларме был убежден, что истинная задача поэзии заключается в стремлении выразить непостижимое, скрытый смысл жизни. Он видел в искусстве попытку запечатлеть саму суть бытия, глубокую истину, которую невозможно постигнуть разумом.

Именно такая философия сделала Малларме предвестником многих идей, характерных для постмодернистской мысли. Его концепции случайности и неопределенности стали важными аспектами философских трудов таких фигур, как Жак Деррида и Мишель Фуко. Деррида, известный своими работами по деконструкции, находил в творчестве Малларме подтверждение своему тезису о многозначности текста и бесконечности интерпретаций. Для него каждое прочтение становится актом сотворчества, где читатель становится активным участником процесса осмысления.

Фуко, в свою очередь, развивал идеи о нестабильности истины и её зависимости от контекста. Работы Малларме служат ярким примером того, как литературный текст способен разрушать привычные представления о реальности, раскрывая перед нами мир, полный парадоксов и неожиданных смыслов.

Таким образом, Малларме не только оказал значительное влияние на литературу своего времени, но и оставил глубокий след в философии XX века, став источником вдохновения для мыслителей, исследующих границы человеческого понимания и восприятия.

Список использованных источников

1. Бадью, А. «Поэтическая диалектика: Лабид бен Раба и Малларме» и «Философия фавна» / А. Бадью ; пер. Альберто Тоскано. – Стэнфорд : Издательство Стэнфордского университета, 2005. – С. 46–56.
2. Горбовская, С. Г. Флорообразы С. Малларме: от Парнаса к символизму / С. Г. Горбовская // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2014. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/floroobrazy-s-mallarme-ot-parnasa-k-simvolizmu> (дата обращения: 01.03.2025).
3. Косиков, Г. К. Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон / Г. К. Косиков // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. – Москва : Изд-во МГУ, 1993. – С. 5–62.
4. Линкова, Я. С. Осмысление и создание поэтики символизма в творчестве Стефана Малларме / Я. С. Линкова // Литературоведческий журнал. – 2013. – № 33. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-i-sozдание-poetiki-simvolizma-v-tvorchestve-stefana-mallarme> (дата обращения: 01.03.2025).

5. Линкова, Я. С. Теория чистого искусства и творчество Стефана Малларме / Я. С. Линкова // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. – 2006. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-chistogo-iskusstva-i-tvorchestvo-stefana-mallarme> (дата обращения: 01.03.2025).

6. Малларме, С. Собрание стихотворений / С. Малларме. – Москва : Художественная литература, 1990. – 110 с.

7. Мейясу, К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме / К. Мейясу ; пер. с фр. С. Лосевой и К. Саркисова. – Москва : Носорог, 2018. – 224 с.

УДК 811.11:811.16

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ НОРМОТИПИЧНЫХ И НЕЙРООТЛИЧНЫХ ДЕТЕЙ

М. В. Чернышова¹, В. П. Березуцкая²,

¹*кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

²*аспирант кафедры общей психологии и психофизиологии, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье представлен теоретический обзор в области лингвистических особенностей речи нормотипичных и нейроотличных детей. Целью данной статьи является повышение информированности о неизменности гуманистических принципов инклюзивности и равноправия в современном российском обществе. Процесс формирования речи у нормотипичных детей протекает в форме спирали, так как он предполагает постоянное возвращение к уже пройденным этапам, но на более высоком уровне осознания и сложности. Формирование речи у нейроотличных детей происходит в похожей форме, но имеет свои отличия и сложности. Авторами сделана попытка проанализировать особенности того и другого процесса, найти отличия между ними и обозначить важные черты формирования речевого дизонтогенеза.

Ключевые слова: речь, дискурс, расстройства аутистического спектра, лингвистические особенности.

Summary. The article presents a theoretical review of the linguistic features of speech in normotypic and neurodivergent children. The purpose of this article is to raise awareness of the immutability of the humanistic principles of inclusiveness and equality in modern Russian society. The process of speech formation in normotypic children occurs in the form of a spiral, as it involves a constant return to the stages already passed, but at a higher level of awareness and complexity. The formation of speech in neurodivergent children occurs in a similar form, but has its own differences and complexities. The authors attempted to analyze the features of both processes, find differences between them and identify important features of the formation of speech dysontogenesis.

Key words: speech, discourse, autism spectrum disorders, linguistic features.

Формирование речи нормотипичного ребенка

Человеческое развитие происходит в неразрывной связке с коммуникативной деятельностью. В течение всей жизни нами постоянно осуществляется информационный обмен, свободный от наших возрастных и гендерных особенностей,

места проживания и национальности, а также многих других признаков, характеризующих человеческую личность. Формирование и развитие человека как личности напрямую связано с речью, которая является основным механизмом получения и систематизации человеческого опыта, информации и ценностей. Активное использование коммуникативной речи позволяет осуществлять формирование гармоничной личности.

Речь – многогранное и глубокое явление, включающее в себя психо- и нейрофизиологические, психолингвистические и другие процессы. Она формируется на уровне сознания и бессознательного и является «индивидуальной речевой системой» [8, с. 156]. В психолингвистике речевое развитие рассматривается как сложный, многоуровневый процесс, который включает в себя переход от внутренней, мыслительной деятельности к внешнему выражению через речь. Этот процесс часто описывается как спиралевидный, поскольку он предполагает постоянное возвращение к уже пройденным этапам, но на более высоком уровне осознания и сложности.

В лингвистике отсутствует единое мнение относительно того, являются ли языковые способности человека врожденными. Однако в разные периоды ученые высказывали гипотезы о существовании в сознании ребенка особых врожденных механизмов, которые помогают освоить систему родного языка. В зарубежной науке также существует подход, связанный с именем Ж. Пиаже, согласно которому освоение языковых навыков зависит от уровня развития интеллекта [11, с. 111].

Г. И. Богин – один из первых в отечественной лингвистике, кто в своих работах затронул проблему взаимосвязи языковой личности школьника и его дискурсивной деятельности. Он разработал типологию уровней (правильности, скорости, насыщенности, адекватного выбора, адекватного синтеза) дискурсивной компетенции личности, отражающих степень развития ее дискурсивного мышления. Согласно Г. И. Богину, уровень правильности представляет собой базовую ступень владения языком, которая формируется у детей к 6–7 годам благодаря усвоению простейших правил. К 10–12 годам, с развитием внутренней речи, языковая личность в норме достигает уровня скорости, что существенно ускоряет процесс создания дискурсов [2, с. 35].

Процессы становления дискурсивной компетенции в онтогенезе также изучал К. Ф. Седов. Он описал закономерности развития дискурсивной компетенции у детей с нормотипичным развитием, основные аспекты которых приведены ниже [5, с. 65].

Исследователь указывает, что первые попытки формирования небольших целостных речевых произведений – дискурсов – дети начинают делать примерно в возрасте трех-четырёх лет, объединяя отдельные предложения. К началу школьного обучения, то есть к 6–7 годам, дети обычно еще не имеют развитых дискурсивных навыков для создания связных текстов, а целостность их высказываний поддерживается главным образом благодаря сохранению образа воспринимаемой ситуации.

С развитием дискурсивного мышления у младших школьников постепенно снижается уровень ситуативности в их устной речи (ситуативные замены уступают место лексико-семантическим повторам). В речи учащихся среднего школьного возраста проявляется репрезентативно-символическая стратегия дискурсивного мышления, а у многих из них – также объектно-аналитическая. Речевое развитие в основном завершается к 10–12 годам, и высказывания начинают приобретать черты, характерные для взрослых. Устные дискурсы уже можно четко разделить на целостные структуры, связанные грамматическими и лексико-грамматическими средствами. Дискурсы младших подростков «обретают ярко выраженную композиционную завершенность, которая основывается на элементах текстового обобщения» [6, с. 98].

Резюмируя все вышесказанное, мы можем сказать, что к наступлению среднего школьного возраста, т. е. к 10–12 годам, происходит раскрытие всех функций речи, ребенок в силах планировать, выражать свои мысли с помощью языковых средств, предугадывать реакцию собеседника, контролировать свою речевую деятельность.

Таким образом, формируется становление речи человека в процессе нормального онтогенеза. Однако в нашем обществе существуют люди с отклоняющимся и искаженным развитием, которые имеют тяжелые и стойкие речевые недостатки. Особую роль в исследовании причин речевого дизонтогенеза занимает изучение расстройств аутистического спектра, одним из главных симптомов которых являются нарушения развития речи.

Основные речевые отклонения, отмечаемые у детей с расстройствами аутистического спектра

Расстройства аутистического спектра (РАС) – «нарушения психического развития, имеющие нейроонтогенетический характер, проявляющиеся в детстве или младенчестве» [4, с. 124].

Детей с расстройствами аутистического спектра также называют нейроотличными. Понятие «нейроотличный человек» (или «нейроотличный», от англ. *neurodivergent*) впервые появилось в конце 1990-х годов в работе социолога Джуди Сингер. Она применила этот термин для описания людей, чьи неврологические особенности не вписываются в условную «норму» [12, с. 55].

Многие авторы отмечают следующие ведущие особенности развития речи у аутичных детей:

- мутизм (от лат. *mutus* – немой, безмолвный) – состояние, характеризующееся полным отсутствием речевого взаимодействия с окружающими;
- эхолалии (от др.-греч. *echo* – отголосок, повторение и *lalia* – речь, разговор) – автоматическое, часто неосознанное повторение ранее услышанных слов или фраз, которые могут использоваться вне контекста и неуместно;
- аутоэхолалии/автоэхолалии (от греч. *autos* – сам, *echo* – отголосок, *lalia* – речь) – многократное повторение слов, фраз или предложений, только что произнесенных другим человеком [10, с. 17];
- преобладание шаблонных слов и фраз, выражающих мысли, эмоции или просьбы ребенка, а также механическое, «попугайное» воспроизведение речи;
- нарушения на уровне смысла, использование неологизмов, отсутствие ответов «да» и «нет» [3, с. 45];
- позднее появление или отсутствие в речи личных местоимений, а также их неправильное использование (например, о себе – «он» или «ты», о других – иногда «я»);
- трудности в регулировании громкости голоса, нарушения тона и ритма речи [9, с. 292];
- недоразвитие коммуникативной функции речи, неспособность вести диалог из-за непонимания обращенной речи, включая сложности с восприятием подтекста, метафор, переносного значения выражений; отсутствие прямого обращения;
- внешние проявления асинхронности речевого развития, сочетающиеся с выраженной «автономностью» (склонность говорить самостоятельно, не слушая собеседника), часто с преобладанием аффективно-образных элементов;
- «наличие размытых связей между предметом и словом», его обозначающим, отсутствие единства между звуковой и смысловой сторонами слова [1, с. 56, 122];
- нарушения грамматического строя речи, просодических компонентов – тембр и модуляция голоса отличаются неестественностью (вычурность, певучесть), «речь воспринимается как «деревянная», «монотонная», «механическая» или «смазанная», слишком быстрая, «захлебывающаяся» [7, с. 92].

Таким образом, широко известны лишь отдельные клише, связанные с особенностями коммуникации людей с тяжелыми проявлениями расстройств аутистического спектра (РАС). Это создает предпосылки для формирования стереотипного образа нейроразличной личности и часто вводит общественность в заблуждение относительно аутистов с высоким уровнем вербальных способностей. А так наше современное общество основывается на принципах гуманизма и инклюзивности, всеобщей задачей будет дальнейшее изучение и распространение информации об особенностях людей с расстройствами аутистического спектра и недопустимости ограничения в правах нейроразличных людей.

Список использованных источников

1. Бардышевская, М. К. Диагностика эмоциональных нарушений у детей : учебное пособие / М. К. Бардышевская, В. В. Лебединский – Москва : УМК «Психология», 2003. – 315 с.
2. Богин, Г. И. Начальные уровни развития языковой личности школьника как формат для определения успешности его филологической подготовки : пособие для методиста и учителя / Г. И. Богин ; Тверской государственный педагогический университет. – Тверь, 1998. – Ч. 1. – 82 с.
3. Манелис, Н. Г. Сравнительный нейропсихологический анализ формирования высших психических функций у здоровых детей и у детей с аутистическими расстройствами : специальность 19.00.04 «Общая психология, психология личности, история психологии» : дис. ... канд. психол. наук / Наталья Георгиевна Манелис ; Московский государственный университет. – Москва, 2000. – 124 с.
4. Павленко, Д. В. Методы коррекции развития детей с аутизмом на основе биологической обратной связи по ЭЭГ / Д. В. Павленко, Е. Н. Чуян, В. Б. Павленко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Биология. Химия. – 2021. – Том 7 (73), вып. 1. – С. 124–140.
5. Седов, К. Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... д-ра филол. наук / Константин Федорович Седов ; Саратовский государственный университет. – Саратов, 1999. – 436 с.
6. Седов, К. Ф. Онтопсихоллингвистика. Становление коммуникативной компетенции человека / К. Ф. Седов – Москва : Лабиринт, 2008. – 320 с.
7. Романова, А. А. Особенности развития речи детей с аутистическими расстройствами : специальность 19.00.04 «Медицинская психология» автореф. дис.... канд. псих. наук / Антонина Александровна Романова ; Московский гос. ун-т. – Москва, 2012. – 165 с.
8. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974. – 427 с.
9. Happé, F. The ‘fractionable autism triad’: a review of evidence from behavioural, genetic, cognitive and neural research / F. Happé // *Neuropsychol Rev.* – 2008. – № 18 (4). – P. 287–304.
10. Landa, R. Early communication development and intervention for children with autism / R. Landa // *Ment Retard Dev Disabil Res Rev.* – 2007. – № 13 (1). – P. 16–25.
11. Piaget, J. The Child’s Conception of Space / J. Piaget. – New York : W. W. Norton, 1967.
12. Singer, J. Neurodiversity: the Birth of an Idea / J. Singer. – Sidney : Kindle, 2016.

THE INFLUENCE OF BILINGUALISM AND MULTILINGUALISM ON THE DYNAMICS OF THE PERSONAL MATURITY OF STUDENTS

M. V. Chernyshova¹, Y. A. Eremenko²,

¹Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of German Philology, Institute of Philology,

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

²Post-graduate student of the Department of Social Psychology, Institute "Tavrida Academy", V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. В статье рассматривается влияние билингвизма и мультилингвизма на динамику личностной зрелости студентов. Анализируются когнитивные, эмоциональные и социальные аспекты влияния владения несколькими языками на формирование личности. Подчеркиваются преимущества билингвизма, такие как развитие когнитивной гибкости, адаптивности, социальной компетентности и культурной эмпатии. Обсуждаются возможные вызовы, связанные с билингвальностью, такие как ощущение размытости идентичности и эмоциональный дискомфорт. Предлагаются направления для дальнейших исследований и разработки образовательных стратегий, направленных на поддержку и развитие личностного потенциала билингвальных и мультилингвальных студентов.

Ключевые слова: билингвизм, мультилингвизм, личностная зрелость, когнитивная гибкость, адаптивность, идентичность, социальная компетентность, культурная эмпатия.

Summary. This article examines the impact of bilingualism and multilingualism on the dynamics of a students' personal maturity. It analyzes the cognitive, emotional and social aspects of the impact of knowledge of several languages on personality formation. The advantages of bilingualism such as the development of cognitive flexibility, adaptability, social competence and cultural empathy are emphasized. Potential challenges associated with bilingualism, such as a sense of identity blurring and emotional discomfort, are discussed. Directions for further research and development of educational strategies aimed at supporting and developing the personal potential of bilingual and multilingual students are suggested.

Key words: bilingualism, multilingualism, personal maturity, cognitive flexibility, adaptability, identity, social competence, cultural empathy.

Introduction. In the era of globalization bilingualism and multilingualism are becoming not just common but often necessary attributes of successful adaptation to a dynamically changing world. In this regard, scientific interest in studying the impact of speaking multiple languages on the cognitive, social and, most importantly, personal development of an individual is steadily growing. This article is devoted to an in-depth analysis of the influence of bilingualism and multilingualism on the dynamics of a students' personal maturity, considering both the potential advantages and possible challenges faced by students who speak several languages in the process of forming and developing their personality. The relevance of the study is determined not only by theoretical interest in understanding the mechanisms of interaction between language and personality, but also by the practical need to develop effective educational strategies that consider the characteristics of bilingual and multilingual students.

Theoretical basis of the research.

The phenomenon of maturity in contemporary psychology is multidisciplinary and is actively studied in philosophy, biology, psychology and medicine. In defining the categorical apparatus of the phenomenon of "personal maturity", psychological science is faced with

several contradictions. Maturity in psychology is presented in two categories as a stage of ontogenetic development and as a result of the definitive stage of mental development. The concepts of “adulthood” and “maturity” are often synonymous [12]. When describing the criteria of personal maturity, personality is implicitly identified with other hypostasis such as an individual personality and individuality [1]. Maturity as a synonym for the concept of “adulthood” is considered by such authors as V. F. Morgun, L. A. Golovey, T. Z. Kozlova, D. Levinson, O. V. Khukhlaeva, L. I. Bozhovich et al., and is characterized by a tendency to achieve the highest level of physical and intellectual abilities of an individual [16]. However, such researchers as B. G. Ananyev, K. A. Abulkhanova-Slavskaya, I. S. Kon, V. S. Mukhina and others note the discrepancy between age and the existing onset of maturity as the pinnacle of human development. As B. G. Ananyev explains, the heterochrony of the human development process determines the fact of the discrepancy between the development of a person as an individual and as a personality. “Personality is always younger than the individual in the same person. The history of a person or life path (biography), although counted from the date of birth, actually begins much later” [1, p. 275]. The works of many researchers reveal the multifaceted nature of the phenomenon of maturity and the prerequisites for distinguishing various aspects of maturity. The maturity of an individual is considered as physical maturity, the maturity of a personality as civic maturity, and the maturity of a subject of knowledge as mental maturity (B. G. Ananyev, I. S. Kon, K. A. Abulkhanova-Slavskaya, V. F. Morgun, N. Yu. Tkacheva, etc.). However, the most important aspect, in their opinion, is personal maturity.

Personal maturity is a complex and multifaceted construct, covering a wide range of psychological characteristics that determine an individual’s ability to function autonomously, responsibly and adaptively in society. Key components of personal maturity include: responsibility (the ability to make decisions and take responsibility for them); autonomy (the ability to function autonomously and self-regulate); emotional stability (the ability to control and regulate one’s emotions); self-awareness (a deep understanding of oneself, one’s values and goals); interpersonal skills (the ability to establish and maintain healthy and productive relationships with other people), and adaptability to changing environments (the ability to effectively adapt to new situations and requirements) [2; 9]. The dynamics of personal maturity are viewed as a continuous process of development and as an improvement of these characteristics throughout life, influenced by both internal (genetic, psychological) and external (social, cultural) factors.

Bilingualism and Multilingualism, defined as the ability to speak two or more languages, respectively, are not only linguistic phenomena, but are also powerful factors that have significant impact on cognitive processes such as attention, memory, executive functions and metacognitive skills [4; 8]. Numerous studies in the field of neurolinguistics demonstrate that bilingualism is associated with changes in the structure and functioning of the brain with an increase in the density of gray matter in the prefrontal cortex. This is responsible for executive functions [4; 14].

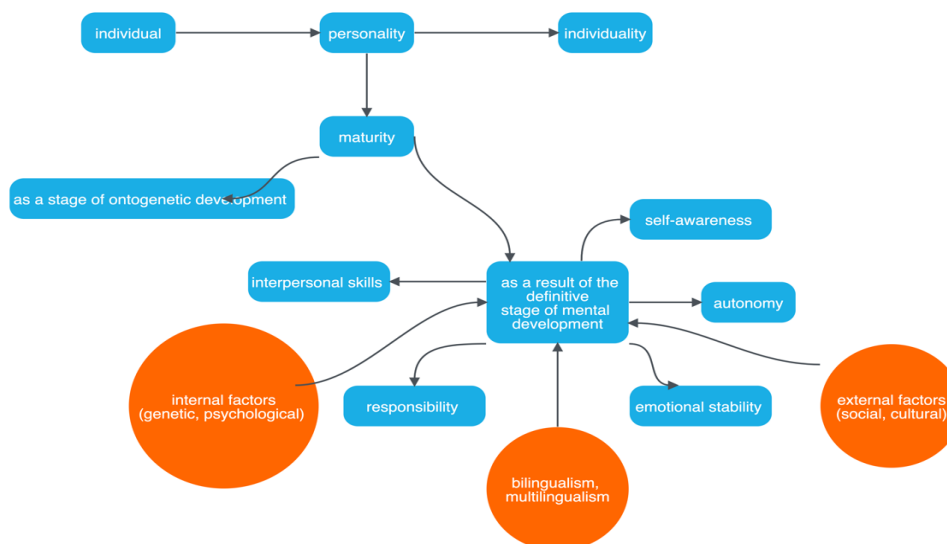
While the cognitive benefits of bilingualism and multilingualism have been well studied, the impact of speaking multiple languages on personal development, and the dynamics of personal maturity, remain relatively understudied, requiring further research.

The influence of bilingualism and multilingualism on various aspects of personal maturity.

Speaking multiple languages provides an individual with a unique opportunity to immerse themselves in different cultures and worldviews. This in turn can help them broaden their horizons, develop critical thinking, and gain a deeper understanding of themselves and their place in the world. Bilingual and multilingual students tend to develop more flexible and adaptive identities that can integrate different cultural influences [3]. Research shows that bilinguals often demonstrate a higher degree of cultural empathy and tolerance towards

people from other cultures [10]. However, it is important to note that in some cases bilingualism can lead to a sense of identity blurring especially if the individual does not feel a complete belonging to either culture. This phenomenon known as “cultural marginality” may be associated with difficulties integrating different cultural identities and feelings of alienation. In such cases support and conscious work to form an integrated and sustainable identity is necessary.

For clarity the maturity formation diagram is presented in Picture 1.

Picture1. Scheme of maturity formation

The emotional sphere is also influenced by bilingualism. Research shows that bilingual people can experience different emotions depending on the language they speak [15]. This is because different languages can be associated with different emotional contexts and cultural norms. For example, a person may feel more confident and freer expressing certain emotions in one language, and experience difficulties doing the same in another. Proficiency in several languages can contribute to the development of emotional flexibility and the ability to more accurately differentiate emotions. This allows an individual to choose the most appropriate language to express their feelings depending on the situation and context. However, in some cases bilingualism can lead to emotional discomfort, especially if a person has difficulty expressing their feelings in one of the languages or is faced with cultural differences in the expression of emotions.

It should be noted that research in the field of affective neuroscience shows that emotional processing in different languages can activate different areas of the brain [7]. Social competence and interpersonal skills are important components of personal maturity. Bilingual and multilingual students have unique opportunities to communicate with people from different cultures and backgrounds, which contributes to the development of empathy, tolerance, and the ability to build interpersonal relationships with representatives of different cultures. Knowledge of multiple languages can also increase social competence and self-confidence. This has a positive effect on the process of socialization and adaptation to new conditions [11]. Research shows that bilingual people often demonstrate a higher degree of social adaptation and find it easier to establish contacts with people from different cultures [5]. Moreover speaking more than one language can open new opportunities for participation in international activities and intercultural exchange. This contributes to a broader social circle and development of a global perspective.

Cognitive flexibility and adaptability as already mentioned are important benefits of bilingualism. The process of learning and using several languages requires constant

adaptation to different linguistic and cultural contexts and contributes to the development of cognitive flexibility and the ability to quickly switch between different tasks. Bilingual and multilingual students may be more resilient to stress and better able to cope with life's challenges due to their ability to adapt to changing conditions [13]. Neuropsychological research confirms that Bilingualism is associated with improvements in executive functions such as attention shifting and interference inhibition, which allows bilinguals to cope more effectively with cognitively complex tasks [6].

Independence, responsibility and motivation to learn are important predictors of academic and professional success. The process of learning and using several languages requires a person to be independent, responsible and capable of planning their activities. Bilingual and multilingual students may be more motivated to learn and achieve goals due to their experience of overcoming language and cultural barriers. Research shows that bilingual students often demonstrate higher academic performance and higher motivation to learn new languages [10]. Moreover knowledge of several languages can open new opportunities for career growth and professional fulfillment especially in areas related to international business, diplomacy, translation and education.

Conclusion. In conclusion it can be stated that bilingualism and multilingualism have a multifaceted impact on the dynamics of a students' personal maturity. Proficiency in multiple languages contributes to the development of cognitive flexibility, adaptability, social competence, empathy and tolerance as well as the formation of an integrated and sustainable identity. However, it is important to consider that Bilingualism can also be associated with certain challenges, such as identity blurring and emotional discomfort. Further research is needed to gain a deeper understanding of the mechanisms of interaction between language and personality, as well as for the development of effective education strategies aimed at supporting and developing the personal potential of bilingual and multilingual students. Attention must be paid to the development of cultural awareness emotional regulation and interpersonal skills as well as the creation of a supportive educational environment that promotes the integration of different cultural identities and development of a sense of belonging.

References

1. Ананьев, Б. Г. Психология и проблемы человекознания / Б. Г. Ананьев ; под ред. А. А. Бодалева. – Москва : Издательство «Институт практической психологии» ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. – 384 с.
2. Олпорт, Г. Становление личности : избранные труды / Г. Олпорт. – Москва : Смысл, 2002. – 462 с.
3. Benet-Martínez, V. Biculturalism and cognitive processes: Enhancing creativity and promoting a broad cognitive perspective / V. Benet-Martínez, F. Lee & J. Leu // Journal of Social Issues. – 2006. – № 64 (4). – P. 639–663.
4. Bialystok, E. Bilingualism in development: Language, literacy, and cognition / E. Bialystok. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 235 p.
5. Bialystok, E. Bilingualism, aging, and cognitive control: Evidence from the Simon effect / E. Bialystok, F. I. M. Craik, R. Klein, & M. Viswanathan // Psychology and Aging. – 2004. – Vol. 19 (2). – P. 290–303.
6. Bialystok, E. Bilingualism across the lifespan: The resilience of cognitive control / E. Bialystok, M. M. Martin & M. Viswanathan // Language Learning. – 2008. – Vol. 58 (S1). – P. 233–262.
7. Caldwell-Harris, C. L. Emotionality and L2: Theoretical and methodological advances / C. L. Caldwell-Harris. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2015. – 325 p.
8. Cummins, J. Cognitive academic language proficiency, linguistic interdependence, the optimum age question and some other matters / J. Cummins // Working Papers on Bilingualism. – 1979. – Vol. 19 (2). – P. 121–129.

9. Erikson, E. H. Identity: Youth and crisis / E. H. Erikson. – New York : W. W. Norton & Company, 1968. – 455 p.
10. Genesee, F. Learning through two languages: Studies of immersion and bilingual education / F. Genesee. – Northam : Newbury House Publishers, 2020. – P. 225.
11. Lambert, W. E. Culture and language as factors in learning and education / W. E. Lambert. – Washington : International Journal of Bilingual Education and Bilingualism, 2012. – P. 91–122.
12. Маленова, А. Ю. Зрелость личности и ее критерии как предикторы изучения ситуации сепарации / А. Ю. Маленова, Ю. В. Потапова // Вестник Омского университета. Психология. – 2014. – № 2. – С. 21–29.
13. Marian, V. The cognitive benefits of being bilingual / V. Marian, A. Shook. – New York : Cerebrum, 2012. – 356 p.
14. Mechelli, A. Structural plasticity in the bilingual brain / A. Mechelli, J. T. Crinion, U. Noppeney, J. O'Doherty, J. Ashburner, R. S. Frackowiak, C. J. Price // Nature. – 2024. – 757 p.
15. Pavlenko, A. Emotions and multilingualism / A. Pavlenko. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 115 p.
16. Щукина, М. А. Психология саморазвития личности : монография / М. А. Щукина. – Санкт-Петербург : Питер, 2015. – 348 С.

УДК 81-119+574

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЕЁ ПОТЕНЦИАЛ В ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

М. В. Чернышова¹, Г. Т. Костовски²,

¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.

Вернадского», Симферополь

²аспирант кафедры технологии, организации и управления строительством, Институт «Академия строительства и архитектуры», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается использование виртуальной реальности (VR) как инновационного инструмента в преподавании литературы и языка. Исследуются преимущества внедрения VR в образовательный процесс, включая повышение вовлеченности студентов и углубление их понимания литературных произведений. Перечисляются положительные и отрицательные аспекты потенциалов виртуальной реальности. Результаты исследования свидетельствуют о большом потенциале VR для создания более иммерсивного и доступного процесса обучения. В заключение подчеркивается важность дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: виртуальная реальность, дополненная реальность, смешанная реальность, преподавание, иммерсивность.

Summary. The article is devoted to the use of virtual reality (VR) as an innovative tool in the teaching of literature and language. It explores the advantages of integrating VR into the educational process, including increased student engagement and a deeper understanding of literary works. In the article there are listed both positive and negative aspects of the potentials of virtual reality. The research results indicate a significant potential for VR to create a more immersive and accessible learning experience. In conclusion, the importance of further research in this field is emphasized.

Key words: virtual reality, augmented reality, mixed reality, teaching, immersiveness.

В последние десятилетия актуальность технологии виртуальной реальности (VR) стремительно возрастает, открывая новые горизонты для различных областей, включая образование. Виртуальная реальность предоставляет уникальные возможности для создания интерактивных опытов, что делает её особенно привлекательной для изучения литературы и языка. Традиционные методы обучения часто сталкиваются с вызовами, связанными с мотивацией студентов и их вовлечённостью в учебный процесс. В этом контексте VR может стать мощным инструментом, позволяющим не только визуализировать литературные произведения, но и создать эмоциональную связь между учащимися и текстом [1]. Актуальность работы направлена на исследование потенциала виртуальной реальности в преподавании литературы и языка, анализируя как теоретические аспекты, так и практические примеры использования VR в образовательной среде. Мы рассмотрим, каким образом технологии виртуальной реальности могут способствовать более глубокому пониманию литературных произведений, улучшению языковых навыков и развитию критического мышления у студентов. Также будет обсуждено влияние VR на мотивацию и вовлечённость учащихся, а также возможные вызовы и ограничения, связанные с интеграцией этих технологий в учебный процесс. В результате нашего исследования будут выявлены перспективы и даны рекомендации по эффективному использованию виртуальной реальности в образовательных практиках, что позволит значительно обогатить процесс обучения литературе и языку [2].

Потенциал виртуальной реальности в преподавании литературы и языка заключается в её способности создавать интерактивные и иммерсивные учебные среды, которые могут значительно улучшить процесс обучения.

Вот несколько ключевых аспектов этого потенциала:

1) иммерсивный опыт – VR позволяет учащимся погрузиться в литературные миры, что помогает лучше понять контекст произведений, их атмосферу и эмоциональную составляющую. Например, студенты могут «посетить» места действия романов или «встретиться» с персонажами, что способствует более глубокому восприятию текста;

2) интерактивность – виртуальная реальность предлагает возможность взаимодействия с элементами сюжета и персонажами, что позволяет учащимся принимать активное участие в процессе обучения. Это может включать в себя выбор альтернативных сюжетных линий или решение задач, связанных с развитием событий;

3) развитие языковых навыков – VR может быть использована для создания языковых практик в контексте реальных ситуаций. Учащиеся могут взаимодействовать с носителями языка в виртуальных средах, что способствует улучшению их разговорных навыков и уверенности при использовании языка;

4) визуализация абстрактных концепций – литература часто содержит сложные темы и символику, которые могут быть трудны для понимания. VR позволяет визуализировать эти концепции, делая их более доступными для учащихся;

5) мотивация и вовлеченность – использование VR может повысить интерес студентов к предмету, так как это новаторский и захватывающий способ обучения;

6) критическое мышление – виртуальная реальность может стимулировать развитие критического мышления, позволяя учащимся анализировать и интерпретировать литературные произведения через призму различных перспектив и точек зрения.

Таким образом, потенциал VR в преподавании литературы и языка заключается в создании уникальных образовательных возможностей, которые могут значительно обогатить традиционные методы обучения и способствовать более глубокому пониманию и освоению материала.

Виртуальная реальность (VR), дополненная реальность (AR) и смешанная реальность (MR) – это три разных подхода к использованию технологий для создания интерактивных учебных сред [3]. Каждая из них имеет свои особенности и применения в преподавании литературы и языка.

1. Виртуальная реальность (VR) создает полностью иммерсивную цифровую среду, в которой пользователи могут взаимодействовать с виртуальными объектами и окружением, не имея доступа к реальному миру.

Применение в преподавании:

- иммерсивные литературные миры – студенты могут «посетить» миры, описанные в книгах, например, пройтись по улицам Диккенса или исследовать мир «Гарри Поттера»;

- ролевые игры – учащиеся могут принимать на себя роли персонажей и взаимодействовать с другими, что способствует глубокому пониманию мотиваций и конфликтов;

- симуляции – возможность создания сценариев, где студенты могут принимать решения, влияющие на развитие сюжета.

2. Дополненная реальность (AR) накладывает цифровую информацию на реальный мир, позволяя пользователям взаимодействовать как с физическими объектами, так и с виртуальными элементами.

Применение в преподавании:

- интерактивные тексты – студенты могут использовать мобильные устройства для сканирования страниц книг, чтобы увидеть дополнительные материалы, такие как видео, аудиозаписи или визуализации;

- обогащение уроков – преподаватели могут добавлять элементы AR к классным материалам, например, показывая 3D-модели исторических событий или персонажей.

3. Смешанная реальность (MR) сочетает элементы VR и AR, позволяя пользователям взаимодействовать как с виртуальными, так и с реальными объектами в одном пространстве. Это более сложная технология, которая требует специальных устройств.

Применение в преподавании:

- интерактивные обсуждения – студенты могут взаимодействовать с виртуальными персонажами или объектами, которые реагируют на их действия в реальном времени, что позволяет вести обсуждения на более глубоком уровне;

- критический анализ текстов – учащиеся могут «разбирать» литературные произведения, используя виртуальные инструменты для выделения символов и тем;

- кросс-дисциплинарные проекты – MR может использоваться для интеграции литературы с другими предметами, например, историей или искусством, создавая комплексные образовательные проекты.

Таким образом, каждая из вышеуказанных технологий предоставляет уникальные возможности для преподавания литературы и языка. VR предлагает полное погружение в вымышленные миры, AR обогащает реальный опыт дополнительными данными, а MR объединяет оба подхода для создания интерактивных и динамичных учебных ситуаций. Выбор технологии зависит от целей обучения и доступных ресурсов.

Обучение через опыт является ключевым аспектом конструктивистского подхода, который подчеркивает активную роль учащегося в процессе усвоения знаний. В контексте VR, этот подход находит свое отражение в создании интерактивных и мультисенсорных обучающих ситуаций, позволяющих учащимся самостоятельно строить свои знания на основе личного опыта и активного взаимодействия с учебным материалом.

Теория конструктивизма, заложенная такими учеными, как Жан Пиаже [5] и Лев Выготский [6], акцентирует внимание на том, что знание не является статичным набором фактов, а формируется в процессе взаимодействия с окружающей средой и другими людьми. Виртуальная реальность усиливает этот аспект, предоставляя богатую среду для взаимодействия, где учащиеся могут пробовать, ошибаться и учиться на своем опыте. Эта особенность испытывать последствия принятия решений в безопасной среде способствует развитию критического мышления и навыков решения проблем.

Эмпирическое обучение, основанное на теории Дэвида Колба [4], также находит свое применение в VR. По этой теории, обучение проходит через четыре стадии: конкретный опыт, рефлексия, абстрактное обобщение и активное экспериментирование. VR предоставляет уникальную возможность для всех этих стадий, позволяя учащимся не только наблюдать, но и непосредственно участвовать в учебных сценариях, обсуждать свои наблюдения и выводы, а также применять полученные знания на практике.

Таким образом, VR становится мощным инструментом в образовательной среде, поддерживаемым теоретическими основами конструктивизма и эмпирического обучения, что открывает новые горизонты для личностного и профессионального развития учащихся.

Использование виртуальной реальности в образовании имеет множество преимуществ, но также сопровождается рядом проблем и ограничений, которые стоит учитывать.

Стоимость оборудования. Качественные VR-устройства, такие как очки виртуальной реальности и контроллеры, могут быть довольно дорогими. Это создает финансовые барьеры для учебных заведений, особенно для школ с ограниченным бюджетом.

Необходимость технической поддержки. VR требует технической инфраструктуры, которая включает в себя не только само оборудование, но и мощные компьютеры или консоли для его работы. Нехватка технической поддержки может привести к проблемам с интеграцией VR в учебный процесс.

Проблемы с доступностью. Не все студенты могут использовать VR-технологии по медицинским показаниям (например, страдают от укачивания, проблем со зрением или эпилепсией). Это может привести к неравному доступу к образовательным ресурсам.

Сложности в разработке контента. Создание образовательного контента для VR требует значительных временных и финансовых затрат, а также специальных навыков и знаний в программировании, 3D-моделировании и дизайне.

Проблемы с эмоциональным восприятием. VR может вызывать сильные эмоции у пользователей, что иногда затрудняет изучение материала. Некоторые студенты могут чувствовать дискомфорт или страх в виртуальной среде.

Сложность интеграции в существующие учебные программы. Внедрение VR в образовательные программы требует пересмотра методик преподавания и подготовки кадров. Не все преподаватели готовы к изменениям и могут не иметь опыта работы с новыми технологиями.

Потенциальные отвлекающие факторы. VR-среда может стать источником отвлечения, поскольку пользователи могут больше сосредоточиться на взаимодействии с технологией, чем на самом учебном материале.

Ограниченный опыт пользователей. Некоторые студенты могут иметь ограниченный опыт использования VR-технологий, что может затруднить их адаптацию и повлиять на эффективность обучения.

Отсутствие стандартов. На данный момент нет единых стандартов для оценки качества VR-контента в образовании, что усложняет выбор подходящих ресурсов.

Проблемы с усвоением материала. В некоторых случаях студенты могут воспринимать VR как развлечение, что может снизить их мотивацию к изучению предмета.

Потенциал виртуальной реальности в преподавании литературы и языков огромен. Использование VR открывает новые возможности для углубленного изучения предметов, улучшает вовлеченность студентов и способствует развитию их критического мышления. На современном этапе важно проводить дальнейшие исследования в этой области, разрабатывать методические рекомендации и ресурсы, а также обучать преподавателей эффективным стратегиям использования VR в учебном процессе. Внедрение виртуальной реальности в образовательные программы может существенно изменить подход к обучению, создавая новые горизонты для студентов и преподавателей.

Список использованных источников

1. Андреева, Е. А. Особенности применения технологии дополненной реальности в образовательном пространстве / Е. А. Андреева // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования : сб. стат. по материалам XLIV Междунар. студ. науч.-практ. конф. – 2018. – № 9 (44). –URL: <https://sibac.info/studconf/science/xliv/106420> (дата обращения: 04.03.2025).
2. Казначеева, Н. Н. Виртуальная реальность и воспитание на уроках литературы / Н. Н. Казначеева // Социальнопсихологические проблемы ментальности / менталитета. – 2017. – № 13. – С. 37–41.
3. Иванашкин, Д. А. Роль технологии виртуальной реальности в современном образовании / Д. А. Иванашкин // Личность в информационно-образовательном пространстве: ответы на вызовы времени : сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. – 2018. – Москва : Рос. нов. ун-т, 2018. – С. 222–228.
4. Колб, Д. А. Теория экспериментального обучения: теория обучения и научной практики / Д. А. Колб. – Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2002. – 256 с.
5. Пиаже, Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – Москва : Эксмо, 2007. – 432 с.
6. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Москва : Педагогика, 1987. – 286 с.

CHANGING OF ELECTROENCEPHALOGRAM RHYTHMS WHEN PRONOUNCING WORDS

Т. Г. Чернышова¹, С. Е. Александрова², В. Б. Павленко³,

¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²аспирант кафедры физиологии человека и животных и биофизики, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

³доктор биологических наук, профессор кафедры физиологии человека и животных и биофизики, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Целью исследования было изучение ритмов ЭЭГ у здоровых взрослых при проговаривании слов и их сравнение с результатами у людей с нарушениями речи. ЭЭГ регистрировалось во время выполнения заданий с существительными и глаголами участниками в возрасте 20-25 лет. Результаты показали наличие мю-ритмов в премоторной коре, а частотно-временной анализ выявил снижение мю-альфа и мю-бета активности, связанное с десинхронизацией. Эти данные свидетельствуют о том, что изменения мю-ритмов при произнесении слов могут быть использованы для изучения паттернов мозговой активности при нарушениях речи и разработки тренингов биологической обратной связи для их коррекции.

Ключевые слова: электроэнцефалограмма, сенсомоторный ритм, система зеркальных нейронов, тета-ритм, альфа-ритм, бета-ритм, мю-ритм.

Summary. This study is aimed to investigate EEG rhythms in healthy adults during word pronunciation and compare them with individuals with speech disorders. EEG was recorded while participants (aged 20-25) performed tasks involving nouns and verbs. The results showed mu rhythms in the premotor cortex, with time-frequency analysis revealing a decrease in mu-alpha and mu-beta activity associated with event-related desynchronization. These findings suggest that changes in mu rhythms during speech tasks could be used to investigate brain activity patterns in speech disorders, providing a basis for developing EEG-based biofeedback training for speech disorder correction.

Key words: electroencephalogram, sensorimotor rhythm, mirror neuron system, theta rhythm, alpha rhythm, beta rhythm, mu rhythm.

Introduction. The study of the neurophysiological foundations of speech perception and generation has become one of the pivotal directions in the development of modern neuroscience. In recent years, there has been a noticeable increase in the number of children and adolescents with speech disorders. However, before discussing the types of speech development disorders and methods of their correction, it is crucial to understand the neural patterns involved in speech processing, comprehension, and production. These insights are vital for both clinical practice and theoretical research in neurobiology.

Speech comprehension involves extracting lexical information (phonological, syntactical, and semantic) from long-term memory and integrating this information into a coherent mental representation of a sentence. However, the dynamics of the brain's language network are still not fully understood. Memory retrieval processes are primarily associated with increased neuronal synchronization in the theta frequency range (4-7 Hz), while integration processes, on the other hand, lead to high-frequency synchronization in the beta (12-30 Hz) and gamma (above 30 Hz) ranges. Desynchronization of alpha rhythms has been

observed in studies involving secondary tasks, which seems to correlate with attention processes and behavioral outcomes related to language comprehension [4].

Neurophysiological Patterns in Speech Processing

Functional magnetic resonance imaging (fMRI) has provided valuable insights into the sensory-motor processing of action verbs in preschool children (aged 4-5 years), who exhibit a more limited expressive verb repertoire compared to adults [13]. Researchers have suggested that, although both age groups have acquired a basic receptive repertoire of action verbs [8], differences persist in their expressive verb usage [2]. Sensory-motor activity during the processing of action verbs is measured by the suppression of mu rhythm, which typically occurs in the alpha frequency range and is observed over central electrodes [12].

Electrophysiological studies demonstrate that processing action verbs induces somatotopic activation in the premotor cortex. This somatotopic motor activation is regarded as evidence that the meaning of action verbs is grounded in motor representations [1]. Recent findings indicate the presence of mu rhythms in the premotor cortex of the brain's hemispheres. Time-frequency analysis of mu clusters revealed a decrease in mu-alpha and mu-beta rhythms associated with desynchronization events, further supporting the involvement of motor systems in language processing [14].

Such findings contribute to the broader understanding that action word meanings are deeply embedded in the motor system, reinforcing the idea that sensory-motor representations are crucial in both understanding and producing action-related language.

Integration of phonological, syntactic, and semantic information

It is widely accepted that during language comprehension, incoming auditory or orthographic patterns trigger a cascade of operations aimed at extracting information from memory, making available phonological, syntactical, and semantic properties of words. Once these components are available, they must be integrated at the sentence level to form a coherent representation that enables a consistent interpretation of linguistic material [9]. Experimental data suggests that two components of language comprehension – lexical retrieval and subsequent integration of syntactic and semantic information – lead to distinct synchronization patterns in the brain's language network. Retrieval operations are linked to neuronal dynamics in the theta and alpha frequency ranges, while integration operations involve synchronization in the beta and gamma frequency ranges [2].

Electrophysiological research also supports the idea that similar mechanisms are involved in both observing an action and processing action verbs. This research shows that both activities cause suppression of mu and beta rhythms in fronto-central regions, suggesting that accessing the meaning of an action involves the same neural mechanisms, including activation of the mirror neuron system, regardless of how the action is represented. These results align with the concept that semantic processing is linked to the activation of common perceptual representations during the integration of action words into sentences [4].

Broca's and Wernicke's areas: key players in language processing

Understanding how the brain's specialized regions interact during natural conversation remains an area of ongoing research. The classical models of human language are built on the concept of specialized brain regions responsible for language functions such as speech production (Broca's area), auditory signal reception (Wernicke's area), and systems related to higher cognitive and linguistic functions. Although the functional anatomy of these regions has been widely confirmed across various studies, there is still much to learn about how these regions interact with each other to support dynamic verbal communication [16].

One of the challenges of studying natural conversation is the need to record synchronized neural activity across both hemispheres of the brain, while participants perform different tasks: one speaks, and the other listens. This asymmetry in tasks complicates the understanding of neural coordination during communication [11]. Recent studies using functional near-infrared spectroscopy (fNIRS) have suggested that inter-brain coherence is a

marker of synchronization between two individuals during joint tasks, such as coordinated button pressing or face-to-face dialogue [15]. Increased neural activity, associated with interactive verbal communication, was found in Wernicke's area, while no such increase was observed in Broca's area, suggesting that the inter-brain coherence could be specific to the perception and comprehension of language.

Speech disorders: stuttering and sensorimotor control

In addition to the typical speech production processes, it is important to address various neurological patterns observed in individuals with speech disorders. Over the past century, the etiology of developmental stuttering has been explained through various psychological and organic paradigms. Although genetic factors are still being studied, the primary behaviors associated with stuttering (such as silent pauses, repetitions, and sound prolongations) are now understood as disturbances in sensorimotor control [6]. These disturbances are related to the temporal mechanisms of speech production [7].

The sensorimotor control responsible for initiating speech, error correction, and smooth coarticulation is regulated by the dominant left hemisphere's dorsal stream [10]. The neural representation of motor plans and sensory predictions are encoded in projections from the anterior motor areas to the posterior sensory regions [5]. Studies of stuttering have linked abnormal sensorimotor control to dysfunctions in the dorsal stream, with mu rhythm oscillations in EEG as reliable indicators of disturbances in sensorimotor processing [14].

Methods and Materials

The research used EEG registration methods with healthy adult participants aged 20-25 years. The research was conducted in a laboratory setting using a standard EEG setup with 19 channels placed according to the 10-20 system. Participants were presented with test tasks, including the pronunciation of nouns and verbs, to activate brain neurons. EEG was recorded during task performance, allowing for the investigation of brain activity during pronunciation.

Conclusion. The neurophysiological mechanisms behind speech perception and generation provide essential insights into how the brain processes language. The results of the study showed the presence of mu rhythms in the premotor cortex during word pronunciation in healthy participants, as well as a decrease in mu-alpha and mu-beta activity associated with desynchronization. These findings highlight the importance of mu rhythms in speech activity and could be used for further investigation of brain patterns in speech disorders. The results open up possibilities for developing EEG-based biofeedback training programs aimed at correcting speech disorders and improving speech functions in individuals with various speech impairments.

References

1. Andres, M. Action verbs and motor representations / M. Andres // *Neuroscience*. – 2015. – Vol. 10, No. 1. – P. 45–50.
2. Bastiaansen, M. Neuronal oscillations during language comprehension / M. Bastiaansen // *Cognitive Science*. – 2006. – Vol. 30, No. 4. – P. 765–784.
3. Bates, E. The role of verbs in language development: A longitudinal study of lexical acquisition / E. Bates [et al.] // *Developmental Psychology*. – 1994. – Vol. 30, No. 3. – P. 331–346.
4. Beauprez, C. Perceptual-semantic integration during action word processing / C. Beauprez // *Journal of Cognitive Neuroscience*. – 2019. – Vol. 31, No. 8. – P. 1307–1321.
5. Crapse, T. The dorsal stream and sensorimotor control in speech / T. Crapse, M. Sommer // *Brain and Language*. – 2008. – Vol. 107, No. 2. – P. 108–120.
6. Daliri, M. Sensorimotor control and stuttering: A theoretical framework / M. Daliri // *Journal of Speech and Hearing Research*. – 2014. – Vol. 57, No. 2. – P. 568–582.
7. Etchells, P. Temporal dynamics of speech motor control in stuttering / P. Etchells [et al.] // *Journal of Fluency Disorders*. – 2016. – Vol. 47. – P. 43–56.

8. Golinkoff, R. Action words and their role in early language development / R. Golinkoff, K. Hirsh-Pasek // *Child Development*. – 2008. – Vol. 79, No. 3. – P. 640–659.
9. Hagoort, P. Syntax and semantics in language processing / P. Hagoort // *Annual Review of Cognitive Neuroscience*. – 2005. – Vol. 8. – P. 265–300.
10. Hickok, G. The cortical organization of speech processing / G. Hickok, D. Poeppel // *Nature Reviews Neuroscience*. – 2007. – Vol. 8, No. 5. – P. 393–402.
11. Hirsh, J. Neural coherence during interactive verbal communication / J. Hirsh // *Journal of Cognitive Neuroscience*. – 2018. – Vol. 30, No. 4. – P. 932–941.
12. Hobson, H. M. Mu suppression – A good measure of the human mirror neuron system? / H. M. Hobson, D. V. M. Bishop // *Cortex*. – 2016.
13. James, W. FMRI studies of action verb processing in preschoolers / W. James, J. Maouene // *Developmental Science*. – 2009. – Vol. 12, No. 6. – P. 938–949.
14. Jenson, D. Neural dynamics in stuttering: EEG patterns / D. Jenson // *Journal of Fluency Disorders*. – 2018. – Vol. 49. – P. 25–38.
15. Jiang, J. Brain coherence in inter-personal communication / J. Jiang // *NeuroImage*. – 2012. – Vol. 60, No. 2. – P. 1407–1416.
16. Price, C. Language and brain interactions: The Broca-Wernicke connection / C. Price // *Journal of Cognitive Neuroscience*. – 2012. – Vol. 24, No. 6. – P. 1183–1195.

УДК 81-119+574

ЭКОЛИНГВИСТИКА. РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Т. Г. Чернышова¹, В. С. Пищурова²,

*¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²аспирант, ассистент кафедры общей биологии и генетики, Институт
биохимических технологий, экологии и фармации, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию эколингвистики как междисциплинарной области, изучающей взаимосвязь языка, экологии и культуры. Рассмотрены ключевые направления эколингвистики: экологический дискурс, критика языка и языковое разнообразие. Особое внимание уделено практическому применению эколингвистики в образовании, экологических кампаниях и сохранении языков коренных народов. На примерах показано, как язык формирует экологическое сознание и способствует устойчивому развитию. Используются методы теоретического анализа, описательный и сравнительно-исторический подходы.

Ключевые слова: эколингвистика, экология, экологическое сознание, экологический дискурс.

Summary. The article explores ecolinguistics as an interdisciplinary field that examines the relationship between language, ecology, and culture. Key areas of ecolinguistics are discussed: ecological discourse, language critique, and linguistic diversity. Special attention is given to the practical application of ecolinguistics in education, environmental campaigns, and the preservation of indigenous languages. Using examples the article demonstrates how language shapes ecological awareness and promotes sustainable development. The research employs theoretical analysis, descriptive, and comparative-historical methods.

Key words: ecolinguistic, ecology, environmental awareness, ecological discourse.

Эколингвистика – это междисциплинарная область, которая изучает взаимосвязь языка, экологии и культуры. Она рассматривает язык не только как инструмент коммуникации, но и как важный фактор, формирующий наше восприятие окружающей среды. В условиях глобального экологического кризиса эколингвистика становится всё более актуальной, предлагая новые подходы к формированию экологического сознания через анализ и изменение языковых практик.

Цель статьи – проанализировать, как язык влияет на формирование экологического сознания; рассмотреть ключевые темы эколингвистики, такие как языковое разнообразие, экологический дискурс и критика языка, а также их практическое применение, используя современные данные.

Для реализации поставленной цели был использован теоретический анализ литературы; применялись описательный, сравнительно-исторический и сопоставительный методы.

В современном мире экологические вопросы часто сводятся исключительно к проблемам охраны окружающей среды. Однако такое упрощение приводит к смешению понятий, которые необходимо разграничивать. Термины *ecological* («относящееся к науке экологии») и *environmental* («относящееся к окружающей среде») не являются синонимами, хотя и тесно связаны. Экология как наука, первоначально определённая Эрнстом Геккелем в рамках биологии, со временем расширила свои границы, включив в себя естественнонаучные и гуманитарные дисциплины. Одним из таких междисциплинарных направлений стала эколингвистика, изучающая взаимодействие языка, экологии и общества [3, с. 7].

Впервые термин «экология» применительно к языку был использован Джоном Тримом. Однако концепцию «лингвистической экологии» разработали Карл и Френсис Вогелины. Они подчеркнули, что лингвистическая экология должна рассматривать все языки, представленные на определённой территории, во взаимодействии друг с другом. Вогелины писали: «В лингвистической экологии необходимо начинать не с определённого языка, но с определённой территории, не с избирательного внимания к нескольким языкам, а с исчерпывающего внимания ко всем языкам, представленным на данной территории» [9].

Термин «эколингвистика» появился в конце XX века, хотя корни этого направления можно найти в работах таких учёных, как Эйнар Хауген, который в 1970-х годах предложил рассматривать язык как часть экосистемы. Хауген ввёл понятие «экологии языка», подчеркивая, что языки, как и биологические виды, взаимодействуют друг с другом и с окружающей средой [8]. Позже, в 1990-х годах, эколингвистика стала развиваться как самостоятельное направление благодаря работам таких исследователей, как Алвин Филл и Питер Мюльхойслер.

Эколингвистический подход акцентирует внимание на взаимосвязи языков и их роли в формировании экологического сознания и охватывает несколько ключевых направлений, такие как экологический дискурс и критика языка, языковое разнообразие, а также практическое применение перечисленных направлений [5].

Экологический дискурс – область, где язык играет ключевую роль в формировании восприятия экологических проблем. Анализ языка, используемого в СМИ, политике и науке, показывает, как экологические проблемы обсуждаются в обществе. Выбор терминов может существенно влиять на то, как общество понимает и реагирует на эти вопросы. Например, термины «изменение климата» и «климатический кризис» вызывают разную эмоциональную реакцию, что влияет на восприятие проблемы. Исследование Greenpeace показало, что использование термина «климатический кризис» вместо «изменение климата» увеличивает вовлечённость аудитории на 60% [4].

Аналогичные различия наблюдаются и в других терминах, используемых в экологическом дискурсе. Например, *загрязнение окружающей среды* – это нейтральный термин, который описывает процесс ухудшения состояния природы. Однако он может не вызывать достаточной эмоциональной реакции, так как воспринимается как нечто неизбежное

или далёкое. В отличие от него, термин *экологическое насилие* – более сильный и эмоционально заряженный. Он подчёркивает, что загрязнение – это не просто случайный процесс, а результат безответственного поведения человека. Такой подход помогает привлечь внимание к проблеме и мотивировать людей к действию.

Термин *биоразнообразие* также является примером научного языка, который может восприниматься как слишком технический и отстранённый. Он описывает разнообразие жизни на Земле, но не всегда вызывает отклик. В то же время *живое наследие* – более эмоциональный термин, который подчёркивает ценность биоразнообразия как части нашего общего наследия. Такой подход помогает людям осознать, что природа – это не просто ресурс, а нечто важное, что нужно беречь для будущих поколений.

Ещё один важный пример – *экологический след*. Этот термин описывает влияние человека на природу через потребление ресурсов. Однако он может восприниматься как нечто абстрактное, что затрудняет понимание личной ответственности. В отличие от него, термин *экологический долг* – более конкретный. Он подчёркивает, что человечество живёт «в долг» у природы, потребляя больше, чем она может восстановить. Такой подход помогает людям осознать, что их действия имеют последствия, и мотивирует их к более ответственному поведению.

Эти примеры показывают, что выбор терминов в экологическом дискурсе играет важную роль в формировании общественного мнения и поведения. Нейтральные или технические термины, могут не вызывать достаточной эмоциональной реакции, тогда как более эмоционально заряженные термины, способны мотивировать людей к действию.

Экологическая критика языка – это направление эколоингвистики, которое фокусируется на выявлении и анализе языковых практик, способствующих эксплуатации природы и формированию антропоцентрического мировоззрения. Критический подход позволяет переосмыслить язык, который мы используем для описания природы, и предложить альтернативные формулировки, способствующие более гармоничному отношению к окружающей среде [2]. Эколоингвисты критикуют язык, который способствует эксплуатации природы. Например, термины «природные ресурсы» или «человеческий капитал» отражают потребительское отношение. Альтернативные формулировки могут подчеркнуть взаимосвязь всех элементов экосистемы. Также можно рассмотреть следующие примеры экологической критики языка и возможные альтернативы:

1. *«Природные ресурсы» – «природные дары»:*

- критика: термин «природные ресурсы» отражает антропоцентрический взгляд, при котором природа рассматривается исключительно как источник материалов для удовлетворения человеческих потребностей. Это способствует потребительскому отношению к окружающей среде;

- альтернатива: термин «природные дары» подчёркивает, что природа – это не просто ресурс, а самостоятельная ценность, которую нужно уважать и беречь.

2. *«Освоение природы» – «взаимодействие с природой»:*

- критика: «освоение природы» подразумевает, что человек должен подчинить себе природу, что отражает доминирующую роль человека в экосистеме;

- альтернатива: термин «взаимодействие с природой» подчёркивает равноправные отношения между человеком и окружающей средой, где природа не является объектом эксплуатации.

3. *«Покорение природы» – «гармония с природой»:*

- критика: «покорение природы» отражает антропоцентрический взгляд, при котором природа рассматривается как враг, которого нужно победить;

- альтернатива: термин «гармония с природой» подчёркивает необходимость сосуществования человека и природы на равных условиях.

Языковое разнообразие является одной из ключевых тем эколоингвистики, поскольку языки не только отражают культурные и экологические знания, но и формируют уникальные

способы взаимодействия человека с окружающей средой. Каждый язык представляет собой сложную систему, которая кодирует опыт и мировоззрение его носителей, включая их отношение к природе. Однако в условиях глобализации и доминирования крупных языков языковое разнообразие находится под угрозой, что влечёт за собой потерю не только культурного, но и экологического наследия [1]. Языки коренных народов часто содержат уникальные термины и концепции, которые описывают взаимодействие с природой. Например:

- в языке народа хайда (Канада) существует множество терминов для описания различных состояний воды, что отражает их глубокую связь с морской экосистемой;
- в языке аймара (Южная Америка) есть понятие *suta qatasa*, которое переводится как «жить в гармонии с природой» и отражает эоцентрическое мировоззрение;
- языки народов Сибири, такие как эвенкийский, содержат подробные описания поведения животных и природных явлений, что помогает им выживать в суровых климатических условиях.

Эти знания, закодированные в языках, могут быть полезны для современных экологов и учёных, занимающихся вопросами устойчивого развития. Однако, по данным ЮНЕСКО, из 7000 языков мира 40% находятся под угрозой исчезновения, и каждые две недели исчезает один язык [6]. Это не только культурная, но и экологическая потеря, поскольку исчезают уникальные способы взаимодействия с природой.

Практическое применение эолингвистики. Эолингвистика используется в образовании, политике и СМИ для формирования экологического сознания. В России эолингвистика находит своё применение в различных сферах, включая образование, сохранение языкового разнообразия, экологические кампании. Россия является домом для множества коренных народов, чьи языки и культуры находятся под угрозой исчезновения. В последние годы были предприняты шаги для интеграции языков и экологических знаний коренных народов в образовательные программы. В школах Ямала внедрены программы, где дети изучают ненецкий язык вместе с традиционными экологическими знаниями. Например, школьники учатся описывать природу тундры, используя термины из ненецкого языка, которые отражают тонкие взаимодействия в экосистеме. Это помогает сохранить как язык, так и уникальные экологические знания. Россия активно участвует в международных инициативах, направленных на сохранение языкового и биологического разнообразия. В рамках Арктического совета Россия сотрудничает с другими странами для сохранения языков и экологических знаний коренных народов Арктики.

Так же эолингвистика используется в экологических кампаниях и медиа для повышения осведомлённости о проблемах окружающей среды. В рамках кампании по защите озера Байкал активно используется язык, который подчёркивает ценность природы. Например, вместо термина «загрязнение воды» используется «насилие над Байкалом», что помогает привлечь внимание к проблеме и вызвать эмоциональный отклик у аудитории.

Эолингвистика предлагает новый взгляд на роль языка в экологическом кризисе. Она показывает, что язык — это не просто инструмент коммуникации, но и мощный фактор, который формирует наше отношение к природе. Сохранение языкового разнообразия, переосмысление экологического дискурса и интеграция эолингвистики в образование — это важные шаги на пути к устойчивому развитию. Практическое применение эолингвистики показывает, что язык является мощным инструментом для решения экологических проблем и сохранения культурного наследия. В условиях глобальных вызовов эолингвистика становится всё более актуальной, предлагая новые подходы к взаимодействию человека и природы.

Список использованных источников

1. Молодкин, А. М. О некоторых эолингвистических подходах к исследованию вопросов языковых контактов и языковой эволюции / А. М. Молодкин, С. Ю. Максимов //

- Эколингвистика: теория, проблемы, методы : межвузовский сборник научных трудов. – Саратов : Научная книга, 2003. – 329 с.
2. Нечипоренко, В. Ф. Лингвофилософские основы эколингвистики / В. Ф. Нечипоренко. – Калуга : Калужская облорганизация Союза журналистов России, 1998. – 210 с.
3. Нурушева, Д. А. Эколингвистика как раздел языкознания / Д. А. Нурушева // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 5-4. – С. 890–893.
4. Отчет о климатическом кризисе / Гринпис Интернэшнл [сайт]. – Канада, 2021. – URL: <https://www.greenpeace.org> (дата обращения: 03.03.2025).
5. Полухин, А. А. Современное языкознание и экологическое мышление / А. А. Полухин // *Сборник научных работ преподавателей и студентов факультета филологии : научное издание / сост. Н. М. Дмитрова*. – Санкт-Петербург : РИО ГПА, 2009. – С.65–73.
6. ЮНЕСКО. Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения [сайт]. – Франция, 2023. – URL: <https://unesco.org> (дата обращения: 03.03.2025).
7. Haarmann, H. *Language in Its Cultural Embedding: Explorations in the Relativity of Signs and Sign Systems* / H. Haarmann. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1990.
8. Haugen, E. *The Ecology of Language* / E. Haugen, A. Muhlhausler // *The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment*. – London ; New York, 2001.
9. Voegilin, C. F. *Languages of the world: Native America Fascicle One* / C. F. Voegilin, F. M. Voegilin // *Anthropological Linguistics*. – 1964.

УДК 81'42

APPLICATION OF NARRATIVE ANALYSIS MODEL TO REPORTAGE-LIKE TEXTS IN THE REGIONAL PRESS (USING THE EXAMPLE OF THE NEWSPAPER KRYMSKAYA PRAVDA)

T. G. Chernyshova¹, D. Y. Sechin², K. V. Markelov³,

¹*PhD in Pedagogical Sciences, docent, the Department of Theory of Language, Literature and Sociolinguistics, Institute of Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

²*Postgraduate student, the Department of Journalism, Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

³*PhD in Political Sciences, professor, the Department of Journalism, Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения модели нарративного анализа печатных репортажей, предложенной шведским исследователем Сесилией Ааре для анализа текстов региональной прессы. В фокусе исследования находятся три текста, опубликованные в газете «Крымская правда» осенью 2024 года, которые имеют черты портретных очерков и портретных интервью. Анализируется соответствие данных текстов критериям репортажа по Ааре. Рассматривается возможность использования методологии для выделения нарративных стратегий, таких как эмпатия и симпатия/сострадание, а также повествовательная перспектива (повествующее «я» и переживающее «я»), консонанс и диссонанс. Результаты показывают, что методология Ааре является перспективной для изучения других ее элементов в будущих исследованиях.

Ключевые слова: нарративный анализ, репортаж, портретный очерк, портретное интервью, региональная пресса.

Summary. The article examines the possibility of applying the narrative analysis model for print reportages, proposed by the Swedish researcher Cecilia Aare, to the analysis

of regional press texts. The focus of the study is on three texts published in the newspaper *Krymskaya Pravda* in the autumn of 2024, which have properties of portrait essays and portrait interviews. The analysis examines the conformity of these texts to Aare's criteria for reportage. The potential of using this methodology to identify narrative strategies such as empathy and sympathy/compassion, as well as narrative perspective (narrating self and experiencing self), consonance, and dissonance is considered. The results of the study indicate that Aare's methodology is promising for exploring its other elements in future research.

Key words: narrative analysis, reportage, portrait essay, portrait interview, regional press.

In the XX–XXI centuries, tools for narrative analysis of fiction were developed that also proved useful for studying texts in the media [e.g. 2; 3]. Cecilia Aare, a Swedish researcher, PhD and associate professor at Södertörn University, proposes her own model for narrative analysis of print reportages. In this model, reportages are distinguished from news articles in the common pool of printed journalistic texts [5, p. 3]. Aare interprets the term «reportage» as “any text that has been written with a journalistic purpose and that is told in whole or in part in a narrative form with scenic elements” [5, p. 9]. By journalistic purpose is meant a clear statement of its journalistic, that is, non-fictional, nature. Scenic elements are characterized by a specific, mimetic form of presentation, which is stronger the more it reflects the thoughts and feelings of the character, and is contrasted with the diegetic (informative) form in which news materials are written. Narrative implies that “events are not reported as completed but as ongoing” [5, p. 10]. In deciphering this definition of narrativity, Aare includes in it, on the one hand, any journalistic text with a sequential narrative in the present tense, and on the other hand, which is not stated explicitly, but can be inferred from the context, a text in the past tense, describing sequential events with a focus on the current moment of description [4, pp. 680–692].

Journalistic texts that have properties of portrait essay and portrait interview, as described by Elena Zelenina [1, pp. 40–43], are found in regional press and are of interest for research as representing individuals. It seems appropriate to explore the possibility of applying Aare's methodology to analyze such texts. For the purposes of this study, three texts from the regional newspaper *Krymskaya Pravda*, published in the autumn of 2024, were selected: «Послание человечеству Алемдара Караманова» (September 10), «Родом из детства» (November 12), «Светлана Светличная. Женщина без возраста» (November 23). These texts can be classified as portrait essays with the caveat of their length (about 1000 words), with the first and third ones containing elements of an interview. Can they be categorized as reportages according to Aare? The journalistic purpose is indicated by their publication in the newspaper, and scenic elements are present in all texts:

(1) *Стены родного дома вылечили его душу, и она снова запела.*

(2) *И братик родился, Юра, – они все были счастливы, дружная семья, замечательные дети, любящие и ласковые взрослые.*

(3) *Мечтала сняться в фильме по собственной новелле с трогательным сюжетом о том, как влюбленные в молодости люди, разминувшиеся по жизни, нашли друг друга через 50 лет.*

However, the question of conformity to narrative form in Aare's understanding is complex. All texts are written in the past tense. Although the first and second texts are primarily chronological in their narrative; specific moments are minimally detailed and separated by large intervals of time. The third text is chaotic in this sense. Despite this inconsistency, they do not follow the inverted pyramid model typical of a classic news article, where events are described from the most to the least important [5, p. 7, footnote]. Additionally, the texts extensively use various literary devices that are not typical for news articles. Thus, the genre of the texts does not fully correspond to Aare's definition of

reportage, but, more importantly, they are definitely *not* news articles, so it seems appropriate to apply some elements of the proposed methodology.

Aare distinguishes between narrative empathy and narrative sympathy/compassion, where the former refers to “narrative constructions that invite the reader to empathize with the characters of the text, primarily by sharing their deictic centre”, while the latter refers to “narrative constructions where the narrator or the experiencing reporter explicitly expresses compassion or sympathy with some of the (other) characters, or where the direction of the text implicitly conveys compassion or sympathy” [5, p. 285]. The first text offers both options:

(1) – ...*Я буквально растворялся в музыке. Она вытекала из меня, как ртуть из пробирки. Это опустошало, истощало физически, а ещё больше душевно. Показалось, что талант покинул меня. Я чувствовал, что прежней музыки уже не будет...* – Empathy expressed in the character’s direct speech, that is, from his deictic centre.

(2) *Его имя носит симферопольская музыкальная школа № 2, с коллективом и учащимися которой его связывала многолетняя творческая дружба, а неподалеку до сих пор, **увы**, стоит закладной камень на месте, где планируется установить памятник композитору.* – The author clearly expresses his own feelings through the interjection.

Similar examples of usage are found in the second (and also third) text:

(1) *Ольга Бурмак оказалась в семье сестры, веря, что её родные ангелы-хранители не оставляют, зная, что во имя их памяти должна стать нужной людям, заботливой, доброй, человечной.* – Narrative sympathy is expressed through complement clauses.

(2) *«Не удалось повоевать», это когда на тряской полуторке, под бомбёжками и обстрелами, приходилось маневрировать и мчать, по возможности, чтобы скорее груз доставить к самолётам: патроны, фугасные авиабомбы, ампулы с зажигательной смесью. Попадёт шальной осколок или пуля в кузов...* – In this example, the author expresses the opinion that the character has downplayed his merits, thereby expressing compassion and sympathy.

A useful tool for differentiation can be the narrative perspective, divided into the narrating self, where the author does not influence the events in the text, even when present at the scene, and the experiencing self, which implies the direct participation of the narrator [4, pp. 680–685]. The second text does not in any way imply the participation of the author; the reader understands that it was written on the basis of work with archives and/or witness data. The first text has a clear presence of the narrator at certain points, but he only asks questions and does not influence the answers or other events in any way:

(1) *На мой наивный вопрос, что для него музыка, Алемдар Сабитович ответил: – Всепроницающее, всеобъемлющее средство общения людей друг с другом и Богом.*

At the same time, the third text contains examples of elements with the experiencing self:

(1) *Услышав в кулуарах после одной из творческих встреч в Симферополе от одной из зрительниц – «рисуется Светличная, не скрывая свой возраст», в начале нашего разговора с актрисой [я] поинтересовалась: «Не бравада ли это?»* – The journalist, under the influence of the described circumstances, asks a natural question.

(2) *С радостью откликнувшись на приглашение приехать в Крым в рамках проекта «Товарищ кино», призналась...* – The author directly influences the character’s behavior.

For the experiencing self, the concepts of consonance and dissonance are also relevant. In the first case, the narrator does not question or criticize himself-the experiencing one, which happens with dissonance [4, p. 680]. In the third text, therefore, only consonant narrative is present.

The conducted research demonstrates that Cecilia Aare's model of narrative analysis, developed for print reportages, has potential for adaptation to the analysis of portrait essays and portrait interviews in the regional press. The texts selected for analysis meet two of Aare's three key criteria for reportage: they have a journalistic purpose and include scenic elements. Although the narrative structure (the third criterion) does not fully correspond to Aare's definition, their distinct difference from news articles allows for the consideration of applying this methodology to them. Identifying narrative strategies such as empathy and sympathy/compassion, as well as the division into the narrating self and the experiencing self (with consonant or dissonant narration), allows for a deeper understanding of the structure and emotional focus of the texts. In future research, it seems promising to consider other elements of Aare's methodology for analyzing regional press texts focused on representation of individuals.

References

1. Зеленина, Е. В. «Портрет героя»: ценностно-смысловые и творческие аспекты / Е. В. Зеленина // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 2. – С. 33–52.
2. Качанов, Д. Г. Нарративный анализ как метод исследования традиционных и мультимедийных журналистских произведений / Д. Г. Качанов // Медиаскоп. – 2020. – № 2. – С. 5.
3. Милюкова, А. Г. Нарративный анализ медиадискурса специального события (на примере алтайского краевого литературного фестиваля Роберта Рождественского) / А. Г. Милюкова // Litera. – 2021. – № 1. – С. 74–83.
4. Aare, C. A Narratological Investigation of Eyewitness Reporting: how a journalistic mission affects narrative structures of the text / C. Aare // Brazilian Journalism Research. – 2018. – № 14 (3). – P. 676–699.
5. Aare, C. Reportaget som berättelse. En narratologisk undersökning av reportagegenren : PhD dissertation / Aare Cecilia. – Stockholm, 2021. – 301 p.

УДК 81.119

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГИПОТЕЗЫ СЕПИРА-УОРФА В КАРНАВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Т. Г. Чернышова¹, М. В. Сидор²,

¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²аспирант кафедры философии, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Целью данной работы стало определение предметных оснований гипотезы лингвистического релятивизма, фундирующегося на современных формах карнавальной культуры. Основным методом исследования был использован герменевтический. Изучение было проведено на основании таких концептов карнавальной культуры как «перевоплощение» и «маска». В ходе работы установили, что введение феномена «травести», как профессионализмов в современный дискурс, продемонстрировало способность современного человека к сопереживанию относительно опыта другого. Подобный результат достигается благодаря точному соблюдению семиотических норм передачи информации. В свою очередь «маска» используется для анонимизации человека в интернете и свободному лингвокультурологическому обмену. Следовательно, изменение использования языка в

общественном дискурсе способно не только отражать реальность, но и оказывать на неё непосредственное влияние.

Ключевые слова: лингвистический релятивизм, карнавальная культура, гипотеза Сепира-Уорфа, перевоплощение, маска, травести, анонимизация.

Summary. The purpose of this work is to determine the subject bases of the hypothesis of linguistic relativism based on modern forms of carnival culture. The main research method used is hermeneutical. The study is based on such concepts of carnival culture as 'impersonation' and 'mask'. In the course of the work, it has been established that the introduction of the phenomenon of 'travesti' as professionalisms into discourse, demonstrates the ability of a modern person to empathize with the experience of another. A similar result is achieved due to the strict observance of the semiotic norms of information transmission. In turn, the 'mask' is used to anonymize a person on the Internet and free linguistic and cultural exchange. Consequently, changing the use of language in public discourse can not only reflect reality, but also have a direct impact on it.

Key words: linguistic relativism, carnival culture, the Sapir-Whorf hypothesis, impersonation, mask, travesti, anonymization.

В рамках данного исследования проводится изучение лингвокультурологического влияния карнавальной культуры на картину восприятия мира. Прикладная функция данного феномена определяется через его семиотическую призму. Подобный междисциплинарный подход вызван «лингвистическим поворотом» в философии XX в. Одним из наиболее известных направлений данного процесса являются теории лингвистического детерминизма и релятивизма или, как её обычно называют в среде языковедов: «гипотеза Сепира-Уорфа». Ряд таких учёных как Ноам Хомский, Стивен Пинкер [6], Эрик Леннеберг и Роджер Браун [9] ставили под сомнения доказательную базу влияния структуры языка на мышление. Тем не менее, философская мысль С. Н. Булгакова и А. Ф. Лосева [5] настаивала на обратном. С позиций современных междисциплинарных исследований философии и лингвистики, при условии существования противоречий на отдельные основания идей Э. Сепира и Б. Уорфа, язык представляет собой «зеркало реальности». В нём находят «отражение» разные лингвокультурные аспекты. Одними из таких является карнавальная культура. Данный феномен предоставляет предметные основания в пользу лингвистического релятивизма.

Гипотеза Сепира-Уорфа является одной из наиболее известных в области исследований межкультурной коммуникации. Данная концепция по своей сути продолжает идею лингвистического релятивизма (относительности) Вильгельма Гумбольдта [10]. Считаю важным отметить, что сама гипотеза не относится к лингвистическому детерминизму. Если обозначить основные различия между детерминизмом и релятивизмом, то в первом случае речь будет идти о предопределённости идей, которые отражаются через тот или иной язык. Если раскрыть идею относительности, то здесь речь будет идти о разности способов описания окружения.

Карнавал в современном обществе играет важную роль как форма социальной организации, основанная на веселье и игре. Он помогает снять запрет на критику, позволяя людям выражать свое отношение к происходящему через тело. Карнавал освобождает от старых предрассудков, превращая агрессию в игру и способствуя примирению между обидчиком и жертвой. В открытой атмосфере карнавала люди могут наслаждаться своей природой и наблюдать комический процесс смены ролей «верха» и «низа» [2, с. 53–54]. Это событие демонстрирует человеческое стремление к творчеству и общению, а также отражает несовершенство, новаторство и готовность открыться другим. Важно, чтобы в процессе карнавала участвовали и лидеры, которые «спускаются с пьедесталов» и, надевая маски, становятся объектом насмешек со

стороны своих подчинённых. Это помогает им понять вечный цикл власти, где каждый, независимо от своего положения, рано или поздно теряет влияние и оказывается беспомощным.

Карнавальная культура является «сборником» образов, характерных для определённых лингвокультур. Изучая оные можно проследить какие вопросы будут актуальны для разных народов. Прежде чем говорить о карнавальной культуре, важно отметить дихотомию языка как феномена. На это указывал и сам М. М. Бахтин в исследованиях творчества Фёдора Михайловича Достоевского: «слово <...> имеет двоякое направление – и на предмет речи как обычное слово и на другое слово, на чужую речь» [1, с. 207]. Язык представляет собой инструмент, который используют для дескрипции, но при этом именно то через какие образы и концепты информация обрабатывается (кодируется (отправителем) и декодируется (реципиентом)) становится важным при формировании общей картины мира.

Некоторые карнавальные ритуалы в семиотике современной культуры демонстрируют тенденции развития общества как такового. Одним из наиболее ярких примеров можно назвать травести-актрис, исполняющих роль мальчиков в кинокартинах, а также при дубляже соответствующих ролей. Речь идёт не только о детских, но и подростковых ролях.

Самый яркий пример – 37-летняя Янина Жеймо, сыгравшая Золушку в одноименном фильме. Точный возраст сказочной героини неизвестен, но, по-видимому, ей было 16-17 лет, примерно того же возраста, что и дочь актрисы на момент съемок. Одной из причин подобного подхода является то, что на съемочной площадке окончательное изображение может быть получено благодаря съемке нескольких дублей, в то время как на сцене исполнитель полностью находится в поле зрения аудитории. Его движения, эмоции и голос должны быть безукоризненными. Неточности или ошибки будут сразу замечены зрителями. Природного таланта на сцене недостаточно, требуется профессионализм. Это достигается за счет интенсивного обучения на актерских факультетах и театрального опыта. Ни один ребенок, каким бы талантливым он ни был, не может выходить на сцену каждый день и перманентно показывать качественный результат на каждом выступлении. Есть и исключительно организационный аспект. Молодые артисты понимают, что физически они не смогут выступать на сцене каждый вечер. Профессиональный театр со взрослыми актёрами, безусловно, привлекает детских актеров, но большинство из них легко заменяются второстепенными ролями. Однако взрослым артистам приходилось играть детские роли как девочек, так и мальчиков. Кроме того, в большинстве случаев они были актрисами. Травести, что означает «переодетый» или «воплощённый» по-французски, впервые появился в XX веке [3, с. 69]. Изначально их называли актёрами, сыгравшими женскую роль, а также актрисами с мужским образом. Сегодня в театре «травести» называют взрослых актрис, играющих роль детей и подростков в образе девочек и, прежде всего, мужчин. Однако не все женщины, получившие театральное образование, способны играть персонажей намного моложе и другого пола, чем они сами. Для правдоподобности травести должна быть маленького роста и худощавого телосложения. Она должна двигаться, как ребенок. Травести-актрисе очень важно полностью перевоплотиться мальчиком, чтобы публика не чувствовала подделки. Так, например, Алиса Фрейндлих играла в детских образах на сцене в течение нескольких сезонов. Её роли были положительно встречены критиками и публикой.

Привлекательный подросток с 1980-х годов, который пьёт Coca-Cola, носит джинсы и катается на скейтборде – герой легендарной трилогии Роберта Земекиса «Назад в будущее». Марти Макфлау в первой части было 17 лет, но на момент выхода последнего фильма разница между фактическим возрастом самого актёра и возрастом его персонажа составляла более 10 лет. В 29 лет Майкл Джей Фокс выглядел ещё

достаточно молодо и непринуждённо. Одним из самых ярких перевоплощений стоит назвать роль Барбары Стрейзандт. В фильме актриса сыграла 17-летнюю еврейскую девушку, которая, чтобы получить качественное образование, вынуждена одеваться и вести себя как мальчишка. На момент съёмок Барбаре Стрейзанд был 41 год. Пять номинаций на Оскар свидетельствуют о том, насколько знаковой была данная роль.

Все перечисленные примеры демонстрируют нам способность карнавальной культуры обличать актуальные тенденции в современном обществе. Как только в семиотике массовой культуры появляются подобные образы, открываются новые способы взаимного восприятия между детьми и взрослыми, а также между мужчинами и женщинами (если речь идёт о мужских ролях, сыгранных женщинами и наоборот). В общественном дискурсе всё больше внимания уделяется вопросу о взаимоотношениях. В угоду реализму, актёры полностью погружаются в своих персонажей, заново проживая забытый опыт детского бытия. В свою очередь это оказывает влияние на массового зрителя, который во время просмотра также возвращается к своему прошлому и начинает лучше понимать детей, выстраивать более гуманную коммуникацию с ними. Кроме того, использование слова «травести» как профессионализма помогает избавиться от лишних предрассудков в отношении данного феномена и сократить социальную дистанцию между полами и поколениями. Данный элемент карнавальной культуры является важным в развитии современной семиотики, способным оказывать влияние на восприятие окружающего мира.

Другим способом воздействия исследуемой знаковой системы на реальность являются форумы в сети Интернет. В контексте Всемирной паутины, форум – объединение единомышленников по темам, где каждый участник может свободно высказывать своё мнение по актуальной для данного дискурса теме. Лексикон форума пополняется новыми значениями, которые в настоящее время соответствуют общественному мнению. Мы не должны забывать, что дискуссии на форуме постепенно формируют и влияют на общественное мнение. Языковые инновации, возникающие в процессе общения, иногда находят широкое применение даже за пределами форума. Эмоциональная окраска общения через сленг, метафоры и юмор делает его более наполненным и привлекательным для участников дискуссий [8].

Как феномен форум перенимает у карнавальной культуры использование масок для анонимизации и уравнивания всех, кто задействован в обсуждении. Анонимность онлайн-форумов дает пользователям свободу в выражении своих мыслей и чувств, что способствует появлению новых и креативных языковых форм. Это создает уникальную атмосферу, где развиваются новые слова и фразы, а смешение разных языков и диалектов помогает укреплять культурную идентичность форума. Обмен опытом между людьми из разных регионов порождает интересные выражения и фразы, а местные диалекты легко интегрируются в общий язык, создавая гибридное общение. Важным также является влияние мемов, трендов и интернет-культуры на язык форума, так как они вводят новые термины в повседневную речь молодежи [7]. Язык форума отражает не только культурные изменения, но и технологические, создавая живое и активное поле для коммуникации. Общее влияние разных культур друг на друга, а также анонимность пользователей способствуют возникновению новых лингвистических единиц. Форумы становятся платформами, где люди разных возрастов и взглядов могут взаимодействовать, а смешение языков помогает формировать новые формы социальной идентичности. Используя выражения, характерные для их региона, участники не только укрепляют связь с родным местом, но и становятся частью глобального виртуального сообщества, где язык служит символом разнообразия культур.

Таким образом, на примерах использования таких форм карнавальной культуры как «перевоплощение» и «маска» мы видим, что использование их семиотических

особенностей способно влиять не только на структуру языка, но и менять восприятие мира. Благодаря гибкости семиотических форм и новизне применения, данные конструкторы дают новые возможности для описания и изучения окружающей среды, а также межличностной коммуникации.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва : Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.
2. Бахтин, М. М. Франсуа Рабле в истории реализма / М. М. Бахтин // Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 1120 с.
3. Геннеп, А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. Геннеп ; пер. с франц. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» ; РАН, 1999. – 198 с.
4. Литвинцева, Г. Ю. Смеховая культура Средневековья и антимир российского постмодернизма / Г. Ю. Литвинцева // Обсерватория культуры. – 2014. – № 4. – С. 42–49.
5. Лосев, А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев // Философские технологии. – Москва : Академический проспект, 2009. – 300 с.
6. Пинкер, С. Язык как инстинкт / С. Пинкер. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2024. – 562 с.
7. Подполянская, О. Ю. Сообщение на интернет-форумах как аутентичные тексты (на материале немецкого языка) / О. Ю. Подполянская // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Тверь, 2019. – № 43. – С. 202–208.
8. Усачёва, О. Ю. Опыт жанрового описания коммуникации, осуществляемого в формате русскоязычного интернет-форума / О. Ю. Усачёва // Вестник центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – Москва, 2021. – № 4. – С. 25–31.
9. Brown, R. A study in language and cognition / R. Brown, E. H. Lenneberg. – Harvard University, 1954. – P. 454–462.
10. Ibbotson, P. Evidence Rebutts Chomsky's Theory of Language Learning [Electronic Resource] / P. Ibbotson, M. Tomasello // Scientific American. – 2016. – Access mode: <https://www.scientificamerican.com/article/evidence-rebutts-chomsky-s-theory-of-language-learning/>. (Access date: 04.03.2025).
11. Sapir, E. Selected writings of Edward Sapir in language, culture, and personality / E. Sapir. – Berkeley : University of California Press, 1949. – 642 p.
12. Whorf, B. L. Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf / B. L. Whorf. – Cambridge : Massachusetts Institute of Technology Press, 1956. – 302 p.

УДК 81.343.985.2

METHODS OF SPEECH INFLUENCE DURING THE PROCESS OF INQUIRY JUVENILES

A. N. Shimanovivh,

*PhD in Philology, docent, the Department of Theory of Language, Literature and Sociolinguistics, Institute of Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

Аннотация. В современном обществе проблема преступности среди несовершеннолетних остаётся одной из наиболее актуальных и социально значимых. В связи с этим, правоохранительные органы должны уделять особое внимание процессу дознания и использовать различные методы и средства для обеспечения эффективной

работы с несовершеннолетними подозреваемыми. Одним из таких средств является использование речевых средств воздействия. Исследование основных способов речевого воздействия с учетом достижений смежных наук, таких как психология и лингвистика, способствует установлению объективной истины по уголовному делу и преодолению защитных барьеров, устанавливаемых допрашиваемым при проведении процесса дознания. Использование данных способов при допросе подозреваемых позволяет расширить арсенал приемов следственных работников и склонить допрашиваемых к даче правдивых показаний по уголовным делам.

Ключевые слова: допрос, подозреваемый, речевое воздействие, манипуляция, приемы убеждения, психология, несовершеннолетний.

Summary. Speech manipulation makes it possible to use effectively the achievements of the adjacent sciences such as psychology and linguistics for establishing the objective truth on a criminal case and overcoming defense barriers built by the interrogated in interrogation. Linguistic methods of persuasion employed for interrogating the suspect (juvenile) contribute to the extended range of the investigators' methods and persuasion of the interrogated to give truthful testimony on criminal cases. The article is aimed at exploring the most productive methods of linguistic persuasion, which can be applied in order to influence the juvenile under investigation for positive result in interrogating.

Key words: inquiry, suspect, linguistic persuasion, manipulation, persuasive techniques, psychology, juvenile.

Introduction. Methods of speech influence are a set of techniques and methods that allow to affect the perception of information by a juvenile suspect. They can be used to establish contact, create a trusting atmosphere, as well as to convey information in an accessible and understandable form.

However, despite the importance of using verbal means of influence during the inquiry of juveniles, there are some problems and limitations associated with their use. First, it is necessary to take into account the age characteristics and the level of development of the suspect. Secondly, ethical and legal norms should be observed in order to prevent violations of the rights and interests of juveniles.

Thus, the **relevance** of this topic is due to the need to develop and apply effective methods and tools aimed at improving the effectiveness of the inquiry process involving juvenile suspects.

The purpose of this study is to explore and analyze the use of speech means of influence during the inquiry of juveniles.

The object of the study is the verbal methods of influence used during the of inquiry juveniles. **The subject** of the study is the process of using these tools and its impact on the effectiveness of the inquiry.

To achieve the set goals and objectives, the following **methods** are exploited: the method of comparative analysis, generalization and systematization of the data obtained and analysis of the scientific literature.

There has long been a debate in criminology about the legality of using various methods of influencing a suspect (accused) in order to extract truthful testimony. This does not mean the use of physical or mental measures, but the so-called psychological traps, the use of various methods based on concealing part of the truth, misleading the interrogated. In modern conditions, an increasing number of scientists are inclined to believe that "persuasion is the only acceptable method of psychological influence" [1]. Without detracting from the advantages of this method, it should be noted that persuasion does not always achieve the goals of obtaining objective information from persons involved in a crime, since in the preparation of future investigative staff, only those scientific achievements that are traditionally considered necessary for the performance of professional duties are studied. Meanwhile, in related fields of knowledge, an arsenal of techniques has been developed that

can significantly facilitate the work of lawyers to obtain evidence. In particular, linguistics has developed an integrated system of ways to influence a person, which can change the psychological state of the interrogated person, encouraging him/her to contact the person investigating the criminal case, and subsequently persuade him/her to truthfully describe the events in which he took part. This branch of linguistics is called “speech impact (influence)”.

The methods and techniques created in this section should be used in conflict interrogations of persons suspected of committing crimes. Interrogation can be defined as an investigative action conducted by authorized persons in accordance with the procedure established by law, aimed at obtaining information related to a criminal case through verbal communication with a suspect, accused and other persons. During the interrogation process, the suspect and the accused often take a negative position, deny their guilt, and give false testimony or refuse to testify at all, resulting in a conflict situation. In this case, the investigator must first take measures to establish psychological contact with the interrogated person and find out his motives.

The methods of speech influence are aimed at the implicit, hidden motivation of the addressee to perform certain actions; at the hidden introduction into his/her consciousness of desires, attitudes, attitudes serving the interests of the sender of the message, which do not necessarily coincide with the interests of the addressee and are used to establish psychological contact [2].

The essence of speech means of influence lies in their ability to influence a person’s cognitive processes, emotions and motivation. They can cause certain reactions, such as agreement, disagreement, interest, surprise, etc., which makes it possible to manage the recipient’s behavior effectively. It is important to note that speech means of influence are not always manipulative. They can also be used to convey information, teach, entertain, not to mention other purposes that do not involve imposing a particular point of view or behavior. However, in some cases, speech means of influence can become a tool of manipulation.

To understand the need to study and use methods of speech influence during interrogations, one should refer to the definition of speech influence techniques. The definition proposed by E. V. Shelestyuk seems to be the most successful: “Methods of speech influence are specific psychological, speech and semiotic actions on the part of the influencing subject, single or combined, aimed at achieving his/her goals (i.e. at the realization of certain illocutionary forces)” [4, p. 70–71].

It follows from the above definition that we are talking about manipulation as a form of psychological influence in which the manipulator’s skill is used to covertly introduce goals, desires, intentions, attitudes or attitudes into the addressee’s psyche that do not coincide with those that the addressee currently has [3].

The main characteristics of linguistic means of influence include:

- a) orientation (language tools can be focused on achieving specific goals, such as persuasion, manipulation, attracting attention, etc.);
- b) effectiveness (language tools should be effective in achieving their goals, that is, they should elicit the desired reactions from the audience);
- c) adaptability (language tools must adapt to different contexts and audiences to ensure maximum effectiveness). In legal practice, in particular when conducting inquiries of juveniles, the use of linguistic means of influence should be strictly regulated and comply with ethical standards. This is necessary in order to ensure the objectivity of the investigation and to prevent violations of the rights and interests of the participants in the process.

In the context of the interrogation of juveniles, the means used help to make speech more understandable and accessible to minors. This can help to create a trusting atmosphere and get more accurate and sincere answers. However, it is necessary to take into account the age characteristics and the level of development of the minors, so as not to complicate the understanding of information.

When interrogating juveniles, it is important to use verbal means of influence that facilitate to establish contact with the teenager and create a trusting atmosphere. It is important to remember that when conducting an interrogation, it is necessary to observe ethical norms and rules, as well as ensure the protection of the rights and interests of a minor. Considering the tactical features of the interrogation of a juvenile suspect (accused), it is necessary to pay attention to what constitutes an interrogation in accordance with the criminal procedure legislation.

During the interrogation, the investigator or the inquirer asks the person about the facts relevant to the criminal case, uses various tactics. Most of the interrogations take place in a conflict situation, i.e. a confrontation between the official conducting the interrogation and the interrogated person. The peculiarities of the interrogation of juveniles are the peculiarities of their psychological development, which must be taken into account when choosing interrogation tactics. Thus, such features include a limited range of knowledge, minimal life experience, lack of professional knowledge, unstable emotional state, weak critical thinking, bias in assessing one's behavior and the environment, an increased tendency to fantasize, etc. All these features must be taken into account when determining the tactics of interrogation.

The purpose of an interrogation, like any investigative action, is primarily of practical importance: it aims to achieve a specific and objectively possible result. It is impossible to express the purpose of the interrogation without using a linguistic unit – a word. The word as a unit of language establishes the concept of a unit of knowledge. The relationship of words and concepts does not mean that they are identical. Different words or combinations of them can be used to denote a single concept. In every language, there are rows of words to describe the same concepts. Polysemy of words often leads to confusion of concepts and, consequently, to errors, including in the norms of law (and in their implementation). Therefore, each area of human activity develops its own terminological system. The general legal purpose of the interrogation should be indicated by a term that relates to the general linguistic context and at the same time takes into account its specific legal orientation. This term should be understandable and accessible to the vast majority of the population, including juveniles.

Establishing psychological contact is an important stage of interaction with a minor, which helps to create a trusting atmosphere and obtain the necessary information. Language tools play a key role in this process. They help to establish contact, express understanding and support, and create a comfortable environment for communication.

Speech tools can be used to express understanding and support. For example, you can use phrases that express sympathy and concern: "I understand that it is difficult for you", "You are not alone", "We will help you". You can also ask questions that show an interest in the life of a teenager: "What are you interested in?", "What do you like to do in your free time?"

The following verbal tools can be used to create a calm and friendly environment during the interrogation:

- Simple and understandable questions. The questions should be formulated so that the teenager can easily understand their meaning. This will avoid misunderstandings and mistakes.
- Neutral tone. It is important to avoid an accusatory tone and aggressive behavior. This can cause a teenager to feel fear and distrust.
- The use of phrases that express support and understanding. This will help the teenager to feel more confident and calm.

E. V. Shelestyuk suggests the following classification of methods of speech influence:

1) "loyal" methods of influence: direct persuasion; adjustment of needs and motives, which includes the following techniques:

- targeting;

- compromise;
 - acceptance of growing demands (increased pressure);
 - proactive argumentation (seizing the initiative);
 - juxtaposition and comparison (providing an opportunity to make an informed choice);
- 2) techniques of manipulative persuasion and suggestion [4, p. 70].

For example, the use of the method of appealing to established stereotypes and archetypes is based on appealing to the basis of any personality raised in a certain social environment [3]. In the process of communicating with the interrogated, the investigator uses specific linguistic units, which trigger fixed associations, assessments and emotions in the interrogated. This method is based on the fact that the interviewee perceives the message through the prism of the stereotypes embedded in it and, under their influence, responds quickly without hesitation (for example, a mother is sacred; good must prevail, etc.).

When conducting an inquiry involving minors, it is important to follow certain rules and avoid typical mistakes that may lead to a violation of the rights and interests of the participants in the process.

1. Using complex terminology. The information should be clear to all participants in the inquiry, including the juvenile. If terms or concepts are used that are not familiar to the teenager, it is necessary to explain their meaning. This will help to avoid misunderstandings and misinterpretations of facts.
2. Overly emotional speech. Emotionality in speech may be perceived by a minor as pressure or an attempt to manipulate his/her opinion.
3. Incorrect treatment. The treatment of a minor must be respectful and appropriate to his age and status. The use of derogatory or insulting expressions is unacceptable.
4. Inappropriate humor or irony. Humor or irony may be misunderstood by minors and cause distrust or irritation.
5. Lack of empathy. During the inquiry process, it is necessary to show empathy for the minor in order to establish a trusting relationship and obtain the necessary information.
6. Non-compliance with ethical standards. The inquiry should be conducted in accordance with ethical standards and principles of respect for human rights. Any form of discrimination, violence, or humiliation is unacceptable.

Compliance with these rules will help ensure an effective and fair investigation involving a juvenile.

Thus, the successful application of speech influence techniques during interrogation to establish objective truth is possible only when studying the personality of the interrogated person. Before using speech influence techniques in practice, it is necessary to establish the opponent's cultural and educational level, determine his/her emotional state, and build a conversation in such a way that the methods of influencing the interrogated person are not only invisible to him/her, but also perceived by him/her as a normal course of conversation.

The ability to interrogate is still the main professional skill of an investigator, without which it is impossible to investigate any criminal case. In this regard, there is a need to use the tools of related sciences, in particular linguistics and psychology.

References

1. Бедризов, А. Г. Проблемы допустимости тактических приемов, используемых при допросе свидетелей / А. Г. Бедризов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – Вып. 9. – 2014. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-dopustimosti-takticheskikh-priemov-ispolzuemyh-pri-doprose-svideteley/viewer> (дата обращения: 06.03.2025).
2. Ковешникова, М. Н. Речевая манипуляция и приемы речевого манипулирования / М. Н. Ковешникова // Царскосельские чтения. – 2014. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/recheyaya-manipulyatsiya-i-priemy-rechevogo-manipulirovaniya> (дата обращения: 06.03.2025).

3. Сусликов, А. Н. Использование приемов речевого воздействия в процессе допроса подозреваемого и обвиняемого / А. Н. Сусликов // Научный вестник Омской академии МВД России. – № 4. – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-priemov-rechevogo-vozdeystviya-v-protsesse-doprosa-podozrevaemogo-i-obvinyaemogo/viewer> (дата обращения: 06.03.2025).

4. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : монография / Е. В. Шелестюк. – Москва : ФЛИНТА ; Наука, 2014. – 344 с.

МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 811.14

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НОМИНАЦИИ «ΣΠΙΤΙ» (ДОМ) В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАТЕКСТОВ)

С. С. Бурдыко,

*лаборант-исследователь кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данного исследования является выявление особенностей концептуализации номинации «σπίτι» новогреческом языке на материале медиатекстов. Рассматриваются исторические корни формирования концепта, этимология и значения номинации «σπίτι». Применение корпусного подхода позволило проследить особенности метафоризации, которые влияют на восприятие и использование данной номинации в греческой языковой картине мира.

Ключевые слова: концепт, медиатекст, концептуализация, семантическое значение, новогреческий язык.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-01227, <https://rscf.ru/project/23-78-01227/> «Лингвокогнитивный аспект вопроса этнической и национальной идентичности (на материале новогреческого языка)» в КФУ им. В. И. Вернадского.

Summary. The aim of this research is to identify the peculiarities of conceptualization of the nomination “σπίτι” in the Modern Greek language using media texts. The paper considers the historical roots of the concept formation, etymology and meanings of the nomination. The corpus approach allowed us to trace metaphorization that influence the perception and use of this nomination in the Greek linguistic picture of the world.

Key words: concept, media text, conceptualization, semantic meaning, Modern Greek language.

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (project No 23-78-01227, <https://rscf.ru/project/23-78-01227/>) and took place in V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Реализация номинации «дом» предполагает множество особенностей, связанных с историей, культурой, национальным характером, и как следствие, мышлением носителей греческого языка. Важно подчеркнуть, что дом выступает ключевым архетипом культуры и представляет собой универсальный пространственный ориентир для человека [5]. Концепция дома зарождается ещё в эпоху первобытности и символизирует появление культуры. Несмотря на то, что архетип дома является универсальным и не привязанным к конкретной нации, само понятие дома связано с дихотомией «свой – чужой» и таким образом дом воспринимается как

материализованное воплощение духовных, культурных и социальных ценностей и представлений определенного народа. Использование методов исследования концептуальной метафоры также помогает в полной мере отразить реализацию не только семантического значения, но и культурных символов. При этом важными областями-целями когнитивных метафор в греческой лингвокультуре, которые наиболее часто подвергаются метафоризации, являются прошлое, древность, наследие и история, а важной областью-источником – корабль (и морские метафоры в целом) [2; 3]. Материалом исследования послужили тексты СМИ из корпуса новогреческого языка (Corpus of Modern Greek) [9].

Для греков Дом имеет неоспоримую ценность и символизирует их обитаемый мир. Начало философского осмысления идеи дома, или ойкоса (в переводе с древнегреческого «дом»), связывают с именами Платона и Аристотеля [6, с. 340]. Важно понимать, что у греков конкретное понятие «дом» было синонимом «домохозяйства», хозяйства и семьи. Древнегреческое слово «οἶκος» относится к трем взаимосвязанным, но различным понятиям: семья, собственность семьи и дом [1, с. 31]. В настоящее время эта форма считается устаревшей и используется в основном для «высокого стиля». Основной номинацией, выражающей концепт дома, является «σπίτι», которая происходит от средневекового «ὀσπίτιον», в свою очередь, она берет начало в латинском языке (hospitium) [8, с. 1637]. Согласно словарю Й. Бабиньотиса [8, с. 1637]: «σπίτι» – имя существительное, основные значения которого включают: 1) здание, соответствующим образом устроенное (по площади и оснащению), чтобы в нем жили люди; 2) все люди, живущие в этом здании и обычно связанные родственными узами; 3) семейная жизнь; 4) внутреннее убранство дома, например, мебель, предметы домашнего обихода, и расходы на его эксплуатацию.

Особенностью концептуализации номинации «σπίτι» (дом) является возможность классификации, собранного нами материала медиатекстов на две основные группы. В первую группу вошло описание восприятие дома носителями греческого языка как объекта / места, вторую группу составили метафоры, имеющие абстрактное значения.

Дом в новогреческом языке воспринимается как: «место возвращения / место назначения / место, куда идут». Основу этого описания составляют глаголы со значениями идти «πηγαίνω», возвращаться «επιστρέφω», вести «φέρνω», например, «την είδε που τους αλοχαρέτησε και τράβηξε για το σπίτι της» (он видел, как она попрощалась с ними и ушла домой), «που είναι ντυμένα τρεις μάγοι πηγαίνουν από σπίτι σε σπίτι και τραγουδούν» (которые в костюмах трех фокусников ходят из дома в дом и поют), «να τον φέρει στο σπίτι της νύφης» (чтобы привести его в дом невесты). Такое восприятие дома отражает динамику жизни, где дом может быть местом, откуда человек уходит в поисках новых горизонтов, и куда он возвращается, когда ищет поддержку и покой.

Также дом описывается как пространство общения и взаимоотношений – «дом как место, куда приглашают», «дом как место, куда звонят» («είχε προσκαλέσει στο σπίτι της» – она пригласила к себе домой), так как гостеприимство характерно для греческой идентичности.

Восприятие дома как физического объекта, имеющего объективные характеристики, можно охарактеризовать следующим образом: «дом –видимый объект» («που φαίνεται στην ταβιά είναι το παλιό μου σπίτι» – в фильме показан мой старый дом), «дом – созданный объект» («που χρειάζονται για ένα νέο σπίτι» – необходимо для нового дома), «дом –расположенный где-то объект» («το σπίτι τους βρίσκεται εντός του δάσους» – их дом находится в лесу).

Также в эту категорию относится и восприятие дома как объекта, имеющего принадлежность: «дом – здание, принадлежащее кому-то» («το σπίτι του πραξικοπηματία

Στέλιου Παττακού στη Ν. Χαλκηδόνα κι άλλες» – дом путчиста Стелиоса Паттакоса в Н. Халкидоне и др.), где дом предстает в качестве имущества, имеющего материальную ценность.

В отдельную категорию можно выделить дом как место действия, например, «дом как место проведения праздника» («κάποιος που αποφασίζει να περάσει τις διακοπές στο σπίτι του» – тот, кто решил провести праздник дома), «дом как место экспериментов» («κούρεμα των μαλλιών (π. χ. πειραματισμοί στο σπίτι από μη επαγγελματικό χέρι)» – стрижки (например, эксперименты дома непрофессионалов) и «дом как место общения» («βιντεοκλήσεων και chat από το σπίτι» – видеозвонки и чат из дома). Для греков дом часто становится центром семейных и культурных празднований. Общение и времяпрепровождение играет ключевую роль в греческой культуре, способствуя формированию национальных ценностей и укреплению общественных связей. Особое место в концептуализации занимает «дом как место, где говорят на греческом» («οι γονείς μου στο σπίτι μιλούσαν μόνο ελληνικά» – мои родители говорили дома только по-гречески), что характерно для греков, стремящихся в любой ситуации сохранять свою идентичность и свой язык.

Вторая группа представлена метафорами, то есть абстрактным осмыслением номинации «σπίτι» (дом). С точки зрения когнитивной лингвистики, когнитивная метафора (согласно Дж. Лакоффу, М. Джонсону [4]), формирует и воспроизводит устойчивые соотношения между областью-источником и областью-целью, которые зафиксированы в лингвокультуре народа. Когнитивная метафора понимается как отражение национально-культурной специфики языкового сознания и ценностных ориентаций народа, к которым принадлежит человек. Когнитивный механизм метафоры включает в себя «ее структуру, модель и сам процесс метафоризации» [7, с. 163].

Понимание дома (σπίτι) как семьи («Дом – это семья») зафиксировано в словаре и часто фиксируется в медиатекстах: «δεν υπάρχει σπίτι που να μην έχει πληγεί από την ανεργία» – нет ни одного дома (то есть семьи), который не пострадал бы от безработицы. При этом древнегреческая лексема «οἶκος», как уже упоминалось ранее, также имела значения: «... семья, собственность семьи и дом».

Концептуальные метафоры отражают восприятие дома как культурной и духовной ценности. Основным и наиболее частотным является метафорическое пониманием дома как сосуда / вместилища: «Дом – это вместилище» (в основном на основе предлога «в»: «στο σπίτι» – в доме), что указывает на абстрактное понимание дома не просто как физического пространства, а места, в котором заключены эмоции, воспоминания и даже идентичность человека. «Дом – это опустевший сосуд» («να φεύγει και ν'αδειάζει το σπίτι» – уехать и освободить дом), так же подчеркивает взаимосвязь человека и места, где дом представлен как сосуд, утративший свое наполнение, то есть свое первоначальное значение и отражает потерю не столько физическую, сколько эмоциональную.

Иногда фиксируются символы, сопутствующие реализации концепта дома, как например, символ света: «дом как место, где горит свет» («στο σπίτι μέσα τα φώτα ήταν αναμμένα» – внутри дома горел свет) может трактоваться как 1) указание на гостеприимство и дружелюбие греков, особенно в свете их традиций гостеприимства; 2) свет в доме символизирует надежду на возвращение путника домой, тема «возвращение героя» широко распространена в греческой культуре.

Метафорическое представление дома как награды за труды / подвиг «Дом – это награда» («να αποκτήσει το σπίτι που του αξίζει» – чтобы получить дом, которого он заслуживает) ассоциативно близко с метафорой «Дом – это место счастья» («όταν όλα είναι σε τάξη, όλοι στο σπίτι είναι ικανοποιημένοι» – когда все в порядке, все в

доме счастливы), в полной мере подчеркивая важность дома как результата усилий и радость, связанную с достижением желаемого.

Современные реалии, несомненно, накладывают отпечаток на язык, как в виде неологизмов и расширения семантики, так и в контексте новых источников для метафоризации. В таких случаях дом выступает в качестве области-источника, например, метафора «Онлайн-игра – это дом» («αὐτό το διαδίκτυακό παιχνίδι το δεύτερο σπίτι» – эта онлайн игра второй дом), которая демонстрирует изменения в восприятии пространства и общества в эпоху цифровых технологий. Так, виртуальное пространство становится вторым домом для многих пользователей.

Таким образом, в новогреческом языке особенности концептуализации номинации «σπίτι» (дом) отражают восприятие греками дома и как физического объекта, и как концепта, выражающего национальные семейные ценности и культурное наследие. Номинация «σπίτι» участвует в процессах метафоризации, однако наиболее частотно ее употребление в прямом значении. Кроме того, изменения в современном обществе находят отражение в языковой и концептуальной картине мира, и в таких случаях «дом» часто выступает областью-источником для метафоризации.

Список использованных источников

1. Кирьянов, О. И. Греческий дом как космос: к истории интерьера античности / О. И. Кирьянов // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2019. – № 1-2. – С. 30–44.
2. Кожуховская, Ю. В. Лингвокультурная специфика когнитивных метафор мореплавания в греческом языковом сознании / Ю. В. Кожуховская // Язык, общество, культура : материалы VII Международной научно-практической филологической конференции / под ред. З. Р. Гиш, З. А. Фарамазян. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2024. – С. 39–45.
3. Кожуховская, Ю. В. Когнитивные метафоры прошлого, истории, наследия и древности в греческой языковой картине мира / Ю. В. Кожуховская, С. С. Бурдыко, Б. А. Крицкая // Cultural Heritage and Modern Technologies. – 2024. – № 2. – С. 154–166.
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Мороз, В. В. Концепт «Дом»: историко-философские и культурфилософские основания / В. В. Мороз, С. Н. Рымарович // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 2 (30). – С. 59–68.
6. Рымарович, С. Н. Дом-ойкос, государство-полис и мир-космос: смысловая иерархия бытия в античной культуре / С. Н. Рымарович // Вестник ТГУ. – 2012. – № 12. – С. 339–343.
7. Сергеева, Л. А. Метафора как когнитивный механизм формирования аксиологических концептов / Л. А. Сергеева // Междунар. журн. гуманит. и естеств. наук. – 2017. – № 12. – С. 163–166.
8. Μπαμπινιώτης, Γ. Δ. Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας / Γ. Δ. Μπαμπινιώτης. – Αθήνα : Κέντρο Λεξικολογίας, 1998. – Σ. 2031.
9. Corpus of Modern Greek. [Electronic Resource]. – Access mode: <http://web-corpora.net/GreekCorpus>. (Access date: 10.02.2025).

УДК 821.112.2

**СИСТЕМА ОБРАЗОВ РОМАНА Б. ШЛИНКА «ЧТЕЦ»
В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»**

В. Л. Аккиева,

обучающаяся 2-го курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Сдобнова С. В., к. ф. н., доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В работе рассматривается известный роман Бернхарда Шлинка «Чтец» с точки зрения немецкой исторической памяти, который поднимает важные вопросы о коллективной травме нации и последствиях Второй мировой войны. Исследование образов в «Чтеце» помогает достоверно понять, как литература может отражать и формировать историческую память общества, а также каким образом индивидуальная личная история может вписываться в более широкий контекст нации.

Актуальность работы заключается в углублении представления о связи литературы и исторической памяти, а также в исследовании вопросов, связанных с темами вины, искупления и памяти через призму художественной литературы для понимания социальных травм для дальнейшего недопущения подобных проблем.

Целью данного исследования является анализ системы образов в романе «Чтец» для понимания влияния литературных произведений на коллективную историческую память, а также выявление этических и моральных дилемм. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) провести текстовый анализ романа; 2) исследовать контекст немецкой исторической памяти.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: культурно-исторический метод, описательно-аналитический метод и метод литературной герменевтики.

Результаты исследования. Бернхард Шлинка – выдающийся немецкий писатель, который прославился благодаря написанию романа «Der Vorleser» («Чтец») и оставил глубочайший след в современной немецкой литературе [1] Второй мировой войны. Шлинка заставляет читателей задуматься над тем, каким образом коллективная вина нации может затрагивать судьбы отдельных людей. Это делает «Чтеца» не только произведением искусства, но и важным культурным документом, который продолжает вызывать живые обсуждения о смысле ответственности и исторической памяти во всем современном мире. В соответствии с исследованиями С. В. Сдобновой «в процессе субъективной выборки автор излагает только часть правды, умалчивая о невыгодных лично ему социально-исторических фактах. Выборку социально-исторических данных можно наблюдать, например, в романе Б. Шлинка «Чтец» («Der Vorleser»), где автор пересматривает такие ключевые для немецкой национальной идентичности понятия, как вина, преступление, ответственность, прошлое, и подводит читателя к оправданию фашизма через безграмотность населения» [3, с. 27].

Ключевые персонажи романа «Чтец» – Ханна Шмидт и Михаэль Берг – отражают внутренние конфликты, связанные с нацистским прошлым Германии. Михаэль, юный герой, сталкивается с вопросами любви и самопознания, стремясь понять Ханну, чье прошлое связано с нацистским режимом. Ханна же является ярким воплощением двойственности человеческой природы. С одной стороны, она – фигура, воплощающая страсть и свободу, а с другой – носитель тяжелого бремени своего прошлого. Их отношения иллюстрируют столкновение индивидуальной судьбы и коллективной ответственности. Их внутренний конфликт и сложные отношения способствуют глубокому осмыслению того, как нацистское наследие продолжает воздействовать на современное общество.

Образ Ханны Шмидт представляет собой сложное олицетворение нацистского прошлого Германии. Через ее фигуру автор исследует не только личные трагедии, но и более широкий механизм исторической памяти и вины. А. О. Дронова считает, что «центральной в романе становится проблема вины, которая имеет многоплановое истолкование: речь идёт о вине как в юридическом и политическом, так и в моральном смысле, вине индивидуальной и коллективной, о виновности героев друг перед другом» [2, с. 404]. Память же выступает связующим звеном между персонажами и их историей, создавая пространство для осмысления прошлого с целью понимания настоящего. Взаимодействие памяти и идентичности делает роман «Чтец» глубоко резонирующим произведением. Память – это не просто свидетельство прошлого, она становится неопровержимым основанием для понимания человеческой природы и основополагающим фактором, влияющим на формирование как индивидуальной, так и общественной идентичности в контексте сложных историй.

Выводы. Система образов романа Б. Шлинка «Чтец» позволяет глубже понять сложные механизмы исторической памяти в Германии, отображая столкновение личного опыта и коллективной вины. Произведение подчеркивает необходимость признания и понимания исторических событий для предотвращения повторения ошибок прошлого и демонстрирует, как любовь и уважение могут существовать даже на фоне серьезных конфликтов, что вдохновляет на поиск примирения и понимания. Художественные произведения, такие как «Чтец», должны стать основой для открытых диалогов о прошлом, чтобы будущие поколения могли активно участвовать в формировании здорового общественного сознания.

Список литературы

1. Шлинка, Б. Чтец / Бернхард Шлинка ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Санкт-Петербург : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2020. – 224 с.
2. Дронова, О. А. Проблема «непреодоленного прошлого» в романе Бернхарда Шлинка «Чтец» / О. А. Дронова. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2021. – С. 398–422.
3. Сдобнова, С. В. Принципы анализа образов социологизированного художественного дискурса / С. В. Сдобнова // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : материалы IV Международной междисциплинарной научной конференции. – Симферополь : «Антиква», 2020. – С. 25–29.

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

А. А. Георгиади¹, А. К. Георгиади²,

*¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и
зарубежной филологии, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный
университет», Севастополь*

*²старший преподаватель кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Введение. В современном мире технологии проникли во все сферы жизни, стали помощниками в поиске информации, организации профессиональной деятельности. В образовании они позволили создать виртуальные платформы, поддерживающие учебно-воспитательный процесс. Вместе с тем глобальный эксперимент по переходу в дистанционный формат обнаружил, что большинство студентов и педагогов не готовы отказаться от реального взаимодействия [2]. В этой связи актуальным является поиск возможностей комбинированного использования технологий в целях повышения эффективности традиционного образовательного процесса.

Целью данного исследования является уточнение отношения студентов-филологов к использованию онлайн технологий в организации образовательного процесса в вузе.

Методы исследования включали анализ и обобщение научной литературы по теме, опрос обучающихся.

Результаты исследования. В течение двух десятилетий до пандемии интеграция современных технологий в учебно-воспитательный процесс филологического вуза выступала объектом психологических и педагогических исследований. В качестве положительных характеристик применения технологических новшеств в обучении филологов были признаны: 1) актуализация эмоциональной составляющей; 2) автоматизация языковых и речевых навыков посредством тестовых платформ; 3) развитие критического и творческого мышления на основе анализа медиатекстов разных видов и жанров; 4) опыт коллективной работы над совместными онлайн проектами [1].

Во время глобального локдауна электронные технологии из дополнительных образовательных ресурсов превратились в основные. В срочном порядке разрабатывались рекомендации по организации образовательного процесса с использованием доступных технических средств и программного обеспечения [5]. К положительным эффектам вынужденного перехода в удаленный формат относят ускорение технологических трансформаций в образовании на основе LMS и мессенджеров, обеспечивших взаимодействие между педагогами и студентами [2; 3]; распространение форматов перевернутого (flipped classroom); смешанного обучения (blended) [4]. Однако анализ результатов внедрения дистанционного обучения в период эпидемии обнаружил множество проблем психологического характера, в том числе снижение мотивации у студентов в отсутствие реального общения с преподавателем и другими студентами. В этой связи очевидна необходимость осмысления опыта, накопленного участниками глобального образовательного эксперимента, а также выявление факторов, влияющих на оценку эффективности учебного процесса онлайн и офлайн.

Для уточнения отношения студентов-филологов к использованию онлайн технологий в организации образовательного процесса в вузе был проведен опрос обучающихся по программам бакалавриата (45.03.01) и магистратуры (45.04.01) направления подготовки «Филология» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова». Предложенная студентам анкета была направлена на выявление мнения респондентов об эффективности а) традиционных лекций, практических занятий и семинаров; б) онлайн лекций, проводимых в аудио- / видеоформате, лекций-презентаций с участием преподавателя, текстовых лекций; в) онлайн семинаров в форматах аудио- / видеоконференции, эпистоконференции; г) форм онлайн обучения английскому языку (синхронная видеоконференция на основе платформы типа Zoom и Skype; асинхронный вебинар на основе LMS, например, Moodle; он-лайн курс на платформе дистанционного обучения типа Coursera; синхронные чат-занятия в мессенджере). По мнению опрошенных, традиционные лекции и семинары высоко эффективны: около половины (46,6%) респондентов лучше всего усваивают материал в ходе традиционного практического/семинарского занятия и 33% – в ходе традиционной лекции. Значимая доля студентов (20,7%) в качестве эффективной формы организации обучения рассматривают самостоятельную работу. Подавляющее большинство обучающихся (73%) наиболее эффективным видом онлайн лекции считают лекцию-презентацию с участием преподавателя. Предпочтения студентов относительно онлайн семинаров распределились следующим образом: 54 % выбрали в качестве самого эффективного формата видео семинар, 27% – видеоконференцию и 19% обозначили эпистоконференцию. В изучении английского языка 55% опрошенных самой эффективной считают синхронную видео конференцию, 24,5% предпочитают онлайн курс на платформе типа Coursera, 11,7% – асинхронный вебинар в Moodle и 8 % – занятия в мессенджере. Для большинства респондентов оптимальными являются занятия с преподавателем в традиционном и/или онлайн формате. Значимая часть студентов (20%) готовы к автономной работе в традиционном формате. Такая же тенденция обнаруживается и в выборе асинхронного формата взаимодействия онлайн.

Выводы. Анализ полученных данных обнаруживает наличие противоположных векторов в отношении обучающихся к организации учебного взаимодействия в вузе: осознанная потребность в участии в учебном процессе, построенном на личном взаимодействии с преподавателем и другими студентами у большинства опрошенных, с одной стороны, и потребность и готовность самостоятельно овладеть профессией под руководством преподавателя в асинхронном формате у значимой доли студентов, с другой стороны. Результаты анкетирования позволили сделать вывод о возможности синтеза традиционных форм организации обучения с их онлайн версиями в филологическом образовании.

Список литературы

1. Георгиади, А. А. Подготовка будущих учителей филологических специальностей к профессиональной деятельности с применением медиа-образовательных технологий : специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» : дис. ... канд. пед. наук / Александра Анатольевна Георгиади ; РВУЗ «Крымский гуманитарный университет». – Ялта, 2014. – 255 с.
2. Кононов, А. Н. Качественный анализ отношения к дистанционному формату обучения в условиях пандемии COVID-19 / А. Н. Кононов, А. С. Комиссарова // Вестник Костромского государственного университета. Серия : Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2021. – Т. 27. – No 1. – С. 17–23.

3. Ausat, A. Positive Impact of The Covid-19 Pandemic on The World of Education / A. Ausat // Jurnal Pendidikan. – 2022. No. 23. – P. 107–117.
4. Divjak, B. Flipped classrooms in higher education during the COVID-19 pandemic: findings and future research recommendations / B. Divjak, B. Rienties, F. Iniesto // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2022. – No. 19.
5. Samoylenko, N. Remote Learning Environment: Transition to Remote Education Journal of e-Learning and Higher Education / N. Samoylenko, L. Zharko, A. Georgiadi, M. Shevchenko. – 2021.

УДК 821.112.2

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВ РОМАНА Б. ШЛИНКА «ВНУЧКА»

Е. С. Кожемяко,

обучающаяся 1-го курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Сдобнова С. В., к. ф. н., доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Последствия Второй мировой войны по сей день являются одной из самых важных тем для изучения и размышления. Писатели современности нередко обращаются к этой теме, стремясь осмыслить опыт, пережитый всем миром и, в особенности, их родиной. К числу таких писателей относится и современный немецкий писатель Бернхард Шлинка. **Актуальность** данного исследования обусловлена интересом отечественных и зарубежных учёных к творчеству немецких писателей в целом и Б. Шлинка в частности, а также малой изученностью произведений указанного автора в силу их новизны.

Целью данной работы является исследование системы образов героев как способа отражения исторического процесса. Материалом исследования послужил роман немецкого писателя Бернхарда Шлинка «Внучка» (*Die Enkelin*, 2021).

Исходя из цели исследования, были поставлены следующие **задачи**: исследовать специфику творчества Б. Шлинка, описать особенности отражения истории Германии в системе образов романа Б. Шлинка «Внучка».

Методы исследования. В данной работе используются такие методы, как метод культурно-исторический, описательно-аналитический метод и метод литературной герменевтики.

Результаты исследования. По мнению С. В. Сдобновой, «авторская концепция художественного мира социологизированной прозы предполагает включение различных дискурсивных стратегий. Стратегии предикации и аргументации проявляются в социальных технологиях создания клише и обоснования субъективной позиции автора. Влияние дискурсивных стратегий необходимо учитывать, осуществляя анализ и интерпретацию образов социологизированной прозы» [1, с. 29]. Главный герой романа, Каспар, намеревается исполнить последнюю волю своей жены Биргит – разыскать её дочь, от которой сама женщина когда-то отказалась. Поиски приводят Каспара не только к дочери, но и к внучке Биргит. Несмотря на некоторые внешние сходства, ни одна из женщин не похожа на Биргит по своим взглядам на мир, поскольку каждая выросла в особых, отличных друг от друга политических условиях. Таким образом,

перед читателем в кратком изложении разворачивается исторический путь Германии со времён первых послевоенных лет и до наших дней.

В соответствии с исследованиями С. В. Сдобновой, «дискурс и социальная реальность взаимоопределяют друг друга, поэтому литературный дискурс проявляет идеологическое, социально-культурное и социально-психологическое состояние общества в определённую эпоху» [1, с. 27]. Биргит родилась в ГДР 50-х годов XX века. Воспитывалась в законах социализма, однако не ощущала, что эта идеология соответствует её собственным ожиданиям от жизни. Встретив Каспара и полюбив его, Биргит решила на побег в ФРГ. Тем не менее, даже там она не могла найти себе места из-за своего «гэдээровского» воспитания. В своих личных заметках она тщетно пыталась дать себе ответ на волнующие её вопросы: «*Hötte ich mich, ware ich geblieben, weiter und weiter angestrengt? Wenn die Anstrengung nicht gefruchtet hätte — hätte ich mir die Schuld gegeben?*» («Стала бы я стараться и дальше, если бы сталась? Если бы старания не принесли плодов, обвинила бы я в этом себя?») (Перевод наш – К. Е.) [2, с. 44].

Свеня, дочь Биргит, является типичным представителем поколения, чья юность пришлась на первые годы существования Германии, возникшей после падения Берлинской стены в 1989 году. Тогда молодые люди, выросшие в ГДР, искали и не могли найти себе места в новой реальности. Как следствие, в попытках «очистить» свою страну от тех, кто якобы лишил их будущего, они становились преступниками. Даже спустя много лет Свеня не жалеет о своих действиях: «*Die oder wir, und wenn man jemand weghaben will, muss man ihm Angst machen, was sonst?*» («Здесь либо они, либо мы. А когда хочешь изгнать кого-то, надо заставить его почувствовать страх. А как иначе?») (Перевод наш – К.Е.) [2, с. 202].

Зигрун, внучка Биргит, с детства впитала в себя идеалистические представления родителей о Германии, принадлежащей исключительно немцам, и стереотипы и предрассудки об иностранцах, а также отрицание вины немцев за жертвы Второй мировой войны. Тесное общение с Каспаром заставляет её пересмотреть свои взгляды. Примечательно, что этому способствовали не дискуссии на политические темы, а знакомство с произведениями искусства. Героиня, однако, не делает окончательный выбор в пользу какой-либо стороны: вместо этого она уезжает за границу: «*Manch mal muss man sich ein gestehen, wozu man fähig und nicht fähig ist. Manch mal muss man flüchten*» («Иногда нужно признаться себе в том, что ты можешь, а чего не можешь. Иногда нужно убежать») (Перевод наш – К.Е.) [2, с. 295].

Не последнюю роль в сюжете играет и образ самого Каспара. Данный герой представляет собой полную противоположность рассмотренным ранее персонажам: он не испытывает ощущения потерянности в новом мире, как Биргит, и не высказывает националистических взглядов, как Свеня и Зигрун. Напротив, он доволен жизнью, которую живёт, как и тем, что представляет из себя Германия на данный момент: «*Deutschland wird nicht größer, aber es ist nicht zu klein und platzt auch mit den Ausländern nicht aus allen Nähten.*» («Германия уже не станет больше, однако она и не настолько мала; уж точно она сможет вместить в себя иностранцев») (Перевод наш – К. Е.) [2, с. 278]. На протяжении всего романа мировоззрение Каспара сталкивается с мировоззрением других героев. Так автор не только раскрывает своих персонажей, но и показывает противоречивую политическую обстановку внутри страны. Одни жители не желают видеть в Германии никакой другой нации, кроме своей, а другие, напротив, убеждены что люди любой национальности смогут найти в Германии своё место.

Выводы. Следовательно, использование дискурсивных стратегий в создании системы образов в социологизированном романе «Внучка» Б. Шлинка позволяет писателю отобразить в произведении своё собственное видение политической ситуации Германии как в прошлом, так и в настоящем. Автор не просто предлагает свой взгляд на

историю страны, но и показывает, какие задачи, по его мнению, стоят перед ней в 21-ом веке. Германия должна, с одной стороны, сохранить свою самобытность и уникальность, с другой – оставаться открытой для остального мира и не допустить повторения ошибок, приведших в прошлом к кровопролитной войне.

Список литературы

1. Сдобнова, С. В. Принципы анализа образов социологизированного художественного дискурса / С. В. Сдобнова // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : материалы IV Международной междисциплинарной научной конференции. Симферополь, 28–29 ноября 2019 г. ; ред. А. П. Петренко. – Симферополь : «Антиква», 2020. – С. 25–29.
2. Schlink, B. Die Enkelin / Bernhard Schlink. – Zurich : Diogenes, 2021. – 310 S.

УДК 81'343.985

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОЗНАНИЯ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

А. С. Кошечкина-Шиманович,

обучающаяся МБОУ «Симферопольский экономический лицей»

Научный руководитель: Шиманович А. Н., к. ф. н., доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Юриспруденция, в целом, и процесс дознания, в частности, относятся к аргументативно-активной сфере. Современное право основано, помимо терминосистемы, на аргументации, на теории убеждения. Право имплицитно предполагает наличие конфликтной ситуации, конфликтующих аргументов. Следователей, проводящих процедуру дознания, можно отнести к числу коммуникантов-профессионалов, т.к. их деятельность связана не просто с коммуникацией, а с аргументацией. Языковые средства воздействия представляют собой совокупность приёмов и методов, которые позволяют влиять на восприятие информации подозреваемым.

Актуальность работы обусловлена необходимостью правильного отбора языковых средств при проведении дознания с целью получения максимально правдивых показаний.

Целью данного исследования является анализ основных языковых средств воздействия в рамках аргументативного дискурса. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) рассмотреть основные виды языковых средств воздействия; 2) определить дискурсообразующие категории при аргументации.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: метод сопоставительного анализа, дискурсивного анализа, обобщения и систематизации полученных данных

Результаты исследования. Аргументирование представляет форму деятельности человека, в которой он реализует себя как языковая личность, и в которой оказываются задействованными его знания и представления, система ценностей, коммуникативные навыки, эмоциональное состояние, а также социальные параметры коммуникативной ситуации. В ходе данного исследования мы рассматриваем аргументацию как «технику речи, направленную на убеждение собеседника» [1, с. 5]. Аргументация реализуется как аргументативный дискурс, определяющими особенностями которого становятся противоречия, выражающиеся в столкновении

мнений и противопоставление как когнитивное моделирование сообщения и техника убеждения. К числу дискурсообразующих категорий при аргументации следует отнести категории негативности, модальности и каузативности. Категории модальности «концентрирует на себе антропоцентризм аргументативного дискурса» [1, с. 3]. Посредством данной категории говорящий регулирует адресантно-адресатные отношения. Использование категории негативности объясняется ее способностью выражать противопоставление, что является одним из основных понятий аргументации. Категория каузативности является ключевой для аргументативного дискурса, поскольку аргументацию и убеждение можно рассматривать как вид каузации с каузальными связями между аргументатором (в рамках данной работы – следователем) и реципиентом (в настоящем исследовании – допрашиваемым).

К основным видам языковых средств воздействия можно отнести:

- лексические средства, к которым относятся: эвфемизмы (данные лексические единицы способны скрывать, затушевывать, вуалировать явления, имеющие в общественном сознании заведомо негативную оценку, например, вместо «украсть» можно сказать «взять без разрешения»);

- эмоционально-окрашенная лексика или слова-аффективы, которые могут вызывать различного рода чувства и переживания (тревоги, страха, удовлетворения, гордости, патриотизма и т.д.). К аффективам относят такие лексические единицы как: «человеческое достоинство, свобода, прогресс, милосердие, вера в идеалы, мечта, истина, надежда, трагедия, криминализация» и др). Аффективы не столько указывают на те или иные явления и действительности, сколько задают эмоциональный тон и настроение всему сообщению;

- синтаксические средства: вопросительные предложения (например: «Вы готовы дать показания?»), побудительные предложения (например: «Пожалуйста, расскажите подробнее о случившемся»), интонация;

- стилистические средства (эпитеты, метафоры, повторы (анафоры и эпифоры), градация, параллельные конструкции, гиперболы, плеоназм, риторические вопросы; устойчивые выражения).

Выводы. Таким образом, в процессе дознания аргументация представляет собой коммуникативную деятельность субъекта в сочетании трех составляющих (вербального, невербального и экстралингвистического), целью которого является воздействие на адресата с целью получения признательных показаний и воссоздания истинной картины совершенного правонарушения. Языковые способы воздействия используются с целью изменить психологическое состояние допрашиваемого, подвигнув его на контакт с лицом, расследующим уголовное дело, а впоследствии и склонить его к правдивому изложению событий, в которых он принимал участие. В процессе воздействия лицо, проводящее дознание, реализует себя как языковая личность, демонстрируя свою коммуникативную компетенцию.

Список литературы

1. Белова, А. Д. Лингвистические аспекты аргументации / А. Д. Белова. – Киев : «Логос», 2003. – 304 с.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Г. А. Кудишин,

*обучающийся 2-го курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Шиманович А. Н., к. ф. н., доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Фразеологизмы играют важную роль в политическом дискурсе, сочетая информативность с эмоциональным воздействием. Их анализ в английском и французском дискурсе позволяет выявить различия в стилистике и коммуникативных стратегиях.

Целью исследования является выявление особенностей функционирования фразеологических единиц в английском и французском языках и показать, как они отражают национальные особенности политической речи. **Задачи** исследования: 1) сравнить классификации фразеологизмов английского и французского языков; 2) определить частотность и структурные особенности фразеологизмов исходя из их классификаций; 3) выявить ключевые различия и сходства с учётом культурных традиций.

Методы исследования: анализ, синтез, описательный метод, метод сплошной выборки, метод фразеологической идентификации и метод контекстуального анализа,

Результаты исследования. На данный момент в науке не существует универсального определения для термина «фразеологизм» или «фразеологическая единица» (далее ФЕ). Стремясь дать определение, все учёные сходятся в одном – это сочетание слов с устойчивым значением. Однако при этом выделяемые признаки могут отличаться у разных исследователей. В данном исследовании за основу взято определение ФЕ И. И. Чернышевой, которая полагает, что фразеологизм – это «устойчивые воспроизводимые раздельнооформленные сочетания слов различных структурных типов с единичной сочетаемостью компонентов, значение которых возникает в результате семантического преобразования компонентного состава» [3, с. 29]. Данное определение в большей степени затрагивает признаки данной языковой единицы.

А. В. Кунин выделяет 4 самостоятельных класса английских ФЕ номинативные, номинативно-коммуникативные, междометные, коммуникативные [1]. Номинативный класс включает в себя субстантивные, адъективные, адвербиальные и предложные. А. Г. Назарян выделяет во французском языке 2 основных класса – коммуникативные и некоммуникативные ФЕ [2]. Последние включают в себя номинативные (включающий в себя субстантивные, адъективные, адвербиальные и глагольные), служебные, междометные и модальные фразеологизмы. Сходство классификаций состоит в том, что коммуникативные ФЕ выделены отдельным классом, а также что в обеих классификациях имеются субстантивные, адъективные, адвербиальные и служебные (предложные у А. В. Кунина) ФЕ. Различие же состоит в том, что номинативные ФЕ у А. В. Кунина – это отдельный класс, включающий в себя подклассы, упомянутые выше, в то время как у А. Г. Назаряна номинативные ФЕ – это подкласс

некоммуникативных. Также различие в том, что глагольные ФЕ у А. В. Кунина выделены в отдельный самостоятельный класс – «номинативно-коммуникативные», а у А. Г. Назаряна они являются подклассом номинативных ФЕ. Однако это не меняет самой сути функции фразеологизма в высказывании.

В ходе исследования были проанализированы политические речи и выступления во время дебатов английских и французских политиков в период с 2021 по 2025 годы и выявлено и сопоставлено суммарно 92 фразеологизма.

Исследование показало, что в английском политическом дискурсе доминирует класс номинативных ФЕ (82,6%). Это говорит о стремлении назвать явления, действия и их характеристики, создавая яркие образы и концепции, которые легко запоминаются аудитории. Среди номинативных ФЕ преобладают глагольные ФЕ (57,9%). Однако также присутствует высокая доля адverbальных фразеологизмов (26,3%). Доля подкласса субстантивных ФЕ составляет 7,89%. Подкласс адективных ФЕ составил 5,56%, а предложных на порядок меньше – 2,63%. Доля класса модальных ФЕ 13%. Класс коммуникативных ФЕ представлен 4,35%.

Во французском политическом дискурсе все фразеологизмы оказались некоммуникативными (100%), что может свидетельствовать о характере политической речи, где часто используются устойчивые выражения для выражения определённых ценностей или идей, но без прямого коммуникативного аспекта, например, для подчеркивания авторитета или создания определённого образа. Из всех типов некоммуникативных ФЕ преобладают номинативные фразеологизмы (78,26%). Среди подклассов номинативных ФЕ наибольшую часть составляют глагольные фразеологизмы (50%). Доля других подклассов, адverbальных, адективных и субстантивных, – 22,22%, 5,56% и 22,22% соответственно. Касательно двух других классов, модальные ФЕ составляют 15,22%, а служебные – 6,52%.

В английском политическом дискурсе, в отличие от французского, присутствуют, хоть и в малой степени, коммуникативные ФЕ. Это говорит о том, что английская политическая речь всё же больше ориентирована на описание и воздействие через образы, чем на ритуализованные фразы. Однако во французском политическом дискурсе служебных (предложных) ФЕ явно больше. Это может указывать на наличие устойчивых выражений, которые выполняют структурные функции в речи, связывая элементы и создавая определённый стиль или риторику. Междометных ФЕ в политических дискурсах обоих языков обнаружено не было.

Выводы. Исходя из анализа функционирования фразеологизмов в политическом дискурсе английского и французского языков, можно констатировать, что английский политический дискурс – более динамичный, риторически яркий и ориентированный на действия. Активное использование глагольных и адverbальных фразеологизмов делает речь эмоциональнее, а редкие коммуникативные фразеологизмы усиливают эффект обращения к публике. В то время как французский политический дискурс – более формализованный, аналитичный, с акцентом на устойчивые номинации и нормативность. Фразеологизмы помогают создавать сложные концептуальные образы и придают речи строгость.

Список литературы

1. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания / А. В. Кунин. – Москва, 1972. – 289 с
2. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка : учебник / А. Г. Назарян. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Высшая школа, 1987. – 288 с.
3. Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышева. – Москва : Высшая школа, 1970. – 199 с.

МОТИВ ПРИНЕСЕНИЯ УМИЛОСТИВИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ГРЕЧЕСКИХ ДРАМАТУРГОВ

Н. А. Минасян,

обучающаяся 1-го курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Банах Л. С., к. ф. н., доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Традиции и фольклор народов мира служат особым источником вдохновения для писателей. На их основе поэты, прозаики и драматурги пишут свои произведения, в которых мотивы из мифов, легенд, баллад трансформируются и дополняются. Литература Греции в эпоху романтизма в первую очередь была ориентирована на создание национальной идентичности, возрождение интереса к народному творчеству и легендам. Греческие драматурги брали за основу своих произведений мотивы из народных баллад.

Целью работы является исследование трансформации мотива из фольклорных балканских баллад о жертвоприношении при постройке моста в произведениях греческих драматургов И. Вутьеридиса, П. Хорна и Н. Казандзакиса.

В работе используется **метод** текстового анализа, метод сопоставительного анализа, герменевтический подход и биографический метод.

Результаты исследования. Мотив в литературоведении определяется как устойчивый элемент повествования, обладающий большой смысловой нагрузкой, проходящий через всё конкретное произведение и повторяющийся у многих авторов [1]. Мотив принесения умилоствительной жертвы является одним из распространённых в фольклорных балладах Балкан.

Баллады появились в эпоху Средневековья как жанр устного народного творчества. Многие из них существуют в разных версиях. Сюжет о замуровывании человека при постройке неких сооружений встречается в фольклоре большинства европейских стран. Чаще всего, в качестве жертв выбирали женщин и детей. Сама традиция умилоствительной жертвы берёт начало в анимистическом видении мира и веровании в то, что благодаря подобному ритуалу душа человека либо задобрит духов земли, либо станет хранительницей постройки, обеспечив ей прочность и долговечность [2].

Баллада «Артский мост» хорошо известна в Греции и на Балканах. Завязка во всех вариантах этой баллады одна: строители пытаются закончить работу, но что-то вновь и вновь заставляет мост разрушаться. Прораб либо самостоятельно, либо с помощью говорящей птицы выясняет, что единственным способом решить проблему является жертвоприношение. Выбор падает на жену главного мастера. В зависимости от региональных вариантов баллады женщина, несущая обед мужу, встречает разные препятствия на пути к месту, но в итоге всё равно приходит. В большинстве версиях жена прораба проклинает мост и мастеров, но потом смягчается и принимает свою судьбу.

В эпоху романтизма к сюжету баллады обращались Илиас Вутьеридис, Панделис Хорн и Никос Казандзакис. И. Вутьеридис написал свою трагедию «Артский мост» в 1905 году. Он следовал содержанию песни, добавив в неё новых персонажей,

таких как: влюблённый в девушку-жертву друг, который бросился за нею в реку, ведьму Дафну, которая настаивала на том, чтобы в жертву принести главного мастера. Сам главный мастер Томас думает, что его искусство может победить силы природы, но в результате эта вера оборачивается угрозой для его жизни. Жена главного мастера Смарагдо решается пожертвовать собой и вместе с тем проклинает жителей деревни. Но перед смертью по просьбе мужа она смягчается. Будучи консерватором в творчестве, И. Вутьеридис не стремился уходить от канона баллады, он лишь углубил историю, реализовав в пьесе мотив родового проклятия.

Панделис Хорн, написавший «Бесценное» в 1906 году, стремился показать в пьесе народные обычаи. В его работе много элементов фольклора, персонажей-духов, нереид и каликандзаров, описания жизни и обычаев в городе Арта. Главный мастер Андреас не верит в легенды о злых духах, которые рушат мост, и настаивает на продолжении работы. Вместо птицы, которая приносит плохую весть в оригинальной балладе, в драме дух предстаёт в образе красивой женщины и объясняет необходимость принести в жертву «бесценное». Фландро, жена прораба, сначала решается пожертвовать фамильным кольцом, что также является отсылкой на оригинал баллады, однако именно её начинают замуровывать, а муж становится тем, кто кидает первый камень. Женщина проклинает строителей и мост, но после меняет своё решение, понимая, что по этому мосту может пройти её дорогой брат. Автор поднимает проблему полного подчинения женщины мужчине, а также передаёт идею, что жизнь человека, преисполненного любви, и есть «бесценное» [4].

Адаптация баллады Никоса Казандзакиса «Прораб» («Ο Προτομάστορας») 1910 года написания наиболее известна. Сюжет драматург значительно трансформирует. Он минимизирует мистический элемент, делает акцент на внутреннем конфликте Прораба, углубляется в психологию персонажей и поднимает тему власти, ответственности перед народом. Смарагда, жертва варварских устоев деревни, никого не проклинает, в отличие от героинь баллад. Она с готовностью жертвует собой ради жизни возлюбленного. Её образ резко контрастирует на фоне правителя и жителей деревни – она являет собой противоположность эгоистичного представления человека о своём всемогуществе. Она говорит: «Είμαι γλυκός ο θάνατος για κείνον που αγαπούμε» («Сладка смерть ради тех, кого мы любим») [3, с. 59]. Н. Казандзакис также уделяет много внимания подтексту в образах (мост рассматривается как связь между Небом и Землёй, предсказательница – как олицетворение Судьбы). Прораб Никоса Казандзакиса – не искусный мастер, который хочет бросить вызов природе, каким его описывали И. Вутьеридис и П. Хорн. А его любимая женщина – не его законная жена. Их Любовь осмеливается бросить вызов мелочности угодливой и завистливой социальной среды. Стоит упомянуть, что именно данная адаптация народной баллады через несколько лет легла в основу одноименной оперы Манолиса Каломириса.

Все три автора переработали сюжет народной баллады, раскрыли мотив строительной жертвы, но акцент в своих произведениях сделали на разные аспекты. И. Вутьеридис стремился показать архаичные верования греков, П. Хорн желал добавить персонажей-духов и элементы потустороннего мира, В произведении Н. Казандзакиса центральное место занимает проблематика власти и обязанностей лидера перед своими подданными. Автор создаёт образ мира, где анимистические представления оживляют природу, и к ним добавляется вера в Бога. В лице главного героя осуждается Сверхчеловек из концепции Ницше, он подвергается критике за своё пренебрежение к другим людям и самоуверенное убеждение в бесконечности своих возможностей.

Список литературы

1. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский ; вступ. ст. И. К. Горского. – Москва : Высшая школа, 1989. – 406 с.

2. Зеленин, Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов / Д. Зеленин // Труды Института антропологии, археологии, этнографии. – Т. XV. – Москва, 1937. – С. 78.
3. Καζαντζάκης, Ν. Ο πρωτομάστορας [Η θυσία] / Ν. Καζαντζάκης. – Καζαντζάκης, 2012. – 156 σ.
4. Χορν, Π. Το Ανεχτίμητο. Δράμα με τρία μέρη / Π. Χορν. – Αθήνα : Γραφεία του «Νουμά», 1906. – 107 σ.

УДК 316.342.6

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ

Е. Ю. Парфёнова,

*обучающаяся 1-го курса аспирантуры, Таврическая академия,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Научный руководитель: Сдобнова С. В., к. ф. н., доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В работе рассматриваются ключевые аспекты демографических изменений, роль иммиграции и эволюция социальной структуры в объединенной Германии. В 1990 году после воссоединения Германии страна столкнулась с рядом демографических и социальных вызовов. Несмотря на объединение двух частей страны, долгосрочные демографические тенденции, такие как низкая рождаемость и старение населения, сохранились. В то же время массовая иммиграция, особенно в 1990-е годы и в период миграционного кризиса 2015 года, оказала значительное влияние на состав населения Германии. **Актуальность** данной работы заключается в исследовании изменений социальной структуры населения Германии, особенно в новых федеральных землях, где сохранялось влияние социалистического прошлого.

Целью данного исследования является анализ демографических и социальных изменений в Германии после воссоединения, а также выявление влияния иммиграции на возрастную и социальную структуру населения. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) определить основные демографические тенденции в Германии после 1990 года; 2) проанализировать роль иммиграции в изменении возрастной структуры населения; 3) выявить особенности социальной структуры в Восточной и Западной Германии после воссоединения.

Методы исследования: В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: анализ статистических данных, сравнительно-сопоставительный анализ.

Результаты исследования. Демографические изменения «Die demographische Stagnation» («Демографический застой» (Перевод наш – П. Е.)) [3, с. 345], начавшиеся в обеих частях Германии в конце 1960-х годов, продолжились и в объединенной Германии. С 1990 по 2017 годы население страны увеличилось незначительно, а именно с 80 до 83 миллионов человек [5, с. 26].

Низкая рождаемость (1,0% в 1991 и 2017 годах), стабильный уровень смертности (1,1% в 1991 и 2017 годах), увеличение продолжительности жизни («для женщин с 79 до 83 лет, для мужчин с 72 до 78 лет») (Перевод наш – П. Е.) [5, с. 39] привели к демографическому застою и старению населения.

В 1990-е годы в Германию прибыло 2,6 миллиона иммигрантов немецкого происхождения из бывшего СССР и Восточной Европы. Кроме того, было принято «320 тысяч беженцев из охваченной гражданской войной Югославии» (Перевод наш – П. Е.) [3, с. 214–215]. Также решением правительства Германии по гуманитарным соображениям в сентябре 2015 года отменены предварительные проверки для беженцев, прибывающих из Венгрии. За период, когда были открыты границы, «в Германию прибыл один миллион беженцев» [4, с. 215].

Численность иностранных резидентов в Германии «к 2017 году выросла до 11 миллионов, что соответствует 13 процентам от общей численности ее населения» [5, с. 26]. Иммиграция временно замедлила старение общества, но «langfristig ist der Einfluss der Einwanderung auf die Altersstruktur aber geringer, als oft angenommen wird» («в долгосрочной перспективе влияние иммиграции на возрастную структуру населения ограничено» (Перевод наш – П. Е.)) [3, с. 347].

После воссоединения социальная структура Восточной Германии стала развиваться по образцу Западной Германии. «Deutliche Unterschiede gab es aber in der subjektiven Wahrnehmung der Sozialstruktur» («однако субъективное восприятие социальной структуры среди представителей населения значительно различалось» (Перевод наш – П. Е.)) [3, с. 347]. В Западной Германии 62% населения относили себя к среднему классу, в то время как в Восточной Германии 62% считали себя рабочим классом. Тенденция к разделению на тех, кто зарабатывал на жизнь наемным трудом, и тех, кто работал на себя, не получила продолжения в объединенной Германии. Доля тех, кто работал на себя, оставалась стабильной на уровне 9% и в 1991, и в 2017 годах.

Выводы. Демографические и социальные изменения в Германии после воссоединения отражают сложные процессы интеграции, миграции и адаптации к новым экономическим и социальным реалиям. Низкая рождаемость и старение населения создают вызовы для социальной системы, в то время как иммиграция временно компенсирует демографический спад. Социальная структура в Восточной и Западной Германии продолжает развиваться, сохраняя различия, обусловленные историческим контекстом.

Список литературы

1. Birg, H. Die demographische Zeitenwende. Der Bevölkerungsrückgang in Deutschland und Europa/ Herwig Birg. – München : Beck, 2005. – 226 S.
2. Münz, R. Zuwanderung nach Deutschland. Strukturen, Wirkungen, Perspektiven / R. Münz. – Frankfurt : Campus, 1999. – 356 S.
3. Hardach, G. Gegenwartsgeschichte der deutschen Wirtschaft / Gerd Hardach. – Boston : Von Walter de Gruyter GmbH, 2022. – 450 S.
4. Jochen, O. Die Epoche der Gewaltmigration. Flucht und Vertreibung im 20. und frühen 21. Jahrhundert / Oltmer Jochen. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2018. – S. 15–16.
5. Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. Statistisches Bundesamt (Destatis). – 2019. – 700 S.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЯЗЫК» И «РЕЧЬ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

М. В. Шиян,

обучающаяся 2-го курса аспирантуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Петренко А. Д., директор Института филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, д. ф. н., профессор, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Определение понятий «язык» и «речь» имеет сложный характер. На разных этапах становления и развития лингвистики понимание этих терминов изменялось, современное толкование понятий «язык» и «речь», с одной стороны, основано на ранних идеях языковедов, а с другой стороны, приобретает новые значения. Рассмотрим наиболее значимые идеи, которые повлияли на современное понимание, и обозначим актуальные ориентиры в данном направлении.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является рассмотрение соотношения понятий «язык» и «речь» в современной лингвистике. Для выполнения поставленной цели обозначены следующие **задачи:** 1) рассмотреть актуальную интерпретацию взаимоотношений «языка» и «речи»; 2) провести краткий обзор наиболее значимых теорий «языка» и «речи»; 3) проанализировать противопоставление понятий.

Методы исследования. В данной работе использованы следующие методы: описательный, сравнительный и сопоставительный.

Результаты исследования. Такие понятия, как «язык» и «речь» являются базовыми в современной лингвистике. На дифференциации их специфики основываются практически все современные языковые теории. Однако, данные понятия сперва использовались как синонимы, а их определение не было научно доказано. Язык вполне может как способствовать, так и препятствовать самореализации человека. Известно, что процессом реализации языка является речь. Речь возникает в ответ на необходимость вступить в общение с кем-либо или сообщить что-либо. Формирование данных определений и история взаимосвязи «языка» и «речи» в современной лингвистике опирается на ранее представленных идеях и концепциях ученых-языковедов.

Ф. де Соссюр стал первым, кто внес существенный вклад в современное понимание лингвистов о языке, речи и речевой деятельности и в доступной форме разграничил между собой понятия «речь» и «язык». По мнению Ф. де Соссюра язык понимают как готовый продукт, а речь «индивидуальный акт разума и воли» [3]. Таким образом, автор противопоставляет язык как социальное явление индивидуальному явлению. С одной стороны, он разделил эти два понятия, а с другой – обозначил их взаимосвязь: «Речь необходима для того, чтобы сложился язык» [3].

Между тем, Л. В. Щерба придерживается мнения, что существует единство речевой деятельности, языковой системы и языкового материала, поскольку речевая деятельность основывается на языковом материале, в результате чего, происходит изменение языковой системы, а языковая система, в свою очередь, подразумевает

собой то, что заложено в данном языковом материале и отражается в индивидуальных речевых актах [5].

В работах Ф. М. Березина и Б. Н. Головина описаны принципы дихотомии «язык – речь». Язык здесь представлен в качестве набора знаковых единиц для общения в их коммуникативной готовности, а речь – это последующая реализация этих языковых знаков в определенном языковом материале в акте коммуникации» [1].

Выше перечисленные мнения лингвистов о взаимодействии основных понятий лингвистики – «язык» и «речь» – во многом внесли свой вклад на современное представление о них.

По мнению большинства лингвистов, современная наука воспринимает речь как явление индивидуальной жизни, где человек является основным субъектом. Таким образом, в разных жизненных ситуациях индивидум с помощью речи из множества вариантов выбирает тот вариант, который лучше всего подойдет для данной ситуации

Стоит выделить, что каждый социальный тип говорящих обладает своим набором произносительных стилей, зависящим от ряда обстоятельств. Чем лучше музыкальный слух и фонетический навык, выше культура и образованность человека, тем разностороннее спектр произносительных стилей [2].

Известно, что Л. В. Щерба различал два стиля произношения – полный и разговорный [5], основанные на диаметрально противоположных степенях темпа речепроизводства, которые влияют на разную степень полноты и ясности произношения.

Между тем, Г. Майнхольд попытался преодолеть эту резкую противопоставленность и определил переходные ступени от одного стиля к другому. Основное отличие между произносительными стилями автор усматривает в степени четкости и ясности произношения [2].

В каждой конкретной жизненной ситуации человек с помощью речи из разных вариантов, которые есть в языке, наиболее подходящий. В зависимости от слоев и сословий язык в речи можно определить разными способами, включая и литературный язык, и диалект, и говор [4].

Так, принято считать, что любое влияние на процесс общения информантов может изменить непринужденный характер коммуникации и стимулировать использование коммуникантами более корректных, близких к стандартной норме произносительных форм [2].

Выводы. С нашей точки зрения, язык и речь – не являются тождественными понятиями, однако они, безусловно, взаимосвязаны. Под языком мы понимаем определенный код, систему знаков и правил их использования, в то время как речь мы определяем как форму существования языка. Данная форма возникает в результате речевой деятельности людей с использованием языкового кода.

Таким образом, язык с помощью речевой деятельности становится средством самовыражения говорящего в каждый определенный момент. Язык вплетается в речь не всей своей структурой, а фрагментарно, учитывая потребности говорящего. Как результат, используемый словарный запас индивидума характеризует развитие личности и отражает культурно-языковую среду его нахождения.

Список литературы

1. Киселева, С. В. Языковая система и речевая деятельность / С. В. Киселева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – № 34. – С. 43–51.
2. Петренко, А. Д. Социальные проблемы языковой вариативности / А. Д. Петренко. – Симферополь, 2013.
3. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де. Соссюр ; пер. с фр. А. М. Сухотина. – Москва : Логос, 1998. – 296 с.

4. Шодмонова, Д. Э. О трихотомии «Язык-норма-речь» / Д. Э. Шодмонова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – Вып. 61. – 2011. – № 37 (252). – С. 158–162.
5. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974.

УДК 82.0

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА

Д. Г. Яренко,

обучающийся 2-го курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Сдобнова С. В., к. ф. н., доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Мемуарная литература (от франц. *mémoire* – воспоминание) – разновидность документальной литературы, литературное повествование участника общественной, литературной, художественной жизни о событиях и людях, современником которых он был, а также о своей собственной жизни. **Актуальность** данного исследования заключается в том, что помимо жизнеописания, мемуары отражают в себе целую историческую эпоху, что делает их важным источником изучения культурного и исторического наследия.

Целью работы является исследование жанровых особенностей мемуаров.

Задачами исследования являются определение ключевых черт мемуарной литературы, исследование исторического развития мемуаров от древности до современности, оценка роли мемуаров в сохранении исторической памяти.

Методами исследования являются: культурно-исторический метод, типологический, сравнительно-сопоставительный.

Результаты исследования. Мемуарная литература представляет собой уникальный жанр, в котором автор рассказывает о себе, своих мыслях, эмоциях и жизненных обстоятельствах. Важным аспектом критической оценки мемуарной литературы является различие между документальными фактами и авторской интерпретацией этих фактов. В соответствии с исследованиями С. В. Сдобновой, «в процессе субъективной выборки автор излагает только часть правды, умалчивая о невыгодных лично ему социально-исторических фактах» [1, с. 27]. Не всё, что написано в мемуарах, является полностью точным и буквальным, но это не отменяет их большого значения для культурной и исторической памяти.

Отличительными чертами жанра мемуарного текста являются:

- 1) субъективность – мемуары основаны на личном опыте автора, поэтому они носят субъективный характер;
- 2) описательность – автор мемуаров подробно описывает произошедшие события, а также внутренние переживания и эмоции, которые они вызвали;
- 3) эмоциональность – мемуары наполнены эмоциональным зарядом, который передаётся читателю;
- 4) авторитетность – мемуары часто пишут известные люди, которые имеют авторитет в своей сфере деятельности [2].

Жанр мемуаров берет свое начало в античности. Первыми работами жанра мемуарной литературы являлись, например, «Анабасис» Ксенофонта или «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря, которые носили скорее документальный характер и служили политическим или военным целям. В Древнем Риме мемуары (комментарии) использовались для фиксации общественной деятельности выдающихся граждан. Однако уже тогда они содержали элементы авторской интерпретации фактов.

В Средневековье мемуары приобрели более личный характер: «...повышению интереса к индивиду и его внутреннему миру способствовали изменения как в религиозной, так и в светской идеологии» [3]. Работы Робера де Клари и Жоффруа де Вильярдуэна, помимо описания событий крестовых походов, включали в себя авторские комментарии. С течением времени жанр стал эволюционировать, обогащаясь художественными элементами.

В эпоху Великого века во Франции мемуарная литература пережила настоящий расцвет, что было связано с бурными историческими событиями, такими как Фронда и правление Людовика XIV. Мемуары того времени были единственным способом выражения своих мыслей и переживаний на фоне политических интриг. Среди выдающихся авторов этого периода можно выделить Франсуа де Ларошфуко и Филиппа де Коммина. Также распространились псевдомемуары – вымышленные произведения, такие как «Мемуары Д'Артаньяна», которые вдохновили Александра Дюма на создание «Трех мушкетеров».

События Великой французской революции и Наполеоновских войн дали новый импульс развитию жанра. Мемуары Армана де Коленкура, Эммануэля де Лас Каса стали способом осмысления политических потрясений.

В XX веке мемуарная литература приобрела особое значение благодаря трагическим событиям мировых войн. Беллетризованные произведения Анри Барбюса («Огонь»), Эрнста Юнгера («Стальные бури») повествуют о трагическом опыте, пережитом каждым из них.

Русская мемуарная литература прошла долгий путь от хроник князя Курбского до семейных хроник XVIII века. В XIX веке она стала важным инструментом осмысления ключевых событий эпохи: войны 1812 года (Денис Давыдов), литературной жизни пушкинского времени (Фаддей Булгарин) и общественных потрясений конца века (Петр Кропоткин). В XX веке мемуары отражали трагедии революции, блокады Ленинграда (Ольга Берггольц) и Великой Отечественной войны.

Выводы. Мемуарная литература прошла путь от документального источника до сложного художественного жанра, который сочетает в себе личные переживания автора с осмыслением эпохи. Ее значение для культуры заключается в способности сохранить уникальный взгляд на историю через призму индивидуального опыта. Сегодня мемуарная литература продолжает развиваться, стирая границы между автобиографией, дневником и социологизированной прозой.

Список литературы

1. Сдобнова, С. В. Принципы анализа образов социологизированного художественного дискурса / С. В. Сдобнова // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : материалы IV Международной междисциплинарной научной конференции. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Институт иностранной филологии. Симферополь, 28-29 ноября 2019. – Симферополь : «Антиква», 2020. – С. 25–29.
2. Елизаветина, Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров / Г. Елизаветина // Русский и западноевропейский классицизм. – Москва, 1982. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/MEMUARNAYA_LITERATURA.html (дата обращения: 15.03.2025).

3. Павлова, С. Ю. Мемуарно-автобиографические жанры: к проблеме границ / С. Ю. Павлова // Саратовский государственный университет, 2008. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/memuarno-avtobiograficheskie-zhanry-k-probleme-granits/viewer> (дата обращения: 15.03.2025).

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОГНИТИВНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

УДК 331.56

БРЕНДИНГ В СМИ: КОНЦЕПЦИИ, ПОДХОДЫ И ОСОБЕННОСТИ

Н. А. Абуева¹, Ш. А. Азизов²,

¹доктор политических наук, профессор, визит-профессор, Институт европейских языков, Чжэцзянский университет иностранных языков Юэсю, Шаосин, Китайская Народная Республика; профессор-исследователь, Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации, гуманитарно-юридический факультет, Университет Туран,

Алматы, Республика Казахстан

²магистрант 1-го курса научно-педагогической магистратуры, Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации, гуманитарно-юридический факультет, Университет Туран,
Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В условиях цифровизации и изменения медийных предпочтений аудитории брендинг стал важнейшим фактором устойчивости и эффективности деятельности средств массовой информации. Современный медиабренд – это не просто логотип или визуальный стиль, а целостная система смыслов, визуальных и коммуникативных решений, создающая уникальное позиционирование на информационном рынке. В данной статье рассматриваются ключевые концепции медиабрендинга, анализируются подходы к формированию визуальной идентичности, раскрываются особенности применения фирменного стиля в СМИ. Особое внимание уделяется казахстанскому контексту и проблеме интеграции международного опыта с национальной спецификой. Статья опирается на актуальные научные источники последних лет и содержит обоснованные рекомендации по развитию брендинговой стратегии для казахстанских СМИ.

Ключевые слова: медиабрендинг, визуальная идентичность, фирменный стиль, коммуникационная стратегия, цифровое пространство, казахстанские СМИ.

Summary. In the context of digitalization and changes in the media preferences of the audience, branding has become the most important factor in the sustainability and effectiveness of the media. A modern media brand is not just a logo or a visual style, but an integral system of meanings, visual and communicative solutions that creates a unique positioning in the information market. This article discusses the key concepts of media branding, analyzes approaches to the formation of visual identity, and reveals the features of the use of corporate identity in the media. Particular attention is paid to the Kazakh context and the problem of integrating international experience with national specifics. The article is based on the current scientific sources of recent years and contains reasonable recommendations for the development of a branding strategy for the Kazakh media.

Key words: media branding, visual identity, corporate identity, communication strategy, digital space, Kazakhstani media.

Введение. В условиях стремительно развивающейся цифровой среды брендинг в средствах массовой информации становится неотъемлемым элементом устойчивого развития, конкурентоспособности и эффективности взаимодействия с аудиторией. Современные СМИ функционируют в сложной многоканальной коммуникационной среде, где информационные потоки приобретают всё более визуализированный и

персонализированный характер. Это предъявляет высокие требования не только к качеству контента, но и к способам его подачи, что обуславливает необходимость формирования сильного медийного бренда. Визуальная идентичность, коммуникационная стратегия и фирменный стиль приобретают стратегическое значение в формировании уникального образа медиа, укреплении его позиций на рынке и установлении доверительных отношений с потребителем.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что современная аудитория ориентируется не только на содержание, но и на форму его подачи, визуальную структуру и целостность бренда, что в совокупности влияет на уровень доверия и степень вовлечённости потребителей информации. Эстетическая целостность, последовательность визуального ряда, а также эмоциональная сопричастность, возникающая у пользователя при взаимодействии с брендом, становятся значимыми критериями выбора источника информации.

На глобальном уровне медиабрендинг трансформировался из маркетингового инструмента в самостоятельную концепцию, охватывающую элементы идентичности, репутации, визуальной коммуникации и смыслового позиционирования. При этом брендинг становится не только механизмом дифференциации, но и средством формирования устойчивой культурной и информационной миссии медиа. В условиях информационной перенасыщенности и растущей роли цифровых платформ медийный бренд становится маркером качества, подлинности и устойчивости. Как отмечает С. Цуй, упрощённая, но последовательно реализуемая визуальная идентичность усиливает распознаваемость бренда и способствует налаживанию долгосрочной связи с целевыми аудиториями [1].

В казахстанском медиапространстве медиабрендинг находится на стадии становления. Несмотря на наблюдаемые процессы цифровизации, казахстанские СМИ сталкиваются с рядом структурных проблем: отсутствием долгосрочной стратегии визуального развития, дефицитом кадров, недостаточной интеграцией креативных и дизайнерских решений в редакционные процессы. Согласно исследованию, визуальные предпочтения казахстанской молодёжи быстро адаптируются к глобальным стандартам, тем самым формируя спрос на качественно оформленный, визуально выстроенный и концептуально единый медиаконтент [2].

Проблема заключается также в том, что отечественные СМИ часто ограничиваются поверхностными элементами визуальной айдентики – логотипом и цветовой схемой – без выстраивания глубинной смысловой коммуникации с аудиторией. Г. Султанбаева и О. Ложникова подчёркивают, что системный бренд-менеджмент отсутствует в большинстве редакций, а стратегические коммуникационные практики чаще всего не формализованы и не интегрированы в редакционные процессы [3].

Таким образом, данная статья направлена на теоретическое и практическое осмысление медиабрендинга как инструмента устойчивого развития казахстанских медиа. Целью исследования является обобщение и систематизация современных научных подходов к медиабрендингу, анализ понятийного аппарата и ключевых концепций, а также выработка рекомендаций по внедрению визуальной идентичности и фирменного стиля в казахстанских СМИ с учётом международных практик и локальной специфики.

Задачи исследования:

- проанализировать сущность и структуру медиабрендинга в современных условиях;
- рассмотреть визуальный и смысловой компоненты фирменного стиля как инструменты позиционирования СМИ;

- выявить наиболее эффективные концепции медиабрендинга, используемые в международной практике;
- определить направления интеграции современных подходов в казахстанское медиапространство с учётом национального культурного контекста.

Настоящее исследование основано на анализе актуальной научной литературы за последние пять лет и направлено на создание методологической базы для дальнейших эмпирических и прикладных исследований в данной области.

Фирменный стиль как стратегический компонент медийного бренда.

Фирменный стиль в системе современного медиабрендинга выполняет гораздо более значимую функцию, чем просто эстетическое оформление или визуальная атрибутика. Он представляет собой сложный, многогранный и динамический механизм формирования идентичности медиаплатформы, который неразрывно связан с общей стратегией позиционирования СМИ в публичном пространстве. Визуальный стиль действует как первый уровень восприятия, создающий у аудитории устойчивое впечатление о характере, ценностях и уровне профессионализма медийной организации. Более того, он служит своеобразным фильтром, через который потребитель воспринимает и интерпретирует контент, сопоставляя его с визуальным оформлением, интонацией подачи и стилем коммуникации.

Этот инструмент не только усиливает узнаваемость бренда в условиях перенасыщенности информационного поля, но и играет важную роль в построении доверия, эмоциональной связи и долгосрочной лояльности аудитории. С помощью визуального языка, фирменного цвета, типографики, логотипа и композиционных решений медиа могут транслировать свою миссию, философию, позицию по ключевым вопросам, а также выделяться среди конкурентов, особенно в условиях высокой конкуренции и цифровой трансформации. Кроме того, фирменный стиль должен быть адаптивным и способным к органичной трансформации в различных медийных средах – от веб-сайтов и мобильных приложений до социальных сетей и мультимедийных платформ, что требует системного, стратегически выверенного подхода.

Современные теоретические исследования подчеркивают, что визуальная айдентика в медийной среде выполняет функции идентификации, коммуникативного посредничества, эмоционального отклика и устойчивости бренда [1; 2]. Она становится своего рода визуальным кодом, который закрепляется в сознании аудитории и служит своеобразным индикатором качества, профессионализма и доверия. Айдентика позволяет выделить медиа на фоне множества конкурентов, облегчает когнитивное распознавание и способствует формированию устойчивых ассоциативных связей. Кроме того, визуальная айдентика влияет на поведенческие установки потребителей, усиливая вовлечённость, лояльность и частоту взаимодействия с брендом.

Согласно данным С. Цуй, именно визуальная целостность и простота позволяют бренду быстрее запоминаться и эффективно конкурировать за внимание пользователей в онлайн-среде [1]. Простота оформления, последовательность в визуальных решениях и единообразие подачи контента создают эффект узнаваемости, который критически важен в условиях высокого информационного шума. Такие элементы, как логотип, цветовая палитра, типографика и оформление контента, формируют единую визуальную систему, которая должна быть согласована со смысловым и редакционным ядром медиа. Это обеспечивает не только внешний облик, но и внутреннюю логику визуального повествования, повышая уровень доверия к контенту и формируя визуальную репутацию.

Исследователь И. Крак дополняет, что фирменный стиль, последовательно реализованный в социальных сетях, повышает доверие к бренду и способствует его эмоциональной восприимчивости со стороны пользователей [4]. Более того, устойчивость визуальной идентичности играет важную роль в условиях кризисных

коммуникаций и репутационного давления: визуально стабильный бренд воспринимается как надёжный, контролирующий ситуацию и последовательный. Таким образом, визуальная идентичность превращается в активный инструмент маркетинга, репутационного менеджмента и общественного позиционирования, выходя далеко за рамки эстетической функции.

Фирменный стиль в СМИ играет также значимую культурную и символическую роль. Он становится своеобразным медиатором между аудиторией и редакцией, транслируя не только визуальные характеристики, но и более глубокие культурные коды, ценностные ориентации и общественную миссию медиаплатформы. Через символику, цветовую гамму, типографику и даже риторику визуального представления фирменный стиль становится языком, на котором редакция говорит со своей аудиторией. Он формирует контекст восприятия контента и способствует укреплению связей между медиа и его сообществом, особенно в условиях растущей фрагментации информационного поля.

Как подчёркивают исследователи У. Есенбекова и др., визуальная подача информации, соответствующая эстетическим ожиданиям цифрового поколения, формирует доверие, повышает уровень вовлечённости и способствует эмоциональному отклику аудитории [2]. Молодёжь, ориентированная на интуитивное восприятие информации через визуальные метафоры, требует от СМИ не только эстетики, но и символической глубины, которая резонирует с их личным опытом и культурной идентичностью. Визуальное оформление медиаплатформы начинает выполнять функцию навигации и идентификации в перегруженном медийном пространстве.

В казахстанской медийной практике наблюдаются многочисленные и системные проблемы, связанные с внедрением и управлением фирменным стилем, что ограничивает развитие полноценного медиабрендинга. Как указывают Г. Султанбаева и О. Ложникова (2020), большинство редакций ограничиваются применением лишь базовых визуальных элементов бренда, таких как логотип или цветовая палитра, игнорируя при этом разработку брендбуков, стратегий визуальной коммуникации и стандартизированных гайдлайнов [3]. Это приводит к формированию визуальной эклектики, в которой отсутствует целостность, последовательность и узнаваемость, а сама визуальная среда становится набором случайных решений, неспособных обеспечить стабильное и узнаваемое позиционирование на высококонкурентном медиарынке, особенно в условиях глобализации и цифровой трансформации.

В дополнение к этому, в большинстве медийных организаций Казахстана отсутствует чётко структурированное взаимодействие между редакционным, маркетинговым и дизайнерским отделами. Недостаточная координация между этими ключевыми сегментами внутри организации провоцирует визуальную фрагментарность и снижает эффективность восприятия бренда. Эта проблема становится особенно ощутимой в цифровом пространстве, где визуальная идентичность требует гибкости, регулярного обновления и интеграции с пользовательским интерфейсом. Платформы, присутствующие одновременно в веб- и мобильной среде, а также в социальных сетях, нуждаются в согласованной визуальной политике, что требует высокого уровня стратегического бренд-менеджмента.

Также стоит отметить, что отсутствие стратегического видения у руководства ряда редакций приводит к краткосрочному планированию и ограниченному использованию визуальных ресурсов. Это, в свою очередь, не позволяет адаптировать бренд под изменения в медиапотреблении, культурных ожиданиях и технологиях. Таким образом, переход к комплексному бренд-менеджменту, основанному на кросс-функциональном взаимодействии и долгосрочном визуальном планировании, остаётся одной из ключевых задач для казахстанских медиаструктур, стремящихся к

устойчивому развитию, конкурентоспособности и профессионализации визуальной составляющей бренда.

Формирование и развитие фирменного стиля требует системного, междисциплинарного подхода, предполагающего тесное взаимодействие креативных, управленческих, технических и аналитических команд. На сегодняшний день эффективная реализация медиабрендинга невозможна без чёткой координации между отделами дизайна, редакционной политикой и маркетинговыми структурами, что позволяет обеспечить целостность визуального образа, согласованность смысловых сообщений и последовательность коммуникационной стратегии. Для этого необходима разработка детализированных бренд-стратегий, внедрение единых стандартов визуальной подачи информации, создание брендбуков и внутренних протоколов контроля качества визуального контента. Особенно важно привлекать специалистов нового типа – медиабренд-менеджеров, способных совмещать дизайнерскую интуицию с аналитическим пониманием медиаполитики, маркетинга, цифровой аналитики и поведенческой психологии аудитории.

Таким образом, эффективное внедрение фирменного стиля требует междисциплинарного подхода, включающего визуальные, смысловые, управленческие и образовательные компоненты, а также постоянной аналитики обратной связи от пользователей. Необходимо учитывать не только эстетические и дизайнерские параметры, но и поведенческие аспекты восприятия бренда, влияние культурных и социальных факторов, а также соответствие визуальной идентичности стратегическим целям медиаорганизации. В этом контексте важную роль играет подготовка специалистов нового поколения, способных комплексно подходить к разработке и реализации фирменного стиля с учётом как глобальных трендов, так и локальных особенностей медиапотребления.

Список использованных источников

1. Цуй, С. Повышение узнаваемости бренда с помощью упрощенной визуальной идентичности: влияние и преимущества / С. Цуй // Веб-конференция SHS. – 2024. – Т. 207. – Статья 02019.
2. Есенбекова, У. Влияние цифрового формата на информационное потребление и читательскую культуру казахстанской молодежи / У. Есенбекова // Издательский журнал Research Quarterly. – 2025.
3. Султанбаева, Г. Цифровая трансформация в Казахстане / Г. Султанбаева, О. Ложникова // Вестник. Серия филологических наук. – 2020.
4. Крак, И. Корпоративная визуальная идентичность (CVI) в социальных сетях: исследование эффектов последовательного CVI / И. Крак ; Университет Твенте. – 2014.

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ РАМКИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ МАСС-МЕДИА И КУЛЬТУРЫ

Н. А. Абуева¹, А. С. Бузело²,

¹доктор политических наук, профессор, визит-профессор, Институт европейских языков, Чжэцзянский университет иностранных языков Юэсю, Шаосин, Китайская Народная Республика; профессор-исследователь, Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации, гуманитарно-юридический факультет, Университет Туран,

Алматы, Республика Казахстан

²кандидат филологических наук, профессор, Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации, гуманитарно-юридический факультет, Университет Туран, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются интерпретационные рамки высказываний в современном дискурсе масс-медиа и культуры, поскольку важно критически проанализировать медийные тексты. Исследуются факторы, влияющие на восприятие и адаптацию информации, на основе анализа теоретических подходов в изучении данного феномена и реальных примеров из казахстанской и международной практики. Особое внимание уделяется взаимодействию традиционных культурных ценностей и глобальных трендов, роли языка, политики и социальных медиа в формировании интерпретаций. Выводы подчёркивают необходимость развития медиаграмотности, критического мышления и культурной осведомлённости для эффективного взаимодействия в поликультурной среде. Обсуждение актуальных проблем в ходе работы X Международного научного конгресса «Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы», на наш взгляд, позволит обменяться мнениями и прийти к интересным умозаключениям и рекомендациям. Данная статья адресована специалистам в области культурологии, филологии, медиакоммуникаций и социологии, а также широкой аудитории, интересующейся данными проблемами.

Ключевые слова: интерпретация, информационное пространство, медийное пространство, культурное пространство, Казахстан, глобализация, медиаграмотность, национальная идентичность, язык, социальные медиа, культурные ценности, политическая риторика.

Summary. The article examines interpretative frameworks for statements in contemporary mass media and cultural discourse, emphasizing the critical analysis of media texts. It investigates factors influencing the perception and adaptation of information through an analysis of theoretical approaches to this phenomenon and real-world examples from Kazakhstan and international practice. Particular attention is paid to the interplay between traditional cultural values and global trends, as well as the role of language, politics, and social media in shaping interpretations. The findings underscore the necessity of fostering media literacy, critical thinking, and cultural awareness to enable effective engagement in multicultural environments. The discussion of pressing issues during the X International Scientific Congress “Philology. Social and National Variability of Language and Literature” is posited to facilitate the exchange of perspectives and yield insightful conclusions and recommendations. This article is intended for scholars in cultural studies, philology, media communications, and sociology, as well as a broader audience interested in these interdisciplinary challenges.

Key words: Interpretation, informational space, media space, cultural space, Kazakhstan, globalization, media literacy, national identity, language, social media, cultural values, political rhetoric.

Введение. Границы интерпретации высказывания в информационном, медийном и культурном пространстве современного общества являются важным и многослойным вопросом, который затрагивает как теоретические, так и практические аспекты восприятия и осмысления информации.

Современное общество живет в условиях стремительного роста информационных потоков, которые ежедневно формируют восприятие, мнение и поведение людей. Цифровизация медиа, развитие социальных сетей и глобализация культурных связей сделали информацию доступной в любое время и в любом месте. Однако вместе с этим появилась новая сложность: как понять истинный смысл высказывания в условиях многоязычного, культурно разнообразного и иногда поляризованного мира?

Интерпретация высказываний всегда была сложным процессом, поскольку она зависит от множества факторов, включая контекст, культурный фон, лингвистические особенности и медийную подачу. В условиях современного общества эти факторы приобрели ещё большее значение. Высказывания, особенно транслируемые через социальные сети и средства массовой информации, могут быть искажены, намеренно или непреднамеренно, в процессе их передачи и восприятия разными аудиториями. Это может привести к недоразумениям, социальным конфликтам или даже международным инцидентам.

В этом контексте Республика Казахстан представляет собой интересный пример для исследования. Будучи страной с богатым культурным наследием, многоязычным населением и стратегически важным географическим положением, Казахстан одновременно участвует в глобальных информационных процессах и сохраняет уникальный национальный характер. Казахский, русский и всё больше английский язык играют важную роль в формировании информационного пространства страны, а культурные коды и традиции добавляют ещё больше оттенков интерпретации.

Информационное пространство современного общества характеризуется высокой скоростью распространения данных и множеством каналов коммуникации. В этом контексте границы интерпретации высказывания могут быть размытыми и многозначными по нескольким причинам, например, многозначность, контекстуальность и т.д.

Кроме того, медийное пространство Казахстана активно развивается, сталкиваясь с глобальными вызовами. Например, важными становятся вопросы точности информации, ответственности за её распространение, а также защиты национального культурного кода в условиях глобализации. В последние годы мы наблюдаем, как медийные высказывания становятся не только средством коммуникации, но и инструментом влияния, что требует особого внимания к их интерпретации.

В условиях глобализации и цифровизации информация распространяется через различные каналы (средства массовой информации, социальные сети, блоги, подкасты и т. д.), что приводит к множеству интерпретаций одного и того же высказывания. Один и тот же текст может быть воспринят по-разному в зависимости от контекста (например, политического, социального, культурного). Второй пример: манипуляции и фальсификации: в условиях борьбы за внимание аудитории и создания нужного общественного мнения нередко используются различные некорректные методы, фейковые новости, а также разного рода фальсификации и манипуляции в СМИ.

Цель данной статьи — исследовать границы интерпретации высказываний в информационном, медийном и культурном пространстве современного общества,

уделяя особое внимание казахстанскому контексту. В работе будут рассмотрены теоретические подходы к интерпретации, проанализированы конкретные примеры из казахстанских медиа и других стран, а также предложены практические рекомендации для сохранения точности и культурной грамотности при взаимодействии с информацией.

1. Теоретические основы. Интерпретация высказываний представляет собой сложный и многогранный процесс, в основе которого лежит взаимодействие автора, текста и аудитории. Умберто Эко, известный философ и семиотик, отмечал, что текст всегда находится в диалоге с читателем, который привносит в него собственные смыслы [1]. Однако интерпретация не является бесконечно свободной: границы её определяются контекстом, культурным кодом и структурой самого высказывания. Современная цифровая эпоха внесла в этот процесс дополнительные сложности, когда одно и то же сообщение может восприниматься совершенно по-разному в зависимости от аудитории и её информационного окружения.

Особую роль в этом играют медиа. Согласно теории «повестки дня» МакКомбса и Шоу, средства массовой информации не только передают информацию, но и формируют рамки её восприятия. Это явление, известное как «фрейминг», становится особенно значимым в глобализованном медийном пространстве. Например, международные события, такие как политические кризисы или культурные конфликты, через призму различных национальных СМИ могут приобретать совершенно разные интерпретации. В Казахстане, где национальная идентичность и интересы имеют важное значение, медиа активно используют этот механизм, адаптируя международные новости к местному контексту. Это проявляется, например, в акцентах на национальные ценности или в использовании определённых терминов, формирующих нужное восприятие аудитории [2; 3].

Культурные коды также играют важную роль в процессе интерпретации. Каждый текст или высказывание содержат символы и значения, которые могут быть понятны только в рамках определённой культуры. В Казахстане такие понятия, как «ұрпақ» (потомство) или «қонақжайлық» (гостеприимство), имеют глубокое историческое и культурное значение, которое зачастую невозможно передать напрямую представителям других культур. Языковая ситуация в стране, где сосуществуют казахский, русский и английский языки, создаёт ещё более сложные условия для интерпретации. Выражения, понятные в одном языке, могут нести другой смысл при переводе или вовсе терять свою эмоциональную окраску.

Эти культурные аспекты тесно связаны с концепцией кросс-культурной коммуникации, описанной в работах Гирарда Хофстеде. Различия между высоко- и низконтекстными культурами становятся особенно заметными в глобальной коммуникации [4]. Казахстан, как страна с высококонтекстной культурой, придаёт больше значения подразумеваемому смыслу, чем прямым выражениям. Это часто становится причиной недоразумений в международном диалоге, где прямота и ясность (характерные, например, для США) являются основой общения.

Таким образом, процесс интерпретации высказываний в современном мире нельзя рассматривать в отрыве от медийного влияния, культурных кодов и кросс-культурного контекста. Эти аспекты формируют сложную систему, в которой высказывания могут восприниматься диаметрально противоположно разными аудиториями. В следующих частях статьи рассмотрены примеры, которые демонстрируют, как эти факторы влияют на интерпретацию в информационном пространстве Казахстана и за его пределами.

2. Информационное и медийное пространство. Современное информационное пространство, насыщенное огромным количеством источников и каналов передачи данных, оказывает решающее влияние на процесс интерпретации высказываний.

Социальные сети, новостные порталы, телевидение и мессенджеры ежедневно формируют повестку, задавая тон и направление общественного дискурса. Этот процесс, называемый «повесткой дня» (agenda-setting), активно исследуется учеными, такими как МакКомбс и Шоу, которые показали, что медиа не только передают информацию, но и определяют, на что именно аудитория должна обратить внимание [2].

Для Казахстана информационное пространство представляет собой сочетание глобальных и локальных тенденций. С одной стороны, международные медиа и социальные сети, такие как Facebook, Twitter и Instagram, оказывают значительное влияние на формирование взглядов, особенно среди молодежи. С другой стороны, национальные СМИ, включая телеканалы, новостные сайты и казахстанские сегменты социальных платформ, продолжают играть важную роль, сохраняя акцент на национальных интересах и культурных особенностях.

Одной из ключевых особенностей медийного пространства является его фрагментация. Разные группы аудитории потребляют информацию из различных источников, что создает эффект «информационных пузырей». Например, представители старшего поколения в Казахстане чаще доверяют традиционным медиа, таким как телевидение, тогда как молодёжь ориентируется на международные платформы и блогеров. Это приводит к тому, что одно и то же высказывание может восприниматься совершенно по-разному в зависимости от платформы, на которой оно распространяется.

Примером такого явления может служить освещение экологических проблем в Казахстане. В 2022 году обсуждение строительства завода по переработке лития в Жамбылской области вызвало оживленную дискуссию в социальных сетях. В международных источниках акцент делался на экономической выгоде проекта и его значении для глобального перехода на «зеленую» энергетику. В то же время в казахстанских медиа внимание сосредотачивалось на экологических рисках и протестах местного населения. Разные акценты в подаче информации привели к поляризации мнений среди казахстанской аудитории, где одни поддерживали проект, видя в нем прогресс, а другие воспринимали его как угрозу экосистем [7].

Языковой вопрос в медийном пространстве Казахстана играет значительную роль, оказывая влияние на характер подачи и восприятия информации. Три основные языковые группы – казахский, русский и английский – вносят свой вклад в формирование уникального информационного ландшафта страны. Казахоязычные СМИ, как правило, акцентируют внимание на вопросах национальной идентичности и культурных ценностях, отражая исторические и социальные особенности страны. Русскоязычные источники информации часто предлагают широкий спектр аналитических материалов, уделяя внимание как внутренним, так и международным вопросам. Англоязычные платформы, несмотря на ограниченную аудиторию, играют важную роль в представлении Казахстана на международной арене, способствуя его интеграции в глобальное информационное пространство.

Эти особенности информационного пространства создают условия, в которых интерпретация высказываний становится чрезвычайно сложной задачей. Влияние алгоритмов социальных сетей, усиление эмоционального контента и использование манипулятивных методов подачи информации делают аудиторию не только потребителями, но и активными участниками процесса интерпретации. Таким образом, информационное пространство Казахстана является живым примером того, как глобальные и локальные факторы переплетаются, формируя уникальные рамки восприятия.

3. Культурное пространство и границы интерпретации. Культурное пространство современного общества представляет собой сложный механизм, в

котором пересекаются традиционные и современные ценности. В Казахстане это пространство формируется на основе многовекового исторического наследия, дополняемого процессами глобализации. Культура здесь выполняет роль связующего элемента, который определяет восприятие информации, задаёт рамки для её интерпретации и оказывает влияние на формирование общественного сознания.

Один из примеров важности культурного пространства – использование исторических символов и архетипов в общественном и политическом дискурсе. Традиционные образы, такие как фигура батыра (героя) или мотивы кочевого образа жизни, часто используются для создания идентификационных моделей, понятных широкой аудитории. Эти элементы, будучи глубоко укоренёнными в коллективной памяти, способствуют укреплению национальной идентичности, но в то же время ограничивают восприятие определёнными рамками. Например, в международном контексте подобные символы могут восприниматься как нечто экзотическое, что затрудняет их универсальное понимание [8].

Взаимодействие с глобальными трендами добавляет новый уровень сложности. Молодое поколение активно вовлекается в процесс создания и интерпретации смыслов, часто используя цифровые технологии для выражения своих идей. Этот процесс сопровождается адаптацией традиционных культурных элементов к современным условиям. Например, музыкальные произведения с использованием национальных инструментов или визуальные изображения, основанные на казахских орнаментах, переосмысливаются для представления на международной арене. Такие адаптации позволяют Казахстану участвовать в глобальном культурном диалоге, но требуют внимательного подхода, чтобы избежать утраты оригинального смысла.

Особую сложность представляет интерпретация культурных ценностей в контексте современных общественных дискуссий. Например, вопросы, связанные с сохранением семейных традиций, могут вызывать различные реакции у разных групп населения. Для одних это – способ укрепления национальной идентичности, для других – повод для критики из-за их несоответствия современным социальным реалиям. Такое разнообразие точек зрения подчёркивает важность развития культурной грамотности, позволяющей учитывать, как исторические корни, так и современные вызовы.

Политические аспекты также тесно связаны с границами интерпретации. В Казахстане культурная политика служит инструментом не только сохранения традиций, но и формирования позитивного имиджа страны. Государственные инициативы, такие как популяризация национального наследия через международные форумы или культурные проекты, выполняют сразу несколько функций: укрепляют чувство гордости внутри страны и способствуют укреплению позиции Казахстана в мировом сообществе.

Таким образом, культурное пространство и границы интерпретации в современном обществе представляют собой динамичную систему, в которой взаимодействуют традиционные ценности и современные тренды. Осмысление этого взаимодействия позволяет не только сохранить уникальность национальной культуры, но и адаптировать её к изменяющимся условиям, делая её понятной и востребованной как внутри страны, так и за её пределами.

Культурное пространство Казахстана – это не только хранилище традиций, но и динамичная платформа, где переосмысливаются и создаются новые смыслы. Эти процессы формируют уникальные границы интерпретации, которые отражают как локальные, так и глобальные тенденции.

Одним из ярких примеров взаимодействия культуры и интерпретации являются проекты, связанные с национальной идентичностью. Например, инициатива «Рухани жаңғыру» стала важным этапом в популяризации культурных ценностей, таких как казахский язык, история и искусство. Внутри страны программа была воспринята как

значительный шаг к укреплению национальной идентичности, но её интерпретация за пределами Казахстана иногда носила иной характер. Некоторые международные эксперты воспринимали её как проявление культурного национализма, что подчёркивает разницу в восприятии одного и того же явления в зависимости от контекста [5].

Другой пример можно найти в языке и связанных с ним реформах. Переход на латиницу, начатый в рамках языковой политики, вызвал широкий спектр реакций как среди населения Казахстана, так и в международном сообществе [6]. Для одних это был шаг к модернизации и сближению с мировым сообществом, для других – сложный процесс, требующий значительных усилий и вызывающий сомнения. В глобальном контексте этот шаг часто интерпретируется как способ усиления культурной независимости Казахстана, но внутри страны мнения разделились, что подчёркивает сложность восприятия таких реформ.

Роль интерпретации особенно заметна в случаях, связанных с экологическими инициативами. Например, планы по строительству завода по переработке лития в Жамбылской области вызвали разнообразные интерпретации. На локальном уровне внимание сосредоточилось на экологических рисках и на негативной реакции местных жителей, тогда как международные медиа акцентировали внимание на значении проекта для устойчивого развития. Такие примеры показывают, как различия в фокусе и акцентах приводят к совершенно разным интерпретациям одного и того же события [9].

Ещё одной интересной иллюстрацией может служить использование цифровых технологий для популяризации культуры. Молодёжные проекты, такие как адаптация традиционной музыки и визуального искусства для представления на международных платформах, становятся не только способом сохранения традиций, но и средством их интерпретации для новой аудитории. Однако успех таких инициатив часто зависит от способности их создателей адаптировать культурные элементы к ожиданиям международной аудитории, не теряя при этом их уникальности.

Заключение. Интерпретация высказываний в современном обществе является сложным и многогранным процессом, который формируется на пересечении информационного, медийного и культурного пространств. Казахстан, как часть глобального сообщества, предоставляет уникальный пример того, как традиционные ценности взаимодействуют с современными реалиями. Анализ культурных кодов, медиапрактик и политических инициатив показывает, что границы интерпретации зависят от контекста, языка и целевой аудитории.

Важнейший вывод заключается в том, что интерпретация всегда многозначна: одно и то же высказывание может восприниматься иначе в зависимости от социального, культурного и политического контекста. Это особенно заметно в условиях глобализации, где локальные особенности сталкиваются с универсальными трендами. Различия в интерпретации часто становятся источником недоразумений, что подчёркивает важность развития критического мышления и культурной грамотности.

Для успешного преодоления этих вызовов можно рекомендовать следующие шаги:

1. Развитие критического подхода к информации

В условиях цифровизации необходимо формировать у граждан навыки анализа и интерпретации информации. Это особенно важно для молодежи, которая активно использует социальные сети и цифровые платформы как основной источник информации. Внедрение образовательных программ, направленных на развитие медиаграмотности, позволит людям лучше понимать контекст и избегать ошибок в интерпретации.

2. Сохранение и адаптация культурного наследия

Важно находить баланс между сохранением национальной идентичности и её адаптацией к современным условиям. Это включает популяризацию культурных традиций через современные форматы, такие как цифровое искусство, музыкальные проекты и международные культурные обмены. Такой подход поможет сделать культуру Казахстана доступной и понятной для глобальной аудитории.

3. Поддержка языковой политики

Язык является важнейшим инструментом формирования границ интерпретации. Важно продолжать поддерживать развитие казахского языка как основы национальной идентичности, одновременно укрепляя многоязычие как способ взаимодействия с глобальным сообществом. Лингвистические инициативы, такие как переход на латиницу, должны сопровождаться информационными и образовательными кампаниями, чтобы минимизировать недопонимание и сопротивление.

4. Содействие диалогу между культурами

В условиях многонационального общества важно создавать платформы для обмена мнениями и взаимодействия между различными культурными группами. Международные форумы, научные конференции и культурные мероприятия могут способствовать лучшему пониманию различий и укреплению межкультурного диалога.

5. Ответственное освещение в медиа

Средства массовой информации играют ключевую роль в формировании интерпретаций. Рекомендовано развивать стандарты журналистики, которые обеспечат объективное и сбалансированное освещение событий. Это включает внимание к языковым особенностям, учёт культурного контекста и избегание поляризации.

Таким образом, развитие навыков интерпретации высказываний и учёт культурного контекста являются ключевыми факторами для эффективного взаимодействия в современном обществе. Казахстан, как страна с богатым наследием и активным участием в глобальных процессах, может служить примером того, как сохранить баланс между локальными традициями и глобальными трендами, преодолевая барьеры в понимании и восприятии.

Список использованных источников

1. Эко, У. Открытое произведение / У. Эко. – Москва : Академический проект, 1995. – 288 с.
2. МакКомбс, М. Функция установки повестки дня средствами массовой информации / М. МакКомбс, Д. Шоу // Public Opinion Quarterly. – 1972. – Т. 36, № 2. – С. 176–187.
3. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – Москва : Академический проект, 1994. – 304 с.
4. Хофстеде, Г. Культуры и организации: Программирование ума / Г. Хофстеде. – Москва : Юнити-Дана, 2001. – 416 с.
5. Стратегия «Рухани жаңғыру» как основа модернизации общественного сознания : [официальный сайт Президента Республики Казахстан]. – URL: <https://www.akorda.kz> (дата обращения: 12.12.2024).
6. Переход казахского языка на латиницу: учёные выбрали вариант алфавита, который может стать окончательным // Informburo.kz. – URL: <https://informburo.kz/novosti/perexod-kazaxskogo-yazyka-na-latinicu-ucyonye-vybrali-variant-alfavita-kotoryi-mozet-stat-okoncatelnym> (дата обращения: 12.12.2024).
7. Социальные протесты и их освещение в медиа: анализ и выводы // Vlast.kz. – URL: <https://vlast.kz> (дата обращения: 12.12.2024).
8. Международные инициативы Казахстана в рамках устойчивого развития // Kazakhstan Today. – URL: <https://kaztag.kz> (дата обращения: 12.12.2024).
9. Казахстан в глобальном медиaprостранстве: вызовы и возможности // Международный журнал медийных исследований. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 32–45.
10. Традиции и современность: роль национальной культуры в общественном сознании Казахстана // Журнал социокультурных исследований. – 2022. – Т. 10, № 3. – С. 56–78.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. А. Абуева¹, А. С. Бузело², Д. Б. Каракушев³,

¹доктор политических наук, профессор, визит-профессор, Институт европейских языков, Чжэцзянский университет иностранных языков Юесю, Шаосин, Китайская Народная Республика; профессор-исследователь, Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации, гуманитарно-юридический факультет, Университет Туран, Алматы, Республика Казахстан

²кандидат филологических наук, профессор, Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации, гуманитарно-юридический факультет, Университет Туран, Алматы, Республика Казахстан

³магистрант 2-го курса научно-педагогической магистратуры по специальности «Журналистика», Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации, гуманитарно-юридический факультет, Университет Туран, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и перспективы развития информационной культуры. Анализируются основные проблемы и дальнейшие перспективы развития информационной культуры в Казахстане в контексте современного медиапространства и глобальных вызовов XXI века. Поскольку важно изучить вопрос – является ли информационная культура в Казахстане социальным явлением, формирующим поведение и мировоззрение современного общества, актуальность исследования проблемы и перспективы развития информационной культуры в контексте нового медийного ландшафта XXI века бесспорна. Автор полагает, что информационная культура – это не только владение цифровыми технологиями, но и способность критически оценивать информацию, учитывать её достоверность, а также осознавать риски, связанные с дезинформацией и киберугрозами. В статье изучены не только проблемы и перспективы развития информационной культуры в Казахстане, но также предлагаются рекомендации и пути решения вопроса дальнейшего развития информационной культуры человека в контексте современного медиапространства и глобальных вызовов XXI века.

Ключевые слова: информационная культура, РК, журналистика, СМИ, цифровые технологии, цифровая инфраструктура, информационное общество, киберугрозы, дезинформация, кликбейт.

Summary. The article discusses the problems and prospects of the development of information culture. The article analyzes the main problems and further prospects for the development of information culture in Kazakhstan in the context of the modern media space and global challenges of the XXI century. Since it is important to study the question of whether the information culture in Kazakhstan is a social phenomenon, that shapes the behavior and worldview of modern society, the relevance of the study of the problem and prospects of the development of information culture in the context of the new media landscape of the XXI century is undeniable. The author believes that information culture is not only the proficiency of digital technologies, but also the ability to critically evaluate information, assess its reliability, and be aware of the risks associated with disinformation and cyber threats. The article examines not only the problems and prospects for the development of information culture in Kazakhstan but also offers recommendations and strategies for addressing of further development of human information culture in the context of the modern media space and global challenges of the XXI century.

Key words: information culture, Kazakhstan, journalism, media, digital technologies, digital infrastructure, information society, cyber threats, disinformation, clickbait.

Развитие информационной культуры в Казахстане происходит на фоне стремительной цифровизации общества. Поэтому важно комплексно изучить выявить ключевые проблемы информационной культуры в Казахстане и определить перспективные направления её развития. Кроме того, важно проанализировать основные теоретические подходы к понятию «информационная культура»; рассмотреть текущее состояние информационной культуры в Казахстане; выявить ключевые проблемы, связанные с развитием информационной культуры в условиях цифровизации; а также определить перспективные пути улучшения информационной грамотности населения. В целом, задача заключается в комплексном анализе проблем информационной культуры в Казахстане в условиях цифровизации и трансформации медиaprостранства. В отличие от существующих исследований, основной акцент делается на выявление реальных вызовов и возможностей, обусловленных новыми технологическими и социальными реалиями XXI века.

Проблемы информационной культуры. Современная информационная среда Казахстана сталкивается с рядом серьёзных вызовов, препятствующих формированию полноценной информационной культуры. Среди них особенно выделяются проблема фейковых новостей и дезинформации, а также цифровой разрыв, создающий неравномерный доступ к знаниям и технологиям.

Активное распространение фейковых новостей, дезинформации и манипулятивного контента стало представлять большую угрозу для информационной культуры Казахстана. В условиях цифровизации традиционные СМИ больше не являются единственным источником информации – их место все чаще занимают социальные сети, мессенджеры и альтернативные медиа, где контроль за достоверностью сведений минимален [1; 2].

(Рис. 1 Статистика за декабрь 2022 года) [3]

Поэтому будет важным отметить основные факторы распространения фейков:

Социальные сети и мессенджеры	Одни из главных каналов передачи непроверенной информации. Массовые рассылки слухов, теорий заговора и политически ангажированных сообщений могут влиять на общественное мнение и формировать искажённую картину реальности.

Низкий уровень критического мышления	Многие пользователи воспринимают информацию без её проверки, особенно если она эмоционально окрашена или исходит от знакомых.

Алгоритмы цифровых платформ	Соцсети подстраивают контент под интересы пользователей, формируя так называемые информационные пузыри. Это усиливает поляризацию общества и препятствует объективному восприятию новостей.

Гибридные информационные угрозы	Дезинформация может распространяться намеренно с целью манипуляции общественным мнением, что особенно актуально в контексте политических и экономических процессов.

Последствиями подобных действий проявляют несколько значительных негативных факторов [1]. Во-первых, это подрыв доверия к официальным средствам массовой информации и государственным источникам. Во-вторых, дезинформация может оказывать влияние на политическую и социальную стабильность, способствуя распространению слухов о выборах, кризисах и экономических проблемах. В-третьих, ложные сведения способны усилить панические настроения в обществе, что особенно ярко проявилось во время пандемии COVID-19.

Для противодействия подобных ситуаций, обществом и правительством применяются различные меры. Одним из ключевых способов является развитие фактчекинга [2]. Такой инициативой считается factcheck.kz, независимая платформа, занимающиеся проверкой достоверности информации в Казахстане. Кроме того, важным направлением является повышение уровня медиа- и цифровой грамотности среди населения. Дополнительно рассматриваются государственные и общественные инициативы, направленные на предотвращение распространения фейковых новостей и дезинформации.

Цифровой разрыв – это неравномерный доступ разных групп населения к информационным и цифровым технологиям. В Казахстане эта проблема связана с несколькими аспектами: географическим, экономическим и поколенческим.

Основные причины цифрового разрыва:

Географическое неравенство	Жители крупных городов имеют доступ к высокоскоростному интернету и цифровым услугам, тогда как в сельской местности инфраструктура развита слабее.

Экономические факторы	Не все граждане могут позволить себе современные гаджеты и стабильный доступ к интернету.

Разрыв между поколениями	Молодёжь быстрее адаптируется к цифровой среде, тогда как пожилые люди часто испытывают сложности с освоением технологий.

Гибридные информационные угрозы	Дезинформация может распространяться намеренно с целью манипуляции общественным мнением, что особенно актуально в контексте политических и экономических процессов.

Последствиями цифрового разрыва могут стать ограниченный доступ к образованию и информации у сельских жителей, неравные возможности на рынке труда – отсутствие цифровых навыков снижает конкурентоспособность работников, и усиление социальной изоляции у тех, кто не вовлечён в цифровую среду.

Возможные решения:

1. Проведение образовательных инициатив для обучения цифровым навыкам разных возрастных групп.
2. Поддержка малоимущих граждан через программы льготного доступа к цифровым технологиям.

Информационная безопасность

Современная информационная среда требует не только умения ориентироваться в потоке данных, но и осознания угроз, связанных с кибербезопасностью [4], манипуляцией общественным мнением и нарушением цифровой этики [5]. В этом разделе рассматриваются три важные проблемы: информационная безопасность, критическое мышление и этика цифрового взаимодействия [6].

В эпоху цифровизации защита персональных данных и информационных ресурсов становится приоритетной задачей. В Казахстане, как и во многих странах, наблюдается рост киберугроз: мошенничество, утечки данных, хакерские атаки, фишинговые схемы.

(Рис. 2 Статистика за январь 2021 года) [4]

Основываясь на различных метриках, были выделены основные проблемы информационной безопасности:

1. Низкий уровень осведомлённости населения о киберугрозах – многие пользователи не знают, как защитить свои данные, не используют сложные пароли и легко попадают на мошеннические схемы.
2. Фишинг и онлайн-мошенничество – поддельные сайты, электронные письма и мошеннические звонки, связанные с банковскими услугами или покупками, остаются распространённой проблемой.
3. Утечки персональных данных – частые случаи незаконного использования личных данных, утечек баз данных государственных и частных организаций.
4. Кибератаки на госучреждения и бизнес – растёт количество атак на финансовые и административные структуры, что угрожает экономической стабильности.

Из предпринятых действий повышения информационной безопасности можно отметить: «Киберщит Казахстана», образовательные программы по цифровой безопасности для граждан и инициативы по усилению контроля за хранением и обработкой персональных данных.

Для поддержки от вышесказанного надо развивать критическое мышление. Критическое мышление – это одна из ключевых компетенций информационной культуры, которая позволяет людям анализировать информацию, выявлять ложные сведения и делать обоснованные выводы. Однако в Казахстане наблюдаются низкий уровень критического восприятия информации и высокий уровень доверия к слухам и непроверенным источникам.

Из этого можно предположить слабые навыки анализа информации у населения, возможном негативном влиянии социальных сетей и частых манипуляциях в медиа (пропаганда, политическое ангажирование). Каждая из этих возможностей или снижает объективность, или создаёт ложное ощущение правоты в своей точки зрения.

В качестве профилактики критического мышления можно применить следующие шаги:

1. Введение в школьную и университетскую программы курсов по медиа- и информационной грамотности (что уже в некоторой мере выполняется).
2. Поддержка независимых СМИ и фактчекинговых платформ (Factcheck.kz, MediaNet).
3. Развитие дискуссионной культуры и научного подхода к анализу информации.

В то же время, следует понимать, что с увеличением онлайн-коммуникации возрастает важность цифровой этики – правил поведения в интернете, которые регулируют взаимодействие между людьми. Однако в Казахстане, как и в других странах, проблемы кибербуллинга, анонимных атак и распространения токсичного контента остаются актуальными.

Основные проблемы цифровой этики:		Способы решения:
Кибербуллинг	Травля, оскорбления, угрозы в интернете, особенно в отношении детей и подростков.	Разработка и внедрение законов, регулирующих поведение в интернете.
Нарушение цифровой приватности	Публикация личных данных без согласия, слежка за пользователями через соцсети.	Воспитание культуры уважительного общения в сети.
Распространение ненавистнического контента	Нетерпимость к различным социальным и этническим группам, дискриминация.	Усиление контроля за распространением оскорбительного контента в социальных медиа.

Фейковые новости и цифровой разрыв – это серьёзные вызовы для развития информационной культуры Казахстана. Их преодоление требует комплексного подхода, включающего государственные инициативы, повышение медиаобразованности населения и развитие технологической инфраструктуры.

Информационная безопасность, критическое мышление и цифровая этика – важнейшие аспекты информационной культуры, требующие комплексных решений. Казахстану необходимо развивать образовательные программы, совершенствовать законодательство и повышать цифровую осведомлённость граждан, чтобы адаптироваться к вызовам нового медиа-ландшафта XXI века.

Несмотря на существующие проблемы, Казахстан имеет значительный потенциал для развития информационной культуры. Улучшение ситуации возможно за счёт расширения медиаобразования, эффективной государственной политики и поддержки качественной журналистики. Эти направления помогут сформировать общество, способное критически воспринимать информацию, осознанно использовать цифровые технологии и защищать себя в информационном пространстве.

Одним из ключевых направлений повышения информационной культуры является развитие медиаобразования и цифровой грамотности. В Казахстане уже

предпринимаются шаги в этом направлении, но пока они носят точечный характер и требуют системного подхода.

Актуальность медиаобразования заключается в формировании критического мышления, развитии навыков безопасного поведения в интернете и помощи в ориентации в цифровом мире

Текущая ситуация и перспективы развития. В школах и университетах Казахстана пока нет обязательных курсов по медиа- и информационной грамотности. Однако появляются инициативы по внедрению образовательных программ в эту сферу. Например, ряд НПО и образовательных центров проводят тренинги по цифровой грамотности.

В перспективе возможно более широкое введение курсов по медиаобразованию в школьную программу, что поможет с раннего возраста формировать навыки работы с информацией.

Создание общественных просветительских кампаний и онлайн-курсов для взрослых, направленных на обучение безопасному и осознанному использованию цифровых технологий.

Пример успешной реализации подобных инициатив можно увидеть в странах ЕС, США и Канаде, где медиаобразование включено в образовательные стандарты. Казахстану также следует взять лучшее из международного опыта, адаптируя его к своей социальной и культурной среде.

Государственная политика в сфере информационной культуры. Развитие информационной культуры невозможно без активного участия государства. В Казахстане уже реализуются проекты по цифровизации и медиаобразования, но требуется более целенаправленная политика, включающая регулирование медиасферы, защиту персональных данных и поддержку образовательных инициатив.

Ключевые направления государственной политики в сфере информационной безопасности включают несколько приоритетных аспектов. Важной задачей является защита информационного пространства, что предполагает разработку и внедрение законодательных мер, направленных на борьбу с дезинформацией, а также регулирование контента в интернете. Особое внимание уделяется поддержке цифрового равенства, в частности, обеспечению доступа к интернету в сельских районах и развитию инфраструктуры для цифрового обучения. Кроме того, важным направлением является создание условий для развития независимой журналистики, включая снижение уровня цензуры и поддержку качественных средств массовой информации.

На сегодняшний день реализуются различные инициативы, направленные на улучшение цифровой среды. Программа «Цифровой Казахстан» уже способствует развитию цифровых технологий, однако её эффективность можно повысить за счёт интеграции элементов медиаобразования. Дополнительно требуется совершенствование законодательства, в том числе принятие нормативных актов, регулирующих распространение недостоверной информации и обеспечивающих защиту прав пользователей в сети. Внедрение национальных стратегий по цифровой грамотности, предполагающих запуск образовательных проектов для различных возрастных групп, что, в свою очередь, повысит уровень информационной культуры в обществе, также является большим подспорьем государственной политики, которая должна быть сбалансированной: с одной стороны, защищать общество от угроз в информационной сфере, с другой – не создавать условий для избыточного контроля и ограничения свободы слова.

В этой связи журналистика играет ключевую роль в формировании информационной культуры общества. В Казахстане наблюдается кризис доверия к

СМИ, связанный с распространением пропаганды, цензурой и недостатком качественных независимых медиа.

Современные казахстанские средства массовой информации сталкиваются с рядом значительных проблем, препятствующих их развитию. Одной из ключевых является недостаточная независимость СМИ, поскольку значительная часть медиа зависит от государственного или корпоративного финансирования, что может влиять на объективность и достоверность публикуемых материалов. Кроме того, в условиях высокой конкуренции и стремления к увеличению охвата аудитории наблюдается распространение кликбейта и низкокачественного контента, когда в ущерб качеству журналистских материалов предпочтение отдается сенсационным заголовкам и поверхностному освещению событий. Также наблюдается дефицит расследовательской журналистики: объективные и глубокие журналистские расследования встречаются крайне редко, что обусловлено ограниченным доступом к информации, а также возможным давлением на журналистов.

В преодолении данных вызовов в журналистике независимые СМИ и фактчекинговые платформы, такие как factcheck.kz и vlast.kz, вносят значительный вклад в борьбе за достоверность информации и противодействию фейковым новостям. Профессиональное обучение журналистов, где уделяется особое внимание освоению новых стандартов работы с цифровыми данными, аналитическим методам обработки информации и механизмам противодействию дезинформации, является основой подобного вклада. Также существенную роль в поддержке качественной журналистики могут сыграть специализированные фонды и грантовые программы, направленные на финансирование журналистских расследований и независимых медиа-проектов.

Мировая практика показывает, что развитие журналистской этики и независимости СМИ напрямую влияет на уровень информационной культуры общества. Казахстану важно создать условия, при которых СМИ смогут работать без давления, с соблюдением высоких стандартов объективности и профессионализма.

В дополнение к медиаобразованию, государственной политике и поддержке качественной журналистики, именно технологические решения играют важную роль в развитии информационной культуры и повышении осведомленности общества. Инновационные цифровые инструменты часто способствуют в борьбе с дезинформацией, а образовательные инициативы – формируют сознательного отношения к информации.

В рамках процессов внедрения медийно-информационная грамотности были созданы ключевые проекты: «MediaCAMP», «Глобальная неделя медиаграмотности», «Дом медиаграмотности» и «Караван медиаграмотности».

Какие технологии могут помочь?

Примеры:

Фактчекинговые алгоритмы и ИИ-анализ данных	Искусственный интеллект (ИИ) может автоматически анализировать новости и выявлять признаки фейков.	Автоматические сервисы проверки фактов, разработанные на базе машинного обучения, подобные Google Fact Check Explorer или инструментам на базе OpenAI.
Блокчейн	Эта технология может использоваться для отслеживания источников новостей, предотвращая манипуляции с	В мире уже тестируются журналистские блокчейн-проекты, где

	контентом.	каждая новость получает цифровой «паспорт», доказывающий её происхождение.
Платформы обучения	для Онлайн-курсы и мобильные приложения могут помогать гражданам развивать критическое мышление и цифровую грамотность.	В Казахстане уже появляются образовательные инициативы (курсы от factcheck.kz , MediaNet), но их необходимо масштабировать.
Автоматизированные системы защиты персональных данных	Важно развивать национальные системы кибербезопасности и обучать пользователей, как защищать свои данные от утечек.	Проект «Киберщит Казахстана», направленный на защиту информационного пространства страны.

На этой основе Казахстан может использовать технологические решения для улучшения информационной среды и обеспечения надежности данных. В частности, следующие меры могут быть реализованы:

1. Внедрение ИИ-платформ для проверки информации. Использование искусственного интеллекта для автоматической проверки достоверности информации в образовательных и новостных ресурсах позволит значительно повысить качество и точность представляемых данных. ИИ будет способен анализировать большие объемы информации, выявлять возможные фальсификации или ошибки и предоставлять рекомендации по улучшению качества контента.

2. Создание цифровых сертификатов для новостей. Разработка системы цифровых сертификатов, которые подтверждают достоверность новостей, может стать важным шагом в борьбе с фейковыми новостями. Эти сертификаты будут обеспечивать прозрачность и возможность для пользователей проверять источники и подлинность представленной информации.

3. Развитие инициатив по кибербезопасности. Укрепление государственных и частных инициатив в области кибербезопасности, включая создание и внедрение автоматизированных систем защиты персональных данных, является необходимым шагом для защиты граждан и организаций от угроз в цифровом пространстве. Современные технологии позволяют обеспечить высокий уровень защиты данных и предотвратить утечки или атаки на информационные системы.

Но даже самые передовые технологии и законы будут малоэффективны без общественного запроса на достоверную информацию и осознанное потребление медиаконтента. Поэтому повышение информационной культуры требует широкомасштабных образовательных и просветительских инициатив. Массовые образовательные кампании, в том числе образовательные программы для разных возрастных групп:

- Для школьников – включение уроков по информационной безопасности и критическому мышлению в обязательную программу.
- Для студентов и взрослых – бесплатные онлайн-курсы, лекции, интерактивные тренинги.
- Для пожилых людей – специальные программы по обучению цифровым навыкам, так как они наиболее уязвимы перед мошенничеством в сети.

Другим важным аспектом является не только передача знаний людям, но и формирование у них чувства личной ответственности за распространение информации. Это необходимо для создания информационного пространства, в котором каждый пользователь осознает свои действия и их последствия для общества. Например, социальные инициативы, призывающие не делиться непроверенными новостями, могут снизить уровень фейков. В то же время проведение информационных кампаний с активным вовлечением средств массовой информации, блогеров и образовательных центров позволит эффективно донести важность ответственного отношения к информации и повысить осведомленность граждан.

Комплексный подход к этим вопросам позволит создать осведомлённое, критически мыслящее и информационно защищённое общество, способное эффективно адаптироваться к вызовам XXI века. Ведь перспективы развития информационной культуры в Казахстане связаны с интеграцией медиаобразования в систему образования, совершенствованием государственной политики и поддержкой качественной журналистики.

Использование технологических решений и повышение осведомленности общества – два ключевых направления, которые могут значительно улучшить информационную культуру в Казахстане. Цифровые платформы, ИИ-алгоритмы, образовательные инициативы и просветительские кампании помогут обществу адаптироваться к новому медиа-ландшафту XXI века и противостоять вызовам дезинформации.

Заключение. Развитие информационной культуры в Казахстане – одна из ключевых задач современного общества, напрямую влияющая на уровень осведомлённости граждан, безопасность информационного пространства и качество медиасреды. В условиях стремительной цифровизации и роста объёмов информации критическое мышление, медиаграмотность и цифровая безопасность становятся неотъемлемыми элементами современной жизни.

В статье были рассмотрены основные проблемы информационной культуры, среди которых распространение фейковых новостей и дезинформации, цифровой разрыв, угрозы информационной безопасности, низкий уровень критического мышления и этические вопросы цифрового взаимодействия. Эти вызовы требуют системного подхода, объединяющего усилия государства, общества, медиа и образовательных институтов.

Одним из ключевых направлений решения проблем является развитие медиаобразования и цифровой грамотности. Внедрение программ по медиаграмотности в образовательные учреждения, создание доступных онлайн-курсов и проведение просветительских кампаний помогут гражданам научиться критически воспринимать информацию и осознанно использовать цифровые технологии.

Важную роль играет государственная политика, направленная на регулирование медиасферы, защиту персональных данных, борьбу с дезинформацией и поддержку независимых СМИ. Казахстан уже предпринимает шаги в этом направлении, но для эффективного развития информационной культуры необходимо расширение образовательных инициатив и совершенствование законодательной базы.

Развитие качественной журналистики также является неотъемлемым элементом информационной культуры. Поддержка независимых медиа, внедрение фактчекинга, повышение профессиональных стандартов журналистики позволят укрепить доверие общества к СМИ и обеспечить граждан доступом к объективной информации.

Кроме того, важную роль в формировании информационной культуры играют технологические решения. Искусственный интеллект, блокчейн, платформы для проверки информации и системы защиты персональных данных могут стать эффективными инструментами в борьбе с фейками и дезинформацией.

Наконец, повышение осведомлённости общества – это процесс, требующий комплексного подхода. Проведение массовых информационных кампаний, популяризация фактчекинга, развитие ответственного потребления контента помогут сформировать в обществе культуру осознанного отношения к информации.

Формирование информационной культуры в Казахстане – это долгосрочная задача, требующая синергии усилий государства, образовательных организаций, журналистского сообщества, технологических компаний и самого общества. Современные вызовы информационной среды требуют не только технических решений, но и системного подхода к образованию, медиа, законодательству и цифровым технологиям.

В условиях нового медиа-ландшафта XXI века Казахстан имеет все возможности для выстраивания эффективной системы информационной культуры, способной противостоять дезинформации, обеспечивать защиту граждан в цифровом пространстве и развивать независимую журналистику. Главное – объединить усилия всех заинтересованных сторон и сделать информационную грамотность приоритетной задачей на государственном уровне.

Список использованных источников

1. Половине казахстанцев сложно отличить достоверную информацию от фейка (опрос Demoscope) // Factcheck.kz. – URL: <https://factcheck.kz/media-me/polovine-kazaxstancsev-slozhno-otlichit-dostovernuyu-informaciyu-ot-fejka-opros-demoscope/> (дата обращения: 02.02.2025).
2. 43 человека оштрафовали за распространение фейков в РК // 24.kz. – URL: <https://24.kz/ru/news/social/item/662089-43-cheloveka-oshtrafovali-za-rasprostranenie-fejkov-v-rk> (дата обращения: 02.02.2025).
3. Почему казахстанцы верят в фейковые новости и как этому противостоять? // Nur.kz. – URL: <https://www.nur.kz/society/2163424-pochemu-kazahstancy-veryat-v-fejkovye-novosti-i-kak-etomu-protivostoyat-rasskazali-eksperty/> (дата обращения: 02.02.2025).
4. Lamberti, G. Access to digital culture as a driver of social and cultural openness: European evidence / G. Lamberti, J. Lopez-Sintas, T. Katz-Gerro // Humanit. Soc. Sci. Commun. – 2025. – Т. 12, № 180.
5. Дезинформация названа главной краткосрочной глобальной угрозой в докладе Всемирного экономического форума // Factcheck.kz. – URL: <https://factcheck.kz/novosti/dezinformatsiya-nazvana-glavnoy-kratkosrochnoy-globalnoy-ugrozoy-v-doklade-vsemirnogo-ekonomicheskogo-foruma/> (дата обращения: 02.02.2025).
6. Сам себе фактчекер: как развить критическое мышление? // Demos.kz. – URL: <https://demos.kz/sam-sebe-faktcheker-kak-razvit-kriticheskoe-myshlenie/> (дата обращения: 02.02.2025).
7. Статистика инцидентов информационной безопасности – январь 2021 // Ranking.kz. – URL: <https://ranking.kz/reviews/industries/statistika-incidentov-informacionnoj-bezopasnosti-yanvar-2021.html> (дата обращения: 02.02.2025).
8. Указ Президента Республики Казахстан от 10 октября 2006 года № 199. Утратил силу Указом Президента Республики Казахстан от 11 апреля 2011 года № 5.
9. Количество кибератак в Казахстане увеличилось на 56% // Kapital.kz. – URL: <https://kapital.kz/tehnology/120592/kolichestvo-kiberatak-v-kazakhstane-uvelichilos-na-56.html> (дата обращения: 02.02.2025).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕДАКЦИИ КОРПОРАТИВНОГО СМИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ, АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Н. А. Абуева¹, А. С. Бузело², О. Р. Сибагатуллина³,

¹доктор политических наук, профессор, визит-профессор, Институт европейских языков, Чжэцзянский университет иностранных языков Юэсю, Шаосин, Китайская Народная Республика; профессор исследователь, Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации, гуманитарно-юридический факультет, Университет Туран,

Алматы, Республика Казахстан

²кандидат филологических наук, профессор, Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации, гуманитарно-юридический факультет, Университет Туран, Алматы, Республика Казахстан

³магистрант научно-педагогической магистратуры по специальности «Журналистика», Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации, гуманитарно-юридический факультет, Университет Туран, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы функционирования редакций корпоративных СМИ в Республике Казахстан как части стратегического управления. Актуализируется необходимость цифровой трансформации, внедрения стандартов этичной журналистики, развития профессиональных компетенций и выстраивания устойчивой системы внутренней коммуникации. Корпоративные СМИ в условиях цифровизации и искусственного интеллекта современного бизнеса приобретают всё большее значение как каналы внутреннего диалога между организацией и её сотрудниками. В реальной практике редакции зачастую лишены автономии, кадровой и финансовой устойчивости. Отсутствие методических подходов, устаревшие каналы коммуникации, недостаток взаимодействия между редакциями и управленческими структурами препятствуют полноценной реализации коммуникационного потенциала таких СМИ. На основе анализа нормативной базы и международного опыта предложены пути стратегического развития корпоративных медиа как важного инструмента внутренней репутационной политики.

Ключевые слова: корпоративные СМИ, редакция, внутренняя коммуникация, цифровизация, Казахстан, брендинг, корпоративная культура, вовлечённость сотрудников.

Summary. The article discusses the key problems of the functioning of corporate media editorial offices in the Republic of Kazakhstan as part of strategic management. It highlights the necessity of digital transformation, the adoption of ethical journalism standards, the enhancement of professional competencies, and the establishment of a sustainable internal communication system. Corporate media in the context of digitalization and artificial intelligence in modern business are becoming increasingly important as channels of internal dialogue between the organization and its employees. In real practice, editorial offices often lack autonomy, personnel and financial stability. The absence of methodological frameworks, outdated communication channels, lack of interaction between editorial offices and management structures hinder the full realization of such media's communication potential. Based on the analysis of the regulatory framework and international experience, the strategic pathways of corporate media as an important tool of internal reputation management are proposed.

Key words: corporate media, editorial offices, internal communication, digitalization, Kazakhstan, branding, corporate culture, employee engagement.

Корпоративные средства массовой информации (СМИ) в условиях трансформации современного бизнеса приобретают всё большее значение как каналы внутреннего диалога между организацией и её сотрудниками. Ю. В. Чемякин говорит про корпоративное СМИ так: «официально зарегистрированное, отражающее интересы конкретной корпорации учредителя, издающееся по инициативе, способствующее ее развитию, решению стоящих перед ней задач путем установления и поддержания контакта со значимыми для этой корпорации группами общественности» [1]. Эти медиа выполняют не только информативную функцию, но и способствуют формированию корпоративной культуры, транслированию ценностей и укреплению организационной идентичности. В условиях цифровизации, стремительного обновления коммуникационных технологий и роста требований к прозрачности со стороны сотрудников и общества, корпоративные редакции становятся частью стратегического управления.

Особенно актуально это в Республике Казахстан, где формирование медиакультуры компаний находится на стадии институционального становления. Несмотря на существование юридических оснований для функционирования корпоративных изданий, в реальной практике редакции зачастую лишены автономии, кадровой и финансовой устойчивости. Отсутствие методических подходов, устаревшие каналы коммуникации и недостаток взаимодействия между редакциями и управленческими структурами препятствуют полноценной реализации коммуникационного потенциала таких СМИ.

Цель данной работы – выявить основные барьеры, ограничивающие развитие корпоративных редакций в Республике Казахстан. В рамках поставленной цели акцент сделан на комплексном анализе существующего состояния корпоративных медиа, включающем институциональные, кадровые, технологические и содержательные аспекты. Особое внимание уделяется роли корпоративных редакций как элементов внутренней экосистемы, влияющих на формирование бренда работодателя, управление корпоративной идентичностью и поддержание устойчивой коммуникационной среды. Также рассматриваются условия, при которых корпоративные медиа могут превратиться из формальных информационных каналов в активные инструменты стратегического развития и трансформации организационной культуры.

Теоретические основы корпоративных СМИ. Корпоративные средства массовой информации (СМИ) представляют собой важнейший элемент системы внутренних коммуникаций компании. В научной литературе они рассматриваются как специализированные коммуникационные каналы, предназначенные для трансляции управленческих решений, формирования корпоративной идентичности и укрепления организационной культуры. По определению Р. Хейнемана, корпоративные СМИ – это внутренняя форма медиа, предназначенная для регулирования информационного обмена между всеми уровнями сотрудников в рамках одной компании, обеспечивающая поддержку стратегических целей организации. «Именно корпоративное издание, наряду с другими инструментами коммуникаций, позволяет оптимизировать имидж руководителя, способствует организации обратной связи между всеми членами образовательных отношений» [2].

Функции корпоративных СМИ включают информационную, интегративную, мотивационную, имиджевую и обучающую. В частности, по мнению З. Ж. Ергалиевой, корпоративные редакции способствуют не только распространению информации, но и формированию ценностной базы организации, повышению вовлечённости сотрудников и созданию обратной связи между руководством и персоналом [3].

Современные модели корпоративной коммуникации, такие как концепции «двустороннего симметричного диалога» и «интерактивной платформы», предполагают, что редакции должны быть не просто источниками информации, а пространством для обмена мнениями, обратной связи и вовлечения сотрудников в процессы принятия решений. Это особенно актуально в условиях цифровой экономики и гибридных форм занятости.

Таким образом, корпоративные редакции сегодня рассматриваются как многозадачные структурные единицы, сочетающие в себе элементы журналистики, брендинга, HR и стратегического менеджмента. Их функционирование требует профессионального подхода, технологической оснащённости и чёткого понимания своей роли в общей системе организационного развития.

Актуальность проблемы. В условиях стремительно меняющейся бизнес-среды эффективная внутренняя коммуникация становится стратегическим активом компании. Она обеспечивает согласованность действий, укрепляет доверие к руководству и способствует формированию устойчивой организационной культуры. Внутренние коммуникации становятся неотъемлемым элементом антикризисного управления, особенно в периоды трансформации, слияний или изменений в структуре компании. Чёткая и прозрачная коммуникационная стратегия помогает минимизировать риски недопонимания, усилить вовлечённость и снизить уровень стресса среди сотрудников. Множество исследований подтверждают прямую связь между качеством внутренних коммуникаций и ключевыми показателями эффективности организации, такими как производительность труда, текучесть кадров и удовлетворённость персонала.

Развитие корпоративных СМИ как института внутренней коммуникации обусловлено не только необходимостью информировать сотрудников, но и задачами стратегического управления человеческими ресурсами. «Лишь те корпоративные СМИ, которые учитывают в своей деятельности мнения и интересы читателей, активно привлекают их к сотрудничеству, могут рассчитывать на доверие к себе со стороны целевой аудитории» [4].

Аналогичную позицию занимает А. Маццей, которая рассматривает корпоративные медиа как основу для формирования устойчивого корпоративного диалога, направленного на развитие ответственности и идентичности персонала [5]. В условиях, когда сотрудники требуют открытости, прозрачности и оперативной обратной связи, внутренние издания могут служить мостом между руководством и трудовым коллективом, снижая уровень недопонимания, слухов и фрустрации.

Актуальность темы обусловлена не только необходимостью восполнения информационного вакуума в корпоративной среде, но и стратегическим значением внутренней журналистики в контексте повышения эффективности управления, снижения текучести кадров и укрепления организационной культуры. Формирование профессиональных корпоративных редакций становится приоритетной задачей, особенно в условиях усиливающейся конкуренции за квалифицированные кадры и запросов на прозрачность со стороны сотрудников.

«После пандемии COVID-19 казахстанские компании стали активно развивать внутренние коммуникации. Основными каналами стали e-mail рассылки (26%), мессенджеры (26%) и корпоративные социальные сети (21%)» [6]. Примером локальной успешной практики может служить медиацентр компании «КазМунайГаз», где с 2020 года реализуется программа «Открытый диалог», включающая интерактивные платформы и новостные дайджесты, адаптированные под внутреннюю корпоративную повестку. Также следует отметить компанию Kcell, где внедрена цифровая редакционная платформа с элементами геймификации и внутренней аналитики потребления контента. Формирование профессиональных корпоративных редакций становится приоритетной задачей, особенно в условиях усиливающейся

конкуренции за квалифицированные кадры и запросов на прозрачность со стороны сотрудников.

Проблемы функционирования корпоративных редакций. Несмотря на признанную важность корпоративных редакций как ключевого звена внутренней коммуникации, в реальности они часто не реализуют своего стратегического потенциала. Анализ барьеров, с которыми сталкиваются редакции в корпоративной среде Казахстана, позволяет выявить комплекс проблем, затрудняющих развитие эффективных медиа внутри компаний. Эти проблемы многогранны и охватывают содержательный, организационный и технологический уровни функционирования редакций.

Редакции корпоративных СМИ в Казахстане сталкиваются с множеством барьеров, которые можно классифицировать по содержательным, организационным и технологическим признакам. К содержательным относятся формализация контента, ориентированность на имиджевые задачи без учёта потребностей аудитории, шаблонность текстов. Организационные трудности включают подчинённость редакции PR-отделам, отсутствие редакционной автономии, непрозрачность коммуникационных процессов. Технологические – низкий уровень цифровизации, отсутствие интерактивных платформ, слабая визуальная составляющая материалов.

В казахстанских реалиях корпоративные медиа нередко воспринимаются как инструменты отчётности, что резко снижает их статус в глазах сотрудников. Кроме того, низкий уровень подготовки персонала, работающего в редакциях, приводит к дефициту креативных решений, отсутствию медиапланирования и контент-аналитики.

Многие компании не используют данные аналитики вовлечённости, не измеряют эффективность каналов и не адаптируют контент под потребности различных сегментов аудитории. Используемые форматы – печатные бюллетени, текстовые сообщения без визуализации, неинтерактивные письма – не соответствуют ожиданиям цифровых сотрудников. Таким образом, редакции теряют свою релевантность и не справляются с задачами стратегического влияния на корпоративную среду.

В целом выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости комплексного пересмотра подходов к организации корпоративных редакций. Без системной модернизации, повышения уровня цифровизации и профессионализации контент-производства корпоративные медиа не смогут выполнять функции, возлагаемые на них в современных условиях. Решение этих проблем должно стать приоритетом для компаний, заинтересованных в устойчивом развитии, вовлечённости персонала и построении открытой внутренней среды.

Перспективы развития. Переход к качественно новому уровню функционирования корпоративных редакций в Казахстане невозможен без осмысления и внедрения стратегических направлений развития. В условиях цифровой трансформации, роста запросов на прозрачность, вовлечённость и внутренний брендинг, корпоративные медиа должны становиться не только инструментами передачи информации, но и полноценными площадками для диалога и вовлечения. Ниже рассмотрим ключевые направления, которые позволяют трансформировать корпоративные редакции в эффективный элемент организационного развития.

По данным исследования Gallup (2023), компании, активно развивающие внутренние коммуникации, увеличивают прибыльность на 21%, а производительность сотрудников – на 17% [7]. В качестве успешных кейсов можно привести транснациональные компании, где используется модель «двусторонней коммуникации» – при которой сотрудники не только получают информацию, но и участвуют в её формировании через опросы, форумы, внутренние блоги. Это позволяет редактировать повестку с учётом реальных запросов коллектива и минимизировать текучесть кадров.

Развитие корпоративных редакций требует комплексного подхода, включающего реформу управленческой, кадровой, технологической и содержательной составляющей. В первую очередь необходимо внедрение цифровых платформ, адаптированных под потребности сотрудников: мобильных приложений, интранет-систем с персонализацией, корпоративных социальных сетей.

Следующим шагом должна стать профессионализация редакционного процесса. Это означает внедрение редакционной политики, разработку медиастратегий, регулярное повышение квалификации персонала. Компании могут использовать опыт крупных корпораций, где формируются внутренние редакционные кодексы, устанавливаются KPI по охвату и вовлечённости, внедряются механизмы кросс-функционального сотрудничества между редакцией, HR и PR.

Особое внимание должно быть уделено этической составляющей. Редакции не могут быть просто рупором администрации – их задача заключена в отражении реальной корпоративной жизни. Именно этичность, честность, открытость создают доверие. Успешные кейсы показывают: там, где редакции получают возможность рассказывать не только о достижениях, но и поднимать важные внутренние темы, значительно возрастает лояльность персонала и укрепляется горизонтальная культура.

Также важно учитывать внешний потенциал корпоративных медиа. Многие компании используют внутренние редакции как площадку для имиджевого позиционирования: публикуют интервью сотрудников, кейсы устойчивого развития, корпоративные исследования на внешних ресурсах. Это способствует укреплению HR-бренда и репутации на рынке.

Таким образом, перспективы развития корпоративных редакций в Казахстане включают в себя не только технологические и организационные трансформации, но и расширение их стратегической роли в рамках управления брендом, вовлечённостью и корпоративной идентичностью. Реализация этих направлений требует комплексного подхода, инвестиционной поддержки и развития профессиональных стандартов, что позволит редакциям перейти от формальной роли к полноценному участию в построении эффективной корпоративной культуры.

Корпоративные редакции в Казахстане обладают высоким, но пока недостаточно реализованным потенциалом. Их роль в формировании доверительной атмосферы, укреплении идентичности, управлении изменениями и трансляции стратегических ориентиров становится всё более значимой в условиях растущей конкуренции за кадры и ускоренной цифровизации. Такие редакции представляют собой не просто источники информации, а центры смыслообразования, от которых зависит согласованность действий внутри организации, уровень лояльности и понимание общей миссии компании среди персонала.

Преодоление текущих проблем – от формальности и ресурсной ограниченности до дефицита кадров и цифровой отсталости – возможно только при системном подходе, включающем управление изменениями, развитие медиакомпетентностей и активное использование цифровых инструментов. Без качественно организованной внутренней журналистики организация рискует утратить контроль над информационной средой и стать уязвимой к дезинформации и недопониманию со стороны сотрудников.

Развитие корпоративных СМИ должно стать элементом стратегического управления организацией. Это предполагает не только технологическое обновление, но и внедрение этических стандартов, усиление профессионализации, организацию редакционной независимости и интеграцию с HR- и PR-практиками. Опираясь на лучшие международные практики, казахстанские компании могут сформировать гибкие редакционные структуры, способные не только обслуживать текущие информационные запросы, но и формировать устойчивые ценности внутри организации.

Цифровая трансформация, в том числе переход к мультимедийным форматам, использование корпоративных подкастов, интерактивных платформ и систем аналитики, позволяет редакциям адаптироваться к потребностям современных сотрудников, формировать персонализированный подход и обеспечивать постоянную обратную связь. В таких условиях корпоративные редакции могут становиться не просто точками информационного обмена, а настоящими центрами стратегической синергии, объединяющими интересы бизнеса, персонала и внешней среды. Именно такие редакции будут способны выполнять роль медиаторов нового качества корпоративной коммуникации – открытой, честной, технологичной и вовлекающей.

Список использованных источников

1. Байбурин, А. В. Корпоративные СМИ как инструмент внутренней коммуникации / А. В. Байбурин // Университетская библиотека УрФУ. – URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/21059> (дата обращения: 11.04.2025).
2. Курбангалеева, Д. Р. Роль корпоративных медиа в управлении корпоративной культурой организации / Д. Р. Курбангалеева // CORE. – URL: <https://core.ac.uk/download/46462232.pdf> (дата обращения: 11.04.2025).
3. Ергалиева, З. Ж. Роль внутренних медиа в формировании корпоративной культуры / З. Ж. Ергалиева // Қоғам және БАҚ. – 2022. – № 3. – С. 42–48.
4. Прокопенко, О. И. Этические стандарты в корпоративных СМИ / О. И. Прокопенко // Университетская библиотека УрФУ. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/86881/1/journ_09.pdf (дата обращения: 11.04.2025).
5. Mazzei, A. Internal communication for employee enablement: A communication framework to drive employee engagement / A. Mazzei // Corporate Communications: An International Journal. – 2014. – Vol. 19(1).
6. PR Drive. Исследование внутренних коммуникаций в Казахстане. – URL: https://prdrive.kz/page30300495.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 11.04.2025).
7. PwC. Global Workforce Hopes and Fears Survey 2023. – URL: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/workforce/hopes-and-fears.html> (дата обращения: 11.04.2025).

ОТ ТРАДИЦИЙ К СОВРЕМЕННОСТИ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗЛОЖЕНИЯ КИТАЙСКИХ ИСТОРИЙ НА ОСНОВЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Н. А. Абуева¹, Дайван Кайгэ², Чэнь Шидэ³,

¹доктор политических наук, профессор, визит-профессор, Институт европейских языков, Чжэцзянский университет иностранных языков Юесю, Шаосин, Китайская Народная Республика; профессор исследователь, Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации, гуманитарно-юридический факультет, Университет Туран, Алматы, Республика Казахстан

²обучающийся 4-го курса факультета русского языка, Институт европейских языков, Чжэцзянский университет иностранных языков Юесю, Шаосин, Китайская Народная Республика

³преподаватель факультета русского языка, Институт европейских языков, Чжэцзянский университет иностранных языков Юесю, Шаосин, Китайская Народная Республика

Аннотация. В условиях глобализации и цифровизации социокультурное равноправное взаимодействие между странами, а именно КНР и РФ, становится ключевым аспектом международных обменов, где китайская культура играет особую роль благодаря своему богатому историческому наследию. Исследование фокусируется на трансформации и коммуникации китайской культуры через инновационные подходы, такие как создание креативных продуктов Гугуна, бренды Guochao, а также научно-фантастическое кино, например, фильм «Блуждающая Земля». Особое внимание уделяется новым форматам повествования, включая платформы коротких видео и опыт иностранцев в Китае, которые становятся эффективными инструментами для передачи культурных ценностей на международном уровне. Эти методы способствуют укреплению межкультурного диалога, демонстрации коллективистских ценностей китайской культуры и формированию нового голоса Китая на мировой арене.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, китайская культура, инновационные стратегии.

Summary. In the context of globalization, intercultural interaction has become a key aspect of international exchanges, with Chinese culture playing a special role due to its rich historical heritage. This study focuses on the transformation and communication of Chinese culture through innovative approaches, such as the creative products of the Forbidden City, Guochao brands, and science fiction films like The Wandering Earth. Special attention is given to new narrative formats, including short-video platforms and the experiences of foreigners in China, which have become effective tools for transmitting cultural values at the international level. These methods contribute to strengthening intercultural dialogue, showcasing the collectivist values of Chinese culture, and forming a new voice for China on the global stage.

Key words: intercultural communication, Chinese culture, innovative strategies.

1. Контекст и значимость научного исследования. В условиях глобализации и цифровизации межкультурное взаимодействие становится все более тесным и разноплановым. Культура, будучи душой нации, играет ключевую роль в международных, политических, экономических и социокультурных взаимовыгодных обменах. Китайская культура, с ее богатым историческим наследием, несет в себе

тысячелетнюю мудрость и духовные ценности народа. В эпоху глобализации усиление международной коммуникации китайской культуры способствует лучшему пониманию Китая мировым сообществом, повышению его международного имиджа, авторитета и культурной репутации, а также продвижению диалога между странами и различными культурами.

С точки зрения межкультурной коммуникации, изложение китайских историй имеет важное значение для современности. Межкультурная коммуникация изучает способы общения людей из разных культурных контекстов и методы преодоления культурных барьеров для достижения эффективного взаимопонимания. Китайские истории, как важный носитель китайской культуры, содержат богатый культурный подтекст и ценности. Через их рассказ можно показать уникальное очарование китайской культуры, укрепить взаимопонимание и уважение между культурами, а также создать прочный мост для межкультурной коммуникации. Кроме того, это способствует повышению голоса Китая на международной арене, разрушению западной культурной гегемонии и предоставлению миру китайской перспективы социокультурного развития.

2. Трансформация ключевых элементов китайской культуры в современном мире. В современную эпоху инновационное выражение традиционных культурных символов стало важным путем для сохранения и развития китайской культуры. Сочетание традиционных культурных символов с современным дизайном и эстетикой жизни не только придает традиционной культуре новую жизнь, но и помогает ей лучше интегрироваться в современное общество, удовлетворяя растущие духовные потребности людей. Креативные продукты Гугуна: переход от древностей к эстетике жизни Гугун, являясь императорским дворцом династий Мин и Цин, хранит богатое историческое и культурное наследие.

В последние годы Гугун активно исследует инновационные способы передачи традиционной культуры через серию креативных продуктов, которые превращают древности в элементы повседневной жизни. Эти продукты черпают вдохновение из древностей, архитектуры и исторических рассказов Гугуна, сочетая искусные дизайны и инновационные технологии для интеграции традиционных культурных элементов в современные предметы быта. Например, популярная помада «Гугун» вдохновлена красными тканями из коллекции музея, предлагая шесть цветов; дизайн внешнего вида футляра для губной помады черпает вдохновение в одежде императриц и наложниц из эпохи Цин. Такое слияние традиции и современности получило огромную популярность среди потребителей. Бренды Guochao – это объединение традиционных орнаментов и современного дизайна. С ростом экономики Китая и укреплением культурной самоидентификации, бренды Guochao стали новым трендом в мире моды. Их успех отражает любовь потребителей к местной культуре и подъем китайского дизайнерского потенциала.

Основным элементом дизайна брендов Guochao является интеграция традиционных орнаментов с современным дизайном и модными элементами, что привело к созданию серии продуктов с китайскими характеристиками и современным стилем, удовлетворяющих запросы на индивидуальность и отличие.

Повествование в кино и телевидении являются важными носителями культурной коммуникации, обладающими широкой аудиторией и мощным влиянием на распространение. В современном мире в условиях глобализации и цифровизации повествование в кино и телевидении играет важную роль в демонстрации национального образа, передаче национальной культуры и содействии межкультурному диалогу. Через живые сюжеты, яркие персонажи и уникальные визуальные образы кино может интегрировать культурные элементы, позволяя зрителям восхищаться и глубже понимать культуру разных стран и народов.

Рассмотрим примеры фильма «Блуждающая Земля». «Блуждающая Земля»: научно-фантастическая интерпретация восточной привязанности к родине «Блуждающая Земля» как один из представителей китайского научно-фантастического кино добился огромного успеха не только в прокате, но и в сфере культурной коммуникации. Фильм, построенный на сценарии о том, как человечество реализует план «Блуждающая Земля» для спасения планеты от гибели вследствие уничтожения Солнца, создает величественный научно-фантастический мир. В этом мире человечество сталкивается с беспрецедентными кризисами и вызовами, но никогда не отказывается от любви к своей родине и стремления к надежде. В фильме проявляется глубокая восточная привязанность к родине. В отличие от типичных сценариев западных научно-фантастических фильмов, где человечество покидает Землю в поисках нового дома, «Блуждающая Земля» отражает глубокую привязанность китайцев к своей родине и настойчивость в защите дома. В фильме Земля не просто материальная основа для существования человека, но и духовная родина, несущая культуру, историю и чувства. Независимо от трудностей и опасностей, люди всегда видят Землю как свой корень, не покидая ее.

Фильм также демонстрирует коллективистские ценности китайцев и дух единства и сотрудничества. В рамках плана «Блуждающая Земля» человечество откладывает свои разногласия и противоречия, объединяясь для решения общей проблемы. Будь то спасательные команды, движущиеся сквозь ледяные пустыни, или люди со всего мира, работающие вместе для перезапуска планетарных двигателей, все это отражает идею судьбы человечества как единого целого. Коллективистские ценности и дух единства, демонстрируемые в фильме, находятся в явном контрасте с западными индивидуалистическими ценностями, демонстрируя традиционные добродетели китайской культуры, такие как уважение к коллективу и забота о других.

3. Инновации в стратегии межкультурной коммуникации. Перевод повествовательной перспективы на уровень простых граждан. В межкультурной коммуникации выбор повествовательной перспективы играет решающую роль для эффективности передачи. Традиционная культурная коммуникация часто фокусировалась на масштабных нарративах, акцентируя внимание на национальных и этнических аспектах, хотя это могло показать общий культурный ландшафт и историческую глубину, но иногда было сложно вызвать резонанс у международной аудитории. В последнее время все больше случаев культурной коммуникации начинают пробовать поворот к повествовательной перспективе простых граждан, рассказывая большие истории через повседневную жизнь, эмоции и опыт обычных людей, что принесло хорошие результаты.

Платформы коротких видео: китайские истории в повседневной жизни простых людей. С развитием интернет-технологий платформы коротких видео стали важным каналом получения информации о жизни. В межкультурной коммуникации платформы коротких видео благодаря своей удобности, интерактивности и скорости распространения предлагают новые возможности и пути для рассказывания китайских историй.

Многие авторы коротких видео начинают с повседневной жизни, записывая различные аспекты китайского общества, демонстрируя полную и многогранную картину Китая. На платформах коротких видео много авторов делятся своей повседневной жизнью, например, приготовлением пищи, ремесленными навыками, сельской жизнью. Эти кажущиеся простыми сцены повседневной жизни содержат богатые элементы китайской культуры. Например, кулинарный блоггер, готовя различные традиционные китайские блюда, такие как пельмени, пирог луны (юэбин) и цзунцзы, знакомит зрителей с богатством китайской кухни. Во время приготовления блоггер не только подробно рассказывает о рецептуре и выборе ингредиентов, но и

передает культурные истории и традиции, связанные с этими блюдами, давая зрителям возможность узнавать традиции и обычаи китайской культуры во время просмотра кулинарных роликов. Или мастер ремесел, демонстрирующий создание традиционных изделий, таких как вырезание бумаги, вышивка и деревянная скульптура, показывает исключительное художественное мастерство и особый шарм традиционных китайских ремесел. Эти изделия – не просто художественные работы, они также являются носителями китайской культуры, содержащими мудрость, эстетику, традиции и ценности китайского народа.

Таким образом, мы полагаем, что сейчас интенсивно формируются разнообразные активные пути и устойчивые способы развития взаимовыгодного равноправного сотрудничества между многообразными субъектами межкультурных коммуникации. С ростом международного влияния и авторитета Китая все больше иностранцев приезжают в Китай учиться, работать и жить. Их личный опыт и впечатления от китайской культуры предоставляют уникальный взгляд со стороны и содержание для межкультурной коммуникации. Многие иностранцы делятся своим положительным опытом в Китае через социальные медиа, становясь популярными «иностранцами-инфлюенсерами», которые играют важную роль в межкультурной коммуникации. Иностранные создатели контента обладают уникальной «внешней» перспективой, которая позволяет им смотреть на китайскую культуру свежим и объективным взглядом. В процессе общения, контакта и прикосновения к китайской культуре они открывают множество элементов и явлений китайской культуры, которые кажутся само собой разумеющимися для местных жителей, но малоизвестны международной аудитории.

Заключение. В результате проведенного исследования становится очевидным, что межкультурная коммуникация китайской культуры в эпоху глобализации требует инновационных подходов для эффективного взаимодействия с международной аудиторией. Современные примеры, такие как креативные продукты Гутуна, бренды Guochao и научно-фантастические фильмы вроде «Блуждающая Земля», демонстрируют успешное сочетание традиционных культурных элементов с современными технологиями и дизайном. Это не только сохраняет культурное наследие, но и делает его более доступным и понятным для широкой публики. Особенно важно отметить, что повествование через повседневную жизнь простых людей, представленное на платформах коротких видео, позволяет создать более человечный и релевантный контекст для восприятия китайской культуры за рубежом. Участие иностранцев в качестве медиаторов также играет ключевую роль, предоставляя уникальный взгляд на культуру и способствуя лучшему пониманию её особенностей. Таким образом, использование разнообразных форматов и перспектив – от грандиозных киноэпосов до личных историй на социальных платформах – открывает новые горизонты для укрепления межкультурного диалога и продвижения китайской культуры на глобальном уровне. В будущем дальнейшее развитие этих стратегий может способствовать ещё большему укреплению культурного влияния Китая и формированию более глубокого взаимопонимания между народами.

Список использованных источников

1. Сили, У. Теоретические перспективы исследования языкового ландшафта, проблемная ориентация и методы исследования: обзор десятилетия исследований языкового ландшафта в Китае / У Сили, Чжань Цзю // Научные исследования, 2017. – С. 172.
2. Яньсин, Ши. Обзор путей распространения китайской культуры за рубежом в эпоху новых медиа / Ши Яньсин, Ли Сяоя // Культурная индустрия, 2025. – С. 163–165.

3. Бинь, Ли. Как рассказать китайские истории через четыре измерения, объединяющие Китай и мир: исследование на основе практики международной коммуникации в Лючжоу / Ли Бинь, Се Юнь // Внешняя коммуникация, 2025. – С. 45–49.
4. Цююнь, Фан. Новое выражение китайских историй: успешное продвижение за рубежом / Фан Цююнь, Ли Юйфэй // Менеджмент и операции, 2025. – С. 106–108.
5. Ин, Фан. Исследование формирования культурной мягкости Китая с точки зрения конструктивизма: эмпирическое исследование на основе данных культурной торговли по инициативе «Один пояс и один путь» / Фан Ин, Чжан Шань // Исследование китайской журналистики и коммуникации, 2024. – С. 189–204.

УДК 811.11-112

ЦИФРОВЫЕ ПРАКТИКИ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Н. В. Арбузова,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является анализ специфики цифровых практик как инновационных инструментов для исследования когнитивных процессов, происходящих в языке и речи. Актуальность обусловлена перспективностью направления, в рамках которого предлагаются новые возможности для обработки информации, анализа данных и повышения эффективности коммуникации. Такие цифровые практики, как методы машинного обучения, автоматического анализа текстов, нейросетевые модели, техники визуализации данных, технологии на базе виртуальной и дополненной реальности, могут активно применяться, в целом, для изучения языкового разнообразия и межкультурной коммуникации и, в частности, для изучения родного языка, обучения иностранным языкам, разработки коммуникативных стратегий и лечения речевых расстройств.

Ключевые слова: цифровые практики, искусственный интеллект, нейросети, когнитивное языкознание.

Summary. The purpose of this article is to analyze the specifics of digital practices as innovative tools for studying cognitive processes which occur in language and speech. The relevance is due to the promising area which offers new opportunities for information processing, data analysis and improvement of communication efficiency. Digital practices such as machine learning methods, automatic text analysis, neural network models, data visualization techniques and technologies based on virtual and augmented reality can be widely applied, in general, to study linguistic diversity and intercultural communication and, in particular, to learn native languages, teach foreign languages, develop communication strategies and treat speech disorders.

Key words: digital practices, artificial intelligence, neural networks, cognitive linguistics.

Когнитивное направление в языкознании – это междисциплинарное направление лингвистики, изучающее язык как инструмент познания и концептуализации мира. Оно рассматривает язык не как обособленную систему, а как неотъемлемую часть когнитивных процессов, тесно связанную с мышлением, восприятием и опытом человека.

В современных реалиях эпохи глобализации и технологического прогресса когнитивная лингвистика переживает трансформацию под влиянием цифровых практик. Появляются все новые направления исследований, к примеру, «Компьютерная

и когнитивная лингвистика» (НИ ТГУ) [5] и «Когнитивная и цифровая лингвистика» (РУДН) [4].

Цифровые модели и методы, такие как нейронные сети и машинное обучение, все чаще используются для моделирования когнитивных процессов (восприятия, памяти, обучения и т.д.).

Традиционные лингвистические теории, основанные на формальных правилах и структурах, часто оказываются недостаточными для объяснения вариативности и контекстуальной зависимости языкового поведения человека. В свою очередь, нейросети способны обучаться на больших объемах текстовых данных и выявлять скрытые закономерности за секунды.

Одним из наиболее перспективных направлений является использование рекуррентных нейронных сетей (recurrent neural networks, RNN) [6] и цифровых лингвистических программ-трансформеров (например, Tropes) [1] для моделирования синтаксической структуры предложений и семантических отношений между словами, что является важным для анализа сложных лингвистических явлений, таких как, к примеру, анафора и эллипсис.

Машинное обучение также активно применяется для автоматической обработки и анализа текстовых данных. Алгоритмы классификации и категоризации (например, Leximancer и DictionSoftware) [1] позволяют автоматически определять тематику текстов, выявлять авторство, а также анализировать эмоциональную окраску. Анализ эмоциональной окраски текста (sentiment analysis, emotion AI) [2] и автоматическое выявление метафор позволяют исследовать субъективное восприятие мира, отраженное в языке.

Одним из аспектов машинного обучения является метод обработки естественного языка Natural Language Processing (NLP), который охватывает ряд техник для понимания, интерпретирования и генерирования человеческого языка искусственным интеллектом. Основа NLP [8] включает такие техники, как:

- токенизация по словам (процесс разделения текста на отдельные элементы в виде слов)
- токенизация по предложениям (процесс разделения текста на отдельные компоненты в виде предложений)
- лемматизация (процесс приведения слова к лемме или словарной форме)
- стемминг (процесс приведения слов к инициальной или корневой форме)
- удаление нерелевантных стоп-слов (процесс обработки текста путем удаления слов, не имеющих смыслового значения).

Современные NLP-модели, такие как BERT, GPT, PALM и LLAMA, демонстрируют весомые результаты в различных задачах, включая распознавание речи, генерацию текста и определение смысловой нагрузки. Развитие NLP способствует автоматизации перечисленных выше задач, улучшению взаимодействия человека с компьютером и искусственным интеллектом и анализу больших объемов текстовых данных [3].

Также, одним из ключевых направлений цифровых практик в когнитивной лингвистике является разработка автоматизированных систем (например, Lexalytics) для «извлечения сущностей и интенционального обнаружения» [1]. Эти системы могут автоматически выявлять ключевые понятия и связи между ними, что позволяет создавать различные базы знаний.

Визуализация данных играет важную роль в когнитивной лингвистике, позволяя исследователям представлять сложные структуры и закономерности в наглядной форме. Интерактивные графики, диаграммы и карты, доступные, к примеру, при цифровой поддержке SALT [1], позволяют изучать семантические сети, концептуальные пространства и другие аспекты языка и мышления.

Кроме того, цифровые технологии дают возможность проводить эксперименты с использованием виртуальной реальности, что позволяет изучать процессы понимания и генерирования речи в реальном времени. Эти методы помогают исследовать взаимодействие между языком и восприятием действительности.

Виртуальная реальность (Virtual Reality, VR) и дополненная реальность (Augmented Reality, AR) [7] направлены на детальное исследование когнитивных процессов. VR создает искусственную среду, позволяя отслеживать реакции в условиях, приближенных к реальным, но лишенных отвлекающих факторов. AR, накладывая цифровые элементы на реальный мир, позволяет изучать взаимодействие между виртуальной и физической реальностью, выявляя особенности восприятия и принятия решений. Использование VR и AR в когнитивных исследованиях помогает создавать сложные сценарии, имитирующие повседневные ситуации, и интерактивно их исследовать.

Применение цифровых практик, как частный случай, также перспективно и целесообразно для изучения онтогенеза (развития) и дизонтогенеза (нарушения развития) речи. Автоматический анализ речи детей и речи людей с когнитивными нарушениями позволяет выявлять признаки отклонений на ранних стадиях и разрабатывать персонализированные программы реабилитации.

Таким образом, стоит отметить факт активного внедрения цифровых практик в когнитивную лингвистику. Интеграция цифровых инструментов в исследовательский процесс открывает новые перспективы для понимания когнитивных механизмов, лежащих в основе языка и мышления. Методы машинного обучения, автоматического анализа текстов, нейросетевые модели, техники визуализации данных, технологии на базе виртуальной и дополненной реальности помогают лингвистам-когнитологам внести вклад в решение широкого спектра практических задач, таких как изучение родного языка, обучение иностранным языкам, разработка коммуникативных стратегий и лечение речевых расстройств. Кроме того, цифровые технологии открывают возможности для изучения языкового разнообразия и специфики межкультурной коммуникации.

Список использованных источников

1. Анализ текста и его обработка, обзор программ. – URL: <https://nitforyou.com/avtomaticheskaja-obrabotka-teksta/> (дата обращения: 10.03.2025).
2. Анализ тональности текста. – URL: <https://researchmethod.net/sentiment-analysis/> (дата обращения: 10.03.2025).
3. Кислицына, Н. Н. Мультимодальный анализ дискурса в англоязычных блогах психологической тематики / Н. Н. Кислицына, О. Г. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 64–76. – DOI 10.20916/1812-3228-2020-2-64-76.
4. Когнитивная и цифровая лингвистика : [сайт]. – URL: <https://www.rudn.ru/education/educational-programs/140282e0-a7a5-11ed-818e-00155d320f01> (дата обращения: 10.03.2025).
5. Компьютерная и когнитивная лингвистика : [сайт]. – URL: https://ihde.tsu.ru/ru/komp_and_cogn/ (дата обращения: 10.03.2025).
6. Рекуррентная нейронная сеть (RNN): виды, обучение, примеры : [сайт]. – URL: <https://neurohive.io/ru/osnovy-data-science/rekurrentnye-nejronnye-seti/> (дата обращения: 10.03.2025).
7. From Imagined Contexts to Virtual Reality: Using VR for Linguistic Fieldwork [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.leidenlanguageblog.nl/articles/from-imagined-contexts-to-virtual-reality-using-vr-for-linguistic-fieldwork>. (Access date: 10.03.2025).
8. NLP : [сайт]. – URL: <https://skillbox.ru/media/code/> (дата обращения: 10.03.2025).

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЧЕТАНИИ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Т. А. Болдова,

*доктор педагогических наук, профессор кафедры МОП-1,
Московский государственный технический университет
имени Н. Э. Баумана, Москва*

Аннотация. Методологическим подходом при обучении в сети является прямое взаимодействие студентов с онлайн-компонентами сети в ходе учебного занятия, когда преподавателем вырабатываются определенные стратегии обучения. Коммуникативное взаимодействие на основе предметных знаний направлено на выбор методических целей и задач обучения. При этом стоит вопрос, какие знания необходимо получить студенту, какова их социальная ценность как предметного знания. Кроме этого необходимо сформировать умения и навыки как заданного преподавателем шаблона, с одной стороны, и творческого подхода, с другой. Выстраивание занятий в интегративной среде обучения как в специфической, дидактической, виртуальной среде.

Результаты проводимых занятий показали, что цифровая коммуникация способствует изменению процесса обучения с повышением уровня владения изучаемым языком и выстраиванием диалогических ситуаций на высоком уровне коммуникативных и поведенческих умений. Такая учебная работа способствует повышению успеваемости и мотивации студентов. Работа при данном подходе обучения понимается как система восприятия и адекватного понимания множества текстов, которые заключены в специфический технологический каркас. Динамический элемент диалога на различные темы по изучаемой тематике представлен как гибкая схема овладения умениями говорения, чтения, аудирования, письма и перевода.

Ключевые слова: методологический подход, цифровая коммуникация, онлайн обучение.

Summary. The methodological approach to online learning is direct interaction of students with online components of the network during a lesson, when the teacher develops certain learning strategies. Communicative interaction based on subject knowledge is aimed at choosing methodological goals and objectives of learning. At the same time, the question arises, what knowledge the student needs to obtain, what is its social value as subject knowledge. In addition, it is necessary to develop skills and abilities, as a template set by the teacher, on the one hand, and a creative approach, on the other. Construction of classes in an integrated learning environment as a special, didactic, virtual environment.

The results of the conducted classes showed that digital communication contributes to changing the learning process with an increase in the level of proficiency in the studied language and the construction of dialogic situations at a high level of communicative and behavioral skills. Such educational work contributes to improving the academic performance and motivation of students. Work in this approach to learning is understood as a system of perception and adequate understanding of many texts that are enclosed in a specific technological framework. The dynamic element of dialogue on various topics on the subject under study is presented as a flexible scheme for mastering the skills of speaking, reading, listening, writing and translation.

Key words: methodological approach, digital communication, online learning.

В исследованиях иностранных и российских ученых ключевая тема – это взаимодействие студентов с онлайн-компонентами сети в ходе учебного занятия и

учебной коммуникации на основе интеракционистского подхода. Для создания условий коммуникации студентов и преподавателей необходимо взаимодействие студентов и преподавателей – как своеобразная театральная постановка, в которой каждый участник играет свою роль, являясь режиссером и актером одновременно (когнитивная теория множественного общения [2, с. 82–99]).

Таким образом, создается интегрированная теоретическая основа для использования мультимедийных технологий в учебной коммуникации на основе мультимодальности гипертекста. Где гипертекст это: а) продукт сложной деятельности по порождению текста и рецепции текстовой информации, проходящей в социальной сфере межкультурной коммуникации; б) единица текстовой деятельности и текстовой коммуникации; в) средство для «процессного» управления цифровой деятельностью в условиях сетевой коммуникации [4, с. 74].

Изменение процесса обучения в сторону коммуникативных и поведенческих подходов проходит в динамике синхронных форм общения. Чтобы использовать цифровую коммуникацию для обучения, необходимо выстроить стратегии обучения, которые помогут добиться эффекта обучения на основе трансформации воспринимаемых изображений текстов сети и перевода их в речь для создания стабильной коммуникации студентов и преподавателей.

Теория обучения как теория сообщества практиков предложена для создания модели онлайн-обучения студентов в рамках профессионального онлайн-круга сообществ [1, с. 82]. Наиболее отличительной особенностью такой модели является дихотомия между обучением и учебной программой, которая признает потенциал сети как места, где студенты, работая вместе в сообществе практиков, создают свою собственную учебную программу (как формальную, так и неформальную). Это новое обучение обеспечивает поддержку эффективного взаимодействия в обоих режимах общения в контекстах синхронного компьютерно-опосредованного общения с использованием чатов.

Онлайн-режим в ходе обучения определяется как иммерсивная компьютерная технология, которая воспроизводит реальную окружающую среду через интернет и позволяет в ходе определенной симуляции ощущать присутствие и взаимодействие в этой среде.

Это определенная трехмерная симуляция имитирует реальную среду и предлагает студентам как слуховые, так и визуальные стимулы, создавая ощущение погружения и присутствия, легкости общения преподавателя со студентами. Ее использование может быть применено к другим контекстам учебного общения.

Эффективное взаимодействие в онлайн-режиме строится с помощью ментальных представлений между собеседниками. Большая часть учебной коммуникации сосредоточена на согласовании значения и формы во время дискуссионных ситуаций, связанных с языком и восприятием интерактивной обратной связи. Речь идет о ситуативных диалогах, опосредованных двумя различными типами: текстовым чатом и видеоконференцией.

Среди аспектов, которым уделяется меньше всего внимания, – это динамика общения, которая очень важна для коммуникации, когда разговорная динамика характеризуется чередованием различных видов общения. В ходе обучения иностранному языку необходимо показать студентам, как провести понятный языковой ввод в ситуацию общения, а затем провести и модифицированный диалоговый вывод из такого общения. При этом связываются различные измерения (лингвистические, социокультурные, межкультурные), т. е. идет связывание социальных и когнитивных аспектов коммуникации.

Соответственно, взаимопонимание между собеседниками достигается, когда модели разговорных ситуаций максимально похожи. Другими словами, ментальные

модели собеседников выравниваются, когда они разделяют общие концепции, например, времени, пространства и ссылок на данную ситуацию [2, с. 52]. Согласование ситуационных моделей достигается главным образом за счет совместных представлений на лингвистическом уровне (семантическом, лексическом и синтаксическом).

Следующая проблема цифровой коммуникации – это мультимодальность, когда в ходе видеоконференций, коммуникация, взаимодействие являются вербальными, просодическими, жестовыми, мимическими [3, с. 43]. Часто такое общение дополняется использованием текстового чата или генеративного чат бота. Это приводит к бимодальному выравниванию, как для себя, так и для собеседника, особенно во время смысловых диалоговых эпизодов, связанных с иностранным языком («выравнивание по собеседнику»). При этом разговор начинается вербально и завершается жестиком, а также и возможными комбинациями вербального и невербального разговора.

Преподавателю нужны способы решения таких проблем в чатах, когда разговорный язык часто бывает с длинными объяснениями. Например, часто возникает ситуация, когда говорящий согласовывает что-то в разговоре, а его собеседник уже написал в окне чата.

Важна коммуникативная ценность различных языковых особенностей диалогов, так как она влияет на модели развития языковых ситуаций. Здесь иностранный язык является средством определения границ того самого смыслового пространства, в котором существует студент и преподаватель в ходе занятия. Студенты используют те же самые слова, которые были выучены в ходе занятия, но они в онлайн-режиме приобретают иное значение, и только знания предмета разговора в сети поможет правильному пониманию смыслов иноязычной культуры.

Важна и интроспекция, то есть внутреннее наблюдение, внутренний контроль в ходе взаимодействия в сети. В ходе работы в группах постепенно происходит насыщение предметного содержания диалогов языковым, страноведческим, геополитическим материалом; постепенно студентами используется структурно-функциональный подход к отбору и организации языкового материала, моделированию на уровне предложений, словосочетаний и сверхфразовых единств.

В сети, где говорят на разных языках, студент вынужден овладеть не одним, а 2-3 языками, т.к. иноязычные сайты вынуждают пользоваться несколькими языками в ограниченных рядовых ситуациях, как специализированным тезаурусом.

Коммуникация как трансляция знаний преподавателя через рассказ и демонстрацию новых языковых форм получает следующие функции: как продукт сложной деятельности по порождению текста и диалога, проходящий в аутентичной социальной среде; как средство для «процессного» управления цифровой деятельностью студентов в условиях сетевой коммуникации; как интерактивная модель, когда возможно менять режимы компьютерной симуляции и показывать свою модель с комментариями в звуковом сопровождении [1, с. 74].

Разговорный язык часто бывает с длинными объяснениями, поэтому нужны способы решения этих проблем и в цифровой коммуникации (в видео-чатах). Часто возникает, что говорящий согласовывает что-то в разговоре, что его собеседник написал в окне чата или использовал для этого генеративный чат-бот GPT, а потом они начинают говорить на иностранном языке уже друг с другом. Степень сотрудничества (количество и качество используемых лексических единиц) показывает, что результаты в большей степени зависят от того, насколько совместными были диалоги, а не от уровня владения иностранным языком у собеседников [4, с. 127].

Важно отметить, что мобильная виртуальная реальность соответствует настоящей реальности, а ее использование является аутентичным и может быть

применено к другим контекстам подлинного общения. Например, возможен цифровой разговор типа «*opinión gap*» или «*information gap*» («разрыв во мнениях» и «информационный разрыв»).

Но при этом важно, что коммуникативная ценность различных языковых особенностей диалогов влияет на модели развития языковых ситуаций, а сама коммуникация как учебная работа является потенциально ценным источником исследовательского и дидактического потенциала новых технологий в университетском обучении.

Таким образом, расширяется культурологический, лингвистический и коммуникативный опыт студента, что повышает уровень владения иностранным языком в его профессиональной подготовке как самостоятельной формы и как части общей системы обучения.

Список использованных источников

1. Тойода, Э. Категоризация текстового общения в чате между учащимися и носителями японского языка / Э. Тойода, Р. Харрисон // Изучение языков и технологии. – 2012. – Вып. 6. – С. 82–99.
2. Dietmar, G. Grundwissen Philosophie / Gensicke Dietmar. – Stuttgart, 2008. – S.137.
3. Landow, P. Critical Theory and New Media in an Era of Globalization / P. Landow. – Hopkins University Press, 2000. – P. 135.
4. Болдова, Т. А. Монография. Дорожная карта для изучения иностранных языков в гипертекстовой сети / Т. А. Болдова. – Киров, 2016. – 446 с.

УДК 82'612.8

ПРОБЛЕМА ПЕРЦЕПЦИИ И АППЕРЦЕПЦИИ В МЕМУАРНО-БИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О. В. Ермоленко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. На основе когнитивно-дискурсивного метода анализа в работе рассматривается категория памяти в качестве рефлексивного процесса созидания события, её смысло- и структурообразующая функция в мемуарно-биографическом дискурсе; показаны процессы трансформации реальности в сознании автора (перцепция) и восприятие повествования адресатом (апперцепция); выделены определяющие признаки мемуарно-биографического дискурса.

Ключевые слова: память, дискурс, мемуарно-биографическое повествование, перцепция, апперцепция, эго-текст, трансформация.

Summary. On the basis of the cognitive-discursive method of analysis, the paper considers the category of memory as a reflexive event creation process, its semantic and structure-forming function in memoir-biographical discourse; the paper presents the processes of transformation of reality in the author's mind (perception) and perception of the narrative by the addressee (apperception); the present report highlights the defining features of memoir-biographical discourse.

Key words: memory, discourse, memoir-biographical narrative, perception, apperception, ego-text, transformation.

В связи с особенностями трансформации феномена общественного сознания в период новейшей истории, обусловленного изменениями в межкультурном и межнациональном взаимодействии, процесса переписывания истории, стремлением

общества к конструированию национального самосознания и самоидентичности на фоне кардинально меняющегося характера коммуникации, связанного, не в последнюю очередь, с появлением новых информационных технологий, традиционное мемуарно-биографическое повествование претендует на свое переосмысление. Актуальные для современного литературно-исторического дискурса виды мемуарно-биографического текста привлекают внимание исследователей с точки зрения существования и переоценки значимости факта, факта и вымысла, их воздействия на когнитивную систему адресата.

Мемуарно-биографический дискурс обладает рядом определяющих признаков (например, документальность, ретроспективность, типизация, эстетизация [3, с. 11]), в числе которых находится субъективированное повествование автора, основанное на его когнитивной деятельности. Автор воссоздает факты прошлых событий, преломляя их сквозь призму личного опыта. Под мемуарами подразумевается повествование в форме записок от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был. Мемуарное повествование предполагает «достоверный (исключающий вымысел) рассказ о своей эпохе, ее наиболее памятных эпизодах, о ее людях» [1, с. 236]. Устойчивыми признаками мемуарной прозы считается фактографичность, приоритетность событий, ретроспективность материала и взгляда. По мнению Е. Петровой, «создание мемуарной прозы – это литературное представление памяти» [4]. Подобно воспоминаниям автора, мемуары могут быть недостаточно точными. Но при этом они должны быть «верны» памяти автора, соответствовать ей. Если же информация в мемуарах умышленно искажена, то «тогда их стоит отнести к художественной прозе или автофикшн-литературе» [4]. Таким образом, работа памяти в мемуарном повествовании играет решающую роль, а поскольку, как подчеркивает Ю. Борев, память истинного мемуариста избирательна, она «хранит существенное и «забывает» все незначимое для характеристики эпохи и ее действующих лиц» [1, с. 236].

Исследователи в области категории памяти (Л. С. Выготский, А. Е. Савельев, А. А. Смирнов) подчёркивают, что память выступает в качестве рефлексивного процесса созидания события, относящегося к прошлому, но получающего ценностно-смысловую оценку в настоящем. Память рассматривается ими как одна из высших мыслительных абстракций, конституируемая как целостность, в которой выделяется ряд онтологических слоев. Как нами было замечено ранее, «она может быть одновременно и носителем идеального смысла, и набором чувственно воспринимаемых признаков» [2, с. 37]. Так, А. В. Трофименко [5] указывает на то, что в XX веке описание феномена памяти получает новое развитие, интенсивно формируется дискурс памяти (А. Бергсон, Э. Кейси, П. Рикёр, А. Леонтьев), существенно повлиявший на организацию повествования произведений XX столетия, в том числе повествования мемуарного. Максимальное освоение мемориального пространства, по мнению А. В. Трофименко, заключается в применении различных способов письма, находящих отражение в особенностях поэтики литературного творчества и достижении «абсолютной самоидентификации путём синтеза *Я – память – искусство*. Категория памяти становится интегральной основой всего творческого процесса» [5, с. 80]. Субъектно-объектные отношения мемуарного повествования во многом определяют жанровое своеобразие мемуарной литературы, подразумевающей присутствие двух начал: мемуарного и автобиографического. Используя понятие субъектно-объектных отношений, возможно говорить о мемуарах: объектных, цель которых – воссоздание объекта авторского внимания (событий, ситуаций, людей), субъектных, в которых главный интерес сконцентрирован на субъекте повествования, на авторе, а также мемуарах, в которых оба этих начала соединяются, сопрягаются.

Процессы трансформации «реальности» прошлого из памяти автора произведения в «реальность» создаваемого текста мемуарно-биографического дискурса неразрывно связаны с процессами перцепции/ апперцепции автора и читателя, когда происходит трансформация реальности с помощью воображения автора повествования, которое определяет впоследствии модифицирование текста в сознании читателя. В данном случае, как мы указывали ранее [2], происходит реализация триады «перцепция автора – его-текст – апперцепция читателя». Возникает возможность одномоментного присутствия в памяти автора и читателя прошлого (перцепция автора), настоящего (образование его-текста) и, до определенной степени, будущего (апперцепция читателя), что позволяет говорить о синхронности и ретроспективности, документальности и художественности, объективности и субъективности.

Концепт перцепции/апперцепции как понятие восприятия, ощущения, осознания, понимания, проницательности и способности постижения видится достаточно значимым в определении целенаправленного восприятия мемуарно-биографического повествования. «Перцепция связана с внутренним изменением восприятия, его определением и выделением единиц из разнообразия воспринимаемой в едином потоке восприятия «множественности состояний и отношений» [8, с. 82]. Апперцепция же связана с внутренним единством восприятия, которое «невозможно без того, чтобы субъект отрефлексировал воспринятое, т.е. увидел некоторое отношение к нему. При этом включение внимания и участия памяти позволяет идентифицировать некоторую сущность как самотождественную» [8, с. 82]. И далее исследователь А. А. Чикин подчеркивает, что в этом смысле «разделение на перцепцию и апперцепцию открывает возможность рассмотрения неосознанного субъективного психофизического, телесного сущего в его целесообразности, ранжирует восприятие по уровню отчетливости...» [там же].

Итак, в нашем случае апперцепция читателя может рассматриваться как восприятие впечатлений мемуариста о тех или иных представителях или событиях описываемой эпохи сквозь призму собственных знаний и представлений об излагаемых фактах. В итоге именно у адресата происходят самые сложные когнитивные процессы, связанные с характером восприятия мемуарно-биографического повествования, поскольку сознательное и осмысленное восприятие мемуарно-биографического текста (его-текста), когда новая информация ассоциируется с предыдущими знаниями и опытом, создает более полное и глубокое понимание происходящего в читательском воображении (апперцепция).

Список использованных источников

1. Боров, Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / Ю. Б. Боров. – Москва : ООО «Издательство Астрель» ; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 575 с.
2. Ермоленко, О. В. Вопросы перцепции в мемуарно-биографическом повествовании / О. В. Ермоленко // Международная междисциплинарная научная конференция «Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании». – Москва : Изд-во ФГБУН ИНИОН РАН, 2015. – 170 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-pertseptsii-v-memuarno-biograficheskom-povestvovanii/viewer> (дата обращения 14.03.2025).
3. Левицкий, А. А. Мемуарный дискурс как сочетание объективного и субъективного знаний / А. А. Левицкий, Л. Н. Липина // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 марта 2024 г. – Минск : БГУ, 2024. – С. 8–11. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/320430> (дата обращения 15.03.2025).

4. Петрова, Е. Литература памяти и ее разновидности / Е. Петрова // Реальное время. Электронный журнал. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/260835-literatura-pamyati-i-ee-raznovidnosti> (дата обращения 14.03.2025).
5. Трофименко, А. В. Категория художественной памяти в философской ретроспективе / А. В. Трофименко // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. – Вип. 24. – 2008. – С. 77–81.
6. Чикин, А. А. Понятие апперцепции в психологии Т. Липса и ранней феноменологии Э. Гуссерля / А. А. Чикин. – URL: <https://iphrrs.ru/uplfile/root/biblio/hp/hp20/79-101.pdf> (дата обращения 14.03.2025).

УДК 372.881.111.1+004.89+81-119

РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ НАВЫКОВ НА КОГНИТИВНЫХ УРОВНЯХ ПО ТАКСОНОМИИ БЛУМА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЕКТИРОВАНИИ УЧЕБНЫХ ЗАДАНИЙ

В. Ю. Ильина,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Когнитивный подход к обучению направлен на развитие совокупности умственных способностей обучающихся. Планирование занятий на основе цели, а не темы признаётся наиболее эффективным. Таксономия Блума систематизирует когнитивные навыки по степени сложности их освоения. Построение занятий с учётом иерархии когнитивных умений Блума позволяет добиться эффективного формирования иноязычной компетенции, аналитических и творческих навыков обучающихся. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) способны создавать задания, отвечающие целям обучения. Цель статьи – разработать модель урока, используя потенциал программ ИИ. Методика исследования включает теоретические и эмпирические научные методы. По результатам исследования предложена модель занятия для развития иноязычных навыков на когнитивных уровнях по таксономии Блума.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), программы искусственного интеллекта, таксономия Блума, когнитивные умения и навыки, иностранные языки, обучение иностранным языкам, применение технологий ИИ в обучении языкам.

Summary. Cognitive approach to language learning aims to comprehensively develop a range of learners' mental abilities. The aim-based approach is considered to yield the best outcomes. Bloom's taxonomy of cognitive skills sequences the skills so that learners' expertise builds up gradually as they master each stage. Proper lesson design could reinforce learning and foster logical, analytical and creative thinking as well as language skills development. Artificial intelligence (AI) can be harnessed to design the relevant tasks. In the paper we aimed to implement AI tools and develop a lesson plan with tasks addressing the whole set of cognitive skills. The research methodology included theoretical and empirical scientific methods.

Key words: artificial intelligence (AI), AI software, Bloom's taxonomy, cognitive skills, foreign languages, foreign language instruction, AI technologies in language teaching.

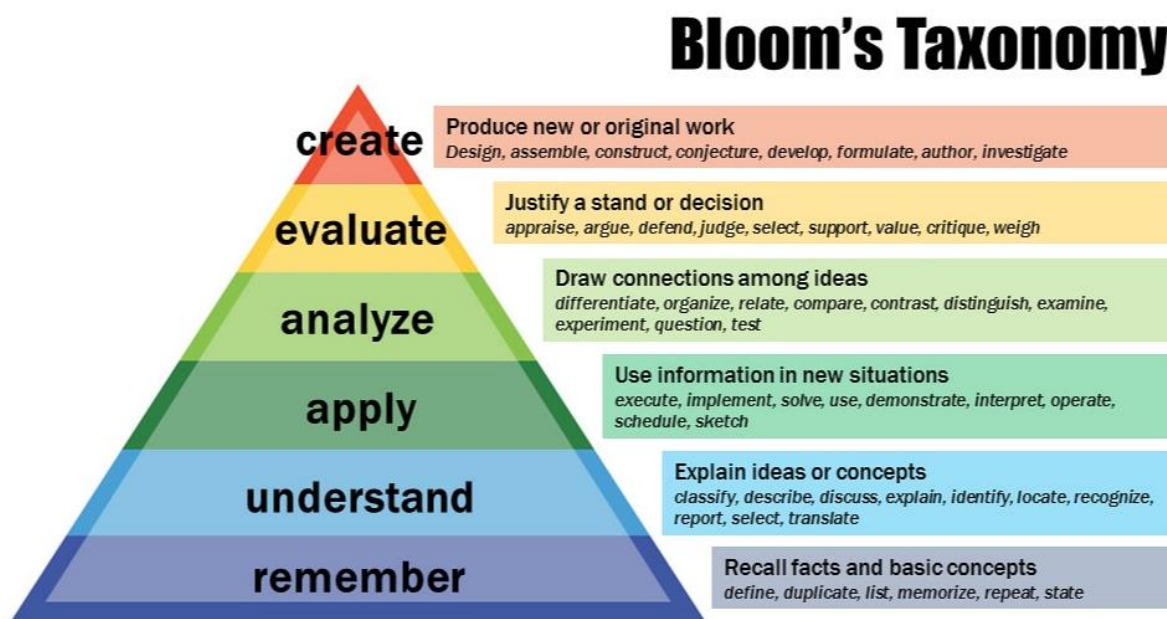
Постулатом современной лингвистики служит утверждение, что язык является основой познавательной деятельности человека. В центре лингвистических исследований на рубеже веков оказались когнитивные процессы получения, обработки, хранения информации [8].

Профессор А. Н. Медушевский считает, что «современная наука переживает смену парадигм: переход от нарративизма как метода в гуманитарном познании, основанного на логике наивного повседневного мышления, к когнитивной науке» [5, с. 70].

Основной целью когнитивного обучения является развитие интеллекта, совокупности умственных способностей обучающихся. В образовательном процессе требуется достичь результата, когда обучающиеся переосмысливают информацию, выстраивают новые когнитивные связи с уже усвоенными знаниями и создают на их основе новые.

Для достижения вышеперечисленных задач, американский психолог Бенджамин Блум предложил систематизировать цели обучения, ранжируя их по степени сложности, что нашло отражение в созданной им таксономии. Блум также считал логичным рассматривать результаты обучения как параметры эффективности достижения образовательных целей. В связи с этим, планирование занятия на основе цели, а не темы урока представляется наиболее эффективным [11].

В иерархии Блума когнитивные умения расположены в следующем порядке по степени возрастания сложности: запоминание, понимание, применение, анализ, оценка, создание. Каждый последующий навык базируется на предыдущем, являясь предпосылкой для развития навыков более высокого уровня. Для каждого уровня Блум разработал список глаголов как опору для составления заданий, развивающих соответствующие навыки [10]:

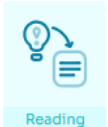
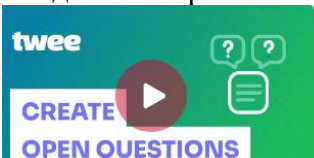
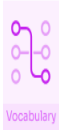
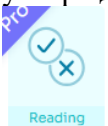
Целый ряд современных исследований посвящён таксономическому подходу к преподаванию иностранных языков [2; 3; 6; 7; 9]. Подробнее о таксономии целей обучения и таксономическом подходе к формированию иноязычной лексической компетенции обучающихся мы писали в одной из предыдущих статей [1]. В данной работе мы преследуем цель разработать модель урока и продемонстрировать как программы искусственного интеллекта могут использоваться для составления учебных заданий по таксономии Блума и облегчения труда педагога.

В наших предыдущих исследованиях мы изучили и протестировали на практике 15 программ ИИ для составления учебных заданий различных типов и выделили лучшие программные продукты для проектирования учебных материалов по иностранному языку: Twee (<https://twee.com/tools>) и MagicSchoolAI (<https://app.magicschool.ai/tools>). Критериями отбора служили количество и разнообразие упражнений, которые позволяют создавать платформы, возможность

доступа с территории Российской Федерации, наличие бесплатного функционала (с небольшим ограничением, как, например, у Twee – 5 заданий в сутки) и удобство интерфейса. Рекомендованные к использованию платформы ИИ предлагают более 50 типов заданий разнообразных форматов, функцию встроенного чат-бота и методическую поддержку преподавателей.

Следует отметить, что с момента нашего исследования программ ИИ для создания обучающего контента, произошли изменения и MagicSchoolAI больше не предоставляет свободный доступ с IP-адресов РФ, при этом, программы VPN запрещены Роскомнадзором, что в очередной раз подчёркивает необходимость создания отечественными программистами собственного программного продукта со схожим набором функций. Что касается Twee, то существуют тарифные планы, в которых ограничения по количеству запусков в сутки сняты и предоставляются расширенные функции; есть также возможность корпоративной подписки для прогрессивных и заинтересованных в повышении качества образования учебных заведений, которые могут оплатить неограниченный доступ к платформе для своих преподавателей.

В настоящей статье мы представим разработанные нами примеры заданий при работе с текстом для развития иноязычных навыков обучающихся на когнитивных уровнях, категоризированных по Таксономии Блума, с практической реализацией через программу ИИ Twee.

Уровень по таксономии Блума и формулировка задания	Функция программы Twee для автоматического генерирования задания
Запоминание. 1.1. Прочитайте текст, ответьте на вопросы по содержанию текста. 1.2. Соотнесите слова с их значениями.	1.1. Генерирование текста на основе заданной тематики и терминологии. Предусмотрена также возможность загрузить свой текст: Create a Text on Any Topic with Your Vocabulary Creates a text on a certain topic. Can be used during a lesson or as a homework task after a... Создание вопросов открытого типа к тексту: Create Open Questions for a Text Creates a list of open questions. Ask your students these questions to make sure they understand the text. Термин-определение: Word-Definition Matching Automatically creates a matching exercise for a list of words. Ask your student to match the...
Понимание. 2.1. Ответьте на вопросы по тексту: верно или неверно утверждение и исправьте неверные утверждения. 2.2. Выберите один правильный ответ. 2.3. Совместите части предложения. 2.4. Подберите заголовок к тексту. 2.5. Выберите правильный	2.1. Вопросы на проверку истинности/ложности утверждения: Create True/False Statements for a Text Creates a true/false reading exercise for the student to check if they understand the conte... 2.2. Составление вопросов на множественный выбор: Create ABCD Questions for a Text Creates a list of ABCD questions for a text with only one correct answer. Разделение предложений на две части:

вариант краткого содержания текста.	 Grammar Vocabulary Create an Exercise with Matching Halves Creates an exercise for your students in which they need to correctly match the halves of... Создаёт заголовки к тексту: Reading Create Three Titles for a Text Creates three titles for a given text, two of them are wrong and only one is correct. You can give... 2.5. Программа создаёт три варианта краткого содержания текста: Listening Choose the Right Summary Creates three summaries for your audio or video, two of them are wrong and only one is...
Применение 3.1. Заполните пробелы в тексте. 3.2. Составьте предложения с заданными лексическими единицами. 3.3. Составьте предложения из заданных слов.	3.1. Преподаватель отмечает в тексте лексические единицы, которые будут изъяты из контекста: Vocabulary Grammar Fill in the Gap Replaces all the chosen words in the text with gaps. Gives a list of these words separately. 3.2. Программа также умеет самостоятельно находить коллокации в тексте: Vocabulary Extract Collocations from a Text Extracts collocations from a given text based for the target vocabulary provided. Perfect for... и составляет предложения с целевой лексикой, которые можно дать для образца: Create a List of Sentences with Your Vocabulary Creates a list of sentences with target vocabulary. It's a great idea to use them later in the "Fill in the Gap" tool! Tip: you can type in verb forms or tense form markers to make a grammar task. 3.3. Twee перемешивает слова в предложении: Grammar Scramble the Words in Sentences Mixes up all the words in a sentence. Ask your student to put the words in the right order. You...
Анализ. 4.1. Подискутируйте, обсудив вопросы. 4.2. Проанализируйте высказывания, мнения, цитаты. 4.3. Охарактеризуйте персонажей/объекты или явления. 4.4. Составьте план повествования.	4.1. Создаёт вопросы для дискуссии, и задания, которые можно использовать как перед прочтением текста, так и после, когда обучающиеся уже владеют необходимым лексическим запасом по теме: Speaking Warm-Up Discussion Questions Before Listening Creates discussion questions that you can use as a warm-up before a listening task. They invit...

	 Lead-in Activities for a Text Creates 3 ideas that can be used as lead-in activities before reading a certain text in class.... Speaking 4.2. ИИ находит различные мнения по теме и цитаты известных людей: Four Opinions Creates four opinions by random people on the topic. Use it to encourage students to consider... Writing Find Quotes by Famous People Creates a list of quotes by famous people. Perfect for warm-ups, discussions, and essay... Writing Speaking
Оценка. 5.1. Распределите высказывания по принципу «за» и «против». Оцените дискуссию. 5.3. Прокомментируйте, обсудите факты. 5.4. Придумайте ситуацию, загадайте объект/предмет/проблему. Опишите её так, чтобы другие участники могли отгадать, о чём идёт речь.	5.1. Программа создаёт список «за» и «против», преподаватель перемешивает высказывания и предлагает студентам рассортировать их: Create a List of Pros and Cons Creates a list of pros and cons on the given topic. You can use this list for discussions or... Speaking 5.2. Генерируется диалог по теме: Create Communicative Situations with Your Vocabulary Creates short two-line dialogues with the target vocabulary. You can give them to your student... Vocabulary 5.3. ИИ предлагает 10 фактов по теме: Find Interesting Facts Finds 10 facts on a given topic. You can use these facts as an icebreaker, true/false quiz, or ... Speaking
Создание. 6.1. Перефразируйте высказывание. 6.2. Постройте предложения из заданных слов. 6.3. Напишите официальное письмо, пост в соцсети, текстовое сообщение, фантастическую историю или составьте запись в личном дневнике с использованием целевой лексики. 6.4. Напишите эссе по заданной теме. 6.5. Опишите проблемы, последствия, перспективы. 6.6. Расскажите, что вы знаете по теме, подготовьте презентацию материала.	6.1. ИИ предлагает предложения для перефразирования: Rephrase Using the Word Given Creates an exercise in which a student is expected to rewrite sentences using one of th... Vocabulary 6.2. Предлагает слова по теме, из которых нужно построить предложения: Link Words into Sentences Creates an exercise in which a student is expected to come up with unique sentences b... Writing Speaking 6.3. Создает задания для письменных видов работ, развивающих творческое мышление: Creative Writing with Target Vocabulary Gives a set of creative writing tasks to encourage your students to use the new... Writing 6.4. Программа генерирует темы эссе:

	 Create a List of Essay Topics Create a list of topics on a given subject. An excellent way to make a writing task for your... Writing

Таким образом, в арсенале специализированных программ ИИ имеется большое разнообразие функций, позволяющих преподавателю проектировать учебные задания для развития когнитивных навыков обучающихся. А планирование занятия на основе поставленных целей позволяет достичь максимальной эффективности обучения, благодаря поэтапному наращиванию сложности заданий с опорой на уже сформированные когнитивные навыки.

Список использованных источников

1. Ильина, В. Ю. Таксономический подход к формированию иноязычной лексической компетенции обучающихся в неязыковом вузе / В. Ю. Ильина // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : материалы VII международной междисциплинарной научной конференции (Симферополь, 25–26 ноября 2022 г.) ; под общ. ред. проф. А. Д. Петренко. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2022. – Том 1. – С. 266–272.
2. Итинсон, К. С. Применение таксономии образовательных целей Блума в процессе обучения иностранному языку / К. С. Итинсон, В. М. Чиркова // Азимут научных исследований : педагогика и психология. – 2021. – Том 10, № 4 (37) – С. 106–109.
3. Козина, О. В. Таксономия Блума в формировании иноязычной коммуникативной компетенции у студентов вуза / О. В. Козина, Е. Н. Меркулова. – URL: <https://journals-altspu.ru/vestnik/article/view/1519/1416> (дата обращения: 10.03.2025).
4. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / В. А. Маслова. – Москва : Флинта ; Наука, 2008. – 293 с.
5. Медушевский, А. Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания / А. Н. Медушевский // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 70–92.
6. Мурзагалиева, А. Е. Сборник заданий и упражнений. Учебные цели согласно таксономии Блума / А. Е. Мурзагалиева, Б. М. Утегенова. – Астана : АОО «Назарбаев Интеллектуальные школы» ; Центр педагогического мастерства, 2015. – 54 с.
7. Соколова, М. А. Таксономия образовательных целей Блума: сущность и применение на занятиях иностранного языка с целью развития критического и креативного мышления студентов / М. А. Соколова. – URL: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/55044/4/Sokolova_Blooms_taxonomy.pdf (дата обращения: 10.03.2025).
8. Bloom's Taxonomy Is A Hierarchical Framework For Cognition And Learning Objectives [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.teachthought.com/learning/what-is-blooms-taxonomy/>. (Access date: 10.03.2025).
9. Using Bloom's Taxonomy in the ESL/EFL Classroom [Electronic Resource]. – Access mode: <https://bridge.edu/tefl/blog/blooms-taxonomy-esl-efl-classroom/>. (Access date: 10.03.2025).
10. Wikimedia Commons [Electronic Resource]. – Access mode: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Blooms-Taxonomy-650x366.jpg>. (Access date: 10.03.2025).
11. How to Use Bloom's Taxonomy in Teaching [Electronic Resource]. – Access mode: <https://edulearn2change.com/article-bloom-taxonomy-teaching/>. (Access date: 10.03.2025).

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ

Н. Н. Кислицына,

*заведующая кафедрой иностранных языков № 1, доктор филологических наук,
доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью статьи является раскрытие глубинных связей, существующих между языковой личностью автора, автобиографическими воспоминаниями и содержанием его произведений. Основной методологической установкой работы является когнитивно-дискурсивный подход, в рамках которого применяется интерпретационный анализ и контент анализ. Установлены и продемонстрированы на репрезентативном языковом материале жанрово-стилистические особенности произведений Т. Конвицкого.

Ключевые слова: аллюзия, интерлюдия, свободная композиция, автобиографический нарратив, Т. Конвицкий.

Summary. The aim of the article is to reveal the deep links existing between the author's language personality, the autobiographical memories and the content of his works. The main methodological approach is cognitive-discursive, which includes interpretation and content analysis. The genre-stylistic features of T. Konwicki's works are defined and demonstrated on a representative language material.

Key words: allusion, interlude, free composition, autobiographical narrative, T. Konwicki.

Тадеуш Конвицкий (1926–2015), известный польский писатель и сценарист является ярким представителем зарубежной культуры, литературы и кинематографа, что обуславливает высокую значимость исследований его произведений как в аспекте когнитивного литературоведения, так и когнитивной лингвистики. Лейтмотивы его произведений свидетельствуют о глубинных связях, существующих между языковой личностью автора, автобиографическими воспоминаниями [1] и содержанием произведений.

Т. Конвицкий родился в Вильно (нынешний Вильнюс) – местности, которая была исключительно многонациональна, поликультурна, многоязычна и многоконфессиональна. Вильно во времена детства Т. Конвицкого был достаточно крупным населенным пунктом, который, с точки зрения политической географии, обладал нечеткой социально-экономической структурой, диффузной этнической составляющей, специфической культурной и религиозной сферой обусловленной непосредственным соседством поляков, белорусов, литовцев, русских, евреев, караимов и других этносов. Этот этнокультурный сплав, с самого детства окружавший писателя, представлялся ему органичным и закономерным способом существования разных этносов.

Естественность гармоничного совместного проживания разных народов представлена в текстах постоянными аллюзиями на тесные контакты многонационального населения. Так, в романе «Хроника любовных происшествий» мы встречаем многочисленные высказывания, прямо или косвенно свидетельствующие о естественности добрососедского сосуществования людей разных национальностей. Например, описывая религиозное пение, писатель отмечает, что в нем «сливались разные наречия – и польское, и белорусское, и литовское» [4, с. 286]; изображая

бескрайние леса, окружавшие его родной городок, автор пишет, что они «добирались до боров, а те сливались с бескрайней пущей, которая, как морской прилив, устремлялась на восток, заполняя Белоруссию» [4, с. 254].

Т. Конвицкий, покинувший родные места, всегда с ностальгией вспоминал о своем детстве и отрочестве, с любовью о людях его окружавших в наиболее счастливое время, с горечью о безвозвратных потерях. Несмотря на то, что многие критики причисляют Т. Конвицкого к величайшим польским прозаикам, что, несомненно, является неоспоримым фактом, сам он определял себя европейцем и более того – космополитом, гражданином мира: “*a European, no, a citizen of the world, an Esperantist, a cosmopolitan*” [5, с. 99–100]. Добавим еще один значимый в этом аспекте автобиографический факт – родословная автора представляла смесь польской, литовской и белорусской крови с примесью русской и еврейской кровей [5, с. 98].

Все его книги, как правило, автобиографичны или точнее квази-биографичны. В частности, в романе «Хроника любовных происшествий» главный герой, также как и сам автор, – наполовину сирота, его дедушка болеет туберкулезом, а семья живет в Вильнюсе – в городе, где прошло детство писателя. По-видимому, неоднократно «перепроживание» собственной жизни в образах своих героев позволило автору хотя бы виртуально вернуть утраченное чувство безопасности присущее вынужденно перемещенным лицам, а также воспользоваться правом автора-создателя романтизировать и «исправить» некоторые неоднозначные события, тревожно будоражащие память писателя.

Среди исследователей наследия Т. Конвицкого до сих пор не имеется единства относительно четкого определения жанровой принадлежности его творчества. В частности, ряд исследователей [7; 9] считают, что жанровый диапазон писателя простирается от социалистического реализма (socialist realism) до экспериментализма (experimentalism); кроме того, по мнению Э. Можейко, ему присущи некоторые черты, постмодернизма (characteristics of postmodernism) [7, с. 139]. При этом постмодернизм Т. Конвицкого выходит далеко за рамки данного течения и основательно «пропитан» романтизмом (romanticism).

Так, Д. Собеска отмечает особую приверженность Т. Конвицкого к романтическим традициям и современной ему литературной культуре дистанцирования и отстраненности – “*Romantic tradition and the modern literary culture of distance and aloofness*” [9, с. 96], выражающуюся в особом таланте писателя изображать реальное и воображаемое, настоящее, прошедшее и будущее как единую субстанцию, существование которой не может быть подвергнуто сомнению.

Тематика произведений автора характеризуется постоянным глубоким интересом к истории и культуре Польши, а также к личности человека, проживающего и переживающего значимые для страны события. Тематическое единство Т. Конвицкого базируется на триаде: 1) воспоминания о детстве и отрочестве, 2) размышления о войне и 3) описание современной ему действительности. В романе «Хроника любовных происшествий» эти три лейтмотива искусно переплетаются, подкрепляют и усиливают друг друга за счет регулярного повторения формальных приемов, реактивации нарративных характеристик, последовательно чередующихся в качестве основных формообразующих конституентов.

Характерной особенностью «Хроники любовных происшествий» (далее «Хроника») является так называемая «свободная форма» или как писатель сам определял стиль своего повествования – “open text” [8, с. 177], сочетающий в себе мемуарную подачу материала со стилем эссе, конвергенцию романа с повестью и рассказом.

«Хроника» оставляет впечатление, с одной стороны, мистическое: читателя охватывает желание разгадать предложенные писателем тайны, понять метаморфозы,

происходящие с главными героями. С другой стороны, пейзажные зарисовки, изображение городских улиц настойчиво возвращают читателя в реальность предвоенной Польши. В анализируемом произведении все пропитано атмосферой неопределенности, главный герой впервые переживает чувство влюбленности, это новое для героя жизнеощущение происходит на фоне ожидаемого вторжения Германии на территорию Польши. О приближении II Мировой войны свидетельствуют фоновые «кадры», описывающие военных, военную технику и учения, последовательно вводимые автором в канву основного повествования.

Хотя сам автор определял назначение данного романа как развлекательное “recreational”, похоже, что это определение носит иносказательный характер. Эзопов язык используется Т. Конвицким с целью уберечь особенно дорогие для писателя воспоминания о собственном отрочестве и юности от возможной жесткой оценки, высказанной отдельными литературными критиками и бесцеремонными читателями: метафоричность повествования, неуловимые коннотации [3] не дают предвзятым рецензентам твердой почвы для выстраивания обвинения или упреков в неправильной, с их точки зрения, позиции (политической, религиозной, нравственной и т.д.).

Одним из наиболее успешно применяемых приемов в работах Т. Конвицкого является техника выстраивания ассоциаций, позволяющая с калейдоскопической непредсказуемостью и многообразностью создавать многочисленные смысловые перспективы; критики определяют такую технику как «коллаж», позволяющий автору добиваться особого интертекстуального и интеллектуального эффекта [8, с. 328].

Смесь романтического и фантастического, взаимопроникновение, размытость границ фактуальной информации и вымысла порой не позволяют отличить, где описываемые события опираются на реальные исторические события, а где в воспоминания автора врывается художественный вымысел. Нарратив разворачивается, словно цепь меняющихся событий и образов, реального и нереального. Читатель, который попытается проанализировать роман, желая установить, где правда, а где вымысел, рискует не уловить квинтэссенцию произведения, лишит себя удовольствия от постижения сути прочитанного.

Одним из весьма заметных приемов, используемых в «Хрониках», является повтор, который представляется значимым в аспекте сохранения целостности произведения, учитывая предрасположенность автора к свободной композиции, а также смешения сюжетов и повествовательных средств – *“free composition, and an interblending of subject matters and narrative wherewithal”* [6, с. 65–66]. Следует отметить, что какое бы событие, явление или ситуация не описывались в книге они подаются сквозь призму авторских оценок и отношений, его симпатий и антипатий, автор тщательно выбирает, что описывать, как описывать, а что оставлять за рамками произведения.

Еще один прием, который с непревзойденным мастерством использует Т. Конвицкий – это интерлюдия: в самых неожиданных местах, в тот момент, когда автор считает, что в восприятии читателя уже возможно сложилось определенное понимание сюжетной линии, в основное повествование писатель вставляет самостоятельный и самодостаточный текстовый фрагмент в виде объявления, газетной вырезки, повествующей, например, о несчастном случае, произошедшем с совершенно неизвестными и несвязанными с главными героями людьми.

В качестве таких интерлюдий выступают у Т. Конвицкого описания природы, разнообразных погодных явлений, изложение авторского мировидения, превращающие прозу ни много ни мало – в поэзию, подаваемую в прозаической форме. При этом данные интерлюдии в метафорической форме – емко и точно – выступают знаками-символами, воплощенными в ключевых словах [2], грядущих апокалиптических событиях (смерть, война, крушение надежд).

Герои произведений Т. Конвицкого являются своеобразными *alter ego* писателя: через их образы автор пытается проникнуть в свое подсознание, выразить свои неосуществленные мечтания, пронести груз сомнений по поводу тех или иных поступков и действий современников, свои размышления о превратностях судьбы.

Т. Конвицкий создает своеобразную документальную иллюзию. В результате вымысел, воплощенный в романе, становится по-оруэлловски подобный действительности. Созданный Т. Конвицким художественный мир благодаря многочисленным аллюзиям на факты, события, места и исторические личности становится чудовищно реалистичным.

Талант Т. Конвицкого зиждется на исключительной способности с потрясающим мастерством изображать универсальные человеческие интересы, тревоги и потребности, при этом из произведения в произведение главной декларируемой ценностью для Т. Конвицкого является свобода: свобода выбора, свобода проявления чувств и эмоций. Приверженность свободе как концептуальной сущности возводит Т. Конвицкого в ранг поэта-пророка, позволяет ему говорить со своими читателями с проницательностью пророка, прорисовывающего контуры духовной составляющей нации и народа.

Список использованных источников

1. Кислицына, Н. Н. Макро- и микроструктура жанра автобиографии: лингвокогнитивный аспект / Н. Н. Кислицына, Е. А. Новикова, Г. Ю. Богданович // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 4. – С. 224–235.
2. Кислицына, Н. Н. Значимость ключевых слов в аспекте изучения дискурса / Н. Н. Кислицына, К. Д. Герман // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы I всероссийской научно-практической конференции (Симферополь, 27–29 апреля 2017 г.) ; глав. ред. М. В. Норец. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография АРИАЛ», 2017. – С. 186–190.
3. Кислицына, Н. Н. О месте коннотативного значения в семантической структуре слова / Н. Н. Кислицына // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63). – № 4–2. – С. 129–136.
4. Конвицкий, Т. Бохинь. Хроника любовных происшествий. Малый Апокалипсис : романы / Т. Конвицкий ; пер. с польск., предисл. А. А. Ермонского. – Москва : Радуга, 1995. – 638 с.
5. Konwicky, T. The Polish Complex / T. Konwicky ; transl. by Richard Lourie. – New York : Farrar, Straus and Giroux. – 1981. – 218 p.
6. Konwicky, T. New World Avenue and Vicinity / T. Konwicky ; transl. by Walter Arndt. – New York : Farrar, Straus and Giroux. – 1991. – 224 p.
7. Mozejko, Ed. Beyond ideology: the prose of Tadeusz Konwicky [Electronic Resource] / Ed. Mozejko // The Review of Contemporary Fiction. – 1994. – Vol. 14. – № 3. – P. 139. – Access mode: <https://link.gale.com/apps/doc/A15906165/GLS?u=amst&sid=bookmark-LitRC&xid=e86ce165>. (Access date: 10.03.2025).
8. Nowicki, St. Pół wieku czyśćca. Rozmowy z Tadeuszem Konwicky (A Half Century of Purgatory: Conversations with Tadeusz Konwicky) / St. Nowicki. – Warsaw : Oficyna Wydawnicza. – 1990. – 364 s.
9. Sobieska, D. Tadeusz Konwicky: an introduction [Electronic Resource] / D. Sobieska // The Review of Contemporary Fiction. – 1994. – Vol. 14. – № 3. – P. 96. – Access mode: <https://link.gale.com/apps/doc/A15906157/GLS?u=amst&sid=bookmark-LitRC&xid=54937efe>. (Access date: 14.02.2025).

**АЛЕКСАНДР СПИРИДОНОВИЧ КОЗЛОВ:
ИМЕНА, КОТОРЫЕ ПОМНИМ**

Т. В. Мельниченко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена памяти Козлова Александра Спиридоновича, профессора Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Перечислены основные вехи биографии ученого, описана тематика и результаты его научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: Козлов Александр Спиридонович, профессор, зарубежное литературоведение и критика.

Summary. The article is dedicated to the memory of Alexander Spiridonovich Kozlov, the professor of the Institute of Philology in V. I. Vernadsky Crimean Federal University. The article provides the main landmarks of his biography and describes the subject area and results of his scientific activity.

Key words: Kozlov Alexander Spiridonovich, professor, foreign literature and literary criticism.

За более чем 75 лет существования Института филологии (в разные периоды своей истории называвшегося Факультетом иностранных языков, Факультетом романо-германской филологии, Институтом иностранной филологии) в его стенах преподавало и занималось научной деятельностью немало выдающихся ученых, оставивших яркий след в отечественной и мировой науке. Среди них имена профессоров Н. А. Кобзева, А. М. Лукьяненко, В. П. Мещерякова, В. Н. Мигирова, Е. В. Петухова, Л. И. Прокоповой, А. И. Германовича, А. И. Губаря, Н. К. Гудзий, Е. П. Дрягина, В. А. Розова, В. М. Ронгинского, Г. В. Уланина и многих других.

Профессора Александра Спиридоновича Козлова (1937–2010 гг.), проработавшего в Институте более 30 лет, хорошо помнят многие сотрудники. Свою преподавательскую и научную деятельность в Крымском федеральном университете он начал в 1976 году на кафедре русской и зарубежной литературы и продолжал ее до последних дней своей жизни.

Родился Александр Спиридонович 6 января 1937 года в с. Березки Гомельской области в Беларуси. В 1961 году окончил Киевский педагогический институт иностранных языков и в период с 1968 по 1973 гг. преподавал в Минском педагогическом институте иностранных языков (с 1993 года – Минский государственный лингвистический университет), с которым на протяжении всей жизни сохранял тесную связь, поддерживая дружеские и профессиональные контакты, привлекая к участию в научных конференциях университета своих аспирантов и коллег. В 1973 году Александр Спиридонович переехал в г. Николаев, где до 1976 г. заведовал кафедрой иностранных языков Николаевского педагогического института.

В 1985 году, работая в Симферопольском государственном университете им. М. В. Фрунзе, защитил диссертацию на соискание степени доктора филологических наук по теме «Мифологическое направление в литературоведении США», а в 1989 году ему было присвоено ученое звание профессора. В 1992 году профессор Козлов занял должность заведующего кафедрой греческой филологии Симферопольского государственного университета (после – Таврический национальный университет им.

В. И. Вернадского; сейчас Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского). С 2006 года работал в должности профессора кафедры теории и практики перевода и социолингвистики. С 1997 года одновременно с работой в ТНУ занимал должность заведующего кафедрой украинской и мировой культуры Севастопольского технического университета.

Активная научная деятельность профессора А. С. Козлова отражена в учебных пособиях для студентов филологических специальностей университетов по курсу «История зарубежной критики»: «Мифологическое направление в литературоведении США» (1984 г.) [4], «Литературоведение Англии и США 20 века» (1984 г.) [2], а также многочисленных статьях, печатавшихся в высокорейтинговых российских, белорусских и украинских научных журналах, сборниках научных трудов, учебниках и энциклопедиях. Среди них – известные московские журналы «Вопросы филологии» и «США и Канада», «Российский литературоведческий журнал», энциклопедия «Западное литературоведение XX века» (2004 г.) [3], сборник статей автора «Зарубежная литература и литературоведение» (2009 г.) [1]. Научный интерес Александра Спиридоновича лежал, главным образом, в области зарубежного литературоведения, серьезное исследование которого в Советском Союзе началось только в середине 1960-х гг.

Большое влияние на выбор сферы научного исследования А. С. Козлова оказал заведующий кафедры зарубежной литературы в МГУ и сектором зарубежной литературы в Институте литературы им. Горького АН СССР Р. М. Самарин. Он одним из первых понял «необходимость заняться серьезным и всесторонним исследованием бурно развивавшейся западной литературоведческой мысли, а не отмахиваться от нее как от враждебного проявления «буржуазной» идеологии» [1, с. 7] и предложил темы диссертационных работ по новой тематике. В 1972 году Александр Спиридонович защитил кандидатскую диссертацию по теме, предложенной Р. М. Самариным, – «Психоаналитический метод в американской критике и литературоведении 20-х годов». Одновременно с ним проблемами зарубежного литературоведения занимались Г. К. Косиков, И. П. Ильин, Е. А. Цурганова – целая плеяда блестящих исследователей, обогативших отечественную литературно-критическую мысль. Конец 1960-х – начало 1970-х годов XX века ознаменовался бурным развитием науки о зарубежном литературоведении, особенно американистики, значимый вклад в которое внес профессор А. С. Козлов, занимавшийся исследованиями критики и литературоведения США.

Идеологические рамки, в которых находились исследователи зарубежной критики и литературоведения, были достаточно жесткими вплоть до распада Советского Союза. После публикации в издательстве «Высшая школа» в 1984 году учебного пособия «Мифологическое направление в литературоведении США» (рецензент Я. Н. Засурский), редактор сборника призналась автору, что ей «влетело за его книгу» [1, с. 8]. Объективность, опора на факты, научная честность всегда были сильной стороной исследовательского метода Александра Спиридоновича. В предисловии к сборнику статей, выпущенном в 2009 году, он так пишет о времени написания основных своих работ: «Понятно, что в таких условиях трудно было быть объективным. Тем не менее, перечитывая включенные в данный сборник статьи, я не исправил в них ни единого слова, хотя некоторые из них были опубликованы в 80-е годы. Разумеется, время написания не могло в определенной степени не сказаться на их содержании – тридцать лет назад могли быть другие исследовательские приоритеты, другая актуальная в то время проблематика» [1, с. 8].

Названия статей Александра Спиридоновича дают представление о широте исследовательских интересов ученого: «Миф и литературная мысль в Англии и США в XX веке», «Русский формализм и американская «Новая критика»», «Основные течения

литературной мысли США в XX столетии», «Феноменологическая и рецептивная критика», «Семантическая критика и неогерменевтика в литературоведении Англии». Помимо отдельных школ и направлений в литературоведении А. С. Козлова интересовали и вопросы методологии литературной критики. Им посвящены статьи «Поиски метода в зарубежном литературоведении», «Проблема метода в современной философии и литературоведении США».

Работы, написанные после 1980-х гг., ориентированы на современную литературоведческую проблематику, а также актуальные вопросы художественной литературы, как, например, статьи «Гуманизм и дегуманизация литературы», «Культив слова и текста в современном литературоведении», «Литература потока сознания».

Александр Спиридонович воспитал целую плеяду замечательных и высокопрофессиональных преподавателей, выступая в качестве научного руководителя диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В 1994 году кандидатскую диссертацию под его руководством защитила Е. В. Полховская, ныне – заведующая кафедрой английской филологии Института филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского («Юджин Гудхарт и гуманистическое направление в американском литературоведении XX века»). В 2008 году состоялась защита диссертации Н. А. Хлыбовой, заведующей кафедрой иностранных языков № 2 Института филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского («Литературная критика Дж. Х. Миллера: Трансформация западноевропейских теорий»). В 2010 году, вскоре после смерти ученого, состоялась защита кандидатской диссертации Э. Ю. Вечкановой («Литературно-критическое творчество Н. Фрая: компаративный аспект»). Александр Спиридонович являлся научным руководителем и автора настоящей статьи. Диссертация на тему «Психоаналитическое направление в литературоведении Англии первой половины XX в.: национальный вариант и типология развития» была защищена в 2011 году в Днепрпетровском национальном университете имени О. Гончара.

Александр Спиридонович Козлов, безусловно, оставил яркий след в отечественной науке и в истории Института филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, а тематика его научных исследований не теряет своей актуальности и находит развитие в трудах его учеников.

Список использованных источников

1. Козлов, А. С. Зарубежная литература и литературоведение : избранные статьи / А. С. Козлов. – Симферополь : ОАО «Симферопольская городская Типография» (СГТ), 2009. – 220 с.
2. Козлов, А. С. Литературоведение Англии и США XX века / А. С. Козлов. – Симферополь, 1994. – 256 с.
3. Козлов, А. С. Мифологическая критика / А. С. Козлов // Западное литературоведение XX века : энциклопедия. – Москва : Интрада, 2004. – С. 258–262.
4. Козлов, А. С. Мифологическое направление в литературоведении США : учебное пособие для филол. спец. ун-тов / А. С. Козлов. – Москва : Высш. шк., 1984. – 175 с.
5. Мельниченко, Т. В. Психоаналитическое направление в литературоведении Англии первой половины XX в.: национальный вариант и типология развития : специальность 10.01.05 «Сравнительное литературоведение» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Татьяна Владимировна Мельниченко ; Днепрпетровский национальный университет им. Олеся Гончара. – Днепрпетровск, 2010. – 21 с.
6. Полховская, Е. В. Юджин Гудхарт и гуманистическое направление в американском литературоведении XX века : специальность 10.01.05 «Литературы народов Европы, Америки и Австралии» : дис. ... канд. филол. наук / Елена Васильевна Полховская ; Ленинградский пед. институт. – Ленинград, 1994.

7. Профессора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского : в 3-х т. Т. 2 // Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского ; ред.-сост. А. А. Непомнящий, Д. А. Ломакин, В. А. Грушецкая и др. – Белгород : КОНСТАНТА, 2018. – 428 с. – URL: https://museum.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/01/professors_of_cfuv_v2.pdf (дата обращения: 13.03.2025).
8. Хлыбова, Н. А. Литературная критика Дж. Х. Миллера: трансформация западноевропейских теорий : специальность 10.01.05 «Сравнительное литературоведение» : дис. ... канд. филол. наук / Наталья Александровна Хлыбова ; Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара. – Днепропетровск, 2008.

УДК 811.12

АНАЛИЗ СПОРТИВНЫХ БЛОГОВ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Е. А. Новикова¹, О. Г. Чернявская²,

*¹кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

*²старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. В статье исследуются лингвистические и когнитивные особенности спортивных блогов как жанра интернет-дискурса. Рассматривается их роль в цифровой коммуникации, включая использование терминологии, сленга, эмоционально окрашенных выражений, а также приемов языковой игры. Анализируется структура блогов и их влияние на восприятие реципиентами. Методология включает корпусный и дискурс-анализ, а также когнитивное моделирование. Результаты подтверждают, что спортивные блоги формируют когнитивные модели восприятия, и создают коллективную идентичность, что делает их важным объектом изучения в контексте цифровой культуры.

Ключевые слова: спортивные блоги, интернет-дискурс, лингвистика, когнитивное моделирование, цифровая коммуникация.

Summary. The article explores the linguistic and cognitive peculiarities of sports blogs as a genre of Internet discourse. Their role in digital communication, including the use of terminology, slang, emotionally colored expressions, as well as language game techniques is analyzed as well as the structure of blogs and their influence on audience perception. The methodology includes corpus and discourse analysis as well as cognitive modelling. The results confirm that sports blogs shape cognitive models of perception, and create a collective identity, which makes them an important object of study in the context of digital culture.

Key words: sports blogs, Internet discourse, linguistics, cognitive modelling, digital communication.

Введение. Блог как продукт интернет-среды является важным элементом цифровой коммуникации, играющим ключевую роль в распространении информации и формировании общественного мнения [4; 6; 13]. Спортивные блоги представляют собой уникальный жанр интернет-дискурса, который сочетает в себе элементы профессионального анализа, эмоциональной оценки и развлекательного контента. Как отмечают А. Д. Паутов и Н. Р. Валитова, «Эксклюзивность материалов, возможность узнать личное мнение спортсмена, особенности внутренней «кухни» клуба – все это

привлекает читателей» [9, с. 83]. В последние годы блоги стали объектом изучения лингвистов, которые рассматривают своеобразие блогинга как отдельного жанра [2; 5; 11; 14], а также роль спортивного блогинга как особой разновидности интернет-коммуникации [3: 7; 9; 12], исследуют жанр спортивного блога [8], структуру спортивного блога и его лингвистические особенности [10]. Исследования в данной области позволяют глубже понять, как спортивные блоги воздействуют на аудиторию и способствуют созданию новых форм цифровой коммуникации.

Под спортивным блогем в рамках данного исследования понимается совокупность датированных интернет-публикаций, размещенных в социальных сетях или в соответствующих разделах спортивных сайтов, принадлежащих спортивным блогерам. К числу таких блогеров относятся действующие или завершившие профессиональную карьеру спортсмены, тренеры, судьи, журналисты, болельщики, а также иные представители данной сферы. «Авторы (спортивных блогов) знакомят с биографиями спортсменов, которые в спорте добиваются результатов. Это истории достижения успеха через изнурительные тренировки, истории преодоления трудностей» [1, с. 46].

Актуальность изучения спортивных блогов обусловлена их влиянием на когнитивные процессы восприятия информации и формирование новых моделей взаимодействия в цифровой среде. В данной статье рассматриваются лингвистические и когнитивные аспекты спортивных блогов, их эволюция и роль в современной коммуникации.

Целью статьи является анализ лингвистических и когнитивных особенностей спортивных блогов как уникального жанра интернет-дискурса, включая изучение их роли в цифровой коммуникации, использование терминологии, сленга, эмоционально окрашенных выражений и приемов языковой игры, а также исследование их влияния на формирование когнитивных моделей восприятия спортивных событий реципиентами информации.

Методика исследования сочетает корпусный анализ и когнитивное моделирование для выявления лингвокогнитивных особенностей спортивных блогов. На этапе сбора данных была сформирована репрезентативная выборка текстов (25 спортивных блогов на английском языке) и был создан лингвистический корпус текстов с аннотацией лексико-грамматических маркеров, метафор и дискурсивных стратегий. Интеграция корпусной лингвистики и лингвокогнитивного подхода обеспечивала комплексное изучение уникальности данного жанра в цифровом пространстве.

Результаты исследования и их обсуждение. Лингвистические особенности спортивных блогов включают использование специфической терминологии, сленга, а также эмоционально окрашенных выражений, которые способствуют созданию атмосферы вовлеченности и принадлежности читателя к спортивному сообществу. Кроме того, спортивные блоги активно используют приемы языковой игры, такие как метафоры и гиперболы.

Примеры использования терминологии:

“*The scrum was dominant, giving their team a crucial advantage in possession*” – «Схватка была решающей и дала их команде ключевое преимущество во владении мячом» [www.playrugbyusa, электронный источник]¹. В данном примере термин «**scrum**» (схватка) является ключевым элементом регби, который обозначает организованную борьбу за мяч между восемью игроками от каждой команды. Схватка не только восстанавливает игру после незначительных нарушений, но и служит важным тактическим инструментом.

¹ Здесь и далее перевод авторов.

*“The batter should forget about getting a fast start to first base until after he has **bunted!**”* – «Игрок должен забыть о возможности быстрого прохода на первую базу до тех пор, пока не выполнит **укороченный удар**» [www.baseballmonkey.com, электронный источник]. Термин «**bunt**» (укороченный удар) относится к технике в бейсболе, при которой отбивающий намеренно делает короткий и мягкий удар, чтобы направить мяч в пределах поля, обычно вдоль линий между базами.

Использование терминологии в спортивных блогах играет важную роль для точной передачи информации, при анализе игровых ситуаций и вовлечении аудитории. Однако, помимо официальной терминологии, в спортивных блогах активно используется **сленг**, который отражает неформальную сторону спортивной культуры.

Примеры использования сленга:

*“They totally **bottled** it in the final minutes!”* – «Они полностью **провалили** игру в последние минуты!» [www.bleacherreport.com, электронный источник].

В спортивном сленге глагол **to bottle** означает, что человек или команда не справились с давлением, «сломались» в ответственный момент, проявили слабость или нерешительность.

*“He **nailed** a three-pointer at the buzzer to win the game!”* – «Он **забил** трехочковый на последней секунде и выиграл матч!» [www.bleacherreport.com]. Глагол **to nail** означает **забить гол**.

Использование сленга в спортивных блогах помогает создать эмоциональную связь с аудиторией. Однако для усиления вовлеченности и передачи атмосферы игры авторы часто прибегают к эмоционально окрашенным выражениям, например:

*“What a goal! The crowd **went absolutely wild!**”* – «Какой гол! **Трибуны просто взорвались!**» [www.sportsconnect.com, электронный источник].

*“The game ended with **a nail-biting finish**, as the underdog team scored in the final seconds to secure an unexpected victory”* – «Игра закончилась **захватывающим финалом**, когда команда-аутсайдер на последних секундах забила гол и одержала неожиданную победу» [www.bleacherreport.com, электронный источник].

Примеры метафор в спортивных блогах:

*“This team has the **heart of a lion!** They never give up!”* – «У этой команды **сердце льва!** Они никогда не сдаются» [www.sportsconnect.com, электронный источник]

*“The young striker is still a **diamond in the rough**, but his potential is undeniable”* – «Молодой нападающий пока еще похож на **неограненный алмаз**, но его потенциал неоспорим» [www.blogs.usafootball.com, электронный источник].

Метафоры выполняют важную функцию в спортивных блогах, поскольку они не только способствуют созданию яркого и образного текста, но и позволяют читателям более глубоко воспринимать эмоциональную составляющую и атмосферу игры. Благодаря использованию метафор сложные тактические элементы и стратегические аспекты спортивных соревнований трансформируются в доступные и запоминающиеся образы.

Гипербола также выступает как стилистический приём, усиливающий эмоциональный потенциал текста блога. Пример использования гиперболы:

*“He scored 50 points tonight – he’s a **basketball god!**”* – «Он набрал 50 очков сегодня — он просто **бог баскетбола**» [www.basketballforcoaches.com, электронный источник].

Лингвистические особенности спортивных блогов демонстрируют уникальное сочетание профессиональной терминологии, сленга и эмоционально окрашенных выражений, что способствует формированию особого стиля коммуникации, ориентированного на вовлечение аудитории. Использование специфической лексики подчеркивает принадлежность к спортивному сообществу, а сленговые выражения отражают неформальный характер общения.

Эмоционально насыщенные высказывания и приемы языковой игры, такие как **метафоры** и **гиперболы**, усиливают экспрессивность текста, делая его более ярким и запоминающимся. Данные лингвистические стратегии не только передают эмоциональность спортивных событий, но и способствуют созданию чувства общности среди читателей, укрепляя их взаимодействие с автором и спортивной культурой в целом. Таким образом, спортивные блоги представляют собой уникальный жанр интернет-дискурса, в котором языковые средства играют ключевую роль в формировании вовлеченности и эмоционального отклика аудитории.

Структура спортивного блога включает заголовок, основной текст и комментарии читателей. Заголовки часто используют яркие и запоминающиеся формулировки. Например, *“Top 5 Unforgettable Moments in Football History That Left Fans Speechless”* – «Футбольная история, которые лишили болельщиков дара речи» [www.blogspot.com]. *“The Psychology of Winning: How Athletes Overcome Pressure in High-Stakes Matches”* – «Психология победы: как спортсмены справляются с давлением в важных матчах» [www.blog.drdishtbasketball.com, электронный источник]. Таким образом, яркие заголовки способствуют эффективному привлечению и удержанию внимания аудитории.

Лексика, используемая в блогах, включает термины, связанные с различными видами спорта, а также элементы разговорного стиля, позволяющие блогерам устанавливать эмоциональную связь с аудиторией и делать контент более приемлемым [10].

Спортивные блоги играют важную роль в формировании когнитивных моделей восприятия спорта у аудитории. Как отмечает лингвист-когнитолог Дж. Лакофф, «язык не только отражает наше мышление, но и формирует его» [15, с. 198]. В случае спортивных блогов это проявляется в том, что авторы блогов не просто передают информацию о событиях, но и предлагают свою интерпретацию, которая влияет на восприятие событий читателями. Текст блога, насыщенный эмоционально окрашенными выражениями и авторской интерпретацией, направляет внимание читателя на ключевые моменты, формируя определенный взгляд на освещаемые новости. Комментарии к спортивному блогу становятся площадкой для коллективного обсуждения, где читатели не только делятся своими мнениями, но и подкрепляют или оспаривают точку зрения автора, что способствует формированию более глубокого и многогранного понимания спортивных событий. Таким образом, спортивные блоги играют важную роль в формировании когнитивных моделей, оказывая значительное влияние на восприятие, интерпретацию и запоминание спортивных событий аудиторией. Это подтверждает тезис о том, что язык и дискурс играют ключевую роль в конструировании реальности, особенно в контексте медиа и цифровой коммуникации.

Выводы. Спортивные блоги представляют собой уникальный жанр интернет-дискурса, сочетающий профессиональный анализ, эмоциональную оценку и развлекательный контент, что делает их значимым элементом цифровой коммуникации. Лингвистические особенности, такие как использование специфической терминологии, сленга и эмоционально окрашенных языковых единиц, способствуют вовлечению аудитории и созданию чувства принадлежности к спортивному сообществу. Приемы языковой игры, включая метафоры и гиперболы, усиливают экспрессивность текста, делая его более ярким и запоминающимся. Структура блога, включающая заголовок, основной текст и комментарии, способствует активному взаимодействию между автором и аудиторией, формируя коллективное восприятие событий. Когнитивный аспект спортивных блогов проявляется в их способности не только информировать, но и формировать определенные модели восприятия спорта, конструируя реальность через языковые средства. Таким образом,

спортивные блоги являются важным инструментом цифровой коммуникации, где языковые и когнитивные стратегии играют ключевую роль в создании вовлеченности и коллективной идентичности, что делает их значимым объектом изучения в контексте современных медиа и цифровой культуры.

Список использованных источников

1. Горбачев, А. М. Специализированный спортивный онлайн-ресурс нового типа Sports.ru / А. М. Горбачев, А. В. Оноприенко // Челябинский гуманитарий. – 2020. – № 1 (50). – С. 43–50.
2. Горошко, Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Е. И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел : Картуш, 2007. – Вып. 5. – С. 223–237.
3. Мальцев, С. Л. Спортивный блоггинг в системе интернет-коммуникаций / С. Л. Мальцев, Е. С. Мальцева // Современные проблемы и пути повышения конкурентоспособности бизнеса : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Москва : АНОВО «Институт бизнеса и дизайна», 2020. – С. 357–364.
4. Кислицына, Н. Н. Жанр «блог» в аспекте лингвокогнитивного консонанса и диссонанса участников коммуникации / Н. Н. Кислицына, М. В. Норец // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2024. – № 2 (119). – С. 70–85.
5. Кислицына, Н. Н. Эволюция системы жанров в киберпространстве: преемственность и инновации / Н. Н. Кислицына, М. В. Норец // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2024. – № 5 (122). – С. 172–182.
6. Кислицына, Н. Н. Терминология в аспекте декодирования человеческого опыта (на материале англоязычных текстов спортивной тематики) / Н. Н. Кислицына, Е. А. Новикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – № 5. – С. 1554–1559.
7. Кислицына, Н. Н. Жанры спортивного дискурса: лингвокогнитивный аспект / Н. Н. Кислицына, Е. А. Новикова. – Москва : ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2020. – 205 с.
8. Никонов, А. А. Спортивный блог как жанр интернет-дискурса / А. А. Никонов // Язык: категории, функции, речевое действие : материалы X Юбилейной Междунар. науч. конф. к 75-летию Валерия Степановича Борисова. – Москва ; Коломна : Моск. пед. гос. ун-т ; Гос. соц.-гуманитар. ун-т, 2017. – С. 181–183.
9. Паутов, А. Д. Особенности продвижения сферы спорта в сети интернет (на примере блогосферы) / А. Д. Паутов, Н. Р. Валитова // Научные труды Сибир. гос. ун-та физической культуры и спорта. – 2017. – Т. 20. – № 1. – С. 80–84.
10. Рожкова, С. А. Структура англоязычного интернет-блога спортивной тематики / С. А. Рожкова // Огарёв-Online. – 2017. – № 14 (103).
11. Чернявская, О. Г. Тенденции исследований блог-дискурса (когнитивно-дискурсивный аспект) / О. Г. Чернявская, Н. Н. Кислицына, Е. А. Новикова // Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы VII Международного научного конгресса. – Симферополь : ООО «Издательство Типография АРИАЛ», 2022. – С. 109–114.
12. Schultz, B. Journalists Who Blog Cling to Traditional Values / B. Schultz, M. Sheffer // Newspaper Research Journal. – 2007. – No. 28 (4). – P. 62–76.
13. Chau, M. Business Intelligence in Blogs: Understanding Consumer Interactions and Communities / M. Chau, J. Xu // MIS Quarterly. – 2012. – No. 36:4. – P. 1189–1216.
14. Chernyavskaya, O. G. A Multimodal Corpus-Based Study of American Career Weblogs / O. G. Chernyavskaya, N. N. Kislitsyna // Issues of Cognitive Linguistics. – 2023. – No. 2. – P. 76–84.
15. Lakoff, G. The metaphorical structure of the human conceptual system / G. Lakoff, M. Johnson // Cognitive Science. – 1980. – Vol. 4 (2). – P. 195–208.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА И ШКОЛЫ

Е. Е. Нуржакып,

*старший преподаватель, Казахский национальный педагогический университет имени
Абая, Алматы, Республика Казахстан*

Аннотация. В настоящее время многие страны мира стремятся модернизировать систему образования на основе широкого использования информационных и коммуникационных технологий, которые сегодня предлагают новые перспективы и поразительные возможности для обучения, подтверждая тем самым, что человечество находится на пороге образовательной революции. Использование интерактивных информационных технологий сегодня является особенно актуальным, оказывает заметное влияние на содержание, формы и методы обучения.

Модернизация системы образования открывает новые горизонты и возможности, но в то же время предъявляет повышенные требования к профессиональной компетенции учителя. Задача воспитания учащегося, всесторонне развитого и подготовленного к жизни и взаимодействию в современном информационном обществе, может быть решена только учителем, владеющим современными педагогическими и информационными технологиями.

Ключевые слова: модернизация, система образования, технологии, коммуникация, педагог, воспитание.

Summary. Currently, many countries of the world are striving to modernize the education system based on the widespread use of information and communication technologies, which today offer new perspectives and amazing learning opportunities, thereby confirming that humanity is on the verge of an educational revolution. The use of interactive information technologies is especially relevant today, has a noticeable impact on the content, forms and methods of teaching.

The modernization of the education system opens up new horizons and opportunities, but at the same time places increased demands on the professional competence of teachers. A teacher who knows modern pedagogical and information technologies can only solve the task of educating a student who is comprehensively developed and prepared for life and interaction in a modern information society.

Key words: modernization, education system, technology, communication, teacher, education.

Использование интерактивных упражнений и мультимедийных средств на уроках русского языка – актуальное направление в методике, требующее новых подходов и нестандартных решений. Их использование требует переосмысления форм и методов работы. Новые технологии в обучении дают высокий эффект обучения русскому языку как неродному, если они подкреплены передовыми методическими приемами [1, с. 6].

Итак, предметом исследования является процесс формирования знаний, умений и навыков русской речи при использовании интерактивных и мультимедийных технологий на уроках русского языка, приемы и методы использования интерактивных упражнений, применение мультимедиа на уроках русского языка.

Интерактивное обучение – это сложный процесс взаимодействия учителя и учащихся, основанный на диалоге. Участие в диалоге требует умения не только слушать, но и слышать, не только говорить, но и быть понятым.

Уровень развития информационных технологий, современные концепции образования, необходимость развития у обучающихся умения непрерывного самообразования на всем протяжении жизни заставляет выбрать те технологии, которые повышают эффективность и качество обучения; обеспечивают мотивы к самостоятельной познавательной деятельности; формируют ключевые компетенции. Этим требованиям соответствуют интерактивные методы обучения.

Интерактивные методы обучения ориентируют на развитие у студентов таких базовых способностей, как мышление, воображение, различительная способность, способность целеполагания или самоопределения, речевая способность, что позволяет реализовать метапредметный подход, заложенный в основу новых образовательных стандартов. Слово «интерактив» образовано от слова “interact” (англ.), где “inter” – взаимный, “act” – действовать. Интерактивные электронные задания предполагают поочередное взаимодействие сторон учитель – ученик – электронный образовательный ресурс (от передачи информации до произведенного действия).

Создание системы интерактивных упражнений и мультимедийных обучающих ресурсов для развития различных видов речевой деятельности на уроках русского языка. Виды интерактивных методов обучения существуют такие как:

- мозговые штурмы (brainstorm);
- круглые столы (дискуссия, дебаты);
- Case-study (анализ конкретных ситуаций, ситуационный анализ);
- мастер-классы;
- Quizlet (учебные средства и карточки).

При сохранении конечной цели и основного содержания образовательного процесса интерактивное обучение изменяет привычные формы на диалоговые, основанные на взаимопонимании и взаимодействии. Интерактивные методы обучения очень эффективны, поскольку они способствуют высокой степени мотивации, максимальной индивидуальности преподавания, предполагают широкие возможности для творчества, самореализации учащихся. Налицо более прочное усвоение материала, так как учащиеся добывают знания самостоятельно, сознательно, переживая каждый шаг обучения. Именно интерактивные методы позволяют учащимся почувствовать свои силы. У ребят повышается самооценка, уверенность в себе, которая особенно важна, когда русский язык не является родным. Очень важно воспитание взаимоуважения, терпимости к мнениям и поступкам окружающих людей. Высоко ценятся в обществе такие качества, как коммуникабельность, умение общаться с людьми, договариваться, находить компромиссы, работать в команде [2, с. 96].

Мультимедийные обучающие технологии – это совокупность технических обучающих средств (ТСО) и дидактических средств обучения – носителей информации (ДСО). Мультимедийные технологии позволяют использовать изобразительные средства различной природы и выразительности в соответствии с содержанием изучаемого предмета и законам психологического воздействия и восприятия.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий в процесс обучения начался не так давно. Однако темпы его распространения невероятно стремительны. Применение подобных технологий на занятиях по русскому языку является эффективным фактором для развития мотивации обучаемых. Опыт работы показал, что инновационные технологии в учебном процессе позволяют раскрыть и увлечь детей и дать им хорошие знания. Можно отметить, что ученики, которые раньше испытывали трудности в изучении русского языка, теперь с энтузиазмом выходят отвечать. Это важно и для студента, и для преподавателя. Низкая успеваемость часто объясняется недостаточным уровнем владения русским языком до поступления в университет. Используя интерактивное оборудование, появляется возможность привлечь к работе в группе каждого, независимо от базового уровня владения русским языком.

Роль интерактивных упражнений, мультимедийных ресурсов в обучении русскому языку. В век информатизации, когда один человек не в состоянии «переварить» весь поток информации, важно умение работать сплоченно. Интерактивные методы предполагают умение распределять обязанности, ставить цели, делать взвешенный, правильный выбор, анализировать ситуацию, а также дают ощущение полета творческой мысли, чувство радости и глубокого удовлетворения от своей работы [3, с. 12].

Интерактивное обучение надо начинать с работы в парах. Пара – идеальная форма для сотрудничества и взаимопомощи. В паре студенты могут друг друга проверить, закрепить и повторить новый материал. Это особенно важно на уроках русского языка. В пары полезно объединять детей с разным уровнем владения русским языком [4, с. 17].

Студенты работают сообща, придумывают и обсуждают новые идеи, комментируют изображение. Дети учатся успешно проявлять свою самостоятельность, сотрудничать с одноклассниками и учителем, развивают коммуникативные качества. В результате повышается мотивация и активизируется познавательная деятельность учащихся.

Важную роль играет на уроке русского языка интерактивная доска или приставка. Она является ценным инструментом для обучения всей группы. Благодаря интерактивной доске успешно реализуются проблемный, объяснительно-иллюстративный, частично-поисковый и другие методы обучения. Это – визуальный ресурс, который помогает преподавателям сделать уроки живыми и привлекательными для студентов. Интерактивная доска позволяет преподнести студентам информацию, используя широкий диапазон средств визуализации (карты, таблицы, схемы, диаграммы). Эффективность использования интерактивных заданий заключается в следующем: студент превращается в активную личность; реализуется целеполагание и мотивация; ученику предоставляется свобода выбора деятельности и темпа работы; изменяется форма контроля; обучение становится индивидуальным и дифференцированным; используются различные формы работы (парные, групповые); меняется роль учителя: он становится партнёром.

Таким образом, основная роль использования интерактивных электронных образовательных ресурсов (ЭОР) – создание оптимальных условий для индивидуализации учебных действий студентов, увеличение доли самостоятельности каждого студента в учебном процессе, лучшего усвоения материала [5, с. 112].

Современное коммуникативно-ориентированное обучение готовит учащихся к использованию русского языка в реальной жизни. Использование мультимедийных интерактивных технологий при коммуникативном обучении русскому языку значительно повышает качество подачи материала урока и эффективность усвоения этого материала учащимися. Использование и внедрение современных технологий, мультимедийного оборудования обогащает содержание образовательного процесса, повышает мотивацию к изучению языка со стороны ребят и наблюдается тесное сотрудничество между учителем и учащимися [6, с. 216].

Несмотря на то, что учитель по-прежнему остается критичным звеном в процессе обучения с двумя важнейшими функциями поддержки мотивации и интерпретации обучения групп или конкретного ученика, благодаря электронной образовательной среде, формируется и новая роль учителя: учителя-наставника. В такой среде учитель и ученик равны в доступе информации, созданию обучения. Учитель перестает быть источником информации, он становится соучастником, помощником.

Преимуществом использования Мультимедийной презентации (ММП) является перенос центра тяжести с вербальных методов обучения на методы поисковой и творческой деятельности учителя и ученика.

Информационные технологии позволяют изменить организацию процесса обучения учащихся, формируя у них системное мышление, использовать компьютеры с целью индивидуализации учебного процесса и обратиться к принципиально новым познавательным средствам. При правильной организации и соответствующей методологии использование информационных технологий делает образовательный процесс более открытым для новых идей и источников знаний.

Мультимедийная презентация – это эффективный прием при развитии и совершенствовании монологического высказывания, так как в процессе своего выступления ученик имеет возможность использовать ключевые слова, иллюстрации, схемы, которые он разработал. Это позволяет делать сообщение последовательно, развернуто, выразительно, с достаточной скоростью, без необоснованных пауз между фразами.

Говоря о преимуществах использования мультимедийных презентаций, необходимо указать их главные достоинства:

- повышение мотивации учащихся и их интереса к предмету;
- совершенствование языковых навыков и умений;
- создание побуждающей к творчеству обстановки;
- возможность реализации индивидуализации обучения;
- наглядное представление материала;
- реализация самостоятельной деятельности учащихся;
- сочетание контроля и самоконтроля;
- сочетание разнообразной текстовой аудио- и видео наглядности;
- сочетание классной и внеклассной самостоятельной работы учащихся [7, с. 171].

Использование мультимедийных презентаций на занятиях по русскому языку позволяет ученикам логически правильно строить свое выступление, то есть формирует умение монологического высказывания. Это позволяет им научиться выражать законченную мысль, имеющую коммуникативную направленность, логически рассуждать, сопоставлять, научиться высказываться в пределах конкретной заданной темы. Использование мультимедийных презентаций на занятиях позволяет: повысить мотивацию учеников, использовать большое количество иллюстративного материала, интенсифицировать занятие, вовлечь учеников в самостоятельный процесс обучения, что особенно важно для развития их обще учебных навыков.

Мультимедийная презентация (ММП) обладает огромными, почти неограниченными графическими и цветовыми возможностями, что позволяет представить любой вид деятельности в форме картинок и анимации [8, с. 34].

Это особенно важно: а) при ознакомлении с новой лексикой, так как изображения на экране позволяют ассоциировать фразу на неродном языке непосредственно с предметом или действием; б) при изучении грамматического материала красочные картинки, схемы, анимированные образы способствуют лучшему восприятию и усвоению нового материала. Мультимедийные презентации – это качественно новый подход в изучении языков. Применение компьютерных презентаций в учебном процессе позволяет интенсифицировать усвоение учебного материала учениками и проводить занятия на новом уровне. Это еще и стимул к развитию интереса школьников к изучению русского языка. Учащиеся при этом осваивают работу с компьютером, учатся выбирать главное, концентрировать свою мысль. Презентации можно или включить в урок (в объяснение учителя), представить в виде визуального ряда при проверке домашнего задания, что займет мало времени. Зная, что работа учащихся будет востребована, они более серьезно относятся к такому

домашнему заданию. Более того, это помогает создавать для каждого студента своеобразный «банк ситуаций успеха», т. е. таких учебных действий, в которых обучаемый чувствует себя победителем, покорителем трудной вершины, первопроходцем. Часто ученик, уровень обученности которого русскому языку не очень высок, благодаря созданной презентации может прожить ситуацию заслуженного успеха, пусть маленькой, но его личной победы, за счет которой он может самоутвердиться в своих глазах и в глазах сверстников.

Следовательно, у студентов развивается креативная компетенция как показатель коммуникативного владения русским языком.

Мультимедийная презентация представляет собой обширный материал для общения, являясь основой для монологической речи, то есть дает прекрасную возможность реализовать коммуникативную функцию языка. Вывод: Современное интерактивное обучение готовит студентов к использованию русского языка в реальной жизни. Использование мультимедийных интерактивных технологий при коммуникативном обучении русскому языку повышает качество подачи материала урока и эффективность усвоения этого материала учащимися. Как показывает практика, использование и внедрение современных технологий, мультимедийного оборудования обогащает содержание образовательного процесса, повышает мотивацию к изучению русского языка со стороны ребят и наблюдается тесное сотрудничество между учителем и учащимися [9, с. 215].

Современное обучение русскому языку должно проводиться таким образом, чтобы у учащихся пробуждался интерес к знаниям, возрастала потребность в более полном и глубоком их усвоении, развивалась инициатива и самостоятельность в работе. В процессе обучения учащиеся должны не только овладеть установленной системой научных знаний, умений и навыков, но и развивать свои познавательные способности и творческие силы. Для этого необходимо, чтобы в школе особое место занимали такие формы занятий, которые обеспечивают активное участие в уроке каждого ученика, повышают авторитет знаний и индивидуальную ответственность школьников за результаты учебного труда.

Список использованных источников

1. Динасилова, А. А. Эффективность использования интерактивного метода обучения на уроках русского языка и литературы / А. А. Динасилова // Инновационные педагогические технологии : материалы IV Международной научной конференции (Казань, 2016). – Казань : Бук, 2016. – С. 4–6.
2. Маркова, А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте / А. К. Маркова. – Москва : Просвещение, 1983. – С. 96.
3. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа». – URL: <http://mon.gov.ru/dok/akt/6591/> (дата обращения: 11.03.2025).
4. Коротаева, Е. В. Психодидактика интерактивного обучения / Е. В. Коротаева // Русский язык в школе : международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 2 – С. 36–39.
5. Безручко, В. Т. Презентации PowerPoint / В. Т. Безручко. – Москва : Финансы и статистика, 2005. – С. 112.
6. Пасов, Е. И. Классификация упражнений при обучении говорению / Е. И. Пасов // Иностранный язык в школе. – 1977. – С. 216.
7. Симонова, А. С. Мультимедийная презентация как эффективное средство активизации учебного процесса на уроке иностранного языка / А. С. Симонова, Е. А. Хлебникова // Педагогическое мастерство : материалы VIII Международной научной конференции (Москва, 2016 г.). – Москва : Буки-Веди, 2016. – С. 171–174.
8. Кораблёв, А. А. Непрерывное образование / А. А. Кораблёв // Школа. – 2006. – № 2. – С. 34–36.

9. Бовтенко, М. А. Компьютерная лингводидактика : учебное пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов по направлению 520300 и специальности 021700 «Филология» / М. А. Бовтенко. – Москва : Флинта, 2005. – С. 215.

УДК 811.25.351

ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ СУБТИТРОВ ПРИ ПРОСМОТРЕ АУТЕНТИЧНЫХ ФИЛЬМОВ ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

А. В. Складенко,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является демонстрация возможности использования аутентичных художественных и мультипликационных фильмов и сериалов с субтитрами при обучении иностранным языкам. В работе рассматриваются субтитры разных типов, их особенности и значение в аудиовизуальном восприятии зрительской аудиторией. Приводится ряд примеров влияния субтитров на развитие навыков аудирования у изучающих иностранный язык, а также совершенствование слухового восприятия иностранной речи обучающимися. Доказывается значимость субтитров в процессе понимания устной речи, развитии мастерства подсознательного восприятия звуков, звукосочетаний и интонаций.

Ключевые слова: субтитры, коммуникация, диалог, аутентичные фильмы, иностранный язык, аудиовизуальное восприятие.

Summary. The purpose of this article is to prove the possibility of using authentic feature films and animated cartoons and series with subtitles when teaching foreign languages. The article examines subtitles of different types, their features and significance in the audiovisual perception of the audience. The author describes several examples of their influence on the development of listening skills among students learning foreign languages and the improvement of auditory perception. The article shows the significance of subtitles in the understanding of oral speech, the development of subconscious perception of sounds, sound combinations and intonations.

Key words: subtitles, communication, dialogue, authentic films, foreign language, audiovisual perception.

Информация художественного характера существенно отличается от научной тем, что в процессе ее передачи предполагается оказание существенного эмоционального воздействия на реципиента. Раньше она распространялась в виде печатных текстов, в настоящее время значительная доля художественных произведений стала доступной в сети Интернет и приобрела аудиовизуальную форму, воспринимаемую аудиторией быстрее и с меньшими усилиями. Именно поэтому, произведения киноискусства изучаются рядом смежных наук: психологией, педагогикой, социологией, философией, а также лингвистикой. Комплексный лингвосомиотический коммуникативный феномен культуры данного вида искусства лучше всего передаётся термином «кинодискурс» [3; 7].

Кинодискурс обладает признаками живой речи и сценического диалога. Характеристиками живой речи являются непостоянная структура и коммуникативное намерение, а сценического диалога – наоборот, подготовленность, устойчивая структура и отсутствие коммуникативной направленности говорящего. Кинодискурс также способен отражать речевые коммуникативные образцы современного носителя языка, главным принципом которых является спонтанность [2].

В современном многополярном мире большое значение уделяется изучению иностранных языков. Способы и методы обучения разнообразны, постоянно пересматриваются и совершенствуются [1; 4; 5; 8]. Просмотр аутентичных художественных и мультипликационных фильмов и сериалов может стать одним из более эффективных приемов, так как процесс обучения приобретает развлекательный характер. При просмотре фильмов в процессе изучения языка «реализуется принцип погружения в социокультурно-языковую среду страны изучаемого языка в учебной аудитории, создавая иллюзию приобщения обучающихся к естественной языковой среде, моделируя коммуникативную ситуацию» [6].

Есть данные, что визуальная информация запоминается и воспроизводится быстрее, до 90%, и только 10–15% человек способен восстановить из услышанного материала. Именно поэтому, при изучении иностранных языков, рекомендуют использовать фильмы с субтитрами, поскольку они помогают адаптироваться к иностранной речи, а эффективность одновременного восприятия звука и изображения (в данном случае имеется в виду графическое изображение звука) выше, чем только визуальное и звуковое восприятие.

Субтитры (от фр. *sous-titres* – подписи) – текстовое сопровождение видео на языке оригинала или перевода, дублирующее, а иногда и дополняющее звуковую дорожку видео. В субтитрах отражена, прежде всего, речь людей или персонажей в кадре. Иногда субтитры содержат дополнительную информацию о происходящем на экране, например, комментарии к фильму, объяснения сложных для понимания терминов, названий, надписей и прочее.

Доступ к аутентичным фильмам в значительной степени демократизировался, а соответственно и доступ к субтитрам на разных языках. Принимая во внимание, что цель субтитров – дать возможность понять диалоги фильма, язык которого неизвестен, или недостаточно известен и изучается, субтитры всё чаще становятся объектом рассмотрения в когнитивной лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии и лингводидактике. Субтитры – способ преодоления языковых и культурных барьеров между народами, так как они предоставляют максимальные возможности для полного понимания звукового и видеоряда.

Учитывая, что субтитры – это, прежде всего, текст, их можно рассматривать как учебную единицу обучения иностранному языку. При работе над субтитрами задействуются главные когнитивные процессы: память, воображение, восприятие, мышление. Осуществляется активная комплексная тренировка внимания, темпа речи, письма, навыков подсознательного распознавания грамматических форм на морфологическом и синтаксическом уровнях. Субтитры развивают навыки аудирования, совершенствуют слуховое восприятие и помогают понимать устную речь, развивают мастерство подсознательного восприятия звуков, звукосочетаний и интонаций. При работе над субтитрами как формой перевода студенты сталкиваются с языковыми и переводческими нюансами, сопоставляют разные варианты переводов, анализируют переводческие ошибки, грамматические конструкции, развивают навыки переключения с языка на язык.

Субтитры могут быть одноязычные или внутриязыковые – пишутся на языке оригинального произведения (рус-рус, eng-eng, fr-fr и т. п.) и переводные или межъязыковые – пишутся на языке зрителя после перевода аудио-, видеоматериала с иностранного языка (eng-рус, fr-рус и обратно).

Понимание фильма подразумевает обработку аудиовизуального формата, но в зависимости от уровня обучения и навыков языка, влияние субтитров на наше понимание фильма неодинаково и во многом зависит от когнитивных способностей реципиента. Человек, просматривающий фильм, должен одновременно обрабатывать вербальную и невербальную информацию при постоянном взаимодействии через

зрительные и слуховые каналы. Цель добавления субтитров – облегчить понимание, но это создает новый источник информации с текстом, прокрутка и ритм которого не поддаются нашему контролю.

Субтитрам выделяют ограниченное место на экране. Время их показа предустановлено, и поэтому они порой асинхронны видео- и аудиодорожкам, что может создавать проблемы для адекватного восприятия, поскольку не всегда возможно связать слово, написанное в субтитрах, со словом, используемым в диалогах [6].

Важно отметить, что чтение субтитров трудно подавить, так как наш глаз, как правило, автоматически считывает информацию. Исследования бельгийского учёного, профессора психологии Жери д'Идевалле показали, что внимание реципиента отвлекается от информации, представленной на изображении, субтитрированном тексте, что автоматически сокращает время понимания, выделяемое на действия, происходящие на экране. Наличие субтитров может создать эффект разделения внимания между субтитрами и изображениями, создавая высокую когнитивную нагрузку.

Таким образом, понимание содержания может быть нарушено двумя факторами: чередование языков, с одной стороны, а также смещение внимания между способами представления диалогов (письменных и устных), с другой.

Просмотр фильмов с субтитрами зависит от поставленной цели и языковых навыков человека. Субтитры позволяют лучше понять диалоги и ситуацию в целом, но они могут увеличить когнитивную нагрузку и создать трудности с направлением внимания. Поэтому следует учитывать, что эффективность субтитров зависит как от комбинаций используемых языков, так и от владения этими языками человеком, просматривающим фильм.

В своих исследованиях Доминик Бэрстоу и Жан-Марк Лавор большое внимание уделяли визуальному восприятию отметив, что субтитры являются важной особенностью видео и важным контентом, влияющим на понимание. Что касается восприятия речи, то эффект от аудиовизуального материала с субтитрами лучше, чем от аудиовизуального материала, не сопровождаемого субтитрами. Исследование достижений обучающихся в понимании вербальной составляющей фильмов среди участников начального, среднего и продвинутого уровней знания иностранного языка показало интересные результаты [9].

Каждая группа была разделена на четыре подгруппы, которым предлагался просмотр фильма в оригинальной версии (без субтитров), дублирующей (диалоги и субтитры на языке оригинала), переводной (диалоги оригинальные, субтитры на родном языке) и обратной (диалоги на родном языке, субтитры на иностранном). Исследование показало, что группа начинающих легче воспринимала лексику иностранного языка в переводной версии и обратной, группы других уровней владения иностранным языком показали приблизительно одинаковое восприятие во всех версиях.

Испанская исследовательница и профессиональный переводчик Пилар Ореро сравнила влияние разных видов субтитров на понимание учащимися видеоконтента и обнаружила, что испытуемые, смотревшие субтитры на родном языке, лучше понимали видеоконтент, чем те, кто смотрел субтитры на целевом языке. Тестовая группа с субтитрами на целевом языке показала лучшие результаты, чем тестовая группа без субтитров [10].

Таким образом, можно сделать вывод, что просмотр аутентичных фильмов с субтитрами можно рекомендовать начинающим изучать иностранный язык, что поможет им эффективнее овладеть новой лексикой. Польза субтитров в кино зависит от языковых способностей конкретного зрителя, благодаря семантическим связям они позволяют лучше понять диалог и сюжет в целом, но также могут привести к

снижению способности воспринимать действие фильма, увеличивая когнитивную нагрузку и затрудняя концентрацию внимания. Кроме того, субтитры не ставят зрителей в положение активных пользователей иностранного языка, что является жизненно важным условием для развития навыков иноязычной коммуникации. Соответственно, эффективность субтитров зависит как от сочетания языков, так и от зрительского уровня владения этими языками. В целом можно признать, что, способствуя расширению словарного запаса, субтитры очень полезны в практике изучения иностранного языка.

Список использованных источников

1. Кислицына, Н. Н. Активизация иноязычной коммуникативной компетенции студентов естественнонаучных специальностей / Н. Н. Кислицына, М. Г. Зеленцова, В. Ю. Ильина [и др.]. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Антиква», 2018. – 224 с.
2. Духовная, Т. В. Дискурс кинофильма: соотношение с понятием дискурса живой речи / Т. В. Духовная // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2014. – Вып. 3. – С. 16–20.
3. Кислицына, Н. Н. Лингвокогнитивные особенности кинодискурса (на материале англоязычных диалогов подростков) / Н. Н. Кислицына, А. Г. Службина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21. – № 2 (78). – С. 513–520.
4. Кислицына, Н. Н. «Асимметрия компетенций» при изучении иностранного языка для специальных целей / Н. Н. Кислицына, Д. М. Храбскова, Е. А. Новикова // Современные тенденции формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых факультетов (естественнонаучные специальности). – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Антиква», 2017. – С. 11–34.
5. Кислицына, Н. Н. Методическое пособие по организации изучения дисциплины «Иностранный язык» на неязыковых факультетах КФУ / Н. Н. Кислицына, М. В. Черезова, В. Ю. Ильина. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Антиква», 2020. – 54 с.
6. Николаева, Н. А. Изучение английского языка с помощью аутентичных фильмов / Н. А. Николаева, С. А. Волкова // Образование и воспитание. – 2017. – № 1 (11). – С. 69–71.
7. Складенко, А. В. Значимость кинодискурса для определённого лингвокультурного сообщества / А. В. Складенко // Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : Материалы IX Международного научного конгресса, Симферополь, 04–05 апреля 2024 года. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография АРИАЛ», 2024. – С. 442–447.
8. Кислицына, Н. Н. Современные тенденции формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых факультетов (естественнонаучные специальности) / Н. Н. Кислицына, Д. М. Храбскова, Е. А. Новикова [и др.]. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Антиква», 2017. – 276 с.
9. Bairstow, D. Audiovisual information processing by monolinguals and bilinguals: effects of intralingual and interlingual subtitles / D. Bairstow, J. M. Lavour // Audiovisual Translation and Media Accessibility at the Crossroads. – 2012. – Vol. 36. – P. 273–293.
10. Shaojie, T. Systematic literature review on audio-visual multimodal input in listening comprehension / T. Shaojie, A. A. Samad, L. Ismail // Front. Psychol. – 2022. – № 1.

РЕАКТИВНЫЙ ПЕРФОРМАТИВ КАК ПЕРСПЕКТИВИРУЮЩИЙ ФАКТОР ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Т. Ю. Тамерьян,

*доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков для
неязыковых специальностей, факультет международных отношений, ФГБОУ ВО
«Северо-Осетинский государственный университет
имени К. Л. Хетагурова», Владикавказ*

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивные, социальные и языковые факторы, приводящие к возникновению реактивного нарратива как ответа на новостное сообщение в рамках политического нарратива. Анализируется контекст, породивший полиинтерпретативность, и, как следствие, активировавший процесс реактивной перформатизации. Установлено, что перформативность имплицитно присуща коммуникативному акту, и ее границы неригидны. Актуальность исследования обосновывается тем, что нарратив составляет основу коммуникативного пространства социума, отражает инновационные тенденции развития массмедиа, демонстрирует применение медийных технологий.

Ключевые слова: новостной политический нарратив, реактивный перформатив, перформанс, коды коммуникации, социокультурный контекст.

Summary. The article examines cognitive, social and linguistic factors that contribute to the creation of a reactive narrative as a response to a news message within the framework of a political narrative. The context that gave rise to polyinterpretativity and, as a result, activated the process of reactive performatization is analyzed. It is established that performativity is implicitly inherent in the communicative act, and its boundaries are not rigid. The relevance of the study is substantiated by the fact that the narrative is the basis of the communicative space of society, reflects innovative trends in the development of mass media, with the possibility of using medical technologies.

Key words: news political narrative, reactive performative, performance, communication codes, sociocultural context.

Перформативный поворот в культуре и обществе обусловлен стремительным ростом средств массовой информации, цифровых информационных и коммуникационных технологий. Новостной нарратив встроен в коммуникативную систему общества, он опосредован иллокутивной целью повествования и целевой аудиторией [3].

Понятие перформативности восходит к теории речевых актов Дж. Остина, рассматривавшего речевую деятельность на трех уровнях, реализуемых взаимосвязанными актами, – локутивным, иллокутивным и перлокутивным [2]. Перформативная семантика проявляется в коммуникативно-прагматическом аспекте, предполагающем интеракцию референтных, лингвокогнитивных и социокультурных факторов, актуализирующихся контекстуально. характеристики речевых актов дивергентны и функциональны.

Принципиальным для данного исследования является выделение реактивных перформативов как результата интерактивной перформатизации. Поскольку политика и политическая коммуникация, в частности, направлены на осуществление политических целей и эффективную реализацию идеологических задач, то инициальное вербализованное, кинестетическое или поликодовое высказывание, выраженное эксплицитно или потенциально наделенное перформативными свойствами, способно продуцировать последующие социополитические действия и события.

Инновационный подход к толкованию перформативности позволяет с позиции мультимодального ракурса осуществить анализ перформативного высказывания или акта как когерентного другим типам речевых и кинестетических актов феномена.

Новостные нарративы, безотносительно их иллюкативной направленности, оказывают причинно-следственный перформативный эффект, проявляясь латентно на ментальном уровне в результате аксиологизации полученной информации, или же непосредственно в виде физических действий или последующих речекоммуникативных актов. При этом независимо от первоначального кода высказывания (вербального, изобразительного, кинестетического, символического, графического и др. или поликодового) как первичный перформатив допускает вторичную перформатизацию, порождая вложенную когнитивную модель, так и высказывание с изначально неперформативной семантикой потенциально допускает перформативное расширение на фоне актуального контекста.

Рассмотрим перформативные трансформации коммуникативных актов в жанре новостного нарратива на базе экспликации кинестетического кода с соматическими компонентами *нога* [4].

Стоять на ногах означает занимать твёрдое служебное, общественное и т. п. положение. В рассматриваемых ниже фрагментах новостного нарратива первичен кинестетический акт, вводимый в информационно-телекоммуникационное пространство Интернета посредством визуальных каналов, и затем редуцируемый вербально как прецедентный символический перформатив:

Президент США Джо Байден не устоял на ногах, когда поднимался на сцену для выступления. Он не сразу смог подняться на сцену в Филадельфии и преодолеть пять ступеней. Американский лидер дважды споткнулся, но смог удержаться, ухватившись за перила (<https://www.1tv.ru/news/2023-10-14/463232prezident-ssha-dzho-bayden-ne-ustoyal-na-nogah-kogda-podnimalsya-na-stsen-u-dlya-vystupleniya>);

Президент США Джо Байден чуть не упал, спускаясь по трапу самолета в Детройте <...>. Байден не в первый раз попадает в подобную ситуацию (<https://ria.ru/20230926/bayden-1898825572>).

Инциденты с падениями вызвали требования импичмента и проверки состояния здоровья Байдена в американском обществе. Возмущенный отчетом спецпрокурора, в котором говорилось, что американский президент имеет «проблемы с памятью», Джо Байден заявил на пресс-конференции, что он «поднял США на ноги»:

“I raised the USA to its feet” (<https://en.topwar.ru/235953-ja-podnjaj-ssha-na-nogi-dzho-bajden-otricaet-nalichie-u-nego-problem-s-pamjatju.html>).

Ведущий американского информационного канала Fox News (Fox News Channel) Брайан Килмэйд счел падения президента США Байдена «символом политики страны». Он увидел в этих событиях важный знак и назвал спотыкающегося президента олицетворением политики США:

«Мы спотыкаемся на всей мировой арене, да так, что мне – да и вам, наверное, тоже – за всю жизнь подобного видеть еще не приходилось» (<https://ria.ru/20230227/signal-1854485528.html>).

Инфериорность Джо Байдена на кинестетическом языке сигнализирует о потере авторитета политика, публичной дискредитации. Многочисленные случаи его падения приобретают статус прецедентной перформативной ситуации и являются хумилитативным знаком падения авторитета и значимости США. Кинесика унижения, выраженная позой неустойчивости, интерпретируется как явный и латентный перформативы, то есть как падение пожилого человека, свидетельствующее о физической и когнитивной деградации, и как кризисное положение в стране, манифестированное несостоятельностью ее президента. В последнем случае

контекстуально и дискурсивно обусловленный кинестетический коммуникативный акт достигает перформативного символического эффекта.

Широко понятие перформанса обозначает вид деятельности, характеризующийся событийностью. Тенденция к размыванию границ перформативности обусловлена ее толкованием как процесса осуществления любого типа акта или акции, оказывающего воздействие на аудиторию. Перформансы соответствуют современному контексту коммуникации, в то время как массмедиа служат сценой развертывания событий. Перформансная модель коммуникации предполагает интерактивность, которая присуща протоколно-ритуальным приветствиям официальных лиц на публичных мероприятиях.

Подвижность оценки кинестетического акта как символического перформатива или перформанса обусловлены размытостью дефинитивностивных признаков рассматриваемых понятий. Так, иллюзия беспомощности от болезней и почтенного возраста умело поддерживалась Байденом для реализации собственных целей и задач во внутренней и международной политике, и даже во избежание судебной ответственности. В течение длительного периода аудитория не считывала подтекста такого перевоплощения. Только тогда, когда Байден сбросил за ненадобностью маску недееспособного старика, аналитики прокомментировали, *что он ловко вышел сухим из воды, умея выкручиваться каждый раз*, когда ему грозила опасность, намеревались объявить импичмент или предъявить обвинение в неправильном обращении с секретными документами, но данные действия не были предприняты, поскольку «когнитивно неполноценный человек» не способен предстать перед судом.

Таким образом, значения перформативных актов и перформансных акций устанавливаются в зависимости от типа аудитории, интенции отправителя и контекста декодирования. Выявлена двухвекторная интенция перформативно-перформансных сообщений. Гибридные перформативно-перформансные сообщения интерпретируются с учетом каналов передачи информации и способов символизации. Прецедентный статус символических перформативов обусловлен повторяемостью однотипной ситуации или рекуррентностью обращения к ней в медиакommunikации.

Список использованных источников

1. Ильин, В. И. Что может дать анализ перформативов? / В. И. Ильин // Политическая наука. – 2016. – № 4. – С. 262–279.
2. Остин, Дж. Избранное / Дж. Остин ; пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Рудневой. – Москва : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.
3. Тамерьян, Т. Ю. Политический нарратив: концепции, типологии и структуры / Т. Ю. Тамерьян, А. М. Шаипова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 4. – С. 16–36.
4. Tameryan, T. Yu. Policode presentation of kinesthetic phrasemes: metaphorical and semiotic perspectives / T. Yu. Tameryan, I. A. Zyubina, N. N. Kislitsyna // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2023. – Vol. 14. – № 2. – P. 365–382.

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОМ, ГРАММАТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗЛИЧИИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

У Яньцю¹, Н. А. Абуева²,

¹кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, Институт иностранных языков, Тайчжоуский университета, Тайчжоу, Китайская Народная Республика

²доктор политических наук, профессор, визит-профессор, Институт европейских языков, Чжэцзянский университет иностранных языков Юесю, Шаосин, Китайская Народная Республика; профессор исследователь, Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации, гуманитарно-юридический факультет, Университет Туран, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Научно-исследовательский интерес к вопросу о лексическом, грамматическом и социокультурном различии в процессе перевода с китайского на русский язык неуклонно растёт. Это обусловлено не только современным стратегическим взаимовыгодным партнерством между КНР и РФ, дружбой, уважением и взаимопониманием политических лидеров двух стран, а также интенсивными внешнеэкономическими связями, но и связано неуклонным ростом популярности изучения иностранных языков. Ныне среди российской молодежи возрос интерес к китайскому языку, тогда как в Китае всё больше студентов выбирают специальность «Русский язык». Кроме того, и китайские школьники изучают русский язык. Современный этап развития двух стран показывает, что этот интерес среди граждан с каждым годом только увеличивается. Сегодня практика показывает, что в процессе межкультурного диалога и перевода с русского на китайский, и наоборот, китайского на русский язык, неизбежно возникают лексические, грамматические и социокультурные различия. Поэтому так исключительно важно исследовать практику китайско-русского перевода, что способствует развитию и пониманию при межкультурной коммуникации. Кроме того, своевременное улучшение и достижение высокого качества китайско-русского и русско-китайского перевода окажет, несомненно, содействие бесперебойному эффективному межкультурному общению. В данной статье осуществлена попытка провести системное критическое исследование китайско-русских языковых и культурных различий и особенностей, включая и сходства и отличия в менталитете, традициях, обычаях и ценностях. Это позволяет определить насколько глубоко и важно понимание социокультурного происхождения каждого слова и выражения, проследить повышение межкультурной осведомленности между странами и граждан КНР и РФ, принятие культурно-адаптивного перевода и акцент на культурной обратной связи после перевода.

Ключевые слова: перевод, русский язык, китайский язык, лексические различия, грамматические различия, культурные различия, межкультурная коммуникация, КНР, РФ.

Summary. Research interest in the issue of lexical, grammatical and socio-cultural differences in the process of translation from Chinese into Russian is steadily growing. This is due not only to the modern strategic mutually beneficial partnership between the PRC and the Russian Federation, friendship, respect and mutual understanding between the political leaders of the two countries, as well as intensive foreign economic relations, but also due to the steady growth in the popularity of learning foreign languages. Today, interest in the Chinese language has increased among Russian youth, while in China more and more

students are choosing the specialty “Russian language”. In addition, Chinese schoolchildren are also learning Russian. The current stage of development of the two countries shows that this interest among citizens is only increasing every year. Today, practice shows that in the process of intercultural dialogue and translation from Russian into Chinese, and vice versa, Chinese into Russian, lexical, grammatical and socio-cultural differences inevitably arise. Therefore, it is so crucial to research the practice of Chinese-Russian translation, which contributes to the development and understanding of intercultural communication. In addition, the timely improvement and achievement of high-quality Chinese-Russian and Russian-Chinese translations will undoubtedly contribute to the smooth and effective intercultural communication. This article attempts to conduct a systematic critical study of the Sino-Russian linguistic and cultural differences and features, including similarities and differences in mentality, traditions, customs and values. This allows us to determine how deep and important it is to understand the socio-cultural origin of each word and expression, to trace the increase in intercultural awareness between countries and citizens of the PRC and the Russian Federation, the adoption of culturally adaptive translation and the emphasis on cultural feedback after translation.

Key words: Russian language, Chinese language, lexical differences, grammatical differences, cultural differences, intercultural communication, PRC, Russian Federation.

Введение. Перевод – это процесс, который значительно выходит за рамки простой замены слов одного языка на слова другого. Это искусство передачи смысла, эмоционального содержания и культурного контекста текста. Перевод между китайским и русским языками представляет собой особенно сложную задачу из-за фундаментальных различий в структурах этих языков и культурных контекстах, в которых они функционируют. Китайский язык, относящийся к сино-тибетской языковой семье, и русский язык, представляющий индоевропейскую семью, имеют кардинально различные системы письма, грамматические структуры и фонетические особенности. Эти различия создают уникальные вызовы для переводчиков, которые должны не только точно передавать содержание текста, но и делать это так, чтобы он был понятен и естественен для носителей языка-цели.

Актуальность данной темы обусловлена расширением международного взаимодействия между Россией и Китаем в различных сферах, таких как экономика, наука, культура и образование. Сотрудничество между этими странами требует качественного перевода, который обеспечивает точную передачу информации и способствует взаимопониманию. Например, в экономических и научных текстах точность перевода имеет критическое значение, так как ошибки могут привести к серьезным последствиям. В области культуры и образования перевод также играет важную роль, помогая людям из разных стран лучше понимать друг друга.

Введение в данную тематику позволяет выявить основные проблемы и трудности, с которыми сталкиваются переводчики при работе с китайским и русским языками. Эти проблемы могут варьироваться от лексических и грамматических различий до культурных и контекстуальных аспектов, которые требуют глубокого понимания обоих языков и культур. В этой статье мы рассмотрим эти проблемы, проанализируем различные подходы к их решению и предложим рекомендации, которые могут помочь улучшить качество перевода.

Лексические и грамматические различия

Лексические различия. Одной из ключевых проблем перевода между китайским и русским языками является значительное различие в лексике. Китайский язык характеризуется большим количеством омонимов и полисемей. Например, слово «书» (shū) может означать «книга», «письмо» или «документ» в зависимости от контекста. В русском языке такие омонимы встречаются реже, что может создавать

трудности при переводе. Особенно сложно становится, когда одно и то же слово в китайском языке может иметь несколько значений в зависимости от контекста и интонации.

Другим важным аспектом является различие в словообразовании. В китайском языке многие слова образуются путем сочетания нескольких иероглифов, что может передавать сложные понятия, которые требуют длинных фраз в русском языке. Например, термин «计算机» (jìsuànjī) переводится как «компьютер», хотя буквально это слово означает «машина для вычислений». Переводчик должен учитывать такие особенности, чтобы сохранить точность и ясность текста. В русском языке существуют свои особенности словообразования, например, при помощи приставок и суффиксов, которые часто меняют значение слова, и переводчику нужно знать, как адаптировать эти слова на другой язык без потери смысла.

Лексические различия также включают в себя различные культурные коннотации и идиомы. Например, китайский идиом «狐假虎威» (hú jiǎ hǔ wēi), что дословно переводится как «лиса, использующая силу тигра», означает человека, который использует влияние кого-то более могущественного для достижения своих целей. В русском языке можно использовать аналог «плакать в жилетку», что означает искать утешение и поддержку у кого-то другого. Прямой перевод таких выражений часто невозможен, и переводчик должен находить эквиваленты, которые будут понятны целевой аудитории [1].

Грамматические различия. Грамматические структуры китайского и русского языков также существенно различаются. Китайский язык не имеет окончаний, в то время как русский язык обладает сложной системой падежных и временных форм. Это создает значительные трудности при переводе, так как переводчик должен учитывать контекст и грамматические правила обоих языков.

Например, китайские предложения часто являются более короткими и простыми по структуре. В русском языке, наоборот, предложение может содержать множество подчиненных предложений и длинных описательных фраз. Переводчику необходимо адаптировать китайские тексты, чтобы они звучали естественно на русском языке, и наоборот. Кроме того, китайский язык часто использует контекст для передачи временных форм, в то время как в русском языке есть четко выраженные глагольные времена, которые необходимо учитывать при переводе [2].

В китайском языке также отсутствует категория рода, что может привести к неоднозначностям при переводе на русский язык, где все существительные имеют род. Например, слово «老师» (lǎoshī) означает «учитель», и в китайском языке оно не указывает на пол, тогда как в русском языке существует различие между «учитель» и «учительница». Переводчик должен учитывать контекст, чтобы выбрать правильное слово в русском языке.

汉俄语序也不尽相同。中国学者陈洁等人提出俄语中的语序可以分为语法、语义、语用三种类型,并对汉俄语义语序进行对比研究,指明汉俄两种语言共性语义语序规律是: 1.心理重轻律; 2.时空有序律; 3.逻辑因果律; 4.认知象似律; 5.文化成因律; 6.科学排序律。汉、俄语在表达同一语义内容时,有时因为构词组句等差异而遵循不同的语义语序原则。另外,汉语表达“句内松,句外紧”,句外制约句内;而俄语表述是“句内紧,句外松”。这时常导致俄汉翻译中语句顺序的移位达意。

陈洁, 刘慧, 杨丽, 汉俄语义语序对比与翻译转换, 中国俄语教学 2018年37卷, 第4期, 第8页。

Китайские и русские предложения тоже структурно отличаются. Китайский ученый Чэнь Цзе и др. предположили, что порядок слов в русском языке можно разделить на три типа: грамматика, семантика и прагматика, и провели сравнительное

исследование китайского и русского семантического порядка слов, указывая на общий закон семантического порядка слов в китайском и русском языках: 1) психологическое значение и легкое правило; 2) закон пространственно-временного порядка; 3) логический закон причинно-следственной причины; 4) когнитивные иконы; 5) закон культурных причин; 6) закон научной сортировки. Когда китайский и русский языки выражают одно и то же семантическое содержание, они иногда следуют разным принципам семантического порядка слов из-за различий в формировании слов. Кроме того, китайское выражение «внутри предложения свободны, а внешне предложения плотны»; а русское выражение – «внутри предложение плотное, а снаружи свободно». Это часто приводит к смещению порядка слов в переводе.

Культурные и контекстуальные различия

Культурные особенности.

文化迁移的本因是文化差异, 翻译作为源语言与目的语言之间的交流行为, 因文化差异会产生两种不同文化迁移效果, 即文化正迁移现象和文化负迁移现象。

文化正迁移是在翻译行为过程中, 源语言的一些词汇、词意在目的语言中得到了有效融合, 这些词汇、词语的翻译对目的语言人员的理解起到了促进作用, 反之, 则会产生文化负迁移现象。

在翻译行为中, 翻译人员要尽量避免出现文化负迁移现象, 积极采用得当的翻译策略, 把握源语言语意的精髓, 准确地翻译成目的语言。

王丹丹, 张爽, 汉俄翻译中的文化迁移现象研究分析, 文化创新比较研究 2022 第6卷 第32期, 第38页

Ван Даньдань и др. считают, что первоначальной причиной культурной миграции являются культурные различия. Перевод, как общение между исходным языком и целевым языком, может иметь два разных эффекта культурной миграции из-за культурных различий, а именно положительный и отрицательный. Положительный культурный перевод – это то, что при переводе некоторые слова и значения исходного языка эффективно интегрированы в целевой язык. Перевод этих слов способствует пониманию носителей целевого языка, в противном случае это приводит к отрицательному культурному переводу. Переводчики должны стараться избегать отрицательного культурного переноса, активно использовать соответствующие стратегии перевода, понимать сущность семантики исходного языка и точно переводить его на целевой язык.

Культура играет важную роль в процессе перевода, и понимание культурных контекстов необходимо для точного и адекватного перевода. Китайская культура с её древними традициями и философией значительно отличается от русской культуры. Эти различия находят отражение в языке и создают дополнительные трудности для переводчиков.

Согласно опросу, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения (2018 год), 49% россиян выразили предпочтение европейской культуре, тогда как только 28% предпочли китайскую культуру. Это подчеркивает продолжающиеся трудности в межкультурной коммуникации между Россией и Китаем [2]. В сравнительном опросе по межкультурной коммуникации между китайскими и российскими бизнесами 35% респондентов сообщили о сложностях в понимании культурных норм, с акцентом на недопонимание в вопросах формального делового этикета [3].

Одним из примеров культурных различий является использование фразеологизмов и идиом. В китайском языке существует множество выражений, основанных на древних текстах и историях, которые могут быть незнакомы русскоязычным читателям. Переводчик должен не только понимать значение этих выражений, но и уметь адаптировать их для целевой аудитории. Например, китайский

идиом «对牛弹琴» (duì niú tán qín) буквально переводится как «играть на цитре перед коровой», что означает делать что-то бесполезное или неадекватное для аудитории. На русском языке можно использовать аналог «бросать бисер перед свиньями» [4].

Другим аспектом культурных различий является различие в этикетных формулах и социальных нормах. Например, в китайской культуре уважительное обращение и формальные выражения играют важную роль в общении, особенно в деловых и официальных ситуациях. В русском языке также существуют формальные и неформальные обращения, но они могут значительно отличаться по своей структуре и использованию. Переводчик должен учитывать эти культурные нюансы, чтобы избежать недоразумений и сохранить уважительный тон текста.

Контекстуальные различия. Контекст является ключевым элементом в переводе, особенно при работе с текстами, содержащими специфическую терминологию и профессиональные понятия. В научных и технических текстах переводчик должен учитывать не только лингвистические аспекты, но и содержание, чтобы передать точное значение терминов и понятий.

Например, слово «研究» (yánjiū) может означать «исследование» или «изучение» в зависимости от контекста. В русском языке эти два слова имеют разные значения и используются в разных контекстах. Переводчик должен учитывать контекст, чтобы выбрать правильный термин и сохранить точность перевода. В научных текстах это особенно важно, так как ошибки могут привести к неправильному пониманию и интерпретации данных [5].

В китайском языке также часто используются сокращения и аббревиатуры, которые могут быть незнакомы русскоязычным читателям. Переводчик должен знать, как правильно расшифровывать и передавать эти сокращения на другом языке. Например, аббревиатура «高铁» (gāotiě) дословно означает «высокоскоростная железная дорога», и переводчик должен знать, как правильно перевести это слово, чтобы сохранить смысл и понятность текста.

Проблемы перевода научных и технических текстов. Перевод научных и технических текстов между китайским и русским языками представляет собой отдельную сложную задачу. Научная терминология часто является новым или неустоявшимся понятием в обоих языках, что требует от переводчика не только знаний языка, но и понимания предметной области.

Ван Цзин считает, что из-за различий в классификации лексики китайского и русского языков с точки зрения деления лексики, выбора слов и построения предложений, в русско-китайском переводе, если перевод механически опирается на исходные категории текста, перевод будет выглядеть жестким, неуклюжим и несвободным. В настоящее время вы можете использовать метод преобразования части речи. Когда существительные, глаголы, прилагательные, наречия, местоимения и т. д. в русских научно-технических текстах переводятся на китайский язык, иногда, чтобы соответствовать китайским моделям выражения, они могут быть преобразованы в другие части речи. Однако на практике соответствующая обработка должна осуществляться в соответствии с китайскими обычаями и конкретными потребностями.

Терминологические трудности. Одной из основных проблем является отсутствие стандартизированных терминов. В китайском языке многие научные термины могут быть переведены различными способами, что создает путаницу и затрудняет точную передачу смысла. Создание и поддержание словарей и баз данных терминов является важным шагом в решении этой проблемы.

Например, слово «纳米» (nànmǐ) означает «нано», и это термин, который может быть новым для китайского языка. Переводчик должен знать, как правильно

использовать этот термин и как он соотносится с аналогичным термином в русском языке. В научных текстах точность и единообразие терминологии имеют критическое значение, так как ошибки могут привести к неправильной интерпретации данных и выводов [5].

Примеры трудностей перевода. Рассмотрим пример перевода научного текста. В китайском языке слово «量子计算» (liàngǐ jìsuàn) переводится как «квантовые вычисления». Однако этот термин может быть относительно новым для китайского языка и может иметь различные интерпретации. Переводчик должен учитывать контекст и выбирать наиболее подходящий термин в зависимости от специфики текста.

<i>Китайский термин</i>	<i>Русский термин</i>	<i>Возможные проблемы перевода</i>
计算机 (jìsuànjī)	Компьютер	Дословный перевод «машина для вычислений»
量子计算 (liàngǐ jìsuàn)	Квантовые вычисления	Новизна и многозначность термина
人工智能 (réngōng zhìnéng)	Искусственный интеллект	Различия в понимании концепции

Другим примером может служить перевод технических руководств и инструкций. В китайском языке часто используются краткие и лаконичные фразы, в то время как в русском языке такие тексты могут быть более подробными и описательными. Переводчик должен адаптировать текст таким образом, чтобы он был понятен и полезен для целевой аудитории.

Методы и стратегии перевода

Параллельные тексты и корпусы. Одним из эффективных методов для улучшения качества перевода является использование параллельных текстов и корпусов. Параллельные тексты позволяют переводчикам сравнивать оригинальные тексты и их переводы, находить адекватные решения и улучшать свои навыки. Это особенно полезно при переводе специализированных текстов, где точность и содержательность являются критически важными.

Китайский ученый Чжан Вэньюань посредством сравнительного исследования и сортировки разговорной лексики в корпусе сделал два вывода: во-первых, культурные различия между двумя странами невозможно точно передать в переводе. Во-вторых, полисемия затрудняет перевод. Основываясь на приведенных выше выводах, при практическом применении из-за высокой гибкости разговорной лексики при переводе возникнет множество проблем. В этой статье мы надеемся решить соответствующие проблемы с помощью «Параллельного корпуса китайской и русской разговорной лексики». Хотя данное исследование должно быть продолжено.

Использование параллельных корпусов помогает выявить типичные ошибки и найти способы их исправления. Например, можно использовать параллельные корпуса научных статей, чтобы понять, как различные термины и концепции переводятся с китайского на русский язык и наоборот. Это помогает создать более точные и консистентные переводы [6].

Использование машинного перевода. Машинный перевод и современные технологии также играют важную роль в переводе между китайским и русским языками. Хотя машинный перевод ещё не достиг уровня, позволяющего полностью заменить человеческий труд, он может быть полезным инструментом для предварительного перевода и последующей редактуры. Использование нейросетей и искусственного интеллекта помогает улучшить качество перевода и справляться с рутинными задачами.

Например, системы машинного перевода могут быстро и эффективно переводить большие объемы текста, что экономит время и усилия переводчиков. Однако машинный перевод часто не учитывает культурные и контекстуальные нюансы, что может привести к ошибкам и недоразумениям. Поэтому важна последующая редакция человеком, чтобы обеспечить точность и адекватность перевода [7].

Анализ и рекомендации

Обучение и повышение квалификации. Для улучшения качества перевода необходимо проводить регулярное обучение и повышение квалификации переводчиков. Создание специализированных курсов и программ, которые учитывают специфику китайского и русского языков, поможет переводчикам развивать свои навыки и адаптироваться к новым требованиям.

Переводчики должны быть знакомы с новыми методами и технологиями перевода, а также с последними достижениями в области лингвистики и культурологии. Важно проводить семинары и тренинги, которые помогут переводчикам улучшить свои навыки и обменяться опытом с коллегами [8].

Исследования и разработки. Важно проводить исследования и разработки в области перевода, чтобы создавать новые методики и инструменты. Сотрудничество между переводчиками, лингвистами и специалистами в различных областях позволит создавать многоязычные глоссарии и базы данных терминов, которые помогут улучшить качество переводов.

Например, создание многоязычных баз терминов и фразеологизмов поможет переводчикам находить адекватные эквиваленты и избегать ошибок. Такие базы данных могут быть доступны онлайн и постоянно обновляться, что позволит переводчикам использовать актуальную информацию [9].

Использование технологий машинного обучения и искусственного интеллекта для анализа переводов и выявления типичных ошибок также может существенно улучшить качество перевода. Эти технологии могут помочь автоматизировать рутинные задачи и предоставить переводчикам инструменты для более эффективной работы.

Заключение. Перевод между китайским и русским языками представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую глубоких знаний, креативности и постоянного обучения. Различия в лексике, грамматике и культуре создают множество проблем, которые необходимо учитывать при переводе. Эти проблемы включают в себя значительные различия в словообразовании и грамматических структурах, а также уникальные культурные контексты, которые часто сложно передать на другом языке.

Лексические различия, такие как наличие большого количества омонимов в китайском языке и различные способы словообразования, требуют от переводчиков особого внимания и осторожности. Грамматические различия, включающие отсутствие склонений и спряжений времен в китайском языке и сложную систему падежей в русском, добавляют дополнительный уровень сложности. Переводчик должен быть не только лингвистом, но и культурным медиатором, способным адаптировать текст таким образом, чтобы он был понятен и естественен для целевой аудитории.

Культурные и контекстуальные различия также играют важную роль в процессе перевода. Понимание культурных контекстов и использование адекватных эквивалентов для фразеологизмов и идиом являются ключевыми аспектами, которые помогают избежать недоразумений и сохранить оригинальный смысл текста. Это особенно важно в литературных и культурных текстах, где культурные отсылки и нюансы имеют большое значение.

Для улучшения качества перевода необходимо проводить регулярное обучение и повышение квалификации переводчиков. Создание специализированных курсов и программ, которые учитывают специфику китайского и русского языков, поможет

переводчикам развивать свои навыки и адаптироваться к новым требованиям. Также важно проводить исследования и разработки в области перевода, чтобы создавать новые методики и инструменты. Сотрудничество между переводчиками, лингвистами и специалистами в различных областях позволит создавать многоязычные глоссарии и базы данных терминов, которые помогут улучшить качество переводов.

Использование современных технологий, таких как машинный перевод и искусственный интеллект, может значительно упростить процесс перевода и повысить его точность. Хотя машинный перевод ещё далек от совершенства, он может быть полезным инструментом для предварительного перевода и последующей редактуры человеком. Использование нейросетей и искусственного интеллекта помогает улучшить качество перевода и справляться с рутинными задачами, что позволяет переводчикам сосредоточиться на более сложных и творческих аспектах работы.

Таким образом, перевод между китайским и русским языками является сложной, но важной задачей, которая требует внимания к деталям, глубоких знаний и постоянного совершенствования навыков. Развитие международного сотрудничества и обмена опытом, использование современных технологий и постоянное обучение помогут улучшить качество переводов и способствовать взаимопониманию между Россией и Китаем.

Список использованных источников

1. Влахов, С. Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Высшая школа, 1980. – 416 с.
2. Vasilyeva, A. Sino-Russian Intercultural Communication Research: Literature Review / A. Vasilyeva // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. – 2018.
3. Chen, P. Cultural Communication Strategies between Russia and China / P. Chen // Journal of Cross-Cultural Research. – 2020.
4. Люсиенко, В. И. Фразеологизмы в китайском языке / В. И. Люсиенко. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2007. – 243 с.
5. Ларин, С. А. Китайские идиомы и их русские эквиваленты / С. А. Ларин. – Москва : Флинта, 2005. – 310 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1997. – 944 с.
7. Кузнецов, С. А. Машинный перевод: теория и практика / С. А. Кузнецов. – Москва : Наука, 2019. – 360 с.
8. Завадский, В. Н. Научно-технический перевод: проблемы и перспективы / В. Н. Завадский. – Санкт-Петербург : Наука, 2017. – 248 с.
9. Wang, H. Machine Translation and its Discontents: A Comparative Study of Chinese and Russian / H. Wang. – Beijing : Peking University Press, 2020. – 372 p.

ЭВОЛЮЦИЯ СПОРТИВНЫХ БЛОГОВ: ОТ ТЕКСТОВОЙ ЗАПИСИ К МЕДИАПЛАТФОРМЕ

О. Г. Чернявская¹, Е. А. Новикова²,

*¹старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

*²кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Исследование посвящено анализу лингвокогнитивных особенностей современных англоязычных спортивных блогов, их эволюции и влиянию на цифровую коммуникацию. Рассмотрены ключевые языковые и когнитивные стратегии, такие как использование сленга, визуализация, интерактивность и персонализация контента. Результаты показывают, что англоязычные спортивные блоги не только адаптируют форматы к цифровой среде, но и формируют новые коммуникативные практики, способствующие вовлечению аудитории в коммуникативный процесс и созданию спортивных сообществ.

Ключевые слова: спортивные блоги, лингвокогнитивные особенности, цифровая коммуникация, визуализация, интерактивность, персонализация, спортивный сленг.

Summary. The study examines the linguocognitive peculiarities of modern English sports blogs, their evolution, and impact on digital communication. Key linguistic and cognitive strategies, such as the use of slang, visualization, interactivity, and content personalization, are analyzed. The results demonstrate that sports blogs not only adapt formats to the digital environment but also shape new communicative practices that engage audiences and foster sports communities.

Key words: sports blogs, linguocognitive peculiarities, digital communication, visualization, interactivity, personalization, sports slang.

Введение. Современные спортивные блоги, как феномен цифровой коммуникации, демонстрируют динамичную трансформацию, отражающую изменения в языковых практиках [7] и когнитивных стратегиях блог-коммуникации [1; 3]. Эволюция спортивных блогов, берущих начало с личных дневников спортсменов, сегодня инкорпорирует сложные медиаплатформы с элементами журналистики, образовательного контента и визуальной повествовательности. **Лингвокогнитивный аспект** становится ключевым при анализе данных трансформаций [5]. С одной стороны, язык спортивных блогов адаптируется к цифровой среде: появляются новые термины, метафоры, связанные с технологиями и специфические коммуникативные форматы (интерактивные челленджи, видеообзоры). С другой – когнитивные процессы аудитории меняются: потребность в мгновенной информации, визуализации и персонализированном контенте формирует новые стратегии восприятия и обработки информации.

Цель исследования – выявление лингвокогнитивных особенностей, характерных для современных англоязычных спортивных блогов, и установление их связи с эволюцией цифровой коммуникации. Результаты работы могут быть полезны для понимания роли цифровых медиа в формировании спортивной культуры.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения лингвокогнитивных трансформаций в современных англоязычных спортивных блогах,

которые стали важным элементом цифровой коммуникации. Анализ языковых практик и когнитивных стратегий позволяет понять, как цифровая среда влияет на формирование спортивной культуры, меняя способы восприятия информации аудиторией и создавая новые коммуникативные форматы.

Методика исследования включает формирование репрезентативного корпуса англоязычных спортивных блогов [6], лингвистический анализ текстов блогов, лингвокогнитивный и мультимодальный анализы, предполагающие синхронную обработку текстовых, визуальных и аудиовизуальных элементов.

Первые блоги в сети Интернет представляли «ежедневные обновляемые списки аннотированных ссылок на другие нужные и интересные ресурсы» [2, с. 52]. В 1999 году появились две удобные платформы для блогинга – LifeJournal and Blogger, что способствовало популяризации блогинга в мире и с этого момента пользователи, не знающие языка HTML, могли создавать, размещать и поддерживать свой блог. В 2003 году впервые появился полимодальный блог, содержащий и текст, и видео, и в том же году появился термин «vlog» – результат слияния двух терминов «блог» и «видео». Данный формат вскоре приобрел широкую популярность и сохраняет ее до сих пор. До начала 2010-х годов блог обычно был личностно-ориентированным и освещал одну тему, в 2010-х годах популярность приобрели «многоавторские блоги», в создании которых участвует несколько авторов.

Эволюция спортивного блога как жанра интернет-дискурса тесно связана с развитием цифровых технологий и изменением потребительских предпочтений. В начале 2000-х годов спортивные блоги в основном представляли собой текстовые записи, в которых авторы делились своим мнением о матчах, турнирах и событиях в мире спорта. Однако с развитием мультимедийных технологий и социальных сетей формат спортивных блогов начал меняться.

К середине 2010-х годов спортивные блоги стали активно использовать визуальный контент: фотографии, инфографику и, что особенно важно, видео, что позволило авторам более динамично и наглядно представлять информацию. С развитием социальных сетей спортивные блоги стали интерактивными, а именно: читатели получили возможность комментировать записи, участвовать в обсуждениях и даже влиять на контент через опросы и прямые вопросы авторам, что способствовало формированию сообществ вокруг спортивных блогов. Как отмечает У. Ю. Эшкинина, «важной мотивацией ведения спортивного блога является социальное взаимодействие – общение с аудиторией, комментарии и реакции к записям» [8, с. 98].

В последние годы спортивные блоги стали важным инструментом для продвижения личного бренда спортсменов и тренеров. Известные спортсмены используют свои блоги для общения с фанатами, продвижения продуктов и даже для обсуждения социальных вопросов, благодаря чему спортивные блоги на настоящий момент являются не только источником информации о спорте, но и платформой для выражения личных взглядов и позиций. Современные спортивные блоги активно адаптируют язык и форматы подачи информации к требованиям цифровой среды, интегрируя технологические инновации и меняющиеся коммуникативные характеристики.

Рассмотрим основные лингвокогнитивные особенности, характерные для современных англоязычных спортивных блогов. Под лингвокогнитивными особенностями в контексте спортивных блогов понимаются устойчивые языковые и когнитивные модели, которые используются для структурирования, передачи и восприятия информации.

Использование эмоционально маркированной лексики, включая спортивный жаргон, сленг и метафоры, является важной особенностью современных англоязычных спортивных блогов. А. А. Никонов подчеркивает, что «спортивные блоги обладают

лингвопрагматической особенностью. Для того чтобы представить свое мнение как наиболее авторитетное и важное, автор использует специфическую лексику (жаргон, сленг) и большое количество художественных средств выразительности» [4, с. 181].

Например, в спортивных блогах встречаются такие примеры спортивного жаргона и сленга, как **clean sheet** (матч, в котором вратарь не пропустил голов), **buzzer-beater** (победный бросок в последние секунды матча (в баскетболе)), **underdog** (аутсайдер (команда или спортсмен, которых не считают фаворитами)). Использование спортивного жаргона и сленга в спортивных блогах способствует установлению эмоциональной связи с аудиторией, усиливая вовлеченность и создавая ощущение принадлежности к спортивному сообществу.

Такие метафоры, как **He's on fire!** (он в ударе!) или **This game was a rollercoaster!** (эта игра – американские горки!) не только передает эмоции, но и создает яркие образы, которые легко запоминаются читателю блога. Визуальные метафоры: “... he is trying to **solve the puzzle of the opposing team's defense**” – «...он пытается разгадать загадку защиты команды соперника» [www.footballblog.com, электронный источник].

Эмоционально маркированная лексика, играет важную роль в современных англоязычных спортивных блогах, помогая авторам создавать яркие, запоминающиеся образы и усиливать экспрессивное воздействие на аудиторию. Отметим, что с функциональной точки зрения спортивные блоги эволюционируют от простого информирования к созданию эмоционально насыщенного, визуально привлекательного и интерактивного контента.

Визуальные элементы являются следующей важной лингвокогнитивной особенностью современных спортивных блогов, включая инфографику и краткие видеоролики, способствуют повышению наглядности контента и облегчают его восприятие аудиторией, например: “*How to improve your basketball shooting accuracy*” – «Как повысить точность бросков в баскетболе» (видео) [talkbasketball.net, электронный источник]. “*The evolution of marathon records in 3 minutes*” – «Эволюция рекордов в марафоне за 3 минуты» (видео) [www.trainwithmarc.com, электронный источник]. “*Key stats from the latest championship match*” – «Ключевая статистика последнего матча чемпионата» (инфографика) [talkbasketball.net, электронный источник].

Визуальные элементы, такие как инфографика и видеоролики, не только повышают доступность и понимание информации, но и способствуют более глубокой вовлеченности аудитории в процесс коммуникации. На ранних этапах блоги ограничивались текстовым контентом, однако с развитием цифровых технологий и изменением потребительских предпочтений визуализация стала ключевым инструментом для привлечения и удержания внимания аудитории, что отражает общую тенденцию перехода от текстоцентричных форматов к мультимодальным [9], в которых визуальные элементы играют важную роль в создании яркого, запоминающегося и интерактивного контента, отвечающего запросам современной цифровой среды.

Интерактивные форматы, такие как челленджи, стимулируют активное взаимодействие аудитории и способствуют формированию сообщества, объединенного интересом к спорту. Участники таких сообществ обмениваются личным опытом, оказывают взаимную поддержку. Например:

“*Try this workout challenge*” – «попробуй этот тренировочный челлендж»; “*Can you beat my 5K running time?*” – «Сможешь побить мой результат в забеге на 5 км?» [www.trainwithmarc.com, электронный источник]. “*Take the 7-day fitness challenge!*” – «Прими участие в 7-дневном фитнес-челлендже!» [www.nerdfitness.com, электронный источник].

Следующей важной тенденцией является **использование личных историй автора блога** для создания эмоциональной связи с аудиторией. Например, блогеры часто рассказывают личные истории о преодолении трудностей. Например:

“*How I recovered from a serious injury*” – «как я восстановился после серьезной травмы» [www.trainwithmarc.com, электронный источник].

Блогеры делятся вдохновляющими моментами своей карьеры:

“*The day I scored my first goal*” – «День, когда я забил свой первый гол» [www.soccerblog.com, электронный источник].

Подобные истории не только мотивируют аудиторию, но и укрепляют доверие к блогеру как к личности.

Выводы. Эволюция спортивных блогов в лингвокогнитивном аспекте отражает значительные изменения, обусловленные развитием цифровых технологий и трансформацией коммуникативных практик. На начальном этапе спортивные блоги представляли собой текстовые записи с акцентом на описании событий и статистике, однако с развитием мультимедийных технологий и социальных сетей они превратились в сложные медиаплатформы, интегрирующие визуальные, интерактивные и персонализированные элементы. Ключевыми особенностями современных спортивных блогов являются использование эмоционально маркированной лексики, сленга и метафор, визуализация контента, интерактивность и персонализация, которые способствуют созданию ярких образов, вовлечению аудитории и формированию сообществ. Данные особенности отражают общие тенденции цифровой коммуникации, такие как фрагментация информации, визуализация и учет интересов аудитории. Современные спортивные блоги стали не только источником информации, но и платформой для выражения личных взглядов, продвижения личного бренда и обсуждения социальных вопросов. Таким образом, эволюция спортивных блогов свидетельствует об их трансформации из простых информационных ресурсов в сложные мультимодальные платформы, играющие важную роль в формировании спортивной культуры и цифрового медиапространства.

Список использованных источников

1. Горбачев, А. М. Специализированный спортивный онлайн-ресурс нового типа Sports.ru / А. М. Горбачев, А. В. Оноприенко // Челябинский гуманитарий. – 2020. – № 1 (50). – С. 43–50.
2. Горошко, Е. И. Гендер и блогика Интернета (психолингвистический анализ) / Е. И. Горошко // Вопросы психолингвистики. – 2007. – С. 52–63.
3. Мальцев, С. Л. Спортивный блогинг в системе интернет-коммуникаций / С. Л. Мальцев, Е. С. Мальцева // Современные проблемы и пути повышения конкурентоспособности бизнеса : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Москва : ФНОВО «Институт бизнеса и дизайна». – 2020. – С. 357–364.
4. Никонов, А. А. Спортивный блог как жанр интернет-дискурса / А. А. Никонов // Язык: категории, функции, речевое действие : материалы X Юбилейной Междунар. науч. конф. к 75-летию Валерия Степановича Борисова. – Москва ; Коломна : Моск. пед. гос. ун-т ; Гос. соц.-гуманитар. ун-т, 2017. – С. 181–183.
5. Савицкая, Е. В. Когнитивные паттерны языкового мышления / Е. В. Савицкая // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – № 3. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK320.pdf> (дата обращения: 17.10.2024).
6. Чернявская, О. Г. Опыт создания репрезентативного пользовательского корпуса блогов профессиональной направленности с помощью корпус-менеджера Sketch Engine / О. Г. Чернявская // Казанская наука. – 2024. – № 11. – С. 698–703.
7. Чернявская, О. Г. Тенденции исследования блог-дискурса (когнитивно-дискурсивный аспект) / О. Г. Чернявская, Н. Н. Кислицына, Е. А. Новикова // Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и

литературы : материалы VII Международного научного конгресса. Симферополь. – 2022. – С. 109–114.

8. Эшкинина, У. Ю. Жанрово-тематические особенности российских спортивных блогов / У. Ю. Эшкинина // Вестник Московского университета. – Серия 10. – № 1. Журналистика. – 2022. – С. 96–118. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-tematicheskie-osobennosti-rossiyskih-sportivnyh-blogov> (дата обращения: 17.10.2024).

9. Chernyavskaya, O. G. A multimodal corpus-based study of American career weblogs / O. G. Chernyavskaya, N. N. Kislitsyna // Issues of Cognitive Linguistics. – 2023. – № 2. – С. 76–84.

УДК 811.581

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА РУССКОГО ЯЗЫКА НА ВЕБ- СТРАНИЦАХ КИТАЙСКОЙ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

Чэнь Шидэ¹, Н. А. Абуева²,

*¹преподаватель факультета русского языка, Институт европейских языков,
Чжэцзянский университет иностранных языков Юэсю, Шаосин, Китайская Народная
Республика*

*²доктор политических наук, профессор, визит-профессор, Институт
европейских языков, Чжэцзянский университет иностранных языков Юэсю, Шаосин,
Китайская Народная Республика; профессор
исследователь, Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации,
гуманитарно-юридический факультет, Университет Туран, Алматы, Республика
Казахстан*

本研究受浙江省教育厅科研项目资助 (项目编号:Y202352495)

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке
Научного проекта Департамента образования провинции Чжэцзян
(номер проекта: Y202352495)

Аннотация. Китайские трансграничные электронные коммерческие платформы построили русскоязычный лингвистический ландшафт через три основных механизма, что обеспечило глубокую интеграцию языковых услуг и коммерческой ценности. Локализационная стратегия перевода основана на системе сотрудничества человека и машины, которая точно обрабатывает технические, эмоциональные и культурные тексты в динамическом балансе между нейронным машинным переводом и редактированием человеком. Например, русский перевод «IP68 водонепроницаемый уровень» умного браслета был оптимизирован с прямого перевода до «защита от воды по стандарту IP68 (можно плавать)», улучшая понимание пользователя благодаря пояснению в скобках. Бренд «Маленькая банка чая» перевел «Лунцзин до праздника Цинмин» как «элитный чай Лунцзин: нежные почки, собранные до праздника Цинмин (в апреле)», используя временные анкеры и культурные метки для повышения стоимости продукта. Механизм динамического обновления языка базируется на интеллектуальной замкнутой цепочке «ощущение данных – семантический анализ – динамическая рендеринг»; AliExpress Russia использует память редактирования после перевода для оптимизации профессиональных терминов, таких как «сверхтихая технология», что повышает частоту кликов по ключевым словам. Кросс-культурное прагматическое проектирование системно перестраивает логику языкового выражения,

избегая негативной семантики слов, таких как «зеленый», что повышает пользовательский опыт и полностью подтверждает стратегическую ценность языкового ландшафта как цифровой торговой инфраструктуры.

Ключевые слова: языковой ландшафт, китайские сайты электронной коммерции, социолингвистика.

Summary. Chinese cross-border e-commerce platforms have constructed a Russian-language linguistic landscape through three main mechanisms, ensuring deep integration of language services and commercial value. The localization translation strategy is based on a human-machine cooperation system that accurately processes technical, emotional, and cultural texts in a dynamic balance between neural machine translation and human editing. For example, the Russian translation of “IP68 waterproof level” for a smart bracelet was optimized from a direct translation to “waterproof according to IP68 standard (you can swim)”, enhancing user understanding with an explanatory note in parentheses. The brand “Little Tea Can” translated “Longjing before the Qingming Festival” as “premium Longjing tea: tender buds collected before the Qingming Festival (in April)”, using temporal anchors and cultural markers to increase product value. The mechanism of dynamic language updating is based on an intelligent closed loop of “data perception – semantic analysis – dynamic rendering”; AliExpress Russia uses post-translation editing memory to optimize professional terms such as “ultra-silent technology”, which increases keyword click-through rates. Cross-cultural pragmatic design systematically reconstructs the logic of language expression, avoiding negative semantics of words like “green”, thereby improving user experience and fully confirming the strategic value of the linguistic landscape as digital trade infrastructure.

Key words: linguistic landscape, Chinese e-commerce sites, sociolinguistics.

1. Исследовательский фон и значение. В условиях глобализации и цифровизации трансграничная (определяемая как и «кросс-бордеровая») электронная коммерция стала важной формой международной торговли. Россия и Китай, как дружественные соседи, имеют все более тесные двусторонние торговые отношения, а сотрудничество в области электронной коммерции демонстрирует быстрое развитие. Согласно данным Генерального таможенного управления Китая, объем торговли между КНР и РФ в 2024 году достиг 244,819 миллиардов долларов США, что на 1,9% больше, чем в предыдущем году, при этом экспорт Китая в Россию составил 115,499 миллиардов долларов США, увеличившись на 4,1%. Электронная коммерция сыграла важную роль в этом росте.

В трансграничной торговле между Китаем и Россией язык как мост для общения имеет неоспоримое значение. Русский язык, будучи официальным языком России, является главным инструментом для общения между китайскими компаниями электронной коммерции и российскими потребителями. Русскоязычный лингвистический ландшафт китайских веб-сайтов электронной коммерции не только передает информацию о товарах, но и является ключевым фактором в обмене культурой, формировании образа бренда и повышении конкурентоспособности рынка. Хорошо спроектированный, точный и богатый культурным содержанием русскоязычный веб-сайт может лучше привлекать российских потребителей, повышать пользовательский опыт и, следовательно, способствовать продажам товаров и деловому сотрудничеству.

С точки зрения социолингвистики, лингвистический ландшафт представляет собой видимую выставку языка в общественном пространстве, включая различные знаки, рекламу, буклеты и другие тексты. Веб-сайты электронной коммерции как особое «общественное пространство» отражают социальный, культурный и экономический контекст использования языка. Исследование русскоязычного лингвистического ландшафта китайских веб-сайтов электронной коммерции может помочь глубже понять языковые стратегии, культурную адаптацию и коммерческие

мотивы в кросс-бордеровой торговле между Китаем и Россией, предоставляя теоретическую основу для оптимизации языковых услуг электронной коммерции. Данное исследование направлено на обогащение теоретических и практических результатов исследования языка электронной коммерции, предлагая полезные рекомендации для китайских компаний электронной коммерции для расширения российского рынка.

2. Теоретический фреймворк и обзор литературы. Китайские ученые ранее уделяли внимание основным теоретическим вопросам лингвистического ландшафта, часто используя термины «знаки» или «публичные объявления». Позже концепция «лингвистический ландшафт» была разработана и нормализована, чтобы отличаться от публичных объявлений. Публичные объявления в основном сосредотачиваются на грамматической корректности и уместности перевода; лингвистический ландшафт рассматривает публичные тексты в широком социокультурном контексте (У Сили, Чжань Цзю и др., 2017), исследуя концепцию, функции (информационные и символические) и теоретические модели лингвистического ландшафта (Шан Гоуэнь, Чжао Шоухуй, 2014). Ранние исследования лингвистического ландшафта были сосредоточены на переводе, большинство исследователей в Китае работали в области иностранных языков, исследуя проблемы перевода лингвистического ландшафта, часто сочетая примеры с физическими многоязычными ландшафтами и предлагая советы по оптимизации переводов (Лю Лифэн, Лю Сюцзюань и др., 2018). Исследовали конкретные города, такие как Санья, также уделяли внимание экологии перевода (Лю Лифэн, Лю Сюцзюань и др., 2021).

В последние годы фокус исследований лингвистического ландшафта сместился с переводческого на социолингвистический подход. С развитием интернета начали появляться исследования виртуальных лингвистических ландшафтов. Ван Пин (2013) впервые исследовала виртуальные лингвистические ландшафты, кратко описав их лексические характеристики. Чжоу Сяочунь (2022) исследовала официальные сайты национальных университетов, обнаружив недостаточную видимость непопулярных и меньшинственных языков. Цзоу Хуэйци (2023) и Чжан Цзин (2023) анализировали лингвистические ландшафты на сайтах музея Гугун и портала Наньчан соответственно, предлагая ряд рекомендаций по улучшению.

Теория знакового места является одной из теорий лингвистического ландшафта, предложенной западными учеными (Scollon, R. & S. Scollon, 2003). Она состоит из подсистем кодирования, графики и размещения, анализирующих реальные языковые символы. Кодирование относится к приоритетным отношениям между языками на двуязычных или многоязычных знаках. Графика охватывает смысловую систему представления знаковых языков, включая шрифт, материалы, добавочные компоненты. Размещение исследует активированные значения установки знака в определенном месте (Шан Гоуэнь, Чжао Шоухуй, 2014).

Российская научная школа исследует лингвистический ландшафт с социолингвистической точки зрения, обращая внимание на языковую политику и безопасность. В. В. Баранова и К. С. Федорова (2020) исследовали вопросы языковой политики через призму лингвистического ландшафта, обнаружив усиление единого языкового режима в приграничных регионах, что косвенно отражает неравенство статуса носителей разных языков. Н. В. Михайлюкова (2019) считает, что широкое использование английского языка в частных знаках может повлиять на ценности населения и, следовательно, на национальную безопасность.

Инструменты и методы исследования лингвистического ландшафта постоянно совершенствуются, многие новые технологии широко применяются. Использование Lingscape, LinguaSnapp для сбора и анализа материала изменило традиционный метод

фотографирования. В исследованиях двуязычных пейзажей используется технология eye-tracking для анализа восприятия публикой двуязычия.

Общее мнение таково, что механизм создания лингвистического ландшафта требует внимания. Исследования китайских ученых часто сосредотачиваются на явных функциях, таких как интерпретация русскоязычных знаков, правильность и уместность перевода. Исследования виртуального пространства требуют развития. Как внутри страны, так и за рубежом мало исследований виртуальных лингвистических ландшафтов, особенно в сфере коммерческих интерфейсов. Уже существующие исследования часто используют методы исследования физических лингвистических ландшафтов для исследования виртуальных, недостаточно учитывая особенности взаимодействия человека и машины и своевременность в виртуальном пространстве. Междисциплинарные исследования требуют дальнейшего развития.

3. Практические механизмы создания русскоязычного лингвистического ландшафта

3.1. Локализационная стратегия перевода. Локализационная стратегия перевода является основой создания русскоязычного лингвистического ландшафта веб-сайтов китайской электронной коммерции. Основная идея заключается в создании системы «сотрудничества человека и машины». Эта система сочетает нейронный машинный перевод с последующим редактированием текста лингвистического ландшафта, стремясь достичь динамического баланса между точностью семантики и адаптацией к культуре.

С развитием глобальной электронной коммерции такие платформы, как AliExpress Russia и Ozon China, уделяют особое внимание локализации перевода, чтобы эффективно общаться и привлекать целевых российских потребителей. В процессе необходимо обработать три основных языковых модуля: технические тексты, эмоциональные тексты и культурные тексты. Технические тексты включают параметры товаров и условия доставки, а эмоциональные тексты затрагивают отзывы пользователей и рекламные тексты.

Кроме того, культурные тексты, такие как история бренда и маркетинг во время праздников, играют важную роль. Примером может служить «водонепроницаемый уровень IP68» умного браслета. Машина могла бы перевести это напрямую как «водонепроницаемость IP68», но человек-переводчик, учитывая привычки восприятия русских потребителей, скорее всего, изменит это на «защита от воды по стандарту IP68 (можно плавать)» и добавит пояснение в скобках для лучшего понимания пользователя.

При обработке культурных метафор китайский бренд чая «Маленькая банка чая» столкнулся с типичным вызовом. Машина перевела «Лунцзин до рассвета» как «лунцзин перед рассветом», что привело к потере культурного содержания. Чтобы лучше передать эту культурную суть, профессиональный переводчик, учитывая культуру чаепития в России, перефразировал это как «элитный чай Лунцзин: нежные почки, собранные до праздника Цинмин (в апреле)». Этот перевод не только добавил временной контекст, но и использовал «элитный» как ценность, что повысило приемлемость культуры.

Похожие случаи возникают при переводе описаний одежды. Например, «облачный узор» в описании платья с китайским элементом было переведено машиной как «облачный узор», но после оптимизации человеком стало «узоры в стиле китайских иероглифов «облако (символ благопожеланий)». Такая культурная транскодировка активизирует ассоциации с восточной эстетикой, давая потребителю более глубокий культурный опыт.

Перевод названия бренда через «звук, форму и смысл» требует творческого подхода. Например, бренд бытовой техники «Хайер» (Haier) при входе на русский рынок использовал «Хайер», вместо простого прямого перевода «Море», что сохранило

ген бренда и избежало негативных ассоциаций «море» в русском языке как «далеко, холодно». Кроме того, Shein на русском рынке назвал себя «Шиин», искусно связав звуковое сходство с «шик» (роскошь), создав легкую роскошную имиджевую картину бренда. Дальнейший пример – бренд «Хуасицзы», дополненный подзаголовком «китайская минеральная косметика с цветочными экстрактами», что через транслитерацию и объяснение создает дифференцированную позицию бренда.

На уровне передачи эмоций в отзывах пользователей локализованное представление напрямую влияет на решения покупателей. Например, отзыв о наушниках блютус «низкий бас» был переведен машиной как «глубокий бас», но человек-переводчик, учитывая привычки речи аудиофилов в России, скорректировал это на «мощные низкие частоты, как в кинотеатре». Адаптация рекламных текстов к праздникам также имеет свои трудности. Например, «купи один, получи один» на китайский Новый год, если так прямо перевести, обязательно потеряет праздничную атмосферу. В этом случае сайт Dunhuang эффективно преобразовал это в «новогоднее предложение: второй товар в подарок как символ двойного счастья», добавив культурный символ «двойное счастье», что успешно создало эмоциональный резонанс.

3.2. Механизм динамического обновления языка. Механизм динамического обновления языка является ключевым двигателем создания русскоязычного лингвистического ландшафта веб-сайтов китайской электронной коммерции через построение замкнутой системы «ощущение данных – семантический анализ – динамическая рендеринг», что обеспечивает точное обновление и адаптацию к сценариям языкового выражения. Этот механизм глубоко интегрирует три технических модуля: мониторинг настроений в социальных сетях, анализ поведения пользователей и оптимизация машинного перевода. Например, сайт Dunhuang, отслеживая обсуждения пользователей в VKontakte (российской социальной платформе) по теме «китайские товары», обнаружил, что «быстрая доставка» и «качество упаковки» стали недавними высокочастотными точками внимания, и сразу же динамически вставил русский текст «экспресс-доставка за 7 дней с усиленной упаковкой» на страницу товара, что повысило конверсию.

На техническом уровне AliExpress Russia использует гибридную архитектуру «нейронный машинный перевод + память редактирования после перевода». Когда система обнаруживает, что пользователи ищут «бесшумный вентилятор», она автоматически вызывает лучший перевод «сверхтихая технология» из истории переводов, вместо прямого перевода «очень тихая технология», одновременно динамически оптимизируя вес ключевых слов на основе данных кликов пользователей. Для обновления временных контентов, таких как «Масленица» в России, «Ozon China» использует технологию семантической сети для реального времени связи «блины» с категорией кухонной техники, генерируя динамически «идеально для приготовления праздничных блинов» на странице воздушного жаровня, и завершает оптимизацию 30 групп маркетинговых текстов через тестирование за 48 часов.

Каналы обратной связи пользователей формируют «система очистки данных». Например, сайт Shein в России автоматически запускает визуальное преобразование таблицы размеров товаров после обработки естественного языка жалоб клиентов на «непонятный размер», добавляя «карту соответствия российских стандартов размеров» и «модуль онлайн-измерения», что снижает количество возвратов.

3.3. Кросс-культурное прагматическое проектирование. Кросс-культурное прагматическое проектирование является важным средством для достижения культурной адаптации и рыночной сегментации веб-сайтов китайской электронной коммерции при создании русскоязычного лингвистического ландшафта. Компаниям необходимо глубоко понимать особенности русской языковой культуры, избегать языковых табу, использовать варианты языка для точного маркетинга. Например, слово

«зеленый» в русском языке, кроме положительных значений, таких как экология и жизнеспособность, также имеет оттенки «неопытный, несмышленный». Поэтому при продаже экологически чистых продуктов нельзя просто переводить названия товара как «зеленые продукты», можно использовать «экологически чистые продукты», чтобы избежать недоразумений. Аналогично, дракон в китайской культуре символизирует благополучие и власть, тогда как в русской культуре «дракон» часто связан со злом и опасностью. Если на сайте есть товары с драконьим элементом, нужно найти другой способ, который отражает особенности товара и соответствует русской культуре, например, подчеркнуть красоту и уникальность узора, говоря о восточном колорите при продаже.

Русский синтаксис сложен и гибок. При проектировании веб-сайта важно адаптировать предложения под русскую форму выражения. Китайские выражения обычно кратки и прямолинейны, тогда как русский язык более ориентирован на полноту и логику. Например, описание телефона «Этот телефон хорошо снимает и имеет долговечный аккумулятор» можно улучшить как «Этот телефон отличается высоким качеством съемки, при этом его батарея имеет длительный срок службы».

При использовании праздничных элементов в России существует множество уникальных праздников, таких как Новый год и День победы. В период праздников потребительский спрос возрастает. Веб-сайты могут быть адаптированы под разные праздники. Например, в новогодний период сайт может добавить традиционные новогодние элементы России, такие как новогодняя елка, снеговик и дед Мороз. Рекомендации товаров также могут быть связаны с праздничной атмосферой, например, продажа традиционных новогодних украшений и специальных блюд. В описании товаров можно упомянуть их использование в российских новогодних торжествах, например, «Это красивое новогоднее украшение добавит вашей новогодней елке особую праздничную атмосферу».

В области заимствования художественного стиля Россия имеет богатые традиции, такие как матрешки и иконопись. Веб-сайт может использовать эти художественные стили для дизайна. В раскладке и цветовом сочетании веб-сайта можно использовать яркие и гармоничные цветовые комбинации матрешек, используя красный, синий, желтый и другие яркие цвета, что создает живой и праздничный вид. Для демонстрации товаров культурного и художественного характера можно использовать рамки в стиле иконописи, чтобы подчеркнуть уникальность и художественную ценность товара, привлекая внимание российских потребителей.

В отношении пользовательского опыта и культурных привычек при выборе способов оплаты российские потребители часто используют банковские карты и электронные кошельки. На сайте следует четко указывать распространенные способы оплаты и использовать знакомые российским потребителям названия платформ, такие как Яндекс Деньги. Что касается информации о доставке, необходимо учитывать большие территории России и различия во времени доставки. Для разных регионов доставка и стоимость должны быть четко и точно указаны. Можно использовать карту России для наглядного отображения зон доставки и предполагаемого времени доставки, чтобы потребители лучше понимали ситуацию с доставкой товара.

Заключение. Механизм создания русскоязычного лингвистического ландшафта китайской электронной коммерции раскрывает глубокие изменения в языковых сервисных моделях в цифровую эпоху, суть которых заключается в органическом слиянии технологического наделения и культурного транскодирования, создавая виртуальное пространство потребления, которое преодолевает географические границы.

Научные исследования показывают, что современная система технологичного и цифрового сотрудничества человека и машины повышает точность семантики

одновременно с успешным решением проблемы передачи культурных символов в разных контекстах, например, перевод сезонного смысла «Лунцзин до праздника Цинмин» в понятные российским потребителям временные координаты, что повышает конверсию культурной добавленной стоимости. Такая инновация в переводе проявляется не только на уровне языкового перевода, но и в создании экосистемы «машина обеспечивает эффективность, человек дает душу», где стандартизированный перевод технических текстов и культурная транскодировка эмоциональных текстов на практике на платформах, таких как AliExpress Russia, значительно повышают конверсию страниц.

Механизм динамического обновления языка перестраивает традиционную логику ответа языковых услуг, когда социальные медиа и семантический анализ совмещаются для преобразования запросов пользователей о логистике в точное выражение «7-дневная экспресс-доставка + усиленная упаковка». Такой данные-ориентированный язык обновляет эффективность передачи коммерческой информации, ускоряя цикл обновления языка и создавая интеллектуальную замкнутую цепочку «ощущение запросов – семантический анализ – адаптация сценариев».

Глубокая ценность кросс-культурного прагматического проектирования заключается в преодолении ограничений поверхностного перевода через семантическую перестройку и пересоздание символов для достижения культурного понимания, например, перевод «зеленый продукт» на «экологически чистый продукт», что не только избегает негативного семантического поля слова «зеленый» в русском языке, но и использует ценность «экологически чистый» для перестройки потребительского восприятия, повышая конверсию экологических товаров. Такая культурная адаптация продолжается в дизайне интерфейса, где креативное использование цветовых комбинаций матрешек и визуальных элементов иконописи оказывает положительное влияние на пользовательский опыт.

Научные исследования также показывают, что создание русскоязычного лингвистического пейзажа имеет значительный коммерческий эффект. Платформы, которые реализуют полный механизм, в сравнении с традиционными моделями, через тройное усиление языковой точности, реактивности сценария и культурного резонанса создают «цепочку передачи»: «информация понятна – эмоции резонируют – поведение запускается» в виртуальном пространстве потребления.

Полагаем, что такая современная языковая практика и инновация имеет значение для строительства цифрового Шелкового пути между Китаем и Россией, где лингвистический ландшафт перестает быть только инструментом передачи информации, а становится цифровой инфраструктурой, интегрирующей языковые технологии, культурный интеллект и коммерческое осознание.

На наш взгляд, будущие научные исследования должны углубить изучение построения лингвистического ландшафта в многомодальных интерактивных сценах, особенно в применении AR/VR технологий для внедрения культурных символов в трехмерное пространство, а также учитывать влияние региональных диалектов России на стратегию адаптации языка и границ культурной ответственности машинного перевода в рамках этического искусственного интеллекта. Компании электронной коммерции должны создать систему «начальник языковых технологий», интегрирующую лингвистические, научные данные и кросс-культурные коммуникации для постоянной эволюции экосистемы лингвистического ландшафта, в конечном итоге, формируя новую парадигму цифровой торговли, сочетающую коммерческую эффективность и культурное достоинство.

Список использованных источников

1. Сили, У. Теоретические перспективы исследования языкового ландшафта, проблемная ориентация и методы исследования: обзор десятилетия исследований

- языкового ландшафта в Китае / У Сили, Чжань Цзю // Научные исследования. – 2017. – С. 172.
2. Гоуэнь, Шан. Перспективы, теория и методы исследования языкового ландшафта / Шан Гоуэнь, Чжао Шоухуй // Обучение иностранным языкам и исследование. – 2014. – С. 216.
3. Лифэн, Лю. Исследование русского перевода языкового ландшафта в пределах Китая / Лю Лифэн, Лю Сюцзюань // Китайское обучение русскому языку. – 2018. – С. 30.
4. Лифэн, Лю. Исследование структуры языкового ландшафта (на примере города Санья) / Лю Лифэн, Лю Сюцзюань // Китайский иностранный язык. – 2021. – С. 51.
5. Пин, Ван. Изменения исторического языкового ландшафта в пространственном измерении / Ван Пин // Исследования. – 2013. – С. 153.
6. Сяочунь, Чжоу. Многомерный анализ виртуального языкового ландшафта образовательного пространства: на примере официальных сайтов университетов национальных меньшинств Китая / Чжоу Сяочунь // Вестник Юго-Западного Цзяотунского университета. – 2022. – С. 43.
7. Хуэйци, Цзоу. Исследование виртуального языкового ландшафта музеев в цифровую эпоху: на примере официального сайта музея Гугун / Цзоу Хуэйци // Народное искусство. – 2023. – С. 105.
8. Цзин, Чжан. Анализ языкового ландшафта виртуального пространства: на примере портала города Наньчан / Чжан Цзин // Международные общественные отношения. – 2023. – С. 167.
9. Scollon, R. Discourses in Place: Language in the Material World / R. Scollon, S. Scollon. – London : Routledge, 2003. – С. 52.
10. Баранова, В. В. Регулирование языкового ландшафта в российских городах: многоязычие и неравенство / В. В. Баранова, К. С. Федорова // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – С. 635.
11. Михайлюкова, Н. В. Социоллингвистика: языковой облик современного города / Н. В. Михайлюкова. – Москва : Изд-во Юрайт, 2019. – С. 262.

УДК 81.2+81.3

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ УСВОЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: МЕТОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРАКТИВНЫЕ ПЛАТФОРМЫ

Е. С. Шестакова¹, С. В. Бершадская,²

¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, ФГБОУ ВО «Красноярский ГАУ», Красноярск

Аннотация. Обучение профессиональной лексике в контексте преподавания английского для профессиональных целей (ESP) представляет собой важный аспект формирования языковых навыков, необходимых для успешной коммуникации в профессиональной среде, что позволяет студентам эффективно взаимодействовать и достигать успеха в своей карьере. В статье рассмотрен исторический аспект и базовые постулаты ESP. Автор проанализировал эффективные методические приемы и выделил современные интерактивные платформы Anki, Quizlet, Wordwall, Breaking News и Твее, рекомендованные к применению на этапах введения, освоения и активации профессиональной лексики. Симбиоз методических приемов и цифровых платформ

способствует развитию когнитивных способностей обучающихся в контексте эффективного запоминания.

Ключевые слова: обучение ESP, методические приемы, современные интерактивные платформы, когнитивные способности.

Summary. The instruction of professional vocabulary within the framework of English for Specific Purposes (ESP) constitutes a vital component in the development of language skills requisite for effective communication in professional contexts, thereby enabling students to engage meaningfully and achieve success in their careers. This article examines the historical context and foundational principles of ESP. The author analyzes effective pedagogical strategies and highlights modern interactive platforms such as Anki, Quizlet, Wordwall, Breaking News, and Twee, which are recommended for use during the stages of introduction, mastery, and activation of professional vocabulary. The symbiosis of pedagogical techniques and digital platforms fosters the enhancement of learners' cognitive abilities in the context of effective memorization.

Key words: ESP instruction, pedagogical strategies, modern interactive platforms, cognitive abilities.

Глобализация науки, развитие международного туризма, растущие международные связи во всех сферах определили необходимость изучения иностранного языка как неотъемлемого инструмента успешной межкультурной коммуникации. Последние десятилетия широко распространено мнение о том, что владение английским языком – это путь к знаниям, образованию, технологиям и научному прогрессу, бизнесу и международной торговле [1].

Английский язык прочно вошел во все сферы жизни, уверенно занимая роль языка международного общения, поскольку во всем мире на нем говорят 1.348 миллиардов человек [14], что в 3642 раза превышает количество носителей языка, для которых он является родным (370 млн. человек). С середины XX столетия произошло значительное количество исторических и геополитических событий, которые способствовали экстенсивному распространению английского языка на всех континентах, что обусловило заметное превалирование функционирования английского языка над другими языками в сфере научного, делового и бытового международного общения. Существенный вклад в рост популярности английского языка внесло развитие интернета, поскольку именно английский язык лежит в основе большинства языков программирования, учебников и руководств по информационным технологиям.

Немаловажную роль в распространении английского языка как языка взаимодействия представителей разных народов сыграла логичность грамматического строя и простота начертания. Кроме того, разработка эффективных коммуникативных методик преподавания общеразговорного языка и профессионально-ориентированных курсов, способствовали росту популярности изучения английского как иностранного языка [1; 2; 3; 5].

Методически и концептуально ESP вырос из LSP (Language for specific purposes) – языка для специальных целей – функциональной разновидности языка, призванной обеспечить адекватное и эффективное общение специалистов в определенной предметной области [17].

Коммуникация с помощью LSP и ESP является общественно-исторической необходимостью. Т. Н. Хомутова подчеркивает, что «разделение труда привело к появлению специального знания, выраженного в специальных понятиях, которыми владели специалисты в данной области знания, растущей диверсификации научных дисциплин и дальнейшей специализации отраслей материального производства и потребления» [8, с. 98]. П. Робинсон полагает, что «ESP впервые возник и продолжал развиваться в ответ на потребность не носителей языка использовать его для какой-то

четко определенной практической цели» [15, с. 398]. По определению Дж. Свейлза ESP являются «областью исследований и практики в разработке языковых программ для людей, которым нужен язык для удовлетворения предсказуемого диапазона коммуникативных потребностей» [16, с. 253].

Т. Дадли-Эванс и М. Д. Сент-Джон сформулировали базовые постулаты ESP, заключающиеся в том, что:

- анализ потребностей обучающихся является отправной точкой в построении курсов ESP;

- ESP не предусматривает изучение грамматических форм, которые уже известны обучающимся на базовом уровне, а представляет собой формирование грамматических навыков, необходимых для определенных ситуативных контекстов;

- ESP характеризуется как язык, лимитированный ситуациями профессионального общения, в рамках которых строится курс обучения;

- курс ESP может быть специально разработанным для конкретных дисциплин;

- программы ESP чаще создаются для студентов среднего (intermediate) или продвинутого (advanced) уровня, но могут разрабатываться и для студентов начального уровня языковой подготовки;

- ESP отражает методологию, характерную для преподавания изучаемых профильных дисциплин;

- при преподавании ESP допускается обращение преподавателя к обучающемуся за объяснением какого-либо явления, характерного для профильной дисциплины [12].

Т. Хатчинсон и А. Уотс особо подчеркивают, что основным принципом обучения курсов английского для специальных целей является ориентация на потребности и нужды обучающегося и, соответственно, все решения, касающиеся содержания и методов обучения, должны приниматься на основании причин, заставивших обучающегося изучать иностранный язык [13, с. 19]. А. Бенсафа, так же, как и Т. Хатчинсон, считает, что ESP – это подход к преподаванию английского языка. Ученый отмечает организационное преимущество для университетов и колледжей такого подхода, поскольку специальностям, так как изучаемые темы носят универсальный академический характер, а, следовательно, довольно разнородные группы учащихся могут обучаться ESP вместе [11, с. 176–177].

Анализ источников показывает, что на этапе становления ESP не было единого подхода к трактовке английского для специальных целей, однако практика и принципы целесообразности привели к пониманию того что ESP преподается обучающимся, имеющим базовые знания в области грамматики и сформированные навыки чтения, говорения, аудирования и письма. ESP рассматривается как инструмент подготовки для коммуникации в профессионально-ориентированных или академических целях [7].

Поэтому во главу угла обучения ESP ставится лексический аспект и формирование профессиональных коммуникативных навыков. Именно понимание и использование профессиональной терминологии позволяет специалистам точно и ясно обмениваться информацией, а также способствует более глубокому пониманию предмета обсуждения.

Профессиональная лексика – это специализированный набор терминов и выражений, используемых в определенной области деятельности. Эффективное освоение профессиональной лексики для решения профессиональных задач и общения в профессиональной сфере во многом зависит, с одной стороны, от когнитивных способностей обучающихся, а, с другой стороны, от методов и инструментов преподавания. Современные цифровые платформы позволяют аккумулировать преимущества методических приемов и превратить познание в увлекательный процесс с элементами геймификации, что способствует более успешному и стойкому запоминанию лексики. Кроме того, они позволяют подбирать и приоритезировать

актуальный материал для обучения иностранному языку для специальных целей в неязыковом вузе в условиях сокращения контактных часов иностранного языка в учебных планах [10]. В этой связи Д. В. Лядская высказывает предположение, что цифровая среда, включающая в себя различные модальности (изображение, цвет, звук, анимация), может предоставить богатые возможности для развития и совершенствования лексической компетенции учащихся [6, с. 28].

Рассмотрим какие методические приемы и современные интерактивные платформы способствуют развитию когнитивных способностей обучающихся в контексте эффективного запоминания профессиональной лексики.

На этапе введения профессиональной лексики рекомендовано объединять метод карточек с изучаемыми лексическими единицами и метод ассоциаций. Традиционный метод карточек, когда на одной стороне карточки пишется термин на иностранном языке, а на другой – его перевод или определение, усиливается методом ассоциаций, когда на оборотной стороне карточки размещается символическое изображение термина. Метод ассоциаций представляет собой технику запоминания слов, основанную на создании связей между новой лексикой и уже известными образами. Визуальные образы помогают активизировать память и значительно улучшить усвоение информации, поскольку ассоциации позволяют активировать память и восприятие.

Применение цифровых приложений и программ, автоматизирующих процесс создания и использования карточек, таких как Anki или Quizlet помогают структурировать необходимые данные и освежать их в памяти небольшими порциями в удобное время. Приложение Quizlet предлагает различные режимы обучения, включая игры и тесты, что делает процесс более интерактивным. Преимущество приложения Anki заключается в создании карточек с примерами и изображениями с использованием метода интервального повторения, учитывающего особенности работы человеческого мозга и позволяющего добиться эффективного запоминания новых слов. Карточки могут создавать как преподаватели для аудиторной работы или проверки освоенности лексики, так и обучающиеся для удобства запоминания терминов. Пользователи могут создавать собственные наборы карточек или применять готовые наборы из архива учебных материалов.

На следующем этапе освоения профессиональной лексики целесообразно применять метод контекстуального обучения, позволяющий представить лексику в реальных ситуациях посредством профессиональных текстов, статей, видео и аудиозаписей, чтобы студенты могли не только узнать изучаемые лексические единицы, но и понять их практическое применение. Кроме того, этот метод способствует формированию устойчивых ассоциаций между новой лексикой и конкретными ситуациями, что облегчает её запоминание и использование в речи.

Платформа Breaking News предоставляет пользователям доступ к актуальным новостям и событиям в текстовом и аудио режиме, что позволяет изучать профессиональную лексику, связанную с текущими событиями и трендами в индустрии, повышая мотивацию усвоения терминов.

Платформа Twee генерирует разнообразные и креативные задания и предлагает контент, адаптированный к уровню знаний пользователя, что позволяет эффективно осваивать специализированную лексику в зависимости от индивидуальных потребностей. Более того, преподаватель может комбинировать аудио- и видеоматериалы с заданиями для более глубокого запоминания и понимания профессиональной лексики [9]. Такой мультимодальный подход способствует активизации усвоения материала [4].

На финальном этапе освоения профессиональных лексических единиц – этапе активации – задания направлены на то, чтобы обучающиеся использовали термины

творчески в форме ролевых игр, дебатов, обсуждения проблем, представления докладов и презентаций. Платформы Wordwall, Breaking News и Twee предоставляют возможность преломления лексического материала в формате флэш-карт, викторин, вопросов для дискуссий, что делает процесс обучения более увлекательным и разнообразным. Флэш-карты являются эффективным цифровым инструментом, обеспечивающим направленность дискуссий и спонтанность высказываний в парной и групповой работе. Возможность общения с другими пользователями помогает закрепить новые слова и выражения в контексте максимально приближенном к процессу коммуникации в реальной жизни.

Различные механизмы и методы запоминания лексики английского языка для специальных целей (ESP) эффективно применяются на интерактивных платформах. Эти методы используют технологии и совместное обучение для улучшения усвоения лексики студентами. Все эти компоненты повышают способность к запоминанию, воспроизведению и творческому применению новых терминов и понятий. Симбиоз традиционных методов и современных приложений повышают мотивацию к изучению профессиональной лексики и развивают когнитивные способности обучающихся за счет информативности, визуализации и системности материала, игровых компонентов, вовлеченности высокого уровня психологического комфорта студентов.

Список использованных источников

1. Волегова, Е. А. К вопросу об английском языке для профессиональных целей в неязыковом вузе / Е. А. Волегова // Полиязычная образовательная среда: модели и технологии : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 25 января 2018 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – С. 14–22.
2. Кислицына, Н. Н. «Асимметрия компетенций» при изучении иностранного языка для специальных целей / Н. Н. Кислицына, Д. М. Храбскова, Е. А. Новикова // Современные тенденции формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых факультетов (естественнонаучные специальности). – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Антиква», 2017. – С. 11–34.
3. Кислицына, Н. Н. Методическое пособие по организации изучения дисциплины «Иностранный язык» на неязыковых факультетах КФУ / Н. Н. Кислицына, М. В. Черезова, В. Ю. Ильина. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Антиква», 2020. – 54 с.
4. Кислицына, Н. Н. Мультимодальный анализ дискурса в англоязычных блогах психологической тематики / Н. Н. Кислицына, О. Г. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 64–76.
5. Кислицына, Н. Н. Современные тенденции формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых факультетов (естественнонаучные специальности) / Н. Н. Кислицына, Д. М. Храбскова, Е. А. Новикова [и др.]. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Антиква», 2017. – 276 с.
6. Лядская, Д. В. Усвоение лексики в цифровой среде: как сделать процесс более эффективным? / Д. В. Лядская // Русский язык за рубежом. – 2022. – № 5 (294). – С. 26–34.
7. Майоршина, С. В. Проблемы и перспективы преподавания ESP в вузе (на примере географического факультета МПГУ) / С. В. Майоршина // Наука и школа, Общероссийский научно-педагогический журнал. – Москва : МПГУ, 2017. – № 3. – С. 140–147.

8. Хомутова, Т. Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект / Т. Н. Хомутова. – URL: <http://psibook.com/linguistics/yazyk-dlya-spetsialnyh-tseley-lsp-lingvisticheskiy-aspekt.html> (дата обращения: 13.03.2025).
9. Шестакова, Е. С. Применение цифровых технологий при изучении профессиональной лексики студентами неязыковых специальностей (на примере сервисов Wordwall, Breaking News English, Twee) / Е. С. Шестакова, М. В. Черезова, А. С. Гусева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – Симферополь, 2024. – Т. 10 (76). – № 4. – С. 120–131.
10. Шестакова, Е. С. Принцип минимизации языка в обучении иностранному языку для специальных целей в неязыковом вузе / Е. С. Шестакова, М. В. Черезова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2020. – № 1. – С. 212–224.
11. Bensafa, A. Functions of ESP: Criteria to Understand What Really makes it an Approach Not a Product Research Reviews / A. Bensafa // Journal of Social Sciences JSS. – 2017. – Vol. 3 (2). – P. 175–179.
12. Dudley-Evans, T. Developments in English for Specific Purposes (A multi-disciplinary approach) / Tony Dudley-Evans, Maggie Jo St. John // Cambridge : Cambridge University Press. – 2011. – 301 p.
13. Hutchinson, T. English for specific purposes: A learning centered approach / T. Hutchinson, A. Waters. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 183 p.
14. Most spoken languages in the world [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.icls.edu/blog/most-spoken-languages-in-the-world>. (Access date: 13.03.2025).
15. Robinson, P. An overview of English for specific purposes / P. Robinson. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1989. – P. 395–428.
16. Swales, J. Language for Specific Purposes / J. Swales // International encyclopedia of linguistics. – New York ; Oxford : Oxford University Press, 1992. – Vol. 2. – P. 300–302.
17. The Encyclopedia of Language and Linguistics / Editor-in-Chief R. E. Asher. – Pergamon Press, 1994. – 2011 p.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

УДК 821.11

ХРОНОТОП ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ-РОМАНТИКОВ

Н. В. Доминенко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Цель данного исследования – рассмотреть особенности личностного хронотопа в переписке английских поэтов-романтиков. Объектом исследования выступили 50 писем Вордсворта, 64 письма Кольриджа, 200 писем Саути, 307 писем Байрона, 258 писем Шелли, 119 писем Китса. В ходе исследования был использован комплекс общенаучных и специальных литературоведческих методов, среди которых: описательный, биографический, историко-генетический, историко-функциональный, структурно-семантический, сравнительно-типологический. Автором статьи было установлено, что хронотоп человеческой души способствует более глубокому постижению внутреннего мира создателя письма. Являясь одним из ключевых слагаемых структуры и содержания текста, личностный хронотоп становится важной характеристикой образа автора в письме и свидетельствует, что в переписке отражается развитие не только литературного авторского образа, но и эмпирической личности самого адресанта.

Ключевые слова: хронотоп, личностный хронотоп, эпистолярный дискурс, авторское литературное письмо, структура и содержание, текст.

Summary. The purpose of this study is to consider the features of personal chronotope in the correspondence of English romantic poets (on the example of letters written by S. T. Coleridge, W. Wordsworth, R. Southey, P. B. Shelley, G. G. Byron, J. Keats). The object of the study – 50 letters of Wordsworth, 64 letters of Coleridge, 200 letters of Southey, 307 letters of Byron, 258 letters of Shelley, 119 letters of Keats. In the course of the research, a set of general scientific and special literary methods was used, including: descriptive, biographical, historical-genetic, historical-functional, structural-semantic, comparative-typological ones. The author of the article found that the chronotope of the human soul contributes to a deeper understanding of the inner world of the creator of the letter. Being one of the key components of the structure and content of the text, the personal chronotope becomes an important characteristic of the author's image in the text.

Key words: chronotope, personal chronotope, epistolary discourse, author's literary writing, structure and content, text.

В эпистолярном творчестве английских поэтов-романтиков формируется особенный тип хронотопа, хронотоп человеческой души, раскрывающий потаенные глубины личности автора-романтика, в которые он решается впустить читателя-адресата.

В настоящий момент значительное место в работах современных ученых отводится психологии творчества писателя. Хронотоп человеческой души, или личностный хронотоп, является связующим все остальные виды пространственно-временных характеристик в тексте авторского литературного письма. Он представляет собой как временное, так и пространственное воплощение автора письма, сознание которого, с его живой памятью и творческим потенциалом, является главным условием

сохранения связи эпох и единства личности человека. Категория времени-пространства человеческой души выполняет синтезирующую функцию, отражая в переписке разнородные идеалы определенного исторического периода, а также духовное развитие авторов писем. Подтвердим сказанное примерами из переписки английских романтиков. Так, Саути в войне против Англии и Голландии, начавшейся через одиннадцать дней после гибели Людовика XVI, выступал на стороне Франции. Однако казнь (31.10.1793 г.) жирондистов способствовала изменению его взглядов, о чем поэт и написал в одном из своих писем: «...я узнал больше, надежду, я думаю, потерял...» [10, р. 189, 191]. Со временем к Саути приходит понимание того, что подавление свободы происходит всегда и везде. В результате революции, идеи которой в глазах поэта были прекрасны и многообещающи, осуществилась лишь перестановка сил на политической арене страны, что оказало непосредственное влияние на систему взглядов, сформировавшихся в его сознании. В отчаянии Саути записал, что «только во мраке можно довольствоваться добродетелью, потому что о счастье здесь даже помышлений быть не может» [10, р. 189].

К началу 1800 г. начинает меняться и отношение Саути к Наполеону, которого он совсем недавно считал великим человеком [10, р. 26]. В результате установления консульства во Франции 9.11.1799 г., что, по мнению Саути, явилось концом истинного республиканства, поэт удостоверился, что «в основе всего <...> лежала борьба за власть...» [9, р. 211]. В своем послании Дж. Рикману от 9.01.1800 г. поэт высказывался о Наполеоне следующим образом: «Корсиканец оскорбил меня, и даже совершенное им изгнание мамелюков не может исправить его надувательскую конституцию» [10, р. 46]. Данные примеры свидетельствуют о трансформации убеждений Саути, их переосмыслении под влиянием определенных событий.

Для раннего Саути был характерен максимализм суждений, нередко приводивший к их узости. В одном из своих писем он заметил, что «самая крепкая дружба связывает людей без выдающихся умственных способностей, так как у них нет поводов для ссор, и они больше подходят друг другу» [10, р. 198–199]. Однако позднее Саути сумел избавиться от однозначности собственных оценок, научился, «не испытывая презрения к тому, чье мнение отличается от его собственного» [10, р. 284], уважать других. С годами Саути становится более толерантным по отношению к самым разным людям. Как видно из приведенного примера, личностный хронотоп помогает найти ключ к пониманию мироощущения автора, его эстетических и нравственных принципов, изменению натуры.

Для ранних романтиков было характерно увлечение идеями Французской революции, выдвинувшей лозунги свободы и нравственного обновления общества. Так, в душе Вордсворта, радикально настроенного в молодые годы, в результате якобинского произвола во Франции наступает перелом, кризис, вследствие которого он удаляется в Озерный край и большую часть жизни проводит в кругу семьи, о чем часто пишет в письмах лорду Лонсдейлу (см. письмо от 27.12.1821 г.) [7, р. 527], другу Б. Монтагю (см. письмо от 1.12.1812 г.) [7, р. 524] и др. В результате пережитой душевной драмы, из радикально настроенного в молодые годы поэта, Вордсворт постепенно превращается в сторонника существующего режима, британской конституции, недруга оппозиции, о чем, например, сообщает в письме Ф. Рэнгхэму: «...я не могу действовать сообща с теми, кто не видит никакой угрозы конституции в том случае, если паписты пройдут в парламент» [7, р. 524]. Взгляды же «своевольных французских якобинцев» он в одном из своих февральских писем 1816 г., прямо назовет «дикими» [7, р. 710].

С точки зрения метаморфоз, которые происходят в душе автора-романтика, запечатлевшего их в своей переписке, показательны эпистолярные высказывания Кольриджа. В одном из своих ранних декабрьских писем 1797 г. к преподобному

Дж. Эслину поэт сообщит о своем решении стать «священником-диссентером» [4, р. 48], а позднее откажется от подобного выбора, равно как и от политического радикализма [4, р. 48]. Здесь следует сказать, что серьезные перемены затронули не только убеждения, но и творчество Кольриджа. В результате употребления им опиума для лечения некоторых недугов, что в то время было широко распространено, поэт постепенно деградирует как физически, так и духовно. В одном из посланий к Дж. Эслину он признается: «В течение многих лет я, испытывая ужасные боли, втайне боролся с пагубной привычкой употреблять наркотики. Моя совесть подсказывала мне, что я потакаю своим прихотям только для того, чтобы испытать удовольствие или повысить настроение» [4, р. 102]. Вследствие этой наркотической зависимости, Кольридж забыл о своих близких, испортил отношения с друзьями. О ссорах, которые позднее будут происходить у Кольриджа с Саути и Вордсвортом, последний неоднократно будет писать в письмах к К. Кларксон [7, р. 498, 496]. Как видим, интересно мыслящий, талантливо пишущий Кольридж со временем становится человеком с парализованной волей, утратившим ясность мироощущения, все более впадающим в мистицизм. Именно хронотоп человеческой души является способом раскрытия духовных изменений, позволяет отследить эволюцию (а в данном случае и деградацию) внутреннего мира человека, начиная от начала переписки до ее завершения.

Китс в письме Дж. Гамильтону Рейнольдсу от 21.09.1817 г. писал о своем друге и наставнике Ли Ханте следующее: «Человек он приятный, что бывает редко и был бы еще лучше, если б про него перестал сам себя нахваливать» [5]. А в одном из январских писем 1819 г. брату и невестке признался: «... если бы это было в моих силах, я бы ни разу больше не виделся ни с кем из этой компании, даже с Хантом, который, безусловно, человек неплохой, особенно в личном разговоре, однако, на самом деле, тщеславен, самолюбив и безобразно себя ведет, если дело касается вопросов вкуса и морали. <...> Хант причиняет огромный вред: все глубокое становится мелким под его пером, все прекрасное – уродливым» [5]. Данный отрывок из письма Китса знаменует не просто переосмысление его отношения к дорогому человеку, но двойственность «расколотость» самой души пишущего.

Увлечение творчеством В. Вордсворта, характерное для раннего Китса, в чем он неоднократно признавался своим корреспондентам (см. письмо Дж. Г. Рейнольдсу от 3.02.1818 г.), не помешало ему, тем не менее, со временем обнаружить в стихах коллеги и предшественника серьезные недостатки. Так, Китс сообщал в письме Б. Р. Хейдону от 8.03.1818 г. следующее: «Вордсворт, кажется, уехал из города разобиженный – жаль. Напрасно он думает, будто его стихи у домашнего очага непогрешимы и только он один горд и самолюбив» [2, с. 147].

Для анализа личностного хронотопа с его пространством души, сознания, памяти, воображения, представляет интерес и корреспонденция Байрона. Например, в письме к Дж. Хэнсону от 18.11.1808 г. Байрон предстает перед нами как человек, желающий увидеть окружающий мир, открыть для себя новые горизонты: «Весной, как я уже сообщил Вам, я отправлюсь за границу. <...> Во-первых, хочу изучить Индию и азиатскую политику и нравы. Я молод, вполне здоров и умерен в житейских привычках. Модные ныне развлечения не влекут меня. Я твердо намерен охватить более широкое поле жизни, чем это обычно принято у путешественников» [1, с. 87]. В послании поэта Р. Ч. Далласу от 7.09.1811 г. опять возникает образ человека, желающего почерпнуть в путешествии на Восток силы и энергию для творчества: «...мне нужно нежное солнце и голубое небо, я не могу описывать сцены, столь дорогие для меня, сидя у потухающего камина. Когда я был в Троаде и Константинополе, я подумывал еще об одной песни, и если бы я снова увидел те места, то написал бы эту песнь, но при теперешних моих обстоятельствах и, главное,

ощущеньях моя лира, голос и душа молчат» [1, с. 96]. А письмо поэта от 10.02.1823 г., адресованное Д. Киннardu, уже свидетельствует о жизненном переломе, в результате которого у Байрона обозначились иные взгляды и намерения: «Я трачу средства на свободу Греции. <...> Помощь, даже такого частного лица, как я, имеет временное и небольшое воздействие, но, тем не менее, может оказаться полезной» [8]. Созвучно данному письму и послание графине Терезе Гвичиоли от 7.10.1823 г.: «Отправился я сюда по глупости, но коль скоро уж я здесь, должен разобраться, как помочь» [1, с. 210]. На примере писем Байрона становится возможным проследить его духовное развитие: от гордого, надменного представителя правящего класса до гражданина с четко обозначенной социальной позицией.

Переписка Шелли также свидетельствует об изменении отношения автора к людям и событиям. Так, в письме Э. Хитченер от 14.11.1811 г. поэт писал о своем желании увидеться с Р. Саути, творчество которого он высоко ценил: «Но всего интереснее для меня жилище Саути. Сейчас он в отъезде; когда вернется, я его навещу» [3, с. 41]. О своем намерении встретиться с Саути, а также Кольриджем и Вордсвортом Шелли сообщает и в своем послании от 10.12.1811 г. тому же адресату [3, с. 48], а в письме ей же от 7.01.1812 г. признается: «Я уже не столь высокого мнения о Саути, как прежде <...> А когда-то он был таким – воплощением деятельного добра. – Сейчас он развращен светом, подчинился обычаю; мое сердце разрывается, когда подумаю, кем он мог бы быть» [3, с. 57]. Переход Саути на более консервативные позиции заставляет Шелли пересмотреть свое отношение к нему, о чем, правда, повествуется с горечью.

Личностный хронотоп Шелли в переписке позволяет увидеть и его переоценку Вордсворта. Так, в письме Э. Хитченер от 15.12.1811 г. Шелли пишет, что Вордсворт, в отличие от Саути, «еще сохраняет независимость» [3, с. 51]. Однако когда Вордсворт в опубликованном «Обращении к вестморлендским землевладельцам» (1818), агитируя против Г. Брума, заявил, что не стоит выбирать в парламент малообеспеченного человека, так как именно материальное благополучие является гарантией политической добросовестности и честности, в письме Т. Л. Пикоку от 25.07.1818 г. Шелли гневно воскликнет: «Как же отвратителен и жалок этот мерзавец Вордсворт!» [6].

Итак, как видим, хронотоп человеческой души способствует более глубокому постижению внутреннего мира создателя письма. Выступая в качестве ключевого элемента структуры и содержания текста, личностный хронотоп становится важной характеристикой образа автора в письме и свидетельствует, что в переписке отражается развитие не только литературного авторского образа, но и эмпирической личности самого адресанта. Следовательно, письма романтиков являются и фактом автобиографической прозы, и явлением прозы психологической, построенной не только на анализе других людей и их позиций, но и на самоанализе, углубленной рефлексии.

Список использованных источников

1. Байрон, Дж. Г. На перепутьях бытия... : художественная публицистика : [письма, воспоминания, отклики] ; пер с англ. / Дж. Г. Байрон ; [сост., авт. предисл. и коммент. А. М. Зверев]. – Москва : Прогресс, 1989. – 432 с.
2. Ливергант, А. Живейшее принятие впечатлений : письма Дж. Китса / А. Ливергант // Вопросы литературы. – 2002. – № 5. – С. 103–166.
3. Шелли, П. Б. Письма ; Статьи ; Фрагменты / П. Б. Шелли ; пер. с англ. З. Е. Александровой. – Москва : Наука, 1972. – 534 с.
4. Coleridge, S. T. Unpublished letters from Samuel Taylor Coleridge to the Rev ; John Prior Estlin / S. T. Coleridge ; communicated by H. A. Bright ; digitized for Microsoft Corporation by the Internet Archive. – University of California Libraries, 2007. – 117 p.

5. Keats, J. [Electronic Resource]. – Access mode: [http:// englishhistory.net/keats/letters.htm/](http://englishhistory.net/keats/letters.htm/). (Access date: 12.08.2012).
6. Shelley, P. B. Letters from Italy. Volume II of the 1840 edition of Essays, letters from abroad, translations and fragments [Electronic Resource] / P. B. Shelley ; ed. by Mary Shelley. – Access mode: <http://terpconnect.umd.edu/~djb/shelley/lettersfromitaly.htm/>. (Access date: 12.08.2012).
7. Letters of William and Dorothy Wordsworth, 1821–1830 : in 3 vols / ed. by E. de Selincourt. – Oxford, 1939. – V. II. – 343 p.
8. Lord Byron's letters and journals / scanned, selected and ed. by J. D. Hoepper [Electronic Resource]. – Access mode: <http://jhoepper@toltec.astate.edu/>. (Access date: 15.02.1999).
9. New Letters of Robert Southey: In 2 vols / ed. by K. Curry. – New York : Columbia University Press, 1965. – 586 p.
10. The Life and Correspondence of the late Robert Southey: In 6 vols / ed. by C. C. Southey. – London : Longman, 1849–1850. – 423 p.

УДК 811.12

ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ ДОМИНАНТ НА СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАДИСКУРСА

Д. С. Костинская,

*преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассматриваются когнитивные доминанты как ключевые элементы, определяющие стилистические особенности медиадискурса. Проводится анализ особенностей влияния социальных, культурных и индивидуальных когнитивных установок на формирование языка и стиля медиатекстов. Цель исследования – изучить способы влияния когнитивных доминант на стилистические особенности медиадискурса. Методы, используемые в работе: описательный метод, а также методы стилистического и концептуального анализа, когнитивный подход. Основная научная новизна исследования заключается в том, что оно направлено на изучение понятия когнитивных доминант и их влияния на особенности стиля и языка медиадискурса. В результате проведенного исследования дана характеристика медиадискурса, рассмотрено понятие «когнитивная доминанта», описаны пути влияния когнитивных доминант на стиль медиадискурса.

Ключевые слова: когнитивная доминанта, медиадискурс, стиль, лексика, масс-медиа.

Summary. The article examines cognitive dominants as a key elements that determine the stylistic features of media discourse. It analyzes how social, cultural and individual cognitive attitudes shape the language and style of media texts. The purpose of the research is to study the ways in which cognitive dominants influence the stylistic features of media discourse. The main methods used in the article are the descriptive method, as well as methods of stylistic and conceptual analysis, cognitive approach. The main scientific novelty of the study is that it is aimed at studying the concept of cognitive dominants and their influence on the features of style and language of media discourse. As a result of the study, the characteristics of media discourse are given, the concept of «cognitive dominant» is considered, and the ways in which cognitive dominants influence the style of media discourse are described.

Key words: cognitive dominant, media discourse, style, vocabulary, mass media.

В современных реалиях средства массовой информации являются одним из главных информационных пространств. СМИ выполняют роль коммуникативной среды, в которой происходит распространение информации и формирование общественного мнения. Стремительное развитие СМИ не может не вызвать интерес лингвистов к масс-медиа как к дискурсивному полю, в котором языковые процессы отражают современную картину мира.

«Реализуемый различными видами СМИ, медиадискурс представляет собой тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве» [4, с. 16]. Медиадискурс имеет такие характерные особенности, как публичность, массовость, оперативность, доступность. Эти качества влияют на продукт речевой деятельности, который является результатом всевозможных процессов в сфере массовой коммуникации. Данные процессы происходят между отправителем текста (журналист, публичная личность) и получателем текста (массовая аудитория, различные группы людей).

Тексты СМИ не только пишутся в разных функциональных стилях, но и зачастую объединяют в себе черты стиля сообщения и стиля воздействия. Это зависит от того, какую цель преследует автор в своих статьях, распространяя информацию среди массовой аудитории. На стиль также могут влиять когнитивные доминанты текста.

«Когнитивная доминанта представляет собой концептуальную модель (ментальную установку), состоящую из набора ключевых концептов. Эти смыслы (концепты-доминанты) формируют концептуальные модели, которые отражают мировоззрение автора и влияют на композицию, стилевые особенности и прагматическую структуру художественного текста» [5, с. 27].

В роли когнитивных доминант могут выступать концепты, стереотипы, модели восприятия мира, системы оценок и ценностей, личный и культурный опыт, социальное окружение, эмоциональное состояние. Когнитивные доминанты могут быть как индивидуальными, так и коллективными (общечеловеческими, национальными, территориальными, культурными, социальными) [1].

Влияние когнитивных доминант на стилистические особенности медиадискурса прослеживается в нескольких ключевых аспектах.

Во-первых, когнитивные доминанты определяют выбор лексики, используемой в медиапродуктах, а также формируют стиль взаимодействия с аудиторией. В зависимости от целей, которые хочет достичь автор (например, донести информацию или сформировать общественное мнение), в текстах используются определенные термины, понятные целевой аудитории, жаргонизмы, стилистические приемы, литературные слова или лексически нейтральная лексика. В данном примере можно наблюдать использование метафоры: «Under proportional voting systems, countries often get “pizza parliaments”, so called because a seating map of the legislature resembles a pizza cut into many pieces» [8]. Использование автором словосочетания «pizza parliaments» обусловлено вызовом у читателей определенных ассоциаций, которые помогают лучше усвоить информацию.

В рекламных текстах можно наблюдать эмоционально окрашенные слова. Они помогают привлечь внимание читателей, активизировать ассоциативное и образное мышление. В качестве примера рассмотрим заголовок из английской газеты «Daily Mail»: «Can't See the Point of New Buildings? You're Bananas» [7]. Автор использует игру слов. Фраза «You're Bananas» – коллоквиализм, который синонимичен выражению «you're crazy». При этом слово «banana» является акронимом от фразы «build absolutely nothing anywhere near anyone».

Во-вторых, когнитивные доминанты оказывают влияние на интерпретацию информации и построение смыслов в медиадискурсе. Смыслы формируются не только

на основе языковых форм, но и в контексте предшествующего опыта и знаний индивидов. Это может приводить к возникновению диссонанса между авторским замыслом и восприятием аудитории, что, в свою очередь, влияет на стилистические решения, направленные на управление ожиданиями и эмоциями читателей.

«Like the risk models that failed then, the standard deviation in a Sharpe ratio would use historic data on volatility and assume a normal distribution for market moves. So-called black swan events (rare and unexpected), like America's first ever steep decline in house prices, can and will occur» [8].

Словосочетание «black swan» обозначает явление как очень редко встречающееся и неожиданное, располагающее значительными последствиями.

В-третьих, когнитивные доминанты могут влиять на структуру и организацию дискурса. Виды информации, которые соответствуют доминирующим когнитивным схемам, воспринимаются лучше. Это может проявляться в применении автором определенных форматов визуальной составляющей медиатекстов. Например, могут использоваться списки, иерархическая структура, визуальные элементы привлечения внимания. В конечном итоге, это может привести к формированию стилевых норм, которые способствуют более эффективному коммуникационному процессу.

В статье под названием «If you have a certain blood type, you're MORE likely to develop cancer, research suggests» автор структурирует данные, выделяя необходимую информацию для читателей:

«There are eight main blood types and O+ and A+ are the most common, accounting for around 65 per cent of all people in the UK, according to the NHS. This is how common each type is among people who donate blood in the UK:

- O positive: 35%
- O negative: 13%
- A positive: 30%
- A negative: 8%
- B positive: 8%
- B negative: 2%
- AB positive: 2%
- AB negative: 1%» [7].

В результате изучения влияния когнитивных доминант на стилистические особенности медиадискурса можно сделать следующие выводы. Когнитивные доминанты представляют собой устойчивые концептуальные структуры и ментальные модели. Они играют ключевую роль в формировании стилистических особенностей медиадискурса. Это многоплановый процесс, где когнитивные структуры способствуют выбору языковых средств, структуры и организации текста, способов интерпретации, создавая тем самым уникальные стилистические характеристики, которые могут варьироваться в зависимости от контекста и целевой аудитории.

Список использованных источников

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия / Н. Н. Болдырев, В. С. Григорьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 15–24.
2. Васильева, Л. В. Роль и функции СМИ в современном обществе / Л. В. Васильева // Вестник Амурского Государственного Университета. Серия: гуманитарные науки. – 2010. – № 5. – С. 109–112.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 476 с.
4. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки».

– 2010. – № 12 (83). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-kommunikatsiya-i-mediadiskurs-k-metodologii-issledovaniya> (дата обращения: 09.03.2025).

5. Орлова, В. И. Полиmodalность как когнитивная доминанта в автобиографическом тексте (на материале произведений У. С. Моэма, Э. М. Хемингуэя и В. П. Катаева) : специальность 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» : дис. ... канд. филол. наук / Валерия Игоревна Орлова ; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2024. – 184 с.

6. Хвесько, Т. В. Текст как формат когнитивного сознания социального происхождения / Т. В. Хвесько, В. И. Орлова // Лингвистические горизонты : Международный сборник научных трудов ; отв. ред. Е. А. Огнева, Л. Н. Мирошниченко, Д. Е. Смирнова. – Вып. VII. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2022. – С. 146–151.

7. Daily Mail [Electronic Resource]. – Access mode: <http://www.dailymail.co.uk/home/index.html>. (Access date: 15.03.2025).

8. Esquire [Electronic Resource]. – 2018. – № 24. – Access mode: <https://esquire.com/>. (Access date: 15.03.2025).

УДК 821.111

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В НЕОВИКТОРИАНСКОМ РОМАНЕ САРЫ УОТЕРС «TIPPING THE VELVET»

О. Н. Кохан,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Данная статья посвящена когнитивному анализу художественного пространства мюзик-холла – основному пространственному локусу, представленному в неовикторианский романе Сары Уотерс «Tipping the Velvet». В основе методологии исследования лежат когнитивный метод, культурно-исторический и спациологический подходы. В когнитивной парадигме художественное пространство осмысливается как культурный концепт, воплощенный в произведении в виде авторской картины мира определенной исторической эпохи.

Ключевые слова: Сара Уотерс, неовикторианский роман, викторианский мюзик-холл, художественное пространство.

Summary. The article is devoted to the cognitive analysis of the literary space of the music hall – the main spatial locus presented in Sarah Waters's neo Victorian novel *Tipping the Velvet*. The methods of the study include the cognitive method and the cultural-historical and spatial approaches. In the cognitive paradigm, a literary space is understood as a cultural concept impersonated in the novel in the form of the author's picture of the world of a certain historical era.

Key words: Sarah Waters, neo-Victorian novel, Victorian music hall, literary space.

Мюзик-холл является неотъемлемой частью культурной жизни Викторианской Англии. Само понятие «мюзик-холл» («варьете») означает развлекательный жанр, разновидность театральных постановок, популярных в 1850–1960 годах. Мюзик-холл пользовался невероятным успехом у публики различных сословий. Такая популярность объяснялась, прежде всего, его социальной доступностью – изначально он был ориентирован на представителей рабочего класса и низших слоев викторианского общества. Позднее ряды любителей мюзик-холла пополнились более знатной публикой, включая представителей королевской семьи.

Викторианский мюзик-холл – художественное пространство, которое славилось не только своими танцевальными и вокальными выступлениями, но также являлось

пространством свободы от социальных условностей, недоступных для викторианцев в условиях повседневной жизни. Как отмечает литературовед Н. С. Поваляева, скованные массой стереотипов и правил поведения, викторианцы в театре видели способ выйти за рамки собственного «я» и побыть кем-то еще или хотя бы посмотреть, как это делают другие. Побывав в мюзик-холле, они могли видеть, что другая жизненная стратегия возможна, и то, что было табуировано в повседневной жизни, получало доступ на сцене и вызывало восторженные овации публики [2, с. 5].

Роман «*Tipping the Velvet*» («Бархатные коготки», 1998) – неовикторианский роман известной британской писательницы Сары Уотерс, повествующий о жизни юной провинциальной девушки из Уитстейбла Нэнси Астли, страстно увлеченной посещением местного мюзик-холла. Проживая в маленьком городе и работая в семейном устричном кафе, Нэнси могла только мечтать о театральной карьере и переезде в Лондон. Пространство викторианского мюзик-холла является одним из центральных локусов в романе, а также наполняет художественный текст произведения культурными компонентами и особенностями театральной практики.

По мнению исследователей, когнитивный анализ художественного текста связан с нахождением в нем ключевых концептов. Ключевой концепт представляет собой основу индивидуально-авторской художественной картины мира, воплощенной в отдельном тексте. Следовательно, направленный на выявление концептуальной информации специализированный анализ может быть ограничен частной задачей – обнаружением и интерпретацией базовых концептов литературного произведения, которые в совокупности образуют художественную концептосферу [3, с. 210].

Пространство викторианского мюзик-холла является основным культурным концептом романа «*Tipping the Velvet*». В начале произведения, описывая провинциальный мюзик-холл, автор обращается к сенсорным ощущениям читателя, описывая все его детали, краски и запахи: «оно имело особый запах, теперь мне известно, что все мюзик-холлы пахнут одинаково: запах дерева, грима, пива, газа, табака, масла для волос – всего вместе. Девушкой я любила этот запах безотчетно; позднее я узнала, как этот запах, как описывают менеджеры и артисты театра: аромат смеха, благоухание аплодисментов» [4, с. 6].

Эмоциональная доминанта художественного текста играет особую роль в романе, поскольку она изображает внутренний мир главной героини и способствует дальнейшему развитию сюжета: «С неизменным ощущением чуда я входила в свою маленькую алую ложу, окидывала взглядом море лиц, золотую арку над сценой, бархатные драпировки с кистями, пыльные доски сцены, ряд софитов, похожих, я бы сказала, на открытые раковины улиток, и ждала, когда в их свете пройдет небрежной походкой, помахивая шляпой, мисс Батлер» [4, с. 24].

Нэнси становится регулярным посетителем мюзик-холла и для пристального просмотра занимает особое место, театральную ложу, находящуюся вблизи сцены, чтобы уединенно наблюдать за интересующим ее выступлением. Театральная ложа – это особое пространство, которое обеспечивает уединенность и в то же время привлекает к себе внимание артиста. Эмоциональный компонент присутствует при описании особого места в театре и изображает впечатления героини, находящейся в культурном пространстве: «Ложи «Варьете» располагались очень близко к сцене – от певицы меня отделяло меньше двадцати футов. Мне были видны все восхитительные детали ее костюма: часовая цепочка между пуговицами жилета, серебряные запонки на манжетах; со старого места на галерке я не могла их разглядеть» [4, с. 19].

Исследуя когнитивные аспекты художественного пространства, следует отметить, что пространство, наряду со временем, является не только одним из фундаментальных свойств бытия, но и «общим интерпретирующим концептом», одной из «форм языкового сознания, которыми оперирует человек в познавательных и

языковых процессах, передавая коллективно-индивидуальное видение мира, а также собственную его интерпретацию» [1, с. 16]. Пространство мюзик-холла в романе является интерпретацией главных культурных практик викторианской эпохи, а конкретные названия и детали делают художественный текст произведения своего рода исследованием на материале культуры мюзик-холла: «Театр ее величества». – Мистер Блисс кивнул влево, где показалось красивое здание... – «Критерион», или «Кри», – чудо-театр, построен целиком под землей. – Театр следовал за театром, концертный зал за концертным залом, и мистер Блисс знал историю каждого. – Перед нами «Лондон Павильон». А вот там, – он скосил глаза на Грейт-Уиндмилл-стрит, – «Варьете Трокадеро». Справа – «Театр принца». – Мы добрались до Лестер-сквер, и мистер Блисс перевел дыхание. – И наконец, – сказал он, снимая шляпу и кладя ее на колени, – наконец, «Эмпайр» и «Альгамбра» – лучшие мюзик-холлы в Англии, где выступают сплошь звезды» [4, с. 72].

Важнейшее место в концептосфере внутреннего мира человека занимают концепты чувственной сферы, которые определенным образом реализуются в художественном тексте [3, с. 210]. Яркое, эмоциональное описание викторианских мюзик-холлов наполняют текст произведения культурными компонентами: «Он постучал в потолок экипажа, и кучер остановился на углу садика в середине площади. Открыв дверцу, мистер Блисс отвел нас в самый его центр. Здесь, встав спиной к Уильяму Шекспиру на мраморном пьедестале, мы трое устремили взгляд на роскошные фасады «Эмпайра» и «Альгамбры»; первый – с колоннами, яркими светильниками, цветными стеклами, за которыми мерцал электрический свет, второй – с куполом, минаретами и фонтаном» [4, с. 72–73].

Выводы. Когнитивный анализ художественного пространства в романе Сары Уотерс «Tipping the Velvet» позволил выявить и охарактеризовать главный культурный концепт произведения – викторианский мюзик-холл. Эмоциональные доминанты, присутствующие в художественном тексте, показывают влияние пространства мюзик-холла на внутренний мир главной героини, а также раскрывают авторскую художественную концептосферу романа.

Список использованных источников

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10–20.
2. Поваляева, Н. С. Образ мюзик-холла в неовикторианском романе / Н. С. Поваляева. – Минск : Издательство «Четыре четверти», 2015. – 100 с.
3. Хисамова, Г. Г. О когнитивном анализе художественного текста / Г. Г. Хисамова, С. В. Овчинникова // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 1. – С. 210–212.
4. Waters, S. Tipping the Velvet / S. Waters. – London : Virago, 1998. – 472 p.

УДК 821.111

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ МАОРИ В АСПЕКТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР КАК ТЕМАТИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ

Ю. Ю. Кравинская,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу становления литературной традиции маори в постколониальном пространстве Новой Зеландии. Определена

ключевая роль диалога культур как для развития художественного дискурса, так и для творческих исканий авторов-маори периода «Маорийский ренессанс» (1970–2000). На основе анализа присутствия диалога культур как тематической доминанты в произведениях ряда авторов представлен дальнейший вектор исследований.

Ключевые слова: постколониальный художественный дискурс, маори, гибридность, диалог культур, фольклор.

Summary. The article is devoted to the analysis of Maori belles-lettres tradition development in the postcolonial space of New Zealand. The key role of culture dialogue is determined for fiction discourse and poetic search of Maori authors of the “Maori Renaissance” period as well. On the basis of the analysis of Culture dialogue presence as a theme dominant in the works of chosen authors the following research vector was presented.

Key words: postcolonial fiction discourse, Maori, hybridity, culture dialogue, folklore.

Процесс колонизации и заселения Новой Зеландии выходцами из метрополии Британской империи породил поликультурное пространство. Возникший диалог культур обусловил развитие литературного процесса, в особенности в 20-м веке, когда коренное население островов, маори, заняли более активную позицию в постколониальном художественном дискурсе. Изучение художественного нарратива, основанного на гибридности идентичности маори, обуславливает актуальность рассмотрения литературной традиции маори для понимания значимости диалога культур как тематической доминанты.

Историко-культурный фон колонизации островов, а именно, ущемление прав и последующая ассимиляция коренного населения, вооруженные конфликты с белыми поселенцами повлиял на становление межкультурного диалога и на развитие признаков гибридности, расщепленности идентичности маори. Культурный код колонизаторов оказывается навязанным аборигенному населению. О. В. Николаева, исследователь концептуальной картины мира белого новозеландца, дала характеристику межэтническим противоречиям: «В молодую колонию европейские поселенцы привезли с собой идеи светскости, утилитаризма, технического прогресса, соперничества, автономности, эгоцентризма – все это стоит во главе иерархии ценностных ориентиров картины мира пакеха², что естественным образом в новых условиях порождает острое осознание различий между пакеха и коренным населением маори» [1, с. 338]. Иными словами, маори воспринимались как маргинальный Другой, что ограничивало возможность культурного развития. Это нашло отражение в том, что литературная традиция маори сформировалась как англоязычный литературный текст, который пришел на смену доколониальной устной традиции.

Несмотря на превалирующее доминирование культуры поселенцев, присутствует влияние устного фольклора на литературную традицию. Погребальные, военные и любовные песнопения, молитвы, сказания, формируют мифологическую картину мира, что перерабатывается авторами-маори в технике описания окружающего мира с элементами магического реализма. Наиболее ярким примером является роман В. Т. Ихимаэра «Матриарх» (1986). В отсутствие письменной формы исследователи-антропологи и христианские миссионеры были первыми, кто записал устный фольклор маори, используя латинский алфавит. Диалогическое взаимодействие двух этнических групп послужил платформой для проникновения элементов устного фольклора и в нарратив белого большинства. Такие мифологические герои маори, как Мауи³,

² маор. Pakeha – белый переселенец, чужак

³ маор. Maui – полубог Мауи, создавший Северный остров из пойманной на крючок большой рыбы, а Южный остров – из сломанной в этой рыбалке каноэ

Хинемоа и Тутанекаи⁴ обрели популярность среди белых новозеландцев, и нашли отражение во многих художественных произведениях.

Кроме ритуальных песнопений маори обращались к поэтической форме, которая в сочетании с национальной музыкой раскрывала эстетическое понимание этносом окружающего мира. Выделены такие группы как вайата танги⁵, вайата ароха⁶, вайата вайаапо⁷ [6]. Традиционные формы получили развитие в постколониальный период как, например, песня вайата-а-ринга⁸, которая представляет собой сочетание традиционных движений маори и поэтической формы, переложенной на европейскую мелодику. Данное слияние иллюстрирует диалог культур и гибридность национальной идентичности маори.

Маори накопили в доколониальный период значительный объем пословиц и поговорок. Образность пословиц основана на восприятии предметов и людей, являющихся важными в формировании доколониальной национальной идентичности. Так, центральный образ пословиц вака⁹ – основополагающий для объяснения таких экзистенциальных моментов как продолжение жизни, сохранение рода, совместный труд, победа, поражение, смерть. С помощью образа каноз маори дает оценку окружающему миру, что в нем прочно или ненадежно, полезно или бесполезно [2, с. 534]. Образ каноз переосмыслен писателями-маори в художественной презентации идентификационной связи между поколениями с целью представить героев, обладающих гибридной идентичностью, как наследников доколониальной культуры. Так, в романе К. Хьюм «Люди-кости» (1984) избрание главного героя в хранители каноз рода интерпретируется автором как экзистенциальный поворот к психологическому исцелению и возвращению в семью.

Переход от записей дат рождения и смерти, заметок из жизни племени к художественным текстам происходит в 20-м веке. В англоязычном творчестве маори главенствует форма и жанровые особенности литературного канона колонизаторов как результат углубления диалогических связей. Маорийский язык присутствует в названиях, частично в диалогах, отражая лишь причастность к миру маори с помощью ограниченных лингвистических средств. Среди первых авторов маорийского происхождения значимой фигурой является Жаклин Сесилия Штурм (1926–2009). В 1950-х гг. её произведения издавались в студенческих изданиях университета Виктория, г. Веллингтон, и в журнале «Ревью» (*The Review*). В 1966 г. рассказ Ж. Штурм «Всем святым» (*For All the Saints*) был включен в антологию новозеландских рассказов «Рассказы Новой Зеландии» (*New Zealand Short Stories: Second Series*) под редакцией Дж. К. Стэда [7]. Это первый случай, когда англоязычный автор-маори получил высокую оценку критиков. Писательница не использовала маорийское родовое имя Те Каре Папуни, скрывая тем самым происхождение. Это пример «белой маски» представителя колонизированного этноса – метафора высокого уровня мимикрии, использованная Ф. О. Фаноном в работе «Черная кожа, белые маски» (*Black Skin, White Masks*, 1967) [5].

Поэт маорийского происхождения, Хона Туваре (1922–2008), также как и Ж. С. Штурм, не писал на языке маори. Большое влияние на автора оказали христианские идеи. Творчество У. Шекспира, Ф. Г. Лорки, писателя-марксиста К. Кодуэлла, наравне с работами новозеландских авторов-переселенцев Н. Хиллиарда,

⁴ маор. Hinemoa and Tutaneikai – легенда о любви вождя Хинемоа и простой девушки Тутанекаи

⁵ маор. waiata tangi – поминальные песни

⁶ маор. waiata aroha – любовные песни

⁷ маор. waiata whaiaaipo – хвалебные песни

⁸ маор. waiata-a-ringa – песня-танец

⁹ маор. waka – каноз

Б. Пирсона, Д. К. Бакстера, повлияли на поэтику Х. Туваре. Поэтический сборник «Нет обычного солнца» (*No Ordinary Sun*, 1964) был первой изданной книгой автора-маори. Р. А. К. Мейсон написал в предисловии: «...представитель маорийской расы, определяющий себя как поэт, пишущий на английском и на темы своего поколения, но все еще несущий в себе силу своего народа» (перевод автора – К. Ю.) [8, с. 5]. Отказ от маорийского в пользу английского как языка повествования усиливает процесс творческой мимикрии. Но язык авторов-маори вобрал в себя множество маорийских слов, названий эндемических растений и животных, названий родовых племен и родственных связей.

Следующим этапом формирования литературной традиции маори является период после Второй мировой войны, когда произошла урбанизация маори [3, с. 310]. Внутренняя миграция из сельской глубинки в индустриальные центры вывела маори из изоляции. Но более низкий уровень образования маори стал предпосылкой для формирования прослойки обедневших урбанизированных маори. Коренной этнос в урбанизированной среде столкнулся с такими социальными проблемами как алкоголизм, наркомания, высокий уровень преступности, который «среди молодых маори был в 6 раз выше, чем у англо-новозеландцев» [3, с. 313]. Тема маргинального положения современного маори в пространстве города, который воспринимается как мир белых, а маори как Другой, отражена в творчестве писателей-маори в форме критики иллюзорной картины мирного сосуществования маори и белого большинства. Сквозной сюжетной нитью проходит путешествие героя из города в родное селение, чтобы прикоснуться к родной земле и найти себя. Произведения авторов-маори этого периода пропитаны ностальгией по «старому миру», построенного по законам племени.

Примером произведений этого периода являются ранние работы Вити Тамэ Ихимаэра (1944–), среди которых сборник рассказов «Поунаму, поунаму» (*Pounamu, Pounamu*, 1971, маор. нефрит). Тематическая доминанта диалога культур представлена как противопоставление традиционного родоплеменного уклада жизни маори механическому, индивидуалистскому обществу белых переселенцев. Романы В. Т. Ихимаэра «Танги» (*Tangi*, 1973, маор. скорбь), «Ванау» (*Whanau*, 1974, маор. семья) также посвящены идеализации картины традиционной сельской жизни маори.

Этот этап знаменует начало национального возрождения маори, которое выразилось в идее построения национальной идентичности новозеландцев на основе концепта Аотеароа («Страна длинного белого облака») [4]. Сближение и освобождение диалога культур от колониальных границ приводит к переоценке восприятия мира представителями коренного населения. Стремление сохранить связь с доколониальной культурой гибридизируется готовностью принять ценность опыта и знаний, приобретенных в постколониальном обществе. Это привело к созданию концепции бикультурализма как наиболее перспективной для Новой Зеландии.

Период политического и культурного возрождения маори в конце 20-го века определен исследователями как «Маорийский ренессанс» (1970–2000) (*Maori Renaissance*) [8, с. 280]. Представителями движения была поставлена цель не только продолжить литературную традицию маори, но и осмыслить влияние колониализма на коренное население. М. Уильямс, новозеландский литературовед, так описывает этот процесс: «Одной из отличительных черт Маорийского ренессанса стало готовность колонизировать (или контр-колонизировать) существующие европейские формы, такие как роман и короткий рассказ, и использовать их для не европейских целей» (перевод автора – К. Ю.) [10].

Таким образом, литературная традиция маори в диалоге культур имеет гибридную основу. Устный фольклор доколониального периода, литературная форма и художественные приемы, воспринятые из культуры колонизаторов, находят отражение в современной англоязычной литературе маори. Наряду с влиянием эстетики

европейской культуры, развитие диалога культур внутри постколониального пространства привели к расширению тематического спектра произведений маори, общим для которого является нарративная презентация социокультурного контекста идентификационного поиска маори. Это позволяет прийти к заключению, что диалог культур является тематической доминантой постколониального художественного дискурса Новой Зеландии. Необходимо также провести художественный анализ литературного процесса авторов белых новозеландцев, чтобы подтвердить данный вывод.

Список использованных источников

1. Николаева, О. В. Историко-культурные особенности сложения концептуальной картины мира пакеха в Новой Зеландии / О. В. Николаева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. – 2011. – № 3(1). – С. 337–343.
2. Николаева, О. В. Когнитивные модели традиционной культуры маори / О. В. Николаева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12, № 5(2). – С. 527–534.
3. Стефанчук, Л. Г. Основные этапы эволюции народа маори / Л. Г. Стефанчук // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2010. – № 15. – С. 307–320.
4. Тимошенко, В. Н. Новая Зеландия в конце XX века: особенности процесса национальной и политической идентификации и становление «новозеландского национализма» / В. Н. Тимошенко // Центр изучения международных отношений в Азиатско-тихоокеанском регионе. – URL: <http://ru.apircenter.org/archives/168> (дата обращения: 04.02.2012).
5. Фанон, Ф. Черная кожа, белые маски / Ф. Фанон ; пер. с франц. Дм. Тимофеева. – Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 224 с.
6. McLean, M. Traditional Songs of Maori / M. McLean, M. Orbell. – Wellington : Reed, 1975. – 324 p.
7. Stead, C. K. New Zealand Short Stories: Second Series / C. K. Stead. – Oxford : Oxford University Press, 1966. – 363 p.
8. Tuwhare, H. No ordinary sun : poems / H. Tuwhare. – Auckland : Blackwood and Janet Paul, 1964. – P. 52.
9. Williams, M. A History of New Zealand Literature / M. Williams. – Cambridge : Cambridge University Press. – 2016. – 430 p.
10. Williams, M. Witi Ihimaera and Patricia Grace: The Maori Renaissance [Electronic Resource] / M. Williams // Studies in International Literature. – University of Calgary, 1998. – Access mode: <http://www.ucalgary.ca/uofc/eduweb/engl392/williams.html>. (Access date: 08.03.2025).

УДК 811.541

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ

С. В. Радченко,

*преподаватель кафедры иностранных языков № 2,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению особенностей английской народной сказки в поле англоязычного сказочного дискурса. Приводятся различные трактовки понятия сказочного дискурса нескольких исследователей. Практическая часть статьи посвящена анализу английских народных сказок: «Дик Уиттингтон и его

кошка», «Волк и три котенка». Рассмотрение сказки «Волк и три котенка» даётся в сравнении с русской народной сказкой «Волк и семеро козлят». Это позволило увидеть характерные особенности, свойственные тому или иному народу. В результате рассмотрения английского сказочного дискурса было определено, что сказка, будучи уникальной составляющей фольклора, дает возможность выявить отражение характерных особенностей национальной культуры и истории в фольклорном тексте. Английские народные сказки дают представление об окружающей среде, географических особенностях «своей родины», этническом самоопределении английского народа и системе его мировоззрения.

Ключевые слова: англоязычный сказочный дискурс, этнолингвистика, междисциплинарность, язык культуры, фольклорное сознание, семиотическая система, культурный код, языкознание.

Summary. This article is devoted to the identification of characteristic features of the English folk tale in the field of the English-language fairy-tale discourse. Various interpretations of the concept of fairy-tale discourse by several researchers are given. The practical part of the article provides an analysis of English folk tales: *Dick Whittington and his Cat*, *The Wolf and the Three Kittens*. The study of the fairy tale *The Wolf and the Three Kittens* is carried out in comparison with the Russian folk tale *The Wolf and the Seven Little Goats*. This allowed us to see the characteristic features peculiar to a particular people. As a result of the consideration of the English fairy-tale discourse, it was determined that the fairy tale, being a unique component of folklore, makes it possible to identify the reflection of the characteristic features of national culture and history in the literary text. English folk tales give an idea of the environment, the geographical features of “their homeland”, the ethnic self-determination of the English people and their worldview.

Key words: English-language fairy-tale discourse, ethnolinguistics, interdisciplinarity, cultural language, folklore consciousness, semiotic system, cultural code, linguistics.

Целью работы является исследование английского сказочного дискурса как особого феномена культуры, отражающего культурные и этнолингвистические особенности Англии. Культура народа складывается из многих составляющих: язык, религия, история, традиции, обычаи и другие аспекты. Народная сказка, как значимый культурный феномен и один из центральных элементов сказочного дискурса, имеет большое значение и является транслятором культурных особенностей того или иного народа. Сказка включает в себе важный для культуры этическое-эстетический свод обычаев, что делает её ценностно значимым явлением культуры. Она позволяет понять приоритетные ценности для носителей данного языка. В связи с этим актуальным представляется расширить понимание особенностей английской народной сказки в сравнение с русским фольклором.

Методика исследования включает в себя методы анализа, описательный метод, культурно-исторический, типологический и этнолингвистический подходы. Употребление данных методов и подходов обусловлено необходимостью широкого рассмотрения феномена английской народной сказки, что в результате позволило выявить характерные черты английской лингвокультуры.

Сказочный дискурс представляет собой многослойное и многогранное понятие. Для того чтобы понять специфику данного термина, необходимо учитывать историю возникновения и развития фольклора и места в нём сказки как одного из ведущих жанров народного творчества. Английский сказочный дискурс можно рассматривать как одну из стержневых составляющих английского фольклора. Необходимо отметить, что в сказочном дискурсе всегда реализуются коллективные смыслы. Нельзя упрощать сказочный дискурс. Это дискурс с «двойным» дном. Исследователь Д. В. Бережкова определяет следующие признаки сказочного дискурса: «универсальные признаки – участники, цели, тематика, аксиологичность (наличие ценностей и антиценностей),

стратегии, определённые типы сюжетов, действующие лица, определенная чёткая структура, размытость хронотопа, и специфические – эпичность, повествовательность, установка на вымысел, чудо, многослойность, эстетичность, развлекательность, дидактичность» [2, с. 8].

Наряду с универсальными признаками Н. А. Акименко выявляет в сказочном дискурсе также и другие черты, которые являются специфическими: «эпичность, повествовательность, установка на вымысел, эстетичность» [1, с. 6]. Важными свойствами сказочного дискурса являются устойчивость, надвременность, универсальность. При этом Н. А. Акименко рассматривает сказочный дискурс как психическую реальность, созданную «воображением виртуальных миров или ментальных пространств, в которой персонажи и разворачивающиеся сказочные события существуют в виртуальной среде дискурса, так как они реальны именно в ней» [1, с. 4].

Необходимо отметить, что данная идея перекликается с представлением И. А. Голованова о развитии фольклорного текста. Исследователь вводит в научный оборот категорию «фольклорное сознание», понимая под ним «идеальный объект как совокупность (систему) представлений, образов, идей, получающих свою репрезентацию в произведениях фольклора» [3, с. 268]. Таким образом, изучение сказочного дискурса дополняет исследование фольклора как особого лингвокультурного феномена.

Английские народные сказки являются способом отображения богатой истории Англии, жизни этого народа, его менталитета, мудрости, моральных качеств. И. А. Ильин отмечает: «Сказка есть первая, дорегиональная философия народа, его жизненная философия, изложенная в свободных мифических образах и в художественной форме» [4, с. 348]. Сказки, написанные на английском языке, предоставляют уникальную возможность не только познакомиться с традициями, культурой и устным творчеством, но и выявить лингвистические и композиционные особенности.

И. А. Голованов полагает, что в фольклорном сознании происходит синтез исторического и мифологического типов сознания, формирующий «неоднородное, структурированное историческое пространство», где «каждый элемент является центром смыслового притяжения, объектом познания и эмоционально-эстетического переживания» [3, с. 269]. Именно данное историческое пространство представляется базисом для формирования сказочного дискурса, который выходит за рамки фольклорного пласта и обогащает национальный литературный процесс в целом.

В ходе исследования английских сказок выявлено, что в волшебных и бытовых сказках не встречается ярко выраженных мотивов. Основной движущей силой поступков героев являются какие-либо обстоятельства извне, так же чувство долга, но не истинные потребности и стремления. Именно по этой причине некоторые фольклористы считают английские сказки достаточно ординарными и предсказуемыми.

Ещё одной важной особенностью английских сказок является их информационная насыщенность. Так, волшебство сменяется фактографичностью, избытком исторических фактов. К примеру, в сказке «Дик Уиттингтон и его кошка» [5, с. 16] очень точно и в то же время ярко описываются быт и нравы старой Англии. Сказочный сюжет повествует историю о бедном английском мальчике, который отдаёт капитану дальнего плавания, направляющемуся в края жаркой Африки, свою кошку, являющуюся самой великой ценностью для главного героя. В ходе сказочного повествования мы узнаём, что мавры отдают за эту кошку несметные богатства.

В английских сказках выражается и «дух западного героя». Так, в английской народной сказке «Волк и три котенка» [5, с. 23] отражены особенности западного общества, его норм и ценностей. Начало этой сказки похоже на русскую сказку «Волк и

семеро козлят»: также мама-кошка ухаживает за едой для котят, они остаются ожидать свою маму-кошку, однако волк приходит раньше, чем мама. Однако именно развязка отличает английскую сказку от русской, тем, что котята самостоятельно находят выход из сложившейся ситуации. Таким образом, следуя принципам западного индивидуализма, котята сами смогли перехитрить волка. Мы видим, что утверждается тип сильного, активно действующего героя, который способен самостоятельно выйти из возникших трудностей, не прибегая к помощи извне. Кроме того, английские сказки отличны от сказок других стран и с точки зрения композиционного аспекта. При структурном изучении английской сказки можно выявить отсутствие традиционных элементов – зачина и концовки, что является композиционной особенностью английских сказок.

Таким образом, при рассмотрении английского сказочного дискурса было определено, что сказка, как уникальный компонент фольклора, позволяет выявить отображение характерных черт национальной культуры и истории в художественном тексте. Английские сказки дают представление о местности, окружающей среде, географических особенностях «своей родины». Также можно расширить представление об этническом самоопределении английского народа и системе его мировоззрения на основе изучения английской народной сказки. Дальнейшее исследование английской народной сказки видится перспективным в аспекте выявления специфики английского сказочного дискурса по отношению к другим художественным дискурсам.

Список использованных источников

1. Акименко, Н. А. Лингвокультурные характеристики англоязычного сказочного дискурса : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Акименко Надежда Акимовна. – Волгоград, 2005. – 193 с.
2. Бережкова, Д. В. Понятие «доброта» в концептуальном пространстве английской народной сказки : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дарья Валерьевна Бережкова. – Москва, 2011. – 20 с.
3. Голованов, И. А. Структура и константы фольклорного сознания / И. А. Голованов // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2007. – Вып. 6 (74). – С. 267–274.
4. Ильин, И. А. Одинокий художник / И. А. Ильин ; сост., предисл. и примеч. В. И. Белов. – Москва : Искусство, 1993. – 348 с.
5. Шершевская, Н. В. Английские народные сказки (сборник) / Н. В. Шершевская. – Москва : Гослитиздат, 1957. – 58 с.

УДК: 81'42

MODELLING OF THE COGNITIVE DOMINANT FAITH IN THE SERMON OF ST. JOHN OF SHANGHAI AND SAN-FRANCISCO ON THE SUNDAY OF ORTHODOXY

Т. В. Чиковани¹, Н. А. Хлыбова²,

*¹кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²заведующая кафедрой иностранных языков № 2, кандидат филологических наук,
доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье приводятся результаты анализа англоязычной православной проповеди свт. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского «On the

Sunday of Orthodoxy» как одного из жанров религиозного дискурса. Целью исследования является выявление когнитивной доминанты проповеди, установление специфики ее моделирования посредством применения авторского алгоритма моделирования и комплексной интерпретации когнитивных доминант православных проповедей. Исследование проводилось посредством применения совокупности методов: когнитивно-герменевтического моделирования, интерпретативного, квантитативного, концептуального анализа, сплошной выбоки. В результате проведенного анализа установлены тенденции дискурсивной активации концептов, входящих в когнитивную доминанту проповеди, выявлена совокупность образно-стилистических средств, маркирующих специфику данных концептов, определены сверхчастотные лексемы-коллокаты проповеди, на основании чего сделан вывод о том, что когнитивной доминантой проповеди является концепт FAITH.

Ключевые слова: дискурсивная активация номинантов, когнитивная доминанта, лексема-коллокат, образно-стилистические средства, православная проповедь, религиозный дискурс.

Summary. The article presents the analysis of the English-language Orthodox sermon *On the Sunday of Orthodoxy* by St. John of Shanghai and San Francisco as one of the genres of religious discourse. The purpose of the analysis is to identify the cognitive dominant of the sermon, to reveal the specificity of its modelling by means of application of the author's algorithm of modelling and complex interpretation of the cognitive dominants of Orthodox sermons. The study was conducted through a set of methods: cognitive-hermeneutic modelling, interpretative, quantitative, conceptual analysis, random sampling technique. As a result of the analysis conducted, the tendencies of discursive activation of the concepts included into the cognitive dominant of the sermon were revealed, the range of figurative and stylistic devices marking the specificity of these concepts and a number of super-frequent lexeme-collocates were identified, which allowed concluding that the concept *FAITH* is the cognitive dominant of the sermon under consideration.

Key words: discursive activation of nominants, cognitive dominant, lexeme-collocate, figurative and stylistic devices, Orthodox sermon, religious discourse.

Over the last few decades, researches in the field of religious discourse have become increasingly common, particularly in Russian linguistics. The scientific interest to the study of religious discourse is connected with the profound changes in religious public consciousness that took place in Russia on the threshold of the third millennium. In the paper religious discourse is considered as "a dynamic format of the existence of religious knowledge, its transmission and reception" [3, p. 28]. At the same time, religious discourse is represented by "a set of different formats of knowledge, one of which is a sermon" [2, p. 37]. Pointing out the unique specificity of religious discourse, V. I. Karasik states that one of its actors is God "who acts as a superagent" and "to whom prayers, psalms, confessions etc. are addressed in a number of denominations" [1, p. 221]. The scholar identifies four genres of religious discourse, namely "a prayer, a sermon, a confession and a ritual action" [Ibid., p. 231].

The present article provides the study of the Orthodox sermon. Within the framework of religious discourse, the architectonics of a sermon is seen as "a cognitive-storytelling matrix, the narrative thematic core of which is most often presented by a parable, a Biblical story, or a life story of some saint" [4, p. 45]. It is worth mentioning that this study, aimed at identifying the cognitive dominant of the Orthodox sermon, is particularly relevant today due to the lack of researches in this field.

Cognitive dominant of the sermon is a concept or a few concepts that have the highest semantic contextual potential in the sermon. Modelling of cognitive dominants of a sermon is carried out according to the algorithm. The research is based on the author's algorithm of modelling and complex interpretation of cognitive dominants of the Orthodox sermon, which consists of "a step-by-step revealing of a set of stylistic and syntactic devices which mark the

specificity of the nominative fields of the sermon concepts and detecting of tendencies of discursive activation of the nominants included into the cognitive dominant of the sermon" [5, p. 8]. That said, discursive activation of the nominants is a "phenomenon based on the gradual-quantitative factor, with the semantic realization of a concept is accompanied by a number of implications that contribute to intensification of the feature of the concept verbalised in the sermon, with gradualism based on the decreasing numerical indices of nominants" [Ibid., p. 7].

The sermon by St. John of Shanghai and San Francisco (Maximovich) *On the Sunday of Orthodoxy* serves as the factual material for this study. The sermon was preached on the eve of the Feast of the Sunday of Orthodoxy, 20 March 1954. In the introductory part of the sermon, St John of Shanghai and San Francisco explains the significance of the Feast of the Sunday of Orthodoxy and the importance of veneration of icons. The preacher's spiritual and moral eloquence is expressed through the refrain of three rhetorical questions and three rhetorical exclamations: "*Why do we prepare in this manner? What is Pascha? Pascha is a taste of the joy of paradise! What is this joy? It is that we see God and His glory!*" [6, p. 18]. A significant stylistic marker indicating St John's devotion to the traditions of the Russian Orthodox Church is the use of the lexeme *Pascha* in the sense of the most important Christian holiday, instead of the corresponding English equivalent – *Easter*. Another distinctive feature is the use of the feminine pronoun *she* in relation to the lexeme *church*; this method of personification is permissible from the point of view of English stylistic norms, since the Bible describes the church as the bride of Christ. The opposition "virtue – sin" is the core of the sermon and is reflected in the contrast of two antagonistic responses to the Lord's call: "*He who in this life strove toward God <...> will rush to Him joyfully when he hears the words, 'Come unto Me, ye blessed...' at the dread judgment*" [Ibid.]. The second response is the following: "*All those who do not know how to rejoice in the glory of God, <...> will not answer to the call of 'Come unto Me'*" [Ibid.].

The sermon obtains a specific emphatic character through a variety of stylistic devices and figures of speech among which are the following:

1) synonyms: *the Kingdom of Heaven – the divine realm – paradise; faithful – devoted, follow Christ – go toward the light – strive toward God*;

2) antonyms: *gloom – light, Hades – paradise, confess – not want to admit the guilt, unhappiness – joy, follow – shrink back, this life – the age to come*;

3) phraseological expressions: "*clean heart*"; "*burn with love for Him*"; "*taste the joy of paradise*";

4) anaphora: "*He Who rejoices in the glory of God.<...>. He who in this life strove toward God*", "*It is necessary to pray for repentance <...>. It is necessary to pray to meet the Risen Christ*" [Ibid.];

5) antithesis: "*Hades is not a place, no, but a state of the soul*";

6) simile: "*It (Hades) begins here on earth. Just so, paradise begins in the soul of a man here in the earthly life*" [Ibid.];

7) metaphorical simile: "*It is necessary to prepare for confession: All of a splinter must be removed, for if there is any left, infection will begin*" [Ibid, p. 18];

8) comparison: "*Hades is not a place, no, but a state of the soul. It begins here on earth. Just so, paradise begins in the soul of a man here in the earthly life*" [Ibid.].

It has been revealed that the found stylistic means activate the specificity of the nominants of the identified concepts.

The following characteristic features of the nominative fields of the concepts of the sermon expressed through discursive activation have been identified:

1) discursive activation of the nominants representing the concept *FAITH* is presented by 17 nominants: *glory* (5); *icons* (4); *the light*; *soul*; *Orthodoxy* (2); *the Kingdom of Heaven* (2); *paradise* (2); *pray* (2); *the dread judgment*; *the divine realm*; *the Church*; *Hades*; "*to*

meet the Risen Christ"; *"rejoice the Glory of God"*; *"strive towards God"*; *"rush to Him"*; *"follow Chris"*. The role of chronemes synergising discursive activation of the concept *FAITH* is significant: (1) *«Great Lent»*, (2) *«the Holy Pascha»*, (3) *«the day»*, (4) *«the age to come»*, (5) *«this life»*, where lexemes *Great Lent*, *the age to come*, *this life* act as prolonged chronemes, whereas the lexemes *the Holy Pascha* and *the day* are point chronemes;

2) discursive activation of the nominants representing the concept *GOD* is nominated by the following synonymic paradigm: *God* (6), *Christ* (4), *the Lord* (2), *He* (2), *the God-Man on Earth*;

3) discursive activation of the nominants of the concept *ORTHODOX SACRAMENTS* is expressed by 4 nominants: *Holy Communion*; *confession*; *repentance*; *Great Lent*;

4) discursive activation of the nominants representing the concept *ORTHODOX HOLIDAYS* is presented by: *the Holy Pascha* (3); *the Sunday of Orthodoxy*; *the Bright Resurrection*; *Feast of Orthodoxy*;

5) discursive activation of the concept *SPIRITUAL AND MORAL VIRTUES* is represented by 8 nominants: *love* (5); *joy* (5); *rejoice* (3); *veneration* (3); *clean heart* (2); *«the humble and the meek»*; *«faithful and devoted to Him»*; *«joy of purification»*;

6) discursive activation of the nominants representing the concept *SIN* is presented by 6 nominants: *"those in whom the divine realm and its laws call forth a state of unhappiness"* (2); *"who love gloom or semi-gloom"*; *"not want to admit the guilt"*; *indignation*; *jealousy*; *anger*.

Based on the conceptual analysis of the text of the sermon, 15 super-frequent lexeme-collocates were identified: *God*, *glory*, *love*, *joy*, *Christ*, *icons*, *the light*, *the Holy Pascha*, *soul*, *veneration*, *rejoice*, *Orthodoxy*; *the Kingdom of Heaven*, *paradise*, *pray*. The identified lexeme-collocates enter the nominative fields of the concepts *FAITH*, *GOD*, *ORTHODOX SACRAMENTS*, *ORTHODOX HOLIDAYS*, *SPIRITUAL AND MORAL VIRTUES*, *SIN*. Thus, as a result of the conducted research, it is concluded that the cognitive dominant of the sermon is the concept *FAITH*.

References

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
2. Огнева, Е. А. Когнитивная сцена как формат репрезентации религиозного знания (на материале проповеди Митр. Антония Сурожского «Sunday before Pentecost» / Е. А. Огнева // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». — 2016. – Т. 2. – № 1 (7). – С. 31–38.
3. Огнева, Е. А. Темпоральные маркеры в модели проповеди архиепископа Антония Сурожского "Ascension", произнесенной в 1964 году / Е. А. Огнева // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 1. – С. 27–36.
4. Чиковани, Т. В. Концепт «грехопадение» как когнитивная доминанта проповеди святителя Луки на слова «Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской» / Т. В. Чиковани // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 14 (263), вып. 34. – С. 43–51.
5. Чиковани, Т. В. Моделирование когнитивных доминант православного дискурса проповедника (на материале духовного наследия свт. Луки Симферопольского и Крымского и свт. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского) : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Чиковани. – Белгород, 2024. – 228 с.
6. Sermons and writings of Saint John Archbishop of Shanghai and San Francisco. Part 2. – Australia : Orthodox Monastery of Archangel Michael, 2004. – 64 p.

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

УДК 811.124'02

ФЕНОМЕН ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ГРЕКО-ЛАТИНСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ HERMENEUMATA PSEUDODOSITHEANA)

Э. Р. Мамудов,

*обучающийся 1-го курса магистратуры, Институт «Таврическая академия»,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Кравинская Ю. Ю., к. ф. н., доцент кафедры
иностраных языков № 2, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Изучение параллельного функционирования нескольких языков в различных обществах в качестве государственных/общеупотребимых представляется важной историко-филологической проблемой. Греко-латинский билингвизм, без сомнения, является одним из важнейших проявлений греко-латинского культурно-исторического единства. Изучение феномена двуязычия в позднеантичном обществе позволяет реконструировать ряд особенностей политического, социально-экономического, культурного развития позднеантичного мира. **Актуальность исследования** обусловлена существованием круга двуязычных греко-латинских текстов, которые позволяют пролить свет на функционирование греко-латинского двуязычия в поздней античности. Кроме того, ряд таких текстов (в т.ч. некоторые тексты корпуса Hermeneumata Pseudodositheana / «Толкования Псевдо-Досифея») не вводились в научный оборот, не переведены на новоевропейские языки.

Целью данного исследования является выявление особенностей позднеантичного греко-латинского двуязычия, особенностей функционирования греческого и латинского языков в разных сферах позднеантичного общества на примере корпуса учебных текстов Hermeneumata Pseudodositheana.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: сравнительно-исторический, историко-генетический и сопоставительный.

Результаты исследования. Римский поэт I в. до н.э. Квинт Гораций Флакк некогда метко охарактеризовал процесс распространения в Римском государстве греко-латинского двуязычия: «*Graecia capta ferum victorem cepit et artes | intulit agresti Latio*» («Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, в Лаций суровый внеся искусства») (Hor. Epist. 2.1, 156–157) [2, с. 186]. Греческий и латинский языки становились важнейшими для активно расширявшегося государства. Греческий открывал мир высокой эллинской культуры, философии, литературы; изучение латинского же становилось важным условием на пути к карьере в военной и политической сферах. Для эффективного изучения языков создавались специальные учебники, в т.ч. Hermeneumata Pseudodositheana («Толкования Псевдо-Досифея»). Этот сборник текстов сложился, по всей видимости, в конце II–VI вв., однако по ходу активного использования активно трансформировался, дополнялся и изменялся вплоть до конца XVI в. [1, с. 121; 4, р. 16–20]. Тексты в данном двуязычном сборнике носят довольно разнообразный характер: тексты юридического, философского содержания, прозаические переложения поэм Гомера, двуязычные глоссарии и диалоги на школьные и повседневные темы [1, с. 123–124; 4, р. 16–20; Издания источника см.: 3].

Важную часть текстов *Hermeneumata Pseudodositheana* составляют двуязычные греко-латинские глоссарии и лексиконы. Они структурированы как тематически, так и по алфавитному принципу; складывались данные двуязычные глоссарии с I–II вв. н.э., затем активно дополнялись, видоизменялись, структурировались по разным основаниям и т.д. [2, с. 192–193]. *Раздел LII*, озаглавленный *περὶ τεχνιτῶν – de opificibus* («о ремесленниках») примечателен тем, что в нем нашли отражения профессии, которые неизвестны по другим источникам [3, р. 271–272]. В частности, *κολλυστής – stagnarius* (видимо, «мастер по олову»?); *ὀπλοδότης – armidator* (видимо, «оружейных дел мастер»?).

Раздел LVIII, посвященный магистратам (*περὶ ἀρχόντων – de magistratibus*, «о магистратах»), содержит интересный материал греко-латинского взаимодействия. Примечательны соответствия *στρατηγὸς ῥώμης – praetor* (стратег Рима – претор); *ἀντιστράτηγος – propraetor* (пропретор); *ἐξάρχος – praefectus* (глава, руководитель, начальник – префект, начальник, глава); *οἱ ἐξάρχοι – procures, principes* (стоящие во главе, предводители); *ἐπαρχος (ἐπαρχ) – praefectus Urbis* (эпарх/префект города); *ἐπαρχος ἀννωνῶν – praefectus annonae* (префект анноны, т.е. продовольствия); *στρατοπεδάρχης – praefectus castrorum* (стратопедарх, начальник лагеря – префект лагеря); *δήμαρχος – tribunus plebis* (демарх – народный трибун) [3, р. 275–276]. В этом разделе отчетливо отражено доминирование римского мира в вопросах политического устройства.

Раздел LX, озаглавленный *περὶ γράμματοδιδασκαλείου – de ludo litterarum* («о начальной школе»), особенно примечателен тем, что важную часть *Hermeneumata Pseudodositheana* составляют двуязычные школьные диалоги [3, р. 277–278]. Кроме понятных в этом контексте *σχολή – schola, ludus* (школа); *μαθητής – discipulus* (ученик); *φοιτητής – scholaris* (школяр, ученик); *ἀκροατήριον* (аудитория, слушатели); *γράμμα – littera* (буква, письмо); встречается красноречивое *νάρθηξ – ferula* (розга). Этот раздел выделяется большим пластом греческой лексики, которой составитель глоссария просто не находит соответствий в латыни (это показывает, какую роль играла греческая культура в образовании поздней античности). Для греческих *γραμματικός* (учитель грамоты, грамматик), *σημειογράφος* (записывающий скорописными знаками, стенограф), *ψηφιστής* (учитель арифметики), *ῥήτωρ* (оратор, ритор, преподаватель ораторского искусства, рассказчик), *διαστιγμή* (пунктуация), *διήγησις* (рит. изложение сути дела), *μῦθος* (речь, предмет обсуждения, рассказ, миф, сюжет, фабула), *ἀναφώνησις* (восклицание, декламирование) и целого ряда других понятий составитель позднеантичного глоссария не подбирает соответствующих латинских.

Выводы. Тексты *Hermeneumata Pseudodositheana* («Толкования Псевдо-Досифея») являются отражением феномена греко-латинского двуязычия. Из текстов *Hermeneumata Pseudodositheana* видно, как обширный пласт лексики философского, научного, религиозно-мифологического характера заимствовался латинским языком из греческого; греческий язык оказывается в этих сферах «богаче», для многих терминов просто не находится аналогий в латинском языке. В то же время термины из политической и правовой практики неизбежно проникали в греческий язык из латыни. Этот процесс (в т.ч. на примере *Hermeneumata Pseudodositheana*) демонстрирует, какой язык, а, соответственно, и стоящая за ним культурная общность, доминировали в определенной сфере.

Список литературы

1. Баранникова, Н. Б. Обучение словам через разговор: греко-латинские диалоги на переходе от Античности к Средневековью. Диалоги из учебника Псевдо-Досифея / Н. Б. Баранникова, В. Г. Безрогов // Возлюблю слово как ближнего: учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье: исследование состава школьного канона

- III–XI вв. : сб. научных статей ; гл. ред. М. Р. Ненарокова. – Москва : Индрик, 2017. – Вып. 19. – С. 109–189.
2. Мамудов, Э. Р. Тексты *Hermeneumata Pseudodositheana* как исторический источник / Э. Р. Мамудов // История и археология Крыма. – 2024. – Вып. XXI. – С. 186–196.
3. *Corpus Glossariorum Latinorum* / Ed. by G. Goetz. – 1892. – Vol. 3: *Hermeneumata Pseudodositheana. Hermeneumata Medicobotanica*. – 659 p.
4. Dickey, E. *The Colloquia of the Hermeneumata Pseudodositheana* / Eleanor Dickey. – Cambridge : CUP, 2012. – Vol. 1: *Colloquia Monacensia-Einsidlensia, Leidense-Stephani, and Stephani*. – 283 p.

ПРЕДМЕТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВАРИАТИВНОСТИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

УДК 881.111:37.02:316.77

ДЕЛОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ КАК АСПЕКТ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧЕНИЯ В БАКАЛАВРИАТЕ КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО

О. А. Васильева¹, И. А. Борзова², И. А. Гулакова³,

*¹кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

*²старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

*³старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена проблеме обучения деловой коммуникации на английском языке в рамках дисциплины «Иностранный язык» в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского. В статье даны примеры методов, направленных на формирование и развитие универсальной компетенции УК-4.2.

Ключевые слова: коммуникативная направленность, деловая переписка, речевой этикет, универсальная компетенция.

Summary. The article is devoted to the problem of teaching business communication in English within the framework of the discipline “Foreign Language” at the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. The article provides examples of methods aimed at the formation and development of the universal competence UC-4.2.

Key words: communicative focus, business correspondence, speech etiquette, universal competence.

В соответствии с действующим федеральным государственным образовательным стандартом способность к деловой коммуникации на иностранном языке, равно как и на родном, рассматривается сегодня в качестве универсальной компетенции бакалавра, приобретаемой вне зависимости от профиля подготовки. Цель настоящей работы: рассмотреть реализацию указанной компетенции в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского при изучении дисциплины «Иностранный язык» на первом и втором курсах бакалавриата. Формирование этой универсальной компетенции является одной из основных и актуальных задач современного процесса обучения иностранному языку в вузе, понимание ее смысла играет важную роль в определении содержания и оценки результатов преподавания данного предмета как образовательной дисциплины.

В рабочей программе дисциплины «Иностранный язык» в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского реализация части универсальной компетенции бакалавров определена следующим образом: «УК-4.2. Ведет деловую переписку на государственном языке Российской Федерации и иностранном языке с

учетом особенностей стилистики официальных и неофициальных писем и социокультурных различий в формате корреспонденции» [1].

Планируемые результаты обучения по дисциплине, соотнесенные с индикаторами достижения компетенций, обозначены в соответствии со следующими навыкам: обучающийся должен знать функциональные стили родного языка, жанры официально-делового стиля речи, правила составления деловых документов различных жанров, требования к деловой коммуникации, этику ведения деловой устной коммуникации на государственном и иностранном языках, нормативные, коммуникативные и этические аспекты устной речи, нормы речевого этикета в сфере делового общения, коммуникативные качества эффективной деловой речи.

В ходе изучения дисциплины обучающийся должен научиться выражать свои мысли на государственном и иностранном языках в ситуации деловой коммуникации, составлять и редактировать в соответствии с нормами современного государственного литературного языка академические тексты (рефераты, эссе, обзоры, статьи) и деловую документацию разных жанров, вести деловую переписку в формате корреспонденции с учетом особенностей стилистики официальных и неофициальных писем и социокультурных различий участников переписки.

При изучении дисциплины «Иностранный язык» бакалавр должен овладеть навыками составления деловой документации разных жанров, этикой ведения деловой переписки на государственном и иностранном языках с учётом особенностей стилистики официальных и неофициальных писем заданной коммуникативной направленности.

Требования к оформлению деловых писем на английском языке, изучаемые в рамках дисциплины «Иностранный язык» и русском языке, осваиваемые по дисциплине «Культура речи», отличаются по некоторым параметрам, что требует особого внимания обучающихся. Это сравнение будет способствовать лучшему овладению материалом [2]. Пересечение дидактических материалов разных учебных предметов также способствует междисциплинарному взаимодействию при обучении бакалавров.

Основными задачами при обучении студентов первого курса университета навыкам составления и работы с деловой документацией на английском языке являются: ознакомление с разными типами деловых писем, ознакомление со стилем, структурными частями иноязычного делового письма, знакомство с правилами оформления деловых писем на английском языке. Более глубокое освоение навыков ведения деловой корреспонденции и закрепление практических навыков ведения различных документов на иностранном языке возможно при продолжении изучения иностранного языка в рамках дисциплины «Деловой иностранный язык».

Обучая умению вести деловую переписку на английском языке, важно научить обучающихся различных направлений подготовки грамотно отнестись к выбору текстового материала. Важно учесть соответствие теме, аутентичность, коммуникативность, доступность содержания для языкового уровня студентов. На занятиях следует ознакомить обучающихся с требованиями к стилю документации: строгость, лаконичность, структурированность. Нередко обучающиеся переходят на фамильярный либо излишне авторитарный тон [2].

В процессе обучения работе с документацией на английском языке необходимо контролировать, чтобы обучающиеся не использовали стиль устной речи в документах, не забывали использовать полные, а не редуцированные формы написания слов и словосочетаний в формальных документах, а также применение идиом, глаголов в повелительном наклонении и эмоционально окрашенных слов.

При написании деловых документов обучающийся должен высказываться не в свободной форме, а в фиксированной последовательности, составляющей основу различных типов писем. Освоение их структуры является первым этапом в обучении

деловому письму. Затем студенты осваивают языковые средства, необходимые для реализации подобной структуры.

Из опыта преподавания в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского дисциплины «Иностранный язык» предлагаются апробированные примеры обучения деловому письму на базе основного учебника курса «Empower B1+ Intermediate». В рамках темы «Modern Life» юнита 2 студенты затрагивают такие аспекты современной жизни, как трудоустройство, собеседование при приёме на работу. Для освоения навыка письменной деловой корреспонденции обучающиеся учатся писать резюме или CV, один из самых востребованных видов деловых документов. Студенты знакомятся с формами делового письма, основными особенностями его составления и сложностями написания. Обязательным дополнением к резюме или CV является написание сопроводительного письма (Cover Letter), которое является дополнительным преимуществом при трудоустройстве в англоязычных компаниях.

Следующий этап включает в себя чтение и анализ документов с целью формирования у обучающихся понимания процесса реализации коммуникативного намерения в тексте. Нужно привлечь внимание студентов к такому аспекту ведения деловой переписки, как соблюдение определённой структуры письма. Структура документов в английском языке стандартна и выражается в особом расположении и порядке следования его составляющих частей.

Контроль освоения навыка составления деловых писем проводится во время изучения юнита 4 «Personality» учебника «Empower B1+ Intermediate». Студенты знакомятся с сайтами, предлагающими работу волонтером или кратковременную работу по дому или в саду. Обучающимся предлагается изучить несколько вариантов писем по трудоустройству на работу в летний период. Для отработки навыков написания данного вида корреспонденции можно предложить подстановочные упражнения, а также упражнения на восстановление утраченной структуры письма. Кроме того, студентам предлагается выбрать наиболее подходящую концовку англоязычного сообщения, найти орфографические, грамматические и стилистические ошибки.

Современная деловая переписка часто ведется в режиме онлайн. Электронное письмо используется в бизнес-среде довольно часто, но содержит ряд стилистических особенностей, с которыми необходимо ознакомить обучающихся в рамках освоения навыка ведения деловой корреспонденции. Упражнения учебника «Empower B1+ Intermediate» по теме «E-mail» направлены на изучение и закрепление навыков написания делового письма. А именно, обучающимся предлагается написать электронные сообщения на заданную тему, учитывая, что они короче традиционного электронного письма, но длиннее СМС, используются традиционные обороты вежливости. Также, электронные сообщения отличаются краткостью и конкретностью.

Таким образом, обучение деловому письму подразумевает освоение бакалаврами официально-делового стиля речи на родном и иностранном языках. В современной деловой среде выпускникам вуза необходимо иметь навыки составления иноязычной деловой документации, уметь выделять присущие деловым партнерам национальные особенности, специфику организации письма графически и композиционно. Освоение языковых клише, относящихся к официально-деловому стилю документации, прорабатывание структуры делового письма ведется в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского в рамках изучения английского языка по основному учебнику по дисциплине (Empower B1+ Intermediate).

В процессе преподавания дисциплины «Иностранный язык» в университете применяются многочисленные и эффективные методы развития способности к коммуникации на иностранном языке. Модернизация образовательных стандартов

привела к необходимости обновления процесса обучения иностранному языку в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского с тем, чтобы он был направлен на формирование способности не только к иноязычному общению, но и способности к деловой коммуникации на английском языке, что относится к универсальным компетенциям обучения в бакалавриате.

Обучение иностранному языку неизменно принесёт пользу изучающим дисциплину независимо от уровня их довузовской подготовки, так как развитие этой универсальной компетенции ведет к формированию у обучающихся навыков практического применения знаний, полученных в рамках различных дисциплин, относящихся к обязательной части учебных программ бакалавриата.

Список использованных источников

1. РПД «Иностранный язык». – URL: https://disk.yandex.ru/d/ha1r9zyIWKLioW/%D0%A0%D0%9F%D0%94_%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B8%D0%B0%D1%82%D0%B0 (дата обращения: 28.03.2025).
2. Смирнова, Н. Б. Обучение деловому письму студентов неязыковых вузов / Н. Б. Смирнова, С. Н. Шарова // Pedagogical Journal. – 2019. – Vol. 9. – С. 276–283.
3. Тер-Костанова, Л. Н. Формирование способности к деловой коммуникации на иностранном языке как универсальной компетенции бакалавра / Л. Н. Тер-Костанова. – 2022. – № 3. – С. 26–29.
4. Doff, A. Cambridge English Empower B1+ Intermediate. Student's Book / Adrian Doff, Craig Thaine, Herbert Puchta, Jeff Stranks, Peter Lewis-Jones // Cambridge University Press. – 2015. – 176 p.

УДК 81'42

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ НА АНГЛИЙСКОМ КАК ЛИНГВА ФРАНКА

К. А. Мележик¹, М. А. Харченко²,

*¹заведующая кафедрой иностранных языков № 3,
доктор филологических наук, доцент, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассматривается взаимосвязь между культурной идентификацией и культурной идентичностью в контексте межкультурной коммуникации на английском языке как лингва франка (АЛФ). Особое внимание уделяется социофонетическим особенностям, отражающим культурную принадлежность говорящих, а также их влиянию на восприятие и адаптацию в международной среде. В ходе исследования проведены социофонетический анализ речевых образцов, интервью и опросы участников межкультурного общения. Результаты показывают, что фонетические особенности, такие как акцент и артикуляционные характеристики, являются значимыми маркерами культурной идентичности и могут влиять на интеграцию в целевую культуру. Сделан вывод о важности понимания социофонетических аспектов для повышения эффективности межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: культурная идентификация, культурная идентичность, социофонетика, межкультурная коммуникация, английский как лингва франка (АЛФ), акцент, фонетические особенности, восприятие идентичности, адаптация, стереотипы в коммуникации.

Summary. This article explores the relationship between cultural identification and cultural identity in the context of intercultural communication in English as a lingua franca. Special attention is given to sociophonetic features that reflect the speakers' cultural affiliation and their impact on perception and adaptation in an international environment. The study includes a sociophonetic analysis of speech samples, as well as interviews and surveys of participants in intercultural communication. The findings indicate that phonetic features, such as accent and articulatory characteristics, serve as significant markers of cultural identity and can influence integration into the target culture. The study concludes that understanding sociophonetic aspects is crucial for enhancing the effectiveness of intercultural communication.

Key words: cultural identification, cultural identity, sociophonetics, intercultural communication, English as a lingua franca (ELF), accent, phonetic features, identity perception, adaptation, communication stereotypes.

Введение. Культурная идентификация и культурная идентичность описывают два разных, но родственных понятия. Эти термины относятся к двум взаимосвязанным социально-психологическим процессам, конструируемым и проявляющимся посредством общения.

Целью данной статьи является исследование взаимосвязи между культурной идентификацией и культурной идентичностью, а также в анализе их социофонетического выражения в межкультурной коммуникации на английском языке как лингва франка (АЛФ). В центре внимания находятся механизмы формирования культурной идентичности и способы её вербального и невербального проявления, особенно в условиях глобального взаимодействия.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие **методы:** анализ научной литературы по социофонетике, межкультурной коммуникации и культурной идентичности; социофонетический анализ речевых образцов пользователей АЛФ; опрос и интервьюирование участников межкультурной коммуникации для выявления их восприятия культурной идентичности через фонетические особенности речи.

Теоретическая база исследования опирается на концепции социофонетики [2; 8], рассматривающие влияние социальных факторов на фонетическое поведение, теории культурной идентичности [4; 7; 10], объясняющие механизмы формирования и выражения идентичности через язык, а также на исследования АЛФ [5; 9], подчеркивающие его роль как межкультурного средства общения. В дополнение используется модель межкультурной адаптации [3; 7], анализирующая, как языковые особенности и акцент влияют на интеграцию в новую культурную среду.

Основные положения и результаты исследования

Как тип идентификации, культурная идентификация представляет собой внутреннюю индивидуальную характеристику. С социально-психологической точки зрения идентификация – это явление, при котором человек не может отделить себя как сущность от окружающей среды или её части. Окружающая среда может включать в себя другого человека, группу лиц, физическое местонахождение или комбинацию нескольких факторов. Одна сущность идентифицирует себя с другой, когда границы между ними становятся размытыми или нечеткими. Эти границы могут существовать между двумя сущностями, между их атрибутами или свойствами, а также между одной сущностью и атрибутами (свойствами) другой [1].

Культурная идентификация связана с языковыми особенностями и их восприятием в межкультурной коммуникации. Процедура социофонетического анализа речевых образцов русскоязычных носителей АЛФ включала несколько этапов и проводилась в институциональной среде. В рамках исследования нами были проведены опрос и интервьюирование участников межкультурной коммуникации для выявления их восприятия культурной идентичности через фонетические особенности речи. В исследовании приняли участие 33 информанта (студенты целевых курсов и преподаватели английского языка Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского), имеющие опыт общения на английском языке с представителями других культур.

Запись речевого материала осуществлялась с помощью мобильных устройств iPhone OS 15 и iPhone OS 16, а собранные данные включали спонтанную речь (самопрезентация, ответы на вопросы в устном интервью) и диалогические взаимодействия. Для акустического анализа применялось программное обеспечение Praat, которое позволило выявить ключевые фонетические особенности. Например, у большинства участников наблюдалось отсутствие различия долгих и кратких гласных, что выражалось в смешении слов типа *ship* [ʃɪp] и *sheep* [ʃi:p]. Также было зафиксировано оглушение звонких согласных в конце слова, например, *bad* [bæd] часто произносилось как [bæt]. Среди распространенных особенностей отмечалась дентальная артикуляция звуков [t] и [d], а также замена межзубных [θ] и [ð] на [s] и [z], что делало слова *think* [θɪŋk] и *this* [ðɪs] схожими с *sink* [sɪŋk] и *zis* [zis]. В интонационном плане у некоторых участников наблюдалась тенденция к монотонности и неправильной расстановке ударений, например, *communication* вместо *commúnication*.

Перцептивный анализ включал самооценку участников. Например, один из информантов отметил, что его произношение вызывает затруднения у иностранных собеседников: *“Sometimes I have to repeat words many times because my accent makes it harder for others to understand me, especially when I speak quickly (Иногда мне приходится повторять слова по несколько раз, потому что собеседники не сразу меня понимают из-за моего акцента, особенно если я говорю быстро)”*. Другие участники указывали, что при общении с носителями языка стараются смягчать особенности своего произношения (например, контролировать интонацию и ритм речи; избегать калькирования с русского языка).

Опрос включал закрытые вопросы и шкалы Лайкерта, позволяющие определить важность акцента в общении, его влияние на восприятие национальной принадлежности, степень комфортности адаптации произношения и случаи стереотипного отношения. Примеры вопросов: *«Насколько важен для вас акцент в общении на английском языке? (от 1 – «совсем не важно» до 5 – «очень важно»), Влияет ли акцент на восприятие национальной и культурной принадлежности собеседника? (да/нет), Испытывали ли вы стереотипное отношение из-за своего акцента? (да/нет, если да – приведите пример), Считаете ли вы, что ваш акцент связан с вашей культурной идентичностью? Почему?»* Интервью, проведенные с респондентами, позволили глубже проанализировать их отношение к собственному акценту, его взаимосвязь с идентичностью, изменения произношения в разных ситуациях, а также влияние акцента на академические и профессиональные перспективы. В ходе количественного анализа была проведена статистическая обработка данных, выявлены различия в ответах студентов и преподавателей, а также корреляции между уровнем владения английским, возрастом и восприятием акцента. Качественный анализ включал кодирование ключевых тем интервью, таких как самовосприятие акцента, адаптация в межкультурном взаимодействии и влияние стереотипов. Полученные данные показали, что большинство участников осознают связь между акцентом и культурной идентичностью, однако студенты чаще стремятся

адаптировать произношение, тогда как преподаватели менее склонны к изменениям. Некоторые респонденты отмечали случаи предвзятости в международных коммуникациях, а уровень владения языком оказывал влияние на восприятие акцента: носители B2–C1 чаще рассматривали его как часть своей идентичности, чем обладатели A2–B1.

В условиях использования АЛФ говорящие сохраняют элементы родного языка в своей речи, что проявляется в акценте, особенностях артикуляции, ритмике и интонации. Эти социофонетические особенности позволяют окружающим определить культурную принадлежность человека. Идентификация может быть «основана на фантазии, проекции и идеализации» и становиться более яркой благодаря этому [4, с. 3]. Аналогично, для культурной идентификации, когда человек идентифицирует себя с культурой, существует неопределенность границ между этим индивидуумом и определенной культурной средой или между этим человеком и некоторыми частями этой культурной среды. Индивид связан с культурой и является её частью. Таким образом, культурная идентификация характеризуется осознанным или неосознанным чувством принадлежности к целевой культуре и, соответственно, является частью того, что она представляет собой. Культуры различаются по степени, в которой существуют границы между человеком и средой, в которой он находится. Тем не менее, культура определяет, как провести границу между собой и другими [1, с. 159].

Будучи внутренним состоянием человека, культурная идентификация определяет трансформацию этого состояния во внешнее и носит коммуникативный характер. Культурная идентификация – это дискурсивный процесс построения коммуникации, отображение внутреннего состояния вербальными и невербальными способами. Культурная идентификация – это коммуникативный процесс, в котором люди или группы выделяют себя как принадлежащих к определённой культуре.

Культурная идентификация, в некотором смысле, выражается в социальном конформизме, когда вы требуете от других определённого поведения, а отклонение от этого вызывает недовольство, негодование или стремление исправить и/или наказать девианта, поддерживая целостность своей культуры и, таким образом, единство самого себя через ассоциацию, например, не только с родным языком, но и с социолектом своей социальной группы [3].

Таким образом, культурная идентификация – это явление, движимое силой культурной конвергенции, однородности и сходства. Хотя культурная идентификация часто является естественным результатом социализации личности, т.е. её естественной идентификации с родной культурой, она также может быть продуктом сознательного выбора. Последнее наблюдается у тех, кто по той или иной причине отвергает свою родную культуру и перенимает другую как свою собственную [7].

Бывают также ситуации, когда люди принимают и отождествляют себя с более чем одной культурой с одинаковой или различной интенсивностью.

Несмотря на это, выражение культурной идентификации часто отражает культурный статус человека. Иными словами, это отображение стадии социализации или аккультурации. Культурная идентификация представляет собой коммуникативные отношения между личностью и культурой в контексте рассматриваемой культуры. Понятия культурной идентификации и культурной идентичности связаны таким образом, что человек имеет множество идентичностей, составляющих ядро личности, сущность того, что делает его тем, кто он есть. Так же, как и культурная идентификация, культурная идентичность нуждается во внешнем выходе, может принимать множество форм и проявляться разными способами.

Выбор и использование языка и параязыка в общении – это распространённые вербальные и невербальные способы выражения культурной идентичности.

Непроизвольный выбор и использование социофонетических средств, таких как акцент, в коммуникации на АЛФ также передают культурную идентичность говорящих.

Каждый язык несёт в себе черты идентичности носителей. Он позволяет людям получать информацию, общую для определённой социальной группы. Это особенно верно для языка-посредника, который используется участниками межкультурной коммуникации с разными первыми языками. Таким образом, их язык-посредник, в нашем случае АЛФ, может служить маркером идентичности, который отличает одну группу от другой и может вызывать стереотипы идентичности тех, кто вступил в контакт с этой группой [6, с. 7].

Эти культурные стереотипы представляют собой информацию о культурной идентичности, которая определяется этническими, территориальными, социально-экономическими или профессиональными признаками. Языковые особенности, относящиеся к той или иной социофонетической системе языка, существенно помогают людям идентифицировать её носителей. Например, разговор на АЛФ может информировать окружающих о посетителях из России, если в их разговоре проявляются социофонетические особенности русского акцента, такие как: дентальная артикуляция альвеолярных согласных, оглушение звонких согласных в конечной позиции, отсутствие корреляции по долготе-краткости корневых гласных, общий сдвиг артикуляции от среднеязычной позиции к переднеязычной и т. п.

Таким образом, когда происходит социофонетическая модификация, визуализируется ценностно-статусная коннотация говорящего. Сближение со стилем речи другого является прямым результатом благожелательного отношения говорящего к собеседнику. Это позволяет получателю воспринимать оптимальную социолингвистическую дистанцию от его или её собственных речевых моделей. В заключение можно утверждать, что для пользователей АЛФ важнейшим звеном, соединяющим социофонетическое оформление и идентичность, является способность понимать нормы и ценности целевой культуры, поскольку говорящие, способные преодолевать культурные различия между своей и культурой собеседников, с большей вероятностью интегрируют и используют АЛФ в различных ситуациях.

В ходе исследования было выявлено несколько ключевых закономерностей: 1) Социофонетические особенности играют важную роль в восприятии культурной идентичности. Люди нередко ассоциируют акцент и произношение с национальностью и культурной принадлежностью. 2) Процесс адаптации в межкультурной среде может сопровождаться осознанной или неосознанной модификацией акцента. Уменьшение акцентных особенностей свидетельствует о стремлении к интеграции в целевую культуру. 3) Культурные стереотипы, связанные с акцентом, могут как способствовать, так и препятствовать эффективной коммуникации. Восприятие акцента может зависеть от статуса носителя языка и его социального положения в данной культуре.

Заключение. Результаты исследования подтверждают, что культурная идентификация и культурная идентичность проявляются в процессе межкультурной коммуникации через фонетические особенности речи. Социофонетические маркеры, такие как акцент и артикуляционные особенности, могут служить индикаторами принадлежности говорящего к определённой культуре. АЛФ не только объединяет представителей разных культур, но и формирует уникальную систему взаимодействия, в которой социофонетические элементы играют важную роль. Способность адаптировать речь под нормы целевой культуры повышает эффективность коммуникации, снижает барьеры взаимопонимания и способствует успешной интеграции в межкультурное пространство. Таким образом, можно утверждать, что понимание роли социофонетики в процессе межкультурного общения имеет важное значение для изучения механизмов культурной идентификации и культурной

идентичности. В дальнейшем исследовании стоит уделить внимание динамическим изменениям акцента в зависимости от контекста общения и личного опыта говорящего.

Список использованных источников

1. Chen, L. Cultural Identification, Cultural Identity and Communication / L. Chen, Sh. Pan // Intercultural Communication Studies. – 2022. – Vol. XI, no. 2. – P. 157–164.
2. Foulkes, P. Urban Voices: Accent Studies in the British Isles / P. Foulkes, G. Docherty. – London : Arnold, 1999. – 356 p.
3. Gudykunst, W. B. Theorizing About Intercultural Communication / W. B. Gudykunst. – London : Sage, 2005. – 448 p.
4. Hall, S. Introduction: Who Needs Identity? / S. Hall // Questions Of Cultural Identity. – London : Sage, 1996. – P. 1–17.
5. Jenkins, J. English as a Lingua Franca: Attitude and Identity / J. Jenkins. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 264 p.
6. Kalev, J. A Sociophonetic Analysis of the Role of Cultural Identification in L2 English Speech Production : Thesis / J. Kalev. – Stockholm : Stockholms universitet, 2018. – 21 p.
7. Kim, Y. Y. Identity Development: From Cultural to Intercultural / Y. Y. Kim // Interaction & Identity. – New Brunswick : Transaction Publishers, 2018. – P. 457–469.
8. Labov, W. Principles of Linguistic Change. Vol. 1: Internal Factors / W. Labov. – Oxford : Blackwell, 1994. – 698 p.
9. Seidlhofer, B. Understanding English as a Lingua Franca / B. Seidlhofer. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 240 p.
10. Tajfel, H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology / H. Tajfel. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – 336 p.

УДК 378.147:811.111

ВНЕАУДИТОРНОЕ ЧТЕНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО ЭКОНОМИКЕ И УПРАВЛЕНИЮ В МАГИСТРАТУРЕ

М. В. Миколайчик,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье представлен опыт организации внеаудиторного чтения по иностранному (английскому) языку профессиональной направленности в магистратуре Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Предлагается подборка высокорейтинговых англоязычных профильных научных журналов по экономике и управлению, которая может быть полезна преподавателям иностранного языка профессиональной направленности и магистрантам, обучающимся по направлениям подготовки «Экономика», «Менеджмент», «Управление персоналом», «Государственное и муниципальное управление», «Бизнес-информатика», «Торговое дело», «Финансы и кредит».

Ключевые слова: академический английский, английский язык профессиональной направленности, внеаудиторное чтение, домашнее чтение, индивидуальное чтение, магистратура, научный журнал, преподавание иностранных языков в вузе, управление, экономика.

Summary. The paper offers an ESP individual reading control scheme used in master's degree courses at V. I. Vernadsky Crimean Federal University Institute of Economic and Management, with links to the websites of some selected Scopus-indexed English-

medium economics and management journals, which could be useful to ESP teachers as well as master's degree students majoring in Economics, Management, Personnel Management, Public Administration, Business Informatics, Marketing as well as Finance and Lending.

Key words: academic English, academic journal, economics, English for specific purposes, home reading, individual reading, management, master's degree programmes, outside reading, teaching foreign languages at university.

При обучении иностранному языку во многих российских вузах традиционно используется внеаудиторное (домашнее, автономное, индивидуальное, самостоятельное) чтение. Особенно уместным считается применение этой формы работы в магистратуре [1; 6; 7; 8], где при небольшом количестве аудиторных часов обучающемуся необходимо в достаточной степени овладеть иностранным языком профессиональной направленности.

Если в бакалавриате в качестве материала для внеаудиторного чтения широко применяются художественные, публицистические и научно-популярные тексты [2], то в магистратуре для этих целей используются главным образом научная профессионально ориентированная литература [1; 6; 7; 8].

Внеаудиторное чтение профильных научных текстов в магистратуре может внести существенный вклад в формирование не только универсальной коммуникативной компетенции УК-4, которая является для профессионально ориентированного академического курса иностранного языка центральной, но отчасти и таких, как УК-1, сфокусированной на развитии системного и критического мышления, и УК-6, связанной с самоорганизацией и саморазвитием [4; 5]. Наряду с этим, индивидуальное чтение научных текстов профессиональной направленности может способствовать совершенствованию и некоторых общепрофессиональных компетенций, например, умения «использовать современные информационные технологии и программные средства при решении профессиональных задач» [4, с. 8; 5, с. 8], «обобщать и критически оценивать научные исследования в экономике» [4, с. 8], «обобщать и критически оценивать существующие передовые практики и результаты научных исследований по управлению персоналом и в смежных областях» [5, с. 8] и т. п.

Принимая во внимание заданные федеральными государственными образовательными стандартами универсальные и общепрофессиональные компетенции, оптимальным вариантом выбора материала для внеаудиторного чтения в магистратуре представляются статьи из профильных научных журналов, поиск которых магистрантам предлагается осуществлять самостоятельно в соответствии с направлением подготовки и тематикой собственной научно-исследовательской работы. Для ограничения области поиска собственно научными публикациями обучающимся можно рекомендовать использовать поисковую систему Google Scholar (<https://scholar.google.ru>), каталог журналов открытого доступа DOAJ (<https://doaj.org>) либо сайты профильных научных журналов.

В помощь обучающимся магистратуры Института экономики и управления была составлена подборка высокорейтинговых (индексируемых в Scopus) профильных англоязычных научных журналов, поддерживающих открытый доступ ко всем или выборочным полнотекстовым статьям. Поскольку такие сведения могут быть полезны преподавателям и магистрантам других высших учебных заведений, они приведены ниже.

38.04.01 Экономика: *Annual Review of Economics* (<https://www.annualreviews.org/content/journals/economics/browse>), *Economic Journal* (<https://academic.oup.com/ej/issue>), *Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy* (<https://journals.economic-research.pl/eq>), *International Economics* (<https://www.sciencedirect.com/journal/international-economics/issues>), *Journal of*

Accounting and Economics (<https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-accounting-and-economics/issues>), *Review of Economic Studies* (<https://academic.oup.com/restud/issue>), *Quarterly Journal of Economics* (<https://academic.oup.com/qje/issue>).

38.04.02 Менеджмент: *California Management Review* (<https://cmr.berkeley.edu/browse/issues>), *European Management Journal* (<https://www.sciencedirect.com/journal/european-management-journal/issues>), *International Journal of Management Reviews* (<https://onlinelibrary.wiley.com/journal/14682370>), *Journal of Management* (<https://journals.sagepub.com/loi/JOM>), *Journal of Management Studies* (<https://onlinelibrary.wiley.com/journal/14676486>), *Management Review Quarterly* (<https://link.springer.com/journal/11301/volumes-and-issues>), *Omega* (<https://www.sciencedirect.com/journal/omega/issues>).

38.04.03 Управление персоналом: *Human Resource Development International* (<https://www.tandfonline.com/toc/rhrd20/current>), *Human Resource Development Review* (<https://journals.sagepub.com/loi/HRD>), *Human Resource Management* (<https://onlinelibrary.wiley.com/journal/1099050x>), *Human Resource Management Journal* (<https://onlinelibrary.wiley.com/journal/17488583>), *Human Resource Management Review* (<https://www.sciencedirect.com/journal/human-resource-management-review/issues>), *International Journal of Human Resource Management* (<https://www.tandfonline.com/toc/rijh20/34/22?nav=tocList>), *International Journal of Manpower* (<https://www.emerald.com/insight/publication/issn/0143-7720>).

38.04.04 Государственное и муниципальное управление: *Journal of Public Administration Research and Theory* (<https://academic.oup.com/jpart/issue>), *Journal of Urban Management* (<https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-urban-management/issues>), *Public Administration* (<https://onlinelibrary.wiley.com/journal/14679299>), *Public Administration Review* (<https://onlinelibrary.wiley.com/journal/15406210>), *Public Management Review* (<https://www.tandfonline.com/loi/rpxm20>), *Public Policy and Administration* (<https://journals.sagepub.com/home/ppa>), *Urban Governance* (<https://www.sciencedirect.com/journal/urban-governance/issues>).

38.04.05 Бизнес-информатика: *Business Informatics* (<https://bijournal.hse.ru/en/archive.html>), *Business Information Review* (<https://journals.sagepub.com/loi/BIR>), *International Journal of Business Information Systems* (<https://www.inderscience.com/jhome.php?jcode=ijbis>), *International Journal of Business Intelligence Research* (<https://www.igi-global.com/journal/international-journal-business-intelligence-research/1168>), *International Journal of Information Management* (<https://www.sciencedirect.com/journal/international-journal-of-information-management/issues>), *Journal of Organizational and End User Computing* (<https://www.igi-global.com/journal/journal-organizational-end-user-computing/1071>), *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce* (<https://www.tandfonline.com/loi/hoc20>).

38.04.06 Торговое дело: *AMS Review* (<https://link.springer.com/journal/13162>), *Australasian Marketing Journal* (<https://journals.sagepub.com/home/anz>), *International Journal of Research in Marketing* (<https://www.sciencedirect.com/journal/international-journal-of-research-in-marketing/issues>), *Journal of Interactive Marketing* (<https://journals.sagepub.com/home/JNM>), *Journal of Marketing* (<https://journals.sagepub.com/loi/JMX>), *Journal of Retailing* (<https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-retailing/issues>), *Journal of the Academy of Marketing Science* (<https://link.springer.com/journal/11747/volumes-and-issues>).

38.04.08 Финансы и кредит: *Finance Research Letters* (<https://www.sciencedirect.com/journal/finance-research-letters/issues>), *Financial Innovation* (<https://jfin-swufe.springeropen.com/articles>), *International Review of Financial Analysis*

(<https://www.sciencedirect.com/journal/international-review-of-financial-analysis/issues>), *Journal of Corporate Finance* (<https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-corporate-finance/issues>), *Journal of Finance* (<https://onlinelibrary.wiley.com/journal/15406261>), *Review of Finance* (<https://academic.oup.com/rof/issue>), *Review of Financial Studies* (<https://academic.oup.com/rfs/issue>).

В соответствии с действующей в ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» рабочей программой дисциплины «Иностранный язык профессиональной направленности», в магистратуре Института экономики и управления применяется следующий формат организации внеаудиторного чтения как мероприятия текущего контроля: обучающемуся предлагается самостоятельно найти, прочитать и устно перевести соответствующую его направлению подготовки статью объемом 10000–12000 печатных знаков из профильного научного журнала, выписывая в отдельную тетрадь («словарик») незнакомые слова и/или устойчивые выражения с русскоязычными эквивалентами, выучить 50 профессионально ориентированных лексических единиц, а также подготовить аннотацию прочитанной статьи.

С учетом необходимости формирования у магистрантов всех направлений подготовки универсальной компетенции УК-1, связанной с развитием системного и критического мышления, а также некоторых приведенных выше общепрофессиональных компетенций, и во избежание формального подхода к выполнению последней части задания, при котором обучающийся механически копирует и вставляет в свой текст готовые фразы и целые фрагменты исходной статьи, аннотацию предлагается составить в расширенном формате строго по предложенному плану, который, помимо изложения содержания прочитанного с использованием рекомендуемых фраз-клише, предполагает собственную критическую оценку статьи [3, с. 12–15].

В назначенный день проведения мероприятия текущего контроля проводится индивидуальный опрос по внеаудиторному чтению: обучающийся читает и переводит выделенный преподавателем фрагмент изученной статьи (при этом разрешается пользоваться самостоятельно подготовленным «словариком»), сдает лексический минимум (устно переводит по памяти вразброс называемые преподавателем лексические единицы) и предъявляет составленную им аннотацию статьи.

Проверенный многолетним опытом работы с магистрантами Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», приведенный формат организации внеаудиторного чтения позволяет быстро и эффективно оценить качество выполнения задания и уровень подготовленности обучающегося.

Список использованных источников

1. Исаева, Е. В. Формирование терминологической компетенции студентов магистратуры на уроках английского языка: прикладные математика и физика / Е. В. Исаева, К. С. Рушинская // Евразийский гуманитарный журнал. – 2018. – № 4. – С. 122–125.
2. Миколайчик, М. В. Внеаудиторное чтение на младших курсах нефилологического бакалавриата: от формы к содержанию / М. В. Миколайчик // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы IV Международного научного конгресса / ред. Е. В. Полховская. – Симферополь : Ариал, 2019. – С. 389–393.
3. Миколайчик, М. В. Профессионально ориентированный академический курс английского языка : учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 38.04.01 Экономика / М. В. Миколайчик. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2017. – 140 с.

4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 38.04.01 Экономика : Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 11 августа 2020 г. № 939. – Москва, 2020. – URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Mag/380401_M_3_31082020.pdf (дата обращения: 03.03.2025).
5. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 38.04.03 Управление персоналом : Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. № 958. – Москва, 2020. – URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Mag/380403_M_3_31082020.pdf (дата обращения: 03.03.2025).
6. Соколова, В. А. Формы текущего контроля в курсе изучения иностранного языка в магистратуре / В. А. Соколова // Современный взгляд на науку и образование : сборник научных статей. Ч. VIII ; науч. ред. Н. А. Шайденко. – Москва : Перо, 2021. – С. 97–100.
7. Трофимова, И. Г. Обучение автономному чтению на иностранном языке в техническом бакалавриате и магистратуре / И. Г. Трофимова // Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары : Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2022. – С. 143–147.
8. Шрамко, Л. И. К вопросу об организации процесса обучения чтению на иностранном языке в магистратуре / Л. И. Шрамко // На путях к новой школе. – 2015. – № 3. – С. 166–168.

УДК 811.12

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА КОММУНИКАТИВНОЙ
АГРЕССИИ ПОСРЕДСТВОМ ТАКТИКИ «ОСКОРБЛЕНИЕ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ПРЕЗИДЕНТА США
ДОНАЛЬДА ТРАМПА)**

И. Я. Сидоренко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является исследование реализации прагматического концепта «Оскорбление» в американском политическом дискурсе на примере риторики президента США Дональда Трампа. Материалом анализа послужили публичные выступления Трампа в период с 2015 по 2024 год со ссылкой на твиты, речи и новостные интервью, в которых его слова создавали среду для агрессии среди его сторонников и оппонентов.

Основным методом явился метод функционально-лингвистического анализа политического дискурса. Проанализированы коммуникативные тактики, реализующиеся в конфликтных ситуациях, Рассмотрены целевые установки коммуникантов, обращающихся к данному концепту. Результат показал, что, благодаря использованию данной коммуникативной тактики, Трамп в значительной мере сумел повлиять на своих сторонников и оппонентов.

Ключевые слова: политический дискурс, коммуникативная тактика, функциональная лингвистика, речевая агрессия, профессиональная коммуникация, речевое манипулирование, прагмалингвистика.

Summary. The purpose of this article is to study the implementation of the pragmatic concept “Insult” in American political discourse using the example of the rhetoric of the US President Donald Trump. The material of the analysis was Trump's public speeches between 2015 and 2024, citing tweets, speeches and news interviews in which his words created an environment for aggression among his supporters and opponents.

The main method was the method of functional-linguistic analysis of political discourse. The communicative tactics implemented in conflict situations are analyzed, the target settings of the communicants referring to this concept are considered. The result showed that, thanks to the use of this communication tactic, Trump was largely able to influence his supporters and opponents.

Key words: political discourse, communicative tactics, functional linguistics, verbal aggression, professional communication, verbal manipulation, pragmalinguistics.

Современный американский политический дискурс в силу своих институциональных и национальных особенностей (демократичность, публичность, медийность, диалогичность, бипартизм) носит антогональный характер, следствием чего является постоянная борьба кандидатов за власть. Данная конкуренция зачастую приводит к конфликтогенным ситуациям, языковым маркером которых является использование слов семантического поля «Оскорбление», т.е. слов «различных частей речи, значения которых имеют один общий семантический признак» [3, с. 21–25], в данном случае – оскорбление объекта высказывания. В условиях протекания функциональнопрагматической эволюции современного англоязычного дискурса и наблюдаемой многими исследователями трансформации лингвопрагматических норм речевой интеракции в политической сфере намеренное отклонение от правил вербального поведения, дерегламентация дискурса и нарушение установок на корректное неконфликтное взаимодействие могут рассматриваться в качестве эффективного риторического приема оказания прагматического воздействия на оппонентов [4, с. 12].

Крайним способом речевого выражения концепта «Оскорбление» в политическом общении является использование «языка вражды» или риторики ненависти (hate speech). Под ними можно понимать различные высказывания коммуниканта, способные передать или выразить целенаправленно ненависть к определенной группе населения, в том числе и к этническому, религиозному или национальному меньшинству. Риторика ненависти, как отмечает Е. В. Коваль, базируется на дифференциации людей на «своих» и «чужих» и одновременно рассчитана и на сочувствие и понимание со стороны сторонников субъекта высказывания, и на дискредитацию «чужих» [2, с. 67]. Соответственно, «язык вражды» воздействует в первую очередь на эмоциональную сферу аудитории, апеллируя к её незащищенности или неравенству в отношении тех социальных групп, которые являются объектом оскорбления.

В коммуникативном акте оскорбления можно выделить следующие смысловые составляющие: субъект высказывания, эмоция, процесс, объект. К таким актам мы будем относить любые высказывания политиков, направленные на то, чтобы продемонстрировать неприязнь и неуважение к своему сопернику.

Целью настоящей статьи является изучение реализации прагматического значения «Оскорбление» в американском политическом дискурсе на основе функционально-лингвистического подхода. Решаются следующие задачи:

- на материале политических речей, твитов и новостных интервью Д. Трампа выделяются основные способы выражения оскорбительного отношения субъектов высказывания;
- анализируются речевые тактики, используемые в конфликтогенных ситуациях;

- определяются целевые установки субъектов высказывания, функции их речевых актов, особенности выстраиваемых ими образов объектов оскорбления.

В данной статье рассматриваются функционально-прагматические особенности речевых актов со значением оскорбления в американском политическом дискурсе. Анализ языковых способов реализации смыслового компонента «Оскорбление» в институциональном дискурсе позволяет выявить целевые установки коммуниканта и уточнить манипулятивные тактические приемы, влияющие на адресата.

Основным методом является метод функционально-лингвистического анализа политического дискурса. Материалом исследования являются выступления президента США Д. Трампа, а также его интервью и твиты в социальных сетях. В результате функционально-прагматического анализа были выявлены ключевые тактические способы реализации значения оскорбления в американском политическом дискурсе.

Концепт «Оскорбление» чаще всего реализуется в речах политиков через пейоративные и дискредитирующие средства выразительности. Рассмотрим следующие высказывания президента США Дональда Трампа:

17 октября 2019 г. Д. Трамп нелестно отозвался о спикере Палаты представителей Конгресса Нэнси Пелоси: D. Trump: «Nancy Pelosi needs help fast! There is either something wrong with her “upstairs,” or she just plain doesn’t like our great Country». – «Нэнси Пелоси нужна помощь быстро! Либо с ее «чердаком» что-то не так, либо она просто не любит нашу великую страну» [6]. Д. Трамп использует концептуальную метафору “upstairs” – чердак, номинирующую концепт «голова», уподобляя ее помещению, в следствии чего высказывание приобретает негативную коннотацию. Ранее, 6 ноября 2018 г., Д. Трамп делится своим мнением о демократах: D. Trump: “The Democrats are lousy politicians. They really are. They’ve got horrible policies, open borders, crime is fine. They’re lousy politicians but they have one thing, they are vicious. They’re the most vicious people. So, the House Democrats are surrendering their majority, their dignity, their reputations. They look like a bunch of fools <...>”. – Демократы – паршивые политики. Они действительно таковы. У них ужасная политика, открытые границы, преступность в порядке вещей. Они паршивые политики, но у них есть одна особенность, они порочные. Они самые порочные люди. Таким образом, демократы в Палате представителей предают свою партию, свое достоинство, свою репутацию. Они похожи на кучку дураков <...> [5]. В данном примере представлена речевая стратегия по дискредитации лиц, принимающих решения («Демократы – паршивые политики», «похожи на кучку дураков»). В данном случае употребляется бранная лексика. Автор использует прием, направленный на снижение статуса политиков. Негативная авторская оценочность передана с помощью эмоционально-риторических фигур (параллелизм, негативная метафора). В данном случае присутствует ярко выраженный манипулятивный характер речевого акта.

В следующем примере Д. Трамп обвинил в твиттере демократов в фабрикации доклада Мюллера: D. Trump: “Despite two years and millions of dollars spent, the Democrats are acting like crazed lunatics ever since the results of the Mueller Report were made public. <...>”. – Несмотря на два года и миллионы потраченных долларов, демократы ведут себя как сумасшедшие лунатики с тех пор, как были опубликованы результаты доклада Мюллера. <...> [6]. В приведенном примере актуализируется речевая стратегия по дискредитации лиц, принимающих решения («Демократы – сумасшедшие лунатики»). Анализируемая стратегия выражается посредством употребления негативной оценочной лексики («сумасшедшие») и концептуальной метафоры «лунатик».

Другие примеры оскорбительной риторики позволили получить значительный объем образцов вербальной агрессии Д. Трампа. Вот ряд примеров с высказываниями Д. Трампа в отношении средств массовой информации: “Fake News Media” – Фейковые

Новости СМИ; “Fake & Corrupt Press!” – Фальшивая и Продажная Пресса!; “has never been as corrupt and deranged as it is today” – никогда еще он не был таким коррумпированным и невменяемым, как сегодня; “Fake news” – Фейковые новости; “the true enemy of the people!” – истинный враг народа! [6]. Подобные вербальные инсинуации, направленные на создание негативного социального имиджа СМИ Америки, привели к созданию специальной страницы на официальном портале Нью-Йорк Таймс. Журналистами газеты собрано 598 свидетельств оскорблений в адрес как политических оппонентов Д. Трампа, так и в отношении его зарубежных коллег.

Неоднократно допуская обвинения в адрес прессы, Д. Трамп приводит широкий спектр речевых эпитетов: “dishonest” – бесчестные; “false” – лживые; “very corrupt” – очень коррумпированные; “unfair” – несправедливые; “almost always negative” – практически всегда негативные; “inaccurate” – неточные; “malicious” – злобные; “filled with conspiracy theories and blind hatred” – преисполненные конспирологическими теориями и слепой ненавистью.

В отношении своих политических оппонентов лидер США допускает прямую негативную интерпретацию: “Sleepy Joe” – сонный Джо; “Joe doesn’t understand” – Джо не соображает [5]. Именно так называет Д. Трамп бывшего президента США Д. Байдена, подвергая его умственные способности открытой вербальной дискриминации.

Концепт «Оскорбление» находит многочисленные способы реализации в политическом дискурсе Д. Трампа. Используются различные коммуникативные тактики: обвинения дискредитации, негативного отношения, оскорбления, упрека, издевки, насмешки, которые чаще всего реализуется через пейоративные и дискредитирующие средства выразительности.

Поводом для выражения оскорбления могут выступать различные признаки объекта критики: национальность, партийная принадлежность, религия, убеждения, политические воззрения, возраст и многое другое. Так же часто используется концепт «свой-чужой» для того, чтобы подчеркнуть чуждость политического противника. В качестве речевых маркеров выражения оскорбления и неприязни к оппонентам выступают инвективные и пейоративные эпитеты и метафоры, негативная оценочная лексика, аллюзия; а также гиперболы, лексические повторы, риторические и сравнительные конструкции с ироническим смыслом. Особенности функционирования разных языковых средств в зависимости от коммуникативной ситуации представляют особый интерес.

Особенности дискурса зависят от речевой стратегии субъектов электорального процесса, которая в свою очередь способствует формированию тех или иных речевых тактик, которые формируются под влиянием иерархии мотивов и целей говорящего; речевого портрета личности оппонентов; общественно-политической ситуации в целом и контекста в частности.

К важным характеристикам политического дискурса относится использование определенной системы языковых средств, что способствует формированию у реципиента определенного политического образа. Так, на каждом уровне языка существуют свои средства воздействия. Лексический и грамматический уровни языковой системы, в свою очередь, представляют особый интерес, так как включают наиболее яркие и содержательные средства речевого манипулирования.

Список использованных источников

1. Епифанова, В. В. Лексико-грамматические комплексы русского и немецкого языков для реализации семантического поля «Ненависть» / В. В. Епифанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – No. 9. – С. 394–400.
2. Коваль, Е. А. Риторика доверия как коммуникативная стратегия борьбы с риторикой ненависти / Е. А. Коваль // Российский хороший журнал. – 2019. – No.2(2). – С. 65–81.

3. Куликова, И. С. Введение в языкознание / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. – Москва : Юрайт. – 2013. – 211 с.
4. Храмченко, Д. С. Функционально-прагматическая эволюция английского делового дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Дмитрий Сергеевич Храмченко ; МГИМО. – Москва, 2014. – 55 с.
5. Donald Trump campaign speech in Wisconsin. – URL: <https://www.politico.com/story/2016/08/full-text-donald-trumps-speech-on-2270> (дата обращения: 01.11.2024).
6. Donald Trump's remarks in Charlotte. – URL: <https://www.politico.com/story/2016/08/donald-trump-never-lie-227183> (дата обращения: 02.11.2024).
7. Khramchenko, D. S. Confrontation in modern American political discourse: linguistic aspects teaching practice / D. S. Khramchenko / ICERI 2017 Proceedings. – Seville, Spain : IATED Academy, 2017. – P. 2917–2920.

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

УДК 811.12

ЭФФЕКТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ КУРСАНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК И СРЕДСТВ АВТОМАТИКИ» ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИМ ТЕРМИНАМ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. А. Васильева,

преподаватель высшей категории цикловой комиссии гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Судомеханический техникум, ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», Керчь

Введение. Недостаточное понимание электротехнических терминов на английском языке является распространенной проблемой у курсантов, что затрудняет освоение иностранного языка профессиональной направленности и может привести к ошибкам при эксплуатации судового электрооборудования. **Актуальность:** знание электротехнических терминов на английском языке – основа безопасной и эффективной эксплуатации судового электрооборудования и средств автоматики в смешанных экипажах, где языком общения является английский.

Цель данного исследования является разработка и внедрение эффективной методики преподавания иностранного языка (английского) профессиональной направленности по специальности «Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики», обеспечивающей прочное усвоение материала и его практическое применение в будущей профессиональной деятельности.

Задачи исследования:

- выявить основные трудности, возникающие у курсантов при изучении электротехнических терминов на английском языке;
- определить оптимальные методы и средства обучения иностранного языка (английского) профессиональной направленности;
- разработать систему упражнений и заданий на английском языке, направленных на закрепление и применение полученных знаний;
- оценить эффективность разработанной методики.

Анализ существующих подходов:

1. Традиционные методы: Лекции, семинары, учебники по английскому языку. *Недостатки:* Пассивное восприятие информации, недостаточная связь с практикой. *Пример:* Лекция по теме “3-phasetransformers” без визуального сопровождения, демонстрирующего реальные судовые трех-фазные трансформаторы.

2. Интерактивные методы: Компьютерные симуляции, онлайн-тесты, работа в группах. *Преимущества:* Активное вовлечение курсантов, возможность практического применения знаний и умений в области английского языка. *Пример:* Использование симулятора электрической сети судна для отработки навыков диагностики и устранения неисправностей – курсант показывает и рассказывает на английском языке с использованием ранее изученной профессиональной лексики.

3. Смешанное обучение: Сочетание традиционных и интерактивных методов. *Преимущества:* Оптимальное сочетание теоретических знаний и практических навыков.

Эффективная методика:

1. Принцип 1: Связь с практикой. Каждый термин на английском языке должен быть представлен в контексте судового электрооборудования. *Пример:* При изучении понятия “shortcircuit” («ток короткого замыкания») необходимо показывать реальные последствия короткого замыкания на судовой электроустановке. (Обучающие видео, подкасты, презентации, отработка на практических занятиях по МДК в машинном отделении).

2. Принцип 2: Визуализация. Использование схем, диаграмм, фотографий и видеоматериалов для иллюстрации терминов и процессов. *Пример:* Использование 3D-модели асинхронного двигателя для рассказа на английском языке о принципе его работы и использование основных терминов, связанных с его конструкцией.

3. Принцип 3: Интерактивность. Активное вовлечение курсантов в процесс обучения с использованием интерактивных упражнений, тестов и симуляций. *Пример:* Использование онлайн-платформы для тестирования знаний по иностранному (английскому) языку профессиональной направленности с использованием электротехнических терминов с мгновенной обратной связью.

4. Принцип 4: Повторение и закрепление. Регулярное повторение изученного материала по английскому языку с использованием различных форм контроля. *Пример:* Проведение коротких опросов в начале каждого занятия по английскому по ранее изученным терминам.

5. Принцип 5: Контекстуализация терминологии. Использование английских терминов не только в теоретическом плане, но и в рамках решения практических задач, моделирующих реальные ситуации, возникающие на судах. *Пример:* Разбор ситуаций неисправностей электрооборудования и описание проблемы на английском языке с использованием корректной электротехнической терминологии.

Конкретные примеры применения методики:

1. Тема: Resistance.

Традиционный подход: Объяснение понятия сопротивления, формулы закона Ома, решение задач на английском языке.

Предлагаемая методика:

1. Демонстрация различных проводников (медь, алюминий, сталь – назвать их на английском языке) и измерение их сопротивления с помощью омметра.

2. Объяснение на английском влияния температуры на сопротивление.

3. Решение задач. *Пример:* In this series circuit, we need to calculate the total **resistance** (общее сопротивление). We have three **resistors** (резисторы): R1 is 10 **ohms** (ом), R2 is 22 ohms, and R3 is 33 ohms. Since they are in series, the total resistance is the sum of individual resistances. Therefore, $R_{total} = R1 + R2 + R3 = 10 \text{ ohms} + 22 \text{ ohms} + 33 \text{ ohms} = 65 \text{ ohms}$. The **Ohm's Law** (Закон Ома) states that voltage (напряжение) is

equal to current (ток) times resistance (сопротивление): $V = I * R$. If the voltage applied across the circuit is 130 volts, then using Ohm's Law, the current flowing through the circuit would be $I = V / R_{total} = 130 \text{ volts} / 65 \text{ ohms} = 2 \text{ amperes}$ (ампера).

4. Использование симулятора электрической цепи для моделирования изменения сопротивления и его влияния на ток и напряжение (с комментариями на английском языке).

2. Тема: *Alternative current*.

Традиционный подход: Объяснение понятий амплитуды, частоты, фазы, действующего значения на английском языке.

Предлагаемая методика:

1. Объяснение принципа работы генератора переменного тока и его применения на судах на английском языке с помощью обучающих влогов и подкастов.

2. Решение задач, связанных с расчетом мощности в цепях переменного тока. *Пример:* Problem: An AC circuit has a voltage of 220V RMS and a current of 5A RMS. The power factor is 0.8 lagging. Calculate the apparent power (S), active power (P), and reactive power (Q).

3. Использование симулятора электрической сети судна для моделирования работы генераторов – объяснить на английском языке работу генератора с использованием соответствующей терминологии.

Оценка эффективности методики:

1. Методы оценки:

- ✓ Проведение входного и выходного тестирования для оценки уровня знаний и умений курсантов по специальности на английском языке.
- ✓ Анализ успеваемости курсантов по иностранному (английскому) языку профессиональной направленности.
- ✓ Проведение опросов курсантов для оценки их удовлетворенности методикой обучения иностранному (английскому) языку.
- ✓ Наблюдение за курсантами во время практических занятий не только по английскому языку, а также на тренажерах.

2. Ожидаемые результаты:

- ✓ Повышение уровня знаний и понимания использования электротехнических терминов на английском языке у курсантов.
- ✓ Улучшение успеваемости по иностранному (английскому) языку профессиональной направленности.
- ✓ Повышение уверенности курсантов в своих знаниях и навыках.
- ✓ Сокращение числа ошибок при эксплуатации судового электрооборудования на судне в смешанных экипажах.

Выводы. Предлагаемая методика преподавания иностранного (английского) языка профессиональной направленности по специальности «Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики», основанная на принципах связи с практикой, визуализации, интерактивности, повторения и контекстуализации, обладает высоким потенциалом для повышения эффективности обучения курсантов. Внедрение данной методики позволит сформировать у будущих электротехников прочный понятийный аппарат, необходимый для успешного освоения профессиональной терминологии на английском языке и эффективной работы на судах, что в конечном итоге повысит безопасность и надежность эксплуатации судового электрооборудования.

Список литературы

1. Марцелли, Е. А. Английский язык для судовых механиков, электромехаников : учебное пособие / Е. А. Марцелли. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – 185 с.

2. Пенина, И. П. Английский язык для морских училищ / И. П. Пенина, И. С. Емельянова ; под ред. И. С. Емельяновой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 2001. – 240 с.

3. Пилацкий, Е. С. Повседневный английский для моряков = Everyday English Talks for Mariners / Е. С. Пилацкий. – 2-е изд., испр. и доп. – Одесса : Латстар, 2007. – 156 с.

МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 811.124'373.46:61

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК КАК БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЫ

И. И. Кириллова,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена проблемным аспектам языковой подготовки будущих врачей и поиску путей их преодоления. Цель статьи – рассмотреть основные проблемы восприятия языков, выявить языковые проблемы, проанализировать эффективность традиционных педагогических технологий профессиональной языковой подготовки будущих медицинских работников и определить методы, позволяющие улучшить результаты обучения. В медицинской сфере латинский язык имеет особую функцию, владение им обеспечивает коммуникацию специалистов не только в пределах страны, но и на международной арене. Несмотря на потерю своей основной коммуникативной функции, латынь все же имеет заметное историко-культурное и образовательное значение. Не подлежит сомнению огромная роль латинского и иностранного (английского) языков как фактора формирования не просто специалиста, но и высокообразованной, поликультурной личности.

Ключевые слова: латинский язык, иностранный язык, медицинская терминология, будущие врачи, языковая профессиональная компетенция.

Summary. The article is devoted to problematic issues of language training of future doctors and identifying the ways to overcome them. The purpose of the article is to analyze the effectiveness of traditional pedagogical technologies of professional language training of future medical workers and to review main problems of language perception, typical difficulties and directions for changing teaching methodology in order to improve learning outcomes. Latin language has a special function in medical sphere, its knowledge provides communication for specialists not only within the country but also internationally. Despite the loss of its basic communicative function, Latin still has a huge historical, cultural and educational significance. The role of the Latin and foreign (English) languages not only as a factor in the formation of a specialist, but of educated and multicultural personality is beyond doubt.

Key words: Latin language, foreign language, medical terminology, future doctors, language professional competence.

Динамические социально-культурные и экономические изменения в жизни страны показывают необходимость в новых подходах и требуют креативных, более четких требований к созданию условий подготовки высококвалифицированных специалистов в различных социальных сферах. Таким образом, высшим учебным заведениям необходимо подготовить представителей новой интеллектуальной элиты, в том числе и в медицине. Новые взгляды на организацию образовательного процесса предполагают его усовершенствование, смену парадигм методов обучения. Вузам необходимо создать условия для развития личности обучающегося, овладения терминологическим аппаратом и профессиональным языком, что является одной из

основных составляющих профессиональной компетенции будущего медицинского сотрудника.

Таким образом, основной проблемой, которая стоит перед преподавателем вуза, является выбор приоритетных педагогических технологий и инновационных методик, направленных на конечный результат – сформированные профессиональные компетенции будущих медицинских работников, соответствующие государственным стандартам.

Целью статьи является определение основных проблем восприятия языков, выявление языковых проблем, анализ эффективности традиционных педагогических технологий профессиональной языковой подготовки будущих медицинских работников, определение методов, позволяющих улучшить результаты обучения и повысить их качество.

Основу языковой подготовки будущих докторов составляют учебные дисциплины «Культура речи и делового общения», «Латинский язык» и «Иностранный язык». В нашей статье мы уделяем внимание первому курсу, который является своеобразным языковым фундаментом и обеспечивает формирование терминологического аппарата профессионального языка медика.

Латинский язык и культура – это основа современной европейской цивилизации и практически всех гуманитарных наук, огромное количество слов латинского происхождения были заимствованы русским и многими европейскими языками. Специфическое отличие медицинского языка – это использование, кроме национальных, большого количества международных терминологических единиц латинского и греческого происхождения, владение такой терминологией – необходимое условие формирования профессиональной языковой компетенции будущих медицинских работников.

В процессе изучения дисциплины «Латинский язык» студенты осваивают основы фонетики, нормативной грамматики, орфографии и базовой лексики. В результате освоения данной дисциплины студенты должны понимать специальные терминологические структуры, иметь навыки самостоятельного конструирования анатомо-гистологических, фармацевтических и клинических терминов, знать основы международных ботанической и химической номенклатур, уметь выписывать рецепты и писать (переводить) клинические диагнозы. Ведь знание латинской лексики обеспечивает терминологическую базу большинства профессиональных дисциплин, а также является предпосылкой для более легкого овладения иностранными языками, на формирование лексики которых латынь оказала большое влияние (65% английских и немецких слов и 89% слов романских языков имеют латинское происхождение. Таким образом целью изучения медицинской латыни является формирование терминологической компетенции [5].

Исходя из того, что для будущего врача латинский язык является профессиональным, владение им должно быть на высоком уровне, но существуют факторы, которые усложняют этот процесс: небольшое количество часов отведенное на изучение дисциплины (70 аудиторных часов); большой объем лексического (более 800 лексических единиц) и грамматического материала, что является непростым испытанием для обучающихся нефилологического профиля. Необходимо отметить, что высокий уровень знаний по иностранному языку не является необходимым условием для поступления в медицинский вуз, поэтому студенты первого курса в большинстве своем не владеют сформированными языковыми навыками, не умеют анализировать языковые единицы, конструировать термины [1, с. 336–337].

Кроме внешних факторов, которые усложняют процесс обучения, стоит выделить и ряд чисто лингвистических проблем: невозможность природного освоения языка в языковой среде; количественное преимущество традиционных, часто

устаревших, методик преподавания, которые предполагают механическое заучивание; невозможность избежать использования родного языка в учебном процессе; низкий уровень использования фонетического богатства языка, отсутствие аутентичного аудиоматериала и другое [2].

В результате латинский язык воспринимается как общелингвистический теоретический предмет, при изучении которого основным считается не его практическое применение, а теоретическое восприятие грамматики, ведь речь не идет о применении латыни в реальных языковых ситуациях. Основные проблемы при изучении латинского языка могут быть классифицированы по уровням языковой системы (фонетические, грамматические, лексические и синтаксические ошибки).

Изучение дисциплины начинается с фонетического раздела, целью которого является овладение навыками грамотного чтения. Правила произношения звуков, чтения букв и буквосочетаний на начальном этапе изучения латыни представляют трудность для большинства студентов. При чтении сильно просматривается интерферирующее влияние иностранного языка, который изучают студенты [4, с. 97]. Основные трудности представляет произнесение дифтонгов *ae* [e], *oe* [e], диграфов *ch* [x], *ph* [f], *rh* [p], *th* [t], *sch*[cx], *qu* [kv], *ngu* [ngu/нгв], *ti* [ти/ци], произношение согласных, которые имеют несколько вариантов произношения (*c*, *s*, *z*, *x*), гласных *i*, *u* и так далее.

Правила постановки ударения в латинском языке довольно специфичны. Трудности у обучающихся вызывают нумерация слогов с конца слова, короткие и длинные гласные, исключения.

Проблемой является и большой объем лексического материала, который необходимо запоминать в словарной форме (полной и сокращенной) – *arteria*, *ae f* (сущ. ж.р. 1 скл), *systema*, *atis n* (сущ. ср. р. 3 скл), *simplex*, *icis* (прил. 3 скл с 1 оконч.), *prominens*, *ntis* (прич. наст. вр. действ. залога), *zygomatiscus, a, um* (прил. 1-2 скл.). Также сложна для запоминания синонимия существительных и прилагательных в анатомической терминологии: *cervix dentis* – шейка зуба, но *collum anatomicum* – анатомическая шейка; *os hyoideum* – подъязычная кость, *musculus hypoglossus* – подъязычная мышца, *ductus sublingualis* – подъязычный проток. Сложность также представляет несоответствие количества слов в латинских и русских терминах: *maxilla* – верхняя челюсть; *femur* – бедренная кость; *calvaria* – черепной свод. Необходимо обращать внимание обучающихся на подобные особенности, чтобы избежать дословного «калькирования» с родного языка.

Самые большие трудности у обучающихся-нефилологов вызывает грамматика. Большую часть латинской медицинской терминологии составляют многословные грамматические структуры – *musculus flexor digitorum brevis* – короткий сгибатель пальцев (анат.), *ulcus pepticum duodeni phasis active cum syndrome doloroso* – язвенная болезнь двенадцатиперстной кишки в активной фазе с болевым синдромом (клин.), *extractum Belladonnae siccum* – сухой экстракт красавки (фарм.). Для корректного понимания и составления такого рода терминов необходимо усвоить большинство грамматических тем начиная с правильного выделения основы, ведь это может привести к деформации слова и неверному склонению, до грамматических категорий глагола и его основных форм, используемых при написании рецептов. Все это является неотъемлемым этапом формирования грамматической языковой компетенции будущего врача.

В латинской медицинской терминологии синтаксический способ очень продуктивен, термины-словосочетания могут быть согласованными и несогласованными определениями, а также различными вариантами смешанных многословных терминов. Примером несогласованного определения является *sarut costae*, особенность при переводе на русский язык которого состоит в том, что на

русский язык его можно перевести существительным в родительном падеже – головка ребра, а можно прилагательным в именительном падеже – реберная головка. Эта особенность – причина огромного количества ошибок, неверного перевода терминов такого типа на латинский язык. Специфической обратной моделью несогласованного определения являются названия некоторых химических соединений. Например, названия оксидов, пероксидов, гидроксидов, солей и сложных эфиров: *Zinci oxydum*, (оксид цинка), *Argenti nitras* (нитрат серебра), *Amyli nitris* (амилнитрат). К синтаксическим особенностям мы можем также отнести неправильный порядок слов в согласованном определении (*dura mater, pia mater*), а также особенный порядок слов в смешанных терминах, в которых прилагательное стоит сразу после слов *musculus, nodus, ligamentum, tunica – nodus lymphaticus colli*.

В современной медицинской терминологии мы можем наблюдать все основные лексико-семантические процессы: полисемию, омонимию, антонимию, паронимию и синонимию. Их понимание специалистами, владеющими медицинским языком очень важно с точки зрения профессиональной коммуникации и отсутствия коммуникативных ошибок.

Полисемия медицинских терминов обусловлена как развитием медицины, так и использованием в профессиональном языке общенаучных терминов с более узким значением. Новообразованные понятия отражаются в языке, в частности в полисемии слова, которая выступает одной из форм экономии языковых средств, например: *gatus* – анатом., ботанич., *alveolitis* – в терапии, стоматологии.

Среди трудностей, которые возникают при использовании языка медицины особое место занимают сложные случаи использования паронимов, незнание точного лексического значения приводят к неточному или неверному употреблению. Большую их часть составляют единицы латинского и греко-латинского происхождения: аппендикс (анат.) – червеобразный отросток слепой кишки; аппендицит (клинич.) – воспаление аппендикса, эффект – сильное впечатление, аффект – состояние сильного кратковременного нервного возбуждения.

Лексическим единицам латинского и греческого происхождения свойственна синонимия – термины дублируются, один из которых заимствован, а другой – автохтонный, например: синус – пазуха, церебральный – мозговой, абдоминальный – брюшной.

Достаточно широко в данной терминсистеме представлена и антонимия, которая выражается с помощью морфем, указывающих на избыточность, преувеличение и недостаточность нормы: *hypervitaminosis – avitaminosis – hypovitaminosis; polyuria – oliguria*.

Основой для изменения парадигмы методики преподавания латинского языка в медицинском вузе, по нашему мнению, является переход от пассивных методик к активным. Для решения всех вышеперечисленных проблем и развития лингвистических способностей необходимо использование инновационных технологий, интерактивных методик и интенсивных форм обучения. Они способствуют активации мыслительной деятельности студентов, актуализации их опорных знаний, индивидуализации и дифференциации учебного процесса, возможности самостоятельного осмысления полученных знаний и использования их на практике. Эффективными, по нашему мнению, являются такие методы как работа в малых группах (занятие-конкурс), работа в парах, метод проектов, поисковые работы и творческие задания.

В наше время интенсивного развития науки и техники одним из способов оптимизации учебного процесса при изучении латинской лексики является использование компьютерных технологий, которые усиливают дидактические возможности традиционного обучения. На сегодняшний день обучающимся доступны специальные компьютерные программы, обучающие интернет-сайты, электронные

справочные ресурсы и многочисленные форумы по изучению латинского языка. Благодаря интересу к работе с компьютером у обучающихся растет мотивация, ускоряется процесс обучения, повышается его качество, а также это позволяет обеспечить индивидуализацию обучения.

Еще один способ изучения латинского языка – это опережающее обучение, но, чтобы данная методика была эффективной, должны быть разработаны качественные материалы для самостоятельной внеаудиторной подготовки, использоваться учебные платформы, компьютерный самоконтроль, электронные учебники, интернет-ресурсы, учебные видеоматериалы. Эффективная самоподготовка по новой теме значительно повышает качество восприятия обучающимися на занятии ранее проработанного материала и фактически требует только обобщения, систематизации и уточнения со стороны преподавателя. Но хотелось бы отметить, что данная методика подходит для изучения не всех тем – некоторые требуют только непосредственного индивидуального объяснения.

Продуктивным, по нашему мнению, является междисциплинарный метод, который использует принцип межпредметных связей при подборе содержания и форм занятий по дисциплинам разных интегративных уровней [3]. Согласно данной методике, при изучении латинского языка грамматический материал может подаваться в параллели с повторением грамматики русского языка (акцент на общих чертах), что в методическом и лингвистическом плане достаточно эффективно. Такая методика оптимально обеспечивает формирование грамматической компетенции и может также использоваться при обучении латинскому языку иностранцев. Эффективными будут упражнения, направленные на поиск латинских дериватов в родном и изучаемом иностранном языках.

При изучении языковых дисциплин важно формировать историко-культурологическую компетенцию. Знания об истории и культуре Древних Греции, Рима и России служат показателем высокого уровня образованности современного специалиста любой сферы. Одним из элементов культуры являются крылатые выражения и афоризмы, мы встречаем их в художественной и научной литературе, фильмах и на картинах, они были заимствованы многими языками, в том числе и русским: *Cura te ipsum* (Исцели себя сам), *Natura sanat, medicus curat morbos* (Болезни лечит врач, а исцеляет природа), *Mens sana in corpore sano* (В здоровом теле здоровый дух). Поэтому неотъемлемой частью курса латинского языка является подготовка и защита проектов по истории и культуре Древних Греции и Рима, изучение и запоминание крылатых выражений.

Латинский язык утратил свою коммуникативную функцию, но приобрел большое историческое и образовательное значение, стал неисчерпаемым источником общечеловеческой культуры и связующим звеном между античностью и современностью. В медицинских вузах латынь имеет особую функцию, овладение этим языком обеспечивает профессиональную терминологическую грамотность специалистов; являясь международным источником создания и пополнения общенаучной и медицинской терминологии, позволяет медикам из разных стран понимать друг друга и обмениваться опытом; знание основ латинской грамматики способствует развитию языковой логики, упорядочивает языковое мышление; изучение латыни расширяет культурный диапазон врача. Таким образом, латинский язык является базовым компонентом профессиональной компетенции будущего врача – образованной, поликультурной личности.

Список использованных источников

1. Кучерявая, Т. Л. Проблемы профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей / Т. Л. Кучерявая // Теория

и практика образования в современном мире : материалы Международной научной конференции. – Санкт-Петербург : Реноме, 2012. – С. 336–337.

2. Новикова, О. М. Педагогические условия обучения латинскому языку студентов медицинского вуза / О. М. Новикова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2019. – Т. 8, №1(26). – С. 135–140.

3. Тагунова, И. А. Рекомендации педагогическим работникам по формированию междисциплинарного (межпредметного) содержания общего образования : рекомендации педагогическим работникам / И. А. Тагунова, О. И. Долгая ; ФГБНУ «Институт стратегии развития образования». – Москва, 2023. – 44 с.

4. Турко, У. И. Изучение фонетики латинского языка в высшей школе: из опыта преподавания / У. И. Турко // Известия волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – С. 95–100.

5. Шидловская, О. В. Терминологическая грамотность как значимый компонент в формировании профессиональной компетенции будущего врача (на материале латинской клинической терминологии трансплантологии) / О. В. Шидловская // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – Гродно, 2019. – Т. 17, № 4. – С. 474–477.

УДК 372.8

ФРАЗЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Ю. Н. Коган,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных
языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В предлагаемой работе на основе анализа методической и педагогической литературы делается попытка обозначить и проанализировать основы обучения фразеологии в контексте формирования навыка профессионального общения на занятиях по иностранному языку в медицинском вузе. Автором отмечена важность четко спланированной работы над усвоением лексики и фразеологических конструкций у обучающихся, в процессе которой появляются навыки их использования. Предложены и описаны основные этапы учебной работы, связанные с обогащением языка обучающихся устойчивыми словосочетаниями. Подчеркнута значимость комплексного подхода к овладению иностранным языком, благодаря которому обучающиеся учатся пользоваться фразеологическими, толковыми и лексическими словарями; приобретают умения выделять фразеологические единицы в тексте, пояснять их значение и правильно использовать в речи.

Ключевые слова: обучение, учебный процесс, иностранный язык, фразеология, фразеологизм, фразеологическая единица, устойчивое словосочетание, устная речь, письменная речь.

Summary. Based on the analysis of the methodological and pedagogical literature, the proposed work attempts to identify and analyze the basics of teaching phraseology in the context of the formation of professional communication skills in foreign language classes at a medical university. The author notes the importance of well-planned work on the assimilation of vocabulary and phraseological constructions among students, in the process of which the skills of their use appear. The main stages of educational work related to enriching the students' language with stable phrases are proposed and described. The importance of a comprehensive approach to mastering a foreign language is emphasized, thanks to which

students learn to use phraseological, explanatory and lexical dictionaries; acquire the ability to identify phraseological units in the text, explain their meaning and use them correctly in speech.

Key words: teaching, learning process, foreign language, phraseology, phraseologism, phraseological unit, stable phrase, oral speech, written speech.

На современном этапе методика обучения иностранному языку в медицинском вузе характеризуется усилением коммуникативного подхода для овладения языковым материалом, тенденцией активизировать каждую языковую единицу в условиях профессионально направленного общения. Во время овладения навыками весь новый материал следует усваивать с помощью выполнения комплекса взаимосвязанных упражнений. В этом плане важным является процесс изучения фразеологического фонда иностранного языка, а именно, как известно, фразеология каждого языка находится в тесной связи с жизнью народа, его ментальностью, культурой, бытом, обычаями, традицией, историей, искусством, и даже природным окружением. «Образование фразеологизмов, их ежедневное появление – это живой и постоянный процесс, вызванный самой потребностью человеческого общения» [7, с. 140]. Совершенно очевидно, что при обучении иностранному языку только лишь лексической работы недостаточно, ведь обучающийся в таком случае не отличает в устном или письменном тексте образных устойчивых словосочетаний, не понимает их значений, не может оценить их функциональную и стилистическую роль. Справедливо подтверждает это ученый Е. И. Пассов, который отмечает, что «только тогда, когда мы разговариваем на иностранном языке, начинаем полнее, ярче, изящнее чувствовать родной язык...» [10, с. 234]. Основным в овладении иностранным языком является аспект усвоения новой лексики – слова, а слово, как известно, является составляющей фразеологизма. К сожалению, иноязычных фразеологизмов в оперативной памяти обучающихся мало, поэтому на каждом занятии при изучении нового лексического материала необходимо знакомить с двумя-тремя фразеологическими оборотами. Это не только обогатит языковое знание обучающихся, но и активизирует фразеологический запас, в том числе и родного языка.

Усвоение устойчивых словосочетаний до уровня автоматизированного использования в языке непосредственно связано с проблемой формирования умений и развития навыков. В такой ситуации внимание, в первую очередь, сосредоточено на содержании того, что воспринимается, и осознании смысла, языковые способы при этом не уясняются или уясняются лишь частично. Поэтому обогащение обучающихся устойчивыми словосочетаниями связано с непосредственным направлением внимания на объект изучения.

Основная цель занятия, на котором преподаватель использует фразеологическое богатство языка, – научить отличать фразеологические единицы от свободных словосочетаний, помочь обучающимся понять их значение и стилистическую роль, тем самым последовательно обогащая фразеологический запас каждого. В процессе четко спланированной работы над усвоением лексики и фразеологических конструкций у обучающихся появляются навыки их использования. Вследствие комплексного подхода к овладению иностранным языком обучающиеся учатся пользоваться фразеологическими, толковыми и лексическими словарями; приобретают умения выделять фразеологические единицы в тексте, пояснять значения фразеологизмов и правильно использовать их в речи.

Как отмечает С. В. Мотов, «фразеологизмы, как и слова, являются неотделимой частью языкового фонда, а не отдельным элементом “приукрашивания”» [8, с. 37]. Как и слова, фразеологизмы отображаются в языке как готовые единицы.

На протяжении долгого времени бытовала мысль, что слово и фразеологизм эквивалентны, однако устойчивое выражение эмоционально выразительнее, конкретнее

нежели слова: основная функция слова – номинативность, а фразеологизма – экспрессивная оценка. Наконец, слово – ценностно оформленная единица, а фразеологизм состоит из нескольких слов.

Самым сложным моментом в обучении фразеологии является семантизация фразеологизмов, то есть умение установить их значение. Известно несколько основных приемов семантизации фразеологизмов, которые можно использовать на занятиях по иностранному языку [3; 6; 9]:

1. Семантизация с помощью лексического синонима. К ней следует прибегать тогда, когда фразеологизм можно заменить словом: e.g. *to be back on one's feet/ to be on the road of recovery/ to be on the mend* – *to recover* (выздоровливать, поправляться); *cold feet* – *timidity* (робость, застенчивость, стыдливость); *to be under the weather* – *to be sick, to be unwell* (болеть, приболеть, недомогать, нездоровиться).

2. Семантизация с помощью уже известного фразеологизма – синонима: *(as) clear as day = (as) plain as a pikestaff = (as) right as rain* = описание чего-то очень очевидного и легкого для понимания; подчеркивание ясности ситуации, утверждения, положения (дел, состояния, здоровья больного).

3. Семантизация с помощью свободного словосочетания. К этому приему следует обращаться, когда нет лексического либо фразеологического соответствия (аналога): *to be at someone's heels* – *(to be) close behind* – идти по пятам, следовать за кем-либо, успевать, догонять, настигать (о болезни); *a new lease of life* – «второе дыхание» (приобретение новых сил, прилива энергии и бодрости после периода неудач, болезни, усталости или апатии).

4. Описательный прием интерпретации является универсальным: *black sheep* – *to cry/shout from the house – tops* (*to announce something in the most public manner possible; to make something generally known to a wide public*) – кричать на всех перекрестках; *bundle of nerves* – «комоч/пучок нервов», очень волноваться или нервничать, быть чрезмерно напряженным; человек с чувствительной нервной системой.

5. Семантизация с помощью контекста. Семантизация фразеологизма в этом случае «вытекает» из содержания.

В процессе более глубокого овладения навыками языка и речи на фразеологическом уровне можно выделить три этапа. На первом обучающиеся выполняют рецептивные упражнения – читают, наблюдают за употреблением фразеологизмов в различных предложенных тематических контекстах, выполняют устные и письменные упражнения. Основной целью таких упражнений является распознавание и восприятие фразеологизмов, осмысление их значения, первичное запоминание и первичное самостоятельное употребление устойчивых словосочетаний.

На втором этапе осуществляется работа над автоматизацией и созданием более глубоких языковых навыков употребления фразеологизмов путем выполнения диалогических и монологических упражнений с многократным использованием фразеологизмов. Основной целью этого этапа является запоминание устойчивых словосочетаний.

На третьем этапе формируется умение свободно применять устойчивые словосочетания в любой языковой ситуации. Данный этап является самым сложным. Навык приобретается благодаря выполнению творческих упражнений, комплексных заданий. Цель – правильное применение фразеологизмов для выражения собственных мыслей в устной и письменной речи.

Важным стимулирующим и образовательным моментом является разъяснение источников происхождения фразеологизмов, так как в английском языке они весьма разнообразны. Условно их можно разделить на две большие подгруппы [1; 2; 4; 5]:

- а) чисто английского происхождения;
- б) иноязычного происхождения.

Обучающимся будет интересно узнать, что по количеству фразеологизмов, которые в значительной мере обогатили английский язык, высказывания из произведений Шекспира (шекспиризмы) занимают второе место после библейских. Например, (шекспиризмы): *a plague on both your houses* – чума на оба ваших дома; *to wear one's heart upon one's sleeve* – открыто выражать чувства и эмоции; *a fool's paradise* – выдумка, миф, заблуждение; *that's flat* – коротко и ясно, бесповоротно. Фразеологизмы библейского происхождения: *flesh and blood* – плоть и кровь; *like a giant refreshed* – с новыми силами; *the writing on the wall* – предупреждения о чем-то неизбежном, неминуемом (болезни, состоянии, ситуации); *as the sparks fly upward* – неотвратно, неизбежно (ситуация, болезнь, состояние); *bear/carry one's/the cross* – нести свой крест; безропотно переносить все превратности судьбы (болезни, невзгоды); *the golden rule* – «золотое правило», мудрое правило/правильное лечение, помогающее всегда и всем; *safe and sound* – цел и невредим, жив-здоров; *forbidden fruit* – запретный плод; что-то желаемое, но недоступное или запрещенное и/или нежелательное и вредное для здоровья; *a drop in the bucket /a drop in the ocean* – капля в море; используются, когда речь идет о чем-то, чего слишком мало, недостаточно, что малоэффективно/неэффективно (лечение, лекарственный препарат).

Многие английские фразеологизмы связаны с мифологией. Например: *Achilles' Heel* – Ахиллесова пята (слабое, болезненное место; самое уязвимое место); *to add insult to injury* – усугубление и без того негативной ситуации путем причинения дополнительной боли, унижения или оскорбления; *to cry wolf too often* – поднимать ложную тревогу.

Существует большое количество фразеологизмов, которые совпадают с фразеологизмами в русском языке без каких-либо заимствований: *to rub salt in/into a wound* – сыпать соль на рану, усугублять трудную ситуацию, делать хуже; ранить словами; *just what the doctor ordered* – то, что доктор прописал; то, что надо; *a skeleton in the closet* – скелет в шкафу (о семейной/врачебной тайне, скрывающейся от посторонних), событие или факт из жизни человека огласка которого крайне нежелательна.

Подытоживая сказанное выше, можно с уверенностью сказать, что фразеологизмы являются исключительно важным элементом в обучении иностранному языку. Именно фразеология является вершиной владения языком, и ее уместное употребление насыщает речь, позволяет сделать профессиональное общение эмоционально богатым и интересным.

Таким образом, организация обучения иностранному языку в медицинском вузе требует творческого, комплексного подхода, поиска новых приемов и методов, которые позволили бы разнообразить не только формы воздействия преподавателя на интеллект обучающихся, но и значительно повысить их интерес к предмету.

Список использованных источников

1. Бурова, В. Л. Межкультурная коммуникация в контексте когнитивной лингвистики / В. Л. Бурова // Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам в школе и в вузе : межвузовский сборник научных статей ; под ред. Л. Н. Борисовой. – Белгород, 2003. – С. 4–6.
2. Гончарова, В. А. Диалектика современного межкультурного иноязычного образования: векторы и смыслы : Методологический опыт научной школы «Межкультурное языковое образование в 21 веке» / В. А. Гончарова, И. Н. Столярова, Е. В. Васильева [и др.]. – Москва : Издательский дом «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2018. – 254 с.
3. Краснюк, И. Н. Преподавание фразеологии на уроках РКИ в вузе : сборник трудов конференции / И. Н. Краснюк // Педагогический опыт: теория, методика, практика :

- материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 19 февр. 2016 г.). – Чебоксары : Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2016. – С. 93–95.
4. Литвин, Ф. А. Многозначность слова в языке и речи / Ф. А. Литвин. – Москва : Высшая школа, 1984. – 180с.
5. Тарева, Е. Г. Межкультурное образование в вузе: лингводидактические стратегии и практики / Е. Г. Тарева, А. В. Анненкова, О. А. Гаврилюк [и др.]. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. – 272 с.
6. Мильруд, Р. П. Коммуникативная компетенция как готовность учащихся к общению на иностранном языке / Р. П. Мильруд // Язык и культура. – 2017. – № 38. – С. 250–268.
7. Мильруд, Р. П. Обучение культуре и культура обучения / Р. П. Мильруд // Вестник ТГУ. – 2012. – № 4. – С. 136–143.
8. Мотов, С. В. Обучение английскому языку на лингвокогнитивной основе: фразеологический аспект / С. В. Мотов // Вестник ТГУ. – 2021. – № 194. – С. 35–45.
9. Шафрин, Ю. Д. Идиомы английского языка. Опыт использования / Ю. Д. Шафрин. – Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. – 558 с.
10. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – Москва : Русский язык, 1989. – 276 с.

УДК 811.111

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ УСТНОГО АНГЛИЙСКОГО ПОБУЖДЕНИЯ АПЕЛЛЯТИВНОГО ТИПА

А. Т. Козлова¹, М. Г. Зеленцова²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Данная работа проводилась в рамках экспериментально-фонетического исследования. Ее целью являлось выявить стилистическое своеобразие устных побудительных высказываний в английском языке. Применялись разнообразные методы исследования, а именно: аудитивный, электроакустический, математико-статистический. В результате исследования были выявлены наиболее характерные, частотные стилистические структуры, присущие устным побудительным высказываниям апеллятивного типа. Обосновано их применение в речи. Примеры были получены из аутентичных англоязычных источников. Их достоверность проверялась и подтверждалась аудиторами и информантами – носителями английского языка, владеющими литературной нормой английского языка.

Ключевые слова: экспериментально-фонетическое исследование, побудительное высказывание, аудитивный, электроакустический, математико-статистический, речевое явление.

Summary. This work was carried out as a part of experimental-phonetic research. Its aim was to reveal stylistic structures of oral incentive utterances in the English language. Different research methods such as auditive, electro-acoustic, mathematical and statistical ones have been used in the course of the study. As a result of the investigation most frequent and typical stylistic structures have been determined, inherent in this speech phenomenon. Their application was substantiated.

Key words: experimental-phonetic research, incentive utterances, stylistic structures, auditive, acoustic, speech phenomenon.

Огромная роль побудительных высказываний известна давно. При помощи их осуществляется один из трех основных видов общения, то есть воздействие на волю, чувства, разум собеседника с целью убеждения его к изменению деятельности. Все побуждения характеризуются наличием одного общего признака – апеллативности, который предполагает побудительную силу в высказывании. Категория апеллативности обуславливает признак константной прагматичности в смысловой структуре – (в широком смысле) побуждения.

Известно, что любая коммуникативная единица служит одновременно нескольким функциональным задачам. В условиях реальной речевой деятельности происходит трансформация существующих функций; одни доминируют, другие отходят на второй план. В побуждении доминирующей становится апеллативная функция. По мнению Р. Р. Каспранского, «апеллативные средства служат для достижения наиболее адекватного восприятия речевого поступка коммуникаторами» [4, с. 269].

Апеллативная функция, по нашему мнению, не тождественна побудительной: она шире, так как призвана не просто побудить собеседника к определенным действиям, а оказать еще воздействие на чувства, эмоции слушающих. Апеллативные средства тесно связаны с эмоциональными средствами воздействия, а также с модальным компонентом побудительности. Апеллативность речи, как и эмоциональность достигается нарушением языковой нормы, если под последней понимать немаркированную речь, либо нейтральную основу языка плюс совокупность дифференцированных по условиям речевого употребления языковых единиц. Причем нарушение языковой нормы можно считать «идеальным» нарушением, так как оно лучше нормы выражает прагматическую стратегию коммуникантов.

Наибольшая степень реализации апеллативных средств в побудительном высказывании обусловлена его принадлежностью к публицистическому стилю речи. Для него, как известно, характерно сочетание некоторой образности с точностью, эмоциональности художественной речи с информативной насыщенностью официально-делового стиля.

Рассматривая стилистическое своеобразие апеллативного, высказывания следует отметить, что его особенность обусловлена его принадлежностью к одной из функционально-стилистических разновидностей литературного языка – публицистическому стилю.

К побудительным высказываниям, как высказываниям публицистического характера, предъявляются следующие требования: ясность, краткость, чистота, красота. Еще древние греки, изучая искусство риторики, относили наличие перечисленных качеств публичной речи к ее достоинствам, ставя во главу угла меру, как общее условие для всех видов слова. По их мнению, стиль не должен быть ни слишком низок, ни слишком высок.

Известно, что каждому стилю речи свойственна своя иерархическая организация языковых средств, объединенных на основе выполнения единого коммуникативного задания. Именно в этом – ключ к стилистическому многообразию речевых форм.

Стилистические особенности апеллативных высказываний проявляются в разных языковых аспектах: в семасиологии, в синтаксической организации языковых структур, в фонетике. Благодаря наличию стилистической функции фонетических средств сложно определить, к какому фоностилу принадлежит побуждение.

В побуждении имеют место свои закономерности отбора и использования стилистически окрашенных и нейтральных средств языка, поскольку публицистическому стилю присущи разностилевые элементы стилистических пластов

языка. Среди одного из средств стилистической фонетики – инструментовки – в побуждении отдается предпочтение сочетанию аллитерации с ассонансом, реже эвфонии. Например:

- *Save your social security! We'll come here every week until we win!*

- *Save Scottish Steel!*

Эти средства типичны и для рифмованных побуждений, где рифма достигается путем повторения одних и тех же звуков, а ритм – при помощи четкого чередования ударных и неударных слогов. Благодаря этому, побудительные высказывания легко запоминаются, легко скандируются.

Особенно часто такие высказывания можно встретить в лозунгах, призывах, требованиях. Например:

There is no greater waste

Then the arms race!

Welfare not warfare!

Средства стилистической фонетики способствуют усилению экспрессивности высказывания. Часто такие рифмованные побуждения скандируются аудиторией, что способствует созданию его наибольшего апеллятивного эффекта. Подобные высказывания привлекают невольное внимание слушателей, как своей эмоциональной насыщенностью, так и благозвучностью.

Отбор и использование стилистически окрашенных и нейтральных средств, а также их соотношение имеет в побуждениях свои особенности. В них предпочтение отдается использованию общеупотребительной лексики нейтрального тона, которая может становиться стилистически окрашенной в определенных экстралингвистических условиях. Она не зависит от предметно-логического значения слова, а зависит от сферы и ситуации общения, в которой данное слово в определенном значении имеет наибольшую частотность употребления.

Общеупотребительная лексика сочетается с элементами разговорного стиля (Don't; Let's), а также со словами сниженного стилистического тона.

Например: *Stop selling sexism! Don't let the bastards get you down!*

Внутренняя семантическая структура побуждений, как правило, однозначна. В основной своей массе они не содержат коннотаций, а выражают прямой, конкретный смысл. Например:

- *Increase pensions now to a decent standard!*

- *Seek to talk and learn and act!*

Побуждения не отличаются богатством и разнообразием изобразительных и выразительных стилистических средств.

Из стилистических фигур отношения в побуждениях рекуррентны противоположности в виде антитез.

Например: - *Jobs not Dole! Less jobs – more strikes! Expel careerists, not Socialists!*

Стилистическое своеобразие побудительных высказываний предопределяется спецификой их синтаксических структур, характерных для этого вида волеизъявления. Среди главных стилистических приемов выделяются краткость, лаконичность синтаксических структур как основная их черта.

Краткость побудительных высказываний заключается в том, что большинству присущи, в основном, четырех- и трехкомпонентные структуры. Краткость проявляется и в эллиптичности структур. А именно: в отсутствии подлежащего, части глагольного сказуемого, глагола-связки, союзов и т.п. Однако эллиптичность побуждений такого рода оправдана прагматической направленностью высказывания. Тем более, что вставка недостающего члена высказывания меняет не только его структуру, но и влияет на стилистическую окраску высказывания. Краткость обуславливает и простоту подобных побуждений, но эта простота отличается от простоты обыденной речи. Это

«намеренная», продуманная простота. Одной из характерных черт таких высказываний является употребление сокращений типа: *don't, won't, we'll, can't* и т.д., которые среди других императивных структур занимают 50%; а также использование аббревиатур для названий организаций, обществ, клубов и т.п. Например: *Don't chop SERP* (ANC – African National Congress).

Для поликомпонентных структур характерными являются однонаправленные, линейные структуры с однородными членами с повторами, которые связаны между собой как синдетической, так и асиндетической связью. Широко распространены и комбинации этих явлений.

В побуждениях наиболее частотны простые повторы, параллелизмы, инверсии. Например:

- *Let there be joy, let there be love, let there be peace!*

- *Get up, stand up, stand up for your right! Halt arms race to save human race!*

Подытоживая вышесказанное, следует сделать вывод о том, что стилистические приемы разных языковых пластов в английских побуждениях вызываются к жизни функциональной целесообразностью. И их использование будет эффективным только в случае уместности и соответствии определенной экстралингвистической ситуации.

Следует отметить и особую роль интонации, как своеобразного стилистического приема, которая является одним из эффективных средств эмоционального воздействия. Под воздействием интонации слова могут менять свое значение. В побуждениях супraseгментные средства приобретают, по-видимому, доминирующее положение среди других средств языка, они выполняют роль экспрессивного усилителя, превращая потенциальные высказывания в реальные.

Список использованных источников

1. Блох, М. Я. Публичная речь и ее просодический строй / М. Я. Блох, Е. Л. Фрейдина. – Москва, 2011. – 236 с.
2. Великая, Е. В. Просодия в стилевой дифференциации языка / Е. В. Великая. – Москва, 2008. – 256 с.
3. Дубовский, Ю. А. Вопросы просодии устного текста / Ю. А. Дубовский. – Минск, 1975. – 294 с.
4. Каспранский, Р. Р. Речевое произведение как сложный комплекс лингвосегментической, экстралингвистической и паралингвистической информации / Р. Р. Каспранский // Психоллингвистические и социоллингвистические детерминанты в речи. – Москва : Наука, 1978. – С. 261–278.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ТРЕНАЖЕР КАК СРЕДСТВО ПРАКТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

О. Н. Никейцева,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается роль электронных тренажеров в формировании практико-ориентированных навыков иноязычной подготовки обучающихся медицинских специальностей. Автор анализирует преимущества использования цифровых технологий в обучении профессиональному иностранному языку, а также предлагает методические рекомендации по интеграции электронных тренажеров в образовательный процесс. Особое внимание уделяется развитию коммуникативных компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности в международной медицинской среде.

Ключевые слова: электронный тренажер, иноязычная подготовка, обучающиеся медицинских специальностей, практико-ориентированное обучение, цифровые технологии.

Summary. The article examines the role of electronic simulators in developing practice-oriented skills in foreign language training for medical students. The author analyzes the advantages of using digital technologies in teaching professional foreign languages and offers methodological recommendations for integrating electronic simulators into the educational process. Special attention is given to the development of communicative competencies necessary for successful professional activities in the international medical environment.

Key words: electronic simulator, foreign language training, medical students, practice-oriented learning, digital technologies.

Современные тенденции в образовании, связанные с цифровизацией и глобализацией, требуют новых подходов к подготовке специалистов в области медицины. Одной из ключевых задач является формирование у обучающихся медицинских специальностей навыков профессионального общения на иностранном языке, что особенно важно в условиях международного сотрудничества и работы в мультикультурной среде [4].

Значимость использования цифровых технологий в образовательном процессе отмечали зарубежные ученые (Д. Белшоу) [7]. Цифровизация образования указывает на овладение электронными средствами, сформированность умений и навыков работы с цифрой. Цифровизация способствует усвоению информации, создает эмоционально-комфортную среду, развивает умение генерировать идеи и творить.

Развивающемуся обществу необходимы образованные, нравственные, предприимчивые личности, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способные к сотрудничеству, отличающиеся мобильностью, динамизмом, конструктивностью. В этой связи, главная задача российской образовательной политики – обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства.

На сегодня уже накоплен значительный опыт использования цифровых технологий в учебном процессе школы и вуза, который отражен в работах Н. В. Апатовой, Р. С. Гуревича, А. П. Ершова, В. Е. Ключко и др. [1; 2; 3; 5].

По мнению Р. С. Гуревича, процесс обучения в высшей школе требует компетентного внедрения педагогами в образовательный процесс новых достижений науки, техники и технологий [2]. Ключевым аспектом современного образования выступает использование открытых информационных систем. В современных вузах в настоящее время интенсивно развиваются электронные образовательные ресурсы.

Среди преимуществ цифровых образовательных ресурсов выделим следующие:

- интерактивность: тренажеры позволяют студентам активно взаимодействовать с учебным материалом, что способствует более глубокому усвоению информации;
- адаптивность: возможность настройки уровня сложности в зависимости от индивидуальных потребностей обучающихся;
- практическая направленность: моделирование реальных ситуаций, с которыми студенты могут столкнуться в профессиональной деятельности;
- обратная связь: мгновенная оценка выполнения заданий, что позволяет корректировать ошибки и улучшать навыки.

Использование электронных тренажеров направлено на разрешение ряда задач: ознакомление со строением объектов и их элементами; формирование навыков выполнения; изучение технологической схемы; закрепление умений оформления документации. Они используются с целью представления учебных материалов, организации процесса закрепления знаний; выступают как фиксатор знаний, включают в себя интерактивные упражнения на пройденный материал.

Кроме того, важно отметить, что формирование универсальных компетенций обучающихся направления подготовки Лечебное дело, Педиатрия, Стоматология средствами информационных технологий направлено на интеллектуальное, нравственное, эстетическое развитие студентов, формирование их информационной культуры, что крайне актуально в условиях информатизации общества и системы образования.

Интеграция электронных тренажеров в процесс иноязычной подготовки студентов медицинских специальностей способствует повышению качества обучения, развитию практических навыков и формированию профессиональной языковой компетенции. Электронные тренажеры позволяют моделировать реальные ситуации профессионального общения, что особенно важно для будущих медиков. Данные рекомендации направлены на эффективное внедрение таких технологий в образовательный процесс.

Приведем пример поэтапной интеграции электронных тренажеров.

Подготовительный этап:

- провести анализ потребностей студентов и преподавателей;
- выбрать электронные тренажеры, соответствующие целям обучения (например, платформы с медицинской лексикой, симуляторами диалогов и т.д.);
- обеспечить техническую готовность: доступ к компьютерам, планшетами или смартфонам, стабильное интернет-соединение;
- организовать обучение преподавателей работе с выбранными тренажерами.

Основной этап:

- включить электронные тренажеры в учебный план как часть аудиторной и внеаудиторной работы;
- использовать тренажеры для отработки: медицинской терминологии, диалогов с пациентами (сбор анамнеза, объяснение диагноза, назначение лечения), навыков презентации медицинской информации (доклады, case studies);
- комбинировать индивидуальную и групповую работу с тренажерами;

– регулярно проводить промежуточные тесты и контрольные задания для оценки прогресса;

Заключительный этап:

– провести итоговую оценку эффективности использования тренажеров (опросы, тестирование, анализ успеваемости);

– скорректировать программу обучения на основе полученных данных;

– поощрять студентов, активно использующих тренажеры, и делиться их успешным опытом.

Критерии выбора электронных тренажеров:

– соответствие профессиональной тематике (лечебное дело, педиатрия, стоматология);

– наличие интерактивных функций (аудио, видео, симуляции);

– возможность адаптации под уровень подготовки студентов;

– наличие обратной связи и системы оценки результатов.

Среди наиболее эффективных обучающих тренажеров выделим следующие: платформы для изучения медицинской терминологии (например, Quizlet, Memrise); симуляторы диалогов с пациентами (например, Body Interact, MedSim); программы для отработки навыков аудирования и говорения (например, Duolingo, Babbel).

Для успешного внедрения электронных тренажеров в образовательный процесс необходимо учитывать методические аспекты:

– отбор содержания: учебные материалы должны соответствовать профессиональным стандартам и реальным потребностям студентов-медиков;

– интеграция с традиционными методами обучения: сочетание электронных тренажеров с аудиторными занятиями и практическими семинарами;

– оценка эффективности: регулярное тестирование и анализ результатов для корректировки учебного процесса.

Интеграция электронных тренажеров в процесс иноязычной подготовки студентов медицинских специальностей позволяет сделать обучение более практико-ориентированным, интерактивным и эффективным. Соблюдение данных рекомендаций поможет преподавателям успешно внедрить современные технологии в образовательный процесс и подготовить обучающихся к профессиональной деятельности в международной среде.

Электронные тренажеры являются перспективным средством практико-ориентированной иноязычной подготовки обучающихся медицинских специальностей. Их использование позволяет не только развивать языковые навыки, но и формировать профессиональные компетенции, необходимые для успешной работы в медицинской сфере. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку новых методик и технологий, способствующих повышению эффективности обучения.

Список использованных источников

1. Апатова, Н. В. Информационные технологии в школьном образовании / Н. В. Апатова. – Москва : Просвещение, 2014. – 224 с.
2. Гуревич, Р. С. Преемственность содержания трудового обучения и профессиональной подготовки учащихся / Р. С. Гуревич. – Москва : Высшая школа, 1992. – 111 с.
3. Ершов, А. П. Основы информатики и вычислительной техники : пробное учебное пособие для средних учебных заведений. В 2 частях. Часть 1 / А. П. Ершов, В. М. Монахов, С. А. Бешенков ; под ред. А. П. Ершова. – Москва : Просвещение, 1985. – 96 с.
4. Иванова, Т. Ю. // Цифровые технологии в образовании: новые возможности и вызовы. Образовательные технологии / Т. Ю. Иванова // Электронный сборник тезисов докладов 1-й научно-практической конференции. – 2018. – С. 450–453.

5. Ключко, В. Е. Онтология смысла и смыслообразование (размышления в связи с юбилеем О. К. Тихомирова) / В. Е. Ключко // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. – 2013. – № 2. – С. 106–120.
6. Belshaw, D. The Essential Elements of Digital Literacies [Electronic Resource] / D. Belshaw. – Access mode: <http://doughbelshaw.com/ebooks/digilit/> under a CC BY license. (Access date: 23.01.2025).

УДК 82

ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В ЦИФРОВОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

М. С. Никитина,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данной работы является рассмотрение проявлений личности писателя, его задач в цифровом литературном пространстве. Основные методы исследования, применяемые в данной работе: изучение, анализ и обобщение научной литературы по исследуемой теме, систематизация теоретических и практических знаний по теме исследования. В статье рассмотрены понятия культурного, литературного поля. Особое внимание уделено анализу влияния цифровых технологий на деятельность писателей.

Ключевые слова: цифровые технологии, писатель, литературное поле, Интернет, цифровое пространство.

Summary. The purpose of this work is to consider the manifestations of the writer's personality, their tasks in the digital literary space. The main research methods used in this work: study, analysis and generalization of scientific literature on the topic under study, systematization of theoretical and practical knowledge on the research topic. The article considers the concepts of the cultural, literary field. Particular attention is paid to the analysis of the digital technologies influence on the writers' activities.

Key words: digital technologies, writer, literary field, Internet, digital space.

Современные информационные технологии, Интернет в частности, на протяжении последних десятилетий оказывают значительное влияние на литературу: на отношения и поведения, порождаемые литературным процессом, и на саму систему средств выражения в литературных произведениях. В результате этого наблюдается процесс разделения литературного поля на две сферы, взаимосвязанные между собой: сетевая литература, которая транслируется в Интернете, и бумажная литература, традиционно представленная книгой. Особое внимание заслуживает личность писателя, которая благодаря новым технологиям имеет различные способы раскрытия и более широкий спектр воздействия на читателей.

Французский социолог, этнолог и философ Пьер Бурдьё полагает, что «исследователи культуры, придерживающиеся самых разных теоретических и методологических установок и интенций, как правило, обходят стороной само существование социальных пространств, в которые помещены агенты, принимающие участие в культурном производстве, – пространств, которые называются полями (литературным, артистическим, научным, философским и так далее)» [1, с. 23].

Под понятием поля П. Бурдьё подразумевает социальное пространство, в котором помещены агенты, принимающие участие в культурном производстве. Согласно французскому социологу, «литературное поле представляет собой поле сил,

воздействующих на всех вступающих в поле, по-разному в зависимости от занимаемой позиции (укажем для примера наиболее удаленные друг от друга точки: позиция автора бестселлера или позиция поэта-авангардиста). В то же время литературное поле является еще и полем конкурентной борьбы, направленной на консервацию или трансформацию этого поля сил» [1, с. 23].

Литературное поле включает агентов и институции, отвечающие за создание, распространение, интерпретацию и потребление литературных текстов. В соответствии с методикой П. Бурдье, предполагающей анализ взаимодействия различных культурных полей, выявляются основные действующие субъекты Интернета. Таковыми можно назвать три типа институций: экспертные сообщества, электронные журналы, креативные среды [3].

Стоит отметить, что если экспертные сообщества и электронные журналы отражают в большей степени творчество писателя, то условия креативной среды можно отнести к фактору развития творческой личности писателя. Такими, например, являются сайты писателей, их личные страницы в социальных сетях, а также приобретение новых навыков в поддержании своих цифровых активов.

Следовательно, обилие информационных потоков, различные коммуникативные практики и сопричастность современного писателя к ним, способствуют созданию уже новых контуров литературного поля.

Т. Д. Венедиктова полагает, что «в социуме «современном», в отличие от традиционного, культурные формы воспринимаются не только как наследуемые, в их неизменности, но и как изменяемые усилиями людей по ходу воспроизводства. Поэтому ценностью наделяется не только опыт универсально значимый, предназначенный для почитания и «хранения вечно», но и опыт-«взвесь», пребывающий в обращении, быстро обновляемый, пластичный» [2, с. 34].

Стоит предположить, что опытом-взвесью можно считать обширный опыт взаимодействия современного писателя и его читателя: встречи с писателями, книжные ярмарки, автограф-сессии, блоги, писательские сайты, что также способствует расширению и трансформации понятия литературного поля.

С одной стороны, цифровые технологии и медиа предлагают новые способы создания литературных произведений, но они также требуют от писателей разработки различных стилей, техник, навыков общения между ними и их читателями, а также между ними и их работой. В цифровую эпоху авторы склонны к развитию новых форм грамотности [7] путем повышения осведомленности и навыков для цифрового письма и цифрового чтения. Предполагалось, что развитие цифровых технологий и медиа даст больше свободы в творчестве писателей, однако он привел также к массовому накоплению информации и рассеиванию идей, мыслей по всему цифровому ландшафту.

Задачей писателей является осознание важности и срочности, с которой им нужно управлять своим цифровым наследием. Их работой также является взятие под контроль своих цифровых активов: электронные тексты, цифровые данные и документы. Поскольку технологии и медиа постоянно развиваются, мир письменной литературы также становится историей о новых цифровых произведениях, которые создаются как литература, которую можно потреблять и с которой можно взаимодействовать посредством компьютеров, других устройств и Интернета. Авторы становятся все более заметными. Поэтому теперь авторам необходимо брать на себя большую ответственность за свой творческий процесс и литературные произведения, которые они создают. Взять на себя ответственность означает повысить осведомленность и развивать правильное отношение к вопросам управления своими цифровыми текстами. Это особенно относится к написанию произведений в Интернете,

поскольку это подразумевает иное распределение контента и отсутствие контроля над этим распространением [6, с. 265–266].

Таким образом, авторы сталкиваются с более практическими проблемами, такими как знакомство с цифровыми технологиями и медиа, их сильными сторонами, возможностями и обязательствами, картированием и организацией своих цифровых активов, их резервным копированием, применением надлежащих практик сохранения, защитой информации при сохранении собственной конфиденциальности, выбором правильного формата информации, который обеспечит ее устойчивость и доступность в будущем. Соблюдение данных аспектов определяет цифровую судьбу литературных произведений и влияют на проявление личности писателя в цифровой среде.

Список использованных источников

1. Бурдье, П. Поле литературы / П. Бурдье // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 45. – С. 22–87. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3042> (дата обращения: 09.03.2025).
2. Венедиктова, Т. Д. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой / Т. Д. Венедиктова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 280 с.
3. Катаев, Ф. А. Русская проза в эпоху Интернета: трансформации в поэтике (1990–2000-е годы) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Филипп Андреевич Катаев ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2012. – 19 с.
4. Черняк, М. А. Трансформация авторской и читательской субъектности в условиях творческой цифровой среды / М. А. Черняк, О. Пешкова // Культура и текст. – 2019. – № 2 (37). – С. 144–156.
5. Micunovic, M. Literature and Writers in the Digital Age: A Small-Scale Survey of Contemporary Croatian Writers' Organization and Preservation Practices / Milijana Micunovic, Hana Marčetić, Maja Krtalić // Preservation, Digital Technology & Culture. – 2016. – Vol. 45, no. 1. – P. 2–16.
6. Musburger, R. An Introduction to Writing for Electronic Media: Scriptwriting Essentials Across the Genres. Burlington / R. Musburger // Focal Press. – 2007. – 36 p.
7. Horning, A. Reading, Writing, and Digitizing: Understanding Literacy in the Electronic Age / A. Horning. – Newcastle : Cambridge Scholars Publishing, 2012. – P. 185–187.

УДК 81-112

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЦИНСКОГО ТРАКТАТА

Л. В. Ягенич,

*заведующая кафедрой иностранных языков № 4, кандидат педагогических наук,
доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению прагматических функций письменного научного медицинского текста на примере англоязычного трактата по медицине в соответствии с коммуникативными интенциями адресанта. Целью статьи является определить прагматические функции, позволяющие охарактеризовать трактат как письменный научный медицинский текст. Инструментом опосредованной коммуникации с адресатом вне времени и пространства является текст, который обеспечивает реализацию коммуникативной интенции учёного в информировании адресата. Экстралингвистические факторы текстообразования влияют на восприятие и

понимание информации в медицинском тексте. Коммуникативной целью адресанта является передача фактической информации о возможных заболеваниях и оказании аргументативной помощи адресату, что реализуется прагматическими функциями (дескриптивной, прескриптивной и информативной) письменного научного текста.

Ключевые слова: письменный научный медицинский текст, прагматическая функция, текстообразование, коммуникативная цель.

Summary. The article is devoted to the consideration of the pragmatic functions of a written scientific medical text using the example of an English treatise on medicine in accordance with the communicative intentions of the addresser. The purpose of the article is to determine the pragmatic functions that allow to characterize the text of the treatise as a written scientific medical text. The communication with the addressee out of time and space is realized through the text and it contributes to the achievement of the communicative intention of the scientist in the way of informing the addressee. Extralinguistic factors of text formation affect the perception and understanding of information in the medical text. The communicative goal of the addresser is to convey factual information about possible diseases and providing assistance to the addressee along with pragmatic functions (descriptive, prescriptive and informative).

Key words: written scientific medical text, pragmatic function, text formation, communicative purpose, written scientific medical text, pragmatic function, text formation, communicative purpose.

Вербальная форма выражения идей, результатов научных исследований посредством системы языка способствует представлению данных, демонстрируя экспериментально проверенные факты, организация которых в текстовую форму обеспечивает долгосрочное хранение информации для целевой аудитории. В рамках предлагаемой статьи рассматриваем роль первых англоязычных научных работ в становлении и развитии англоязычной медицинской науки. Написание, форма и стиль, условия текстообразования научных трудов вызывают интерес лингвистов. Актуальность данной статьи обоснована возрастающей значимостью академического английского языка в виртуальном мире глобального пространства развивающейся медицинской науки. Анализ ранних научных англоязычных работ позволит проследить диахронию развития медицинской науки и ее влияние на лингвистические каноны написания теоретических медицинских работ.

Целью статьи является изучение прагматических функций медицинского трактата на английском языке, учитывая определённые коммуникативные интенции адресанта.

При анализе научных трудов О. С. Ахмановой, Е. А. Баженовой, С. Т. Богатыревой, М. Н. Кожиной, Л. А. Комаровой, М. П. Котюровой, Н. М. Разинкина, С. В. Ракитина, С. Г. Тер-Минасовой, Е. А. Георгакопулу (A. Georgakopoulou), Ю. Хабермаса (J. Habermas), Д. Шиффрин (D. Shiffirin) становится очевидным, что присутствуют разночтения и противоречия в определении структуры и условий целеполагания, речепорождения и интерпретации ранее полученной информации, а также отсутствует единство в понимании и определении категории письменного научного текста.

В рамках данного исследования текст понимаем как вербальное отображение действительности, оформленной в письменном виде, вслед за И. Р. Гальпериным, выделяем такие характеристики текста, как целенаправленность и прагматическая установка [4]. В рамках коммуникативно-прагматических связей «адресант-текст-адресат», где адресат определяется как участник коммуникативного процесса, с возможностью интерпретировать, пояснять, дополнять полученный от адресанта текст. В данной концепции, вслед за В. И. Карасиком, текст также понимается как статичная часть дискурса [5], имеющего цель изложения и завершенность по содержанию. Текст

может пониматься по-разному, хотя адресант изначально закладывает в него один смысл. Текст является закодированным сообщением со вложенным адресантом смыслом [2; 3]. Историческое развитие науки оказывает влияние на текстообразующие процессы социума и отображает результаты исследований, имеющих обоснование посредством базовых знаний адресанта, который излагает научные идеи в определенной письменной форме, используя языковые единицы.

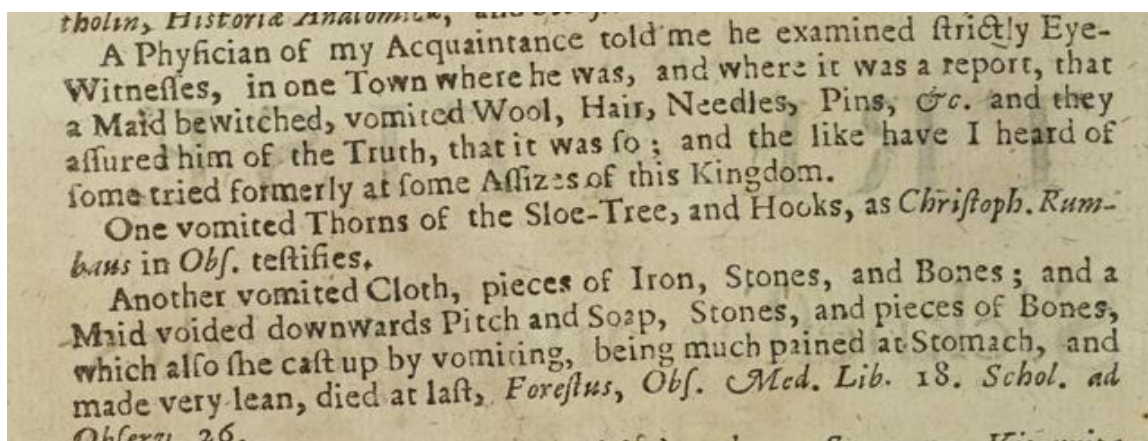
Текст определяется значимостью информационной точности, которая отображает интенцию автора в диалогическом единстве текста и экстралингвистических условий текстообразования. В. Н. Агеев отмечает, что текст – это отражение социальной информации, в его контексте проявляется общественное сознание [1; 2]. Таким образом, находим подтверждение, что диахрония развития медицинского текста имеет историческую, социальную, культурную и научную обусловленность.

Первым жанром письменного научного медицинского текста рассматриваем трактат, имеющий структурно-лингвистические и содержательные особенности письменного научного текста. Трактат, будучи основополагающим жанром медицинского текста, предусматривает передачу знаний, опыта, результатов исследований последователям. Трактат стал основой развития первичных жанров в сфере науки: монографий, диссертаций, статей, а также профессиональных документов [9]. В толковом словаре иностранных слов Л. П. Крысина находим определение «трактата», где указано на родство трактата и монографии [6].

Рассмотрим функции трактата в зависимости от предназначения научного труда. Предметом рассмотрения данной статьи являются функции, реализуемые в медицинском англоязычном трактате с XVII века, с момента признания английского языка Королевским сообществом как допустимого для представления научных исследований в письменной форме. В текстах трактатов находим описание заболеваний: патологических состояний человеческого организма, симптомы, рекомендации по лечению, рецепты. Трактат состоит из разделов, но архитектура текста ещё не определена строгими правилами. С точки зрения содержательно-смысловой структуры текста разделы и подразделы могут рассматриваться как коммуникативно-прагматические блоки информационного воздействия на адресата, примерами таких текстов могут быть трактаты: Fioravanti L. A treatise of chirurgery [10], Drage W. Daimonomageia [11]. В рамках данной статьи мы говорим об информационной точности [7; 8], которая обеспечивает передачу достоверной информации в сфере медицинских наблюдений и работы с пациентами.

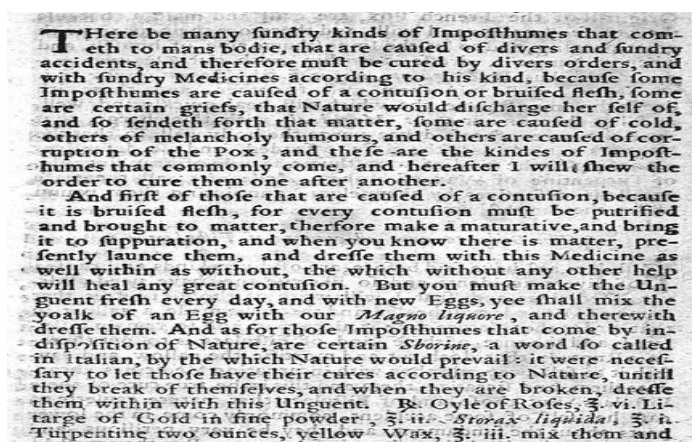
Описание рекомендаций по лечению является формой воздействия на адресата с целью убеждения в правильности выполнения определённых медицинских рекомендаций, например: “when I caused her tongue to be held out of her mouth, their voice was more obscure; it is sometimes hoatser, sometimes thriller; sometimes small, sometimes great; someumes her Throat swells more, sometimes leffe, and her Breaft is elevated; they went to read, they told her, the should not, yet (he did)” [11, p. 54].

Представление в дескриптивной форме заболеваний, например [10, p. 22]:

Дескриптивное представление информации в текстовой форме позволяет понять работу врача, проведение врачебной практики и условия написания определённого жанра письменного труда.

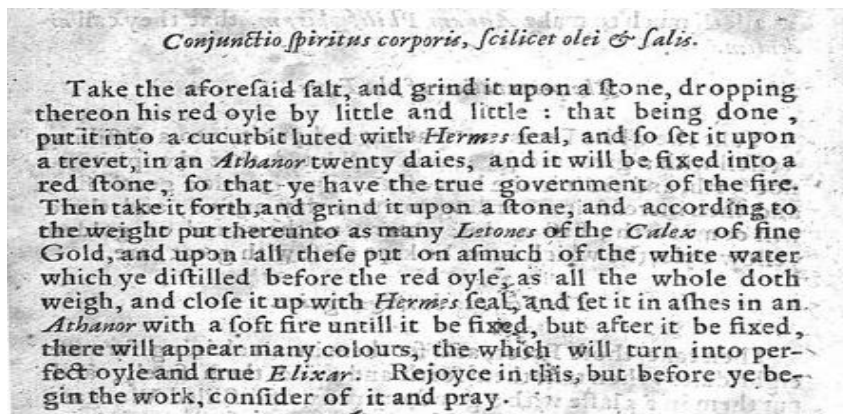
Описание симптоматики с последующими рекомендациями позволяет понять методы лечения и описание того состояния, которое предполагало лечение. Использование модального глагола *must* говорит о категоричности и бескомпромиссности в рекомендациях, а понимание точного выполнения передаётся через вспомогательный глагол будущего времени *shall*, например [10, p. 222]:

В данной статье рассматриваем процесс воздействия на адресата путём реализации текстовых прагматических функций, как реализацию коммуникативной интенции адресанта и достижение поставленных целей через информирование адресата. Под прагматической функцией понимаем воздействие на адресата через структурно-семантическую текстовую единицу, имеющую языковое выражение с представлением результатов научно-познавательной деятельности учёного-врача. Текст формируется как структурно-содержательное единство, имеющее прагматические функции: дескриптивная (описание заболевания), прескриптивная (рекомендации по лечению), информативная (описание симптоматики) – коммуникативной направленности.

Письменный научный медицинский текст на примере трактата способствует достижению поставленных коммуникативных целей путём передачи медицинской информации. Таким образом, медицинское информирование, направленное на адресата, выполняется посредством языковых единиц, организованных в структурно-содержательное и смысловое текстовое единство. Текст трактата обеспечивает передачу адресату медицинских сведений по диагностике, предписаниям по

восстановлению, включая клинические эксперименты или наблюдения, например [11, р. 475]:

Выявленные прагматические функции коммуникативных интенций врача позволяют охарактеризовать текст трактата как письменный научный медицинский текст, с одной стороны, выступающий инструментом опосредованной коммуникации с адресатом вне времени и пространства, а с другой стороны, трактат способствует достижению главной цели учёного, заключающейся в информировании адресата о возможности оказания медицинской помощи. Подводя итоги, определяем значимость правильности восприятия и понимания информации медицинского текста адресатом, учитывая экстралингвистические факторы текстообразования. Наряду с прагматическими (дескриптивной, прескриптивной и информативной) и коммуникативной функциями текста целью адресанта является передача фактической информации о возможных заболеваниях и оказании помощи адресату.

Список использованных источников

1. Агеев, В. Н. Семиотика / В. Н. Агеев. – Москва : Весь мир, 2002. – 256 с.
2. Антонова, Н. Ю. Функции текстов инструкций по применению лекарственных препаратов / Н. Ю. Антонова, С. В. Третьяк // Научный диалог. – 2018. – № 3. – С. 22–28. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-tekstov-instruktsiy-po-primeneniyu-lekarstvennyh-preparatov> (дата обращения: 07.02.2025).
3. Баженова, Е. А. Прагматические единицы научного текста / Е. А. Баженова // Филологические заметки. – 2007. – № 5. – С. 21–26. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-editsy-nauchnogo-teksta> (дата обращения: 28.01.2025).
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : КомКнига, 2007. – 144 с.
5. Карасик, В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: социолингвистический и эмотивный аспекты. – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 185–196.
6. Крысин, Л. П. Толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – Москва : Эксмо, 2006. – 944 с.
7. Ковшикова, Е. В. Категория коммуникативной точности (на материале текстов деловых писем) : специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Елена Владимировна Ковшикова ; Волгоградский гос. пед. университет. – Волгоград, 1997. – 20 с.
8. Косова, М. В. Информативность документного текста: лингвистические критерии меры / М. В. Косова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2013. – Серия 2: Языкознание. – № 3 (19). – С. 85–89.

9. Ягенич, Л. В. Жанровая специфика медицинского трактата / Л. В. Ягенич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 9-1 (87). – С. 67–74. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifika-meditsinskogo-traktata> (дата обращения: 07.02.2025).
10. Fioravanti, L. A. Treatise of Chirurgery [Electronic Resource] / L. A. Fioravanti. – London : G. D., 1652. – 475 p. – Access mode: https://archive.org/details/BIUSante_06601/page/n85/mode/2up. (Access date: 09.02.2025).
11. Drage, W. Daimonomageia [Electronic Resource] / W. Drage. – London : Printed by J. Dover, 1665. – 70 p. – Access mode: <https://archive.org/details/b30336958/page/6/mode/2up>. (Access date: 09.02.2025).

МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 81.112

МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ПИСЬМЕННОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТРАКТАТА ПО АНАТОМИИ)

В. С. Абейдулина,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский
институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Ягенич Л. В., заведующая кафедрой иностранных
языков № 4, к. п. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье иллюстрируется классификация медицинских терминов с использованием системы, предложенной Б. Н. Головиным, которая включает термины-слова (непроизводные, производные, аббревиатуры и сложные) и термины-словосочетания (простые и сложные) на материале английского медицинского трактата XVII века “The Anatomy of Melancholy” Р. Бёртона. Исследование подтверждает актуальность предложенной классификации для анализа письменных научных текстов. Автор статьи приходит к выводу, что термины играют существенную роль в медицинском письменном тексте и выступают одним из основных средств передачи научной информации.

Ключевые слова: медицинский научный текст, медицинская терминология, классификация терминов, трактат.

Summary. The article illustrates the classification of medical terms using the system proposed by B. N. Golovin, which includes word terms (non-derivative, derivative, abbreviations and complex) and phrase terms (simple and complex). The material the article is based on the 17th century English medical treatise *The Anatomy of Melancholy* by Robert Burton. The study confirms the relevance of the proposed classification for the analysis of written scientific texts. The author of the article comes to the conclusion that the terms play an essential role in the medical written text and act as one of the main means of transmitting scientific information.

Key words: medical scientific text, medical terminology, classification of terms, treatise.

С давних времён человек стремился понять природу собственного тела, исследовать его строение и процессы, лежащие в основе жизни. Все накопленные

знания фиксировались в медицинских текстах, которые стали важнейшими источниками научной мысли и отражением этапов развития медицины. Эти труды не только передавали опыт от поколения к поколению, но и служили основой для новых открытий, способствуя появлению медицинской терминологии в письменном научном тексте. Исследование медицинских текстов позволяет проследить эволюцию взглядов на человеческий организм, раскрыть пути формирования современной медицины и понять, как изменялись подходы к описанию и классификации знаний о здоровье и болезнях, исследование первых медицинских текстов является важным, поскольку они не только отражают накопленные знания о здоровье и болезнях, но и демонстрируют развитие научного мышления. Изучением письменных медицинских научных текстов занимались многие отечественные и зарубежные учёные: С. В. Гринев-Гриневич и Л. В. Дубровина, занимались вопросами терминологии, применяемой в различных областях медицины [4; 5]. А. С. Черняк и Л. Н. Гущина в своих работах изучали термины, описывающие онкологические заболевания мочеполовой системы [6], Т. С. Кириллова рассматривала вопрос английской дермато-венерологической терминологии [7], Н. А. Буданова выявила и проанализировала лексико-стилистические особенности медицинских текстов XIX века [2]. Вслед за Л. Н. Пономаренко, Е. А. Мишутинской и И. С. Злобиной под *медицинским текстом* понимаем специализированную медицинскую публикацию или текст частного характера, содержание которого непосредственно связано с вопросами здоровья человека, а специфика заключается в их предназначении для узкого круга специалистов в области медицины [12]. Данное определение отражает ключевые характеристики медицинского текста: специализированный характер, адресную направленность, разнообразие форм; эти критерии делают определение точным и всеобъемлющим, позволяя охватить различные виды медицинских текстов и их особенности. В рамках данного исследования рассмотрим медицинские научные тексты, представляющие собой особую разновидность научного текста, направленного на передачу специализированных знаний о здоровье, заболеваниях и методах их лечения. Э. В. Акаева отмечает, что письменный научный медицинский текст обладает рядом особенностей, среди которых использование большого количества специальной лексики, аббревиатур, преобладание сложных предложений с ярко выраженными синтаксическими конструкциями, строго оформленная композиция: подразделение на главы, выделение введения и заключения [1]. Структура научного текста и языковые особенности обусловлены необходимостью четкой, логически выстроенной и недвусмысленной передачи информации, что особенно важно в профессиональном обучении врачей и медицинских специалистов. Среди признаков медицинского научного текста Л. Н. Пономаренко подчёркивает научную терминологию [12]. Терминология появляется в связи с развитием научной мысли, поскольку по мере углубления знаний и открытия новых явлений возникает необходимость в точных и однозначных обозначениях для описания новых понятий и процессов. Развитие научной мысли требует систематизации знаний, что способствует формированию и расширению терминологического аппарата в различных научных дисциплинах, в том числе в медицине. В настоящее время интерес к систематизации и анализу современной медицинской терминологии возрастает, что связано с динамичным развитием науки и необходимостью точного и однозначного понимания специализированных понятий. Изучение английских медицинских трактатов позволяет проиллюстрировать современные классификации терминов на конкретных примерах, что способствует более глубокому пониманию структуры письменного научного медицинского текста, кроме того, исследование актуально в контексте глобализации, где английский язык выступает ведущим средством научной коммуникации.

Целью научной работы является иллюстрация классификации терминов, предложенной Б. Н. Головиным, на примере английского трактата, выявление особенностей функционирования терминов в научном тексте.

Классификации строятся на основе различных принципов, таких как происхождение, структурные особенности, семантика, функциональное назначение и сфера употребления; рассмотрим некоторые из них. А. А. Реформатский представляет классификацию терминов по происхождению и семантическому признаку [13; 14], Д. С. Лотте [10] и В. М. Лейчик [9] систематизируют термины в соответствии с их структурой. Д. С. Лотте выделяет термины-номинации (объекты, процессы, явления) и термины-дефиниции (сущность понятий) [10]. Б. Н. Головин предлагает классифицировать термины по формальной структуре, при этом выделяют два конкретных типа: *термины-слова* и *термины-словосочетания*. Классификация терминов-слов производится по их морфемной структуре и среди них выделяют: непроизводные, производные, аббревиатуры и сложные термины. Термины-словосочетания классифицируются в соответствии с типом их структуры, среди которых: простые, сложные; по морфологическому типу главного слова выделяются: субстантивные, адъективные и глагольные [3, с. 70–75]. В рамках нашего исследования полагаем, что классификации терминов Б. Н. Головина является наиболее актуальной для систематизации терминов, поскольку охватывает несколько ключевых аспектов, которые необходимы для точного и функционального анализа медицинской терминологии: учитываются функциональное различие терминов, обеспечивается структурированность терминологии, что помогает правильно воспринимать и интерпретировать сложные медицинские концепты.

В XVII веке английские медицинские трактаты по анатомии играли ключевую роль в систематизации знаний о строении человеческого тела. В этот период активно использовались латинские и греческие анатомические термины, начинали появляться английские термины, именно поэтому материалом исследования в данной статье является английский медицинский трактат по анатомии XVII века “The Anatomy of Melancholy” Роберта Бёртона (Robert Burton), в работе используется выпущенное в 2004 издание версии 1638 года под редакцией К. Хагена (K. Hagen, D. Moynihan) [16]. Примерами терминов, которые употребляются в трактате, могут быть термины-слова, среди которых встречаются: 1) непроизводные термины «*malady*» (болезнь, недуг), цитата: «*A divine in this compound mixed malady can do little alone, a physician in some kinds of melancholy much less, both make an absolute cure...*» (Богослов при таком сложном недуге мало что может сделать в одиночку, врач при некоторых видах меланхолии – гораздо меньше, и то, и другое дает абсолютное исцеление) [16, с. 47]; «*symptoms*» (симптомы), цитата: «*These symptoms vary according to the mixture of those four humours adust, which is unnatural melancholy...*» (Эти симптомы варьируются в зависимости от сочетания этих четырех гуморов, что является причиной неестественной меланхолии) [16, с. 64]; «*skeleton*» (мумия), цитата: «*let him take heed he do not overstretch his wits, and make a skeleton of himself*» (пусть он следит за тем, чтобы не перенапрягать свой ум и не превращать себя в мумию) [16, с. 552];

2) производные термины – «*melancholising*» (меланхолический), образован от существительного «*melancholy*» (меланхолия) суффиксальным способом, обозначающий состояние пациента с меланхолией, цитата: «*... I say, go about their more necessary business, stave off or extricate themselves, but are ever musing, melancholising, and carried along...*» (Я говорю, что они занимаются своими более важными делами, избегают или выпутываются, но всегда задумчивы, меланхоличны и увлечены своим делом) [16, с. 267]; «*prognostics*» (предсказание, прогноз), образованный от глагола «*to prognose*» (прогнозировать) суффиксальным способом, цитата: «*Prognostics, or signs of things to come, are either good or bad. If this malady be not hereditary...*» (Прогноз, или

признаки грядущих событий, бывают либо хорошими, либо плохими. Если это заболевание не передается по наследству) [16, с. 446]; «*infirmity*» (немошь / недуг), образован суффиксальным способом, цитата: «*Divers again are cast upon this rock of solitariness for want of means, or out of a strong apprehension of some infirmity, disgrace, or through bashfulness, rudeness, simplicity, they cannot apply themselves to others' company...*» (И опять же, многие бросаются на эту скалу одиночества из-за недостатка средств, или из-за сильного опасения какого-то недуга, позора, или из-за стыдливости, грубости, простоты, они не могут применить себя в компании других людей....») [16, с. 266–267]; «*remission*» (ремиссия), от латинского корня с помощью суффикса, цитата: «*...fell (out), the body may say to the soul, that will give him no respite or remission...*» (вышедшее (из строя) тело может сказать душе, что это не даст ему ни передышки, ни ремиссии) [16 с. 559]; «*anatomy*» (анатомия), от латинского корня суффиксально, цитата: «*What imagination is, I have sufficiently declared in my digression of the anatomy of the soul...*» (Что такое воображение, я достаточно объяснил в своем отступлении от анатомии души) [16, с. 274];

3) сложные термины – «*pusillanimity*» (малодушие), образован из двух латинских корней *pusillus* («очень маленький») и *animus* («ум») и английского суффикса, цитата: «*It is an ordinary thing for such as are sound to laugh at this dejected pusillanimity...*» (Для тех, кто в здравом уме, обычное дело смеяться над этим удрученным малодушием) [16, с. 438]; «*phlebotomy*» (кровопускание), образованный из греческих корней «*phleba*» (кровеносный сосуд) и «*tomy*» (разрез, рассечение), цитата: «*Phlebotomy, many times neglected, may do much harm to the body, when there is a manifest redundance of bad humours, and melancholy blood...*» (Кровопускание, которым часто пренебрегают, может нанести большой вред организму, может нанести большой вред организму, если в нем наблюдается избыток вредных веществ и меланхоличная кровь) [16, с. 257].

Также в трактате используются термины-словосочетания, которые по классификации Б. Н. Головина разделяются по структуре на:

1) простые словосочетания – «*black choler*» (чёрная желчь), цитата: «*Black choler is a shoeing-horn, a bait to allure them, insomuch that many writers make melancholy an ordinary cause, and a symptom of despair...*» (Черная желчь – это орудие, приманка, чтобы заманить их, до такой степени, что многие писатели считают меланхолию обычной причиной и симптомом отчаяния) [16, с. 1134];

2) сложные словосочетания – «*inbred malady*» (врожденная болезнь), цитата: «*Tis an inbred malady in every one of us...*» (Это врожденный недуг в каждом из нас) [16, с. 57]; «*hypochondriacal melancholy*» (ипохондрическая меланхолия), цитата: «*...though many are of opinion flatuous or hypochondriacal melancholy are most subject of all others to this infirmity...*» (хотя многие считают, что метеоризм или ипохондрическая меланхолия наиболее подвержены этому недугу из всех остальных) [16, с. 787]; «*love melancholy*» (любовная меланхолия), цитата: «*That there is such a distinct species of love melancholy, no man hath ever yet doubted...*» (В том, что существует такая особая разновидность любовной меланхолии, еще никто не сомневался) [16, с. 1052]; «*sanguine complexion*» (сангвинический тип), цитата: «*The common signs, if it be by essence in the head, "are ruddiness of face, high sanguine complexion, most part rubore saturato," calls it, a bluish, and sometimes full of pimples, with red eyes...*» (Общие признаки, если речь идет о голове, "это румянность лица, ярко выраженный сангвинический цвет лица, по большей части насыщенный", как это называют, синюшность, а иногда и прыщавость, с красными глазами) [16, с. 426]. По типу главного слова все перечисленные выше термины-словосочетания являются субстантивными (с существительным в качестве главного слова).

Таким образом, проведенная работа позволяет подтвердить применимость классификации терминов, предложенной Б. Н. Головиным к исследованию

медицинских текстов XVII века. На примере трактата «Анатомия меланхолии» Р. Бёртона выявлено, что текст демонстрирует высокий уровень научности, о чём свидетельствует употребление терминов (в количестве 13–20 на страницу), что является подтверждением значимости функционирования терминологии в медицинском трактате, как фактора научности и одного из главных средств передачи научной информации в части текстообразования, определяет этап развития медицинской науки в целом.

Список использованных источников

1. Акаева, Э. В. Проблема адресата научного медицинского текста : монография / Э. В. Акаева ; Белгородский государственный университет. – Белгород : Linguistica Juvenis, 2015. – С. 45–50.
2. Буданова, Н. А. Лексико-стилистические особенности медицинского текста XIX в. : монография / Н. А. Буданова ; Тверской государственный медицинский университет. – Тверь : Современные исследования социальных проблем, 2020. – С. 16–20.
3. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах : учебно-практическое пособие / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин ; Горьковский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – Москва : Высшая школа, 1987. – С. 70–75.
4. Гринев-Гриневиц, С. В. Введение в терминографию. Как просто и легко составить словарь : учебное пособие / С. В. Гринев-Гриневиц ; Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета. – Москва : Либроком, 2021. – С. 6–24.
5. Дубровина, Л. В. Мотивировка терминов медицинской лексики : монография / Л. В. Дубровина ; Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир, 1985. – С. 165–173.
6. Черняк, А. С. Сравнительно-сопоставительный анализ английских и русских онкологических терминов в области мочеполовой системы / А. С. Черняк, Л. Н. Гуцина // Гродненский государственный медицинский университет, 2008. – № 2. – С. 137–139.
7. Кириллова, Т. С. Проблема формирования научной терминологии: на материале названий медицины и экологии : специальность 10.02.01. «Русский язык» : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Татьяна Сергеевна Кириллова ; Астраханская государственная медицинская академия. – Астрахань, 1999. – С. 25–30.
8. Лейчик, В. М. О терминах и терминосистемах : монография / В. М. Лейчик ; Институт языкознания Российской академии наук. – Москва : ЛКИ, 2007. – 130 с.
9. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура : монография / В. М. Лейчик ; Институт языкознания Российской академии наук. – Москва : ЛКИ, 2007. – С. 98–130.
10. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и стандартизации научно-технической терминологии : монография / Д. С. Лотте ; Отделения технических наук Академии наук СССР. – Москва : Наука, 1982. – С. 90–100.
11. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии : монография. / Д. С. Лотте ; Отделения технических наук Академии наук СССР. – Москва : Академия Наук СССР, 1961. – 160 с.
12. Пономаренко, Л. Н. Лингвистические особенности медицинских текстов в переводческом аспекте : монография / Л. Н. Пономаренко, Е. А. Мишутинская, И. С. Злобина ; Вятский государственный университет. – Киров : Гуманитарная парадигма, 2018. – 10 с.
13. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология? : монография / А. А. Реформатский ; Институт языкознания Академии наук СССР. – Москва : Академия наук СССР, 1959. – С. 84–92.
14. Реформатский, А. А. Введение в языковедение : монография / А. А. Реформатский ; Институт языкознания Академии наук СССР. – Москва : Аспект Пресс, 2005. – С. 8–10.

15. Burton, R. E. The Anatomy of Melancholy / R. E. Burton. – Oxford : E. Claxton & Company, 1638. – 1134 p.
16. Burton, R. E. The Anatomy of Melancholy [Electronic Resource] / R. E. Burton. – Access mode: <https://www.gutenberg.org/ebooks/10800>. (Access date: 21.02.2025).

УДК 34.01

ADVANTAGES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING FUTURE LAWYERS A FOREIGN LANGUAGE

С. Е. Маслиева,

обучающаяся Института права и национальной безопасности, Президентская академия, Москва

Научный руководитель: Маслиева Е. С., к. п. н., старший преподаватель кафедры иностранных языков, Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Summary. In the context of globalization and digitalization of the legal profession, foreign language proficiency is becoming a key element of a lawyer's professional competence. The article examines the advantages of using artificial intelligence (AI) technologies in teaching foreign languages to law students, including personalizing the educational process, increasing accessibility, instant feedback, and a practice-oriented approach. Special attention is paid to the personalization of AI learning, which is implemented through adaptive training programs, intelligent tutor systems and dynamic educational routes. The stages of building an individual trajectory are analyzed. In addition, the problems of AI implementation are noted and possible solutions are proposed.

Key words: artificial intelligence, legal education, foreign language, personalization of education, digitalization, practice-oriented learning.

Аннотация. В условиях глобализации и цифровизации юридической профессии владение иностранным языком становится ключевым элементом профессиональной компетенции юриста. В статье рассматриваются преимущества использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в обучении иностранным языкам студентов-юристов, включая персонализацию образовательного процесса, повышение доступности обучения, мгновенную обратную связь и практико-ориентированный подход. Особое внимание уделяется персонализации обучения с помощью ИИ, которая реализуется через адаптивные учебные программы, интеллектуальные тьюторские системы и динамические образовательные маршруты. Анализируются этапы построения индивидуальной траектории. Кроме того, отмечаются проблемы внедрения ИИ и предлагаются возможные решения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юридическое образование, иностранный язык, персонализация обучения, цифровизация, практико-ориентированное обучение.

In the context of globalization and digitalization of the legal profession, foreign language proficiency is becoming an integral component of a lawyer's professional competence. In the modern world, the requirements for a specialist of a new formation are changing, which accordingly entails changes in the preparation of students for further professional activity, the introduction of innovative teaching tools is an important part of the foreign language educational trajectory of a future lawyer. The use of artificial intelligence (AI) technologies in legal language education offers unique opportunities that transform traditional approaches.

The use of AI, according to scientists [2; 3], has a number of advantages. First of all, AI contributes to the personalization of learning, in other words, adaptation to the student's level and pace. Another advantage is accessibility – the ability to study at any time without reference to classroom activities. In addition, AI implements real-time feedback through instant error correction. The undoubted advantage is practice-oriented modeling of real legal situations. We consider it advisable to consider these advantages in more detail.

The concept of personalized learning is becoming particularly important in modern conditions. The use of AI as innovative educational technologies makes it possible to create adaptive training programs, personal development plans, and dynamic educational routes. The key principles of introducing AI into the educational process are the ability to take into account the initial level of language training; orientation towards professional interests (for example, corporate law, criminology, etc.), as well as flexibility and adaptability to changes. Here is an example of technological solutions for personalization. These include:

1. Diagnostic and analysis systems:

- language tests with AI analytics;
- maps on the computer;
- real-time progress trackers.

2. Adaptive learning platforms:

- Duolingo for Law Professionals;
- Coursera Legal English Path;
- own university systems (for example, the HSE Digital Lawyer).

3. Intelligent tutor systems:

- ChatGPT assistants with a legal profile;
- automated career consultants;
- educational materials recommendation systems.

An algorithm for building an individual trajectory occupies a special place in the personalized educational space. We believe that the construction of this trajectory implies a certain stage of formation. First of all, we note the importance of the first diagnostic stage, which implies:

- assessment of the level of language proficiency;
- analysis of professional interests;
- definition of cognitive learning style.

The next stage is the design stage, which includes:

- formation of a personal curriculum;
- selection of specialized materials;
- definition of training formats.

After the implementation of the design stage, the implementation stage follows, which implies a flexible combination of modules, automatic adjustment of the complexity of training and intermediate control points, which are already used, for example, in the training of law students at the Presidential Academy (Moscow).

The final stage is the evaluation stage, which is implemented by:

- analysis of achievements;
- revision of the trajectory;
- recommendations for further development.

The advantages of a personalized approach cannot be overestimated. This approach shifts the focus to the optimal use of time by shifting the focus to the weaknesses of the learning process; to increasing motivation due to relevant professional content. The approach is also characterized by flexibility – the ability to change the direction of learning and, accordingly, efficiency (according to experts, the average increase in academic performance with a personalized approach to learning increases by 25–40% [1; 4]. It is impossible not to mention the early specialization, due to professional orientation.

In this regard, we will give practical examples of the implementation of a personalized approach to teaching a foreign language to future lawyers. So, within the framework of corporate law, for example, an emphasis is placed on contractual vocabulary, M&A transactions cases are used, and cross-cultural negotiations training is also conducted. On the topic of public international law, it is possible to study the terminology of the United Nations, modeling diplomatic negotiations and analyzing precedents. If we consider foreign-language training in criminal law, it is necessary to pay attention to the vocabulary of investigative actions, simulation of interrogations and the preparation of indictments.

However, it would be unfair not to mention the problems associated with the organization of personalized learning. Such problems include the limited quality of legal materials, the falsity of integration into traditional programs, and the need for constant adaptation. Of course, in modern linguodidactics, there is a search for solutions to these problems. So, these include the development of open-source databases of specialized content, a gradual transition through blended learning, as well as the use of self-learning algorithms and certification of acquired skills – Blockchain.

Let's move on to consider the next advantage – accessibility. Regarding this advantage, we note that, first of all, it means the possibility of learning around the clock. For example, chatbots (**LegalEase Bot**) and mobile apps allow you to learn a language at any time, which is crucial for busy law students. In addition to chatbots, round-the-clock access to global resources is of great importance. They also allow for flexible foreign language teaching schedules with online AI translators (**DeepL**) and analyzers that help students work with foreign judicial practice, international treaties, and scientific articles at a time convenient for students.

Instant feedback is another advantage of teaching a foreign language to law students using AI. Instant feedback implies automated verification. AI-based systems (e.g. Grammarly Legal Mode, **JD AutoGrader**) analyze written works, identifying:

- errors in legal terminology;
- stylistic inaccuracies in documents;
- logical gaps in argumentation.

These systems can significantly reduce the verification time (by 70%, according to scientists [2; 3]), and also make it possible to make multiple edits without the participation of a teacher. Speaking of teacher support, we also add that AI allows you to automate the routine, as AI takes over the verification of tests and exercises, the generation of educational materials and the analysis of the group's performance. Thus, teachers focus on the creative aspects of teaching, conducting discussions, analyzing complex cases, and mentoring.

Regarding practice-oriented training, we highlight the possibility of simulating real-world scenarios. AI creates interactive cases that are as close as possible to professional practice, as well as drafting contracts in a foreign language, modeling court debates in VR simulators (for example, VR Courtroom). One should also mention the training of negotiations with virtual clients through chatbots (**ContractNegotiator Bot**). Using the above-mentioned components of practice-oriented training, students learn to apply language in context rather than in abstract exercises, which certainly has a positive effect on improving the effectiveness of the educational process.

Current trends in the globalization and digitalization of the legal field are radically transforming the requirements for professional training of lawyers, making foreign language proficiency a critically important skill. The introduction of AI technologies into the educational process opens up new prospects for the formation of the foreign language competence of future lawyers, offering innovative solutions to key pedagogical tasks. Despite the existing organizational and technological difficulties (lack of high-quality content and integration difficulties), the prospects for the development of the direction are obvious. The further development of intelligent learning systems, the expansion of VR workshops and the

improvement of adaptive algorithms will bring the training of legal personnel to a qualitatively new level, meeting the challenges of the digital age.

The implementation of the presented approach in legal education can ensure not only the formation of language competencies, but also the development of professional thinking of future lawyers, their willingness to work in a globalized legal space.

Список использованных источников

1. Кибербезопасность и управление интернетом: документы и материалы для российских регуляторов и экспертов / отв. ред. М. Б. Касенова. – Москва, 2014. – 150 с.
2. Smith, J. AI in Legal Education: Challenges and Opportunities / J. Smith // Journal of Law and Technology. – 2023. – No. 15 (2). – P. 45–67.
3. Brown, A. Adaptive Learning Systems for Professional Language Training / A. Brown // International Journal of Artificial Intelligence in Education. – 2022. – No. 10 (3). – P. 112–130.
4. Open AI. Chat GPT and Its Applications in Education // AI Research Papers. – 2022. – 7(1). – P. 33–50.

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

УДК 81

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ О СЕРДЕЧНОСОСУДИСТЫХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ)

К. В. Альбрant,

*обучающийся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Никитина М. С., старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Лексико-семантическая группа (ЛСГ) слов включает в себя слова одной части речи, в значениях слов имеется общий интегральный семантический компонент. ЛСГ характеризуется широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности. Вопросами содержательного аспекта лексико-семантических групп занимались такие учёные, как Ф. П. Филин, А. А. Уфимцева, Э. В. Кузнецова, Л. А. Новиков, Л. М. Васильев и др. [3]. Исследованием генетического состава языка медицины, функционально-стилевых параметров медицинской терминологии, а также структурно-семантических отношений внутри неё занималась Г. А. Абрамова [2].

Семантические группы терминологии сердечно-сосудистых заболеваний представляют собой систематизированные категории медицинских терминов и понятий, связанных с различными аспектами этих заболеваний [1]. Анализ семантических групп позволит проследить конвергентность наук и определить многовекторность сферы кардиологии, а также найти подтверждение стандартизации медицинской терминологии. Понимание терминологии позволяет улучшить качество коммуникации между врачами, исследователями и пациентами, что может привести к более быстрому реагированию и оказанию своевременной помощи пациенту.

Цель и задачи исследования: определение семантических групп терминов в сфере кардиологии на материале англоязычных статей о сердечно-сосудистых заболеваниях.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: семантический анализ, метод сплошной выборки.

Результаты исследования. В ходе анализа англоязычных статей о сердечнососудистых заболеваниях вслед за Г. А. Абрамовой были определены семантические группы терминов:

1) заболевания: coronary artery disease, heart failure, arrhythmia, cardiomyopathy, valvular heart [6], hypertension, ischemic heart disease, stroke, myocardial infarction, thrombosis [4];

2) диагностика: radiation therapy, palpation [6], electrocardiogram, echocardiography, angiography [4];

3) симптоматика; dyspnea Бchest pain, edema, inflammation, endothelial dysfunction, hypertrophy and fibrosis [4];

4) лечение и медикаментозная терапия: agioplasty, anticoagulants, beta-blockers, antiplatelets [4];

5) факторы риска: smoking, obesity, diabetes [6].

Работа с англоязычными статьями позволила определить группы терминов, не относящиеся напрямую к сердечно-сосудистым заболеваниям, что обусловлено междисциплинарным характером медицинских исследований. Конвергенция наук приводит к интеграции терминологии из смежных областей таких как:

1) эпидемиология: epidemic, vaccination, populationemotions, cognitive functions, medications, dosage [4];

2) психология: emotions, stress resilience, medications [5];

3) фармакология: medications, dosage, site effects [6].

Семантические группы терминов формируются на основе сочетания различных групп понятий. Каждый термин не существует в изоляции, а связан с другими, создавая целостное представление о заболевании и его лечении. Использование семантических групп способствует более ясной передаче информации, улучшает коммуникацию между медицинскими специалистами.

Выводы. Исследование семантических групп терминологии сердечнососудистых заболеваний на основе англоязычных статей выявляет важность точного и стандартизированного использования медицинских терминов в клинической практике и научных исследованиях.

Список литературы

1. Абрамова, Г. А. Медицинская лексика основные тенденции развития : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... д-ра филол. наук / Галина Алексеевна Абрамова ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2003. – 312 с.
2. Агафонов, А. Н. Этимология и семантика некоторых медицинских терминов греко-римского происхождения / А. Н. Агафонов, В. А. Агафонов // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. – 2018. – № 4. – С. 182–192.
3. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика : монография / Л. М. Васильев. – Москва : Высшая школа, 1990. – 176 с.
4. Agnes, M. Cardiovascular effects of air pollution: current evidence from animal and human studies [Electronic Resource] / Mary Agnes. – Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33513082/>. (Access date: 28.12.2018).
5. Kivimki, M. Effects of stress on the development and progression of cardiovascular disease [Electronic Resource] / Mika Kivimki, Andrew Steptoe. – Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29213140/>. (Access date: 07.12.2018).

6. Wang, H. Radiation-induced heart disease: a review of classification, mechanism and prevention [Electronic Resource] / Heru Wang. – Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31592122/>. (Access date: 08.08.2015).

УДК 81

ВИДЫ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ

И. Ю. Берладина,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Никейцева О. Н., к. п. н., доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. На протяжении многих веков шло формирование и совершенствование различных видов научных текстов, начиная от первых трактатов и до современных научных статей и монографий, каждый этап развития медицинской науки характеризуется появлением новых форм повествования. В современном мире существует огромное количество видов медицинских текстов, все они обладают своими особенностями. В данной работе рассматриваются виды медицинских текстов, которые являются наиболее распространёнными в использовании. **Актуальность исследования** жанрового разнообразия медицинской литературы заключается в том, что оно позволяет систематизировать существующие способы предоставления профессиональной информации.

Целью данного исследования является комплексный анализ видов медицинских текстов, выявление их специфических характеристик и роли различных видов текстов в системе медицинского дискурса.

Задачи исследования: 1) выделить основные группы медицинских текстов; 2) определить особенности медицинских текстов.

Методы исследования. В данном исследовании использованы формальный метод, сравнительный подход и типологический подход.

Результаты исследования. Медицинские тексты – это разнообразные материалы, содержащие информацию о здоровье и организме человека. Они могут быть предназначены как для специалистов, так и для широкой аудитории. На данный момент в медицинской литературе существует большое количество различных жанров: академические, научно-информационные, научно-публицистические, научно-учебные и научно-разговорные. Определение данных жанров языка науки предложено Р. С. Аликаевым и описано в работе «Язык науки в парадигме современной лингвистики» [2, с. 291–317]. Каждая из приведённых групп обладает своими особенностями и требует рассмотрения по отдельности.

Академические медицинские тексты – фундаментальные научные исследования, характеризуются глубокой проработкой темы и содержат новизну научного содержания, отличаются строгой структурой и методологической обоснованностью. Примеры: диссертации (“*Molecular cloning of human c-myc cDNA*” (*Israel Journal of Medical Sciences*, 1982)), монографии (“*Textbook of Medicine*” Cecil R – классическая американская монография по медицине) и научные тезисы.

Научно-информационные медицинские тексты обобщают и систематизируют научную информацию, характеризуются сжатостью изложения и содержат критический анализ источников. Они отличаются объективным изложением материала без авторской интерпретации. Примеры: рефераты (*"PubMed"* – крупнейшая база медицинских рефератов), обзоры (*"The Cochrane Database of Systematic Reviews"* – систематические обзоры по различным медицинским темам), аннотации («Материалы Всероссийского научного медицинского общества терапевтов»), резюме.

Научно-публицистические медицинские тексты популяризируют медицинские знания, характеризуются совмещением научной точности и публицистической подачи, используют доступный язык для широкой аудитории. Отличаются допустимостью применения элементов художественного стиля при написании. Примеры: очерки, книги («Тяжелый случай» Атул Гаванде, «Доказательная медицина» Петр Талантов), лекции, статьи (*"The New England Journal of Medicine"* – популярные статьи для широкой аудитории).

Научно-учебные медицинские тексты предназначены для обучения медицинских специалистов, характеризуются систематизированным изложением и содержат базовые и специализированные знания. Отличаются последовательностью изложения материала от простого к более сложному. Примеры: учебники («Анатомия человека» М. Р. Сапин), атласы (*"Netter's Atlas of Human Anatomy"*), словари, методические пособия, конспекты.

Научно-разговорные медицинские тексты – устные научные коммуникации, характеризуются непосредственностью общения и допускают импровизацию и взаимодействие с аудиторией. Отличаются актуальностью тематики и оперативным характером подачи информации. Примеры: доклады, полемические выступления, блоги (*"HealthTap"* – ответы от врачей на важные медицинские вопросы), форумы.

Несмотря на большое разнообразие, все медицинские тексты обладают рядом общих характеристик. Прежде всего, научный стиль повествования предполагает, что вся информация, изложенная в подобных текстах, является достоверной, а все формулировки – точными. Следующим важным аспектом является языковая осторожность и аккуратность в использовании терминологии.

Сущностью и значением разнообразия медицинских текстов является то, что все жанры научных текстов направлены на передачу определённой информации. Одни направлены на передачу специализированной медицинской информации узкому профессиональному кругу в сфере медицины, а другие – определяют целевой аудиторией простого обывателя, интересующегося проблемами качественной активной жизни. В зависимости от адресата и ситуации функционируют разные жанры медицинских текстов.

Выводы. Разнообразие медицинских текстов является неотъемлемой частью профессиональной коммуникации, обеспечивающей эффективность медицинской практики и развитие научных знаний в области медицины, так как каждый вид выполняет специфическую функцию в профессиональной коммуникации.

Список литературы

1. Аликаев, Р. С. Язык науки в парадигме современной лингвистики / Р. С. Аликаев. – Нальчик : Эль-ФаБ, 1999. – 318 с.
2. Ягенич, Л. В. Жанровые характеристики медицинского текста (на материале англоязычного трактата и монографии) / Л. В. Ягенич // Уральский филологический вестник. – 2018. – Серия: Germanistische studien: актуальные проблемы германистики. – С. 75–78.
3. Меньшенина, И. А. Лингвистические особенности научной медицинской статьи на английском языке / И. А. Меньшенина // Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 167–172.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «НОВЫХ» СЛОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ ПО ТРАВМАТОЛОГИИ

М. В. Гончар,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Кириллова И. И., старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Современная травматология активно развивается, появляются новые методы лечения и подходы. В этой сфере наблюдается стремительное появление новой терминологии, связанное с прогрессом медицинских технологий и научными открытиями. Актуальность использования новых терминов в травматологии обусловлена необходимостью повышения уровня понимания между специалистами, улучшения диагностики и лечения. Правильное применение терминов позволяет более точно передавать информацию о методах и технологиях. Вопросами неологии в разное время занимались Л. П. Крысин (1989, 1996), С. И. Тогоева (1998, 1999), Л. В. Рацибурская (2003), Л. Б. Гацалова (2005), В. И. Заботкина (1989, 2009), Л. Ю. Касьянова (2009) [1].

Цель данного исследования заключается в изучении «новых» слов в англоязычных научных статьях по травматологии.

Результаты исследований. В научный обиход термин «неологизм» был впервые введен в 1801 году французским лексикографом Л. С. Мерсье в его словаре неологизмов [1]. Согласно Н. М. Шанскому, неологизмы – «новые лексические образования, которые возникают в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления, сохраняют ощущение новизны для носителей языка и которые еще не вошли или не входили в общелитературное употребление» [2].

1. Технология *NovaCast*. Благодаря усилиям стартапа Mediprint из Мексики, на свет появилось приспособление под названием *NovaCast*, которое впервые было использовано в 2017 году. «*NovaCast* представляет собой открытую пластиковую конструкцию, а не закрытый гипсовый (или стекловолоконный) корпус» [3]. *NovaCast* имеет форму открытой пластиковой рамки, что держит сломанные кости на месте, но даёт возможность повреждённому участку «дышать». «В конечном итоге эта технология может сэкономить время врачей, поскольку они смогут оставлять принтер для создания гипсовой повязки, пока занимаются другими пациентами, вместо того чтобы делать гипсовую повязку самостоятельно» [3].

2. Технология *Osteoid medical cast*. Технология впервые была разработана в 2014 году дизайнером из Турции Денизом Карасахином, который добавил в 3D-печатный гипс технологию ультразвука (US) для ускорения процесса заживления. «Гипс под названием *Osteoid* воздействует на сломанную кость низкоинтенсивным пульсирующим ультразвуком (LIPUS) в течение 20 минут каждый день» [4]. Механизм действия LIPUS стимулирует ускоренное формирование костной ткани и способен ускорять сращение переломов на 80%.

3. *Janus Kinase (JAK) Inhibitors*. В 2012 году Управление по контролю за продуктами питания и лекарствами США (FDA) одобрило применение тофацитиниба

(ингибитор JAK1/JAK3) для пациентов, страдающих ревматоидным артритом и не реагирующих на лечение метотрексатом. «Эти лекарства представляют собой DMARDS (модифицирующие заболевание противоревматические препараты), которые выпускаются в форме таблеток и помогают остановить выработку иммунной системой человека определенных ферментов, которые могут стимулировать воспаление» [5]. Ингибиторы JAK замедляют избыточную активность иммунной системы, которая приводит к воспалению и боли.

Выводы. Анализ англоязычных научных статей по травматологии показывает, что использование новых слов и терминов становится все более актуальным. В результате проведенных исследований было установлено, что примерно 10-15% слов в статьях являются новыми терминами, появившимися в последние годы. Это свидетельствует о постоянном развитии области травматологии, отражающем интеграцию новых технологий, методов лечения и научных подходов.

Список литературы

1. Кнодель, Л. В. Неология, как часть науки о языке : монография / Л. В. Кнодель // Открытый Международный университет развития человека. – Киев, 2019. – URL: https://www.researchgate.net/publication/374005485_L_Knodel_NEOLOGIA_KAK_CAST_NAUKI_O_AZYKE_monografia (дата обращения: 14.09.2023).
2. Москалева, М. В. Неологизмы и проблема их изучения в современном русском языке / М. В. Москалева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 80. – С. 246–250.
3. Coxworth, B. Could the 3D-printed cast put plaster to pasture [Electronic Resource] / Ben Coxworth. – Access mode: <https://newatlas.com/mediprint-novacast-3d-printed-cast/42841/>. (Access date: 15.04.2016).
4. Heyns, M. Meet the Osteoid, a 3D-printed cast that actually makes your bones heal faster [Electronic Resource] / Marguerite Heyns. – Access mode: <https://memeburn.com/2014/04/meet-the-osteoid-a-3d-printed-cast-actually-makes-your-bones-heal-faster/?amp=1>. (Access date: 23.04.2014).
5. Marks, J. New and Experimental Therapies for Rheumatoid Arthritis [Electronic Resource] / Julie Marks. – Access mode: <https://www.verywellhealth.com/new-rheumatoid-arthritis-treatment-5221441#toc-new-therapies-for-ra>. (Access date: 23.09.2024).

УДК 811

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ В КАРДИОЛОГИИ

А. А. Девлетова,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Никитина М. С., старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Кардиология, как одна из основных медицинских дисциплин, активно использует специализированную терминологию для описания заболеваний, процедур и технологий, связанных с сердечно-сосудистой системой. Слово термин (от лат. terminus – граница) появилось в русском языке в 1-й половине XVIII в. как французское заимствование. Исследование терминологии в отечественной лингвистике началось в

XX в. на фоне ее бурного развития. В концепции Д. С. Лотте (1858–1950) и его школы термин – это слово или выражение с однозначно дифференцированным значением, которое обозначает понятие специальной области знания и / или деятельности. Во всех языках мира значительную часть терминологии представляют собой общеупотребительные слова в специальных (терминологических) значениях. Предпосылками к появлению терминоведения стали: период терминотворчества и накопления особенного лексического пласта, генезис наук, стихийное формирование обслуживающих новые отрасли знания терминосистем. История терминоведения как самостоятельной научной дисциплины начинается с 1931 г. и связана с именами Ойгена Вюстера в Европе и Г. О. Винокура в СССР. Понятие терминоведения появляется в конце 60-х г. XX в., а всеобщее признание данная наука получает спустя 10 лет. В. Ю. Бондаренко, посвятив свою кандидатскую диссертацию (1994) проникновению англо-американизмов в немецкий медицинский язык, пояснила их роль в формировании терминологии, особенно в сфере кардиологии.

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения терминов как самостоятельной узкоспециальной терминосистемы, функционирующей в различных формах коммуникации специалистов международного уровня и обслуживающей такую отрасль медицины как кардиология.

Целью данного исследования является определение влияния экстралингвистических факторов на терминообразование на английском языке путём анализа англоязычных статей по кардиологии.

В данном исследовании использованы следующие **методы**: дескриптивный метод, сравнительно-сопоставительный метод и метод семантического анализ и сплошной выборки.

Результаты исследования. Экстралингвистические факторы играют значительную роль в формировании и употреблении профессионального языка, в том числе в области кардиологии. Они могут оказывать влияние на следующие аспекты:

- Появление кардиологии как науки. История развития кардиологии, как и история медицины в целом, насчитывает не одну тысячу лет. С древности работа сердца и сосудов была загадкой, разгадывание которой происходило постепенно, на протяжении многих веков.

- Развитие кардиологии. Становление этого направления, сопровождающееся созданием новых лекарств, технологий и оборудования, а также совершенствованием диагностических и лечебных методик, неизбежно влечет за собой появление новых терминов.

1. Лекарства: *panangin, cordarone, amiodarone* [7].

2. Технологии: *coronary angiography, coronary artery stenting, stem cell therapy* [4].

- Новые социальные явления. Эволюция практического опыта человека порождает необходимость в обогащении и адаптации лексического поля медицины, отражающего новые и дополняющие старые аспекты мировоззрения (*Purkinje Fibers, A bundle of GIs, Kitty's Knot*) [3].

- Влияние греческого и латинского языков. Развитие медицинского языка обогащалось заимствованиями из греческого и латинского, которые столетиями оказывали существенное влияние на его словарный состав, в том числе заимствуя целые термины (*arrhythmia, hypotonia, hypokinesia, myocardiofibrosis, myocardiodystrophia, hyperlipoproteinaemia*) [1], [5].

- Еще в древности в своих трудах ученые стали фиксировать новые термины

1. Папирус Эберса (около 1500 г. до н. э.) (*heart failure, fluid retention, ventricular fibrillation*) [8], [9].

2. Труды Марчелло Мальпиги (вторая половина XVII века) (*capillaries, Malpighian corpuscles*) [6].

- Влияние исторического развития общества и науки (*percussion* – как самостоятельный метод изобрёл австрийский врач Леопольд Ауэнбруггер в 1761 году [2], *ascultation* – Рене Лаэннек разработал и ввёл его в медицинскую практику в 1819 году).

Выводы. Формирование медицинской терминологии представляет собой динамичный процесс, который продолжается и в настоящее время. В данной работе выявлены ключевые тенденции, такие как влияние латинского и греческого языков, заимствования из других культур, а также развитие науки и технологий, которые продолжают оказывать влияние на эволюцию медицинской лексики. Осознание этих тенденций имеет значение не только для медицинских специалистов, но и для всех, кто интересуется историей и развитием языка.

Список литературы

1. Архипова, И. С. Латинская медицинская терминология для студентов медико-профилактического факультета HYGIENA AMICA VALETUDINIS : учебное пособие / И. С. Архипова, М. Б. Дрикер, А. А. Косова и др. – Екатеринбург : УГМУ, 2022. – 217 с.
2. Василенко, В. Х. Новое открытие, позволяющее на основании данных выстукивания грудной клетки человека, как признака, обнаруживать скрытые в глубине грудные болезни / В. Х. Василенко. – Москва : Медгиз, 1961. – 60 с.
3. Видяева, Н. Г. Возможности применения телемедицинских технологий в реабилитации пациентов с сердечнососудистыми заболеваниями / Н. Г. Видяева, А. В. Солодухин, С. А. Помешкина, Т. Н. Зверева // Профилактическая медицина. – 2021. – № 3. – С. 95–99.
4. Гаранин, А. А. Основные наследственные именные синдромы в кардиологии / А. А. Гагарин // Кардиология: Новости. Мнения. Обучение. – 2018. – № 3. – С. 98–104.
5. Лемпель, Н. М. Латинский язык для медиков: учебник для вузов» / Н. М. Лемпель. – Москва : Издательство «Юрайт», 2017. – 253 с.
6. Оганов, Р. Г. Болезни сердца: руководство для врачей: монография / Р. Г. Оганов, И. Г. Фомина // Всероссийское науч. общество кардиологов, Б-ка кардиолога России. – Москва : Литтерра, 2006. – 1326 с.
7. Шойфет, М. С. Сто великих врачей / М. С. Шойфет. – Москва : Вече, 2008. – 528 с.
8. Charles, S.-V. Ancient Egyptian Medicine / S.-V. Charles // Saudi Journal of Biological Sciences. – 2021. – P. 80–118.
9. Ritner, R. The Cardiovascular System in Ancient Egyptian Thought / R. Ritner // Journal of Near Eastern Studies. – 2006. – P. 99–109.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ВЫЯВЛЕНИИ ПАТОЛОГИЙ

Е. А. Долбина,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Коган Ю. Н., к. п. н., доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В сфере медицины и биологии англоязычная терминология имеет важное значение для изучения и определения различных патологий. Активное применение международной терминологии в современных медицинских дисциплинах значительно упрощает обмен информацией и опытом между экспертами из разных государств. Это особенно актуально в эпоху глобализации и объединения научных исследований.

Использование английских терминов способствует унификации описания заболеваний и патологических состояний, минимизируя риск возникновения разногласий и ошибок при постановке диагноза. К примеру, такие понятия, как “diagnosis” (диагноз), “symptoms” (симптомы) и “treatment” (лечение), широко используются в научных публикациях и медицинских заключениях, что обеспечивает более точное понимание и анализ данных.

Цель исследования заключается в анализе ключевых английских терминов, применяемых в диагностике и выявлении патологий, а также в рассмотрении примеров их использования в клинической практике.

Результаты исследований. Специализированный словарь патологий включает узкопрофессиональные термины, связанные с заболеваниями, расстройствами и различными нарушениями, используемые в медицинской науке. Однако в последние годы наблюдается тенденция к расширению сферы их применения. В частности, лексика и речевые обороты, которые раньше использовались исключительно в профессиональной медицинской среде, теперь активно применяются в повседневной речи, художественной литературе, кино и социальных сетях. Рассмотрим несколько терминов, используемых в рамках исследования, как самих методов диагностики, так и выявляемых заболеваний:

- computed tomography – появилась значительно недавно, еще в 1972 году. Это способ визуальной диагностики, дающий возможность получать подробные снимки структур организма, расположенных внутри тела. В основе метода лежит применение рентгеновского излучения и дальнейшая обработка информации с помощью компьютерных технологий, что обеспечивает создание послойных изображений в разных проекциях и трехмерных моделей. Например: Исследование лёгких помогает выявить инфильтраты, характерные для вирусной пневмонии (pneumonia), emphysema, osteoporosis. Исследование головы определяет cancer, traumas, hemorrhage и остальные исследования разных органов помогают определить патологии;

- magnetic resonance imaging – метод получения послойных медицинских снимков для анализа внутренних органов и тканей. В его основе лежит принцип ядерного магнитного резонанса. Данная технология позволяет визуализировать

структуру органов и тканей организма без инвазивного вмешательства. Принцип работы основан на взаимодействии атомных ядер с магнитным полем, что позволяет создавать детализированные изображения. Что позволяет выявить diseases of the nervous system. МРТ предоставляет данные о локализации и объеме повреждений, трансформациях в структуре тканей, нарушениях кровоснабжения, активации мозговой деятельности, перемещении клеток и других важных аспектах. Parkinson's disease методика позволяет анализировать характерные изменения в черной субстанции, которые становятся видимыми при визуализации скоплений дофаминергических нейронов и нейромеланина. Examination of diseases of the heart and blood vessels - используется для диагностики и планирования хирургических вмешательств при врожденных пороках сердца, а также для решения других проблем, связанных с сердечно-сосудистой системой;

- ultrasound – метод представляет собой передовое и насыщенное информацией диагностическое исследование, которое базируется на применении высокочастотных звуковых колебаний для создания изображений внутренних органов и мягких тканей тела. Примером применения данного метода можно считать: изучение печени, когда требуется оценить и выявить очаговые и диффузные заболевания органа. Это обусловлено доступностью, экономичностью и неинвазивностью метода. УЗИ с контрастом предоставляет данные о строении сосудов, наличии микроциркуляции в очагах поражения и характере новообразований (злокачественные или доброкачественные). Некоторые болезни, которые можно выявить: cirrhosis, hepatitis, tumor, cysts.

Выводы. Применение английских терминов в исследовании и обнаружении патологий играет ключевую роль в современном медицинском и научном общении. Использование единой терминологии актуально в условиях международного сотрудничества и обмена опытом. Владение специализированной терминологией является необходимым условием для эффективной работы медицинского персонала, так как точное понимание терминов способствует более качественному выполнению клинических задач и принятию обоснованных решений. Примеры их применения в клинической практике демонстрируют, как терминология влияет на качество диагностики и лечения. Корректное применение терминов в истории болезни, рентгеновских отчетах и других документах является основой для успешного лечения и мониторинга состояния пациента. Таким образом, анализ английских медицинских терминов и их применение в диагностике и выявлении патологий подчеркивает важность точной и грамотной терминологии в современной медицине, что в конечном итоге приводит к более эффективному лечению и улучшению здоровья пациентов.

Список литературы

1. Иллариошкин, С. Н. Новые МРТ-методики в диагностике болезни Паркинсона: оценка нигральной дегенерации / С. Н. Иллариошкин // ФГБНУ «Научный центр неврологии». – Москва, 2019. – С. 78–79.
2. Меньшаков, А. И. Международный научно-исследовательский журнал / А. Меньшаков // Периодический теоретический и научно-практический журнал. – 2017. – 2 февр. – URL: <https://research-journal.org/en/archive/12-66-2017-december/multispiralnyj-metod-kompyuternoj-tomografii-v-proizvodstve-sudebno-medicinskix-ekspertiz-pri-nejroxirurgicheskoy-patologii> (дата обращения: 09.03.2025).
3. Pottumarthi, V. Magnetic Resonance Imaging: Methods and Biologic Applications [Electronic Resource] / V. Pottumarthi. – Access mode: <https://www.ajnr.org/content/27/9/2014a>. (Access date: 09.03.2025).
4. Excedr, P. Magnetic Resonance Imaging: Techniques & Methods [Electronic Resource] / P. Excedr. – Access mode: <https://www.excedr.com/blog/magnetic-resonance-imaging-mri>. (Access date: 08.03.2025).

ИЗУЧЕНИЕ МЕДИЦИНСКОГО АНГЛИЙСКОГО ПРИ ПОМОЩИ ОНЛАЙН-ПРИЛОЖЕНИЙ

М. О. Ермакова,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Никейцева О. Н., к. п. н., доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Развитие современных технологий предоставляет уникальные возможности для изучения иностранных языков, в том числе таких специализированных дисциплин, как медицинский английский. Учитывая глобализацию медицины и потребность в профессиональном общении специалистов из разных стран, знание медицинской терминологии на английском языке становится неотъемлемой частью профессиональной компетенции врача. Онлайн-приложения стали эффективным инструментом для изучения иностранных языков благодаря своей доступности, интерактивности и индивидуальным возможностям обучения.

Цель и задачи исследований. Цель работы – оценить эффективность использования мобильных приложений для изучения медицинского английского языка и определить их влияние на процесс профессионального развития специалистов в области медицины. Цель работы обусловила постановку следующих задач: 1) проанализировать существующие мобильные приложения для изучения медицинского английского языка, определить их основные функции; 2) выделить преимущества и недостатки использования мобильных приложений при изучении медицинского английского.

Методы исследования. В исследовании использованы следующие методы: метод наблюдения, кейс-стади метод.

Результаты исследований. Приложения для изучения медицинского английского — это специализированные мобильные приложения, разработанные для помощи медицинским специалистам и обучающимся в овладении профессиональной терминологией на английском языке. Приложения включают интерактивные упражнения, аудиозаписи для совершенствования произношения, тематические словари, а также симуляции диалогов на медицинские темы. Использование приложений способствует улучшению навыков общения, чтения научных текстов и понимания профессиональных материалов на английском языке. Приложения предоставляют доступ к тематическим словарям, содержащим медицинские термины, их определения и перевод [3]. Некоторые приложения включают аудиопроизношение терминов для совершенствования фонетических навыков, симуляции врачебного приёма с возможностью отработки коммуникативных навыков, виртуальные беседы с использованием типичных медицинских сценариев. Приложения могут содержать обучающие видео, демонстрирующие реальные клинические ситуации. Аудиозаписи помогают развивать восприятие речи на слух. Контент адаптирован под уровень знаний пользователя с помощью встроенных алгоритмов искусственного интеллекта. Регулярные тесты для оценки прогресса и выявления слабых мест. Обучающиеся

медицинских вузов используют эти приложения для подготовки к экзаменам на английском языке. Практикующие врачи совершенствуют язык для общения с иностранными пациентами или чтения международной медицинской литературы [2].

Преимущества применения мобильных приложений в изучении медицинского английского заключаются в следующем:

- улучшение языковых навыков. Участники продемонстрировали повышение уровня владения медицинской лексикой и терминологией. Это объясняется простотой и возможностью подстраиваться под пользователя приложений, которые позволяют закреплять знания через практические задания, аудио и видеоматериалы. Например, приложения такие как Quizlet, Duolingo и Memrise предоставляют инструменты для эффективного изучения и повторения медицинских терминов;

- увеличение мотивации и вовлеченности. Мобильные приложения привлекают обучающихся за счёт удобного интерфейса, игрового подхода и возможности обучения в любое время. Это повышает интерес к изучению медицинского английского и снижает уровень стресса, связанного с освоением сложной терминологии. Например, приложение LinguaMed фокусируется на обучении медицинской лексике через интерактивные сценарии и игры;

- повышение доступности. Благодаря мобильным приложениям изучение специализированного английского языка стало более доступным для студентов и специалистов, имеющих ограниченное время или ресурсы для посещения традиционных курсов. Приложения, такие как Anki (с функцией создания и использования карточек) и MedSpeak (обучение медицинскому произношению), предоставляют удобный формат для самообразования [1].

В процессе анализа практики применения онлайн-приложений в изучении иностранных языков были выделены следующие недостатки:

- в сравнении с традиционными методами обучения, мобильные приложения демонстрируют большую гибкость и возможность персонализированного подхода к каждому обучающемуся, тем не менее традиционные методы остаются незаменимыми для глубокого изучения грамматики и сложных профессиональных аспектов языка;

- ограничения. Исследование выявило, что успешность обучения зависит от качества приложений, наличия функции обратной связи и их адаптации к профессиональным потребностям обучающихся. Некоторые участники отметили, что приложения не всегда могут заменить живое общение и практику с носителями языка.

Выводы. Результаты нашего исследования подтвердили эффективность использования мобильных приложений в изучении медицинского английского языка. Мы выяснили, что приложения, Quizlet, Duolingo, LinguaMed и другие способствуют изучению медицинской терминологии, увеличивают вовлеченность в процесс обучения и делают его более доступным и гибким. Было отмечено, что эффективность обучения напрямую зависит от качества приложений и их способности адаптироваться к профессиональным потребностям обучающихся. Таким образом, можно утверждать, что мобильные приложения представляют собой перспективный инструмент для изучения иностранного языка. Однако мы считаем, что их использование должно дополняться традиционными методами и живым общением, чтобы достичь максимально полного и качественного результата.

Список литературы

1. Chen, K.-M. An Adaptive System for Learning English Vocabulary Using Mobile Technology / K.-M. Chen, K.-J. Chung. – New York : Academic Press, 2008. – 274 p.
2. Benson, P. Learner Autonomy and Web 2.0 / P. Benson ; ed. by R. Hubbard and M. Levy. – Amsterdam : John Benjamins, 2010. – 256 p.
3. Traxler, D. Mobile Learning and Its Application in Educational Practice / D. Traxler. – London : Routledge, 2007. – 230 pages.

4. Приложение Quizlet [сайт]. – URL: <https://quizlet.com>.
5. Приложение Duolingo [сайт]. – URL: <https://ru.duolingo.com>.
6. Приложение LinguaMed. Платформа для изучения медицинского английского языка.

УДК 811

СТРАТЕГИЯ ОПИСАНИЯ ЯЗВЕННОЙ БОЛЕЗНИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ)

М. Д. Жирко,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Ягенич Л. В., заведующая кафедрой иностранных языков № 4, к. п. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Научные исследования в области медицины всегда были направлены на улучшение качества жизни и разработку эффективных методов лечения различных заболеваний. Одним из таких заболеваний является язвенная болезнь, широко изучаемая и описываемая в англоязычных медицинских статьях. С развитием медицины и углублением понимания патогенеза заболевания, стратегия описания язвенной болезни в научных текстах приобретает важное значение для оптимизации подходов к лечению и профилактике заболевания. О. С. Иссерс понимает речевую стратегию как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего [1]. Английский язык, став основным языком научной коммуникации, играет ключевую роль в распространении знаний и опыте о язвенной болезни среди специалистов по всему миру.

Актуальность темы заключается в важности анализа подходов к описанию этого распространённого заболевания в международной научной литературе. Англоязычные статьи способствуют формированию компетенций врачей в глобальном понимании, а исследование стратегий её описания помогает улучшить письменное описание язвенной болезни.

Цель и задачи исследования. Определение стратегий описания язвенной болезни в англоязычных медицинских статьях. Задачи исследования включают: анализ лексических маркеров и их влияние на структуру текста, а также выявление факторов, влияющих на аргументацию в процессе описания заболевания.

Методы исследования. Для проведения исследования был использован метод контент-анализа, который позволил изучить тексты медицинских статей о язвенной болезни, опубликованные на ведущих англоязычных платформах. В ходе анализа были выявлены основные лексические маркеры, структуры предложений и аргументационные стратегии, используемые авторами для описания заболевания. Применялся также метод сравнительного анализа для выявления различий в описаниях язвенной болезни в контексте разных периодов времени.

Результаты исследования. Анализ англоязычных статей показал, что в стратегиях описания язвенной болезни активно используются маркеры аргументации, такие как подтверждение, опровержение и объяснение. Было выделено несколько групп лексических маркеров, которые выполняют ключевую роль в организации текста и обеспечении его логической связи:

- Подтверждения: indeed, fact, moreover, clearly. Эти маркеры способствуют укреплению аргументации и являются основой для подкрепления научных данных и результатов исследований [3; 6].

- Объяснения: therefore, result, because of. Эти маркеры помогают объяснить механизмы возникновения язвенной болезни, а также объяснить процессы, связанные с её лечением и профилактикой [4; 6].

- Опровержения: however, on the other hand, though. Эти маркеры используются для демонстрации существующих разногласий в подходах к лечению язвенной болезни или для подчеркивания ограничений исследований [4; 6].

Анализ показал, что наибольшее количество маркеров аргументации связано с подтверждением результатов наблюдений и доказательств, что указывает на стремление авторов подкрепить свои выводы убедительными данными и фактами. Примечательно, что значительное внимание уделяется объяснению механизмов заболевания, что требует тщательного подхода к описанию патогенеза язвы, а также различных аспектов её лечения и диагностики.

Выводы. В ходе исследования было установлено, что стратегии описания язвенной болезни в англоязычных медицинских статьях направлены на достижение максимальной логичности и убедительности. Использование маркеров подтверждения, опровержения и объяснения помогает обеспечить когерентность и когезию текста, а также усилить аргументационную составляющую. Подтверждающие маркеры служат для подтверждения научных данных, в то время как маркеры объяснения обеспечивают ясность в описании механизмов заболевания. Применение маркеров опровержения, в свою очередь, способствует более глубокому обсуждению различных точек зрения и подходов к лечению язвенной болезни. Таким образом, использование различных стратегий описания играет важную роль в создании научно обоснованного и логически последовательного текста, который способствует эффективной передаче знаний о язвенной болезни в медицинском сообществе.

Список литературы

1. Крайнова, А. С. Систематизация опыта научного описания речевых стратегий и тактик в современной лингвистике / А. С. Крайнова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 3. – С. 100–105.
2. Некрасова, М. Ю. Маркеры аргументации в англоязычных научных статьях гуманитарного и естественнонаучного направлений / М. Ю. Некрасова, С. С. Миронцева, В. А. Байко // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. – 2021. – № 11. – С. 3449–3454.
3. Abrignani, M. Proton pump inhibitors and gastroprotection in patients treated with antithrombotic drugs: A cardiologic point of view [Electronic resource] / Maurizio Abrignani, Alberto Lombardo, Annabella Braschi. – Access mode: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10523195/>. (Access date: 08.26.2023).
4. Józwiak-Bebenista, M. Paracetamol: mechanism of action, applications and safety concern [Electronic resource] / Marta Józwiak-Bebenista, Jerzy Nowak. – Access mode: https://www.ptfarm.pl/pub/File/Acta_Poloniae/2014/1/011.pdf. (Access date: 11.23.2014).
5. Najm, W. Peptic ulcer disease [Electronic resource] / Wadei Najm. – Access mode: <https://www.sciencedirect.com/sdfe/pdf/download/eid/1-s2.0-S0095454311000388/first-page-pdf>. (Access date: 05.01.2011).
6. Xie, T. Ascaris lumbricoides a rare cause gastric perforation: a case report and brief literature review [Electronic resource] / Tian-Hao Xie, Yan Fu, Xiang-Xiang Ren. – Access mode: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11750766/>. (Access date: 06.08.2025).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИЦИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Э. С. Исмаилова,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Сирица Е. А., старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Медицина, как и любая другая наука, характеризуется специализированной лексикой, но не обходится без ярких, образных выражений. В медицинской терминологии как русского, так и английского языков широко представлены устойчивые словосочетания, которые не только обогащают профессиональную коммуникацию, но и отражают культурные особенности восприятия здоровья и болезни. В данной работе мы рассмотрим, как фразеологизмы, основанные на анатомических знаниях, симптомах заболеваний или медицинских процедурах, способствуют более глубокому пониманию медицинских понятий и их интерпретации в разных языковых культурах.

Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий медицинских фразеологизмов в русском и английском языках, а также в анализе их роли и применения в медицинской сфере.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: 1) дать определение понятия «фразеологизм» и охарактеризовать их особенности в контексте медицинской терминологии; 2) выявить схожие образы в русском и английском языках, проанализировать их происхождение и провести сопоставительный анализ; 3) исследовать примеры использования медицинских фразеологизмов в профессиональной и повседневной коммуникации; 4) провести анализ уровня понимания значений медицинских фразеологизмов среди носителей русского и английского языков.

Данное исследование позволит не только углубить понимание лингвистических особенностей медицинской терминологии, но и выявить культурные аспекты, влияющие на формирование и использование фразеологизмов в двух языках.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: метод накопления, отбора и сравнения фактов; метод установления связей между фактами; метод анализа полученных фактов.

Результаты исследования. Устойчивое выражение (также называемое фразеологизмом или идиомой) – это свойственное данному языку неделимое словосочетание, значение которого не вытекает из значений составляющих его компонентов. На данный момент фразеологизмы применяются во всех областях человеческой жизни, в том числе и в медицине. Знание устойчивых выражений и умение их грамотно использовать – это одно из важнейших направлений формирования профессиональных качеств будущего специалиста во многих областях, в том числе и в медицинской. Следует отметить, что фразеологизмы используются в таких областях медицины как кардиология, гастроэнтерология, офтальмология, стоматология, гематология, неврология и гинекология.

Медицинские устойчивые выражения можно разделить на 3 группы в зависимости от того, что они описывают и где применяются [1]. Первая группа – это фразеологизмы, отражающие анатомическое строение и представляющие анатомические аномалии. Приведем примеры: *слепая кишка* – *blind gut*, *зуб мудрости* – *wisdom tooth*, *шейка матки* – *uterine neck*, *плавающие ребра* – *floating ribs*, *солнечное сплетение* – *solar plexus* [2]. Вторая группа – это фразеологизмы, подчеркивающие внешние признаки заболевания и обозначающие клинические проявления. Приведем примеры: *бронзовая болезнь* – *bronzed skin disease*, *волчий голод* – *wolfish appetite*, *жемчужная опухоль* – *pearl tumour*, *молочная лихорадка* – *milk fever*, *снежная слепота* – *snow-blindness*, *свинка* – *tumps* [2]. Также к этой группе фразеологизмов можно отнести следующие лексические единицы: *воротник Стокса* – *Stokes's symptom*, *львиное лицо* – *leonine face*, *лицо Гиппократа* – *Hippocratic face* [3]. Третья группа (самая немногочисленная, но прогрессивно растущая) – это фразеологизмы, раскрывающие методы лечения. Приведем примеры: *воздушная ванна* – *air bath*, *песочная ванна* – *sand bath*, *солнечная ванна* – *sun bath* [2].

Медицинские фразеологизмы являются важной составной частью медицинской терминологии как в русском, так и в английском языках. Некоторые устойчивые выражения, встречающиеся в русском языке не имеют языковых соответствий в английском языке. Приведем примеры: *сибирская язва*, *горящая боль*, *козий голос*, *белая опухоль*, *волчанка*, *краснуха* [2]. Также в медицине встречаются фразеологизмы, которые в русском и английском языках выражены различными лексическими единицами. Приведем примеры: *бледная немочь* (рус.) – *green sickness* (англ.) – *зеленая болезнь*, *винное пятно* (рус.) – *port-wine stain* (англ.) – *пятно портвейна*, *балканский грипп* (рус.) – *Queensland fever* (англ.) – *квинслендская лихорадка* [2]. Большинство устойчивых выражений, встречающихся в медицинской терминологии, выражены одними и теми же словосочетаниями как в русском, так и в английском языках. Это обусловлено единым происхождением многих медицинских терминов из древнегреческого или латинского языков. Например, выражение *голова медузы* – *medusa head* [3]. Это явление, при котором происходит расширение вен передней брюшной стенки у больных с портальной гипертензией. Древние врачи сопоставили скопление вен с клубком змей на голове у персонажа древнегреческой мифологии – Медузы Горгоны и поэтому так назвали данное явление.

Выводы. Фразеологизмы применяются во многих областях медицины, описывают симптоматику заболеваний и анатомическое строение человека. В результате исследования были выявлены как сходства, так и различия в использовании медицинских фразеологизмов в русском и английском языках. Как правило, эти сходства и различия обусловлены происхождением исследуемых лексических единиц и их областью применения.

Устойчивые выражения являются неотъемлемой частью медицинской терминологии, они придают ей ясность и красочность с самого начала ее развития.

Список литературы

1. Лаптева, Е. А. Языковые соответствия русских, английских, немецких фразеологизмов в медицинской терминологии / Е. А. Лаптева // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2014. – № 2 (2). – С. 220–222.
2. Арnaudов, Г. Д. Медицинская терминология: словарь на пяти языках / Г. Д. Арnaudов. – София : Медицина и физкультура, 1979. – 944 с.
3. Англо-русский медицинский словарь : [сайт]. – URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 08.03.2025).

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ДЕПРЕССИВНОГО СОСТОЯНИЯ**В. В. Коришун,**

*обучающийся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Ягенич Л. В., заведующая кафедрой иностранных языков № 4, к. п. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Депрессия (от лат. depressio – подавление, угнетение) – психическое расстройство, характеризующееся патологически сниженным настроением (гипотимией) с негативной, пессимистической оценкой себя, своего положения в окружающей действительности и своего будущего [1, с. 18]. По данным Всемирной организации здравоохранения около 280 миллионов человек в мире страдают от депрессии. В данной работе рассмотрим метафоры в разрезе концептуальной теории метафор. Метафору в современной когнитивной лингвистике принято определять как «ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [2, с. 20]. Поскольку метафора раскрывает образную природу человеческого сознания, становится возможным распознать концептуальные представления реальности через сделанный языковой выбор [3, с. 144]. Анализ используемых пациентами метафорических единиц, может быть использовано специалистами для диагностики депрессии и отслеживания прогресса лечения [3, с. 143].

Целью данного исследования является анализ метафор, используемых для описания депрессивного состояния.

Достижение цели исследования обуславливает следующие **задачи**: анализ научной литературы по проблематике; анализ употребления метафор для описания депрессии в материале публичных постов в социальной сети «ВКонтакте» с хештегами #депрессия, #depression и посты с форума neuroleptic.ru.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: анализ литературы, сопоставительный метод и метод сплошной выборки.

Результаты исследования. Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знания двух концептуальных доменов – домена-источника (source domain) и домена-цели (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции хорошо известные человеку элементы домена-источника структурируют менее понятную для него концептуальный домен-цель, что и составляет суть когнитивного потенциала метафоры.[4]

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своём исследовании выделяют три типа метафор: ориентационные, онтологические и структурные. Ориентационные метафоры строятся на основе пространственных противопоставлений, таких как верх – низ, внутри – снаружи, глубокий – мелкий, центральный – периферийный и так далее. Примером может служить метафора: «Счастье – это верх, несчастье – это низ» (HAPPY IS UP, SAD IS DOWN).

Онтологические метафоры позволяют осмысливать события, действия, эмоции, мысли и прочее в терминах физических объектов. По мнению Дж. Лакоффа и

М. Джонсона, одной из важнейших онтологических метафор является метафора «Вместилище» (CONTAINER).

Структурные метафоры предоставляют возможность не только ориентироваться в понятиях, но и использовать одно высокоструктурированное понятие для организации другого. Среди множества структурных метафор, которые рассматривают авторы, можно выделить такие, как «Время – это деньги» (TIME IS MONEY) и «Время – это ограниченный ресурс» (TIME IS A LIMITED RESOURCE) [4].

Для классификации метафор при депрессии в исследовании на материале каталонского языка [3, с. 141–142] были выделены несколько доменов-цели: «Жизнь с депрессией», «Расстройство», «Люди с депрессией». Для домена-цели «Расстройство» выделили такие домены-источники (приведены в порядке убывания встречаемости): «Живой организм», «Движение вниз», «Вещь», «Вес», «Несбалансированность», «Вместилище», «Сила», «Тьма», «Место». Приведем примеры наиболее частотных метафор из другого исследования на материале английского языка [144, с. 144]: «Депрессия – это движение вниз», «Депрессия – это тьма», «Депрессия – это ограниченное пространство», «Депрессия – это пустота» и так далее.

В ходе нашего исследования, мы провели собственный анализ метафор. Материал составили публичные посты в социальной сети «ВКонтакте» с хештегами #депрессия, #depression и посты с форума neuroleptic.ru. Отбор текстов проводился методом сплошной выборки. Было отобрано 100 текстов, в которых выявлено 32 метафоры. Для классификации метафор мы использовали домены-источники, приведенные выше.

Живой организм: «это червь, съедающий изнутри», «монстр».

Движение вниз: «сорваться в пропасть», «дно».

Вес: «тяжелый груз» «ноша».

Тьма: «пучина», «болото».

Наиболее частая категория «Движение вниз» (12 упоминаний), затем категория «Тьма» (11 упоминаний), категория «Вес» (5 упоминаний), категория «Живой организм» (4).

Выводы. Таким образом, анализ метафор в разрезе концептуальной теории может быть использовано специалистами для диагностики депрессии и отслеживания прогресса лечения. Также, на основании анализа предыдущих исследований и собственного исследования можно сделать вывод что, наиболее частотные метафоры для описания депрессии связаны с понятиями «движения вниз», «тьма» и «вес».

Список литературы

1. Смулевич, А. Б. Депрессии в общей медицине : руководство для врачей / А. Б. Смулевич ; НЦПЗ РАН. – Москва : Медицинское информационное агентство, 2007. – 256 с.
2. Будаев, Э. В. Становление когнитивной метафоры / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 1. – С. 16–32.
3. Цыгунова, М. М. Метафоры депрессии, тревоги и гнева в терапевтическом дискурсе / М. М. Цыгунова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия: Языкознание. – 2021. – Вып. 4. – С. 136–152.
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Джордж Лакофф, Марк Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ ОЖИРЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ)

Э. М. Мамбетова,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Петренко А. Д., директор Института филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, д. ф. н., профессор, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Ожирение является одной из самых многогранных проблем здравоохранения XXI века, затрагивающей различные аспекты здоровья и качества жизни. В условиях стремительного роста числа случаев данного заболевания важно активно обсуждать проблему ожирения в научной и общественной сферах. Лексика, используемая в медицинских статьях, играет ключевую роль в точности и ясности передачи информации о данном заболевании. Изучению англоязычной лингвистики посвящены труды М. Д. Кузнеця и Ю. М. Скребнева («Стилистика английского языка», 1960), а также Джеффри Лича («Essays on Style and Language», 1967). В данной статье приведен анализ лексических средств, применяемых в англоязычных статьях, посвященных ожирению. Мы рассмотрим, как выбор лексических средств выразительности влияет на представление о заболевании, его причинах и последствиях, а также на восприятие людей, страдающих от ожирения. Лексические средства выразительности играют важную роль в языке, позволяя авторам и ораторам передавать свои мысли более ярко, насыщенно и помогают создать образность, эмоциональную окраску и индивидуальный стиль.

Целью данного исследования является анализ лексических средств, используемых в англоязычных научных и статьях для описания ожирения.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: контекстуальный метод, дескриптивный метод, семантический анализ, лексический анализ.

Результаты исследования. Под лексическими средствами в лингвистике понимаются слова и устойчивые выражения, используемые для создания определенного стилистического эффекта, передачи информации и формирования эмоциональности текста [2]. В лингвистических словарях этот термин определяется как совокупность слов и фраз, применяемых в определенном коммуникативном контексте для выражения значений, эмоций и стилистической окраски [1]. Для анализа использования лексических средств взяты англоязычные научные статьи, касающиеся темы ожирения [3; 4; 5]. В ходе исследования были выявлены следующие лексические средства: термины, эпитеты, сравнительные конструкции.

Приведем примеры использования лексических средств в научных англоязычных текстах об ожирении.

1) термины: *“Adipokines and other cytokines produced or induced by adipose tissue can also affect the lungs ... leptin and adiponectin have also been associated with exercise-induced changes in lung function. Most existing literature is based on cross-sectional studies, and it is not clear whether adipokine levels can serve as biomarkers to identify at-risk patients*

... *metabolic dysregulation* plays an important role in many complications of *obesity*, including *asthma*. *Hyperglycemia* and *hyperinsulinemia* can contribute to AHR and remodeling through *epithelial* damage and airway *smooth muscle proliferation*...” [4];

2) эпитеты: “The homeostatic model assessment (HOMA) index is also used in MHO classification to identify an *increased* risk of mortality...” [5]; “... it depends on a number of factors in *positive* metabolic syndrome. The adipose mass represents an *important* source of proinflammatory cytokines in obese individuals ... in adults is *strongly* associated with a number of factors also seen in metabolic syndrome, central obesity and *increased* cardiovascular risk...” [3];

3) сравнительные конструкции: “...bronchoalveolar fluid *levels* of surfactant protein A... *are lower* in obese asthmatic patients compared with *their lean counterparts*...” [4]; “Subcutaneous depot *expresses higher levels* of TBx15 gene and adiponectin in visceral WAT than other markers. Percentages of arachidonic acid and docosahexaenoic acid *are higher* in subcutaneous WAT”; “MHO individuals have a *higher risk* of developing metabolic syndrome when compared to healthy individuals of normal weight” [3].

Выводы. Анализ англоязычных статей о проблеме ожирения указал на присутствие таких лексических средств выразительности, как термины, эпитеты и сравнительные конструкции. Термины обеспечивают конкретный и недвусмысленный способ обозначения сложных понятий и процессов. При описании ожирения использование правильной терминологии гарантирует, что данные будут проанализированы и интерпретированы научно обоснованным образом. Эпитеты добавляют смысловые оттенки и детали, они необходимы, например, для более конкретной характеристики симптомов. Использование сравнительных конструкций необходимо для сравнения биомаркеров и диагностических показателей, а также для демонстрации взаимосвязей между различными переменными.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Издательство «Советская энциклопедия», 2021. – 576 с.
2. Горбатовский, А. С. Лексические средства выразительности как языковые единицы моделирования культурного пространства в художественном тексте / А. С. Горбатовский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – № 6. – С. 38–44.
3. Mayoral, L. P. Obesity subtypes, related biomarkers & heterogeneity / L. P. Mayoral, G. M. Andrade, E. P. Mayoral, T. H. Huerta, S. P. Canseco // Indian J Med Res. – 2020. – January. – P. 11–21.
4. Peters, U. Obesity and asthma / U. Peters, A. E. Dixon, E. Forno // J Allergy Clin Immunol. – 2018. – April. – P. 1169–1179.
5. Purdy, J. C. The hematologic consequences of obesity / J. C. Purdy, J. J. Shatzel // Eur J Haematol. – 2021. – March. – P. 306–319.

ДИСТАНЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

П. О. Мелешикина,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Коган Ю. Н., к. п. н., доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В последние десятилетия наблюдаются изменения в подходах к обучению, что связано с внедрением новых технологий и методов, способствующих более эффективному усвоению знаний. Одной из наиболее заметных тенденций в образовательной сфере стало развитие дистанционных образовательных технологий (ДОТ), которые открывают новые горизонты для обучающихся и преподавателей. В частности, в контексте медицинского образования, где требования к языковым компетенциям обучающихся постоянно растут, использование ДОТ для обучения английскому языку становится особенно актуальным. В условиях международной интеграции медицинских знаний, владение английским языком становится необходимым условием для успешной профессиональной деятельности.

Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа и систематизации существующих подходов к применению ДОТ в обучении английскому языку в медицинских вузах. В условиях ограниченного времени, которое обучающиеся могут уделить изучению языка, а также высокой нагрузки, связанной с клинической практикой, дистанционные технологии представляют собой эффективный инструмент, позволяющий оптимизировать процесс обучения. В исследовании рассмотрено влияние быстро развивающихся современных технологий на процесс обучения иностранному языку и их новые возможности для применения обучающимися. Особое внимание в работе уделяется актуальности электронных образовательных ресурсов (ЭОР), которые становятся необходимым инструментом для организации самостоятельной работы обучающихся, что особенно важно в контексте медицинского образования, где самостоятельное изучение материала играет значимую роль.

Цель данного исследования заключается в анализе дистанционных образовательных технологий (ДОТ) и их эффективного применения в обучении английскому языку в медицинских вузах. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: проанализировать современные тенденции дистанционного обучения; выявить преимущества и недостатки ДОТ по сравнению с традиционными методами обучения; рассмотреть роль саморегулируемого обучения и его влияния на активное участие обучающихся в образовательном процессе.

Методы исследования. В данном исследовании использован метод теоретического анализа, метод облачных сервисов и цифровизации, применены аналитический, сравнительный и логический методы.

Результаты исследований. **Анализ** результатов научных исследований в области дистанционных образовательных технологий (ДОТ) в медицинских вузах показывает, что использование современных методов и приемов обучения английскому языку

значительно улучшает как мотивацию обучающихся, так и их способность к освоению специализированной медицинской терминологии:

- эффективность перевернутого обучения, такого как *Flipped learning*, подтверждается тем, что оно способствует более глубокому вовлечению обучающихся в учебный процесс изучения английского языка, позволяя им заранее осваивать теоретический материал и сосредоточиться на его практическом применении во время занятий [1]. Это представляет особую важность для обучающихся медицинских вузов, которым необходимо развивать навыки применения языка в профессиональной сфере;

- использование таких материалов, как медицинские статьи и подкасты, значительно повышает интерес обучающихся и их мотивацию к обучению. Обучающиеся более эффективно осваивают терминологию, когда она используется в реальных контекстах, что делает обучение более актуальным и ценным;

- преимущества проектного метода и групповой работы также играют важную роль в образовательном процессе. Применение проектного метода и концепции *Study Buddy* способствует развитию у обучающихся не только языковых, но и коммуникативных навыков. Работая в группах, обучающиеся учатся друг у друга, обмениваются опытом и развивают самодисциплину. Такие методы обучения увеличивают активность обучающихся и создают условия для более глубокого освоения материала [2];

- гибридное обучение, сочетающее онлайн и очные занятия, обеспечивает высокую гибкость и позволяет обучающимся совмещать учебу с практикой. Обучающиеся по таким методикам, показывают высокий уровень самостоятельности и могут эффективно адаптировать обучение английскому языку под свой график.

Важно отметить, что самодисциплина и мотивация являют собой фактор успешности дистанционного обучения. Исследования показывают, что отсутствие строгого расписания и контроля может негативно сказаться на учебном процессе. Однако с помощью мотивационных программ и поддержки со стороны преподавателей и образовательных платформ удастся достичь высокого уровня вовлеченности обучающихся в изучение иностранного языка.

Интеграция ЭОР в образовательный процесс способствует развитию навыков взаимодействия на иностранном языке и погружению обучающихся в профессиональную лексику [2]. Это также позволяет организовывать индивидуализированные траектории обучения и снижать барьеры, связанные с физическим местоположением обучающихся. Развитие саморегулируемого обучения через методы, такие как постановка целей и отслеживание прогресса, способствует развитию навыков самостоятельной работы, что является важным аспектом успешного освоения учебного материала.

Выводы. Проведенный анализ применения ДОТ в обучении английскому языку в медицинских вузах позволяет сделать вывод о их значимом, но неоднозначном влиянии на образовательный процесс. С одной стороны, ДОТ способствуют развитию саморегулируемого обучения, стимулируя активное участие обучающихся и предоставляя гибкие возможности для освоения материала. С другой стороны, его успешность напрямую зависит от осознанного подхода к обучению, мотивации и способности обучающихся к самоорганизации. Выявленные преимущества и недостатки ДОТ в сравнении с традиционными методами указывают на необходимость сбалансированного подхода к использованию ДОТ с учетом специфики медицинского образования и индивидуальных потребностей студентов. Комбинированное использование дистанционных технологий и методов саморегулирования открывает новые возможности для подготовки специалистов, позволяя студентам стать более активными в изучении английского языка. Следует подчеркнуть, что для эффективного внедрения ДОТ в образовательный процесс важно

решать проблемы, связанные с техническими трудностями, отсутствием личного общения и необходимостью высокой мотивации обучающихся. Поддержка со стороны преподавателей и использование качественных образовательных платформ являются ключевыми факторами благополучного развития дистанционного усвоения иностранного языка.

Список литературы

1. Володина, О. В. Современные технологии преподавания иностранного языка в условиях дистанционного обучения / О. В. Володина // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 7-4 (16). – С. 24–27.
2. Кузнецова, Д. В. Преимущества и недостатки дистанционного обучения английского языка / Д. В. Кузнецова, И. А. Кузнецов, Т. Г. Табакова // Успехи в химии и химической технологии. – 2020. – Т. 34, № 10 (233). – С. 83–85.

УДК 81

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ

В. А. Рафальский,

*обучающийся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Кириллова И. И., старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Речевое поведение человека во многом определяется его психологическим состоянием. С точки зрения психолингвистики, эмоции выражаются через язык, а спонтанная речь передает эмоциональные переживания. Важно учитывать не только конкретные эмоции, но и общее состояние говорящего. В узком смысле эмоции – это реакция на неудовлетворенные потребности, конфликты или неожиданные события. Эмоциональное напряжение играет ключевую роль в регуляции поведения, особенно в условиях, требующих быстрой адаптации. В студенческой среде стресс распространен из-за высокой учебной нагрузки и профессионального становления. Экзамены – один из самых сильных стрессовых факторов, значительно влияющих на тревожность студентов и их вербальное поведение [1, с. 1–2]. Влияние стрессовых факторов на языковое выражение вербального поведения студентов является актуальной областью исследований. Различные аспекты этой проблемы рассматривались в работах таких ученых, как Д. В. Жабин, С. С. Лопатина, А. В. Полозняк, Д. В. Балаганов, З. Бегмаммедова, Х. Гурбанмырадова и А. Гурбанова, что подчеркивает значимость дальнейшего изучения данного вопроса.

Цель и задачи исследования. Цель: определить влияние стрессовых ситуаций (экзамены, контрольные точки, публичные выступления и др.) на языковое выражение вербального поведения обучающихся медицинского института.

Задачи: проанализировать научные статьи по теме и выявить ключевые стрессовые факторы, влияющие на речевую деятельность студентов в процессе обучения; исследовать языковое выражение вербального поведения студентов медицинского института в стрессовых ситуациях на основе анкетирования и

наблюдений; проанализировать полученные данные и сформулировать выводы о влиянии стресса на речевое поведение учащихся.

Методы исследования. Корпусный анализ научных статей из базы *Cyberlelinka*; наблюдение и запись речи; лингвистический анализ; статистический анализ (обработка полученных данных для выявления закономерностей).

Результаты исследования. Анализ научных источников показывает, что стресс существенно влияет на речь студентов-медиков. Во-первых, как показано в исследовании Д. В. Жабина, эмоциональное напряжение при изучении иностранного языка приводит к увеличению количества грамматических и фонетических ошибок, снижению беглости речи и усложнению восприятия учебного материала. В стрессовых условиях у обучающихся отмечается усиление интерференции родного языка, выраженное в использовании неверных синтаксических конструкций и калькированных выражений [1, с. 2–3]. Во-вторых, исследование Т. А. Снегуровой, И. И. Снегуровой и М. Е. Шелестиной показало, что эмоциональное напряжение негативно сказывается на коммуникативной деятельности студентов, снижая их способность к эффективному взаимодействию в учебном процессе [2, с. 3–4].

В ходе наблюдения за вербальным поведением студентов медицинского института в условиях стресса были записаны их высказывания во время контрольных точек и обычных занятий, сопровождающихся высоким уровнем тревожности. Анализ собранного материала позволил выявить несколько ключевых закономерностей:

Изменение темпа речи – у 72% студентов темп речи ускорялся при контрольных точках, сопровождаясь оговорками и повторами, у 18% – замедлялся с увеличением пауз (например, «эм... как бы... значит...» / «ну это типа... короче...»).

Речевые дисфлюенции – 65% студентов чаще использовали заполненные паузы («э-э», «ну», «как бы»), затрудняя подбор слов («ну это... ээ..., ну, короче...» / «как бы... ну, получается, вот так...»).

Грамматические ошибки – их число увеличилось на 40%, чаще встречались нарушения порядка слов и согласования («он сделал анализы, и они был нормальные» / «это реакция влияет на организм плохо»).

Эмоционально окрашенная лексика – 48% студентов употребляли усиленные выражения («ужас», «каша в голове», «страшно трудно»), что отражало их тревожность («я вообще ничего не понимаю, полный кошмар...» / «это просто жуть какая-то!»).

Интерференция родного языка – в речи студентов, изучающих иностранный язык, на 35% чаще встречались заимствования и кальки («ну, это не делает смысл» – калька с “doesn’t make sense” / «я делаю ошибку» вместо «совершаю ошибку» – влияние английского “make a mistake”).

Вводные и лишние слова – в стрессовых ситуациях студенты чаще вставляли в речь слова-паразиты («у нас» – 58%, «получается» – 46%, «ну короче» – 39%, «типа» – 34%, «как бы» – 31%), что снижало осознанность речи («ну, получается, что... как бы...»).

Выводы. Исследование показало, что стресс значительно влияет на речевое поведение студентов, вызывая увеличение пауз, ускорение или замедление речи, рост количества грамматических ошибок и активное использование вводных слов. В стрессовых ситуациях студенты чаще используют эмоционально окрашенные выражения и упрощенные речевые конструкции, что снижает эффективность их коммуникации. Эти особенности следует учитывать при разработке методик адаптации студентов к устному взаимодействию в условиях повышенной тревожности.

Список литературы

1. Жабин, Д. В. Влияние факторов стресса на речевую деятельность студентов в условиях обучения иностранному языку / Д. В. Жабин // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-faktorov-stressa-na-rechevuyu-deyatelnost-studentov-v-usloviyah-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 10.03.2025).

2. Снегурова, Т. А. Влияние эмоционального фактора на коммуникативную деятельность студентов / Т. А. Снегурова, И. И. Снегурова, М. Е. Шелестина // Репозиторий Харьковского политехнического института. – 2025. – № 1. – С. 3–4.

УДК 81.373

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Р. Т. Решитов,

*обучающийся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Храбскова Д. М., заведующая кафедрой романской и классической филологии, к. ф. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В работе рассматриваются основные особенности использования медицинской терминологии. В современном мире медицинская терминология занимает важное место среди специальных терминологических систем, что обусловлено значительной ролью медицины и медицинских знаний в жизни общества. В условиях глобализации возрастает потребность в понимании различных медицинских документов. Международное сотрудничество способствует развитию и совершенствованию медицины, а также обогащению её терминологии, которая, как и любая специальная лексика, имеет свои особенности и характеризуется высокими темпами обновления.

Актуальность исследования заключается в изучении специфики использования медицинской терминологии, включая сложности перевода, а также применения аббревиатур и сокращений.

Целью данного исследования является анализ особенностей использования медицинской терминологии при переводе текстов и интерпретации аббревиатур и сокращений. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: дать определение понятию "медицинская терминология"; описать трудности перевода медицинской терминологии с английского языка; рассмотреть особенности употребления сокращений и аббревиатур в медицинской лексике.

Методы исследования. В исследовании использованы следующие методы: дескриптивный метод, метод семантического описания, метод словообразовательного моделирования.

Результаты исследования. Медицинская терминология это система понятий, обозначающих состояния и процессы, протекающие в человеческом организме, болезни и их проявления, профилактики и лечения заболеваний, методы диагностики, лекарственные средства, медицинское оборудование, и др. При переводе медицинских текстов возникает немало трудностей. В настоящее время одна из проблем – это проблема качества медицинского перевода, так как создание квалифицированного перевода требует не только лингвистических, но и предметных, собственно медицинских познаний от выполняющего его специалиста.

При переводе медицинской терминологии приходится решать две серьезные задачи. Во-первых, необходимо убедиться в том, что термины действительно являются синонимами, а не выражают разные понятия. Во-вторых, из числа синонимов необходимо выбрать наиболее адекватный и точный.

Следует отметить, что большие затруднения обычно вызывают большое количество аббревиатур и сокращений, так как они очень характерны для английской письменной речи и употребляются в большом количестве и имеют много омонимов, акронимов, синонимов.

Аббревиатуры – неотъемлемая часть профессиональной медицинской терминологии. Аббревиатуры могут писаться заглавными или строчными буквами, что создает дополнительные сложности. Медицинские аббревиатуры в английском условно делятся на несколько видов, в зависимости от способа их образования.

Инициальные: LN – liquid nitrogen – жидкий азот; Слоговые: Alk phos – alkaline phosphatase – щелочная фосфатаза; Буквенные: T – temperature – температура; Буквенно-слововые: C/sec – cesarean section – кесарево сечение; Буквенно-цифровые: 2 DE – двумерная эхокардиография; Буквенно-словесные: C-spine – cervical spine – шейный отдел позвоночника; Графические – A.D.A. – American Dental Association – Американская Ассоциация Стоматологов. Многие английские аббревиатуры стали настолько хорошо известны на международном уровне, что многие непрофессионалы (обыватели) могут и не знать их полных форм (AIDS – СПИД, HIV – ВИЧ, SARS – ТОРС, и IBS – СРТК).

Так при передаче аббревиатур были использованы следующие комплексы приемов:

1) ALL (acute lymphoblastic leukemia) – острый лимфобластный лейкоз – (калькирование, транслитерация);

2) ED (emergency department) – отделение неотложной помощи – (калькирование, грамматическая замена);

3) INR (international normalized ratio) – международный нормализованный коэффициент – (транскрипция, калькирование);

4) CI (confidence interval) – доверительный интервал – (транскрипция, калькирование);

5) REE (resting energy expenditure) энергетические затраты в состоянии покоя (замена, калькирование, транслитерация).

Серьезным препятствием для осуществления перевода является неполнота специализированных двуязычных словарей. При стремительном развитии медицинской науки даже быстро пополняемые онлайн-словари не в состоянии успеть за новообразованиями терминологии, не говоря уже о печатных изданиях.

Стоит отметить, что поскольку часто слова представлены заимствованиями из латинского и греческого языков, что отражает их интернациональность, очень часто при их переводе используют такие переводческие трансформации, как транслитерация, транскрипция или экспликация.

Необходимо отметить, что словопроизводство считается наиболее продуктивным способом образования терминов, в связи с этим большое количество медицинских терминов являются производными, так как в их состав в разных комбинациях могут входить префикс, один или два корня слова и суффикс (например, myocardium = myo- (префикс) + card(ium) (корень) endocarditis = endo- (префикс) + card (корень) + -tis (суффикс) cytology = cyt(o) (корень) + -logy (суффикс) gastroenterology = gastr(o) (корень) + enter(o) (корень) + -logy (суффикс) adenoma = aden(o) (корень) + oma (суффикс) [1, с. 58].

Выводы. Особенности использования медицинской терминологии зависят от изменений деятельности человека в сфере медицины. Появляются новые области в

научно-технической сфере, следовательно, и в медицинской сфере. В связи с развитием научно-технической сферы происходят изменения и обогащения медицинской терминологии. При этом появляются трудности перевода текстов, семантизации медицинских терминов, аббревиатур и сокращений.

Список литературы

1. Дзуганова, Б. Английская медицинская терминология – различные способы образования медицинских терминов / Б. Дзуганова. – 2013. – Том 4, № 7. – С. 55–69.
2. Герд, А. С. Проблемы становления и унификации научной терминологии / А. С. Герд // Вопросы языкознания, 2009. – № 1. – С. 83–88.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 2001. – 253с.
4. Зубова, Л. Ю. Английские медицинские аббревиатуры как часть профессиональной языковой картины мира : специальность 10.02.04 : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Ю. Зубова. – Воронеж, 2009. – 13 с.
5. Русакова, М. М. Лексико-семантические процессы формирования медицинской терминологии / М. М. Русакова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1.

УДК 811

ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ ПРИ ОПИСАНИИ САХАРНОГО ДИАБЕТА НА ОСНОВЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ

М. В. Рылов,

*обучающийся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Храбскова Д. М., заведующая кафедрой романской и классической филологии, к. ф. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Сахарный диабет (СД) является одним из наиболее изучаемых заболеваний в области медицины, что обусловлено его широкой распространенностью и сложностью лечения. В англоязычной научной литературе активно формируется терминологический аппарат, связанный с этим заболеванием. Анализ особенностей терминообразования в англоязычных статьях позволяет выявить основные тенденции формирования медицинской терминологии, касающейся СД. Изучением терминообразования занимался Ганс Маршанд, именно он – первый, кто ввел классификацию лексических приемов, используемых в терминообразовании. В своих трудах он рассматривает словообразование, в целом, включая как общепринятую лексику, так и специализированные термины [1; 3]. Актуальность заключается в необходимости точного перевода и стандартизации терминов для эффективного обмена знаниями в международной медицинской практике, а также для улучшения понимания и применения новых данных о заболевании в разных языковых контекстах.

Методика исследования. Контент-анализ научных публикаций; классификация терминов по способам их образования; сравнительный анализ русскоязычных и англоязычных эквивалентов медицинских терминов.

Цель и задачи исследования. Выявить основные модели терминообразования в англоязычных научных статьях, посвященных сахарному диабету, а также определить их влияние на медицинскую терминологию в глобальном масштабе. К задачам относится: проанализировать основные способы формирования терминов, используемых в англоязычных статьях о сахарном диабете; классифицировать медицинские термины по способу их образования; изучить влияние международных стандартов на формирование медицинской терминологии. Материалом исследования послужили англоязычные статьи и диссертации на темы: «сахарный диабет»; «медицинские терминосистемы».

Результаты исследования. Анализ англоязычных публикаций показывает, что способы терминообразования в области СД базируется на одной классификации, введенной Гансом Маршандом, включающей следующие группы:

1. Аффикация – формирование терминов путем добавления префиксов и суффиксов: *hyperglycemia* (гипергликемия, *hyper* – избыточное), *hypoglycemia* (гипогликемия, *hypo* – недостаточное) [3].

2. Сложение (композиция) – объединение двух основ в один термин: *insulin-dependent* (инсулинозависимый), *glucose tolerance* (глюкозная толерантность) [4; 5].

3. Заимствования – использование латинских и греческих корней: *diabetes mellitus* (сахарный диабет, *diabetes* от греческого слова *diabētēs*, что означает – «проходящий через», т. к. раньше болезнь ассоциировалась с чрезмерным мочеиспусканием), *pancreatitis* (панкреатит, суффикс *itis* означает воспаление), *endocrinology* (эндокринология, *endo* – внутри, *crine* – выделять, *logy* – наука) [4; 6].

4. Эпонимы – использование имен ученых или исследователей в терминах: *Langerhans cells* (островки Лангерганса), *Charcot foot* (стопа Шарко) [6].

В англоязычных статьях также наблюдается активное использование международных стандартов терминологии, что способствует унификации медицинской лексики и облегчает междисциплинарное взаимодействие специалистов. Термины стандартизированы, что упрощает поиск научной информации и способствует гармонизации научного дискурса.

Дополнительно выявлено, что в процессе терминообразования активно используются процессы субстантивации, что приводит к образованию таких терминов, как *insulin resistance* (инсулинорезистентность) и *glucose metabolism* (глюкозный обмен). Терминологическая эволюция отражает прогресс медицинской науки и внедрение новых технологий, например, *continuous glucose monitoring* (непрерывный мониторинг глюкозы), что подчеркивает необходимость адаптации терминологии к современным исследованиям и разработкам [7; 8].

Выводы. Терминообразование в англоязычных научных статьях о СД характеризуется высокой степенью системности и стандартизации. Основными способами формирования терминов являются аффикация, сложение, заимствования и эпонимы. Использование унифицированных терминов способствует эффективной коммуникации между специалистами и распространению научных знаний в глобальном масштабе. Кроме того, стандартизация медицинских терминов играет ключевую роль в обеспечении точности диагноза и лечения пациентов.

Список литературы

1. Чернявский, М. Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии : монография / М. Н. Чернявский. – Москва : МЕДпресс-информ, 2007. – 448 с.
2. Marchand, H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation [Electronic Resource] / H. Marchand. – Access mode: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.529076>. (Access date: 17.08.1960).

3. Chipkin, S. R. Exercise and Diabetes [Electronic Resource] / S. R. Chipkin, S. A. Klugh, L. Chasan-Taber. – Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/11570119/>. (Access date: 18.03.2025).
4. Sharma, S. Diabetes Mellitus: Pathophysiology and Management Strategies [Electronic Resource] / S. Sharma, J. Singh, A. Baldi. – Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/37039787/>. (Access date: 18.03.2025).
5. DeFronzo, R. A. Pathogenesis of Type 2 Diabetes Mellitus [Electronic Resource] / R. A. DeFronzo. – Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/9458525/>. (Access date: 18.03.2025).
6. Hossain, P. Obesity and Diabetes in the Developing World – A Growing Challenge [Electronic Resource] / P. Hossain, B. Kavar, M. El Nahas. – Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15583023/>. (Access date: 18.03.2025).
7. Liao, X. Diabetes Mellitus and Risk of Developing Cancer: An Updated Overview [Electronic Resource] / X. Liao, Z. Liu, H. Ye, et al. – Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/37915143/>. (Access date: 18.03.2025).
8. Vandewalle, J. Therapeutic Mechanisms of Glucocorticoids in the Treatment of Type 1 Diabetes Mellitus [Electronic Resource] / J. Vandewalle, A. Luypaert, K. De Bosscher, C. Libert. – Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33740420/>. (Access date: 18.03.2025).

УДК 811

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ НЕЙРОХИРУРГИИ

А. Е. Рябова,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Ягенич Л. В., заведующая кафедрой иностранных языков № 4, к. п. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Нейрохирургия, имеет богатую и многослойную историю, которая отражает не только развитие медицинских знаний, но и изменения в языке и терминологии. С момента своих зарождающихся этапов от древности до современности, нейрохирургия, как отрасль медицины претерпела изменения. Эти изменения не просто отражают эволюцию научного понимания анатомии и физиологии, но также свидетельствуют о культурных, философских и социальных трансформациях, происходивших на протяжении веков.

В XVIII веке, когда медицинская наука только начинала формироваться как система знаний, семантические поля многих терминов были обширными и их контекст имел иное значение. Понимание было ограничено и часто связано с мистическими представлениями о здоровье и болезни. Этимологию нейроанатомических терминов изучали: С. А. Кутя, Д. С. Авабде, Н. Г. Николаева, А. В. Ермошин, О. Я. Яровая [1]. Изучением диахронии медицинской терминологии занимались Н. С. Патрикеева, О. В. Байкова [2].

Цель и задачи исследования. Проследить семантические изменения терминологии на материале англоязычных научных работ по нейрохирургии.

Результаты исследований. Проведен анализ научных работ. Были выявлены несколько терминов, с изменённым семантическим полем, в сравнении со значением в современной медицинской терминологии. Примеры:

Craniotomy (трепанация)

В XIX веке: Примером работы, с описанием значения данного термина в XIX веке может быть: «Operative surgery» – Joseph D. Bryant (1899 г.). «Craniotomy is a term commonly applied the opening of the cranium for obstetrical purposes It is used here to the opening of the cranium for the purpose of relieving cerebral of stimulating mental development etc» [4, p. 195]. Термин «трепанация» описывал операцию, проводимую в нейрохирургии для облегчения давления на мозг, улучшения психологического здоровья и стимуляцию психического развития. Эта практика была основана на представлении о том, что удаление части черепа может помочь предотвратить или лечить повреждения мозга.

В XXI веке: Примером описания данного термина в XXI веке может быть работа: «Craniotomy» (Ricardo J. Fernández-de Thomas, Sunil Munakomi, Orlando De Jesus, 2023 г.). «A craniotomy is a surgical procedure in which a part of the skull is temporarily removed to expose the brain and perform an intracranial procedure» [5]. В XXI веке термин «трепанация» не используется, однако существует термин «craniotomy» с аналогичным значением. Данный термин описывает операцию, которую проводят в нейрохирургии для доступа к мозгу и проведения внутричерепных процедур.

Meningioma (менингиома)

Примером такого же термина может быть слово «менингиома», которое до XX века не использовалось в современном понимании. Классификации опухолей и определённого термина для каждого вида заболевания не существовало. Основные работы по анатомии начали формировать основу для понимания структуры мозга. С развитием науки сформировалось понимание того, что, все опухоли, которые описывают одним термином, имеют различия в физиологии. Появилась необходимость классифицировать и ввести термин для каждого вида опухолей. Термин «менингиома» был впервые введен в XX веке, в работе «The meningiomas (duralendotheliomas): their source and favoured seats of origin» – Harvey Cushing (1922 г.). «**Meningioma-slow-growing, typically benign neoplasms arising from the dura mater**, often compressing adjacent brain structures rather than invading them» [3, p. 283]. Появление данного термина охарактеризовало вид опухолей мозговой оболочки.

Выводы. Исторические процессы и изменения в знаниях по нейрохирургии, анатомии и физиологии оказывают влияние на понимание и семантические поля терминов. Термины, которые использовались ранее, часто не отражали всей сложности и многообразия нейрпатологических процессов, что подчеркивало необходимость их пересмотра. Появление новых терминов и изменение семантических полей ранее существовавших, стало возможным благодаря достижениям в области молекулярной биологии, нейровизуализации и патологии. Это, в свою очередь, способствовало более точной диагностике и эффективному лечению пациентов.

Список литературы

1. Кутя, С. А. Этимология терминов в анатомии центральной нервной системы / С. А. Кутя, Д. С. Авабде, Н. Г. Николаева, А. В. Ермошин, О. Я. Яровая // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2021. – № 10. – С. 101–104.
2. Патрикеева, Н. С. Конвенциональность медицинской терминологии / Н. С. Патрикеева, О. В. Байкова // Вестник ВятГУ. – 2017. – № 6. – С. 44–48.
3. Cushing, H. The meningiomas (duralendotheliomas): Their source, and favoured seats of origin / Harvey Cushing. – London : Oxford University Press, – 1922. – P. 282–316.
4. Bryant, J. Operative surgery / Joseph Bryant. – New York : D. Appleton, 1899. – 1302 p.

5. Fernández-de, R. J. Craniotomy [Electronic Resource] / Ricardo J. Fernández-de Thomas, Sunil Munakomi, Orlando De Jesus. – Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32809757/>. (Access date: 23.08.2023).

УДК 378.811

ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ПОМОЩЬЮ МЕДИЦИНСКИХ СЕРИАЛОВ

В. А. Старкова,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Никейцева О. Н., к. п. н., доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В современном мире изучение английского языка становится все более актуальным, особенно в области медицины. Одним из эффективных и увлекательных способов освоения языка является просмотр медицинских сериалов. Эти сериалы не только погружают зрителей в профессиональную среду, но и обогащают словарный запас терминами и фразами, используемыми в медицине.

Целью данной работы является проанализировать потенциал просмотров медицинских сериалов при изучении английского языка. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) рассмотреть эффективность использования сериалов в изучении языка; 2) выявить, какие медицинские сериалы можно использовать в изучении английского языка и как они помогают в процессе обучения; 3) составить рекомендации по просмотру.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: метод наблюдения, статистический метод и контент-анализ.

Результаты исследования. Сериалы предоставляют контекстный подход к изучению языка, сочетая развлечение с обучением. Они помогают развивать навыки аудирования, расширяют словарный запас медицинской терминологии и формируют понимание культурных аспектов взаимодействия в профессиональной среде. Кроме того, использование визуальных и слуховых средств обучения способствует лучшему запоминанию материала, что делает этот метод особенно эффективным для обучающихся и практикующих врачей, желающих улучшить свои навыки общения на английском.

Работа мозга при аудиопрослушивании иностранных языков включает множество процессов, связанных с обработкой слуховой информации, распознаванием речи, а также анализом и пониманием содержания. Мы выделили ключевые аспекты: аудирование, декодирование звуков, словарный запас и грамматика, когнитивные процессы, эмоции и мотивация, многоязычие и нейропластичность.

Аудиопрослушивание иностранных языков – это сложный когнитивный процесс, который требует активного участия различных областей мозга и может существенно повлиять на язык и его освоение.

Студентам Ордена Трудового Красного Знамени Медицинского института имени И. С. Георгиевского было предложено ответить на вопрос, какие методы

изучения английского языка они используют. В опросе приняло участие 62 обучающихся. Получены следующие результаты:

- большинство обучающихся отмечают, что активно используют просмотр английских сериалов для изучения английского языка – 61% опрошенных (38 человек);

- обучающиеся изучают английский язык, читая оригинальную литературу – 29% опрошенных (18 человек);

- меньше всего голосов набрал метод изучения языка путём «заучивания» информации – 10% опрошенных (6 человек).

Процессу изучения медицинского английского языка, также могут способствовать просмотр сериалов и фильмов. Более эффективным будет выбор именно медицинских сериалов, так как они предоставляют множество преимуществ: контекстуальность – медицинские сериалы часто содержат разговоры на специфические темы, что позволяет изучать лексику и фразы, связанные с медициной и здравоохранением; аутентичное использование языка – сериалы представляют собой живую речь, что позволяет учащимся слышать язык в его естественной форме; аудирование – поддержание навыков аудирования и восприятия на слух; культурные аспекты – сериалы дают представление о культуре страны, язык которой изучается.

Приведем примеры рекомендуемых к просмотру сериалов:

- “Grey’s Anatomy” (Анатомия страсти). Этот сериал предлагает обширный медицинский словарь и много диалогов, связанных с различными медицинскими процедурами.

- “House, M. D.” (Доктор Хаус). В сериале представлено множество медицинских дилемм и диагнозов, что позволяет слушателям столкнуться с актуальной медицинской терминологией и концепциями.

- “The Good Doctor” (Хороший доктор). Сериал освещает работу в больнице и различные медицинские случаи, при этом акцентируя внимание на этических и профессиональных вопросах, что расширяет словарный запас.

- “Scrubs” (Клиника). Хотя это комедийный сериал, но он содержит много медицинских терминов и ситуаций, которые могут быть полезны для изучения.

- “ER” (Скорая помощь). Классический медицинский сериал, который показывает работу травмпункта.

- “Chicago Med” (Чикаго Мед). Этот сериал охватывает различные аспекты работы в больнице и может быть полезен для изучения различной медицинской лексики и сценариев.

Выводы. Изучение английского языка через просмотр медицинских сериалов является эффективным и увлекательным методом. Он сочетает в себе развитие языковых навыков и понимание медицинской сферы. Включение сериалов в образовательный процесс способствует более глубокому и осознанному изучению языка, что делает обучение интересным и мотивирующим.

Список литературы

1. Беляева, О. И. «Фильмы и сериалы на английском языке как эффективный способ изучения английского языка» / О. И. Беляева, А. Е. Середницкая // Педагогическое образование: вызовы и перспективы. – 2022. – С. 28–33.
2. Луговых, А. А. «Телесериал как инструмент обучения иностранному языку (из опыта работы)» / А. А. Луговых // «Magister Dixiti» научно педагогический журнал Восточной Сибири. – 2014. – С. 1–10.
3. Раксана, С. К. «Виды иноязычных видеоматериалов и специфика их влияния на обучение говорению на английском языке» / С. К. Раксана // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – С. 432–442.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОНКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

К. А. Сухорукова,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Коган Ю. Н., к. ф. н., доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Онкологическая терминология в современном английском языке представляет собой сложную и динамично развивающуюся систему, которая отражает последние достижения медицинской науки и практики. Лексико-семантический анализ онкологических терминов позволяет выявить их ключевые особенности, структуру, а также семантические связи между ними.

Цель и задачи исследования заключаются в анализе лексико-семантических характеристик онкологической терминологии в английском языке, а также особенностей образования онкологических терминов.

В рамках исследования использованы методы: семантический анализ, сопоставительный метод.

Результаты исследования показали, что интерес специалистов (Д. А. Архипова, Ю. С. Елисеева, Л. Н. Гущина, Е. С. Степанова) к изучению онкологической терминологии обусловлен развитием медицинской науки и потребностью в уточнении понятий. Рассмотрим основные характеристики онкологической терминологии:

- медицинская специфичность. Онкологическая терминология включает множество специализированных терминов, таких как “carcinoma” (карцином), “sarcoma” (саркома), “metastasis” (метастаз) и “chemotherapy” (химиотерапия). Эти слова имеют четкие определения и используются для описания различных типов опухолей и методов лечения;

- латинские и греческие корни. Многие термины имеют латинские или греческие корни, что делает их интернациональными и понятными для специалистами во всем мире. Например, “melanoma” (меланом) происходит от греческого слова “melas”, что означает “черный”; “sarcomoid, fibroid, epidermoid, carcinoid, mastectomy” также имеют греческое или латинское происхождение;

- акронимы и аббревиатуры. В онкологии широко используются акронимы и аббревиатуры, такие как “TNM” (Tumor Node Metastasis) для описания стадии рака, “NCCN” (National Comprehensive Cancer Network) и “ACR” (American College of Radiology), “ANN” (small cell astrocytoma). Это позволяет проще и быстрее обмениваться информацией [3];

- диагностические и терапевтические термины. Онкологическая терминология включает термины, описывающие методы диагностики (например, “biopsy” – биопсия, “imaging” – визуализация) и лечения (например, “radiation therapy” – радиотерапия, “immunotherapy” – иммунотерапия);

- термины-синонимы и интерактивность. В онкологии существует множество синонимов для описания одних и тех же понятий (например, “oncologist” – онколог,

“cancer specialist” – специалист по раку). Это делает терминологию более гибкой, но также может приводить к путанице;

- развитие новых терминов. С появлением новых исследований и технологий появляются и новые термины, такие как “precision medicine” (точная медицина) и “liquid biopsy” (жидкая биопсия), что отражает современные тенденции в онкологии;

- междисциплинарность. Онкология активно пересекается с другими областями медицины, что обогащает её терминологию. Так термины из генетики (например, “genetic mutation” – генетическая мутация) всё чаще используются для описания раковых заболеваний [2].

В рамках проведенного анализа были выделены основные способы образования онкологической терминологии в современном английском языке.

Переосмысление общеупотребительных слов. Например: *cynel* – в общеупотребительной лексике «зёрно», в медицинской – «маленькая опухоль»; *bite* – в общеупотребительной лексике «укус», в медицинской – «рак»; “feather” – в общеупотребительной лексике «перо птицы», в медицинском значении – «особый тип расположения ДНК или сыпи на теле в виде узора, напоминающего перо»; *tree*: общеупотребительное значение – «растение», в медицинском значении – «особый тип деформации или расположения тканей, напоминающий форму дерева».

Заимствование из классических языков слов с суффиксом “-oma”. Структура заимствований, обозначающих опухолевые заболевания (*carcinoma*, *sarcoma*), послужила образцом для создания производных и сложнопроизводных терминов со значением «опухоль». К производным можно отнести: *nephroma*, *lymphoma*, *ependymoma*, *embryoma*, *glomangioma*, *leiomyoma*, *chorioma*, *scirrhoma*, *chloroma*, *colloma*. Сложнопроизводные термины: *medulloblastoma*, *oligodendroglioma*, *craniopharyngioma*, *arachnoidendothelioma*.

Использование двух структурных моделей моноксемных терминов. Первая отображает названия органов, клеток и тканей, а также органических структур, из которых происходит развитие опухоли. Например: *embryoma*, *lymphoma*, *elomyoma*, *nephroma*, *ependymoma*, *glomangioma*. Вторая отображает названия, которые характеризуют свойства опухоли: структура, твёрдость, форма и цвет. Например: *solenoma*, *colloma*, *scirrhoma*, *chloroma* [1].

Выводы. Изучение онкологической терминологии способствует точному восприятию и интерпретации информации. Владение медицинскими терминами на английском языке предоставляет доступ к международным ресурсам, актуальным методам лечения и мировым стандартам в области онкологии. Овладение и понимание особенностей онкологической терминологии на английском языке способствует профессиональному росту специалистов, повышая уровень их компетенции в области диагностики и лечения онкологических заболеваний.

Список литературы

1. Акжигитов, Г. Н. Большой англо-русский медицинский словарь / Г. Н. Акжигитов, Р. Г. Акжигитов. – 2-е изд. – Москва, 2007. – 1247 с.
2. Архипова, Д. А. Сравнительно-сопоставительный анализ английских и русских онкологических терминов (опухоли центральной нервной системы) / Д. А. Архипова, Л. Н. Гущина // Журнал ГрГМУ. – 2012. – № 3 (39).
3. Гущина, Л. Н. Из истории английских медицинских терминов, обозначающих опухоли / Л. Н. Гущина // Журнал ГрГМУ. – 2006. – Вып. 3. – С. 126–128.
4. Елисеева, Ю. С. Семантический анализ английских и русских медицинских терминов в области онкологии / Ю. С. Елисеева // Молодой ученый. – 2017. – № 23 (157). – С. 248–251.

5. Степанова, Е. С. Типологические особенности онкологической терминологии в современном английском языке / Е. С. Степанова // Журнал Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Вып. 5-3. – С. 991–993.

УДК 811

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АББРЕВИАТУР В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЦИНСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО КАРДИОЛОГИИ)

А. Р. Эмирусеинова,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Ягенич Л. В., заведующая кафедрой иностранных языков № 4, к. п. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Несмотря на «упрощение формальной структуры языковой единицы», аббревиатуры часто являются трудными для понимания и перевода элементами устной и письменной речи. Аббревиатуры стали популярными из-за быстрого ритма жизни. В настоящее время аббревиация представляет собой эффективный метод словообразования [5, с. 91].

Актуальность исследования обусловлена ростом объема научных публикаций по теме, необходимостью упрощения сложной медицинской терминологии и важностью эффективной коммуникации между специалистами. В условиях глобализации и международного сотрудничества понимание и правильное использование аббревиатур становятся критически важными для образования медицинских работников и улучшения качества профессионального общения. Аббревиатура – это сокращенная форма слова или фразы, образованная из начальных букв. Сокращение – более общее понятие, которое включает в себя аббревиатуры, а также другие формы сокращения слов [1].

Целью данного исследования является анализ англоязычных статей на предмет аббревиации и сокращений.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: метод семантического анализа, сплошной выборки, метод сравнительного анализа.

Результаты исследования. Термин «аббревиация» может иметь разные трактовки, однако лингвисты утверждали, что аббревиация – это процесс формирования новых слов через сокращение элементов исходного слова. Этот процесс приводит к созданию слова, которое сохраняет форму и отражает определённые части исходной номинации. Полученное в результате этого процесса слово называется аббревиатурой или аббревиатурной единицей [1].

Существует общепринятая классификация аббревиатур, которая делит их на три основные группы: графические, лексические и синтаксические. Её автором называют И. В. Арнольд [2].

Лексические аббревиатуры представляют собой слова, созданные путем сокращения устойчивого словосочетания или отдельного слова. Они приобретают «собственную формообразовательную модель» и не отличаются от обычных слов.

Существует несколько типов лексических сокращений. Типы лексических аббревиатур определил Д. И. Алексеев [1]:

1) аббревиатуры инициального типа (образованные из начальных букв каждого слова в составе словосочетания: CHD – congenital heart defect [3], EM – electron microscopy [8];

2) аббревиатуры слоговые, то есть образованы из сочетания начальных частей слов, например, Card Cath – cardiac catheterization, pro.time – prothrombin time [3];

3) аббревиатуры смешанного типа, состоящие из начальных слов и звуков. AFib – atrial fibrillation [3], CVDs – cardiovascular diseases [9].

Синтаксические аббревиатуры включают эллиптические сокращения, где опускается один из компонентов словосочетания, как в случае с cord (spinal cord) – спинной мозг [4].

Дж. Берман в свою очередь дополняет эту общую классификацию своего рода подвидами:

1) с бессмысленной буквой: «х» в dx – diagnosis [3];

2) аббревиатуры-гипонимы: аббревиатура AIDH (atypical intraductal hyperplasia) является гипонимом по отношению к аббревиатуре IDH (intraductal hyperplasia) [6];

3) бессмысленные аббревиатуры: термин «acute nonlymphoblastic leukemia» может быть представлен как аббревиатура ANLL, так и ANNL. Слово «nonlymphoblastic» содержит две буквы N, но нет никакого смысла использовать в аббревиатуре ANNL обе N и пропускать необходимое для понимания смысла L [3];

4) фатальные аббревиатуры: ASCVD – arteriosclerotic cardiovascular disease, or arteriosclerotic cerebrovascular disease; CHD – congenital heart disease, or congestive heart disease [7]; MVR – mitral valve regurgitation, or mitral valve repair, or mitral valve replacement [3].

Выводы. В результате анализа аббревиатур, используемых в англоязычных научных статьях по кардиологии, можно заключить, что их применение существенно упрощает и ускоряет коммуникацию между специалистами.

Список литературы

1. Алексеев, Д. И. Словарь сокращений русского языка / Д. И. Алексеев, И. Г. Гозман, Г. В. Сахаров. – Москва, 1984. – 485 с.
2. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учебное пособие / И. В. Арнольд ; Высшая школа. – Москва : Флинта, 2012. – 376 с.
3. Барбашева, С. С. Особенности перевода аббревиатур в англоязычном медицинском тексте (на материале терминологии кардиологии) / С. С. Барбашева, А. А. Авраменко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – № 13. – С. 911–916.
4. Гончаров, Б. А. К вопросу о типологии и переводе сокращений в англоязычной научно-технической литературе / Б. А. Гончаров // Теория и практика перевода. – 1991. – С. 175.
5. Осетрова, Е. Е. Английский язык : учебное пособие по общественно-политическому переводу: функциональный и оперативный уровни / Е. Е. Осетрова ; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ. – Москва : Восток-Запад, 2005. – 93 с.
6. Berman, J. J. Pathology abbreviated: a long review of short terms / J. J. Berman // Archives of Pathology and Laboratory Medicine. – 2004. – March. – P. 106.
7. Booker, D. L. Dangerous abbreviations / D. L. Booker, J. J. Berman // Human Pathology. – 2004. – May. – P. 529–531.
8. Yim, W. W. Anexploratory text analysis of the autophagy research field / W. W. Yim, Y. Kurikawa, N. Mizushima // Taylor & Francis. – 2022. – July. – P. 1648–1661.

9. Qiao, L. LAMP2A, LAMP2B and LAMP2C : similar structures, divergent roles / L. Qiao, J. Hu, X. Qiu, C. Wang, J. Peng, C. Zhang, M. Zhang, H. Lu, W. Chen // Autophagy. – 2023. – November. – P. 2837–2852.

УДК 81

СОВРЕМЕННЫЙ СЛЕНГ ВРАЧЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

П. Д. Яценко,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Никитина М. С., старший преподаватель кафедры
иностраных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Речь человека – это сложное и многогранное явление, находящее отражение во всех сферах его деятельности, включая профессиональное общение. В медицинской среде, особенно в условиях интенсивной и стрессовой работы, формируется специфическая лексика, включающая профессионализмы и сленг. Врачи, работающие в экстренных ситуациях, активно используют сленг для быстрого и эффективного обмена информацией. Современный сленг врачей представляет собой динамичную часть профессионального языка, выполняя ряд функций: он ускоряет коммуникацию, облегчает описание клинических случаев и способствует сплоченности коллектива. В англоязычной и русскоязычной медицинских культурах сленг имеет свои особенности, обусловленные историческими, культурными и профессиональными традициями. Анализ сленга на материале русского и английского языков позволяет выявить общие и специфические черты в формировании профессиональной неформальной лексики. Важность исследования обусловлена не только его лингвистической ценностью, но и практическим значением для медицинских работников, лингвистов и специалистов в области межкультурной коммуникации [1, с. 107–108]. Сленг отражает изменения в обществе, поэтому его изучают лингвисты: в русском языке исследованием современного сленга занимались Л. М. Гареева и М. В. Захарова, в английском – Н. Тагиева и И. М. Павлов.

Цель и задачи. Цель исследования – выявить и проанализировать особенности современного сленга, используемого врачами в русскоязычной и англоязычной медицинской среде, определить его функции и влияние на профессиональную коммуникацию.

Задачи исследования: определить роль медицинского сленга в коммуникации врачей; рассмотреть влияние сленга на общение между специалистами; провести сравнительный анализ русского и английского сленга, выявить сходства и различия; оценить влияние медиапространства (сериалы, фильмы, интернет-форумы) на распространение и развитие медицинского сленга

Методика исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: проведение опросов среди врачей и выявление наиболее употребляемых сленговых выражений; сравнительный анализ. Сопоставление русского и английского медицинского сленга.

Результаты исследования. Исследование сленга в устной речи было проведено на материале американского сериала «Доктор Хаус» и благодаря опросам врачей, которые привели аналогии сленга в русскоязычной сфере. Сленговые выражения в сериале «Доктор Хаус» 4 сезон, 9 серия «Игры» (Games) (43:57):

1) “The guy’s a walking pharmacy” (4:58) – Эрик Форман описывает пациента с передозировкой наркотиков, называя его «Ходячая аптека».

2) “Garden-variety druggie” (5:37) – Хаус отвергает гипотезу коллеги, говоря, что пациент – «обычный наркоман» (20% симптомов от болезни, 20% – от наркотиков).

3) “Rip off a piece of his lung... roto-rooter his intestines” (5:48) – Форман саркастически комментирует предстоящие тесты. *Rip off* (букв. «вырвать») также означает «обмануть», *a roto-rooter* – «копаться» (по аналогии с компанией по очистке труб).

4) “Coughs up blood all over Corky” (3:48) – Хаус говорит, что дефектолог кашляла кровью на человека с синдромом Дауна. *Corky* в сленге – оскорбительный термин для людей с инвалидностью.

Сленг из русскоязычной сферы, приведённый врачом из ГБУЗС «Городская больница № 6» г. Севастополя, г. Инкермана для аналогии со сленгом из англоязычной:

1) “Walking pharmacy” не подходит для русского языка, так как наркоманы не употребляют вещества из аптек. Аналог: «накачанный до отказа», «под завязку».

2) “Garden-variety druggie” неуместен, так как нет специфических наркоманов. Аналог: «солевой».

3) “Rip off”, “roto-rooter” актуальны только в узких кругах. Аналогии: «сопроводить в патологическую анатомию», «канализовать».

4) “Corky” характерен для специфических сфер медицины. Аналогии: «веселые», «солнечные», «живущие в параллельном мире».

Выводы. Сленг в русскоязычной и англоязычной медицинской среде показал значительные различия, обусловленные культурными и профессиональными особенностями. В английском языке сленг более образный, иногда с коммерческими отсылками или саркастическим подтекстом. В русском – более прагматичный, часто заменяющий официальные термины. Некоторые англоязычные выражения не имеют аналогов в русском языке, а часть адаптируется с учетом специфики медицинского юмора и профессиональной среды.

Список литературы

1. Хайруллина, Р. Х. Языковая личность медика: неформальная профессиональная речь / Р. Х. Хайруллина, С. Н. Рыжкова, А. С. Уркунова, В. П. Бергер // Западно-Казахстанский медицинский журнал. – 2021. – № 2 (63). – С. 106–111.

2. Филиппова, Е. Ю. Этические аспекты медицинского сленга / Е. Ю. Филиппова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 7 (148). – С. 99–102.

3. Сериал «Доктор Хаус». – URL: https://doktorhaus.top/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.yandex.ru%2F (дата обращения: 20.02.2025).

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

С. С. Яцкая,

*обучающаяся 1-го курса, Ордена Трудового Красного Знамени
Медицинский институт им. С. И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Сирица Е. А., старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Сектор здравоохранения с каждым годом становится все более интернациональным. Язык медицины в основном представлен на английском, что делает знания медицинского английского языка обязательными для специалистов в данной области. Изучение медицинского английского языка становится важным аспектом подготовки специалистов в области медицины и здравоохранения. Это связано не только с необходимостью общения с коллегами на международном уровне, но и с потребностью понимания научной литературы, медицинских протоколов и проведения коммуникации с пациентами разных национальностей.

Цели и задачи. Цель исследования – анализ современных методов обучения медицинскому английскому языку. Данная цель обусловила постановку следующих задач: 1) проанализировать современные методы обучения медицинскому английскому языку; 2) провести сравнительный анализ методов; 3) разработать и провести опрос и анкетирование среди обучающихся медицинского вуза и преподавателей для выявления наиболее эффективных методов.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный метод, анкетирование, кейс-стади метод.

Результаты исследования. Отечественные и зарубежные исследователи (Н. Д. Гальскова, И. А. Зимняя, Е. И. Пассов и другие) определяют методы обучения иностранным языкам как совокупность приемов, способов и технологий, которые используются для формирования и развития языковых навыков и умений обучающихся. Эти методы направлены на освоение лексики, грамматики, фонетики, а также на развитие коммуникативных способностей в условиях иноязычной среды. Современные методы обучения иностранным языкам учитывают индивидуальные особенности обучающихся, использование новых технологий и акцент на практическое применение знаний. В результате проведенного анализа современных методов обучения мы выделили следующие методы активного обучения в медицинских вузах:

- интерактивные методы. Использование интерактивных платформ для онлайн-обучения (например, Zoom, Microsoft Teams, Google Classroom) позволяет обучающимся работать в группах, взаимодействовать с преподавателем и друг с другом в реальном времени. Это способствует развитию коммуникативных навыков и повышает вовлеченность в процесс обучения;

- методы мультимедийного обучения. Включение видео, аудио, подкастов и других мультимедийных материалов помогает обучающимся лучше понимать материал, улучшать произношение и восприятие на слух. Например, использование платформ, таких как YouTube или специализированных языковых приложений (Duolingo, Babbel);

- групповой метод (работа в группах). Совместные задания и проекты в группах способствуют развитию навыков коммуникации, командной работы и взаимопомощи. Этот метод также помогает преодолеть языковой барьер и повышает уверенность в использовании языка;

- кейс-метод. Изучение реальных ситуаций (кейсов) позволяет обучающимся применять теоретические знания на практике. Например, разбор ситуаций из повседневной жизни, бизнеса или профессиональной деятельности помогает развивать критическое мышление и навыки решения проблем [6].

С целью подтверждения эффективности выделенных методов обучения медицинскому английскому языку было проведено исследование, включавшее опрос обучающихся Ордена Трудового Красного Знамени Медицинского института имени И. С. Георгиевского (40 человек) и анкетирование преподавателей иностранных языков Института филологии (8 человек). На вопрос «Какой метод изучения английского языка вы используете?» 78% респондентов указали, что интерактивные методы обучения (мобильные приложения, онлайн-симуляции, интерактивные курсы) способствуют лучшему запоминанию специализированной лексики и грамматики. Кроме того, 75% обучающихся выразили явное предпочтение практическим занятиям и разбору кейсов, отметив, что такой формат помогает применять знания в реальных профессиональных ситуациях.

Преподаватели, отвечая на вопрос «Какие методы обучения английскому языку вы применяете в своей практике?», подчеркнули, что 65% студентов демонстрируют высокий уровень вовлечённости при использовании интерактивных методов. Также 60% педагогов отметили, что совместные проекты и групповые методы повышают мотивацию обучающихся и способствуют более глубокому усвоению материала, особенно в контексте медицинской терминологии.

В результате проведенного опроса мы выяснили, что обучающиеся выделяют практико-ориентированные методы: 75% респондентов отмечают важность кейсов и симуляций. Преподаватели акцентируют роль коллективной работы: 60% наблюдают рост заинтересованности и качества знаний при внедрении проектной деятельности.

Выводы. Современные методы активно используются в практике обучения иностранным языкам, что делает процесс более эффективным и адаптированным к потребностям обучающихся. Наиболее эффективными являются интерактивные и практико-ориентированные методы, такие как онлайн-симуляции и кейс-метод. Важно отметить, что интеграция новых методов в процесс обучения не только повышает интерес обучающихся, но и способствует более глубокому овладению языком, что в свою очередь влияет на качество подготовки специалистов в области медицины.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам / Н. Д. Гальскова. – Москва : АРКТИ, 2000. – 165с.
2. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – Москва, 1988. – 219с.
3. Колесникова, И. К. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И. Л. Колесникова, О. А. Долгина. – Москва : Дрофа ; Cambdridge University Press, 2008. – 431 с.
4. Петрова, Н. А. Использование мультимедийных технологий в обучении английскому языку / Н. А. Петрова. – Москва : Инновации в образовании, 2022. – 25 с.
5. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – Москва : Русский язык, 1989. – 276 с.
6. Романова, Т. А. Методы активного обучения в медицинских вузах. Учебный процесс в медицинском образовании / Т. А. Романова. – Москва, 2021. – 214 с.

7. Результаты опроса студентов. Платформа Яндекс. Опросы (Survey 1). – URL: <https://preview.surveys.yandex.ru/poll/QTSjzPChpT4Rzh7n8F5B5P> и анкетирования преподавателей (Survey 2). – URL: <https://preview.surveys.yandex.ru/poll/8gVNF61ZvCeQLqBmCQNa6G> (дата обращения: 09.02.2025).

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА КРЫМСКИХ ТАТАР

УДК 811.512.19'373.42 (076)

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ БАЛА НУТКЪУНДАН ПЕЙДА ОЛГЪАН БАЗЫ СЁЗЛЕР

З. Н. Аджимуратова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Определённое количество слов в любом языке возникает в результате детского лепета. Человек рождается с предпосылками к овладению речью: он обладает слухом, рядом инстинктов и безусловных рефлексов. В начальный период жизни ребенок превращает полученные при рождении рефлекторно-двигательные реакции (крик, хватательный рефлекс, поворот головы, направление взгляда и т.п.) в знаковые средства общения: жесты, мимику и т.д. Параллельно с формированием и функционированием протоязыка происходит голосовое развитие ребенка. Протослова всегда индивидуальны по звуковой форме и значению. Называть их словами можно только потому, что их понимают и поддерживают члены семьи, в которой воспитывается ребенок, в результате чего протослова приобретают статус словесных знаков и смысловую устойчивость.

Ключевые слова: детский лепет, формирование языка, происхождение слов, крымскотатарский язык.

Summary. Some words in any language are the result of baby talk. Throughout the first year of life, a child transforms the reflex-motor reactions received at birth (cry, grasping reflex, head turn, direction of gaze, etc.) into sign means of communication: gestures, facial expressions, etc. The vocal development of the child occurs in parallel with the formation and functioning of the proto-language. They can be called words only because they are understood and supported by members of the family in which the child is raised.

Key words: baby talk, language formation, origin of words.

Тильнинъ пейда олувы бугунъге къадар аз огренильген меселелерден олып къалмакъта, амма къадимий заманлардан берли мутефеккирлер тарафындан музакере этильген ве огренильген. Теньештирюв-тарихий тильшынаслыкънынъ тедкъикъатлары нетиджесинде белли ки, тиль узун инкишаф ёлуны кечти.

XIX асырнынъ сонъунадже тильнинъ пейда олувы акъкъында бир къач назарие бар эди, лякин олардан ич бириси танылмады, шунынъ ичюн атта 1866 сенеси Париж тильшынаслыкъ джемиети тильнинъ пейда олувы ве онынъ эволюциясы боюнджа тедкъикъатларны бакъмакътан ред этти [5, с. 79]. Амма эр алда, меселе бир чокъ алимлер тарафындан бутюнлей умятсиз сайылмай эди. Месея, Ф. Ф. Фортунатов бойле деген: «Тильнинъ пейда олувы меселеси, бош дегиль де, ильмийлик джеэттен инсан тили насыл пейда олгъаны, оны насыл шараитлер яраткъан меселедир ве инсан тиллерининъ бир тарихий менбасы олгъаны я да олмагъаны лякъайд къалмакъта. Бу меселенинъ чезилюви илиминъ бугунъки вазиятинде биле мумкюндир» [7, с. 61].

Бу меселени чезмек ичюн алимлер инсан нуткъу къайдан ве не вакъыт пейда олгъаны, тильнинъ барлыгъынынъ анатомик ве нейропсихологик эвельки шартлары насыл пейда олгъаны ве даа чокъ суаллер къойдылар.

Чокъ даваларгъа, бир чокъ назариелернинъ яратылмасына бакъмадан, тильнинъ пейда олувы меселеси пек муреккеп ве бу суальге даа там джевап ёкъ, шунынъ ичюн тильнинъ пейда олувы меселеси актуальдир.

«Тильлернинъ пейда олувында нутукъ кысымлары олмагъан, оларда земаневий манада морфология олмагъан, деп саялар. Сёз япылувынынъ тек бир чешити – тамыр бирикмеси эди, яни эки тамырнынъ бир бутюнликке бирлешмеси» [1, с. 4]. Белли ки, сёзлер сес сигналларындан пейда олгъан, оларнынъ арасындаки мантыкий багъ интонация, ишаретлер ве башкъа васталарнен айдынлатылгъан: тертип, текрарлав, сес кучю. Башта сес сигналлары идеофонлар олып ола, оларнынъ манасы сесине келише эди.

А. М. Газов-Гинзберг, тюрлю тиль къоранталарына аит олгъан 10-дан зияде тильнинъ сес-тасвирий тамырларыны талиль этип, инсан тилининъ пейда олувында сес ве мана табий багъга малик олгъаны хулясасына кельди. Сес ве мана арасында багънынъ мевджутлыгъыны шунен анылатмакъ мумкюн ки, мисаль оларакъ, базы сеслер чешит багълы олмагъан тиллерде лакъырды эткен инсанлар тарафындан айны я да якъын шекильде менимселе.

Алим тарафындан теклиф этильген сес тасвирлейиджи тамырларнынъ таснифи оларнынъ биринджи сес тасвирлейиджи хусусиетлерине эаслана ве дёрт группадан ибареттир:

- 1) «ички» сес тасвирлеви (инсанларнынъ агъыз ве бурун иле сеслерни, нидаларны мейдангъа кетирюв);
- 2) «тышкъы» сес тасвирлеви (асыл ономатопея);
- 3) предметлернинъ арекетини я да шекилини такълид этип, агъыз ве буруннынъ башта сессиз «такълидий» ишаретлерини сеслендирюв;
- 4) «бала» сёзлери [3, с. 3].

Франсыз ичтимаиетчиси Габриэль Тарде бутюн ичтимаий омюрнинъ эасен инсанларнынъ бири-бирини такълит этмек инстинктине эаслангъаныны исбатлай ве озъ тедкъикъатында инсан нуткъунынъ эволюциясына чокъ ер айыра.

Табиатнен сыкъы багълы олгъан иптидаий инсан этрафтаки алемни: инсанларны, айванларны, умумен табиятны такълид эте эди. Инсаннынъ базы сеслери айванларнынъ чыкъаргъан сеслери киби ифадесиз ола биле.

Сеслер иле чешит ис-дуйгъулар ифаде этиле, телюке я да аш барлыгъы акъкъында ишаретлер бериле эди. Айры сеслернинъ эмоциональ ренклери оларнынъ манасыны инкишаф этмеге ярдым эте эди.

Сес тасвирини огренген бир чокъ алимлернинъ фикрине коре, тильнинъ пейда олув меселеси, энъ саде сеслер созукъ сеслер олып, олар деерлик денъишмейип къалгъанлар, оларнынъ шекилленюви исе юз мимикаларында дуйгъуларнынъ ифаделенмесинен бераберликте олгъан. Тутукъ сеслер конкрет предметлерни бельгилемек ичюн созукъ сеслернен бирлешип инкишаф этип башладылар [6].

Биринджи созукълар акъкъында баланынъ нутукъ инкишафыны козетип, сеслер табий шекильде шекилленгенини тасавур этмек мумкюн.

Геккельнинъ принципине эасланып, инсан тилининъ эврими, баланынъ догъгъан анъден башлап нутукъ инкишафына бенъземек керек.

Эписи олып, догъгъан баладан башлап бир яшкъадже нутукътан эвельки инкишафнынъ 4 басамагъы бар. Бу басамакълар баланынъ индивидуаль хусусиетлерине коре денъише биле:

1. Кычырув деври. Догъгъанындан башлап, тахминен 7-8 афтагъадже девам эте. Баланынъ бу вакъытта айткъан эр бир сёзю рефлектор сес ола. Баланынъ беденининъ инкишафы ве ичтимаий теджрибенинъ биринджи топланмасынен баланынъ агълавы да коммуникатив функцияларны эльде эте. Яваш-яваш шартлы-рефлектор огренюв севиесинде бала агълав ве сонъраки бир де бир раатсызлыкънынъ, меселя, ачлыкъ, сувсузлыкъ, агъры ве иляхренинъ ёкъ этильмеси арасында багъ къура.

2. Бала нуткъунынъ биринджи басамагъы. 1 айдан 5 айгъадже девам эте. Агълав энди эмоциональ ренкли ола, о баланынъ алына коре денъише. Озь-озюнден, эм де

буюклернен кьонушувда пейда ола биле. Бу басамакьны энди этрафтаки инсанларнен кьонушув шекли деп адландырмакь мумкюн.

3. Бала нуткьу я да лаф этюв деври (лепет). Къарарнен 7 ай девам эте (тахминен 11 айлыкь чаггынадже) [4].

Лаф башта эджалардан (*ба, па, ма*) ибарет ола, сонъра бу эджалар текрарланып башлай (*ба-ба-ба, па-па-па, ма-мам*). Башта текрарлангъан эджалар биринджи сёзлерге чевирилелер (меселя, баба, мама(м)). Айны вакытта дудакъларны ачувнен нефес чыкьаргъанда (бурундан нефес чыкьаргъанда) *п, б, м* сеслери кьолайлыкьнен мейдангъа келе, олар сес безлерининъ иштирагинен *па, ба, ма* сес бирикмелерини тешкиль этелер. Бельки эр бир сес бирикмесининъ вазиятке келишкен манасы бардыр.

4. Биринджи сёзлернинъ басамагъы. Сёзлер, эксерий алларда, эки бир сой эждадан ибарет олалар. Бу алда бала хаослы *баба, папа, мама* сёзлерини этрафтаки муитке коре корреляция этип айта. Пассив лексиканынъ фааль топланмасы ола. Озюне хитап этильген нутукьны бала яваш-яваш анълап башлай. Бу басамакьта о даа муреккеп сёзлерни айтып оламай. Эджа севиесинде бала сеслерни ве сёзлерни дегиль де, эджаларны текрарлай [4].

Сёзлернинъ лаф этюв басамагъында баланынъ сёз-сеслеринде белли сёзлер пейда ола: баба, папа, мама, дада, нана (ана), бита, те(я)тя ве иляхре. Баланынъ озю бу сёзлерге ич бир мана кьоймай. Буюклер бу сес комплекслерине балагъа якьын олгъан сой-сопларны бильдирмек ичюн ад кьойгъанлар. Чешит тиллерде ошагъан лексемалар бар, амма мана джеэтинден фаркълана билелер. Меселя, кьырымтатар тилинде *баба* сес бирикмеси рус тилинде *папа* сёзюне келише. *Нана* (*нене* кьырымтатар тилининъ шималь шивесинде – ана), кьырымтатар тилинде *ана* – рус тилинде *мама, няня* манагъа маликтир. Редупликациягъа огърагъан *ма-ма(м)* кьырымтатар тилинде «аш» манасыны анълата (баланынъ ашатмакьны риджа эткенде сесленюви), рус тилинде сес комплекси *ам-ам* киби теляффюз этиле (мында кьырымтатар ве рус тиллери арасында метатеза адисеси корюне), рус тилинде *мама* сёзю мейдангъа келе. Сонъра пейда олгъан *дада* (*деде*) сес бирикмеси кьырымтатар тилинде къартбаба, русча – *дядя* эмдже манасыны анълата. *Тата* кьырымтатар тилинде апте демектир, рус тилинде *тётя* апте, тата манасына кьулланыла, украин тилинде исе *тата* – баба демектир.

Балаларнынъ лаф этювинде белли бир кьалыпларны бельгилемек мумкюн: энъ чокь кьулланылгъан чешити «тутукь + созукь». Баланынъ биринджи чыкьаргъан сеслери дудакълы тутукълар *п, б, м* ве *а* созугьыдыр.

Бир эджа ичинде тутукь сеснен созукь сеснинъ бирлешмелери тасадюфий дегиль, амма инерция принципине бойсуналар: тиш тутукълары ог сыра созукъларынен, тиль арты тутукълары арт сыра (дудакълашкъан) созукъларнен, дудакъ тутукълары орта созукъларнен корреляция этелер ве бу корреляциялар огренильген тильге багълы дегиль. Бала нуткьу, адет узьре, эки эджанынъ редупликациясынен ифаделенир. Редупликациягъа огърамагъан эджалар энъ чокь дудакъ тутукътан башлана,чюнки балагъа дудакъ сеслерини кьолай теляффюз этмеге, экинджи эджада исе тиль тутугъы ола биле [2, с. 24].

Дюнъядаки бутюн тиллернинъ умумий пейда олув имкяны акъкъында суальге джевап бермек ичюн, энъ чешит тиль кьоранталарындан мумкюн олгъанына къадар чокь тильден малюматларны кьулланып, кыяслы тедкыкьат кечирмек керек олур эди. Биринджи экспериментлер (денъевлер) ностратик, картвел, тюрк, инд-авропа, фин-угор тиллерининъ, эм де, бельки де, оларгъа аит олгъан шималий кьавказ тиллерининъ материаллар нетиджесинде япылды [6]. Бу алда бойле позиция козь огюне алынды: «... иптидаий тильде тек пек сынъырлы сайыда сеслер ве сес бирлешмелери олгъаныны ве сёзлернинъ мана диапазоны да пек сынъырлы олгъаны акъкъында тюшонмек мумкюн [7, с. 60].

Демек, инсаннынъ нуткъу бала нуткъундан башлай, деген хуляса чыкъармакъ мумкюн. Инсанда тильнинъ инкишафы яшлыкътан башлангъан джерьяндыр. Балалар тиль бильмейип догъалар, амма белли бир яшкъа кельгенде олар нутукъ сеслерини айыра билелер. Баланынъ озъ ихтияджлары ве проблемалары акъкъында башкъаларына бильдирмек ичюн тек бир ёлу бар – бу агълав, буны бала белли бир дуйгъулары олувындан чыкъара. Яваш-яваш бала этрафта эшиткен тильге хас олгъан сес системасы пейда ола. Белли бир сес сигналларынен багълы олгъан биринджи сёзлерни бельгилемек ичюн чешит тиллернинъ энъ эвельки, энъ чокъ къулланылгъан сёзлерини тенъештирмек ве оларнынъ семантикаларыны бельгилемек мумкюн. Умумен, баланынъ сеслерини/эджаларыны менимсемеси яваш-яваш, нутукъ инкишафынынъ бутюн бир сыра денъишкен басамакъларындан кече. Мисаллерден корюнгени киби, эр бир тильде балалар лаф этюви нетиджесинде пейда олгъан, амма башта бала ичюн ич бир мана ташымагъан сёзлер расткеле. Бу сёзлернинъ маналарыны буюклер тиль алышкъанлыгъы нетиджесинде берелер, чешит тиллерде айны сес бирикмелерининъ маналары фаркълы ола биле.

Къулланылгъан эдебият

1. Андреев, Н. Д. Раннеиндоевропейский язык : монография / Н. Д. Андреев. – Ленинград : Изд-во «Наука», 1986. – 328 с.
2. Бурлак, С. А. Происхождение языка: новые материалы и исследования : обзор / С. А. Бурлак. – Москва : ИНИОН РАН, 2007. – 78 с.
3. Газов-Гинзберг, А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? / А. М. Газов-Гинзберг. – Москва : Изд-во Наука, 1965. – 183 с.
4. Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – Санкт-Петербург : Детство-Пресс, Москва : Творческий центр Сфера, 2007. – 470 с.
5. Николаева, Т. М. Теории происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 79–89.
6. Стецюк, В. М. Происхождение человеческой речи / В. М. Стецюк. – URL: <https://www.v-stetsyuk.name/ru/Origin.html> (дата обращения: 03.03.2025).
7. Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Избранные труды : в 2 т. / Ф. Ф. Фортунатов // Акад. наук СССР, Отделение лит. и яз. – Москва : Учпедгиз, Т. 1. – 1956. – 449 с.

УДК 811.512.145'33

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ ФИИЛЛЕРНИНЪ АНАЛИТИК ШЕКИЛЛЕРИ (ЧАСТЬ II)

Л. И. Бекирова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью исследования является изучение аналитических форм прошедшего времени глагола, а также определение морфологических глагольных конструкций в языке. Установлено, что в крымскотатарском языке широко развиты аналитические формы глагола прошедшего времени, которые занимают важное место в грамматической системе языка. В ходе исследования использованы описательный метод и метод компонентного анализа. Выводы: в крымскотатарском языке аналитические формы глагола свойственны прошедшему времени. Каждая из форм имеет свои, только ей присущие значения или оттенки значений, не совпадающие со

значением других форм.

Ключевые слова: глагол, категория, аналитизм, крымскотатарский язык, грамматическая структура.

Summary. The purpose of the research is to study the analytical forms of the past tense of the verb, as well as to determine morphological verbal constructions in the language. It is established that in the Crimean Tatar language the analytical forms of the past tense verb are widely developed, and they occupy an important place in the grammatical system of the language. The descriptive method and component analysis method were used during the study. Conclusions: in the Crimean Tatar language analytical forms of the verb are characteristic of the past tense. Each of the forms has its own, only inherent meanings or shades of meanings that do not coincide with the meaning of the other forms.

Key words: verb, category, analytics, Crimean Tatar language, grammatical structure.

Кириш. Тильде морфологик шекиллер тарихий джеэттен аналитик шекиллерини ифаде этелер. Дюнъянынъ бутюн тиллерде олгъаны киби, кырымтатар тилинде де бу шекиллер адет узьре эки элементтен ибареттир: эсас (лексик ве семантик маналы) ве ярдымджы сёз бирлешмесинден. Бундан да гъайры умумтюркшынаслыкъ тедкъыкъатларында ве грамматикаларында муреккеп сёзлерге буюк дикъкъат айырыла.

Ишимизнинъ актуаллиги – бильгенимиз киби, кырымтатар тилининъ бир чокъ лингвистик меселелери бугуньге къадар етерли дереджеде огренильмеген алдадыр. Бу меселелер сырасына ишимизнинъ мевзусы олгъан фииллернинъ аналитик шекиллеринен ве къурулышына коре чешитлеринен багълы олгъан меселелер де кирелер.

Ишимизнинъ макъсады – фииллернинъ аналитик шекиллерининъ къалгъан чешитлерини косьтермек ве талиль этмек.

Макъсадымызгъа иришмек ичюн огюмизге ашагъыдаки **вазифелер** къойдыкъ:

- 1) аналитик фииллернинъ къурулышына коре чешитлерини тайин этмек;
- 2) бильгенимизге коре юкъарыда берильген таснифимизнинъ биринджи чешити, яни *фииль* + *эди (экен)* ярдымджы фииллерге бираз тафсилятлыджа талиль этильди, къалгъан экинжи ве учюнджи чешитлери исе шу макъалемизнинъ вазифесидир.

Ишимизнинъ методологиясы – ишимизни язгъанда тасвир ве талиль этюв усулларынен файдаландыкъ.

Аналитик фииллернинъ къурулышына коре чешитлери боюнджа ильмий араштырмалар бир чокъ тюркшынаслар тарафындан кечирильгендир. И. Н. Ширванидзе озюнинъ «Аналитические формы глагола в языке тюркских рунических надписей» серлевалы макъалесинде руник языларында ишлетильген фиилерининъ аналитик шекиллери акъкъында къыйметли малюмат бере.

Алим руник язылардаки муреккеп фииллерни, теркибине коре, эки чешитке айыра:

1. Мустакъиль сёз чешитининъ ярдымджы фиильнен бирикмеси: *qayın bol-* – «къагъан олмакъ», «укюмдар олмакъ»; *qayı bol-* – «къартаймакъ»; *baj qyl-* – «зенгинлештирмек»; *bulun qyl-* – «эсир этмек».

2. Фиильнинъ алфииль шеклининъ ярдымджы фиильнен бирикмеси: *uça bar-* – «ольмек»; *uçunu yd-* – «джоймакъ»; *joqadu bar-* – «гъайып олмакъ», «вефат этмек» [6, с. 65].

Бойле тасниф чокъусы тюркий тиллерге аиттир. Месея, белли татар алими Ф. Ганиев озюнинъ «Татарский язык. Проблемы и исследования» серлевалы китабында тюркий тиллерининъ фииллер системасында муреккеп фииллерни, теркибине коре, эки чешитке айыра:

1. Мустакъиль сёз чешити (исим, сыфат ве ил.) ве ярдымджы фиильнинъ бирлешмеси нетиджесинде пейда олгъан муреккеп фииль. Меселя: «*такъдим этмек*», «*давет этмек*», «*джевап бермек*» ве ил.

2. Фиильнинъ алфииль шекли ярдымджы фиильнен бирлешмеси нетиджесинде пейда олгъан муреккеп фииллер. Меселя: «*окъуп чыкъмакъ*», «*барып кельмек*» ве ил [1, с. 160].

Айны бу конструкцияны азербайджан грамматикасында да корьмек мумкюн. Мында да аналитик фииллер къурулушына коре эки группаларгъа болюнелер:

1. Бир де бир сёз чешитинден (исим, сыфат, замир, зарф я да ярдымджы сёз) ве фиильден ибарет олгъан муреккеп фииллер: *уетэк сурмек* – яшамакъ, *ярдым костермек* – ярдым этмек ве ил.

2. -(j)ыб // -(j)иб // -(j)уб ялгъамалар ярдымынен япылгъан алфиильден ве ярдымджы фиильден ибарет олгъан муреккеп фииллер: *ашыб-дашмаг* – ташып кетмек, *кезиб-доланмаг* – кезмек, доланмакъ ве ил [2, с. 99].

Белли къырымтатар тильджиси Айдер Меметович Меметов аналитик фииллернинъ къурулушына коре муреккеп ве теркипли чешитлерини айыра, лексик-семантик хусусиетлерине коре текрарланып тургъан арекетни, девамлы олгъан арекетни, энди башлангъан арекетни, биткен арекетни, шахыстан сёйлейиджиге ве аксине сёйлейиджиден шахыскъа кечкен арекетни, беджерилюв имкяниетини анълаткъан арекетлер киби чешитлерини айыра [4, с. 275–277].

Исим + ярдымджы фииль

Аналитик фиилерининъ бу чешитинде эсас компонент эксерий алларда эджнебий тиллерден (арап, фарс ве башкъа тиллерден) алынгъан ве баш келиште къулланылгъан исимлернен ифаделене. Ярдымджы фииль олып *ол-*, *эт-*, *бер-*, *ат-*, *кель-*, *тут-*, *ал-*, *къой-*, *ас-*, *эг-*, *ич-*, *къал-*, *корь-* ве дигер фииллер келе билирлер: *икъе этмек*, *музакере этмек*, *меишгъуль олмакъ*, *дерс япмакъ* ве ил. Бойле сёз бирикмелеринде къысымлар арасындаки синтактик мунасебетлер баштадан фиильнен ифаделенген хаберге тамамлайыджы мунасебетини бильдирелер, сонъра исе эки къысым даимий текрарлангъан алда къулланылгъаны ичюн бир лексик бутюнликке чевирилип къалалар ве юкъарыда косътерильген фииллер озь лексик манасыны джоялар ве базан сёз япыджы элементке кечелер. Бойле вакъытлары фииль къысымларынынъ ерлерине *-ла/-ле*; *-лан/-лен*; *-ландыр/-лендир*; *-лаштыр/-лештир* сёз япыджы ялгъамаларыны къуullanмакъ мумкюн: *хаста олмакъ* – *хасталанмакъ*; *хаста этмек* – *хасталандырмакъ* киби.

Исим+ол-. *Ол-* ярдымджы фиилининъ асыл манасы – «*пейда олмакъ*», «*булунмакъ*», «*бар олмакъ*», «*гъайып олмакъ*», «*разы олмакъ*» Бу фииль объектсиз муреккеп фииллерни мейдангъа кетире. Меселя: «*Кунеш шавлелери бузлап къалгъан беденини къыздыра башлагъанда, бышы уджунда, омузында авджы тюфеге, белинде пантронташ бир адам пейда олды*» [7, с. 6].

Исим+эт-. *Эт-* фиилининъ асыл манасы «*япмакъ*»*тыр*. Аналитик фииллерде *этмек* фиили биринджи къысымнынъ манасына коре къалыджы ве кечиджи фииллер ясай: *ярдым этмек*, *ёкъ этмек* – къалыджы фииллер, *умют этмек*, *зарар этмек*, *инат этмек* – кечиджи фииллер.

Бу конструкциянынъ энъ даркъалгъан шекли – исимнинъ, сийрек алларда сыфатнынъ, ярдымджы *эт-* фиилинен бирикювидир.

Меселя: «*О, денгизнинъ шапырып-къутургъаныны, эпкинди далгъаларыны къумлу ялыгъа келип урулгъанларыны сейир этти*» [7, с. 16]. *Эт-* ве *ол-* ярдымджы фииллери энъ чокъ къулланылалар.

Исим+бер-. *Бер-* ярдымджы фиили вастасынен, эксериятле, нутукъ саасына аит олгъан исимлерден янъы объектли ве объектсиз фииллер мейдангъа келе. Меселя: *сёз бер-*, *ад бер-*, *хабер бер-*, *селям бер-*, *джевап бер-*, *къарар бер-*. Меселя: «*О, кунь-куньден*

Тамилланен багъыны къавийлештирди, онынъ озюне хас серт джильвелерине сыджакълыкънен, истекнен джеван берди» [7, с. 26]. «Къадын исе ырыз-намусыны сакъламагъа къарар берди» [7, с. 166].

Исим+ал-. *Исим+ал-* конструкциясы *исим+бер-* конструкциясына къарама-къаршы кельген бир шекилдир. Меселя: *къол ал-, хабер ал-, ёл ал-*. Меселя: «Эгилип бир данесини къолуна алды» [7, с. 29]. «Керим дефтер ве къалемлерини, весикъаларыны мешин чантагъа толдуруп, саба эрте мектепке ёл алды» [7, с. 145].

Исим+тут-. Бу ярдымджы фииль объектли фииллернинъ япылмасында иштирак эте. Меселя: *къол тут-, иш тут-*. Меселя: «Махкеме реиси шаатларнынъ чагъырылмасына къол тутты» [7, с. 124].

Исим+ат-. *Ат-* ярдымджы фиилининъ земаневий манасы – «*тюфектен атмакъ*», «*ташламакъ*» тыр. Бу ярдымджы фииль тек бир къач аналитик фиильнинъ япылмасында расткеле: *танъ ат-, тамыр ат-* Меселя: «Керимни къайда коръселер эриштирди, ёлуну кести, пешинден таи аттылар» [7, с. 147].

Исим+эг-: *баш эг-*. Меселя: «Гульзаде нек къоркъты, агълады, башыны эгди» [7, с. 163].

Исим+ич-: *тютюн ич-, къан ич-*. Меселя: «Эв ичинде тютюн ичмек олмаз» [7, с. 67].

Исим+къал-: *айретте къал-*. Меселя: «Кимерде меджалсызлыкъына озю де кульди, тааджипленди, айретте къалды» [7, с. 168].

Исим+корь-: *азырлыкъ корь-, кунъ корь-*. Меселя: «Балта ве пычакъны алып, агъач обасына догъру адымлады, азырлыкъ коръди» [7, с. 188].

Исим+къой-: *къол къой-*. Меселя: «Бираз кеткен сонъ, оны зорнен котерип башина къойды» [7, с. 147].

Исим+кель-: *арекетке кель-*. Меселя: «Адамлар арасындан атлап бир кереден арекетке кельдилер» [7, с. 20].

Исим+тарт-: *баш тарт-*. Меселя: «Къадын койдешине джиддий ве сувукъ бакъыш атты, баш тартты» [7, с. 25].

Исим+сюрь-: *сабан сюрь-, укюм сюрь-*. Меселя: «Къаранлыкъ эди текмиль къаранлыкълашты укюм сюрьди» [7, с. 141].

Исим+чыкъар-: *къарар чыкъар-*. Меселя: «Керим бу фикирни бегенип, бабасы огреткени киби япмагъа къарар чыкъарды» [7, с. 146].

Исим+ас-: *къулакъ ас-, къазан ас-*. Меселя: «Бутюн бу акъылсызлыкълар, чапкъынлыкълар ана-бабаларнынъ козьлери огюнде олып кечсе де, кимсе бунъа къулакъ асмады» [7, с. 147].

Исим+ягъ- (къар я да ягъмур акъкъында): *ягъмур ягъа-, къар ягъа-* [5, с. 178–179]. Меселя: «Гульзаде енге саба тургъанынен къара булутларнен къаплы кок юзюне козь ташлады, ягъмур ягъды» [7, с. 180].

Исим+къыл-: *намаз къыл-*.

Шимдики къырымтатар тилинде *къылмакъ* фиили, озъбек тилинде олгъаны киби, мустакъиль алда къулланылмай, лякин *намаз къылмакъ* аналитик фиилинде *къылмакъ* фиили сакъланып къалды [4, с. 275].

Коремиз ки, юкъарыда анъылгъан аналитик фииллернинъ сырасына тургъун сёз бирикмелери де кирелер. Бойле фииллернинъ биринджи ве экинджи къысымлары бири-биринен муреккеп лексик-семантик мунасебетте булуналар; эр бир къысым янъы пейда олгъан бутюнликке озь иссесини къоша. Тургъун сёз бирикмелеринде *бер-, ал-, чек-, сюрь-, тут-, корь-, ич-, къой-* киби фииллер сыкъ-сыкъ иштирак этелер. Бойле аналитик фииллернинъ биринджи къысмы башкъа келиште де ола билир, хусусан ер келишинде: *козьде тутмакъ, ярдымда булунмакъ, риджада булунмакъ* киби.

Бойлеликнен, исимлернен бирликте аналитик фииллерни тешкиль эткен эсас ярдымдгы фииллер булардыр. Олар исимнен я да дигер сёз чешитинен бирикип бир бутюн мана аңлаталар.

Фииль + фииль

Фииль+фииль конструкциясы кырымтатар тилинде, дигер тюркий тиллеринде олганы киби, кырулуш хусусиетлерине коре аналитик фииллернинъ энъ сыкъ расткельген чешитидир.

Аналитик фииллернинъ бу чешити эки я да экиден зияде фиильни бириктирюв усулынен япылалар. Бойле фииллер ашагыдаки конструкцияларда келе билир:

1. Фиильге *-а, -е, -й, -н, -ып, -ип* ялгамаларынен кышулып япылган аллфииллер+ярдымдгы фииль: *язып битир-, язык ташила, алып бер, бакъып тур-* ве ил. Месея: «*Сиялы аскерлер копеклернен берабер этрафны сарып алдылар*» [7, с. 37]. «*Оларны кыйдадыр баикъа ерге алып кеттилер*» [7, с. 37].

2. Фиильнинъ сыфатфииль шеки+шарт мейилинде булунган ярдымдгы фииль: *кельген олса, барган олса* ве ил. Месея: «*Эгер махбюслер онынъ ишлегенлерге таба кельгенини корьселер, бири-бирлерини тенбилей эдилер*» [7, с. 48].

3. Бир фииль негизининъ бир кыч дефа текрарланмасы: *беклей-беклей, бара-бара, келе-келе, яза-яза, биле-биле, тура-тура, бакъа-бакъа* ве ил. Месея: «*Абигега бакъа-бакъа аджынды*» [7, с. 48].

4. Шимдики заманда кельген фииль негизи + ярдымдгы фииль: *ягъа баила-, яза тур-* ве ил. Месея: «*О, диссертация кыгъытларыны дикъкъат иле окъуй ве анда нелердир кыдыра баиладылар*» [7, с. 120].

Бу чешит аналитик фииллернинъ лексик манасыны эксерий алларда онынъ биринджи кысмы ифаделей, экинджи кысмы исе тек модаль мана ташыр.

Бойлеликнен, аналитик фииллернинъ бу чешити фииль+фииль конструкциясында кыулланып, чешит модаль маналар аңлаталар.

Нетидже. Кырымтатар тилинде фииллернинъ аналитик шекиль адисесининъ кырулуш хусусиетлерини козьден кечирип, бу адисенинъ пек даркъалган бир адисе олганыны тайин эттик.

Демек, кырымтатар тилинде кырулуш хусусиетлерине коре аналитик фииллернинъ бойле чешитлерини: *эсас фииль+эди (экен), исим+фииль, фииль+фииль* киби чешитлерини косьтермек мумкюн.

Кыулланылган эдебият

1. Ганиев, Ф. А. Татарский язык. Проблемы и исследования / Ф. А. Ганиев. – Казань : Татарское книжное издательство, 2000. – 432 с.
2. Ширалиева, М. Ш. Грамматика азербайджанского языка / М. Ш. Ширалиева. – Баку : ЭЛМ, 1971. – 413 с.
3. Караева, Л. И. Лексико-семантическая и морфологическая структура форм прошедшего времени глаголов в современном крымскотатарском языке : специальность 10.02.13. «Языки народов зарубежных стран Азии, Африки аборигенов Америки и Австралии» : дис. ... канд. филол. наук / Левиза Исмаиловна Караева ; Институт востоковедения. – Киев, 2006. – 193 с.
4. Меметов, А. М. Земаневий кырымтатар тили / А. М. Меметов. – Симферополь : Кырымдевокъувпеднешир, 2006. – 320 с.
5. Меметов, А. М. Крымтатарский язык / А. М. Меметов, К. М. Мусаев. – Симферополь : Крымчупедгиз, 2003. – 288 с.
6. Шервашидзе, И. Н. Аналитические формы глагола в языке тюркских рунических надписей / И. Н. Шервашидзе // Советская тюркология. – 1978. – № 1. – С. 64–67.
7. Паши, И. Джанлы нишан / И. Паши. – Симферополь : «Таврия» нешрият, 1998. – 208 с.

СОВРЕМЕННАЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА У ХАКАСОВ

В. А. Боргояков¹, А. С. Арчимаева²,

¹кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии и искусств,
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
имени Н. Ф. Катанова», Абакан

²обучающаяся 5-го курса, Институт филологии и искусств,
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
имени Н. Ф. Катанова», Абакан

Аннотация. Статья посвящена современной антропонимической системе в языке хакасов. Система собственных имен реагирует на исторические и социальные изменения. Проведен сравнительно-исторический анализ развития антропонимической системы, рассмотрены мужские и женские имена.

Ключевые слова: хакасы, антропонимика, сравнительно-исторический метод.

Summary. The article is devoted to the modern anthroponymic system in the Khakas language. The system of proper names reacts to historical and social changes. There has been conducted historical and comparative analysis of the development of the anthroponymic system. The male and female names are considered.

Key words: Khakas, anthroponymy, comparative and historical method.

Система собственных имен в хакасском языке, как и в других языках, реагирует на исторические, социальные изменения в обществе и отражается в современной антропонимической системе хакасов.

Наряду с различными подходами изучения антропонимической системы сравнительно-исторический анализ развития антропонимической системы у хакасов занимает значимое место в лексико-семантической структуре языка.

Антропонимика, как раздел ономастики, изучает собственные имена людей – антропонимы. Антропоним – это единичное имя собственное или совокупность имён собственных, идентифицирующих человека.

Хакасы – это тюркский народ России, коренное население Республики Хакасия. Название «хакасы» коренному населению Хакасии было присвоено относительно недавно в 1917 году, однако, история населения более древняя, она уходит в глубь веков. Подтверждение тому служат и археологические материалы, добытые в результате раскопок, и исторические записи, и в том числе дошедшее до нас нетленное богатство устного словесного искусства – *алыптыг нымахи* (героический эпос).

Хакасский героический эпос представляет нам исторический пласт хакасских антропонимов. Широкий пласт антропонимов можно выделить из героических эпосов хакасов, которые отражают историческое прошлое народа.

Эпос «Албынчы» («Албынжи») записано от хайчы (хайджи – хакасский сказитель-мастер) – С. П. Кадышева из аала Трошкин Ширинского района Хакасской автономной области Красноярского края. Из данного героического сказания мы рассмотрим некоторые антропонимы:

Ай Арыг – букв. *Ай* «луна/лунный» + *Арыг* «чистый / чистота, опрятный / опрятность, светлый / светлость, ясный / ясность, правдивый / правдивость, порядочный / порядочность, симпатичный / симпатичность, правильный / правильность, аккуратный / аккуратность» = «лунная чистота...» или по другим переводам «чистая луна» [1, 2];

Алтын Кёёк – букв. *Алтын* «золото / золотой» + *Кёёк* «кукушка» = «золотая кукушка»;

Алып Хан Хыс – букв. *Алып* «богатырь» + *Хан* «царь» + *Хыс* «девушка» = «девушка-богатырь»;

Ах Молат – букв. *Ах* «белый» + *Молат* «сталь» = «белая сталь»;

Ах Хан – букв. *Ах* «белый» + *Хан* «царь» = «белый царь»;

Чарых Кёёк – букв. *Чарых* «светлый» + *Кёёк* «кукушка» = «светлая кукушка»;

Чібек Арыг – букв. *Чібек* «шёлковые нитки» + *Арыг* «чистый / светлый, ясный» = «светлая кукушка».

Характерными особенностями хакасских антропонимов являлось то, что они состояли из нескольких частей, не было четкого разграничения имён на женские и мужские, имена имели описательный характер и были связаны с названиями животного и растительного мира, объектами природы и т. д. Однако со временем данная антропонимическая система претерпела изменения.

Система антропонимов у хакасов в зависимости от исторического развития имела различные варианты, это следствие взаимоотношений с другими языками, культурами и религиями. Имеются заимствования из монгольского языка: *Адуу* – монг. «табун» (имя-пожелание, чтобы иметь много лошадей); *Алар* – монг. «особый вид лука» (пожелание быть воином); *Амас* – монг. «каша» и другие имена. Кроме того, некоторые героические эпосы в названиях совмещают части из двух языков – хакасского и монгольского, например, героическое сказание «Алтын Пырхан». *Алтын* – хак. «золото // золотой» + *Пырхан* – монг. «ангел, безгрешный, святой» [4]. Возможно, имя Пырхан может быть следствием слияния двух слов *пир*+*хан*. *Пир* – хак. один + *Хан* – хак. царь // владыка, при слиянии двух слов, где, по принципу гармонии гласных, *і* стала *ы*. С XX века свою актуальность сохраняют следующие имена, происходящие от монгольского языка: *Тарика* – монг. «название богини весны»; *Найана* – монг. «княгиня» и другие имена.

В системе хакасских имён есть имена, происходящие из других языков: арабский (*Айдар* – ар. «почетный титул хана»), иранский (*Акун* – ир. «певец, поэт»), древнетюркский (*Алан* – др. тюрк. «ровная местность, т.е. рождённый в степи»), киргизский (*Аланыр* – кирг. «грозный меч»), русский (*Кінес* – рус. «князь, председатель (князец)»). Имена, пришедшие с русской культурой и языком, претерпели серьёзные изменения на начальных этапах, всё это из-за специфики артикуляционной базы. Хакасский и русский язык отличаются характером произношения и количеством согласных и гласных фонем, наличием и отсутствием законов (закон гармонии гласных) и т. д. Всё это отразилось на именах: *Арсай* – *Арсений*, *Артомай* – *Артемий*, *Кылан* – *Клавдий*, *Кыртон* – *Харитон*, *Матпай* – *Матвей* и т. д. Свою актуальность не теряет имя *Илона* образованное от имени *Алёна*. Также в этот период характерной особенностью являлось двойное имя; данное явление отразилось в документах и списках участников ВОВ. Например: *Боргояков Василий (Морхас) Иванович, родился в 1912 году; Торбостаев Николай (Арындай) Степанович, родился в 1913 году; Тюкпиеков Егор (Парчых) Васильевич, родился в 1916 году*. Данная традиция была в начале XX века и продолжалась среди некоторых артистов и поэтов, которые берут сценические псевдонимы по тому же принципу, например, *Котожеков Александр (Чапрай) Иванович; Сергей Александрович Майнагашев (Сибдей Том)* и т. д. В творчестве Кирилла Кильчичакова также прослеживается данная традиция – у его героев двойные имена, например, в «Хусхунах паза аның чагыннары» это имена *Павел (Хусхунах) Кичеев* и *Арина (Пазичек)*; в «Кабыр» это имена *Гаврил (Кабыр) Кильчичаков, Георгий (Калтон) Иосифович, Арина (Чібекей) Гордеевна* и другие имена. Традиция возрождения двойных-тройных имен в последние десятилетия продолжается среди творческих людей.

Современная антропонимическая система у хакасов – это сложная система, которая объединяет историческое прошлое и современность, есть имена и исконно хакасского происхождения, и заимствованные из других культур, и русские имена, имена-пожелания и т.д. Для этого нами был проведен опрос в МБОУ «СОШ № 24» города Абакан. Рассмотрим имена на примере учащихся 7-А класса:

1. Аева Яна
2. Алагашева Ева
3. Алахтаев Алексей
4. Анжиганова Алина
5. Аршанова Дарья
6. Аршанова Ионна
7. Балгазин Данил
8. Бутанаев Тимир
9. Бутанаев Данил
10. Карачаков Тамерлан
11. Киштеева Виктория
12. Колченаков Артём
13. Конгаров Даниил
14. Кызынгашев Никита
15. Сагалаков Назар
16. Саражакова Виолетта
17. Саражакова Маргарита
18. Селигеева Виктория
19. Сунчугашев Артём
20. Сунчугашев Артур
21. Тахтаракова Азария
22. Тайдонов Денис
23. Торокова Арина
24. Тохтобина Найана
25. Тюмерекова Владлена
26. Чебодаев Дмитрий
27. Чебокчинов Кирилл
28. Чебокчинов Руслан

Всего представлено 24 имени, в том числе и повторяющиеся имена (Виктория, Данил-Даниил, Артём). Женских имён 12 и мужских имён 12.

Женские имена, имеющие происхождение от хакасского языка: *Азария* – производное от имени *Азар* – «побеждающий»; *Арина* – производное от имени *Арин* – «священный, чистый». Имя Найана имеет монгольское происхождение и означает «княгиня». Имя Владлена имеет советское происхождение и является аббревиатурой от имени Владимира Ленина. Другие имена заимствованы из западноевропейских и индоевропейских языков: Алина – имеет древнегерманские корни и является усечённой формой имени Аделина значение имени – «благородная» или «величественная»; Виктория – *лат.* «victoria» «победительница, победа»; Виолетта – *лат.* «viola» «фиалка»; Маргарита – *греч.* «жемчужина, жемчуг» и другие имена.

Мужские имена, имеющие хакасское и тюркское происхождение: Тамерлан – от турецкого слова «tamerlane», что переводится как «железный»; Тимир – *хак.* тимір «железо», имя-пожелание быть крепким. Другие имена заимствованы из западноевропейских и индоевропейских языков: Алексей – древнегреческое происхождение означает «защитать»; Никита – древнегреческое происхождение означает «победитель» и другие имена.

Список использованных источников

1. Героический эпос народов СССР : в 2 т. Том 1. Серия: Библиотека всемирной литературы. – Москва : Художественная литература, 1975. – 560 с.
2. Кадышев, С. П. Албынжи. Хакасское героическое сказание / С. П. Кадышев ; перев. И. Кычакова. – Абакан : Хакасское областное государственное изд-во, 1951. – 112 с.
3. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
4. Бутанаев, В. Я. Личные имена хакасов. Хоорай Аттары / В. Я. Бутанаев. – Абакан : «Хакасское книжное издательство», 1993. – 112 с.

УДК 811.512. 145:81`373.7

КЪЫРЫМТАТАР ФРАЗЕОЛОГИЗМЛЕРИНИНЬ СЁЗ ЯПУВ ВАРИАНТЛАРЫ

А. М. Куртсеитов,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.
Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена словообразовательной вариантности крымскотатарских фразеологизмов. В ней описывается возникновение вариантности в результате параллельного функционирования именных компонентов с аффиксами и без аффиксов.

Автор рассматривает изменения характера грамматического отношения фразеологизма с речевым окружением. В статье обосновывается наличие ведущего компонента словосочетания, где остальные компоненты создают образную основу.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, фразеологический оборот, фразеологизм, вариантность, аффикс.

Summary. The proposed article is devoted to the word-formation variability of Crimean Tatar phraseological units. It describes the emergence of variability as a result of the parallel functioning of nominal components with and without affixes. The author examines changes in the nature of the grammatical relationship of a phraseological unit with the speech environment. The article substantiates the presence of the leading component of the phrase, where the remaining components create a figurative basis.

Key words: Crimean Tatar language, phraseological turn, phraseological unit, variability, affix.

Меселенинь беян этилюви. Тедкыкыатымызнынъ актуаллиги меселенинь инкишаф этильмегени ве къырымтатар фразеологик бирикмелернинъ етерли дереджеде огренильмегенинен бельгиле. Вариантлыкъ ялгъамалы ве ялгъамасыз номиналь къысымларнынъ параллель шекильде къуллаувы нетиджесинде пейда ола.

Шунынънен берабер, денъиштирилген къысымларнынъ семантик ве функциональ бирлиги сакъланып къала. Меселя:

Бою еткен кыыз; бойгъа еткен торун.

Тедкыкыатымызнынъ максады. Эгер номиналь къысымнынъ ялгъамасы фразеологик бирикменинъ нутукъ муитинен грамматик мунасебети табиятыны денъиштира, бойле сёз бирикмеси вариант сыфатында дегиль, мустакъиль бирлик сыфатында бакъылмалы. Меселя: *акъылы кирген; акъылгъа кирген; гонъюли ята, гонъюльге ята.*

Къыяслав конструкцияларынынъ денъишмеси тенъдеш ялгъамалар ярдымынен яратыла. Бойле ялгъамалы къысымлар контекстке коре денъиштириле. Къыяслав

фразеологизмлерде энъ чокъ – *дай* ялгъамасы ве *киби* мунасебетчиси къулланыла: *таидай; ай киби*.

Къыяслав ибарелер инкяр шеклинде де чешит тюрю ола билелер: *козьге тюртсенъ корюнмейджек; коре-коре тоймазсынъ; ашап тоймазсынъ*.

Фразеологик бирикменинъ теркибинде инкяр шеклининъ лексик ве грамматик варианты *дегиль* дереджелиги инкяр ялгъамасы ерине къулланыла:

Башкъа сыгъмайджакъ – башкъа сыгъаджакъ дегиль;

Сайып битирмейджек – сайып битириджек дегиль;

Башыны тыкъмайджакъ – башыны тыкъаджакъ дегиль.

Къырымтатар фразеологик бирикмелери чокъусы алларда тек оларгъа хас олгъан тасвирлер эсасында яратылгъан ве озьлерининъ хусусиетлерине коре, башкъа ички шекильдеки эквивалент бирикмелернен къулланыла биле. Бойле фразеологик бирикмелер, адет узьре, ифаделенюви хусусиетине коре, озьне нисбетен мунасебетини талап эткен адиселерни бельгилемек ичюн яратыла. Сёз не къадар меджазий олмасын, фразеологик бирикмеде олгъан образлыкъны яраталмаз.

Шунынънен берабер, къырымтатар фразеологик бирикмелерининъ буюк къысмы синонимлер я да оларгъа якъын ибарелерге саип олмайып, екяне номинатив-меджазий бирикме вазифесини беджерелер. Земаневий къырымтатар тилинде ойле бир анъламлар бар ки, оларнынъ маналарыны тек фразеологик ибарелернен ифаделемек мумкюн.

Ш. Баллининъ назарисине коре, фразеологик бирикмелерни сёзлернен бельгилеп, денъиштирге мумкюн. Бу фикирнинъ илян этилюви, базы тильшынасларнынъ, фразеологик бирикмелер тильнинъ лексик фондуна киргени акъкъында айткъанларынен багълы. Шу нокътаи назарнынъ мантикый инкишафы, тильдеки фразеологик бирикмелернинъ зарурлыкъыны инкяр этювине алып келе.

Лякин фразеологик бирикмелер тек бир сёзнен ифаделенген шейни даа джанлы ве ренкли ифаделемек, тильде ифаделенмеген, бельгиленмеген шейни ифаделемек ичюн дегиль. Фразеологик бирикменинъ шекиленюви, пейда олувы, яратылувы малюм бир вазиятте озь фикрини аныкъ ифаделемек кереклигинен багълыдыр.

Фразеологик бирикменинъ энъ муим бельгилеринден бири онынъ бутюнлиги ве тургъунлыкъыдыр. Бу ал даима бир сой къысымлардан ибарет олувында ифаделене. Олардан бирини денъиштирселер, бутюн фразеологик бирикме ёкъ ола. Бу, фразеологик бирикмелер теркибиндеки уйгъунлыкънынъ озьне хас олгъанынен анълатыла.

Чюнки: «Фразеологик бирикмелер ве сербест сёз бирикмелери арасындаки эсас фаркъ, биринджилернинъ бутюнлиги ве экинджилернинъ лексик къысымлардан бирисининъ манасы озьне хас олгъанынен бельгилене. Фразеологик бирикменинъ семантик бирлешмеси, чокъусы алларда онынъ шеклине тесир эте» [3, с. 8].

Фразеологик бирикмелер къысымларынынъ семантик уйгъунлыкъына коре таснифи муим тизимли хусусиетлерни озь ичине ала. Бойле ибарелернинъ услуби агъзавий нутукъта къулланувынен багълы. Бойлеликнен, фразеологик бирикме, малюм олгъаны киби, эр вакъыт кочьме я да метафора шеклинде олмай. Оларнынъ арасында образлыкълукътан бутюнлей марум къалгъан муреккеп адлар ве терминлер айырылып тура.

Экинджи группа, синонимлери чокъ олгъан образлы фразеологик бирикмелерден ибарет. Олар эдебий, лакъырды ве халкъ тилине ачыкъ-айдын болюнген ибарелернинъ услубий ренктеки чешитлеридир. Месея, ресмий нутукъта лакъырды фразеологик бирикмелер къулланылмаз. Вазиятке коре, фразеологик бирикмелерни синонимлер сырасындан сайлап алмакъ, энъ муими, оларны бозмайып косътермек керек. Нутукъ амелиятында фразеологик бирикменинъ бир къысмы ерине, башкъа сёз къулланылгъаны чокъ расткеле.

Земаневий кырымтатар тилинде фииллер, ярдымджы сёзлер ве изафет конструкциялары ярдымынен япылган чешит тюрлю сёзлернинь чокь сайылы тургун бирикмелери бар. Олар ве фразеологик бирикмелер арасындаки сынъырлар аныкъланмагъан.

Ш. Балли язганы киби: «Сёз бирикмеси энъ юкъары дереджедеки уйгунлыккъа иришкен сонъ, бутюн алда тильге кире» [1, с. 89]. Тургунлык ве вариантлык меселеси исе, айры музакеренинъ мевзусыдыр.

Эвельки тедкыкъларымызнынъ нетиджелери, шу ибарелердеки тургунлык ве вариантлык, кысымларнынъ къурулыш багълары акъкъында къаидеге эссланып, сербест сёзлерге хас олмагъан денъишмелернинъ сынъырларыны тайинлеп косътере. Денъишкен сёзлернинъ сынъырлары озюни чешит дереджелерде малюм эте.

Демек, денъишкен кысымлардаки сынъырланув ибаренинъ тургунлык косътергичи ве оны сербест сёз бирикмесинден айырган эсас хусусиетлеринден биридир. Лякин тургун сёз бирикмелери семантик ве тизилув джеэтинден бир дегиль, оларнынъ бутюн кысымларыны фразеологизмлер сырасына кирсетмек мумкюн олмаз.

Кырымтатар тилиндеки фразеологик чатышмаларны бирлешмелерден ачыкъ-айдын айырмакъ къолай дегиль. Сёз бирикменинъ ички шеклини анъламакъ дереджеси базыда индивидуаль олып, икмет севиеси, фикир этюв ве къабилиетнен багълы ве тарихий денъишмелер аркъалы муреккеплеше.

Нетидже. Бойлеликнен, бизим хулясамызгъа коре, фразеологизмлер де сёзлер киби чешит услубий къатламларгъа аит олалар. Оларнынъ ичинде услупара, китабий ве лакъырды фразеологик бирикмелер айырыла.

Бир сыра тильшынаслар, шу джумleden В. Ф. Рудов, фразеологик тедкыкъларда бир тарафлама янашувны къабул этмек мумкюн дегиль, яни фразеологияны бир джеэтинден – семантик, грамматик, услубий тарафтан огренмек мумкюн дегиль, дейлер. Онынъ къайд эткенине коре, назарий умумийлештирюв ёлунен кеткенде, фразеологик бирикмелернинъ эм семантик къурулышы, эм услубий ве экспрессив имкъяларыны эсапкъа алмакъ зарур, яни фразеология фени анъламы тар манада онынъ къурулышы ве функциональ нутукъ хусусиетлерини огрене.

Н. М. Шанский фразеологияны кенъ манада огренип, ичине аталар сёзлери, айтымлар, шиарлар ве фразеологик терминлерни кирсете. Озь вакътында В. В. Виноградов рус тилиндеки фразеологик бирикмелернинъ эсас чешитлери акъкъында айткъанда, бойле фикирни бильдирди: «Сёзлернинъ сербест олмагъан, озъара багълы маналары аркъалы пейда олган фразеологик такъымлар рус тилиндеки тургун бирикмелернинъ энъ чокъ ве семантик джеэттен салмакълы къорантасыны тешкиль эте. Сёзлернинъ сербест олмагъан маналары ярдымынен фразеологизмлернинъ яратылувы нетиджесинде пейда олган тургун ибарелерни фразеологик бирикмелер, деп адландырмакъ мумкюн» [2, с. 29].

Айны шу ишинде В. В. Виноградов фразеологик бирикмелер меселесини огренген алимлернинъ (А. А. Шахматовдан башлап) макълалерини талиль эте, оларнынъ таснифини бере ве фразеологизмлернинъ учъ чешитини бельгилей: фразеологик къошулма; фразеологик бирлешме; фразеологик чатышма. Оларнынъ къурулышына бакъмадан, о, фразеологизмнинъ сёзге тенъ олгъаныны эсас хусусиет сыфатында косътере.

Б. Г. Таирбеков исе, фразеология объектини косътергенде пейда олган кыйынлыкъларны анълатмагъа арекет этип, эр бир тиль фразеологиясынынъ теркиби аморф олмагъаныны къайд эте: ве эр бир тильде къурулышына коре мунасебетте олган чешит тюрлю фразеологик бирикмелер расткельгени ичюн, тедкыкълатчылар фразеология объекти акъкъында екяне тюшюнджеге келип оламагъанлары акъкъында яза.

Къулланылгъан эдебият

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва : Иностранная литература, 1961. – 394 с.
2. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – Москва ; Ленинград : Учпедгиз, 1986. – 773 с.
3. Даибова, К. Ф. Фразеология кумыкского языка / К. Ф. Даибова. – Москва : Наука, 1973. – 23 с.
4. Куртсеитов, А. М. Происхождение и развитие фразеологизмов крымскотатарского языка / А. М. Куртсеитов. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2007. – 28 с.

УДК 8-81-26

ПАРНЫЕ И ПАРНО-ПОВТОРНЫЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В СЕВЕРНОМ (СТЕПНОМ) ДИАЛЕКТЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Э. Н. Меджитова,

*старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.
Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью работы является рассмотрение парных и парно-повторных лексем в северном (степном) диалекте крымскотатарского языка. Диалектизмы рассмотрены в структурном и лексико-семантическом плане; собраны и рассмотрены лексемы, которые отсутствуют в крымскотатарском языке либо же данные диалектизмы имеют особую фонетическую форму. Основным **методом** изучения явился метод описания и анализа отдельных языковых черт изучаемого диалекта. В **результате** исследованы диалектизмы с утерянным лексическим значением, употребляющиеся лишь в определенном сочетании друг с другом; диалектизмы-заимствования; диалектизмы, относящиеся к той или иной лексической группе. **Выводы:** парные диалектизмы представляют собой отдельный самостоятельный пласт лексики, имеющий отличия от крымскотатарского языка и определенно требующий сохранения и анализа в дальнейшем.

Ключевые слова: диалект, лексика, диалектизм, северный, крымскотатарский, парные слова, парно-повторный.

Summary. The purpose is to consider paired and paired-repeated lexemes in the northern (steppe) dialect of the Crimean Tatar language. Dialectisms are considered in structural and lexico-semantic terms; lexemes that are absent in the Crimean Tatar language or these dialectisms have a special phonetic form are collected and considered. The main method of study was the method of describing and analyzing individual linguistic features of the dialect under study. As a result, dialectisms with lost lexical meaning that are used only in a certain combination with each other, loan dialectisms, and dialectisms related to a particular lexical group are studied. Conclusions: paired dialectisms represent a separate independent layer of vocabulary, which differs from the Crimean Tatar language and definitely requires preservation and analysis in the future.

Key words: dialect, vocabulary, dialecticism, northern, Crimean Tatar, paired words, paired-repeated.

Рассматривая особенности употребления парных и парно-повторных слов в северном (степном) диалекте крымскотатарского языка, прежде всего отметим тот факт, что лексика эта использовалась с очень давних времен. Свидетельством тому служит то, что лексика, входящая в состав этих слов утратила свое лексическое значение

либо подверглась таким фонетическим и семантическим изменениям, что распознать в современной форме ее древний вариант практически не представляется возможным.

Всесторонний анализ парных и парно-повторных сочетаний в тюркских языках нашел свое отражение в современных грамматиках и работах по общей грамматике тюркских языков. Особенности парных слов в тюркских языках исследованы в работах А. Н. Кононова, Н. К. Дмитриева, Е. И. Убрятова, Э. В. Севортяна, А. Т. Кайдарова, А. Ходжиева и др. А. Т. Кайдаров подразделяет парные слова в соответствии с их составом и единства смысла на две группы: парные слова и парно-повторные слова [1, с. 8–9].

В крымскотатарском языке парные слова хорошо изучены в плане структуры и лексико-семантических особенностей. Здесь особо следует отметить работы Р. А. Берберовой, где исследованы словообразовательные модели парных слов в крымскотатарском языке. Северный (степной) диалект крымскотатарского языка в своем составе содержит значительное количество такой лексики, однако ее семантико-стилистические и этимологические особенности совсем не изучены и, в настоящий момент, стремительно сокращается количество носителей этого языка, а вместе с ними исчезают и не имеющие аналогов в литературном языке формы. Собранные нами языковые материалы северного (степного) диалекта крымскотатарского языка представляют уникальные семантико-стилистические и этимологические характеристики и могут существенно отличаться от крымскотатарского литературного языка. Например, *джыллы-джыллы* литературная форма «сыджакъ-сыджакъ», *артлы-артындан* (арты-артындан), *къайтабаштан* «яньыдан, гъайрыдан», *эрте-джарыкъ*, *къарт-къартий*, *джаш-джавке*, *ырт-мырт* (этмек) «ашаламакъ», *аймалакъ-миймалакъ* «аялангъан», *опелек-сепелек* «япалакъ-япалакъ», *сала-сал* (этмек) «урмакъ».

Парно-повторные слова. В разговорной речи чаще всего употребляются именно такие лексические конструкции. В их число также входят парно-повторные слова, первым или вторым компонентом которых является повтор или полу-повтор с заменой начального согласного на *-н*, *-м*, *-ш*. Сочетания такого рода могут образовывать практически любые пары, главной их особенностью будет повтор лексически содержательной части с заменой первого согласного: *къып-къыры* лит. «пек къуру» очень сухой (сухой-пресухой), *сан-сары*, *щай-май* «чай-май», *эт-мет*, *ыш-мыш* «иш-миш», *отмек-мотмек* и другие. Компонент с добавленным согласным лексического значения не имеет. Формы эти весьма распространены во всех тюркских языках.

В число парно-повторных слов также можно отнести слова, которые структурно, семантически и стилистически отражают особенности говоров степного диалекта крымскотатарского языка. К ним можно отнести следующие группы парных слов:

1. Парные слова, оба компонента которых утратили свое лексическое значение: *юваланъ-юваланъ* «козълери ойнагъан (адам)», *абыл-къыбыл* «абул-къубул» (тез-тез), *аймалакъ-миймалакъ* (этмек) «аяламакъ», *абдыр-себдир* (юрмек) «абынып-сюрюнип (юрмек)». Второй компонент подобных сочетаний фонетически созвучен первому компоненту, либо полностью дублирует его: *алай-булай* «зорнен», *былт-шылт* (этип). Сочетание *абыл-къыбыл* переводится как поспешно, в спешке, второпях. В Древнетюркском словаре сочетание *ew-ewil* означает *поспешность, торопливость* [2, с. 266] и, возможно, является производной формой для сочетания «абыл-къыбыл».

2. Парные слова, компоненты которых не имеют лексического значения: *шылтыр-шылтыр* (сув акъмакъ), *чюльтер-чюльтер* (сув акъмакъ), *тев-тев*, *боюнча-боюнча* (чапкъаламакъ), *юваланъ-юваланъ* (козълери ойнамакъ), *зу-чув* (алекет). Компоненты данных лексических сочетаний не могут употребляться самостоятельно, они не сочетаются с другими словами и обладают некоторым лексическим значением лишь в составе сложных слов.

3. Парные слова, первый компонент которых обладает лексическим значением, а второй является как бы эхом, видоизмененным повтором предыдущего компонента: *щатыр-щытыр* «чатыр-чытыр», *тапыр-тыпыр* «топот», *патыр-пытыр* «треск», *увакъ-тиек* лит. *уфакъ-тюфек* «всякая мелочь», *бадыр-быдыр* «быстрая невнятная речь», *шапыр-шыпыр* (ашамакъ) «шапыр-шупыр (ашамакъ)», *тентир-ментир* «трясаясь, дрожа». Среди таких парных слов встречаются лексемы с фонетически измененной второй частью: *аши-маши* «емек», *пара-мара* «пара».

4. Парные слова, образованные от звукоподражательных слов, создают впечатление, что они употребляются лишь в составе парных слов. Однако эти лексемы употребляются самостоятельно и в крымскотатарском литературном языке, и в его степном диалекте. Например, *шапыр-шапыр* шапырдатып ашады, *щатыр-щытыр* «щытырдап джанды».

Парные слова. С точки зрения содержания компоненты парных слов могут состоять из синонимичных по значению слов, а также из антонимичных и носят собирательное значение. В составе этих сочетаний содержатся слова, которые можно найти и в литературном языке, но есть и лексика, которая отсутствует в литературном языке. Таким образом, парные слова можем подразделять на слова, которые содержатся в литературном языке; слова, первый компонент которых используется и в литературном языке, и в диалекте, а второй только в диалекте; парные слова, которые отсутствуют в литературном языке. В условно-первую группу можно отнести следующие слова: *боса-боса*, *алдын-артын*, *энли-бойлу*, *козьме-козь*, *сабыр-такъат*, *савут-аякъ*, *тоз-топракъ*, *таныш-билиш*, *къавун-къарбыз*, *устъ-баши*, *сес-солыкъ*, *эв-баркъ*, *тилим-тилим*, *эши-дост*, *зий-щув*, *увакъ-тиек* «уфакъ-тюфек», *зевкъ-сефа*, *эс-такъат*, *тоз-туфан*. Во вторую группу можно отнести следующие парные слова: *эшик-тёр*, *джуврып-джурып*; а в третью группу входят следующие парные слова: *мит-мит* «медленный, медлительный», *тювю-талакъай* (*чачлары*), *коптен-коп* «много».

С точки зрения подразделения на лексико-тематические группы, в диалекте можно выделить несколько таких групп. Например, парные слова, связанные с приготовлением пищи: *щийли-пишли* «яры пишкен» «яры чий (емек акъкъында)», меселя: *щирберекни щийли-пишли ашаджакъсынъ*; *майлы-майлы* «ягълы»; *туверек-туверек* «тёгерек», *къуман-джемиш*; некоторые парные слова переходят в разряд идиом: *лапларынынъ дамы-тады ёкъ* «лафлары меракъсыз»; *кийди-джанды* «куйди-янды» сторел-испепелился: *Баласынынъ къылыгына кийди-джанды*. *Савут-аякъ*, *щолым-щырпы*, *талашып-щырмашып* «талашып-чырмашып», *сабыр-такъат*, *устю-башы*.

Парные слова, значения которых связаны с сельским хозяйством: *къавун-къарбыз* «къавун-къарпыз», *алма-армыт* «алма-армут», *къазма-курек*, *багъ-бакъща*, *щельде-къырда*, *мийиз-къыйрыкъ*.

Ко второй группе можно отнести следующие лексемы: *тоз-топракъ*, *отъкен-сокъкъан* «эр кес», *парица-кесек* «парча-кесек», *савут-аякъ*, *сач-сакъал*, *бет-козь*, *джокъ-джолагъай* «фукъаре», *къарт-къурт*, *джырлы-щынълы* (эглэндже) «шенъ», *ёргъын-байгъын* «ёрулгъан, болдургъан» и другие.

Спецификой приведенных выше лексических единиц является то, что эти парные слова образовались на этапе формирования литературного языка. Каждый из компонентов парных слов вполне употребим самостоятельно или же объединяясь в составе устойчивых словосочетаний, может употребляться как в прямом, так и в переносном значениях. Часто парные и парно-повторные слова употребляются в собирательном значении и могут передавать такие оттенки, как продлѐнность в пространстве и времени, предположительность или повторяемость действия. Примеры: сочетание *ий-баркъ* несет в себе значение семьи, семейного очага; *уст-баши* «кийим, урба» «тышкы кыяфет» внешний вид, одежда; *ырды-джыкъты* лит. урды-йыкъты

«къавгъа этти» подрался, поссорился; *тухум-акъраба ве тувгъан-урув* «аиле, къоранта» род-племя, семья, *ити-бити(мен)* «эписи» все вместе, *щанакъ-щѣльмек* лит. чанакъ-чѣльмек «савут» посуда, кухонная утварь; *онъып-осип* «къуванмакъ (бир шейге)» радоваться, *къуру-къуругъа* ве *къурудан-къуру* «бошуна, нафиле» зря, понапрасну; *къолым-къонъшы* лит. *къолум-къомишу* все соседи, *келирли-кетерли* «бир кимсенинъ денъишкен табиаты акъкъында» имеющий переменчивый нрав. Сюда же можем отнести и парные слова, где второй компонент потерял свой смысл, либо же его не существовало изначально: *эски-пуски* «эски-пускю», *къонъшы-къолым*, *джаяв-джалпы*, *джарты-джыртты*, *абдыр-себдир*, *аталакъ-котелек* «ашыкъып», *ашыгъып-ышыгъып*. Второй компонент этих слов никогда не употребляется самостоятельно и встречается лишь в составе парных слов.

В северном диалекте крымскотатарского языка некоторые парно-повторные слова объединяясь могут изменять свой фонетический облик. В крымскотатарском литературном языке подобных форм не существует: *артлы-артындан* «бир бирисининъ артындан», *уйлю-уюне* «эр кес озъ эвине».

Выводы:

1. Парные слова могут быть образованы от любой части речи. Основной их особенностью является соотнесенность каждого из компонентов к одной и той же части речи. Парные слова в степном диалекте крымскотатарского языка могут переходить в разряд идиом.

2. Парные и парно-повторные слова обладают собирательным, обобщенным значениями или значением множественности: *тювю-талакъай* «чубалангъан (сач)», *увакъ-тиек* «уфакъ-тюфек», *къарт-къурт*, *эш-дос* «эш-дост», *джаиш-джавкъа*.

3. В некоторых случаях между компонентами парных слов возникают отношения предикативности, то есть требуется глагол, раскрывающий их смысл: *къуман-чюльтер* (*ашамакъ*), *чюльтер-чюльтер* (*акъа*), *былт-шылт* (*этип*), *итен-сайтан* (*кетмек*), *къатар-къатар* (*асылмакъ*). В некоторых случаях при повторе возникает усиление значения лексемы: *талгъын-талгъын* «пек ёргъун», *майлы-майлы* «пек ягълы».

4. Обычно парные и парно-повторные слова не заимствуются из других языков либо заимствуются при условии полного их усвоения: *эс-такъат*, *зевкъ-сепе* «зевкъ-сефа», *акъыл-перасет* «акъыл-ферасет» *эль-алем*, *бай-фукъаре*.

5. Употребление слов с непонятным значением в составе парных слов является результатом фонетических или семантических изменений. Слова, обладающие собственным лексическим значением сначала объединяются, затем постепенно одно из них или оба теряют свое лексическое значение, и далее, слившись, употребляются в одном значении.

6. Парные диалектизмы переходят в литературный язык, таким образом обогащая его: *щыр-джалангъащ*, *отъкен-сокъкъан*, *джаяв-джалпы*. Использование в речи парных слов делает нашу речь богаче и усиливает ее эмоционально-экспрессивное содержание.

Список использованных источников

1. Кайдаров, А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке / А. Т. Кайдаров. – Алма-Ата : РАУАН, 1991. – 239 с.
2. Айдаров, Т. Проблемы диалектной лексикологии и лингвистической географии / Т. Айдаров. – Алма-Ата : РАУАН, 1991. – 224 с.
3. Меметов, А. М. Лексикология крымскотатарского языка : учебное пособие / А. М. Меметов. – Симферополь : Крымчупедгиз, 2000. – 93 с.
4. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «л», «м», «н», «п», «с» / Ин-т языкознания. – Москва : Восточная литература, 2003. – 446 с.

5. Меджитова, Э. Н. Къырымтатар чёлъ шивесинде чифт ве текрарлангъан диалектизмлер / Э. Н. Меджитова // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 224. – С. 24–26.

6. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков / Общeturкские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян. – Москва : Наука, 1974. – 768 с.

УДК 811.512.145 (477.75)

ЮСУФ БОЛАТНЫНЪ «АЛИМ» РОМАНЫНДА МОРФОЛОГИК УСЛЮБИЙ ВАСТАЛАРНЫНЪ КЪУЛЛАНЫЛУВЫ

Э. Ш. Меметова,

заведующая кафедрой крымскотатарской филологии, кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию морфологических стилистических средств крымскотатарского языка в романе Юсуфа Болат. **Целью** статьи является выявление специфики функционирования морфологических стилистических средств крымскотатарского языка в романе Ю. Болат «Алим». В ходе работы использовались описательный метод, метод стилистического анализа и метод сплошной выборки. Проведенный анализ показал: несмотря на то, что синонимических форм в морфологии не так уж и мало, они не всегда имеют собственно стилистический характер. Определено, что морфологические стилистические средства дают меньше эмоционально-экспрессивных окрасок и больше функциональных, связанных с традицией употребления.

Ключевые слова: морфологическая стилистика, стилистические средства, крымскотатарский язык, Юсуф Болат.

Summary. The article is devoted to the description of the morphological stylistic means of the Crimean Tatar language in the novel by Yusuf Bolat. The purpose of the article is to identify the specifics of the functioning of the morphological stylistic means in the Crimean Tatar language in the novel by Y. Bolat *Alim*. In the course of the work, we have used the descriptive method, the method of stylistic analysis, and the method of continuous sampling. The analysis has showed that the synonymous forms in the morphology not always have a stylistic character. It was determined that the morphological stylistic means give functional coloring rather than emotional coloring.

Key words: morphological stylistics, stylistic means, the Crimean Tatar language, Yusuf Bolat.

Кириш. Ишимизнинъ актуаллиги ишбу мевзунынъ къырымтатар тильшынаслыгъы ве илими саасында терен огренильмегенинен багълыдыр

Макъалемизнинъ **макъсады** – белли классигимиз олгъан Юсуф Болатнынъ «Алим» романында морфологик услубий васталарнынъ къулланылмасыны огренильмесидир.

Озь макъсадымызгъа иришкек ичюн, ашагъыдаки **вазифелерни** чезмелимиз:

1. Морфологик услубиети акъта умумий малюмат бермек;
2. Юсуф Болатнынъ «Алим» романында морфологик услубий васталарны тайинлеп къулланылмасыны огренмек.

Морфологик услубиети грамматик категориялар ве грамматик шекиллерининъ услубий вазифелерини огрене.

М. Н. Кожинанынъ фикирине коре: «Морфологиянынъ услубий имкянлары эсасен лакъырды ве язув тилининъ анъанелеринде сакълыдыр» [3, с. 54].

Къырымтатар морфологиясы терен огренильмесине бакъмадан [5], морфологиянынъ услубий васталарына нешир олгъан ильмий ишлерде тек бир къач мевзу багъышлангъандыр [6; 7; 8]. Умумен, тюркий тиллерде бу меселе фрагментар шекильде огренильгендир [1; 2; 4].

Биз девеккель эдебиятымызнынъ классиги олгъан – Юсуф Болатнынъ иджадына мураджаат этмедик. Языджынынъ «Алим» романы озыгъон, ифадели тилинен айырылып турмакъта. Эдипнинъ шибу романында сёз чешитлер тюрлю чешитлерде къулланылалар ве эр бир сёз чешити озь ролюни ойнай.

Романда исимлернинъ къулланувы.

Исим – предметлик манасыны ифаделеген ве грамматик сайы, мулькиет, келиш категориялары олгъан там маналы сёзлер.

Бильгенимиз киби, исимлер муреккеп; хас ве джыныс; къошма, къыскъартылгъан ве чифт оларар. Меселя: «*Ерге тейшельген эски къасыр ве кийизлер, ичерисининъ тыныкъ авасыны агъыр къокъуларнен къоюртып, нефес алмасыны зорлаштыра эди*» [9, с. 6].

Чифт исимлер: «*Ёлда зий-чув къопты Халкъ арасында лакъырды, гъаля-гъуля башлады*» [9, с. 8].

Языджынынъ услубинде чокъ хас исимлерни расткетирмеге мумкюн: «*Куньдюзлери Алтын кемерден Стамбулгъа кечип, шеэр узерине къаравур беклер киби, минарелери котерилип тургъан Айя-Софиянынъ, дагъылып кетмекте олгъан Топ-къапынынъ, эйбетли Баязид, Сүлеймание минарелеринен шеэр устюнден бакъып тургъан даа юзлернен джамилернинъ диварлары астында, къаранлыкъ къавелер алдында къайнашкъан тиленджилерни, омюр тарафындан сокъакъкъа ташлагъанлары сейир эте*» [9, с. 10].

Сыфатларнынъ къулланувы.

«*Файтон ве талеке энъишли-ёкъушлы чель ёлундан бурулып, бираздан койге кирди, юванкъашланып кеткен тар сокъакълардан энерек гурь джеviz тереклери астында гизленген къызыл кираметли эвчикнинъ огюнде токъталды*» [9, с. 10]. «*Каянынъ муляйим ве мераметли давушы Алимнинъ къулакъларында бабасынынъ огютлери киби янъгъырады*» [9, с. 13]. «*Саранынъ сеси юксек олмаса да, макъамы озю киби муляйим ве шырын эди*» [9, с. 16]. «*Эм бакътыкъча байнынъ инджечик, хастаджан чересини сертлик ве ачув пердеси къаплап алды*» [9, с. 20]. «*Сеит-Мамут агъанынъ макътавларына къулакъ асмадан, онынъ тер-тегиз манълайына, къап-къара ве къалын къашларына, узун кирпичлери тюбюндеки ири, сия козьлерине, тазеликнен пышнагъан ич бир бенексиз бетине, узун ве мазаллы боюна сукъланып бакъмакъта эдилер*» [9, с. 21]. «*Шу дакъкъа ичери, къолунда балабан къураны олгъан индже бойлу, ешил сарыкълы, акъ ве сиври кирпичли, батыкъ козьлю бир софу кирип кельди*» [9, с. 22].

Замирлернинъ ишлетюви: «*О да меним дарыма огърагъан. Онъа сени мен озюм макътарым*» [9, с. 23]. Ёкълукъ замирлери: «*Джамиде онынъ ерине ич кимсенинъ отурмагъа, онынъ миндерине ич кимсенинъ тиз чёкмеге адди ёкъ эди*» [9, с. 10]. Бельгисизлик замирлери: «*Шу арада кимдир, онынъ юзюне авуч толусы балчыкъ шыплады*» [9, с. 10]. «*О насылдыр кийик бир сес чыкъарып, пычакъны къадыннынъ ве озюнинъ богъазы астына сокъты*» [9, с. 24].

Зарфларнынъ къулланувы: «*Оларны Алимден зорнең тутып алдым*» [9, с. 71]. «*Олар алель-аджеле Мемедла агъанен сагълыкъланып, орман бойлап кеттилер*» [9, с. 45]. «*Ана, онынъ ичюн де джамиде дуа окъула... Онынъ ичюн бираз сакът ол, муфтиге ишанып сонъки къапым отъмегинден марум къалма*» [9, с. 56].

Фишллернинъ ишлетюви

Фишллернинъ дереджелери. Малюм дередже: «*Къартларны кене яныкъ сарды*» [9, с. 125]. «*Дереден толкъун-толкъун котерильген ель акъынтысы сувукъ къолларынен*

юзьлерини ювды, сачларыны чубалтты» [9, с. 122]. «Къавелерни индемей ичтилер» [9, с. 118].

Къайтым дередже: «Азамат акъай бу кечкен бир ай ичинде текмиль къартайып, меджалсызланан къалды» [9, с. 99]. «Корерсинъ, бир кунъ ола сен де чарпынын-топанын къалырсынъ». Ресуль эфенди, шаймы экен деп, динъленип турды.

Меджуль (бельгисизлик) дередже: «Меръем юксек къая устюнден учурумгъа къарадыкъча, башы айланып, онъа акъыкъатнен бутюн дюнъа силькинип тургъандай корюльди» [9, с. 123]. «Лякин койлюлер онъа аман бермедилер, сытылгъан чырайларынен онынъ башына ябырылдылар» [9, с. 135]. «Ягъмурнынъ кучю кеттикче эксилеп, бираздан боран котерильди» [9, с. 135].

Ортакълыкъ дередже: «Азамат акъай огълунынъ давушыны эшиткенинен, онъа таба йылышты» [9, с. 100]. «Ичериси зий-чув эди: мейдан залны агъызлама толдургъан чешигъ бичим ве къыяфеттеки инсан йыгъымы, озъаралары недир пайлашыр киби, гурюльти къопарып сёйлене, сёгюше, давалаша эдилер» [9, с. 109]. «Вакътынен Мемии агъанынъ эвинде топлангъан бей ве мырзалар да айры бир группа тешиль этип, Исмаил бейнинъ этрафында къайнашмакъта эдилер» [9, с. 108].

Юклетюв дередже: «Ресуль эфендининъ джевабы кибири айдавджыны тааджипте къалдырды» [9, с. 101]. «Алим исе узатылгъан меишребени къолуна алып, Къуддуснынъ дудакларына кетирди» [9, с. 100]. «Сеит-Муртаза эфендини къапы алдына, файтонына озгъарып, йымшакъ къадифе миндер устюне ерлештирдилер» [9, с. 114].

Алфииль: «Эртеси куню саба кемиклерине къадар бузлап-тозгъан бир алда, тюшюндже ёргъунлыгъынен агъырлашкъан башыны котерип, арабадан тюшти ве аягъында даянылмаз бир агъры дуйды» [9, с. 115]. «Тобулгъысыны къолуна кечирип, сёгюне-сёгюне Ресуль эфенди яшагъан эвге келип кирди» [9, с. 130]. «Арды кесильмеген ягъмур исе нефесинъни тыя, вуджудынъны санчып-санчып ала эди» [9, с. 134].

Сыфатфииль: «Алим эрлик косътерип, баягъы вакъытлар ягъмур астында тургъандан сонъ, къалтырай-къалтырай такъатсызлангъан аякълары букюльмеге башладылар» [9, с. 134]. «Бойдан-бойгъа сыранен тизильген скемлелер тынчлыкъ ичинде эдилер» [9, с. 136]. «Аякъ устюне тюшкен Алим къайта баштан Къаралининъ аякъларына сарылды» [9, с. 158].

Исимфииль: «Босагъадан атлагъанынен, Джентемир мырзанынъ башына къоркъузув, сёгюш ягъдырды» [9, с. 69]. «Эбет, Сеит-Муртаза эфендиге юзь чевирмек зор бир шей дегиль эди...» [9, с. 71]. «...Эгер вакъуф топракъларынен алыш вериш этип, намуслы инсанларны сатып алмакъ истесенъиз, бу сизге паалыгъа отурыр» [9, с. 49].

Теркипли фииллер: «О ёрулгъан-талгъан эди 68, 62 Топар-топар олып кок юзюнде юварлангъан бу титис булутлар озъ аралары къайнашмакъта – джан чекишмекте эдилер О семиз авучларынен Сеит-Муртаза эфендининъ сукли къолуна япышып, агъызына кетирди, лякин къолны ташлайым дер экеч, бирден къапы ачылып, джуббесине бурюнген мола ичери кире къойды» [9, с. 76].

Муэллифининъ эсерлеринде такълидий сёзлерни расткетиремиз: «Къартнынъ терен нефеске ошагъан пышылдысы, йип киби узюлип, сонъра текмиль тынды. Ресуль эфенди пышылтынен, «ой, папаз, яры геджеде шейтанларнынъ туттымы?» деп мырылданды» [9, с. 24]. «Къаранлыкъ эвинъ тапишаны устюнде шар киби бир ышыкъ пейда этип, тельгенип тургъан чыракъ, бу тынчлыкътан абдырар киби, бирден липильдеп алды» [9, с. 22]. «Эбет, олюм, олюм, деп фышылдады ве къуюгъа эгильди» [9, с. 126]. «Къапы гъырчылдынен ачылып, ичери ай ярыгъы урды» [9, с. 20].

Язиджы меракълы ибарелерни де ишлетиле: «Бу ал къадыны иддетлендирди, о, озюни унутып, эйиликке кемлик косътерген, «чингене торбасындан тюшкен» Ресуль эфендини догърудан-догъру сокъакъ сёгюшинен сёгди» [9, с. 15]. «Багъышла,

къардашым, шейтан кызыдыргъанда тиль айткъаныны кыулакъ эшитмей» [9, с. 26]. «Куню келир, Сеит-Мамбет мырзанынъ башына патлагъан кыабакъ, бизим башымызгъа да патлар, озюмизни откъа таишларлар» [9, с. 28] «Ёкъ, ёкъ, Сеит-Муртаза зеэрленеджесек ери – «Ахиллес аякъ тамгъасы» бунда да дегиль эди» [9, с. 58]. «Джентемир мырза: «Татлысы кечмеди, аджджысыны кыаптырайым», деп, ялма джиддийликнен башыны тѣбене алды...» [9, с. 77]. «Ресуль эфенди айта, дюнья да топ дайын бир шей экен, мындан чыкып кетсенъ, кене де мында кыайтып келе экенсинъ» [9, с. 123]. «Дели деп адлангъан шу молланъыз кыуюгъа бир таи атты амма, энди юзь акылы топласанъыз да, чыкыармасы зор олур» [9, с. 145]. «Омюрде эр заман ашыкъмакъ керек, хусусан яшлыкъта, ондан гыайры аят келир-кечер де, дуймай кыалырсынъ» [9, с. 218].

Эсерде шиве сѣзлерни де расткетиремиз: *Джуръ, джуръ айды, не шашып кыалдынъ* [9, с. 129]. *Айды, джуръ, аджы эфенди, сени келинге кыошаджакъмыз* [9, с. 165]. *Джурюныз, джуръ, – деп ичери кирсетти. Бильмейим анай, бизге коре эписи бар* [9, с. 176].

Морфологик услубий парадигма тильде сийрек расткельген ал: *Алим азбар кыапыгъа кельгенинен, шу ерде кыора астына пысып, чардакыта аптесининъ пейда олмасыны беклеп турды* [9, с. 63].

Нетидже. Юсуф Болатнынъ «Алим» романындан алынган бутюн иллюстратив малюмат бойле хулясаларны чыкыармагъа имкян бере: грамматиканынъ морфология болюгинде манадаш шекиллер аз олманына бакъмадан, мында услубий ренк айырылганы сийрек расткельген алдыр; морфологик услубий васталар функциональ ренкке бакъкъанда эмоциональ-экспрессив ренкни азджа ифаделейлер, мында кыуланув адети айрыджа дикъкъаткъа ляйыкъ.

Кыуланылган эдебият

1. Абдуллаева, Л. Лексическая стилистика узбекской художественной литературы / Л. Абдуллаева. – Ташкент : Фан, 1979. – 146 с.
2. Баскаков, Н. А. Тюркские языки / Н. А. Баскаков. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1960. – 244 с.
3. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – Москва : ФЛИНТА, 2020. – 464 с.
4. Курбатов, Х. Р. Татарская лингвистическая стилистика и поэтика / Х. Р. Курбатов. – Москва : Наука, 1978. – 218 с.
5. Меметов, А. Крымтатарский язык. Ч. II. Морфология / А. Меметов, К. М. Мусаев. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2003. – 288 с.
6. Меметова, Э. Ш. Лингвостилистика современного крымскотатарского языка / Э. Ш. Меметова. – Симферополь : ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», 2023. – 168 с.
7. Меметова, Э. Ш. Юсуф Болатнынъ эсерлеринде фразеологизмлернинъ беджерген услубий вазифелери / Э. Ш. Меметова // Культура народов Причерноморья. – № 182. – С. 10–13.
8. Меметова, Э. Ш. Юсуф Болатнынъ эсерлеринде эмоциональ-экспрессив лексиканынъ кыулануву / Э. Ш. Меметова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. – Серия Филология. Социальные коммуникации. – Том 23 (62) – № 3. – С. 27–31.
9. Болат, Ю. Алим: роман / Ю. Болат. – Ташкент : Гыафур Гыулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1982. – 420 с.

КРЫМСКОТАТАРСКОЯЗЫЧНОЕ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО: СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ

Л. С. Селендили,

*доктор филологических наук, профессор кафедры крымскотатарской
филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования крымскотатарскоязычного интернет-пространства. Автор раскрывает интернет-возможности трансляции крымскотатарского языка и культуры, классифицирует источники информации, приводит их характерные особенности и описывает структуру. Исследование проводится с опорой на методологические и практические аспекты изучения национальных Интернетов в России. Крымскотатарскоязычное интернет-пространство паритетно охватывает медийный, образовательный, официальный и познавательный сегменты.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, интернет-пространство, сегменты национального интернета, сайт, веб-гипертекст, электронный словарь, мобильное приложение, блог, блогосфера.

Summary. The article presents the results of the study of the Crimean Tatar-language Internet space. The author reveals the Internet capabilities of broadcasting the Crimean Tatar language and culture, classifies information sources, provides their characteristic features and describes the structure. The study is based on the methodological and practical aspects of studying national Internets in Russia. The Crimean Tatar-language Internet space equally covers the media, educational, official and cognitive segments.

Key words: Crimean Tatar language, Internet space, segments of the national Internet, website, web hypertext, electronic dictionary, mobile application, blog, blogosphere.

«В языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; с другой стороны, овладевая языком, и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры» [3, с. 12].

Часть тюркских языков, среди них и крымскотатарский язык, «имеет официальный статус и литературную традицию, то есть на этих языках существует значительное количество текстов; по малым тюркским языкам и диалектам накоплен значительный текстовый материал – записи фольклора, полевые записи исследователей (в том числе участников данного проекта) и другие; значительная часть этих языков, тем более их диалектов, в настоящее время находится под угрозой исчезновения; существующий объем материалов нуждается в компьютеризации и обеспечении общего доступа к нему, то есть в создании открытого корпуса тюркских языков России. Открытость корпуса должна обеспечить не только дальнейшее изучение этих языков, но и внести вклад в дело их сохранения и развития» [4].

Современное интернет-пространство позволяет организовать трансляцию любого языка и культуры неограниченному числу пользователей различных национальностей.

Информационно-коммуникативные технологии, в основе которых лежит веб-гипертекст, дают возможность расширять просторы функционирования языков, являются образовательным механизмом, транслирующим языки и культуры разных народов, позволяют создавать виртуальную среду погружения в язык и культуру

малочисленных народов. Исследование проводится с опорой на методологические и практические аспекты изучения национальных Интернетов в России З. А. Махмутова, Б. В. Орехова [2, с. 7–8].

Крымскотатарскоязычное интернет-пространство паритетно охватывает медийный и познавательный сегменты, например:

- архив сайта телеканала «Миллет» <https://trkmillet.ru/archive/>, содержащий следующие модули различной информационной направленности на русском и крымскотатарском языках: Эфир, Видео, Новости, Хаберлер, Проекты, Спецпроекты, Радио, Еще... (архив, аудиокниги, выборы и др.) и соответственно записи телепередач, посвященных истории, религии, культуре, кухне, национальным проблемам крымских татар, содержащих также детский образовательный контент, поднимающих вопросы политической жизни Крыма и др.: «История крымских татар», «Крымская семья», «Къырымда байрам», «Миллет берекети», «Напросились к...», «Один день с...», «Сеят», «Тарих излери», «Bala Land», «Аиле Мавиле иле», «Атешли ёллар», «Ачыкъ лаф», «Без обмана с Лилей Веджатовой», «Биз билемиз!», «Ватан иле Саба», «Джанлы хатыралар», «Еди 7 кунь», «Инсан ве заман», «Истина», «Йырла», «Къадынлар адеми», «Маматеке», «Миллет ве заман», «Миллий къайгылар», «Мир ислама», «Мирас», «Омюр бешиги», «Рецепты шефа», «Софрагъа буюрынъыз», «Спортивный характер», «Стратегия развития», «Уста ашчы»;
- сайт Медиацентра им. Исмаила Гаспринского, где представлены веб-странички и архивы двуязычной газеты «Мераба» <https://mediacentr.org.ru/gazeta-meraba/arhiv-gazety-meraba/>, газеты «Янъы дюнъя» <https://mediacentr.org.ru/arhiv-gazety-yany-dyunya/> и журнала «Йылдыз» <https://mediacentr.org.ru/zhurnal-jyldyz/>, издаваемых на крымскотатарском языке;
- сайт «Canlı» <https://canli.online/audiobooks/>, структурно представленный следующими модулями: Главная, Новости, Интервью, Аудиокниги, Лекции, О нас, Контакты, Донаты; здесь же, на странице <https://canli.online/top-servisov-dlja-izuchenija-krymskotatarskogo-jazyka/>, представлена развернутая информация «ТОП сервисов для изучения крымскотатарского языка»: сайты – Alem-i-medeniye, Qirim Junior, Шень Элифбе, мобильные приложения – Canli Lugat, Qirimtatar Tili, Laf Et, Telegram-каналы – @Lugat bot, 15 daqqa, аудио – Yirlar ogren – авторский курс Тамилы Абдувелиевой.

Крымскотатарский язык официального сегмента представлен на сайте Госсовета РК в форме параллельных текстов: Конституция РК http://crimea.gov.ru/kt/news/11_04_2014_11, Ведомости Госсовета РК <http://crimea.gov.ru/content/uploads/files/vedomosti>, биографии <http://crimea.gov.ru/kt/chairman-of-vr-arc/biography>. Кроме того, сайт Госсовета РК уже фрагментарно переведен на крымскотатарский язык (см. Рис. 1).

Рис.1. Скриншот сайта Госсовета РК

Крымскотатарский язык реализуется в виде второстепенных коммуникативных вкраплений: комментарии, посты и Shotмедийный контент в социальных сетях (например: Одноклассники, VK).

К исламскому празднику Курбан-байрам оператор связи Волна запустил версию своего сайта на крымскотатарском языке <https://kt.volnamobile.ru/>.

Познавательный сегмент чаще представлен:

- интернет-словарями типа «Luġatçıq» [https://lugat.diyar.im/lugat/#page=pageAbout](https://lugat.diyar.im/lugat/#page=pageAbout;);
- образовательными модулями, созданными, например, на конструкторе Stepik «Изучение крымскотатарского языка. Siltem» <https://stepik.org/course/185961/promo>;
- сайтами «Alem-i-medeniye» medeniye.org, «Qirim Junior» <https://www.youtube.com/channel/UCd8Z7mziWoU5mulxQFpl3oA>, «Шень Элифбе» <https://www.youtube.com/playlist?list=PL8s9b7phrAt5J4OzGV-X4eOceOyQn2jmG>, «QIRIMCA.ORG» <https://qirimca.org/index.php/crh/> и др.

Большинство электронных словарей, представленных в интернет-пространстве, представляют собой различные формы и интерпретации бумажного Крымскотатарско-русского словаря Сейрана Меметовича Усеинова [1], часто без ссылки на автора.

Наиболее информативным представляется образовательно-познавательный сайт «Alem-i-medeniye» в структуру которого входит главная страница, двуязычный словарь, транслитератор, библиотека электронных текстов кириллической и латинской графиками.

Детский образовательный сайт «Qirim Junior» представлен следующими модулями на кириллице: Главная страница, Видео, Shorts, Плейлисты, Записи, и на латинице: Baş Saife, Haberler, Info, Blog, Kontaktlar. Яркий, красочный медийный и познавательный материал разделен на возрастные группы и представлен играми, сказками, стихотворениями, песнями-караоке.

Особое место в образовательном интернет-пространстве занимают сайты крымскотатарских писателей. Например, сайт писателя Шамиля Алядина <https://shamil-alyadin.com/ru/page.php?id=1>, представленный модулями: Главная, Биография, Книги

(на русском и крымскотатарском языках), Видео, Публикации, О творчестве, Фотогалерея, а также Официальная страница Шамиля Алядина в ВК <https://vk.com/shamilalyadin>. В Википедии представлен веб-гипертекстовый блок категории: Крымскотатарские писатели, к которым относятся «писатели, создававшие произведения на крымскотатарском языке, независимо от этнического происхождения, гражданства и места проживания» <https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Крымскотатарские писатели> и веб-гипертекстовый блок категории: Крымскотатарские поэты <https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Крымскотатарские поэты>.

Познавательная блогосфера транслирует язык, культуру, историю, политические взгляды на проблемы крымскотатарского народа на крымскотатарском и русском языках, например: двуязычный блог Лили Юнусовой «Карта мира» <https://kartamirakrym.blogspot.com/>; двуязычный блог Лейли Эмировой «Цвет Родины моей» (на русском и крымскотатарском языках) <http://leylaemir.org/rus/our-columns/our-columns.php>. Если «Карта мира» Лили Юнусовой представляет собой совокупность хронологически последовательных постов и обновляемых заметок, которые автор и читатели могут комментировать, то блог «Цвет Родины моей» Лейли Эмировой структурно больше напоминает корпус данных со следующими модулями: Главная страница, Литературная галерея, Наши колонки, Звуковая дорожка (содержит более 30 аудио образцов крымскотатарской литературы), Фотогалерея, Страницы истории, Народное творчество, Из старых архивов, Музыка и театр (записи песен в исполнении Сабрие Эреджеповой, Зейнеб Люмановой, Сакине Налбандовой, тексты их эссе, очерков и воспоминаний).

Проведенное исследование показывает, что крымскотатарскоязычное интернет-пространство в большинстве своем формируется за счёт общественных инициатив и только фрагментарно при поддержке государства. Единично представленные крымскотатарскоязычные источники интернет-пространства свидетельствуют о необходимости расширять его образовательную, познавательную, коммуникативную и официальную сферы. Между тем, следует отметить, что реализовать потенциал крымскотатарского языка и покрыть потребности коммуникантов можно только программным путём, руководствуясь концептуально сформулированными мерами по сохранению, возрождению и развитию крымскотатарского языка, где важная роль в трансляции языка и культуры крымских татар должна отводиться интернет-пространству.

Список использованных источников

1. Крымскотатарско-русский словарь / сост. С. М. Усеинов. – Тернополь : СМНПП «Диалог», 1994. – 395 с.
2. Махмутов, З. А. Языковой ландшафт татарского Интернета / З. А. Махмутов. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ ; Изд-во «Артифакт», 2015. – 36 с.
3. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира : материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 224с.
4. Электронный корпус хакасского языка. – URL: <https://khakas.altai.ru/> (дата обращения: 17.03.2025).

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ПАРЕМИЯХ КРЫМСКИХ ТАТАР-СТЕПНЯКОВ И ТАТАР ДОБРУДЖИ РУБЕЖА XIX–XX ВВ. РЫБА

Т. Б. Усеинов,

*доктор филологических наук, профессор кафедры крымскотатарской
филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Гастрономические пристрастия и концепты, связанные с ними, способствуют более полному раскрытию культурных особенностей имевшей место до середины XX века субэтнической группы крымскотатарского этноса – крымских татар-степняков, а также татар Добруджи (Румыния). В списке гастрономических пристрастий вплоть до XX века рыба значительно уступает в популярности мясу и молочной продукции.

Ключевые слова: крымские татары-степняки, татары Добруджи (Румыния), фольклор, этнография, паремия, гастрономия, рыба.

Summary. Gastronomic preferences and the concepts associated with them contribute to a more complete disclosure of the cultural characteristics that took place before the middle of the 20th century, of the subethnic group of the Crimean Tatar ethnic group – the Crimean Steppe Tatars, as well as the Dobrudja Tatars (Romania). In the list of gastronomic preferences up until the 20th century, fish is noticeably inferior in popularity to meat and dairy products.

Key words: Crimean Tatars-steppes, Tatars of Dobruja (Romania), folklore, ethnography, paremia, gastronomy, fish.

Постановка проблемы. Весьма условное разделение крымскотатарского народа на три субэтнические группы (крымские татары-степняки, крымские татары средней полосы, южнобережные крымские татары) имело место до депортации 1944 года и на сегодняшний день утратило актуальность. Рассматриваемые в данной работе паремиологические единицы были собраны в начале XX века в степном Крыму (у крымских татар-степняков), а также в Добрудже (Румыния) – у диаспоры крымскотатарского народа, носительнице ментальности крымских татар-степняков [9].

Отмеченные гастрономические паремии в большинстве были сложены ещё в средние века, о чём свидетельствует семантика фразеологических единиц. Меньшую их часть составляют клише, отражающие ментальность народа в XIX веке.

Актуальность. Вопрос о гастрономических вкусах и предпочтениях крымских татар совершенно не изучен и потому представленная работа является актуальной и пионерской.

Основная часть. Исследуемые в работе паремии в подавляющем большинстве были составлены народом ещё в давние (средневековые времена) и несут гастрономическую информацию относительно степного населения Крымского ханства. Нельзя упускать из виду и меньшую часть клише, сложенную в более поздний (оседлый) период.

Гастрономические пристрастия и концепты, связанные с ними, способствуют более полному раскрытию культурных особенностей народа.

Несмотря на то, что рыба является важным источником белка и других питательных веществ, в списке гастрономических пристрастий крымских татар-степняков и татар Добруджи вплоть до XX века она занимает далеко не доминирующие позиции, значительно уступая в популярности мясной и молочной продукции.

Подтверждение сказанному находим в трудах путешественников, упоминающих рыбу как не самый часто используемый продукт в рационе крымских татар-степняков.

Польский дипломат и путешественник Броневский Мартин (XVI век) пишет о рыбе в крымских речушках и её непопулярности среди татар: «Множество рѣчекъ, и не маленькихъ, вытекаетъ изъ этихъ горъ; в этихъ рѣчкахъ есть много превкусной рыбы хотя мелкой, потому что и вода въ нихъ не глубока. Но какъ татары не большіе любители рыбы, то ловлею ея занимаются по большей части христіане и путешественники наши прїѣзжающіе сюда» [2, с. 345].

Шведский историк Тунманн Иоганн Эрих (1746–1778): «Они [крымские татары-степняки – У. Т.] питаются хлебом – как пшеничным, так и просяным, просяной кашей, рисом и финиками, мясом своего рогатого скота и овец, дичью, рыбой, молоком, маслом и медом» [8, с. 25].

Отметим в рамках исследуемого паремиологического фонда (складывавшегося на протяжении многих веков), полное отсутствие внимания к концептам, так или иначе имеющим отношение к морепродуктам (водорослям, моллюскам, морским млекопитающим, ракообразным и т.д.). Основополагающей причиной сложившемуся положению является табу на употребление морепродуктов среди последователей ханафитского мазхаба (богословско-правовой школы) ислама, каковыми являются крымские татары. Исключением стала лишь морская и речная рыба с чешуёй, вне зависимости хищная она или нет, а также рыбная икра.

В Священном Коране данный запрет звучит следующим образом:

Перевод Г. С. Саблукова (1803–1880): **«Вамъ разрѣшается ловить рыбу въ морѣ, и питаться ею, какъ продовольствіемъ, вамъ и другимъ путешественникамъ»** (Коран, 5:96) [6, с. 223–225].

Перевод И. Ю. Крачковского (1883–1951): **«Дозволена вам охота в море и питание ею в пользование вам и путникамъ»** (Коран, 5: 96) [5, с. 101].

Небольшая популярность рыбы и икры среди степняков также связана с географией их проживания и с традиционным образом жизни. Крымские татары-степняки и татары Добруджи (Румыния) хотя проживают недалеко от морского побережья, а также богатой рыбой рек (дельта Дуная, Днепра и т.д.), предпочитают доступную им мясо-молочную продукцию, производимую самими и которой достаточно для удовлетворения потребностей в питании. Рыба и икра же добываются оседлыми прибрежными в большинстве немусульманскими народами, у которых её нужно приобретать либо выменивать.

Не исключена и ещё одна причина непопулярности рыбы и икры среди степняков – это продажа её в засоленном и вяленом виде. В Кефе (Феодосия), по словам очевидцев, «свежей рыбы мало» [3, с. 710]. Прибрежное население в целях сохранения морепродукта чрезмерно засаливает его, что «пагубно влияет на здоровье» потребителя.

Вот, что пишет голландский картограф Витсен Николаас (1641–1717): «Рыба, которую там [в Азовском море – У. Т.] ловят, бесполезна для питания, если ее прежде крепко не посолить и так хранить день-два, как это обычно делают живущие вокруг люди. Люди, живущие на берегу, часто болеют» [3, с. 738].

В безводной, засушливой степи солёный и вяленый продукт вызывает жажду и не является удачным выбором в пищу. В записках путешественников встречаем подтверждение мало солёности еды татар-степняков. Французский военный инженер и картограф Боплан Гийом Левассер де (около 1595–1673) отмечает по этому поводу: «Впрочемъ Татары вообще трезвы; соли употребляютъ мало, за то сильно приправляютъ кушанья пряностями, особенно перцомъ» [1, с. 47].

Витсен Николаас (1641–1717): «Ни соли, ни хлеба этот народ не употребляет, потому что, они говорят, соль портит лицо, а хлеб – это грубая пища» [3, с. 714].

«Зарезав лошадь, они берут кишки и, прополоскав их слегка, заполняют их грубо разрубленным мясом, которое сушат без соли» [3, с. 733].

Исключением в питании является разве что «очень солёный каймак и брынза», по словам путешественника и этнографа, швейцарца французского происхождения Монперё Фредерика Дюбуа де (1798–1850) [4, с. 77].

Отдельно отметим, что крымские татары-степняки и татары Добруджи на рубеже XIX–XX вв. за одной трапезой не смешивают молочные продукты и рыбу. Данный древний гастрономический запрет имеет место и сегодня. Тогда как сочетание молока и мяса не возбраняется и встречается повсеместно.

Семантика паремиологического материала также подтверждает нетипичность концепта «рыба» в гастрономической картине крымского степняка и татарина Добруджи. Примечательно, что в пословицах не находят отражение названия видов рыб, в том числе информация об их повадках. Рыба представляется как фантастический персонаж с поведением, не свойственным стереотипам степняка – «одна живность проглатывает другую»:

Буюк балыкъ кичик балыкъны ютар –

Балабан балыкъ кишкене балыкъны джугтар –

Большая рыба маленькую рыбу проглатывает –

Большая рыба проглатывает маленькую [12, с. 28].

Примеры в статье предлагаются в следующей последовательности: современный литературный крымскотатарский вариант пословицы – диалектный крымскотатарский (степной) вариант пословицы – подстрочный русский перевод пословицы – смысловой русский перевод пословицы.

Упоминание концепта «рыба» в связке с греко-татарским народом, проживавшим в Крымском ханстве и, как правило, занимавшимся ловлей рыбы, обнаруживаем среди паремий крымских татар-степняков. Перечисление греко-татар и османской меры веса подтверждают давнее происхождение представленной ниже паремии:

Бир балыкъ башы, бир окъкъа керазы, къыркъ урум яшы – учъ кунъ, учъ гедже къонуштулар, кене де къалды ярысы –

Бир балыкъ башы, бир окъкъа керасы, къыркъ урум яшы – уч кун, уч гедже къонуштулар, гене де къалды ярысы –

Одна рыба голова, один окка [окка – араб. османская мера веса равная 400 дирхемам по 3,207 г = 1,2828 кг.] черешни, сорок греко-татарских парней три дня, три ночи общались и опять осталась половина –

Одна рыба голова, один окка черешни, сорок греко-татарских парней три дня, три ночи говорили и опять осталась половина разговора [7, с. 55; 10, с. 44–45].

Рыба в средневековом Крыму встречалась в изобилии: солёная, вяленая, в меньшей степени свежая, а также засоленная икра. Однако львиная часть продукции предназначалась для экспорта. Отлов рыбы в Азовском море и продажа в Кефе (Феодосия) отмечается рядом европейских авторов.

Витсен Николаас (1641–1717): «Самая обычная и основная торговля – это торговля соленой рыбой и икрой, которую привозят из Меотийского болота и провозят по всей Европе и до самой Индии... Кроме вывоза икры и рыбы, основная торговля в Кафе ведется хлебом, маслом и солью. Этот город снабжает ими Константинополь и много других мест» [3, с. 710–712].

Имеющийся в наличии текстологический материал наталкивает нас на выводы о морском происхождении рыбы. При отсутствии упоминания речной рыбы в крымскотатарском паремиологическом фонде находим ряд параллелей между концептами «рыба» и «море»:

Эйилик эт те денъизге ат, балыкъ бильмесе, Халыкъ билир –

*Эйлик эт те денъизе ат, балыкъ бильмессе, Халыкъ билир –
Сделай добро и в море выбрось, рыба если не узнает, Создатель (Творец) будет
знать –*

Сделав благодеяние выбрось в море, если не узнает рыба, будет знать Создатель [7, с. 28].

В то же время у средневековых путешественников по Крыму встречаем названия как речной рыбы (каrp) [3, с. 735], так и пресноводно-морской (лещ, сёмга) [3, с. 735], а также морской рыбы (камбала, скумбрия, кефаль [11, с. 205–206], макрель (скумбрия), барабулька [4, с. 198]).

Сохраняемая на рубеже XIX–XX вв. ментальная общность крымских татар-степняков и татар Добруджи (Румыния) наглядно подтверждается использованием тождественных паремий о рыбе. Так, общее происхождение представленных ниже фразеологических единиц не вызывает сомнения.

У крымских татар-степняков:

Денъиздеки балыкъны сатма –

Денъиздеки балыгъы сатма –

В море рыбу, не продавай –

Не продавай ещё не пойманной в море рыбы [7, с. 31].

У татар Добруджи:

Денъиздеки балыкъны базарлыгъы олмаз –

Денъиздеки балыгъын пазарлыгъы болмаз –

В море рыбы торго не бывает –

Не бывает торго рыбе, находящейся в море [12, с. 43].

Встречаются полностью повторяющиеся паремии. У крымских татар-степняков:

Балыкъ баштан сасыр –

Балыкъ баиштан сасыр –

Рыба с головы тухнет –

Рыба гниёт с головы [7, с. 58].

У татар Добруджи:

Балыкъ баштан сасыр –

Балыкъ баиштан сасыр –

Рыба с головы тухнет –

Рыба гниёт с головы [12, с. 29].

При исследовании места рыбы (как продукта) в гастрономической картине мира крымских татар-степняков и татар Добруджи становится очевидным факт взаимного проникновения культур между не всегда родственными, но исторически соседствующими народами. Так, указанная выше пословица бытует и в русском эквиваленте: «Рыба гниёт с головы».

Следующая паремия у славян звучит как: «Без труда не выловишь и рыбку из пруда» или «Рыбку съесть и ноги не промочить»:

Штан (иштан) сыланмай, балыкъ тутулмаз –

Иштан сланмай, балыкъ тутулмас –

Штаны не намочившись, рыба не поймается –

Не намочив штаны, рыбу не поймаешь [7, с. 50].

Отметим, что из широкого перечня существующих морепродуктов в рамках известного нам паремиологического фонда крымских татар-степняков и татар Добруджи (Румыния) используется лишь понятие «рыба» (8 паремий), концепт же «икра» вовсе не встречается. Данный факт не исключает употребления в пищу солёной икры, а лишь подтверждает недостаточную её популярность (возможно недоступность) и, соответственно, ограниченное внимание народа в рамках фольклорного гастрономического материала.

Ракообразные (крабы, раки, креветки), моллюски и морские водоросли в ограниченном объеме вошли в рацион крымских татар лишь в 90-е годы XX века (после возвращения народа в Крым из мест депортации). Однако на сегодняшний день в связи с укреплением религиозности в народной среде наблюдается тенденция к исключению данных продуктов из рациона среднестатистического крымского татарина вне территориальной локализации.

Основные выводы:

– Исследуемые в работе паремии крымских татар-степняков и татар Добруджи в подавляющем большинстве были сложены народом ещё в давние (средневековые времена) и несут гастрономическую информацию относительно степного населения Крымского ханства. Нельзя также сбрасывать со счетов и меньшую часть клише, сложенных, по-видимому, в XIX веке.

– Гастрономические пристрастия и концепты, связанные с ними, способствуют более полному раскрытию культурных особенностей имевшей место до середины XX века субэтнической группы крымских татар-степняков и татар Добруджи.

– В списке гастрономических пристрастий крымских татар-степняков и татар Добруджи вплоть до XX века рыба занимает далеко не доминирующие позиции, значительно уступая в популярности мясной и молочной продукции.

– В рамках паремиологического фонда крымских татар-степняков и татар Добруджи (складывавшегося на протяжении многих веков), наблюдается полное отсутствие внимания к концептам, так или иначе имеющим отношение к морепродуктам (водорослям, моллюскам, морским млекопитающим, ракообразным и т.д.).

– Основной причиной сложившемуся положению является табу на употребление морепродуктов среди последователей ханафитского мазхаба (богословско-правовой школы) ислама, каковыми являются крымские татары. Исключением стала лишь морская и речная рыба.

– Небольшая популярность рыбы и икры среди степняков также связана с географией их проживания и с традиционным образом жизни.

– Крымские татары-степняки на рубеже XIX–XX вв. не едят одновременно молочные продукты и рыбу. Данный гастрономический запрет имеет место и сегодня.

– В паремиях крымских татар-степняков и татар Добруджи не находят отражение названия видов рыб, в том числе информация об их повадках. Образ рыбы представляется как фантастический персонаж с поведением, не свойственным стереотипам степняка.

– Имеющийся в наличии текстологический материал наталкивает на выводы о морском происхождении рыбы, указанной в паремиях. При отсутствии упоминания речной рыбы в крымскотатарском паремиологическом фонде находим ряд параллелей между концептами «рыба» и «море».

– Сохраняемая на рубеже XIX–XX вв. ментальная общность крымских татар-степняков и татар Добруджи наглядно подтверждается использованием тождественных паремий о рыбе.

– При исследовании места рыбы (как продукта) в гастрономической картине мира крымских татар-степняков и татар Добруджи становится очевидным факт взаимного проникновения культур между не всегда родственными, но исторически соседствующими народами.

– Отметим, что из широкого перечня существующих морепродуктов в рамках известного нам паремиологического фонда крымских татар-степняков и татар Добруджи используется лишь понятие «рыба» (8 паремий), концепт же «икра» вовсе не встречается.

– Ракообразные (крабы, раки, креветки), водоросли и моллюски в ограниченном объеме вошли в рацион крымских татар лишь в 90-е годы XX века (после возвращения народа в Крым из мест депортации). Однако на сегодняшний день в связи с укреплением религиозности в народной среде наблюдается тенденция к исключению данных продуктов из рациона среднестатистического крымского татарина вне территориальной локализации.

Список использованных источников

1. Бопланъ, Г. Л. Описание Украины : переводъ съ французскаго / Г. Л. Бопланъ. – Санктпетербургъ : Тип. Карла Крайя, 1832. – 178 с.
2. Броневский, М. Описание Крыма (Tatariae Descriptio) / М. Броневский // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса : Городская типография, 1867. – Т. 6. – С. 333–367.
3. Витсен, Н. Северная и восточная Тартария. Том II / Н. Витсен. – Амстердам : Изд-во Pegasus, 2010. – 1225 с.
4. Дюбуа де Монпере, Ф. Путешествие по Кавказу, к черкезам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым : в 6 томах / Ф. Дюбуа де Монпере. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2009. – Т. 5, 6. – 328 с.
5. Коран ; перев. с араб. яз. акад. И. Ю. Крачковского. – Москва : Изд-во «Раритет», 1990. – 528 с.
6. Коранъ / перев. съ араб. яз. Г. С. Саблукова. – Москва, 1990. – 572 с.
7. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные А. А. Боданинским, Э. Л. Мартино и О. Мурасовым / под ред. А. Н. Самойловича и П. А. Фалева. – Симферополь : Типография Таврического губернского земства, 1914. – 67 с.
8. Тунманн, И. Крымское ханство ; пер. с нем. изд. 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявского ; прим., предисл. и прил. Н. Л. Эрнста / И. Тунманн. – Симферополь : Гос. изд-во Крым. АССР, 1936. – 107 с.
9. Усеинов, Т. Б. Диалектологический аспект в процессе создания лексикографических изданий, отражающих крымскотатарский паремиологический фонд / Т. Б. Усеинов // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2017. – Выпуск 1 (4). – С. 5–10.
10. Усеинов, Т. Б. Этнокультурные стереотипы степных крымских татар и татар Добруджи на основе пословиц рубежа XIX–XX вв. / Т. Б. Усеинов // Филология: научные исследования. – 2020. – № 1. – С. 39–47.
11. Челеби, Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века ; перев., вступит. стат. Е. В. Бахревского / Э. Челеби. – Симферополь : ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2016. – 312 с.
12. Ülküsal, M. Dobruca'daki Kırım Türklerinde Atasözleri ve Deyimler / M. Ülküsal. – Ankara : Üniversitesi Basımevi, 1970. – 253 s.

**УСЕИН КУРКЧИНИНЪ ИКЯЕЛЕРИНДЕ НЕСИЛЛЕРНИНЪ ИЧТИМАЙ-
ПСИХОЛОГИК ПОРТРЕТИНИНЪ СЫЗЫЛМАСЫ
(БЕЛЛИ ТИЛЫШЫНАС АЛИМ ВЕ ЯЗЫДЖЫНЫНЪ
120-ЙЫЛЛЫГЪЫ МУНАСЕБЕТИНЕН)**

Ш. Э. Юнусов,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской
филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью статьи является аналитическое рассмотрение рассказов Усеина Куркчи в содержательно-концептуальном ключе. Созданные в поствоенный период, они помогают понять отдельные нюансы целой эпохи. Использование формального и историко-культурного методов способствовало определению смысловых доминант малых прозаических форм писателя, а также уяснению представлений их героев о смысле жизни.

Основные результаты:

- изучены вопросы взаимодействия национального и индивидуально-авторского начал в контексте общего развития крымскотатарской словесности второй и третьей четверти XX века;

- отмечается, что для автора рассмотренных произведений значимым является сохранение преемственности поколений, передачи исторической информации об их мироощущении;

- если в рассказе «Встреча» («Корюшюв») Усеина Куркчи герои проходят испытание временем, то в произведениях «Под стук колёс» («Копчеклернинъ давушы алтында») и «Светящийся предмет» («Ярыкълы шей») в центре внимания оказываются вопросы духовной связи и взаимоотношения между людьми разных возрастов.

Выводы. Усеин Куркчи, на протяжении всей жизни занимавшийся изучением проблем крымскотатарской лингвистики (фразеологизмов), обладал и писательским талантом. Зачастую обращаясь к способу повествования от второго лица, он делится сокровенными размышлениями о смысле жизни, расплате за содеянное зло или той доброй старине, которое ушло вместе с бабушкой. Эти доводы позволяют предположить, что содержательная нагрузка отмеченных произведений косвенно отображает жизненный путь самого автора.

Ключевые слова: концепт, репрезентация, смысловая доминанта, преемственность.

Summary. The purpose of the article is an analytical review of the stories of the named author in a meaningful and conceptual way. Created in the post-war period, they help to understand the individual nuances of an entire era. The use of formal and historical-cultural methods contributed to the definition of the semantic dominants of the small archaic forms of U. Kurkchi, as well as the representation of their characters' ideas about the meaning of life.

Main results:

- the issues of the interaction of national and individual authorial principles in the context of the general development of Crimean Tatar literature in the second and third quarters of the twentieth century are studied;

- it is noted that for the author of the considered works, it is important to preserve the continuity of generations, to transmit historical information about the worldview of the older generation;

- if in the story *The Meeting* (Koryushyov) Usein Kurkchi's heroes pass the test of time, while in the works *Under the Sound of Wheels* (Kopchekernin davushi Altyn da) and *A Luminous Object* (Yarykly shey), the issues of intergenerational relations are in the center of attention.

Conclusions. Usein Kurkchi, who had been studying the problems of Crimean Tatar linguistics (phraseological units) all his life, also had a talent for writing. Often referring to the method of narration from the second person, he shares intimate thoughts about the meaning of life, the reckoning for the evil he has done, or the good old days that went with his grandmother. These arguments suggest that the content load of the noted works indirectly reflects the life portrait of the author himself.

Key words: concept, representation, semantic dominance, continuity.

Бу йыл белли тильшынас алим Усеин Куркчи (1905–1996) догъгъанынынъ 120 йылыгъы къайд этиледжек йылдыр. Корюмли яызджылар ве алимлер тарафындан урметнен анъылгъан бу тильшынаскъа буюк къыймет кесиле. Оны, меселя, Шамиль Алядин де хатырлап, миллий эдебий тилимизни къалыплаштыргъан буюк алимлеримиз сырасына къоша [1, с. 90]. Адиле Эмирова исе А. Куркчининъ фразеология лугъатыны тизювге даир фаалиетини В. Дальнинъ джесюрлигинен къыяслап, онынъ миллий медениетимизнинъ дегерли вариети эсап эте [2].

Белли олгъаны киби, анъылгъан тильшынас кенди къалемини бедий иджатта да сынап бакъа. Бу мирасындан учъ икяеси белли экен, олардан бири «Копчеклернинъ давушы алтында» [4] эсеридир ки, мундериджесинден совхоз бухгалтери олып чалышкъан бир яш адам демиръёл станциясына кетмек мерамынен ёлгъа чыкъып, автобускъа кечиккенини анълаймыз. Къаш къараРмакъта. Бу арада арабачыгъы устюнде пейда олгъан эсли-башлы Сейдали агъа ёлджуну озюнинъ арабасына ала. Генч ёлджу къарткъа ат-араба девири кериде къалып, шимди машина пек онъайтлы ве мот олгъаныны айтып эрише. Арабаджы исе аткъа алышкъаныны айта. Субет девамында къарт: «Бир тюшюнип бакъсанъ, къартлыкъ яман, амма омюрге янгъызылыкъ, аркъадашсызлыкъ пек агъыр ал. Озь тувгъан ериньде олсун, ёлда-изде олсун, дост-эш, ишанчлы аркъа инсангъа пек керек. Бу да севгисиз олмай. Кимсесиз омюр – къара комюр. Аркъадашлыкъ, достлукъ омюрни яраштыра...» деп, уруш биткен сенелери корьген бир адисесини хатырлай. Энди зор ишке ярамайджакъ атлар совхозгъа, зираатчылыкъ ишлерине ярдымгъа кетириле, ве бойле атлардан бири олгъан Капитан да агъыр ишке екильген вакъытта, ордудан къайтаткъан тозлу чызмалы учъ-дёрт аскерден бири шу Капитаннынъ эвельки сайби олып, оны танып къалгъаныны ве артыкъ онынъ «сёнюккени, козьлерининъ атеш кеткенини» корип, садыкъ достуны – атны баса-бас къамчыламакъта олгъан эрифнинъ къолундан къуртарып алгъаныны къоша. «Атеш эди бу ат, атеш!.. Башларымыз устюнде сызгъыргъан къуршун ягъмуры арасындан къулакъларыны тиклеп, учкъан киби, чапа эди. О мени урушларгъа усталыкънен алап кире эди. Чокъ керелер мени олюмден къуртарды. Къамачавлардан алып чыкъты... Къамчыланаджакъ атмы бу!» деп нида эте де, «Бу ана-юрткъа, бу азиз топракъкъа сен де кучюньнен хызмет эттинъ...» деп алгъышлай садыкъ атыны... Сонъра бу аскер де совхозгъа тракторджи олып кире ве атынен энди сыкъча корюше...

«Копчеклернинъ давушы алтында» икяесининъ мундериджеси эсер муэллифининъ такъдиринен де сеслене: Сейдали агъанынъ леблерине къоюлгъан «Къартлыкъ яман, амма омюрге янгъызылыкъ, аркъадашсызлыкъ – пек агъыр ал... Дост-эш, ишанчлы аркъа инсангъа пек керек» сёзлери эсернинъ базанув нокъталарындан биридир. Олар сонъра муэллифнинъ де къадеринде азаплар чектириджи бир манагъа саип оладжакътыр ки, докъсанны кечкен алимимизнинъ ана-юртуна къайтмасыны къайгъыраджакъ не балалары, не омюр аркъардашы, не дост-эши къала [3, с. 58–59].

Шимди яызджы атнынъ портретини яратмагъа чалышыркен, оны турмадан

къамчылагъан эрифке къаршы алаша «аркъасыны де о якъкъа, де бу якъкъа бургъучлагъаныны, хамуттан чыкъып кетмеге ыдырынгъаныны» яза. Хусусан: «Чарем ёкътыр да, коръмейсинъми, арсыз? Чарем ёкъ!» — деген киби, ири козьлю, гуръ джалынлы башыны чевирип, аркъагъа бакъа, хамуткъа тирелип, озюни ташлай, терен-терен нефес ала, къыбырдамай» киби эпизоды тесирлидже олса керек, мында яшайышкъа истек ве олюм, адалет ве арсызлыкъ, сайгъы ве дуйгъусызлыкъ арасындаки чеккелешювни сечкен киби оламыз. Дерсинъ, атны ишке екмекте олгъан терс табиятлы эриф «Бойле де гебереджек! Манъа лаф тиймесе, олгъаны!» принципини тутып, кенди арекетлеринде санки о девирде укум сюрген сиясий бакъышларны ифаде эткен киби ола.

Козьден кечирильмекте олгъан икяенинъ даа бир меракълы ери шу ки, араба устюнде кетмекте олгъан ёлджудан фаркълы оларакъ Сейдали агъа эвельки несильнинъ векили табияткъа да, шу табиятнынъ бир ярашыгъы олгъан атларгъа да сыджакъча мунасебет къура ве омюри бою корип кельген дегерликлерини эп тюсленмекте олгъан дюньягъа денъишмеге истемей. Бойле экен, ат да, араба да оны хатыраджа, иссиетче эски ве табий дюньясынен багълагъан бир унсурлардыр.

1980 сенеси, тамам Шамиль Алядин «Йылдыз»нынъ баш муаррири тайин этильген сонъ, журналда Усеин Куркчининъ даа эки икяеси дердж олуна. Олардан бири «Корюшюв» [5] икяесидир ки, бу эсер ильк кере «Танышым» адынен 1969 с. майыс 30-да «Ленин байрагъында» басыла. Эсерден омюрининъ 16 йылыны апсханелерде къалдыргъан муэллифнинъ буларны ичинден чеккени шу сатырларда дуюла: «Сен не къадар чешитсинъ, гузельсинъ, зенгинсинъ, не къадар аджайип ве севимлисинъ, аят. Санъа ашыкъ олмамакъ, сенинъ темизлигинъ ичюн курешмемек мумкюн дегиль!». Иште, автобиографик тюрс ташыгъан бу икяеде эки субетдеш арасындаки лаф девамында олардан бири: «Кой копексиз олмаз» дегенлери киби, бизим койде де онъмайджакънынъ бири бар эди... Агъырнынъ устюнден, енгильнинъ тюбюнден ишлер, «агъызынен къуш тутар» эди. «Кой ичинде къуртнынъ азманы киби долангъан бу сайгъысызны ич де севмез эдим» [5, с. 92] деп, колониягъа насыл тюшкенини анълата. Сувукъ диярлардаки орманда терек кескен Амет ана тилинде тоя-тоя сёйлешмекни арз этер экен, янындаки адамгъа ачылмасына бу асретлик себеп олса керек, арадан йыллар кечкен сонъ анавы «алчакънен» расткелишкенини, о, «аътта хошкелидиге де кельгенини», «адашкъаныны», «нефсине уйгъаныны» айта, амма «бир ай сонъ... даа яман бир ишнен къолгъа тюшкенини, масхаралыкъларынынъ устю ачылгъаныны» иляве эте.

Дерсинъ, муэллиф фикирдже кечмиш ве земане арасында бир копор къургъандайын олып, бир де-бир адамнынъ аятта теджрибе топламасы ичюн насылдыр аят сынавларындан кечмек керек олгъаныны (о, колониядан азат этильген сонъ агъач акъызылгъан ташкъын озеннинъ къаршы ялысына ялдап кечмек керек ола; шимди исе о, сувда чёкмеге аз къалгъан еди яшындаки баланы къуртара), арам ёлнен къазангъанны аятнынъ озю джезалайджакъыны бир фельсефий къаиде дереджесине котере. Булар вастасынен Усеин Куркчи отузджы сенелери ве сонъра оны ботен къаралагъанларгъа айтаджакъыны ифаде эткен киби ола.

Даа бир эсери – «Ярыкълы шей» икяесидир [6]. Онынъ меркезинде накъильджининъ олдукъча табий ве миллий чизгилер саиби олгъан битасынынъ образы тура. Окъуйджыны эсир алыджы ве олюм-кетим хусусында фикир юрьсетмеге джелъп этиджи шу сатырларнынъ айрыджа кучю бардыр: «...Лякин о, бу отурышыны, озюнинъ къаве ве сигар кейфини, тенеке собасыны озюнен, озь девиринен, бир даа къайтмамакъ узьре алып кетти» [6, с. 97]. Балалыкъ чагъында битасынынъ тизлеринде отурып, татлы икяелерини «севинчен, меракънен, къоркъунен» динълеген къараман аят яваш-яваш денъишкенини, эски заманлар энди тек «татлы хатыра» олып къалгъаныны ургъулай. Козьмиз огюнде «эски татарлыкънынъ» бирликлиги, азачыкъ

керилиги, кимерде янъы шейлерге шубели-шубели бакъмасы, «масхара олмакътан» узакъ турмалары джанлана. Тойгъа тедарик корер экенлер, артыкъ «давуллар, зурналар этрафны чынълаткъан» вакъытта акъайына тек чевре-четни ярыкълатаджакъ чыракъ алдырамагъанындан озюне ер тапалмагъан эв саибеси сюжетни илерилетиджи бир фактор мисалидир. Бир арада къомшу одадаки апайлар арасында бир шамата къопа – анда бир «ярыкълы шей» янгъан ки, буны халкъ «шейтан иджадына» ёрай... Сонъра бу шаматагъа себеп олгъан «олампат»нынъ лафы «афталарнен, айларнен Багъчасарайда» чайналып, халкъ «бу ярыкълы шейнинъ не олгъаныны тюшюне, оны якъмакъ мусульманлар ичюн элял олып-олмагъаныны акътара, «китапкъа» бакъыла». Икяенинъ хатимесинде битасы: «Энъ сонъунда эпимиз де якътыкъ... Имамлар, шейхлер де якътылар» сёзлерини къоша.

Бу эсеринде яzydжы адамларнынъ яшайышкъа мунасебети денъишмесининъ бир корюнишини тасвирлей (бойле алларны озъ вакътында, меселя, Умер Ипчинен Мамут Дибакъ да базы эсерлеринде тасвирленген).

Икяенинъ концепциясында, битасынынъ тарифлемесини динълей-динълей эски заманларгъа далгъандайын олгъан торунынынъ вазифеси бу хатыра варислигини сакълап къалмакътыр. Бу вазифе хусусан бугунъки куррелешюв заманында гъает муимдир. Бойле экен, муэллиф коръген ве эшиткенлерини бизге де еткизмекни арз эте.

Иште, Усеин Куркчи икяелер де яратмакъ истидатына саип олгъан. Бельки заман тарлыгъына ола ифаде эталмагъан фикирлерини о, экинджи шахыс адындан (арабаджы Сейдали агъа, битасы, Амет акъай) накъиль эте. Тасвирленген адиселер окъуйджынынъ анъында джанлы левхалар ярата, та о къадар ки, бу вакъиалар анъылгъан иджаткярнынъ къадерине даир къыскъа малюмат берген бир весикъагъа чевриле.

Къулланылгъан эдебият

1. Алядин, Ш. Сайлама эсерлер / Ш. Алядин. – Акъмесджит : Крымдевокъувпеднешир, 1999. – 624 с.
2. Бекирова, Г. Научный подвиг Усеина Курчки / Г. Бекирова. – URL: <https://ru.krymr.com/a/28130538.html> (дата обращения: 26.02.2025).
3. Белялова, М. Разлученный навеки с родиной гений Курчки Усеин Османович / М. Белялова. – Саратов, 2023. – 130 с.
4. Куркчи, У. Копчеклернинъ давушы алтында / У. Куркчи // Йылдыз. – 2025. – № 1. – С. 83–88.
5. Куркчи, У. Корюшюв / У. Куркчи // Йылдыз. – 2025. – № 1. – С. 89–97.
6. Куркчи, У. Ярыкълы шей / У. Куркчи // Йылдыз. – 2025. – № 1. – С. 97–101.

КЪЫРЫМТАТАР ВЕ ТУРК ТИЛЛЕРИНДЕ СЫФАТЛАРНЫНЪ ЯПЫЛУВЫ

Э. Ф. Абжалилова,

обучающаяся 4-го курса кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Меметова Э. Ш., заведующая кафедрой крымскотатарской филологии, к. ф. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кириш. Мезкюр ишимизде тюркий тиллер олгъан: къырымтатар ве турк тиллеринде сыфатларнынъ япылувына багъышлангъандыр. Ишнинъ **актуаллиги** ишбу эки сойдаш тиллерде сыфатларнынъ япылувы меселесине даир умумий ве фаркълайджы хусусиетлерининъ айырымасындадыр.

Ишимизнинъ **макъсады:** эки тюркий тильде сыфатларнынъ япылувыны огренмектир. Шу макъсаткъа коре, бойле **вазифелер** чезильмели: 1) сыфатлар акъта умумий малюмат бермек; 2) къырымтатар тилинде сыфатларнынъ япылувыны тедкъикъ этмек; 3) турк тилинде сыфатларнынъ япылувыны огренмек.

Тедкъикъат **усуллары:** тенъештирме, тасвирлеме-талиль; сайлав усулы.

Предметнинъ даимий аляметини ифаделеген там маналы сёзлерге **сыфат** дейлер. Сыфат предметнинъ **тюз** (безъ, къара, сары), **колеми** (буюк, балабан, уфакъ), **шекили** (томалакъ, тегерек, йымшакъ), **дам лезети** (татлы, тузлу), **табиаты** (яхшы, ярамай, серт), **алы** (яш, къарт), **ер я да вакъыткъа мунасебети** (бугуньки, былтыркъы) киби аляметлерини бильдире. Сыфат джумледе эксерий алда **айырыджы** ола (онынъ айдын ве саф козьлеринде бааръ кунеш парылдай), базан **хабер** (Оданынъ къапысы ачыкъ эди), **ал** вазифесинде ишлетиле.

Сыфат исимлешкенде исе исим киби муптеда ве тамамлайыджы вазифелерини де беджере (яшлар топлашувгъа кельдилер).

Сыфатлар манасы ве базы бир грамматик хусусиетлерине коре эки сой олалар: **аслий** сыфатлар (мавы «антер», узун «кольмек», къыскъа «ел», сувукъ «сув»); нисбий сыфатлар (ильмий «меселе», къышлыкъ «къартон», бугуньки «вазифе») киби.

Предметлердеки бир сой аляметни микъдарына коре фаркълаш адисесине **сыфат** дереджеси дейлер.

Сыфатлар учъ дереджеде къулланылып (адий дередже; тенъештирюв дередже; устюнлик дередже)

Предмет аляметини башкъа предметеки шу аляметке тенъештирмейип, догърудан догъру ифаделеген сыфатларгъа **адий дередже** дейлер (Яхшы (шеэр), акъыллы (бала)). Базы бир предметнинъ бир сой аляметлерини тенъештирюв эсасында эки дередже япыла тенъештирюв дереджеси, устюнлик дереджеси.

Бир предметнинъ алямети башкъа предметнинъ шу аляметине коре арткъачлыгъыны я да эксиклигини косътерген сыфат шекилине тенъештирюв дереджеси дейлер (Зеранынъ антери Алименинъ антеринден янъыджадыр).

Бир предметнинъ алямети башкъа предметнинъ шу сой аляметине коре энъ чокъ олгъанлыгъыны косътерген сыфат шекиллерине устюнлик дереджеси дейлер (Куреште Ахтем эписинден кучлю чыкъты).

Ишнинъ нетиджелери.

Къырымтатар тилинде сыфатларнынъ япылувы.

Негизге къошулып, сыфат мейдангъа кетирген аффикслер булардыр: **-лы, -ли, -лу, -лю:** джанлы, гъайретли, тузлу, сютлю; **-сыз, -сиз, -суз, -сюз:** урбасыз, ельсиз, ишсиз; **-лыкъ, -лик, -лукъ, -люк:** юзюмлик, язлыкъ, куньлюк; **-гъын, -къын, -гъун, -къун, -гин, -кин, -гюн, -кюн:** таикъын, ергъун, киргин, кескин, отъкюн; **-ки, -(да)ки, -(де)ки:** багъчадаки, эвдеки, бугуньки, тарладаки; **-к, -къ, -акъ, -ыкъ, -ик, -укъ, -вукъ, -юк:** яшакъ, ачыкъ, тешик, созукъ, чекюч; **-чакъ, -чек:** макътанчакъ, эринчек; **-гир, -кир:** сезгир, ишир; **-ынджы, -инджи, уджы, -юджи, -(й)ыджы, -(й)иджи:** бакъыджы, якъыджы, окъуйыджы; **-тим, -(я)тым, -(ул)тым, -(юль)тим:** ешилтим, сарылтым; **-чан, -чен:** халкъчан, ишчен.

Сыфатларнынъ ашлаштырма ве къуветлендирме шекиллери де махсус ялгъама къошулувынен мейдангъа келир: ашлаштырма сыфатлар предметтеки аляметнинъ адеттеки микъдарындан аз олгъаныны ифаделейлер (*Отлар ешилтим тюсте эдилер*); къуветлендирме сыфатлар бир предметнинъ аляметини башкъа предметнинъ шу сой аляметинен тенъештирмейип, бир предметнинъ озюне хас олгъан аляметининъ артыкъ, зияде экенлигини ифаделей.

Сыфат морфологик джеэттен предметнинъ аляметини дереджелеп (*безд, безджа, энъ безд*), къуветлендирип (*бем-безд, сан-сары*) я да эксильтирип (*сарылтым, сарышын*) косътере.

Турк тилинде сыфатларнынъ япылувы.

Турк тилинде сыфат япыджы энъ продуктив ялгъама **-л** ялгъамасыдыр. Эгер ишбу ялгъамалар: **-л/ -ли/ -лу/ -лю** исимлерге къошулсалар, нетиджеде бир де бир хусусиетке саип олгъан сыфатлар пейда ола: *akıl – akıllı; güç – güçlü; tuz – tuzlu; iki kat – iki katlı; mavi göz – mavi gözlü; mut – mutlu*

Бир де бир ерни анылаткъан исимлерге къошулгъанлары заман, келип чыкъышына я да яшагъан ерине ишарет эткен сыфатлар пейда ола: *dağ – dağlı; şehir – şehirli; İstanbul – İstanbullu*.

-siz ялгъамасы да турк тилинде баягъы чокъ къулланылгъан ялгъамалардан биридир.

Исимлерге **-siz/ -сиз/ -суз/ -сюз** ялгъамасы къошулувы нетиджесинде негиз иле ифаделенген аляметлер, кейфиет, хусусиет пейда ола: *akıl – akılsız; güç – güçsüz; lezzet – lezzetsiz; ev – evsiz*.

-lık, -лик, -luk, -люк ялгъамалары: *bir aylık iş; karanlık oda*.

Нетидже. Къырымтатар ве турк тиллеринде сыфатларнынъ япылув меселеси чокъусынен умумийдир, айны сыфат япыджы ялгъамалар чокъ къулланылар ве аксине, лякин, имля джеэттен, сингармонизмнинъ учюнджи къайдеси къырымтатар тилинде тек экинджи эджагъа укюмсюре, турк тилинде исе сѣзнинъ сонъуна къадар.

Къулланылгъан эдебият

1. Баскаков, А. Н. Большой турецко-русский словарь / А. Н. Баскаков и др. : 200 тыс. слов и словосочетаний. – 2-е изд. – Москва : Русский язык, 1998. – 966 с.
2. Гузев, В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка / под ред. А. С. Аврутиной, Н. Н. Телицина / В. Г. Гузев. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2015. – 320 с.
3. Меметов, А. Крымтатарский язык. Ч. II. Морфология / А. Меметов, К. М. Мусаев. – Симферополь : Крымчепедгиз, 2003. – 288 с.
4. Меметов, А. М. Земаневий къырымтатар тили / А. М. Меметов. – Симферополь : Къырым девлет окъув педагогика нешрият, 2006. – 320 с.

ОРТА АСЫРЛАР КЪЫРЫМТАТАР ДИВАН ЭДЕБИЯТЫНДА ФАРС НАЗМ ШЕКИЛЛЕРИНИНЪ КЪУЛЛАНЫЛУВЫ

И. И. Гугу,

*обучающийся 2-го курса магистратуры кафедры крымскотатарской
филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Усеинов Т. Б., д. ф. н., профессор кафедры
крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кириш. Орта асырларда къырымтатар шириетине иран эдебиятынынъ
язылмакъ къанунлары буюк дереджеде тесир этти.

Малюм олгъаны киби, иран эдебиятынынъ тарихыны ве белли классиклерининъ
яратыджылыгъыны бир сыра совет шаркъшынаслары огренди. Булар сырасында
О. Ф. Акимускин, Т. В. Акперов, И. Ю. Алексеева, Г. Ю. Алиев, М. И. Алиев,
С. Х. Алиев, Г. Аллахвердиев, А. Аминов, Г. Араслы, А. Афсахсод, Е. Э. Бертельс,
А. Н. Болдырев, И. С. Брагинский, О. В. Васильева, А. А. Гаджиев, А. Джафар,
А. К. Козмоян, А. Ю. Кримский, Г. Курбанов, Т. Магеррамов, А. Е. Мартынец,
М. Р. Махмудов, Х. М. Мирзо-заде, Р. Мусульманкулов, М.-Н. О. Османов,
Г. Н. Поспелов, Н. И. Пригарина, А. Рагимов, М. Л. Рейснер, Э. Р. Рустамов,
Л. Н. Серикова, Б. И. Сирус, И. В. Стеблёва акъкъында айтып кечмели.

Къырымтатар шириетинде назарие меселелеринен ХХ асырда бир сыра
алимлер огърашты: Э. Шемби-заде, А. Алтанълы, А. Гирайбай, Т. Б. Усеинов [1; 2; 3],
Р. Фазылов, С. Нагаев, Н. Абдульваапов, Н. Сеитягъев, У. Кадырова ве башкъалары.

Ишнинъ актуаллиги: Къырымтатар шириетинде фарс назм шекиллерининъ
къулланылувы, жанр чешитлиги ве инджеликлери узеринде керекли дереджеде
теджикъат ишлери алып барылмады. Шу себеп ичюн, магистр ишимизде анъылгъан
проблематиканы теджикъ этмеге тырыштыкъ. Ишимизнинъ актуаллиги бундан ибарет.

Ишимизнинъ объекти оларакъ къырымтатар шириетинде къулланылгъан фарс
назм шекиллерини сечип алдыкъ.

Ишимизнинъ предмети: орта асырларда къырымтатар назмиетинде рубайи ве
месневи жанрларыдыр.

Ишимизнинъ макъсады: орта асырларда язылгъан къырымтатар шириетинде
фарс назм шекиллерининъ къулланылувы ве инкишафы процессини огренген ильмий
хызметлерни айырып огренмек.

Ишнинъ методологиясы: тарихий-тенъештирме ве тасвирий усулларыны
къулландыкъ.

Ишнинъ янъылыгъы: огренильген мевзу бу кунъгедже керек дереджеде
ильмий джеэттен огренильмедиле. Бунда да ишимизнинъ янъылыгъыдыр.

Эсас къысым. Миллий къырымтатар шириетимизде классик шаркъ
шириетининъ (гъазель, дестан, месневи, къошма, шаркъы, семаи, мустезат) шекиллери
темеллештилер.

Чешит тарафлама зенгинлешкен асабалыгъымыз диван, тасаввуф ве халкъ
эдебияты киби джерьянларгъа айырылды. Бу учъ эсас акъынты арасында саз
шаирлерининъ иджады да айры ер тутмакъта.

Орта асырларда язылгъан иран диван эдебияты тек метрик тюрк шириетининъ
дегиль де, бутюн Шаркъта яшагъан мусульман миллетлернинъ вариетидир. Фарс тили

исе, аэнкли олгъаны себеби, эдебият тили унваныны къазана ве актив шекильде ишлетиле.

Фарс тилинде язгъан муэллифлер сырасында азербайджанлы классик-шаир – Мухаммед Фузулининъ (...–1556), чагъатай эдебиятынынъ векили – Алишер Навоининъ (1441–1501) иджатларыны анъмакъ мумкюн.

Ислямиет девриндеки фарси-дари тилининъ инкишафы Рудакининъ (...–941) яратыджылыгъында бутюнлей тизиле.

Х асырда иран назм шекиллерининъ архитектоника тарафындан тизилиши екюнлене ве арап шекиллеринен (гъазель, къасиде, мурабба, муаммес, муседдес, мустезад ве башкъалары) бераберликте классик диван эдебиятында (шиириетинде) иран шекиллери де озъ ерини тапалар (рубаи, месневи).

Тарихий-типологик огренюв нетиджесинде фарс тилинде классик шиириет 600 йыл девамында инкишаф эткени (X–XV вв.) ве орталыкъта Иран Ренессансы укъом сюргени белли ола.

Орта асырларда язылгъан къырымтатар диван шиириети эсасен арап ве иран эдебий анъанелерине, къайделерине эасаланып инкишаф этти (аруз везни, къафие, рави арифи ве иляхри).

Бильгенимиз киби, къырымтатар диван эдебиятында (шиириетинде) ишлетильген назм шекиллерининъ эксериети арап метрик диван шииритинден назире этильгендирлер. Буларнынъ джедвелини хатырлайыкъ: бейит, къасиде, мурабба, муаммес, муседдес, мустезат, базы фикирлерге коре – гъазель ве башкъалары.

Амма бу сырада иран диван шиириетинден назире этильген назм шекиллери де бар.

Рубайи – бу эки бейиттен ибарет олгъан дёртлюктир, аджем халкъ яратыджылыгъындан алынгъан ве сонъра Шаркъта кенъ даркъалгъан иран назм шекилидир [4].

Бу назм шекили къадимий заманларда иран халкъ агъыз яратыджылыгъында тизильди ве «дубайти», я да «таране» адынен кенъ ишлетильди.

IX–X асырлардан башлап рубайилер язылы эдебиятта да ишлетиле башлайлар ве шимдики замангъадже лирик дуйгъуларыны тасвирлемек ичюн къулланылалар.

Месневи – колемли мундериджени экяе этмек ичюн къулланылгъан ве бейитлери озъара къафиеленип кельген шиирдир.

Эдебиятта колемли мундериджени икяе эткен эсерлер месневи шекилинде язылып.

Месневийнинъ анъаневий, классик нусхалары бойле къафиеленме схемасы эсасында язылып: AA | BB | CC | DD...

Нетидже.

– Къырымтатар диван эдебиятында (шиириетинде) къулланылгъан назм шекиллерининъ эксериети арап метрик диван шииритинден алынгъандырлар (бейит, къасиде, мурабба, муаммес, муседдес, мустезат ве ил.).

– Орта асырларда язылгъан къырымтатар диван шиириетинде иран анъанесинден алынгъан назм шекиллери – рубаи, месневи ве базыларнынъ фикирине коре гъазель.

Къулланылгъан эдебият

1. Усеинов, Т. Б. Семантический аспект поэзии Газаи (газельное наследие крымского хана) : монография / Т. Б. Усеинов. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2008. – Кн. 1. – 140 с.
2. Усеинов, Т. Б. Сущность и особенности средневекового крымскотатарского аруза : монография / Т. Б. Усеинов. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2009. – Кн. 3. – 130 с.
3. Усеинов, Т. Б. Размышления о поэзии Крымского ханства : сборник статей / Т. Б. Усеинов. – Симферополь : Оджакъ, 2005. – 164 с.

УДК 82.091

БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕ ВЕ АМДИ ГИРАЙБАЙНИНЪ НАЗМИЕТИНДЕКИ КЪАВРАМ ВЕ ОНЫ ИФАДЕ ЭТИОВ ЁЛЛАРЫ

3. С. Ибраимова,

обучающаяся 1-го курса магистратуры кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Юнусов Ш. Э.,

к. ф. н., доцент кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кириш. Базы къалем саиплерининъ бедий эсерлери саифеленгенде, оларда бильдирилъген фикирлернинъ девир сынъырларына таби олмагъаныны анълайсынъ, чюнки шу эсерлерде муэллифлер халкъымызнынъ я седжисини, я ичтимаий портретини, я шахсий образыны яраталар, я да конкрет тарихий вазияте не киби арекетлер япмакъ кереклигини косьтерелер. Бу сырада айры ширий эсерлернинъ лирик къараманлары ярдымынен ифаде этильген гъаелер, мулязалар шаирлернинъ дюньябакъшыны да анъламагъа ярдым эте. Бунынъ киби меселелер ишимизнинъ **актуаллигини** бельгилей.

Ишимизнинъ макъсады серлевамизда адлары кечкен мешур шаирлеримизнинъ халкъымызгъа насыл фикирлер еткизмеге макъсат эдингенлерини огренмектир. Бунынъ черчивесинде шаирлернинъ бедий мирасына базанып, оларнынъ аяткъа мунасебетини изаатламакъ ве лирик къараманларынынъ табиат чизгилери эсасында муэллифлернинъ ифаде этмеге истеген фикирлерини анъламакъ эсас **вазифемиздир.**

Тедкъикъат усуллары. Ишимизде формаль, биографик ве къыяслав усуллары къулланылды.

Ишнинъ нетиджелери. Шаирлернинъ бедий мирасы козьден кечирильгенде, Бекир Чобан-заде романтик [1, с. 114], Амди Гирайбай исе реалистик усулгъа мейиль бергенлери корюне, яни олардан биринджиси кенди иджадында реаль аяттан узакълашып, бакъий аяткъа къавушмакъны арз этсе, экинджи шаир халкъынынъ азатлыгъы ичюн бильги ве силянен курешмек кереклигини ургъулай. Месея, Бекир Чобан-заде «Къайтарма» адлы эсеринде шойле яза:

Конълюмни тюркюлер бек яхшы джандырмай,

Шу дюнья зевкълары аслы да къандырмай,

Чал, олюм, опъ, олюм, ойна, токътама...

Магъа сен керексинъ, бир де къайтарма... [2, с. 47].

Бекир Чобан-заде ялан ве ифтирагъа комюльген фаний дюньяны терк этмеге ашыкъа. Бойле мунасебетке тек онынъ корип-кечиргенлери дегиль, бельки, чокъкъа бармай юзь береджек мушкюль шейлерни де дуймасы себептир. О, яшайышнынъ першанлыгъы ве ботенлеринден быкъкъан, ёрулгъан ки, татлы, темиз мунасебетлерни о, эбедий дюньяда корипш оладжагъына умют беслей. Кетер экен, янынъда миллий хусусларымыздан олгъан къайтарма ве миллий либасымыз олмасыны арз эте, чюнки булар анда яныкълы къавалнынъ саибине теселли береджек. Бу фикирлер назм

устасынынъ сатырларындан акъышып чыкъа. Тамам бунынъ киби гъаени о, «Татар тюгюльмен!..» дегенлерге» шииринде шойле яза: «Чын татар булардыр, къайтарма бильген, Татарджа джырлагъан, олюмге кульген» ве ил.

Амди Гирайбайгъа келиндже, онынъ миллий азатлыкъ мевзусындаки бир сыра эсерлеринде уриет ичюн бильги ве силя къулламакъ кереклиги ургъулангъаныны коремиз. Бойле экен, меселя, 1920-инджи сенеси язылгъан «Окъугъан къызгъа» шиирининъ шу сатырларына дикъкъат этейик:

*Сувукъкъанлы кечир окъув заманын,
Тешкер, анъла къалиплернинъ яманын,,
Тербиели, башлы несиль етишитир,
Баш тиклеген бозгъунлыкъны ятыштыр* [3, с. 22].

Бу сатырларында муэллиф окъумақта олгъан генчликке мураджаат эте, чюнки олар халкънынъ келеджегидир. Айны заманда «Татар оджасына» шииринде муаллимлерге айланып, «Сен бу халкънынъ эм анасы, эм бабасы, башысынъ, Келеджекнинъ йыкъылмайджакъ къавий темель ташысынъ!» деерек, бу эки чешит инсанны бири-бирине къавий багълаяракъ, оларгъа умют козюнен бакъа ве огютлер бере.

Бу шаирнинъ дюньябакъышыны даа эйидже анъламакъ ичюн онынъ биографиясына мураджаат этсек, Тюркиеде окъугъан вакътында о, Къырым тарихынен огърашувы саесинде бир чокъ малюмат эльде эткенини, амма даа баягъы шейлер булмакъны макъсад эдингенини корермиз. Араштырыджынынъ белли нетиджелерге кельмесине онынъ кимлерден олгъаныны унутмамасы ве, табийи ки, илим саасындаки нетиджелери оны эп илерилемеге меджбур этмеси себептир. Затен шаирнинъ миллети ичюн пек курешеджеги ичтимаий-сиясий мевзудаки эсерлерининъ аман-аман эписинде дююла. Албу ки, Б. Чобан-заденинъ романтик рухтаки шиирлеринден фаркълы оларакъ бу шаиримиз кимерде къолгъа балта ве сенек алмагъа чагъыра, чюнки халкънынъ келеджеги бугунъ аль этилеята.

Корьгенимиз киби, адлары кечкен иджаткярларымыз кенди эсерлери ярдымынен озьлерининъ аяткъа мунасебетини ифаде эткенлер. Факъат бириси пис мунасебетлерге бурюнген фаний дюньяны терк этмек хаялынен яшагъан олса, экинджиси яшамакъ, миллий темель къурмакъ ичюн бильги ве силянен курешке чагъыргъан [4, с. 138]. Бу аллар оларнынъ лирик эсерлери къыясий талильден кечирильген сонъ козьге чарпа. Бойле къыяслав ишини озь вакътында эдебиятшынас Ш. Юнусов [4] да кечирген ки, биз кенди тедкъикъатымызда онынъ араштырувларына базандыкъ..

Нетидже. Ишимизде язылы медениетимизге, онынъ илерилемесине буюк иссе къошкъан шаирлер Б. Чобан-заде ве А. Гирайбайнынъ яшайышкъа мунасебетлерини айдынлатмагъа тырыштыкъ. Анълашылды ки, шаирлерден экиси де тарихий ёлда гъафлет юкъусына огърамакънынъ санки огюни алып, аякъ устюнде къалмакъ ичюн къолумыздан кельгени къадар курешмек кереклигини лирик къараманлары вастасынен ифаде эткенлер. Эгер бу ифаде романтик рухта иджат эткен Б. Чобан-задеде бакъий ве фаний дюньяларнынъ къыясланмасы черчивесинде сонъкиси даа темиздже ве умют бериджи киби косътерильсе, реалист шаир киби танылгъан А. Гирайбайнынъ лирик мирасында куреш ичюн бильги ве силя кереклиги гъаеси даа агъырджа баса. Затен бильгиге сарылув меселеси ялынъыз гъае олып къалмайып, эр экисининъ де реаль яшайышында муим ер туткъандыр.

Къулланылгъан эдебият

1. Урсу, Д. П. Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха : монография / Д. П. Урсу. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2004. – 276 с.
2. Чобан-заде, Б. Яныкъ къавал : избранные стихи (на крымскотатарском языке) / Б. Чобан-заде ; сост. З. Трасинова. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2024. – 96 с.

3. Гирайбай, А. Сборник стихотворений / А. Гирайбай. – Симферополь : Таврия, 1997. – 144 с.

4. Юнусов, Ш. Э. Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX века: традиционное мировоззрение и меняющийся мир : монография / Ш. Э. Юнусов. – Симферополь : Доля, 2004. – 176 с.

УДК 811.512. 81`367

ДЖ. ДАГЪДЖЫНЫНЪ «ОЛАР ДА ИНСАН ЭДИ» РОМАНЫНДА ИСИМЛЕРНИНЪ ЛЕКСИК-СЕМАНТИК ГРУППАЛАРЫ

С. Э. Сейдаметова,

*обучающаяся 3-го курса кафедры крымскотатарской филологии, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Бекирова Л. И.,

*к. ф. н., доцент кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Кириш. «Дж. Дагъджынынъ “Олар да инсан эди” романында исим ве онынъ лексик-семантик группалары» мевзусына багъышлангъандыр.

Къырымтатар тилинде исим, дигер тюркий тиллерде олгъаны киби, мустакъиль сёз чешитлери арасына кире ве муим ер ала. Шунынъ ичюн тюрк ве къырымтатар тильшынаслыгъында бир чокъ алимлернинъ тарафындан исимге, исимнинъ грамматик категорияларына, исимлернинъ япылувына буюк дикъкъат айырылды ве шимдики кунде айырыла. Тильшынаслыкъта исим, мустакъиль сёз чешити оларакъ, морфология илимининъ сынъырларында огрениле.

Ишимизнинъ макъсады: Дж. Дагъджынынъ "Олар да инсан эди" романында исимлернинъ лексик-семантик аляметлерини айдынлаттырмакътыр. Макъсадымызгъа иришмек ичюн огюмизге ашагъыдаки **вазифелер** къойдыкъ: 1) исим акъкъында умумий малюмат бермек; 2) Дж. Дагъджынынъ “Олар да инсан эди” романында исимлернинъ лексик-семантик группаларыны талиль этмек.

Ишимизнинъ методологиясы – ишимизнинъ меселесини огренмек ве толу малюмат бермек ичюн талиль этюв усулнен къулландыкъ.

«Олар да инсан эди» романында исимлернинъ къулланылгъан лексик-семантик группалары.

Бильгенимиз киби, исим категориясы къырымтатар тилинде энъ чокъ къулланылгъан группасы. Биз исе лексик-семантик группаларына кирген исимлерине эмиет берейик.

Дж. Дагъджынынъ романында юкъарыдаки айтылгъан эписи лексик-семантик группалар къулланыла.

1. Джанлы, тири предметлернинъ адлары.

а) айванларнынъ ве балыкъларнынъ, боджеклернинъ, яни зоологик адлар адлары: *ат, сыгъыр, къой, эшек* ве ил. «*О манъа пара береджек, мен онъа ат!*» [5, с. 11]. «*Энъ сагълам мал айвандыр. Сыгъыр, къой, ат*» [5, с. 14].

б) сой адлары: *Бекир, Айше, Эсма, Мемии, Энвер, Селим, Земине, Георгий*. «*Бельки бу гедже...Эсмагъа юреги бу гедже дей эмиш*» [5, с. 11]. «*Бираздан сонъ Энвер джуръатланды*» [5, с. 15].

в) джогърафик адлары, яни топонимик адлар: *Ялта, Къушкъая, Аювдагъ, Гурзуф, Сувукъсуб, Дженевиз, Кавказ*. «Тананынъ козьлерини анъдыргъан ири, тегерек козьлеринен Аювдагъ этеклериндеки чамлыкъларны, Къызылташнынъ эвлерини, Дженевиз къалесини, Сувукъсуб ёлларыны, Гурзуфнынъ беяз эвлерини сивазлай, ичинде хош-татлы ислер уянгъан киби кулюмсиреп ала, хаялларгъа дала» [5, с. 24]. «Шимдилик Кавказдалар, бир къач вакъыт анда къалып турсынлар» [5, с. 25].

г) сой-соплукъ адлары: *баба, тата, бита, енге, тизе, келин, киев, къыз, къардаш, баджа*. «Бекир дайымнен корюшмединъми?» [5, с. 7]. Д) лагъаплар: *Мачик, Чиленгир, Акътабан*.

2. Объектив барлыкълар, яшайыштаки ер ве кокке аит олгъан шейлернинъ адлары.

а) кунеш ве сеяре системине аит олгъан адлар: *йылдыз, нур, кунеш*.

«Сарышын адам бош уфукълардан козьлерини алмайып, джевап бере» [5, с. 24].

«Ава кунеш бакъымындан энъ мунасиб ер» [5, с. 25].

б) Объектив барлыкълар, яшайыштаки ерге аит олгъан сезлер: *таш, дагъ, багъ, дерья, озен, голь, дере, къоба, яйля*. «Артта чамлыкълар ве яйля, къаршыда бутюн кунъ кунеш ве денъыз, Василий Дмитриевич» [5, с. 25].

3. Осюмликлернинъ адлары: *мантар, кираз, инжир, пападие, акъбардакъ, ляле, итбурун*. «Кенар одада бир сепет кираз бар, кетир, оларгъа бираз кираз берейим» [5, с. 3]. «Ахыр огюндеки эски кутюкни алып инджир тереклери янына кетирди» [5, с. 3].

4. Абстракт тюшюнджени, аляметини предмет сыфатында анълаткъан исимлер: *сабыр, нефрет, зевкъ, сефа, достлукъ, севги, ачув, кедер, гъам, олюм, догъув*. «Меракъ адамны мезаргъа сокъар!» [5, с. 5]. «Арада дерин агъыр бир сукюнет пейда олды» [5, с. 14].

5. Заман-вакъыт адлары: *саба, афта, яз, кузь, ай, йыл, гедже, асыр, анъ*. «Зельзеле геджеси. Алты йыл эвельси гъалиба» [5, с. 24]. «Биринджиси: Аювдагънен яйля арасындаки кечиттен къышта эскен дешетли рузгяр» [5 с. 25].

6. Бир де бир адисени анълаткъа исимлер: *той, ягъмур, меджлис, куреш, йылдырым*. «Тарланынъ юкълары ярымындаки тютюнлер эр кунъ ягъмур деп ялвармакътан сарарып солдылар» [5, с. 14].

7. Савут, алет, эшья маналарыны анълаткъан исимлер: *тузлюк, шекерлик, ведре, савут, фильджан, леген, чекюч, сенек, мых, тепси, къашыкъ*. «Къазанлар уйлегедже деэннем оджакълары киби тютюдилер, мезарлыкъ беяз, къара тютюнлерге комюльди» [5, с. 4]. «Эээх, бизде фильджан-милъджан ёкъ» [5, с. 16].

8. Дин ве иманлыкълар багълары адлар: *Аллах, дженнет*. «Алланынъ иши, билип оламазсынъ» [5, с. 16]. «Атым санки дженнет ёлундан кете эди, ич де ёрулмады» [5, с. 16].

9. Урба ве урбанынъ къысымлары. Романда аякъкъап, урба анълаткъан исимлернинъ сайысы да буюк: *къалпакъ, чарыкъ, чапан, антер, потюк, галстук, жакет, чорап, къолчакъ*. «Бекир сёйлене-сёйлене барып, русларнынъ шапкелерине кираз толдурды» [5, с. 4]. «Иваннынъ мешин быджагъы киби» [5, с. 5].

10. Адамнынъ мучелери ве оларнен багълары олгъан сёзлер: *къол, аякъ, омуз, дудакъ, янакъ ве ил*. «Бакъайым, о балабан агъызыны ача билир экенми бир даа?» [5, с. 6]. «Бекирнинъ къулагъына барып еткенени Энверден анълагъан сонъ насылдыр бир сыкъынты ичинде къалды» [5, с. 6].

11. Унер-зенаат адлары: *дохтур, балыкъчы*. «Хаха, хохо дерлер амма, асфальт меселесине келтгенде эр бири дохтур киби, хынзырлар» [5, с. 5]. «Селимни Ялта балыкъчыларына къошып чалыштыраджакъ экен, деген хаберлер чалынмакъта эди» [5, с. 8].

Нетидже. Бильгенимиз киби, исим категориясы кырымтатар тилинде энъ чокъ къулланылгъан группасы. Биз исе лексик-семантик группаларына кирген исимлерине эмиет бердик ве оларны талиль эттик.

Къулланылгъан эдебият

1. Меметов, А. М. Земаневий кырымтатар тили / А. М. Меметов. – Симферополь : Кырым девлет окъув педагогика нешрияты, 2006. – 320 с.
2. Меметов, А. М. Крымтатарский язык / А. М. Меметов, К. М. Мусаев. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2003. – 288 с.
3. Мусаев, К. М. Казахский язык : учебник / К. М. Мусаев. – Москва : Восточная литература, 2008. – 367 с.
4. Меметов, А. М. Лексикология крымскотатарского языка / А. М. Меметов. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2000. – 288 с.
5. Дагъджы, Дж. Олар да инсан эди / Джынъгъыз Дагъджы. – Станбул : Отюкен, 2010. – 450 с.

УДК 811.512.19'81'366

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ СЁЗ ЯПЫЛУВЫ

Т. А. Ситджемилев,

обучающийся 1-го курса магистратуры кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Аджимуратова З. Н.,

к. ф. н., доцент кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кириш. Сёз япылувы – тильде олгъан сёзлер эсасында янъы япма сёзлернинъ пейда олув менбасыдыр. Инсанлар янъы предмет, арекет, адиселерге ад бермек ичюн янъы сёзлерни мейдангъа кетирелер.

Ишнинъ макъсады ве вазифелери.

Ишнинъ макъсады – земаневий кырымтатар тилинде морфологик усулнен сёз япылув меселесини огренмектир.

Макъсаткъа иришкек ичюн ашагъыдаки вазифелер къоюлды:

- 1) кырымтатар тилининъ сёз япылувы акъкъында умумий малюмат бермек;
- 2) морфологик ве синтактик усуллар акъкъында малюмат топламакъ;
- 3) морфологик усулнен сёз япылувы узеренде этрафлыджа токъталып, талиль этмек;
- 4) нетиджелер чыкъармакъ.

Къулланылгъан усуллар: тасвирий, эдебий-тарихий, талиль этюв усулы.

Земаневий кырымтатар тилининъ сёз япылувынынъ бугунъ олгъан корюниши – тильнинъ чокъ асырлар девамында инкишаф этюв нетиджесидир. Кырымтатар тилинде сёз япылувынынъ бир къач усуллар къайд этильген. Сёзлернинъ морфологик ве синтактик усулларнен сёз япылувы – эсас усуллардан биридир. Морфологик сёз япув усулында сёз япыджы ялгъамалар айры ролюни ойнай.

Ишимизде исим, сыфат, зарф, фииль япыджы ялгъамаларны талиль эттик. Сёз япыджы ялгъамалар эксерий алларда бир сёз чешитиндеки сёзлерден башкъа сёз чешитине кечкен янъы сёзлерни мейдангъа кетирелер. Базы вакъытлары сёз япыджы ялгъама бир сёз чешиттеки сёзден айны сёз чешитиндеки сёзни мейдангъа кетирюви мумкюн.

Къырымтатар тилинде сёз япылувынынъ бир къач усуллары къайд этиле. Сезлернинъ морфологик ве синтактик япылулары – эсас усуллардан биридир. Морфологик сёз япув усулында айры ер сёз япыджы ялгъамалар ойнай. Биз ишимизде исим, фииль япыджы ялгъамаларны талиль эттик. Сёз япыджы ялгъамалар эксерий алларда бир сёз чешитиндеки сёзлерден башкъа сёз чешитине кечкен янгы сёз япалар. Базы вакъытлары сёз япыджы ялгъама бир сёз чешитининъ озюне аит олгъан сёзни де мейдангъа кетирюви мумкюн.

Къырымтатар тилинде эсас сёз япылув усуллардан бири – бу морфологик усулыдыр. Морфологик усулында махсус сёз япыджы ялгъамалар къулланыла.

Морфологик усулы ярдымы иле исимлернинъ, сыфатларнынъ, зарфларнынъ ве фииллернинъ япылувы косътерильген.

Морфологик усулынен исим япув бойле аффикслер ярдымы иле мейдангъа келир:

1. -даш, -деш; 2. -джы, -джи, -джу, -джю, -чы, -чи, -чу, -чю; 3. -ван; 4. -дар; 5. -шынас; 6. -кяр, -кир, -гир, -гер; 7. -к, -къ, -ыкъ, -ик, -укъ, -юк, -акъ; 8. -гъы, -къы, -гъу, -къу, -ги, -ки, -гю, -кю; 9. -гъыч, -къыч, -гъуч, -къуч, -гич, кич, -гюч; 10. -ым, -им, -ум, -юм; 11. -ма, -ме; 12. -ынты, -инти, -унты, -юнти; 13. -у, -ю, -ы, -и; 14. -лыкъ, -лик, -лукъ, -люк; 15. -ч; 16. -изм.

Сыфатлар исе бойле аффикслер ярдымы иле япылырлар: 1. –лы/-ли/-лу/-лю 2. –сыз/-сиз/-суз/-сюз 3.–к/-къ; -икъ/-ыкъ/-укъ/-юк; -акъ 4.–чакъ/-чек; -чыкъ 5.–къын/-кин/-къун/-кюн/-гъын/-гин/-гъун/-гюн 6.–гир/-кир 7.–(й)ыджы/-(й)джи/-уджы/-юджи 8. Рус тили вастасынен кирген –ик, -ив, (а)ль, -он ялгъамалары.

Морфологик усулнен фииль япув морфологик джыйымына коре дёрт группагъа болюнелер:

- 1) асыл (тамыр) негизлер фиильнинъ тамырынен бирдир, оларны даа да кучюк къысымларгъа больмеге мумкюн дегиль;
- 2) япма (ясама) негизлер исим я да фииль негизине махсус сёз япыджы ялгъамалар къошулувынен япылгъандыр;
- 3) муреккеп негизлер исим ве ярдымджы фииль вастасынен япылгъандыр;
- 4) теркипли негизлер - ып/ - ип я да - а/ - е/ - й ялгъамалары вастасынен япылгъан алфиильге фииль къошулып ясалгъандыр.

Морфологик усулнен зарфлар япылгъанда исимлерге, сыфатларгъа, сайыларгъа, замирлерге, фииллерге (эсасен сыфатфииль ве исимфииль шекиллерине) зарф япыджы ялгъамалар къошулалар. Къырым тилинде зарф япыджы ялгъамалар булардыр: -джа/-дже/-ча/-че; -джасына/-джесине/-часына/-чесине; -лайын/-лейин; -ын/-ин/-ун/-юн; -ары/-ери; -ане.

Къырымтатар тилининъ сёз япылувы терен огренильмеди ве онынъ проблемалары эр вакъыт актуаль сайыла. Огюмизде къоюлгъан вазифелер алимлер тарафындан огренилип келе, лякин керек дереджеге даа огренильмеди. Шу себептен джиддий тедкъыкътлар талап олуна.

Къулланылгъан эдебият

1. Абляметова, С. М. Словообразование как источник синонимии в крымскотатарском языке / С. М. Абляметова, З. М. Саттарова // Litera. – 2020. – № 4. – С. 46–52.
2. Асанова, З. А. Непродуктивные словообразовательные аффиксы имен прилагательных в крымскотатарском языке / З. А. Асанова, Н. С. Сейдаметова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 10(76) : в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 44–47.
3. Бекирова, Л. И. Теоретические аспекты исследования глаголов в тюркологии / Л. И. Бекирова // Научный вестник Крыма. – Симферополь, 2020. – № 2 (25).

4. Ваапова, М. Р. Непродуктивные аффиксы словообразования в крымскотатарском языке / М. Р. Ваапова // Научный альманах. – Симферополь, 2015. – № 10-4 (12). – С. 498–500.

5. Меметов, А. М. Земаневий кырымтатар тили / А. М. Меметов. – Симферополь : Кырым девлет окъув педагогика нешрияты, 2006. – 320 с.

УДК 821.51

АШЫКЪ ОМЕРНИНЪ (...-1707) НАЗМИЕТИНДЕ МЕВЗУ ЧЕШИТЛИГИ

С. Р. Эбубекирова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры крымскотатарской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Усеинов Т. Б., д. ф. н., профессор кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кириш. Ашыкъ Омер (...-1707) – тек кырымтатар ашыкълар эдебиятынынъ дегиль де, бутюн осман назмиетининъ классиги сайылгъан шаирдир.

Кырымтатар эдебиятында Ашыкъ Омернен багълы теджикъатлар Э. Шемьизаде, Р. Фазыл, Н. Абдульваап, Т. Б. Усеинов [2; 3; 4] ве У. Кадырова [1] тарафындан япылды. Русие алимлеринден этнограф Ф. Домбровскийнинъ кырымтатарлардан язып алгъан риваетини козьде тутмакъ керек. Тюрк алимлеринден Ашыкъ Омернинъ аяты ве иджадынен Ф. Кёпрюлюзаде, С. Н. Эргюн ве Ш. Эльчин огърашкъан эдилер.

Ишнинъ актуальлиги: Сечип алынгъан мевзумыз бугуньки куньгедже керек дереджеде огренильмеди ве шу себеп актуальдир.

Ишимизнинъ объекти: – кырымтатар ашыкълар эдебиятыдыр.

Ишимизнинъ предмети: Ашыкъ Омернинъ иджадында мевзу чешитлиги.

Ишимизнинъ макъсады: Ашыкъ Омернинъ аяты ве яратыджылыгынен багълы меселелерни огренмектир.

Ишнинъ методологиясы. Ишимизни язмакъ ичюн тарихий-тенъештирме ве тасвирий усулларынен къулландыкъ.

Ишнинъ янъылыгы: Бакъылгъан меселе бу куньгедже керек дереджеде ильмий джеэттен огренильмеди. Бунда да арекетлеримизнинъ янъылыгыдыр.

Эсас кыысым. Мевзу устюнде чалышаракъ рус, турк ве кырымтатар тиллеринде менбаларны огрендик.

Ашыкъ Омернинъ назм эсерлери рус тилине терджиме япылдылар.

Рус окъуйыджысы, белли шаиримиз акъкъында XIX асырнынъ орталарында таныш ола. Бундан да гъайры, белли профессор Феликс Домбровский озюнинъ «Современник» журналында Ашыкъ Омернинъ аятынен багълы бу вакъыткъадже белли олмагъан малюматлар бере.

1988–1990 сенелери Ташкентте классик муэллифнинъ шиирлери эки джылтлы неширни тешкиль этелер.

Ашыкъ Омер эдебиятымызда энъ танылгъан халкъ шаирлеринден биридир. О ашкъ эдебиятынынъ парлакъ векили оларакъ, эльбетте, севги мевзусында баягъы сайыда шиирлер яза. Адет узьре, о заман язылгъан эсерлерде ашкъ мотивлерининъ ачыкъланмасы баш къараманларнынъ образларынен сыкъ багълыдыр: бу севда огълан, гузель кыыз ве дерт кетирген ракъиптир.

Лирик шиирлернинъ баш къараманы – эксериети, бахытсыз яш огъландыр.

Къараманнынъ ички дюнъясы, дуйгъулары севгилисине, гузель къызгъа олгъан мунасебетлеринде корюне.

Белли ки, лирик къараман, яни шиирлерде севда олгъан яш, рухий дюнъясынен ве дюнъя дуюмынен муэллифке якъындыр.

Баш къараман ярдымынен муэллиф биринджи шахыстан озъ фикирлерини ве къасеветлерини ифаде эте.

Шаирнинъ бир сыра назм эсерлеринде ракъипнинъ симасы да пейда ола. Бу образ эки яшкъа зорлукъ кетире, амма нетиджеде севги дуйгъуларыны къавийлештире.

Ашыкъ Омер диван ве халкъ эдебиятларынынъ аман-аман бутюн назм шекиллеринде иджат эте. Онынъ яратыджылыгъында гъазеллер ве дестанлар, къошмалар ве семаилер, мураббалар (дёртлюклер), муаммеслер ве муседдеслер, мюстезадлар ве муффридатлар, текерлемелер ве шиирлер, муаммалар, бейитлер ве дигер шекиллерни раст кетиремиз.

Нетидже.

– Ашыкъ Омер – кырымтатар ашыкълар эдебиятынынъ энъ корюмли, классик шаирлеринден биридир;

– Ашыкъ Омер язылы эдебиятынынъ гъазель, къошма, семаи, мурабба, мухаммес, муседдес, мустезат, муамма, дестан, шаирнаме киби шекиллеринде иджат эткен классик халкъ шаиридир.

Къулланылгъан эдебият

1. Кадырова, У. Р. Творчество Ашык Умера: библиографический аспект (на основе исследований турецких ученых) / У. Р. Кадырова // Культура Народов Причерноморья. – 2006. – № 91. – С. 55–58.
2. Усеинов, Т. Б. Кырымтатар эдебиятынынъ орта асырлар девири (Крымскотатарская литература периода Средневековья) : учебник-хрестоматия / Т. Б. Усеинов. – Симферополь : Крымучпедгиз, 1999. – 176 с.
3. Усеинов, Т. Б. Образная система крымскотатарской ашыкской силлабической поэзии конца XVI – начала XVIII вв. Земная лирика / Т. Б. Усеинов // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2016. – Том 2 (68). – № 3. – С. 153–158.
4. Усеинов, Т. Б. Ашыкська поезія, як синтез течій середньовічної кримськотатарської літератури / Т. Б. Усеинов // Східний світ. – 2006. – № 1. – С. 139–141.

УДК 372.881.161.1

**ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИРАНСКИХ СТУДЕНТОВ УПОТРЕБЛЕНИЮ
ВИДОВ ГЛАГОЛА В ФОРМЕ ИМПЕРАТИВА**

Аштиани Мадждабади Кохнех Наргес,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, западно-тегеранского кампуса исламского университета «Азад», Тегеран, Иран

Ashtiani Majdabadi Kohneh Narges,

*PhD in philology, assistant professor, department of Russian language, WT.C.,
Islamic Azad University, Tehran, Iran, n.ashtianim@iau.ac.ir*

Аннотация. Целью статьи является анализ ошибок, связанных с использованием видов глагола в форме императива в русских высказываниях иранских студентов. Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной ориентацией персоязычных студентов в употреблении видов глагола в императивной форме в их собственной речи.

В процессе исследования использовались описательный метод и метод сопоставительно-сравнительного анализа употребления видов глагола в русском и персидском языках. В заключении раскрывается основная причина таких трудностей: все ошибки и недостатки являются следствием отсутствия категории вида глагола в персидском языке и сложности видовых различий русских глаголов.

Ключевые слова: императив, трудности, русский язык, персидский язык, вид глаголов.

Summary. The aim of the article is to analyze errors related to the use of imperative verb types in Russian utterances of Iranian students. The relevance of the research topic is due to the insufficient orientation of Persian-speaking students in the use of imperative verb types in their own speech. The descriptive method and the method of comparative analysis of the use of verb types in Russian and Persian were used in the study. The conclusion reveals the main reason for such difficulties: all errors and shortcomings are a consequence of the absence of the category of verb type in the Persian language and the complexity of the aspectual differences of Russian verbs.

Key words: imperative, difficulties, Russian language, Persian language, verb aspect.

Изучение видов глаголов представляет собой одну из наиболее сложных грамматических тем для иностранных учащихся, изучающих русский язык. Иранские студенты часто сталкиваются с трудностями при выборе подходящего глагола в императиве. Сложность видовых различий русских глаголов затрудняет свободное употребление глаголов в речи персоговорящих студентов.

Императив, или повелительное наклонение, – это одна из форм наклонения, которая выражает просьбу, приказ или совет. Когда говорящий побуждает кого-либо к совершению действия, он использует формы императива, что позволяет ему выражать просьбу, приказ, требование, совет или пожелание [1, с. 4].

Значение побуждения в русском языке неразрывно связано с характером речевой ситуации и, собственно, без анализа речевой ситуации не может быть раскрыто [2, с. 105].

Глаголы несовершенного вида в форме императива употребляются в значении повторяемости (*Открывайте окошко каждый вечер!* هرشب پنجره را ببندید.) и длительности действия (*Уважайте друг друга!* به همدیگر احترام بگذارید.), призыва к началу

действия, способа действия (*Говорите тише! Голова болит* کند سرم درد می کند, آرامتر صحبت کنید, پالتو نپوش, هوا سرد. *Не надевай пальто. На улице не холодно.* نیست) и запрещения действия (*Не надевай пальто. На улице не холодно.* نیست) [4, с. 157–162].

Глаголы совершенного вида в форме императива употребляются при передаче приказа или просьбы совершить неизвестное собеседнику однократное действие (*Закройте, пожалуйста, окно! Замерзли.* پنجره را لطفا ببند, یخ زدیم) совершить действие вторично, изменяя при этом способ действия (*Перепиши предложения аккуратнее.* جملات را مرتب تر پاک نویس کن) приказа или просьбы совершить действия, указывая при этом на время действия (*Включите радио в 8 часов. Будет интересная передача.* رادیو را ساعت 8 روشن کن. برنامه جالبی دارد..) совета или разрешения совершить действие (*– Не знаю, куда поставить вазу. – Поставь на пол.* - نمیدانم گلدان را. – بگذارم. – بگذار روی زمین!) предостережения от нежелательного действия (*Это очень ценная книга, смотри, не потеряй её.* این کتاب خیلی ارزشمندی است. مواظب باش آن را گم نکنی ها) [4, с. 162–167].

Система видов в персидском языке отсутствует, и значения, выражаемые при помощи видов глагола, в персидском языке передаются категорией времени (временной формы настоящего-будущего времени, аориста) [3, с. 249], а также с использованием других грамматических средств, как наречий, междометия и т. д. напр.; *اتو ; Принимайте этот сироп три раза в день!* سه بار در روز این شربت را مصرف کن *Утюг очень горячий, будь осторожен не обожгись.* بسیار داغ است؛ مواظب باش نسوزی ها!

Для повышения эффективности обучения иранских студентов употреблению видов глаголов в форме императива необходимо применять следующие методические принципы и приемы:

1. Сопоставительный анализ: проведение сопоставительного анализа видовых форм глаголов в русском языке с соответствующими эквивалентами в персидском языке с целью выявления зон потенциальной интерференции и объяснения студентам отсутствия категории вида в их родном языке.

2. Семантизация видовых значений: активное использование наглядных средств, контекстуализации и коммуникативных заданий для формирования у студентов четкого понимания семантических различий между видами глаголов в императивных конструкциях. Например, использование ситуативных упражнений, иллюстрирующих разницу между просьбой повторить информацию (*Говори еще раз! / یکبار دیگر بگو!*) и требованием сообщить что-либо конкретное (*Скажи свое имя! / اسمت را بگو!*).

3. Систематическая тренировка: включение в учебный процесс разнообразных упражнений, направленных на формирование автоматизированных навыков правильного употребления видовых пар в повелительном наклонении: языковые, условно-речевые и речевые упражнения, таблицы, ролевые игры и другие коммуникативные задания.

4. Учет контекста: обучение употреблению видов глаголов в императиве должно осуществляться в различных коммуникативных ситуациях, что позволит иранским студентам понять зависимость выбора вида от цели и характера высказывания.

Список использованных источников

1. Парешнев, Е. Ю. Употребление императива в русском языке : учебное пособие по русскому языку для иностранцев / Е. Ю. Парешнев. – Санкт-Петербург, 2006.
2. Рассудова, О. П. Употребление видов глагола в русском языке (для иностранцев) / О. П. Рассудова. – Москва : Издательство Московского университета, 1968.
3. Рубинчик, Ю. А. Грамматика современного персидского языка / Ю. А. Рубинчик. – Москва : Восточная литература, 2001.
4. Садри, М. Употребление видов глагола в русском языке / М. Садри. – Исфаган : Джангал, 2017.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ГЕРОЕВ В ТУРЕЦКИХ И РУССКИХ СКАЗКАХ

И. А. Меметов,

*заведующий кафедрой восточной филологии, кандидат филологических наук, доцент,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу образов главных персонажей в фольклорных произведениях двух культур. Автор исследует сходства и различия положительных и отрицательных героев, выделяя их ключевые черты, мотивы поведения и роль в сюжете. Особое внимание уделяется культурным, историческим и социальным аспектам, которые формируют эти образы. В работе проводится сравнительный анализ, позволяющий выявить общие архетипы и уникальные особенности, характерные для турецких и русских сказок. Исследование способствует углублению понимания культурных традиций двух народов и их отражения в фольклоре.

Ключевые слова: сказочные персонажи, Турция, фольклор, сказка, жанр, литература, образ.

Summary. The article is devoted to the analysis of the images of the main characters in the folklore works of the two cultures. The author explores the similarities and differences of positive and negative characters, highlighting their key features, motives of behavior and role in the plot. Particular attention is paid to the cultural, historical and social aspects that shape these images. A comparative analysis is carried out in the work, which allows us to identify common archetypes and unique features characteristic of Turkish and Russian fairy tales. The study contributes to a deeper understanding of the cultural traditions of the two peoples and their reflection in folklore.

Key words: fairy-tale characters, Turkey, folklore, fairy tale, genre, literature, image.

Целью исследования является изучение сходства и различия положительных и отрицательных героев, выявление общих архетипов и уникальных особенностей.

Методы исследования, используемые в написании статьи: теоретический, метод поиска и анализа, научный метод, описательный, сравнительный, экспериментальный метод в формулировке гипотез.

Введение. Сказки – это уникальный культурный феномен, который отражает мировоззрение, традиции и ценности народа. Они передаются из поколения в поколение, сохраняя в себе мудрость и опыт предков. Русские и турецкие сказки, несмотря на географическую удалённость и различия в культуре, имеют много общего в построении сюжетов и характеров героев. Однако каждая из этих традиций обладает своими уникальными чертами, которые обусловлены историческими, религиозными и социальными особенностями.

1. Положительные герои в русских сказках

1.1. Образы мужчин-героев

В русских сказках положительные герои часто представлены в виде простых людей, которые благодаря своим качествам – доброте, смекалке, справедливости – достигают успеха. Одним из самых известных персонажей является Иван-дурак. Несмотря на своё прозвище, он оказывается мудрым и находчивым, а его победы достигаются не столько физической силой, сколько хитростью и помощью со стороны волшебных существ. Например, в сказке «Иван-царевич и Серый Волк» герой получает

помощь от волка, который становится его верным спутником. Как отмечает В. Я. Пропп, «Иван-дурак – это не просто глупец, а персонаж, который через внешнюю простоту демонстрирует внутреннюю мудрость» [4, с. 1-45].

Другой распространённый образ – богатырь, такой как Илья Муромец. Он олицетворяет силу, мужество и готовность защищать слабых. В сказках богатыри часто сражаются с врагами, освобождают пленных и восстанавливают справедливость. По словам Д. С. Лихачёва, «богатырь в русских сказках – это не просто воин, а символ народного духа, который противостоит злу и несправедливости» [3, с. 5–112].

1.2. Образы женщин-героинь

Женские персонажи в русских сказках также играют важную роль. Они сочетают в себе красоту, мудрость и силу духа. Например, Василиса Прекрасная из одноимённой сказки не только красива, но и умна. Она справляется с трудными заданиями благодаря своей смекалке и помощи волшебной куклы, которую ей подарила мать. Как пишет А. Н. Афанасьев, «Василиса – это образ идеальной женщины, которая сочетает в себе внешнюю красоту и внутреннюю силу» [1, с. 3–78].

Другой яркий пример – Марья Моревна, которая является сильной и независимой героиней. Она помогает главному герою, давая ему советы и используя свои магические способности. В её образе, как отмечает Б. А. Успенский, «отражается архетип женщины-воительницы, которая не уступает мужчинам в смелости и решительности» [8, с. 12–43].

1.3. Роль волшебных помощников

В русских сказках важную роль играют волшебные помощники, такие как Серый Волк, Баба Яга или Конёк-Горбунок. Они помогают героям преодолеть трудности и достичь цели. Например, Баба Яга, несмотря на свою пугающую внешность, часто оказывается мудрой советчицей, которая даёт герою ценные указания. Как отмечает Х. Л. Борхес, «Баба Яга – это не просто злая ведьма, а хранительница древних знаний, которая помогает тем, кто достоин её помощи» [2, с. 4–89].

2. Положительные герои в турецких сказках

2.1. Образы мужчин-героев

В турецких сказках положительные герои также воплощают добродетели, но акцент часто делается на уважении к старшим, семейным ценностям и религиозной вере. Например, герой может быть бедным, но честным юношей, который благодаря своей доброте и вере в Аллаха получает помощь от сверхъестественных сил. В сказке «Келеоглан» главный герой, несмотря на трудности, остаётся верен своим принципам и в итоге получает награду. Как пишет М. Эргун, «Келеоглан – это символ человека, который через терпение и веру преодолевает все испытания» [9, с. 5–34].

2.2. Образы женщин-героинь

Турецкие сказки богаты яркими и запоминающимися женскими персонажами, которые играют важную роль в развитии сюжета. Эти героини воплощают в себе разнообразные качества и черты характера, от скромности и доброты до смелости и решительности.

Одним из самых известных женских персонажей турецких сказок является **Аджиган** – смелая и находчивая девушка, которая спасает своего возлюбленного из плена злого волшебника. Её образ символизирует силу духа и веру в лучшее, даже когда кажется, что всё потеряно.

Ещё одна яркая героиня – **Айше** из сказки «Красавица и чудовище». Несмотря на свою красоту, Айше обладает сильным характером и не боится противостоять несправедливости. Она не только спасает принца от проклятия, но и помогает ему стать лучше.

В турецкой сказке «Зумруд и Ахмет» мы встречаем **Зумруд** – добрую и заботливую девушку, которая готова на всё ради любимого человека. Её образ напоминает нам о важности любви и преданности в жизни.

Эти и многие другие женские персонажи турецких сказок показывают нам, что женщины могут быть сильными, умными и смелыми. Они вдохновляют нас на то, чтобы верить в себя и свои силы, а также показывают, что любовь и доброта могут преодолеть любые трудности [5, с. 80–124].

Особенности женских образов в турецких сказках:

- **Сила духа.** Героини турецких сказок часто обладают сильным характером и не боятся противостоять несправедливости.
- **Доброта и забота.** Многие женские персонажи проявляют заботу о близких и окружающих, помогая им в трудные моменты.
- **Смелость и решительность.** Женские герои турецких сказок не только проявляют смелость в опасных ситуациях, но и принимают важные решения, влияющие на ход сюжета.
- **Любовь и преданность.** Любовь является важной темой в турецких сказках, и женские персонажи часто проявляют преданность своим близким.
- **Разнообразие характеров.** Турецкие сказки представляют широкий спектр женских персонажей, от скромных и застенчивых до смелых и решительных.

Женские образы в турецких сказках играют важную роль в формировании ценностей и мировоззрения читателей. Они показывают нам, что быть сильным и смелым – не значит быть грубым и жестоким, а доброта и забота могут изменить жизнь к лучшему.

2.3. Роль религиозных мотивов

В турецких сказках сильнее выражены религиозные мотивы. Герои часто обращаются за помощью к Аллаху, и их вера вознаграждается. Например, в сказке «Ашик-Кериб» главный герой проходит через множество испытаний, но благодаря своей вере и доброте получает счастливый конец. Как пишет М. Эргун, «религиозные мотивы в турецких сказках подчёркивают важность веры и смирения перед волей Аллаха» [9, с. 36–45].

3. Отрицательные герои в русских сказках

3.1. Мифические существа

Отрицательные персонажи в русских сказках часто представлены в виде мифических существ, таких как Змей Горыныч, Кощей Бессмертный или Баба Яга. Они олицетворяют зло, жадность и коварство. Например, Кощей Бессмертный похищает красавиц и держит их в плену, а Змей Горыныч опустошает деревни и требует дань. Как отмечает В. Я. Пропп, «Кощей – это воплощение смерти и разрушения, которое герой должен преодолеть, чтобы восстановить порядок» [4, с. 75–102].

3.2. Двойственная природа отрицательных героев

Интересно, что даже отрицательные герои могут иметь двойственную природу. Например, Баба Яга, несмотря на свою пугающую внешность, иногда помогает главному герою, если он проявляет уважение и смекалку. В сказке «Василиса Прекрасная» она даёт героине волшебную куклу, которая помогает ей справиться с трудностями. Как пишет Х. Л. Борхес, «Баба Яга – это сложный персонаж, который сочетает в себе черты зла и мудрости» [2, с. 35–91].

4. Отрицательные герои в турецких сказках

4.1. Джинны и демоны

В турецких сказках отрицательные герои часто связаны с миром джиннов и демонов, которые олицетворяют зло и искушение. Например, в сказках часто встречаются злые джинны, которые пытаются обмануть или навредить герою. Они могут принимать разные обличья и использовать хитрость, чтобы добиться своих

целей. Как отмечает А. Садыхов, «джинны в турецких сказках – это символы внутренних страхов и искушений, которые герой должен преодолеть» [6, с. 4–78].

4.2. Жадные и завистливые персонажи

Также отрицательными персонажами могут быть жадные купцы, завистливые братья или злые мачехи, которые нарушают моральные нормы и наказываются за свои поступки. Например, в сказке «Сорок невольников» жадный купец пытается обмануть главного героя, но в итоге сам оказывается в проигрыше. Как пишет М. Эргун, «жадность и зависть в турецких сказках всегда наказываются, что подчёркивает важность моральных ценностей» [9, с. 4–45].

5. Сходства и различия в образах героев

5.1. Добро и зло

В обеих культурах чётко прослеживается противопоставление добра и зла. Положительные герои борются за справедливость, а отрицательные – олицетворяют пороки. Однако в русских сказках акцент делается на борьбе с внешними врагами, такими как Змей Горыныч, а в турецких сказках больше внимания уделяется внутренним конфликтам, таким как борьба с жадностью и завистью.

5.2. Роль волшебства

В русских и турецких сказках важную роль играют волшебные существа и предметы, которые помогают героям в их борьбе. Однако в русских сказках чаще встречаются мифические существа, такие как Баба Яга или Серый Волк, а в турецких сказках – джинны и демоны.

5.3. Культурные особенности

В русских сказках больше внимания уделяется природным силам и мифологическим существам, в то время как в турецких сказках сильнее выражены религиозные мотивы и уважение к традициям. Например, в турецких сказках герои часто обращаются за помощью к Аллаху, а в русских – к волшебным помощникам.

6. Заключение

Сопоставление положительных и отрицательных героев в турецких и русских сказках позволяет увидеть как общие черты, так и уникальные особенности каждой культуры. Обе традиции учат нас ценить доброту, мудрость и справедливость, но делают это через призму своих культурных и исторических реалий. Изучение этих сказок помогает лучше понять не только народные традиции, но и глубинные ценности, которые объединяют людей разных стран.

Список использованных источников

1. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки / А. Н. Афанасьев. – Москва : Наука, 1984. – 320 с.
2. Борхес, Х. Л. Книга вымышленных существ / Х. Л. Борхес. – Москва : Азбука, 2004. – 256 с.
3. Лихачёв, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв. – Москва : Наука, 1979. – 360 с.
4. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 1998. – 192 с.
5. Пропп, В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. – Ленинград : Academia, 1928. – 124 с.
6. Садыхов, А. Турецкий фольклор и его особенности / А. Садыхов. – Баку : Издательство Академии наук Азербайджана, 1995. – 200 с.
7. Тысяча и одна ночь. – Москва : Художественная литература, 1975. – 576 с.
8. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей / Б. А. Успенский. – Москва : Издательство МГУ, 1982. – 280 с.
9. Эргун, М. Турецкие народные сказки / М. Эргун. – Анкара : Издательство Министерства культуры, 2001. – 150 с.

НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КАСАТЕЛЬНО РЕЧЕВОГО АКТА ПРОСЬБЫ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

А. Н. Сухоруков,

*старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию речевого акта просьбы в персидском языке, его лингвистическим и культурным особенностям. Рассмотрены прямые и косвенные способы выражения просьбы, их зависимость от социального контекста, статуса собеседников и степени формальности общения. Автор анализирует ключевые маркеры и конструкции, используемые в различных ситуациях, включая семейное, дружеское и официальное общение. Особое внимание уделено роли вежливости и уважения в формулировании просьб. Исследование основано на анализе разговорной речи, литературных текстов и эмпирических данных. Результаты работы могут быть полезны для улучшения межкультурной коммуникации и преподавания персидского языка как иностранного.

Ключевые слова: речевой акт просьбы, персидский язык, вежливость, косвенная просьба, социальный контекст, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, тааруф, формы обращения, коммуникативные стратегии.

Summary. The article explores the speech act of request in the Persian language, focusing on its linguistic and cultural features. It examines direct and indirect ways of expressing requests, their dependence on social context, interlocutors' status, and the level of formality. The author analyzes key markers and constructions used in various situations, including family, friendly, and official communication. Special attention is paid to the role of politeness and respect in formulating requests. The study is based on the analysis of spoken language, literary texts, and empirical data. The results can be useful for improving intercultural communication and teaching Persian as a foreign language.

Key words: speech act of request, Persian language, politeness, indirect request, social context, intercultural communication, linguoculturology, ta'arof, forms of address, communicative strategies.

Введение. Речевые акты являются важным объектом изучения в области лингвистики, поскольку они отражают не только языковые, но и культурные особенности коммуникации, которые могут заметно варьироваться в зависимости от культурных и социальных контекстов. В данном докладе мы рассмотрим речевой акт просьбы в персидском языке, его актуальность, отдельные теоретические аспекты, а также подробнее остановимся на практических рекомендациях.

Актуальность исследования. Персидский язык обладает чрезвычайно развитой системой речевых форм вежливости, получившей даже собственное наименование – «тааруф» (تعارف). Как один из древнейших языков мира, персидский обладает специфическими особенностями при формулировании просьб. Изучение речевых актов, в т.ч. просьб, имеет большое значение для правильного осуществления межкультурной коммуникации. Актуальность исследования заключается в том, что понимание речевых актов просьбы может помочь улучшить межкультурное общение, а также способствовать более эффективному обучению персидскому языку как иностранному. Кроме того, анализ просьб в персидском языке позволяет глубже понять культурные нормы и ценности, влияющие на процесс коммуникации и достижение поставленной цели.

Методы исследования. В данном исследовании мы использовали методы наблюдения, описания и сопоставления, а также качественный метод анализа. Основными источниками информации послужили: 1) литература по теории речевых актов, включая работы Джона Серла, Р. Зиаифашта и других лингвистов; 2) эмпирические данные, собранные путём наблюдения за разговорной речью носителей персидского языка, включая диалоги из фильмов, телепередач и литературных произведений; 3) общение с носителями языка для выявления их восприятия и использования речевых актов просьбы. Также был проведён сравнительный анализ для выявления различий и сходств между персидским и другими языками, что позволило глубже понять специфику речевого акта просьбы в персидском языке.

Результаты исследования. Речевые акты подразделяются на несколько категорий: утверждения, вопросы и побуждения; последние, в свою очередь, бывают двух типов. Побуждения, выраженные напрямую, называются директивами (команды, повеления); выраженные косвенно – реквестивы, к последним относятся просьбы, приглашения, советы.

В персидском языке акт просьбы может быть выражен различными способами, а именно в виде прямой либо косвенной просьбы.

- Прямая просьба: используется в ситуациях, когда говорящий имеет высокую степень уверенности в том, что собеседник выполнит просьбу. Например: لطفا هر چه زودتر این کار را انجام دهید خواهش میکنم (Пожалуйста, дайте эту книгу); این کتاب را بدهید (Очень прошу тебя сделать это как можно скорее.). Прямые просьбы по сути близки к командам и повелениям.

- Косвенная просьба: применяется в ситуациях, когда говорящий желает смягчить своё обращение или когда он не уверен в готовности собеседника помочь. Подобные просьбы часто стоят в вопросительной форме или выражены сослагательным наклонением, например: می‌خواستم بپرسم آیا می‌توانید این کتاب را به من بدهید؟ (Я хотел бы спросить, можете ли вы дать мне эту книгу?); اگر ممکنه، میشه این کارو بکنی؟ (Если возможно, не мог бы ты это сделать?); ممنون میشم اگه کمک کنی (Буду благодарен, если ты поможешь), کمک کنی؟ (Можешь мне помочь?).

Универсальными для косвенной просьбы являются такие вводные фразы, как جسارتاً میتونم ازتون بپرسم ، ... ؟ (Могу ли я вас кое о чём попросить?), میتونم یه خواهشی ازتون بکنم؟ (Извините за прямоту, могу я с вас спросить?), اگه زحمتی نیست، (Если не составит труда) и некоторые другие.

Акт просьбы в персидском языке характеризуется высокой вариативностью и зависит от конкретной ситуации и поставленных целей. При формулировании просьбы важную роль играют социальные отношения между говорящими. Например, в неформальной обстановке в общении между друзьями и близкими людьми просьба может быть выражена прямо и менее церемонно. В то же время в официальных ситуациях и в деловой переписке и корреспонденции важно соблюдать уважительный тон и высокий стиль.

Социальный статус и возраст играют важную роль в выборе формы просьбы. Так, при обращении к старшим по возрасту или лицам с высоким статусом используются более уважительные и смягченные формы, например:

آقای دکتر، ممکنه لطف کنید اینو برام چک کنید؟ (Доктор, не могли бы вы оказать милость и проверить это?); پدر جان ببخشید میتونم پنجره رو باز کنم؟ (Папа, извините, можно я открою окно?).

В неформальном общении допустимы более свободные и простые высказывания, например: اینو برام چک کن لطفا (Проверь это для меня, пожалуйста) или при обращении старшего по возрасту к младшему: عزیزم پنجره رو ببند (Дорогой, можешь закрыть окно?). Ниже приведены примеры обращения с просьбой в кругу семьи: باباجان

مامان میشه اینو یه کم دیرتر پس بدم؟ (Папа, мне можно пойти к друзьям?); اجازه میدی برم پیش دوستانم؟ (Мама, можно я это отдам немного позже?).

Для выражения просьбы между близкими людьми, но в присутствии посторонних, характерны особые маркеры и конструкции, подчёркивающие высокий социальный статус старшего члена семьи либо уважение к говорящему, равному по статусу или даже младшему. Для такой ситуации показателен следующий пример, представленный в виде короткого диалога с просьбой к старшему дать возможность высказаться по некому вопросу: *من اگر جسارت نباشه با اجازه پدر میخوامم به جمله ای بگم – خواهش* («Не считите за дерзость, я, если отец позволит, хотел бы сказать несколько слов», – после чего говорящий замолкает в ожидании позволения старшего, и лишь получив от него разрешение, продолжает, предварительно выразив благодарность).

Подобные же уважительные конструкции характерны для просьб в обращении между подчинённым и вышестоящим лицом. Для таких обстоятельств обычными являются обороты вроде: *اگر اجازه هست* (Если позволите) либо *اگر اجازه بفرمایید* (Если на это будет разрешение), а также их модификации, например: *اگر اجازه بفرمایید باش مفصل صحبت می کنم* (Если позволите, я обстоятельно поговорю с ним). Для обращения с просьбой к вышестоящему лицу характерны также особые маркеры, подчёркивающие степень уважения, а именно специальные формы личных местоимений, например *بنده* (я, букв. «раб»), *جنابعالی* (вы, букв. «высокая сторона»), *ایشان* (он, уважительная форма для обычного *آنها* (они)). Часто подобного рода просьбы сопровождаются специальными обращениями вроде упомянутого ранее *جنابعالی* или его вариация *عالی جناب* (вы, букв. «высокая сторона»), *قربان* (уважаемый господин, букв. «жертва», – само это слово не представляет собою семантическое противоречие, т. к. является лишь остатком от более распространённой фразы со значением «да стану я жертвой ради вас»), *حضرت عالی* (вы, букв. «Ваше Превосходительство», – вполне употребимое обращение в высоких кругах либо по отношению к религиозным деятелям или лицам), *سرکار خانم* (госпожа, уважительное обращение к женщине, занимающей определённую должность и находящуюся при исполнении служебных обязанностей).

Выводы. Речевой акт просьбы в персидском языке представляет собой сложное явление, отражающее многообразие лингвокультурологических особенностей иранского общества. В персидском языке акт просьбы может быть выражен прямым или косвенным образом; он обладает высокой вариативностью и зависит от конкретной ситуации и поставленных целей. Для оформления прямой просьбы в персидском языке характерны такие обороты, как: *خواهش !*; *خواهشمند است*; *لطف کنید*; *لطفاً*; *ممنون*; *اگر ممکنه* (я прошу), а также для косвенной просьбы *ممنون*; *بی زحمت*; *اگر زحمت بکشید و*; *اگر زحمتی نیست*; *اگر اجازه هست*; *اگر اجازه بفرمایید*; *میشم آگه ببخشید میتونم ...*; *اجازه دارم ...*; *ممکنه لطف کنید ...*; *میشه ...*; *مرحمت کنید*; *بی نهایت ممنون می شوم* (я благодарю) и некоторые другие.

Проведённое исследование речевого акта просьбы позволяет глубже понять механизмы коммуникации в персидском языке и может быть полезным для эффективного межкультурного взаимодействия. Тем не менее, данная тематика оставляет большой простор для последующего исследования, т.к. нерассмотренными остались отдельные стилистические аспекты, прежде всего формат эпистолярной просьбы, ходатайства и запроса, обладающие собственными лексическими и фразеологическими особенностями. Также нераскрытой осталась тесная связь просьбы с актами разрешения, извинения и благодарности, кроме того, значительного внимания заслуживает анализ устойчивых форм ответа на просьбу (утвердительный, отрицательный, нейтральный).

Список использованных источников

1. Searle, J. R. Speech Acts : An Essay in the Philosophy of Language / John R. Searle. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
2. Зиаифаштами, Р. Речевые акты побуждений в русском и персидском языках (на материале русских художественных текстов и их переводов на персидский язык) : специальность 10.02.20 : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рахелех Зиаифаштами ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2015. – 24 с.

УДК 811.411.21.02

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В «СКАЗКЕ О РЫБАКЕ» ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АРАБСКИХ СКАЗОК «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»

К. Э. Умерова,

*старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу средств художественной выразительности в «Сказке о рыбаке» из коллекции сказок «Тысячи и одной ночи». Целью данного исследования является определение и анализ стилистических и художественных фигур речи в «Сказке о рыбаке». В ходе работы были использованы следующие методы исследования: исторический, описательно-аналитический, метод стилистического анализа и метод сплошной выборки. В результате проделанной работы был сделан следующий вывод: «Сказка о рыбаке» из собрания сказок «Ночей» является кладом таких стилистических приёмов, как намёк, антитеза, двусмысленность, метонимия. Роль, которую они выполняют в сказке, заключается в усилении чувств и эмоций читателя, кроме того, сказки «Ночей» являются текстом, который можно использовать для исследования и преподавания такой дисциплины, как стилистика арабского языка.

Ключевые слова: «Тысяча и одна ночь», «Сказка о рыбаке», фольклор, стилистика, сравнение, метафора, фразеология, противопоставление, арабский язык, арабская литература.

Summary. The article is devoted to the analysis of stylistic expressiveness in *The Story of the Fisherman and the Genie* from the collection of tales of *The Arabian Nights*. The purpose of this study is to identify and analyze stylistic and artistic figures of speech in the tale. The study was conducted through a set of methods: historical, descriptive, analytical, continuous sampling technique, method of stylistic analysis. As a result of the work, the following conclusion was made: *The Story of the Fisherman and the Genie* is a treasure trove of such stylistic devices as hint, antithesis, ambiguity and metonymy. The tales of *The Arabian Nights* is a text that can be used to study and teach such a course as the stylistics (or Balagha) of the Arabic language.

Key words: *The Arabian Nights*, *The Story of the Fisherman and the Genie*, folklore, stylistics, comparison, metaphor, phraseology, contrast, Arabic language, Arabic literature.

Введение. Главный герой «Сказки о рыбаке» испытывает неудачу за неудачей, пока наконец, не извлекает на сушу таинственный сосуд, запечатанный печатью Сулеймана, сына Дауда (мир им обоим). Рыбак вскрывает печать и встречается с содержимым сосуда – с Джином. Текст сказки повествует о том, как, благодаря красноречию, человек может избежать самой смерти.

Предлагаемое нами исследование, результаты, которого обобщены и изложены в данной научной статье, посвящены анализу и систематизации стилистических приемов, присущих красноречию арабоязычного этноса в сказке «Сказка о рыбаке» из коллекции сказок «Тысяча и одна ночь».

Данное исследование проводится в рамках нашего обширного анализа арабской рукописи коллекции сказок «Тысяча и одна ночь» и является продолжением ранее опубликованных статей: «История создания и изучения сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь»» [2], «Антропонимическое поле арабской рукописи собрания сказок «Тысяча и одна ночь»: социальный и национальный аспекты Арабского Востока» [3] и «Коммуникативная личность «Молчун» и «Болтун» в сказке «Рассказ цирюльника» из коллекции сказок «Тысяча и одна ночь»» [4].

Актуальность данного исследования обусловлена слабой изученностью примеров риторики арабского этноса, представленного и зафиксированного в арабской коллекции сказок «Тысяча и одна ночь», в целом, в «Сказке о рыбаке», в частности.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ средств выразительности в сказке «Сказка о рыбаке» из коллекции сказок «Тысячи и одной ночи», определении, в чем заключается их роль. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- выявить стилистические приемы в «Сказке о рыбаке»;
- проанализировать тип и вид стилистических приемов;
- определить, с какой целью были использованы и в каком качестве служат стилистические приемы в обозначенной сказке;
- подвести итог проделанной исследовательской работы.

Объектом исследования выступает текст сказки «Сказка о рыбаке» из сборника сказок «Тысяча и одна ночь».

Предметом исследования являются средства выразительности, представленные в «Сказке о рыбаке».

Методы исследования: исторический метод, описательно-аналитический метод, метод сплошной выборки, метод стилистического анализа.

Судьба языка неразрывно связана с судьбой самого народа: язык живет, пока есть народ, который на нем говорит. Арабы, как никакой другой народ, ревностно оберегают арабский язык от заимствований, искажений и ошибок. Ученые, обеспокоенные будущим арабского языка, начали создавать науки, изучающие его грамматические и другие правила. Так возник علم النحو синтаксис, позже – علم الصرف морфология, и, наконец, علم البلاغة стилистика [5, с. 9].

Стилистика арабского языка делится на три направления: علم البيان «наука разъяснения», علم المعاني «наука о смыслах» и علم البديع «наука красноречия» [5, с. 11]. Наука разъяснения изучает сравнение, основной смысл и иносказание, метафору и метонимию, намёк и его виды. Наука красноречия изучает двусмысленность, антитезу, красоту мотивации, мудрую манеру речи и другое.

Необходимо отметить, что данное исследование было проведено на основе булакского издания «Тысячи и одной ночи» Мустафы аль-Баби аль-Халяби и его братьев Бакра и Исы в 1279 году [6].

Столкнувшись с неудачей, не обнаружив улова в своих сетях, да еще и потеряв своего осла, наш герой рыбак, в сердцах произносит стихотворение. Стоит отметить, что в анализируемом нами издании «Ночей» приводятся лишь первые две строки, но рассматривая полный текст стихотворения, наше внимание привлекают следующие строки:

سبحان ربي يعطي ذا ويحرم ذا
هذا يصيد وهذا يأكل السمكه [6, с. 13]

(перевод: «Хвала же Творцу! Одним он дает, а другим не дает»;

Одним суждено ловить, другим – поедать улов»).

В приведенной стихотворной форме используется такой стилистический прием, как *намёк* الكناية, конкретнее намёк на признак, качество *الكناية عن الصفة*, где строки *سبحان ربي يحرم ذا* и *هذا يصيد* намекают на такие качества человека, как бедность, нужда, недостаток, а строки: *سبحان ربي يعطي ذا* и *هذا يأكل السمكة* намекают на такие качества, как процветание, изобилие, благополучие. Кроме того, данные строки являются примером такого образного средства, как антитеза *المقابلة*, где упоминается ряд слов, а им противопоставляется другой ряд слов с антонимическими значениями в соответствующем порядке. В данном противопоставлении используются такие антонимические пары глаголов, как: *يعطي* дает – *يحرم* отлучает; *يصيد* ловит – *يأكل* поедает.

И во второй раз удача не на стороне рыбака, он вытаскивает на сушу кувшин полный песка и ила. Расстроенный, он не может не выразить своей печали стихотворной формой: *يا حرقة الدهر كفى* [6, с. 13] (перевод: «О ярость судьбы – довольно!»). Данные строки иллюстрируют такое средство художественной выразительности, как метафора, выраженная через намёк, поскольку в этом примере судьба уподобляется человеку, потому как человек может испытывать ярость или счастье, останавливаться или продолжать делать что-либо. Данные чувства и действия присущи одушевленным именам. В данном виде метафоры усечена одна из сторон сравнения *طرفا التشبيه* (то, с чем сравнивают *مشبه به*).

В этой же стихотворной форме, цитируемой рыбаком, нами было обнаружено одно из смысловых украшений *المحسنة المعنوية* речи в арабском языке – двусмысленность *التورية*, выражаемая омонимами, также данное украшение речи называют каламбуром. Рассмотрим пример:

يا حرقة الدهر كفى

إن لم تكفى فعفى

فلا يحظى أعطى

[6, с. 14] *ولا يصنعه كفى خرجت*

(перевод: «О ярость судьбы – довольно!

А мало тебе – будь мягче!

Ибо дающему не дано будет,

И рука моя не достанет»).

В первом случае мы находим глагол *كفى* «быть достаточным» во 2-ом лице, женском роде, повелительном наклонении, а во втором случае мы уже имеем существительное *كفٌ* «рука» со слитным местоимением 1-го лица, единственного числа *ي* «мой, моя». Поскольку именно в данной позиции глагол и существительное пишутся и произносятся одинаково приведенная выше стихотворная форма наделена таким смысловым украшением, как двусмысленность.

Кроме того, в выделенной нами стихотворной форме, можно обнаружить такое образное средство, как противопоставление *المقابلة*. Рассмотрим следующий пример:

[6, с. 14] *كم جاهل في ظهور وعالم متخفى*

(перевод: «Как много глупцов на виду, и как много умных скрыты»).

В этой строке используются две пары антонимов в следующем порядке:

جاهل (глупый) – *عالم* (умный);

ظهور (на виду) – *متخفى* (скрыто).

Закинув сеть в третий раз и не обнаружив ней улова, герой сказки, отчаянный и несчастный, читает стихотворение. Далее нами будут рассмотрены и проанализированы лишь те строфы, которые содержат средства художественной выразительности.

Уже в первых строках мы можем обнаружить такой прием, как метонимия المجاز. Метонимия в арабском языке имеет различные связи, в приведенном нами примере мы рассматриваем причинностную метонимическую связь السببية:

والرزق لا حل لديك ولا ربط

[6, с. 14] ولا قلم يجدي عليك ولا خط

(перевод: «Вот доля твоя: вершить делами не властен ты;

Ни знание, ни сила чар надела не даст тебе») [1, с. 46].

То есть именем причины здесь назван результат, и связью между основным и переносным значением слова является причинность [5, с. 62]. Если разобрать буквальный перевод, вторая строка гласит: «Никакой калем (ручка) или письмо (почерк) тебе не помогут.», в данном примере мы понимаем, что ручка или умение писать каким-то определенным почерком и не может помочь рыбаку, под этими словами подразумевается умение писать, сила знаний, а калем قلم и почерк خط всего лишь инструменты, которые могут дать это человеку.

Разберем следующий пример: فأرض بها خصب وأرض بها قحط [6, с. 14] (перевод: «И скудно в земле одной, и много в другой земле») [1, с. 46]. Данная строка является примером антитезы الطباق в арабском языке, антитеза, как стилистический приём широко распространена в творчестве арабов. В арабской стилистике антитезу делят на положительную طباق الإيجاب и отрицательную طباق السلب. В приведенном нами примере (букв. перевод: «Есть земля плодородная, а есть земля бесплодная») мы видим положительную антитезу, поскольку здесь использованы два антонима, которые являются противоположными понятиями и выражены разными словами: خصب изобилие, плодородие – قحط засуха, голод, бездождье.

Также мы можем обнаружить пример положительной антитезы طباق الإيجاب в следующей строке стихотворения: فيا موت زر إن الحياة ذميمة [6, с. 14] (перевод: «О смерть, посети меня! Поистине – жизнь скверна») [1, с. 46]. В выделенной нами строке перед нами пара антонимов: موت смерть и حياة жизнь.

Другой великолепный в своей литературности пример антитезы, состоящей из пары антонимов المقابلة мы встречаем также в этом стихотворении: إذا إنحطت البازات وإرتفع [6, с. 14] (перевод: «Коль сокол спускается, а гуси взлетают ввысь») [1, с. 46]. В данной строке упоминается такой ряд слов, как باز сокол и إنحط спускаться с بط гусь и إرتفع подниматься. В выделенном нами примере мы имеем по две пары слов, иногда в противопоставлении можно встретить и пары трех, четырех и более слов.

Выводы. В результате проделанной нами исследовательской работы в «Сказке о рыбаке» из арабского собрания сказок «Ночей» были выявлены такие средства выразительности как намёк, антитеза, двусмысленность и метонимия. Данная история демонстрирует насколько в древние времена среди арабов ценились такие качества как кротость, трудолюбие и, самое главное, умение хорошо и к месту говорить – доминирующий принцип риторики арабского языка. Проанализировав текст сказки, мы можем сделать заключение, что сказки «Тысячи и одной ночи» могут быть использованы в качестве изучаемого материала в ходе обучения студентов риторике (баляга) арабского языка. Благодаря широкому использованию различных стилистических приемов текст «Ночей» – наглядный, образный и живой.

Список использованных источников

1. Тысяча и одна ночь: собрание сказок : в 8 т. Т. 1 / Перевод и комментарии М. Салье ; под ред. акад. И. Крачковского. – Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. – 480 с.
2. Умерова, К. Э. История создания и изучения сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь» / К. Э. Умерова // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : материалы VII международной междисциплинарной научной конференции ; под общей ред. А. Д. Петренко. – Симферополь, 2022. – С. 222–227.

3. Умерова, К. Э. Антропонимическое поле арабской рукописи собрания сказок «Тысяча и одна ночь»: социальный и национальный аспекты Арабского Востока / К. Э. Умерова // Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : материалы VIII Международного научного конгресса, Симферополь, 7–8 апреля 2023 г. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2023. – С. 417–422.
4. Умерова, К. Э. Антропонимическое поле арабской рукописи собрания сказок «Тысяча и одна ночь»: социальный и национальный аспекты Арабского Востока / К. Э. Умерова // Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : материалы IX Международного научного конгресса, Симферополь, 4–5 апреля 2024 г. – Симферополь : «Издательство Типография Ариал», 2024. – С. 463–468.
5. Хайбуллин, И. Н. Стилистика арабского языка / И. Н. Хайбуллин. – Москва : ООО «Издательская группа «САД»», 2008. – 196 с.
6. كتاب ألف ليلة وليلة طبعة أولى (عطبة) مقابلة و مصححة علي النسخة المطبوعة بولاق الاميرية سنة ١٢٧٩ ص ٣٠٠ مصطفى البابي الحلبي وأخوه بكري وعبسي بمصر

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

УДК 81'367.623

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО АРАБСКОГО ЯЗЫКА

А. Р. Магаметов,

*старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Введение. В современном мире процессы цифровизации оказывают беспрецедентное влияние на развитие языков, что особенно заметно на примере арабского языка – одного из древнейших языков с богатой филологической традицией. На протяжении более чем шестнадцати веков арабский язык сохраняет свою уникальную форму и структуру, однако в условиях стремительной цифровизации он сталкивается с новыми вызовами и возможностями.

Актуальность. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа влияния цифровых технологий на развитие современного арабского языка. Этот процесс затрагивает все уровни языковой системы: от орфографии и пунктуации до формирования новой терминологии и коммуникативных практик. Особую значимость приобретает изучение механизмов адаптации арабского языка к цифровой среде при сохранении его культурной идентичности.

Целью исследования является выявление и анализ основных изменений в современном арабском языке, вызванных процессами цифровизации, а также определение их влияния на развитие языка в целом.

Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

- изучить особенности функционирования арабского языка в цифровой среде;
- проанализировать изменения в языковой норме;
- исследовать формирование новой терминологии;
- определить основные тенденции развития арабского языка в социальных сетях;

Методы исследования. В работе использованы следующие методы: анализ, синтез, критический анализ научной и методической литературы по исследуемой

проблематике, контент-анализ материалов социальных сетей, лингвистический анализ новых языковых явлений.

Результаты исследования. В условиях стремительной цифровизации общества происходит существенное изменение языковой нормы арабского языка, что проявляется в появлении новых форм письменности, которые характеризуются упрощением орфографии в онлайн-коммуникации и созданием специфических сокращений, отражающих особенности цифровой эпохи. Эти изменения сопровождаются активным смешением классического и разговорного арабского языка, что приводит к формированию новых языковых норм в цифровой среде [4, с. 491]. Так, в онлайн-коммуникации часто используются гибридные фразы, которые сочетают элементы классического и разговорного арабского. Например, фраза “أنا أحبك” может быть сокращена до “أحبك” в неформальном контексте, но с добавлением разговорных слов, таких как “يا” для обращения: “يا أحبك”. В цифровой среде активно используется сленг, который может включать элементы классического языка. Фраза “ماشني” может быть использована в сочетании с классическим “شاءان الله”, создавая фразу “ان الله ماشني شاء”.

Необходимо также отметить, что в социальных сетях сегодня наблюдается формирование новых коммуникативных практик, которые характеризуются использованием латиницы в написании арабских слов и появлением специфических эмодзи, что обусловлено необходимостью быстрой передачи информации и техническими ограничениями платформ [3, с. 48]. Так, пользователи могут комбинировать латиницу и арабский текст в одном сообщении. Например: “أنا pizza أحب”, что показывает влияние западной культуры и быструю передачу информации. Также в арабоязычных социальных сетях пользователи часто пишут арабские слова с использованием латинских букв, что называется “Arabizi” или “Franco-Arabic”. Например: “Zayez akol” (أريد أكل أن) – «Я хочу поесть», “kif halak?” (حالك كيف؟) – «Как дела?». Эти изменения сопровождаются развитием новых грамматических конструкций, адаптированных под особенности цифровой коммуникации.

Развитие цифровых технологий приводит к формированию новой цифровой лексики в арабском языке, которая включает заимствования из английского языка и создание новых способов выражения технических понятий. Естественно, «этот процесс сталкивается на сегодняшний день с определенными трудностями при переводе цифровых терминов, связанными с необходимостью сохранения языковой идентичности и точности передачи смысла» [1, с. 176]. Использование информационно-коммуникационных технологий также наблюдается и при создании электронных рукописных каталогов, что в свою очередь влечет за собой появление новой терминологии для описания данного процесса. Так, в последнее время широкое распространение получил термин “الرقمنة”, или «оцифровка» рукописей, который трактуется как цифровая компьютерная обработка манускриптов [2, с. 61]. Например, проект “Arab Digital Library” направлен на оцифровку и сохранение арабских манускриптов, которые хранятся в различных библиотеках и архивах по всему миру. Это позволяет исследователям и студентам получать доступ к редким текстам, таким как труды арабских философов и ученых. Кроме того, сегодня активно внедряется технология оптического распознавания символов (OCR) для арабского языка, что позволяет оцифровывать рукописи и превращать их в редактируемый текст. Это особенно важно для работы с историческими документами, которые могут быть трудны для чтения из-за старого почерка. В свою очередь, проект “Digital Islamic Humanities Project” направлен на оцифровку и анализ исламских текстов, включая арабские рукописи. Он использует современные технологии для создания цифровых архивов и инструментов, которые помогают исследователям в изучении арабской и исламской культуры.

Выводы. С учетом вышесказанного, следует признать, что цифровизация ускоряет лингвистические изменения, тем самым формируя новый вариант арабского языка для цифровой среды. Развивается новая система языковой нормы в онлайн-коммуникации, формируется новая система сокращений и аббревиатур, адаптированная под онлайн-среду. Кроме того, наблюдается смешение классического и разговорного арабского, что создает новую гибридную форму языка.

Список литературы

1. Акимова, Ю. В. Актуальное словообразование в свете новых информационных технологий / Ю. В. Акимова, А. А. Лебедев, З. И. Минеева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 1. – С. 172–178.
2. Редькин, О. В. Проблемы оцифровки и каталогизации арабографических рукописей / О. В. Редькин, О. А. Берникова // Вестник СПбГУ. – 2014. – Вып. 4. – С. 56–64.
3. Тулеубаева, С. А. О современной языковой ситуации в арабских странах / С. А. Тулеубаева // Арабистика Евразии. – 2019. – № 2. – С. 45–56.
4. Чупрыгина, Л. А. Оценка эффективности дистанционных систем обучения в преподавании иностранного языка на примере информационной образовательной среды (LMS) / Л. А. Чупрыгина // Коммуникация в современном мультикультурном мире: прагматика лингвистического знака. – 2015. – № 3. – С. 487–498.

УДК 811.112.2:417.2(=222)

ПЕРСИДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В ДИАХРОНИИ

В. А. Минин,

*старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Введение. Персидский язык, один из древнейших живых языков мира, оказал значительное влияние на лексику множества современных языков, включая немецкий. Процесс проникновения персидских слов в немецкий язык начался задолго до современного этапа глобализации и продолжается по сей день.

Целью данного исследования является выявление исторических путей проникновения персидских слов в немецкий язык. Данная цель обусловила постановку следующих задач: 1) раскрыть особенности контактов между немецким и персидским языками; 2) выявить слова, проникшие из персидского языка в немецкий в разных культурно-исторических условиях; 3) определить преобладающие пути заимствований.

Методы исследования. В данном исследовании использованы дескриптивный и культурно-исторический методы.

Результаты исследования. Активное заимствование иноязычной лексики в немецкий язык происходило в несколько ключевых исторических периодов, каждый из которых был связан с культурными, политическими и социальными изменениями. На протяжении всех этапов развития немецкого языка в числе других в него попадали и персидские заимствования. Прямые контакты между персидским и немецким языками сформировались относительно поздно, в основном благодаря торговым, дипломатическим и культурным связям, а также развитию коммуникаций в эпоху глобализации. Однако влияние персидской лексики проявилось еще раньше – через посредничество французского, итальянского, греческого, латинского, арабского и турецкого языков.

В *древневерхненемецкий период* (VIII–XI века) заимствования происходили в основном из латинского языка, что было связано с распространением христианства и влиянием церкви. Латинские слова проникали в немецкий язык через религиозные тексты, образование и административную деятельность [1, с. 85–86]. Вероятно, именно к этому периоду относится проникновение в немецкий язык слова *Paradies* («рай»). Оно восходит к древнеиранскому *pairidaeza*, что означало «огороженное место», например, сад или парк. Это слово заимствовали греки, затем оно перешло в латынь, где приобрело значение «райский сад», а из латыни распространилось в европейские языки, в том числе немецкий, сохранив это значение.

В *средневерхненемецкий период* (XI–XIV века) усилилось влияние французского языка, особенно в связи с рыцарской культурой, крестовыми походами и куртуазной литературой. Также продолжалось заимствование из латыни, особенно в научной и религиозной сферах [1, с. 116–117]. К этому времени, например, относится проникновение в немецкий слова *Schach* – «шах», «шахматы». Оно происходит от персидского «шах» и было заимствовано в средневерхненемецкий язык через старофранцузское *eschac* и средненидерландское *sc(h)aec* [2, с. 719].

В *ранненововерхненемецкий период* (XIV–XVII века), примерно совпавший с эпохой Возрождения и Реформации, усилилось влияние итальянского языка, особенно в области искусства, архитектуры и торговли. Тогда же, предположительно через итальянский язык из турецкого в немецкий попало слово *Tulpe* – «тюльпан», имеющее персидское происхождение [3, с. 934–935]. Тогда же через турецкий и французский из персидского было заимствовано слово *Bazar* – «торговый квартал в восточных городах». Слово *Diwan* было заимствовано в начале XVII века через романские языки (французское *divan*, итальянское *divano*) из турецкого *divan*, которое изначально обозначало приемную комнату в домах знатных турок, обставленную мягкими скамьями или подушками для сидения. В основе лежит персидское слово, обозначавшее служебный кабинет или место заседания государственного совета.

Позже, в XVIII–XIX веках, в период Просвещения и романтизма, немецкий язык активно заимствовал слова из французского языка, что было связано с культурным влиянием Франции. Однако в то же время наблюдалось движение за очищение языка от иностранных заимствований (пуризм), что привело к созданию новых немецких слов вместо иностранных. В XIX в. слово *Bazar*, изначально заимствованное как экзотизм, под влиянием английского и французского языков приобрело новое значение – «благотворительная ярмарка». Также, благодаря «Западно-восточному дивану» Гёте (1819), стало известно еще одно значение слова *Diwan*, которое обозначало в персидском языке «сборник стихов» [2, с. 207].

Таким образом, заимствования в немецкий язык происходили в периоды интенсивных культурных, политических и социальных контактов с другими народами, а также в эпохи значительных научных и технологических изменений. В историческом контексте персидские заимствования в немецкий язык чаще всего попадали опосредованно – через другие языки, такие как арабский, турецкий или греческий, особенно в периоды активных культурных и торговых контактов. Например, слова, связанные с товарами, культурой или наукой, могли проникать в немецкий язык через посредничество других культур.

Выводы. Персидские заимствования в немецком языке представляют собой свидетельство глубоких исторических, культурных и торговых связей между Западом и Востоком. Они попали в немецкий язык через греческий, латинский, арабский, турецкий и французский языки, адаптировались к немецкой лексической системе и обогатили её, сохранив связь с древними традициями. Многие из этих слов до сих пор активно используются.

Список литературы

1. Бах, А. История немецкого языка / А. Бах ; пер. с нем. Н. Н. Семенюк ; под ред. М. М. Гухман. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1956. – 344 с.
2. Duden. Das Herkunftswörterbuch : Etymologie der deutschen Sprache // Vollständig überarbeitete und erweiterte Auflage. – Berlin: Dudenverlag, 2020. – 960 S.
3. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache // Durchgesehene und erweiterte Auflage. – Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2011. – 1021 S.

УДК 81'373.421(=512.161)

СИНОНИМИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Д. Э. Челебиев,

*старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Введение. В работе рассматриваются теоретические вопросы изучения синонимии в лингвистике; понятие синонимии; выделяются признаки синонимичности; особенности синонимии имени прилагательного в турецком языке. Синонимы в лексике турецкого языка появились разными путями, самым значительным среди них является заимствованная лексика.

Актуальность работы. В тюркских языках синонимия широко изучена на материале карачаево-балкарского, татарского, узбекского, хакасского и других языков. Однако в турецком языке категория синонимии рассмотрена фрагментарно.

Целью данного исследования является формирование корпуса синонимов—прилагательных в турецком языке и определение лексико-семантических особенностей данного пласта лексики путем разделения на синонимические ряды на основе дифференциальных признаков. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) осуществить критический обзор состояния изученности проблемы и анализ основных исследовательских подходов к ней в общем и тюркском языкознании; 2) определить критерии синонимичности изучаемых лексических единиц; 3) систематизировать полученные результаты, сделать выводы.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: сравнительно-сопоставительный метод и метод компонентного анализа.

Результаты исследования. Лексический уровень языка представляет собой наиболее сложную, труднообозримую и недостаточно изученную систему с большим разнообразием связей, единиц, входящих в эту систему. Известно, что лексический уровень турецкого языка, как и любого другого, недостаточно полно изучен, прежде всего, из-за громоздкости материала, а также из-за постоянных изменений, происходящих в словарном составе. Очевидно и то, что лексикологические исследования, проведенные на произвольно выбранном словарном материале, не могут привести к более или менее достоверным выводам. Именно по этой причине, в последние годы все чаще говорится о том, что в решении данной проблемы отправной точкой может стать системный подход к изучению лексики.

Турецкий язык очень богат синонимами. На протяжении долгой истории своего становления он испытывал на себе воздействие арабского, персидского, греческого, западнославянских языков. В результате этого в турецкий язык проникло огромное количество иноязычных слов и увеличилось количество синонимов. Заимствованная лексика органично вошла в турецкий язык, прочно была усвоена народом и уже не воспринималась носителями языка как иноязычная. Ситуация изменилась в 30-е годы

XX века, когда активной деятельностью Турецкого лингвистического общества (TDK) заимствования были заменены турецкой лексикой. К примеру, арабское слово *zengin* «богатый, зажиточный», активно использованное османским-турецким языком, позже было заменено искусственно изобретенной лексемой *varlıklı*; арабское слово *asil* «знатный» – заменено словом *soylu* в этом же значении и т. д. Однако заимствованные слова не сразу исчезли из языка, долгое время использовались параллельно с новообразованиями, большая их часть продолжает существовать и поныне. Например, арабское слово *hassas* «чувствительный, впечатлительный» до сих пор не теряет свою активность, хотя и имеет в языке такие синонимы тюркского происхождения как *duygulu*, *içli*, *alınan*.

В языкознании принято считать, что синонимы – это слова «одной и той же части речи, ... имеющие полностью или частично совпадающие значения [3, с. 447]. Наличие «общего ядра значения» – обязательный признак синонимичности слов. Что же касается различий, то они могут быть и семантическими, и синтагматическими, и стилистическими, и словообразовательными.

Турецкий лингвист Доган Аксан утверждает, что ни в одном языке нет слов, абсолютно совпадающих по значению. Такие слова турецкого языка в синонимическом ряду *büyük – iri – kocaman – dev – devasa* объединены общим значением – «большой, крупный, огромный», однако слово *büyük* имеет дополнительное значение – «взрослый, старший по возрасту». Слова *iri – kocaman – dev – devasa* различаются оттенками основного значения, слово *iri* обладает наименьшей степенью данного признака, в то время как слова *dev* и *devasa* – наибольшей; *iri* «крупный», *kocaman* «огромный», *dev* и *devasa* «очень большой, исполинский». Такие синонимические пары как *cesur – yürekli* «смелый, отважный», *siyah – kara* «черный», *ak – beyaz* «белый» и т. п. состоят из тюркского и иноязычного компонента и имеют стилистические различия [4, с. 515].

В турецкой лексике, выделяются синонимические ряды, которые: 1) состоят из тюркских и заимствованных слов: *yoksul – fakir* «бедный, нищий», *güçlü – kuvvetli* «сильный», *uslu – akıllı* «умный, воспитанный», *üşengen – tembel* «ленивый» и др. Между тюркскими и иноязычными словами нередко наблюдаются различия в их смысловом сочетании с другими словами. Например, *kötü – kem* «плохой». *Kötü insan* «плохой человек», но словосочетание *kem insan* не употребляется. Персидское по происхождению слово *kem* встречается лишь в двух значениях: *kem göz* «дурной глаз», *kem söz* «плохое слово»; 2) состоят только из заимствованных слов: персидское *düşman* – арабское *hasım* «враг, враждебный», персидское *pak* (*pak adam* «честный, порядочный человек») – арабское *temiz* «нравственно чистый», *gani – zengin* «богатый» и др. Арабское слово *gani* в современном языке считается устаревшим, место его заняло относительно новое и тюркское по происхождению слово *varlıklı*. Слово *zengin* в этом синонимическом ряду занимает устойчивое положение и в настоящее время является словом-доминантой. Общетюркское слово *bay* в современном турецком языке считается устаревшим.

В турецком языке почти отсутствуют синонимические ряды, состоящие только из тюркских слов. Встречаются лишь некоторые группы синонимов, где тюркские лексемы сильно отличаются функциональными и стилистическими значениями. Например, *güzel – yakışıklı* «красивый, красивая», где *güzel* используется лишь по отношению к женскому полу, а *yakışıklı* – к мужскому полу. В группе *korkak – ödle – yüreksiz* «трусливый» слово-доминанта *korkak* является древнетюркским словом, значение «трусливый» двух последних слов появилось в результате переноса значений *ödü kopmak* или *patlamak* «(от страха) лопнуть (желчный пузырь)», *yüreği yok – yüreksiz* «нет сердца, т. е. смелости».

В турецком языке кроме синонимов есть еще слова близкие по значению. Близкие по значению слова не являются полными синонимами, однако могут использоваться друг вместо друга. Эти слова, имеющие разное чтение и написание, могут быть приняты за синонимы, но все-таки между ними имеются смысловые различия. Одно из них не может полностью заменить другое по смыслу. Большинство близких по значению слов являются исконно турецкими. Например, *bağımsız – özgür* «независимый, свободный», *doğru – dürüst – düzgün* «правильный, честный, упорядоченный» [1].

В некоторых контекстах синонимы не могут употребляться один вместо другого. Обычно это происходит, когда слова являются неполными синонимами. Например, *kara* и *siyah*, которые обозначают черный цвет, но они не могут заменять друг друга. *kara bahıtlı ≠ siyah bahıtlı* (Слово *kara* используется здесь не в прямом значении («черный»), а в метафорическом – «мрачный», поэтому его нельзя заменить на слово *siyah*) *karadeniz ≠ siyah deniz* (*Karadeniz* – имя собственное) [2].

Вывод. Синонимы в турецком языке неоднородны по своему генетическому составу: в них имеются как тюркские, так и заимствованные слова. Полного тождества между синонимами нет, они различаются по стилистической окраске и оттенками значения. Но иногда бывает трудно выявить оттенки значения, слова которыми различаются два синонима. Слова – синонимы различаются не только стилистической окраской и оттенками общего, основного значения: каждое слово имеет свою историю возникновения, функционирования в пределах активного или пассивного запаса слов, обрastaет рядом значений, вступает в ассоциативные связи с другими словами.

Список литературы

1. Щербинин, В. Г. Большой русско-турецкий словарь / В. Г. Щербинин : 100 тыс. слов и словосочетаний. – 2-е изд. – Москва : Рус. яз., 1998. – 680 с.
2. Баскаков, А. Н. Большой турецко-русский словарь / А. Н. Баскаков и др. : 200 тыс. слов и словосочетаний. – 2-е изд. – Москва : Рус. яз., 1998. – 966 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Aksan, Doğan. Her Yönüyle Dil. Ana Çizgileriyle Dilbilim / Doğan Aksan. – Ankara, 1995. – 568 s.

УКРАИНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 821.161.2.09

ХУДОЖНИЙ СВІТ ПОЕМИ «ХРИСТОС» ВОЛОДИМИРА СОСЮРИ

М. Г. Багрий,

кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается художественный мир поэмы «Христос» Владимира Сосюры. Поэма «Христос» в цикле религиозных поэм является единственным «новозаветным текстом», построенным с использованием евангельских событий и образов. Выразительной является попытка совместить ритуально-мифологические, религиозные, христианские представления с идеологическими доктринами и идеями социалистического реализма, с определенными советскими идеологическими стереотипами. Важным аспектом в исследовании особенностей трансформации библейского материала в поэмах Владимира Сосюры является то, что они обнаруживают возвращение к библейско-образным источникам даже во времена доминирования атеистического дискурса власти. Акцентируется внимание на особенностях изображения религиозного образа, художественных средствах выражения авторской позиции в произведении. Исследуется, как художественный мир произведения подчиняется идеологическим задачам, несмотря на стремление автора следовать традициям неоромантизма.

Ключевые слова: Владимир Сосюра, лирический герой, неоромантизм, соцреализм, *sacrum*, идеология, художественное произведение, художественный мир.

Summary. The article examines the artistic world of the poem *Christ* by Vladimir Sosyura. The poem *Christ* in the cycle of religious poems is the only “New Testament text” constructed using gospel events and images. In this poem, an expressive attempt is made to combine ritual-mythological, religious, and Christian ideas with ideological doctrines and ideas of socialist realism, with certain Soviet ideological stereotypes. An important aspect in the study of the peculiarities of the transformation of biblical material in Vladimir Sosyura’s poems is that they reveal a return to biblical-figurative sources even during the time of the dominance of atheistic power discourse. Attention is focused on the peculiarities of depicting a religious image, artistic means of expressing the author’s position in the work. The article examines how the artistic world of the work is subordinated to ideological tasks despite the author’s desire to follow the traditions of neo-romanticism.

Key words: V. Sosyura, lyric hero, neo-romanticism, socialist realism, *sacrum*, ideology, artwork, art world.

Серед безлічі біблійних образів Володимир Сосюра обирає, на наш погляд, найпоширеніші та водночас найзагадковіші: підступного Ваала, жорстокого Каїна, покірного Мойсея, жертвовного Христа. До того ж два перші є водночас уособленням Зла та Гордині, інші – Милосердя та Смиренності. Літературознавці щодо цього говорять про використання «вічних», «світових», «класичних», «традиційних», «магістральних» тощо образів-персонажів. Так, Наталія Калустова дає ґрунтовну характеристику вищезазначеним категоріям. Виокремимо найяскравіші визначення: «Вічні образи ... народилися на реально-історичній основі і є творіннями, співвіднесеними національним літературам, втіленнями соціальних характерів, мають здатність перевтілюватися, отримуючи властивості різних народів, відображають

національні і водночас загальнолюдські якості, загальний для всіх століть і народів зміст; виражають пошуки людиною свого місця на землі, прагнення справедливості, відданість ідеї, глибоко духовні, ... відмічені глибиною психологічного проникнення в характери, є «відкриттями людського серця» ... втіленнями певного людського типу і водночас філософічні, отримують смисл художніх символів; створені внаслідок фіксації якихось кардинальних моментів у житті людини та людства; характери, ситуації, конфлікти, що лягли в їх основу, конкретні і разом з тим вкрай узагальнені, тому повторювані для людини і людства, постійні та універсальні» [4, с. 24–25]. За Наталією Калустовою, отже, подібні образи «створені внаслідок фіксації якихось кардинальних моментів у житті людини», тобто вони не передбачені буденністю, а є «відкриттями людського серця».

Важливим аспектом у дослідженні особливостей трансформації біблійного матеріалу в поемах Володимира Сосюри є те, що вони виявляють повернення до біблійно-образного джерела навіть у часи домінування атеїстичного дискурсу влади, що в свою чергу зумовлює намагання митця пристосуватися до ідеологічних табу. У художньому світі поеми автор поєднує взаємовиключні речі: опоетизовує ідеологічні постулати свого часу, але подає їх крізь призму релігійних образів та послуговується засобами і прийомами неоромантизму. У такому аспекті розглянемо поему «Христос».

Звернення Сосюри-поета до євангельських мотивів, сюжетів, образів є підтвердженням того, що художня трансформація та функціонування цього культурно-історичного, релігійного, аксіологічного надбання юдеохристиянської цивілізації «винятково різноманітне за формами і способами його трансформації, зумовленими соціально-ідеологічними та філософського-психологічними установками культурно-історичної епохи, яка їх сприймає, своєрідністю авторського задуму, ерудицією письменника та ін. Це дописування, доповнення, художні перекази канонічних текстів, наукові тлумачення і т. п.» [1, с. 7–8]. Погоджуємося із думкою Володимира Антофійчука, котрий, аналізуючи інтерпретацію біблійних текстів, що «сприяє популяризації сюжетно-образного матеріалу і передбачає певний рівень авторської свободи», зазначає що для подібних творів характерним «є створення так званих «літературних євангелій», автори яких у тій чи іншій формі намагаються усунути численні лакуни, замовчування та недомовленості священних текстів, наблизити їх метафоричний і символічний підтекст до етичних уявлень та повсякденного життя звичайної людини» [1, с. 8]. Таким чином, закономірним є те, що в ідеологічній доктрині поеми релігійне світоуявлення тісно переплітається з сучасними авторові соціокультурними доктринами. Так, Христос виступає як реалізатор ідей, які цілком співзвучні з комуністичними пропагандивними кліше.

Головний герой твору, зображений у традиції неоромантизму, – Той, хто зміг «так уплинути на душі, / світлі душі злидарів, / хто, як вітер голу грушу, / розхитав багатіїв...» [7, с. 56] – проголошує: «Не мир на землю я приніс, / Де пан раба, як вовк той, гриз, / гризе і гризти буде...». Ці ідеї доповнюються картинами майбутнього раю, зображення яких майже дослівно наслідують соцреалістичну поетику зображення «світлого майбутнього» – комунізму: «...Тільки в вільному труді / ми зможем світ прекрасний / здобуть! А труд од ланцюгів / ми звільнимо у битві» [7, с. 57]. Цьому «звільненому труду» (тобто тому, що асоціюється із пролетаріатом) Христос закликає молитися, бо «другої молитви не знаю я» [7, с. 57], й тоді ідея «пролетаріату» запанує над світом: «І стане світ, як знамено, / без сліз, і крові, й муки, / без злих кайданів, без нужди...» [7, с. 57]. Тут можемо говорити про неоромантичний порив «*ins Blau*» – «у блакить», до омріяної дійсності, яка контрастує з буденністю, приземленістю щоденних клопотів. У поемі це – «світ ... без нужди». Пропагандивне кліше «братерства всіх народів» теж знаходить у творі своє відображення: «Самаритянину – євреї / подай братерську руку!» [7, с. 58]. Тут же з'являються алюзії до протиставлення

комуністичного раю, який проголошує Христос, капіталістичному ворожому світу (його уособленням є Рим), в якому нидіє «пролетаріат»: «...Рим – вампір, але і там, / у цім проклятім Римі, / такі ж, як ми, і руки нам / вони простерли...» [7, с. 58]. На суперечності між світом, який герой омріює для себе, і реальними обставинами його життя виникає здебільшого конфлікт неоромантичного твору. При тому все ускладнюється тим, що неоромантичний герой не цурається оточення, а намагається співіснувати з буденністю.

Пуантом поєднання комуністичної ідеології та євангельського сакрального світу є, назвати б це, «фаворське світло комунізму», яке осяває Маріям після слів Христа про те, що «де пусто все було» розквітне сад «світлого майбутнього»: «І неземне чудесне світло / Маріям душі залило» [7, с. 77]. Первосвященик Анна також декларує комуністичні ідеї: «Та що є верх і низ? / Я знаю: верх є комунізм, / який гряде...» [7, с. 69].

Можна погодитись із думкою про те, що «процес формування *homo totalitaricus* як квазі-*homo religiousus* передбачає вироблення взірцевих моделей поведінки та ідей, що забезпечують вписуваність людини у сакральний світ» [8, с. 326]. Тому червоні ангели можуть цілком стати прикладом для поколінь їх наступників і нащадків – «будівників комуністичного завтра». У заспіві поеми, отже, не випадково з'являється образ зорі, поява якої, згідно з євангельською традицією провістила народження Месії. У Володимира Сосюри – це один із образів, котрий можна трактувати як образ, що одночасно має семіотико-семантичне закорінення у євангельському епосі та у авторській інтерпретації (Вифлеємська зоря / зоря комунізму): «...Зоре з небозводу, усіх віків омріяна зоря, / його прихід ти світу возвістила...» [7, с. 51].

У зображенні життєвого шляху Ісуса, який залишається поза увагою євангельських текстів (від 12 років до часу його появи як проповідника через два десятиліття), автор використовує апокрифічні оповіді, зокрема й буддистські: «Христос – юнак. Вершина Євересту. / І храм на ній. Він в храмі тім чернець, / наук проходить зоряні семестри / в сімох мужів...» [7, с. 51]. Сакральність образу Христа проявляється в багатьох аспектах, зокрема у видінні його матері Марії, в якому його постать набуває співмірних розмірів із галактичними: «Стоїть Христос, мов весь з зірок, / в світів шаленім русі» [7, с. 54]. Така поява Христа Марії виражає вражаючу сакральність миті його появи: «Земля хитнулась... Це рука / лягла їй на волосся» [7, с. 54]. Цей жест покладання руки на голову у поемі несе у собі надзвичайно глибоке семантичне навантаження, адже у християнській культурі вкрай важливою є «значущість жестів руки по відношенню до всіх інших жестів» [9, с. 155], яка запозичена з античного світу. У цьому випадку це не просто рука сина, який кладе руку на голову матері, це – рука Господа (*Dextera Domini* – Долоня Божа). З одного боку, вона «неначе промінь той, легка», але, одночасно, й настільки важка, що від цього жесту «Земля хитнулась». Йдеться очевидно про відчуття *кайросу* – сакрального часу, в який, на фоні космічних подій, відбувається діалог Матері Божої та Її Сина. Стилістична індивідуальність автора народжує неповторний художній світ поеми, утворює «той специфічний міто-поетичний контекст, який тісно пов'язаний з народною психологією і зорієнтований на авторську реальність» [1, с. 145].

Володимир Антофійчук, наголошуючи на тому, що у творчості Володимира Сосюри «досить своєрідно інтерпретуються біблійні структури», вказує, що у поемі на рівні подій та асоціативно-символічному підтексті простежуються акцентовані автором зв'язки між євангельським текстом та епохою «будівництва комунізму»: це й «революціонізація» образу Месії», яка характерна для літератури першої половини ХХ віку, й «змістові та лексичні анахронізми, які до певної міри руйнують етичну відстань між євангельським універсумом і епохою-реципієнтом (поліцай, комунізм, мотори, стяги пурпурові, жандарми, куранти) [...]» [1, с. 144]. Поєднання постаті Христа й

революційної героїки могло бути своєрідним відлунням символіки поеми Олександра Блока «Дванадцять». У Блока подібне, як у Сосюри, накладання образів червоних прапорів і Христа попереду революційних колон – як символів змін, що ураганом ідуть у паралельних світах, між якими часова віддаль у два тисячоліття: «... Ветер с красным флагом / Разыгрался впереди... // Старый мир, как пес паршивый, / Провались – поколочу! / Впереди – с кровавым флагом... / В белом венчике из роз – / Впереди – Иисус Христос» [2, с. 544–545].

Метафора Блока – Христос, який крокує попереду революційних колон, несучи червоний прапор, – отримує особливе розгортання й ідеологічне вивершення в метафоризації Сосюриного образу Бога. У діалозі Анни та Іуди, на питання останнього «Хто ж Бог?», Анна відповідає: «Народ. Коммуна йому ім'я» [7, с. 70]. Підтвердженням такої паралелі є алюзія до Блокового образу Месії «в белом венчике из роз»: у Сосюри зображено візію Маріям розіп'ятого Христа на Голгофі, де вона його бачить / уявляє «лиш не в вінку з кривавих роз» [7, с. 77]. У контексті тієї ж Блокової метафори можна зрозуміти, чому Юда проголошує Христа ледь не комуністом (додаючи, що він зраджує Месію з любові до нього, за його ж наказом: «Він хоче так. / На жертву він / іде в ім'я любові»): він – «Комуни син, народу син. / З його святої крові, / Що зрсить поколінням путь, / Як стяги пурпурові, / мільйони янголів зростуть / з його святої крові...» [7, с. 73]. Зауважимо, щодо концепту зради, у Сосюри – подібний до Черкасенкового драматичний конфлікт (Спиридон Черкасенко «Ціна крові»): у Юди від ревності «пекельного страждання / Загусла кров з-під вій» [7, с. 63]. Отже, причина Юдиної зради – це не тільки ревності.

Роже Каюа вважає, що в подібному поєднанні, здавалося б, непокінчених наративних стратегій зображення сакрального, проявляється діалектика категорії *sacrum* [про цю категорію див. детально: 6], динаміка якої спрямована на дихотомію притягування й відштовхування. Будь-яка сила, що втілює цей рух «прагне до розкладу: її первісна двозначність розкладається на антагоністичні і взаємодоповняльні елементи, в яких взаємно пов'язуються почуття поваги і відрази, бажання і остраху, які інспіровані її визначальною двозначною природою. Але як тільки ці полюси народилися від послаблення (*distension*) останньої, яке вони викликають кожен із свого боку, оскільки якраз вони містять властивість священного, ці ж самі амбівалентні реакції змушують їх ізолюватися один від одного» [5, с. 56].

Соціальний ідеологічний пласт художнього світу поеми тісно переплітається із деклараціями сакральності часу, постатей, зображених у творі. Виявами цієї сакральності є зображення Бога: «Хмари – Бога вії, / а із них все блись!...» [7, с. 61]; «І плаче з горя Бог, / дощем холодним плаче, / скупим, дрібним і злим...» [7, с. 64]; «Гроза вирує [...] А вгорі лютує / молніями Бог» [7, с. 61]. Христос, «грізний, огнеокий», зі «словом огненным пророка» під час Таємної вечері п'є з чаші (йдеться про встановлення Тайни Пресвятої Євхаристії), яка несе на собі печать неземного походження: «Він п'є, а чаша вся сія, / мов з зоряних заграє...» [7, с. 66]. Сакральним є і кохання, яке палає в душі Магдалини – це «святий вогонь» [7, с. 60]. Неоромантична концепція двох світів – ідеального й реального – виявила себе заглибленням у сферу переживань особистості, у філософських рефлексіях.

Таким чином, есхатологічні візії й художнє їх освоєння в поемах релігійного циклу Володимир Сосюри є одним із проявів не тільки художнього повернення до вічних тем, задекларованих у сакральних текстах, але й художньою спробою реалізувати релігієморфні уявлення й міфологеми сучасного йому радянського суспільства. Для соцреалізму, який для художньої літератури був методом і мистецькою метою втілення ідеологічних доктрин, сакральний міф дозволяє виразити найважливіші елементи ідеологічних доктрин у метафоричній формі: «Сакральний простір, час, «завойована» природа, *homo totalitaricus* стають основними учасниками

тоталітарного міту – найповнішої реалізації тоталітарної сакральності. [...]. Тоталітарна культура представляє кілька мітів. Це – міт про творення («острова», «дому», «Країни Рад»), міт про золотий вік, який пов'язаний з апологією майбутнього, міт про «країну героїв» і, врешті-решт, міт про «нову країну» [8, с. 326]. У цьому контексті слід пам'ятати, що, за Мірча Еліаде, міф, «розказуючи» історію, стає незаперечною істиною, «він завжди є розповіддю про творення: він розповідає, як щось сталося, як воно почало бути. Ось чому міт рівнозначний онтології: в ньому йдеться лише про дійсне, про те, що справді відбулося, проявилось цілком» [3, с. 51].

Художній світ поеми будується на своєрідному накладанні двох різних і різнорідних часо-просторових площин, кожна з яких має певне сакральне закорінення (як у міфологічно-ритуальному просторі, так і у тексті Святого Письма), а разом з тим будується на контамінації з ідеологічною та ідейно-естетичною доктриною більшовизму. Перша з цих різнопланових площин, які присутні в поетичному циклі, – це хронотопна площина біблійних подій, що отримує особливу інтерпретацію. Друга площина – це сучасний світ автора. Кожен хронотоп, що характеризує людське буття у світі та екзистенцію окремо взятої особистості, на переконання Мірчі Еліаде, «не є однорідним; він складається з розривів, тріщин, існує священний простір, він «могутній», значущий, і існують інші простори, не святі». Така «відсутність однорідності простору полягає в усвідомленому протиставленні святого простору, при цьому тільки він є реальним, справді існуючим, і того хаосу, що його оточує, решти світу» [3, с. 12]. Між профанним, земним часом і часом сакральним «наявний зв'язок безперервності; однак через ритуали віруюча людина може без перешкод «перейти» зі звичайного часу в час священний» [3, с. 36–37]. Такий перехід у поемах Володимира Сосюри здійснюється від представлення подій сакрального часу до зображення його особливих переживань (зокрема, й побутових чи еротичних), які стають ніби ілюстрацією того, як сакральний час і простір можуть поєднуватись із сучасністю самого автора й навіть із його особистою долею. Разом ці дві темпоральні площини творять у поетичному світі твору своєрідну амальгаму: на першооснові біблійного та апокрифічних текстів твориться новий текст. Він є конгломератом цілого комплексу факторів: стилю, авторської поетики, ідеологією, соціокультурним зрізом.

Список використаних джерел

1. Антофійчук, В. Євангельські мотиви в українській літературі кінця XIX–XX ст. / Володимир Антофійчук, Анатолій Нямцу. – Чернівці : Рута, 1996. – 208 с.
2. Блок, А. Дванадцять / Александр Блок // Блок Александр. Избранные сочинения. – Москва : Худ. литература, 1988. – С. 535–545.
3. Еліаде, М. Мефістофель і андрогін : Священне і мирське; Міфи, сновидіння і містерії; Мефістофель і андрогін; Окультизм, ворожбитство та культурні уподобання / Мірча Еліаде. – Київ : Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2001. – 591 с.
4. Калустова, Н. К. К вопросу о вечных образах в литературе : Исторический аспект проблемы / Н. К. Калустова // Вечные темы и образы в советской литературе : межвуз. сб. научн. трудов. – Грозный : ЧИГУ, 1989. – С. 24–25.
5. Каюа, Р. Людина та сакральне / Роже Каюа ; пер. з фр. А. Усик. – Київ : Ваклер, 2003. – 256 с.
6. Набитович, І. Універсум *sacrum* у в художній прозі : від Модернізму до Постмодернізму / Ігор Набитович. – Дрогобич–Люблін : Посвіт, 2008. – 600 с.
7. Сосюра, В. Христос : легенда / Володимир Сосюра // Сосюра В. Вибрані твори : у 2-х т. – Київ : Наук. думка, 2000. – Т. 2. – С. 51–77.
8. Хархун, В. П. Соцреалістичний канон в українській літературі : генеза, розвиток, модифікації / В. П. Хархун. – Ніжин : Гідромакс, 2009. – 508 с.
9. Шмітт, Ж.-К. Сенс жесту на середньовічному Заході / Жан-Клод Шмітт. – Харків : Око, 2002. – 640 с.

**ХАРАКТЕРИСТИКА ІНСКРИПТІВ
З ОСОБИСТОЇ БІБЛІОТЕКИ ПРОФЕСОРА О. І. ГУБАРЯ
ЗА ЗАГАЛЬНОЮ СЕМАНТИКОЮ ТЕКСТУ**

И. С. Гладкая¹, Н. И. Пелипасъ²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.

Вернадского», Симферополь

²заведующий кафедрой украинской филологии, кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.

Вернадского», Симферополь

Аннотация. Объектом исследования в данной статье являются тексты дарственных надписей на русском, украинском и белорусском языках в личной библиотеке профессора-литературоведа и литературного критика А. И. Губаря, собственноручно сделанные дарителями – авторами книг.

Цель исследования состоит в классификации инскриптов на основании общей семантики текста на примере отдельного библиотечного собрания.

Семантика текста в инскриптах связана с контекстом дарения. В исследуемом книжном собрании наиболее продуктивными являются инскрипты-пожелания, инскрипты-благодарности (инскрипты, являющиеся свидетельством признательности), инскрипты-посвящения (инскрипты, характеризующие индивидуальность адресата или отсылающие к сфере его деятельности), мемориальные инскрипты, инскрипты, являющиеся данью вежливости или традиции.

Ключевые слова: дарственная надпись, инскрипт, семантика текста, личная библиотека, А. И. Губарь.

Summary. The object of research in this article is the texts of gift inscriptions in Russian, Ukrainian and Belarusian in the personal library of Professor A. I. Gubar, a philologist and literary critic. Inscripts were personally made by the donors – the authors of the books.

The purpose of the study is to classify the inscriptions based on the general semantics of the text using the example of a separate library collection.

The semantics of the text in the inscriptions is related to the context of the gift. In the book collection under study, the most productive are inscripts-wishes, gratitude inscripts (inscriptions that are evidence of appreciation), dedication inscripts (inscriptions that characterize the addressee's personality or refer to his field of activity), memorial inscripts, as well as inscriptions that are a tribute to politeness or tradition.

Key words: gift inscription, inscript, text semantics, personal library, A. I. Gubar.

Дарчі написи, або інскрипти, у різних бібліотечних зібраннях, написані однією людиною чи одній людині присвячені, останнім часом привертають увагу представників різних гуманітарних наук – книгознавців, соціологів, теоретиків та істориків літератури, лінгвістів (детальніше про це див. [2]), які вбачають у цих маленьких рукописних текстах значний дослідницький потенціал. У спробах систематизувати інформацію про інскрипти пропонуються різні варіанти їхньої класифікації. Наприклад, О. А. Косих називає шість підвалин для групування дарчих написів, виділяючи серед них і загальну семантику тексту. За цим принципом авторка розрізняє інскрипт-побажання, інскрипт-подяку, інскрипт-присвяту та меморіальний інскрипт [3, с. 9–61]. Проте семантика текстів, зосереджена в інскриптах, не

обмежується варіантами, названими О. А. Косих (виділені дослідницею типи стосуються лише залученого в її роботі фактичного матеріалу). Класифікація за семантичним принципом пов'язана з різними комунікативними ситуаціями, що зумовили появу рукописних текстів у книгах. Широке коло відповідних ситуацій окреслює Л. П. Биков: «Інскрипт може бути даниною ввічливості, зворотнім даром, свідченням вдячності, показником ступеня близькості, мемуарним штрихом, фіксацією місця та часу або ситуації дарування, характеристикою творчої або людської індивідуальності адресата, відсиланням до сфери його (або адресата) діяльності, спонукальним імпульсом, вітальним жестом, прикметним коментарем» [1, с. 23–26].

Метою цього дослідження є класифікація інскриптів, зосереджених в особистій бібліотеці О. І. Губаря, за загальною семантикою текстів. Автори вже зверталися до такої характеристики [2, с. 123–125], але попередня спроба обмежувалася написами українською мовою, які становлять хоч і вагому, проте не провідну частину досліджуваного матеріалу.

Значну кількість інскриптів у книжковому зібранні О. І. Губаря становлять інскрипти-побажання. Їхніми маркерами, за справедливим зауваженням О. А. Косих, є текстами «бажаю» («желаю») та «з побажанням» («с пожеланием») [3, с. 60], наприклад: *«Дорогому Александру Ивановичу. Жму руку, обнимаю, желаю жить, жить. Здоровья! / 23 дек. 87.»* (з книги: Терехов, Владимир. Имя. – Симферополь : Таврия, 1987) (тут і далі тексти інскриптів або їхні уривки подаються курсивом, мовою оригіналу та в авторській редакції. – І. Г., М. П.); *«Дорогому Олександру Ивановичу Губарю з побажанням найбільших творчих успіхів. / [Підпис] / 17.IV.63 р.»* (з книги: Черевичний, Дмитро. Пісні напровесні. – Симферополь : Кримвидав, 1963). Додамо, що в останньому випадку ідеться переважно про форму множини та конкретизувальні прикметники, як-от *«с добрыми пожеланиями», «с самыми добрыми пожеланиями», «с наилучшими пожеланиями», «з наилучшими пожеланиями», «з наилучшими пожеланиями»* або *«з наилучшими пожеланиями»*: *«Александру Ивановичу – шчыра, сардэчна, з найлепшымі пажаданнямі у жыцці і творчасці, / [Підпис] / май 1993 г.»* (підкреслення автора інскрипта. – І. Г., М. П.) (з книги: Казакоу, Міхась. Вянок васільковы : вершы. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1992). Вважаємо також, що семантика побажання може виявлятися імпліцитно: *«Дорогому Олександру Ивановичу на вічне щастя, весняний настрій, творчі удачі. / З любов'ю / Автор [Підпис] / 27/IV 1967 р.»* (з книги: Невінчана, Валентина. Голубі дороги. – Симферополь : Крим, 1967).

Типовою ситуацією, що зумовлює дарування книги з пам'ятним написом – побажанням, є вітальний жест з нагоди якоїсь святкової дати, наприклад, ювілею адресата: *«Дорогому Александру Ивановичу Губарю в день его славного юбилея – с пожеланиями доброго здоровья, душевной ясности и долгих лет. / С уважением – Светлана Ягупова. / 7/IX.82 г.»* (з книги: Ягупова, Светлана. И ноль-пространство разомкнутъ : повести. – Симферополь : Таврия, 1982).

Поважне місце в особистій бібліотеці О. І. Губаря належить інскриптам-подякам (інколи вони, як і інскрипти інших типів, адресовані О. І. Губарю разом з дружиною – М. О. Копиткіною або саме дружині). Крім названої О. А. Косих лексеми «з подякою» («с благодарностью») [3, с. 60], віднаходимо близькі за семантикою *«благодарно», «благодаря которому...», «з почуттям ... вдячності»*. В аналізованому зібранні дарувальники висловлювали адресатові вдячність за наставництво, підтримку, доброту, розкриття таланту, спонукання до творчості, поширення творчості, справедливу та доброзичливу критичну оцінку їхньої творчості, наприклад: *«Александру Ивановичу Губарю – полководцу крымской литературы с нежностью и благодарностью за доброту, участие и учебу. / Елена Захарченко. / 3 сентября / 1988 г.»* (з книги: Созвездие : стихотворения, переводы, воспоминания, публикации, заметки / [сост.

В. Азаров, С. Ботвинник]. – Ленинград : Сов. Писатель : Ленингр. отд-ние, 1988). Як і побажання, подяка може виражатися імпліцитно: *«Олександру Івановичу за щире критичне слово і пристрасну любов до поезії з найглибшою повагою / Володимир Трохименко»* (з книги: Первоцвет : стихи молодых поэтов Крыма и Херсонщины / сост. В. П. Терехов. – Симферополь : Таврия, 1978). Це стосується і напису самого О. І. Губаря на книзі, що, можливо, лишилася неподарованою: *«Славной Зинаиде Михайловне Хорошиловой, благославлявшей эту работу на конкурс. /Подпис/ / 7.I.85 г.»* (з книги: Губар, О. І., Чернець Л. М. Павло Тичина : семінарій. – Київ : Вища школа, 1984).

До виділених О. А. Косих інскриптів-присвят [3, с. 60] зараховуємо ті, що, за тлумаченням Л. П. Бикова, є характеристикою творчої або людської індивідуальності адресата [1, с. 26]: *«Дорогой Александр Иванович, не в порядке подхалимажа, а от души, как человеку с поэтическим сердцем, с настоящей человеческой душой! / Борис Серман 16.III.1967 г.»* (з книги: Серман, Борис. Разлуки и встречи : стихи. – Симферополь : Крым, 1966), а також відсиленням до сфери його діяльності: *«Ми любим критику, що в творчість перейшла / і дружбу з критиком, що ніжно серце тисне. / У критиці два рівних є крила – / Хвалить і бить – прекрасне і корисне. / Олександру Івановичу Губарю від Автора. / 13. III.1964 р.»* (з книги: Славута, Анатолій. Багряна Голубінь. – Симферополь : Кримвидав, 1964).

Зазначаючи, що всім інскриптам може бути притаманна меморіальність, О. А. Косих усе ж пропонує виділяти окрему групу текстів із такою назвою, які об'єднує сема «на пам'ять» [3, с. 60]. В аналізованій книжковій колекції формальне вираження ця сема віднаходить у словах «на память», «на добрую память» (найчастіше), «на память самую добрую», «на згадку», «на добру згадку», «на спогадання», «в память» та суто «память»: *«Моим добрым друзьям, Майе и Александру Ивановичу – Память о теплой встрече в январской Ялте. Нехай вам щастить, дзвіночки-голубочки! /Подпис/ Ялта. Дом творчества. II/ I-80 год»* (з книги: Никаноркин, Анатолій. Крымские этюды : рассказы, очерки, повесть. – Симферополь : Таврия, 1979).

До інскриптів, які є даниною ввічливості (а можливо письменницької традиції), зараховуємо лаконічні написи, що підкреслюють повагу до адресата, але не вказують на особисті відносини або ж деталі ситуації дарування: *«Александру Ивановичу Губарю – с давним и неизменным уважением / А. Лесин / 22-I-79 г.»* (з книги: Лесин, Александр. Узел : стихи. – Симферополь : Таврия, 1978).

Інскрипти – «мемуарні штрихи» вказують на окремі факти біографії, що з плином часу не завжди піддаються розшифруванню. Як правило вони є і виразниками ступеня близькості між учасниками комунікації: *«Дорогому Александру Губарю, старому хорошему другу, с которым было... съедено столько пудов соли – от автора. / г. Евпатория / 10.VI.65 г.»* (з книги: Голованевский, М. Кузнецы детского здоровья. – Симферополь : Крым, 1965. – 45 с.).

Майже в усіх аналізованих інскриптах присутня фіксація дати дарування, у деяких випадках вона ніби стає самоціллю, як, наприклад, у книзі К. Ю. Фролова: *«/Подпис/ / 2.08.98.»* (з книги: Фролов, Константин. Вера : стихи. – Симферополь : Крымский архив, 1996). Порівняно рідше розкривається місце або ж ситуація дарування. З показових прикладів тут можемо навести інскрипт від Л. Кондрашенка: *«Дорогому Учителю и другу – Александру Ивановичу / Сердечно / в судный день / /Подпис/ / 11.III.78.»* (з книги: Кондрашенко, Леонард. Горсть земли : стихи. – Симферополь : Таврия, 1978).

До інскриптів, що транслиють спонукальний імпульс, зараховуємо тексти з висловленим проханням чи сподіванням, як-от: *«Александру Ивановичу Губарю с уважением и надеждой на доброжелательную критику. /Подпис/ 1971 г.»* (з книги:

Плотников, Александр. Много в море дорог : повести и рассказы. – Симферополь : Крым, 1970).

До оригінальних інскриптів, що раніше не виділялися дослідниками, зараховуємо напис від Валерія Митрохіна, який за семантикою тексту можемо класифікувати як інскрипт-вибачення: *«Горю от стыда и угрызений совести дорогому Александру Ивановичу Губарю от В. Митрохина / 20.10.81.»* (з книги: Митрохин, Валерий. Медовый месяц май. – Симферополь : Таврия, 1981).

Таким чином, інскрипти з особистої бібліотеки О. І. Губаря демонструють широкий спектр контекстів, у яких відбиваються різні ситуації дарування – причини появи текстів та їхньої семантичного наповнення. Так, наявність дарчих написів мотивується даниною ввічливості, вдячністю за різні види діяльності обдаровуваного, привітанням та навіть вибаченням тощо.

За всієї привабливості класифікації інскриптів за загальною семантикою тексту (чи за ситуаціями, що зумовлюють появу інскриптів) зазначимо, що поділ їх на вказані вище групи досить умовний, адже в одному інскрипті можуть поєднуватися різні мотивації.

Поза увагою в цьому дослідженні лишилися інскрипти, у яких автори дарчих написів апелюють не до адресата, а до себе чи своєї книги, що може стати предметом наступної роботи.

Список використаних джерел

1. Быков, Л. П. Инскрипт как затекст / Л. П. Быков // Феномен затекста: монография ; под общ. ред. Т. А. Снигиревой, А. В. Подчиненова. – Екатеринбург : Издательство Уральского федерального университета, 2022. – С. 17–32.
2. Гладкая, И. С. Инскрипты на украинском языке в личной библиотеке профессора А. И. Губаря / И. С. Гладкая, Н. И. Пелипась // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2024. – Т. 21, № 4(98). – С. 116–127.
3. Косых, Е. А. Инскрипт в речевой парадигме социума: к проблеме классификации / Е. А. Косых // Филология и человек. – 2022. – № 1. – С. 53–66.

УДК 811.161.2'282

ДИАЛЕКТНА СКЛАДОВА МОВИ ХУДОЖНІХ ТЕКСТІВ ГНАТА ХОТКЕВИЧА

Е. В. Дехтярева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В настоящее время не утратило своей актуальности изучение народного слова лингвистами. Чаще всего эмпирическим материалом служит художественный текст. Статья посвящена анализу диалектных особенностей художественных текстов Гната Хоткевича. Обосновывается роль диалектизмов в языке художественных произведений, их функционально-стилистический потенциал, а также необходимость дальнейшего изучения и описания. Рассмотрены диалектные фразеологизмы, зафиксированные в текстах писателя и отражающие фонетические, морфологические, лексические, синтаксические особенности гуцульского диалекта. Для решения поставленной задачи были использованы описательный и структурный методы исследования.

Ключевые слова: диалектная фразеологическая единица, художественный текст, диалектизм, диалектные особенности, гуцульский диалект.

Summary. At present, the study of the folk word by linguists has not lost its relevance. Most often, the empirical material is a literary text. The article is devoted to the analysis of dialectal features of the literary texts of Gnat Khotkevich. The role of dialecticisms in the language of literary works, their functional and stylistic potential, as well as the need for further study and description are substantiated. Dialectical phraseological units recorded in the writer's texts and reflecting the phonetic, morphological, lexical, syntactic features of the Hutsul dialect are considered. Descriptive and structural research methods were used to solve the set task.

Key words: dialectal phraseological unit, artistic text, dialectism, dialectal features, Hutsul dialect.

Пошуки нової функціонально-мовленнєвої парадигми в останні роки привертали пильну увагу вчених до природи фразеологізмів як знаків вторинного найменування з потужним експресивним та оцінним потенціалом, як репрезентантів матеріальної й духовної культури (див. праці М. Л. Ковшової, О. П. Левченко, В. М. Мокієнка, О. О. Селіванової, В. М. Телія тощо).

Художній текст є образним відображенням світу та дійсності, і кожен письменник особливим чином відображає у своїх творах той світ, який його оточує. Прагнучи пізнати та описати навколишній світ, автори пропускають його через себе та виражають його за допомогою унікального вибору лексичних одиниць. Одними з таких, що увиразнюють та характеризують індивідуальний стиль письменника, є діалектні фразеологізми. «Місцеві фразеологізми органічно входять до системи експресивних засобів діалектного мовлення і є вдачим матеріалом для дослідження соціолінгвістичних та психолінгвістичних основ говіркової мовленнєвої виразності, для дослідження естетичної, емотивної та волюнтативної функції живого народного мовлення, для дослідження стильової диференціації цього мовлення» [7, с. 105].

Художній дискурс є особливим простором функціонування діалектизмів. Діалект – говір, місцевий різновид мови. Діалектизмами називаємо: 1) фонетичні діалектизми – місцеві звукові особливості, різко відмінні від літературних; 2) морфологічні діалектизми – місцеві форми слів, не унормовані граматично; 3) синтаксичні діалектизми – місцеві особливості будови речення, незвичні й неприйнятні в літературній мові; 4) лексичні діалектизми, тобто окремі слова, що потрапляють у художню літературу. Ці чотири типи діалектизмів у різних варіаціях доволі часто виступають у компонентному складі діалектних фразеологічних одиниць (далі ДФО) та свідомо використовуються письменниками як стилістичний засіб для змалювання місцевого життя й персонажів із діалектного середовища.

Постійний та невідворотний процес взаємодії літературної мови з діалектами потрібно розумно спрямувати насамперед на збагачення зображальних можливостей мови художньої літератури. «Текст, який містить діалектні фрагменти, будучи опублікованим, робить контакт діалекту і літературної мови у вигляді співіснування їх елементів в одній площині частиною мовного досвіду кожного читача впродовж будь-якого часового відрізка від моменту його публікації. Читач поставлений перед необхідністю прийняти мовний менталітет автора в такому вигляді, у якому він відображений у тексті» [2, с. 59].

Діалектні фразеологізми є невід'ємною частиною культурних фонових знань носіїв мови, оскільки ДФО – вислів, у якому завжди присутній менталітет народу, його світосприйняття, культури, а механізми і закономірності кодування і дешифровки поданих одиниць передаються від покоління до покоління.

Гнат Хоткевич належить до тих письменників, які не були уродженцями Гуцульщини, однак вдало використовували у своїй творчості гуцульські діалектні риси. Письменник ретельно досліджував цю говірку, використовував при написанні творів. Письменник прискіпливо, дбайливо й відповідально ставився до вживання слів

гуцульської говірки, вивчаючи й осмислюючи кожне з них. Авторська мова його творів становить довершений зразок тогочасної української літературної мови з використанням у пейзажних описах, у характеристиках зовнішнього вигляду героїв, побуту, господарської й професійної діяльності лексико-семантичних діалектизмів, тоді як мовлення персонажів, наскільки дозволяє правописна система без транскрипції, наближене до гуцульського говору, де письменник, використовуючи ДФО, якнайточніше і найповніше відбиває особливості гуцульського діалекту.

Фонетичні особливості.

1. Звук [а] незалежно від походження після м'яких приголосних і шиплячих внаслідок пересунення артикуляції в напрямку до переднього ряду і середньо-високого піднесення переходить у голосні переднього ряду [е], [и], що відбулося під впливом попереднього м'якого приголосного: *Та на кого ти, мудрагелю, руку піднесв* [5, с. 291].

2. Ствердіння [ц] у кінці слів: *Та й був там довго Білоголовий. Не одному туркові зробив кінець* [5, с. 49].

3. Шиплячі [ш], [ж], [ч] зберігають свою давню м'якість: *Якби ще не той піп проклятий, то, може би, нічого не було. А то наговорив-наговорив, запаморочив голову, а сам... У, песся душа попівська! Чув гнів до недавнього свого божества* [5, с. 174].

4. Зафіксовано випадки збереження колишньої м'якості [р'] як у кінці, так і в середині слів: *Та витак си провергли – а ту ті мрєч в очєх, а дух єк не зіпре у хавках* [6, с. 23].

5. Спостерігаємо відсутність подовження м'яких приголосних внаслідок історичної асиміляції [j] м'якими [т'], [с'] у звукосполученнях, що виникли після занепаду редукованого ь. У південно-західних говорах відбулося стягнення цих приголосних між голосними в іменниках середнього роду: *Єк то си на мене ввернуло та подивило, то на мені волосє стало дубом* [5, с. 117].

6. Продуктивною є асиміляція за способом творення, коли носовий [м] асимілює наступний [j] у носовий [н]: *То сме без памнєті вилєків наверх, аж там трохи очухавси* [5, с. 113]. Після фонем /м/ у досліджуваних ДФО виступає двофонемна сполука /мн/.

Морфологічні особливості.

У знахідному відмінку однини іменники жіночого роду І відміни мають флексію -ов: *А тепер, єк опришків нема, знов піднесло голов гаде та й просвітку нема людєм* [5, с. 47].

Діалектні особливості виявляються й у прикметниковій парадигмі. У досліджуваних творах фіксуємо відсутність м'якої групи прикметників: *Прошу, їгомостику любенький, ми у тім ані сине за ніхтем не винні* [6, с. 16].

Характерною морфологічною видозміною є використання енклітичної форми особового займенника його у родовому відмінку однини: *Що то була за біда – так і най го дідько озьмет* [6, с. 273].

Активно вживаються в творах вказівні займенники, утворені шляхом редуплікації: *Вна ж жила, я ї годував, зодягав, ба тото, ба сесе. То вже кошт – єк гадаєте?* [5, с. 385].

Числівник чотири в досліджуваних говорах має форму *штири*: *Єк ти моя любаска, то ти маєш свою роботу робити, а ні – перепрашеємо на усі штири вітри, п'єтий шум* [6, с. 172].

У дієсловах II дієвідміни теперішнього часу в 3-ій особі множини (рідше – однини) в закінченні, в якому згідно з фонетичною закономірністю [а] переходить у [е], [и], [і], можлива втрата кінцевого [т]: *Вставайте, люде. Ігит за Довбушем... Та кричют. А очі горє... Ну таки направду варіат, та й вже* [5, с. 275].

Характерною особливістю гуцульських говірок є наявність зворотної частки **са**, що в художніх творах набирає різного фонетичного оформлення **с'ї, с'є, с'а, са, си**. Продуктивною в досліджуваних текстах є зворотна частка **си**: – *Оле! Бійси Бога... тожес дес хтос учует – панові донесут* [5, с. 5]. Слід зазначити, що рухома зворотна частка **си** стосовно дієслова може виступати як у препозиції, так і в постпозиції: *Бо тій бабі на дідька би вже переходити ... аби йкий був **терпець**, то мусить **си** врвати* [6, с. 72].

Особливостями творення умовного способу дієслів є активне вживання частки **бих**, що сягає форми аориста: *То як почнуть один перед одним вихваляти красу й жагучість своїх любасок, то так роздразняться, що **на стіну бих ліз*** [5, с. 341].

Однією з особливостей художніх творів письменника є активне функціонування діалектної частки **най**: *Ви там спите, порозлягалися, а я мушу голоден, змучений вартувати за вас. **Та най вам дідько*** [5, с. 283].

Синтаксичні особливості.

Їх спостерігаємо значно менше, ніж на фонетичному та морфологічному рівнях. Репрезентативними в досліджуваних текстах є конструкції **місцевого відмінка** з прийменником **по**: *Дивний він єкийс... Гайдамаки єкіс **му по голові** ходє...* [5, с. 296].

Синтаксичні риси ДФО пов'язані зі зміною їхньої форми, тобто з переміщенням компонентів стосовно один одного та з розміщенням їх у різних частинах контексту. Хоча в українському синтаксисі немає чітких правил розподілу слів у реченні, однак певний порядок існує. Відхилення від нього відразу відчувається, сприяє певній естетичній напрузі, привертає до себе увагу, отже, виконує стильову роль, актуалізує художній образ: *Простибіг, простибіг, газди мої... аж **ми си у голові закомашило***. [6, с. 72]. Часткова інверсія, коли зазнають перестановки деякі компоненти ДФО, менш репрезентативна. Видозмінені в такий спосіб ДФО надають оповіді розмовності: *Єк то си на мене вбернуло та подивило, то на мені **волосє стало дубом*** [5, с. 117].

Парцельовані ДФО виступають засобом посилення мовної експресивності, зосереджують увагу читача на чомусь важливому і водночас створюють свіжу, нетрадиційну мелодику художнього тексту: *Із дванадцятіох пушок враз! Та й шо ж? **Ік то ніби горох до стіни!*** [5, с. 51].

Лексичні особливості.

З-поміж зафіксованих ДФО мови творів Гната Хоткевича визначаємо такі групи:

1) ДФО, що мають у своєму складі діалектні лексеми-запозичення: **мати пізьму (пизму)**: *А Головач діправді має любаску собі, і вна на него **пизму мала** в серці* [5, с. 52]; пор.: румун. **pizma** – ‘гнів’ [3, с. 186];

2) ДФО, не засвідчені в академічному фразеологічному словнику української мови або зафіксовані з ремаркою діал.: *А видів-єс попадю? А **шляк би ї трафив** поганий у вутробу* [6, с. 166]; – *Ой, не прубуй, молодице. Там і такий, що знає, ме блудькати чєсом, аж і **смерті пожисєт*** [5, с. 231]; *А йдім, кумо, **най си преч каже** з таков заходити. Ади, у неї зуби на продаж* [6, с. 69]. У словнику «Гуцульські говірки. Короткий словник» автори тлумачать ДФО **най си преч каже** ‘Не при хаті кажучи’ [1, с. 156];

3) ДФО, що мають семантичні відповідники в літературній мові та не засвідчені в академічному фразеологічному словнику української мови. діал. **іти / ніти самопас** (діал. **самопас** – стихійно, без керівництва; самопливом [4, с. 42]): *Тепер не треба пускати керівництва з рук, не треба справі **йти самопас**, треба направляти її на бажані рейки й повертати хід речей в необхідному напрямі* [5, с. 168].

Отже, уміле використання в мові художніх текстів Гната Хоткевича діалектних фразеологізмів сприяє збагаченню зображальних засобів творів та художньо-образному відображенню об'єктивної дійсності. А якщо взяти до уваги те, що народні говори

постійно змінюються, передусім під впливом літературної мови та різноманітних позамовних чинників, то предмет дослідження можна вважати невичерпним.

Список використаних джерел

1. Гуцульські говірки: Короткий словник / НАН України. Інститут українознавства імені І. Крип'якевича ; [уклад. Г. Гузар, Я. Закревська та ін.]. – Львів, 1997. – 230 с.
2. Калнынь, Л. Э. Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка / Л. Э. Калнынь // Вопросы языкознания. – 1998. – № 6. – С. 58–68.
3. Словарь української мови / [упор. Б. Грінченко] : в 4 т. – Київ, 1907–1909.
4. Словник української мови : в 11 т. / [ред. кол. І. К. Білодід та ін.]. – Київ : Наук. думка, 1978. – Т. 9. – 917 с.
5. Хоткевич, Г. Довбуш : [повість] / Гнат Хоткевич. – Київ : Дніпро, 2004. – 392 с.
6. Хоткевич, Г. Камінна душа : [повість] / Гнат Хоткевич. – Київ : Дніпро, 1981. – 295 с.
7. Чабаненко, В. А. Фразеологія говірок Нижньої Наддніпрянщини / В. А. Чабаненко // Проблеми дослідження діалектної лексики й фразеології української мови : тези доповідей. – Ужгород, 1978. – С. 105–106.

УДК 398

НАРОДНІ ІГРИ В ЗАПИСАХ ЛЕСІ УКРАЇНКИ В АСПЕКТІ ФОЛЬКЛОРНОЇ ДРАМИ (НА МАТЕРІАЛІ ЗБІРКИ «ДИТЯЧІ ГРИ, ПІСНІ Й КАЗКИ»)

О. В. Кривенко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье в аспекте фольклорной драмы рассмотрены народные игры, зафиксированные и частично описанные Лесею Украинкой. Под играми в нынешнем исследовании понимаем так называемый «игровой фольклор» (считалки, игры, игровые песни). Сделан вывод о том, что в детский фольклор имеет много общего со «взрослым» фольклором, который зачастую является его источником.

Ключевые слова: фольклор, игры, фольклорная драма, игровой фольклор.

Summary. The article examines folk games recorded and partially described by Lesya Ukrainka in the context of folk drama. In this study, games are understood as the so-called “game folklore” (counting rhymes, games, game songs). It is concluded that children's folklore has much in common with «adult» folklore, which is often its source.

Key words: folklore, games, folklore drama, game folklore.

Дитячий фольклор як синкретичне поліфункціональне явище може бути інтерпретований у різних аспектах, але на особливу увагу заслуговує розгляд ігор як народної драми, як багатоступінчастого комплексного явища з багаторівневою символікою.

Збірник «Дитячі гри, пісні й казки...» [3], упорядкований Ларисою Косач (Лесею Українкою) та Климентом Квіткою, присвячений дослідженню «найменш вивченого і зібраного тоді фактажу – дитячого фольклору» [3, с. 686]. У виданні зафіксовано 15 уснопоетичних народних творів із зазначенням місця побутування та частковим авторським розподілом за жанрами (ігри, забавлянки, мирилки, танцювальні пісні, казки). Твори об'єднані спільною дефініцією дитячого фольклору, що, на думку укладачів, полягає у «поєднанні словесного матеріалу з елементами руху чи драматизації» [3, с. 686]. Климент Квітка зазначає, що «описи дитячих ігор, супроводжуваних піснями, зроблені [Лесею Українкою] внаслідок безпосередніх

спостережень» [3, с. 689]. Розглянемо детальніше ті ігри та ігрові пісні, що мають опис супровідних дій.

Ключами до тлумачення багатьох із вміщених у досліджуваній збірці творів можуть стати не тільки численні примітки, а й жанрове визначення Лесею Українкою деяких творів. Так, наприклад, групу творів весняного циклу із виразним синкретичним характером вона називає «бородарі» (назву «веснянки» дослідниця також використовує у своїх працях, однак вони для неї не тотожні). На думку С. Килимника, у цих текстах відображено давні уявлення слов'ян про «небесні ворота» [сонця]: *«Пращури вірили, що є з Неба на Землю щаслива дорога-міст, що замикається «Небесними ворітьми». Ці ворота відкриваються на магичні дії й з Неба приходять новонароджені душі; цими ворітьми приходить і богиня весни Лада, цими ворітьми приходить і урожай, щастя, добро; цими ворітьми приходять-повертаються душі «дідів», опікунів роду-родини, і відходять душі померлих на Небо – у Вирій»* [7, с. 161]). Слово *бородар* (*воротар*, *володар*) використовується таким чином для позначення охоронця символічної небесної брами [3, с. 575]. До таких творів віднесений, наприклад, розміщений у збірці під № 1 твір «Пускайте нас» [3, с. 693]. Це ігрова веснянка-гаївка, відома також під назвами «Мости», «Ворота», «Воротар», «Небесні ворота». Діти діляться на два гурти, утворюючи класичне протиставлення (колективний протагоніст та колективний антагоніст), – і дотримуються цих визначених ролей.

«Діти стають так, що половина береться за руки, а друга половина так собі гуртом тримається і співає: *«Пускайте нас, // пускайте нас // за гір [з-за гір] погуляти»*. Той гурт, що за руки побрався, одспівує: *«Не пустимо, // не пустимо, // бо близько Дунай, // а ми мости помостимо // за райський Дунай»*. Незчепляний гурт співає: *«А ми мости поломимо, // самі собі поїдемо // за райський Дунай»*. Та й силоміць прориваються крізь зчепляний гурт» [3, с. 215–216].

Зазначений твір є своєрідним «розігруванням» міфу про повернення душ померлих через «небесні ворота» на час весняних свят. «У гаївках про відкриття небесних воріт і подібних до них часто трапляється мотив боротьби чи битви. Тривалий час на окремих територіях зберігалася традиція, за якою парубки билися, боролися між собою (чи з дівчатами), імітуючи давній міф про циклічну боротьбу літа з зимою [10, с. 143]. Водночас, «мотив ламання мостів громадою парубка (так само, як і підпалювання рути, викрадення віночка, розривання намиста і под.) належить до архаїчних у групі любовно-еротичних веснянок» [3, с. 576].

Слід зауважити, що всі народні ігри відповідають трьом класичним принципам драми: єдності дії (є один головний сюжет), місця (вся дія відбувається в одному місці) й часу (займає менше 24 годин). Однак для традиційної народної драми важливі також інші ознаки, як-от: синкретизм слова й дії та своєрідне «дублювання» реальних дій, відображених у тексті. При цьому текст надає діям сенсу в контексті окресленого назвою «сюжету»: учасники гри чітко розуміють «сценарій» гри, як тількичують її назву. Подібна ситуація спостерігається й у найархаїчнішому за походженням пласті українського фольклору – okazіонально-обрядовому фольклорі [9].

Якщо йдеться про народну ігрову традицію, сюжет і дійові особи мають бути максимально зрозумілі для «виконавців» / «акторів» / «учасників», тобто прив'язані до повсякденного територіального, суспільно-історичного та побутового контексту. Отже, бачимо тут «райський» Дунай, тобто християнізований (бо у народних язичницьких уявленнях існував Вирій), хоч це й ігрова веснянка, яка з християнством не має нічого спільного, крім періоду виконання (за словами Климента Квітки). Дунай в українському фольклорі – це образ водного простору (річка, море тощо), що позначає дорогу і межу між своїм та чужим світами, зображає далекий край, чужину, «той світ», виступає знаком початку та кінця життєвого шляху, дороги, яка пов'язує і роз'єднує рідних, закоханих; водночас це – локус, що символізує свободу, боротьбу, молодість та

кохання. Значення цього слова пройшло трансформацію від власної назви (як-от в історичних піснях, думах) до загальної і не пов'язується з конкретно рікою Дунай, а виступає як «вода» взагалі – «велика вода». У текстах уживано поряд з епітетами *райський, широкий, бистрий, чистий, синій* [12, с. 281].

У зазначеній під № 2 грі в «Залізного ключа», або у «Вовка», тобто в драматичній мініатюрі, коли «діти стають в коло, побравшись за руки, а одно всередині...» [3, с. 217], вбачаємо відгомін давніх звичаїв випробувань у контексті обрядів ініціації. Походження вовка як «одного з центральних та найбільш міфологізованих персонажів» [2, с. 122] народна етіологічна легенда, найбільш розповсюджена у всіх слов'ян, пояснює тим, що він був створений чортом проти Бога [2, с. 122]. Тоді пісенька («Ой дзвони дзвонять, // чорти вовка гонять // по болотах, очеретах, // де люде не ходять» [3, с. 217]) в драматичному контексті (*«Діти стають в коло, побравшись за руки, а одно всередині, в крузі, намагається прорватись, налягаючи грудьми їм на руки. Його питають: «Який ключ?» Воно відказує: «Залізний!» Як розчепить чії руки, то виривається з круга і втікає, а за ним всі женуться та співають...»* [3, с. 217]) наштовхує на думку, що діти, які стоять у колі, виконують роль чортів, що суперечить логіці побудови народних ігор. У поляків Західних Бескид вовка створили пастухи [2, с. 122], що більше схоже на ролі дітей у досліджуваних грі. Зважаючи на те, що вовк, за легендами, зліплений з глини чи бруду, йому властива й хтонічна символіка: має стосунок до закопаних скарбів (наприклад, охороняє їх) [2, с. 123]. Тоді логічним виглядає питання дітей про ключ, як і зміна ролей в процесі гри (хто дожене вовка, той сам стає вовком).

Гра № 3 (у «Відьми») починається з лічилки «тарабарською» мовою, з використанням прийому «заума», «макаронічного мовлення», тобто слів, позбавлених сенсу, перемішаних подекуди зі спотвореними іноземними словами (часто – з метою імітації мови надприродних істот, як-от у замовляннях для спілкування із русалками [див. 9]). Пісенька схожа на *дражнилку*: «Ой ти, бабо, стара відьмо, запрагаймо й їдьмо за границю по шианицю а поки ще видно» [3, с. 218]. Цією дражнилкою діти з «маткою» демонструють «відьмі» своє негативне ставлення.

Гра № 4 (в «Бобра») так само, як і попередня, складається з двох частин: лічилки для розподілу «ролей» та драматичної мініатюри-імітації поведінки мисливця та тварин. Дві головні «названі» ролі: «бібр» («бобер») та «мисливий». Беруться всі за кийка – чия рука остання, той бобер, тобто знову «доля» / «випадок» вирішують [3, с. 220]. Для вибору «мисливого» використовується інший «ритуал», але теж із залученням до вибору долі або випадку. У тексті ні слова за сюжетом гри, а просто: *«Котилася – торба – // з високого – горба, // а в тій – торбі – // хліб – та паляниця, – // кому – доведеться, – // той – буде – жмуриться»* [3, с. 220]. Решта дітей – «хорти», які обирають собі собачі імена. Імітація полювання на бобра є прямим наслідуванням дій дорослих і має не обрядове коріння, а побутове, але з елементами магізму (жеребкування).

Про гру № 5 («Савка») зазначено, що іноді просто співають пісеньку, а іноді грають, але тут гра як така не надто цікава, бо не передбачена імовірність та закономірність зміни ролей, а сюжет схожий скоріше на театральну виставу (розігрування сценки за ролями). Головна ідея та функція досліджуваного твору – розважальна, оскільки це своєрідна жартівлива (гумористична) пародія на відому церковну колядку.

У гру № 6 «Рак-неборак» грають частіше на Великдень, тобто вона якимось пов'язана з весною та весняним циклом календарно-обрядової творчості і, найімовірніше, перейшла до дитячого вжитку з репертуару дорослих. Так, наприклад, її подеколи виконували як весільну [11]. Розподілу за ролями немає, всі грають однаково. Супровідна пісенька про рака та щуку.

Твір № 7 («Мир миром») – це скоріше мирилка, тобто різновид дитячого фольклору, драматизоване міні-дійство, де є навіть «пісенний супровід»: *«Мир-миром, // пироги з сиром, // варенички в маслі, // ми дружечки красні, // поцілуймося!»* [3, с. 224]. Незважаючи на відсутність фіксації акціональної складової, можемо зробити припущення, що він був типовим для цього жанру: «Під час одночасного промовляння мирилки обидві дитини, що примиряються, часто тримаються за мізинцем за мізинець один одного» [5, с. 135–145]. Варто зазначити, що тут, як і під час ритуалізованого «кумування» дорослих, «згадується ритуальна їжа для таких випадків (наприклад, вареники з сиром)» [1, с. 253–259].

Під № 8 зафіксований текст пісеньки жартівливого характеру («Воскресение-день») з приміткою «Так співають на Великдень»: *«Воскресение – день, // ходім гулять на весь день, // та вкрадемо поросю, // та й прославимося! // постой, Левку, // постой, Бревку, // похристосуємося!»* [3, с. 225]. І хоча тут не подано опису акціонального супроводу, можемо здогадатися, що діти при цьому пританцьовували та «христосувалися» (тричі цілувалися, щоб привітати із Великоднем), наслідуючи поведінку дорослих.

Під № 9 подана жартівлива пісенька-забавлянка із назвою «Безконешна»: *«Був собі журавель // Та журавочка, // Накосили сінця // Повні ясельця. // Наша пісня гарна й нова, // Починаймо її знова: // Був собі журавель...* (і знов спочатку, і знов, без кінця, поки обридне) [3, с. 226]. Опису акціональної складової цієї пісні-гри Леся Українка знов-таки не подає, однак маємо посилання на «варіант», розміщений у публікації [4]. Зазначений твір продовжує традиції кумулятивних казок, що походять, імовірно, від замовлянь: «Композиційна логіка замовлянь – це логіка кумулятивної казки. Як припускають історики культури, структурна спільність кумулятивної казки та формул-замовлянь – наслідок їхньої спільності генетичної. А генетично і ті, й інші беруть початок із найбільш раннього, докомпозиційного сприйняття та зображення світу» [6]. Оскільки основною функцією замовлянь ЗАВЖДИ є досягнення певної прагматичної мети [9], можемо припустити, що, в контексті зафіксованого Лесею Українкою твору, такою метою могло бути «відвадити від себе дитину, що нудьгує». Під номерами 10 та 11 подані дві пісеньки: «Козуня-любуня» [3, с. 227] та «Козинятко» [3, с. 228]. Обидві забавлянки мають дидактичний характер та побудовані на алогізмах, скомпонованих в єдиний мотив, завдяки чому дитина вчиться мислити логічно, зіставляючи факти. Під номером 12 подана весела танцювальна пісенька «Танець (Козачок)». Всі три останні зазначені твори зафіксовані у збірці із текстовою та музичною складовою, але без опису акціонального супроводу. Під номерами 13–15 подані казки із драматичною складовою (зразками рецитації та співу із нотами). Їхній аналіз потребує окремого дослідження.

Таким чином, під час розгляду зафіксованих у зазначеній збірці дитячих ігор з'ясовано, що джерелом та натхненням для них зазвичай був дорослий фольклор. У дитячому ігровому фольклорі відобразилися як традиційні жанри календарної та родинної обрядовості, так і побут з його звичаями та віруваннями. Розглянуті дитячі ігри демонструють всі ознаки народної драми з її «трьома єдностями» та синкретизмом [9]. Наявність мотиву «перевдягання» (зміни ролей) робить гру динамічнішою та, імовірно, популярнішою. Імовірно, акціональний супровід існував для всіх творів у збірці.

Список використаних джерел

1. Гоменюк, Ю. Дитяча пареміографія як один із фольклорних засобів формування моральних якостей у дітей дошкільного віку / Ю. Гоменюк // Українознавчі студії. – 2012–2013. – № 13–14. – С. 253–259.
2. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – Москва : Индрик, 1997. – 912 с.

3. Українка, Л. Дитячі гри, пісні й казки. З Ковельщини, Лущини і Звягельщини на Волині ; збрала Л. Косач ; голос записав К. Квітка / Леся Українка // Леся Українка. Повне академічне зібрання творів : у 14 т. – Т. 9. – 2021. – С. 213–240 (685–697).
4. Игры крестьянских детей в Купянском уезде / собр. П. В. Иванов ; предисл. проф. И. Ф. Сумцова. – Харьков : Тип. К. Счасни, 1889. – 81, II с.
5. Котломанітова, Г. О. Соціально-педагогічний потенціал малих жанрів українського дитячого фольклору / Г. О. Котломанітова // Освітологічний дискурс. – 2014. – № 3. – С. 135–145.
6. Новикова, М. О. Прасвіт українських замовлянь / М. О. Новикова // Українські замовляння ; упоряд. М. Н. Москаленко. – Київ : Дніпро, 1993. – 309 с. – С. 7–29.
7. Килимник, С. Український рік у народних звичаях в історичному освітленні : у 3 т., 6 кн. / Степан Килимник. – Київ : Обереги, 1994. – Кн. I. – Т. 1, 2. – 254 с.
8. Кривенко, О. В. Замовляння як вербально-акціональний комплекс / О. В. Кривенко // Драма як феномен літератури і театру : книга 1 : монографія / І. В. Александрова, В. П. Ачилова, М. Г. Багрій та ін. ; наук. ред. В. І. Гуменюк. – Сімферополь : ПР Рубинчук А. Ю., 2018. – 224 с. – С. 82–89.
9. Кривенко, О. В. Замовляння як фольклорний жанр та особливості його літературної рецепції : спеціальність 10.01.09 «Фольклористика» : автореф. дис. ...канд. філол. н. / Оксана В'ячеславівна Кривенко ; Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології імені М. Т. Рильського. – Київ, 2015. – 24 с.
10. Лановик, М. Б. Українська усна народна творчість : навчальний посібник / М. Б. Лановик, З. Б. Лановик. – Київ : Знання-Прес, 2006. – 591 с.
11. Максимович, М. Сороміцькі весільні пісні / М. О. Максимович, Ф. Вовк. – Львів, 1899. – С. 157–168.
12. Пастух, Н. Дунай. Матеріали до фольклористичної енциклопедії / Н. Пастух // Народознавчі зошити. – 2016. – № 3. – С. 599–601.
13. Сімович, О. До проблеми укладання Словника вербальних символів. Вода / О. Сімович // Діалектологічні студії : Мова і культура. – Львів : Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2003. – С. 281.

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

УДК 811.161.2

ЛІНГВОКУЛЬТУРНИЙ АСПЕКТ ДОСЛІДЖЕННЯ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ НА ПОЗНАЧЕННЯ ХИТРОСТІ ЯК НЕГАТИВНОЇ РИСИ ХАРАКТЕРУ ЛЮДИНИ

Т. М. Андреева,

*обучающаяся 2-го курса магистратуры кафедры украинской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Дехтярева Е. В., к. ф. н., доцент кафедры украинской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Вступ. У сучасному мовознавстві значну увагу науковців привертає лінгвокультурологія – наука, що вивчає взаємозв'язок мови і культури. Мова розглядається не тільки як засіб комунікації, а й як дзеркало, що відображає національний світогляд, систему цінностей і культурні традиції народу. Вивчення

фразеології з точки зору лінгвокультурології спрямоване на дослідження співвіднесеності фразеологічних одиниць (далі ФО) та знаків культури. Фразеологізми, як продукт тривалого розвитку мови, акумулюють у собі багатий культурно-історичний досвід народу, його уявлення про світ і людину.

Значну частку всього мовного багатства українського етносу становлять ФО, які характеризують людину за зовнішністю та особистісними якостями. Характеристика людини – один із основних аспектів, де проявляється оцінна номінація, оскільки «оцінка представляє людину як мету, на яку спрямований світ» [4, с. 62]. Характеристика може бути виражена різними номінативними засобами, більшість із яких є експресивно-оцінними.

Мета дослідження узагальнити та систематизувати лінгвокультурні особливості ФО української мови, що репрезентують хитрість як негативну рису характеру. Реалізація поставленої мети передбачає розв'язання таких **завдань**: 1) описати стан дослідження фразеологізмів у лінгвокультурному аспекті; 2) виявити склад фразеологізмів української мови на позначення хитрості як негативної риси характеру людини; 3) здійснити аналіз зафіксованих ФО в лінгвокультурному аспекті.

Методи дослідження. Досягнення поставленої мети зумовило використання описового методу (для виділення фразеологізмів, їх членування та інтерпретації); структурного методу, зокрема в застосуванні методики компонентного аналізу (для визначення специфіки значення ФО), методу узагальнення, за допомогою якого були зроблені висновки до роботи.

Результати дослідження. Негативні риси характеру людини репрезентовані у фразеологічній системі української мови як пороки, що уособлюють усі погані якості індивіда, які не сприймаються нормами та правилами життя суспільства. Наприклад, хитрість – це складне і багатогранне поняття, яке може бути визначене як здатність до обману, прихованості, лукавства і спритності в досягненні своїх цілей. На відміну від мудрості, кмітливості і винахідливості, хитрість передбачає нечесні методи і прагнення щодо особистої вигоди за рахунок інших.

Такий порок характеру, як хитрість, позначає дії об'єкта, спрямовані на спотворення дійсності, маніпуляцію почуттями та інтересами інших людей задля досягнення особистої користі: *виляти (завиляти) хвостом, продувна бестія* тощо.

Багато фразеологізмів, що відображають риси людини, з'явилися на підставі характеристик тих чи інших якостей тварин. Це обумовлено тим, що стародавні люди помічали звички тварин, вони порівнювали їх із людьми, з навколишніми явищами, і на основі цих спостережень виникали фразеологізми, до складу яких входять назви саме таких тварин. Наприклад, ФО, до складу яких входить лексема лисиця. Ця дика тварина дуже хитра і розумна, спритна й винахідлива. У народній свідомості вона символізує підступність, лукавство, за що й репрезентує таку рису характеру людини, як хитрість, що пояснює появу таких ФО, як: *підшитий лисом, витися (звиватися, крутитися і т. ін.) лисом (в'юном), старий лис* тощо.

Також уособленням хитрості, підступності, підлості, спритності є й інші тварини, а саме: змія, миша, кіт, вовк тощо. Що також відбилося у фразеологізмах з негативною конотацією: *підколодна (потайна і т. ін.) гадюка (гадина), мишача душа, гратися в kota і мишку (мишу)* тощо.

Отже, хитрій людини притаманні такі риси характеру, як підступність, лукавство, удавання, брехливість, нечесність та ін. Образність і символіка фразеологізмів, що позначають хитрість, тісно пов'язані з культурними уявленнями українського народу. Серед досліджуваних одиниць найбільше зафіксовано ФО з компонентами назвами тварин, наділених хитрими рисами, як-то: *лисиця, змія, вовк*. Також зустрічаються образи, пов'язані з побутом і народними традиціями: *камінь за*

пазухою, свиня підкладена, туман в очі. Ці образи відображають негативне ставлення до хитрості й підкреслюють її небезпеку для суспільства.

Дослідження фразеологізмів української мови, що позначають хитрість як негативну рису характеру, дозволяє виявити важливу інформацію про культурні цінності та світогляд народу. Фразеологічний фонд української мови містить безліч виразів, що відбивають негативне ставлення до хитрості і закликають до чесності й справедливості. Аналіз образності і символіки таких фразеологізмів розкриває культурні стереотипи і уявлення про мораль.

Таким чином, для формування оцінної семантики фразеологізму, розуміння його значення та стилістичних відтінків важливе значення мають знання й вміння оперувати лінгвокультурною інформацією, зафіксованою у довідниках, словниках. Це дозволяє зрозуміти взаємозв'язок між культурними особливостями нації і її мовою щодо сприйняття та трактування навколишнього світу.

Висновки. Проаналізовані ФО свідчать про багатий, своєрідний, метафоричний мовний світ українського народу. Фразеологізми сфери моральних якостей особистості характеризуються підвищеною емоційно-оцінною навантаженістю, є засобом образної та емоційно-експресивної характеристики, емотивної оцінки, мовної концептуалізації і відображення національного характеру й менталітету народу, системи його духовно-моральних цінностей. Тому дослідження ФО на позначення хитрості, як негативної риси характеру людини, в лінгвокультурному аспекті, є актуальним та перспективним.

Список літератури

1. Газимова, А. Х. Пороки характера человека во фразеологической картине мира / А. Х. Газимова, А. В. Ярута // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь, 2016. – Том 2 (68). – № 1. – С. 38–44.
2. Левченко, О. П. Фразеологічна символика: лінгвокультурологічний аспект : монографія / О. П. Левченко. – Львів, 2005. – 349 с.
3. Фразеологічний словник української мови : [у 2-х кн.] / [упоряд. В. М. Білоноженко та ін.]. – Київ : Наукова думка, 1993. – 984 с.
4. Шаховський, В. І. Мовна особистість в емоційній комунікативній ситуації / В. І. Шаховський // Філологічні науки. – Волгоград, 1998. – С. 59-65

УДК 821.161.2

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРАЗУ РУСАЛКИ В БАЛАДНІЙ ТВОРЧОСТІ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

С. А. Гармаш,

*обучающийся 3-го курса кафедры украинской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Кривенко О. В., к. ф. н., доцент кафедры украинской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Вступ. Русалки постають як містичні істоти, пов'язані з водною стихією, що уособлюють водночас як красу та привабливість, так і небезпеку та підступність. Цей образ неодноразово привертав увагу дослідників, що вивчали його походження, символіку та еволюцію в літературі. Зокрема, в українській літературній традиції образ

русалки знайшов відображення у творчості багатьох письменників, серед яких – і Т. Г. Шевченко.

Метою дослідження є виявлення формо-змістової інтерпретації Т. Г. Шевченком традиційного фольклорного образу русалки.

У дослідженні використано **методи** аналізу та синтезу, культурно-історичний метод, метод *close reading*.

Результати дослідження. Творчість поета припадала на ті роки, коли в усьому слов'янському світі зріс інтерес до народної поезії, тому не дивно, що його балади пройняті фольклорними мотивами. Русалки були одними з найулюбленіших міфологічних персонажів романтичної поезії, тому і Т. Г. Шевченко також звертався до цього чарівливого образу, в якому прихована глибока філософська думка [1].

М. Максимович виділив три види й покоління русалок: 1) «первісні, корінні русалки» (дорослі дівчата з блідим обличчям, довгим руським волоссям); 2) «дівчата-семилітки», діти, які померли без хрещення; 3) «русалки-німфи», які виходять із глибин [6, с. 72–76]. У творчості Т. Г. Шевченка, як і в українській літературі загалом, вік русалки чітко окреслений. Очевидно, це явище зумовлене естетичними вподобаннями та принципами мистецтва [2].

Творчість Т. Шевченка вкорінена у народну творчість та сповнена фольклорних елементів. У своїй творчості він звертався до образу русалки в кількох баладах, зокрема в таких: «Прийшла», «Утоплена», «Русалка», «Лілея».

За народним повір'ям, почувши близько чоловіка, русалки обіймають його та лоскочуть, і біда тому, хто попався в їхні обійми; він мусить пропасти. Схожі мотиви можемо побачити в баладі «**Прийшла**» [7]. Дівчина виглядає коханого козака, та не дочекалася його, бо русалки залоскотали її. Важливе місце в баладі займають образи русалок. Це не панночки, не «чарівні феї», оспівані в романтичних баладах, а діти покриток, дівчат, що в житті були скривджені «злыми людьми», панами. Саме такими переважно змальовані русалки і в українській народній творчості [3, с. 21]. Русалки хоч і не головні образи твору, однак автор приділив велику увагу їхньому опису, що повністю відповідає народним уявленням. У цій баладі русалки виступають як містичні істоти, що взаємодіють із головною героїнею, символізуючи сили природи та надприродного, що впливають на людську долю.

Образ рибалки в баладі «**Утоплена**» уособлює самотність. Він сирота, не має роду та долі, нікому не потрібний на «цьому» світі. Мати показана страшною, синьою, розхристаною, від злості вона «*рве на собі коси*». Такою була вона злою в житті. Зла і заздрісна, вона зжила зі світу невинну свою доньку Ганнусю. Зовнішньо мати, коли ще жила, була красива, «*білолиця, кароока і станом висока*», але внутрішньо потворна. Донька ж виросла кароока, гнучка та висока «*як тополя серед поля*», у житті розцвітала, «*як маківка*», а тепер також впливає на синій хвилі в усій своїй незайманій дівочій красі і лагідності. Сором'язливий рибалка, яким він був і в житті, виносить «баговиння зелене» голій дівчині-русалці на сорочку і знову пірнає у воду. Створюючи образ молоді дівчини, Т. Шевченко змалював і «жвавого кучерявого» рибалоньку, який не витримав смерті коханої та кинувся у воду [5, с. 25]. На тлі романтичної чудесної природи Т. Шевченко описує образ русалки, яка є центральним персонажем твору. Цей образ відображає народні уявлення про русалок як душ померлих дівчат, що не знайшли спокою після смерті.

Балада «**Русалка**» побудована на життєвих конфліктах тодішньої дійсності. Жінка-покритка, проклинаючи пана спокусника, топить свою дитину в Дніпрі. У примовляннях нещасної, що чинить зло не зі своєї волі, чується відчай, горе, безвихідь. Вона хоче помститися панові, що завдав їй багато кривди, тому звертається до дочки, яка вночі має виплисти русалкою [7]. Поет спочатку співчуває жінці, а пізніше засуджує її. Помирившись із паном, вона зрадила саму себе. Через це русалки

залоскочуть легковажну матір, що вийшла з панських палат до Дніпра погуляти. Можна помітити, що русалка з балади Т. Шевченка зберегла людські риси. Вона любить матір, не хоче їй нашкодити, не бере участі в помсті та не радіє справедливому покаранню. У цій баладі Т. Шевченко переосмислює традиційний фольклорний образ, надаючи йому глибшого психологічного змісту. Русалка постає як символ внутрішнього конфлікту та боротьби між добром і злом.

У баладі «Лілея» сюжет також має звичне для того часу побутове підґрунтя. Після смерті матері громада знущається над дитиною, і зрештою дівчина гине від людської жорстокості. Бог перетворює її на білу лілею – символ чистоти та непорочності. Т. Г. Шевченко використовує народні мотиви та символіку, щоб розкрити тему людських страждань і безжальності світу. Головна тема балади – доля скривдженої дівчини, символізм людського страждання, несправедливості та чистоти.

З усіх балад Шевченка, на думку науковців, найбільш перейнята романтичною фантастикою балада «Утоплена». Усі герої балади (дівчина, закоханий у неї рибалка, мати) стають русалками. С. Мишанич слушно зауважує, що створений Шевченком образ рибалки, який став русалкою, практично не відомий центральноукраїнській традиції, до того ж сумнівно, що поет запозичив його з балад карпатського циклу [4, с. 248].

Висновки. Таким чином, Тарас Шевченко, використовуючи фольклорний образ русалки, збагачує його новими відтінками, відходячи від традиційного сприйняття та надаючи йому глибшого символічного значення. Русалки в баладах Т. Шевченка зберегли людські риси характеру, між ними існують родинні зв'язки: розрізняють дочку і матір, між собою всі вони сестри, які привітно зустрічають нових утоплениць. Русалки також відображають долю українських жінок, залежних від патріархальних норм і стереотипів. У баладах Т. Шевченка русалка – це не лише фольклорний персонаж, а й символ зраненої душі, втраченої любові та прагнення до волі. Дослідження цього образу розкриває не лише творчість Т. Шевченка, а й загалом дух його часу.

Список літератури

1. Антонович, Д. В. Шевченко-малює / Д. В. Антонович. – Київ : Україна, 2004. – 272 с.
2. Давидюк, В. Первісна міфологія українського фольклору / В. Давидюк. – 2-ге вид., доп. і перероб. – Луцьк, 2005. – 309 с.
3. Комаринець, Т. Шевченко і народна творчість / Т. Комаринець. – Київ, 1963. – 231 с.
4. Комишанченко, М. Тарас Шевченко в українській критиці / Т. Комишанченко. – Київ, 1969. – 357 с.
5. Коцюбинська, М. Етюди про поезію Шевченка / М. Коцюбинська. – Київ, 1990. – 272 с.
6. Максимович, М. Дні та місяці українського селянина / М. Максимович ; пер. з рос. В. Гнатюка. – Київ : Обереги, 2002. – 189 с.
7. Шевченко, Т. Г. Кобзар. Повна ілюстрована збірка / Т. Г. Шевченко. – Харків : КСД, 2011. – 720 с.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНИЙ АНАЛІЗ ПЕРФОРМАТИВНИХ ВИСЛОВЛЕНЬ У ДРАМАТИЧНИХ ТВОРАХ ЛЕСІ УКРАЇНКИ

Н. Ф. Грозань,

заведуючий кафедрою русскої та української філології, доктор філологічних наук, професор, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь

Вступ. Актуальність дослідження зумовлена всебічним розвитком інформаційних та комунікативних процесів, які входять до теорії мовленнєвих актів. У мовленнєвому акті, найважливішій категорії комунікації, залежно від мовленнєвої ситуації й цілеспрямованості мовця комплексно існують мовні засоби та прийоми мовлення. Одним із таких комплексів, специфічних для кожної конкретної мови, є перформативи – висловлення, яким притаманні особливі механізми, способи й засоби вираження та пояснення навколишнього світу. Рівень вивчення лексико-семантичних особливостей мовленнєвих одиниць – зокрема перформативних висловлень у творчості Лесі Українки – є недостатнім.

Мета наукової розвідки – лексико-семантичний аналіз українських перформативних висловлень, що функціонують у драматичних творах Лесі Українки. Мета дослідження визначає її основні завдання: 1) схарактеризувати мовленнєвий акт як особливий різновид комунікативного акту; 2) проаналізувати лексико-семантичні особливості перформативних висловлень у драматичних творах Лесі Українки.

Методи дослідження. Описовий метод сприяв з'ясуванню семантичних та функційних характеристик аналізованих мовних одиниць. У встановленні особливостей лексико-семантичної організації перформативного контексту використано контекстуальний аналіз. Застосування елементів компонентного аналізу детерміноване необхідністю виокремлення перформативів.

Результати дослідження. Основою розвитку теорії перформативності у сучасній лінгвістиці стали ідеї Дж. Остіна про існування висловлювань, виголошення яких рівнозначне здійсненню дії [1, с. 27]. Висловлювання такого типу Дж. Остін запропонував називати перформативними. Перформативні дієслова стали об'єктом дослідження багатьох зарубіжних шкіл і різних напрямів. Лексикологи описували змістові й формальні аспекти лексичних одиниць, які мають перформативний статус. Граматисти аналізували особливості формальних показників у конструкціях, ознака перформативності в яких представлена граматичними категоріями дієслів першої особи однини теперішнього часу недоконаного виду [2, с. 127]. Окрім цього, мовознавці обґрунтовують перформативність як семантико-прагматичну категорію, що є виразником мовленнєвої діяльності. Перформативність як унікальне явище виражається специфічним дієсловом і реалізується в комунікативному контексті перформативного висловлення, у мовленнєвому акті. Мовленнєвий акт – це різновид комунікативного акту, у ході якого ініціатива суб'єкта мовлення або спрямована на досягнення мети поза межею мовленнєвого акту, або сконцентрована в самому акті мовлення. Отже, мовленнєві акти – це акти взаємодії особистостей, це живе спілкування людей, котре у своїй основі є перформативним.

Проведене дослідження дало змогу встановити, що в драматичних творах Лесі Українки активно функціонують 4 типи перформативних дієслів, а саме: комісиви, директиви (пропозиції й поради, прохання, вимоги й наказу), декларативи (згоди та заперечення, схвалення й засудження, прощення) та експресиви. Найширше використовуються директивні перформативні висловлення прохання та експресивні

перформативи. Найменш уживані комісиви. За допомогою комісивів, виражених у драматичних творах Лесі Українки предикатами на зразок *обіцяю, слово даю, присягаю* мовець бере на себе зобов'язання щось зробити в майбутньому. Наприклад: [Дон Жуан:] *Ні, се скінчитись мусить! Бо інакше / **я присягаю**, що піду от зараз / і викажу на себе* [3, с. 468]. Облігаторним компонентом перформативних висловлень цього типу комісивів є об'єкт клятьби, який може бути експліцитним чи імпліцитним. Якщо його нема (тобто мовець не знає, у чому клянеться, за що ручається), то іллокутивна сила обіцянки зникає.

Серед директивних перформативів виділяються мовленнєві акти пропозиції та поради, прохання, вимоги та наказу. Вони реалізують загальну іллокутивну мету 'змінити поведінку співрозмовника'. Для цього в текстах Лесі Українки широко використовують перформативи на кшталт *благаю, раджу, пропоную* тощо. Наприклад: [Кассандра:] *Коли то правда, що говорять люди, / немов і ти зазнала раз кохання, / на ймення чистої любові тої, / **благаю**, зглянься!* [3, с. 213]; [Кассандра:] ***Прошу** тебе, сестрице Поліксено, / пошли свою рабиню по Гелена* [3, с. 193] та ін.

Директивні мовленнєві акти вимоги та наказу є найбільш яскравими носіями та виразниками іллокутивної директивної мети, яка полягає в тому, щоб 'зобов'язати кого-небудь зробити дещо з метою змінити ситуацію'. Наприклад: [Командор:] ***Я вам наказую мовчати*** [3, с. 499] та ін.

До низки декларативів увіходять такі перформативні одиниці, як згода та заперечення; схвалення й осуд; прощення, а також різного типу конвенціональні спеціалізовані акти: капітуляція, заповіт, посвята тощо. Наприклад: [Меценат:] ***Я згоджуюсь**, хоча було б ще краще, / якби в особах ваших поєднались / музика і танець в одно подружжя* [3, с. 601]; [Анна:] *І в думці я не маю каяття. / **Я признаю** вам рацію* [3, с. 493] та ін.

Підгрупи декларативів виявляють схожість із директивними та комісивними мовленнєвими актами.

Існує співвідношення всередині класу декларативів: перформативні висловлення схвалення та засудження наближені до актів заборони й дозволу та згоди й заперечення. Ця аналогія обґрунтована й на рівні суперпредикатів, і на рівні формулювання іллокутивної мети, і на рівні пропозиційного змісту. [Поліксена:] ***Хвалю** за те, що ти вволила волю / і батька, й брата, і всієї родини* [3, с. 193]; [Кассандра] ***Я проклинаю** вас прокльоном крові!* [3, с. 172].

Типові формули вітання, подяки, структурні одиниці на позначення прощання, вибачення. Наприклад: [Анна:] ***Дякую**, сеньйоре, / що ви мені те слово нагадали* [3, с. 494]; [Поліксена:] ***Прости**, воно не личить / до справ громадських дівчині втручатись, – / але питаю, нащо молодого / тебе старійші на таке обрали?* [3, с. 234] та ін.

Експресивні мовленнєві акти й перформативні висловлення мають подібність із декларативами, оскільки вони входять у більш складну мовленнєву ситуацію та зосереджені загалом на іллокутивному акті, який визначає їхній пропозиційний зміст. Принцип взаємодії іллокутивної мети, дескриптивного значення перформативного суперпредиката, пропозиційного змісту визначає взаємодію й взаємопереходи перформативних висловлень різних груп.

Висновки. Отже, дослідження лексико-семантичних особливостей перформативних висловлень, з'ясування формальних транспозицій окремих семантичних груп перформативів у драматичних творах Лесі Українки, встановлення необхідних умов для реалізації контекстуальної перформативної семантики дає змогу глибше зрозуміти перформативну ситуацію спілкування, її складники, осмислити комунікативну сутність перформативності.

Список літератури

1. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 22–129.
2. Падучева, Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
3. Українка, Леся. Зібрання творів : у 12 т. / Леся Українка. – Київ : Наукова думка, 1976. – Т. 4 : Драматичні твори. – 528 с.

УДК 821.161.1

ФІТОНІМІЧНА ЛЕКСИКА В ПОВІСТІ ОЛЬГИ КОБИЛЯНСЬКОЇ «В НЕДІЛЮ РАНО ЗІЛЛЯ КОПАЛА...»

В. А. Данилова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры украинской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Пелипас Н. И., заведующий кафедрой украинской филологии, к. ф. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Вступ. Мовознавчі дослідження останніх років показують плідність вивчення фітонімічної лексики на матеріалі творчості окремих авторів чи навіть окремих творів. Більшість з таких розвідок засвідчують лексико-семантичні особливості вживання найменувань рослин, що об'єднуються в тематичні групи відповідно до численних життєвих форм (дерева, кущі, трави тощо) [5], семантичного [1], зокрема метафоричного чи символічного [4] наповнення. Продуктивним видається аналіз фітонімічної лексики у творі, у назву якого винесений фітонім.

Метою цього дослідження є тематико-семантична характеристика фітонімічної лексики в повісті Ольги Кобилянської «В неділю рано зілля копала...». Зазначена мета зумовила розв'язання таких **завдань**: 1) виділити контексти з фітонімами в повісті; 2) класифікувати фітонімічну лексику за тематико-семантичним принципом.

У дослідженні використано такі **методи**: суцільної вибірки, типологічний, описово-аналітичний.

Результати дослідження. У ході дослідження до аналізу взято власне фітоніми – найменування дерев, квітів, трав, назв сукупностей чи частин рослин, а також місця зростання рослин, оскільки в їхньому значенні закладена рослинна семантика. Одна з найбільш розлогих тематико-семантичних класифікацій фітонімічної лексики запропонована А. А. Широковою, що виділяє сім тематичних груп [4, с. 223–225]. У межах нашого дослідження виділяємо шість груп, оскільки лексичних одиниць, що стосуються тематичної групи «Овочі», не виявлено. Називаючи слово, у дужках вказуємо кількість вживань у різних словоформах, наявних у тексті.

I. Дерева.

1. Гіпероніми.

Ця підгрупа в повісті Ольги Кобилянської представлена двома синонімічними словами: *дерево* (13), *деревина* (11), що вжиті у двох основних значеннях: «1. Багаторічна рослина з твердим стовбуром і гіллям, що утворює крону» [3, т. 2, с. 246]: «Округ неї лиш порозкидане, порозриване її лахміття, густий ліс і шум *дерев*» [2, с. 17]; «2. тільки одн. Матеріал з цієї рослини, що йде на будівництво та різні

вироби» [3, т. 2, с. 246]: «Вона присунула широку лавку з почорнілого **дерева** до печі й, умогшись тут, розкладає свої карти» [2, с. 47].

2. Назви конкретних дерев.

Друга підгрупа представлена назвами дикорослих рослин, переважно хвойних – найбільш поширеним за вживанням словом *смерека* (42), похідними від нього *смерічка* (1), *смереччина* (3), а також лексемами *сосна* (6) та *дуб* (6). Наприклад: «Пушистий іній угинає **сосни**, а груба верства снігу застелила білу стежку» [2, с. 86].

3. Назви частин дерев.

Частини дерев, зафіксовані у тексті, стосуються переважно смерек, рідше сосон чи інших, не названих точно дерев: *віти* (10), *віття* (1), *галуззя* (4), *корона* (4), *живиця* (1). Наприклад: «На горбку зі сторони, що його гора ніби висадила з себе, ослоненім цілком густим **віттям** смерек, що тут розрослися, стоїть, а радше заховалась під ними мала хатина-колиба» [2, с. 129].

II. Трави та квіти.

1. Гіпероніми.

До першої підгрупи належить найбільш поширений у повісті власне фітонім – *зілля* (58), що вживається у творі в різних значеннях: «1. збірн. Різноманітні, здебільшого запахні трав'янисті рослини» [3, т. 3 : 573]: «Якась скринчина, привалена свіжим **зіллям**...» [2, с. 130]; «2. Навар або настій з деяких рослин, який використовується в народній медицині, переважно з лікувальною метою» [3, т. 3 : 573]: «Тим-то і припала вона циганці Маврі так до душі... і збудила в ній думку... зажити в ній на самоті і віддатися цілком ворожбицтву та ліченню людей різним **зіллям** з гори Чабаниці» [2, с. 35]; чарівне, приворотне зілля: «– Багато сього літа зілля назбирала? – питає Тетяна і обзирається по закутках, де стара приятелька держала насушене чародійне **зілля**» [2, с. 81].

До цієї групи належить також спільнокореневе – зменшено-пестливе слово *зіллячко* (4), теж у різних значеннях. Гіперонім *трава* знаходить у тексті менше поширення (5), як і синонімічні йому *сіно* (4), *паша* (1). До групи гіперонімів належать також синонімічні в тексті слова *цвіт* (35), *цвітка* (5) та *квітка* (3).

2. Назви конкретних трав та квітів.

Підгрупа представлена двома конкретними назвами трав'янистих рослин – *тютюн* (2), *папороть* (10) та чотирма найменуваннями квітів – *мак* (22), *дзвінки* (2), *любисток* (2), *матригуни* (1). Наприклад: «Найкраще, що пишалось в нім, се були великі червоні зимуючі в землі **маки**, яких в цілм селі ніхто, окрім неї, не мав» [2, с. 7].

3. Назви частин трав та квітів.

До останньої підгрупи зараховуємо лексему *цвіт* (10), що називає не окрему рослину, а її частину, а також лексему *насіння* (2): «– **Цвіту** папороті шукати, – відказує дівчина спішно. – Буду все знати – казав Гриць – все» [2, с. 72].

III. Злакові рослини.

У повісті «В неділю рано зілля копала...» ця група є найменшою й представлена лише однією підгрупою.

1. Назви частин злакових.

Підгрупа представлена двома лексемами – *кукурудза* (1) та *зерно* (2), при чому обидві вони стосуються того самого поняття та магічного обряду ворожіння, описаного у творі: «Взялася передусім ворожити **зерном-кукурудзою**» [2, с. 54];

IV. Ягідні рослини.

Ця тематична група фітонімічних найменувань також порівняно невелика, у її межах виділяємо дві підгрупи.

1. Гіпероніми.

Підгрупа представлена одним найменуванням, що водночас трапилося в повісті – *ягоди* (1): «*Літом збирає вона гриби, малини, ягоди, носить в місто на продаж, і все капне щось і за те*» [2, с. 37].

2. Назви конкретних ягід.

Підгрупа представлена двома лексемами, що називають типові для зображуваної у творі місцевості *ягоди* – *малина* (2), *суниця* (1): «*Тетяна знає тут кождоу деревину, знає цвіти, знає, де виростають найкращі трави, де, на котрих місцях найбільше суниць і малин...*» [2, с. 55].

V. Частини рослин.

Частини окремих рослин розглядалися в межах інших тематичних груп – «Дерева», «Трави та квіти», «Злакові рослини». До цієї групи зараховуємо такі найменування, щодо яких немає конкретної вказівки в тексті, якого класу рослин вони стосуються.

1. Найменування, що стосуються листяного покриву рослини.

Названа підгрупа об'єднує дві лексеми – *листя* (2), *зелень* (3). Наприклад: «*...Між циганами зразу затихло, але недовго; потім заворушилося, мов бренькіт самих басових струн, а далі шелест **листя**...*» [2, с. 10].

2. Найменування, що стосуються кореневої системи рослини.

У творі Ольги Кобилянської віднаходимо лише одне найменування – *корінці* (1): «*Не дадуть, то і з **корінців** живу, як і всі наші бідні цигани*» [2, с. 131].

VI. Місця зростання.

Остання група фітонімічної лексики в повісті Ольги Кобилянської об'єднує дві підгрупи: «У дикій природі» та «Створені людиною». Поділ цей досить умовний, оскільки окремі місцевості (як от царинка, полонина чи пасовисько розташовані в дикій природі, проте освоєні людиною для господарської діяльності).

1. У дикій природі.

Перша підгрупа досить розгалужена. До неї належать найменування залісненої місцевості – найбільш поширена лексема *ліс* (192), оскільки ліс є основною локацією у творі, а також *праліс* (1), *гущавина* (1), а також відкритих просторів – *пуста* (21), *царинка* (1), *полонина* (15), *пасовисько* (2). Наприклад: «*Гей, як колишеться вітер, збиткується над соснами, як розшумілися **ліси, праліси!***» [2, с. 51].

2. Створені людиною.

Остання виділена в тексті Ольги Кобилянської підгрупа складається з двох лексем – *зільник* (2) та *левада* (3). Наприклад: «*Та біла стежка тягнулася то густим лісом Чабаниці, то знов гарними **левадами** і царинками, а все оставалася однаково біла і вузенька*» [2, с. 18].

Аналіз матеріалу свідчить, що основу фітонімічного словника становить загальноновживана лексика української мови, проте зафіксовані й діалектні найменування. У творі Ольги Кобилянської виразно окреслюються буковинські красиви з притаманною їм рослинністю. Тож, і діалектизми взято з мовлення буковинців. Серед них трапляються такі зміни: у галузі фонетики – вживання [ц] замість [к]: *цвітка* (квітка), *цвіти* (квіти); у галузі словотвору – *смереччина* (смерекові зарослі), замість літературного *смеріччя*; лексичні діалектизми: *цвіт* (у значенні «квітка»), *матригуни* (беладонна), *царинка* (лука), *зільник* (квітник), *пуста* (степ). Використання діалектних лексем допомагає авторці не просто достовірно відтворити особливості пейзажів, але й занурити читачів в нюанси життя людей та того діалектного середовища, у якому вони живуть.

Висновки. Таким чином, повість Ольги Кобилянської «В неділю рано зілля копала...» характеризується багатством та різноманітністю фітонімічної лексики, як загальнономовної, так і діалектної. Цю лексику можна об'єднати в шість тематико-семантичних груп: «Дерева», «Трави та квіти», «Злакові рослини», «Ягідні рослини»,

«Частини рослини», «Місця зростання». У кожній тематико-семантичній групі фітоніми об'єднуються в підгрупи. Найбільш розгалуженими є тематико-семантичні групи «Трави та квіти» та «Дерева», що пов'язано з місцем дії у творі – залісненими гірськими краєвидами. Найменш поширеною є тематико-семантична група «Злакові рослини», відсутня група «Овочі», оскільки господарська діяльність героїв твору не була пов'язана з розвитком дії.

Список літератури

1. Акулинина, Е. П. Система флористических текстовых единиц в творческой картине мира Б. Л. Пастернака : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. П. Акулинина. – Тамбов, 2009. – 24 с.
2. Кобилянська, О. В неділю рано зілля копала... / Ольга Кобилянська ; передм. О. Шевченко. – Київ : Школа, 2009. – 448 с.
3. Словник української мови : в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства ; за ред. І. К. Білодіда. – Київ : Наукова думка, 1970–1980. – Т. 1–11.
4. Соколова, М. Г. Образные парадигмы «тополь – человек» как прием персонификации в лирике XIX–XX веков / М. Г. Соколова // Поволжский педагогический вестник. – 2020. – Т. 8, № 1(26). – С. 104–108.
5. Широкова, А. А. Фитонимическая лексика в сборнике стихов Samosiejki («Самосейки») Тересы Радзевич / А. А. Широкова // Славянский мир: общность и многообразие. – 2021. – № 1. – С. 221–227.

УДК 821.161.1

ЗВЕРТАННЯ В ДРАМІ ЯРОСЛАВА СТЕЛЬМАХА «ПРОВІНЦІАЛКИ»

В. И. Кулев,

*обучающийся 2-го курса магистратуры кафедры украинской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Пелипасъ Н. И., заведующий кафедрой украинской филологии, к. ф. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Вступ. У діалогічному спілкуванні людей особлива роль належить звертанню. Основна функція звертання – служити назвою особи, до якої звернене мовлення. Одним із вагомих джерел інформації щодо оформлення та функціонування звертань можуть стати твори художньої літератури, особливо драматичні, оскільки вони «якнайкраще відтворюють типові риси усно-розмовного мовлення, що побутували в суспільстві в певні історичні часи, у різноманітних ситуаціях спілкування, серед людей різного віку, приналежних до різних соціальних прошарків» [3, с. 54]. На думку А. М. Кукушкіної, «у літературних творах звертання можуть дати більше інформації про героїв, про ситуацію, ніж якісь докладні описи, доповнення, авторські ремарки, уточнення тощо» [1, с. 316].

Особливості звертань, що побутували в українській мові в другій половині ХХ століття, можна простежити на прикладі драматичних творів Ярослава Стельмаха, одного з найцікавіших українських драматургів зазначеного періоду. Частково вони вже зазнавали вивчення з-поміж інших формул мовленнєвого етикету [3], проте лише на прикладі «підліткових» драм автора.

Метою цього дослідження стало вивчення звертань у драмі Ярослава Стельмаха «Провінціалки». Зазначена мета зумовила розв'язання таких **завдань**: 1) виділити

контексти зі звертаннями в драмі; 2) дати семантико-граматичну характеристику звертанням; 3) з'ясувати лінгвокультурологічні особливості вживання різних форм звертань.

У дослідженні використано такі **методи**: суцільної вибірки, типологічний, описово-аналітичний.

Результати дослідження. Відповідно до правил української літературної мови звертання в драмі Ярослава Стельмаха «Провінціалки» вживаються у формі кличного відмінка. Найчастіше функцію звертання виконують оніми, що розрізняються за формою та семантикою.

Найуживанішими етикетними знаками звертань у розмовному мовленні є гіпокористичні (неповні) форми імен у кличному відмінку, що трапляються переважно в спілкуванні близьких людей, наприклад: «**СВІТЛАНА** (не підводячи голови). **Борю**, тут без нас, виявляється, гуляння. І вже майже скінчилося. Ми, виявляється, все прогавили»; «**БОРИС**. От у це я вірю. Я вірю в тебе, **Серьожко**»; а також при звертанні старших до молодших: «**СЕРГІЙ**. Ох-ох! **Таню-Таню!** А куди Таня піде на роботу?»

Повне ім'я в «Провінціалках» трапляється лише в одному контексті: «**СЕРГІЙ**. А як виконано! Які фестончики! Благаю – адресу. **Світлано**, негайно туди. ...». Традиційна офіційна форма поєднання імені та по батькові у творі вживається досить часто, проте лише щодо однієї особи, старшої від усіх за віком: «**СЕРГІЙ**. Тим краще, **Лідіє Андріївно**. Розуміння – така рідкісність».

Найбільшою варіативністю в «Провінціалках» у звертанні до тієї самої особи характеризуються імена-демінітиви (зменшено-пестливі імена) із суфіксами -к-, -еньк-, -юн-, -юш-, -юшк-, що найчастіше мають позитивну семантику та в досліджувану творі трапляються в доброзичливому звертанні старших до молодших, наприклад: «**ЛІДІЯ АНДРІЇВНА** (з'являється в холі). Ось і я. Ну, **Боренько**, розповідай»; «**ЛІДІЯ АНДРІЇВНА**. **Борюню**, чи ж тобі жалітися? ...»; «**ЛІДІЯ АНДРІЇВНА**. Точно, **Борько**, точно як ти! А Тетянка – хороша дівчинка. ...»; «**ЛІДІЯ АНДРІЇВНА** (щасливо). Аякже, **Серьоженько!**»; «**ЛІДІЯ АНДРІЇВНА**. Ой, **Сергійку**, ви нас балуєте»; «**СТАРІЙ**. Пив я, **Серьожко**, сильно. Душу міг за це діло закласти. ...»; «**СЕРГІЙ**. ... Та це я так, по-батьківськи. (Ледь обійняв дівчину за плечі.) Маю зазначити, **Танюшо**, твоя мама тебе дуже любить...»; зменшено-пестливі форми найуживаніші й у звертанні матері до дочки, наприклад: «**ЛІДІЯ АНДРІЇВНА**. Нічого, нічого, **Тетянко**, мені не важко»; «**ЛІДІЯ АНДРІЇВНА**. ... І-і, **Танюшко**. Приїхали».

Звертання на ім'я може бути поширеним прикметником; досить часто це прикметник «дорогий», що спрямований на показ прихильного ставлення до адресата (хоча насправді таке ставлення може бути і відсутнім): «**СЕРГІЙ**. Побачимо, побачимо, **дорога Лідіє Андріївно**».

Крім різних форм особистих імен, Ярослав Стельмах використовує звертання, виражені загальними іменниками. Такі звертання можуть поширюватися займенниками, набуваючи схожості з народнопісними висловами, як-от у звертанні матері до дочки: «**ЛІДІЯ АНДРІЇВНА**. ... Така дівчинка, **ягідко ти моя**. Я ж бачила, як він на тебе дивився, я такі речі помічаю. ...»

Присвійний займенник «мій» поряд зі звертанням трапляється лише у мовленні старшої людини, адресованому до молодших з певною поблажливістю: «**ЛІДІЯ АНДРІЇВНА**. І ти не помилився, **друже мій**, слово матері. Ви знайдете одне одного. В коханні»; «**ЛІДІЯ АНДРІЇВНА**. Я розумію тебе, **мій хлопчику**. ...»

З-поміж родинних звертань поширення набули звертання при спілкуванні батьків та дітей. Найбільш частотним є звертання до матері. В аналізованій драмі Ярослава Стельмаха такі звертання переважно стилістично-забарвлені, зокрема пестливі: «**ТАНЯ**. Ти, **мамо**, піди краще відпочинь»; усічені розмовні: «**ТАНЯ** (з'явилась на погук). Що? (Побачила. Оцінила.) Ух ти! Ну, **ма...**»; «**ТАНЯ**. Ой, **мам**, куди?»

У зверненні батьків до дітей традиційно вживаються зменшено-пестливі іменники, незважаючи на вік цих дітей, наприклад: «**ЛІДІЯ АНДРІЇВНА. Тетяно, не спи, не спи, донечко**»; «**ЛІДІЯ АНДРІЇВНА. Ну, доню, впізнаєш дядю Бору?**»

У традиції мовленнєвої практики українців існує звичай називати термінами спорідненості незнайомих людей, як старшими молодших, так і навпаки. Наприклад, словом «батьку» звертаються не лише діти до одного зі своїх батьків, але й чужі люди ввічливо, з повагою до чоловіків похилого віку: «**СЕРГІЙ. ... Ну все, батьку, щасливо**». У цій же функції вживається й розмовне «батьо»: «**СЕРГІЙ. Поспішаю, батьо, поспішаю. ...**» Нейтральне звучання має звертання до стороннього старшого чоловіка похилого віку «діду»: «**СЕРГІЙ. Слухай, діду, ти своє випив – іди спи**». А от зневажливе ставлення передається апелятивом «папашо»: «**БОРИС. ... Добридень, папашо! Повний достаток, так?**»

Грайливо-іронічно та дещо зверхньо звучить звертання до старшої нерідної жінки «мамочко», що розуміють як адресат, так і адресант мовлення: «**СЕРГІЙ. ... Ах, як добре ви це сказали, мамочко. / ЛІДІЯ АНДРІЇВНА. І перестаньте називати мене мамочкою. / СЕРГІЙ. Гаразд, мамочко. / Лідія Андріївна аж пересмикнулась. / (Примирливо.) Ну добре, добре, не буду. Навіщо нам сваритися? Мамочко**».

Наявне у творі і традиційне ласкаве звертання літньої людини до молодого чоловіка – «синку»: «**СТАРІЙ. Добридень, синку**».

Звертання можуть адресуватися не лише окремій людині, але й певній сукупності людей. Звертання до групи людей може поширюватися прикметником з метою показати свою прихильність, наприклад «любі»: «**СЕРГІЙ. ... Так, любі жіночки. Ніхто не п'є, а я чого страждаю?**»

Серед варіантів звертань до людини виділяються також субстантивовані прикметники, зокрема у спілкуванні закоханих: «**СВІТЛАНА. Ми трохи стомилися, Лідіє Андріївно. Боря вночі працював, йому слід відпочити. Ходімо, милий**»; «**БОРИС (до Сергія. Так само весело). Це коли я у Вільнюсі був, так? (До Світлани.) Я не помилюся, мила?**» (хоча в останньому випадку таке звертання звучить скоріше іронічно).

Субстантивованій прикметник у якості звертання, як і іменник, може доповнюватися присвійним займенником: «**СЕРГІЙ (наче прозрів). Любі мої! Це я, так? Чимось вас засмутив? От...**»

Висновки. Таким чином, драма Ярослава Стельмаха «Провінціалки» демонструє типові для другої половини ХХ століття варіанти звертань, зокрема різноманіття способів звертання до тієї самої людини, варіації того самого імені. Серед них трапляються як нейтральні, так і стилістично- чи емоційно-забарвлені. За структурою звертання переважно однокомпонентні, рідше двокомпонентні чи ускладнені конструкції. Найбільш продуктивними звертаннями у творі є однокомпонентні онімі-демінітиви.

Список літератури

1. Кукушкина, А. Н. Роль обращений в рассказе А. П. Чехова «Толстый и тонкий» / А. Н. Кукушкина // Проблемы и перспективы воспитания языковой культуры и формирования языковой личности молодого журналиста и филолога евразийского пространства : сборник трудов конференции. – Москва : Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006. – С. 316–318.
2. Стельмах, Я. Повні тексти творів / Ярослав Стельмах. – URL : <https://www.ukrlib.com.ua/books/author.php?id=299> (дата звернення : 10.03.2025).
3. Gladkaya, I. S. Формули мовленнєвого етикету в мовленні підлітків (на прикладі драматичних творів Ярослава Стельмаха) / I. S. Gladkaya // International Research Conference on Technology, Science, Engineering & Management. – Seattle : Профессиональная наука, 2021. – Р. 54–57.

ОПИСОВО-ЗОБРАЖАЛЬНА ФУНКЦІЯ ОБРАЗНИХ ПОРІВНЯНЬ У МАЛІЙ ПРОЗІ МИХАЙЛА КОЦЮБИНСЬКОГО

Е. А. Мищенко,

*обучающийся 3-го курса кафедры украинской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Гладкая И. С., к. ф. н., доцент кафедры украинской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Вступ. Образне порівняння є одним з найважливіших засобів художньої виразності. Воно широко вживається в художній літературі та здатне відображати різноманітні авторські настанови та завдання: «підкреслює й посилює уявлення про який-небудь предмет чи про яке-небудь явище за рахунок іншого предмета чи явища, викликає певні естетичні асоціації та почуттєво-оцінні реакції, а найголовніше – активізує увагу й образне мислення людини» [4, с. 221], що особливо унаочнюють твори класиків різних національних літератур. В українській літературі до визнаних майстрів малої прози належить Михайло Коцюбинський, чия творчість демонструє мовне багатство та оригінальне переплетення різноманітних тропів і фігур. Образні порівняння в новелістиці Михайла Коцюбинського вже ставали предметом наукового осмислення (наприклад, у роботі Ю. О. Тимченко [3]), проте їхні інтерпретації, як правило, обмежені окремими циклами творів або ж виділенням структурно-семантичних типів. Самостійного ж дослідження, присвяченого вивченню функцій образних порівнянь у новелах та оповіданнях Михайла Коцюбинського, на сьогоднішній день немає. У той же час порівняння є одним з найважливіших засобів моделювання художнього світу в малій прозі автора, а також незмінним предметом філологічних розвідок, що й обумовлює актуальність нашого дослідження.

Мета роботи полягає у вивченні описово-зображальної функції порівнянь на прикладі малої прози Михайла Коцюбинського. **Завдання** дослідження: віднайти та класифікувати порівняння в малій прозі Михайла Коцюбинського; визначити найтиповіші об'єкти компаративних конструкцій.

Методи дослідження. Основними методами дослідження стали описово-аналітичний, орієнтований на спостереження, аналіз та узагальнення інформації щодо образних порівнянь; суцільної вибірки, що дозволив виділити контексти з порівняннями в малій прозі Михайла Коцюбинського; типологічний для класифікації образних порівнянь.

Результати дослідження. У дослідженнях компаративних конструкцій традиційно виділяють чотири їхні типові функції: оцінно-характеристичну, суб'єктивно-пізнавальну, конкретизувальну та описово-зображальну [2]. У малій прозі Михайла Коцюбинського широко представлена кожна з них і, більше того, потенціал порівняльних конструкцій не обмежується названими функціями. Однак, найбільш вираженою у творах автора є описово-зображальна функція. Вона часто стосується порівнянь, заснованих на зоровому сприйнятті зовнішнього вигляду персонажа при описі:

– зовнішності людини – рис обличчя, частин тіла, постави: «**Високий, міцний, неначе грот-мачта, погано поголений, Жан щупав грубою палкою поміст і ледве згинав коліна, застиглий і негнучкий в своїй сліпоті**» («Коні невинні»); «**...смагле, як**

кора на дереві, обличчя, цупкі, порепані й припалі землею руки, грубі, як пеньки, ноги» («Лялечка»);

– одягу людини: *«Він давно згубив свого картузика, кілька разів падав на слизькій дорозі, поли з рудої юпки, мов крила, мають за ним від прудкого бігу...»* («Маленький грішник»);

– рухів і дій людини: *«Багнистою вулицею йшов мужик, немов дубове коренище котилось по дорозі»* («Лялечка»);

– зовнішності тварини, міфічного персонажа: *«Мов туман той, сива борода його м'якими хвилями спада аж до ніг»* («Хо»);

– рухів і дій тварини, міфічного персонажа: *«Кім скулить очі, жалібно нявчить... далі ж, немов діткнутий електричною іскрою, виринається й тіка під комоду, лишивши на руці мучительки червоний слід гострих пазурів»* («Хо»).

Ця функція виявляється і в порівняннях, що характеризують стан чи настрій людини: *«...сльози, мов град, посипалися на землю...»* («Харитя»).

Рідше в малій прозі Михайла Коцюбинського об'єктом порівняння стають інтер'єри та предмети, що їх наповнюють. Як правило, вони також пов'язані з характеристикою стану людини, наприклад: *«За чорними вікнами лежить світ, затоплений ніччю, а моя хата здається мені каютою корабля, що пливе десь у невідомому чорному морі разом з мною, з моєю тугою і з моїм жахом»* («Цвіт яблуні»).

Описово-зображальна функція порівнянь, що творять природні образи, присутня в більшості творів Михайла Коцюбинського, навіть у тих, де дія безпосередньо з природою не пов'язана. Якщо ж твір рясніє пейзажними описами, порівняння в них стає обов'язковим атрибутом, що яскраво демонструє оповідання «Ялинка», де постає зимовий пейзаж, у якому об'єкти природи порівнюються з живими істотами, предметами побуту чи результатами діяльності людини, іншими природними реаліями та ін.: *«Земля наче вбралась на різдво у білу сорочку»*; *«На обидва боки від дороги, скільки скинеш оком, розстелилось поле, вкрите снігом, мов білою скатеркою»*; *«Він глянув навкруги: здорові дуби стояли в лісі мов страховища і звідусюди простягали до нього цупкі чорні гілки»* тощо.

Виразними в «Ялинці» є порівняння, що лягли в основу іншого художнього прийому – антитези, коли молоде деревце, навколо якого розгортається сюжет, протиставляється іншій рослинності зимового лісу: *«Чорні, голі дерева стояли в снігу, настовбурчившись замерзлими гілочками, і, наче мертві, не ворушилися од вітру. ... Аж ось здалеку зеленою глицею замаячила ялинка. Василько з батьком підійшли до ялинки. Їм обом жаль стало молодого деревця. Струнке, зелене, веселе, воно маяло гілочками, наче раділо гостям...»*.

Висновки. Таким чином, Михайло Коцюбинський у художню тканину творів малої прози вводить значну кількість порівнянь, що виконують саме описово-зображальну функцію. З їхньою допомогою автор моделює портрети персонажів, створює пейзажні замальовки та інші описи, роблячи їх більш виразними та привертаючи увагу читача оригінальними образними асоціаціями.

Список літератури

1. Коцюбинський, М. Твори : в 2 т. – Т. 1. Повісті та оповідання (1884–1906) / Михайло Коцюбинський. – Київ : Наукова думка, 1988. – 584 с.
2. Пятаева, И. Г. Структура, типы и функции сравнений в художественной прозе Ф. М. Достоевского : специальность 10.02.01 : дис. ... канд. филол. наук / И. Г. Пятаева. – Москва, 1994. – 156 с.
3. Тимченко, Ю. О. Порівняння в новелістиці М. Коцюбинського середземноморського циклу / Ю. О. Тимченко // Лінгвістичні дослідження : збірник наукових праць ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. – 2015. – Вип. 39. – С. 109–115.

4. Чабаненко, В. А. Стилїстика експресивних засобів української мови : монографія / В. А. Чабаненко. – Запоріжжя : ЗДУ, 2002. – 351 с.

УДК 821.161.2

ПОЕТИКА КРИМСЬКОГО ТЕКСТУ ЛЕСІ УКРАЇНКИ

Т. А. Скокова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры украинской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Багрий М. Г., к. ф. н., доцент кафедры украинской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Вступ. У концептах знаходять свій вияв образні, поняттєві, емоційно-ціннісні параметри світосприйняття та світоосвоєння. Люди мислять концептами, суть яких проявляється у мовленнєвій діяльності, наприклад, емоційно-оцінне ставлення до певної особи (*мати, батько, коханий, брат, сестра, подруга* тощо) чи події (*зустріч, подорож, сварка* тощо) можна дізнатися виключно з контексту діалогу чи монологу. Саме через мовлення (усне або писемне) особа проявляє своє ставлення до когось / чогось та виявляє себе як особистість. Упорядкована сукупність концептів утворює концептосферу. Дотримуємося думки Валерія Зусмана, щодо концепту: «Концепт – це інструмент, що дає змогу роздивитись у єдності художній світ твору та національний світ. Упроваджуючи концепт як одиницю аналізу, літературознавство отримує можливість включити образну тканину твору у загальнонаціональну асоціативно-вербальну сітку» [2, с. 29].

Актуальність роботи зумовлена відсутністю цілісного осмислення понять «концепт», «концептосфера»; потребою вивчення концептології як окремих віршів, так і образного світу кримського періоду творчості Лесі Українки.

Мета дослідження – дослідження поетики образів кримського тексту як складового концепту «природа» у збірках «Кримські спогади» та «Кримські відгуки» Лесі Українки.

Зазначена мета передбачає вирішення наступних **завдань**: з'ясувати поняття «кримський текст», дослідити образно-змістове наповнення концепту «природа», поетику образів кримського тексту Лесі Українки.

Методи дослідження: текстуального та контекстного аналізу, компонентного аналізу, описовий, описово-аналітичний.

Результати дослідження. У життєписі Лесі Українки чітко простежується три кримських періоди: 1890–1891: Саки – Євпаторія – Севастополь – Бахчисарай – Ялта; 1897–1898: Ялта; 1907–1908: Севастополь – Ялта – Балаклава – Євпаторія. Прощальна зустріч із кримською землею була в 1913 році, коли письменниця через погіршення стану здоров'я, відвідавши Київ, прямувала на Кавказ – останній свій земний притулок. Тоді пароплав, на якому перебувала Леся Українка, зупинявся на рейді в Євпаторії, Севастополі та Ялті. Подорожуючи Кримом, поетеса продовжувала творити. Результатом перебування у «країні світла та златистої блакиті» стали дві збірки поезій: «Кримські спогади» (1890–1891) та «Кримські відгуки» (1897–1898), оповідання «Над морем» (1898), кожен із творів презентував «кримську тему» в українській літературі, зокрема українську мариністику, та мав значний вплив на розвиток української поезії початку ХХ століття.

У сучасному літературознавстві актуальним та перспективним є дослідження топічних текстів. Уживаємо саме цей термін – «топічний» – як похідний від прикметника (грецьке «місцевий») [6, с. 680]. Подібне вживання терміна відзначаємо й у дослідника кримського тексту в російській літературі Сергія Олеговича Кур'янова [4, с. 23]. Топічні тексти стають об'єктом дослідження не лише як складові хронотопу, а й художнього світу твору. Міські локуси Києва, Львова, Івано-Франківська (Станіславова), Житомира, Рівного, Тернополя, Харкова, Чернівців знаходимо в наукових розвідках Віри Агєєвої, Григорія Грабовича, Нінелі Заверталюк, Лілії Лавринович, Людмили Малес, Раїси Мовчан, Наталі Позняк, Ярослава Поліщука, Ярини Цимбал та інших.

Зауважимо про необхідність розмежування термінів «локальний текст» і «регіональний текст», оскільки вони, як зазначав Сергій Кур'янов, «несуть різне семіотичне й семантичне навантаження» [4, с. 3]. Так, науковець визначає локальний текст як такий, що «включає в себе систему знаків окремого і відносно невеликого культурного простору – міста, селища, подвір'я тощо, тоді як регіональний текст несе в собі систему знаків регіону (макрорегіону), куди входять як складові частини міста, селища, подвір'я, а також ті простори (константні уявлення про ці простори), які є між населеними пунктами, з їх ландшафтом, водняним, рослинним і тваринним світами» [4, с. 3–4]. Отже, локальний і регіональний тексти відрізняються просторово. Наше дослідження орієнтується на регіональний топічний текст – кримський.

Поняття «кримський текст» стало об'єктом дослідження відносно недавно та представлено у працях як українських, так і російських науковців, чії імена пов'язані з Кримським федеральним університетом імені В. І. Вернадського (до 2015 року – Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського). Це – Віктор Гуменюк, Ольга Гуменюк, Михайло Вишняк, Петро Киричок, Світлана Кочерга, Валерія Кур'янова, Сергій Кур'янов, Марина Новикова та інші. У науковий обіг поняття ввів культуролог Олександр Люсий у 2003 році [5]. Зауважимо, що у його дисертації тлумачення як таке відсутнє, йде мова лише про безпосередній зв'язок петербурзького та кримського текстів. Саме визначення поняття дає Валерія Кур'янова у 2013 році в дисертації, згодом – у монографії. Дослідниця визначає кримський текст як «семантично пов'язану з Кримом систему уявлень про людину і світ, яка відображає неповторність криської землі, є її знаковою маніфестацією і закріплена в творах письменників. Кримський текст формується в певний історико-культурний період під впливом подій, міфологем і архетипів, специфічних для Криму» [3, с. 5]. Отже, Валерія Кур'янова підкреслює, на наш погляд, семантичну значимість певних знакових кримських подій, міфологем, архетипів у творах письменників. Ще раз зауважимо, що дослідниця кримський текст розглядає окремо від кримського мотиву, образу Криму, криської теми, кримського міфу. Тут можна знайти суперечності, бо Сергій Кур'янов виводить кримський текст з «еволюції кримського міфу» [4, с. 31].

Дотримуємося визначення Валерії Кур'янової, проте залучаємо до поняття кримський текст і кримські образи, і кримські мотиви, і кримські теми, і кримський міф, оскільки вони (образи, мотиви, теми, міф як оповідь) доповнюють один одного та, зрештою, є складовими тексту, в тому числі й кримського тексту Лесі Українки.

Крим, як і інші місця – Австро-Угорщина, Італія, Єгипет, Кавказ, Німеччина – увійшли в життя Лесі Українки вимушено: через потребу лікування. Проте стали для неї такими ж дорогими, як рідна Волинь, надихнули на творчість.

Перший вірш Лесі Українки, написаний у Криму, – «Тиша морська» (Євпаторія, 1890, 16 серпня), другий – «Грай, моя пісне!» (Серед чистого моря, 1890, 17 серпня) – суголосний першому, увага авторки зосереджена на тому, як море здатне надихати митця, повертати йому жагу до праці:

Плинь, моя пісне, як хвиля хибкая, –
Вона не питає, куди вона плине,
Линь, моя пісне, як чайка прудкая, –
Вона не боїться, що в морі загине [7, с. 97 –

Далі в тексті зазначатимемо лише номер сторінки].

Отже, поетеса, яка була вкрай виснажена нестерпним болем, зуміла віднайти в собі сили, щоб продовжити творити, а натхнення черпала у природи. Кримські краєвиди оживили не лише здоров'я фізичне, а й душевне. Найбільше вразило море.

Море, як зазначено у словнику-довіднику «Знаки української етнокультури» Віталія Жайворонка, є загальновідомим символом, зокрема, це – «загальнолюдський символ життя з його гріховними пристрастями і бурями (звідси житейське море)» [1].

Саме в цьому контексті – море як людське життя із його лихими і добрими пристрастями, – здебільшого можемо пояснювати поезії Лесі Українки із концептом «море» та його складовими: «хвиля», «чайка», «човен». Концептосфера «море» у поезіях відповідає лексичному значенню слова, тобто виконує номінативну функцію, а також є складовою частиною словосполучень із семантикою руху та напрямку, наприклад, «коливає / шле / жене / вирує море», «море шуміло», «на північному морі», «за / понад морем», окрім того входить до складу епітетів та порівнянь, як-от: «сильне / темне / ясне море», «як розбитий човен» (*Прислухалась, як море шуміло, Як таємная хвиля зітхала – І як серце моє стукотіло* [97], *Сильне море! зберися на силі! Ти потужне, нема тобі впину, – Розжени свої буйнії хвилі* [102], *Думки навіває мені тепер Чорне море – ... Сьогодні вже тихо й лагідно до берега шле свої хвилі* [158], *Там на березі мріє кілками Морський човен, розбитий, нужденний, Наче звір, що в пустині пісками Його вихор засипав південний* [101]).

Море було не лише об'єктом споглядання (*Час, моя пісне, по волі буяти, Послухатъ, як вітер заграє понад морем* [97], *Глянь, як хвилі від срібла блищаться! Глянь, як небо синіє вгорі!* [99]), а й відпочинку. У вірші «На човні» (Євпаторія, 1891 р., 8 липня) поетеса розповідає про подорож човном із братом Михайлом у відкритому морі:

На човні нас було тільки двоє.
Хвилі скрізь вколо нас коливались,
І такі ми самотні обоє
Серед того простору здавались [100].

Морський простір став місцем, яке навіки сховало сердечну таємницю та думки героїні, а також усталило психоемоційний стан: «*Тихе море спокою навчило / Невгамовнес серце моє...*».

Висновки. Отже, концептосфера «море», що складається із концептів «хвиля», «чайка», «човен» у поезіях Лесі Українки не лише є словесним вираженням мариністичного пейзажу, а й містить глибокий символічний підтекст. Читач має змогу помилуватися морськими краєвидами і пороздумувати над прихованим змістом текстів. Саме це і передбачається концептами, що виражені загальноживаними словами, які можуть трактуватися «як основний осередок культури в ментальному світі людини» [8].

У сукупності концептосфера «море» зображує мариністичний пейзаж «кримських текстів» Лесі Українки, а також відображає символічне значення моря як людського життя, де хвиля – певний життєвий період, чайка – той (та), хто поруч, човен – те, що рятує і дає змогу пережити певний період.

Список літератури

1. Жайворонко, В. В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / Віталій Вікторович Жайворонко. – Київ : Довіра, 2006. – 703 с. – URL :

- [http://ukrlit.org/slovnyk/zhaivoronok znaky ukrainskoi etnokultury](http://ukrlit.org/slovnyk/zhaivoronok_znaky_ukrainskoi_etnokultury) (дата звернення : 15.03.2025).
2. Зусман, В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания / В. Г. Зусман // Вопросы литературы. – 2003. – № 2. – С. 3–29.
3. Курьянова, В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого : монография / В. В. Курьянова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2015. – 220 с.
4. Курьянов, С. О. «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков : монография / С. О. Курьянов. – Москва : Инфра-М, 2019. – 311 с.
5. Люсый, А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста : специальность 24.00.01 «теория и история культуры» : дис.. ... канд. культурологии / А. П. Люсый. – Москва, 2003. – 188 с. – URL : <http://www.dslib.net/teorja-kultury/krymskij-tekst-russkoj-kultury-i-problema-mifologicheskogo-konteksta.html> (дата звернення : 20.03.2025).
6. Нечволод, Л. І. Сучасний словник іншомовних слів / Л. І. Нечволод. – Харків : ТОРСІНГ ПЛЮС, 2007. – 768 с.
7. Українка, Леся. Поезії. Поеми / Леся Українка. – Київ : Дніпро, 1989 – 500 с.
8. Юлтимирова, С. А. Различные подходы к трактовке термина «концепт» / С. А. Юлтимирова. – URL : http://www.rusnauka.com/NPM_2006/Philologia/3_jultimirova.doc.htm (дата звернення : 20.03.2025).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

УДК: 372.881.161.1

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Т. В. Аржанцева,

*заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, кандидат педагогических наук,
доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Проблематика статьи вписывается в парадигму исследований, изучающих лингвистические особенности русских фразеологических оборотов с компонентом «части тела человека» в аспекте преподавания русского языка как иностранного.

Исследование осуществлялось с использованием теоретических и эмпирических методов: анализ психолого-педагогической и научно-методической литературы по изучаемой проблеме, компонентный анализ фразеологических единиц (ФЕ), вероятностное прогнозирование результатов обучения, моделирование учебного процесса.

В результате проведённого исследования определены типичные трудности изучения фразеологизмов с компонентом соматической лексики, разработан алгоритм декодирования скрытых смыслов фразеологических единиц, компонентом которых являются соматизмы, определены наиболее эффективные приёмы работы с исследуемыми лексическими средствами выразительности в иностранной аудитории.

Итогом исследования стала разработка дидактической модели, предлагаемой как один из вариантов построения процесса обучения инофонов русской фразеологии.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, соматическая лексика, средства выразительности, методика преподавания русского языка как иностранного.

Summary. The article's problematic fits into the paradigm of research studying the linguistic features of Russian phraseological units with the component "parts of the human body" in the aspect of teaching Russian as a foreign language.

The study was carried out using theoretical and empirical methods: analysis of psychological, pedagogical and scientific-methodical literature on the problem under study, component analysis of phraseological units (PU), probabilistic forecasting of learning outcomes, modelling of the educational process.

As a result of the study, typical difficulties in studying phraseological units with a somatic vocabulary component were identified, an algorithm for decoding the hidden meanings of phraseological units, the component of which are somatisms, was developed, the most effective techniques for working with the studied lexical means of expressiveness in a foreign audience were determined.

The result of the study was the development of a didactic model proposed as one of the options for building the process of teaching foreign speakers Russian phraseology.

Key words: phraseological unit, idiom, somatic vocabulary, means of expression, methods of teaching Russian as a foreign language.

Соматическая фразеология представляет особый интерес как для лингвистики, так и для методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ). В лингвистике соматические фразеологизмы рассматриваются как единицы фразеологии,

«в компонентный состав которых входят соматизмы – слова, обозначающие ту или иную часть тела» [1, с. 107]. Интерес лингводидактов к фразеологическим оборотам с компонентом-соматизмом обусловлен их высокой частотностью употребления в речи и сложностью усвоения их иностранными учащимися.

В практической методике преподавания РКИ описано немало разнообразных видов работы с фразеологическими единицами русского языка. Разработке этой важной методической проблемы уделяли внимание Е. С. Коробейникова, А. С. Милославский, Н. М. Румянцева, А. П. Соболева и др. Однако научно-методические исследования, освещающие проблему обучения инофонов русской соматической фразеологии, единичны.

Актуальность исследования определяется существующим противоречием: с одной стороны, неоспорим факт – понимание русских фразеологизмов и умение употреблять их в речи – необходимое условие успешного формирования коммуникативной компетенции иностранных обучающихся, с другой – наличие в методике преподавания РКИ лакун, не позволяющих успешно реализовать процесс обучения фразеологии вообще и соматической в частности. Вопрос о систематизированном обучении иностранцев пониманию и употреблению в речи русских фразеологизмов с компонентом «название части тела человека» до сих пор остаётся не решённым отчасти из-за неразработанности чётких критериев отбора соматических ФЕ для фразеологического минимума, отчасти из-за отсутствия научно обоснованной и экспериментально проверенной системы практических методов, способствующих эффективному усвоению этой сложной для изучения в иностранной аудитории темы.

Фразеологизмы с компонентом-соматизмом в аспекте преподавания русского языка как иностранного стали предметом данного исследования по нескольким причинам:

1. *Широкая распространённость и частотность использования в русской речи.* Соматизмы являются одной из древнейших и наиболее универсальных групп слов в русском языке, что обуславливает их активное включение во фразеологические обороты.
2. *Культурная и историческая значимость.* Фразеологизмы с соматизмами могут отражать культурные особенности, исторические реалии и представления о человеческом теле, которые варьируются в разных культурах и эпохах. Изучение таких выражений позволяет лучше понять культурные и исторические контексты.
3. *Лингвистическая ценность* для понимания языковой картины мира носителей изучаемого языка. ФЕ, содержащие соматизмы, отражают особенности восприятия мира носителями языка, их представления о себе и окружающей действительности. Анализ таких выражений способствует пониманию иностранцами иной культурной реальности.
4. *Возможность проведения сравнительного анализа между языками.* Фразеологические единицы, ядром которых являются соматизмы, позволяют выявить сходства и различия в языковых системах родного языка инофонов и изучаемого, осознать особенности межкультурного общения.

Цель исследования заключается в попытке раскрыть лингводидактический потенциал современных фразеологизмов с соматическим компонентом, выявить наиболее эффективные приёмы работы с этими средствами выразительности в иностранной аудитории, разработать систему практических методов, способствующих преодолению трудностей, возникающих у инофонов при освоении соматической фразеологии.

Известно, что фразеологизмы относятся к безэквивалентной лексике, их значение довольно редко можно понять посредством прямого перевода или

логического анализа, поскольку семантика тесно связана с определённой культурной традицией и воспринимается обучающимся через уже сложившуюся у него языковую картину мира. Как пишет С. Г. Тер-Минасова, «выучив иностранное слово, человек извлекает его из чужой, неизвестной еще ему до конца картины мира и пытается совместить его с имеющейся в его сознании картиной мира, заданной ему родным языком. Именно это обстоятельство является одним из камней преткновения в обучении иностранным языкам и составляет для многих учащихся главную трудность в процессе овладения иностранным языком» [4, с. 102]. Кроме того, фразеологизмы с компонентами, означающими части тела, часто имеют определённую стилистическую принадлежность и разную степень эмоциональной окрашенности, что также может обуславливать сложность их понимания и употребления иностранными учащимися.

Типичные трудности, возникающие у иностранных студентов, связаны с недостаточным объемом их словарного запаса, отсутствием необходимых фоновых знаний о славянской действительности, жизненных ценностях, традиционных установках, национальном сознании русского народа, а также недостатком сведений об этимологии и культурологии этноса. Всё это определяет необходимость целенаправленной комплексной работы с соматическими фразеологизмами, несущими в себе народную мудрость, опыт, традиции и культуру русского народа. С целью реализации комплексного подхода разработана модель экспериментального обучения, базирующаяся на лингвокультурологическом подходе. Знакомство иностранцев с соматическими фразеологизмами происходит не на специально отведённых занятиях, а в рамках изучения лексико-грамматических тем.

Структурная организация дидактической модели экспериментального обучения двухуровневая: 1-й уровень теоретический, 2-й – практический.

На теоретическом уровне учащиеся получают полную информацию о фразеологизме с элементом «часть тела человека» по следующей схеме:

1. Презентация и семантизации ФЕ.
2. Знакомство с лингвострановедческой информацией о рассматриваемой фразеологической единице (при необходимости).
3. Акцентирование внимания обучающихся на стилистических особенностях презентуемого фразеологизма.
4. Демонстрация примеров речевых ситуаций, в которых изучаемый фразеологизм может использоваться.
5. Анализ примеров употребления ФЕ в тексте.

Знакомить обучающихся со стилистическими особенностями изучаемых фразеологических единиц представляется крайне важным. В соответствии с классификацией, предложенной Н. М. Шанским, для осуществления успешной коммуникации инофонам необходимо различать книжные фразеологизмы (*плечом к плечу, каменное сердце, души не чают*); разговорно-бытовые (*куда глаза глядят, мозги кипят*), межстилевые (*точка зрения*), употребление которых возможно в текстах разной стилиевой принадлежности [5, с. 165–169], а также эмоционально окрашенные и нейтральные.

Как на теоретическом, так и на практическом уровне значимое место занимает зрительная наглядность (статическая и динамическая), помогающая раскрыть имплицитный смысл устойчивого сочетания.

Наиболее целесообразной представляется система практических методов, включающая несколько типов упражнений:

1. *Упражнения на понимание*: соотнесение ФЕ с их значениями, выбор фразеологизма, соответствующего коммуникативной задаче, определение значения фразеологизма в контексте, работа с иллюстрациями, на которых изображены фразеологизмы.

2. *Упражнения на закрепление изученного*: заполнение фразеологизмами пропусков в тексте, подстановка подходящих по смыслу соматических компонентов, составление предложений с ФЕ, создание диалогов с включением изучаемых выражений.

3. *Упражнения на развитие навыков использования фразеологизмов в речи*: ролевые и дидактические игры, в которых уместно употребление фразеологизмов с компонентом «части тела человека», описание ситуаций с использованием изучаемых выражений, разыгрывание диалогов с включением фразеологизмов, пересказ текстов, содержащих ФЕ с соматизмами.

4. *Сопоставительные упражнения*: сравнение фразеологизмов с одинаковыми соматизмами, поиск сходств и различий в семантике соматических фразеологизмов разных языков, анализ семантической нагрузки различных соматизмов.

5. *Творческие задания*: составление мини-рассказов с использованием фразеологизмов, создание комиксов с изображением соответствующих фразеологизмов, написание небольших стихотворений с изучаемыми выражениями, описание внешности людей, их поведения, поступков, характера, способностей с использованием фразеологизмов, содержащих соматизмы.

6. *Упражнения на лингвокультурологический анализ*: выяснение происхождения ФЕ и их национально-культурных особенностей, сравнение с аналогичными выражениями в родном языке.

Начинать знакомство иностранных обучающихся с соматическими ФЕ целесообразно с базового уровня владения языком. При проведении занятий важно не только объяснять значение устойчивых сочетаний, но и акцентировать внимание на сфере их употребления, демонстрировать примеры использования изучаемых выражений в современных текстах.

Предлагаемая дидактическая модель была апробирована на кафедре русского языка и культуры речи Института филологии КФУ имени В. И. Вернадского в процессе дистанционного обучения студентов школы центрально- и восточноевропейских языков Циляньского университета международных исследований (г. Чаньчунь, КНР), владеющих русским на уровне А1. «Невзирая на санкционное давление, кафедра поддерживает международные контакты с целью популяризации русского языка за рубежом» [2, с. 96].

Результаты проведённого исследования позволяют утверждать, что лингводидактический потенциал соматических фразеологических единиц, отражающих национальные особенности изучаемого языка, специфику лингвокреативного мышления его носителей, ценностные ориентиры русского народа, может с успехом использоваться на занятиях по РКИ для пополнения словарного запаса инофонов и обогащения их речи.

Наиболее значимые итоги экспериментального обучения следующие:

1. *Понимание культуры и менталитета*: фразеологизмы с названиями частей тела отражают особенности мышления и культурные традиции народа. Изучая их, иностранцы глубже погружаются в русскую культуру и лучше понимают менталитет носителей языка.

2. *Обогащение словарного запаса*: фразеологизмы с соматизмами часто используются в повседневной речи и входят в поля культурно значимых концептов, знание таких ФЕ помогает расширить активный и пассивный словарный запас, сделать речь более выразительной и естественной.

3. *Улучшение коммуникативных навыков*: знание и правильное использование фразеологизмов способствует эффективному общению, позволяет лучше понимать собеседника и адекватно реагировать на его высказывания.

4. *Развитие языковой интуиции*: регулярная работа с фразеологизмами помогает развить языковую интуицию, научиться чувствовать язык и его особенности, что важно для достижения высокого уровня владения русской речью.

5. *Преодоление языкового барьера*: знание фразеологизмов, в том числе с соматизмами, помогает лучше понимать аутентичные тексты, фильмы, песни и другие материалы на русском языке, что способствует преодолению языкового барьера.

6. *Интерес к изучению языка*: изучение фразеологических оборотов с соматическим компонентом – увлекательный процесс, который повышает мотивацию изучения русского языка и интерес к культуре народа, являющегося его носителем.

7. *Постижение богатства русской речевой выразительности*: умение уместно употреблять устойчивые сочетания с соматизмами способствует достижению выразительности, убедительности, яркости речи.

Кроме того, благодаря знакомству со славянскими фразеологизмами, иностранные обучающиеся лучше усваивают особенности лексической, грамматической и стилистической систем изучаемого языка.

Результаты проведённого исследования внедрены в практику преподавания дисциплины «Основы методики преподавания русского языка как иностранного», которая относится к базовой части ОПОП «Методика преподавания РКИ».

Перспективу дальнейших научных изысканий в обозначенном в статье направлении составит аксиологический аспект фразеологизмов с элементом «части тела человека». В настоящее время выстраиваются профессиональные связи кафедры русского языка и культуры речи с Институтом международного обмена Шандуньского профессионального колледжа в Китае [3, с. 89], где планируется апробировать систему практических методов, разработанных с учётом аксиологического подхода к обучению иностранцев соматической фразеологии, который базируется на идее изучения устойчивых выражений с точки зрения отраженных в них национальных ценностей, моральных принципов, культурных особенностей, норм поведения, традиционных установок русского народа.

Список использованных источников

1. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – Москва : Гнозис, 2007. – 285 с.
2. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст : коллективная монография / под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2022. – 200 с.
3. Русский язык в Крыму и «Русский язык в поликультурном мире» : 10-летию Крымской весны посвящается / Т. В. Аржанцева, И. П. Зайцева, Н. И. Иванюк [и др.]. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2024. – 264 с.
4. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова // Культурология. – 2002. – № 2(21). – С. 101–104.
5. Шанский, Н. М. Фразеологические обороты русского языка : словарь / Н. М. Шанский, Е. А. Быстрова, В. И. Зими́на. – Москва : Русский язык, 1988. – 389 с.

**ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ШКОЛЕ:
«МУЖИК МАРЕЙ» КАК ПАСХАЛЬНЫЙ РАССКАЗ
О НАРОДЕ-БОГАТЫРЕ**

С. В. Капустина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры
речи, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Школьное изучение малой прозы Ф. М. Достоевского – оптимальное решение для того, чтобы подготовить аудиторию к восприятию «больших» романов классика. В качестве эйдологических «ступеней» к вершинным текстам Ф. М. Достоевского методисты называли рождественский рассказ «Мальчик у Христа на елке», физиологический очерк «Столетняя», сентиментальный роман «Белые ночи» и т. д. Однако самым биографичным, а следовательно и идеально подходящим для знакомства с вехами жизненного пути Ф. М. Достоевского художественным текстом можно назвать его пасхальный рассказ «Мужик Марей». Целью настоящей работы является моделирование подробного плана-конспекта по изучению указанного произведения в школе. Подчеркивается важность нарратива о народе-богатыре для юных читателей.

Ключевые слова: Достоевский, «Мужик Марей», пасхальный рассказ, русский народ, богатырство, богатырь.

Summary. School study of small prose by Fyodor Dostoevsky is the optimal solution in order to prepare the audience for the perception of the “big” classic novels. As eidological “steps” to the top texts of Fyodor Dostoevsky, methodists called the Christmas story *The Beggar Boy at Christ’s Christmas Tree*, the physiological essay *The Hundred-year-old Woman*, the sentimental novel *White Nights*, etc. However, the most biographical, and therefore ideally suited for acquaintance with the milestones of Fyodor Dostoevsky’s life, artistic text can be to call his Easter story *The Peasant Marei*. The purpose of this work is to model a detailed outline plan for studying this work at school. The importance of the narrative about the heroic people for young readers is emphasized.

Key words: Dostoevsky, *The Peasant Marei*, Easter story, Russian people, bogatyrstvo (heroism), bogatyr (hero).

От выбора «точки отсчета» в линии школьного достоевсковедения во многом зависит то, какой образ литератора сформируется в сознании обучающихся. Если знакомство с миром Достоевского начнется с одного из романов «великого пятикнижия», то впечатление юных читателей будет созвучно хрестоматийному штампу «трудный писатель». Если же педагог грамотно выстроит поступательно усложняющуюся достоевсковедческую «вертикаль», то его ученики будут справедливо ассоциировать имя классика с демиургом художественного многогрия; творцом содержательно объемных текстов, калькирующих жизнь во всеохватном фокусе. Именно поэтому школьное погружение в текстово оформленную Ф. М. Достоевским *реальность в высшем смысле*, думается, рационально начинать с малой прозы «Дневника Писателя», постепенно подготавливающей к эйдологическим переплетениям «Преступления и наказания» и/или «Идиота» (подробнее см.: [2], [3], [4], [5]).

Одним из вариантов «подготовительного чтения» следует считать пасхальный рассказ «Мужик Марей», рекомендуемый к прочтению в 8 классе. Урок по этому произведению нацелен на то, чтобы составить/развить представление о/об:

- Ф. М. Достоевском как Православном писателе и знатоке души народной;
- некоторых биографических вехах классика, отраженных в тексте «Мужик Марей»;
- культурно маркированной категории «пасхальность», художественно осмысленной Ф. М. Достоевским в *пасхальном рассказе* «Мужик Марей» и В. И. Далем в *пасхальной повести* «Илья Муромец. Сказка Руси богатырской».

Занятие строится из двух последовательно анализируемых компаративных связей, первая из которых – пасхальный рассказ «Мужик Марей» (воспоминание из первого детства) / былина «Получение силы Ильей» – предполагает сосредоточенность на характеристике центрального героя произведения Ф. М. Достоевского в контексте этнопоэтики; вторая – пасхальный рассказ «Мужик Марей» (воспоминание о праздновании Святого Воскресения в «мертвом доме») / пасхальная повесть «Илья Муромец. Сказка Руси богатырской» – сквозь призму категории «пасхальность» проявляет авторскую концепцию художественной главы из «Дневника Писателя».

Слово учителя о Ф. М. Достоевском как душеведце русского народа и прорицателе его великого будущего. Раскрытие такой масштабной темы рекомендуется начать с тезиса о том, что картины народной жизни не были для писателя абстрактны. В качестве иллюстрации уместно привести сведения, во-первых, о его детском соприкосновении с деревенской жизнью во время летних вакаций в Даровом; во-вторых, о четырех годах омского острога, позволивших писателю-каторжанину проникнуть в бездны противоречивой души русского простонародья.

Первостепенно стоит отметить, что словосочетанием «русский народ» Ф. М. Достоевский обозначал не столько историческую общность людей в целом, сколько сынов деревни, сельское население, крестьян. В идиостиле Ф. М. Достоевского оно проясняется такими синонимами, как «земство», «почва», и как духовно просветленное единство противопоставляется научно просвещенным слоям общества (подробнее см.: [6]). Примечательно, что лексема «русский» понимается классиком широко – как собирательное имя славянства, родственно связанного верой во Христа.

В качестве варианта решения остроактуальной проблемы поликультурного взаимодействия в современной России педагог-славист может представить «программу» Ф. М. Достоевского, гармонично сочетающую признание им великости, всемирного предназначения русского народа и толерантное, братское отношение к представителям иных конфессий. Взгляды Ф. М. Достоевского лишены националистского пафоса, но преисполнены национального достоинства. Принцип братского отношения к ближним Ф. М. Достоевский проецирует на геополитическую ситуацию; Россию видит не мировым гегемоном, а всемирной матерью и покровительницей; высшим предназначением русских считает перспективу «стать слугой всех народов» – и через такое *служение* избавить человечество от раздоров и кровопролития.

Своеобразная эмблема русского народа-богоносца в творчестве Ф. М. Достоевского – образ мужика Марей, сложившийся под вынесенным из детства «сильным впечатлением», оградивший писателя-каторжанина от ненависти к безобразникам острога и открывший для него возможность «под грубой корой отыскать золото».

Акцентино-смысловое чтение пасхального рассказа Ф. М. Достоевского «Мужик Марей» с последующим поиском ответов на вопросы: «Какими портретными чертами наделяет автор изображенного крестьянина?», «Выдают ли они добросердечие персонажа?», «В какой момент открывается его духовная красота?»; «Какие ассоциации вызывает мужское имя "Марей"?»; «Есть ли в рассказе контексты, указывающие на совмещение мужских и женских (материнских) черт в образе

Марея?», «С какой целью их вводит автор?», «Проявление ли это силы русского характера или демонстрация слабости героя?»; «За каким занятием испуганный барчонок застаёт мужика Марея?», «Символично ли оно?».

Слово учителя о символике мотива землепашества. Фигура неутомимого возделывателя родной земли воспринималась Ф. М. Достоевским как олицетворение победы преобразующей *правды народной* над ложными умствованиями европействующей интеллигенции. Согласно пророчеству писателя, лишь тем людям, которые в будущем обратятся к своим корням и испытают на себе значимость крестьянского труда, возможно будет приблизиться к *идеалам народным* и стать *лучшими*. Одним из «лучших людей» России и «идеалом народным» Ф. М. Достоевский называет христианского богатыря Илью Муромца. Богатырь, подобно любящему сыну, чтит Мать-сыру Землю, дарящую ему благодатную силу для одоления врага. Весьма распространен в богатырских сказках мотив удара *оземь*, после которого происходит восстановление силы героя.

При характеристике пахаря Марея обязательно нужно учесть и то, что в народных представлениях понятие «земля» расширяется до образа-символа, обозначающего источник всего живого. В народном (сердечном) православии образ Матери-сырой Земли, исцеляющей и преобразующей своих сынов, соотносится с Образом Пресвятой Богородицы, а сама земля, как и вода, извечно полагается чистой¹⁰. Именно поэтому «запачканный в земле палец» мужика Марея, оставшийся в памяти Ф. М. Достоевского, не показатель неопытности пахаря, а указание на его приобщенность к правде народной, к источнику животворящей спасительной силы, которой он спустя два десятилетия оградит писателя-каторжанина от ненависти и зла.

В былинном эпосе мотив землепашества чаще всего связан с именем богатыря Микулы Селяниновича. Однако есть и символически выразительные сюжеты об Илье Муромце-возделывателе родной земли.

Акцентно-смысловое чтение былины «Получение силы Ильей»¹¹ с последующим поиском ответов на вопросы: «Как прошли первые 30 лет жизни героя?»; «Кто и как исцелил его?»; «Какой завет дали ему “старые люди проходящие”»?»; «Какие богатыри, по их словам, сильнее Ильи Муромца?»; «Почему Микула Селянинович характеризуется ими как богатырь “от Матушки-сырой Земли”»?»; «Каково первое испытание богатырской силы Ильи Муромца? Символично ли такое “боевое крещение”?».

Написание мини-эссе на тему «Какой силой одаряет Мать-сыра Земля мужика Марея?».

Актуализация знаний обучающихся о празднике и праздновании Пасхи.

Беседа по предварительно найденным «пасхальным контекстам» из произведения В. И. Даля «Илья Муромец. Сказка Руси богатырской» (к таковым можно отнести события, совершающиеся на Пасху: рождение Ильи Муромца; его воскресение к полноценной жизни вследствие чудесного исцеления; прощение грешника Тимофея (монаха Илариона) – деда Ильи Муромца; воинские подвиги).

Анализ пасхального сюжета рассказа «Мужик Марей»: «Что испытывает Ф. М. Достоевский к кутящим каторжанам в начале повествования? Совпадает ли его отношение к ним с оценкой поляка М-цкого?»; «Как автор называет буйствующих

¹⁰ Это соотнесение будет неоднократно творчески осмысляться Достоевским-романистом. В контексте школьного изучения наследия классика полученную информацию целесообразно реактуализировать при анализе «Преступления и наказания» (сцена, в которой Раскольников землю целует).

¹¹ Указанное произведение входит в сборник былин, составленный П. Н. Рыбниковым и, по свидетельству авторитетных литературоведов, знакомый Ф. М. Достоевскому.

преступников в финале? Чем обусловлена совершившая перемена в его эмоциональном состоянии?»; «Справедливо ли утверждать, что детское воспоминание о Марее воскресило в писателе-каторжанине веру в народ и очистило душу от злобы?»).

Соотнесение выводов с определением «пасхального рассказа», данного В. Н. Захаровым: «Пасхальный рассказ связан с праздниками всего Пасхального цикла от Великого поста до Троицы и Духова дня <...>. Пасхальный рассказ назидателен – он учит добру и Христовой любви; он призван напомнить читателю Евангельские истины. Его сюжеты – «духовное проникновение», «нравственное перерождение человека», прощение во имя спасения души, воскрешение «мертвых душ», «восстановление человека». Два из трех названных признаков обязательны: приуроченность времени действия к Пасхальному циклу праздников и «душеспасительное» содержание» [1, с. 256].

Подводя итоги занятия, целесообразно еще раз акцентировать внимание обучающихся на культурно маркированной категории «пасхальность», воплощенной как в этнопоэтических текстах, так и в произведениях Ф. М. Достоевского. Названная константа определяет душеспасительную компоненту творческих исканий «реалиста в высшем смысле»; указывает на то, что просветленный добром человек может не только разглядеть свет даже в буйствующем безобразнике, но и духовно преобразить окружающих; предупреждает читателей не воспринимать других импульсивно и поверхностно.

Список использованных источников

1. Захаров, В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы / В. Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики. – 1994. – Т. 3. – С. 249–261.
2. Капустина, С. В. Изучение очерка Ф. М. Достоевского «Столетняя» в школе / С. В. Капустина // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. – Вып. XIII. – Новокузнецк : Кемеровский государственный университет, 2022. – С. 390–398.
3. Капустина, С. В. Комплексный анализ произведений Достоевского / С. В. Капустина // Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы : монография ; под науч. ред. Е. А. Фёдоровой. – Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2021. – С. 140–159.
4. Капустина, С. В. «Достоевский по ФГОС»: особенности школьного изучения наследия классика / С. В. Капустина // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде : материалы III Международной научно-практической конференции, Евпатория, 26–27 ноября 2020 года. – Симферополь : Индивидуальный предприниматель Корниенко Андрей Анатольевич, 2020. – С. 150–157.
5. Капустина, С. В. «С чего начать знакомство с миром Ф. М. Достоевского?» : обзор методических рекомендаций / С. В. Капустина // Филологические чтения: Человек. Текст. Дискурс : материалы IV Всероссийской научной конференции, Ярославль, 15–16 мая 2020 года ; под ред. Е. А. Фёдоровой. – Ярославль : Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2020. – С. 27–34.
6. Капустина, С. В. Православный кардиогнозис русского народа как основа богатырства (на материале «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского) / С. В. Капустина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 46. – С. 44–52.

**ЭМОТИВНОСТЬ И ЭКСПРЕССИВНОСТЬ:
АКТУАЛИЗАЦИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ АСПЕКТЕ**

И. Н. Литвинчук,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье представлены теоретические и прикладные аспекты соотношения содержания понятий «эмотивность» и «экспрессивность», изученные на материале современных научных источников. Автор уделяет внимание различиям между этими понятиями, их роли в коммуникации и способам их выражения в речи. На основе анализа лексических и грамматических средств, используемых для передачи эмотивной и экспрессивной семантики, автор подчеркивает важность учета культурных и контекстуальных факторов при обучении русскому языку как иностранному. Статья включает примеры, иллюстрирующие трудности разграничения эмотивной и экспрессивной функции в различных средствах языка и речи. Представлены результаты исследования таких феноменов, как эмотивность и экспрессивность в психолого-педагогическом и методическом аспекте обучения РКИ.

Ключевые слова: эмотивность, экспрессивность, коммуникация, прагматика, эмотивный текст, РКИ.

Summary. The article presents theoretical and applied aspects of the relationship between the concepts of «emotiveness» and «expressiveness» studied based on contemporary scientific sources. The author pays attention to the differences between these concepts, their roles in communication and the ways they are expressed in speech. The author emphasizes the importance of considering cultural and contextual factors when teaching Russian as a foreign language based on the analysis of lexical and grammatical means used to convey emotive and expressive semantics. The article includes examples that illustrate the difficulties in distinguishing between emotive and expressive functions across various linguistic and speech means. The results of the research on such phenomena as emotiveness and expressiveness are presented from a psychological-pedagogical and methodological perspective in the teaching of Russian as a foreign language.

Key words: emotiveness, expressiveness, communication, pragmatics, emotive text, Russian as a foreign language.

Одной из актуальных задач в области современных гуманитарных наук является создание единообразного понятийного аппарата для изучения проблемы «эмоции в языке и речи». Выявление точного содержания научных терминов и понятий исключительно важно в аспекте обеспечения валидности исследований: такой подход детерминирует консистентность интерпретации полученных данных и способствует воспроизводимости результатов.

Определение содержания и взаимосвязи понятий «эмотивность» и «экспрессивность» в разных авторских интерпретациях значительно варьируется. Как показывает анализ научных источников, некоторые из толкований могут быть прямо противоположными или явно противоречивыми [4]. Эти различия в значительной степени обусловлены особенностями подхода к анализу рассматриваемых понятий с точки зрения их функционального значения в различных коммуникативных регистрах речи, а также с учётом специфики лексикологического или стилистического контекста, в котором они интерпретируются исследователями [4, с. 139]. «Эмотивность» и

«эмоциональность» зачастую трактуются как синонимичные и взаимозаменяемые понятия, что зачастую приводит авторов научных работ к выводу о том, что данные категории тесно взаимосвязаны и их границы диффузны [6]. Некоторые исследователи отказываются от попыток их разграничения [9].

Действительно, довольно сложно разграничить эмотивную и экспрессивную функцию в определенных средствах языка и речи, которые используются для создания эффекта эмоционально насыщенного дискурса. Так, процесс интонирования осуществляется посредством изменений в тоне и высоте голоса, которые способны передавать как особенности эмотивной семантики высказывания, так и его экспрессивную окраску. Риторический вопрос зачастую служит как для выражения эмоций, так и для создания экспрессивного эффекта (*Кто из нас не мечтал о настоящем счастье?!).* Постановка фразового ударения является ключевым элементом не только в смысловом подчеркивании тема-рематических отношений в высказывании, но и в трансляции его эмотивной семантики и акцентуации характера экспрессивности, оказывающего влияние на восприятие и интерпретацию сказанного (*Как же я ненавижу такую погоду!).* Метафоры представляют собой мощный инструмент выражения эмоционального состояния субъекта речи и создания эффекта яркой экспрессивности в высказывании (*Я в любви как в огне).*

Разграничение понятий «эмотивность» и «экспрессивность» в антропоцентрической парадигме гуманитарного знания позволяет более точно установить, как эмоции, эмоциональные состояния и выбор способов их выражения влияют на процессы межличностной и межкультурной коммуникации и перцепции в различных социокультурных контекстах [8]. Обзор научной литературы в аспекте соотношения понятий «эмотивность» и «экспрессивность» подразумевает изучение источников, нацеленных на выявление различий между этими понятиями в междисциплинарном аспекте [1; 4; 6].

Так, в психолингвистике акцент на различии между понятиями «эмотивность» и «экспрессивность» создает фокус внимания на языковых средствах, используемых для выражения эмоций, а также на характеристиках восприятия и интерпретации эмотивных текстов [10]. В области психологии искусства понимание этого различия помогает исследовать, какими способами авторы художественных произведений транслируют эмоции и эмоциональные состояния, как формируется прагматика наиболее экспрессивных из этих произведений [1], каковы механизмы создания эффекта экспрессивности [2].

Эмотивность понимается как способность субъекта речи транслировать – называть, описывать, интерпретировать – чувства, эмоции и эмоциональные состояния языковыми средствами различного уровня [12]. Эмотивность акцентирует внимание на глубине и спектре эмоциональных состояний, на том, как они формируют личный опыт субъекта речи и влияют на его когнитивные процессы [11]. Эффективное освоение эмотивных языковых и речевых ресурсов в процессе овладения иностранным языком предполагает возможность не только понимать, но и правильно интерпретировать нюансы выражения эмотивной семантики, что приводит к более глубокому взаимодействию обучающихся с реальной речевой практикой. Эмотивность часто соотносится исследователями с внутренним эмоциональным состоянием субъекта, в то время как экспрессивность связана с внешним выражением и воздействием чувств и эмоций субъекта речи на ее адресата [12]. Некоторые авторы сосредоточивают свое внимание на вопросе о том, как использование определенных языковых средств способствует достоверному отражению или, наоборот, искажению эмоционального состояния субъекта речи [5].

Исследование феномена эмотивности в психолого-педагогическом и методическом аспектах позволяет глубже понять влияние эмоций на восприятие и

понимание учебных и художественных тестов в курсе русского языка как иностранного. Так, одним из способов выражения эмоций в тексте является использование интонации и эмфазы. Например, фраза «*Мы просто обязаны это сделать!*», произнесенная с повышенным тоном голоса и ударением на слове «обязаны», транслирует уверенность, настойчивость и серьезность намерений автора. Другим средством передачи эмотивной семантики в тексте, на который следует обращать особое внимание в изучении курса РКИ, является выбор аутентичной лексики и морфолого-синтаксических конструкций [11]. Особое значение в арсенале средств, которые нацелены на формирование речевой компетенции обучающихся РКИ, связанной с эмотивной функцией, имеет использование ярких образных сравнений.

Экспрессивность – это лингвистическое понятие, которое описывает способ передачи эмоциональной или оценочной окраски в высказывании [7]. В. Г. Гак определяет экспрессивность как выразительность речи индивида, «соотносимую с интенсивностью, которая имеет целью усилить воздействие на слушающего, поразить или убедить его» [3, с. 391]. Феномен экспрессивности связан с художественно-стилистическим выражением эмотивной семантики, которое может быть ориентировано на усиление прагматики эмотивного текста в восприятии его реципиентами [10].

Изучение и использование экспрессивных языковых средств в курсе русского языка как иностранного (РКИ) обладает рядом важных особенностей. В первую очередь это способствует формированию у обучающихся функциональной грамотности в аспекте речевой экспрессии, а также развитию умения эффективно осуществлять речевые акты эмпативного типа в рамках различных коммуникативных ситуаций. Освоение способов трансляции экспрессивности в курсе РКИ обогащает лингвистический репертуар речи инофонов [13], помогает им лучше понимать коммуникативные интенции носителей русского языка и способствует более активному вхождению в лингвокультурную среду русскоязычного сообщества. В курсе РКИ потенциал экспрессивности как языкового ресурса проявляется также посредством овладения обучающимися различными стилями речи, использования идиоматических выражений, метафор и других выразительных средств.

Следует отметить, что компетентное использование преподавателем РКИ аутентичных эмотивных и экспрессивных языковых средств в учебном процессе – важный аспект коммуникативно-педагогической культуры в целом. Выбор преподавателями языковых дисциплин эффективных методических подходов и приемов в процессе изучения той или иной темы также связан с необходимостью различать понятия «эмотивность» и «экспрессивность». В исследованиях, посвященных разработке специальных учебных материалов и методических рекомендаций для интеграции различных аспектов эмоциональности и эмотивности в рамках учебного процесса [5; 13; 15], отмечается, что при освоении эмотивной семантической составляющей устной и письменной речи важно акцентировать внимание обучающихся на контексте, в котором эта семантика актуализируется, выражается.

Таким образом, осознание и актуализация концептуальных различий между понятиями «эмотивность» и «экспрессивность» способствует осуществлению комплексного и углубленного подхода к изучению современных языковых реалий. В прикладном аспекте обучения РКИ четкое разграничение этих понятий способствует созданию структурированной методической основы для эффективного формирования у иностранных обучающихся лексико-грамматических навыков и коммуникативно-психологических компетенций, обеспечивающих успешную интеракцию в поликультурном мире.

Список использованных источников

1. Аванесова, Н. В. Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики / Н. В. Аванесова // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – Вып. 2. – № 17. – С. 5–9.
2. Гаджиева, А. Д. Механизмы создания экспрессивности (на примере текстов выступлений англоязычных политических лидеров) / А. Д. Гаджиева // Политическая лингвистика. – 2019. – № 4 (76). – С. 66–72.
3. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – Москва : Наука, 1973. – С. 348–372.
4. Гукалова, Н. В. Эмотивность, эмотивный смысл, экспрессивность, оценочность: проблемы разграничения и определения понятий в современной лингвистике / Н. В. Гукалова // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. – 2018. – № 1. – С. 134–139.
5. Дягель, С. Н. Роль средств выражения эмотивно-оценочных отношений в обучении иностранному языку // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. – Брест : Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина. – 2016. – № 1 (9). – С. 192–197.
6. Зотова, А. Б. К вопросу о соотношении категорий «Эмоциональность», «Эмотивность», «Экспрессивность» / А. Б. Зотова // Известия ВГПУ. – 2010. – № 6. – С. 14–17.
7. Крючкова, Т. М. Понятие экспрессивности в современной лингвистике / Т. М. Крючкова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2006. – № 1. – С. 48–52.
8. Ларина, Т. В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте / Т. В. Ларина // Russian Journal of Linguistics. – 2015. – № 1. – С. 144–163. – URL: <https://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/9410/8861> (дата обращения: 10.03.2025).
9. Ленько, Г. Н. Анализ категории эмотивности и смежных с ней понятий / Г. Н. Ленько // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2015. – № 1. – С. 84–91. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kategorii-emotivnosti-i-smezhnyh-s-neyu-ponyatiy> (дата обращения: 04.03.2025).
10. Литвинчук, И. Н. Экспериментальное исследование прагматики эмотивного текста в грамматическом аспекте / И. Н. Литвинчук // Ученые записки Симферопольского государственного университета. – 1997. – Т. 4 (42). – С. 121–125.
11. Литвинчук, И. Н. Экспериментальный опыт лингвистического интервьюирования для диагностики когнитивных стилей обучающихся иностранному языку / И. Н. Литвинчук // Материалы Международной научно-практической конференции «Русский язык в наше время». – Хошимин, 2018. – С. 110–115.
12. Маслова, В. А. Некоторые онтологические аспекты эмотивности текста / В. А. Маслова // Язык и эмоции : сб. науч. трудов. – Волгоград : Перемена, 1995. – С. 184–191.
13. Окурокова, А. В. Средства выражения экспрессивности при коммуникации в аспекте изучения РКИ / А. В. Окурокова // Terra Rusistica : сборник материалов Первого международного форума молодых русистов ; сост. Е. В. Ковалых, С. В. Лукьянова, Н. С. Молчанова. – Псков : Изд-во Псковского государственного университета, 2021. – С. 256–259.
14. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст : коллективная монография / Т. В. Аржанцева, Л. А. Орехова, А. В. Петров [и др.] ; под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2022. – 200 с.

15. Шамсутдинова, А. А. Категория эмотивности в аспекте русского языка как иностранного / А. А. Шамсутдинова // XVII Акмуллинские чтения: материалы Международной научно-практической конференции. – 2022. – Т. II. – С. 42–44.

УДК 070.11:94(477.75)

**150-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ А. С. ГРИБОЕДОВА В КРЫМУ:
ГАЗЕТА «КРАСНЫЙ КРЫМ» И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ РЕСУРСЫ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ**

Л. А. Орехова¹, Д. К. Первых²,

*¹доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского», Симферополь*

*²заведующая кафедрой журналистики и медиакоммуникаций, кандидат культурологии,
Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Представленные в статье материалы газеты «Красный Крым» за январь–февраль 1945 г., отражающие работу органов власти, редакции газеты, Крымского пединститута, Крымского театра, школ и библиотек по проведению мероприятий в честь 150-летия А. С. Грибоедова, демонстрируют возможности местнографических (филологических и исторических) реалий в формировании исторических представлений о региональном социокультурном пространстве начала 1945 г.

Ключевые слова: Газета «Красный Крым», 1945 год, А. С. Грибоедов, Е. М. Аксенова, Крымский драматический театр, В. А. Арбенин.

Summary. The article analyzes publications of the newspaper *Red Crimea* for January–February 1945. These materials reflect the work of government bodies, the editorial board of the newspaper, the Crimean Pedagogical Institute, the Crimean Theater, schools and libraries in holding events in honor of the 150th anniversary of A. S. Griboyedov. These materials also contribute to our understanding of the culture and history of the region.

Key words: Newspaper *Red Crimea*, 1945, A. S. Griboyedov, E. M. Aksenova, Crimean Drama Theater, V. A. Arbenin.

Два с половиной года продолжалась оккупация Крыма (с декабря 1941 г.). В апреле–мае 1944 г. полуостров был освобожден. Но война не закончилась. Газета «Красный Крым» (орган Крымского обкома, Симферопольского горкома ВКП(б) и Верховного совета Крымской АССР) освещала как фронтовые события, так и крымские известия. Отметим, что редакция газеты продолжала работу в период оккупации, перебравшись из захваченного Симферополя в Севастополь, и лишь осенью 1942 г. эвакуировалась на Кавказ. За годы войны погибло большинство сотрудников редакции. В освобожденном Крыму работа небольшого коллектива газеты под руководством ответственного редактора Е. П. Степанова (прошедшего, отметим, всю войну, готовившего выпуски «Красного Крыма» в осажденном Севастополе, затем «листочков» в партизанских отрядах [7, с. 3]) была исключительно активной.

15 января 1945 г. страна отмечала 150-летие А. С. Грибоедова. Постановление СНК СССР от 14.01.1945 г. (№ 84) «О мероприятиях по увековечению памяти А. С. Грибоедова в связи со 150-летием со дня его рождения» (подписано И. В. Сталиным и управляющим делами СНК СССР Я. Е. Чадаевым) предусматривало установку памятников Грибоедову в Москве, Ленинграде, Тбилиси, издание полного собрания сочинений А. С. Грибоедова, учреждение именных стипендий.

Отмечали юбилей А. С. Грибоедова и в Крыму. Публикация юбилейных материалов в газете «Красный Крым» открылась 13 января 1945 г. (за сутки до выхода Постановления СНК СССР № 84) статьей Л. Гроссмана «А. С. Грибоедов (К 150-летию со дня рождения)» на второй полосе газеты [2, № 9 (5988), с. 2]. Автор сосредоточился на нескольких дискурсивных позициях: Грибоедов «создал непревзойденный образец русской стихотворной комедии», он «один замещал на своем дипломатическом посту целую армию», «это был страстный патриот, выше всего ставивший достоинство и величие своей родины», «будучи блестящим государственным деятелем, Грибоедов являлся носителем передовых политических воззрений», «его герой стоит до сих пор в ряду самых сильных и благородных образов русской литературы», «он разделял убеждения <...> о необходимости отмены рабства в России». Началась статья упоминанием о путешествии Грибоедова по Крыму [5, с. 177–178].

Рассказывая о неосуществленных замыслах писателя («Грузинская ночь», «Родамист и Зенобия»), Л. Гроссман подробно пишет о набросках драмы «1812 год», истоках ее идеи: «Грибоедов <...> был участником Отечественной войны. Обладая репутацией “лихого кавалериста”, он поступил в добровольческий полк и три года служил в войсках. В своей драме он имел в виду широко развернуть историческую картину – вступление французов в Россию, взятие Смоленска, рассказ о Бородинской битве, Наполеон в Кремле, всеобщее ополчение – “зимние сцены преследования неприятеля и ужасных смертей”». И читателю понятно, что настоящих героев видел Грибоедов именно в защитниках Отечества.

Подчеркнем: в статье не раскрываются обстоятельства и подробности убийства Грибоедова в Персии; сказано лишь о «преждевременной гибели российского посла в Тегеране». Несомненно, это мотивировано союзническими отношениями с Ираном, вступившим в сентябре 1943 г. в войну на стороне антигитлеровской коалиции. Кроме того, у всех на памяти была Тегеранская конференция 1943 г., вселявшая уверенность в союзнических действиях.

В следующем номере «Красного Крыма», вышедшем в воскресенье 14 января, третья полоса была полностью посвящена юбилею Грибоедова [2, № 10 (5989), с. 3]. И вновь материалы воспринимаются «на фоне» успешных военных событий: на первой полосе напечатаны оперативная сводка от Советского информбюро на 13 января, Приказ Верховного Главнокомандующего командующему войсками 1-го Украинского фронта маршалу Коневу с объявлением благодарности при прорыве обороны немцев в Польше и салюте в Москве «доблестным войскам 1-го Украинского фронта». Сообщалось о торговых переговорах Финляндии и СССР, о пуске Корсунской гидроэлектростанции, о Всекрымском совещании по виноградарству и виноделию [2, № 10 (5989), с. 1].

Посвященная Грибоедову третья полоса газеты была украшена его портретом с картины И. Крамского (хотя фотографии и иллюстрации в военных номерах «Красного Крыма» помещались нечасто) и открывалась статьей корреспондента «Красного Крыма» В. Вихрова (настоящее имя В. С. Зайко [4]) «Гениальный русский драматург Грибоедов в Крыму». Ниже помещалась заметка о юбилейных мероприятиях «В Грибоедовские дни»: «Обширная грибоедовская выставка устроена в областной библиотеке. На выставке представлены дореволюционные и современные издания произведений писателя, критическая литература о нем, воспоминания современников и т. п., на специальном стенде выставлены произведения В. И. Ленина, в которых использованы грибоедовские образы. Такие же выставки открыты в ряде городских и районных библиотек. 16 января в областной библиотеке состоится литературно-художественный вечер, в котором примут участие артисты Крымгостеатра.

Научная Грибоедовская сессия открывается сегодня в крымском педагогическом институте. На сессии будут прочитаны следующие доклады: «Творчество

А. С. Грибоедова» (преподаватель кафедры литературы Е. М. Аксенова), «Язык комедии Грибоедова» (доцент А. И. Германович), «Грибоедов в Крыму» (проф. Е. В. Петухов).

Во всех средних школах Крыма, в библиотеках и районных домах культуры широко отмечается 150-летие со дня рождения великого русского драматурга А. С. Грибоедова. Литературные вечера состоятся в 1-й и 11-й симферопольских средних школах. Драмкружки этих школ покажут отрывки из «Горя от ума» [2, № 10 (5989), с. 3].

На этой же полосе под портретом Грибоедова помещена небольшая статья Е. Аксеновой «Грибоедовские образы в произведениях В. И. Ленина» [2, № 10 (5989), с. 3]. Автор статьи – Евдокия Максимовна Аксенова (1917–1986) – работала на кафедре литературы Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе с 1944 г., являлась аспирантом, писала диссертацию о драматургии А. П. Чехова (научный руководитель – заведующий кафедрой, чл.-корр. АН СССР профессор Е. В. Петухов). Надо представлять, что возвратившийся из эвакуации в 1944 г. Крымский пединститут остро нуждался в кадрах [1, с. 7–8]; кафедра литературы в 1944–1945 учебном году состояла из 4 человек, включая заведующего, 82-летнего профессора Е. В. Петухова [3, с. 140]. Подготовку Грибоедовской научной сессии в пединституте Е. М. Аксенова, видимо, взяла на себя, выступив с докладом на сессии и подготовив статью в «Красный Крым».

Помещенная на «Грибоедовской полосе» «Красного Крыма» небольшая заметка со ссылкой на ТАСС «Юбилейные издания» информировала читателей о готовящемся в связи с юбилеем издания «Горя от ума» 100-тысячным тиражом, а также о брошюре С. М. Петрова о жизни и творчестве великого писателя [2, № 10 (5989), с. 3].

Особо необходимо упомянуть об участии в юбилейных мероприятиях Крымского государственного драматического театра им. А. М. Горького, ставшего в освобожденном Симферополе центром культурной жизни. Во время оккупации пострадало подожженное здание театра, фашистами была расстреляна подпольная группа «Сокол», состоявшая из актеров и сотрудников театра. В 1944 г. практически заново создавалась труппа под руководством переведенного из Тамбовского театра в Симферополь режиссера Л. М. Эльстона, пригласившего в Крым и нескольких актеров из Тамбова. Репертуар «первого сезона» – 1944–1945 гг. включал самые актуальные и самые эмоционально востребованные спектакли: драма «Русские люди» К. Симонова и написанный в 1942 г. водевиль В. Дыховичного «Свадебное путешествие» (первая постановка состоялась во фронтовом филиале Театра им. Вахтангова в 1942 г.). В декабре 1844 г. Крымский театр готовил постановку и «Двенадцатой ночи» Шекспира. Как писал Л. М. Эльстон в заметке «Двенадцатая ночь», актерский состав стремился «сделать спектакль, насыщенный борьбой за радость жизни, за свободу чувств, за право на любовь, веселье и шутку» [2, № 8 (5987), с. 4]. В ролях были заняты Е. Орлов, П. Тарасов (работал в Крымдрамтеатре с 1938 г., в 1945 г. получил звание заслуженного артиста Крымской АССР), М. Новикова, З. Свидунович, А. Сиротина. Премьера планировалась на середину января 1945 г., но в связи с юбилеем Грибоедова была отложена до 30 января. Несмотря на загруженность, к Грибоедовским дням труппа подготовила представление «Горя от ума», и 14 января об этом объявляла газета «Красный Крым»: «150 лет со дня рождения А. С. Грибоедова. “Горе от ума”. Монтаж комедии» [2, № 10 (5989), с. 3]. «Монтаж комедии», судя по всему, означал «монтаж сцен», а не полный спектакль – слишком коротки были сроки подготовки, тем более что артисты выступали с концертами в воинских частях, госпиталях, школах, колхозах, занимались организацией и проведением Крымского конкурса художественной самодеятельности. Забегая вперед, скажем, что тем не менее «Горе от ума» оставалось на симферопольской сцене до конца января и в феврале, причем и в дневных (для школьников) представлениях: 17, 20, 21 января (днем), 1 февраля.

17 января редакция «Красного Крыма» в рубрике «По Советскому Союзу» поместила заметку «150 лет со дня рождения А. С. Грибоедова. Торжественное заседание в Большом театре Союза ССР», где 15 февраля собрались «деятели науки, искусства и литературы, генералы и офицеры Красной Армии, стахановцы московских предприятий», с докладом выступил председатель Всесоюзного комитета по проведению Грибоедовского юбилея, лауреат Сталинской премии Л. М. Леонов, а также чл.-корр. АН СССР Н. К. Пиксанов, грузинский поэт Алио Машашвили и народная артистка СССР А. А. Яблочкина. Завершалось заседание большим концертом [2, № 12 (5991), с. 2].

В редакции «Красного Крыма» утвердилась традиция – раз в месяц по средам встречать у себя почетных гостей, деятелей культуры, ударников труда. 31 января 1945 г. гостем «среды» стал заслуженный артист Крымской АССР, режиссер Крымского театра им. А. М. Горького В. А. Арбенин. Как написано в заметке «На очередной “среде” в редакции», гость рассказал о своем творческом пути, о встречах с Е. Б. Вахтанговым, М. М. Петица, П. Н. Орленевым, а «во втором отделении “среды”» прочел сцену из «Сирано де Бержерака», финальный монолог Чацкого из «Горя от ума» и отрывки из композиции «День победы». Эта информация позволяет высказать догадку, что постановку «Горя от ума» на сцене Крымского театра взял на себя В. А. Арбенин. «Монтаж комедии» был, видимо, результатом его режиссерского решения; роль Чацкого он исполнил сам [2, № 17 (6006), с. 4].

Таким образом, по материалам центральной крымской газеты, привлекая исторические комментарии, мы учим студентов представлять социокультурное пространство региона [9, с. 9]: можем судить как областное руководство, общественные организации, Крымский педагогический институт и школы участвовали в праздновании 150-летнего юбилея Грибоедова. В полуразрушенном холодном Симферополе это было действительно празднованием. Грибоедовская выставка в областной библиотеке (сильно пострадавшей и разграбленной во время оккупации), Грибоедовская сессия в педагогическом институте (где разрушенные аудитории восстанавливали сами студенты [1, с. 10]) – эти мероприятия возвращали людей к книгам, литературе, науке. Доклад Е. В. Петухова на Грибоедовской сессии «Грибоедов в Крыму (1825)», большой и глубоко продуманный, позднее был напечатан в Известиях Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе [6]. Это была последняя научная публикация старого профессора, потерявшего во время войны сына и дочь, пережившего в Симферополе фашистскую оккупацию. В 1948 г. он умер [3, с. 136–140].

А в январе 1945 г. «Красный Крым» уже объявлял о начинающейся подготовке к празднованию первой годовщины освобождения Крыма от фашистов. Народ жил ожиданием Победы. Никто не догадывался, что в условиях строжайшей секретности Крым готовился к исторической Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г., определившей будущее мира на многие годы.

Список использованных источников

1. Багров, Н. В. Наследие В. И. Вернадского и Таврический университет: исторические сопоставления в юбилейный год / Н. В. Багров, В. В. Орехов // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2017. – Т. 3 (13). – № 1. – С. 5–19.
2. Красный Крым. Орган Крымского обкома, Симферопольского горкома ВКП(б) и Верховного совета Крымской АССР. – Январь–апрель. – 1945. – №№ 1 (5979) – 75 (6054).
3. Орехова, Л. А. «Жизнь, связанная неразрывно и неизменно с русской высшей школой»: профессор Е. В. Петухов – заведующий кафедрой литературы Крымского пединститута / Л. А. Орехова, А. В. Дубровский // Ученые записки Крымского

федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2019 – Т. 5 (71). – № 5 – С. 123–145.

4. Орехова, Л. А. «Пушкин в Крыму» Б. Л. Недзельского: к истории книги / Л. А. Орехова // Пушкин и другие (двадцать лет спустя) : сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. – Санкт-Петербург : ООО «Изд-во «Пальмира» ; ООО «Книга по Требованию», 2017. – С. 170–177.

5. Орехова, Л. А. Чатырдаг как объект географических и исторических интересов А. С. Грибоедова / Л. А. Орехова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2020. – Т. 6 (72), № 3. – С. 177–205.

6. Петухов, Е. В. Грибоедов в Крыму (1825) / Е. В. Петухов // Известия Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе. – Т. XII. – Симферополь : Крымиздат, 1947. – С. 177–186.

7. Пупкова, Н. Военная жизнь газеты / Н. Пупкова // Крымская правда. – 2017 – № 199. – С. 3.

8. Аржанцева, Т. В. Русский язык в Крыму и «Русский язык в поликультурном мире» : 10-летию Крымской весны посвящается / Т. В. Аржанцева, И. П. Зайцева, Н. И. Иванюк [и др.]. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2024. – 264 с.

9. Сироткина, Т. А. Филологическая регионалистика как актуальное направление гуманитарных исследований / Т. А. Сироткина // Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления : сборник статей II Междунар. конф. – Сургут, 2021. – С. 9–15.

УДК 81'42

КОНЦЕПТ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

О. Ю. Прадид,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается потенциал использования в методике преподавания русского языка как иностранного концептуального подхода как одного из наиболее актуальных для повышения эффективности обучения. Особое внимание уделено описанию репрезентации концепта и его поля, расширяющему представления обучающихся о связи языка и ментальности, апеллирующему к чувственно-эмоциональному уровню восприятия информации.

Ключевые слова: лингводидактика, методика преподавания, концепт, концептуальный подход.

Summary. The article examines the potential of using a conceptual approach in the teaching of Russian as a foreign language, an approach that is one of the most relevant for improving learning efficiency. Special attention is paid to the description of the representation of the concept and its field, which expands students' knowledge of the connection between language and mentality, appealing to the sensory-emotional level of information perception.

Key words: linguistic didactics, methods of teaching, concept, conceptual approach.

Как известно, центральным понятием когнитивной лингвистики является концепт. В рамках лингводидактики, в частности в методике преподавания РКИ, он выступает ведущим понятием концептуально-ориентированного подхода, основной идеей которого является «переориентация обучения с освоения списков фактов и тем на основе набора обобщений, выраженных в виде концептов. При таком обучении

факты и темы всегда вписаны в более широкий общий контекст, заданный такими концептами. Они выступают в роли связующего звена, организующего разрозненный материал в общую картину» [2, с. 6]. Н. В. Макшанцева и С. Б. Королева отмечают новые возможности, связанные с глубоким ментальным погружением обучающихся в концептосферу языка и культуры, результатом чего на грамматическом, лексическом, фонетическом уровнях становится «расширение представлений обучающихся о связи языка и ментальности, языка и способа мышления о мире, языка и национальной культуры, а также общее повышение мотивации на фоне положительной вовлеченности в многостороннее понимание элементов языковой структуры» [6, с. 231].

Фундаментом при таком подходе представляются закономерности отражения языкового сознания в грамматике, лексике языка, работа с текстами (особенно с лингвокультурной составляющей), а также разработка творческих заданий на основе этих закономерностей. Как предлагают молодые исследователи Е. С. Башкина и Е. В. Кречина, при проектировании курса РКИ на основе концептов русской языковой картины мира следует «сместить фокус с языка как объекта обучения к языку как средству познания языковой картины мира народа, его мышления и культуры» [1, с. 180], выстраивать курс вокруг особенностей языковой картины мира носителей, исходя из этого осуществлять осознанный подход к выбору заданий, иллюстративных и текстовых материалов.

Концептуальный анализ с точки зрения когнитивных лингвистических исследований актуален для лингводидактики и в отношении работы с текстом (для извлечения глубинных смыслов языковых единиц): «Эту задачу возможно решить в ходе концептуального анализа, целью которого является постижение интегративной сущности концепта, приобретение знаний о концепте, дающих представление о русской языковой картине мира. Концептуальный анализ актуализирует смыслопоисковую образовательную среду. Для установления смыслового объема концепта предлагаются различные способы и приемы, использование которых зависит от типа концепта, его сложности, от целей его изучения, а также от характера лингвистических источников, являющихся материалом для рассмотрения» [4, с. 155].

Методический вариант концептуального анализа заключается в осуществлении следующих действий: установление предметной отнесенности; обращение к этимологии, определение внутренней формы слова; словарные толкования лексической единицы, воплощающей концепт, т. е. центральная точка концепта (ядро); установление деривационных связей слова; выявление «ассоциативной ауры» в форме образно-метафорических коннотаций и прецедентных связей; проведение ассоциативного двухэтапного (начало и результат обучения) эксперимента; анализ контактов употребления, свойств сочетаемости лексемы; определение символического компонента концепта, представляющего предмет/явление национально-культурным знаком; осознание ценностно-оценочной специфики концепта; интерпретация концепта в литературе/живописи и т. д. [4, с. 155].

Отметим, что И. Ю. Гранева и Н. В. Радбиль считают, что «комплексный анализ» слова в работе с инофонами должен состоять из следующих пунктов: указание лексического значения; подбор синонимов [8] и антонимов; толкование слова в переносном значении (если таковое имеется); установление стилистической окрашенности; выявление особенностей употребления слова в устойчивых выражениях; контекстуальный анализ словоупотреблений в примерах из художественной литературы [3, с. 21].

Л. Н. Мишатина, исследуя применение «лингвоконцептоцентрической методики», разработанной для русских школьников 5–11 классов, определяет концепт как «содержательную единицу национального сознания, которая включает понятие, но не исчерпывается им, обогащается культурными смыслами и индивидуальными

ассоциациями и изменяется вместе с развитием отечественного языка и культуры» [7, с. 4] и «предлагает использовать метод учебного концептуального анализа, целью которого является поэтапное формирование системного знания о понятии, существующем в сознании ученика как носителя русской культуры и выраженном в определенных языковых стереотипах, формирующих ценностную наивно – языковую картину мира» [5, с. 108].

И. А. Шерстобитова формулирует четырёхэтапный анализ концепта на занятиях РКИ следующим образом:

1 этап – подбор ассоциации к концепту, благодаря которому обучающиеся лучше понимают, что представляет собой концепт.

2 этап – поиск и осмысление различных дефиниций, связанных с изучаемым концептом.

3 этап – «развертывание» концепта.

4 этап – «завершающий этап – это построение смыслов концептов. Обобщение и осмысление всех знаний, полученных в процессе трех предшествующих этапов» [9, с. 116].

Методисты констатируют, что одним из базовых положений лингводидактики является то, что «при работе с лексикой следует уделять внимание расширению представлений обучающегося об определенном лексико-семантическом поле, расширению его фоновых знаний о слове, понятии, им обозначаемом, месте, занимаемом этим понятием и (если возможно) явлением, связанном с ним, культуре» [6, с. 232]. При этом технология освоения в рамках концептуального подхода, во-первых, проясняет вопросы: за словом может стоять не просто понятие (значение) и коннотативные (в том числе оценочные) значения, но и целый комплекс заданных в культуре эмоционально-чувственных образов; слово может обозначать такое ментальное явление (т. е. явление коллективного сознания носителей лингвокультуры), которое укоренено, проявлено в культуре самыми разными способами; в соответствии с предыдущими пунктами следует выработать особую методику освоения лексемы не как слова – отдельной единицы, а как наименования концепта. Во-вторых, заключается в движении от содержательного центра концепта к периферии и органичном соединении логических и чувственных элементов в содержании концепта. «Этот последний постулат предполагает, что методика освоения лексического концепта необходимо носит проблемно-поисковый характер и основана на активном комплексном включении механизмов анализа, догадки, прогнозирования, сопоставления, обобщения и эмоционального погружения в сознании обучающихся» [6, с. 233].

Методика такого освоения состоит из четырёх этапов, описанных подробно на примере концепта «рябина» Н. В. Макшанцевой, С. Б. Королевой, Б. А. Жигалевым:

- *ознакомительный* этап – ввод новой лексемы или актуализация уже знакомой; семантизация одним из традиционных способов (наглядное представление, ознакомление со словарной статьей);
- *диагностирующий* этап – проведение письменного опроса с целью выявления ассоциаций слова с какими-либо иными словами/понятиями/явлениями (ассоциатами);
- *семантико-функциональный* этап – работа по расширению представлений о семантике и функционировании слова, включенности в лексические ряды (работа с внутренней формой слова, освоение слов, объединенных общей этимологией, осмысление наиболее показательной фразеологии и паремиологии);
- *погружающий* этап – перевод обучающихся от наблюдений над собственно языковым материалом к знакомству и интерпретации образного, символического, ценностного компонентов структуры концепта на материале публицистических и/или художественных текстов/фрагментов текстов (где образный компонент проявляется

при метафорическом использовании слова; символический компонент выявляется в тексте в связи с наполнением слова особым содержанием; ценностный компонент реализуется посредством интерпретации метафорического и символического элементов) [4; 6].

В результате учебных действий, указанных выше, по утверждению авторов исследования, происходит следующее:

- содержательное расширение изначального лексико-семантического поля обучающихся;
- включение лексемы в эмоциональную сферу обучающихся;
- возникновение новых ассоциативных связей, охватывающих ментально-эмоциональную сферу.

На примере концепта *любовь*, являющегося интернациональным, что позволяет презентовать его инофонам уже на базовом уровне обучения русскому языку как иностранному.

Продемонстрируем описанные теоретические сведения, представленные ранее, в практическом аспекте.

Для этапа создания базового портрета слова, на наш взгляд, конструктивна постановка обучающимся следующих вопросов: «Как вы считаете, что такое любовь?», «Какой, по вашему мнению, бывает любовь?», «Как вы думаете, почему тема любви всегда была популярна у авторов произведений искусства?» и под.

Занятие при этом может реализовываться в диалогическом формате, заданием также может выступать подготовка устного или короткого письменного текста на тему «Любовь – это ...» или «Любовь для меня – это...».

«На основе значений концепта «любовь» из разных словарей и ассоциативного словаря, путем органического соединения логического, интуитивного и образно-логического значения концепта любовь нами была вычленена понятийная основа концепта, состоящая из восьми концептуальных признаков» [5, с. 109]:

- влечение (глубокое эмоциональное чувство);
- дружба (любовь, которая обусловлена социальными связями и / или личным выбором);
- нежность (семейная любовь, особенно материнская любовь);
- жертва (способность жертвовать чем-либо ради кого-то);
- безусловная (любовь без условий и причин, в христианстве это любовь Бога к человеку);
- зависимость (безропотное подчинение объекту любви, «растворение» в нем; любящий занимает положение раба);
- рассудочная (переживание чувства в человеке побуждается не сердечной привязанностью, а лишь корыстными мотивами, с целью извлечения выгод и удобств);
- сострадание (готовность без раздумий оказать помощь ближнему).

Отметим, что использование философских теорий дифференциации этого чувства также целесообразно и в репрезентации данного концепта, что соответствует этапу семантизации, и для формирования его концептосферы. В качестве примера можно отметить классификацию, представленную ещё Аристотелем, согласно которой, существуют шесть видов любви:

- *агапе* – безусловная, жертвенная, альтруистическая, которая превыше всего ставит благополучие другого, заключается в готовности служить другому человеку, помогать ему и жертвовать для него;
- *людус* – игровая любовь, лёгкая и забавная форма любви в греческой мифологии, характеризующаяся игрой между партнёрами, включает в себя азарт и конкуренцию, возникающие между людьми;

- *эрос* – тип любви, связанный с интимными и физическими сексуальными желаниями и влечениями;
- *мания* – комбинация *эрос* и *людуса*, взрывоопасная любовь – одержимость, характеризуется страстью и безумием;
- *прагма* – представляет собой практический и рациональный подход к любовным отношениям, состоит из сочетания *людуса* и *сторге*, который основан на убеждении, что любовь есть не просто эмоция, а скорее длительная работа, требующая времени, усилий и принятия компромиссов;
- *сторге* – любовь родителей к своим детям, также можно описать как сильную привязанность к семье и родственникам, как теплое и нежное чувство, обычно возникающее между родственниками, но также может проявляться и в других формах близких отношений, таких, как дружба.

Отметим и классификацию Роберта Стернберга, включающую восемь пунктов:

1. *Отсутствие любви* (отношений между людьми – коллегами, приятелями, знакомыми – не предусматривают ни особенной близости, ни влечения, ни обязательств).
2. *Дружба* (присутствует только компонент «близость», но нет физического влечения и каких-либо долгосрочных обязательств).
3. *Влюблённость* (отношения связаны только со страстью, а особенностью является быстротечность).
4. *Пустая любовь* (предусматривает только обязательства при отсутствии близости и страсти; встречается у пар, вступивших в брак в порыве влюблённости, но не сохранивших страсть, не построивших близость).
5. *Романтическая любовь* (предусматривает присутствие близости и страсти, однако по разным причинам партнёры пока не берут на себя долгосрочных обязательств).
6. *Дружеская (родственная) любовь* (присутствует близость и долгосрочные обязательства, но нет (или уже нет) компонента страсти; отношения похожи на долгую и близкую дружбу).
7. *Роковая любовь* (возникает из взаимодействия страсти и обязательств).
8. *Полная любовь* (присутствуют все три компонента «треугольника»).

На этапе погружения (по Н. В. Макшанцевой, С. Б. Королевой, Б. А. Жигалеву) можно проиллюстрировать типизацию любви примерами из художественных произведений.

Таким образом, целью концептуального подхода, основанного на когнитивных лингвистических исследованиях и их результатах, является расширение знаний инофонов на различных языковых уровнях с параллельным погружением в многомерную культурную среду и выявлением культурных смыслов, знаков, кодов. Такой подход, несомненно, позволяет «выстроить» более глубокую и фундаментальную вторичную языковую личность обучающегося, что и является «идеальной целью» лингводидактики, т. к. при этом происходит не только использование изучающим умений, навыков, средств, но и меняется сам процесс мышления, что также способствует активизации коммуникативных возможностей, а именно, содействует самостоятельному созданию субъективно уникальных высказываний на основе изученного материала.

Список использованных источников

1. Башкина, Е. С. Проектирование курса РКИ на основе концептов русской языковой картины мира / Е. С. Башкина, Е. В. Кречина // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – 2023. – № 1 (3). – С. 180.
2. Гасинец, М. В. Большие идеи для содержания образования / М. В. Гасинец, Н. А. Авдеенко, А. М. Михайлова, О. Д. Федоров, Т. В. Пашенко ; Национальный

исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – Москва : НИУ ВШЭ, 2020. – 60 с.

3. Гранева, И. Ю. Концепт «патриотизм» в формировании страноведческой и лингвокультурной компетенции в вузовском преподавании РКИ: дистанционный формат / И. Ю. Гранева, Н. В. Радбиль // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. ст. VI Междунар. симп. В 2-х томах. – Симферополь, 2022. – С. 18–23.

4. Жигалев, Б. А. Технология освоения концептов русской культуры в процессе преподавания РКИ / Б. А. Жигалев, Н. В. Макшанцева // XV Виноградовские чтения : сб. науч. труд. Междунар. науч.-практич. конф. ; отв. ред. Н. М. Миркурбанов. – 2019. – С. 152–157.

5. Зими́на, А. Е. Концепт как элемент содержания обучения РКИ / А. Е. Зими́на // Новая наука: от идеи к результату. – 2016. – № 5-3 (84). – С. 108–110.

6. Макшанцева, Н. В. Преподавание РКИ сквозь призму теории концепта: культура, ментальность, аспекты языка / Н. В. Макшанцева, С. Б. Королева // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 231–244.

7. Мишати́на, Н. Л. Современная методика: инновационный путь развития / Н. Л. Мишати́на // РЯШ. – 2008. – № 3. – С. 3–6.

8. Пра́дид, О. Ю. Методический потенциал фразеологической синонимии в преподавании РКИ / О. Ю. Пра́дид // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : материалы VII Международной междисциплинарной научной конференции, Том 2, (Симферополь, 25–26 ноября 2022 г.) ; под общ. ред. проф. А. Д. Петренко. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2022. – С. 100–105.

9. Шерстобитова, И. А. Концепт в методике преподавания русского языка как иностранного / И. А. Шерстобитова // Педагогическое образование в России. – 2016. – №11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-v-metodike-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo> (дата обращения: 01.03.2024).

УДК 811.161. 1

НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «КУЛЬТУРА РЕЧИ И ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ»

Л. И. Рудницкая,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры
речи, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Преподавание дисциплины «Культура речи и деловое общение» в нефилологических вузах в настоящее время является чрезвычайно важным для формирования культурной и коммуникативной компетенции будущего специалиста. Изучение данного курса способствует повышению общей культуры обучающихся, элементами которой являются культура речи, культура общения.

Цель данной статьи – сформировать у студентов нефилологического профиля правильность речи, которая сводится, по существу, к соблюдению норм языка. Обратить их внимание на то, что со временем эти нормы могут изменяться, тем самым отражая развитие языка.

Вывод. Нужна планомерная и кропотливая научно-просветительская работа среди молодёжи, конечная цель которой – воспитание хорошего языкового вкуса. А хороший вкус – главное условие правильного и уместного использования языковых средств.

Ключевые слова: культура речи, языковая норма, нормативный, коммуникативный, этический аспекты, литературный язык, правильность речи, акцентологические, орфоэпические, лексические нормы.

Summary. Teaching the discipline *Culture of speech and business communication* in non-philological universities is currently extremely important for the formation of the cultural and communicative competence of a future specialist. The study of this course contributes to the improvement of the general culture of students, the elements of which are the culture of speech, the culture of communication.

The purpose of this article is to form the correctness of speech among students of a non-philological profile, which essentially boils down to observing the norms of language. To draw their attention to the fact that these norms may change over time, thereby reflecting the movement and development of the language.

Conclusion. Systematic and painstaking scientific and educational work among young people is needed, the ultimate goal of which is to foster good linguistic taste. And good taste is the main condition for the proper and appropriate use of language tools.

Key words: culture of speech, linguistic norm, normative, communicative, ethical aspects, literary language, correctness of speech, accentological, orthoepic, lexical norms.

Преподавание дисциплины «Культура речи и деловое общение» в нефилологических вузах чрезвычайно важно для формирования культурной и коммуникативной компетенции будущего специалиста. Изучение данного курса способствует повышению общей культуры обучающихся, элементами которой являются речевая и коммуникативная культура.

Под *культурой речи* понимается «владение нормами литературного языка в его устной и письменной форме, при котором осуществляются выбор и организация языковых средств, позволяющих в определенной ситуации общения и при соблюдении этики общения обеспечить необходимый эффект в достижении поставленных задач коммуникации» [6, с. 204].

Традиционно выделяют три основных аспекта культуры речи: *нормативный, коммуникативный, этический*.

Нормативный аспект культуры предполагает владение языковыми нормами.

Языковая норма – это центральное понятие культуры речи.

Коммуникативный аспект культуры речи помогает в выборе необходимых для данной речевой ситуации языковых средств. Это одна из главных категорий теории культуры речи.

Этический аспект культуры речи – это владение этическими нормами, т. е. нормами языкового поведения, принятыми в данном обществе (речевые формулы приветствия, просьбы, благодарности, поздравления и т. п.; формы обращения, выбор полного или сокращенного имени и др.).

Что же такое языковая норма? Это совокупность явлений, разрешённых системой языка, отражённых и закреплённых в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определённый период времени [1, с. 15]. Для нормы литературного языка характерны следующие особенности: *системность, связь со структурой языка, относительная стабильность, распространённость, общеупотребительность, соответствие языковой системе, историческая и социальная обусловленность*.

Несмотря на то, что литературные нормы языка довольно устойчивы, стабильны, они вместе с тем могут изменяться в ходе развития самого языка.

«Эта подвижность нормы нередко приводит к тому, что в данный период для одного и того же языкового явления существует несколько способов выражения: прежняя форма ещё не утрачена, но наряду с ней уже возникла новая. Сравните сочетания слов *много народу – много народа, чашка чаю – чашка чая*, в которых формы

на -у/-ю свойственны прежнему употреблению, а формы на -а /-я – современному. Другой пример: произношение постфикса -ся в возвратных формах глагола: с твёрдым [с] – прежняя форма, с мягким [с'] – теперешняя» [5, с. 4].

Цель данной статьи – сформировать у студентов нефилологического профиля правильность речи, которая сводится, по существу, к соблюдению норм языка. Обратить их внимание на то, что со временем эти нормы могут изменяться, тем самым отражая движение и развитие языка.

Знарок русского языка, писатель К. Чуковский назвал свою книгу «Живой как жизнь», сравнивая язык с человеческой жизнью, где непрерывно отмирает одно и рождается другое. «Каждый живой язык, – писал он, – если он и вправду живой, вечно движется, вечно растёт ...как бы ни менялся язык, какими бы новыми ни обрастал он словами, его общенациональные законы и нормы в основе своей остаются устойчивы, неизменны, незыблемы» [8, с. 37].

Изменению могут быть подвержены нормы всех уровней языка: *лексические, акцентологические, орфоэпические, морфологические* и др.

Особенно это заметно в области лексики, которая непосредственно отражает все изменения, происходящие в жизни общества. Например, изменилась норма употребления слова *абитуриент*. В 30–40-е гг. XX в. абитуриентами называли и тех, кто оканчивал среднюю школу, и тех, кто поступал в вуз, так как оба эти понятия в большинстве случаев относятся к одному лицу. В послевоенные годы за оканчивающими среднюю школу закрепилось слово *выпускник*, а слово *абитуриент* в этом значении вышло из употребления. *Абитуриентами* стали называть тех, кто сдаёт вступительные экзамены в вуз и техникум.

Современные словари русского языка слово *надобно* фиксируют как устаревшее и просторечное. Со временем его заменило слово *надо*. «Стоило, – пишет К. Чуковский, – молодому человеку сказать в разговоре, что ему *надо* пойти, ну, хотя бы к сапожнику, и старики сердито кричали ему: – Не надо, а *надобно*! Зачем ты коверкаешь русский язык?» [8, с. 6–7].

Как правильно спросить: «*Сколько времени или который час?*» Несколько лет назад ответ был бы категоричным: «Конечно, *который час*. Так нас учили в школе». Но «в те времена, когда у людей не было приборов для точного определения времени – механических часов, время определялось по солнечным или водяным часам с точностью до получаса или, в лучшем случае, до четверти часа. Поэтому при желании узнать время задавался естественный вопрос: *который час?* С появлением механических часов, когда стало возможным более точно определить время суток, вопрос *который час?*, требующий лишь приблизительного указания на время дня или ночи, стал вытесняться вопросом, требующим более определённого ответа – *сколько времени?* Однако вопрос *сколько времени?* некоторыми ревнителями традиционной литературной нормы воспринимается как её нарушение, т. к. правильной литературной ими признаётся только одна форма обращения – *который час?*, и только эта форма, по их мнению, свидетельствует о хорошем языковом вкусе спрашивающего. С этим согласиться нельзя, поскольку новые условия жизни (в данном случае – возможность получить точную информацию о времени) вызывают появление и новых языковых средств. Вопрос *который час?* с появлением механических часов стал восприниматься как неотчётливый, не позволяющий определить, что интересует спрашивающего: приблизительное время суток или абсолютно точное определение времени. Вопрос *сколько времени?* снимает эту неопределённость.

В современной литературной речи оба варианта расцениваются как правильные: *сколько времени?* – как универсальный нейтральный вариант, *который час?* – как традиционный, с некоторым оттенком книжности» [7, с. 959–960].

Другой пример, связанный с акцентологическими нормами. Слово *деньги* согласно литературной норме ещё в 2002–2004 годах имело постоянное ударение на первом слоге во всех формах, т. е. *дЕньгам, дЕньгами, о дЕньгах* [3, с. 27]. В настоящее время в слове произошёл сдвиг ударения ближе к его концу: *деньгАм, деньгАми, о деньгАх*. В настоящее время прежнее ударение на первом слоге расценивается как устаревающее [7, с. 850].

В литературном языке XIX века преобладало ударение *симвОл*, которое в современном литературном языке рассматривается как устаревшее. Оно зафиксировано у многих поэтов того времени (у А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Майкова, А. Фета и многих других). Например, у А. С. Пушкина в «Бахчисарайском фонтане»: «*Пречистой девы кроткий лик И крест, любви симвОл священный ...*». В начале XX века словари фиксируют как нормативный вариант – *сИмвол* [7, с. 683].

Рассмотрим для примера пресловутое слово *кофе*. В XIX веке это существительное имело два варианта словоупотребления – *кофей* и *кофий*, которые склонялись. Например, у А. Толстого («Егор Арбузов»): «*За другой дверью шипела спиртовка, позвякивали посудой, пахло кофием и хлебцами*». Впоследствии в современном русском языке нормативной формой становится несклоняемое существительное мужского рода *кофе*, а формы *кофей* и *кофий* устарели.

Употребление этого слова как существительного среднего рода (*вкусное кофе, крепкое кофе*) долгое время считалось неправильным даже в разговорной речи. Однако в некоторых нормативных словарях, выпущенных в 70–80-е годы XX в., появилась помета, в соответствии с которой фразы «*вкусное кофе*», «*крепкое кофе*» считаются допустимыми в разговорной речи. В «Русской грамматике» (1980), в примечании на с. 469 отмечено: «Слово *кофе* относится к мужскому роду: *чёрный кофе*, но допустимо употребление этого слова и в форме среднего рода: *сгущённое кофе с молоком*».

Следует обратить внимание на то, что позволительно такое употребление только в разговорной речи. Грамотный человек по-прежнему должен говорить «*горячий кофе*», «*вкусный кофе*».

Как видим, разговор о современных языковых нормах невозможно представить без обращения к словарям русского языка, в том числе специальным словарям по культуре речи. Как показывает практика, современные студенты, пользуясь в основном информацией из интернета, часто не имеют представления о том, из какого словаря они получают информацию, кто его автор и т. д. Поэтому необходимо знакомить обучающихся с разными словарями и предлагать подготовить небольшое сообщение об одном из словарей.

Выводы. Если молодые люди хотят выглядеть в глазах окружающих культурными, образованными и успешными, то им необходимо усвоить нормы русского литературного языка. Те знания о культуре речи, полученные ими в школе, в вузе, безусловно, полезны, но язык развивается, меняются нормы, поэтому нужно продолжить самостоятельно изучать язык. Подобранный учебный материал по данной дисциплине должен быть направлен на убеждение обучающихся в важности совершенствования культуры речи. Без этого студент не сможет реализовать себя как личность, не достигнет высот профессионального мастерства, будет чувствовать себя неуверенно в профессионально важных ситуациях общения, не сможет свободно вести беседу на многие актуальные темы. Н. М. Карамзин заметил: «Сколько времени потребно на то, чтобы совершенно овладеть духом языка своего? Вольтер сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но во всю жизнь надобно учиться своему природному» [2, с. 36–37].

Список использованных источников

1. Вербицкая, Л. А. Давайте говорить правильно : пособие по русскому языку / Л. А. Вербицкая. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 2001. – 239 с.

2. «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово! ...» Классики и современники о русском языке. Антология / Сост. Г. Н. Красников. – Москва : Вече, 2016. – 928 с.
3. Матийченко, Ю. В. Звоним русисту / Ю. В. Матийченко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2012. – 157 с.
4. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст : коллективная монография / Т. В. Аржанцева, Л. А. Орехова, А. В. Петров [и др.] ; под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2022. – 200 с.
5. Розенталь, Д. Э. Говорите и пишите по-русски правильно / Д. Э. Розенталь. – 7-е изд. – Москва : Айрис-пресс, 2014. – 256 с.
6. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Дрофа, 2008. – 703 с.
7. Соловьёв, Н. В. Словарь правильной русской речи / Н. В. Соловьёв. – Москва : Астрель, 2011. – 960 с.
8. Чуковский, К. И. Живой как жизнь. О русском языке / К. И. Чуковский. – Москва : Время, 2014. – 256 с.

МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 811.161.1

ИНТЕГРАЦИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ В ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОФОНОВ ЧТЕНИЮ И АУДИРОВАНИЮ

Т. В. Логунова,

*магистрант кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Аржанцева. Т. В., заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, к. п. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается инновационный подход к созданию учебных материалов для иностранных учащихся на основе интеграции нейросетевых технологий. Основное внимание уделяется методике разработки краеведческих текстов, адаптированных для обучения чтению и аудированию на русском языке, анализируются возможности современных нейросетевых моделей в генерации образовательного контента с учётом лингвистических особенностей и культурных реалий Крыма. Особое внимание уделяется вопросам адаптации текстов различной сложности для разных уровней владения языком.

В процессе работы применялись следующие методы исследования: анализ научной и методической литературы по изучаемой проблеме, педагогическое наблюдение за процессом обучения инофонов.

В результате проведённого исследования разработаны практические рекомендации по использованию нейросетевых технологий в создании учебных материалов, включая критерии отбора краеведческого материала, принципы адаптации текстов и способы контроля качества генерируемого нейронной сетью контента.

Ключевые слова: нейросетевые технологии, русский язык как иностранный, краеведческие тексты, обучение чтению, обучение аудированию, цифровые образовательные технологии.

Summary. The article deals with the innovative approach to creating teaching materials for foreign students based on the integration of neural network technologies. The article focuses on the methodology for developing adapted local history texts for teaching reading and listening in Russian. Capabilities of modern neural network models in educational content generation taking into account the linguistic aspects and cultural realities of Crimea are analyzed. Special attention is paid to issues of the texts adaptation for different levels of proficiency in Russian as a foreign language.

The following research methods were used in the work: analysis of scientific and methodological literature on the problem under study, pedagogical observation of foreign students learning process.

As a result of the research practical recommendations on the use of neural network technologies for creating teaching materials are developed, including criteria to select the material on the local history, principles of texts adaptation and quality control methods of generating materials.

Key words: neural network technologies, Russian as a foreign language, local history texts, teaching reading, teaching listening, digital technologies in education.

Краеведческий подход не только повышает эффективность освоения русского языка как иностранного, но и содействует формированию полноценной языковой личности, способной к межкультурной коммуникации и уважающей как свою, так и чужую культуру. Незнание основных фактов культурного наследия страны изучаемого языка препятствует формированию иноязычной коммуникативной компетенции и может стать основой коммуникативных проблем, не позволяющих адекватно осуществлять общение в различных жизненных ситуациях. Одним из основных источников знаний о культуре и традициях страны изучаемого языка являются тексты краеведческого характера, которые используются в процессе обучения инофонов чтению и аудированию. Несоответствие таких текстов методическим требованиям приводит к необходимости их доработки, дополнительным затратам времени на подготовку к занятиям, нерациональному использованию учебного времени и др.

Актуальность данного исследования обусловлена методическими и организационными сложностями, которые приходится преодолевать практикующим преподавателям РКИ при обучении инофонов чтению и аудированию.

Среди методических трудностей следует выделить следующие: проблемы с подбором разножанровых краеведческих текстов подходящей языковой сложности, необходимость адаптации существующих текстов под разные уровни владения языком, потребность в систематическом обновлении материалов в связи с необходимостью включения в них актуальной информации, недостаточная разработанность методических рекомендаций по работе с текстами краеведческого характера.

Организационные затруднения связаны с отсутствием централизованного банка текстов страноведческой тематики и локальной базы краеведческих материалов.

Один из путей преодоления существующей проблемы видится в использовании ИИ-технологий для создания актуальных материалов, соответствующих современным образовательным стандартам, в частности, интеграция нейронных сетей в процесс создания текстов для чтения и аудирования. Такой подход поможет восполнить дефицит краеведческих текстов и сделает процесс обучения более эффективным и интересным для иностранных студентов.

Проблеме изучения дидактических возможностей нейронных сетей в обучении иностранным языкам в последнее время уделяется много внимания. Исследования в данной области находятся на этапе активного развития. Формируются научные школы, разрабатываются практические инструменты и методики применения нейросетей в обучении РКИ. Так, группа учёных Института русского языка им. А. С. Пушкина под

руководством И. В. Васильевой занимается разработкой методик интеграции нейросетевых технологий в обучение грамматике РКИ. Научная школа Е. И. Пассова развивает направление по использованию нейронных сетей в обучении речевой деятельности. М. В. Житенева [2] исследует применение ИИ в оценке языковых навыков. Изучением вопроса генерации образовательного контента для обучения РКИ с помощью искусственного интеллекта занимаются учёные кафедры русского языка и культуры речи Института филологии ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» [1; 4; 5]. Научный коллектив под руководством А. Н. Щукина исследует применение нейросетей в создании учебных материалов.

Новизна данного исследования состоит в том, что проблема интеграции систем искусственного интеллекта в процесс создания крымоведческих текстов для обучения инофонов чтению и аудированию рассматривается впервые.

Как показывает практика, современные нейронные сети способны существенно облегчить работу преподавателя по подбору, адаптации и созданию текстовых материалов краеведческой тематики.

Для сравнения приведём два текста, созданных в течение нескольких секунд генеративной моделью YandexGPT [6] для разных уровней обучения РКИ.

Текст для уровня С 1. *Ласточкино гнездо – одно из самых романтических и узнаваемых мест Крыма, ставшее настоящим символом полуострова. Этот небольшой замок в готическом стиле, словно парящий над морем, расположен на отвесной Аврориной скале в посёлке Гурзуф.*

История создания этого удивительного сооружения связана с именем барона Штейнгеля, который заказал постройку замка перед Первой мировой войной. Интересно, что по назначению замок так и не был использован: вместо резиденции здесь сначала располагался ресторан, а сейчас функционирует культурный и выставочный центр.

Архитектура здания поражает своей изящностью и смелостью инженерной мысли. Замок построен на высоте 40 метров над уровнем моря. Его остроконечные башни, узкие окна и декоративные элементы создают неповторимый готический силуэт. Особенно впечатляюще сооружение выглядит на закате, когда солнечные лучи окрашивают стены в золотистые тона.

До сегодняшнего дня Ласточкино гнездо остаётся одной из самых посещаемых достопримечательностей Крыма. С площадки перед замком открывается захватывающий вид на побережье и море, а само сооружение, благодаря своему уникальному расположению и архитектуре, стало одним из самых фотографируемых мест полуострова.

Каждый, кто приезжает в Крым, считает своим долгом посетить это удивительное место, ведь Ласточкино гнездо – это не просто архитектурная достопримечательность, это символ красоты и величия крымской природы, воплощённый в камне.

Текст для уровня А 1. *Ласточкино гнездо – это красивый замок в Крыму. Его построили на скале в начале XX века. Раньше в замке был ресторан. Сейчас здесь культурный и выставочный центр. Замок стал символом полуострова. Сюда приезжают туристы. Они фотографируются и любят красивый Чёрный море.*

Оба текста обладают стопроцентной уникальностью и полностью соответствуют адресованному нейросети запросу. Преподавателю нет необходимости подбирать материал для их составления, адаптировать его для разных уровней владения русским языком. Ему остаётся только проверить достоверность краеведческой информации в сгенерированных текстах и устранить возможные фактические, речевые, грамматические, стилистические и пунктуационные недочёты. В частности, в тексте для уровня С 1 фраза «расположен на отвесной Аврориной скале в посёлке Гурзуф»

была заменена фразой *«расположен на отвесной скале Ай-Тодор в посёлке Гаспра»*. Фраза *«связана с бароном Штейнгелем»* заменена фразой *«связана с именем барона Штейнгеля»*. Кроме того, в предложении *«Интересно, что по назначению замок так и не был использован: вместо резиденции здесь сначала располагался ресторан, а сейчас функционирует культурный и выставочный центр»* было поставлено двоеточие, поскольку во второй части предложения следует пояснение того, о чём идет речь в первой. Фрагмент *«Ласточкино гнездо – это не просто архитектурная достопримечательность»* потребовал постановки тире между подлежащим и сказуемым, выраженными существительными в именительном падеже.

Некоторые правки были внесены и в текст, сгенерированный ИИ для уровня А 1.

В результате проведенного исследования были обнаружены следующие преимущества использования нейросетей для создания обучающего контента: автоматизация создания адаптированных текстов (генерация материалов разной сложности, упрощение исторических документов для понимания их иностранцами, замена сложных синтаксических конструкций более простыми, подстройка под уровень языковой подготовки инофонов), создание культурно-специфического контента (генерация описаний местных достопримечательностей, составление рассказов о традициях региона, адаптация исторических фактов), персонализация обучения (учёт интересов конкретного студента, создание индивидуальных заданий, подбор релевантных примеров).

Нейросеть может генерировать не только краткие информативные тексты о памятниках архитектуры, музеях и природных объектах региона, но и создавать диалоги на основе краеведческого материала. Важно, что искусственный интеллект может формировать довольно реалистичные диалоги, основанные на типичных ситуациях, связанных с изучением региона. Пример такого диалога:

Путешественник: *Здравствуйте! Вы не подскажете, как добраться до замка Ласточкино гнездо?*

Местный житель: *Привет! Замок находится на мысе Ай-Тодор, недалеко от Ялты. Вам нужно будет доехать до остановки «Санаторий Дюльбер» и пройти немного пешком.*

Путешественник: *Спасибо за информацию! А вы бывали в этом замке?*

Местный житель: *Да, я часто гуляю там. Замок очень красивый, особенно вечером, когда включается подсветка.*

Путешественник: *Как интересно! Может быть, вы расскажете мне о замке подробнее?*

Местный житель: *Конечно, расскажу. Замок Ласточкино гнездо был построен в начале XX века для немецкого нефтепромышленника барона фон Штенгеля. Сейчас Ласточкино гнездо является музеем. Внутри есть несколько комнат, где представлены экспонаты, связанные с историей замка и его владельцев.*

Путешественник: *Благодарю Вас за интересный рассказ! А какие ещё достопримечательности есть рядом с замком Ласточкино гнездо?*

Местный житель: *Рядом с замком находится парк с красивыми видами на море. Также можно посетить музей «Поляна сказок», который расположен недалеко от парка.*

В диалог были внесены изменения. Слово «привет» заменено на «добрый день», поскольку данное приветствие соответствует традиции общения с незнакомыми людьми. Последняя реплика местного жителя откорректирована следующим образом: *«В девяти километрах от замка находится парк с красивыми видами на море. Также можно посетить Воронцовский дворец-музей, который расположен на территории этого парка. Добраться туда можно на общественном или личном транспорте»*.

По мнению автора, автоматизировать создание учебного контента наиболее удобно с помощью русскоязычных нейронных сетей YandexGPT [6] и GigaChat [7]. Оба сервиса могут одинаково успешно генерировать тексты, писать статьи, письма, стихи, создавать диалоги, решать другие задачи, но GigaChat в Крыму пока недоступен, а генеративная модель YandexGPT открыта для всех пользователей в России.

Генерировать дидактические иллюстрации, способствующие успешной семантизации лексики, встречающейся в крымоведческих текстах, можно посредством работы с нейросетями Midjourney v5, Lexica.art, ClipDrop Stable Diffusion XL, Kandinsky2.1, YandexART, Images.ai, Dream by Wombo и др.

Безусловно, далеко не все сгенерированные с помощью нейронных сетей тексты и изображения полностью отвечают дидактическим целям, поставленным преподавателем. Однако несмотря на то, что интеллектуальные компьютерные системы довольно редко справляются с запросом с первой попытки, умение преподавателя доработать промпт (инструкцию, которая используется для общения между пользователем и нейронными сетью) позволяет получить желаемый результат. В работе с ИИ необходимо учитывать, что качество ответа системы зависит от того, насколько точно сформулирован вводимый запрос. Чтобы конечный результат, выданный искусственным интеллектом, был правильным, промпт должен быть корректным.

На основе опыта работы по созданию учебных материалов с помощью нейронной сети можно сформулировать следующие методические рекомендации: всегда проверять сгенерированные тексты на наличие фактических ошибок и речевых недочётов, использовать нейросети с функцией языковой адаптации, применять инструменты для определения уровня сложности текста, обращаться к программам для создания интерактивных заданий. Кроме того, важно учитывать, что нейронные сети являются инструментом, который должен использоваться в сочетании с традиционными методиками преподавания. Это позволит достичь наилучших результатов в обучении русскому языку как иностранному.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы: интеграция нейронных сетей в процесс создания краеведческих текстов для обучения иностранцев чтению и аудированию представляет собой перспективное направление в методике преподавания РКИ. Умелое сочетание нейросетевых технологий с традиционными методами обучения открывает преподавателю новые возможности и позволяет повысить мотивацию учащихся, улучшить понимание ими культурных особенностей Крымского региона, сделать процесс обучения более интересными и разнообразными, сэкономить время на подготовку к занятиям.

Список использованных источников

1. Аржанцева, Т. В. Краеведческий материал как фактор мотивации изучения русского языка: аудирование / Т. В. Аржанцева, Г. Ю. Богданович // Современная картина мира: крымский контекст : коллективная монография ; под ред. Г. Ю. Богданович. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2020. – Том 3. – С. 45–60.
2. Житенева, М. В. Использование современных технологий в обучении русскому языку как иностранному / М. В. Житенева // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 2. – С. 98–105.
3. Полат, Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат. – Москва : Академия, 2020. – 272 с.
4. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст : коллективная монография / под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2022. – 200 с.

5. Аржанцева, Т. В. Русский язык в Крыму и «Русский язык в поликультурном мире» : 10-летию Крымской весны посвящается / Т. В. Аржанцева, И. П. Зайцева, Н. И. Иванюк [и др.]. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2024. – 264 с.
6. YandexGPT. – URL: <https://alice.yandex.ru/chat> (дата обращения: 03.03.2025).
7. GigaChat. – URL: <https://giga.chat/gigachat/> (дата обращения: 03.03.2025).

УДК 801.73

ИЗУЧЕНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ Н. В. ГОГОЛЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ю. А. Приходько,

*магистрант кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Капустина С. В., к. ф. н., доцент кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Исследовательский интерес к изучению концептосферы Н. В. Гоголя остается неизменно высоким. Творческая концентрация классика на константных категориях русской духовности объясняет заметное превалирование научных работ, посвященных анализу онтологически маркированных концептов. В поле зрения современных ученых входят такие элементы индивидуально-авторской концептосферы Н. В. Гоголя, как «душа», «жизнь», «смерть» и др. Мыслеобразы писателя, имеющие узуальные лексические эквиваленты, как правило, также сакрализируются в его наследии («хозяйство», «беспорядок», «лестница», «дорога» и др.). Настоящая статья нацелена на систематизацию гоголеведческих концепт-исследований в русле литературоведения; выделение проблемных и перспективных точек как в реализуемой методологии концепт-анализа, так и в аналитических заключениях о приоритетных для Н. В. Гоголя аксиологических единицах.

Ключевые слова: Гоголь, концепт, концептосфера, литературоведение, аксиология, мыслеобраз.

Summary. Research interest in the study of Nikolay Gogol's conceptual sphere remains consistently high. The classic's creative concentration on the constant categories of Russian spirituality explains the marked prevalence of scientific works devoted to the analysis of ontologically labeled concepts. The field of view of modern scientists includes such elements of Nikolay Gogol's individually authored conceptual sphere as "soul", "life", "death" etc. The writer's mental images, which have common lexical equivalents, are usually also sacralized in his legacy ("household", "disorder", "stairs", "road" etc.). This article is aimed at systematizing Gogol's conceptual research in line with literary criticism; highlighting problematic and promising points both in the implemented methodology of conceptual analysis and in analytical conclusions on axiological units that are priority for Nikolay Gogol.

Key words: Gogol, concept, conceptsphere, literary criticism, axiology, thought image.

Изучение концептосферы Н. В. Гоголя – это далеко не однородный с точки зрения методологии и целеполагания процесс, интегральные представления о котором оформились в гуманитаристике первой четверти XXI столетия. С ростом популярности

лингвокультурологического подхода к изучению литературных явлений активизировалось обращение исследователей к тем концептам Н. В. Гоголя, которые демонстрируют его погруженность в малороссийский контекст. В частности на базе ранних повестей классика реконструировались элементы не столько его индивидуально-авторской, сколько обобщенно-малороссийской концептосферы. Среди таковых можно выделить: «украинская ночь» [11], «галушки» [5], «черевик» [3], «ярмарка» [4] и др. Иллюстрирование тезисов о межкультурном диалоге фрагментами из ранних прозаических циклов Н. В. Гоголя, а также обнаружение в его языке неточностей, обусловленных межъязыковой интерференцией, были в фокусе тех исследователей, которые через идиостилистические особенности бытописания в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Миргороде» стремились восстановить интегральные элементы малороссийской картины мира. Вполне очевидно, что для лингвокультурологов, по замечанию Г. А. Зябревой и С. В. Капустиной, было «важно направление изучения концепта “от языка к культуре”» [10, с. 7]. Сам же термин «концепт» представителями указанного направления понимался как «единица коллективного знания/сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [2, с. 72].

В парадигме же литературоведения «индивидуально-авторский концепт представляет собой базисную категорию мировоззрения писателя, запечатленную в художественной ткани его произведения (либо ряда произведений)» [8, с. 163], т. е. служит маркером аксиологических приоритетов концепт-задающего, позволяет восстановить черты его духовного портрета. Последнее становится особенно актуальным при наличии в современной науке противоречивых суждений о ценностных ориентирах литератора.

Например, С. В. Капустина через анализ концепта «Богатырство» у Н. В. Гоголя доказала ошибочность суждений тех, кто видел в нем «мистика, оружием смеха борющегося с чертом», или «адепта смеси протестантизма и католицизма», – ведь «семантические ударения», внутри реконструируемого мыслеобраза позволили заключить о «христоустремленности писателя» [6, с. 30–31]. Исследовательница установила, что «Н. В. Гоголь часто отождествляет понятия “святорусское богатырство” и “христианское подвижничество”, указывая на то, что борцом за правое дело может стать каждый человек, искренне внимающий и следующий Слову Творца» [7, с. 236]. Этим заключением С. В. Капустина проиллюстрировала тезис о том, что «выдающиеся авторы, способны запечатлеть на культуроносных скрижалях литературы и искусства новые преломления корневых доминант» [9, с. 18].

Важно, что выводы современных литературоведческих концепт-исследований о Н. В. Гоголе в большинстве случаев созвучны заключениям тех специалистов, которые сегодня поддерживают развитие православного направления в гоголеведении. К примеру, один из основоположников этого направления, И. А. Виноградов, восстановив ядерные смыслы индивидуально-авторского концепта Н. В. Гоголя «Закон», пришел к следующему выводу: «Каждое, без исключения, произведение <Гоголь> создавал, по его собственным признаниям, в качестве поддержки “правдивых законов” государства и Церкви, единство которых обуславливалось особенностями законодательства православной державы» [1, с. 64].

О том, что автор «Мертвых душ» обогатил православными смыслами узусное понятие «хозяин», ставшее полноправным элементом его концептосферы, утверждалось в нашей работе, отмеченной дипломом I степени на 76-й Всероссийской научной конференции Петрозаводского государственного университета (см.: [12]). В результате предпринятого исследования нами был сформулирован вывод о том, что «Гоголь, уделявший большое внимание сакрализации, мог с помощью расширяющего ассоциативное поле билингвизма, увидеть особую связь лексем «хозяин» и «господар».

Главный герой, являясь господином всего повествования, <...> стал хозяином или приобретателем всего мертвого. Остальные же помещики, напротив, имеют перспективу преобразования как хозяева, избавившие свои хозяйства от мертвого и сосредоточившиеся на живом» [12, с. 370].

Таким образом, литературоведческий подход к изучению концептосферы Н. В. Гоголя доказывает правомерность развития православного вектора в науке о нем. Введение в повествовательную канву художественно осмысленных и мастерски обыгранных духовных доминант русского (=православного) народа делает автора «Мертвых душ» и «Ревизора» истинно национальным писателем, в наследии которого, действительно, явилась «вся Русь».

Список использованных источников

1. Виноградов, И. А. Концепт закона в творчестве Н. В. Гоголя / И. А. Виноградов // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18, № 2. – С. 64–86.
2. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
3. Гажева, И. Д. Украинизмы как имена культурных концептов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя / И. Д. Гажева // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. – 2011. – № 2. – С. 157–163.
4. Демидова, Т. Э. Концепт «ярмарка» в ранних произведениях Н. В. Гоголя и Ч. Диккенса («Сорочинская ярмарка» и «Гринвичская ярмарка») / Т. Э. Демидова // Русское слово : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Условия развития функциональной грамотности обучающихся в рамках реализации образовательных программ среднего общего образования». – Том 13. – Ульяновск : УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2021. – С. 104–114.
5. ИONOва, И. А. Концепт «галушки» в картине мира украинцев и его эстетическая актуализация в поэтике Н. В. Гоголя / И. А. ИONOва // Мова. – 2009. – № 14. – С. 57–63.
6. Капустина, С. В. Концепт богатырство в русской литературе: диалектика константного и оригинального / С. В. Капустина // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2019. – № 2. – С. 27–32.
7. Капустина, С. В. Феномен богатырства в трактовке Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского / С. В. Капустина // Проблемы исторической поэтики. – 2014. – № 12. – С. 233–243.
8. Капустина, С. В. Концепт-анализ художественного произведения в рамках проектно-исследовательской деятельности школьников / С. В. Капустина // Русский язык в поликультурном мире : X Международная научно-практическая конференция : сборник научных статей, Ялта, 08–11 июня 2016 года. – Том 2. – Ялта : Общество с ограниченной ответственностью «Ариал», 2016. – С. 162–167.
9. Капустина, С. В. К вопросу о переводе единиц концептосферы Н. В. Гоголя: богатырство или heroism? / С. В. Капустина // Два века русской классики. – 2023. – Т. 5, № 4. – С. 16–33.
10. Павленко, В. Г. Концепт: грани понятия в современной науке / В. Г. Павленко, Г. А. Зябрева, С. В. Капустина [и др.]. – Ногинск : Аналитика Родис, 2015. – 150 с.
11. Кучерявая, О. А. Лингвокультурологический анализ концепта «украинская ночь» (на материале повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница») / О. А. Кучерявая // Речевая коммуникация в современной России. – Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2013. – С. 101–108.
12. Приходько, Ю. А. Концепт «Хозяин» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» / Ю. А. Приходько // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых учёных : материалы 76-й Всероссийской (с международным участием) научной конференции

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

УДК 811.161.1

КОНЦЕПТЫ «ПРАВДА» И «ИСТИНА» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

К. П. Музыка,

*обучающаяся 2-го курса магистратуры кафедры русского языка и культуры речи,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Литвинчук И. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Концепт «правда», являясь одной из ключевых категорий человеческого сознания, занимает важное место в межкультурном взаимодействии. Вопросы понимания истины, её восприятия и интерпретации в различных культурах играют значительную роль в формировании взаимопонимания между народами. Каждый этнос имеет свою уникальную систему ценностей, норм и традиций, влияющих на восприятие правды как социальной категории. Это делает исследование концепта «правда» особенно актуальным в условиях глобализации и интенсивного культурного обмена.

Целью исследования является изучение особенностей понимания и выражения концепта «правда» в контексте межкультурного взаимодействия. Анализ ориентирован на выявление различий в трактовке данного понятия в разных культурных традициях, а также на исследование механизмов адаптации и взаимопроникновения представлений о правде в процессе межкультурной коммуникации. Особое внимание уделяется роли концепта «правда» в формировании идентичности и социальных отношений внутри и вне культурных границ. Цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) изучить различия в понимании концепции «правда» в различных культурах; 2) исследовать происхождение и эволюцию концепта «правда» в русской традиции; 3) сравнить восприятие правды и истины в русской и западной традициях, на этой основе выявить потенциальные аспекты недопонимания в межкультурном общении.

Методы исследования: сравнительный анализ, описательный метод.

Результаты исследования. «Правда» и «истина» как концепты занимают особенное место в русской культуре, выходя за рамки простых лексических единиц и становясь референтами фундаментальных основ мировосприятия и культурной идентичности. В частности, понятие «правда», исходя из особенностей русской культуры, трактуется как онтологическая категория, связанная с такими этическими категориями, как честность, искренность и моральная справедливость. Этимология лексемы «правда» восходит к древнерусскому корню «правь», что указывает на изначальную связь с концептами силы, правоты и правильности. Истина же рассматривается в более широком и объективном контексте, который детерминирует дискуссионность и семантическую поливариантность этого понятия в индивидуальном восприятии субъектами культуры [4].

Исследования показывают, что концепт «правда» имеет эмоциональное наполнение и соотносится с такими человеческими переживаниями, как печаль и грусть. Это позволяет воспринимать истину не как абстрактный факт, а как переживание, наполненное личностным смыслом. Для русской традиции более чем важно, чтобы правда находилась в области личной этики и морали, где она может оспариваться, обсуждаться и оцениваться. В связи с этим становится понятным, что истина и правда формируют диалог, который оказывается конфликтным, когда одно понятие соотносится с личным, а другое – с коллективным опытом [1].

В контексте философского анализа важно отметить, что приверженность к правде формирует у русских людей более глубокую связь с социальной и культурной реальностью. Такой подход можно проследить в литературе, фольклоре и общепринятых нормах поведения, где, помимо фактов, также имеют значение интерпретации чувств и переживаний отдельного индивида [3].

Правда представляет собой результат взаимодействия индивида и общества. Она формируется на основе личных и коллективных ценностей и предназначена не только для установления соответствия действительности, но также и для формирования морально-нормативной основы человеческого бытия. В противоположность правде, истина часто приобретает характер объективности и независимости от субъективной интерпретации. В этом контексте могут проявляться различия между отечественной и западной философией: свойственный русской культуре акцент на правде как личностно переживаемой реальности объясняет, почему на уровне межкультурного взаимодействия содержание концепта «правда» получает различную интерпретацию, способную приводить к недопониманию представителей различных социокультурных общностей [2].

Выводы. В русской культуре содержание концепта «правда» обусловлено не только философской и морально-нравственной составляющими, но и чувственной, эмоциональной компонентой, что делает его эстетически и культурно значимым в диалоге с другими культурами. Примеры из фольклора и литературы дают основание заключить, что правда в большей степени является выражением человечности и эмоционального восприятия сути бытия, в то время как истина стремится к акценту на его универсальности и верифицируемости. Поскольку в различных культурах концепты «истина» и «правда» могут иметь семантические пересечения по содержанию, их отличия в восприятии представителями разных культур становятся значимыми для процесса межкультурного общения.

Список литературы

1. Агиенко, М. И. Структуры концептов правда, истина, TRUTH в сопоставительном аспекте : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. И. Агиенко ; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Екатеринбург, 2005. – 24 с.
2. Елисеева, А. В. Концепты «ПРАВДА» и «ЛОЖЬ» в западноевропейской и русской афористике / А. В. Елисеева // Филологический аспект : международный научно-практический журнал. – 2023. – № 3 (95) – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/kontsepty-pravda-i-lozh-v-zapadnoevropejskoj-i-russkoj-aforistike.html> (дата обращения: 03.03.2025).
3. Лякин, В. Е. Краткий исторический анализ понятий «истина» и «правда» / В. Е. Лякин // Сборник научных трудов по итогам научно-практической конференции. – № 2. – Новосибирск, 2015. – 128 с.
4. Черников, М. В. Категории «Правда» и «Истина» в русской культуре / М. В. Черников, Л. С. Перевозчикова // Историческая психология и социология истории. – 2015. – № 2. – С. 141–157.

РЕФЛЕКТИВНОСТЬ, ИМПУЛЬСИВНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕРЕАЛИСТИЧЕСКОМУ ОПЫТУ: ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ РКИ

М. А. Охотникова,

*обучающаяся 2-го курса магистратуры кафедры русского языка и культуры речи,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Аржанцева Т. В., заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, к. п. н., доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Современные исследования в сфере когнитивной науки стимулируют лингводидактов к внедрению лингвокогнитивного подхода в методику обучения РКИ [1; 4]. В последние десятилетия исследования в области когнитивных стилей и их влияния на обучение приобретают все большую актуальность [3]. Среди когнитивных стилей, оказывающих значительное влияние на процесс обучения, выделяются рефлексивность, импульсивность и толерантность к нереалистическому опыту. **Актуальность** работы обусловлена тем, что углубленное исследование особенностей этих когнитивных стилей в процессуальном и результативном аспектах способно помочь в разработке эффективных методов преподавания, учитывающих индивидуальные особенности обучающихся.

Целью исследования является изучение особенностей проявления когнитивных стилей обучающихся на процесс обучения РКИ, что детерминировало постановку следующих **задач**: 1) описать выбранные для изучения когнитивные стили: 2) выявить особенности их влияния на процесс и результат обучения РКИ.

Методы исследования: системный и сравнительный анализ, описательный метод, анализ причинно-следственных связей, обобщение полученных результатов.

Результаты исследования. При обучении иностранных студентов различным видам речевой деятельности преподавателю важно быть осведомленным о наиболее действенных методах и подходах к организации учебного материала, его подаче и контролю усвоения. Для этого ему необходимо не только овладеть этими методами, но и осознавать, какие психологические и психофизиологические закономерности обуславливают их эффективное применение [3; 5]. Когнитивные стили представляют собой индивидуальные различия в подходах к обработке информации. Каждый когнитивный стиль связан с такими важными факторами, детерминирующими процесс и результат обучения иностранным языкам, как способы организации словарного запаса, индивидуальные особенности запоминания, хранения и извлечения информации, особенности работы с текстами, взаимодействие в учебной группе, подход к выполнению заданий, предпочтение индивидуальных или коллективных форм обучения и др.

Рефлексивность характеризуется склонностью индивида к тщательному обдумыванию, анализу информации перед принятием решения. Обучающиеся с выраженным рефлексивным стилем больше других уделяют время размышлениям, задают вопросы, анализируют различные аспекты проблемы. В контексте обучения РКИ это проявляется в желании ознакомиться с материалом более глубоко и детально. При проведении групповых занятий преподаватель РКИ может опираться на таких обучающихся в процессе обсуждения особенностей семантики текста и анализа

грамматических структур на примерах из устной и письменной речи. С позиций методики преподавания РКИ целесообразно привлекать таких обучающихся к работе над проектами, в которых нужно исследовать культурные аспекты русскоязычных стран, поскольку такая работа подразумевает осуществление осознанного восприятия, анализа и синтеза информации. Эффективное применение различных рефлексивных технологий [2] в курсе РКИ также соотносится с доминантным рефлексивным когнитивным стилем обучающихся. Импульсивность коррелирует со стремлением принимать решения быстро, без предварительного анализа. Обучающиеся с импульсивным когнитивным стилем склонны действовать на основе непосредственных впечатлений и интуитивных стремлений, что зачастую порождает ошибки, но может способствовать высокой динамике в обучении. Импульсивные студенты чаще пытаются быстро усвоить материал, что может привести к поверхностному его пониманию, однако у них проявляется максимальная степень активности, быстрее формируются навыки разговорной речи [1].

Толерантность к нереалистическому опыту рассматривается как способность воспринимать и обрабатывать информацию, которая может не совпадать с личным опытом или ожиданиями обучающегося. Этот аспект когнитивного стиля может влиять на успешность овладения языком, поскольку обучение РКИ часто связано с необходимостью преодоления культурных и языковых барьеров. Инофоны с высоким уровнем толерантности к нереалистическому опыту способны более активно осваивать языковой материал, демонстрировать высокую восприимчивость к экспериментальным подходам погружения в языковую среду, проявлять высокую готовность к участию в ролевых играх.

Выводы. Углубленное исследование рассмотренных когнитивных стилей в процессуальном и результативном аспектах может помочь в разработке методов преподавания, нацеленных на дифференцированный подход к каждому обучающемуся. Многие инофоны могут проявлять смешанный когнитивный стиль, поэтому преподавателю нужно выбирать соответствующие методы и комбинировать их, например, сочетать проектный метод с элементами спонтанности и рефлексии.

Список литературы

1. Авдеева, И. Б. Отражение когнитивных стилей в учебно-методических материалах по русскому языку как иностранному / И. Б. Авдеева, Н. В. Краснокутская // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 76–90.
2. Ваганова, О. И. Современные рефлексивные технологии обучения / О. И. Ваганова, М. Н. Гладкова, Л. Н. Кутепова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2021. – Т. 10. – № 2 (35). – С. 62–64.
3. Жданович, О. А. Учет когнитивных стилей учащихся при обучении русскому языку как иностранному онлайн (по данным эксперимента) / О. А. Жданович // Вестник Костромского государственного университета. – 2021. – Т. 27, № 1. – С. 197–204.
4. Лаврушина, Е. В. Лингвокогнитивные аспекты в методике обучения РКИ / Е. В. Лаврушина // Collouium-journal. – 2019. – № 10 (34). – С. 85–88.
5. Лешутина, И. А. Влияние когнитивных стилей на процесс обучения РКИ / И. А. Лешутина // Международный научный конгресс «Русский язык в странах СНГ: положение, функционирование, коммуникация». – 2022. – С. 95–97.

ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА У ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

О. А. Шалимова,

*обучающаяся 3-го курса кафедры русского языка,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск*

Научный руководитель: Буровникова О. Н., ассистент кафедры русского языка,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск

Введение. В работе рассматривается вопрос формирования читательского интереса у обучающихся образовательных организаций. Мы живем в том веке, когда для комфортной жизни каждому необходимо раскрыть потенциал, найти сильные стороны и определиться с выбором актуальной для себя профессии. Сегодня у нас есть все возможности. Прежде всего, главную роль в этом процессе играет образование. Именно оно направлено на создание всесторонне развитой, гармоничной личности, которая легко адаптируется в любых условиях. Постоянное самосовершенствование – еще один важный аспект в формировании современной личности. Именно это качество раскрывается при чтении. Но с каждым годом реализовать задачу постоянного самосовершенствования личности в процессе обучения становится все сложнее, так как дети с раннего возраста отдают предпочтение современным гаджетам, средствам массовой информации и другим видам достижений научного прогресса. Это приводит к тому, что книги уходят из жизни подрастающих поколений.

Актуальность работы заключается в утрате понятия «чтение для души» в глазах подрастающего поколения. Данная проблема позволила ученым рассуждать о смене модели чтения.

Целью данного исследования является определение эффективных условий для развития читательского интереса у обучающихся образовательных организаций. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) определить педагогические условия эффективного формирования читательского интереса у детей школьного возраста непосредственно в образовательном процессе; 2) разработать методические рекомендации для родителей по формированию читательского интереса у детей школьного возраста.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: сопоставительный метод, дескриптивный метод и метод хронологизации.

Результаты исследования. В ходе исследования мы предложили использовать один из ключевых приемов – многочтение. Применяя этот подход, ученик, отвечая на вопросы или выражая собственное мнение, ищет поддержку своим мыслям, суждениям и эмоциям в тексте, регулярно к нему возвращаясь. Такое повторное обращение позволяет ему каждый раз открывать что-то новое и неожиданное в уже знакомом произведении, что вызывает удивление и интерес. Таким образом, учащийся глубже погружается в художественный текст и повышает интерес к чтению [3].

Использование проектной деятельности также является важным шагом в развитии интереса к чтению. Этот подход способствует вовлечению ребенка в активную школьную жизнь и делает процесс обучения актуальным, интересным и результативным. В ходе реализации проектов дети имеют возможность проявить свою креативность и активно взаимодействовать с текстами.

Мы предлагаем включить в образовательный процесс регулярные посещения библиотек. Пробуждение интереса к творческому чтению возможно только через

взаимодействие с людьми, которые сами испытывают радость от общения с книгой и могут вести диалог с автором [2].

Не менее важным является влияние семьи на формирование интереса к чтению. Доказано, что чем раньше ребенок начинает заниматься чтением, тем лучше его успехи в будущем. Для достижения положительных результатов необходима систематическая работа. Начало этой системы закладывается в семье, где ребенок перенимает отношение к чтению и книгам, которое существует у его родителей. Поддержка и пример взрослых способствуют широкой и глубокой мотивации к чтению у детей [4].

Когда вы читаете со своим ребёнком, то:

1. Надо найти спокойное место для чтения.
2. Ребёнок должен сидеть рядом и видеть книгу.
3. Если ребёнку трудно прочесть слово, то озвучьте его самостоятельно и создайте ассоциацию к этому слову.
4. Хвалите и подбадривайте его на каждом этапе чтения.
5. Обсудите прочитанное.
6. Ведите для ребёнка, а затем совместно с ним «Дневник чтения», занося туда любимые книги.

Важно, чтобы чтение не воспринималось как обязательная задача. Дети будут видеть пример положительного отношения к чтению, что поможет им сформировать свои собственные положительные эмоции и интерес к литературе.

Выводы. Становление читательского интереса школьников представляет собой сложный процесс, состоящий из множества элементов, которые зачастую слабо взаимосвязаны и обладают большим количеством трудностей. Их преодоление и интеграция всех компонентов требуют значительных усилий и концентрации внимания, что может быть затруднительно. Поэтому, формируя интерес к чтению, педагогам необходимо учитывать все возможные факторы, влияющие на этот процесс. Важно понять, какие аспекты могут негативно сказываться на читательской активности учащихся. Прежде всего, это усиленное воздействие СМИ или изменение отношения родителей после того, как ребенок начал самостоятельно контролировать учебный процесс.

Педагоги должны обладать высокой компетентностью, чтобы, невзирая на существующие преграды, эффективно осуществлять свои задачи и добиваться желаемых результатов в воспитании и образовании детей. Это включает в себя разработку подходящих методик, активное вовлечение родителей в учебный процесс и создание атмосферы, способствующей развитию интереса к чтению, которая поможет молодым читателям преодолевать трудности и находить радость в книге.

Научить детей любить книгу, ощущать потребность в ней и понимать её – это важная задача как для родителей, так и для педагогов. Формирование этого отношения требует систематической работы и внимательного подхода.

Систематическая работа над воспитанием интереса к чтению позволит обобщить уже приобретенные навыки и дать возможность развивать их в дальнейшем. Регулярные видения книг, время, проведенное за чтением, и эмоциональное вовлечение создадут устойчивую связь между ребенком и литературой, что в будущем будет способствовать личностному и интеллектуальному росту.

Список литературы

1. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – Москва : Педагогика, 1991. – 480 с
2. Ниталимова, Л. В. Развитие читательского интереса младших школьников / Л. В. Ниталимова, С. Н. Семенова. – Москва : Ментор, 2007.
3. Пичерол, Т. С. Практические советы учителю, овладевающему современной методикой обучения чтению / Т. С. Пичерол // Начальная школа. – 2005. – № 2.

4. Светловская, Н. Н. Методика обучения чтению: что это такое / Н. Н. Светловская // Начальная школа. – 2005. – № 2.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'42

ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ЭПИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ГЛЮК»)

А. С. Бурдина,

*ассистент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.
Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические положения метода функционального анализа эпического текста, предложенные Н. А. Рудяковым. Применение метода функционального анализа эпического текста для интерпретации рассказа Л. Петрушевской «Глюк» дает возможность проиллюстрировать взаимосвязь авторской идеи художественного текста и его композиции, особенности использования языковой системы текста.

Ключевые слова: противоречие текста, статичный и динамичный персонаж, исходный и завершающий строй мыслей персонажа, композиция, стержневой элемент.

Summary. The article examines the theoretical provisions of the method of functional analysis of the epic text proposed by N. A. Rudyakov. The use of the method of functional analysis of the epic text for the interpretation of L. Petrushevskaya's story *Glitch* makes it possible to illustrate the relationship between the author's idea of the artistic text and its composition, the features of the use of the language system of the text.

Key words: contradiction of the text, static and dynamic character, initial and final structure of the character's thoughts, composition, core element.

Введение. Текст как объект лингвистического исследования изучается с разных позиций. В работах И. Р. Гальперина, Н. С. Валгиной, О. Л. Каменской, Б. Н. Головина, Н. С. Болотновой текст рассматривается в первую очередь как средство коммуникации, имеющее интегрированную систему языковых средств, в которой каждая единица коммуникативно значима. Исходя из такой позиции, текст становится способом реализации языковых единиц разных уровней и указывает на функционирование языковой системы.

В монографиях А. Н. Рудякова «Язык, или Почему люди говорят» (2004), «Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология» (2013), «Лингвистика и ее «скелеты в шкафу» (2020), «Функция и язык» (2023), «Функциональная грамотность? Это просто!» (2025) последовательно излагается функциональный взгляд на язык, речь, текст. Функциональный анализ текста рассматривает текст как орудие воздействия на читателя, на его сознание и представление о мире, что позволяет воспринимать языковую систему текста с позиции функциональной обусловленности. Семантика и структура текста определяется регулятивной функцией языка. В художественном тексте, в том числе и в эпическом, его строение, языковая система функционально обусловлены, т.е. подчинены авторскому желанию изменить традиционное представление читателя об окружающем мире.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы определить ключевые позиции для анализа эпического текста, представленные в концепции Н. А. Рудякова, проиллюстрировать основные теоретические положения примерами из

художественного произведения, показать действенность предложенного метода функционального анализа.

Методология. В монографии Н. А. Рудякова «Поэтика, стилистика художественного произведения» разработан метод функционального анализа эпического текста, отражающий природу художественного произведения, «которое представляется как связное целое, система, источником развития которой служит специфическое по своей природе противоречие» [6, с. 13]. Исходя из регулятивной функции языка, автор указывает на суть данного противоречия, служащего источником развития произведения: «специфика содержания художественного произведения состоит в том, что оно представляет собой двучленную величину, где первый член – образ предмета изображения как он отражается в обыденном сознании, а второй член – отношение к предмету с позиции идеала, конфликтное с обыденным представлением о предмете, изображенное как процесс утверждения нового его понимания и оценки» [6, с. 23].

Противоречие между данным (обыденным) и должным (идеальным) реализуется на различии между образом автора и образами персонажей, а также через систему образов. «...1) автор выступает в произведении как субъект изображения, персонажи же служат в произведении объектом авторского изображения, они воспроизводятся автором в художественном произведении в целях осуществления главной цели – выражения своего понимания и оценки предмета изображения; 2) автор представляет в художественном произведении высшую ступень понимания и оценки предмета изображения» [6, с. 30]. Противоречие может осознаваться героем в произведении или не осознаваться. Поэтому выделяются два типа персонажей: подвижный и статичный.

Статичный персонаж не осознает противоречие, строй его мыслей и чувств не изменяется в пределах произведения, его функция – это фон, на котором отслеживаются изменения, происходящие с подвижным персонажем.

Строй мыслей и чувств подвижного персонажа изменяется в пределах произведения и проходит несколько стадий: 1) исходный строй мысли и чувства персонажа, 2) основные моменты в развитии строя мысли и чувства, 3) завершающий строй мысли и чувства подвижного персонажа, 4) осознание или неосознание противоречия подвижным персонажем.

Основу анализа строя мыслей и чувств персонажей составляет наблюдение над языковыми единицами в речи персонажей (диалогическая и монологическая речь, внутренние монологи героев, авторские описания строя мыслей и чувств). «Среди языковых средств, выражающих исходный строй мысли и чувства подвижного персонажа, непременно выделяется стержневой, повторяющийся элемент, который обозначает основные моменты в развитии этого образа» [6, с. 34]. Стержневой элемент речи подвижного персонажа получает в тексте новый приращенный смысл, т.е. у языковой единицы наблюдается новое, не свойственное ей значение. Либо новое значение становится очевидным при соотнесении языковых единиц в речи персонажа. «Определяющую роль здесь играют те языковые единицы, в которых в пределах данного произведения возникает новый, образный смысл. Эта роль обусловлена тем, что в новом, образном смысле находит выражение новизна авторского понимания и оценки изображаемого явления. Возникновение нового, образного смысла в слове или другой языковой единице – непереносимое свойство произведения словесного искусства» [6, с. 62].

Структура художественного произведения, по мнению ученого, отражает проверку автором идеального представления о предмете изображения. В композиции произведения выделяется экспозиция – «изображение факта объективной действительности, который отражает характер человеческих отношений» и включает два момента: 1) «обозначение темы или предмета изображения, то есть основной

проблемы, которой посвящено произведение, и 2) отношение к ней автора, проявляющееся в форме осознанного противоречия между его, автора, представлением об идеале и изображаемым фактом» [6, с. 85]. Предметом изображения является обыденное сознание человека, его чувства, мысли, или, другими словами, строй его души.

В основной части обозначенное противоречие проходит проверку посредством передачи строя мыслей и чувств подвижного и статичного персонажей. Поэтому выделяется завязка как начало противоречия (конфликта) в строе мыслей и чувств подвижного персонажа, затем – ряд моментов, связанных со сменой строя мыслей и чувств, а также развязка – момент осознания подвижным персонажем свойственного ему противоречия, т.е. его преодоление, разрешение в пределах данного произведения.

Заключительный элемент композиции – эпилог – обозначает авторское отношение к предмету как итог, результат проверки. Во всех трех частях при анализе текста выделяются стержневые элементы языковой системы, которые, соотносясь между собой, несут новый образный смысл.

Таким образом, функциональный анализ эпического текста предполагает ряд шагов.

1. В экспозиции:

- 1) определение темы (предмета изображения);
- 2) отношение к ней автора в форме осознанного противоречия между представлением об идеале и изображаемым фактом.

2. В основной части:

- 1) определение исходного строя мысли и чувства подвижного персонажа;
- 2) основные моменты в развитии строя мыслей и чувств подвижного персонажа;
- 3) завершающий строй мыслей и чувств подвижного персонажа;
- 4) определение не осознанного или осознанного подвижным персонажем противоречия – источника развития его строя мыслей и чувств;
- 5) подтверждение неосознанного статичным персонажем противоречия в строе мыслей и чувств.

3. В эпилоге: как выражено отношение автора к результатам проверки осознанного им противоречия в предмете изображения реальной действительности.

Результаты исследования. Опираясь на вышеизложенный метод, представляем функциональный анализ рассказа Людмилы Петрушевской «Глюк».

Противоречие между изображаемым фактом и представлением об идеале обозначено автором в первом предложении рассказа: скверное настроение героини по утрам в воскресенье (обыденное) и чтение красивого журнала (идеальное). Жизнь девочки Тани, героини рассказа – обычная, будничная, серая, а идеальная жизнь описана в красивых глянцевах модных журналах. Предметом изображения становится духовное состояние подростка, который недоволен тем, как складывается его жизнь, который терпит в ней неудачи и испытывает внутренний дискомфорт.

К персонажам статичным, не меняющимся на протяжении всего произведения отнесем маму (ее высказывания вспоминает героиня, они характеризуют исходный строй мыслей и чувств Тани), папу (он появляется в эпилоге и его слова подтверждают, что произошедшее с Таней и одноклассниками не является только ее воображением). Родители девочки – типичные, любящие свое чадо, заботящиеся о ней («Обо всем у них дома заботились мама и папа, Таня не привыкла планировать, что есть, что пить завтра, что надеть, как постирать грязное и что постелить на кровать»), постоянно ее воспитывающие («Они с отцом кричат на меня, как больные»), желающие добра.

Еще один статичный персонаж – Глюк (второе название – Неизвестный). В тексте указано, что у него типичная внешность соблазнителя, он – искушитель, так как предлагает выполнить три желания, он – представитель потусторонней, нечистой

силы, потому что его появление сопровождается вонью и запахом гнили, и, наконец, в последнем описании он представлен как ад, поглощающий человека («Потом Таня пошла по черной горячей земле, из которой выпрыгивали языки пламени. Она шла прямо в раскрытый рот огромного, как заходящее солнце, лица Глюка. Было нестерпимо больно, душно, дым разъедал глаза».)

На фоне неизменных персонажей возможно проследить, как трансформируется строй мыслей и чувств Тани.

Исходный строй мыслей и чувств передан в разговоре с Глюком. Она – обычный закомплексованный подросток, не интересующийся учебой (по математике двойки), считающий себя некрасивой и толстой, безответно влюбленной в мальчика, который дружит с другой девочкой. Отношения с родителями не налажены, все их доводы не принимаются (для характеристики наставлений матери употреблен глагол «базарит»). Стержневыми элементами, характеризующими представление Тани о настоящей, правильной жизни, являются существительные, передающие желания героини: «Много денег, большой дом на море... и жить за границей!» Такое представление о полноценной счастливой жизни показывает ограниченность, примитивность героини. Упоминание о принятых на дискотеке таблетках подтверждает, что у девочки сложилось мнение о красивой жизни, как о такой, где царит веселье и отсутствуют заботы. Подобное представление о красивой жизни автор в дальнейшем подвергает проверке.

Далее в развитии мыслей и чувств героини показаны следующие основные моменты: 1) события, после которых героиня стремительно умнела, 2) вечеринка с одноклассниками, 3) последнее желание героини.

Языковые единицы, показывающие, что героиня не довольна тем, как выполнил ее желание Глюк, содержат уточнения: 1) от фразы «И все что нужно для жизни» до фразы Нет, «для богатой жизни!» 2) Надо было сказать: «с садом и бассейном». Повторяющимися стержневыми элементами в речи героини становятся слова: «ругала себя», «умнела», т. е. героиня осознает, что вела себя беспечно, не думая о будущем, жила только минутой удовольствия (даже не запомнила названия улицы и номер дома, где она теперь обитала). Соответственно внутренним изменениям меняется и словесное оформление ее желаний: теперь она хочет, «чтобы всегда мои желания исполнялись!». Это уже не просто мечты обычной девочки о богатстве и красоте, это претензия на всевластие и вседозволенность.

Состояние героини на вечеринке передано через ряд языковых средств:

- Ей было весело! Все видели ее новую жизнь!

- Я все всем разрешаю! Просите чего хотите, ребята!

- Таня чувствовала себя не хуже королевы, она могла все.

- Она чувствовала себя доброй, веселой, красивой.

- Наконец у нее было множество друзей, все ее любили!

- И наконец она была не хуже других, то есть попробовала уколоться и не испугалась ничего!

Так реализовались мечты подростка о признании, о дружбе и любви. Понимание, что все это достигнуто сомнительными способами: через привлечение еды, выпивкой, наркотиками, сексуальной раскрепощенностью – недоступно героине. Она воспринимает это как должное, не рассуждая, а только наслаждаясь тем, что стала центром внимания для одноклассников.

Кульминационным моментом в развитии строя мыслей и чувств подвижного персонажа становится ситуация, когда Таня убеждается, что ее власть над одноклассниками мнимая, так как главная цель – привлечь к себе Сережу – не достигнута. Катя по-прежнему продолжает о нем беспокоиться и желает увести его домой. Языковая единица – сравнение всех одноклассников с тряпичными куклами –

указывает на общность духовного состояния всех ребят: они не способны видеть, что совершается зло, не способны остановиться и стремятся к абсолютной свободе от всех запретов. Поэтому становится возможным и проявление насилия над Таней со стороны мальчишек.

Следующий этап в развитии мыслей и чувств героини можно назвать прозрением: она увидела истинное лицо одноклассников, чье расположение и дружбу хотела завоевать. Все они трупы, т. е. духовные мертвецы. Героиня осознает, что ничего не может изменить: «И со всем этим ничего нельзя было поделать». Она сама отправляется в ад, который представляется в виде открытого рта Глюка. Эпизод заканчивается тем, что автор обозначает желание героини: «Свободы». Считать, что такое пожелание девочки является окончательным осознанием порочности всех предыдущих желаний, маловероятно, скорее так героиня стремится избавиться от страшных событий. Языковая единица «свобода» соотносится с языковыми единицами, выражающими прежние желания: много денег, дом на море, жить за границей, «чтобы всегда мои желания исполнялись!». Данные языковые единицы рисуют представление подростка о счастливой жизни, показывают его ложное представление о настоящей жизни.

Завершающим строем мыслей и чувств Тани становится ее последнее желание, высказанное после того, как она услышала о гибели одноклассников: «Хочу, чтобы все спаслись. Чтобы все было как раньше». В данной фразе глагол «спастись» употреблен в форме прошедшего времени, и он соотносится с формой будущего времени «захочешь спасти» в эпизоде, где Неизвестный предупреждает об опасности желать спасения для других. Суть в том, что тогда человек должен заплатить своим могуществом и благополучием ради ближних. Во второй части фразы содержится желание девочки вернуть свою прежнюю будничную жизнь, что можно понимать, как отказ героини от погони за красивой жизнью.

Все происшедшее с Таней можно воспринимать как события, произошедшие в мире потустороннем, или как гриппозный бред (об этом говорит отец Тани), или как сон (Таня вдруг пробормотала: «Какой страшный сон мне приснился!»). На реальность случившегося указывают общие детали в описании, упомянутые Катей, папой: розовый дом, девочка говорила на другом языке. Фантастическая ситуация, описанная автором, помогает увидеть те духовные изменения, которые происходят с героиней. Чтобы оценить свою прежнюю жизнь и свои мечты, героине понадобилось встретиться с соблазнами, пройти через страшные испытания, в том числе смертью. Однако она не осознает противоречия, обозначенного автором: насколько пагубным может быть жгучее желание красивой жизни. Для героини – это страшный сон. Именно эта повторяющаяся языковая единица в конце текста характеризует восприятие Таней происходящего.

В эпилоге (к нему относятся два последних абзаца текста) выражено отношение автора к результатам проверки осознанного им противоречия в предмете изображения реальной действительности. Употреблен глагол «думала», как тот, что передает новое состояние героини: она размышляет о будущем, о своих дальнейших шагах, о жизни в целом. Стержневым элементом является фраза «Ничего не кончилось», так как зависимость девочки от прежнего ее образа жизни осталась: она должна отдать деньги за полученные на дискотеке таблетки. Одну из них она употребила, с чего, собственно, и начался приход Глюка, вторую спрятала. У данной фразы есть новый приращенный смысл: героиня находится в состоянии выбора: продолжать стремится к красивой жизни, символами которой являются деньги, роскошный дом, пребывание за границей, а также выпивка и наркотики, или вернуться к уютной жизни с любящими и заботливыми родителями, заняться математикой, больше гулять на свежем воздухе, не есть без конца сладкое, не увлекаться недостойными ребятами («Зачем он нам!

Сережка уже сейчас пьет. Охота тебе выходить замуж за алкаша!»). Автор показывает, что для героини этот выбор еще предстоит сделать. Последнее предложение звучит оптимистично («Но все были живы»), так как только живой человек (а Таня и ее одноклассники, пройдя путь от греха до смерти, все-таки выжили) способен изменить свою жизнь и сделать правильный выбор.

Таким образом, рассказ звучит как предупреждение автора подросткам, мечтающим о красивой и богатой жизни, атрибутами которой становятся: собственный дом на берегу моря, деньги, полный еды холодильник, выпивка, наркотики, секс. Однако путь к такой жизни лежит через отказ от норм морали и вседозволенность, что Людмилой Петрушевской решительно отвергается: пережитые героиней события воспринимаются как болезненный бред или сон.

Выводы. Понимание и интерпретация текста являются ключевыми умениями для современного человека, поэтому метод функционального анализа эпического текста способен обеспечить формирование упомянутых читательских навыков. Теоретические положения функционального анализа эпического текста указывают на взаимообусловленность структуры текста и его содержания, на роль языковых единиц для выражения авторской позиции. Метод функционального анализа дает возможность проследить за развитием авторского замысла: от заложенного в начале тексте противоречия между обыденным восприятием действительности и представлением авторского идеала до итогового результата проверки, что, в свою очередь, позволяет сформулировать авторскую идею и обеспечивает адекватное восприятие художественного текста.

Список использованных источников

1. Валгина, Н. С. Теория текста : учебное пособие / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 280 с.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва, 1981. – 148 с.
3. Головин, Б. Н. Основы теории речевой деятельности / Б. Н. Головин. – Горький, 1977. – 234 с.
4. Каменская, Л. О. Текст и коммуникация : учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков / Л. В. Каменская. – Москва : Высшая школа, 1990. – 152 с.
5. Рудяков, А. Н. Homo textus: человек в паутине текстов, или Учебник чтения для умеющих читать / А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев. – Симферополь : Ната, 2008. – 176 с.
6. Рудяков, А. Н. Язык, или почему люди говорят / А. Н. Рудяков. – Москва : Флинта, 2004. – 160 с.
7. Рудяков, А. Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология : учебное пособие / А. Н. Рудяков. – Москва : ФЛИНТА, 2013. – 312 с.
8. Рудяков, А. Н. Лингвистика и ее «скелеты в шкафу» / А. Н. Рудяков. – Москва : «Азбуковник», 2020. – 416 с.
9. Рудяков, А. Н. Функция и язык / А. Н. Рудяков. – Издательство «ИД ЯСК», 2023. – 216 с.
10. Рудяков, А. Н. Функциональная грамотность? Это просто! / А. Н. Рудяков. – Москва : Просвещение, 2025. – 112 с.
11. Рудяков, Н. А. Поэтика, стилистика художественного произведения / Н. А. Рудяков. – Симферополь : Таврия, 1993. – 146 с.
12. Петрушевская, Л. С. Глюк / Л. С. Петрушевская. – Москва : Комсомольская правда ; Директ-Медиа, 2015. – 352 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Р. В. Забаица,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Исследование посвящено вопросу о лингвистических свойствах художественного изображения в литературном произведении. Цель состоит в характеристике функциональных качеств изображения в художественном тексте, в частности, в раскрытии действия факторов, каузирующих системную организацию языковых средств. Основным методом, применяемый в работе, это функциональный метод понимания текста и особенностей его организации. Материалом послужили обобщенные функциональные качества изображения в художественном тексте, сформулированный автором с опорой на проанализированные исследования по филологии, а также в результате проведенной работы по интерпретации лирических текстов из русской классической литературы. Автор приходит к выводу о том, что художественное изображение функционально и подчинено регулятивности текста.

Ключевые слова: функциональное качество, художественный текст, изображение, регулятивность.

Summary. The study is devoted to the issue of linguistic properties of an artistic image in a literary work. The goal is to characterize the functional qualities of the image in a literary text, in particular, to reveal the action of factors that cause the systemic organization of linguistic means. The main method used in the work is the functional method of understanding the text and the features of its organization. The material was the generalized functional qualities of the image in the artistic text, formulated by the author based on the analyzed studies in philology, as well as a result of the work carried out on the interpretation of lyrical texts from Russian classical literature. The author comes to the conclusion that the artistic image is functional and subordinated to the regulatory nature of the text.

Key words: functional quality, artistic text, image, regulativeness.

В одной из своих книг Людвиг Рихтер вспоминает, «как однажды, будучи еще юношей, он вместе с тремя товарищами затеял написать в Тиволи уголок пейзажа, причем и он и его товарищи твердо решили ни на волос не отклоняться от природы. И хотя оригинал у всех был один и тот же, и каждый добросовестно держался того, что видели его глаза, все же получились четыре совершенно различные картины – настолько различные, насколько различались личности четырех художников. Отсюда автор воспоминаний выводит заключение, что объективного видения не существует, и что форма и краска всегда воспринимаются различно, смотря по темпераменту художника» [4, с. 3].

Применим этот пример и к произведениям словесного искусства. Один и то же общепонятный в онтологическом мире предмет-денотат выражен, «показан» читателю в словесной форме. От того, как он изображен, зависит его восприятие, «узнавание» или «неузнавание» его дифференциальных признаков читателем. Здесь проявляет себя известное в теории искусства противопоставление «что» и «как» (по Р. Барту, денотативный и коннотативный аспекты: «что» – исходный смысл, аналог внешнего мира, и «как» – стиль изображения [1]), получающее свое наполнение в зависимости от вида искусства и используемой по отношению к нему объяснительной теории. Самый важный момент, отражающий специфику процесса «узнавания» или «неузнавания» из

текста какого-либо предмета-денотата, связан с тем, насколько сильно он изменен, преобразован в результате воздействия автора на субстанцию.

Цель предлагаемой статьи состоит в характеристике функциональных качеств изображения в художественном тексте, в частности, в раскрытии действия факторов, каузирующих системную организацию языковых средств. Учет совокупности таких факторов позволяет прогнозировать формирование у читателя мыслительного представления, которое способствует адекватному восприятию художественного текста.

Понятие изображения изначально закрепилось как термин из теории изобразительных видов искусства (живопись, фотоискусство, скульптура, монументальное искусство). Согласно данному взгляду, нанесенная художником на полотно краска распределяется по плоскости, образуя оптическую композицию, воспринимаемую зрителем как изображение. Механизм этого процесса построен на принципе подражания действительности, отражаемой в сознании мастера. Целостное изображение состоит из *изображаемого* – центрального образа, нарисованного художником с целью воплощения художественного замысла, и *изображающих средств*, с помощью которых и достигается в реальной перцепции воздействие. Восприятие картины происходит путем зрительного контакта реципиента с ее поверхностью, в результате чего изображаемое декодируется им в форме узнаваемых оптических объектов, т.е. воспроизведение изображенного осуществляется через зрительный канал синтеза информации.

В прямом смысле слова в произведении словесного искусства речь об изображении вестись не может, поскольку «специфика изобразительного начала в литературе во многом предопределена тем, что образность в данном случае оформлена в слове» [3, с. 20] и зрительный канал не участвует в синтезе непосредственно воспринимаемой информации. Конечно, чтение письменного текста задействует одно из наших чувств перцепции, но поскольку восприятие опосредовано декодированием графических (при чтении) или фонических (при слушании) знаков в мыслительную информацию, а сама эта информация не тождественна сумме нормативных значений использованных в тексте знаков, возникает проблема сущности изображенного и ее лингвистического описания.

Сущность лингвистического исследования механизма изображения состоит в том, чтобы ответить на следующие вопросы: как в сознании читателя представляется и в каких формах отражается авторское преобразование мира, а также каковы его (преобразования) механизмы собственно речевого воплощения в художественном тексте?

В современной лингвистической науке одно из существующих истолкований литературного произведения – это понимание художественного текста как «особым образом осмысленной и эстетически преобразованной автором действительности» [5, с. 24]. В этой характеристике для нас наиболее важным является понятие преобразования, поскольку, согласно регулятивной теории языка, когнитивным инвариантом текста выступает осмысленное автором противоречие между «должным» и «желаемым» [10]. Специфика изображения в этом смысле заключается в том, что она оказывается функционализированной в условиях вторичной референции, что позволяет обеспечить необходимое воздействие [9]. Функциональность изображаемого обусловлена необходимостью построения у читателя такого мыслительного представления, в котором отражаются элементы обыденной и индивидуально-авторской картин мира. Именно благодаря коллизии таких элементов достигается представление об идеале как результате преобразования предмета изображения.

Проведенный нами анализ работ по философии искусства, лингвистике и литературоведению, а также собственное исследование позволяют говорить о ряде

конститутивных признаков изображаемого как языковой категории произведения литературы:

1. *Перцептивность*: с позиции реципиента, изображение – это явление, психически переживаемое, экспрессивное; представляется возможным говорить о воспроизведении изображенного с помощью введения читателя в состояние мыслительного представления – средства перевода двустороннего семиотического кода в одностороннюю идеальную систему, что обеспечивается работой памяти, внимания, воображения и степенью сформированности читательской компетенции.

2. *Универсальность*: принципиальной особенностью изображающих техник в художественном тексте является доступность в создании любых образов, что объясняется спецификой семиотического материала. В живописи, например, невозможно так организовать оптические средства, чтобы они могли передать фонические структуры. Следовательно, словесными формами можно изобразить и звуковые, и пластические, и чисто умозрительные референты.

3. *Антропоморфность*: изображенное неизбежно хранит усилие, «след» изображающего движения автора, т.е. в самом устройстве языковой субстанции, восприятие которой в состоянии функционального декодирования текста способно привести к пониманию, заложены индивидуальные особенности такого движения.

4. *Элективность*: художественное изображение избирательно по отношению к референтному пространству текста, поскольку отражает сосредоточенность автора на отдельных, но существенных, с его точки зрения, фрагментах действительности.

5. *Отсроченность воспроизведения*: восприятие изображенного отстает во времени и пространстве от акта творения артефакта, т.е. он может быть прочитан не «здесь» и «сейчас», а «везде» и «всегда» в том случае, если соблюдено условие сохранности семиотической фиксации (вся совокупность знаков на бумаге или на плоскости электронного устройства может быть дешифрована). Следовательно, текст «свободен от необходимости быть современным, актуальным, модным. Его красота и истинность не зависят от нравов и вкусов и пребывают неповрежденными в потоке времени» [8, с. 86].

6. *Темпоральность*: изображенное воспринимается субъектом по стреле времени, т.е. необходим некоторый промежуток времени, чтобы текст был прочитан, осмыслен и понят. Р. Ингарден писал об этом явлении следующим образом: «...в случае литературного произведения совершенно исключено, чтобы мы могли какое-нибудь произведение «схватить сразу», «за одним разом», даже в случае сравнительно коротких произведений. Исключение составляют лишь произведения настолько короткие, что их чтение помещается в рамках одной данности, но и тогда сохраняется известный порядок поочередного восприятия, например частей одного предложения. В этом случае можно сомневаться в том, возможно ли уловить смысл предложения «сразу» после поочередного прочтения его частей» [6, с. 378].

7. *Дискретность*: данное свойство связано с предыдущим, поскольку изображенное представляется возможным воспринять в течение времени только по частям, фрагментам, переходя от одного «схваченного» компонента к другому. Дихотомия часть vs целое в данном случае обусловлена самой природой человеческого сознания, постигающего Универсум в форме отдельного [11]. Уместно будет упомянуть здесь описываемый Б. А. Успенским прием «утеснения поля зрения», на который ссылается Е. Д. Майорова: «...в средневековой живописи листва деревьев изображается как пара листьев, толпа как тройка персонажей и т.д. В литературе подобный прием можно найти в «Илиаде» Гомера, где битва показана как цепь следующих друг за другом отдельных поединков» [7, с. 21–22]. Целостность воспринимается человеком не в форме континуума, а как что-то, состоящее из чего-то более простого, элементарного. Думается, наиболее сложным в этом отношении

представляется именно соединение, «спайка» элементов в единое целое, обладающее функциональными качествами и отражающее замысел автора. Поэтому дискретность, которая предопределяет восприятие реципиента, создает для него серьезное препятствие на пути познания идейно-образного содержания, отдаляя субъект от целостности изображенного. В сущности, цель работы над текстом состоит в преодолении дискретности информации, т.е. осуществлении синтеза смыслов из фрагментов изображенного через мыслительное представление его как непрерывного понятийного континуума. Сознание смысла текста как непрерывности открывает перспективу для истолкования соотношения его связности и целостности: связность – характеристика речевого стиля (отсутствие алогизма, т.е. нефункциональных элементов), целостность – характеристика текста с позиции интерпретации (возможность непротиворечивого понимания текста через его связность на основе определенной системы навыков).

8. *Когнитивность*: изображение предмета – следствие «выдвижения» некоего компонента картины мира автора, иными словами – результат трансгрессии и построения структур вторичной референции, позволяющих транслировать осмысленное с позиций авторского идеала нетривиальное содержание.

9. *Качество изображаемого*: проявляется в системной организации речевых структур как следствии языковой трансгрессии и в самом способе изображения. Первое обусловлено навыками речевого изображения, мастерством автора; второе – намеренным «искажением» изображаемого, что и определяет меру воздействия на читателя. То, что мы назвали «искажением», следует признать в высшей степени функциональным явлением, поскольку само «остранение», по Б. В. Шкловскому [12], и позволяет «настроить» произведение для введения сознания читателя с его эмоциональными переживаниями в особое состояние подверженности чужому взгляду (транслирование идеала автора как разрешаемого противоречия между «должным» и «желаемым»). В результате создания такого текста качество изображаемого становится экспрессивным, способным к осуществлению регуляции – воздействия на картину мира читателя.

10. *Непроизвольность*: результат действия двух составляющих, в частности: выбора номинативного варианта семантемы и создания сверхфразового единства по принципу распространения этого номинативного варианта – знака референта, выполняющего в тексте функцию изображаемого. М. М. Бахтин писал: «Совершенно недопустимо исходить из изображенного, минуя первичную организацию изображающего тела. Особенность искусства именно в том и заключается, что, как бы ни было значительно и важно изображаемое, само изображающее тело никогда не становится только технически служебным и условным носителем изображения» [2, с. 53]. Поскольку «изображающим телом» в нашем случае выступает текст, семиотически организованный и зафиксированный, именно его ткань является носителем информации изображенного, и каждый элемент такого объекта служит определенной цели.

Таким образом, художественное изображение необходимо занимает позицию основного объекта изучения в работах по поэтике, стилистике текста и лингвистической герменевтике. Актуальность данного направления бесспорна, поскольку пока не будут разработаны лингвистически обоснованные принципы анализа техник художественного изображения, сам термин «изображение» будет создавать условие неразрешимости проблемы описания взаимосвязи между способностью текста воздействовать на реципиента и его функциональной организацией.

Список использованных источников

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт ; пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с.

2. Бахтин, М. М. Формальный метод в литературоведении / М. М. Бахтин. – Москва : Лабиринт, 1993. – 207 с.
3. Борисова, Е. Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике / Е. Б. Борисова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. – С. 20–26.
4. Вёльфлин, Г. Основные понятия истории искусств : учебное пособие / Г. Вёльфлин. – 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург : Лань ; Планета музыки, 2020. – 244 с.
5. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) / М. Я. Дымарский. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 240 с.
6. Ингарден, Р. Исследования по поэтике / Р. Ингарден ; пер. с польского А. Ермилова и Б. Федорова. – Москва : Изд-во иностранной литературы, 1962. – 572 с.
7. Майорова, Е. Д. Изображение и слово в художественной культуре итальянского Возрождения (XIV–XV вв.) : специальность 5.10.1. «Теория и история культуры» : дис. ... канд. филос. наук / Е. Д. Майорова. – Москва, 2023. – 211 с.
8. Михайлова, М. В. Эстетика классического текста / М. В. Михайлова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. – 296 с.
9. Рудяков, А. Н. Homo textus: человек в паутине текстов, или учебник чтения для умеющих читать / А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев. – Симферополь : МСП «Ната», 2007. – 176 с.
10. Рудяков, Н. А. Основы анализа художественного текста / Н. А. Рудяков. – Киев : Наукова думка, 1989. – 151 с.
11. Соколовская, Ж. П. «Картина мира» в значениях слов: («семантические фантазии» или «катехизис семантики?») / Ж. П. Соколовская. – Симферополь, 1999. – 232 с.
12. Шкловский, Б. В. Искусство, как прием / Б. В. Шкловский // О теории прозы. – Москва : Федерация, 1929. – 266 с.

УДК 81'42

**ТЕКСТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КАРТИНУ МИРА И СИСТЕМУ ЦЕННОСТЕЙ ЧИТАТЕЛЯ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
Г. АДАМОВИЧА «ЕСЛИ ДНИ МОИ, МИЛОСТЬЮ БОГА...»)**

Н. В. Зубенко,

*преподаватель кафедры русской филологии и русского языка как иностранного,
Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО
«Севастопольский государственный университет», Севастополь,
аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.
Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается функционализм как магистральное направление лингвистической парадигмы XXI века, ядром которой выступает понимание языка как инструмента, средства, способного осуществлять конкретные коммуникативные цели и намерения говорящего, связанные в первую очередь с наведением «порядка» в сознании собеседника. Текст как одна из форм существования языка, порождаемый авторской интенцией, выступает орудием, способным воздействовать на картину мира адресата за счет порождения смыслов, заключенных в своей структуре. Асимметрия художественного текста как семиотического знака,

порождающая множество образных смыслов, является тем эстетическим феноменом, который выступает в качестве ценностных ориентиров автора текста, а затем и читателя: в результате декодирования смысла происходит воздействие на картину мира читателя, определяющую его ценностные ориентиры.

Ключевые слова: текст, функциональный, интенция, инструмент воздействия, система ценностей.

Summary. The article considers functionalism as the main direction of the linguistic paradigm of the XXI century, the core of which is the understanding of language as a tool, a means capable of realizing specific communicative goals and intentions of the speaker, associated primarily with the introduction of “order” in the mind of the interlocutor. The text as one of the forms of language existence, generated by the author’s intention, acts as a tool capable of influencing the addressee’s worldview through the generation of meanings contained in its structure. The asymmetry of the artistic text as a semiotic sign, generating a multitude of figurative meanings, is the aesthetic phenomenon that acts as a value orientation of the author of the text, and then of the reader: as a result of decoding the meaning there is an impact on the reader's picture of the world, which determines its value orientations.

Key words: text, functional, intention, instrument of influence, value system.

Функционализм как современная лингвистическая парадигма все больше признается учеными в качестве магистральной (В. Г. Гак, Ф. С. Бацевич, А. В. Бондарко, В. З. Демьянков, Ю. В. Дорофеев, В. И. Заика, А. А. Кибрик, А. К. Киклевич, Т. А. Касмеда, В. Б. Касевич, О. В. Лещак, А. Н. Рудяков, М. А. Шелякин и др.). Это определяется, с одной стороны, исчерпанностью структурализма, связанного с ограниченностью познания, не позволяющего расширять «функционал» естественного языка [14], с другой, – все больше увеличивающейся значимостью языка в социуме, сопряженной с его онтологической и функциональной сущностью [4, с. 51]. При этом объект и набор данных лингвистического исследования остается прежним, меняется лишь подход к изучению и анализу языка в новой «системе координат» [7]. Формирование функционализма на фундаменте структурализма позволило соединить в себе все его положительные стороны с учетом пробелов. Ядро, вокруг которого развивается функциональная лингвистика, – это понимание языка как инструмента, орудия, средства, способного осуществлять конкретные цели и реализовывать конкретные намерения [6, с. 217]; поэтому природа и сущность языка определены его функцией, реализующей «коммуникативные потребности говорящего» [16]. Следовательно, текст, будучи одной из форм существования языка [2; 4; 5; 13], «есть инструмент воздействия на картину мира партнера по социальному взаимодействию» [13, с. 5], являющийся субъективным отражением объективного мира через чувственную призму.

Согласно концепции Р. Якобсона, процесс коммуникации включает в себя как адресанта, так и адресата, на которого непосредственно направлено сообщение и который в немалой степени влияет на его природу [18].

Если речь идет о создателе любого текста, художественного в том числе, то здесь корень, дающий жизнь коммуникации как процессу, является авторская интенция, обуславливающая структуру и семантическое пространство текста таким образом, чтобы он был способен к координации, наведению порядка в сознании реципиента, т.е. «создать в сознании слушающего такую картину, которая бы отвечала интересам говорящего, чтобы, в конечном счете, произошла знаковая координация деятельности участников общения» [8, с. 14].

Регулятивность текста рассматривается в работах Н. С. Болотновой, Ю. В. Дорофеева, В. Г. Гака, Р. В. Забашты, Е. С. Кубряковой, В. В. Красных, Н. С. Курбаковой, Ю. М. Лотман, З. Я. Тураевой, А. Н. Рудякова, Н. А. Рудякова и др. Текст, выступая посредником, медиатором между участниками коммуникации

является, с одной стороны, результатом закодированного смысла и результатом декодирования этого смысла, – с другой; причем, по своему объему, глубине, адекватности понимание может как превышать, так и незначительно/значительно быть меньше, но никак не может быть тождественным смыслу, заложенному автором, так как воспринимаемый текст «трансформирует самоосмысление порождающей тексты личности и переводит уже имеющиеся сообщения в новую систему» [9, с. 37–38].

В лингвистике существование единого основания типологии текстов, удовлетворяющего «разновзглядность» исследователей, не больше, чем иллюзия [15]. Это связано как с многомерностью самого феномена текста, так и с разностью подходов к его исследованию.

В основании наиболее распространенной классификацией всего многообразия текстов лежит «значительность» смыслов, т.е. возможность порождать один и более смысл. В концепции исследователей это деление определяется как: тексты продуктивной и традиционной семантики (А. А. Брудный), тексты художественных произведений и все прочие (Г. А. Золотова), жесткие/мягкие (Л. Н. Мурзин), тексты «о субстанциях и функциях» и тексты «о ценностях» (А. Н. Рудяков). «Нехудожественные» тексты обусловлены стремлением к вычленению одного смысла, причем, наиболее тождественного замыслу автора, художественные – к множеству смыслов, порождаемых асимметрией художественного текста как семиотического знака.

Наряду с буквальным смыслом в художественном тексте скрыт от непосредственного наблюдения образный смысл за «особой» упорядоченностью языковых единиц, выбор которых обусловлен «их речевыми потенциями», которые на основании постулата «единство формы и содержания», служат «инструментом воздействия на читателя» [5, с. 461].

В отличие от «всех прочих» текстов, основу художественного текста составляет «ценностный смысл», заключенный в структуре текста. А рассмотрение текста как орудия регуляции, дает основание сделать вывод о том, что подобные тексты формируют в сознании читателя ценностные ориентиры, определяя систему ценностей читателя (а в некоторых случаях и «перепрошивая» ее) самого высокого порядка, такие как доброта, любовь, уважение, искренность, счастье, совесть, честь, достоинство и т.д.

Ввиду того, что смысл не содержится непосредственно в тексте, а прямо пропорционален процессу понимания, адекватность, полнота, точность которого зависят от объема уже имеющихся смыслов в сознании реципиента, включающие в себя в том числе индивидуальный опыт и способность к декодированию текста. Анализ таких текстов должен учитывать цель создания текста и выявлять образный смысл, скрытый структурой самого текста, что соответствует функциональному подходу к анализу текста.

Смысл, будучи одновременно результатом и объектом понимания, выступает в тесной связи с содержанием, которые в совокупности представляют собой так называемую дихотомию семантики текста. В рамках данного исследования наше внимание сосредоточено на понимании текста, так как именно оно продуцирует регуляцию миропонимания читателя и координацию его ценностных ориентиров.

В мире, «потонувшем» в хаосе разнородной, противоречивой, «пустой» информации, человеку все сложнее вычленять из потока информационного шума действительно важную, значимую, ценную информацию. «Крепкие умы» стараются адаптироваться к действительности, развивая так называемую «когнитивную гибкость» (термин Н. М. Нестеровой), развивая трансцендуальное мышление, включающее в себя информационную «гигиену», ограничение информационного потока и повышение качественного потока информации [11]; более «слабые умы» погрязают в этом потоке,

утрачивая способность управлять им, что в результате размывает систему координат человека.

Художественный текст в современных реалиях выступает тем инструментом, посредством которого автор способен сформировать или же выявить систему ценностных координат читателя.

Концепция орудийности текста А. Н. Рудякова определяет, что импульсом, порождающим текст, выступает конфликт между «данным» (тем, как предмет или явление действительности представляется в коллективном, обыденном сознании) и «должным» (тем, как представляется автором этот предмет или явление действительности с позиции идеала) [13; 14 и др.]. В сплетении текста за счет соотносительности языковых единиц, обнаруживается тот новый смысл, заключенный в первую очередь в стержневом элементе, воплощающий в себе семантический сдвиг.

Стихотворение Г. В. Адамовича «Если дни мои, милостью Бога...» [1] при рассмотрении в функциональном аспекте обнаруживает в себе интенцию автора, заключенную в структуре текста, декодирование которой повлияет на сознание адресата, к которому автор обращается в тексте.

Исходная часть представляет собой «прелюдию» к тексту завещания, которое хочет оставить автор, находясь на пороге смерти, единственным желанием которого является «прожить немного... Хотя бы только до этой весны», чтобы прожить по-новому. Но увы!

Единственное, что может сделать автор, когда дни его сочтены – оставить завещание. В толковых словарях русского языка слово «завещание» интерпретируется как «устное или письменное распоряжение (преимущ. о наследстве) на случай смерти, а также вообще посмертная воля» [12]; 1. «Документ, в котором кто-нибудь дает распоряжение о своем имуществе на случай своей смерти» и 2. «перен. Посмертная воля, то же, что завет» [17].

В тексте стихотворения завещание автора – не юридический документ, а посмертная воля, завет писателя – наставление, совет последователям, потомкам [12; 17]. Соотнесение языковых единиц «прах – искусство», «брат мой, друг мой» обнаруживает, что завет адресован соратникам, «коллегам по цеху», поэтам-современникам и поэтам-потомкам.

Семантическая заусеница «От всего отрекаюсь» заставляет задуматься над тем, что для умирающего прежде в жизни было главным. Здесь срабатывает обыденное представление, что для поэта истинную ценность и смысл всей его жизни, его предназначения представляет искусство и служение ему. Но, когда «срок исполнился», происходит переосмысление, в котором и проявляется противоречие: искусство – прах. Языковая единица «прах» имеет следующее значение – то, что «недолговечно, ничтожно, малоценно» [12; 17]. Следовательно, осознание, что искусство – ничтожно, малоценно, «мерзость и скука», приводит к преломлению ценностного приоритета, которым теперь для автора становится «страдание» – душевные муки, нравственная боль.

Частица с выделительно-ограничительным значением «только» не допускает альтернативы. Страдательный залог глагола «дается» выявляет, что страдание определено судьбой и человек не властен над ним. Следовательно, страдания, уготованные судьбой – это дар, который способен открыть твоё сердце и душу миру. Именно страдания избавят тебя от «нищеты и темноты души», не позволят погрязнуть в мерзости и скуке. Преодоление страданий – переоценка ценностей. Испытывая предсмертные страдания, автор будто прозревает: все, что им создавалось, воспевалось, чему он отдал свое служение, – ничтожно, поэтому он отказывается от всего прежнего и дает зарок: «Ни звука О другом не скажу я вовек», потому что «другое» – прах. Автором осознается, что человеческая душа абсолютно равнодушна к окружающему

миру, косна, не желает действовать, ее привлекает только праздность, не давая душе развиваться, оставляя человека абсолютно духовно слепым, не позволяет стремиться к обретению света: «Нищ и темен душой человек».

Единственное, что может заставить развиваться, обогащать, возвышать свой внутренний мир – страдание, которое является, по мнению автора, «сияньем» – то значительное, которое не позволяет человеку сойти с ума, не позволяет душе утратить человеческий облик. Ведь то, что человек ходит на двух ногах, орудует вилкой и ложкой, не представляет никакой ценности, значимости. А вот душа, мысли и чувства определяют его значимость/ незначительность в обществе.

В заключительных строках стихотворения автор обращается к поэтам-современникам и поэтам-потомкам: «Брат мой, друг мой, не бойся страданья Как боялся всю жизнь его я...», потому что страдание в авторской картине мира – награда, которая способна пробуждать душу, определять истинные ценности человека; это «сиянье», которое является путеводной звездой, избавляющей человека от душевной нищеты и темноты; страдание – это средство, снимающее косный панцирь с души, обнажающее и делающее ее «слышащей», «видящей», «чувствующей», стремящейся к свету, к духовному богатству.

Г. В. Адамович в тексте завещания просит не повторять его ошибок: «Как боялся всю жизнь его я...», потому что понимает, что все созданное «в душевной нищете» творчеством назвать нельзя.

Таким образом, стержневым элементом в стихотворении являются следующие языковые единицы: «прожить», «страданье», «оно», «сиянье», «жизнь», – при соотношении которых слово «страданье» приобретает новое семантическое значение в пределах структуры данного текста: страдание – это награда, сиянье, путеводная звезда, указывающая путь к духовному богатству, культуре, эстетике человека. Страдание – это счастье, позволяющее познать истинные смыслы жизни; для любого поэта – единственная возможность прикоснуться к вечности, к прекрасному. И только страдание может создавать истинное искусство.

К сожалению, автор понял это слишком поздно для себя. Именно это «должное» стало воплощением в тексте, который мы рассматриваем как текст-напутствие, текст-завет, всем поэтам, которые находятся в заблуждении об истинности счастья.

Список использованных источников

1. Адамович, Г. В. Собрание сочинений. Стихи, проза, переводы / Г. В. Адамович ; вступ. статья, сост. и прим. О. А. Коростелева. – Санкт-Петербург : Издательство «Алетейя», 1999. – 560 с.
2. Бернацкая, А. А. Текст / А. А. Бернацкая // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник ; под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск, 2014. – С. 667–669.
3. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика / А. А. Брудный. – Москва : Лабиринт, 2005. – 336 с.
4. Дорофеев, Ю. В. Функциональная парадигма в русистике: от функционирования единиц к регулятивной концепции языка / Ю. В. Дорофеев, Е. А. Журавлева // Русистика. – 2023. – Т. 21. – № 1. – С. 49–63.
5. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Содорова ; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – Москва : Ин-т рус. яз. РАН им. В. В. Виноградова, 2004. – 540 с.
6. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (Опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века ; под ред. акад. Ю. С. Степанова. – Москва : Институт языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.

7. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И. З. Налетова. – Москва : Прогресс, 1977. – 300 с.
8. Курбакова, Н. С. Дейктический потенциал языковых средств в речевой коммуникации / Н. С. Курбакова. – Москва : ИТЦ, 2017. – 229 с.
9. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера–история / Ю. М. Лотман. – Москва : Язык русской культуры, 1996. – 464 с.
10. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск : Изд-во Урал. Ун-та, 1991. – 172 с.
11. Нестерова, Н. М. Смысл и содержание как объект и результат понимания текста / Н. М. Нестерова, А. Н. Котельникова // Вестник ПНИПУ. – Проблемы языкознания и педагогики. – 2023. – № 4. – С. 22–33.
12. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 11.03.2025).
13. Рудяков, А. Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология : учебное пособие / А. Н. Рудяков. – Москва : ФЛИНТА, 2013. – 312 с.
14. Рудяков, А. Н. Функция и язык : к регулятивной парадигме в лингвистике / А. Н. Рудяков. – Москва : Издательский дом ЯСК, 2023. – 216 с.
15. Солганик, Г. Я. Стилистика текста : учебное пособие / Г. Я. Солганик. – Москва : ФЛИНТА, 2001. – 256 с.
16. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок : сб. статей ; сост., ред. и предисл. И. А. Кондрашова. – Москва : Прогресс. – 1967. – 558 с.
17. Толковый словарь русского языка. В 4 Т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 11.03.2025).
18. Якобсон, Р. Работы по поэтике : переводы / Р. Якобсон ; сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. – Москва : Прогресс, 1987. – 464 с.

УДК 811.161.1

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЕ ПОЛЕ И КОНЦЕПТ «КРЫМСКИЙ МОСТ»: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИХОТОМИЯ

Е. А. Коновалова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена анализу концепта «Крымский мост» как ментальной структуры. Цель работы – изучить структурно-семантическую дихотомию между ассоциативно-вербальным полем и концептом. Методы: лингвокогнитивный анализ и семантическое картирование. Основные результаты: выявлены механизмы формирования «семантических мостов» между языковым сознанием и культурным кодом. Выводы: концепт объединяет лингвистические, культурные и эмоциональные компоненты, играя ключевую роль в формировании коллективного сознания. Результаты исследования предлагают новый взгляд на взаимодействие лингвистических и когнитивных слоёв в концептах, актуальный для современных культурно-политических дискурсов.

Ключевые слова: концепт, языковое сознание, ассоциативно-вербальное поле, ассоциативный эксперимент.

Summary. The article is dedicated to the analysis of the concept “Crimean Bridge” as a mental structure. The purpose of the study is to examine the structural-semantic dichotomy

between the associative-verbal field and the concept. Methods: linguo-cognitive analysis and semantic mapping. Main results: the mechanisms of forming “semantic bridges” between linguistic consciousness and cultural code have been identified. Conclusions: the concept integrates linguistic, cultural, and emotional components, playing a key role in shaping collective consciousness. The research results offer a new perspective on the interaction of linguistic and cognitive layers in concepts, relevant to modern cultural-political discourses.

Key words: concept, linguistic consciousness, associative-verbal field, associative experiment.

Введение. В современной лингвистике и когнитивной науке особое внимание уделяется изучению концептов как ментальных структур, объединяющих различные когнитивные слои: лингвистические, образные, эмоциональные и культурные. Концепт «Крымский мост» представляет собой актуальный объект исследования, поскольку он объединяет исторические, геополитические и культурные аспекты, формируя сложную семантическую структуру.

Ассоциативно-вербальное поле, выступая языковой основой концепта, включает лексические единицы и их отношения, отражая поверхностный уровень вербализации. В то же время концепт интегрирует эти элементы в более широкий когнитивный контекст, включающий визуальные, эмоциональные и культурно-исторические компоненты. Эта дихотомия между ассоциативно-вербальным полем и концептом образует эквивалентную оппозицию, обусловленную структурно-содержательной неоднородностью их компонентов.

Целью настоящего исследования является анализ структурно-семантической дихотомии между ассоциативно-вербальным полем и концептом «Крымский мост», а также изучение механизмов формирования «семантических мостов» между языковым сознанием и культурным кодом. Это позволит глубже понять роль концепта в формировании коллективного сознания и его значение в контексте современных культурно-политических дискурсов.

Материалом исследования послужили данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в период с 2018 по 2024 гг. среди обучающихся Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Анализ охватил 1500 анкет, что обеспечило репрезентативность выборки для выявления закономерностей в структуре ассоциативных реакций.

Методология исследования опирается на работы Московской психолингвистической школы [4, с. 15–19; 6]. Многие лингвисты обращаются не к лексическому или грамматическому (лингвистическому), а к ассоциативному значению, обусловленному уникальностью тех отношений, в контексте которых тот или иной объект мыслится в соответствующей культуре [5, с. 632]. А. А. Леонтьев, Н. В. Уфимцева, А. В. Рудакова и И. А. Стернин рассматривают результаты ассоциативного эксперимента как инструмент для решения широкого спектра исследовательских задач [1, с. 16–21; 2, с. 194–208]. Их подход основан на следующих аспектах: исследование языкового сознания, анализ коммуникативных процессов, лингвокультурологические исследования, психолингвистический и когнитивный анализ. Результаты ассоциативных экспериментов позволяют реконструировать структуру образа мира носителей языка, выявляя скрытые смысловые связи между лексическими единицами [3, с. 57; 4, с. 15]. Это особенно актуально для анализа трансформаций в языковом сознании, например, при сравнении данных разных временных периодов.

Ассоциативно-вербальное поле «Крымский мост» функционирует как ключевой элемент языкового сознания русской культуры, демонстрируя особенности ментального пространства носителей языка. Его структура включает лексические единицы, синтагматические и парадигматические связи, а также фонетические,

грамматические, словообразовательные и тематические отношения, что соответствует характеристикам ассоциативно-вербальных моделей. Концепт «Крымский мост» демонстрирует полисемантическую структуру, объединяющую лингвистические компоненты с образно-эмоциональными и культурно-историческими элементами. Его символическая функция проявляется в формировании коллективного сознания через взаимодействие историко-геополитических коннотаций с эмоционально-оценочными маркерами. Ассоциативно-вербальное поле, выступая языковой основой концепта, ограничивается лексическими единицами и их синтагматическими отношениями, в то время как концепт интегрирует эти элементы в когнитивный контекст, включающий визуальные, эмоциональные и культурно-исторические компоненты.

Ассоциативно-вербальное поле «Крымский мост» и одноимённый концепт образуют эквиополентную оппозицию, что объясняется структурно-содержательной неоднородностью их компонентов. В рамках данной оппозиции ассоциативно-вербальное поле, репрезентируя языковую основу, включает ядерные элементы (*путь, переправа, связь, материк, Крым, Керчь*) и периферийные ассоциаты (*коммуникация, жизнь, длина, ездить, ажиотаж, Европа, новости*).

На уровне структурной организации ассоциативно-вербальное поле демонстрирует асимметрию его парадигматические (вертикальные) и синтагматические (горизонтальные) связи ограничиваются лингвистическими единицами, тогда как концепт интегрирует эти элементы в расширенный когнитивный контекст, включая культурно-исторические и эмоционально-ценностные компоненты. Частичное пересечение множеств (общая зона концептуальных признаков) и расширение ассоциативно-вербального поля за счёт включения ассоциатов из смежных семантических полей (например, геополитических, инфраструктурных) составляют структурные особенности эквиополентной оппозиции. Это дихотомия отражает различие между лингвоцентричной моделью ассоциативно-вербального поля и когнитивно-дискурсивной природой концепта, где последний аккумулирует как вербальные, так и невербальные маркеры коллективного сознания.

Концепт объединяет несколько когнитивных слоёв, включая образный (визуальные представления о мосте), эмотивный (патриотизм: *соединяющий, Крым наш, счастливые люди, чудесное будущее*; негатив: *пробки, бесполезность, распил бюджета*), аксиологический (*захватывающий вид, экономия времени, возможности, долгожданный, качественная дорога, лучшая жизнь, красивый, чудо*). На функциональном уровне ассоциативно-вербальное поле выступает как лингвистический конструкт, фиксирующий вербальные реакции носителей языка, в то время как концепт функционирует как ментальная структура, объединяющая культурные, исторические и эмоциональные компоненты. Ассоциативно-вербальное поле включает лингвистический конструкт (фокусируется на вербальных реакциях и лексических ассоциациях) и фиксацию вербальных реакций (отражает лингвистические предпочтения и стилистические особенности носителей языка). Концепт обладает ментальной структурой (интегрирует культурные, исторические, эмоционально-ценностные компоненты) и когнитивной основой (объединяет визуальные, ценностные, эмоциональные слои, обеспечивая глубокое понимание и интерпретацию).

На третьем уровне оппозиции наблюдается частичная корреляция ассоциативно-вербального поля с элементами концепта (например, реакции *море, дорога*), формируя межуровневые интерсемиотические связи между языковым сознанием и культурным кодом. Эквивалентность данной оппозиции обусловлена лингвокогнитивной дихотомией: ассоциативное поле репрезентирует поверхностную языковую структуру (вербализованные реакции), тогда как концепт аккумулирует глубинные когнитивные структуры коллективной памяти (исторические, аксиологические, эмоциональные паттерны).

Крымский мост как элемент окружающего предметного мира подвергается когнитивной обработке и лингвистической репрезентации, что формирует его значимость в индивидуальном и коллективном сознании. Механизмы формирования языкового сознания включают когнитивную фиксацию, вербализацию и языковую интеграцию. Когнитивная фиксация предполагает первоначальное восприятие моста как физического объекта, характеристики которого (местоположение, функциональность, исторический контекст) закрепляются в индивидуальном сознании посредством сенсорных данных и культурных нарративов. Когнитивные операции, такие как анализ, оценка и ассоциация, формируют ментальные представления до их выражения в языке, что предшествует вербализации.

Вербализация и языковая интеграция осуществляются двумя основными способами. Во-первых, языковая картина мира обновляется за счёт включения Крымского моста в лексику, синтаксические конструкции и семантические поля (например, туристы: *туристический поток, приток туристов, восхищенные туристы*; характеристика: *большой, длинный, быстро, комфортно, экономия времени*). Во-вторых, индивидуальные представления трансформируются в коллективные знаки посредством коммуникации и средств массовой информации. Крымский мост демонстрирует двустороннюю связь между сознанием и языком: его восприятие как объекта мира предшествует вербализации, которая, в свою очередь, закрепляет его статус в языковой реальности.

Проведённый анализ показывает динамику трансформации ассоциативных связей в языковом сознании, в котором Крымский мост постепенно теряет связь с образом паромной переправы. Это явление коррелирует с эволюцией инфраструктурного контекста: после завершения строительства моста в 2018 году его функциональная роль как единственного стабильного транспортного коридора между Крымом и материковой Россией стала доминировать в когнитивных моделях. Происходит смещение семантических акцентов, например, в современных дискурсах преобладают ассоциации с символикой интеграции (артерия единства, связь с материком, соединяющий) и техногенными рисками (авария, опасность, взрыв, теракт, обвал), в то время как образ паромной переправы отходит на второй план. В российском контексте мост кодируется как инструмент суверенитета, объединения. Это формирует ассоциативные паттерны, в которых функциональная роль объекта взаимодействует с геополитическими коннотациями (*последний этап присоединения, величайшая постройка, Крымская весна, связь России и Крыма*). Трансформация ассоциативного поля Крымского моста отражает динамику языкового сознания, в котором инфраструктурные изменения и политические нарративы пересекаются, формируя новые когнитивные модели. Исследование показывает, как Крымский мост, будучи элементом предметного мира, подвергается когнитивной обработке и лингвистической репрезентации, что способствует его значимости в индивидуальном и коллективном сознании. Этот процесс включает интеграцию моста в различные дискурсы, где он становится символом интеграции, суверенитета и геополитических противоречий, влияя на формирование коллективного сознания через взаимодействие с культурными и историческими контекстами.

Стереотипное восприятие Крымского моста формируется через доминирование образа транспортной артерии, пересекающей водную преграду, что соответствует буквальному значению термина. В эмоционально-оценочном аспекте преобладает позитивная коннотация, связанная с ожиданиями улучшения социально-экономических условий на полуострове. Однако динамичность языкового сознания проявляется в контрасте между официальной символикой и критическим дискурсом, где объект одновременно функционирует как элемент инфраструктуры и политический инструмент.

Список использованных источников

1. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – Москва : Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16–21.
2. Рудакова, А. В. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова / А. В. Рудакова, И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 27. – С. 194–208.
3. Стернин, И. А. К разработке психолингвистического толкового словаря / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 2(12). – С. 57–63.
4. Тарасов, Е. Ф. Московская психолингвистическая школа: истоки, становление, результаты / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 2(12). – С. 15–19.
5. Уфимцева, Н. В. Образ власти по материалам Крымского ассоциативного словаря / Н. В. Уфимцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13. – № 3. – С. 630–647.
6. Язык. Сознание. Коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности) // Материалы II Всероссийской конференции с международным участием. Москва, 8–11 апреля 2024 г. ; ред. коллегия : Н. В. Уфимцева (отв. ред.), В. В. Красных, И. Ю. Марковина, О. В. Балясникова, С. В. Дмитрюк. – Москва ; Ярославль : Канцлер, 2024. – 302 с.

УДК 37.026

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ

А. Н. Рудяков,

*заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания, доктор
филологических наук, профессор, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты лингвистики, связанные с использованием функционального подхода к феномену функциональной грамотности. Цель исследования – обоснование принципиальной зависимости адекватности знаний о языке от методологических предпосылок, которые должны быть функционализированы. Основным методом, применяемый в работе, это функциональный метод понимания объекта, а также концептуальное положение, связанное с двучастной организацией артефакта, каузирующей его функцию. В качестве материала выступают примеры устройства различных реалий, дан их анализ в связи с выполняемой функцией. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что функциональная грамотность есть универсальное качество личности, позволяющее получать адекватное знание о языке.

Ключевые слова: русистика, функциональная грамотность, функция, определение, «острие», «рукоять», адекватное знание.

Summary. The article examines the theoretical aspects of linguistics related to the use of a functional approach to the phenomenon of functional literacy. The purpose of the study is to substantiate the fundamental dependence of the adequacy of knowledge about language on methodological prerequisites that must be functionalized. The main method used in the work is the functional method of understanding the object, as well as the conceptual position associated with the two-part organization of the artifact, causative of its function. The material is examples of the structure of various realities; their analysis is given in connection with the function performed. As a result of the study, the author comes to the conclusion that

functional literacy is a universal quality of a person, allowing one to obtain adequate knowledge of the language.

Key words: Russian studies, functional literacy, function, definition, “blade”, “handle”, adequate knowledge.

Проблема, на мой взгляд, заключается в том, что феномен функциональной грамотности должен быть понят и описан функционально грамотно. Функциональная грамотность – это не просто красивое выражение, это единственно возможный способ выживания в нашем мире. И овладение этим способом выживания – не прихоть ученых и методистов.

Мир вокруг нас насквозь функционален. Миром правит функция. И если я, ты, мы не научимся это видеть, мы не сможем успешно жить в этом мире.

Как ни парадоксально это звучит, функциональная грамотность понимается не совсем функционально. И недостаток осознанности обрушивается на плечи нашего учительства. И подчас, читая то, что написано о функциональной грамотности и адресовано учителю, вспоминаются замечательные строки из наследия Леонида Филатова:

*«Исхитрись-ка мне добыть
То-Чаво-Не-Может-Быть!
Затиши себе название,
Чтобы в спешке не забыть» [3, с. 16].*

Не стоит думать, что необходимость «формирования функциональной грамотности» или что – и это правильнее – умения видеть мир функционально возникли только несколько лет назад.

Нет, конечно! Это, без преувеличения, вечная проблема. Не думаю, что наш знаменитый баснописец Иван Крылов читал что-нибудь из всего того, что наваяли современные «функциональные грамматисты», но и он в своих замечательных произведениях писал о том, как важно видеть мир правильно, то есть видеть сущность вещи, понимать эту сущность и на основании этого понимания правильно ее использовать. Да, сущность вещи и смысл ее существования в нашем с вами мире функциональна. Вот Крылов и пишет о том, как искаженно видит мир функционально неграмотный человек.

*Мартышка и очки
«Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть! – говорит она, – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне нагнали;
А проку на-волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.*

*К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,*

*Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит» [1, с. 9].*

Если бы мне доверили провести урок, посвященный объяснению того, что такое функциональная грамотность, то я бы ничего, кроме басни Крылова вообще бы не использовал. Все, что нужно для того, чтобы четко понять, как должен видеть мир образованный – то есть видящий мир функционально – человек, есть в этом коротком тексте...

И странно, ведь Иван Андреевич ничего не слышал о PISA и о «смысловом чтении», а как «функционально грамотно» все изложил. И возникает крамольная мысль, что если великий баснописец, ничего не слышавший о модных веяниях 21 века, оказался уже в веке 18 функционально грамотным человеком, так, может быть, мы и до «открытия» «функциональной грамотности» уже учили детей быть «функционально грамотными», только иначе все именовали.

Конечно, проще всего сказать, что мартышка просто глупое животное, не видящее очевидных для любого нормального человека вещей. «Нормального», то есть понимающего, для чего вещь предназначена, какова ее функция, то есть для чего она возникает и существует в нашем мире.

Да, спору нет, в этой простой ситуации с очками все мы нормальны в отличие от бедной мартышки, которая так и не стала хорошо видеть. А если вместо заведомо понятных нам очков поставить что-то более сложное? Например, какая-нибудь компьютерная программа? Или, например, функциональная грамотность? Как бы нам не стать похожими на героиню басни. Поэтому давайте разбираться, в чем же причина мартышкиного фиаско.

Для начала – и я призываю и заклинаю вас, коллеги, всегда для начала так поступать в любых ситуациях – вспомним, что такое очки, то есть, иначе говоря, освежим в памяти определение очков. Здесь для нас сгодится и Википедия, поэтому находим и читаем:

«Очки – самый распространённый из оптических приборов, предназначенный для коррекции человеческого зрения при оптических несовершенствах глаза либо для защиты глаз от различных вредных воздействий. Очки состоят из линз, стеклянных или пластиковых, удерживаемых оправой, с прикреплёнными к ней дужками...». Очень правильное определение, и эту принципиальную правильность надо запомнить: сначала – функция, то есть то, для чего очки есть в мире человека, потом – устройство, потому что именно функция определяет то, как вещь устроена. Кстати, после разговора о басне Крылова покажите детям, как очки возникали и как совершенствовались. Прекрасный материал для того, чтобы наглядно показать, каким образом функция ищет для себя идеальное материальное воплощение...

«Лизабельны» ли очки? То есть можно ли их лизать? Да, несомненно! «Темяприжимабельны»? Конечно! Можно ли очки нанизывать на хвост? Да, да, да, они с этими своими дужками просто просятся нанизаться на такой чудесный мартышкин хвост! Все это можно с очками делать. И мартышка вполне могла бы создать даже некое наукообразное описание очков. Это могли бы быть такие данные, как количество пар очков, которое можно разместить на хвосте. Или с какой силой можно прижимать очки к темени. Или законы нюханья очков... И так далее. При этом все таким образом собранные сведения были бы истинны. Правда, они не имели бы ничего общего с сутью очков как оптического прибора для корректировки зрения... Но такое несоответствие в наших науках встречается достаточно часто...

Рискните и попросите учеников на нашем гипотетическом уроке о функциональной грамотности придумать, что еще можно делать с очками, если бы Иван Андреевич писал не короткие басни, а, скажем, поэмы.

И кстати, попросите класс вспомнить и описать похожие ситуации из своего собственного опыта: когда они были похожи на мартышку и не могли справиться с каким-то предметом или процессом. Это важно для того, чтобы планировать свое дальнейшее образование, для того, чтобы знать, куда двигаться дальше.

Но все же, в чем же именно ошибка бедного животного? Нам предельно важно точно это осознать, чтобы двигаться дальше в деле постижения феномена функциональной грамотности.

Ведь мартышка знает, для чего нужны очки! Она хочет улучшить свое зрение. Верно? Верно! Очки именно для этого и возникают в мире человека. Коррекция нашего зрения есть функция очков.

А разве надевание очков на хвост не функция? Нет!!! Но это очень хороший вопрос. Дело в том, что помимо основной и главной функции, которая и порождает само существование носителя этой функции, у него могут и другие применения, использования и эффекты – функциональные качества.

Итак, героиня басни Крылова знает, что очки для исправления зрения. В чем же ее ошибка?

Мы многое уже сделали, наблюдая за мартышкой. Мы увидели, что функция – это то, ради чего вещь (пока говорим только о вещах и предметах) возникает на белом свете. И мы почти уже подошли к осознанию важной мысли о том, что ответ на вопрос «Что это такое?» предполагает ответ на вопрос «Для чего это предназначено?».

Все, что окружает нас в нашем мире, – вещи, знаки, тексты, методы, средства, лекарства, строительные материалы... Словом, все, все, все – это орудия и инструменты, с помощью которых человек преобразует мир. Это все то, что заставляет нас быть функционально грамотными.

Не удивляйтесь, но все эти простые, с одной стороны, и сложнее – с другой – орудия, устройства, приспособления и инструменты состоят всего из двух основных функциональных частей! Обратите внимание, я сказал «частей»!!! Это важно: не элементов, то есть не предельно малых частиц, а основных частей, на которые можно разложить целое.

В книге «Топоры и тексты...», в которой я писал о том, что тексты – такие же инструменты, как и топоры, я назвал эти части «острие» и «рукоять».

И сейчас я должен написать на первый взгляд странную фразу: мартышка не знала, где у очков острие, а где рукоять. Не знала, потому что она функционально неграмотна. А функционально грамотный человек всегда знает не только, каково предназначение инструмента, но и где у инструмента острие – то, что обеспечивает выполнение этим инструментом своей функции.

Любой инструмент, любое орудие, любое устройство предназначено для воздействия на что-то в мире. И у всех у них есть часть, которая и предназначена непосредственно для воздействия. Это – «острие».

А есть часть, которая обеспечивает «доставку» этого «острия» к объекту. Это есть «рукоять». Одно без другого бесполезно и абсурдно.

Настоятельно рекомендую не скупиться на то время, которое вы уделите игре в «острие-рукоять». Не видел еще аудитории, которая бы этой интеллектуальной «игрой» не увлеклась и не начала выдумывать вопросы «покруче», чем «где острие в легковом автомобиле?».

Почему это так важно? Да потому что это и есть критерий осознанной функциональной грамотности: если ты способен видеть «острие» и «рукоять» вещи как главные функциональные составные части, значит «яблоко Ньютона» упало тебе на темя, и ты осознал, в каком именно насквозь функциональном мире мы живем. Ведь как было до открытия сэра Исаака? Люди жили в мире, который весь без малейшего исключения был подчинен действию закона всемирного тяготения. И не ведали этого.

А потом стали ведать. Так и с нашей функциональной грамотностью: мы овладеваем ею с младенчества, с каждым новым шагом постижения нашего лучшего – и до малейшей мелочи функционального – из миров... и только сейчас осознаем ее важность и необходимость.

Но вернемся к нашим функциональным частям. Итак, я утверждал, утверждаю и буду утверждать (да, именно так: я считаю это своим открытием, о котором я не раз писал в своих книгах), что все наши людские орудия и инструменты устроены изоморфно: у всех воздействующая часть («острие») и часть, обеспечивающая «доставку» этого «острия» к объекту («рукоять»).

Перейдем к примерам. Обычно на лекциях в университете перед студентами или в институте перед слушателями курсов повышения квалификации я начинаю с шила. Простого и понятного инструмента. Все знают, что такое шило. Но лучше уточнить. И взять за правило сначала искать определение вещи: без этого точно определить функциональные части невозможно (подробнее см.: [2]).

Итак, «шило» – «игла с рукоятью. Используется закройщиками и сапожниками для прокалывания плотных материалов, к примеру, кожи».

Здесь все наглядно и понятно. Есть металлическое острие иглы – «острие» инструмента, есть деревянная рукоять – «средство доставки» острия к месту, в котором нужно проделать (проколоть) отверстие.

С этой задачей аудитория всегда справляется легко и просто. Эх, все бы в нашем мире было таким легко и просто постигаемым... Напомню: мы должны в итоге отыскать «острие» мартышкиных очков...

Пойдем дальше. И возьмем швейную иглу. Простую металлическую швейную иглу. И попробуем отыскать «острие» и «рукоять» в этом случае. Сразу напомню: начинать нужно с определения!!!

Что такое швейная игла? Ответ находим легко: «ручные швейные иглы – иглы для ручного шитья, вышивки, штопки». Здесь нам придется «расшифровать» феномен шитья. Нам достаточно примитивного понимания в качестве соединения кусков ткани с помощью нити...

И? Где «острие» швейной иглы? Совпадает ли оно с острым концом металлического стержня? На первый поверхностный и абсолютно не функциональный взгляд – да! По сути дела – нет! «Острием» швейной иглы, предназначенной для соединения тканей с помощью нити, оказывается ушко, без которого игла теряет свою функцию.

Не удержусь и спрошу: нужно ли шилу ушко? Нет! Почему? Да потому что устройство вещи определяется ее функцией. И это закон. Пойму ли я реальное устройство вещи, если не знаю ее функции? Нет! Если я не вижу сущности вещи, я ее устройство не пойму...

И еще одна игла – медицинская, которая – как мы все знаем – предназначена для инъекций, то есть введения лекарственных препаратов в тело человека и животных.

По собственному опыту знаю, что аудитория, наученная опытом со швейной иглой, уже более осторожна с определением «острия» медицинской иглы. Но инерция мышления дает себя знать, поэтому мысль о том, что это – канал, по которому лекарство поступает в организм, приходит далеко не сразу. Но – что радует – никогда не вызывает отторжения.

Нужен ли швейной игле канал внутри? Нет! Почему? Да потому что устройство вещи строго, даже строжайше подчинено ее функции.

Легковой автомобиль. Где «острие»? По опыту знаю: число возможных ответов велико. Там обычно называют руль, мотор, колеса... Когда аудитория слышит, что это не так, начинают вспоминать другие известные детали... Чтобы прервать этот поток отрывочных сведений об устройстве автомобиля, предлагаю вспомнить определение

легкового автомобиля. И оказывается, что это не нечто с рулем или нечто с колесами, а транспортное средство, предназначенное для перевозки людей... И тут кто-то тихо говорит: «салон»! И это совершенно верно. Легковой автомобиль без салона не есть легковой автомобиль.

После этого вопрос о том, каково «острие» грузового автомобиля идет намного легче. Конечно, это кузов. После этого вопрос о том, каково «острие» у велосипеда, почти не вызвал затруднений. Правда, как всегда и бывает, в аудитории наверняка найдется умник, который заявит, что есть велосипеды без седла, но сам и попадет в простую ловушку, которую я подстроил в учебных целях. Я-то говорил о транспортном средстве, а умник – о спортивном снаряде. А это – разные вещи, как и те иглы, о которых мы уже говорили.

Мартышка не знала, где у очков «острие», а где – «рукоять». Вот причина ее фиаско. Да и нашего, коллеги, в тех ситуациях, в которых мы сталкиваемся с вещами непривычными, неизвестными, овладение которыми требует усилий и ... знаний. Беда героини в том, что она не понимает сущности той вещи, которую пытается использовать. Это и есть функциональная неграмотность: неумение понять суть вещи, явления, процесса, слова, текста, закона...

В заключение отмечу, что основа функциональной грамотности – это знания, глубокие адекватные знания. Очевидно, что без того свойства личности, которое сегодня мы так неуклюже называем функциональной грамотностью, в нашем человеческом мире не обойтись. И чем выше ее степень, тем лучше для человека и для общества, в котором он живет, тем лучше для русистики, которая изучает наш язык.

Список использованных источников

1. Крылов, И. А. Басни / И. А. Крылов ; ред. Г. Н. Захарова. – Москва : Лабиринт, 2021. – 48 с.
2. Рудяков, А. Н. Функциональная грамотность. Это просто! / А. Н. Рудяков. – Москва : Просвещение, 2025. – 112 с.
3. Филатов, Л. Про Федота-стрельца, удалого молодца / Л. Филатов // Любовь к трем апельсинам. – Москва : Эксмо-Пресс, 1998. – С. 11–86.

УДК 811.161.1

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ С ИНТЕГРАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ОБРАЗОВАНИЕ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. А. Сегал¹, А. Н. Мищенко²,

¹доктор филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию семантико-прагматических особенностей прецедентных феноменов с интегральным компонентом «образование» в современном медиадискурсе. Многообразие информации, фиксация которой требует не только точности, логичности, но и эстетической, прагматической нагрузки, объясняет широкий ассортимент образных средств, из которых состоит современный медиадискурс, куда входят рассматриваемые единицы. Постоянные отсылки к прецедентным текстам с интегральным компонентом «образование»

указывают на острые вопросы в этой сфере, что свидетельствует об их несомненной значимости: с их помощью авторы медийных сообщений анализируют происходящие изменения в сфере образования, манипулируют общественным сознанием, создают темы для размышлений, вовлекают адресантов в языковую игру, а изучение особенностей функционирования такого рода прецедентных феноменов в современном медиадискурсе представляется весьма перспективным и отвечающим современным тенденциям в развитии лингвистической науки.

Ключевые слова: прецедентные феномены, прецедентные тексты, образование, коннотация, устойчивые конструкции, медиадискурс, тексты СМИ.

Summary. The article is devoted to the identification and description of semantic and pragmatic features of precedent phenomena with an integral component 'education' in modern media discourse. Constant references to precedent texts with an integral component of 'education' point to pressing issues in this area, which testifies to their undoubted significance: with their help, the authors of media reports analyze the changes taking place in the field of education, manipulate public consciousness, create topics for reflection, involve addressees in a language game, and the study of the peculiarities of the functioning of such precedent phenomena in modern media discourse seems very promising and in line with modern trends in the development of linguistics.

Key words: precedent phenomena, precedent texts, education, connotation, stable constructions, media discourse, media texts.

Сегодня образование и образованность занимают важное место в жизни человека, так как способствуют развитию личности и помогают стать востребованными в любой сфере. Современный медиадискурс использует для своих целей широкий спектр образных средств, которые становятся успешным инструментом для формирования текстового пространства с необходимыми авторскими семантико-прагматическими задачами. Лингвистический анализ текстов СМИ, описывающих проблемы образования в целом и отдельные вопросы, связанные с системой образования, позволяет обратить внимание на разнообразие языковых средств, реализованных на уровне вторичной номинации, основное место среди которых занимают прецедентные феномены. Использование авторами медиатекстов прецедентных единиц подтверждает образованность адресанта, его эрудированность, взгляды на современные проблемы, отношение к описываемой действительности.

В отечественной лингвистике в последние годы развиваются несколько основных подходов исследования прецедентных феноменов. Один из них совмещает положения теории языковой личности и когнитивной лингвистики (Ю. Н. Караулов, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Ю. Е. Прохоров, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, Е. А. Нахимова, Н. А. Голубева, В. Л. Латышева, В. И. Макаров, Н. В. Петрова). Другой подход основывается на достижениях лингвистики – лингвокультурологии (С. Л. Кушнерук, Г. Г. Слышкин, Л. И. Гришаева). Третий – рассматривает прецедентные феномены с позиций теории интертекстуальности (А. Е. Супрун, Н. М. Орлова, Г. Д. Распаева, Н. В. Иноземцева, Н. А. Кузьмина, А. Д. Васильев, И. И. Яценко, А. А. Евтюгина, С. С. Чистова). Несмотря на то, что столь большое количество ученых посвящают свои работы изучению прецедентных феноменов, пока нельзя уверенно говорить о том, что данное явление всесторонне исследовано. Перечисленные выше системы лингвистического знания, в рамках которых изучаются прецедентные феномены, в некоторых случаях допускают разные трактовки базовых понятий и выделяют в качестве основных и второстепенных различные признаки прецедентности. Все это, на взгляд Д. Б. Гудкова, показывает, что языковая прецедентность – явление сложное и многогранное, требующее комплексного всестороннего подхода к своему изучению [1, с. 112–120]. В рамках нашего исследования отмечается, что в современном массмедийном дискурсе распространение получают прецедентные феномены различного типа, включающие

широкий спектр языковых единиц (цитаты, крылатые выражения, имена собственные) и являющиеся наиболее узнаваемыми для массового читателя.

В ходе анализа установлено, что массмедийный дискурс использует вторичные номинации в виде прецедентных феноменов, среди которых с интегральной семой «образование» наиболее частотными оказались следующие: *«грызть гранит науки»*, *«ученье – свет, а неученье – тьма»*, *«уму-разуму учить»*.

Рассмотрим детальнее некоторые из них. Одним из средств вторичной номинации в текстах СМИ может выступать выражение, ставшее крылатым благодаря докладу Л. Д. Троцкого (партийный псевдоним Л. Д. Бронштейна, 1879–1940) на V Всероссийском съезде (11 октября 1922 г.) Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ): *«Наука не простая вещь, и общественная наука в том числе, – это гранит, и его надо грызть молодыми зубами»*. А также: *«Учитесь, грызьте молодыми зубами гранит науки, закаляйтесь и готовьтесь на смену!»*. Сегодня выражение *«грызть гранит науки»* получило широкое распространение и иносказательно в шутивно-ироничной коннотации означает «прилежно, старательно учиться» [4, с. 46]. Данный факт находит отражение в заголовках СМИ, где приобретает дополнительные оттенки значений и используется с определенными трансформациями структуры либо грамматических особенностей, например, множественное число с усечением компонентов: *Грызут гранит в две смены: 25 тысяч детей снова не смогут учиться с утра* (Аргументы и Факты, 10.08.2022). Посредством данного заголовка автор поднимает проблему обучения школьников во вторую смену. Либо расширение компонентного состава актуальным прилагательным: *Как грызть импортный гранит науки?* Так, острым вопросом сегодня является получение образования за рубежом, так как многие из отечественных дипломов могут быть не престижными (Комсомольская правда, 27.04.2022).

В заголовке одной из газет находим еще один вариант использования выражения с расширением конструкции, где прилагательное дополняет второе существительное «науки», указывая на низкий престиж рабочих специальностей: *Грызть гранит трудовой науки. Осенью все говорят об образовании. Как правило, до 5 октября, до Дня учителя. Потом повестка меняется на отопительный сезон и сбор картошки* (Деловой Петербург, 08.10.2020).

Интересным для наблюдения представляется контекст, в котором прослеживается результат действия «грызть гранит науки» в метафорическом смысле: *У стен, в которых последние 60 лет гранит науки дробится под натиском пытливых умов, теперь стоит вот такой арт-объект* (<https://bloknot-rossosh.ru>, 05.09.2022). Таким образом, подчеркивается успех в обучении, которое не всем легко дается, а качественная подготовка специалистов и высокий уровень преподавания способствует обучению всех желающих получить образование: *Черкасский государственный технологический университет (Украина, Черкассы) – отличный вуз! Помогает грызть самый твердый гранит науки!* (<https://otzovik.com>, 25.11.2017). Либо в примере лексема «озубачивание» приобретает новый оттенок – финансовую поддержку обучающихся: *«Озубачивание» студентов СВФУ поможет им грызть гранит науки* (<https://yakutiamedia.ru>, 24.01.2015).

Следующим образным средством, часто встречающимся на страницах газет, описывающих образование, может послужить пословица: «Ученье – свет, а неученье – тьма» в различных ее интерпретациях с целью подчеркнуть роль образования и пользу знаний. Приведем пример заголовка: *Ученье – свет, и он пришел с материка* (Крымские известия, 10.12.2015). В данном контакте лексема «свет» наделена буквальным значением «электричество», которое было отключено во многих школах из-за террористического акта по подрыву опор электростанции. Часто наблюдается метафорический перенос значения «свет» как электричество на «свет» как

просвещение, образование: *Учение – свет: вопрос освещения улиц в Колодезянском поселении будет закрыт к 1 сентября* (Новости Крыма, 16.06.2021). Таким образом, бытовой вопрос с освещением улиц связали с датой 1 сентября – Днем знаний. Еще примером образовательных проблем посредством данного сочетания может стать следующий контекст: *Учение – свет. Но не для Украины. В нынешнем году на Украине резко и повсеместно подорожает стоимость обучения для студентов* (Око планеты, 07.03.2020). В текстах СМИ нередко данное сочетание используют с целью показать высокий уровень интеллекта и пользу образования, которое способствует укреплению авторитета на всех уровнях: *Учение – свет. Французские СМИ раскрыли секрет Путина. Ирак или Иран? Сунниты или шииты? Как показывает практика, президентом можно стать и не видя разницы. Но чтобы стать хорошим президентом, об этой разнице все же лучше знать* (Рамблер, 03.01.2019). В данном контексте речь идет о том, что на совещании В. В. Путин сделал поправку о торговле свининой в арабских странах, учитывая их культуру и религию, что свидетельствует о его познаниях в географии.

Однако сочетание может использоваться с негативной коннотацией, подразумевая безграмотность и плохую работу: *Учение – свет, а не учение – чуть свет на работу в Правый сектор. Уже давно стало понятно, что в Правом секторе, за исключением отдельных лиц, подавляющее большинство – это безграмотные бездельники и лица, не обремененные признаками интеллекта* (Антифашист, 17.07.2015). Для трансляции проблем в области образования, связанных, например, с закрытием школ или прекращением образовательного процесса, используют вторую часть устойчивого сочетания «неученье-тьма»: *Неученье – тьма. Почему закрывают школы. Украинские чиновники стараются экономить на образовании для детей* (Украина.ру, 01.09.2021).

Фразеологизм *уму-разуму учить* со значением «учить, как следует поступать, жить» [4, с. 387] в текстах СМИ приобретает дополнительные семантические оттенки. Приведем несколько примеров: *Охотники на гаишников, или как водители учат инспекторов ДПС уму-разуму в Тверской области* (КП, 27.10.2014). Данный контекст свидетельствует не об обучении в прямом значении, а с иронией объясняет хамство инспекторов ДПС относительно водителей. Зачастую, прецедентное высказывание *уму-разуму учить* используется в заголовках и текстах СМИ в негативной коннотацией или иронией с целью подчеркнуть неграмотность либо неопытность кого-либо в обучении, что уже вызывает противоречивость: *На должность министра финансов была назначена консерваторша Гинтаре Скайсте, которую полиция ловила пьяной за рулем автомобиля. А в министры юстиции назначили члена Партии свободы Эвелину Добровольскую, которая в профессиональном багаже имела лишь диплом бакалавра. В итоге министра-недоучку поставили учить уму-разуму докторов и профессоров юридических наук* (Спутник Литва, 16.11.2022); *Разумеется, подобное событие вызвало бурю эмоций и шквал негодования среди представителей литовского политического истеблишмента, которые, воспользовавшись удобным для них случаем, принялись в свойственной им манере учить уму-разуму, поливать грязью вся и всех* (<https://lt.baltnews.com>, 21.11.2021). В данном примере прецедентное высказывание имеет антиномическое значение с негативной коннотацией учить уму разуму – «поливать грязью, оскорблять, доказывая свою точку зрения». В некоторых заголовках СМИ находим прецедентное высказывание *уму-разуму учить* с отрицательной частицей НЕ, которая вносит новый оттенок значения в само высказывание: *Акылбек Жапаров призвал глав регионов не учить его уму-разуму* (Спутник Кыргызстана, 21.10.2021). Речь идет о том, что председатель кабинета министров Акылбек Жапаров призвал глав вместо нравоучений давать советы и делиться мыслями, делать конкретные проекты, а не просто рассуждать о возможностях.

Любое обучение должно быть направлено на успешное владение определенным набором знаний, обучать может только профессионал либо опытный человек в своем деле, что не всегда свойственно политикам: *Проблемы во взаимоотношениях с Россией у Грузии создались в результате политики, проводимой Саакашвили, поэтому он не может нас учить уму-разуму и давать советы в этом направлении* (<http://interfax.az>, 30.09.2013).

Исследование языкового материала позволяет прийти к выводу, что именно комплексный подход, включающий установление денотативного и коннотативного содержания языковых единиц и выявление специфики текстовой реализации слов и конструкций, позволяет наиболее полно установить место прецедентных единиц в русской языковой картине мира и особенности их функционирования в актуальном медиадискурсе.

Список использованных источников

1. Гудков, Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. В. Багаева // Вестник МГУ, Сер. 9. – Филология. – 1997. – № 4. – С. 98–104.
2. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 125 с.
3. Сорокин, Ю. А. Смысловое восприятие текста и библиопсихология / Ю. А. Сорокин // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – Москва : Наука, 1979. – 327 с.
4. Федорова, Т. Л. Фразеологический словарь русского языка / Т. Л. Федорова. – Москва : ЛадКом, 2015. – 416 с.

УДК 811.161.1'38

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ КАНАЛОВ В МЕССЕНДЖЕРЕ TELEGRAM

Т. С. Чабаненко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье поставлена цель определить языковые, стиливые черты информационных каналов в мессенджере Telegram. Привлекая данные из более чем десяти разных новостных каналов, автор анализирует структуру постов, обращая особое внимание на наиболее короткие сообщения, которые не характерны традиционным медиа. В фокусе внимания и распространенные речевые ошибки как показатель общего уровня владения культурой речи в современном мире.

Ключевые слова: мессенджер, Telegram, СМИ, речевые ошибки, стиль.

Summary. The article aims to identify the linguistic and stylistic features of information channels in the Telegram messenger. Using data from more than ten different news channels, the author analyzes the structure of posts. Special attention is paid to the shortest messages that are not typical of traditional media. The focus is also on common speech errors as an indicator of the general level of speech culture in the modern world.

Key words: messenger, Telegram, mass media, speech errors, style.

Последние годы существенно меняются формы распространения и получения информации. Традиционные печатные СМИ, теле- и радиоканалы активно осваивают пространство социальных сетей и мессенджеров, которые позволяют максимально быстро доставлять информацию аудитории и получать обратную связь от нее. При

этом отправка публикаций в виде личных сообщений, которые пользователь читает в удобное для него время, дает преимущество мессенджерам перед соцсетями. Исследователи отмечают, что мессенджеры, среди которых в России наиболее популярен Telegram, успешно конкурируют с традиционными СМИ [6, с. 168], представляют собой новейший тип медиа [1]. Несомненно, информационный контент в мессенджерах имеет свои особенности: жанровые, стилистические, языковые, – что привлекает внимание исследователей ([3; 4; 2; 5] и др.). Большое разнообразие, активное развитие медийных каналов в Telegram усложняет задачу комплексного описания их стилистических особенностей.

С целью определения общих языковых, стилевых черт различных новостных Telegram-каналов объектом наблюдения стали каналы федеральных («Московский комсомолец», «РИАНовости») и региональных («ГОРОДСКИЕ ВЕСТИ| Волгоград», «Майкопские новости», «Хабаровские вести» и др.) печатных СМИ, телеканалов (региональные подразделения программы «Вести» в Республике Крым, Омске, Новосибирске, «СТВ» – СургутИнформТВ), а также Telegram-каналы, не имеющие прямой связи с традиционными медиа («Санкт-Петербург Life», «E1.RU| Новости Екатеринбурга», «63.ru| Новости Самары» и др.). Представим отдельные наблюдения.

Обращает на себя внимание разнообразие структуры постов. Объем поста варьируется от одного-двух предложений до нескольких абзацев, но редко сообщение не помещается на экране гаджета целиком. Большие посты чаще используются в Telegram-каналах региональных печатных СМИ. Например, в канале «ГОРОДСКИЕ ВЕСТИ| Волгоград» совсем не встречаются так популярные в мессенджерах короткие сообщения, абзацы (кроме заглавия) состоят из нескольких предложений, один пост включает до 5-6 абзацев. Можно утверждать, что адаптация газетных текстов к платформе Telegram здесь минимальна. Это отрицательно сказывается на аудитории, объем которой весьма скромнен даже в сравнении с другими региональными печатными СМИ. На других региональных каналах, представляющих традиционные СМИ, также преобладают не короткие, в несколько предложений, сообщения, а посты на 2-4 абзаца («SiTV| Новости Сургута и Югры», «Хабаровские вести», «Майкопские новости»). Именно на таких каналах встречаются посты, для полного прочтения которых требуется перелистывать экран. В «Московском комсомольце», в чатах, представляющих региональные «Вести», избрана «золотая середина»: текст одного сообщения можно прочитать, не листая экран, но совсем короткие, в 1-2 предложения сообщения используются редко.

В подавляющем большинстве Telegram-каналов, напрямую не связанных с традиционными медиа, объем сообщений чаще всего не превышает двух небольших абзацев, нередко посты из 1-2 предложений. Можно выделить несколько особенностей таких коротких сообщений:

- их создатели, несмотря на малый объем сообщения, стремятся выделять заголовок;
- заголовок может быть больше, чем «основной» текст: *Движение транспорта затруднено из-за ДТП на пересечении проспекта Победы и улицы Глинки в Симферополе. Будьте внимательны* (ВЕСТИ КРЫМ, 03.2025);
- нередко в заголовке содержится основная информация, в то время как остальной текст только называет источник информации: *Горит барак на Проспекте, остановка «Швейная фабрика». Видео прислал подписчик в нашего бота* (Сводка Хабаровск| новости Хабаровск, 02.2025);
- небольшие сообщения могут служить формой общения с аудиторией: *Заметили, какой сегодня месяц? Делитесь своими кадрами* (E1.RU | Новости Екатеринбурга, 03.2025).

В некоторых каналах используются посты, которые тезисно с помощью маркированного списка группируют несколько новостей. Они либо обобщают появившуюся за ночь информацию, либо привлекают дополнительное внимание к основным событиям дня, а также к темам, раскрытым более подробно в печатных изданиях или на официальной интернет-странице СМИ. Таким образом, Telegram-канал может служить своеобразной рекламой газеты или интернет-страницы СМИ.

Существенное влияние на языковые особенности новостных сообщений в мессенджерах играет время, ведь оперативность передачи информации крайне важна. Ежедневно такие каналы публикуют десятки, а порой и сотни сообщений, поэтому у автора чаще всего есть только считанные минуты или даже секунды на то, чтобы подготовить текст, подобрать к нему фото или видеоматериал и опубликовать новость. Нередко это приводит к ошибкам или просто опискам. Например, в одном из телеграм-каналов регулярно публикуются небольшие заметки с фото от подписчиков и такой подписью: *Фото прислал подписчик в нашего бота* (Сводка Хабаровск| новости Хабаровск, 02.2025). Очевидная описка остается незамеченной на протяжении длительного времени. Нарушение управления и согласования в следующих предложениях скорее всего также говорит о невнимательности автора: *Так, сегодня по данным регионально ЦГМС, столбик термометра **поднимется** +9...+11°* (Городские вести. 01.11.2024); *К концу строительства в крае появился 130-километровая дорога, **на которая** будет четырехполосной и бесшумной* (Новости Краснодар | Сочи, 11.2024); *Собачья свора держит в страхе и взрослых, и детей, т.к. **перемещаются** по всему району* (Новости Краснодар | Сочи, 11.2024).

Если говорить о речевых ошибках, причиной которых может быть не только невнимательность, но и недостаточная лингвистическая компетенция автора, то они в целом те же, что и в традиционных медиа. Особенно разнообразны погрешности в построении синтаксических единиц – словосочетаний и предложений. Приведем лишь несколько примеров: *Стали известны подробности **об** убитой паре в квартире на Первомайской, 108* (E1.RU| Новости Екатеринбурга, 11.2024); ***Несмотря на** планы назначить его на высокую должность, оказалось, что это противоречит военным приказам, и Холина обязали вернуться в воинскую часть.* (63.ru|Новости Самары, 11.2024); *В Приморье две огромные полосатые кошки устроили преследование **за людьми** в лесу* (Svodka25| Новости Приморья, 11.2024); *Мишка Кай празднует свой день рождения в Новосибирском зоопарке. Он появился на свет 27 ноября 2007 года, и будучи маленьким, его привезли в наш регион* (Новости Новосибирск, 11.2024). Если орфографических недочетов, вероятно, помогают избегать специальные компьютерные программы, то пунктуационные ошибки допускаются часто: *В аккаунте наемника несколько видео и фото, судя по всему, сделанных на территории России, в частности на фоне магазина «Пятерочка»* (РИАНовости, 10.2024); *Возможно «Ашан» для обхода санкционных ограничений последует примеру Leroy Merlin/Lemana Pro* (Новости Волгограда, 10.2024); *Узнать, какие именно улицы затронуты отключением можно здесь* (Майкопские новости. 11.2024); *Министр культуры Кубы Альпидио Алонсо Грау в разговоре с Ниной Шацкой поблагодарил российских артистов, приехавших на Остров Свободы и отметил, что он очень рад такому обмену* (Московский Комсомолец, 11.2024). Прямой зависимости между грамотностью оформления контента и охватом аудитории не наблюдается, для современного читателя, видимо, это не является главенствующим критерием при выборе информационного канала в мессенджере.

Таким образом, успешное функционирование информационного канала в Telegram зависит во многом от умения авторов адаптировать традиционный новостной текст под специфику мессенджера, наладить общение с аудиторией, максимально быстро подать информацию. Не всем традиционным СМИ удастся одинаково успешно освоить эту платформу, каждый канал имеет определенную специфику, что говорит о

несформированности жанровой системы СМИ в мессенджерах и общих языковых особенностей таких текстов.

Список использованных источников

1. Басов, О. Н. Telegram-каналы как новые медиа и инструменты внутриэлитной борьбы / О. Н. Басов // Научно-практические исследования. – 2020. – № 9–3 (32). – С. 31–39.
2. Горошко, Е. И. Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений Telegram) / Е. И. Горошко, Е. А. Землякова // Жанры речи. – 2017. – № 1 (15). – С. 92–100.
3. Грабельников, А. А. Процесс адаптации контента интернет-газеты lenta.ru к пространству социальных сетей / А. А. Грабельников, Е. Чжеюань // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2022. – № 1. – С. 189–199.
4. Кириллов, А. Г. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями / А. Г. Кириллов // Жанры речи. – 2017. – № 2 (16). – С. 260–267.
5. Онуприенко, К. А. Языковые особенности спортивных telegram-каналов / К. А. Онуприенко // Известия Саратовского университета Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2021. – № 3. – С. 282–288.
6. Стрыгина, О. А. Трансформация языка сетевых медиа в условиях глобализации / О. А. Стрыгина // Журналистика в эпоху цифровых трансформаций : ценности и практики : сборник материалов X Международной научно-практической конференции (17 ноября 2022 года, Тамбов). – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2022. – С. 168–174.

МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 811.12

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН «ТЕРМИНАТОР» В ПЕЧАТНЫХ СМИ И ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ

В. О. Аксенова,

магистрант кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Мищенко А. Н., к. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу прецедентного феномена «Терминатор» в современном русскоязычном медиапространстве как в печатных СМИ, так и Интернет-изданиях. Мировая популярность экранизации серии фильмов режиссера Джеймса Кэмерона «Терминатор» говорит о том, что название вошло и закрепилось в когнитивном пространстве носителей русского языка. Это связано с тем, что автор идеи поднимает ряд важных тем, таких как технологический прогресс, война и ее последствия, а еще искусственный интеллект, который в наши дни активно развивается, при этом не поддается контролю, остановке или отмене. Цель работы – выявление семантико-прагматического потенциала исследуемого прецедентного феномена. В статье применяются методы контент-анализа, сравнительного и дискурсивного анализов. Результаты позволяют сделать вывод, что ПФ «Терминатор» – активное средство репрезентации субъектов политических ситуаций, а также объектов

технологических изобретений. Это свидетельствует о высоком ассоциативном потенциале данного образа.

Ключевые слова: прецедентные феномены, средства массовой информации, медиадискурс, лингвокультурология, терминатор.

Summary. The article is devoted to a comprehensive analysis of the precedent phenomenon of “Terminator” in the modern Russian-language media space, both in print media and online publications. The worldwide popularity of the film adaptation of the Terminator series of films directed by James Cameron suggests that the name has entered and become fixed in the cognitive space of native speakers of the Russian language. This is due to the fact that the author of the idea raises a number of important topics, such as technological progress, war and its consequences, as well as artificial intelligence, which is actively developing these days, while it cannot be controlled, stopped or canceled. The purpose of the work is to identify the semantic and pragmatic potential of the precedent phenomenon under study. The article uses methods of content analysis, comparative and discursive analyses. The results allow us to conclude that PF “Terminator” is an active means of representing subjects of political situations, as well as objects of technological inventions. This indicates the high associative potential of this image.

Key words: precedent phenomena, mass media, media discourse, linguoculturology, terminator.

Введение. Современные массмедиа, включая печатные средства массовой информации и Интернет-издания, находятся в постоянной борьбе за внимание аудитории. Один из действенных приёмов воздействия на читателя – использование в текстах прецедентных феноменов. Активным в последние годы стало название серии фильмов «Терминатор», изначально запланированной как диалогия, но впоследствии превратившаяся в мультимедийную франшизу. Сюжет заключается в борьбе человечества против машин из постапокалиптического будущего. В 2029 году искусственный интеллект, известный как Скайнет, получает контроль над ядерными арсеналами и запускает войну. Чтобы предотвратить рождение лидера сопротивления, компьютерная система отправляет в прошлое киборга. Вслед за ним в 1984-й возвращается солдат-повстанец Кайл Риз. Его задача – остановить Терминатора любой ценой.

Актуальность данного исследования и выбор материала для анализа обусловлены тем, что в фильме поднимается ряд важных вопросов о моральной ответственности разработчиков технологий, возможных угрозах и рисках, связанных с их внедрением, что характерно и для современного мира. Этот факт апеллирует к использованию в медиатекстах прецедентного имени «Терминатор» как отражения сюжетной линии и ряда проблем, освещаемых в фильме.

Цель исследования заключается в анализе прецедентного феномена «Терминатор» как транслятора устойчивых культурных ассоциаций и репрезентанта смыслов в современном русскоязычном медиапространстве.

Материалом исследования послужили тексты из газет «Завтра», «Известия», «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», а также Интернет-изданий «РБК» и «ТАСС» за период с 2020 года по настоящее время.

Прецедентные феномены – это маркеры идентичности, представляющие собой культурные аллюзии и символы, используемые в обществе и формирующие коллективное сознание. ПФ возникают в результате повторяющегося использования определённых образов, событий, персонажей или концептов в различных контекстах. В лингвистической науке принято считать, что теория прецедентных феноменов была создана Ю. Н. Карауловым. Автор отмечает, что «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности,

включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216].

В свою очередь Н. Д. Бурвикова и В. Г. Костомаров, развивая теорию прецедентности, выделяют такие лингвокультурные явления как «логоэпистемы» [5, с. 42–53].

Ученый Д. Б. Гудков определяет прецедентные феномены как «единицы, которые знакомы большинству лингвокультурному сообществу, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [1, с. 102]. Он предлагает выделять 4 типа трансформации прецедентных феноменов:

1. Замещение компонентов или лексическая субституция. Слово, которое заменяется, обычно сходится с тем, которое замещается по разным морфологическим свойствам и синтаксическим характеристикам. В тоже время берет на себя нагрузку.

2. Усечение компонентов. Считается, что во время чтения прецедентного текста читающий в своих мыслях может полностью восстановить весь свой прецедентный феномен, при этом заканчивая мысль писателя. В результате применяется функция диалогичности текста.

3. Контаминация. Это когда несколько прецедентных высказываний образует одно целое. Еще под этим понятием понимают объединение в один контекст всех прецедентных текстов, которые относятся к разным пластам культуры в одно целое. К первоначальной единице добавляют пару компонентов, на которые и ложится нагрузка по смыслу [2, с. 209].

Важным является и то, что феномены подразделяются на вербальные – тексты как продукты речевой деятельности и невербальные – визуальные символы и знаки. Массмедиа применяют только вербальные типы предоставления информации. Чаще всего их используют как прецедентные единицы.

Таким образом, прецедентные феномены – это не просто случайные слова или фразы, а те, которые известны и понимаемы большинством людей в определенной среде. Для этого они должны иметь культурное или историческое значение.

Перейдем к анализу наиболее частотных и востребованных в СМИ прецедентных феноменов. Так, активным становится само название фильма. Оно подвергается различным трансформациям в текстах. В военном контексте замечено прецедентное имя. «Терминатор» – это боевая машина поддержки танков. Она презентуется как символ мастерства и неприступной силы, что способствует укреплению образа передового российского военного арсенала: «*Русские терминаторы – грозные и живучие*» (<https://zvezdaweekly.ru>, 29.11.2023).

В медиатекстах прецедентный феномен «*терминатор*» используется не только в денотативном значении слова, но и в коннотативном. Например, в политическом дискурсе, где терминаторами выступают власти Российской Федерации, которые напоминают западным странам о существовании оружия массового уничтожения: «*Терминаторы из-за стен Кремля заговорили о мировой термоядерной войне*» (<https://inosmi.ru>, 12.12.2024). Отметим, исследуемый компонент чаще всего встречается в текстах СМИ во множественном числе.

Официальный представитель МИД России Мария Захарова, отвечая на вопрос о возможном запрете Русской православной церкви в Молдавии, высказала мнение, что Запад привел президента Майю Санду к власти как «*человека-терминатора*» по аналогии с украинским лидером Владимиром Зеленским (<https://iz.ru/newspaper>, 15.09.2024).

Согласно данным «Современного толкового словаря русского языка» Т. Е. Ефремовой, лексема «терминатор» с латинского «terminare» переводится как «разграничивать» и имеет следующее значение: 1. «Граница света и тени на

поверхности Луны, планеты или её спутника (в астрономии). 2. Фантастический неумирающий человек-робот с другой планеты, обладающий неземными способностями [3].

Прецедентное имя **«терминатор»** часто связывают с прецедентным высказыванием, принадлежавшим его носителю: «I'll be back» с различной семантикой, чаще – иронической: *Какое государство, такой и терминатор: чем грозит Украине comeback Порошенко* (<https://zavtra.ru>, 18.01.2020).

Частотными становятся и другие контексты, где ПФ становится метафорой освоения новых горизонтов в искусственном интеллекте, а также вызывает мысли о границах между человеческим сознанием и машиной. Программист изобрел **«робота-терминатора»** и с его помощью «воскресил» умершего родственника: *«загрузил в машину семь часов записей голоса своего деда и смог вести с ним беседы благодаря технологии распознавания речи и симуляции сознания»* (<https://www.gazeta.ru>, 02.02.2022). Этот контекст отражает растущие дискуссии о моральных и этических проблемах в отношениях человека и машин, демонстрируя, как культовый образ терминатора может стать символом критического мышления о будущем человечества.

Заключение. Таким образом, прецедентный феномен **терминатор** актуализируется в российской журналистике и медиапространстве при описании социальных, технологических и политических проблем. Аллюзии и номинации на сюжетные элементы фильма интегрируются в заголовки и тексты материалов. Образы в них моделирует ключевая единица «терминатор», апеллирующая к известной мультимедийной франшизе режиссера Джеймса Кэмерона. Исследование позволило выявить частоту и разнообразие контекстов, в которых используется анализируемый прецедентный феномен. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что конструкция используется в медиатекстах либо в своем первоначальном виде, либо с добавлением нового компонента. Более того, некоторые контексты используют прецедентную единицу во множественном числе. Значимость прецедентного феномена **терминатор** и его частотность использования в СМИ доказывает закреплённость кинообраза в сознании носителей русского языка и его высоком ассоциативном потенциале. В современной журналистике это эффективный инструмент воздействия на читателя. Универсальность контекстов, где используется феномен, открывает перспективы для дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. Гудков, Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко // Вестник МГУ. – Серия 9: Филология. – 1997. – № 4. – С. 106–118.
2. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – Москва, 2003. – С. 207–208.
3. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Астрель, 2006. – URL: https://rusneb.ru/catalog/010003_000061_c7116162676e5ac87ff63070a1905bf9 (дата обращения: 11.03.2025).
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – Москва : ЛКИ, 2010. – 216 с.
5. Костомаров, В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 42–53.
6. Красных, В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных, А. И. Изотов // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей ; под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – Москва : Филология. – 1997. – № 2. – С. 5–12.

7. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография / Е. А. Нахимова ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
8. Фрэйкс, Р. Терминатор / Р. Фрэйкс, В. Х. Вишер. – Нью-Йорк : Бантам, 1985. – 416 с.

УДК 811.166.1'42

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ АЛЕКСАНДРА БЛОКА «ДЕВУШКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ», БУЛАТА ОКУДЖАВЫ «Я УХОЖУ ОТ ПУЛИ», СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА «КРАЙ ЛЮБИМЫЙ! СЕРДЦУ СНЯТСЯ...»)

Г. В. Горбунов,

обучающийся 1-го курса магистратуры кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Дорофеев Ю. В., д. ф. н., профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена функциональному анализу стихотворений Александра Блока «Девушка пела в церковном хоре», Булата Окуджавы «Я ухожу от пули», Сергея Есенина «Край любимый! Сердцу снятся». В статье рассматриваются ключевые элементы текста, такие как семантический сдвиг, противоречие между обыденным и авторским взглядом, а также механизмы воздействия текста на читателя. В статье показано, что функциональный подход позволяет глубже раскрыть авторский замысел и выявить структурные закономерности текста.

Ключевые слова: функциональный подход, поэтический текст, семантический сдвиг, Александр Блок, А. Н. Рудяков.

Summary. This article is devoted to the functional analysis of the poems *A Maiden Was Singing in the Church Choir* by Alexander Blok, *I'm Walking Away from the Bullet* by Bulat Okudzhava, and *Beloved Land! My Heart Has Dreams* by Sergei Yesenin. The article examines key elements of the texts, such as semantic shift, the contradiction between the ordinary and the author's perspective, and the mechanisms by which the text affects the reader. The article demonstrates that a functional approach allows for a deeper understanding of the author's intention and reveals the structural patterns of the text.

Key words: functional approach, poetic text, semantic shift, Alexander Blok, A. N. Rudyakov.

Функциональный подход, разработанный А. Н. Рудяковым, базируется на идее, что текст – это не просто набор языковых единиц, а сложная функциональная система. В учебном пособии «Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология» А. Н. Рудяков подчёркивает, что текст – это инструмент, который не только передаёт информацию, но и активно воздействует на сознание читателя, трансформируя его восприятие реальности [8].

Одним из ключевых понятий функционального подхода является семантический сдвиг. Этот механизм позволяет автору изменять значение слов и фраз в контексте произведения, создавая новые смысловые слои. Семантический сдвиг возникает в результате взаимодействия языковых единиц в тексте, что позволяет автору выразить своё отношение к изображаемому и навязать читателю новое понимание действительности.

К тому же, противоречие между обыденным представлением о действительности и авторским взглядом организует текст, делая его целостной системой. Это противоречие проявляется в композиции текста, где исходная часть отражает обыденное восприятие, а основная – авторское отношение к изображаемому. Таким образом, текст становится инструментом воздействия, который не только передаёт информацию, но и трансформирует сознание читателя [8].

Текст – это продукт процесса говорения, созданный с целью воздействовать на адресата. Каждый элемент текста выполняет определённую роль в формировании авторского замысла, а ключевым механизмом воздействия является семантический сдвиг. Этот сдвиг возникает в результате соотнесённости языковых единиц в тексте, что позволяет автору выразить своё отношение к изображаемому и навязать читателю новое понимание действительности [9].

В стихотворении Александра Блока «Девушка пела в церковном хоре» [2] функциональный подход позволяет выявить не только смысловую структуру текста, но и механизмы его воздействия на читателя.

Семантический сдвиг в стихотворении заключается в том, что слово «надежда» меняет своё значение с абстрактного («вера в спасение») на конкретное («иллюзия, разрушенная реальностью»). В исходной части текста «надежда» воспринимается как нечто реальное и достижимое. Девушка, поющая в церковном хоре, символизирует веру в лучшее будущее. Её пение создаёт иллюзию, что «все, кто в море плыли, светлую жизнь себе обрели». Это утверждение строится на общепринятом мнении, что вера и молитва могут спасти человека от смерти. В этой части текста ключевым элементом является слово «надежда», которое воспринимается как нечто реальное и достижимое.

Однако основная часть стихотворения разрушает эту иллюзию. В последней строфе появляется образ плачущего ребёнка, который знает, что «никто не придет назад». Этот образ противопоставляется пению девушки и символизирует реальность смерти. Таким образом, текст становится инструментом воздействия, формирующим у читателя новое представление о надежде и реальности.

Противоречие между обыденным представлением о действительности и авторским взглядом организует текст, делая его целостной системой. В стихотворении Блока это противоречие проявляется в композиции текста, где исходная часть отражает обыденное восприятие (вера в спасение через молитву), а основная – авторское отношение к изображаемому (реальность смерти, разрушающая иллюзии).

А в стихотворении Булата Окуджавы «Я уйду от пули» [7] стихотворение делится на три части, которые совмещают в себе три времени – настоящее, прошлое и будущее. В первой части мы видим настоящее время – это война, где опасность подстерегает тебя каждую минуту. Во второй части мы видим воспоминания о прошлом, о некоей довоенной жизни, где автор обращается к самому себе. В третьей части мы читаем о мыслях, о будущем, где автор видит не только новые пули, но и «наступление» на врагов».

Предметом в данном стихотворении выступает тяжелая военная жизнь.

Обратимся к структуре текста. Исходную часть здесь составляют первые две строфы. В них автор говорит о настоящем и будущем, а в третьей строфе мы уже читаем мысли о прошлом, где как раз и встречаемся с противоречием. Рассмотрим более детально данный текст.

Автор в первой части описывает ситуацию того, как он удачно уходит от пули. У него тут же появляется надежда, которая пришла вместо тревоги. Контекст помог нам понять такие выражения как: «крылья тревог» и «крылья надежды». Они обозначают ощущения автора, который боялся за свою жизнь при обстреле, но теперь у него появилась надежда на жизнь. Таким образом мы можем выделить здесь

словосочетания, которые будут соотноситься между собой под общим значением: «Страх за твою жизнь» соотносимо с такими языковыми единицами как «ухожу от пули», «делаю отчаянный рывок», «вырастают вместо крыльев тревог за моей человеческой спиной надежды крылья».

Вторая строфа говорит нам о прошлом автора, где мы видим воодушевленного человека, смелость которого усмирила «первая пуля». Здесь мы также можем выделить общее понятие: «Самоуверенность в силах», которая к концу строки стихает под «второй пулей». С данным понятием соотносятся такие языковые единицы как: «я хвастал», «чего не могу посмечь?», «врал напрапалую».

Третья строфа описывает мысли автора о скором наступлении на врага. Употребление здесь словосочетания «цветы наступления» не означает, что поэту нужно было обозначить некую реалию знаком «цветы». Это слово, попав в текст, становится не словом вообще, а словом «для этого текста». Слово в тексте служит тексту. И его нельзя понять как изолированное слово, его по-настоящему можно понять, только увидев общую идею текста. Попытка перевода данной фразы приводит нас к необходимости прочитать стихотворение до конца, где мы далее видим строки «пусть синими их глазами глядит на нас идущее за нами поколение». Эти синие цветы – глаза будущего поколения, которое будет жить в мирное время только лишь благодаря им. Здесь мы выделим общее понятие: «Хорошее будущее», которое соотносится со сроками: «пусть синими их глазами глядит и глядит на нас идущее за нами поколение».

Таким образом, в данном стихотворении представлена чрезвычайно разветвлённая система соотносительных языковых средств, образующих в рамках текста три подсистемы, взаимодействие которых и порождает необходимый автору эстетический эффект. Первую подсистему составляют языковые единицы, характеризующие настоящее время, вторую подсистему составляют языковые единицы, характеризующие прошлое, а третья уже описывает непосредственно предполагаемое будущее.

Данные части стихотворения служат одному стержневому элементу текста («о тяжёлой судьбе солдат»), с которым соотносятся все названные подсистемы.

В стихотворении С. Есенина «Край любимый! Сердцу снятся» [5], читая первые строки стихотворения, обратим внимание на то, в каком значении выступает здесь слово «лонные воды». Словарь предлагает несколько толкований, но полагаем, речь идет о сердце матери, которое снится Сергею Есенину (другие значения – В лоне чего, в знач. предлога с род. п. (книжн.) – в сфере какой-н. деятельности. В лоне науки. В лоне церкви. В лоно чего, в знач. предлога с род. п. (книжн.) – в сферу какой-н. деятельности. В лоно церкви – вступают в противоречие с характеристикой имени, которую мы находим в стихотворении).

Итак, автор далее описывает, что «хотел бы хотел бы затеряться В зеленях твоих стозвонных». Зелени – это таким образом называли возросшие колоссы хлеба. Стозвонные они, так как, на наш взгляд, сравниваются с колоколами, ведь далее Сергей Есенин напишет «Резеда и риза кашки», а «риза» – священное облачение священника. Только благодаря цельности текста, мы, как видите, можем интерпретировать данные семантические сдвиги, возникающие в результате соотношения языковых средств.

Продолжая анализировать вторую строфу, подметим ещё следующее: «И вызванивают в четки Ивы – кроткие монашки». Здесь автор, опять же, показывает картинку того, как деревья становятся монашками. В целом, мы видим окружение некой религиозной жизни, ведь даже в ивах Сергей Есенин различает монашек.

Стержневым элементом в стихотворении являются такие понятия как «зеленях стозвонных», «риза кашки», «Ивы – кроткие монашки». Изменения их значений цепляет читателя, ведь все эти лесные зеленя, ризы и ивы рассматриваются Сергеем

Есениным по-иному, не в обычном свете. Это он увидел в иве монахиню и показывает это нам, читателям.

«Курит облаком болото, Гарь в небесном коромысле» – здесь мы также видим, как автор, со своей точки зрения показывает нам облако над болотом, которое в данном стихотворении соотносится с прокуренным ладаном в церкви.

В целом, в основной части стихотворения автор показал нам свой «край любимый». Он его видел в таком вот религиозном облачении.

Однако далее мы понимаем, что стихотворение делится на две части. Основную часть составляют две строфы, однако, в третьей строфе две первые строки также входят в основную, а исходная – часть третьей строфы и четвертая строфа. В центре стихотворения – проблема скоротечности жизни, которую Сергей Есенин описывает сквозь призму воспоминаний о своем родном крае.

Противоречие между объективной действительностью и авторским идеалом обозначено в исходной части: «С тихой тайной для кого-то Затаил я в сердце мысли». В дальнейшем это противоречие углубляется:

«Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть».

В чем же суть авторского противоречия? Оно кроется в том, что в основной части стихотворения мы видим, как автор показывает нам свой религиозный родной край, а дальше уже у автора возникла мысль, которую он захотел разделить с читателем. Однако данная мысль совершенно противоречит предыдущей части стихотворения, где мы видели некое место, в котором всё божественно прекрасно, а теперь С. Есенин заявляет, что «Я пришел на эту землю, Чтоб скорей ее покинуть». Это и есть противоречие, которое, как некая шероховатость, цепляет читателя и заставляет подумать о смысле жизни, о её скоротечности, что уже является поводом для грусти.

Как видим, функциональный подход обладает высокой практической ценностью, так как он даёт чёткий алгоритм интерпретации текста. Этот метод позволяет не только описать, что говорит автор, но и объяснить, как он это делает. Функциональный анализ выявляет скрытые механизмы воздействия текста, такие как семантический сдвиг и противоречие между обыденным и авторским взглядом.

Кроме того, функциональный подход позволяет учитывать вариативность восприятия текста. Как отмечает Ю. В. Дорофеев, в статье «О функциональных основаниях восприятия и понимания текста» [4], восприятие текста зависит как от его структуры, так и от индивидуального опыта читателя. Однако функциональный анализ позволяет выявить границы этой вариативности, определяя, какие интерпретации текста являются обоснованными, а какие выходят за рамки авторского замысла. Это делает функциональный подход особенно ценным для анализа сложных художественных текстов, таких как стихотворение А. Блока, где смысл часто скрыт за многослойной структурой образов и символов.

Функциональный подход, разработанный А. Н. Рудяковым, предлагает принципиально иной взгляд на текст, рассматривая его как систему, предназначенную для регуляции сознания читателя. Этот подход позволяет глубже раскрыть авторский замысел и выявить структурные закономерности текста. В приведённых стихотворениях функциональный подход позволяет выявить не только смысловую структуру текста, но и механизмы его воздействия на читателя, такие как семантический сдвиг и противоречие между обыденным и авторским взглядом.

Список использованных источников

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – Москва : Флинта, 2005. – 231 с.
2. Блок, А. А. Полное собрание стихотворений / А. А. Блок. – Москва : Эксмо, 2018. – 800 с.
3. Дорофеев, Ю. В. Интерпретация художественного произведения в работах Н. А. Рудякова / Ю. В. Дорофеев // Мир русского слова. – 2024. – №. 2. – С. 40–47.
4. Дорофеев, Ю. В. О функциональных основаниях восприятия и понимания текста / Ю. В. Дорофеев // Педагогический имидж. – 2019. – № 3 (44). – С. 321–332.
5. Есенин, С. А. Сборник Стихотворений / С. А. Есенин. – Москва : Эксмо, 2017. – 233 с.
6. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Азбука, 2018. – 704 с.
7. Окуджава, Б. Ш. Стихотворения / Б. Ш. Окуджава. – Санкт-Петербург : Академ. проект, 2001. – 712 с.
8. Рудяков, А. Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология / А. Н. Рудяков. – Москва : Флинта, 2013. – 308 с.
9. Рудяков, А. Н. Язык, или почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А. Н. Рудяков. – Симферополь : Флинта, 2012. – 160 с.

УДК 811.166.1'42

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ Б. АХМАДУЛИНОЙ «ИЗ ГЛУБИНЫ МОИХ НЕВЗГОД...»: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В. В. Звонникова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Забашта Р. В., к. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Предлагаемая научная статья посвящена вопросу о функциональном описании художественного текста. Цель исследования – иллюстрация действенности методики функционального описания поэтического текста применительно к проблеме интерпретации его идейно-образного содержания. В качестве материала было избрано стихотворение Беллы Ахмадулиной «Из глубины моих невзгод...». Основным методом анализа содержательных компонентов данного текста послужила методика стилистического анализа текста, предложенная Н. А. Рудяковым, а также интерпретационный и лексикографический методы. В результате проведенного анализа было установлено, что композиция стихотворения представляет собой двучастную структуру, определяемую с помощью выявления функциональных качеств языковых средств, участвующих в формировании стержневого элемента. Данный подход позволил интерпретировать лирический текст с позиции учета представлений героини об изображаемом идеале.

Ключевые слова: текст, интерпретация, функция, композиция, стержневой элемент, идейно-образное содержание.

Summary. The proposed scientific article is devoted to the issue of functional description of artistic text. The purpose of the study is to illustrate the effectiveness of the

methodology of functional description of poetic text in relation to the problem of interpreting its conceptual and figurative content. The poem “Из глубины моих невзгод...” by Bella Akhmadulina was chosen as the material. The main method of analyzing the content components of this text was the method of stylistic analysis of the text proposed by N. A. Rudyakov, as well as the interpretative and lexicographic methods. As a result of the analysis, it was established that the composition of the poem is a two-part structure determined by identifying the functional qualities of the linguistic means involved in the formation of the core element. This approach made it possible to interpret the lyrical text from the standpoint of taking into account the ideas.

Key words: text, interpretation, function, composition, core element, conceptual and figurative content.

В современной лингвистике одной из центральных проблем остается вопрос об основах понимания содержания речевого произведения. Среди различных подходов к решению проблемы интерпретации текста на структурных, стилистических, коммуникативных, функциональных основаниях (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, Ю. М. Лотман, В. А. Лукин, И. В. Арнольд, Н. С. Болотнова и др.) особо следует выделить функциональную теорию текста, представляющую герменевтическое направление. Опираясь на регулятивное понимание языка, представители Крымской школы функциональной лингвистики (А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев, Л. А. Моря, Р. В. Забашта, М. Г. Маркина-Гурджи, А. С. Бурдина и др.) разрабатывают такие вопросы, как функциональное понимание текста и описание процедур его интерпретации, создание типологии текстов, диагностика навыков сформированности читательской грамотности; создание позиционной модели, отражающей организацию текста [3; 4; 5 и др.].

Наше исследование посвящено интерпретации стихотворения Беллы Ахмадулиной «Из глубины моих невзгод...» с позиции функционального подхода к художественному тексту. Согласно данной теории, текст – функциональная система, возникновение и существование которой обусловлено необходимостью выполнения социально значимой функции, т.е. воздействия на картину мира адресата. Регулятивность художественного текста заключается в том, что с помощью закодированного в нем сообщения оказывается воздействие, осуществляется «навязывание» читателю новой модели понимания предмета изображения, что приводит к формированию у него качественно иной ценности.

Актуальность исследования заключается в необходимости разработки непротиворечивой методики описания художественного текста, предполагающей не только анализ языковых средств, но и синтез выражаемой с их помощью образной информации. Такая методика способна предложить интерпретационную модель, учитывающую регулятивность текста как его существенное функциональное качество.

Целью исследования является иллюстрация действенности методики функционального описания поэтического текста применительно к проблеме интерпретации его идейно-образного содержания.

Среди используемых нами традиционных научных методов (описательный, лексикографический, контекстологический, интерпретационный) особо следует рассмотреть методику стилистического анализа текста, предложенную в работах Н. А. Рудякова. По мнению ученого, «содержание литературно-художественного произведения включает в себе не просто отношение субъекта к предмету изображения, а изображение этого предмета с точки зрения идеала, т.е. представления о должном и желаемом, о цели, к которой необходимо стремиться и которую возможно достичь» [6, с. 12].

Как отмечает Ю. В. Дорофеев, работа над текстом, согласно данной методике, осуществляется на следующих этапах:

1. Определение композиции, т.е. исходной части произведения, в которой изображается факт объективной действительности, как он отражается в обыденном сознании, и основной части, выражающей отношение автора к изображаемому объекту, предмету, явлению.

2. Определение соотношенности языковых средств в исходной, и с другой стороны, в завершающей частях произведения, – соотношенности в результате которой в этих средствах возникает новый образный смысл.

3. Определение этого нового, образного смысла. Для этого, прежде всего, выявляется стержневой элемент стиля лирического произведения [3, с. 49–50].

С целью иллюстрации особенностей исследовательских этапов в применении данной методики, обратимся к описанию и интерпретации стихотворения Беллы Ахмадулиной «Из глубины моих невзгод...»:

*«Из глубины моих невзгод
молюсь о милом человеке.
Пусть будет счастлив в этот год,
и в следующий, и вовеки.
Я, не сумевшая постичь
простого таинства удачи,
беду к нему не допустить
стараюсь так или иначе.
И не на радость же себе,
загородив его плечами,
ему и всей его семье
желаю миновать печали.
Пусть будет счастлив и богат.
Под бременем наград высоких
пусть подымает свой бокал
во здравие гостей веселых,
не ведая, как наугад
я билась головою оземь,
молясь о нём — среди неудач,
мне отведенных в эту осень» [1, с. 83].*

Стихотворение представляет собой исповедь автора, описывающую отношение к некому человеку, имя которого в тексте не названо. Исходя из оценочности семантики языковых средств в тексте, можно допустить, что речь идет о возлюбленном героини.

Опишем фактуальное содержание текста.

Стихотворение начинается со слов «Из глубины моих невзгод / молюсь о милом человеке». Согласно Большому толковому словарю современного русского языка под ред. С. А. Кузнецова, невзгода – ‘неблагоприятные, тяжелые обстоятельства; беда’ [2, с. 614]. Лирическая героиня говорит о том, что находится в нелегких жизненных обстоятельствах, но при этом молится о некоем «милом человеке». Данное словосочетание является важным для понимания образа человека, о котором говорит главная героиня, и ее отношения к нему. Слово «молиться» образовано от глагола «молить», который имеет значение ‘просить, умолять (первоначально: обращаясь к Богу или богам с молитвой)’ [2, с. 552]. Героиня, находясь в тяжелой жизненной ситуации, просит Бога об абсолютном счастье не для себя, а для человека, которого она называет «милым»: «Пусть будет счастлив в этот год, / и в следующий, и вовеки». Слово «милый» имеет значение ‘родной, дорогой, горячо любимый (о человеке)’ [2, с. 542]. Таким образом, человек, о котором говорит лирическая героиня, является

для неё важным и любимым, т.е. тем, ради кого она готова пожертвовать даже собственным счастьем.

Однако далее в структуре стихотворения следует отметить то, что А. Н. Рудяков называет «заусеницей» текста [5], нечто, что прерывает автоматизм чтения: героиня неожиданно для читателя говорит о себе как о человеке, который не смог обрести удачу в жизни: *«Я, не сумевшая постичь простого таинства удачи»*. Это изречение странно тем, что оно входит в противоречие с представлениями, сформированными у нас под влиянием обыденной картины мира (например, желать ближнему всего самого хорошего, забывая о себе, – это «общепринятый» идеал поведения). Раскроем значение слова удача. По словарю, удача – ‘счастливое, благоприятное стечение обстоятельств, способствовавшее желательному, нужному исходу дела; везение’ [2, с. 1373]. Таким образом, лирическая героиня не понимает, что для нее есть удача, какое благоприятное стечение обстоятельств должно быть для нее в жизни, но при этом желает удачи своему возлюбленному, «ограждает» этого человека от бед: *«беду к нему не допустить / стараюсь так или иначе»*.

Альтруистичное отношение на отмеченном выше не заканчивается: автор вопрошает о благоприятной жизни не только для своего любимого, но и для его семьи: *«ему и всей его семье / желаю миновать печали»*. Так, героиня желает счастья не только близкому ей человеку, но и тем, кто дорог ему, хотя к самой героине отношения не имеет. При этом она снова говорит о собственных чувствах, которые, в сущности, не делают ее счастливой в сложившейся ситуации: *«И не на радость же себе...»*. Следовательно, художественное сознание закрепляет мысль о том, что любящий человек оберегает объект своей любви абсолютно, «заграждает плечами», действуя при этом в ущерб себе. Героиня понимает, что не может быть рядом со своим возлюбленным и что именно это для неё является «невзгодой» – ‘неблагоприятными, тяжёлыми обстоятельствами’ [2, с. 614].

Важно отметить, что автор, желая возлюбленному благополучия, счастья, перечисляя различные блага, в первую очередь упоминает о своих трудностях: *«Из глубины моих невзгод», «Я, не сумевшая постичь простого таинства удачи», «И не на радость же себе»*. Можно предположить, что таким образом героиня хочет выразить свое благородство и жертвенность, показать, что, несмотря на то, что сама лишена таких жизненных благ как удача, радость любви, тем не менее хочет и желает счастливой жизни для милого ей человека, а не для себя. Героиня желает возлюбленному счастья и богатства, но при этом в изображении этих явлений возникает мысль о «бремени наград высоких»: бремя – ‘тяжёлая ноша, груз’ [2, с. 96]. Следовательно, в данном контексте слово «бремя» выполняет функцию предварительной оценки того, что может случиться в жизни «милого человека», причем оценки негативной. Таким образом, сознание героини выражает мнение о том, что для неё «награды жизни» как понятие – тяжёлая ноша, которую она, тем не менее, хочет для своего любимого человека.

Определим композиционную структуру текста.

Последняя строфа составляет основную часть текста, в которой выражено индивидуально-авторское видение предмета изображения. Героиня говорит об отношении самого возлюбленного к её жертвам ради него: *«не ведая, как наугад / я билась головою оземь»*. Возникает вопрос: являются ли эти страдания («невзгоды») действительно страданиями, если их «причина» не знает о них? Художественное изображение процесса произнесения молитвы резко меняется: то, что выглядело в исходной части как таинство альтруизма, в этой части текста оценивается как лишенное смысла действие. Лирическая героиня иронизирует по поводу своего положения, показывая всю комичность своей ситуации. Её сознание отражает в языковых средствах «наугад», «билась оземь» то, насколько описанные переживания не

соответствуют определению, данному в исходной части текста, – «невзгодами». Поэтому теперь героиня эти «невзгоды» называет «неудачами». Неудача – ‘неблагополучный исход какого-л. дела; неуспех’ [2, с. 644]. Для героини неуспехом оказалась любовь к человеку, который не разделил её чувств. Важно отметить, что героиня называет эти неудачи «осенними», т.е. временными, не способными причинить существенный ущерб ее личности. Так, в данном контексте словосочетание «осенние неудачи» будет иметь значение ‘кратковременные проблемы в личной жизни, которые вскоре забудутся, не будут иметь никакой значимости’. Лирическая героиня осознаёт, что ее жертвы и неуспех в любви уже не являются для неё трагедией, тем, ради чего стоит терпеть лишения и испытывать душевные муки.

Таким образом, предметом изображения в стихотворении является ‘отношение к факту неразделённой любви’. В начале стихотворения невзаимная любовь воспринимается лирической героиней как «невзгода» – ‘беда, тяжёлые жизненные обстоятельства’. Героиня молит Бога о счастье для своего возлюбленного, не думая о собственном благополучии. В конце данного художественного текста проблемы в личной жизни она называет уже словом «неудача», которое имеет значение ‘временный неуспех, неблагоприятный исход’. Теперь для неё отсутствие взаимности со стороны любимого человека лишь неуспех, а не беда, как она считала ранее. Важно отметить, что лирическая героиня говорит, что неудачи «отведены ей в эту осень», т.е. ее проблемы в личной жизни являются «сезонными», временными – такими, которые вскоре уйдут из памяти и уже не будут играть важной роли в жизни.

Первые четыре строфы представляют собой исходную часть стихотворения, где представлен обыденный взгляд на предмет изображения: человек должен делать все ради объекта своей любви, живя в горе, несмотря на свои проблемы и эмоциональные переживания. В последней же строфе представлен авторский взгляд на предмет изображения: делать все ради объекта безответной любви и подчинить свою жизнь мыслям только о нем – противоестественно, а сама неразделённая любовь – лишь временная неудача. Важно понимать собственную значимость, стремиться к своей счастливой жизни. Таким образом, последняя строфа представляет собой основную часть стихотворения. Стоит отметить, что возникает связь с исходной частью текста: если раньше героиня не понимала, что для нее есть удача в жизни, то теперь она осознаёт, что удача – это осмысление своей роли в жизни, возможность думать о своем благополучии, а не о счастье другого человека.

Определим новый образный смысл и выявим стержневой элемент текста.

Стержневым элементом проанализированного текста являются словоформы «невзгода», «удача», «неудача». В значениях двух последних из данных слов происходит семантический сдвиг, в результате которого становится возможным осмысление авторской позиции в тексте. Так, в строках *«не сумевшая постичь простого таинства удачи»*, слово «удача» обретает иной, новый смысл – ‘принятие ценности своего «я»’.

Переходя к интерпретации, можно заключить, что стихотворение Беллы Ахмадулиной «Из глубины моих невзгод...» – произведение о том, что идеалом восприятия действительности, с точки зрения автора, является понимание человеком того, что неразделённая любовь – лишь временная неудача, из-за которой не стоит терпеть лишений и действовать в ущерб себе. Принятие мысли о том, что в отношениях двоих главное взаимность, позволяет поменять взгляд на происходящее в жизни человека. Именно к такому выводу приходит лирическая героиня, познавая бессмысленность действий, направленных в адрес того, кто не желает быть рядом.

Выводы. Функциональный подход к анализу и интерпретации художественного текста предполагает, что художественное произведение появляется в результате особого осмысления автором предмета изображения, открытия в нем признака, как

правило, неизвестного читателю до момента восприятия им содержания текста. Такой подход позволяет синтезировать художественно значимое содержание с опорой на выделение языковых средств, которые выражают элементы общенародной (обыденной) и индивидуально-авторской моделей мира. Соотнесенность значений языковых средств из этих двух частей играет наиболее ценную роль в воздействии на картину мира читателя.

Список использованных источников

1. Ахмадулина, Б. А. Сочинения : в 3 т. / Б. А. Ахмадулина. – Москва : ПАН «КОРОНА-ПРИНТ», 1997. – Т. 1. – 630 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Дорофеев, Ю. В. Функциональный анализ художественного текста / Ю. В. Дорофеев. – Симферополь : РИО ТЭИ, 2004. – 150 с.
4. Забашта, Р. В. «Ускорение сознания»: основы функционально-семантического описания поэтического текста : учебно-методическое пособие / Р. В. Забашта. – Симферополь : КРИППО, RICON, 2019. – 116 с.
5. Рудяков, А. Н. Homo textus: человек в паутине текстов, или учебник чтения для умеющих читать / А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев. – Симферополь : Ната, 2007. – 176 с.
6. Рудяков, Н. А. Основы анализа художественного текста / Н. А. Рудяков. – Киев : Наук. думка, 1989. – 150 с.

УДК 81'32 : 36

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ ПРАЗДНИК В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

П. С. Налбандова,

*обучающаяся 2-го курса магистратуры кафедры русского, славянского и
общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Сегал Н. А., д. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и
общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена анализу деривационного потенциала слова *праздник* в русскоязычном медиадискурсе. Выявляются ключевые окказиональные единицы с интегральным компонентом *праздник*, моделируемые в медиатекстах приставочным способом. Интерпретируются особенности значения зафиксированных окказиональных слов и специфика их коннотации. Доказывается, что, реализуясь в текстах СМИ, окказиональные единицы участвуют в формировании новых образов и в силу своей яркости и новизны привлекают внимание массового читателя.

Ключевые слова: медиатекст, медиадискурс, окказионализм, словообразовательный потенциал, деривация, коннотация.

Summary. The article is devoted to the analysis of the derivational potential of the word holiday in the Russian-language media discourse. The key occasional units with an integral holiday component are identified, modeled in media texts in a prefixed way. The features of the meaning of the recorded occasional words and the specifics of their connotation are interpreted. It is proved that, being realized in media texts, occasional units

participate in the formation of new images and, due to their brightness and novelty, attract the attention of the mass reader.

Key words: media text, media discourse, occasionalism, word-formation potential, derivation, connotation.

Современное общество, все более и более поглощаемое медийными процессами, рассматривает СМИ не только как источник информации, но и как особую среду, в которой формируется новая система ценностей, мнений и убеждений, предложений и задач. Для реализации такой миссии авторы медиапродуктов используют широкий спектр средств и приемов, значимое место среди которых занимает окказиональное словообразование. Появляющиеся в языке новые языковые факты привлекают внимание массового читателя своей яркостью, образностью, неожиданностью форм. Именно поэтому исследование словообразовательного потенциала языковых единиц, формирующих в медийных публикациях новые смыслы, является сегодня столь существенным.

Актуальность работы заключается в необходимости изучения функционирования окказиональных производных с интегральным компонентом *праздник* в русскоязычном медиадискурсе.

Целью исследования является установление семантико-прагматического потенциала исследуемых производных в текстах современных СМИ.

В настоящее время общество находится в постоянном поиске всевозможной информации. Активное развитие, ритм жизни, компьютеризация, а также легкий доступ в Интернет – все это относится к факторам, которые, по справедливому утверждению исследователей, активно влияют на способы представления информации и, следовательно, на ее восприятие [5, с. 22]. Ученые подчеркивают, что именно медиасфера становится сегодня транслятором и ретранслятором новых норм, убеждений, ценностных ориентиров (см. работы М. Ю. Казак, Г. С. Мельник, Н. Ю. Печетовой, Е. О. Опариной, А. А. Ямалтдиновой и др.). Термин медиатекст, появившись в конце XX в. в зарубежной коммуникативистике, привлек к себе внимание и в отечественной науке. При этом в трудах отечественных исследователей обращается внимание на тот факт, что отличительной чертой современных медиатекстов является их наполненность образными средствами, представляющими сегодня основу языкового манипулирования. В систему таких единиц входят и окказиональные производные, которые, реализуясь в контексте, формируют новые смыслы и, безусловно, привлекают внимание целевой аудитории.

Окказионализмы не представляют собой принципиально новое явление в русском языке, однако процесс их образования на рубеже веков значительно активизировался, расширился диапазон сфер их функционирования и реализации, способов их образования [3]. Подчеркнем, что в настоящее время отсутствует единое понимание термина «окказионализм», поскольку среди интерпретаций исследователей фиксируются различные расхождения. Более того, разночтения фиксируются и на уровне терминологии. Так, их называли «индивидуальными словами», «словами-самodelками», «одноразовыми неологизмами», «стилистическими неологизмами», «литературные неологизмы», «слова-метеоры» и т.д. [3]. Бесспорным представляется тот факт, что главными признаками окказиональных слов являются следующие: словообразовательная производность, постоянная новизна, отсутствие факта вхождения в систему языка, тесная связь с контекстом, особая выразительность, связь с определенной ситуацией, а также принадлежность определенному автору [9, с. 70].

Классифицируя окказионализмы по способу их образования, Е. А. Земская делит их на следующие группы: окказионализмы, которые образованы по аналогии с непродуктивными моделями; окказионализмы, которые образованы с нарушением законов системной продуктивности; окказионализмы, которые созданы по

какому-либо конкретному образцу [6, с. 302]. В предлагаемой статье мы рассматриваем окказиональные единицы, относящиеся к третьей группе.

В современном медиапространстве отмечается широкое использование окказиональной лексики, что может быть мотивировано желанием найти отклик среди читателей, поскольку их характер позволяет «понизить» уровень формальности, что может быть позитивно расценено массовым адресатом. В предлагаемой статье мы продемонстрируем данную идею на примере окказиональных производных слова *праздник*.

Анализ показал, что при формировании окказиональных единиц от исследуемого слова наиболее частотными являются производные с препозитивным компонентом *полу-*. Являясь препозитивным компонентом сложных слов, *полу-* характеризуется полисемантической и полифункциональностью, однако в медиапространстве реализуется только в значении «не в полной мере» и зачастую имеет ироничную коннотацию: *Сегодня в Липецке: Старый Новый Год, липчане просят разрешить брать на работу кошек и собак... Рассказываем, как провести сегодняшний **полупраздник*** (gorod48.ru, 14.01.2025). Использование анализируемой лексемы может быть обусловлено тем, что указанный день не является выходным, не имеет такого распространения и широты празднования. Можно сделать вывод, что лексема *полупраздник* используется для обозначения какого-либо события или даты, которые, по мнению журналиста, выходят за пределы обыденности, повседневности, но не относятся к праздничным датам и, как следствие, не являются выходными днями.

Интересным для анализа представляется окказионализм *псевдопраздник*. Препозитивный компонент *псевдо-*, имеющий значение «ложный», «мнимый», в контекстах реализуется с негативной коннотацией и обращает внимание на отрицательное отношение к определенному событию: *Тыквенное мракобесие, или зачем нам этот **псевдопраздник*** (<https://m.ok.ru/group>, 27.10.2022). Так, в приведенном контексте акцентируется внимание на резко негативном отношении автора медиастатьи к Хэллоуину, подчеркивается, что это «мракобесие», имеющее деструктивные характеристики. Можно заключить, что такой «псевдопраздник» не должен иметь место в российском обществе, поскольку несет разрушительные послы.

С позитивной коннотацией в актуальных медиатекстах реализуются окказиональные производные с препозитивным компонентом *супер-*, определяемым в лексикографических источниках в значении «высокого качества», «самый лучший». Такое значение зачастую реализуется и в медиатекстах: ***Суперпраздник** в Год семьи был проведен зеленодольским обществом глухих... Задорно, забавно, превосходно, замечательно – так отзываются о мероприятии на СК «Авангард» его участники* (zpravda.ru, 08.06.2024). В данном контексте лексема *суперпраздник* имеет положительную коннотацию, а создаваемый образ реализуется в сочетании с адъективами *превосходно, замечательно*. Становится ясно, что у посетителей остались только положительные эмоции после праздника. На этом основании мы можем заключить, что слово *суперпраздник* реализуется в значении «мероприятие, которое положительно отпечаталось в сознании людей». Со сходной семантикой данное слово реализуется и в следующем контексте: *«**Суперпраздник** на площади»: такой потрясающий размах впервые во Владивостоке* (portofranko-vl.ru, 05.11.2024).

Таким образом, можно заключить, что окказиональное словообразование является важным элементом языковой системы. В настоящее время окказионализмы являются объектом исследований множества лингвистов и занимают значимый пласт в науке о языке. Проблема изучения окказионализмов получила свое распространение еще в середине XX века. До сих пор интерес к данной теме прослеживается в трудах многих ученых.

Анализ новостных медиатекстов продемонстрировал широкий окказиональный потенциал современной медийной среды. Привлекая внимание потенциального адресата своей яркостью, образностью, новизной, окказионализмы привносят в текст новые оттенки значений и формируют новый коннотативный фон, что делает медиатекст более действенным и перспективным.

Список использованных источников

1. Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте: структурно-семантический анализ : учебное пособие / Н. Г. Бабенко. – Калининград : Калинингр. гос. ун-т, 1997. – 79 с.
2. Бутахина, Л. А. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Л. А. Бутахина, А. В. Филипова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – № 2. – 2012. – С. 7–14.
3. Годизова, З. И. Окказионализмы в современном русском языке рубежа веков: семантико-словообразовательный аспект / З. И. Годизова, Ши Яньнин // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2023. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalizmy-v-sovremennom-russkom-yazyke-rubezha-vekov-semantiko-slovoobrazovatelnyy-aspekt> (дата обращения: 12.03.2025).
4. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь) : учебное пособие / Т. Г. Добросклонская. – Москва : Флинта, 2008. – 263 с.
5. Ерещенко, М. В. Медиатекст как новая форма интернет коммуникации / М. В. Ерещенко, К. Кучеренко // Молодой ученый. – 2016. – № 7(4) – С. 22–23.
6. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учебное пособие / Е. А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Флинта, 2011. – 328 с.
7. Пацула, Ю. Н. Окказионализмы новейшего времени: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ю. Н. Пацула. – Ростов-на-Дону, 2005. – 18 с.
8. Сметанина, С. И. Медиатекст в системе культуры : динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С. И. Сметанина. – Санкт-Петербург : Изд-во В. А. Михайлова, 2002. – 382 с.
9. Фельдман, Н. И. Окказиональные слова и лексикография / Н. И. Фельдман // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64–73.

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

УДК 811.161.1

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

О. И. Андрейченко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Огромная популярность когнитивных исследований в современной науке способствовала формированию нового, когнитивного, подхода и к изучению фразеологии. Появление работ Н. Ф. Алефиренко, В. Н. Телия, В. М. Мокиенко, Е. А. Селивановой, В. А. Масловой, Л. В. Савченко, Л. Ф. Щербачук и др., в которых предпринимаются попытки изучения фразеологизмов как средства концептуализации, т.е. отражения концептуальной картины мира, или категоризации, т.е. отражения

ценностной / аксиологической картины мира. Изучение фразеологизмов как свёрнутых текстов культуры представлено в работах В. Н. Телии, В. А. Масловой, М. Л. Ковшовой и др. По мнению исследователей, фразеологизм – это микротекст, в котором хранится зашифрованный с помощью «кода культуры» определённый сюжет или ситуация.

Национально-маркированными, по мнению многих исследователей, являются фразеологизмы с уникальными и квазиуникальными компонентами, нестандартными морфологическими формами компонентов, собственными именами, компонентами-реалиями, являющимися показателями связи фразеологизма с конкретной культурой.

Цель исследования – описать фрагмент соматического кода культуры и его фразеологическую репрезентацию в составе заголовков крымских газет.

Результаты исследования. В зафиксированных заголовках фразеологические единицы эксплицируют актуальные для лингвокультурного сообщества культурные коды, с помощью которых реализуется опосредованный способ передачи культурной информации, т.е. через соотнесенность ассоциативно образной основы с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры [3, с. 278].

Позаимствовав понимание термина «код» из лингвосемиотики, специалисты по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, этнолингвистике единодушны в его интерпретации, предложенной В. В. Красных, которая определила код как «сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его» [2, с. 297–298].

Соматический код является наиболее древним и содержательным, поскольку постижение окружающего мира начинается с познания человеком самого себя. Его выделяют и описывают многие исследователи: В. В. Красных, В. Н. Телия, Е. А. Селиванова, Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова (*телесный код*). Соматическим кодом культуры считают совокупность обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках, действиях, пространственных и временных «измерениях» тела в целом или его частей, он является источником осмысления человеком мира [4, с. 89].

Для публицистического дискурса характерны ФЕ с компонентами-соматизмами **рука, глаз, голова, язык, горло, зубы, рот, печень** и др. Семантико-функциональный анализ таких фразеологизмов позволил выделить единицы с общими или близкими значениями и установить, что наиболее продуктивным в заголовочном комплексе является компонент-соматизм **рука**.

Продуктивными для публицистического дискурса являются ФЕ с компонентом **рука**: *дело (работа) горит в руках, держать в [своих] руках, золотые руки, мастер на все руки, на скорую руку, переключать (переложить) на плечи, по плечу, руки чешутся (зачесались), чужими руками, из рук вон плохо <скверно>, нести <тащить, везти> тащить, везти на своих плечах, не покладая рук* и др.

В анализированных заголовках фразеологизмы с компонентом-соматизмом **рука** актуализируют следующие значения:

а) активные действия человека, имеющие различные последствия: *Правая и левая рука главного коммуниста России* [Крымские известия, 18.11.2021]; *Правая рука не ведает, что творит левая* [Крымские известия, 29.11.2019]. Иногда заголовки представляют фразеологизмы в нетрансформированном виде, таким образом происходит двойная актуализация ФЕ, при которой равноправная реализация прямого и фразеологического значений оборота осуществляется за счет его смыслового взаимодействия с элементами контекстного окружения, т.е. в рамках фразеологических конфигураций – структурно-семантических и стилистических единств, образуемых фразеологической единицей и ее актуализатором. Например, в статье *Власти «умыли руки»* речь идет об экономии бюджетных средств на тушение пожаров [Крымские известия, 08.08.2019];

б) характеристика исполнителей определённых действий: *На все руки мастер* (статья о крымском ювелире) [Крымские известия, 10.03.2022]; *На все руки трансфер* [Крымские известия, 11.05.2021]. Часто компонент *рука* в исследуемых заголовках метафорически интерпретирует различные виды политической деятельности, причем руки могут быть *честными, чистыми, грязными, нечистыми* и т.д. Соматизм *рука* в публицистическом дискурсе актуализирует сему 'власть': *Сильная рука в управлении государством* [Крымские известия, 21.06.2020].

Значение соматизма *глаз* основывается на анатомических знаниях человека об особенностях человеческого организма и связи физической возможности видеть с зеницей (зрачком) – «отверстие в радужной оболочке глаза, сквозь которое в него проникает световой луч; в зависимости от количества света оно то сужается, то расширяется; символ самого дорогого (для человека – это возможность видеть), соответственно и говорят о чем-то очень дорогом для каждого» [1, с. 246]. Именно в таком значении употребляется фразеологизм в заголовке *Как зеницу ока...* (статья о крымских лесах) [Крымские известия, 19.12.2022].

Соматизм *ноги*, как показывает материал, является неотъемлемой частью публицистического дискурса: *«Крым встанет на ноги»: полуостров может стать транзитной территорией* [Крымские известия, 16.03.2022].

Компонент-соматизм *колени* в ФЕ эксплицирует значение, возникшее на осознании человеком анатомических особенностей расположения этой части тела, функциональных особенностей, например, заголовок *Море по колено...* [Крымские известия, 18.04.2019].

Выводы. Таким образом, использование в заголовках фразеологических единиц основывается на применении лингвокультурных знаков, хорошо известных носителям русской лингвокультуры. Использование известных русскому языковому сообществу кодов, в частности соматического, апеллирует к тем отдаленным слоям знаний, которые составляют основу когнитивной базы и требуют своего дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Жайворонок, В. В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / В. В. Жайворонок. – Київ : Довіра, 2006. – 703 с.
2. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – Москва, 2003. – 375 с.
3. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. – Москва, 2007. – 319 с.
4. Савченко, Л. В. Функции соматического кода культуры в формировании фразеосистемы русского и украинского языков / Л. В. Савченко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Том 27 (66). – № 1. Ч.2 – С. 88–92.

СОВЕТСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КИНОФИЛЬМА «КАВКАЗСКАЯ ПЛЕННИЦА»)

А. О. Борисенко,

*обучающаяся 1-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Сегал Н. А., д. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В работе рассматриваются особенности реализаций прецедентных конструкций, апеллирующих к советскому кинематографу, в русскоязычном медиадискурсе. На примере конструкций из кинофильма «Кавказская пленница, или новые приключения Шурика» выявляется семантико-прагматический потенциал известных фраз в актуальных СМИ.

Актуальность работы заключается в значимой роли прецедентных единиц в актуальном медиапространстве. Апеллирование к истокам и особенностям развития прецедентных единиц позволяет установить особенности манипулирования массовым сознанием в современной медийной сфере.

Целью данного исследования является рассмотрение прецедентных единиц, восходящих к советскому кинематографу, в актуальном медиапространстве. На примере прецедентных конструкций из кинофильма «Кавказская пленница» раскрываются особенности реализации подобных единиц в средствах массовой информации.

Задачи исследования заключаются в комплексном анализе прецедентных конструкций, апеллирующих к кинофильму «Кавказская пленница», как составляющих актуального медиадискурса.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный, интерпретационный, метод семантического анализа и сравнительно-сопоставительный.

Результаты исследования. Прецедентные тексты не только отражают и фиксируют значимые культурно-исторические события, но и подвергаются динамичным трансформациям, адаптируясь к меняющимся условиям и ситуациям.

Современное общество, живущее в эпоху цифровых технологий, активно использует прецедентные единицы в различных сферах жизни – от повседневной речи до медиа и рекламы. Значимая роль таких единиц обусловлена тем, что они помогают передавать смысл кратко, точно и эффективно, но при этом требуют от участников дискурса определенного уровня культурной осведомленности. Таким образом, прецедентные единицы не только фиксируют значимые культурные и исторические события, но и отражают их в контексте новых реалий. Их анализ важен как для лингвистики, так и для социологии, культурологии, психологии и медиакommunikации, поскольку помогает исследовать процессы сохранения, трансформации и передачи знаний в обществе. В данном исследовании проводится установление семантико-прагматического потенциала прецедентных конструкций из кинофильма «Кавказская пленница, или новые приключения Шурика» (режиссер – Л. Гайдай) в текстах русскоязычных СМИ.

Многим зрителям кинокартина запомнилась различными яркими репликами, которые впоследствии стали использовать в медиаресурсах (например, для названия статей). Показательным представляется тот факт, что при объективации в контекстах предполагаются различные структурно-семантические характеристики данных единиц. Подтвердим данный тезис конкретными языковыми фактами.

1. Сохранение всех компонентов прецедентной единицы

Да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире! (<https://www.inpearls.ru/1041773>). В кинофильме данная структура встречается в конце ленты, на суде товарища Саахова. При входе судьи в зал все сидящие встали поздороваться и проявить уважение, а Трус произнес вышеприведенную фразу. Таким образом, герой хотел смягчить себе наказание за «комплимент» в сторону суда. В обозначенной статье автор рассуждает о правах судить других людей. По его мнению, человек не должен наказывать другого, у каждого свой путь и свои ошибки. Следовательно, Виктор Лествишев (герой статьи) подчеркнул необходимость быть честным и справедливым не только перед собой и окружающими, но и перед Богом. Под «судом» в приведенном контексте понимается, таким образом, как суд земной, так и суд Небесный.

Жить, как говорится, хорошо. - А хорошо жить еще лучше! (<https://psycholog.ru/2015/02/zhit-xoroshho-a-xoroshho-zhit-eshhe-luchshe/>). В работе Леонида Гайдая данная структура приводится в начале фильма, когда герои Трус, Балбес и Бывалый пьют квас на улице. Хорошая погода, приятные люди и любимый напиток. Режиссер подчеркивает, что необходимо наслаждаться каждой минутой, так как любая деталь в течение дня может поднять настроение человеку. На сайте под данным заголовком психолог дает советы о правильной и гармоничной жизни, которая будет приносить удовольствие человеку без негативных последствий ему и окружающим. В частности, автор рекомендует не расстраиваться при совершении ошибок, так как именно благодаря им человек получает опыт.

А ты не путай свою личную шерсть с государственной (<https://www.vesti.ru/article/2018926>). В кинофильме данная конструкция произносится товарищем Саахом при диалоге с Джабраилом. Первый герой желает жениться на племяннице своего оппонента, однако тот не соглашается с условиями женитьбы и вовсе не хочет отдавать девушку. Саахов настаивает на своем и выходит следующий диалог: « - Двадцать пять баранов в то время, когда наш район еще не полностью рассчитался с государством по шерсти и мясу!.. // - А ты не путай свою личную шерсть с государственной!..» (х/ф «Кавказская пленница»).

Обозреватель радио «Вести ФМ», Андрей Светенко, отображает страшную реальность: все драгоценности правителей Российской Империи увозятся за границу на различные аукционы и продажи. Данная система начала зарождаться, по мнению большинства, при Сталине, однако, по мнению автора статьи, такое поведение замечалось и в 1920 годы при правлении Ленина. Чуть позже государство изменило процедуры продажи вещей, но смысл остался тот же, что и возмущало население страны.

Выводы. Таким образом, можно заключить, что конструкции из советских кинофильмов обладают высокой степенью узнаваемости и, как следствие, манипулятивным потенциалом. Реализуясь в актуальном медиапространстве, они не просто привлекают внимание читателей, но и доносят новые смыслы, отражают актуальные социополитические события.

Список литературы

1. Светенко, А. А ты не путай свою личную шерсть с государственной / Андрей Светенко // ВестиRU : [сайт]. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2018926> (дата обращения: 24.01.2025).

2. Лествишев, В. Да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире! / Виктор Лествишев // Жемчужины мысли : [сайт]. – URL: <https://www.inpearls.ru/1041773> (дата обращения: 27.01.2025).

3. Psychologist. Жить хорошо, а хорошо жить еще лучше / Psychologist // Советы психолога : [сайт]. – URL: <https://psych-olog.ru/2025/02/zhit-xoroshho-a-xoroshho-zhit-eshhe-luchshe/> (дата обращения: 27.01.2025).

УДК 81'373

ЗАГАДКА КАК ИНОСКАЗАТЕЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ

А. В. Вознюк,

*обучающаяся 4-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Забашта Р. В., к. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Каждый предмет, ставший предметом мысли, имеет словесное обозначение. В речи используются номинативные средства, которые закреплены в современном русском языке, их лексическое значение известно. Однако возможно иное упоминание о том или ином предмете: иносказательное выражение понятия предполагает особое наименование. Такое явление часто наблюдается в загадках, где определённый объект (денотат) прямо не называется, но его зашифровывают, т.е. говорят о нём, используя не прямые средства обозначения.

Актуальность данной работы обусловлена проявлением интереса в современных лингвистических работах к описанию различных способов номинации, в том числе при использовании паремиологических единиц. В данном исследовании предпринята попытка систематизировать номинационные особенности в структуре русских народных загадок с общим денотатом-отгадкой 'домашняя утварь'.

Цель данной работы – функционально-семантическое описание загадки как номинативного варианта языкового понятия.

Данная цель обусловила постановку следующих **задач**:

- 1) охарактеризовать понятие «загадка», выявить его типовую номинационную структуру;
- 2) рассмотреть загадку как номинативный вариант семантемы, реализуемый в особой номинационной позиции – в условиях языковой игры;
- 3) проанализировать соотносительные компоненты текста загадки с нормативным толкованием отгадки-денотата в лексикографических источниках.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный метод, лексикографический метод, сопоставительный метод, структурный метод, общий функциональный (ономасиологический) подход, предполагающий рассмотрение загадки как особой номинации, т.е. предполагающий исследовательское движение от языкового понятия к средствам выражения.

Результаты исследования. На рубеже XIX–XX веков в языкознании зародилось научное понятие «функционализм», которое изначально использовалось только в архитектуре. Сейчас функционализм стал ведущим направлением лингвистических исследований.

В «Тезисах Пражского лингвистического кружка» рассматривается подход к лингвистическому анализу с функциональной точки зрения, так как с этой точки зрения

язык является системой средств выражения, служащий какой-либо определённой цели: «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с тем имеет целевую направленность. Анализ речевой деятельности как средства общения показывает, что наиболее обычной целью говорящего, которая обнаруживается с наибольшей чёткостью, является выражение» [5, с. 69]. Идеи пражцев в известной степени продолжают развиваться. Так, становление функциональной семантики как одного из направлений лингвистического функционализма происходит в трудах А. М. Кузнецова, Л. А. Новикова, Т. П. Ломтева, Ж. П. Соколовской, А. Н. Рудякова. Свой вклад в развитие идей функциональной семантики внесли исследователи Крымской школы функциональной лингвистики: А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев, Р. В. Забашта, М. Г. Маркина-Гурджи, Л. А. Моря и др.

Название объекта как активный объект исследования предполагает определённый замысел языковой личности, в особенности в условиях языковой игры. Номинативная функция в данном случае выступает особой функцией, отражающей намерение говорящего. А. Н. Рудяков выделяет «номинативную» функцию знака: «Именованье – необходимая предпосылка коммуникации и регуляции» [4, с. 14–15], поэтому наличие различных разноструктурных номинаций в языке обязательно и необходимо. Именуемая функция образует единство всех средств номинации. Все средства, включая паремии, в таком единстве предназначены для конкретного типа номинативных позиций.

Обращаясь к анализу загадок конкретной тематической группы, стоит отметить, что они служат одним из способов именования предмета, однако в виде определённого кода, требуют разгадки, дешифровки номинационных признаков. Загадка – короткое, лаконичное, образное описание чего-либо, обозначающее какой-либо предмет или явление, обязательно требующее разгадки. С функционально-семантической точки зрения, загадка – один из возможных номинативных вариантов языкового понятия (сигнификата), реализуемых в определенной позиции номинации (в данном случае мы говорим о намерении говорящего зашифровать признаки денотата в условиях языковой игры). Значимость загадки заключается в семантическом выражении образа предмета номинации, который переосмыслен [1, с. 177].

Рассмотрим определённые речевые формулы, с помощью которых были созданы проанализированные загадки.

Переосмысление таких значений в процессе иносказательной номинации, а именно в загадке, часто происходит с использованием особых тропов. Метафора часто использовалась в загадках, которые касались тематики быта. Отметим некоторые примеры, иллюстрирующие подобные явления.

«*Сверху – дыра, снизу – дыра, / Посередке – война*». Ответом-денотатом является самовар. В основе этого текста лежит скрытое сравнение: бурление воды сравнивается с войной, потому что такой процесс может сопровождаться небольшим шумом и большим количеством пара, что может напоминать какое-либо противостояние. В толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова представлена следующая дефиниция: «Металлический сосуд для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой углями» [2]. Соотнесём семы из текста загадки с теми, которые даны в определении отгадки-денотата. Если самовар – это ‘металлический сосуд’, то в тексте паремии он представляется лишь некоторыми элементами этого предмета быта: «сверху – дыра, снизу – дыра». А под ‘топкой’ внутри подразумевается ‘война’.

«*Мах, мах, под лавку ляг*» [3]. Ответ-денотат – «веник». В словаре С. А. Кузнецова предложено следующее лексическое значение: «Связка прутьев или веток с листьями для подметания полов, для парения в бане» [2]. В данном случае повторяющееся слово «мах» обозначает звук, который появляется при быстром движении эти предметом в воздухе. Семантику слова «мах» можно соотнести с

следующими семами из дефиниции: 'подметание', 'парение'. «Под лавку ляг» – номинативный комплекс, создающий индивидуальный признак, отсутствующий в блоке толкования, но который обозначает характерное место хранения предмета. Веники, как правило, хранили в тёмных местах, в углах или под скамьями.

Нами было зафиксировано также использование имён собственных, указывающих на денотат. Такой выбор может проявляться на ассоциативном уровне. Рассмотрим следующий пример: «Туда Митя, сюда Митя, и под лавку ушёл» [3]. Ответ-денотат – «веник». Благодаря такому приспособлению можно производить уборку, подметая помещение. Прибор движется в определённом направлении: туда-сюда, как сказано в загадке. Однако стоит отметить, что имя собственное «Митя» выбрано не случайно, оно может быть связано как с фоническими особенностями слова, обозначающего соответствующее действия (глагол «мести»), так и с наиболее распространённым мужским именем.

Отметим группу загадок, которые строятся в форме вопроса. В самом вопросительном предложении содержится подсказка, а начинается оно с вопросительного местоимения «кто». Такое диалогическое единство, имеющее вопросно-ответную форму, встречается часто, потому что такую формулировку загадок проще придумать, поскольку она соответствует привычной устно-обиходной речи: стоило начать предложение с лексемы «кто», а далее описать внешний вид предмета, а также выполняемые им действия, и процесс «дешифровки» активизируется максимально. Рассмотрим примеры подобных паремий. «Кто не имеет ни головы, ни рук, ни ног, а везде ходит и всех обманывает?» [3]. Ответом-денотатом в данном случае является «безмен». В предложенной загадке предмет олицетворяется, о нём говорится как о живом. Подразумевается, что вещь может перемещаться, однако при этом совершать ещё одно действие – обманывать. Именно этот глагол должен навести на мысль о верном ответе, так как он стоит после противительного союза «а», который сужает круг предполагаемых ответов. В толковом словаре С. А. Кузнецова дано следующее толкование слова «безмен»: «Ручные рычажные или пружинные весы» [2]. В семантической структуре паремии актуализированы индивидуальные семы, так как в словарном определении отсутствуют признаки, которыми наделён загаданный предмет.

Выводы. Таким образом, в рамках иносказательной номинации изучаются ассоциации по сходству и различию между различными признаками элементов внеязыкового ряда и признаками нового обозначаемого. Загадка – разновидность паремий, которая отличается своим содержанием и структурой, представляющая иносказательное творческое воспроизведение какого-либо явления или предмета.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – С. 170–189.
2. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург, 1988. – 900 с.
3. Подюков, И. А. Русские народные загадки Пермского края : сборник фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями / И. А. Подюков, А. В. Черных. – Санкт-Петербург : Издательство «Маматов», 2012. – 256 с.
4. Рудяков, А. Н. Язык, или Почему люди говорят: опыт функционального определения естественного языка : монография / А. Н. Рудяков. – Москва : Флинта, 2012. – 160 с.
5. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика. Структурализм: «за» и «против» / Р. Якобсон. – Москва, 1975. – 198 с.

**ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА
«КУЗНЕЧИК»)**

А. В. Гаркавенко,

*обучающаяся 4-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Забашта Р. В., к. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Исследование посвящено интерпретации стихотворения Велимира Хлебникова «Кузнечик» и анализу проблем, возникающих при восприятии художественного текста. Ключевой проблемой является сложность понимания художественного языка автора, его экспериментальной поэтики, а также влияние контекста – как исторического, так и личностного – в процессе индивидуального чтения и осмысления текста как функциональной целостности. Анализ стихотворения ориентирован на выявление приемов, способствующих возникновению разнообразных и часто противоречивых толкований, а также на исследование способов преодоления этих трудностей в процессе интерпретации.

Актуальность исследования заключается в необходимости разработки методологии анализа и интерпретации экспериментальных художественных текстов, демонстрирующих высокую степень сложности их восприятия. Анализ восприятия текста позволяет выявить универсальные механизмы взаимодействия читателя с нестандартным текстом, уточнить критерии интерпретации и сформировать различные стратегии понимания художественных произведений.

Целью данного исследования является анализ особенностей восприятия стихотворения, выявление факторов, затрудняющих его интерпретацию, и разработка на основе концепций В. П. Белянина и Н. А. Рудякова методических шагов, приближающих к пониманию текста на основе анализа языковых, стилистических и регулятивных особенностей художественной речи.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный метод, который предполагает выявление релевантных признаков, т.е. первичный анализ эмпирического материала и основных теоретических положений, метод психолингвистической интерпретации, компонентного и функционального анализа, контекстологический метод, метод стилистического анализа текста.

Результаты исследования. Согласно базовым постулатам психолингвистики, организующим центром художественного текста выступает его экспрессивно-смысловая (эмотивная) доминанта. Наиболее важным постулатом психолингвистики, идущим от Л. В. Щербы, является утверждение о том, что «текст не существует вне его создания или восприятия» [6, с. 38]. Подход к тексту как к стимулу для читателя, создающего собственную проекцию текста в своем сознании, предполагает, что эта проекция может отличаться от авторского представления о смысле текста.

В основе интерпретации, считает В. П. Белянин, лежит когнитивная предзаданность и гармонизация картин мира автора и читателя: «Основопологающим для психолингвистического анализа результата восприятия художественного текста

является положение о подобии интеллектов. Из него следует, что текст воспринимается наиболее адекватно тем читателем, психологические особенности которого наиболее близки авторским» [1, с. 211].

Необходимой задачей при психолингвистической интерпретации текста становится создание базовой структуры текста – его научной интерпретации, сравнение с содержательными компонентами которой индивидуально-субъективных интерпретаций и составляет предмет нашего исследования. Таким инструментом анализа может послужить метод стилистического анализа, предложенный в работах Н. А. Рудякова [3]. Метод предполагает следующие этапы исследования: 1. Определение композиции. Выделение исходной части произведения, в которой изображается факт объективной действительности, как он отражается в обыденном сознании, и основной части, выражающей отношение автора к изображаемому факту, предмету, явлению. 2. Выявление соотнесённости языковых единиц в двух частях. Разделение их на вспомогательные, подготавливающие к семантическому сдвигу, и основные. 3. Открытие и понимание стержневого элемента. Анализ текста осуществляется на двух этапах: выясняется значение слов, составляющих стержневой элемент в толковом словаре, затем выявляется новый семантический признак, новое авторское значение языковой единицы именно в границах данного поэтического текста [3, с. 12]. С целью иллюстрации особенностей исследовательских шагов, описанных ранее, обратимся к анализу и интерпретации стихотворения Велимира Хлебникова «Кузнечик» [4, с. 38].

Основным эстетическим приемом в данном тексте является антропоморфизация представлений о насекомом. Кузнечик, согласно толковому словарю С. А. Кузнецова, – «прыгающее насекомое, издающее стрекочущие звуки» [2, с. 443]. И главный смысл даже не в том, что описываемое насекомое наделяется якобы человеческими материальными качествами: он «уложил» траву в свой «кузов пуза», – но в том, что движения насекомого сравниваются с интеллектуальной деятельностью с помощью знаковой системы, а именно: «крылышкуя золотописьмом». Следовательно, вербальный образ кузнечика осложняется признаками не только природного качества, но и социального, точнее – культурного. Соотнесённость таких языковых средств, как имена существительные в форме множественного числа («трав» и «вер») еще в большей степени актуализирует этот смысл.

Звукоподражательный ряд «пинь, пинь, пинь» – повторение, имитирующее звук, который издает птица, данный элемент изображения создаёт ощущение мгновенного присутствия (глагольная форма однократности «тарарахнул») и образует определенную ассоциативную связь со звуковой картиной природы. Слово «зинзивер» в Словаре русских народных говоров имеет следующее значение: «Зинзивер, а, м. 1. Птица *Parus major* L. обыкновенная или большая синица» [5, с. 205]. Использование этого слова способствует созданию в стихотворении Хлебникова еще одного яркого образа, что усиливает и расширяет возникающий ассоциативный ряд за счёт народной этимологии и культурного контекста. Так, звуковая организация стихотворения способствует созданию целостного эмоционального впечатления от всего произведения в целом.

Предметом изображения является кузнечик как средство передачи комплекса ощущений, связанных с человеческой жизнью. Основная часть текста, образуемая с помощью двух фраз, каждая из которых начинается с междометия «о», передает эмоциональный восторг, оценку героем ощущаемого.

Стержневым элементом, на наш взгляд, являются языковые средства, описывающие ощущение от восприятия кузнечика в описываемых условиях.

Стихотворение характеризуется использованием ярких, образных языковых единиц. В тексте присутствует большое количество окказионализмов («крылышкуя»,

«золотописьмо, «лебедиво», «озари»»), что создает эффект недопонимания, заставляя читателя работать над анализом текста, активизируя лексико-семантические процессы и когнитивные функции, связанные с поиском смысла. Использование окказионализмов и необычных сочетаний слов заставляет искать возможные ассоциации и аналогии, имеющиеся в сознании читателя.

Анализируя последнюю строчку стихотворения («О, озари!») можно понять, что действие происходит либо в рассветное, либо в закатное время, так как данная лексема, вероятно, образована от слова «заря» – «яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца» [2, с. 399].

В целом, стихотворение «Кузнечик» представляет собой сложную психолингвистическую структуру, требующую от читателя активного участия в процессе понимания, в том числе особой работы над грамматическими формами и морфемной структурой языковых средств. Восприятие текста включает в себя не только когнитивные, но и эмоциональные процессы. Нестандартный язык и образность создают уникальный эффект, запоминающийся и вызывающий разные, порой противоречивые, эмоциональные реакции.

Выводы. В заключение следует отметить, что проблема восприятия художественного текста является многоаспектной и сложной, требующей междисциплинарного подхода, объединяющего лингвистику, психологию, литературоведение и множество других дисциплин.

Анализ особенностей понимания текста, показывает, что сложность восприятия обусловлена не только инновационными формами художественного языка, но и влиянием историко-культурного контекста, а также индивидуального опыта и когнитивных способностей читателя. Только комплексный подход позволит понять механизмы взаимодействия читателя с художественным текстом, а также выявить универсальные закономерности процесса понимания и интерпретации нестандартных текстов в целом.

Как показал анализ стихотворения «Кузнечик», в нем отсутствует логико-семантическая структура, позволяющая интерпретировать содержательную сторону текста, однако соотнесенность языковых средств, в том числе индивидуально-авторских, дает возможность описать обобщенное эмотивное содержание, влияющие на восприятие стихотворения.

Список литературы

1. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В. П. Белянин. – Москва : Изд-во Моск. Ун-та, 1988. – 321 с.
2. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – Санкт-Петербург : Норинт ; Москва : Рипол классик, 2008. – 1534 с.
3. Рудяков, Н. А. Основы анализа художественного текста / Н. А. Рудяков. – Киев : Наукова думка, 1989. – 152 с.
4. Хлебников, В. Творения / В. Хлебников ; составление, подготовка текста и комментарии В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. – Москва : Советский писатель, 1986. – 736 с.
5. Филин, Ф. П. Словарь русских народных говоров / Ф. П. Филин. – 2 изд. – Санкт-Петербург : Наука, 2002. – 823 с.
6. Щерба, Л. В. Опыт лингвистического толкования стихотворений / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – Москва, 1957. – 221 с.

**АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЕ ПОЛЕ КАК СПОСОБ
МОДЕЛИРОВАНИЯ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «ДОБРО»)**

А. И. Гросу,

*обучающаяся 1-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Коновалова Е. А., к. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В рамках данной работы проведено исследование ассоциативно-вербального поля лексемы «добро». С помощью ассоциативного эксперимента исследуют лексику, национально-культурную специфику языкового сознания носителей русского языка. Исследование ассоциативных полей предоставляет уникальную возможность увидеть, как определённые слова могут формировать наше восприятие и интерпретацию эмоций. **Актуальность** исследования заключается в уникальной возможности разобраться в структуре и функциях человеческого сознания. Эмоции и чувства являются важными аспектами психической жизни человека, и их лексическое выражение в языке отражает не только индивидуальное переживание, но и коллективное сознание. Понимание того, как слова вызывают определённые ассоциации, позволяет глубже исследовать механизмы мышления и восприятия.

Целью данного исследования является анализ ассоциативно-вербального поля лексемы *добро* в языковой картине мира для лучшего понимания семантических связей и эмоциональной окраски.

Задачи исследования: 1) описать теоретическую базу исследования; 2) систематизировать данные об ассоциативном эксперименте; 3) установить особенности лексикографического представления психологических значений; 4) провести сопоставительный анализ лексических значений и результатов эксперимента.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный метод, метод сопоставительного анализа, семантический метод, метод количественной обработки данных, сравнительный анализ.

Результаты исследования. Направленный ассоциативный эксперимент предполагает, что слово-стимул предлагается испытуемым с некоторыми ограничениями для ассоциативных реакций – экспериментатор направляет ассоциации испытуемых в определённое русло, в нужном ему направлении. Уточняющие вопросы направленного ассоциативного эксперимента дают возможность получить большее количество ассоциаций, отражающих различные дифференциальные и оценочные признаки глаголов семантики исследуемого слова [3, с. 166].

Основной трудностью проведения направленных экспериментов является необходимость корректной формулировки вопросов-стимулов. Они не могут быть универсальными для всех типов лексических единиц, таких как слова одной части речи, или для определённых семантических групп. Вопросы должны специфически соответствовать значению исследуемого слова.

Одним из методов анализа ассоциативного поля, полученного в результате ассоциативного эксперимента, является построение семантического гештальта. Этот

подход, предложенный Ю. Н. Карауловым, служит способом представления знаний о мире в языковом сознании носителей определённого языка. Метод основывается на семантических классификациях реакций, входящих в поле, и состоит из нескольких семантических зон: субъект, объект, характеристика, действие и состояние, локус, время и эго [2, с. 151–186].

Для проведения сравнительного анализа прежде всего обратимся к лексическому значению. Результаты ассоциативного эксперимента подтверждают актуальность значения 1) всё хорошее, положительное, направленное на благо. Не нашли отражение в языковом сознании значения: 2) вещи, имущество скарб, 3) о чем-то плохом, негодном, ненужном [1, с. 153]. Сравнение со словарем синонимов дало следующие результаты. Совпал только один синоним: *благодетель*. Результаты ассоциативного эксперимента пополняют область синонимов: *благо, забота, добролюбие*.

Используя методические приемы Ю. Н. Караулова, выделили ассоциативные гештальты. Семантическая зона «Субъект» включает семантические субзоны «человек» (*мама 7, Бог 2*) и «коллектив» (*друзья 2*). Семантическая зона «Объект» состоит из субзон «антонимы» (*зло 189, и зло 15*), «синонимы» (*хорошо 18, счастье 5, благо 3*), «атрибуты» (*свет 13, помощь 7, качество 3, волшебство 2*). Семантическая зона «Характеристика» представлена субзонами «положительная» (*чистое 2*) и «нейтральная» (*белый 2*), а «отрицательная» отсутствует. Семантическая зона «Действия и состояния» представлена только одной субзоной «действие» (*делать 7, побеждает 6, победит 4, дарить 2*). Субзоны «Локус» (*мир 4*). Отсутствуют субзоны «Эго», «Время» [4, с. 57].

На примере этого исследования можно проследить за изменчивостью человеческого языкового сознания. На данный момент не так много слов отличается от тех, что представлены в словарных статьях, а новые появившиеся реакции могут быть синонимичны ушедшим. Однако всё равно прослеживается связь, что со временем у людей меняется восприятие конкретных слов. Так, теперь слово «добро» не у всех ассоциируется с вещами, а больше с чем-то положительным, с хорошими поступками или благом.

Выводы. В результате исследование показало эффективность ассоциативного эксперимента, особенно направленного, для изучения ментальных связей и моделирования языкового сознания. Этот метод позволяет выявлять как индивидуальные, так и коллективные ассоциации, отражающие эмоциональную и культурную окраску слов. Исследование подтвердило связь между значением слов и вызываемыми им ассоциациями, что углубляет понимание эмоциональных и концептуальных аспектов языка. Анализ семантических гештальтов, включая семантические зоны и субзоны, позволяет изучать человеческий опыт и взаимосвязи эмоций. Полученные данные могут быть полезны для психологии, социологии, лексикографии и других гуманитарных наук.

Список литературы

1. Большой академический словарь русского языка : в 5 т. – 2006. – 693 с.
2. Караулов, Ю. Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира : сборник статей ; отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Москва, 2000. – С. 191–206.
3. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ ; Восток–Запад, 2007. – 314 с.
4. Уфимцева, Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) : в 2 т. / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова ; Российская академия наук, Институт языкознания РАН, Московская международная академия. – Москва : Московская междунар. акад., 2018–2019. – Т. 1: От стимула к реакции. – 542 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ «ВАТНИК» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Е. С. Диюк,

*обучающаяся 1-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Сегал Н. А., д. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В статье анализируются особенности функционирования советизма «ватник» в русскоязычном медиапространстве и в художественных текстах. Рассматриваются семантико-прагматические возможности, акцентируется внимание на том, как смысловые оттенки этой единицы меняются в зависимости от контекста употребления. **Актуальность** работы заключается в исследовании советизма «ватник» в контексте динамики русского языка, где исторические реалии переплетаются с современными социополитическими процессами.

Целью данного исследования является исследование семантической трансформации советизма «ватник» в контексте языковой динамики, социополитических изменений и культурных процессов, определение роли исследуемой единицы в формировании идеологических стереотипов и коллективной идентичности в современной России. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) проследить историческую эволюцию лексемы «ватник»: от обозначения предмета одежды в советский период до приобретения статуса политического ярлыка в постсоветском дискурсе; 2) выявить коннотации и контексты употребления слова в современных медийных и художественных текстах; 3) проанализировать влияние современных социополитических событий на переосмысление исследуемого слова и его закрепление в качестве маркера идеологического раскола.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный, интерпретационный, элементы лексикографического анализа.

Результаты исследования. В современном русском языке советизмы играют важную роль. С одной стороны, становятся приметой советской эпохи, с другой, показывают, что некоторые слова приобретают переносное значение в свете актуальных социополитических событий.

Данный тезис отражается непосредственно в текстах разного типа и стиля, в частности, в художественных произведениях и медиапубликациях.

Исследуемая нами языковая единица «ватник» является советизмом и в лексикографических источниках имеет следующее значение: «стёганая ватная куртка или безрукавка» [1]. Таким образом, изначально *ватник* – это элемент одежды, который считался безвкусным и дешевым предметом гардероба в советское время. Именно поэтому исследуемая лексема приобрела отрицательное значение.

В современном понимании *ватник* – негативно окрашенное прозвище лиц, поддерживающих нынешний политический режим в России, его внутри- и внешнеполитический курс. Впервые такое значение слово приобрело в 2014 году именно в антироссийском и проукраинском дискурсе.

Следует обозначить портрет *ватника*. Как правило, так называют лиц мужского пола, хотя существуют и «ватницы» или «стеганки». Патриотизм таких личностей

носит особый характер: он любит всё, что считает русским, и яро ненавидит всё, что, по его мнению, таковым не является.

Важно подчеркнуть, что в современном понимании *ватник* – это не только человек, но и предмет гардероба, который в отличие от одежды советского времени считается весьма модным: *В последние годы ватники начали быстро врываться в модные тренды. Так, в 2022 году ряд известных брендов стали включать данную одежду в свои коллекции* (<https://dzen.ru/a/ZfGY9xWzME9EYkRA>).

При характеристике субъекта в современных медиатекстах субстантив ватник, как правило, реализуется с негативной коннотацией и имеет две ключевые характеристики:

- глупость, идеологическая некомпетентность: *Так это всё тупые ватники, что с них взять...* (Чем хороша Европа (2014-2021) <https://bvf.ru/profile/7758/thread/1058542/>). В этом контексте советизм подразумевает под собой оскорбление человека, имеющего отличные от автора высказывания политические взгляды.

- несовременность: *Это не модно, не в тренде, для пенсионеров или ватников, для пенсионеров-ватников, для детей до 14 лет, в общем, для всех тех, кто не имеет собственной головы на плечах и поэтому полностью ведётся на общественное мнение* (<https://marina-aqua.livejournal.com/>). Называя пенсионеров ватниками, блогер делает акцент на государстве, в котором родились и жили пожилые люди, а именно, на Советском союзе, подчеркивая, что советские люди слепо верили власти и не имели критического мышления.

Таким образом, видим, советизм *ватник* используется в русскоязычном медийном пространстве и представляется не только предметом одежды, но и субъектом, лицом, связанным с определенными социополитическими или личностными особенностями.

Выводы. Проведенное исследование демонстрирует, что советизмы, сохраняя связь с историческим прошлым, динамично адаптируются к современным социокультурным и политическим реалиям. При анализе лексемы *ватник* выявлена эволюция её значения: от обозначения предмета одежды в советскую эпоху до политически окрашенного ярлыка в современном дискурсе. Анализ медиатекстов подтвердил неоднозначность при употреблении языковой единицы. Таким образом, можно заключить, что советизмы остаются важным маркером культурной памяти и инструментом интерпретации актуальных событий. Изучение подобных лексических единиц позволяет глубже понять механизмы взаимодействия языка, истории и идеологии в современном обществе.

Список литературы

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Ю. В. Дорофеев,

*доктор филологических наук, профессор кафедры русского, славянского и
общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Введение. Общепризнанная сегодня вариативность русского языка в пределах России долгое время рассматривалась только как территориальная или диалектная, но сегодня диалектные различия не являются настолько значительными, поэтому на первый план в научных работах выходит совокупность региональных форм, каждая из которых является специфической для достаточно обширного территориального образования. В связи с этим получает распространение термин *региолект*, которым в лингвистике сегодня обозначают разнообразные формы существования языка, но при этом его содержание остаётся не вполне определённым. Однако для развития современной лексикографии, которая охватывает лексический состав не только литературной формы русского языка, но и других форм его существования принципиально различать функциональные варианты, в число которых входят региолекты, социолекты, нациолекты и другие идиомы. Непоследовательность в определении характерных, но не идентичных явлений (вариантов) разных типов приведет к тому, что номинативный состав форм русского языка, функционирующих в пределах России и в разных государствах, не будет разграничен должным образом. Таким образом, следует установить четкую систему форм существования языка, которая должна быть отражена в современной лексикографии. Причём ведущим принципом при этом должен стать функциональный, что позволит представить различные формы русского языка в их единстве и охватить социальные, региональные, территориальные и национальные варианты языка с учётом того, как одни и те же семантемы реализуются в разных номинативных позициях [2].

Актуальность определяется тем, что терминология, которая применяется для обозначения форм существования русского языка, не должна основываться на допущении, что все варианты языка, независимо от их территориальной и социально-культурной отнесенности являются функционально вторичными относительно того варианта, который функционирует на исконной территории его распространения. Такая позиция в значительной мере поддерживается словарями, которые определяются как нормативные, что, безусловно, необходимо, однако при этом следует не рассматривать норму употребления языковой единицы в отрыве от её функции, поскольку в это приведёт к противоречию между реальным словоупотреблением и словарной формулировкой. Лингвистическое исследование строится не на предписании в сфере номинации, а на выявлении особенностей реализации номинативных единиц. Поэтому в современные словари в силу глобальности современного мира включаются новые реалии, и их описание только с позиции кодификации делает определение реалии далеко не полным [3].

Целью данного исследования является характеристика некоторых принципов современной лексикографии, связанных с функциональным пониманием вариативности языка. Указанная цель **обусловила постановку следующих задач:** продемонстрировать значимость региональной лексикографии; определить специфику различных форм существования языка с позиций лингвистического функционализма.

Методы исследования. В работе использовались дедуктивный метод, анализ словарных формулировок, моделирование системы взаимодействия функциональных вариантов языка, сопоставительный метод.

Результаты исследования. В последние десятилетия отношение к разным формам существования языков значительно изменилось: они широко изучаются, находят отражение в словарях, характеризуются как проявление богатства национального языка. Мы опираемся на неоспоримое для нас положение, что все варианты языка равноправны и ни один из них нельзя признать как образец для других или как отклонение от норм другого варианта что должно отражаться в том числе в современной лексикографии.

Системное отражение вариантов языка (особенно региональных и национальных) в лексикографических источниках представляет собой проблему, решением которой пока что интересуются только отдельные лингвисты. Очевидно, первые шаги в этом направлении были предприняты составителями словарей диалектной лексики. Но мы полагаем, что в последней четверти XX в. и начале XXI в. естественное распространение какого-либо языка за пределами его исконной территории не может интерпретироваться как диалектное явление, поскольку расширение сферы функционирования следует связывать с иными социальными, историческими, политическими и культурными условиями. Признание возможности возникновения других типов языкового варьирования, кроме территориального и социального, является необходимым шагом для понимания современной языковой ситуации в государствах, подобных России.

Значимость для лингвистики, истории, этнографии словарей региональных вариантов несомненна, они представляют собой источник ценного фактологического материала и имеют огромное общекультурное значение, поскольку сочетают в себе социальную и ареальную специфику функционирования языка, что и отличает их от территориальных и социальных диалектов. Однако при этом важно соотносить зафиксированные в этих словарях номинативные единицы с соответствующими понятиями, то есть использовать идеографический принцип, который позволяет отразить функциональную сущность варьирования.

В рамках единого языкового мира всегда присутствовала и сохраняется по сей день региональная и социальная специфика в области номинативной системы языка. И если раньше лингвисты нередко обходили своим вниманием различия в речи носителей русского языка в разных регионах России и бывших республиках Советского Союза и рассматривали как недопустимые все отступления от стандартной формы языка, то во второй половине XX века наблюдается постепенная трансформация такой позиции. Как отмечает В. И. Беликов: «Несмотря на повсеместное снижение статуса, де-факто (а иногда и де-юре) русский язык исполняет те или иные официальные функции в большинстве стран СНГ, на всем постсоветском пространстве он широко используется в бизнесе и СМИ. При этом унифицирующая роль культурных центров России снизилась, а интерферирующее воздействие новых государственных языков усилилось» [1, с. 413].

Выводы. В современных условиях лексикографическая работа, направленная на описание конкретной формы русского языка, становится насущной проблемой для лингвистики и социума. Частично эта проблема решается в лингвострановедческих словарях, но сегодня приобретает актуальность и отражение в лексикографических источниках других разнообразных форм русского языка, в частности, региональных, о чем свидетельствует появление регионоведческих словарей. Для охвата как соотносительных, так и не соотносительных различия между формами существования русского языка такие словари должны строиться на функциональных принципах,

рассматривая номинативную систему через призму вариативности. Это позволит отразить реальную картину функционирования русского языка в России.

Список литературы

1. Беликов, В. И. Лексический узус в зарубежном русском и академические словари / В. И. Беликов // Русский язык в странах СНГ и Балтии : Международная научная конференция. – Москва : Наука, 2007. – С. 412–418.
2. Дорофеев, Ю. В. Лингвистический функционализм и вариантность языка : монография / Ю. В. Дорофеев. – Симферополь : Таврида, 2012. – 306 с.
3. Рудяков, А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире / А. Н. Рудяков. – Москва : «ЛЕКСРУС», 2016. – 392 с.

УДК 81.282

ФУНКЦИИ ВНЕЛИТЕРАТУРНЫХ НОМИНАТИВНЫХ СРЕДСТВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. М. ШУКШИНА «СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ»)

Е. А. Кострулёва,

*обучающаяся 1-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Забашта Р. В., к. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Исследование посвящено описанию функций внелитературных номинативных средств в художественном тексте. На основе анализа рассказа В. Шукшина «Сельские жители» мы выявили функциональные качества просторечной и диалектной лексики. Особое значение в указанном отношении приобретает понятие стиль художественного текста, поскольку именно данное понятие позволяет выделять и описывать языковые структуры, способные характеризовать речь различных персонажей и авторскую речь.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли внелитературной лексики в художественном дискурсе в зависимости от тех целей, которых добивается автор.

Целью исследования является выявление функциональных качеств внелитературных номинативных средств в художественном тексте, описание их роли в системе стиля такого текста.

Задачи исследования заключаются в характеристике понятия стиль художественного текста, его интерпретации, сплошной выборке внелитературных номинативных средств, а также выявление их роли в выражении идейно-образного содержания литературного произведения.

Методы. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный, лексикографический, контекстологический, функциональный методы, позволившие описать в художественном тексте выполняемые внелитературными средствами функции.

Результаты исследования. Н. А. Рудяков дает следующее определение стилю: «...стиль конкретного художественного произведения — это скрытая от поверхностного чтения упорядоченность языковых средств, которая выражает наиболее существенное для данного произведения содержание — образное содержание

– о строе мысли и чувства автора и воспроизводимых им персонажей, об отношении к определенной культурной, профессиональной или территориальной среде» [3, с. 161]. Именно внелитературные средства выступают теми лексическими маркерами, которые дают представление о том, какими характеристиками обладает персонаж или сам повествователь.

Внелитературные номинативные средства составляют особую часть лексического состава рассказа, выполняя такие функции, как создание реалистичной картины ключевых особенностей жизни людей, проживающих в сельской местности, передача индивидуальных особенностей речи персонажей, усиление эмоциональной выразительности и создание художественного эффекта достоверности.

Анализ рассказа В. Шукшина «Сельские жители» позволил выявить важную роль внелитературных номинативных средств. Применение лексикографического, контекстуального и функционального анализа позволило установить, что эти средства выполняют не только номинативную функцию (называние предметов и явлений), но и функции характеризующие и идентифицирующие. Подтвердим данное утверждение некоторыми примерами:

1. **Шибко** – нареч. ‘Сильно, очень’. Пример из прямой речи Павла – сына Маланьи: «...мама, шибко я по тебе соскучился». Герой, став профессиональным лётчиком и героем Советского Союза, обращается к матери на родном наречии, что характеризует его как человека честного и гармоничного, помнящего свои корни; функция в тексте – характеризующая;

2. **Тыща** – орфографический вариант литературного слова «тысяча», в данном случае автору важно найти способ передачи аутентичного фонетического облика диалектной единицы; функция в тексте – идентифицирующая;

3. **Триста грамм** – диалектный вариант выражения грамматического значения, не является ошибкой, потому что отражает норму диалектного языка, приведем пример из прямой речи Егора: «Триста грамм от человека остаётся». Словосочетание «триста грамм» выполняет характеризующую функцию, поскольку формирует у читателя представление о народном происхождении второстепенного героя;

4. **Солонинки** – тоже самое, что солонина – «капустка, огурцы, арбузы солёные, все овощи али мясо солёное» [4]. В данном случае использована номинативная функция – обозначение реалии из сферы русской народной культуры;

5. **Облепишного** – фонетико-словообразовательный вариант литературного имени прилагательного «облепихового» в значении ‘приготовленный из ягод облепихи’: «Варенья сварить облепишного». Слово «облепишное» выполняет и номинативную, и характеризующую функции.

Выводы. Таким образом, внелитературные номинативные средства, не являются случайным элементом структуры художественного текста, а представляют собой аргументированный автором стилистический прием особого словоупотребления. Внелитературные номинативные средства (диалектизмы, просторечия, жаргонизмы и т. д.) в художественном тексте обладают широким спектром функциональных качеств, выходящих за рамки простого обозначения предметов и явлений. Они служат мощным инструментом для создания реалистичности, выразительности и эмоционального воздействия на читателя. Эти средства способствуют формированию ярких речевых портретов персонажей, отражая их социальное происхождение, образование, характер и мировоззрение. Использование внелитературных элементов позволяет автору передать атмосферу определенной местности или социальной группы, создать эффект присутствия и погрузить читателя в мир произведения.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / глав. ред. С. А. Кузнецов – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.

2. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Н. Кожина. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Флинта, 2011. – 696 с.
3. Рудяков, Н. А. Основы анализа художественного текста / Н. А. Рудяков. – Киев : Наук. думка, 1989. – 152 с.
4. Словарь русских народных говоров / сост. Н. И. Андреева-Васина, Л. И. Балахонова, О. Д. Кузнецова, А. Ф. Марецкая, П. И. Павленко, И. А. Попов, О. Г. Порохова. – Санкт-Петербург : Наука, 1977. – Вып. 13. Калун–Кобза. – 358 с.

УДК 811.161.1

ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЯ И ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ: СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ

Ю. В. Лободина,

*магистрант 2-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Щербачук Л. Ф., к. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Речевой этикет регулирует речевое поведение, связан с развитием и культурой общества. Формулы речевого этикета постоянно развиваются, видоизменяются, включаются в игровую стихию, приобретают новые значения, десематизируются или вовсе исчезают из лексикона под воздействием и влиянием массовой культуры, исторических условий, уровня образования носителей языка и расслоения по возрастному признаку в обществе. Всё чаще речевые формулы становятся объектом самостоятельного исследования. В конце XX века начинается изучение этикета в теории коммуникации и лингвострановедении.

Целью данного исследования является характеристика речевых этикетных формул «Гой еси», «Свет мой» и их вариантов во вторичном значении в диахронно-синхронном аспекте.

Цель исследования предполагает решение следующих задач:

- определить понятие «речевой этикет»;
- выявить устойчивые формулы приветствия и обращения в русском языке с точки зрения диахронии и синхронии, описать их лексикографические особенности;
- охарактеризовать расширение референтной отнесённости формулы «Гой еси»;
- описать компонентное содержание народно-поэтической формулы с компонентом «свет»;
- определить стилистическую нагруженность конструкций, отображающих формулы речевого этикета

Методы исследования. При написании работы были использованы следующие **методы:** описательный – системно организованная процедура сбора, первичного анализа и изложения данных и их характеристик; наблюдение; изучение и обобщение; лексикографический анализ; моделирование с опорой на интернет-ресурсы; контекстологический анализ – метод, основанный на изучении языковой единицы в контексте; дистрибутивный анализ – метод исследования языка, основанный на изучении окружения лексической единицы; компонентный анализ, который связан с разложением значения на минимальные семантические составляющие.

Результаты исследования. Изучение этикета в теории коммуникации и лингвострановедении приходится на конец XX века и связано с работами таких учёных, как Н. Д. Арутюнова, В. Е. Гольдин, В. Г. Костомаров, Н. И. Формановская и др.

«Речевой этикет – система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимными отношениям и официальной и неофициальной обстановке. В широком смысле Р. э., связанный с семиотическим и социальным понятием этикета, осуществляет регулирующую роль в выборе того или иного регистра обращения» [1, с. 413–414]. По своей сути речевой этикет является совокупностью регламентирующих устойчивых и закреплённых правил речевого поведения, заключённых в речевых формулах, обязательные для членов общества, с учётом национальной специфики и отличительной чертой разговорного функционального стиля речи. «Речевыми формулами этикета считаются слова приветствия, слова вежливости, благодарности, слова прощания. Они появились в процессе развития человеческого общества и связаны с народными обычаями, отражают ритуалы и сложившиеся привычки, выражающие особенности быта у определённого народа» [2, с. 89].

В современной лингвистике данной проблеме посвящено множество исследований. Одни носят описательный характер и фиксируют основные лексикографические особенности, закономерности развития системы речевого общения носителей того или иного языка, культуры (Н. Д. Арутюнова, А. Г. Балакай, В. Е. Гольдин, А. А. Зубарева, В. Г. Костомаров, Н. И. Формановская и др.). Другие написаны в аналитическом ключе и выявляют лингвокультурные доминанты общения, взаимообусловленность характера коммуникации с особенностями национального образа жизни, национального менталитета, взаимодействия русского языка с другими языками мира, кросскультурные аспекты (О. А. Агаркова, Н. С. Гребенщикова, В. Г. Костомаров, О. А. Крылова, М. А. Кронгауз, Е. С. Отин и др.).

Истоки речевого этикета лежат в древнейшем периоде истории языка. Анализ лексикографических источников русского языка свидетельствует, что речевая формула «Гой еси» является одной из первых этикетных формул приветствия, имеет народно-поэтическую основу. Одним из компонентов конструкции выступает междометие со значением призыва и приветствия. Для данной речевой формулы характерна специфика адресации отношения к уважаемым лицам, знатым и прославленным людям. Вторичная номинация проявляется через олицетворение и метафору; приветствие может быть адресовано фантастическим, отрицательным фольклорным персонажам, растениям, конкретным и абстрактным понятиям. Наблюдается включение в состав речевой формулы личных местоимений *ты*, *вы* и междометия *ох* со значением восхищения. С течением времени древний местоименный компонент «*еси*» опускается и в современной речи употребляется лишь с целью стилизации.

Исследование подтверждает, что варьирование компонентного состава характерно для большинства этикетных формул. В народно-поэтических формулах с элементом «свет», где эталонным считается «свет мой», наблюдаются следующие трансформации: включение местоимения *ты*, деривационные изменения (образование сложных слов и простых по структуре дериватов), расширение компонентного состава конструкций за счёт появления эпитетов-адъективов, которые следуют, как правило, после определяемого слова и характеризуют объект обращения, увеличение объёма конструкции за счёт использования абстрактных имён существительных, метонимически употребляющихся в значении лица, и субстантивных метафор.

Выводы. Таким образом, речевые этикетные формулы относятся к древнейшим стереотипам, употребляются как в первичной, так и во вторичной номинации через метафоры, олицетворения и иронию. Для отдельных речевых формул характерна фольклорная основа и возвышенный регистр употребления. С точки зрения лексикографии этикетные формулы представлены в русских толковых и в толково-справочных словарях, отражающих национальную специфику. Семантика и стилистическая окраска речевых этикетных формул оказалась устойчивой, однако в живом пространстве языка с течением времени видоизменялся компонентный состав этих формул от варьирования личных и притяжательных местоимений до включения речевых оборотов, принадлежащих народно-поэтической сфере.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская Энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Формановская, Н. И. Речевой этикет в русском общении: теория и практика / Н. И. Формановская ; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Москва : ВК, 2009. – 333 с.

УДК 811.161.1

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИНЕСТЕТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ОСОБЕННОСТИ СЕНСОРНОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА ПИСАТЕЛЕМ

М. А. Малинина,

*магистрант 2-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Щербачук Л. Ф., к. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Язык выражает результаты познания человеком окружающей среды всей совокупностью своих средств. Они различны и характеризуются как универсальными, так и этноспецифическими чертами, поскольку обуславливаются особенностями формирования картины мира носителей языка. Проблема сознания и языковых средств его выражения – одна из важнейших проблем лингвофилософии. Начиная с конца XIX века, проблема сознания становится предметом исследования многих гуманитарных и специально-научных дисциплин. В классической эпистемологии того времени обсуждалась преимущественно проблематика отношения сознания к реальности. В настоящее время в специальных научных областях познания появляются всё новые данные, следовательно, проблемы переформулируются, появляются новые пути их решений. Одна из важных тем – проблемы бессознательного и синестетического восприятия действительности. «Пристальное внимание к познанию человека, к национальной и общей культуре является одним из ведущих направлений современной гуманитарной науки. На смену описания человека «внешнего» пришли исследования Homo sapiens «внутреннего» с его духовным миром, фундаментальными способностями, качествами и свойствами» [4, с. 413].

Целью данного исследования является выявление особенностей сенсорного восприятия реальности, изучение синестетического восприятия в разрезе индивидуальной картины мира и его отражение в художественном дискурсе.

Достижение цели предполагает решение следующих задач:

1) исследовать лингвофилософские и психологические аспекты толкования понятий «ощущения» и «синестезия»; 2) определить значение синестетического мышления как соотношения сознательного и бессознательного в процессе познания; 3) описать особенности языковой репрезентации синестетического мышления как особенности сенсорного восприятия мира писателем.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: описательный, наблюдение, изучение и обобщение, контекстологический анализ, интерпретационный метод.

Результаты исследования. Состав и структура чувственного отражения формируют сенсорную организацию человека. Научное знание, получившее название «лингвосенсорика» / «перцептивная лингвистика», изучает сенсорный язык тела человека. Предмет данной области знания – язык перцепции, вербальная репрезентация показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния [3, с. 6]. Известно, что в языке существует определенный набор средств, которые выражают ощущения. Однако каждому человеку свойственно индивидуальное восприятие переживаний и как следствие их в определенной степени личностное выражение, которое, хотя и является индивидуально-авторским, в основном не выходит за пределы общепринятого человеком восприятия и языкового освещения.

Особенность авторского выражения проявляется в использовании писателем определенного ряда лексем с ярко выраженными доминантами, фразеологических средств, которые могут быть трансформированы, а также образных названий, метафорических и метонимических конструкций, в которых есть личностное «перцептивное» мироощущение говорящего. Исследование языковых средств, репрезентирующих внешний и внутренний мир человека, на материале художественных произведений позволяет проследить мировосприятие и его языковое выражение народом, а также личностное видение автора, которое представлено индивидуальной манерой письма.

Безусловно, «сенсорная» тема постоянно находится в сфере интересов философов, психологов, филологов и др. Чувственное восприятие в различных аспектах и языковые средства его выражения изучали такие лингвисты, как: Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А. В. Нагорная, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Е. В. Падучева, В. К. Харченко и др. В рамках ведущих междисциплинарных подходов наработан материал, который в новом ключе освещает феномен бессознательного, предлагаются модели, позволяющие описать и концептуализировать такие явления психики, как восприятие, память, творчество. В связи с нарастающим потоком конкретно-научных разработок представляется актуальным философское осмысление накопленного материала. Широкое распространение получил когнитивный подход, синергетика, квантовый подход в изучении данной проблематики. Представляется актуальным изучение и выявление их возможностей и границ для эпистемологии и лингвистики. М. Л. Зайцева рассматривает синестезийность как свойство сознания, отражающее целостность процессов восприятия и мышления, синкретический характер сенсорных систем в процессе обработки информации и отражения этих соответствий в языковой и художественной форме. «Синестезийное восприятие способствует сближению человеческих познавательных способностей и их обогащению путем объединения интеллекта и интуиции» [1, с. 25]. Наивные знания, вбирая в себя элементы научных теорий, тем не менее сохраняются в коллективном когнитивном пространстве на протяжении длительных периодов истории того или иного сообщества. «Фиксирующие их средства языкового выражения обнаруживают впечатляющую стабильность и продолжают жить в языке и после того, как научная несостоятельность

соответствующих представлений становится очевидной и принимается сообществом как данность» [2, с. 24].

Исследование художественного дискурса подтверждает, что ощущения следует рассматривать как сенсорный код культуры, который используется писателем для обозначения духовного, пространственного, оценочного и др. культурных кодов в речи. Сенсорная лексика как вербальная актуализация понятийной сферы «чувственное восприятие» кодирует информацию об окружающем мире.

Выводы. Таким образом, синестезия играет важную роль в чувственном познании мира за счет существенного обогащения ощущений человека. Синестезия как концентрированная и симультанная актуализация чувственного в широком спектре его проявлений способствует лучшему восприятию целостности мира. Это не некий эпифеномен, не аномалия, а норма. Явление синестетического мышления как особенности сенсорного восприятия мира писателем нуждается в дальнейшем детальном изучении.

Список литературы

1. Зайцева, М. Л. Философия искусства и синестезия / М. Л. Зайцева // Среднерусский вестник общественных наук «Философия и проблемы гуманитарного знания», 2013. – № 2. – С. 24–30.
2. Нагорная, А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований : аналитический обзор / А. В. Нагорная. – Москва, 2017. – 86 с.
3. Харченко, В. К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.
4. Щербачук, Л. Ф. Отражение экстероцептивных ощущений в русской паремиологической картине мира / Л. Ф. Щербачук // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : материалы VII международной междисциплинарной научной конференции (Симферополь, 25–26 ноября 2022 г.) ; под общ. ред. проф. А. Д. Петренко. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2022. – Том 2. – С. 413–420.

УДК 165

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

С. М. Поваляева,

*обучающаяся 1-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Забашта Р. В., к. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Исследование посвящено вопросу функционального анализа поэтических текстов. Лингвистическая герменевтика, являясь важным аспектом герменевтики в целом, представляет собой «необъятное поле» для интерпретации художественных произведений.

Актуальность работы заключается в раскрытии особенностей применения функционального подхода к анализу и интерпретации поэтического текста, позволяющего увидеть в таком тексте реализацию регулятивной функции.

Целью данного исследования является интерпретация поэтических текстов, основанная на применении метода стилистического анализа текста, предложенного Н. А. Рудяковым [4]. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**:

1) охарактеризовать теоретическую основу исследования, рассмотрел содержание таких терминов, как герменевтика, текст, лингвистическая герменевтика, стилистический подход;

2) проанализировать основные работы, посвященные анализу художественного текста;

3) истолковать поэтические тексты, применяя методику стилистического анализа текста.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный метод, контекстологический метод, лексикографический метод, интерпретационный метод, а также метод стилистического анализа текста.

Результаты исследования. Текст, будучи понятием многогранным, по сей день не имеет единого общепринятого определения. С точки зрения функционализма, «текст, независимо от того, устный он или письменный, – это инструмент воздействия на собеседника. Текст – это язык, только в иной своей форме бытия» [2, с. 355]. Данное понятие позволяет понять, что каждый текст, вне зависимости от того, художественный он или не художественный, несет в себе определенное субъективное значение, т.е. способен каким-то образом воздействовать на людей. Указанным особенностям соответствует методика стилистического анализа художественного текста, предложенная в работах Н. А. Рудякова [4]. Рассмотрим применение данной методики на примере произведения И. Бродского «Стансы».

В соответствии с первым пунктом: «1. Определение композиции, то есть исходной части произведения, в которой изображается факт объективной действительности, как он отражается в обыденном сознании, и основной части, выражающей отношение автора к изображаемому факту, предмету, явлению» [4, с. 171] – выделим композиционную организацию текста. В первой строфе стихотворения, которая представляет собой экспозицию, изображается факт действительности, по поводу которого автор высказывает свое отношение. В исходной части речь идет о конечности жизненного пути. В последних двух строфах выражено отношение поэта к этому факту. В основной части речь идет о переходе человеческой души в состояние «смерти», при этом она остается живой, потому что так или иначе взаимодействует с миром.

В соответствии со вторым пунктом: «2. Определение соотнесенности языковых средств в исходной, и с другой стороны, в завершающей частях произведения, – соотнесенности, в результате которой в этих средствах возникает новый образный смысл» [4, с. 171] – выделим языковые средства из каждой композиционной части. В экспозиции соотносятся между собой первая, четвертая и восьмая строфы: «Ни страны, ни погоста...» – «я приду умирать» – «на асфальт упаду», что позволяет выразить смысл, связанный с неизбежностью смерти и конечностью человеческого существования».

В основной части соотносятся между собой первые три строки второй строфы: «И душа, неустанно» – «поспешая во тьму» – «промелькнет над мостами». В шестой и седьмой строках показана связь между явлениями природы и переживанием героя: «и апрельская морось» – «над затылком снежок». В восьмой строке автор использует обращение города к лирическому герою: «– До свиданья, дружок...», т.е. подчеркивается эмоциональная привязка души лирического «Я» к месту.

В третьей строке второй строфы и во второй строке третьей строки изображен собственно переход, позволяющий перейти в другой мир: «Промелькнет над мостами» – «далеко за рекой». Также между собой соотносятся первая, пятая и восьмая строка

третьей строфы: «И увижу две жизни» – «словно девочки-сестры», т.е близость с кем-то / чем-то)» – «машут мальчику вслед». Строки «в петроградском дыму» (четвертая строка второй строфы) – «До свиданья, дружок», как ранее было сказано, это обращение к душе лирического героя)» (восьмая строка второй строфы) – «к равнодушной отчизне (отношение «города» к душе лирического героя) / прижимаясь щекой» (четвертая и пятая строки третьей строфы) показывают неоднозначные отношения, установившиеся между городом и состоянием души лирического героя.

В соответствии с третьим пунктом («3. Определение этого нового, образного смысла. Для этого, прежде всего, выявляется стержневой элемент стиля лирического произведения, затем с помощью толкового словаря выясняется значение в общенародном употреблении соотносительной языковой единицы, выступающей в исходной части стихотворения, а затем выявляется семантический признак, который актуализуется в понятийном содержании слов, составляющих текст, и который обуславливает появление нового, образного смысла в соотносительной языковой единице, выступающей в основной части стихотворения» [4, с. 171]) – выделяем новый образный смысл. Как подчеркивает А. Н. Рудяков «выделение в структуре текста стержневого элемента в качестве центрального, наиболее значимого компонента предполагает, что в тексте есть элементы менее значимые, рядовые. Таким образом, мы приходим к осознанию важной мысли о том, что языковые единицы, составляющие художественное произведение, неравноправны, что некоторые из них оказываются более важными для понимания смысла текста, чем другие» [3, с. 80]. На протяжении всего стихотворения можно отметить стержневой элемент – единицы, изображающие образ души в момент смерти. В «Стансах» единожды упоминается слово «душа», но в основной части оно несет лексический смысл, помогающий понять лирическое произведение. Семантический сдвиг происходит в слове «душа». Обратимся к словарю С. И. Ожегова, в котором дается следующее определение данному слову: «в религиозных представлениях: сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти» [1, с. 285]. Сопоставив нормативное содержание данного слова с вышесказанным, мы можем сделать вывод, что душа, по Иосифу Бродскому, – это активный участник действия, который «неустанно поспешая во тьму», указывает на неизбежность свершения определенных событий в жизни героя.

Выводы. Проведенный функциональный анализ текстов позволяет сформулировать следующие выводы: 1) анализ языковых средств помогает определить композицию лирического произведения, так как каждое из них описывает что-то свое, связанное только с определенной частью – экспозиционной или основной; 2) в проанализированных стихотворениях происходит семантический сдвиг в значениях ключевых слов, позволяющий выявить авторское отношение к факту действительности; 3) такой сдвиг можно наблюдать в структуре стержневого элемента – набора языковых средств, семантика которых позволяет автору утверждать новый взгляд на предмет изображения.

Список литературы

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и Образование, 2019. – 1376 с.
2. Рудяков, А. Н. Смысловое чтение и функциональное понимание текста / А. Н. Рудяков // Педагогический ИМИДЖ. – 2019. – Т. 13, № 3 (44). – С. 348–361.
3. Рудяков, А. Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология : учебное пособие / А. Н. Рудяков. – Москва : Флинта, 2013. – 312 с.
4. Рудяков, Н. А. Основы анализа художественного текста / Н. А. Рудяков. – Москва : Флинта, 2013. – С. 163–171.

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ *РОДИНА-МАТУШКА* В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Р. К. Саакян,

обучающаяся 1-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Сегал Н. А., д. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В предлагаемой статье проводится описание особенности реализации конструкции *Родина-Матушка* в русскоязычном медиадискурсе. Указываются семантико-прагматический потенциал данной языковой единицы, зависимость ее смыслового наполнения от контекста. Подчеркивается, что конструкция *Родина-Матушка* занимает важное место в актуальном медиапространстве и транслирует современные социополитические реалии.

Актуальность работы заключается в необходимости анализа культурных и языковых аспектов, формирующих национальную идентичность и патриотические чувства в условиях современного медийного пространства.

Целью данного исследования является моделирование метафорического образа «Родина-Матушка» в русскоязычном медиапространстве. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) обозначить ключевые образы, участвующие в персонификации образа России; 2) исследовать представления о Родине в современных русскоязычных медиатекстах посредством использования метафоры *Родина-Матушка*.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный, интерпретационный, метод метафорического моделирования.

Результаты исследования. Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что наиболее распространенными образами для национальной персонификации России являются *Матушка Россия, Мать-Россия, Матушка Русь, Россия-матушка* [1].

В качестве примера приведем слова эвакуированных из Газы россиян, сумевших выбраться из зоны конфликта на Родину. *Главное, что ты и твои дети живы, а Россия-матушка нас не оставит* – именно так отзывается женщина, находящаяся в Секторе Газа, что создает метафорический образ России, основанный на таких ассоциациях, как *спасительница, безопасное место, родное, сокровенное* (<https://t.me/c/2219047332/68>, 12.11.2023).

Как утверждает С. В. Тер-Минасова, «русский язык неопровержимо свидетельствует о такой черте русского национального характера, как открытый патриотизм, словесно выраженная любовь к родине» [2]. Ярким подтверждением данной идеи становится высказывание *Я следующий, кто привезёт пояс в матушку Россию* (<https://bookmaker-ratings.ru/news/>, 13.11.2024). Это пообещал спортсмен Магомед Анкалаев, который, как мы понимаем, не является русским по национальности, но, безусловно, русский по духу.

Россия – наша матушка, Путин – наш отец (https://vk.com/wall-84440904_381, 12.01.2024). Именно так поддержали главу государства жители Ялты, отдав свои подписи в поддержку выдвижения Владимира Путина на выборах президента. Данный пример демонстрирует идею, что народ может быть метонимизирован как ребенок, полностью доверяющий родителям.

Обращаясь к текстам СМИ, мы видим, что примеры употребления конструкции «Россия-матушка» не всегда связаны с патриотизмом, что говорит об особенностях коннотации данного образа в текстах современных СМИ: *Татьяне пришлось тратить тысячи долларов и почти сутки на возвращение в **Россию-матушку** с чужбины* (<https://life.ru/p/1709465>, 12.12.2024). В данном случае героиня повествования действует не из любви к Отечеству, а исходя из собственной выгоды, которой не удалось достичь в США.

Выражение «Россия-матушка» используется с несвойственной ей негативной коннотацией в следующем примере: *Со времен царя Иоанна Васильевича Грозного **Россия-матушка** испытывает острые фантомные имперские боли. Есть органическая потребность диктовать свою волю всему мировому сообществу или, хотя бы, значительной его части* (<https://pln-pskov.ru/authors/kalinichenko/539742>, 12.12.2024). В данном случае мы наблюдаем употребление конструкции в сатирическом контексте. Сходная коннотация прослеживается и в следующем примере, где конструкция построена на основе инверсии: *Пока **матушка-Россия** прозябает во тьме обскурантизма и невежества, уютная европейская Швейцария живёт насыщенной культурной жизнью*. Сатира демонстрирует неприязнь автора к устоям России (https://t.me/rt_russian/85073, 15.12.2022).

В медиaprостранстве фигурирует и антонимичная конструкция *Родина-Мачеха*. Ее появление может быть обусловлено недовольством «детей» (народа) обстановкой в «доме» (государстве). *Была **Родина-Мать**, взыскательная, но добрая, внимательная к своим детям, к врагам – суровая. Достойная уважения, любви и ответной заботы о ней. Заняла ее место **родина-мачеха**, сразу начавшая разбрасывать на своих дочерей, сыновей: пошел ко дну – туда тебе и дорога, выкарабкался – живи, если захочешь и сможешь...* (https://kprf.ru/national_news/28817.html, 25.11.2004).

Русский философ Г. П. Федотов отмечает, что образ Родины связан с так называемым «материнским сознанием» [3]. Именно поэтому русскому человеку так важно участвовать в жизни своей родительницы. *Тот – русский, чья душа живёт в России, чьи помыслы – о **матушке**, о ней...* (https://t.me/rt_russian/97777, 20.05.2022).

Выводы. Можно заключить, что центральное место, которое образ Родины занимает в русской языковой картине мира, обусловлено изменениями в русском языковом сознании, переоценкой ценностей и нравственных ориентиров как отдельной личности, так и всего языкового сообщества. Конструкция *Родина-матушка* в языковом сознании представителя русской лингвокультуры глубоко и полно связана с социальной и политической обстановкой в стране и может раскрываться в различных коннотациях, формируя целостную картину. Перспективой дальнейшего исследования является комплексное изучение образа Родины в лексикографических источниках и в текстах разных жанров.

Список литературы

1. Рябов, О. В. Русская философия женственности (XI–XX века) / О. В. Рябов ; М–во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Иван. гос. ун-т. – Иваново : Изд. центр «Юнона», 1999. – 359 с.
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультур. Коммуникация» / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/Slovo, 2000. – 261 с.
3. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры / Г. П. Федотов [в 2 т. / сост., вступ. ст., примеч. В. Ф. Бойкова]. – Санкт-Петербург : София, 1991. – 352 с.

«ЗВЕЗДНОЕ» ИМЯ В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ

Д. В. Султанова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чабаненко Т. С., к. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Интернет-мемы служат ярким примером креативной адаптации языка и визуального контента в условиях быстроменяющегося информационного пространства. В современном мире они стали мощным инструментом коммуникации и культурного обмена. Все больше ученых занимается изучением интернет-мема, однако данное понятие до сих пор не имеет точного определения. Н. Г. Марченко определяет интернет-мем как «хранилище культурных кодов сетевого сообщества» [4, с. 113]. Ю. В. Будовская считает, что пользователи через них выражают свою социальную принадлежность [1, с. 84]. Д. А. Фролов утверждал, что популярность интернет-мем обретает благодаря заключенной в нем эмоции. Другие лингвисты подчеркивают коммуникативный потенциал интернет-мемов [3, с. 17]. Их также можно считать средством межкультурного общения. При более узком лингвистическом понимании интернет-мем может рассматриваться как особый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации [2, с. 32].

Целью работы является исследование интернет-мемов, сформировавшихся на базе имен и фамилий наиболее часто упоминаемых знаменитостей. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) определить сущность интернет-мемов; 2) выявить, кто из артистов чаще других становится героем интернет-мемов; 3) описать способы создания выделенных интернет-мемов; 4) выявить оценочный компонент в интернет-мемах.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный метод, метод семантического анализа, метод словообразовательного анализа, трансформационный анализ.

Результаты исследования. Сплошная выборка интернет-мемов с прецедентными именами звезд эстрады показала, что чаще других героем интернет-мемов становится певица Алла Пугачева. Появляются такие трансформы, как *пугаченье*, *попугачева*.

Пугаченье – подпись к интернет-мему, появившаяся в результате соединения фамилии *Пугачева* и слова *печенье*. Понять, какую коннотацию несет в себе картинка, сложно. Подпись и изображение нейтральное. Пользователи явно не проявляют ни пренебрежения, ни восхищения. Однако, на наш взгляд, образование от фамилии слова среднего рода и созвучие со словом *пугать* может создать в сознании пользователей отрицательную оценку.

Алла Попугачева. Данный интернет-мем является следствием междусловного наложения (*Пугачева* и *попугай*) с общим отрезком *пуга*. Оценочностью интернет-мем не обладает.

Нередко в интернет-мемах Алла Пугачева изображена с супругом. Рассмотрим такие примеры.

Пугалкины. Мем с изображением Максима Галкина* (*внесен в реестр иностранных агентов) и Аллы Пугачевой, сопровождаемый надписью *Пугалкины*, выражает отрицательное отношение к ним. Привлекающий внимание антропоним возник путем междусловного наложения двух фамилий с выпадением отрезка «чева». Это же демонстрируется и на самой картинке при помощи знака сложения.

Максалла Пугалкина. В меме совместились не только фамилии артистов, но и их имена. Примечательно, что в обоих интернет-мемах, извлеченных из разных источников, путем трансформации образовался один и тот же антропоним, который напоминает слово *пугать*. Это также подчеркивает неодобрительное отношение создателя мема к изображенным артистам.

Максим Алкин – так подписана картинка, на которой изображены М. Галкин* (*внесен в реестр иностранных агентов) и А. Пугачева в забавной манере. Первый, выступая в роли ребенка, находится на руках у А. Пугачевой. Создатели интернет-мема показывают полную зависимость мужа от супруги. Этим обосновано использование притяжательного прилагательного *алкин* от панибратски-просторечного *Алка*. Языковую игру создает созвучность прилагательного с фамилией артиста. Таким образом, в саркастичной манере обыгрывается разница в возрасте знаменитых супругов.

Бабкина Надежда – подпись к интернет-мему с изображением М. Галкина* (*внесен в реестр иностранных агентов). Первое, на что обращаем внимание, – полное совпадение с именем знаменитой эстрадной артистки Надежды Бабкиной. Одежда персонажа интернет-мема также отсылает к стилю Надежде Бабкиной. Прослеживается явный намек на разницу в возрасте Аллы Пугачевой и ее супруга. *Надежда*, в данном случае, имя не только собственное, но и нарицательное, означающее ожидание чего-то благоприятного, желанного, *бабкина* – не просто фамилия, а также притяжательное прилагательное к *бабка*. Таким образом, в интернет-меме авторы называют А. Пугачеву бабкой, т.е. старухой.

Выводы. Большое количество интернет-мемов, объектом которых стала А. Пугачева, отражает негативную оценку ее поступков и образа жизни. В языковом сознании носителей языка она предстает уже не столько как певица, сколько как пожилая женщина, которая всячески стремится омолодить себя, что вызывает насмешки. Для выражения этого используются трансформации ее фамилии. Особенно продуктивен способ междусловного наложения.

Список литературы

1. Будовская, Ю. В. Меметический подход к изучению принципов распространения информации в социальных сетях и социальных медиа : специальность 10.01.10 «Журналистика» : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Юлия Валерьевна Будовская ; Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. – Москва, 2013. – 200 с.
2. Канашина, С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернеткоммуникации (на материале английского языка) : специальность 10.02.04 «Обеспечение информационной безопасности телекоммуникационных систем» : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Светлана Валериевна Канашина ; Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2016. – 265 с.
3. Горобцова, И. В. Речевой жанр интернет-мема в современном англоязычном сетевом пространстве / И. В. Горобцова, Н. Ю. Киселёва // Современные тренды развития социогуманитарного знания : материалы научно-практической конференции, приуроченной к празднованию «Дня Знаний» ; Международный исследовательский центр «Научное сотрудничество». – Москва, 2014. – С. 140–151.
4. Марченко, Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества / Н. Г. Марченко // Казанская наука. – 2013. – № 1. – С. 113–115.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА *УЧИТЕЛЬ*

Н. Ш. Хаялиева,

*обучающаяся 1-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Сегал Н. А., д. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В предлагаемой статье проводится исследование семантики слова «учитель» в русском языке на материале толковых словарей различных эпох. Анализ словарных дефиниций слова «учитель» в разные исторические периоды позволяет проследить, как менялось восприятие этой профессии в обществе и какие ценности связывались с этой ролью. Анализ позволяет выявить изменения в значении слова «учитель», отражающие расширение функций и сфер влияния этой профессии.

Целью данного исследования является установление и анализ семантических изменений, произошедших со словом «учитель» в русском языке на основе сравнения дефиниций, представленных в русских толковых словарях. **Актуальность** данного исследования заключается в анализе словарных дефиниций слова «учитель», который дает возможность получить комплексное представление об эволюции образа учителя в русской культуре. В рамках достижения поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**: 1) проанализировать значение слова «учить» в словаре В. И. Даля и выявить его связь с понятиями обучения, воспитания и наставничества; 2) рассмотреть дефиниции слова «учитель» в толковых словарях под редакцией Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова, выделив ключевые признаки и оттенки значений; 3) сравнить различные определения слова «учитель» и проследить динамику изменения его значения с течением времени.

Методы исследования. При анализе материала использовались описательный, интерпретационный, сравнительно-сопоставительный методы, элементы количественного и лексикографического анализа.

Результаты исследования. Анализ словарных определений показывает, как с течением времени менялось восприятие учителя и его места в обществе, что свидетельствует о динамике развития данной лексемы. Обращение к ключевым профессиям и сферам деятельности, значимым для общества, способствует более глубокому пониманию особенностей русской языковой картины мира и ее влияния на формирование представлений о профессиональной деятельности учителя.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля отсутствует слово «учитель», поэтому обратимся к глаголу «учить». Он имеет широкий набор семантических признаков, основными из которых являются следующие: «наставлять», «обучать» и «преподавать». Важно отметить, что слово «учить» также может относиться к обучению животных: «*И медведя учат, не только человека*». В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля есть особый акцент на воспитание – приводятся примеры о том, что жесткие методы (например, наказания) иногда ассоциируются с обучением, в частности, для формирования нравственности и послушания: «*Не учили покуда попереки лавки укладывался, а во всю вытянулся – не научишь! Учи жену без детей, а детей без людей, жури, брани, наказывай*». В словаре

также описывается, как учение подразумевает не только индивидуальную деятельность, но и структурированную систему, включая различные училища (*«Училище ср. и учельня ж. твер. всякое заведение, для обучения чему-либо:…»*) рода занятий (*«Учебное войско, постоянно упражняемое в пример прочим…»*). Особо стоит обратить внимание на связь слова «учить» со словами *«учливый человек, нар. учтивый, вежливый, пристойный, скромный, противопол. невежа (невежда, неученый). Учливость, учливство, учливость, вежливость, приличие»*. Противопоставление с «невежей» или «неученым» акцентирует проблему незнания и неумения вести себя в соответствии с нормами общения. Невежда несет негативную коннотацию и подразумевает отсутствие образования и низкий уровень культурного развития [3].

Первое значение слова «учитель» в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова – это *«лицо, занимающееся преподаванием какого-н. предмета в низшей и средней школе, преподаватель, школьный работник»*. В словаре подчеркивается важность статуса учителя, обращается внимание на то, что народный учитель должен занимать высокую позицию в обществе, что указывает на признание его роли в воспитании: *«Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Ленин. Съезд учителей. Учитель русского языка»*. Учитель может обозначать и других педагогов, таких как учитель пения или танцев. Это расширяет слово до всех, кто проводит обучение в различных областях: *«Вообще лицо, обучающее, учащее чему-н. Учитель пения. Учитель танцев»*. Также учитель рассматривается не только как лицо, связанное с образованием, но и как влиятельная личность, которая оказывает влияние на развитие и воспитание учеников. Так, в словаре приводятся строки из поэмы А. С. Пушкина «Полтава», где подчеркивается эмоциональный и личностный аспект, когда ученик чувствует благодарность и уважение к своему учителю: *«И за учителей своих задравный кубок поднимает. Пушкин»* [4].

Лексема «учитель» в Толковом словаре русского языка под ред. С.И. Ожегова также имеет несколько значений, которые показывают разнообразие его ролей в сфере образования и влияния. Первое значение – это *«лицо, к-рое обучает чему-н., преподаватель. Школьный у. У. математики. Домашний у. Заслуженный у. (почетное звание)»*. Такие примеры иллюстрируют различные области преподавания, а также подчеркивают индивидуальный подход к образованию и указывают на признание заслуг и профессионализма учителя. Второе значение этого слова: *«Глава учения (во 2 знач.), человек, к-рый учит (научил) чему-н. (высок.). Великие учителя-философы, л.х.учительница, -ы (к 1 знач.)»*. Здесь речь идет о великих учителях и философах, что расширяет представление о роли учителя как культурного деятеля [1].

Выводы. В итоге можно подчеркнуть, что развитие слова «учитель» в толковых словарях на различных исторических этапах отражает изменения в обществе, культуре и образовательной системе. Согласно словарным дефинициям, учителями могут быть не только люди, передающие знания, но и культурные и идеологические наставники, выполнявшие важную роль в формировании личности. Проведенный анализ способствует более глубокому пониманию особенностей русской языковой картины мира и ее влияния на формирование представлений о профессиональной деятельности учителя на различных этапах развития общества.

Список литературы

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – Москва : Оникс, 2009. – 1359 с.
2. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. : около 160 000 слов / Т. Ф. Ефремова. – Москва : АСТ, 2006. – Т. 3. – 974 с.

3. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Москва : «Русский язык», 2002. – 688 с.
4. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. Б. М. Волин и проф. Д. Н. Ушаков ; сост. проф. В. В. Виноградов, проф. Г. О. Винокур ; под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. – 1552 с.

УДК 811.161.1'33

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА *ДЕВОЧКА*

А. В. Ющак,

*обучающаяся I-го курса кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Чабаненко Т. С., к. ф. н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Лингвистическое портретирование – сравнительно молодое, активно развивающееся направление исследований. Оно предполагает анализ значимых черт, относящихся к изучаемому объекту. Различают социально-речевой портрет языковой личности и портрет лексической единицы, то есть описание слова на основе его ярких признаков.

Целью работы является создание лингвистического портрета слова *девочка* и определение особенностей его функционирования в русском языке с опорой на принцип интегральности, предложенный Ю. Д. Апресяном. Этот подход подразумевает соединение грамматико-семантических, сочетаемостных, синтаксических, стилистических свойств лексемы.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

1. Дать общее представление о методе портретирования в лингвистических исследованиях.
2. Рассмотреть основные объекты лингвистического портретирования.
3. Выявить структуру лингвистического портрета.
4. Определить этимологию языковой единицы *девочка*, её семантические, сочетаемостные, стилистические, грамматические особенности по материалам словарей различных типов.
5. Рассмотреть и проанализировать сочетаемостные особенности слова *девочка* на основе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Методы исследования. Были использованы метод наблюдения, описания, анализа словарных дефиниций и лексикографического портретирования.

Результаты исследования. Лексема *девочка* появилась в XV в. от древнерусского слова *дева*, означающего молодую женщину, которая уже способна кормить [4, с. 114].

В нормативных толковых словарях выделяют до двух значений слова *девочка*: «ребенок женского пола», «женщина легкого поведения» [3, с. 242]. Основной лексико-семантический вариант имеет нейтральную или ласковую стилистическую окраску, а второй – разговорную, фамильярную.

Несвободные сочетания со словом *девочка* отражены в толковых словарях русского языка в зоне идиоматики. Например, данное слово употребляется в обращении к незнакомой девочке (– *Ты кто ж такая будешь, девочка?*) или в

сочетании *Девочка моя* – ласковое или сочувственное обращение к дочери, младшей родственнице, близкой знакомой (*Не плачь, моя девочка, не плачь...*) [2, с. 130].

Девочка входит в синонимический ряд с доминантой «дитя» (*крошка, малютка, младенец, ребенок, малолетний* и др.), а также с доминантой «женщина» (*подросток, девушка, девица* и др.) [1].

Это одушевленное, нарицательное, конкретное существительное женского рода, первого склонения, изменяющееся по числам и падежам и выполняющее типичные для существительного синтаксические функции.

Проанализировав данные о сочетаемостных особенностях лексической единицы *девочка* в газетном и основном корпусе НКРЯ, мы сделали ряд выводов.

1. Большая часть определений при существительном *девочка* в газетном корпусе относится к лексике, называющей возраст (*пятилетний, несовершеннолетний, девятилетний*), а в основном корпусе преобладают прилагательные, описывающие внешность, в том числе оценочно (*милый, прелестный, хорошенький, худенький, бледненький, молоденький*).

2. Сказуемые при лексеме *девочка* в газетном корпусе подчеркивают криминальный характер описываемого (*пропасть, скончаться, выжить, умереть*), а в основном корпусе они чаще всего называют действие или состояние субъекта (*плакать, спать, играть*).

3. В иерархии глаголов с прямым дополнением *девочка* на первом месте в обоих корпусах находится слово *родить*, далее в газетном корпусе – сказуемые на тему происхождения, криминала (*похитить, убить, изнасиловать*), а в основном – глаголы с положительной окраской (*удочерить, учить, воспитывать, погладить*).

4. Среди глаголов с косвенным дополнением *девочка* в обоих корпусах частотным является *исполниться*, что указывает на важность отражения возраста во всех стилях и сферах.

5. Глаголы с предложным дополнением *девочка* в газетном корпусе указывают на криминальную тематику (*напасть, приставать, наброситься*), в основном корпусе на первом месте находятся лексемы *дружить* и *влюбиться*.

6. Среди сочетающихся с анализируемым словом существительных в обоих корпусах чаще всего используется слово *мальчик*, что объясняется большим коэффициентом близости слов.

Выводы. Интеграция данных лексикографических источников и материалов НКРЯ позволяет создать комплексный лингвистический портрет языковой единицы. Образ *девочки* в художественной литературе и СМИ существенно отличается, а полученные результаты могут быть дополнены благодаря использованию лингвистического эксперимента.

Список литературы

1. Абрамов, Н. А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. А. Абрамов // Gufo.me : [сайт]. – URL: https://gufo.me/dict/synonyms_abramov (дата обращения: 19.01.2025).
2. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. / С. И. Ожегов. – Москва : Мир и Образование, 2019. – 1376 с.
4. Трубаев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубаев. – Москва : Издательство АН СССР, 1959. – 213 с.
5. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=11880> (дата обращения: 19.01.2025).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

УДК 808.1

ОБРАЗ ПИСАТЕЛЯ-ХУДОЖНИКА КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А. С. ПУШКИНА)

Л. В. Гордеева,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологии,
Институт педагогического образования,
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный индустриальный университет»,
Новокузнецк*

Аннотация. Статья посвящена анализу образа писателя-художника как коммуникативного феномена на основе интерпретации творческого наследия А. С. Пушкина. Особое внимание обращается на определение термина «писатель-художник (иллюстратор)», а также на приемы создания образа писателя-художника (иллюстратора) в произведении художественной литературы. Основными методами работы стали филологический анализ художественных текстов А. С. Пушкина и иллюстраций к ним, а также теоретический анализ научных источников по теме работы. В заключение сделан вывод о взаимосвязи литературы и живописи как возможности воплощения оригинальной художественной идеи мастера слова, а также об уникальной коммуникативной природе образа писателя-художника (иллюстратора).

Ключевые слова: произведение художественной литературы, иллюстрация, писатель-художник (иллюстратор), образ писателя-художника (иллюстратора).

Summary. The article is devoted to the analysis of the image of the writer-artist as a communicative phenomenon based on the interpretation of the creative heritage of A. S. Pushkin. Special attention is paid to the definition of the term “writer-artist (illustrator)”, as well as to the techniques of creating the image of a writer-artist (illustrator) in a work of art literature. The main methods of work were the philological analysis of A. S. Pushkin’s artistic texts and illustrations to them, as well as the theoretical analysis of scientific sources on the topic of the work. In the end, a conclusion is made about the relationship between literature and painting as an opportunity to embody the original artistic idea of the master of the word, as well as about the unique communicative nature of the image of the writer-artist (illustrator).

Key words: work of fiction, illustration, writer-artist (illustrator), the image of a writer-artist (illustrator).

«Высшая задача таланта – своим произведением дать людям понять смысл и цену жизни» (В. О. Ключевский). Попытку проникнуть в смысл жизни и помочь обществу его понять во все времена предпринимали известные музыканты, живописцы, художники слова и другие талантливые в разных видах искусства мастера. Отражая в художественной форме философию своей души, деятели искусств создавали особенный мир, в котором полновесно представляли жизнь народа или отдельной исторической личности, конкретную историческую эпоху, которая передавала в будущее историческую память о прошлом и настоящем. Однако далеко не всегда известные представители мира искусств пользовались только одним «орудием» для передачи своих идей. Так, например, талантливые художники слова нередко самостоятельно рисовали иллюстрации, помогающие будущему читателю «понять смысл и цену» отдельных элементов художественного текста: образной системы, сюжетных

перипетий, конфликтов, символики и т.п. Этот факт позволяет нам говорить об особом образе художника слова – образе писателя-иллюстратора.

Одним из самых известных мастеров слова, иллюстрировавших свои произведения, безусловно, является А. С. Пушкин. Уже первый биограф Пушкина, П. В. Анненков, отмечал, что рисунки поэта – это его «разговор с самим собой», своеобразный рисованный дневник [3, с. 86]. А. С. Пушкин очень любил жанры портрета и автопортрета. Так, например, мировую известность получили созданные им портреты Д. В. Давыдова, Е. А. Баратынского, Ш. Дидло, профили В. К. Кюхельбекера и П. А. Плетнева; портреты Н. И. Гончаровой и няни Арины Родионовны; графини А. Ф. Закревской, представленной на полях поэмы «Полтава» и срисованной с портрета Джорджа Доу. Очень много портретных иллюстраций Пушкин оставил и на страницах своих лицейской и «арзрумской» тетрадей [5].

Не малое значение имеют иллюстрации автора к роману в стихах «Евгений Онегин», а одними из самых значимых иллюстраций А. С. Пушкина по праву считаются рисунки к рукописям периода Болдинской осени, которую называют этапом расцвета иллюстративного творчества писателя. В их числе: иллюстрации в рукописи «Гробовщика»; изображения на «титulyных листах», или обложках папок, в которых размещались рукописи «маленьких трагедий» (например, изображения головы Шекспира, вдохновителя А. С. Пушкина, и фигуры рыцаря как символизации идеи рыцарства в драматургических произведениях автора).

В одной из рабочих тетрадей А. С. Пушкина 1828–1833 гг. также есть рисунки пейзажного характера. Это так называемые «волжские пейзажи» автора, созданные, как и многие портреты поэта, по памяти. Среди них есть известный пейзаж с часовенкой на берегу реки и пейзаж с лодкой. А. М. Эфрос отмечает их особую артистичность и достоверность [11, с. 448]. Вообще в творчестве А. С. Пушкина было мало пейзажей, но все-таки изредка они встречались в его черновиках. С наименьшей легкостью и точностью деталей он однажды создал изображение Золотых ворот Карадага – скалы причудливой формы, выступающей из моря вблизи Коктебеля.

Таким образом, в числе творческого наследия А. С. Пушкина сегодня мы по праву можем назвать не только величайшие произведения искусства слова, но и богатейший перечень иллюстраций, позволяющих проникнуть в смысл художественного творчества автора – писателя-художника. При этом понятия «писатель-художник» или «писатель-иллюстратор» нечасто встречаются на страницах искусствоведческой и лингвистической литературы, а приемы создания художественного образа мастера слова, создающего иллюстрации к своим произведениям, как научный термин не упоминаются в научных источниках вовсе. Однако в работах В. А. Доманского, Ю. А. Наумкиной, К. В. Пигарева, Е. В. Потемкиной, Н. Ратковски анализируется взаимосвязь литературы и других видов искусства, в частности изобразительного, а также рассматривается специфика иллюстрирования художественного текста. Опираясь на их рассуждения, мы сформулировали рабочее определение термина «писатель-художник» (или «писатель-иллюстратор»). Рассматривая данные понятия как синонимы, **писателем-художником (иллюстратором)** мы называем мастера слова, который самостоятельно создает к своим произведениям иллюстрации с целью помочь читателю понять смысл созданного художественного текста, подсказать связь биографических фактов автора с художественной идеей словесного произведения, отразить логику его творческих размышлений.

При этом важно воспринимать созданный писателем словесный образ в комплексе с изображением, чтобы понять смысл отдельной части или всего произведения литературы в целом. Опираясь на эту взаимосвязь, можно выделить несколько **функций** иллюстративного сопровождения художественного текста.

Информативное наполнение иллюстрации позволяет представить в виде визуального образа основные сюжетные элементы словесного повествования; *эмоционально-психологическое содержание* картинки вызывает у читателей чувственный отклик; *эстетическая же функция* графического изображения производит на читателя воздействующий эффект и развивает в нем чувство прекрасного.

Таким образом, авторская иллюстрация в совокупности со словом создает уникальный, придуманный фантазией писателя синтетический по природе своего создания **художественный образ** как способ освоения действительности и обобщенную, с определенной долей конкретики картину действительности, воплощенную в слове и изображении с помощью вымысла автора и используемых им средств художественной выразительности [2].

Продолжая рассуждения об иллюстративном творчестве известных мастеров слова и анализируя их образ как представителей уникального таланта, следует отметить разножанровые предпочтения авторов в области выбора **автоиллюстраций**, т.е. иллюстраций к собственным произведениям словесного творчества. На наш взгляд, жанровые предпочтения писателей в области живописи позволяют определить специфические черты их личности, а следовательно, более точно охарактеризовать коммуникативный (речевой) образ автора в конкретном произведении литературы. Именно поэтому в своей работе мы решили кратко охарактеризовать жанровые разновидности иллюстраций, в числе которых исследователи выделяют: 1) с точки зрения композиционной значимости – фронтиспис, заставку, концовку, полосную, разворотную, оборочную иллюстрации, рисунки на полях и др.; 2) с точки зрения содержательного наполнения – пейзажи, портреты, автопортреты, «народные» картинки, карикатуры на общественные пороки и др. [1; 4]. Отметим, что основным репертуар названных нефотографических иллюстраций встречается и в творчестве А. С. Пушкина.

Иллюстрации с точки зрения их содержательного наполнения в науке охарактеризованы достаточно, а содержание иллюстраций с точки зрения их композиционной значимости менее известно широкой аудитории, поэтому в своей статье мы решили остановиться на их краткой характеристике. Так, *фронтисписом* называют заглавную иллюстрацию, которая размещается на левой половине первого разворота книги, правую сторону которого занимает титульный лист. Данный вид иллюстраций активно встречается в черновиках А. С. Пушкина.

Заставка – иллюстрация, которая размещается сверху страницы в начале части, главы или всей книги и служит средством акцентуации внимания читателя.

Концовка – вид иллюстрации, располагающийся в завершении части, главы или всей книги, призванный вызвать у читателей эмоциональный отклик, подвести их к определенным выводам.

Полосная или *полуполосная иллюстрация* – иллюстрация, занимающая всю или половину страницы, размеры которой зависят от важности изображаемого сюжетного события, образа или действия. Концовки и полосные иллюстрации не менее часто встречаются на страницах черновиков А. С. Пушкина.

Оборочная иллюстрация – небольшой рисунок, вокруг которого размещается словесный текст произведения литературы и который позволяет автору акцентировать читательское внимание на конкретном сюжетном жесте или детали. Чаще всего такой вид иллюстраций использовался в творчестве Н. В. Гоголя, в отличие от *рисунков на полях*, излюбленном виде иллюстраций А. С. Пушкина, которые выносились за границу текста и использовались тогда, когда иллюстратору важно было показать менее значимое событие [1; 4].

В целом, портретные или автопортретные иллюстрации А. С. Пушкина отличаются своей легкостью и, как правило, выполняют функцию некоего настроения на

творческое мышление, что позволяло ему писать легко и беззаботно. Временами, работая над письмом приятелям или жене, А. С. Пушкин сам не замечал, как на полях страницы будущего послания рисовал причудливые изображения, из которых позже должен был сложиться единый, цельный текст [6, с. 57]. Для него был важен личный взгляд на художественную реальность, а не идеальная форма рисованной торопливой рукой мастера реальности. Используя черный грифельный карандаш, А. С. Пушкин часто изменял, зачеркивал и переосмыслял свои иллюстрации, что дает нам возможность понять А. С. Пушкина не только как гениального мастера слова, но и как человека думающего, переживающего, сомневающегося и от души радующегося тем или иным событиям в жизни. Об этом же писал и исследователь творчества А. С. Пушкина А. М. Эфрос: «... пушкинский рисунок возникал не как самоцель, но в результате бокового хода той же мысли и того же душевного состояния, которые создавали пушкинский стих. Пушкинский рисунок появлялся в творческих паузах, в малых перерывах стихописания, в минуты критической остановки, во время коротких накоплений или разрядов поэтической энергии. Пушкинский рисунок — дитя ассоциации, иногда близкой, иногда очень далекой, с почти разорванной связью. Но он всегда укладывается в один из ассоциативных рядов, тянущихся вдоль возникающего стихотворения» [11].

Наблюдения биографов А. С. Пушкина за его творческим процессом, наряду с анализом жанровой палитры его иллюстраций, позволили нам сформулировать определение одного из ключевых понятий нашей работы – образа писателя-художника (иллюстратора) как коммуникативного феномена. Опираясь на определение **художественного образа** как особой категории эстетики, являющейся способом освоения и преобразования окружающей реальности в реальность художественную, мы определяем **образ писателя-художника (иллюстратора)** как ценностно-эстетический образ автора семиотически разнородного художественного текста, воссоздающего культурно-психологический внутритекстовый портрет мастера слова, а также характеризующий конкретные этапы становления и развития его личности благодаря подтексту произведения и созданным к нему иллюстрациям. В этом состоит и коммуникативная природа образа писателя-художника как человека, организующего с помощью различных по природе средств выразительности диалог с будущим читателем, раскрывая перед ним свой внутренний мир, свои установки и идеи, этапы создания словесного произведения искусства.

В числе приемов создания такого образа зачастую лежат: а) жанровые и тематические предпочтения писателя в области литературы и живописи; б) выбор писателем технических особенностей иллюстрирования собственных текстов; в) обозначение смысловой и ассоциативной связи рисунка и слова с помощью содержания самой иллюстрации и / или подписи к ней; г) количество иллюстраций и их расположение на странице текста.

Таким образом, анализ иллюстраций А. С. Пушкина, в том числе с точки зрения интерпретации его образа как образа писателя-художника, дает современникам уникальную возможность рассмотреть психологические и даже физиологические черты писателя как инициатора общения с читателем в художественном пространстве словесного текста, ближе узнать его личностные особенности и выяснить, что именно испытывал автор в минуты полного погружения в творческий процесс [10].

Список использованных источников

1. Бонди, С. М. Черновики Пушкина : сборник статей / С. М. Бонди. – Москва : Просвещение, 1978. – 231 с.
2. Доманский, В. А. Литература в синтезе искусств / В. А. Доманский. – Санкт-Петербург : Изд-во СПГУТД, 2010. – 362 с.

3. Жуйкова, Р. Г. Автопортреты Пушкина (каталог) / Р. Г. Жуйкова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtoportrety-pushkina-katalog?ysclid=m89u2161hc631394870> (дата обращения: 09.03.2025).
4. Кенцелли, Л. Ф. Мир Пушкина в его рисунках / Л. Ф. Кенцелли. – Москва : Литературное наследие, 1988. – 430 с.
5. Левкович, Я. Л. Из наблюдений над «арзрумской» тетрадью Пушкина / Я. Л. Левкович. – URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v85/v85-018-.htm> (дата обращения: 09.03.2025).
6. Наумкина, Ю. А. Внутритекстовая связь литературы и изобразительного искусства как педагогическая проблема / Ю. А. Наумкина // Педагогический журнал : методика обучения и воспитания. – 2011. – С. 53–66.
7. Пигарев, К. В. Русская литература и изобразительное искусство : очерки / К. В. Пигарев. – Москва : Наука, 1972. – 155 с.
8. Потемкина, Е. В. Психологический анализ рисунка и текста / Е. В. Потемкина. – Санкт-Петербург : Речь, 2006. – 524 с.
9. Ратковски, Н. Профессия-иллюстратор. Учимся мыслить творчески / Н. Ратковски. – Москва : Иванов и Фербер, 2017. – 327 с.
10. Чудинов, В. А. Тайнопись в рисунках А. С. Пушкина / В. А. Чудинов. – Москва : Поколение, 2007. – 488 с.
11. Эфрос, А. М. Рисунки поэта / А. М. Эфрос. – Москва : Academia, 1933. – 478 с.

УДК 821.161.1.09

ОБРАЗ КАНЕВА В РУССКИХ ТРАВЕЛОГАХ XIX ВЕКА

С. С. Жданов,

*доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ЯЦ «Лингва»,
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», Новосибирск;
заведующий кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций, ФГБОУ ВО
«Сибирский государственный университет геосистем и технологий», Новосибирск*

Аннотация. В статье рассмотрена репрезентация Канева в русской словесности XIX века на материале текстов И. М. Долгорукого, А. И. Левшина, П. А. Бибикова, Н. С. Лескова, Л. З. Кунцевича в рамках семиотико-имагологического подхода. Установлено, что в первой половине рассматриваемого периода в образе города акцентированы элементы пространства исторической памяти и мотивы сакральности и лиминальности. Позднее на первый план в характеристике Канева выходит образ Тараса Шевченко, связанный с локусом его могилы.

Ключевые слова: травелог, пространство, Малороссия, Канев, И. М. Долгорукий, А. И. Левшин, П. А. Бибиков, Н. С. Лесков, Л. З. Кунцевич, Т. Г. Шевченко.

Summary. The paper deals with Kanev's representation in Russian literature of the 19th century based on texts of I. M. Dolgoruky, A. I. Levshin, P. A. Bibikov, N. S. Leskov, L. Z. Kuntsevich within the semiotic-imagological approach. It has been established that in the first half of the period under review, elements of the historical memory space and motives of sacredness and liminality are emphasized in the image of the town. Later, the image of Taras Shevchenko, associated with the locus of his grave, comes to the fore in Kanev's characterization.

Key words: travelogue, space, Little Russia, Kanev, I. M. Dolgoruky, A. I. Levshin, P. A. Bibikov, N. S. Leskov, L. Z. Kuntsevich, T. G. Shevchenko.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01431, <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>).

Образы малороссийских городов не раз рассматривались в отечественной

гуманитаристике в рамках исследований как пространства Малороссии в целом [3; 6; 7; 11], так и собственно ее городской образности [2; 5]. Но, насколько нам известно, еще не проводился анализ репрезентации Канева в русской словесности XIX века относительно специфики изучения пространственных характеристик изображенного города. Соответственно, наша работа призвана заполнить эту лакуну.

В текстах начала столетия образ Канева отмечен двумя основными мотивами – сакральностью, связанной в том числе с локусами местных церквей, монастыря, и лиминальностью, маркирующей топос как место столкновения разнонациональных начал. При этом основной акцент сделан на изображении пространства исторической памяти города. Так, в тексте А. И. Левшина упомянуты «мощи Святого Макария Архимандрита Овручского, измученного Турками в Каневе» [9, с. 44] (здесь и далее орфография и пунктуация источников приближены к современным – авт.).

Достаточно подробно репрезентация города у И.М. Долгорукого. Пространство современного автору Канева маркировано в тексте мотивами провинциальной незначительности («местечко», «ныне... только безуездный городок») и разнонациональности («Населен Жидами и Хохлами: есть несколько и Шляхты» [4, с. 243]. Кроме того, созерцание каневского участка Днепра актуализируют ониризм нарратора, связанный с грезой о скором свидании с Киевом [7, с. 255].

Шире представлено пространство исторической памяти города, маркированное экономико-административной значительностью: «Некогда, и очень, очень давно, была тут складка всех Азиатских товаров, кои отсюда развозились в Польшу, Молдавию, Украину, Малую и Великую Россию. <...> Во времена Польши тут было Староство» [4, с. 243]. Если у Левшина каневская лиминальность реализована как столкновение русскости и турецкости, то Долгорукий акцентирует амбивалентное взаимодействие русскости и польскости в этом месте. В данном плане характерна репрезентация маркированного чертами старины и новизны «близлежащего кlostера или монастыря», «который заслуживает по древности своей особенное любопытство. В нем старая церковь деревянная, а новую выстроили из кирпича» [4, с. 244]. В пространстве исторической памяти показано изменение конфессиональной принадлежности локуса в результате вмешательства польского элемента: «Первоначально церковь эта основана тут в 1145 году, и тогда поставлен был в ней престол Греческий; в последствии времени, когда Поляки восхитили и присвоили себе всю по обе стороны Днепра Малороссию, храм этот превращен в Униятский»; «Обе эти церкви, разумеется, Униятского Исповедания» [4, с. 244]. Переход в пространство униатское, т.е., по сути, западное, инспирированное польским влиянием, подчеркнут также во фрагменте, повествующем о возрождении монастыря: «храм сей со 160 лет был пуст и забыт; ныне возобновлен тщанием и усердием одного Русского Дворянина Г. Казаринова, который женился на Полячке <...> В обители 6 монахов Базилианского (Св. Василия) Ордена, т.е. Униаты» [4, с. 244]. Мотивами польскости и униатства маркирована и школа при монастыре: «Поляки отдают сюда детей своих учиться разным наукам; это заведение подобно Академии. Оно под главным ведомством Министерства Просвещения и Католического Духовного Правления, а на месте управляет в подробности Митрополит Униятский» [4, с. 245]. Вообще, Малороссия Долгорукого отмечена ярко выраженной полонизацией, где польскость слабо смешивается с русскостью/ малороссийскостью: «Поляки детей своих не учат по-Русски» [4, с. 245]. О православности монастырского локуса в пространстве исторической памяти свидетельствует характеристика иконостаса старой церкви («отделан по-нашему»), а также упоминание того же, что и у Левшина, образа «Архимандрита Макария, которого... церковь наша чтит святым Чудотворцем Переяславским» [4, с. 244]. Наконец, образ монастыря отмечен привлекательностью («Местоположение... прекрасно» [4, с. 245]).

Далее, из 10-х годов XIX века, мы переносимся в 60-е к характеристике Канева в травелогe П. А. Бибикова. Здесь, как и в более поздних текстах, в каневском пространстве

актуализирован иной образ малороссийской персониферы, а именно Тараса Шевченко, захороненного в этом месте. Нарратор фактически ставит знак равенства между образами города и поэта: «Подъезжая к Каневу, все заговорили о Шевченко; всякий считал долгом взглянуть на курган, насыпанный над его свежей еще могилой» [1, с. 102]. В тексте актуализирован мотив всеобщей известности Шевченко («В Украине, как и во всей Малороссии, имя поэта очень популярно: трудно встретить человека, которому неизвестно было бы имя старика-Тараса»), хотя и частично в травестийно-юмористической огласовке: «Даже немец-шкипер нашего парохода знает его, но на вопрос мой, кто же такой был этот Шевченко, отвечал: этого я не могу вам сказать, но его все знают, и всякий раз как мы проезжаем мимо Канева, о нем подымается разговор на пароходе; das muss ein politischer Mann sein! прибавил он» [1, с. 102–103].

Подробнее локус захоронения Шевченко изображен в заметке Н. С. Лескова «Забыта ли Тарасова могила?», опубликованной в 1882 году. Образ могилы остранин и строится на противопоставлении двух мотивов: внешней обветшалости и внутренней (духовной) значимости места для малороссов: «Могила Шевченки действительно осыпается, и на ней обветшал ее высокий крест, но она совсем не позабыта “всеми почитателями”. Напротив, “народная тропа” к могиле поэта самым явным образом не зарастает, а проторена» [10, с. 30]; «разрушение, какое представляет могила Шевченки, ...утешительнее неприкосновенной сохранности многих и многих чисто содержимых монументов» [10, с. 32]. Более того, до некоторой степени локус перенимает характеристику сакральности, становясь местом паломничества: «нельзя даже указать никакой другой могилы писателя, к которому бы родное племя покойника хранило бы более памяти и влечения» [10, с. 30]; «эта могила есть *самое любимое место* [курсив Лескова – авт.] для вечерних прогулок местного простого народа» [10, с. 31]. Благодаря мотиву наполненности жизнью (в природном и антропном вариантах), локус могилы подвергается особому остранению, трансформируясь из пространства смертности в место vitality, куда “паломники” идут поговорить с Шевченко, который незримо присутствует здесь как *genius loci*, т.е. мыслится живущим, чувствующим, реагирующим на происходящее: «лучше уже пусть она [могила – авт.] осыпается, чем если ее огорожат и станут затруднять живой народный прибой к ней. Это Тараса обидит» [10, с. 33]. В пейзажном, достаточно безыскусном, фактографическом описании Лесков прибегает к параллелизму русских и малороссийских названий-локальных маркеров для придания репрезентации национального колорита: «гора» – «по-местному “круча”»; «тропинки» – «стежки» [10, с. 31]. Проводниками по «Тарасовой круче» служат «дивчинки»-дочери местных «гончаров», или горшечников» [10, с. 31]. Эти малороссийские языковые вставки, однако, не просто “этнографически” остраняют описание, но служат знаком народности поэта, близости Шевченко к простому народу: «Могила Шевченки, по несколько вульгарному, но весьма точному местному выражению, “разлазяли”, то есть отоптали ногами ее углы и бока, по которым стараются взойти на ее вершину, чтобы точно “посумовати з батьком Тарасом про свою недолю”» [10, с. 32]. Кроме того, локус могилы отмечен мотивами масштабности как по горизонтали, так и по вертикали («Могила Шевченки представляет не обыкновенную насыпь в величину могилы; это целый холм, или курган, насыпанный на самой возвышенной площадке очень высокой горы на правом (киевском) берегу Днепра» [10, с. 31]), привлекательности/поэтичности и демиприродности за счет слияния образов горы-кручи и Днепра в единую панораму: «Место могилы Тараса прекрасное и вполне поэтическое, вид на Днепр отсюда — широкий, вольный и вдохновительный» [10, с. 32]. Это корреспондируется с мотивом пиитичности Малороссии, сформированном в сентименталистском и романтическом нарративах. Наконец, в данном месте происходит частичное наложение литературной реальности и описываемой Лесковым действительности: нарратор встречает “настоящую” Катрю – соответствие созданному поэтом образу: «встреченная нами красавица и в самом

деле называется Катерина и... у нее такое же самое горе, какое было у воспетой Шевченком Катри. <...> Разница в положениях заключалась только в том, что эта живая Катря “не з москалем покохалася”, а “служила в наймычках у вдового попа”...» [10, с. 32].

Канев как шевченковский топос не в простонародном, а более рафинированном варианте встречаем в травелоге Л. З. Кунцевича, написанном в самом конце XIX века. Здесь усилен мотив демиприродности, когда локус могилы вписан в общий привлекательный днепровский пейзаж: «На правом крутом берегу Днепра, на холме среди зелени виднелась могила Шевченко с большим белым крестом. Возле стоит избушка и несколько зеленых деревьев. Здесь-то, среди родной природы, среди скромной, но чудной картины, почил тот, кто имел “великое сердце”!» [8, с. 3]. Автор проецирует текст стихотворения поэта на описываемый идиллический пейзаж: «Невольню вспомнились слова поэта: Похороните мене край долины Среди степу широкого на Украйне милой, Що б степы широкополы и Днепро и кручи Були видны и было чути, як реве ревучий» [8, с. 3]. Остранение здесь достигается за счет олицетворения, смешивающего природное и антропное начала в повествовании: «Много говорит это место сердцу и уму! <...> тростник у ровного, зеленого берега, тихо колеблемый волнами, казалось, шепча, рассказывал свои воспоминания о поэте, видевшем эти места широкого, могучего Днепра» [8, с. 3–4]. Помимо этого, мотив смешения затрагивает литературную реальность, соединяя в описании шевченковский и пушкинский тексты: «понял я всем существом своим, что значат слова Пушкина: И пусть у гробового входа Младая будет жизнь играть И равнодушная природа Красою вечною сиять!» [8, с. 4].

Таким образом, репрезентация Канева в русской словесности XIX века имеет два варианта. Первый представлен описаниями начала столетия, где акцентированы мотивы сакральности и лиминальности топоса в пространстве исторической памяти и современной нарратору реальности. Эта лиминальность предстает как противостояние русскости и турецкости или польскости, так и частичное смешение русского и польского начал. Мотивы привлекательности и демиприродности места здесь периферийны. Центральным в пространстве исторической памяти Канева выступает образ преподобного Макария.

В текстах второй половины века на первый план выступает образ Шевченко как национального малороссийского поэта и одновременно *genius'а loci* города, в пространстве которого локус шевченковской могилы приобретает фактически сакральный статус. Это пространство отмечено мотивами привлекательности, демиприродности, поэтичности и витальности (по сути, поэтического бессмертия как аналога вечной жизни в христианстве). Также наблюдается смешение литературной реальности, порожденной текстом, и действительности, изображаемой нарратором.

Список использованных источников

1. Бибииков, П. А. От Петербурга до Екатеринославля / П. А. Бибииков // Время. – 1863. – № 4. – С. 98–141.
2. Булкина, И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное : дис. ... д-ра философии по русской литературе / И. Булкина. – Тарту, 2010. – 213 с.
3. Васильева, Т. А. У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Васильева. – Томск, 2014. – 232 с.
4. Долгорукий, И. М. Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года / И. М. Долгорукий. – Москва : Университетская тип. (Катков и К^о), 1870. – 355 с.
5. Жданов, С. С. «Нехай же москвичи к провинциям суровы...»: образ Кременчуга в травелоге И. М. Долгорукого / С. С. Жданов // Славянскія літаратуры ў кантэксте сусветнай : матэрыялы XIV Міжнароднай навукова- практычнай канферэнцыі, прысвечанай 85-годдзю філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Рэспубліка Беларусь, Мінск, 26 верасня 2024 г. – Мінск : БДУ, 2024. – С. 31–37.

6. Жданов, С. С. «Пиитическая Малороссия»: украинская пространственная образность в травелоге «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча / С. С. Жданов // Имагология и компаративистика. – 2024. – № 22. – С. 180–201.
7. Жданов, С. С. Травестийная городская Малороссия в травелоге «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года» И. М. Долгорукого / С. С. Жданов // Научный диалог. – 2024. – Т. 13, № 9. – С. 239–268.
8. Кунцевич, Л. З. Экскурсия на Кавказ и в Крым окончивших курс Киево-Печерской гимназии в 1898 году / Л. З. Кунцевич. – Киев : Тип. Горбунова, 1900. – 37 с.
9. Левшин, А. И. Письма из Малороссии / А. И. Левшин. – Харьков : Университетская тип., 1816. – 206 с.
10. Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 11 т. / Н. С. Лесков. – Т. 11. – Москва : ГИХЛ, 1958. – 863 с.
11. Марчуков, А. В. Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время / А. В. Марчуков. – Москва : Регнум, 2011. – 294 с.

УДК 821.161.1

ОДЕССКИЙ ТЕКСТ КАК ЧАСТЬ НОВОРОССИЙСКОГО СВЕРХТЕКСТА В «ПУТЕШЕСТВИИ В ПОЛУДЕННУЮ РОССИЮ» В. В. ИЗМАЙЛОВА

А. А. Ильницкая,

*преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь;
лаборант-исследователь ЯЦ «Лингва» ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
технический университет», Новосибирск*

Источник финансирования: исследование выполнено за счет граната Российского научного фонда (проект №24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII–XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы»).

Аннотация. В статье даётся подробное изложение основных положений современной теории сверхтекста, особое внимание уделяется топическому (пространственному) сверхтексту в ряду других типов сверхтекста, его разновидностям и специфическим чертам. Говорится об особенностях центра (ядра) пространственного текста, своеобразии пространственной мифологии, лежащей в основе такого текста. Характеризуется новороссийский текст как разновидность топического текста, говорится о его составных частях. В качестве одной из частей новороссийского текста выделяется локальный одесский текст. В статье подробно рассматриваются особенности одесского текста, творимого в одном из первых произведений о Новороссии – «Путешествии в полуденную Россию» В. В. Измайлова, характеризуются его составные элементы – мифемы и мифологемы, процесс формирования которых начался на рубеже XVIII–XIX веков.

Ключевые слова: сверхтекст, топический (пространственный) сверхтекст, текст Новороссии, миф о Новороссии, одесский текст, русская литература, В. В. Измайлов.

Summary. The article provides a detailed exposition of the main provisions of the modern theory of supertext, special attention is paid to the topical (spatial) supertext among other types of supertext, its varieties and specific features. The article discusses the features of the center (core) of the spatial text, the uniqueness of the spatial mythology underlying such a text. The Novorossiysk text is characterized as a type of topical text, and its constituent parts

are discussed. The local Odessa text is singled out as one of the parts of the Novorossiysk text. The article examines in detail the features of the Odessa text created in one of the first works about Novorossiya – *Journey to Midday Russia* by V. V. Izmailov, characterizing its constituent elements – mythemes and mythologemes, the formation process of which began at the turn of the 18th–19th centuries.

Key words: supertext, topical (spatial) supertext, text of Novorossiya, myth of Novorossiya, Odessa text, Russian literature, V. V. Izmailov.

Благодаря работам В. Н. Топорова [10; 11], а затем и иных ученых [1; 7; 5; 6] топический (пространственный) свертхтекст является сегодня наиболее исследованным.

По мнению А. Г. Лошакова, с которым мы вполне согласны, «свертхтекст представляет собой такую парадигму текстов, в которой через посредство определённых культурно-языковых кодов, стилистических стратегий репрезентуется модель мира некоей внетекстовой структуры <...>, априори обладающей смыслом, и в силу этого субъективностью, интенциональностью и активностью – способностями коммуницировать, аффицировать, генерировать и регенерировать смыслы и ценности» [4, с. 129]. А следовательно, топический (пространственный) свертхтекст (помимо него выделяют также событийный и именной свертхтексты [см.: 9, с. 15–17]) есть «парадигма текстов», представляющая собой модель (в художественных текстах – художественную) определенного пространства, обладающего важным для воспринимающего сознания смыслом и ценностью. Чаще всего это значимые для национальной культуры пространства, которые, как отмечают исследователи, могут быть локальными (городской текст) и региональными (тексты больших пространств) [см.: 9, с. 17–18].

Топический текст выделяется по пространственному критерию, в его центре – конкретный локус, дающий ему название: например, «московский текст», «петербургский текст» и пр. Такой свертхтекст обладает значительным исследовательским потенциалом, так как позволяет глубоко погрузиться в литературно-художественный контекст произведений через семиотических особенности конкретного региона, формируемые в них автором (авторами) культурными представлениями о пространстве, в значительной мере мифологизированными. Единство такого текста, пишет М. Ч. Ларионова, «обеспечивается символизацией природных и культурных образов, то есть в роли источников выступает фольклорно-мифологический..., исторический, антропологический материал – то, что образует культурный ландшафт и культурную репутацию территории» [3, с. 132–133]. Соглашаясь с исследовательницей, заметим, что, по нашему мнению, представление о территории не столько передаётся символизацией, сколько мифологизацией того самого «фольклорного..., исторического и антропологического материала».

Цель данной статьи – на примере «Путешествия в полуденную Россию» В. В. Измайлова показать роль одесского текста в составе новороссийского свертхтекста русской литературы начала XIX века.

Новороссийский текст в ряду локальных и региональных свертхтекстов, несомненно, является текстом региональным и охватывает обширную территорию во многом очерчиваемую сегодняшними Одесской, Николаевской, Херсонской, Запорожской, Днепропетровской (в прошлом Екатеринославской), частично Харьковской областями, а также территориями Крыма и Донбасса – землями, присоединёнными к Российской империи в результате русско-турецких войн во второй половине XVIII века.

Формирование пространственного свертхтекста зависит прежде всего от объективных и субъективных причин. К объективным причинам можно отнести климатические и ландшафтные особенности, а к субъективным – тот индивидуально-

авторский «образ места», который создается писателями в художественных произведениях.

Авторы монографии «Сверхтекст: генезис, структура, семантика» пишут о том, что региональный текст есть «топический сверхтекст, формирующийся на основе константных мифологизированных представлений о регионе, имеющем условные границы и нередко строящемся на основе совокупности локальных текстов» [9, с. 17]. Наиболее значимыми текстами, на основе которых строится новороссийский сверхтекст, являются локальные тексты – одесский, херсонский, екатеринославский, запорожский, а также региональные, прежде всего крымский. Согласно мнению авторов монографии, ядро подобного сверхтекста находится вне литературного текста и формируется на основе национально значимого понятия, каковым является Новороссия. Структурными единицами данного регионального текста являются мифологемы и мифемы, формируемые представлениями о Новороссии – новороссийский миф, сложившийся в разные периоды развития русской литературы, начиная с конца XVIII века.

Анализ топического текста дает возможность углубленно изучить историю, культуру, менталитет и поведенческие особенности людей, населяющих определенный регион. Локальный или региональный миф в литературе представляет собой символы, образы или сказания, а главное – константные представления, характерные для конкретной местности. Эти мифы отражают уникальные особенности культуры, истории, традиций и верований народа, населяющего определенное географическое пространство. Они могут быть связаны с местными богами, героями, природными явлениями или историческими событиями, которые играют важную роль в формировании идентичности и коллективной памяти общества. Они передают ценности, мировоззрение и взгляды на мир, характерные именно для данного региона. Эти мифы могут стать основой для создания литературных произведений, которые передают атмосферу и дух конкретного места.

Топический текст носит традиционный, закреплённый в сознании общества характер. В то же время в литературных текстах он создается исключительно через призму сознания самого автора, используя как традиционное восприятие того или иного географического пространства, так и индивидуальное, авторское.

Являясь важным инструментом для анализа культурных и географических особенностей региона, топический сверхтекст через призму литературных произведений позволяет исследователям получить новые знания о жизни, обычаях и идентичности местных сообществ, помогает понять и интерпретировать многообразие культурных, исторических и географических аспектов, связанных с конкретным регионом.

Формирование новороссийского сверхтекста в рамках русской литературы произошло благодаря деятельности ряда русских писателей – Н. В. Гоголю с его Чичиковым, «переселявшим» мужиков в Херсонскую губернию, А. И. Левшину («Письма из Малороссии»), а затем Н. И. Надеждину («Новороссийские степи»), описывавшим бескрайние новороссийские степи и др.

Новороссийский текст, создаваемый В. В. Измайловым, дает начало одному из крупнейших мифов «русского юга», обживаемого Россией.

«Путешествие в полуденную Россию» начинается с описания той земли (Новороссии), «которая была театром великих происшествий в Истории нашей, добычею соседних держав, и отечеством самых миролюбивых людей» [2, с. 51]. Причем сразу подчеркивается её уникальность не только в природном, но и в историческом отношении: автор обращается к различным произошедшим на этой территории событиям, связанным с историческими личностями – Екатерине II, князю Г. А. Потёмкину-Таврическому, шведскому королю Карлу XII, гетману Ивану Мазепе.

Описание природы у Измайлова вовсе не красочные, поскольку главный природный ландшафт Новороссии – это степь, и одна из главных новороссийских мифем – «новороссийская степь» нередко непоэтична (в отличие от гоголевского восприятия степи в «Тарасе Бульбе»), поскольку летняя степь «неприятная, особенно в нынешнее лето, когда трава пожелтела от засухи, и саранча покрывает нагие поля» [2, с. 276]. «Так действует на душу видь дикой степи, что картина солнечного захождения, которая так пленительная в других местах света, расположила здесь меня к унынию» [2, с. 308].

Куда более живые и красочные мифологемы и описания рождаются к В. В. Измайлова при посещении растущих городов Новороссии. Являясь частью новороссийского свертхтекста, понятие «одесский текст» как топический текст представляет уникальный корпус литературных произведений, связанных с особенностями и атмосферой Одессы сначала как жемчужины Черного Моря, Южной Пальмиры, а затем и Столицы юмора, Голливуда на берегу Черного моря. Этот текст отражает уникальные черты истории, культуры и духа города. Одесский текст строится на основе литературных произведений в которых в той или иной мере описывается Одесса и её неповторимая атмосфера.

Одесский текст русской литературы создается многочисленной «одесской плеядой» (определение, введенное О. В. Филимоновым [8]) поэтов и писателей, которые провели в Одессе хотя бы несколько лет, напитываясь «одесским духом», и путешественников, посещавших Одессу в разный период ее существования и процветания, ощутивших ее вдохновляющую силу, пытаясь постичь и осмыслить ее феномен, т. е. отразить уникальность ее географического положения, истории, специфическую атмосферу и менталитет разноразличного населения. Благодаря этому в рамках русской литературы укреплялся и обогащался миф Одессы, третьей или же южной столицы русской империи. У истоков литературного одесского мифа (мягкий климат, богатая южная природа, соседство моря, относительная свобода нравов жителей, красота «дев» и т.п.) стоят произведения Ивана Долгорукова, Василия Туманского, Александра Пушкина, Петра Пильского, Исаака Бабеля, братьев Катаевых, Юрия Олеши и др.

Одним из первых упоминаний Одессы времен Иосифа де Рибаса, пришедшей на смену замку Кочубеев и крепости Хаджибей, принадлежит перу русского писателя и журналиста Владимира Васильевича Измайлова, описанного им под влиянием Н. М. Карамзина в «Путешествии в полуденную Россию» (1800–1802 г.; 2-е изд. 1805) в жанре «сентиментального путешествия».

Важно понимать, что Одесса, описанная Измайловым в «Путешествии в полуденную Россию», сильно отличалась от той, что упоминалась в литературе при эпохе Ришелье, Ланжерона или же Воронцова. Только лишь со времен правления Павла I и назначения местным военным губернатором Иосифа де Рибаса в 1789 году Одессе даруется герб и выделяется 250 тысяч рублей в распоряжение магистрата для строительства Одесского порта. С 1801 года в Одессе начинает стремительно развиваться торговля. Сюда заходят суда из Марселя, Галаца, Неаполя, Стамбула, Пирея и Генуи. Летом того же года открываются первые банкирские торговые дома – Рено и Фурнье, позволяя застраивать город красивыми домами, постепенно увеличивая численность населения и уделяя внимание культурной жизни тогдашних одесситов.

Первые очерки В. В. Измайлова об Одессе начинаются с воспоминаний о кровопролитной Полтавской битве, проходившей на близлежащих территориях. «Дорога, идущая степью от Очакова до Одессы, была для меня занимательна, потому что Карл XII укрывался на ней после Полтавской баталии» [2, с. 358], тем самым соотнося причерноморские пространства с некоторыми из важнейших исторических событий, вводя в одесский текст мифологемы победы русской армии в Полтавской

битве и бегства шведского короля после неё и привнося в пространственный свертхтекст элементы событийного текста.

Мифологема чуда рождения Одессы складывается, когда В. В. Измайлов начинает говорить непосредственно о городе, упоминая тот факт, что до 1794 года место было пустошью и только с назначением де Рибаса, город начинает свое «современное» существование: «в 96 году мгновенно вознесся город, поселилось множество жителей...» [2, с. 359]. Не забывает Измайлов упомянуть и о роли Одессы как важнейшего торгового порта (создавая миф об Одессе как о торговом городе), говоря о том, что с развитием торговли увеличилось и количество купеческих судов стоящих в гавани: «живость биржи, толпа торгующих, шум пристающих кораблей, – все делает его очень приятным» [2, с. 360].

Важно помнить о том, что, находясь под влиянием Н. М. Карамзина, В. В. Измайлов обращается к традиции сентиментализма, подключая чувства. Так, давая оценку городу, он не находит нужных слов в родном языке и обращается к привычному в дворянской среде для выражения эмоций французскому: «Для сего городка не может быть точного выражения на нашем языке; но Французы назвали бы его конечно *le joli*» [2, с. 360]. С французского языка «*le joli*» обозначает «красивый», подкрепляя свою высокую оценку места описанием «красоты домиков, картины моря» [2, с. 360]. Так рождается мифема Одессы-красавицы, мифологема города, очаровывающего странника: «солнце текло к последним пределам горизонта; огненная заря пылала на небе и на море; и вечерняя серенада, несущаяся из одного ближнего дома, прибавляла к очарованию места и природы» [2, с. 360].

Поэт не забывает обращаться и к облику самого города, описывая его так: «Здания возвышаются в виде амфитеатра; разноцветные флаги развиваются у пристани; кажется, что необозримое море, перед которым город есть одна населенная точка, несет его на хребте своем. Она есть одна из знатнейших гаваней в России, как по выгодам своего местоположения, так и по преимуществам, ей данным» [2, с. 359–360], рождая тем самым «миф об Одессе как об удивительном молодом и развивающемся городе-порте» («Нет другого Черноморского Порта, где бы корабли могли лучше укрываться от ветров и бурь» [2, с. 361]), колыбели Черного моря.

Одной из важнейших мифологем, формирующих одесский локальный текст представляется нам мифологема, связанная с репрезентацией местных жителей, позволяющих отождествлять локус. Об одесситах Измайлов пишет так: «если хотите знать о здешних жителях, то они все купцы, люди занятые коммерцией; едва ли найдется один из них, который бы не имел участия в торговлях» [2, с. 361], создавая тем самым «миф об одессите-торговце».

Таким образом, мы можем говорить о том, что основой для формирования одесского текста как литературоведческого явления в творчестве В. В. Измайлова являются реалии, созданные писателем в своих очерках, а основой для воссоздания реалий в произведениях являются конкретные пространственные, географические реалии Одессы, действительные места, события, личности, которые так или иначе с ней связаны.

Список использованных источников

1. Абашев, В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с.
2. Измайлов, В. В. Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова. Ч. 1–2 / В. В. Измайлов. – Москва : В университетской тип. у Ридигера и Клаудия, 1800. – 441 с.
3. Ларионова, М. Ч. Уральский текст русской литературы / М. Ч. Ларионова // Журнал Фронтирных Исследований. – 2021. – № 2 (22). – С. 130–136.
4. Лошаков, А. Г. О факторах порождения и функционирования свертхтекста / А. Г. Лошаков // Семантика. Функционирование. Текст. К 70-летию со дня рождения

- С. В. Черновой : межвузовский сборник научных трудов с международным участием (Киров, 30 октября 2018 года). – Киров : Радуга-ПРЕСС, 2018. – С. 128–141.
5. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе / А. П. Люсый. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 314 с.
6. Люсый, А. П. Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры / А. П. Люсый. – Москва : Издательский дом «ВЕЧЕ», 2013. – 320 с.
7. Меднис, Н. Е. Венеция в русской литературе / Н. Е. Меднис ; отв. ред. Т. И. Печерская ; Новосиб. гос. пед. ун-т, Ин-т филологии СО РАН. – Новосибирск : НГУ, 1999. – 392 с.
8. Одесская плеяда: сатирические произведения 20-30-х гг. / сост., примеч. О. В. Филимонова ; худож. В. И. Барыба. – Киев : Днепро, 1990. – 447 с.
9. Сверхтекст: генезис, структура, семантика : монография / науч. ред. С. О. Курьянов ; коллектив авторов. – Москва : Директ-Медиа, 2023. – 224 с.
10. Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / В. Н. Топоров // Семиотика города и городской культуры: Петербург / Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – Вып. XVIII. – С. 3–29.
11. Топоров, В. Н. Петербургский текст / В. Н. Топоров ; Отделение историко-филологических наук РАН. – Москва : Наука, 2009. – 820 с.

УДК 821.161.1

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВОРОССИЙСКОМ ТЕКСТЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ)

С. О. Курьянов¹, А. А. Ильницкая²,

¹*заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, доктор филологических наук, профессор, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

²*преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь; лаборант-исследователь ЯЦ «Лингва» ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», Новосибирск*

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII-XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы».

Аннотация. Авторы статьи на основе исследований предшественников (Н. Е. Меднис, В. В. Абашев, А. П. Люсый, А. Г. Лошаков и др.) дают характеристику новороссийскому тексту в русской литературе как пространственному сверхтексту. Указывают на своеобразие пространственного сверхтекста среди других видов ассоциативно-смысловых сверхтекстов – именного и событийного. Утверждают, что структурными компонентами этого типа сверхтекста являются мифологизированные константные представления, формирующиеся в мифологемы и мифемы. Авторы предпринимают первичную попытку показать своеобразие структуры новороссийского текста, обращая внимание на значимость входящих в него обширных и во многом самостоятельных пространственных текстов – региональных (крымский текст и под.) и локальных (одесский текст и под.), а также именных и событийных субтекстов (миф о

Дюке Ришелье, миф о графе М. С. Воронцове, миф о князе Г. А. Потёмкине, миф о Полтавской битве и проч.). Авторы утверждают, что текст Новороссии – большой пространственный региональный сверхтекст, имеющий не только свои специфические пространственные черты, поэтически отраженные в произведениях русской литературы, но и субтекстуальные образования, характеризующиеся мифемами и мифологемами (также зафиксированными в русской литературе текстуально) именных и событийных сверхтекстов, которые становятся важной смысловой составляющей мифа о Новороссии, лежащего в основе новороссийского сверхтекста.

Ключевые слова: сверхтекст, пространственный сверхтекст, текст Новороссии, миф о Новороссии, мифологема, мифема, именная и событийная сверхтексты.

Summary. The authors of the article (on the basis of their predecessors' researches N. E. Mednis, V. V. Abashev, A. P. Lyusyi, A. G. Loshakov, etc.) characterize the Novorossiysk text in Russian literature as a spatial hypertext. They point out the peculiarity of the spatial hypertext among other types of associative and semantic hypertext – nominal and event. They argue that the structural components of this type of hypertext are mythologized constant representations formed into mythologemes and myths. The authors make an initial attempt to show the peculiarity of the structure of the Novorossiysk text, drawing attention to the significance of its extensive and largely independent spatial texts – regional (Crimean text, etc.) and local (Odessa text, etc.), as well as name and event subtexts (the myth of Duke Richelieu, the myth of Count M. S. Vorontsov, the myth of Prince G. A. Potemkin, the myth of the Battle of Poltava, etc.). The authors argue that the Novorossiysk text is a large spatial regional hypertext that has not only its specific spatial features poetically reflected in the works of Russian literature, but also subtextual formations characterized by myths and mythologemes (also recorded in Russian literature textually) of name and event hypertext, which become an important semantic component of the myth of Novorossiysk, underlying the Novorossiysk hypertext.

Key words: hypertext, spatial hypertext, Novorossiysk text, myth of Novorossiysk, mythologemes, myths, nominal and event hypertext.

Пространственный сверхтекст, изучение которого было положено работами В. Н. Топорова [29; 30] и который в большом количестве современных исследований именуется локальным, топосным, топическим и проч., в современной науке о литературе достаточно подробно описан. Теоретические выкладки на сей счет появляются уже в 1990-х годах и остаются в центре внимания исследователей до сегодняшнего дня. Это и само утверждение термина сверхтекст, сделанное Н. А. Купиной и Г. В. Битенской [12], и работы Н. Е. Меднис [23; 24], В. В. Абашева [1], А. П. Люсого [19; 20], А. Г. Лошакова [18], М. П. Гребневой [5], С. О. Курьянова [13], а также важная для нас коллективная монография «Сверхтекст: генезис, структура, семантика» [27], где рассматриваются разновидности сверхтекста, и др.

Данной статьей авторы ставят перед собой *цель* дать наиболее подробную характеристику пространственному сверхтексту и показать характерные признаки Новороссийского текста.

Сверхтекст есть не созданное автором (интерпретатором) или авторами (интерпретаторами) явление, а феномен сознания, возникающий в результате восприятия действительности вообще и литературного произведения в частности. Как утверждается в упомянутой выше коллективной монографии, если говорить о литературе и порождаемых ею сверхтекстах, «сверхтекст – это система интегрированных текстов, которая характеризуется отчетливо выраженной единой модальной установкой <...> и тождественно воспринимается авторским и читательским сознанием либо благодаря единому культурному коду <...>, либо авторскому замыслу <...>» [27, с. 8]. Важной сверхтекстообразующей составляющей любого сверхтекста является его ядро – основа, центр, к которому, благодаря

центростремительным процессам, притягиваются тексты разных родов, жанров и эпох. Об этом писали все исследователи свёрхтекста. «Каждый свёрхтекст, – писала Н. Е. Меднис, – имеет свой образно и тематически обозначенный центр, фокусирующий объект, который в системе внетекстовые реалии – текст предстает как единый концепт свёрхтекста. В роли такого центра для топологических свёрхтекстов выступает тот или иной конкретный локус, взятый в единстве его историко-культурно-географических характеристик; для именных текстов определяющими оказываются характеристики культурно-биографические». И далее: «централизирующий внетекстовый фундамент <...> выступает как данность, <...> не подлежащая или слабо поддающаяся изменениям: Данте, Пушкин, Толстой, Венеция. Степень устойчивости этого фундамента [т. е. центра, ядра. – Авторы] во многом определяет возможность или невозможность возникновения восходящего к нему свёрхтекста, разумеется, при его (фундамента) общекультурной значимости» [24]. Будучи согласными с утверждениями исследовательницы, мы тем не менее всё-таки уйдем от употреблённого Н. Е. Меднис термина «концепт», поскольку этот феномен сознания, охарактеризованный Ю. С. Степановым как «сгусток культуры» [28, с. 43], интерпретируется разными исследователями и в разных контекстах по-разному. Будем говорить о *прецедентном* явлении, на основе которого формируется свёрхтекст.

Заметим также, что мы говорим в данном случае об одном из двух типов свёрхтекста, а именно об *ассоциативно-смысловом свёрхтексте*, который формируется исключительно в воспринимающем сознании. Иного типа *текстовое единство* – свёрхтекст, формируемый авторским сознанием и лишь затем как художественная данность существующий в сознании воспринимающем. Но в данном случае о нем речь не идет [см. об этом: 27, с. 19 и далее].

Прецедентными для формирования ассоциативно-смыслового свёрхтекста могут быть пространство, имя, событие. Но не любые, а значимые для национальной или мировой культуры. Последнее особенно важно, поскольку свёрхтекст есть продукт коллективных представлений. Правда, далеко не всегда человеческое сознание способно воспринять наличие свёрхтекста: в таких случаях необходима «подсказка» интерпретатора – и свёрхтекст становится очевиден.

Исходя из типа прецедентных явлений, свёрхтексты бывают *пространственные, именные и событийные*. Применительно к теме нашей статьи речь пойдет о *пространственном свёрхтексте* [см. об этом: 27, с. 15–18].

Центром (ядром) такого свёрхтекста является пространство, значимое для национальной или мировой культуры. Причем за редким исключением это пространство не вымышленное, а реальное, но воспроизведенное в художественном или художественно-публицистическом тексте. То есть *ядром пространственного текста является культурно значимое географическое пространство*. Так, для Петербургского текста это Петербург, для Московского – Москва, для Венецианского – Венеция, для Крымского – Крым, для Алтайского – Алтай и т. п. Очень редко основой свёрхтекста может становиться вымышленное пространство: например, пространство фантастических произведений А. Грина, так называемая Гринландия, причем исключительно потому, что произведения Грина значимы для русской культуры. В то же время реальные географические пространства, способные создавать ядро свёрхтекста, оказавшись в тексте художественного произведения, несомненно, перестают быть таковыми, приобретают вымышленные черты и не столько воспроизводят реальное пространство, сколько становятся мифологизированным представлением об этом пространстве.

Пространственный свёрхтекст складывается, конечно, прежде всего из примет собственно географического пространства, воспринятого художественным сознанием,

и фиксируется в художественном произведении в виде примет описываемой местности – гор, рек, морей, внешних примет поселений, их архитектуры и проч.

Структурными элементами (знаками) ассоциативно-смыслового сверхтекста, благодаря которым он свойства текста и приобретает, по нашему убеждению, является миф, о чем в упомянутой коллективной монографии мы и писали [см.: 27, с. 9–15].

Двумя основными видами пространственного сверхтекста являются *локальный* и *региональный* тексты.

Локальный текст имеет чётко обозначенные границы. Это текст городской, поселковый и проч., если город или посёлок являются важными составляющими национальной культуры (Санкт-Петербург, Ясная Поляна и под.).

Региональный текст – это текст региона – национально значимого большого пространства. Для русской литературы это Крым, Урал, Сибирь, Русский Север и под. В этом же ряду стоит и Новороссийский текст (сверхтекст).

Новороссия – обширная территория на юге, включающее сегодня в себя Донбасс, северное Причерноморье и Приазовье, Днепропетровскую, отчасти Харьковскую области и Крым – с того момента, как была отвоёвана у Османской империи, становится национально значимым пространством для русского культурного сознания. Именно тогда Новороссия и начинает мифологизироваться.

Основное константное представление о Новороссии, которое так или иначе запечатлевается в русской литературе с самого начала художественного освоения этого пространства, – это степь. Самый распространенный миф Новороссии – «Новороссия – степной край». Исторически это то самое Дикое Поле (Великая Степь), через которое шли в разное время и в разных направлениях готы, гунны, сарматы, печенеги, половцы, монголы... «Тогда весь юг, – писал Н. В. Гоголь в «Тарасе Бульбе», – все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений; одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытапывали их. Ничего в природе не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов» [4, с. 17]. Важными элементами этого описания становятся образные приметы степи: полевые цветы («голубые, синие и лиловые волошки», «желтый дрок», «белая кашка» и «занесенный Бог знает откуда колос пшеницы») и птицы («шныряли куропатки», «неподвижно стояли ястребы», «крик... тучи диких гусей», «чайка... роскошно купалась в синих волнах воздуха»).

Не менее величественную картину представляет собой описание степи в стихотворении Ф. Н. Глинки «Степь» (1827–1829), где главными маркерами выступают слова и словосочетания «беспредельность», «безлесная пустыня», «с звонким топотом несутся табуны», «недремлющие очи / Порою воющих волков», «свист сурков», «орел стрелой пустился», «змей... шипит» [3, с. 271].

Приблизительно то же видим в стихотворении Н. А. Маркевича «Степ» (1831) [21, с. 46–47]: «степ широкий, степ обширный», «скачут табуны», «ветер... шумит», «ковыль», «вихряные порывы», «пыль», «пестреет в поле чистом / Степовых зверков семья», «ползет в траве со свистом / Грудью скользкая змея». Причём в отличие от Ф. Н. Глинки Н. А. Маркевич активно использует олицетворения: «Над тобой плывет высоко / Солнце знойною тропой; / И склоняясь там, далеко / Небо обнялось с тобой»; «тут все молчит, / Тут отныне и до века / Только ветер лишь шумит»; «вихряные порывы / Вьют над ним столпами пыль» [21, с. 46].

Все эти описания передают чувство восхищения пространством, выраженное в гоголевских словах: «Черт вас возьми, степи, как вы хороши!» [4, с. 17].

В романе Г. П. Данилевского «Беглые в Новороссии» (год созд. – 1859; год публ. – 1862) картины новороссийской степи при всей авторской индивидуализации

описаний имеют уже вполне традиционный вид мифологизированных константных представлений: «...они были, наконец, на рубеже того непчатого или мало еще початого края Новороссии... Овраги и лесистые балки стали попадаться реже. <...> Пошла сплошная, необозримая степь, заросшая густыми цветущими травами. Сел и хуторов не было видно вовсе» [6, с. 106]. И далее: «Разбудили их песни жаворонков и все крылатое население степи, сверкавшей под каплями крупной утренней росы. Голубые туманы переливались вдали. Слева шли волнистые зеленые косогоры. Справа синело не то море, не то та же бесконечная, будто в гору идущая степь» [6, с. 113].

Собственно, «беспредельная» «безлесная пустыня» (степной край) является главной, но не единственной мифологемой, формирующей новороссийский миф, а, следовательно, и текст. В зависимости от позиции интерпретатора в новороссийский текст в качестве самостоятельных и в то же время сверхтекстоформирующих входят локальные (городские) тексты – одесский, херсонский, екатеринославский и проч., а также тексты региональные – крымский и донбасский. Наверное, есть смысл выделять отдельно северопричерноморский и североприазовский тексты. Видимо, следует отдельно говорить об асканийском тексте (тексте Аскания-Нова). В любом случае все названные нами тексты, если и не являются текстами русской литературы, как минимум существуют в виде текстов культуры. И каждый из этих текстов состоит из мифологем и мифем, которые безусловно являются сверхтекстоформирующими для всего большого новороссийского сверхтекста.

Не будем говорить об очень значимом для большого новороссийского текста региональном крымском тексте в русской литературе и его структурных элементах, уже вполне выделенных и исследованных в работах А. П. Люсого, Н. П. Ивановой, С. О. Курьянова, В. В. Курьяновой и др. [см.: 19; 8; 9; 13; 14]. Но один одесский текст, например, очень привлекающий исследователей в последнее время, представляет собой обширный и своеобразный локальный текст, изучение которого началось сравнительно недавно [см.: 11; 15; 16; 17; 22; 32; 33] и требует пристального внимания. Мифологемы, его формирующие, (назовём лишь некоторые) суть: мифологема о чуде возникновения Одессы («Рождение Одессы есть... чудо. В 1794 году было здесь одно пустое место», – писал в своём «Путешествии в полуденную Россию» В. В. Измайлов [10, с. 358]), мифологема «Одесса – райское место» («Под легкой сению вечерних облаков / Здесь упоительно дыхание садов. / Здесь ночи теплые, луной и негой полны», – стихотворение В. И. Туманского «Одесса» [25, с. 272]), мифологема «Одесса – большой торговый порт» («Там хлопотливо торг обильный / Свои подъемлет паруса», – «Отрывки из Путешествия Онегина» А. С. Пушкина [26, с. 201]; «Прилив гостей иноплеменных, / Алчбою злата привлеченных, / И своеземных торгашей...», – «Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма» И. П. Бороздны [2, с. 81]), мифологема «Одесса – место развлечений» («Иду гулять. Уж благосклонный / Открыт Casino; чашек звон / Там раздаётся; на балкон / Маркёр выходит полусонный...», – А. С. Пушкин, «Отрывки из Путешествия Онегина» [26, с. 203]; «Еще казино не закрыты: / Из них несётся арий звук, / С бряцанием гитары слитый; / Шаров бильярдных слышен стук», – И. П. Бороздна, «Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма» [2, с. 75]), мифологемы «Одесса – многоязычный город» (А. С. Пушкин, И. П. Бороздна и др.), «Одесса – южная столица России» (А. С. Пушкин, И. П. Бороздна и др.) и проч., и проч.

Очень важны для новороссийского текста непространственные субтексты – именной и событийный, которые делают рассматриваемый (и вообще любой) сверхтекст полнокровным, поскольку прошедшие в данных пределах события и действующие на этих просторах люди придают им дополнительный смысл, закрепляющийся в общественном сознании и становящийся сущностной характеристикой места – его знаком. Таковы, например, миф о герцоге Ришелье

(мифема «Дюк Ришелье») и миф о графе М. С. Воронцове (пушкинское «Полу-милорд, полу-купец...» и проч.), несомненно являющиеся частью одесского текста в частности, и новороссийского в целом, и др.

Любопытным образом соединяются новороссийское пространство (степь) и личность князя Г. А. Потемкина-Таврического, умершего по пути из Ясс в Николаев от сердечного приступа. Одним из первых, соединивших мифему «Потёмкин» с мифом Новороссии был Г. Р. Державин (ода «Водопад»):

*Чей труп, как на распутии мгла,
Лежит на темном лоне ночи?
Простое рубище чресла,
Две лепте покрывают очи,
Прижаты к холодной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!
Чей одр – земля; кров – воздух синь;
Чертоги – вокруг пустынные виды?* [7, с. 185] и далее.

А В. В. Измайлов пишет в своём «Путешествии...»: «Дорога, идущая степью от Очакова до Одессы, была для меня занимательна, потому что Карл XII укрывался на ней после Полтавской баталии» [10, с. 357], – таким образом не только включая мифему «Карл XII», а вместе с ним и, конечно, мифему «Мазепа» в миф о Новороссии, но и связывая миф о Новороссии с мифом о Полтавской баталии – событийным сверхтекстом.

Понятно, что это только подступы к описанию данного сверхтекста – многогранного, полисемантического, включающего в себя не только мифопоэтику пространства, но и мифопоэтику значимых для русской литературы, русской культуры персон и событий.

Таким образом, текст Новороссии – большой пространственный региональный сверхтекст, несомненно имеющий не только свои специфические пространственные черты, поэтически отраженные в произведениях русской литературы, но и субтекстуальные образования, характеризующие мифемами и мифологемами (также зафиксированными в русской литературе текстуально) именных и событийных сверхтекстов, которые становятся важной смысловой составляющей мифа о Новороссии, лежащего в основе новороссийского сверхтекста.

Список использованных источников

1. Абашев, В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с.
2. Бороздна, И. П. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. Письма в стихах к гр. В. П. Завадскому / И. П. Бороздна. – Москва : тип. С. Селивановского, 1837. – [6], 242, III с.
3. Глинка, Ф. Н. Избранные произведения / Ф. Н. Глинка ; вступ. статья, подгот. текста и прим. В. Г. Базанова. – Ленинград : Советский писатель, 1957. – 504 с.
4. Гоголь, Н. В. Тарас Бульба / Н. В. Гоголь ; издан. подгот. Е. И. Прохоров, Н. Л. Степанов. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.
5. Гребнева, М. П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности / М. П. Гребнева ; под ред. О. Б. Лебедевой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – 182 с.
6. Данилевский, Г. П. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 1 / Г. П. Данилевский ; биограф. очерк С. Трубачева. – Москва : ТЕРРА, 1995. – 496 с.
7. Державин, Г. Р. Стихотворения / Г. Р. Державин ; вступ. статья, подгот. и общ. ред. Д. Д. Благого. – Ленинград : Советский писатель, 1957. – 470 с.
8. Иванова, Н. П. «Он был когда-то здесь...» (взаимосвязь пушкинского и крымского тестов русской поэзии XIX–XX вв.) / Н. П. Иванова // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей VIII Международного симпозиума. В 2-х томах, Ялта,

09–13 июня 2024 года. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2024. – С. 13–19.

9. Иванова, Н. П. Оппозиция «мечта – реальность» в крымском тексте В. Я. Брюсова / Н. П. Иванова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 1. – С. 60–69.

10. Измайлов, В. В. Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова. Ч. 1–2 / В. В. Измайлов. – Москва : В университетской тип. у Ридигера и Клаудия, 1800. – 441 с.

11. Калмыкова, В. В. Одесский текст русской литературы (к постановке проблемы) / В. В. Калмыкова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2014. – № 6. – С. 84–96.

12. Купина, Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек – текст – культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 215–222.

13. Курьянов, С. О. «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков / С. О. Курьянов. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 308 с.

14. Курьянова, В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого / В. В. Курьянова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2015. – 220 с.

15. Ладохина, О. Ф. «Милей писать не с плачем, а со смехом...» (комическое в «Одесских текстах» русских писателей) / О. Ф. Ладохина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 66–73.

16. Ладохина, О. Ф. К вопросу о современном «одесском тексте» / О. Ф. Ладохина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 2. – С. 84–89.

17. Ладохина, О. Ф. Трикстер в одесском тексте русской литературы / О. Ф. Ладохина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2-2. – С. 219–223.

18. Лошаков, А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен : монография / А. Г. Лошаков. – Архангельск : Поморский ун-т, 2007. – 344 с.

19. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе / А. П. Люсый. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 314 с.

20. Люсый, А. П. Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры / А. П. Люсый. – Москва : Издательский дом «ВЕЧЕ», 2013. – 320 с.

21. Маркевич, Н. А. Украинские мелодии. Соч. Ник. Маркевича / Н. А. Маркевич. – Москва : В тип. Августа Семена, при Императорской Мед.-хирургической академии, 1831. – XXX, 154+4 с.

22. Маркина, П. В. Особенности одесского текста Бабея / П. В. Маркина // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 5 (54). – С. 402–404.

23. Меднис, Н. Е. Венеция в русской литературе / Н. Е. Меднис ; отв. ред. Т. И. Печерская ; Новосиб. гос. пед. ун-т, Ин-т филологии СО РАН. – Новосибирск : НГУ, 1999. – 392 с.

24. Меднис, Н. Е. Сверхтексты в русской литературе : учебное пособие / Н. Е. Меднис ; науч. ред. Т. И. Печерская ; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск : НГПУ, 2003. – 170 с. – URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3> (дата обращения: 25.02.2025).

25. Поэты 1820–1830-х годов : Т. 1 / вступ. статья, и общ. ред. Л. Я. Гинзбург ; биогр. справки, сост., подгот. текста и примеч. В. Э. Вацура. – Ленинград : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1972. – 792 с.

26. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 6 : Евгений Онегин / А. С. Пушкин. – Москва : Изд-во АН СССР, 1937. – 700 с.

27. Сверхтекст: генезис, структура, семантика : монография / науч. ред. С. О. Курьянов ; коллектив авторов. – Москва : Директ-Медиа, 2023. – 224 с.
28. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Академический Проект, 2004. – 992 с.
29. Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / В. Н. Топоров // Семиотика города и городской культуры: Петербург / Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – Вып. XVIII. – С. 3–29.
30. Топоров, В. Н. Петербургский текст / В. Н. Топоров ; Отделение историко-филологических наук РАН. – Москва : Наука, 2009. – 820 с.
31. Треблер, С. М. Одесский «локальный» текст в прозе Дины Рубиной / С. М. Треблер // Говор: альманах. – 2022. – № 9. – С. 414–418.
32. Хоменко, Е. Литературный миф Одессы в малоизвестных текстах XIX века / Е. Хоменко // Bibliotekarz Podlaski. – 2020. – Т. XLVIII, № 3. – С. 241–254.
33. Шеховцова, Т. А. Одесский текст и одесский миф в русской прозе 1920–1930-х годов / Т. А. Шеховцова, С. П. Юрченко // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». – 2020. – Вип. 86. – С. 35–48.

УДК 821.16.1.1:821.133.1

«ОТМЕНА КУЛЬТУРЫ» И «ВЕТРЕННЫЕ ФРАНЦУЗЫ»: ОТ ПОЛИТИКИ К СТЕРЕОТИПУ

В. В. Орехов,

*доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Анализируется влияние политической реальности на функционирование национальных стереотипов. В качестве конкретного примера рассматривается вопрос о том, как нашествие Наполеона отразилось на российском восприятии французского национального характера. Устанавливается, что национальное взаимовосприятие на уровне коллективных настроений проявляет значительно большую статичность, нежели политические процессы, запускающие механизм формирования национальных предрассудков и стереотипов.

Ключевые слова: стереотип, имагология, 1812 г., русско-французские связи, миф.

Summary. The influence of political reality on the functioning of national stereotypes is analyzed. As a specific example, the issue of how Napoleon's invasion affected the Russian perception of the French national character is considered. It is established that national mutual perception at the level of collective sentiments exhibits significantly greater staticity than political processes that trigger the mechanism of formation of national stereotypes.

Key words: stereotype, imagology, 1812, Russian-French relations, myth.

Русско-французские отношения переживают острый кризис. Если рассматривать его с позиций чистой геополитики, то, во-первых, следует констатировать, что между странами не раз случались и более серьезные конфликты, а во-вторых, можно уверенно предсказать, что нынешний разрыв сменится периодом сближения, как это и бывало прежде. С точки зрения межкультурных отношений проблема не выглядит столь однозначной. После политических столкновений отношения между государствами действительно всегда возвращались в нормальное русло, но вот национальное взаимовосприятие на уровне коллективных настроений проявляло инертность, что накладывало порою неизгладимый отпечаток на дальнейшие культурные связи. Для

подтверждения этих слов обратимся к истории самого масштабного русско-французского конфликта – к эпохе нашествия Наполеона.

У французов никогда не было «исторической, наследственной вражды» к России, наподобие той, какую они испытывали к Англии или Германии [15, с. 5]. Россия находилась на периферии интересов французского общества. В XVIII в. внимание обывателя порою привлекали впечатляющие события вроде Чесменской битвы или присоединения Крыма, но в целом Россия виделась французам «северной» окраиной мира, и представления о ней были сильно мифологизированы [13]. В России же со времен Петра I Франция, как «культурная метрополия Европы» [11, с. V], воспринималась эталоном интеллектуальной и общественной жизни. В эпоху Екатерины II сформировался настоящий культ французской культуры; французский язык стал языком русской аристократии. Позднее эта культурная гегемония оказалась разрушена, и причина тому заключалась в обстоятельствах политических.

Великая французская революция и революционные войны пошатнули имидж Франции, но не нанесли ему рокового ущерба: в качестве истинных носителей французской культуры воспринимались эмигранты-аристократы. Поэт-партизан Д. В. Давыдов утверждал, что «ненависть французов к русским и русских к французам» начала проявляться лишь в момент Аустерлицкого сражения [8, с. 227]. Тильзитский мир не смог смягчить эту ненависть, поскольку воспринимался российским обществом как факт национального унижения и накалил патриотические настроения до высшего уровня [1, с. 48–51].

Наполеоновское нашествие – период наиболее радикального переосмысления российским обществом французского имиджа. В 1812 г. русским журналам было официально дозволено вести антифранцузскую пропаганду, но главное, что значительная часть общества непосредственно столкнулась с последствиями французской агрессии. Показательный документ эпохи – «Письма из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола. Рассказав о разрушениях в оставленной неприятелем Москве, автор резюмировал: «Нынешнее слово *француз* – синоним чудовищу, извергу, варвару и проч. такого рода: следственно, избегая *плеоназма*, я впредь буду употреблять которое-нибудь из них; во всяком случае оно будет значить: *нынешний француз*» [12, с. 5].

Война стремительно разрушала имидж французов как самого цивилизованного народа. 7 октября 1812 г. А. Е. Измайлов сообщал Н. Ф. Грамматину о «варварствах, которые делались в Москве просвещенными <...> врагами» [10, с. 150]. 30 октября А. В. Воейков писал из Ельни Г. Р. Державину: «Неистовства французских генералов и войска превосходят вероятия. История опишет кровавыми чертами зверство и безбожие хвлящихся просвещением народов» [10, с. 168]. Поведение французов ассоциировалось с азиатской дикостью. В 1814 г. Г. Р. Державин написал оперу «Грозный», где французов сравнивал «с кровожадными татарскими ордами» [5, с. 884]. Уже в 1865 г. участник Бородинского сражения П. А. Вяземский вспоминал: «Французы не стеснялись русских варваров и варварски поступали с ними» [3, с. 110]. Так что «французское варварство» времен Московского похода «прикипело» к французскому национальному имиджу.

Впрочем, чувство ненависти к французам удалось изжить довольно быстро. Гораздо более стойким оказалось чувство разочарования, масштаб которого был прямо пропорционален недавним завышенным оценкам. Вот выдержка из мемуаров Д. В. Давыдова: «Мы начали разочаровываться, увидя внезапный упадок духа, обнаружившийся <...> во французской нации при первом неблагоприятном обороте войны <...>. Наше разочарование достигло наибольших размеров при вступлении нашем во Францию. <...> Малодушные французов было непостижимо. <...> Французы, имея лишь в виду сохранение тряпья, рухляди и спокойствия, что в их понятии имело

большую ценность, чем честь и независимость отчизны, предали своего диктатора на произвол судьбы» [7, с. 130–131].

Когда русские войска увидели парижан, восторженно встречавших недавних врагов, военное ожесточение перестало быть актуальным. Французские нравы вызывали любопытство, парижская жизнь предоставляла приятное времяпровождение, но парижане уже не виделись эталоном для подражания. В наблюдениях русских военных звучали ироничные ноты. Скажем, офицер А. Краснокутский так характеризовал парижан: «Они весьма любезны, добры <...>. Всему восхищаются без меры – все опорочивают и во всем переменчивы. <...> Любопытны и беззаботливы до крайности. Наконец, они воображают, что веселее и счастливее их никто в свете жить не может» [9, с. 77–79].

М. В. Губина верно отмечает, что представление как о французах как о «беззаботных и ветреных», было «единодушно» признано русскими [6, с. 141]. «Легкомыслие» превратилось в самую узнаваемую черту французского национального имиджа, стало как бы «синонимом» французскому характеру: «В Европе есть нация, самая любезная, самая умная, храбрая и блистательная, но люди сей нации, даже самые степенные, все более или менее подвержены легкомыслию и легковерию. Между ними одна только грубая ложь почитается ложью, а почти всякая другая – приятною выдумкой, украшением истины <...>» [2, с. 38] – утверждал однокашник А. С. Пушкина Ф. Ф. Вигель в конце 1820-х гг. («Записка о Керчи») и был уверен, что читатель не припишет все эти свойства кому-нибудь, кроме французов, а потому и не пояснял, что говорит именно о них.

Политические противоречия России и Франции были уже давно улажены, а негативные стереотипы продолжали жить и служили помехой для национальных взаимоотношений. В конце 1820-х гг. тот же П. А. Вяземский уже считал необходимым защищать на страницах «Московского телеграфа» французский характер: «Многие смеются над французами и даже важно осуждают их за <...> легкомысленность и <...> излишнюю впечатлительность. Не могу согласиться с таким мнением. Многие из блестящих качеств ума и характера французов тесно сопряжены с сею раздражительною способностью живо и горячо принимать все впечатления <...>. Толстокожего лапландца не так скоро проймешь» [4, с. 93]. История двигалась вперед, Франция стала уже иной, но стереотипы, порожденные наполеоновской агрессией, во многом обесценивали эти достижения, поскольку вжились в «подкорку» общественного сознания. В первом номере обновленного «Современника» (1847) И. И. Панаев выводил тип столичного бездельника, претендующего на роль образованного человека. Все высказывания героя построены на устаревших стереотипах, и среди прочего Панаев пародировал клишированный отзыв о французах: «Заговорили о французах – я тотчас: народ взбалмошный, легкомысленный, ветром подбитый, – ругну Жорж Санд <...>, и насмешу, и других научу, и себя с нравственной стороны выставлю...» [14, с. 65]. Акцентируем: после нашествия Наполеона прошло 35 лет!

И. И. Панаев был человеком так называемого «западного» направления мыслей, он сознавал деструктивную роль национальных предрассудков. Эти предрассудки удавалось постепенно изживать. Но... В 1853 г. началась Крымская война, спровоцированная Наполеоном III: французские войска снова оказались на российской земле, межнациональная неприязнь получила новую пищу и оживила старые стереотипы.

Наша статья адресована специалистам, изучающим французскую культуру во всех ее проявлениях. Чтобы планировать дальнейшую деятельность, необходимы данные, позволяющие спрогнозировать востребованность дальнейших исследований. И эти данные неутешительны: всякий конфликт, провоцируемый на уровне политиков,

имеет длительные деструктивные последствия для культурных контактов и над этими последствиями политики уже не властны. Государственный деятель может объявить об «отмене русской культуры», но не может отменить негативную ответную реакцию на такое решение; он пробуждает старинный стереотип о «французском варварстве», но не способен усмирить его. В этом отношении политические решения необратимы. Иной вопрос, что мы, зная «механику» национальных предрассудков, не можем себе позволить подчинение им. Одна из наших профессиональных задач – отделять зерна от плевел; воспринимать предмет изучения в его исторической изменчивости и подвижности. И еще: истинный национальный дух не готов вечно терпеть «ветреность» правителей, и французская история уже неоднократно это демонстрировала.

Список использованных источников

1. Безотосный, В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика / В. М. Безотосный. – Москва : Вече, 2012. – 272 с.
2. Вигель, Ф. Ф. Записка о Керчи / Ф. Ф. Вигель. – Москва, 1893. – 68 с.
3. Вяземский, П. А. Полное собрание сочинений : в 12-ти т. Т. 7 / П. А. Вяземский. – Санкт-Петербург, 1882. – 514 с.
4. Вяземский, П. А. Эстетика и литературная критика / П. А. Вяземский. – Москва : Искусство, 1984. – 458 с.
5. Грот, Я. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам / Я. Грот. – Санкт-Петербург : Имп. АН, 1880. – 1043 с.
6. Губина, М. В. Франция в восприятии русских военных: эволюция стереотипов (1814–1818 гг.) / М. В. Губина // Россия и мир глазами друг друга : Из истории взаимовосприятия. – Москва : ИРИ РАН, 2000. – С. 136–147.
7. Давыдов, Д. В. Сочинения : в 3-х т. Т. 3. Проза. Письма / Д. В. Давыдов. – Санкт-Петербург, 1893. – 253 с.
8. Давыдов, Д. В. Сочинения / Д. В. Давыдов. – Москва : Худ. лит., 1962. – 610 с.
9. Краснокутский, А. Взгляд русского офицера на Париж во время вступления государя императора и союзных войск в 1814 году / А. Краснокутский. – Санкт-Петербург : Морская типография, 1819. – 79 с.
10. К чести России. Из частной переписки 1812 года. – Москва : Современник, 1988. – 239 с.
11. Макашин, С. А. Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII – XIX вв. / С. А. Макашин // Литературное наследство. – Москва : Наука, 1937. – Т. 29–30. – С. V–LXXXII.
12. Муравьев-Апостол, И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / И. М. Муравьев-Апостол. – Санкт-Петербург : Наука, 2002. – 270 с.
13. Орехов, В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века / В. В. Орехов. – Симферополь : СГТ, 2008. – 200 с.
14. Панаев, И. И. Новый поэт / И. И. Панаев // Современник. – 1847. – Т. 1, отд. IV. – С. 64–71.
15. Черкасов, П. П. Обращение к читателю / П. П. Черкасов // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 14. – Москва : Весь Мир, 2023. – С. 5–11.

ОБРАЗ ПРАВЕДНИКА В СИСТЕМЕ ПЕРСОНАЖЕЙ
РОМАНА Н. С. ЛЕСКОВА «ОБОЙДЁННЫЕ»

Л. В. Василенко,

*обучающаяся 2-го курса кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Курьянова В. В., к. ф. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что женские образы в романе Н.С. Лескова «Обойдённые» выступают катализатором формирования в главном герое черт праведника – характерного литературного типа, занимающего центральное место в творчестве писателя. Актуальность исследования обусловлена значимостью женских образов в произведениях Лескова, которые играют ключевую роль в раскрытии его художественного мира. Изучение этих образов позволяет глубже понять поэтику писателя и специфику его творческого метода. В статье проводится анализ литературного типа «праведник», исследуется феномен Лескова как художника слова, а также рассматривается роль женских персонажей в романе «Обойдённые».

Ключевые слова: Н. С. Лесков, женский образ, литературный тип, женский вопрос, «праведник».

Summary. The article substantiates the thesis that female images in N. S. Leskov's novel *Neglected People* act as a catalyst for the formation of the main character's traits of the righteous – a characteristic literary type that occupies a central place in the writer's work. The relevance of the study is due to the significance of female characters in Leskov's works, which play a key role in revealing his artistic world. The study of these images allows a deeper understanding of the writer's poetics and the specificity of his creative method. The article analyses the literary type "righteous man", explores the phenomenon of Leskov as an artist of the word, and considers the role of female characters in the novel *Neglected People*.

Key words: H. S. Leskov, female image, literary type, women's issue, «righteous man».

В статье выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что женские образы в романе Н. С. Лескова «Обойдённые» способствуют раскрытию в главном герое черт праведника – характерного для творчества писателя литературного типа.

Женская тема в литературе всегда являлась органичным порождением общего литературного развития, которое стремилось к все более глубокому проникновению в специфику взаимоотношений между обществом и человеком с учетом всего комплекса сложнейших психологических явлений, одним из выразителей которого является женщина.

Существует ряд исследователей, которые занимались изучением женского вопроса в творчестве Н.С. Лескова.

В. Ганина поднимает тему женского вопроса в своей работе «Женский вопрос» в романах Н. С. Лескова «Некуда» и «На ножках» [1, с. 7] и подчеркивает, что для Лескова «женский вопрос» – это, прежде всего, вопрос перехода женщины в нигилизм, и переход этот имеет негативные этические последствия [1, с. 7].

А. П. Кашкарева в своей работе «Представления Николая Лескова о сотериологической миссии женщины в поздний период творчества (на материале сказки «Маланья – голова баранья») делает вывод о том, что главная героиня Маланья – женщина-праведница в кризисную эпоху – «эпоху безвременья» [4, с. 169]. Н. С. Лесков изображает главную героиню как самое чистое и божественное существо на этой Земле. Для Маланьи любой встретившийся – Живая Душа. Она честная, испытывает сострадание к детям, помогает им, отказывает себе во всём, но счастлива от той мысли, что кто-то приобрёл радость в жизни.

В трудах Т. Н. Ивановой анализируется интерес писателя к феномену женской эмансипации и созданию женских образов «нового» типа. Исследователь обращает внимание на основной аспект, находящийся в поле зрения писателя, – искажённое представление российского общества об эмансипации (на материале повести «Леди Макбет Мценского уезда» и романа «Некуда») [3, с. 55].

В исследованиях Н. В. Лукьянчиковой освещено влияние агиографической традиции на формирование женских образов Лескова. Она отмечает, что писатель переосмыслил сюжеты, образы, мотивы древнерусской литературы, что привело к появлению системы символов, связанных с женскими персонажными образами: атрибуты Христа и Богородицы, образ сада, пространство дома и пр. [8, с. 27].

Также литературовед А. Новикова-Строганова в своём исследовании, посвящённом образам русских женщин в произведениях Н. С. Лескова, отмечает, что писатель в реальной обывательской жизни сумел увидеть идеальную женщину – православную христианку и праведницу. Главные черты её облика – добро и духовная красота, сравнимая с красотой иконописной [9, с. 5].

Цель данной статьи – проиллюстрировать, как женские образы помогают раскрыть в главном герое будущего праведника.

Тип героя-праведника входит в русскую классическую литературу во второй половине XIX века. Этот образ появляется в творчестве И. С. Тургенева («Живые мощи»), Н. А. Некрасова («Кому на Руси жить хорошо»), Ф. М. Достоевского («Идиот», «Сон смешного человека»), занимая важное место в художественном сознании эпохи. Герои праведники становятся воплощением национально-традиционных ценностей и обычно запечатлеваются русскими писателями в ореоле святости.

Творчество русских писателей XIX века в целом представляло собой опыт художественного моделирования мира праведничества. Попытка изобразить человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия, положена в основу всех произведений о праведничестве, в том числе и в основу произведений Н. С. Лескова. Праведники Н. С. Лескова, праведничество – феномен русской литературы, в основе которого вера в идеал, в высшую правду. Смысл жизни праведники писателя видят в деятельной нравственности. Главное, что определяет их поведение в жизни – служение живому делу. Ежедневно его герои совершают незаметный подвиг доброго участия и помощи ближнему [2, с. 12]. Исследователь творчества Н. С. Лескова В. А. Гебель выразила свое понимание лесковского мирозерцания: «Лесков в большом и малом выражал свой взгляд на русское начало. Для писателя типы и лица черноземной России представляли особый интерес как проявления русского характера. Всеохватывающий взгляд художника позволял изображать настоящую правду...» [2, с. 57].

Тип праведника в творчестве Н. С. Лескова – это положительный высоконравственный герой, воплощение русского народа, «мудрости, совести и прочих характерных свойств, подчеркивающих “положительность” природы настоящего человека» [6, с. 73]. Писатель на протяжении всего своего творческого пути обращается к образам праведников в поисках художественного воплощения этического идеала.

Некоторые типы праведников в произведениях Лескова:

1. Мученик. Наиболее ярко этот тип представлен в «Житии одной бабы» (Настя).

2. Странник, искатель истины. Примеры: Иван Флягин («Очарованный странник»), Марк и Левонтий («Запечатлённый ангел»), архиепископ и Кириак («На краю света»).

В жизни Нестора Долинского (главный герой романа «Обойдённые») были четыре основополагающих персонажа – мать, жена, и две возлюбленные.

Любовь к праведнической жизни привила Долинскому мать. Она с детства молилась вместе с мальчиком («становятся на колени и молятся долго, тепло, со слезами молятся, о еже спастися людям и в разум истинный внити» [7, с. 69]), уделяла ему больше внимания, чем остальным детям. Она ещё в раннем возрасте сулила мальчику чистую и праведническую жизнь. Нестор, смотря на свою маму, перенимал все качества, присущее ей. Он любил людей, всем помогал, знал, что нуждающимся надо отдать всё, что у тебя есть.

Но после смерти матери, в жизни мальчика происходит переломный момент. Его отправляют жить к дяде, где совсем иные установки. Жизнь, показанная Нестору матерью, оказалась совсем другой, у неё другие правила и нравы. С тех пор в Долинском начинают бороться два начала: духовное и людское.

Юлия Азовцова – жена Нестора Долинского – была с детства воспитана всех обманывать ради собственного и семейного блага: «нрав у этой чернявки был самый гнусный: хитра, предательски ехидна, самолюбива, жадна, мстительна, требовательна и жестокосердна» [7, с. 72]. В её ловушку попал Нестор, которого с малых лет научили, что попавшего в беду надо выручать.

Юлия увидела для себя лёгкую добычу, она воспользовалась простотой главного героя, а тот не смог ей отказать. Они поженились, но их брак не был счастлив и продержался недолго. Юлия и после расставания с Долинским продолжала обманывать его, чтобы тот отправлял ей деньги на уже умершего ребёнка.

После такой неприятной и нелюбящей жены в жизни главного героя появляется Анна Михайловна – идеал его женщины «существо самое кроткое, нежное сердцем, честное до болезненности и беспредельно доверчивое» [7, с. 68]. Она очень схожа с его матерью: скромна, красива, умна и кротка.

Но Нестору Долинскому скорее всего не хватает одной духовности, ему хочется живой, яркой и открытой любви, которую позже он найдёт в сестре Анны Михайловны.

Долинский после длительных взаимных чувств решает оставить Анну и отправиться в Ниццу вместе с её сестрой – Дорой Михайловной.

Дора Михайловна является полной противоположностью своей сестры. Она очень весела, молода, открыта, ещё совсем юна, но так прекрасна, она смогла зажечь в Несторе тот самый огонёк живой и яркой любви. Дора Михайловна была не так умна как сестра, но «очень бойка, умна, искренна и необыкновенно понятлива» [7, с. 68].

Из-за того что в Несторе Долинском борются два начала, он не может определиться в выборе своей спутницы. Перед ним встал выбор: духовная и спокойная жизнь с Анной Михайловной или вечный поток энергии и эмоций с Дорой Михайловной.

В конечном итоге главный герой выбирает путь праведника, который пророчила ему с юных лет мать, он выбрал себя, решил уйти в паломничество. Самому ему не определиться, кто он и каково его истинное предназначение, поэтому его уход в паломничество – это логический конец истории.

На основании вышеизложенного материала, можно сделать вывод, что Н. С. Лесков наметил в Несторе Долинском литературный тип, который в будущем будет фигурировать во многих романах писателя. Но герой не до конца оформился, у

писателя он выступил своеобразной зарисовкой будущих чётко изображенных набожных, чистых и открытых людей. Феномен данного произведения состоит в том, что Н. С. Лескову удалось нам показать, как в человеке борются два начала, как установки, данные герою в детстве, влияли на его жизнь. В конце произведения главный герой уходит в паломничество – он избрал свой истинный путь. Мы могли бы говорить о полноценном герое-праведнике, если бы Нестор Долинский первоначально, ещё в детстве, живя по канонам заповеди, определился, кем он будет.

Список использованных источников

1. Ганина, А. В. «Женский вопрос» в романах Н. С. Лескова «Некуда» и «На ножах» / А. В. Ганина // Вестник Тамбовского университета. – 2008. – № 12. – С. 7–9.
2. Гебель, В. А. Н. С. Лесков. В творческой лаборатории / В. А. Гебель. – Москва : Сов. писатель, 1945. – 319 с.
3. Иванова, Т. Н. «Новый тип» тип русской женщины в изображении И. С. Тургенева и Н. С. Лескова: романы «Накануне» и «Некуда» : специальность 10.01.01 «Русская литература» : дис. ... канд. филол. наук / Татьяна Николаевна Иванова. – Орёл, 2001. – 205 с.
4. Кашкарева, А. П. Представления Николая Лескова о сотериологической миссии женщины в поздний период творчества (на материале сказки «Маланья – голова баранья») : 10.01.01 «Русская литература» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. П. Кашкарева ; СГПУ. – Югра, 2017. – 231 с.
5. Кашкарева, А. П. Тип героя-праведника в творчестве Н. С. Лескова (на примере рассказа «Несмертельный Голован») / А. П. Кашкарева, А. С. Щелкунова // Актуальные проблемы филологии : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). – Краснодар : Новация, 2016. – С. 11–13.
6. Курьянова, В. В. Толстовский миф в творческом сознании М. А. Волошина / В. В. Курьянова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2021. – № 3. – С. 68–75.
7. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 5 / Н. С. Лесков. – Москва : ТЕРРА, 1998. – 832 с.
8. Лукьянчикова, Н. В. Трансформация агиографической традиции в произведениях Н. С. Лескова : специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Лукьянчикова ; ЯГПУ. – Ярославль, 2004. – 27 с.
9. Новикова-Строгонова, А. Образ женщины-христианки в творчестве Н. С. Лескова / А. Новикова-Строгонова // Омилия: международный литературный клуб. – URL: <https://omiliya.org/article/obraz-zhenshchiny-hristianki-v-tvorchestve-ns-leskova-alla-novikova-stroganova> (дата обращения: 16.02.2025).

**PEDAGOGICAL IDEAS IN THE EARLY POETRY OF
K. D. BALMONT (1890–1900): FORMATION AND GENESIS**

S. A. Grishina,

*1st year postgraduate student of the Department of Pedagogy, Faculty of Psychology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

Аннотация. В статье исследуются педагогические идеи в ранней поэзии К. Д. Бальмонта (1890–1900), рассматриваемые в аспекте их формирования и генезиса. На материале лирических текстов, критических статей и эпистолярного наследия поэта выявляются ключевые мотивы, связанные с вопросами воспитания, образования и духовного становления личности. Особое внимание уделяется влиянию философско-педагогических концепций рубежа XIX–XX веков на поэтику и мировоззрение Бальмонта. В работе применяются методы историко-литературного, сравнительно-типологического и герменевтического анализа, что позволяет раскрыть специфику педагогического дискурса в контексте символизма. Результаты исследования демонстрируют, что раннее творчество Бальмонта отражает становление его авторской педагогической мысли, интегрирующей эстетические, этические и дидактические аспекты.

Ключевые слова: педагогические идеи, символизм, гуманистический идеал.

Summary. The article examines the pedagogical ideas in the early poetry of K. D. Balmont (1890–1900), analyzing their formation and genesis. Drawing on lyrical texts, critical essays, and the poet's epistolary legacy, the study identifies key motifs related to upbringing, education, and the spiritual development of the individual. Special attention is paid to the influence of philosophical and pedagogical concepts of the late 19th and early 20th centuries on K. D. Balmont's poetics and worldview. The research employs methods of historical-literary, comparative-typological, and hermeneutic analysis, revealing the specifics of pedagogical discourse within the context of Symbolism. The findings demonstrate that K. D. Balmont's early works reflect the development of his pedagogical thought, integrating aesthetic, ethical, and didactic dimensions.

Key words: pedagogical ideas, Symbolism, humanistic ideal.

At the turn of the XIX–XX centuries, Russian literature became a space of intensive philosophical and pedagogical search, reflecting the crisis of traditional values and the desire for spiritual renewal. In this context, the work of K. D. Balmont (1867–1942), one of the key representatives of Symbolism, is of particular interest not only from the point of view of poetics, but also in the aspect of the formation of original pedagogical ideas. The early period of his work (1890–1900) still remains insufficiently studied in terms of the relationship between aesthetic and didactic concepts, which determines the relevance of this study.

The aim of the work is to identify and analyse pedagogical ideas in K. D. Balmont's early lyrics, tracing their genesis in the context of philosophical and cultural trends of the era. To achieve this goal, the following tasks are set:

1. To examine the main pedagogical concepts of the turn of the century that influenced K. D. Balmont.
2. To identify the key motifs related to upbringing and education in his poetry of the 1890s–1900s.
3. To trace the evolution of the poet's pedagogical views in comparison with his journalism and criticism.

The methodological basis of the study is historical and literary analysis, comparative-typological approach and hermeneutic reading of texts. Such a set of methods allows us to reveal the pedagogical implication of K. D. Balmont's poetry in the unity of form and content.

The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time a systematic study of pedagogical discourse in K. D. Balmont's early work is undertaken, which expands the ideas about his role not only as a symbolist poet, but also as a thinker who participated in the formation of a new educational paradigm.

The end of the 19th century was marked in Russia by the crisis of the traditional system of education based on rigid discipline and classical learning. In opposition to it, a number of innovative concepts emerged, among which K. D. Balmont was particularly influenced by: Leo Tolstoy and Konstantin Wentzel's theory of "free education", which rejected authoritarian methods in favour of the development of the child's individuality through creativity and natural knowledge of the world; Rudolf Steiner's anthroposophical ideas, which emphasised the harmony of spiritual and physical development, and the theosophical teachings of Helena Blavatsky, which influenced the Symbolist understanding of enlightenment as mystical revelation; the concept of the "new man" developed by the Symbolists. The concept of the "new man" developed by the symbolists (A. Belyi, V. Ivanov), which implied the education of a personality capable of transforming reality through art. These ideas were reflected in journalism and fiction, setting the stage for the synthesis of poetry and pedagogy.

Symbolist poets, including K. D. Balmont, actively participated in the debate about the role of art in education and enlightenment. In articles by D. S. Merezhkovsky and Z. Gippius, school education as an institution was accused of suppressing creativity. K. D. Balmont himself in his essay *Elementary Words on Symbolic Poetry* (1895) argued that true education is possible only through exposure to the "spontaneous wisdom" of art. And later in the circles of the Religious-Philosophical Assemblies (1901–1903) the idea of educating a "whole man" combining reason and faith was discussed. These tendencies formed the basis of the pedagogical subtext in K. D. Balmont's early lyrics, where the poet acts not only as an artist, but also as a mentor, leading the reader to the "light" of spiritual transformation.

The early period of K. D. Balmont's work (1890–1900) is a dynamic process of formation of his pedagogical views, reflecting the general evolution of his worldview from romanticism to symbolism. This process can be structured into three key stages, each of which demonstrates the transformation of the poet's ideas about the role of art in upbringing and education.

1. Romantic stage (1890–1894): traditional didacticism and folk motifs.

The initial period of K. D. Balmont's work is characterised by the predominance of romantic and didactic tendencies inherited from classical Russian literature. In the debut collection *Under the Northern Sky* (1894) traces the influence of the teachings of Christ, finding its artistic embodiment in the writer's heritage. Each of his books reveals a significant number of elements of Christianity, from ideas and motifs to images and symbols. Despite the fact that this theme is present unevenly, it is always traceable and is an important part of his work.

From 1894 to 1917, Konstantin Dmitrievich accepted the doctrine of Christ based on his Orthodox upbringing, which influenced his traditional attitude to this theme. However, starting from the emigrant period (1921–1937), the ideas of Christ became really close to him and were felt as long-suffering.

At this stage K. D. Balmont adheres to a conservative understanding of the poet's mission as an educator, whose word should carry a moral and educational function.

However, the rudiments of the future Symbolist worldview are already visible here: the poet seeks not only to instruct, but also to awaken in the reader an aesthetic experience. The lyrical subject in the book admires "the beauty of the gods of Hellas" [1, p. 12], compares

the norms of the Hellas with the beauty of the gods of the Hellas [1, p. 12], compares the Norwegian girl to “a Bacchante with the soul of a vestal” [1, p. 16], and observes how “the elves are carried by a light garland” [1, p. 23].

Also in this period we observe the following key aspects of his work: Firstly, childhood and youth are symbols of natural wisdom, and the child appears as a being not burdened by social conventions, maintaining a direct connection with cosmic rhythms. This motif of “natural upbringing” echoes the ideas of Rousseau and Tolstoy, but Balmont gives it a symbolist sound. The child is opposed to adult pragmatism, criticising with his courage the modern system of education and upbringing. Freedom and will become the most frequent motifs, traced in this book from cycle to cycle.

2. Transitional phase (1895–1897): crisis of previous beliefs and the emergence of symbolist pedagogy.

The collection *In the Immensity* (1895) marks a turning point in Balmont’s work. The old didactic model is questioned, giving way to more complex philosophical and pedagogical concepts. In the poems of this period (*Hymn to Fire*, *Voicelessness*) strengthen anthroposophical and theosophical motifs borrowed from the teachings of E. Blavatsky and Western European mystics.

In the dedication to the Danish lyricist Thor Lange *Snake’s Eye* appears the most vivid and private image of “evil” – the Serpent. K. D. Balmont would later use this nomination quite often, finding new facets of the ancient myth in the context of different cultures. The very image of the serpent in Christianity is ambivalent: it is both Christ, as an expression of wisdom, ascended on the Tree of Life as an atoning sacrifice, and the embodiment of the devil in his chthonic hypostasis.

The poet moves away from direct moralising, turning to symbolist pedagogy, where education is understood as the awakening of inner spiritual experience through the poetic word. The image of the poet-mentor is transformed: now he is not so much a teacher as a guide to the world of higher meanings.

3. Symbolist stage (1898–1900): synthesis of aesthetics and didactics.

The mature stage of Balmont’s early work is represented by the collection ‘Burning Buildings’ (1900), which finally formalises his original pedagogical concept. The poet comes to the idea of synthesis of aesthetic and didactic principles: education is now thought not as a direct instruction, but as an aesthetic transformation of personality through exposure to beauty and creativity.

In the early twenties of the 20th century, K. D. Balmont expressed an opinion about Friedrich Nietzsche as an ideal philosopher of the nineteenth century. This idea strongly influenced the author’s work, reflected in his collections *Burning Buildings* (1900) and *Let’s be like the Sun* (1902), as well as in a number of articles written later. These works glorify the idea of eternal vitality, the abundance of strength, and also show contempt for the weak. In this period, the poet is actively interested in religious texts of different countries, philosophical trends, and also seeks to develop spiritually. The aspiration of the lyrical subject to the Absolute appears in the works, so this theme continues in the following cycles.

The key figure becomes the “poet-enlightener”, whose mission is not just to teach, but to ignite in the soul of the reader the desire for spiritual and intellectual growth. This idea finds expression in such poems as *I came into this world to see the Sun...*, where cognition of the world merges with its poetic experience.

Thus, the evolution of K. D. Balmont’s pedagogical views in the early period of his work reflects the general dynamics of the Silver Age: the transition from traditional forms of didactics to the symbolist model of education based on aesthetic and philosophical understanding of the world.

Balmont’s pedagogical views had a significant impact on the cultural and intellectual life of the Silver Age, and also remain relevant in the modern educational discourse.

The analysis of the genesis of K. D. Balmont's pedagogical views allows us to draw the following conclusions.

Firstly, the formation of the poet's pedagogical concept passed through several stages reflecting his creative evolution: from the traditional didactics of the early period to the symbolist model of education based on the aesthetic and spiritual transformation of personality. This process demonstrates not only K. D. Balmont's internal development, but also the general trends of Silver Age culture, where art was increasingly conceptualised as an instrument of cognition and education.

Secondly, K. D. Balmont's pedagogical views were formed under the influence of a variety of philosophical and literary sources – from the ideas of J.-J. Rousseau and German Romantics to theosophy of E. Blavatsky and the philosophy of V. Soloviev. This synthesis allowed him to create an original concept in which the poet acts not just as a mentor, but as a guide to the world of higher meanings.

Thirdly, the poet's journalistic heritage (critical articles, essays, letters) is of considerable interest for understanding his pedagogical ideas, as it contains direct reflections on the role of art in education, as well as polemics with contemporary educational theories.

Finally, K. D. Balmont's pedagogical quest had a marked influence on Silver Age culture, entering into dialogue with the ideas of the Symbolists, philosophers, and writers of his era. Moreover, his views remain relevant in contemporary educational discourse, especially in the context of humanistic pedagogy and methods oriented towards the creative development of the individual.

Thus, K. D. Balmont's pedagogical views represent an important part of his creative heritage, reflecting not only the evolution of his own worldview, but also the key intellectual trends of the turn of the XIX–XX centuries. Their study opens new perspectives both for the study of the history of Russian thought and for the comprehension of modern approaches to upbringing and education.

References

1. Бальмонт, К. Д. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1 : Полное собрание стихов 1909–1914 : кн. 1–3 / К. Д. Бальмонт ; вступит. статья В. Макарова. – Москва : Книжный клуб Книговек, 2010. – 504 с.
2. Блаватская, Е. П. Теософский словарь / Е. П. Блаватская. – Москва : Изд-во Эксмо, 2004. – 640 с.
3. Бурдин, В. В. К истокам житнетворчества: из наблюдений над символикой солнца и огня в поэзии К. Бальмонта / В. В. Бурдин // «Серебряный век». Потаенная литература : Межвузовский сб. науч. трудов. – Иваново, 1997. – С. 166–173.
4. Константин Бальмонт глазами современников // Сборник ; вступ. статья Л. Н. Таганова ; сост., подгот. текстов, прим. и коммент. А. Ю. Романова. – Санкт-Петербург : ООО «Издательство “Росток”», 2013. – 976 с.
5. Куприяновский, П. В. К. Д. Бальмонт и его литературное окружение / П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова. – Воронеж, 2004. – 198 с.

МИФ О Ф. ДОСТОЕВСКОМ В РОМАНЕ В. О. ПЕЛЕВИНА «Т»

Д. А. Искандарова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Курьянова В. В., к. ф. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье проведено исследование мифа о Ф. М. Достоевском в романе В. Пелевина «Т». Биографический миф нельзя назвать непосредственным отражением объективной биографии человека, поскольку целью создания биографического мифа является не донесение объективной информации, а формирование у читателя определенного образа писателя или другой публичной личности, вызывающей интерес массового читателя. Наиболее убедительно это доказывается отнесенностью Достоевского к 3D-шутеру «Петербург Достоевского», наделением его таких черт, как пристрастие к алкоголю и жульничество, перепады настроения. Сложность и противоречивость отношений Достоевского и графа Т также представляет их не историческими личностями, а типичными для постмодернистской литературы героями-символами.

Ключевые слова: В. Пелевин, Ф. Достоевский, биографический миф, постмодернизм, «Т».

Summary. The article studies the myth of F. M. Dostoevsky in the novel by V. Pelevin *T*. The biographical myth cannot be called a direct reflection of the objective biography of a person, because the purpose of creating a biographical myth is not to deliver objective information, but to form in the reader a certain image of the writer or other public personality that arouses the interest of mass readers. This is most convincingly proved by the attribution of Dostoevsky to the 3D-shooter *Dostoevsky's Petersburg*, endowing him with such traits as addiction to alcohol and cheating, mood swings. The complexity and contradictory nature of the relationship between Dostoevsky and Count T also presents them not as historical figures, but as hero-symbols typical of postmodern literature.

Key words: V. Pelevin, F. Dostoevsky, biographical myth, postmodernism, *T*.

В современном мире, наполненном потоками информации, очень активно формируются различные мифы, связанные с известными личностями прошлого и настоящего, теми людьми, которые повлияли на развитие разных сфер. По справедливому замечанию В. В. Курьяновой, миф функционирует «двухвекторно: либо на сакрализацию личности того или иного художника, либо на ее профанирование» [2, с. 87]. Актуальность исследования определяется тем, что изучение мифа становится сегодня одним из центральных направлений литературоведческого анализа, связанного с формированием в общественном сознании представления о той или иной известной личности. Роль Ф. М. Достоевского и его творчества в русской картине мира невозможно недооценить, а значит, и интерес к его фигуре как со стороны ученых, так и со стороны обывателей является огромным.

Обращаясь к творчеству В. О. Пелевина, О. В. Ермоленко подчеркивает, что Пелевин использует мифологию разных народов, при этом писатель заставляет героев своих романов «блуждать по «лабиринту смыслов» в поиске обновленного представления о реальности» [1, с. 91]. Исследователь подчеркивает, что для современных российских прозаиков интерпретация мифа стала важнейшим

инструментом осмысления действительности [1]. Особую значимость при этом приобретает биографический миф.

Биография известной личности, безусловно, интересует и ее современников, и ее последователей. При этом не вызывает сомнений, что презентация биографии не может быть объективной, а с течением времени обрастает большим количеством мифов. Так, в современном литературоведении появился и бытует термин «биографический миф». Исследователи отмечают, что впервые проблема формирования собирательного образа известной личности поднималась в 1923 г. в работе Б. В. Томашевского. Именно в этом исследовании впервые формулируется термин «биографическая легенда» и задается вопрос, «нужна ли нам биография поэта для понимания его творчества, или не нужна» [цит. по: 6, с. 6].

Как известно, роман В. Пелевина «Т» является девятым романом одного из ключевых прозаиков современности. Впервые данная книга увидела свет в 2009 году и вышла в свет тиражом в 150100 экземпляров.

Среди разнообразия главных и второстепенных героев произведения значимое место занимает Достоевский. Выбор образов Толстого, Достоевского, Победоносцева, как верно отмечено исследователем Г. И. Роговой, обусловлен тем, что для писателя XX-XXI веков «культурная память также является формой самоидентификации народа, а книга осознается как кормчий, который несет человеку спасительную истину, постичь которую дано посвященному, интеллектуально активному человеку, «концептированному» читателю, на которого и рассчитывают современные писатели» [5].

В своем романе Пелевин обращается к проблеме виртуальной реальности. Во второй части романа «Петербург Достоевского» он привносит в художественный текст образ компьютерных технологий, в частности, компьютерную игру-шутер, суть которой заключается в уничтожении противников. В роли «стрелка» оказывается Достоевский, который убивает мертвецов и высасывает из них души. Использование игровой стратегии позволяет автору интерпретировать «шутер» с Достоевским в качестве нарратива.

Достоевский одинок и находится в поисках друга (что, собственно, и лежит в центре второй части романа). При этом подчеркивается, что необходимый друг должен быть близок именно в духовном и интеллектуальном ключе. Дружба без близости и сходного интеллектуального уровня герою не интересна: «Хотел бы я иметь чистосердечного друга, да еще такого, который много знает... Вот только где ж его взять?» [4, с. 168]. Подчеркнем, что поиск родственной души, желание избавиться от одиночества характерно для большинства героев произведений Ф. М. Достоевского (вспомним, например, князя Мышкина из романа «Идиот», Раскольникова из романа «Преступление и наказание» и др.).

Пелевин наделяет своего героя новыми чертами, неизвестными поклонникам самого Достоевского. Среди этих черт, как показывает анализ, центральное место занимают тяга к спиртному («Достоевский глотнул теплой водки и задумался» [4, с. 212]; «Теперь каждые пять минут будет зудеть. Ох, тоска. Напьюсь сегодня...» [4, с. 168], двойственное отношение к славе («Достоевский понял, что воодушевление от встречи с очередным свидетельством популярности уже превратилось в тоску» [4, с. 159], переменчивость настроения («С Достоевским по дороге произошла странная перемена. Сперва он был разговорчив – и рассказал Т. про святого старца Федора Кузьмича... Но чем дальше уводила серая зловонная труба, тем мрачнее делался Достоевский. Вскоре он совсем замолчал, ушел вперед и шагал теперь один с фонарем в руке, освещая путь. Хотя Т. не видел его лица, перемена в настроении спутника чувствовалась по его понурой спине, которая склонялась все ниже и ниже» [4, с. 228].

Все это, безусловно, позволяет говорить о том, что в произведении мы имеем дело с мифологизацией образа писателя.

Рассматривая «Петербург Достоевского», автор обращает внимание на ряд элементов, которые непосредственно отсылают к мифу о Достоевском. Так, в современном литературоведении «Петербург Достоевского» рассматривается как термин и интерпретируется в значении «образ города Санкт-Петербурга, созданный в книгах писателя». Таким образом, 3D-шутер Пелевина «Петербург Достоевского» строится на мифе о творчестве самого Ф. М. Достоевского. Рассматривая образ Петербурга в произведениях великого автора, Ю. М. Лотман пишет, что «в творчестве молодого Достоевского Петербург как бы охватывает собой все художественное пространство и, соответственно, получает право представлять собой Россию. В итоговом произведении – “Братьях Карамазовых” – Петербург воплощает в себе скорее болезнь России, её “страхи и ужасы” (выражение Гоголя), – соответственно “выздоровление” мыслится как преодоление Россией в себе петербургского начала. Творчество Достоевского начинается как естественное развитие петербургского мифа и не менее связано с “петербургским пространством”, чем “Медный всадник” Пушкина» [3].

Анализ художественного текста позволяет нам сделать вывод о том, что время и пространство, в котором существует герой, не является линейным. Так, читатель знакомится с Достоевским, когда он, являясь главным героем 3D-шутера «Петербург Достоевского», сражается с «мертвяком» и встречает графа Т: «Интересно, – подумал Достоевский, – с Запада, и не мертвяк... Кто же это тогда? Может, наш разведчик возвращается?» [4, с. 212]. Сам Т говорит, что «вернулся с того света» [4, с. 213]. На наш взгляд, сражение с «мертвяком» также непосредственно связано с образом Петербурга в творчестве Ф. М. Достоевского: Петербург – это болезнь, а, как было отмечено Ю. М. Лотманом, выздоровление возможно только при преодолении петербургского начала.

Существование различных миров, представленных в романе, наблюдается также через образ воскресения, формирующийся в диалоге графа Т и Достоевского: «Т. ничего не ответил – но его лицо вдруг показалось Достоевскому неподвижным и суровым, будто высеченным из могильного гранита. Достоевский ощутил странный трепет.

– Вы... Вы это узнали на том свете? После того, как вас убили у лодочной станции?

Т. кивнул.

– И вы... Воскресли?

– Я бы не стал употреблять таких торжественных слов, – сказал Т. – У меня, если верить покойному Кнопфу, и без того проблемы с церковной догматикой. Скажем так, я вернулся в мир. И теперь я действительно существо иной природы, чем вы или эти бедняги, которых вы убиваете из-за колбасы» [4, с. 224]. Так, в приведенном фрагменте читатель видит противопоставленность «того» и «этого» света, смерти и воскресения. Воскресение – важнейший образ творчества Ф. М. Достоевского, прослеживающийся в различных произведениях писателя и, прежде всего, в его романе «Преступление и наказание» (в частности, притча о «Воскрешении Лазаря» и переосмысление жизни и веры самим Раскольниковым).

Таким образом, можно сделать вывод, что граф Т. и Достоевский в романе Пелевина не являются персонажами биографическими, носящими индивидуальные черты, связанные с определенной исторической эпохой. Они превращаются в символы, элементы игры, необходимой Пелевину для преодоления стереотипного мышления массового читателя. Это дает возможность автору создать особый мир, в котором какие-то игровые составляющие перемешиваются с реальными фактами биографии

Достоевского и Толстого. В разных эпизодах романа при разных обстоятельствах мы видим абсолютно разные характеристики героев: от их взаимной симпатии («чистосердечный друг», «не мог и мечтать!»), до абсолютной неприязни; от сходного понимания определенных ситуаций, до полного отсутствия взаимопонимания. Все это дает читателю возможность погрузиться в мир не реальной биографической прозы, построенной на знании биографических фактов исторических фигур, а в постмодернистский мир, построенный на символах, мифах и стереотипах.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сложности образа Достоевского, включающего как характеристики, соотносимые с его биографией, так и совершенно не типичные для Достоевского как исторической личности черты. Автор представляет писателя как главного героя 3D-шутера «Петербург Достоевского». Противоречивые черты персонажа романа вызывают у читателя удивление и не всегда дают возможность представить романного Достоевского как цельную личность. Так, с одной стороны, Достоевский представляется высокодуховным и набожным, готовым творить молитву в любом месте и при любых обстоятельствах. С другой стороны, Достоевский у Пелевина злоупотребляет спиртным и бранной лексикой, может жульничать и лукавить. Он одинок и ищет друга, переменчив в настроении и настроен.

Его связь с графом Т. также далека от тех отношений, которые были характерны для их прототипов. Разное отношение героев к миру, религии, философии, системе ценностей, образу жизни формирует сюжет романа и представляет персонажей не носителями индивидуальных черт, а героями-символами, характерными для литературы постмодернизма.

Мифологизированы в романе и взаимоотношения Достоевского и Победоносцева. Близкие по духу в реальной жизни, они остаются близкими и на страницах романа, что позволяет говорить о наличии биографической составляющей при описании взаимодействия данных героев. Сходные мировоззрение и система ценностей делает их близкими людьми как в реальной жизни, так и в художественном пространстве. При этом обращает на себя внимание гиперболизация восхищения, характерного при отношении Достоевского к Победоносцеву. Так, Достоевский в романе не просто уважительно относится к Победоносцеву, но и считает его выдающейся, неординарной личностью, носителем уникального ума, «духовным светочем» и т.д. Его зависимость от Победоносцева настолько сильна, что настроение Достоевского напрямую зависит от слов и действий Победоносцева, который в романе относится к Достоевскому с симпатией, но снисходительно.

Проведенное в статье исследование позволяет сформировать миф о Достоевском через призму конкретного художественного произведения (романа Пелевина «Т»). Таким образом, роман Пелевина не только переосмысляет биографический миф о Достоевском, но и поднимает вопросы о природе реальности, интертекстуальности и символическом значении литературных героев в современной культуре.

Список использованных источников

1. Ермоленко, О. В. «Мифотворчество» и «индивидуально-авторское мифотворчество»: проблема разграничения понятий / О. В. Ермоленко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, вып. 3. – С. 90–94.
2. Курьянова, В. В. Толстовский текст в творчестве А. Белого / В. В. Курьянова // Сибирский филологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 86–98.
3. Лотман, Ю. М. Современность между востоком и западом / Ю. М. Лотман // Знамя. – Москва, 1997, – № 9. – URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/LOTMAN07.HTM> (дата обращения: 25.02.2025).
4. Пелевин, В. Т / В. Пелевин. – Москва, 2023. – 416 с.

5. Рогова, Г. И. Книга – читатель – текст – произведение: коммуникативные стратегии В. Пелевина в романе «Т» / Г. И. Рогова. – URL: <https://www.lib.tsu.ru/win/dokument/ork/6.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).
6. Шанина, Ю. А. Мифология и литература XX века : учебное пособие / Ю. А. Шанина. – Уфа : Башкирский государственный педагогический университет, 2021. – 201 с.

УДК 821.111

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В АНГЛИЙСКОЙ СКАЗКЕ

А. А. Камакина,

*аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Научный руководитель: Беспалова Е. К., к. ф. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В данной статье изучаются и анализируются особенности образа главного героя в английских сказках, включая типологию, социальное положение, психологические характеристики и особенности речи. Каждый тип выполняет свою роль, олицетворяя добро или зло, богатство или бедность, власть или беззаконие. Анализ этих аспектов углубляет понимание идейного содержания и эстетической ценности английской сказки.

Ключевые слова: английская сказка, образ, главный герой, фольклор, типология, характеристики.

Summary. This article studies and analyzes the features of the main character image in English fairy tales, including typology, social status, psychological characteristics and speech features. Each type plays its role, personifying good or evil, wealth or poverty, power or lawlessness. Analysis of these aspects deepens the understanding of the ideological content and aesthetic value of the English fairy tale.

Key words: English fairy tale, image, main character, folklore, typology, characteristics.

Общеизвестно, что сказка – один из самых распространённых жанров фольклора, представляющий собой устное народное творчество с фантастическими и дидактическими элементами [3]. Главный герой сказки – центральная фигура, вокруг которой развиваются основные события, олицетворяющая борьбу добра со злом.

В волшебном мире бытовых сказок, где звери обретают человеческие черты, ярко выделяются герои и злодеи. На яркой сцене положительных персонажей часто красуются самые любимые герои: проворная кошка, хлопотливая курица (весёлый петух) и могучий медведь. А в мрачных тенях отрицательных образов скрываются коварный лис и злой волк, олицетворяющие тёмные силы.

В богатом фольклорном наследии Англии животные играют значительную роль, но особенно часто главными героями сказочных историй становятся коты. Эти очаровательные существа неизменно изображаются как преданные помощники, сопровождающие героев в их захватывающих приключениях. Интересно то, что в английской сказочной традиции не найти ни единого случая, когда кот был бы воплощением зла. Даже если кот принадлежит нечистым силам, его помощь в добрых делах не вызывает сомнений [3].

Волшебные сказки, в отличие от бытовых, населены героями-людьми, которые также имеют строгое деление на положительных и отрицательных, несущих зло и творящих добро.

Эти особенности фольклорной сказки вполне справедливы и для современной авторской сказки. К примеру, все главные герои английского писателя-сказочника Роальда Даля (1916–1990) смелы и решительны, даже находясь в самых сложных и порой критических ситуациях, они демонстрируют качества, необходимые для победы над злом и несправедливостью, не боятся противостоять трудностям и проявляют стойкость перед лицом опасности. Так, в сказке «Ведьмы» мальчик сталкивается с коварными ведьмами, но его смелость и находчивость помогают ему победить зло [1].

Английская сказка, как литературное явление, обладает яркими чертами, отличающими её от сказок других культур. Можно выделить несколько основных типов героев:

- принцы и принцессы – аристократы с благородным происхождением, красотой и богатством, обычно добросердечны и отважны;
- крестьяне и бедняки – представители низших слоёв, трудолюбивые и терпеливые, часто жертвы несправедливости. Например, Чарли Бакет из «Чарли и шоколадная фабрика» – бедный, но добрый и смелый мальчик, который отправляется в волшебное путешествие [4];
- разбойники и преступники – характеры, олицетворяющие зло, хитрость и жестокость. Сюда же можно отнести и злых ведьм («Джип и ведьма из Уолгрейва»);
- животные – персонажи сказок с человеческими качествами, говорящие и мыслящие. К примеру, Чеширский кот, Мартовский заяц Л. Кэрролла [3].

Также необходимо сказать и о том, что социальное положение главных героев часто характерно подчёркнуто. Принцы и принцессы живут в роскошных дворцах, крестьяне и бедняки – в скромных жилищах, а разбойники – в лесах и пещерах.

Это различие сохраняется и на лексическом уровне произведений. Речь героев отражает их социальное положение: принцы изыскаются высокопарно, крестьяне или бедняки говорят просто, а разбойники используют вульгаризмы. Диалект и фольклорные образы придают героям индивидуальность, указывая на их происхождение и иногда связывая с древними мифами.

Таким образом, образ главного героя в английской сказке формируется с учётом типологии, социального положения, психологических характеристик и особенностей речи [6]. Каждый тип выполняет свою роль, олицетворяя добро или зло, богатство или бедность, власть или беззаконие. Анализ этих аспектов углубляет понимание идейного содержания и эстетической ценности английской сказки.

Английская сказка, как литературное явление, обладает яркими чертами, отличающими её от сказок других культур [2]. Часто главные герои представляют собой литературные архетипы, такие как:

- герой – храбрый и решительный борец со злом;
- принцесса – красивая и добрая, часто похищенная злодеем;
- злодей – жестокий и коварный, с магическими способностями.

Эти архетипы создают запоминающихся персонажей, с которыми читатели легко идентифицируются.

Также главные герои отражают ценности и стремления английского народа, включая:

- отвагу – готовность рисковать жизнью ради победы над злом;
- оптимизм – сохранение надежды даже в трудностях;
- упорство – стойкость перед испытаниями.

Всеми этими качествами, бесспорно, обладает герой Гарри Поттер Дж. Роулинг [5]. Он становится символом надежды и храбрости для волшебного сообщества.

Путь героя часто сложен, но именно преодоление испытаний способствует его росту и развитию. Часто главные герои получают помощь от магических существ или предметов, наделяющих их уникальными способностями и защищающих от негативного воздействия со стороны других участников событий [2]. И в конце большинства сказок, герои побеждают зло и живут счастливо, что даёт читателям надежду и удовлетворение.

Формирование главного героя в английской сказке – сложный процесс, требующий понимания человеческой природы и литературных приёмов [5]. Архетипичность, отражение национального характера, использование диалекта и преодоление трудностей – ключевых элементов, формирующих образ, который влияет на восприятие читателя и его эмоциональную привязанность к героям.

Образы главных героев в английских сказках часто содержат символические элементы, которые усиливают смысл и делают их более многозначными. Например, принц может символизировать надежду и идеалы, а разбойник – опасности и моральные искушения. Символика, пронизывающая образы героев английских сказок, приглашает читателей к размышлениям о нравственности и человеческих грехах.

Вокруг сказочных героев разворачивается пейзаж, нередко становящийся зеркалом их внутреннего мира. Глубокие леса и величественные горы олицетворяют испытания и препятствия на пути героев, а светлые долины и уютные деревни – их стремление к безопасности и счастью.

Отношения между героями формируют их характеры. Наставники делятся мудростью, враги испытывают на прочность, а дружба раскрывает различные грани личности. К примеру, в цикле сказочных романов о Гарри Поттере Дж. Роулинг отчётливо виден процесс становления героя через его взаимодействие с другими персонажами [5].

Героини английских сказок столь же важны и разнообразны, как и герои. Они могут быть отважными и самостоятельными, нежными и уязвимыми, воплощая разные стороны женственности. Герои и героини часто образуют равновесие, подчеркивая значение союза сотрудничества в противостоянии злу.

Со временем образы главных героев претерпевают изменения и переосмысления в современных интерпретациях, как в фильмах (экранизация сказки «Чарли и шоколадная фабрика» [4]), книгах и других формах искусства. Эти адаптации, сохраняя суть оригинала, вносят новые штрихи и черты, отражая современные ценности.

Заключение. Таким образом, образ главного героя в английской сказке – это сложная многослойная конструкция, в которой переплетаются социальные, культурные и психологические аспекты. Раскрывая эти детали, символы и архетипы, сопоставляя их с ключевыми темами, создаются образы, которые находят отклик в читателях и вдохновляют их. Именно подобное мастерство делает английскую сказку значительным жанром в мировой литературе.

Список использованных источников

1. Викторова, Н. А. Английская литературная сказка эпохи постмодернизма : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (английская литература)» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Наталья Александровна Викторова ; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2011. – 21 с.
2. Кузнецова, Л. Э. Лингвокультурные особенности русской народной сказки и ее английского эквивалента / Л. Э. Кузнецова, В. В. Сухенко // Культурное наследие древних и национальных языков в период глобализации : материалы научно-практической конференции, Армавир, 30 апреля 2019 года. – Армавир : Армавирский государственный педагогический университет, 2019. – С. 78–86.

3. Курбатова, О. А. Особенности английской литературной сказки / О. А. Курбатова, Д. А. Дульский // Альманах мировой науки. – 2016. – № 6-1 (9). – С. 85–86.
4. Новикова, А. А. Особенности речевой характеристики главного героя повести-сказки Р. Даля «Чарли и шоколадная фабрика» / А. А. Новикова, А. В. Середина // Вестник Луганского педагогического университета. Серия 3. Филологические науки. Медиакommunikации. – Луганск, 2020. – № 4 (52). – С. 54–57.
5. Одышева, А. С. Репрезентация детства в английской литературе / А. С. Одышева // Вестник Тюменского государственного университета. Серия : Филология. – Тюмень, 2011. – № 1. – С. 214–220.
6. Шайхутдинова, Т. Н. Особенности использования лексических стилистических средств в английской народной сказке / Т. Н. Шайхутдинова // Тенденции развития науки и образования. – Sterlitaamak, 2020. – №. 61-9. – С. 8–11.

УДК 821.16

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВАГОН КАК МЕТАФОРА ВНУТРЕННЕГО МИРА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»

О. П. Климкина,

*магистрант 1-го курса кафедры русской и зарубежной литературы, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Курьянова В. В., к. ф. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена анализу элементов структуры образа железнодорожного вагона как метафоры внутреннего мира главного героя повести Л. Н. Толстого «Крейцерова соната». Замкнутое пространство вагона становится отражением душевного состояния героя, его внутренних конфликтов, изоляции и отчуждения. Попутный диалог является важным элементом текста, позволяющим углублять и усложнять движение сюжета, раскрыть внутренний мир персонажей, их отношения, идеи и конфликты. Особое внимание уделяется тому, как железнодорожный вагон становится символом фатальной обречённости и невозможности вырваться из порочного круга собственных мыслей и переживаний. Метафора вагона помогает глубже раскрыть философские и психологические аспекты произведения, поднимая вопросы о природе человеческих страстей, морали и смысле существования.

Ключевые слова: железная дорога, характер, вагон поезда, попутный диалог, событие, Л. Н. Толстой, «Крейцерова соната».

Summary. The article is devoted to the analysis of the elements of the structure of the image of the railway carriage as a metaphor for the inner world of the hero of Leo Tolstoy's story *The Kreutzer Sonata*. The enclosed space of the carriage becomes a reflection of the hero's state of mind, his inner conflicts, isolation and alienation. The incidental dialogue is an important element of the text, allowing to deepen and complicate the movement of the plot, to reveal the inner world of the characters, their relationships, ideas and conflicts. Special attention is paid to how the railway carriage becomes a symbol of fatal doom and impossibility to escape from the vicious circle of one's own thoughts and experiences. The metaphor of the railway carriage helps to deepen the philosophical and psychological aspects of the work, raising questions about the nature of human passions, morality and the meaning of existence.

Key words: railway, character, train carriage, dialogue, event, L. N. Tolstoy, *Kreutzer Sonata*.

Железная дорога является одним из ключевых элементов в русской литературе, который часто используется в качестве символа изменения, пути к новым возможностям, встречам и разлуки. Железная дорога олицетворяет перемены, и передвижение, отражая не только физическое, но и эмоциональное состояние героев.

Вагон поезда выступает в качестве особого события-диалога художественного мира произведения. По представлению исследователей М. М. Бахтина и Т. А. Трошева диалог следует понимать как универсальную категорию культуры, так как: «вся жизнь языка в любой области его употребления... пронизана диалогическими отношениями» [1, с. 161]. И как форму речи, «закрывающейся в обмене взаимообусловленными репликами, монологу как высказыванию одного лица» [5, с. 90].

Целью статьи является анализ элементов структуры повести Л. Н. Толстого «Крейцерова соната» в эпизоде попутного диалога и описание своеобразия данного типа события.

Л. Толстой «как авторитет несомненный и всеми признанный» [2] в своем творчестве создал немало примеров событий на железной дороге. Повесть «Крейцерова соната» – уникальное произведение русской литературы, посвященное темам любви, нравственности, семейных отношений. Толстой изображает вагон поезда, в котором беседуют пассажиры, акцентируя внимание на споре попутчиков о браках и разводах. В ходе их полемики заходит речь о том, что же такое настоящая любовь, каким должен быть брак. Ответ на этот вопрос дает «Некрасивая и немолодая дама»: «брак должен вытекать, во-первых, из привязанности, любви, если хотите, и что если налицо есть таковая, то только в этом случае брак представляет из себя нечто, так сказать, священное. Затем, что всякий брак, в основе которого не заложены естественные привязанности – любовь» [4, с. 6]. После этого утверждения в спор ступает Позднышев.

Позднышев является главным героем повести, он изначально противопоставлен другим пассажирам. Он находился в изоляции не только от попутчиков, но и от всего внешнего мира, «на заговариванья соседей он отвечал коротко и резко и или читал, или, глядя в окно, курил» [4, с. 5].

Рассуждения Позднышева об истинной любви пугают попутчиков. Позднышев рассказывает о том, что он является убийцей своей жены, это признание заставляет всех впасть в молчание и опешить, и вследствие этого они покидают вагон. Единственным собеседником и слушателем трагической истории становится рассказчик. Позднышев с особым рвением вступает в разговор с новым знакомым («он вдруг с решительностью и раздражением обратился ко мне» [4, с. 10]), стремясь поделиться своими мыслями.

Дальнейший сюжет повести построен на монологе главного героя, его исповеди семейной жизни, о событии, оборвавшем ее привычное состояние. Позднышев до тридцати лет вел безнравственную жизнь, веселясь и заводя романы, и наконец, решил жениться. После последнего свидания со своей будущей женой он восторженно заявил, что «она верх нравственного совершенства и что потому-то она достойна, быть моей женой, и на другой день сделал предложение» [4, с. 11]. Однако семейная жизнь у супругов сразу же не заладилась, они отделились друг от друга. В первый месяц совместной жизни супруги часто ссорятся, не скрывают истинного отношения друг к другу. Жена Позднышева полностью отдалась воспитанию детей, психологически и духовно она стала далека от мужа. Рассказывал Позднышев с особым волнением, становясь все больше «возбужденнее и возбужденнее» [4, с. 23], постоянно менял позы, «то снимал шапку, то надевал ее» [4, с. 37], его лицо странно менялось. Эти невербальные сигналы передают то, что у Позднышева внутренний конфликт, он находится в состоянии глубокого внутреннего потрясения и эмоционального стресса.

На протяжении всей истории Позднышева рассказчик внимательно его слушает, не перебивает, не вступает в полемику, а лишь задает некоторые вопросы, которые позволяют добраться до сути и более подробно узнать об идеях и рассуждениях героя. Спокойное состояние рассказчика позволяет в полной мере раскрыться главному герою. Рассказчик оказывается случайным свидетелем, «драмы души» [3, с. 256], в которой пребывает его попутчик. Во время своего монолога Позднышев испытывал разные чувства: кричал, «злобно шипел» [4, с. 68], испуганно переспрашивал. Позднышеву было тяжело говорить, его душило, он «шатаясь, пошел через вагон» [4, с. 115].

В последних главах произведения все ярче описывается расколотый внутренний мир Позднышева, а именно при описании убийства жены и того, что к этому привело. Речь его становится отрывистой, герой полностью погружается в прошлые переживания. Это изменение в речи Позднышева отражает его внутреннее состояние и психологическую динамику. Он начинает говорить «в сильном волнении», меняет положение тела. Нарастает динамика и темп повествования, позволяющие раскрыть душевные терзания, которые он испытывал.

Уже когда Позднышев возвращается домой в тарантасе, в нем с новой силой разгорается внутренний конфликт, который будет преследовать героя до совершения преступления. Именно здесь его злоба и безумие нарастают до предела: «Я сгорал от негодования, злости и какого-то особенного чувства упоения своим унижением» [4, с. 173]. Примечателен и образ зверя, Позднышев неоднократно сравнивает себя с ним, «бешеный зверь ревности зарычал в своей конуре...» [4, с. 174], тем самым автор указывает, что в моменты приступов ревности Позднышев теряет обличье человека, разум, его действия строятся на гневе.

Мотив железной дороги в повести является важным элементом, который значительно повлиял на поступки и внутренний мир Позднышева. Возвращение домой в вагоне поезда оказалось для него губительным и стало еще одним шагом к убийству жены. Зайдя только в вагон, Позднышев почувствовал, что его спокойная жизнь закончилась, восьмичасовой переезд предвещает лишь ужасные последствия. Само явление железной дороги тяжело действует на главного героя, он испытывает страх и ужас: «Ох, боюсь я, боюсь я вагонов железной дороги, ужас находит на меня» [4, с. 172]. Железная дорога полностью завладела мыслями и воображением героя, в его голове появлялись картины измены. Позднышев «сгорал от негодования, злости» [4, с. 172], представляя картины измены своей жены. Неслучайно именно здесь появляется образ дьявола, который «точно против моей воли, придумывал и подсказывал мне самые ужасные соображения» [4, с. 175]. Появление дьявола как внутреннего подстрекателя и провокатора подчеркивает сложность и противоречивость внутреннего мира Позднышева, его борьбу с самим собой и собственными темными сторонами личности. Дьявол появляется и дома, руководит его мыслями: «Ты плачь, сентиментальничай, а они спокойно разойдутся, улик не будет, и ты век будешь сомневаться и мучиться» [4, с. 183].

Позднышев описывает свои мучительные страдания, акцентируя внимание на жалости к себе, ему даже пришла в голову идея лечь под рельсы. Возможное самоубийство становится для него способом избежать эмоциональной боли и мучений. Всю свою злобу и ненависть герой обрушил на жену, ненавидя ее всеми силами, желая ей страдания. В целом атмосфера в вагоне была угнетающая, именно здесь зарождается мысль об убийстве. Поездку Позднышев описал одним словом – Сумасшествие.

Поезд как символ быстрого движения вперед, символ неизвестности и изолированности пространства, становится клеткой для Позднышева. Герой не в состоянии выйти из временной ловушки, в которой оказался, ведь поезд также выступает специфическим посредником между границами прошлого, настоящего и

будущего времени. Позднышев оказывается во враждебных отношениях с железной дорогой. Вагон – ловушка для Позднышева, из которой он не может выбраться, так как знакомство с героем происходит снова в вагоне другого поезда. Погода за окном окрашена также негативным тоном, это холод, слякоть, ощущение неуютта, тоже состояние испытывает и сам Позднышев. Примечательно, что ужас перед железной дорогой присутствует не только у главного героя. Один из пассажиров вагона – «высокий бритый морщинистый старик» [4, с. 6], также испытывает страх перед технической силой прогресса, как только поезд тронулся он «начал креститься и читать шепотом молитву» [4, с. 6], несмотря на то, что вел оживленную беседу с адвокатом. Это говорит о его внутреннем беспокойстве и недоверии к техническим достижениям, а также является неким знаком, который связывает со следующими эпизодами с железной дорогой

Железная дорога и сам вагон поезда являются не просто фоном, на котором происходят события, а важным образом, влияющим на развитие сюжета, определяющим физическое и психологическое состояние героев.

Большое значение в произведении Толстой уделяет хронотопу. Особенности времени и пространства четко обозначены. Отмечается время года: «это было ранней весной. Мы ехали вторые сутки» [4, с. 5]. Весна, как символ духовного пробуждения, отражает процесс внутреннего очищения и перерождения главного героя. Исповедь, совершенная в это время года, становится для него своего рода ритуалом освобождения от тяжести совершенного преступления. Весна, с ее обновлением природы и возрождением жизни, создает атмосферу возможности нового начала и принятия ответственности за прошлые поступки. Пространством является вагон поезда, место, где Позднышев решает раскрыть свою тайну. Этот вагон становится словно отдельным миром, в котором находится Позднышев. Именно в вагоне поезда к нему приходит мысль об убийстве жены. Изолированное пространство создает чувство оторванности от внешнего мира. Вагон поезда можно рассматривать как метафору внутреннего мира Позднышева, где он борется со своими страхами и внутренними конфликтами.

В изолированной атмосфере все звуки звучат гораздо громче и насыщеннее, определяют особое отношение. Речь героев, в том числе Позднышева, пронизана эмоциональной силой, которая делает их высказывания особенно яркими и громкими. Герой вскрикивает, кричит, особый акцент сделан на злобной интонации. Также символической деталью являются «странные звуки», которые сопровождали Позднышева на протяжении всего сюжета произведения.

Поезд, в котором происходят важные события также окрашен звуковыми характеристиками, он «свистит», «дребезжит», «погромыхивает», постоянно слышен шум и треск стекол. Эти звуковые детали поезда создают атмосферу напряжения, движения и динамики, подчеркивают важность происходящих событий и добавляют картины действия реализма и натурализма.

Попутный диалог между рассказчиком и его попутчиком определяет дальнейшее развитие событий. Сюжет произведения построен на монологе Позднышева, в котором раскрывается его внутренний конфликт. Диалог, происходящий между героями, обладает особыми характеристиками, это стремление к правде, создание доверительной атмосферы, внимание к деталям, способным раскрыть метания главного героя. Рассказчик не участвует активно в беседе, однако деликатно задает уточняющие вопросы, которые более полно раскрывают картину происходящего. Главной же функцией рассказчика является его способность слушать то, – чего так не хватало Позднышеву. В повести попутный диалог становится не только двигателем сюжета, но и средством раскрытия героя. Яркие реплики Позднышева определяют его натуру.

Особое место отводится невербальным сигналам, позволяющим выявить его истинные чувства и намерения, позволяя читателю глубже проникнуть в его внутренний мир.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.
2. Курьянова, В. В. Толстовский неомиф в творческом сознании А. А. Ахматовой / В. В. Курьянова // Наука и школа. – 2023. – № 1. – С. 11–16.
3. Роллан, Р. Жизнь Толстого / Р. Роллан // Р. Роллан. Собр. соч. : в 14 т. Т. 2. – Москва : Художественная литература, 1964. – 456 с.
4. Толстой, Л. Н. Крейцеров соната : повести / Л. Н. Толстой. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2020. – 220 с.
5. Трошева, Т. А. Диалог / Т. А. Трошева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Москва : Наука, 2003. – 445 с.

УДК 821.161.1

ОБРАЗ СМЕРТИ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ А. С. ГРИНА «ШТУРМАН “ЧЕТЫРЁХ ВЕТРОВ”»

Е. Ю. Мартышина,

*обучающаяся 3-го курса кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Курьянов С. О., заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, д. ф. н., профессор, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа образа смерти в произведениях А. С. Грина на материале сборника «Штурман “Четырёх ветров”» путём выявления особенностей его художественного воплощения. Выделяются основные средства создания образа смерти, который в произведениях А. С. Грина складывается из нескольких ключевых компонентов, гармонично сочетающихся и формирующих целостную систему. Средства создания образа смерти выступают не только как инструмент передачи эмоционального состояния персонажей и факта умирания, но и как способ осмысления философских и моральных аспектов жизни и смерти. Использование символики, тропов и психологических деталей позволяет автору создать глубокое и многогранное восприятие темы, делая её значимой для читателя. А само акцентирование образа смерти автором делает процесс ожидания смерти и процесс умирания одним из центральных мотивов сборника, что даёт возможность говорить о формировании в читательском восприятии всего сборника рассказов как целостного произведения, а именно в качестве индивидуально-авторского текстового единства (сверхтекста).

Ключевые слова: образ, смерть, интерпретация, сверхтекст, индивидуально-авторское текстовое единство.

Summary. The article attempts to analyze the image of death in the works of A. S. Green based on the material of the collection *Navigator of the Four Winds* by identifying the features of its artistic embodiment. The main means of creating the image of death are highlighted, which in the works of A. S. Green consists of several key components that are harmoniously combined and form a holistic system. The means of creating the image of death act not only as a tool for conveying the emotional state

of the characters and the fact of dying, but also as a way of understanding the philosophical and moral aspects of life and death. The use of symbolism, tropes and psychological details allows the author to create a deep and multifaceted perception of the topic, making it significant for the reader. And the very emphasis on the image of death by the author makes the process of waiting for death and the process of dying one of the central motives of the collection, which makes it possible to talk about the formation in the reader's perception of the entire collection of stories as a holistic work, namely, as an individual-author's textual unity (supertext).

Key words: image, death, interpretation, supertext, individual-authorial textual unity.

Анализ образа смерти в произведениях открывает новые горизонты для понимания того, как А. С. Грин трансформирует традиционные представления о смерти, придавая им уникальное и глубоко личностное звучание, наделенное символическим смыслом. Можно проследить, как художественная форма взаимодействует с философскими вопросами, формируя особое пространство для диалога между автором и читателем.

Цель данной статьи – показать, как в сборнике А. С. Грина «Штурман “Четырех ветров”» образ смерти, влияя на воспринимающее сознание, становится средством формирования сверттекста – текстового единства [см.: 5, с. 19–34].

Отечественные литературоведы (А. А. Потебня, В. И. Хализев, Н. Д. Тмарченко и др.) определяют художественный образ как сложное многоуровневое явление, включающее в себя элементы познания, эстетики и коммуникации. Это особая форма отражения действительности, созданная воображением художника и воплощённая в конкретном произведении искусства [см.: 7, с. 112–113; 6, с. 50].

Образ смерти в творчестве А. С. Грина ранее становился предметом научных исследований. В статье М. А. Дударевой и Н. З. Кольцовой «Этосы жизни и смерти в рассказе А. Грина “Загадка предвиденной смерти”: имажинативная апофатическая реальность» [3], проводится анализ рассказа с акцентом на апофатическую составляющую художественного творчества, связанную с Танатосом. В исследовании особое внимание уделяется рассмотрению смерти как сложного и многогранного явления, сочетающего в себе антропологические и апофатические аспекты. Исследователи обращают внимание на влияние антропософского учения Рудольфа Штейнера на творчество Грина, что проявляется в проработке мотивов символического умирания и трансформации персонажей.

А. С. Грин выражает свое индивидуальное восприятие смерти через разнообразные литературные приёмы, делая этот образ центральным в ряде своих произведений. Явление называется непосредственно, в том числе как намерение умереть или убить, обозначенное прямо или косвенно, ярко выражены натуралистические описания: «Тело вздрогнуло, трепеща быстрыми, конвульсивными движениями. Тонкий, лающий крик уполз в траву. <...> Шея Цапли вздрогнула еще раз, вытянулась вперед и затихла вместе с неподвижным, притаившимся телом»; «Дрибб, лежавший без движения с простреленной навывлет грудью, открыл глаза и выплюнул густой сверток крови»; «Яд медленно проник в мускулы, парализовал их и последней уродливой grimасой застыл на пораженном лице». Также встречается метафорическая номинация: «мрак», «бездонная глубина»; «Столовая опустела. Люди не выходили из нее, но ушли» [здесь и далее все цитаты из рассказов А. Грина цитируются по: 2].

Образ смерти существенно влияет на настроение и эмоциональное восприятие текста, создавая определённую атмосферу, которая сопровождает читателя на протяжении всего повествования [4]. Так, Грин в нескольких произведениях фиксирует, как человек становится «телом». «Если труп найдет силы произнести только одно слово, я буду иметь дело со всеми», – думает Горн («Колония Ланфиер»), заметив, что Дрибб, несмотря на слабость, добирается до поселения. «Трупом» автор

называет не только мёртвую плоть, останки, но и того, кто получил тяжёлые ранения и доживает последние часы или минуты. Это усиливает впечатление и углубляет образ.

Интересна фраза банкира («Рай»): «...мое последнее путешествие продолжалось так долго, что слуги забыли свои обязанности». Можно предположить двойной смысл, второе значение словосочетания «последнее путешествие»: не только поездка в череде многих других, из которой недавно вернулся банкир, но и процесс перехода в мир иной. Известно устойчивое выражение «проводить в последний путь», то есть участвовать в похоронах. Умирание начинается задолго до отказа органов из-за яда: пресыщенный благами банкир давно ощущает отвращение к себе, женщина чувствует моральное опустошение, журналист гниёт изнутри, снedaемый ненавистью, капитана день за днём губит рутина, бухгалтер и вовсе считает своей задачей спокойно дожить до конца своих дней.

Также важную роль играют детали, элементы обстановки. Тишина у Грина может быть метафорой смерти как абсолютного покоя и освобождения от суеты и боли земного существования. Наличие «холодного электрического света» (детали интерьера, имеющей в творчестве Грина символическое значение) позволяет провести параллель между двумя рассказами. Он упоминается, когда пятеро самоубийц уже мертвы («Рай»), его же зажигает студент, разрушая очарование от звучания стихотворения о сильной личности («Воздушный корабль»). Можно соотнести физическую смерть с мертвенностью душ присутствующих на вечере. Лидия пытается воскресить их, но они возвращаются к прежнему состоянию. Образ смерти неразрывно связан в рассказах с мотивами тоски и одиночества.

Ещё одним средством создания образа является сравнение с жизнью. Сурок («Третий этаж»), осознает её ценность и быстротечность, находясь в шаге от смерти: «Там, за чертой города, среди полей и шоссеиных дорог – его жена. Любимая, славная. И девочка – пухленькая, смешная, всегда смеется. Белый домик, кудрявый плющ. Блестящая медная посуда, тихие вечера. Никогда не увидеть? Это чудовищно!». Смерть придаёт смысл жизни [см.: 4].

Также возникает сравнение человека, пытающегося уйти от погони, с дикими животными: «Ты охотился за мной, как за зверем, но звери научились стрелять» («Остров Рено»), – что можно интерпретировать как синтез природного (биологического) начала в человеке и его сознательной деятельности. Инстинкт самосохранения, борьба за жизнь соединяется с интенцией, что приводит к необратимым последствиям.

Герои, лишаящие жизни себя или несущие смерть другим, экзальтированы. Их эмоции описаны гиперболизированно. Некоторых персонажей можно назвать индивидуалистами: вступая во взаимодействие с миром, они сужают его до своего сознания.

М. М. Бахтин предлагает анализировать образ смерти с точки зрения способа повествования («извне», с точки зрения Другого, и «изнутри», «из самого сознания умирающего человека») [см.: 1, с. 347]. В сборнике рассказов А. С. Грина встречаются оба варианта. *Смерть «извне»* показана в рассказах «Происшествие в улице Пса», «Штурман “Четырёх ветров”», «Колония Ланфиер», «Окно в лесу»: поступок Гольца вызывает всплеск любопытства, «к мертвому бежали, сломя голову», – обывателям нужно убедиться, что смерть уравнила удивительного, загадочного, волнующего и пугающего человека с ними; о том, что Штурман оплакивает жену, мы узнаём ретроспективно; Горн пренебрежительно оставляет Дрибба истекать кровью, потому что «вид умирающего был ему неприятен, как всякое разрушение»; охотник поспешно отходит от хижины, успевая заметить труп лесника и испуг мальчика, ставшего свидетелем.

Промежуточное состояние представляют «История одного убийства» (на короткий миг в речи нарратора при описании чувств появляются ощущения убиваемого Цапли), «Телеграфист из Медянского бора» (Петунников, чьи эмоции нам показывает автор, стреляет в другого человека), «Остров Рено» (читатель наблюдает за смертью Блемера и Тарта «изнутри», но о других застреленных матросах почти ничего неизвестно), «Воздушный корабль».

Смерть «изнутри» описана в рассказах «Третий этаж» и «Рай»: в «Третьем этаже» это скорее предсмертное ожидание, которое рефлексировано во внутренних монологах героев; в рассказе «Рай» самоубийцы, готовясь к смерти, пытаются поддерживать беседу и даже шутить, но, как только яд начинает действовать, они испытывают «дикий ужас». Повествователь указывает на физические ощущения: «Тошнота защекотала внутренность, мозг кричал и ломился в изгибы черепа, и глухо ныл череп». Показательно, что агония вербализуется героями: « – Я облокачиваюсь на стол, – сказал капитан. – Смотрите, каков я! Я еще чувствую себя. Слышите! Помолчите... один уходит... Левой... ноги... у меня... нет... Какие мы странные... больные... несчастные... Я хорошо... понимаю... что... на лицо... мое... страшно... смотреть... Внутри... у меня... гудит... Электричество гаснет... потому что... темно. Я боюсь!.. Ваши лица... темнеют от... ужаса. О... подождите... минутку!.. Улыбайтесь, как... можно... приятнее! Во мне... тысяча пудов. Я не могу... пошевелить пальцем... Я противен себе... Я... туша... Вся... моя... одежда... отравлена... Вы...».

Следовательно, исследуемый образ в произведениях А. С. Грина складывается из нескольких ключевых компонентов, которые гармонично сочетаются, формируя целостную систему. Средства создания образа смерти выступают не только как инструмент передачи эмоционального состояния персонажей и факта умирания, но и как способ осмысления философских и моральных аспектов жизни и смерти. Использование символики, тропов и психологических деталей позволяет автору создать глубокое и многогранное восприятие темы, делая её значимой для читателя. А само акцентирование образа смерти автором делает процесс ожидания смерти и процесс умирания одним из центральных мотивов сборника, что даёт возможность говорить о формировании в читательском восприятии всего сборника рассказов как целостного произведения, а именно в качестве индивидуально-авторского текстового единства (сверхтекста).

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 тт. Т. 5: работы 1940-х – начала 1960-х годов / М. М. Бахтин ; ред. тома С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготишвили. – Москва : Русские словари, 1997. – 734 с.
2. Грин, А. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1 / А. С. Грин. – Москва : Правда, 1980. – 494 с.
3. Дударева, М. А. Этосы жизни и смерти в рассказе А. Грина «Загадка предвиденной смерти»: имажинативная апофатическая реальность / М. А. Дударева, Н. З. Кольцова // Концепт: философия, религия, культура. – 2021. – Т. 5. – № 1. – С. 25–33.
4. Красильников, Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа / Р. Л. Красильников. – Вологда : ГУК ИАЦК, 2007. – 140 с.
5. Сверхтекст: генезис, структура, семантика : монография / науч. ред. С. О. Курьянов ; коллектив авторов. – Москва : Директ-Медиа, 2023. – 224 с.
6. Теория литературы : учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. – Т. 1: Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – Москва : Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.
7. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 2002. – 437 с.

МИФОПОЭТИКА: ГЕНЕЗИС, РАЗВИТИЕ И ОПЫТ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ

А. И. Пироженко,

*магистрант 1-го курса кафедры русской и зарубежной литературы, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Курьянов С. О., заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, д. ф. н., профессор, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В данной статье приводится попытка проследить историю зарождения и развития мифопоэтики от времени античного осмысления мифов до мифологической школы XIX–XX веков и мифопоэтической школы XX–XXI веков, а также происходит попытка обоснования термина «мифопоэтика». Цель работы – проследить историю мифопоэтики как отдельного направления современного литературоведения и сущность этого явления, для чего использованы такие методы как: описательный, культурно-исторический, сопоставительный. Новизна исследования заключается в том, что эта статья представляет собой диахроническую систематизацию основополагающих научных трудов в рамках мифа и чётко обозначенные рамки терминологизации для использования в будущих исследованиях по теме.

Ключевые слова: мифопоэтика, литературный миф, неомифологизм, мифологический метод, мифопоэтический метод.

Summary. This article attempts to trace the history of the origin and development of mythopoetics from the times of ancient understanding of myths to the mythological school of the 19th to 20th centuries and the mythopoetic school of the 20th to 21st centuries, as well as an attempt to substantiate the term “mythopoetics”. The purpose of the work is to trace the history of mythopoetics as a separate branch of modern literary criticism and the essence of this phenomenon, for which such methods as descriptive, cultural-historical and comparative are used. The novelty of the research lies in the fact that this article is a diachronic systematization of the fundamental scientific works within the framework of the myth and a clearly defined framework of terminology to use in future researches on the topic.

Key words: mythopoetics, literary myth, neo-mythologism, mythological method, mythopoetic method.

Введение. В сегодняшнем научном дискурсе наблюдается повышенный интерес к вопросу изучения определённой культуры через призму мифопоэтического (или мифологического, мифореставрационного) метода в рамках филологии, философии и культурологии. Несмотря на то, что ориентация магистрального вектора науки была провозглашена как рационализаторская и критическая ещё в дискурсе XIX века, уже с середины XX века происходит осмысление продолжающейся традиции мифологичности мышления человека вообще и мифологической основы творчества авторов в рамках художественной литературы как следствие. В этом отношении мифопоэтика представляется той междисциплинарной областью знания, которая может предложить собственную методологию исследования мифологической первоосновы художественного произведения, помочь проследить формирование авторской картины мира и выявить связи литературы с социально-историческим контекстом.

На данный момент в научном пространстве не наблюдается консенсуса касательно понимания дефиниции и сущности мифопоэтики. Среди главных имён

заявленного направления можно выделить труды Е. М. Мелетинского, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, А. Ф. Loseва. Сегодня к вопросам мифопоэтики обращаются Г. П. Козубовская, Н. О. Осипова, Г. А. Токарева, Н. В. Ковтун, А. А. Аствацатуров, Э. Ф. Шафранский, Д. Л. Куликова и многие другие.

Исторический контекст

Миф, понимаемый массовым сознанием как нечто неразрывно связанное с эстетикой античного времени и, в частности, Древней Греции, зародился ещё в первобытном обществе, являясь, по мнению Е. М. Мелетинского, *«первичной моделью идеологии и синкретической колыбелью искусства, литературы, религии и философии <...> средством концептуализации мира»* [3, с. 11]. Миф был попыткой и средством рационализации сложного и непонятного мира, попыткой объяснения разрушительного начала природных явлений, появления человека и живого вокруг, основы самого бытия. Подобный подход сохраняется и в доклассический период Древней Греции, когда формируется корпус важнейшей для последующих веков олимпийской мифологии, признававшийся людьми того времени не художественным вымыслом, но объективной реальностью. Однако первые попытки интерпретации и осознания мифа происходят практически тогда же, начиная с V–IV вв. до н.э. в трудах софистов (им было свойственно аллегорическое восприятие), Платона (философски-символическое восприятие) и Эвгемера (как обожествление исторических лиц) [4, с. 11].

В эпоху Средневековья судьбы мифа и его изучения находятся в состоянии двоемирия: с одной стороны, христианская парадигматика обусловила формальный разрыв с античным дохристианским наследием, с другой стороны, материалом, к примеру, грамматики и риторики оставались древнегреческие источники и их латинские переводы. Появляется герменевтика, призванная трактовать божественные тексты и мифы как божественное слово, которое греки, сами не сознавая того, транслировали через еретические образы. Средневековую герменевтику нельзя назвать полноценной наукой, однако в ней содержатся основы позднейшей европейской научной мысли, провозглашаются основы семиологии («Христианская наука» Августина Блаженного), невозможность однозначности толкования текста (труды Фомы Аквинского) и ономаσιологические концепты (труды Пьера Абеляра).

Большой шаг для развития мифопоэтики происходит в XVIII веке во «Введении в правильный перевод разумных суждений и сочинений» Иоанна Мартина Хладениуса: в этой работе учёный говорит, что для более полного понимания смыслов необходимо идти в сторону размытия культурных, языковых и прочих барьеров в процессе изучения произведения. Он объединяет логику, историю и философию, добавляет к ним собственный биографический опыт и вводит понятие «точки зрения», в которой видит взаимодействие человека и мира на глубинном, порой бессознательном уровне. На основе работы Хладениуса и формирования идеи национального самосознания в XIX веке появляется мифологическая (или фольклорная) школа, теоретиками которой принято считать Ф. В. Й. Шеллинга, братьев Шлегелей и братьев Гримм. Один из альманахов этого направления – книга «Немецкая мифология Вильгельма и Якоба Гримм» (1835 г.). Происходит смещение внимания с собственно античных мифов на средневековое, национальное мифотворчество (за счёт чего школу и называют также фольклорной).

На границе 1850–60-х гг. происходит разделение западноевропейской и российской мифологических школ, которое в дальнейшем перетечёт в нарратологию и мифопоэтику соответственно. В этот период появляется книга «Исторические очерки русской народной словесности» Ф. И. Буслаева (1860-е гг.), где учёный разделяет идеи теории архетипов, на славянском материале объясняя сходство мифов европейских народов общими механизмами мышления. Но позже, в «Перехожих повестях» (1874 г.)

он уже начинает разделять идеи миграционной теории, объясняющей сходство образов и мотивов в мифах заимствованием.

На рубеже XIX–XX вв. мифологическая школа становится более этнографически ориентированной, появляются «Крылатые слова» (1899 г.) и «Неведомая, нечистая и крестная сила» (1902 г.) С. В. Максимова, где комплексно систематизируется славянский материал и происходит объединение материала на языческой и христианской основе. С зарождением модернизма происходит смена, по Е. М. Мелетинскому, мифологической школы на неомифологическую, что обусловлено участвовавшим сознательным обращением авторов художественной литературы, в особенности, поэтов-символистов, к мифологическому материалу и бессознательным авторским мифотворчеством. Самое большое имя для мифопоэтики начала XX века – А. Ф. Лосев и его «Диалектика мифа» (1927 г.) и «Очерки античного символизма и мифологии» (1930 г.), где учёный, наравне с теоретизацией классического мифа, впервые обращается к мифу современности, создавая дорогу к мифопоэтике и теории авторского мифа.

Терминологический аспект

Как было сказано выше, в современном литературоведении нет единой дефиниции мифопоэтики. Так, Н. О. Осипова в работе «Мифопоэтика как сфера поэтики и метод исследования» даёт такое определение: *«Мифопоэтика – это метод исследования таких явлений литературы, которые ориентированы на мифопоэтические модели, с целью проследить их генезис, развитие и функции в создании целостной картины мира, трансформацию традиционных образов, что позволяет исследовать широкие интертекстуальные связи»* [7, с. 51]. Г. П. Козубовская в работе «Середина XIX века: миф и мифопоэтика» развивает дефиницию Н. О. Осиповой, включая в образование «мифопоэтика» следующие понятия: мифомышление, мифотворчество, мифогенная литература, мифологема [2].

Несколько другой подход представлен в книге «От мифа к литературе» Е. М. Мелетинского: под «поэтикой мифа» учёный понимает сознательное обращение к мифологическому материалу в, по большей части, зарубежной литературе XX века (на материале произведений Д. Джойса, Ф. Кафки, Т. Манна) [3]. Подобный взгляд представлен в пособии Я. В. Погребной «Аспекты современной мифопоэтики» [8].

Г. А. Токарева в работе «Мифопоэтика У. Блейка» понимает под мифопоэтикой комплекс индивидуально-авторских идейно-художественных особенностей, принципов и средств отдельного автора в отдельном произведении [9].

Данные подходы представляются достаточно узкими, поскольку они по большей части фокусируются на творческой лаборатории конкретного автора художественного текста или на его картине мира, не учитывая междисциплинарную и бессознательную природу нахождения мифа в литературном произведении.

Суммируя вышеприведённое, можно говорить о том, что на сегодняшний день под мифопоэтикой понимается *особое направление в современном литературоведении, основой которого является мифопоэтический метод, направленный на выявление генезиса, широкого исторического и культурного контекста и своеобразия присутствия индивидуально-авторского мифа, а также обращения автором к существующему корпусу мифологического материала в художественном произведении.*

Заключение. Изучение мифопоэтики – крайне перспективное направление в современном литературоведении, о чём говорит частотность обращения к этому направлению как исследователей, так и авторов художественных текстов, как большое количество разных подходов к теории мифа, так и разнообразие его нахождения в литературе последних столетий.

Миф представляет собой феномен человеческой мысли, первые попытки людей рационально понять окружающий мир, первооснову любого искусства, представляющую собой средоточие архетипов, образов и мотивов. Его осмысление берёт своё начало с того момента, когда фактически оформилась олимпийская мифология Древней Греции в трудах философов классического античного периода, Платона, Эвгемера, софистов и киренаиков, развивается в христианской парадигме Средних веков в герменевтических учениях Августина Блаженного, Фомы Аквинского и Пьера Абеляра, в эпоху Нового времени претерпевает сильные изменения, превращаясь в начале в мифологическую школу XIX века, а позже – в неомифологическую школу XX века и мифопоэтику конца XX – начала XXI вв. В России эти процессы зарождаются несколько позже, чем в западноевропейской традиции, только в середине XIX века в трудах Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, В. Я. Проппа, М. К. Азадовского, С. В. Максимова, которые, впрочем, неоднократно подвергались критике современниками и продолжателями исследований в советский период. На сегодняшний день пути развития мифопоэтики тесно связаны с теоретическими трудами Е. М. Мелетинского, А. Ф. Лосева, Я. Э. Голосовкера, М. Н. Эпштейна и многочисленными практическими работами, которые делятся на две магистральные группы: изучение мифопоэтики в творчестве авторов-модернистов (работы Н. О. Осиповой, Г. П. Козубовской, Г. А. Токаревой) и в рамках индивидуально-авторского мифотворчества и сверхтекста (работы Н. В. Ковтун, А. Н. Безрукова, Э. Ф. Шафранского).

Мифопоэтика – преемница мифологической школы и герменевтики, но становится относительно них более комплексной, усложнённой, поскольку имеет в своей основе другие задачи, что отражено уже в самом названии. Задачи эти направлены не только на определение первоосновы мифологической системы книги, но на изучение влияния этой системы на поэтику, архитектуру произведения, оперируя в том числе понятием «авторский миф», «эпохальный миф», «событийный миф», «сверхтекст».

Список использованных источников

1. Гаврилюк, А. С. К вопросу о становлении мифологической школы в России / А. С. Гаврилюк // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки : сборник статей. Том 6 (90). – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2020. – С. 162–166.
2. Козубовская, Г. П. Середина XIX века: миф и мифопоэтика : монография / Г. П. Козубовская. – Барнаул : АлтГПА, 2011. – 318 с.
3. Мелетинский, Е. М. От мифа к литературе : учебное пособие / Е. М. Мелетинский. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 169 с.
4. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа : монография / Е. М. Мелетинский. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 480 с.
5. Найдыш, В. М. Философия мифологии. XIX – начало XXI в. : монография / В. М. Найдыш. – Москва : Альфа-М, 2004. – 544 с.
6. Низамиддинов, Д. Особенности русской мифологической науки XX века / Д. Низамиддинов, А. Сиярова // InScience. Общество и инновации. – 2020. – № 1. – С. 246–250.
7. Осипова, Н. О. Мифопоэтический анализ поэзии Серебряного века / Н. О. Осипова // Наука о литературе в XX веке. – 2001. – № 1. – С. 161–180.
8. Погребная, Я. В. Аспекты современной мифопоэтики : учебное пособие. Практикум / Я. В. Погребная. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2010. – 178 с.
9. Токарева, Г. А. Мифопоэтика У. Блейка : монография / Г. А. Токарева. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во КамГУ, 2006. – 350 с.

УДК 821.161.1

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ КАК ПРЕЗЕНТАНТ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ЛИРИКЕ В. С. ВЫСОЦКОГО

А. В. Рыбин,

*магистрант 2-го курса кафедры русской и зарубежной литературы, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Курьянов С. О., заведующий кафедрой русской и
зарубежной литературы, д. ф. н., профессор, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются способы реализации авторского художественного сознания в образе лирического героя поэзии В. С. Высоцкого. Выделяется три типа лирического героя, характерного для поэта: максимально близкий автору, традиционный и «скрытый». Одним из проявлений лирического героя является герой-максималист, бунтарь, который, обладая независимо точкой зрения, выступает против стадности, бездуховности, ратуя за нравственную чистоту и духовный рост. Важное место в поэзии Высоцкого занимает «ролевой» лирический герой, который может нести в себе и положительные, и отрицательные черты. Важными вариантами лирического героя являются герой-«волк» и герой-поэт-пророк. Утверждается, что лирический герой В. С. Высоцкого противопоставляет себя системе, окружению, которое часто бывает враждебным, проявляет стремление к духовному развитию, собственной независимости, трансформации жизненного уклада. Прослеживается эволюция лирического героя от героя-разбойника до поэта-пророка, которая направлена на освоение веры, обретения Бога и Божьего промысла в отношении собственного творческого и личностного предназначения.

Ключевые слова: поэзия, лирика, лирический герой, поэтический образ, герой-разбойник, герой-воин, герой-пророк.

Summary. The article examines the ways of realizing the author's artistic consciousness in the image of the lyrical hero of V. S. Vysotsky's poetry. Three types of lyrical hero characteristic of the poet are distinguished: the closest to the author, traditional and "hidden". One of the manifestations of the lyrical hero is a maximalist hero, a rebel who, having an independent point of view, opposes herd mentality, lack of spirituality, advocating for moral purity and spiritual growth. An important place in Vysotsky's poetry is occupied by the "role" lyrical hero, who can carry both positive and negative traits. Important variants of the lyrical hero are the "wolf" hero and the poet-prophet hero. It is argued that the lyrical hero of V. S. Vysotsky opposes himself to the system, the environment, which is often hostile, shows a desire for spiritual development, his own independence, and transformation of his way of life. The evolution of the lyrical hero is traced from a hero-robber to a poet-prophet, which is aimed at mastering faith, finding God and God's providence in relation to his own creative and personal destiny.

Key words: poetry, lyrics, lyrical hero, poetic image, hero-robber, hero-warrior, hero-prophet.

Развитие творчества В. С. Высоцкого во многом соотносится с течением литературного процесса 1960–1970-х годов, что проявилось в таких особенностях

произведений, как присутствие интертекстуальных элементов различной природы (классическая поэзия и проза, формулы и клише советской эпохи), живой разговорной речи, выразительность персонажей, а также острая сюжетность повествования. Художественный текст состоит из многочисленных эпизодов, относительно стабильных разноплановых фигур на фоне напряженного психологического развития героя.

Цель данной статьи – показать способы реализации авторского художественного сознания в образе лирического героя поэзии В. С. Высоцкого.

Лирический герой – это тип лирического субъекта, психологически завершённый, целостный образ-личность, отличительными чертами которой является общность индивидуальной авторской личности и единой судьбы народа, страны, эпохи [см.: 3, с. 109].

Условно в творчестве В. Высоцкого можно выделить три типа лирического героя:

1. Лирический герой, максимально близкий автору, в его образе прослеживаются явные автобиографические черты (*«Я к вам пишу», «Я все вопросы освещу сполна...», «Я был душой дурного общества...», «Я вырос в ленинградскую блокаду...», «В тот вечер я не пил, не пел...», «Я спросил тебя: “Зачем идете в гору вы?”...», «Я не люблю фатального исхода...», «Во хмелю слегка // Лесом правил я...», «Я вчера закончил ковку...», «Я при жизни был рослым и стройным...»*);

2. Собственно лирический герой, в традиционном понимании этого образа, без оговорок и спорных моментов (*«Нить Ариадны», «Мой Гамлет», «Кони привередливые»*);

3. «Скрытый» лирический герой (*«Охота на волков», «Песня микрофона», «Бег иноходца»*), в высокоцковедении получивший название ролевой маски лирического героя (ролевой – по форме, лирической – по содержанию).

Признавая определенную условность подобной классификации, отметим наличие для неё возможных оснований. Критерием для определения лирического героя может служить содержание поэтического образа. Подчас подсказкой в этом вопросе может выступить заглавие стихотворения. Если произведения ролевой лирики, как правило, имеют заглавие, в котором часто называется действующее лицо, то у лирических стихотворений оно в большинстве случаев отсутствует.

В своих интервью Высоцкий часто указывал, что основой его стихотворческого мироздания является человек, который принимает разные формы сознания: «Мне даже сложно назвать себя поэтом. <...> я в своих стихах рассказываю о том, что меня беспокоит в этой жизни. <...> Главное в моих песнях – это человек» [1, с. 1256].

Лирический герой Высоцкого максималист. Чаще всего дня него есть два цвета: белый и черный, которые никогда не смешиваются. Его не устраивает окружающая действительность, он пытается бунтовать, не смиряется, идет против большинства, которое все устраивает. У его героя конфликт и противостояние с окружающей действительностью, а нередко и с самим собой (*«Я не люблю уверенности сытой, / Уж лучше пусть откажут тормоза! / Досадно мне, что слово “честь” забыто, / И что в чести наветы за глаза»* [1, с. 256]).

Конечно же, такое восприятие действительности накладывает определенный отпечаток, поэтому окружение лирического героя часто бывает ему враждебным. Лирический герой бунтует против «стадности», он не хочет идти за толпой (*«И мне не навяжут чужих пассажиров – / Сажая в свой поезд кого захочу...»* [1, с. 156]). Ему нравятся такие, как он – самостоятельные одиночки, которых очень мало (*«Жаль, что редко их встретишь – одиночек, – / Славных малых и таких чудаков!»* [1, с. 256]).

Лирического героя можно считать «белой вороной», но в положительной коннотации. Обособление героя от окружающих («я / другие») – не об эгоизме, а о

стремлении к духовному росту и независимости личности («Сыт я по горло, до подбородка» [1, с. 291]).

Однако это независимость не ощущается, как полная свобода, потому что он не может изменить окружающую среду, он бессилен перед нравственной бездуховностью общества («Все в масках, париках – все, как один. / Кто сказочен, а кто – литературен. / Сосед мой справа – грустный арлекин, / Другой палач, а каждый третий – дурень» [1, с. 491]).

Это, конечно, выбор каждого («Что же, на право выбора / Каждый имеет право» [1, с. 129]), но от этого не легче, поэтому лирический герой хочет изменить тот жизненный уклад, который уже столько лет не меняется («Сколько лет, сколько лет / Всё одно и то же» [1, с. 654]).

Однако все начинается с изменений в себе. Мир будет меняться, если каждый для себя решит, кем ему быть («Все зависит в мире оном / От тебя от самого: / Хочешь – можешь стать Буденным, / Хочешь – лошадью его!» [1, с. 679]).

То, что люди не хотят противиться злу, претит ему. При этом, в понимании поэта, зло выступает не только в обличье негативных действий, но и в пассивности человека, который за своё безразличие будет наказан: «Но если жил ты как свинья, / останешься свиньёю!» [1, с. 546]. Но главное зло – подмена нравственных ориентиров, развращение общества, с чем не может примириться лирический герой Высоцкого («Живучий парень», «Она на двор, он со двора», «Забыли» и др.).

Образ лирического героя нередко идеализируется, что является следствием нежелания напрямую смешивать негативные черты персонажей произведений с образом автора. Следствием этого, возможно, и стало появление термина «ролевой герой». У Высоцкого есть произведения, в которых обнаруживается подобный «отрицательный» лирический персонаж («Меня ударило в озноб», «Дурацкий сон, как кистенем» и др.). Персонаж нескольких песен уголовно-уличной тематики схож с образом автора, в нем обнаруживаются отдельные черты, присущие лирическому типу сознания («Серебряные струны», «Если бы водка была на одного», «Большой Каретный»).

Однако при этом исследователи замечали, что «у Высоцкого дистанция между персонажем и автором гораздо короче» [2, с. 33], нежели у других поэтов. О. Ю. Шилина пришла к выводу, что *«несмотря на многообразие типажей и характеров в поэзии Высоцкого, в психологическом плане перед нами варианты одного типа героя – условно его можно назвать «героем действия». <...> Его образ складывается из множества «ролевых» и обеспечивает их внутреннее единство»* [4, с. 13].

При этом множество разграничений лирического героя сводятся к одному знаменателю – герой является человеком периферии, перед нами открывается герой-«волк», что наиболее полно раскрывается в знаменитой «Охоте на волков» (1968).

Герой-«волк» проявляется в разных модификациях. Так, например, в тексте «У меня было сорок фамилий» (1962 или 1963) в образе героя слиты и разбойник, и поэт (певец), и пьяница, в тексте «Еще не вечер» (1968) – моряк (пират), разбойник, воин («Штрафные батальоны», 1964), бродяга и т.д. Эти ролевые герои сливаются с героической сутью других, т.е. они продолжают и дополняются в героях-спортсменах, шахтерах и т.д.

Огромную роль в художественном пространстве В. Высоцкого играет поэтическое творчество и предназначение поэта. Стоит отметить, что образ поэта является первым воплощением его героя («День на редкость – тепло и не тает», «Про меня говорят: он, конечно не гений» и др.). Образ поэта является наиболее близким биографическому автору, наименее ролевым. Данное заключение обусловлено многочисленными отсылками к биографии В. Высоцкого в произведениях с образом

героя-поэта-певца-пророка («Из-за гор – я не знаю, где горы те», «Мне судьба – до последней черты, до креста» и др.).

Таким образом, лирический герой В. С. Высоцкого противопоставляет себя системе, окружению, которое часто бывает враждебным, проявляет стремление к духовному развитию, собственной независимости, трансформации жизненного уклада. Прослеживается эволюция лирического героя от героя-разбойника до поэта-пророка, которая направлена на освоение веры, обретения Бога и Божьего промысла в отношении собственного творческого и личностного предназначения. Все проявления лирического героя (герой-разбойник, герой-воин, герой-пророк, герой-поэт и др.) находятся во внутреннем единстве, что позволяет говорить о протейском типе лирического героя, который представляет собой «собрание голосов» своей эпохи. Данная особенность обусловила огромную популярность В. Высоцкого, так как в его произведениях отразились чувства и переживания современности, которые были близки читателям.

Список использованных источников

1. Высоцкий, В. С. Полное собрание сочинений в одном томе / В. С. Высоцкий. – Москва : Альфа-книга, 2017. – 1816 с.
2. Липовецкий, М. Н. «Нет, ребята, все не так!»: Гротеск в русской литературе 1960–80-х гг. / М. Н. Липовецкий. – Екатеринбург : АМБ, 2001. – 60 с.
3. Остапенко, И. В. Природа в русской лирике 1960–1980-х годов: от пейзажа к картине мира : монография / И. В. Остапенко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2012. – 432 с.
4. Шилина, О. Ю. Творчество Владимира Высоцкого и традиции русской классической литературы / О. Ю. Шилина. – Санкт-Петербург : Островитянин, 2009. – 224 с.

УДК: 82-1.111

ТАНАТОПОЭТИКА А. ВОЗНЕСЕНСКОГО: УЖАС ТЕЛА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОХОРОНЫ ГОГОЛЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА»)

Е. В. Тагильцева,

*магистрант 1-го курса кафедры русской и зарубежной литературы, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Беспалова Е. К., к. ф. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Осмысление конечности существования было предметом рефлексии человечества на протяжении многих веков. Попытки определить свой онтологический статус, постичь тайну инобытия, замедлить процесс, приближающий человека к смерти, – всё перечисленное подводило ученых различных областей научного знания к формированию отдельной дисциплины, в отношении которой с середины XIX века стали использовать понятие «танатология». В данной статье анализируется стихотворение А. Вознесенского «Похороны Гоголя Николая Васильевича» с позиций танатопэтики – литературного ответвления танатологии.

Цель исследования – обнаружить ключевые механизмы феномена ужаса, связанные с художественным изображением смерти в поэтическом тексте.

В основе методологии данной статьи лежит комплексный подход, включающий в себя мифопоэтический, герменевтический, рецептивный, психологический методы.

В ходе исследования были обнаружены мортальные мотивы на различных уровнях поэтического текста, а также установлена связь данных мотивов с онтологической проблематикой.

Ключевые слова: танатопэтика, смерть, танатология, Вознесенский, Гоголь, летаргия, миф, лирический субъект, похороны, точка зрения.

Summary. Understanding the finiteness of existence has been a subject of human reflection for many centuries. Attempts to define one's ontological status, to comprehend the mystery of other existence, to slow down the process that brings a person closer to death – all of the above led scientists from various fields of scientific knowledge to the formation of a separate discipline, in relation to which the concept of «thanatology» began to be used since the middle of the 19th century. The article analyses the poem by A. Voznesensky *The Funeral of Nikolai Vasilyevich Gogol* from the standpoint of thanatopoetics – a literary branch of thanatology.

The purpose of the study is to discover the key mechanisms of the phenomenon of horror associated with the artistic depiction of death in a poetic text.

The methodology of this article is based on a comprehensive approach that includes mythopoetic, hermeneutic, receptive, psychological methods.

During the study, mortal motives were discovered at various levels of the poetic text, and a connection between these motives and ontological issues was established.

Key words: thanatopoetics, death, thanatology, Voznesensky, Gogol, lethargy, myth, lyrical subject, funeral, point of view.

Результаты исследования. Термин «танатопэтика» предложил использовать австрийский славист Оге Ханзен-Лёве в 1993 году в работе «Танатопэтика Мандельштама» [9], однако четкой дефиниции данного понятия ученый не сформулировал. Опираясь на основные положения его труда, Р. Л. Красильников определяет танатопэтику как «дисциплину, изучающую способы репрезентации танатологической семантики, построения танатологических текстов или их фрагментов, влияние темы смерти на формальный строй произведения» [7]. Для Р. Л. Красильникова в его исследовании становится центральным мотивный комплекс, затрагивающий почти все уровни произведения: «идейно-тематический, пространственно-временной, персонажный, сюжетно-композиционный и другие» [6, с. 58].

С проблемой репрезентации такого непостижимого феномена, как смерть, связана смена точек зрения при описании интересующей нас пороговой ситуации: воспринимая смерть во временном аспекте, автор неизбежно сталкивается с потребностью выбора повествовательной инстанции. М. М. Бахтин выделяет такие стратегии изображения процесса умирания, как «смерть изнутри» и «смерть извне», между которыми, однако, «нет непроходимой бездны» [1, с. 334], что позволяет говорить также о другом варианте фокализации – «смерть извне, но изнутри», реализующемся при совмещении обеих точек зрения. Кроме того, подход к воплощению мортальной темы находится в зависимости от эпохи создания художественного произведения.

Р. Л. Красильников, обобщая обозначенные Ф. Арьесом варианты отношения к феномену смерти, склонен полагать, что их возможно свести к двум основным группам значений, реализуемым в парадигмах религиозного сознания (смерть как «сон», «продолжение жизни», «освобождение», «дверь», «порог») и секуляризованного сознания (смерть как «стена», «полное уничтожение», «физиологическое явление») [6].

По всей видимости, первая группа значений должна формировать представления со знаком плюс, в то время как вторая – со знаком минус. Однако не следует оставлять без внимания тот факт, что религиозное сознание порождает также круг явлений, ставящих под сомнение возможность «спасения». Одно из таких явлений в работе

Р. Отто «Священное» получает наименование «нуминозный ужас» и описывается как «*Mysterium tremendum*» (тайна, ввергающая в трепет) [8]. Второе же явление связано с боязнью Страшного суда, идеей возмездия после смерти и телесными муками.

Ввиду того, что смерть непредставима, страх вызывает не она сама как небытие, а смена статуса «живое / мертвое», то есть процесс умирания [4], сопровождаемый трансформацией тела. В стихотворении А. Вознесенского «Похороны Гоголя Николая Васильевича» с телесностью связано несколько мортальных мотивов: с одной стороны, это мотив изоляции и обездвиженности, а с другой – мотив посмертных изменений. В мифологизированной биографии Н. В. Гоголя наиболее сильно проступает пласт представлений о нем как о писателе, имевшем дело с inferнальным миром. Но еще более рельефно выделяется миф о погребении заживо.

В распространении домислов о характере смерти Н. В. Гоголя сыграли, во-первых, упоминание о летаргии в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (А. Вознесенский помещает фрагмент «Завещания» в качестве эпиграфа), а во-вторых, описание собственного опыта в другой главе этой же книги – «Исторический живописец Иванов»: «Клянусь, бывают так трудны положенья, что их можно уподобить только положенью того человека, который находится в летаргическом сне, который видит сам, как его погребают живого, и не может даже пошевелить пальцем и подать знака, что он еще жив» [3, с. 174]. Можно полагать, что А. Вознесенский при создании своего стихотворения опирался именно на приведенную в отрывке точку зрения человека, наблюдающего за собственными похоронами. Стоит сказать, что такой прием изображения кинематографичен. Так, в фильме Карла Теодора Дрейера «Вампир. Странное приключение Аллана Грея» имеется эпизод галлюцинаций главного героя, где он видит собственную смерть и похороны, описанные с ракурса мертвеца: «Режиссер фактически помещает в гроб зрителя, заставляя его наблюдать изнутри, как заколачивается крышка, как проплывают над его головой ветви деревьев и крыши домов, когда его несут на кладбище» [5, с. 41]. Сказанное справедливо и для рассматриваемого стихотворения.

Однако взгляд героя ролевой лирики, наблюдающего за собственным погребением, оказывается не единственным: имеется еще некий грамматически не обозначенный, внеличный субъект. Он постепенно сливается с маской Н. В. Гоголя, чье высказывание графически взято в кавычки. В тексте имеются маркеры, позволяющие идентифицировать его как живого, но изолированного от внешнего мира человека («Гоголь *думал* в гробу на спине», «Как беспомощно *знать и желать...*» и т. д.), однако наблюдаются также признаки разложения его тела: «*Вы вокруг меня стали в кольцо, / наблюдая, с какою кручиной / погружается нос мой в лицо, / словно лезвие в нож перочинный*». В связи со сказанным, можно предположить, что автор намеренно не обозначает статуса, занимаемого лирическим субъектом. Он находится на границе жизни и смерти, что дает ему основания для рефлексии над прожитым и настоящим. Данную рефлексию на протяжении всего стихотворения сопровождают образы, объединенные в комплекс «ужас-отвращение» и реализующие телесные мотивы: «*Плоть худую и грешный мой дух / <...> / заколачивает в сундук...*», «*Под Уфой затекает спина*», «*Мне впивается в шею комар*», «*Плоть живую я скрещивал с тлением*», «*Жизнь сквозь поры несетя в верхи*».

Кроме того, неоднократно как от внеличного субъекта, так и от маски Н. В. Гоголя, звучит укор в сторону обобщенного лирического «Вы», так называемых «соотечественников»: «*Вы живого несли по стране!*», «*Разве я некрофил? Это вы!*», «*Как вы любите слушать рассказ, / Как вы Гоголя хоронили*». Важно уточнить, что, упоминая некрофилию, А. Вознесенский возрождает внутреннюю форму слова и предлагает буквальное значение, не связанное с аспектами всяческих перверсий

(буквально «любовь к мертвому»). Сказанное подтверждает контекст: *«Любят похороны в России»*.

Для описания ужаса обездвиженного человека, находящегося в глубоком сне, автор привлекает ряд мотивов, к которым можно отнести афонию (*«летаргическая немота, / позабыть, как звучат слова...»*), тишину (*«Как доносится дождь через крышу, / но ко мне не проникнет, шумя...»*), незавершенность (*«Как беспомощно знать и желать, / что стоит недопитый стакан»*). Роль неявных мортальных мотивов играют также синтаксические средства выразительности: анафоры (*«Летаргическая Нева, / летаргическая немота»*, *«Летаргическая благодать, / летаргический балаган»*) и повтор одного и того же слова, создающего гипнотический эффект (*«спать, спать, спать...»*).

А. Вознесенский совмещает в данном стихотворении два модуса художественности – комический и трагический, отчего фигуры Танатоса то вызывают отвращение и ужас, то двусмысленную усмешку. Так, смерть профанизируется благодаря упоминанию неуместных действий и деталей: *«Вот одна подошла, поняла... / Нет, – сморкается!»*, *«Из-под фрака украли исподнее»*, *«Трое выпили на могиле»*. Однако позиция автора очевидна – «Вместо смеха открылся кошмар», и появление в тексте, построенном полностью в парадигме танатологической семантики, подобных образов говорит о чрезмерной неестественности восприятия смерти живыми. В финальной строфе стихотворения А. Вознесенский делает попытку, подобно самому Н. В. Гоголю в «немой сцене», открыть глаза на неприглядный облик смерти и шокировать читателя натуралистичностью: *«Вскройте гроб и застыньте в снегу. / Гоголь, скорчась лежит на боку. / Вросший ноготь подкладку порвал сапогу»*.

В заключение, анализ с позиции танатопэтики делает возможным восприятие поэтического текста в аспекте онтологической проблематики. Данный ракурс исследования затрагивает различные уровни художественного произведения, что говорит о его комплексном характере, позволяющем избегать односторонности изучения и широком охвате точек зрения на один и тот же объект. Помимо сказанного, можно указать на возможные перспективы исследования: танатопэтика применима к изучению русской поэзии XX века ввиду заикленности данной эпохи на трагических обстоятельствах, пошатнувших представления человечества о бытии, ценности жизни и незыблемости метафизических законов.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров. – Москва : Искусство, 1979. – 423 с.
2. Вознесенский, А. А. Собрание сочинений : в 3 т. / А. А. Вознесенский. – Москва : Художественная литература, – 1984. – 543 с.
3. Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. – Санкт-Петербург : Типография департамента внешней торговли, 1847. – 291 с.
4. Долгова, В. И. Экзистенциальный страх смерти / В. И. Долгова, Н. Г. Кормушина // Вестник ЮУрГПУ. – 2016. – №7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnyy-strah-smerti> (дата обращения: 09.03.2025).
5. Комм, Д. Е. Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов / Д. Е. Комм. – Санкт-Петербург : БХВ-Петербург, 2024. – 224 с.
6. Красильников, Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. Введение в литературоведческую танатологию / Р. Л. Красильников. – Москва, 2015.
7. Красильников, Р. Л. Танатопэтика в свете идей М. М. Бахтина / Р. Л. Красильников // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – №1 (22). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tanatopoetika-v-svete-idey-m-m-bahtina> (дата обращения: 04.03.2025).

8. Отто, Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 2008. – 272 с.
9. Hansen-Löve, A. A. Mandelscham's Thanatopoetics / A. A. Hansen-Löve // Readings in Russian Modernism : To honor Vladimir Fedorovich Markov. – Moscow : Nauka, 1993. – P. 121–122.

УДК 821.161.1

СИСТЕМА ИМЕННЫХ СВЕРХТЕКСТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. НАБОКОВА

Л. Р. Шмигельская,

*магистрант кафедры русской и зарубежной литературы, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Курьянов С. О., заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, д. ф. н., профессор, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Сверхтекстуальный аспект современного литературоведения – одно из актуальных научных направлений. Важнейшая проблема в его освоении связана с формированием типологии сверхтекста. Если специфика именного, топического и событийного текстов уже получила достаточно емкое теоретическое осмысление, то принципы выделения аксиологических типов вызывают интерес и порождают дискуссии. Особенности эстетических взглядов В. В. Набокова и его отношения к литературным соперникам не раз привлекали внимание набоковедов, однако прежде никогда не рассматривались в качестве группы формально-смысловых комплексов или системы именных сверхтекстов. Кроме того, не подвергались анализу и закономерности её организации, что составляет **цель** данной работы и определяет ее **научную новизну**. Достижение цели обусловлено использованием методик структурно-семантического анализа, а также элементов биографического и мифопоэтического подходов.

Ключевые слова: именной сверхтекст, биографический миф, авторская интерпретация, сакрализация, профанация, амбивалентный текст.

Summary. The supertextual aspect of modern literacy study is one of the current scientific fields. The main problem in its development is related to the formation of a typology of supertext. If the specifics of nominative, topical and eventful texts have already received a sufficiently extensive theoretical understanding, then the principles of identification of axiological types are interesting and give rise to discussions. The peculiarities of aesthetic views of V. V. Nabokov and his attitude towards literary rivals have often attracted the attention of Nabokov-researchers, but they have never before been considered as a group of formal complexes or system of nominal supertexts. In addition, the analysis and the pattern of its organization were not subjected to, which is the purpose of this work and determines its scientific novelty. Achievement of the goal is due to the use of methods of structural-semantic analysis, as well as elements of the biographical and mytho-poetic approach.

Key words: nominal supertext, biographical myth, the author's interpretation, secularization, profanation, ambivalent text.

Теория сверхтекста, основанная В. Н. Топоровым в 1984 году [9], активно развивается в течение нескольких последних десятилетий. Н. А. Купина и

Г. В. Битенская [1], Н. Е. Меднис [6] и А. Г. Лошаков [5], а также сообщество крымских учёных [2] предложили собственные трактовки и классификации данного феномена. Для настоящей статьи методологически важными представляются, в частности, работы В. В. Курьяновой о толстовском мифе в русской литературе [см., напр.: 3; 4].

С учётом накопленного теоретического опыта свертхтекст идентифицируется нами сегодня как «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [2]. А. Г. Лошаков обозначил три разновидности ассоциативно-смыслового свертхтекста. В центре каждой из них находится прецедентное место, событие или имя, образующее вокруг себя миф, по-разному интерпретируемый авторским замыслом [5, с. 51]. Однако для создания объективной типологии, характеризующей каждый из названных видов, необходимо привлечение большого количества художественных и публицистических произведений, обладающих свертхтекстовыми характеристиками. Наиболее продуктивным материалом для исследования является творческое наследие Владимира Набокова по причине его литературоцентричности и бесспорной оригинальности персонических мифообразов.

В. В. Набоков на протяжении всей жизни стремился систематизировать русских классиков, расположить их согласно личной иерархии, которая нашла отражение не только в его лекциях, рецензиях или эссе, но и непосредственно в художественных текстах. Свой «пантеон» великих писателей он представил следующим образом: «Оставляя в стороне Пушкина и Лермонтова, всех великих русских писателей можно выстроить в такой последовательности: первый – Толстой, второй – Гоголь, третий – Чехов, четвертый – Тургенев» [8, с. 219]. В дополнение к этой неординарной градации он обозначил и тех сочинителей, которые, по его мнению, её замыкают: «Похоже на выпускной список, и разумеется, Достоевский и Салтыков-Щедрин со своими низкими оценками не получили бы у меня похвальных листов» [8, с. 219].

Абсолютным гением русской литературы, находящимся вне любых классификаций, для Набокова является А. С. Пушкин. Пушкинский текст, базирующийся исключительно на сакральном мифе, служит ещё и видообразующим элементом в системе персонических текстов автора, поскольку каждый из них формируется в сравнении и в соответствии с ним. Миф о Пушкине не просто поддерживается Набоковым, но и дополняется посредством введения новых компонентов. Поэт нередко оживает на страницах набоковских произведений. Например, лирический герой стихотворения «Петербург» с помощью сновидений устремляется в прошлое, чтобы встретиться с ещё не погибшим поэтом «Но иногда во сне я слышу звуки / Далекие, я слышу, как в раю / О Петербурге Пушкин ясноглазый / Беседует с другим поэтом...» [10, Т. 1, с. 598]. Перемещение персонажей в метафизическое пространство позволяет Набокову озвучить воспоминания не только героя, но и самого Пушкина. Он выделяет те «крылатые мелочи», которые составляют Пушкинский автомиф: Летний сад, снег, любовные свидания, женитьба, дуэль. Альтернативный перечень мифических формул автор приводит и в стихотворении «Толстой», размышляя о господстве Пушкинской «эпопеи» над ещё не окрепшей Толстовской легендой: «...скала, морская пена... Слово “Пушкин” / стихами обрастает, как плющом, / и муза повторяет имена, / вокруг него бряцающие: Дельвиг, / Данзас, Дантес, – и сладостно-звучна / вся жизнь его, – от Делии лицейской / до выстрела в морозный день дуэли» [10, Т. 2, с. 592]. Однако в набоковской интерпретации бытие стихотворца не ограничено жизнью – его образ дробится на десятки мифов, беспрестанно пульсирующих в читательской памяти. Так мифологема о смерти поэта приобретает иное значение. Герои романа «Дар», оставаясь в границах реального хронотопа, встречают в театре выжившего Пушкина, «вступившего в роскошную осень своего гения» [10, Т. 4, с. 284]. Аналогичное отсутствие смерти отличает и набоковский

миф о Л. Н. Толстом, который по воле автора сворачивает со станции в «неведомую сторону» и исчезает из поля зрения. Многие герои набоковской прозы проявляются за счёт корреляции с Пушкиным: авторские симпатии и антипатии зачастую продиктованы их отношением к творчеству непревзойдённого гения. Именно Пушкин является индикатором личностной и творческой ценности человека в художественном мире В. В. Набокова. Это положение даёт основание для детерминации Пушкинского текста в качестве эталона авторской сакрализации или персонического *архитекта*. Помимо Пушкина в данную категорию мифических сверхгероев Набокова входят прозаики А. П. Чехов и Л. Н. Толстой, а также поэты Ф. И. Тютчев и Н. С. Гумилёв.

Антиподом А. С. Пушкина в сфере литературы Набоков всегда считал Ф. М. Достоевского, прямо высказывая в многочисленных лекциях непреодолимое желание его «развенчать». Кроме того, с его точки зрения, подлинную известность и читательское признание автору принесла речь о Пушкине, что, с одной стороны, обесценивает его творчество, а с другой, – укрепляет превосходство поэта, чья бессмертная слава на мгновение осенила и такого откровенно «бездарного» литератора. Миф о нём в художественном тексте Набокова деформируется до комичной неузнаваемости, образуя так называемый *антитекст*. Сам Достоевский во всех произведениях пребывает в прошлом и лишь упоминается героями как абстрактная историческая фигура. Таковы посвященные ему стихотворения, а также романы «Защита Лужина» и «Пнин». Достоевский – отвергнутый Богом писатель [10, Т. 1, с. 511], привлекающий внимание лишь болезненного Лужина и малообразованного президента Пура. Наиболее зримое воплощение его образа принадлежит уже названному роману «Дар», где обезумевший от страха писатель обращается за помощью к Чернышевскому и просит прекратить революционные поджоги: «Между тем Достоевский прибежал. Прибежал к сердцу черноты, к Чернышевскому, и стал истерически его умолять приостановить все это» [10, Т. 4, с. 444]. Мифологема о священной болезни трансформируется в мифологему о сумасшествии, а нейтрально окрашенный в воспоминаниях Чернышевского эпизод знакомства его с Достоевским открыто профанируется и превращается в фарс. Сам Н. Г. Чернышевский тоже включается в группу писателей-антигероев Набокова, дополняемую М. Горьким и Б. Л. Пастернаком.

Однако не все персонические тексты соответствуют одному аксиологическому вектору. Некоторые из них, как ни парадоксально, складываются на границе сакрального и профанного. Такие своеобразные авторские конструкторы мы именуем амбивалентными текстами или рецептивными *амбитекстами*. Большинство непререкаемых национальных героев, от Н. В. Гоголя и И. С. Тургенева до А. А. Блока и И. А. Бунина, получило двойственную оценку в репрезентации В. В. Набокова. «Николай Гоголь – самый необычный поэт и прозаик, каких когда-либо рождала Россия» [9, Т. 1, с. 403], – заявлял писатель в одноименном произведении. И все же, вопреки обаянию Гоголя, Набоков опасался его влияния и «старался ничему у него не учиться» [7, с. 222]. Корень противоречивого отношения к автору лежит в основе биографического мифа, однако Набоков сознательно доводит контрастные черты его до гротеска. Сравнение с крысой в «Приглашении на казнь» вызвано не только физиономическим сходством, но и особенностями его темперамента. Это животное в фольклорной традиции сочетает природную древнюю мудрость с верным служением низшей демонологии. Столь же отчётливая дуальность сознания носит у Гоголя перманентный характер. Его жажда истины и пристрастие к обману, нарочитая комичность и скрытый трагизм, интерес к оккультизму и фанатичная набожность, – всё это признаки духовной раздробленности, мучившей писателя до конца его дней. Вершиной гоголевского творчества Набоков считал «Петербургские повести», выделяя двух лучших его персонажей: живот – «предмет обожания» Гоголя и нос – уникальный

«герой-любовник». Неудивительно, что смерть сочинителя в романе-эссе «Николай Гоголь» сопровождается гибелью спутников его одинокой загадочной музыки: «Желудок всегда был самым знатным внутренним органом писателя, но теперь от этого желудка, в сущности, ничего не осталось, а с ноздрей свисали черви» [9, Т. 1, с. 404–405]. Автор-творец и эмпирический автор находятся в неразрывной связи друг с другом, поэтому отказ от причудливых образов, составляющих набоковскую мифологию «Гоголь – гений трагического абсурда», а затем переход к аскетизму и проповедничеству приводят к утрате писательского дара, влекущей за собой летальный исход. Гоголь в мифическом представлении Набокова – печальный пример самобытного художника, изменившего себе и погубившего свой талант.

Обособленную позицию в нашей классификации занимает текст о самом В. В. Набокове. Автор, придававший большое значение иерархизации русских писателей, не мог не определить в ряду корифеев место для себя и своего творчества. По этой причине он долгие годы педантично и последовательно творил миф о себе, постепенно преобразуя его в *автотекст*. Это и мимолётное упоминание Сирина в стихотворении «К Кн. С. М. Качурину», символизирующее разрыв писателя с русскоязычной литературой, и проникновение в художественную действительность романа «Пнин», где Набоков не только видный представитель русского зарубежья, но и полноценный участник событий, взаимодействующий с другими героями. Альтер-эго писателя воспринимается ими как всесторонне образованный человек, тонкий ценитель словесного искусства и справедливый литературный критик. Даже Пнин, оскорбленный Набоковым, в письме к Боголеповой называет его «гением». Это неожиданное признание знаменует метафорическое преклонение героя перед своим создателем. И наконец, нельзя не учитывать четыре варианта автобиографии, во многом идеализирующей образ Набокова – писателя, учёного и человека. Уровень выразительности его эссеистики и критических очерков настолько высок, а эстетическая функция так очевидна, что нет никаких оснований отказывать набоковским исследованиям в художественности.

Неохотно признавая творческое родство с некоторыми из литературных предшественников, Набоков старался максимально ограничить чужеродное воздействие на собственный текст. При этом, допуская интертекстуальные связи, он тщательно выбирал мифических «собеседников», достойных разделить с ним легендарную вечность. Набоков без сомнений ставит своё имя рядом лишь с одним именем – «А. С. Пушкин». Только в его прославленной биографии он упорно ищет отзвуки собственной жизни, только с ним ведёт равноправный, межвременной и живой диалог. Прочие имена великих писателей соседствуют с именами его персонажей, меняют их судьбы, определяют мировоззрение, преображают или дискредитируют. Как видим, набоковская иерархия русских писателей и поэтов, входя в художественное пространство, встраивается в систему персонических текстов. А многообразие их структурно-семантических и функциональных реализаций позволяет сформировать универсальную типологию для анализа ассоциативно-смысловых сверттекстов.

Список использованных источников

1. Купина, Н. А. Сверттекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек – текст – культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург, 2004. – С. 215–222.
2. Курьянов, С. О. Актуальные вопросы теории сверттекста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловой сверттекст / С. О. Курьянов, Н. П. Иванова, В. В. Курьянова // Litera. – 2022. – № 11. – С. 125–136. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39200 (дата обращения: 20.07.2024).

3. Курьянова, В. В. Толстовский текст в поэме Д. Бурлюка «Великий кроткий большевик» / В. В. Курьянова // Наука и школа. – 2021. – № 3. – С. 11–22.
4. Курьянова, В. В. Толстовский текст в творчестве А. Белого / В. В. Курьянова // Сибирский филологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 86–98.
5. Лошаков, А. Г. Об авторской парадигме свертхтекстов / А. Г. Лошаков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 71. – С. 50–57.
6. Меднис, Н. Е. Свертхтексты в русской литературе / Н. Е. Меднис. – Новосибирск : НГПУ, 2003. – 170 с.
7. Мельников, Н. Г. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Н. Г. Мельников. – Москва : Издательство Независимая Газета, 2002. – 704 с.
8. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. – Санкт-Петербург : Издательская группа «Азбука-классика», 2010. – 448 с.
9. Набоков, В. В. Собрание сочинений американского периода в 5 т. / В. В. Набоков ; пер. с англ. С. Ильина, А. Кононова. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2009.
10. Набоков, В. В. Собрание сочинений русского периода в 5 т. / В. В. Набоков ; сост. Н. Артеменко-Толстой. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2009.
11. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров // Избранные труды. – Санкт-Петербург : Искусство «СПБ», 2003. – 616 с.

ТЕЗИСЫ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

УДК 821.161.1

КОНЦЕПТ «ВЫСШИЙ РАЗУМ» В ЦИКЛЕ «МИР ПОЛУДНЯ» А. И Б. СТРУГАЦКИХ

И. Б. Аксенов,

*обучающийся 4-го курса кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Иванова Н. П., д. ф. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Творчество Аркадия и Бориса Стругацких занимает уникальное место в мировой научной фантастике, сочетая глубокий философский анализ с социальной критикой и прогностическим видением будущего. Их произведения, созданные в условиях идеологических ограничений советской эпохи, стали не только культурным феноменом, но и площадкой для осмысления ключевых вопросов человеческого существования: природы разума, границ прогресса. В этом контексте концепт «Высший разум» выступает одной из центральных категорий, сквозь призму которой авторы исследуют диалектику познания и власти, свободы и контроля, утопии и антиутопии.

Актуальность изучения данного концепта обусловлена его многогранностью: «Высший разум» у Стругацких – это не только метафора внеземного интеллекта, но и инструмент рефлексии над пределами человеческого понимания, ответственностью науки и рисками технологической экспансии. В условиях современных дискуссий об искусственном интеллекте, биоэтике и антропоцентризме идеи Стругацких

приобретают новое звучание, что делает их анализ значимым для междисциплинарных исследований на стыке литературы, философии и футурологии.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении концепта «Высший разум» не только как сюжетообразующего элемента, но и как философской категории. В отличие от предыдущих исследований, акцентировавших внимание на технологических или социальных аспектах творчества Стругацких, данная работа фокусируется на гносеологическом измерении их прозы, выявляя, как взаимодействие с «иным разумом» становится метафорой познавательных границ человека

Целью данного исследования является анализ форм реализации концепта «Высший разум» в цикле А. и Б. Стругацких «Мир Полудня», выявление его ключевых функций и трансформации в контексте изменения авторского мировоззрения.

Методы исследования: сравнительно-исторический анализ текстов, структурно-семантический подход к интерпретации ключевых образов, а также элементы нарратологии для изучения сюжетных коллизий.

Результаты исследования. В ранних произведениях Стругацких, таких как повесть «Страна багровых туч» (1959) и цикл «Мир Полудня» (1960-е гг.), концепт «Высший разум» тесно связан с идеей утопического будущего, где человечество, объединенное коммунистическими идеалами, выступает активным творцом космической истории. Здесь «Высший разум» не персонифицирован: он проявляется как коллективный разум прогрессивного общества, способного к экспансии космоса и этическому осмыслению своей миссии.

В повести «Страна багровых туч» эта идея воплощается в образе экипажа планетолета «Хиус», который, исследуя Венеру, провозглашает Урановую Голконду «собственностью человечества». Данный акт символизирует не столько колонизаторский импульс, сколько веру в гуманистическую миссию человечества как носителя разума, призванного преобразовывать вселенную. Важно, что «Высший разум» в этом контексте не противостоит людям – он растворен в самой идее коммунистического проекта, где технологический прогресс и моральное совершенство идут рука об руку.

Цикл «Мир Полудня» развивает эту концепцию, создавая образ общества будущего, где «Высший разум» становится синонимом научно-технической и этической зрелости человечества. В утопическом мире XXII века отсутствуют социальные противоречия, а главной задачей становится познание законов мироздания и контакт с иными цивилизациями. Однако уже здесь проявляется двойственность: переход от утопии к «синтетическому мировосприятию» (термин авторов) подразумевает не только триумф разума, но и осознание ответственности за использование своих сил.

Ключевым аспектом освоения космоса становится его идеологизация. Если в традиционной фантастике «Высший разум» часто ассоциировался с внеземными цивилизациями, то у А. и Б. Стругацких он изначально имманентен самому человечеству. Это отражено в диалогах персонажей, где освоение планет трактуется как этап духовной эволюции: «Мы, экипаж советского планетолета “Хиус”, именем Союза Советских Коммунистических Республик объявляем Урановую Голконду со всеми ее сокровищами собственностью человечества!» [7, с. 123].

Эта декларация, несмотря на внешний пафос, содержит важный подтекст: «сокровища» Вселенной принадлежат не отдельным государствам или корпорациям, а человечеству как единому субъекту, что подчеркивает этическую составляющую «Высшего разума».

Однако в рамках цикла «Мир Полудня» намечается и критика утопических идеалов. По мере развития сюжетов авторы начинают исследовать риски стратификации общества: даже в идеальном мире возникают конфликты между

«контактёрами» (теми, кто взаимодействует с иными мирами) и обычными гражданами. Это становится предвестием будущей трансформации концепта: «высший разум» перестает быть гарантом гармонии, превращаясь в силу, требующую постоянного этического контроля.

Вывод. Таким образом, концепт «Высший разум» в цикле А. и Б. Стругацких «Мир Полудня» выступает как проекция коллективного гуманизма, где технологическое могущество неотделимо от моральных императивов. Однако уже здесь закладываются основы для последующей деконструкции утопии: вера в безусловный прогресс начинает соседствовать с вопросами о цене этого прогресса и границах человеческого вмешательства в мироздание.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки славянских культур, – 2006. – 910 с.
2. Воркачев, С. Г. Культурный концепт и его значение / С. Г. Воркачев // Труды КГУ. Сер.: Гуманитарные науки. – Т. 17, вып. 2. – Краснодар, 2003. – С. 34–50.
3. Зусман, В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания / В. Г. Зусман // Вопросы литературы. – 2003. – 188 с.
4. Зусман, В. Г. «Вникание / вчувствование» как концепт австрийской культуры / В. Г. Зусман // Вопросы филологии. – 2004. – № 1 (16). – С. 53–57.
5. Новейший философский словарь. – Минск, 1999. – С. 331.
6. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : ВГУ, 2001. – 313 с.
7. Стругацкие, А. и Б. Страна багровых туч / А. и Б. Стругацкие. – Москва : АСТ, 2019.

УДК 82.161.1

ВОДЕВИЛИ А. А. ШАХОВСКОГО В СИСТЕМЕ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

И. В. Александрова,

*доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и
зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Введение. Как отмечал Ю. Н. Тынянов, «в эпоху разложения какого-нибудь жанра он из центра перемещается на периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин всплывает в центр новое явление» [2, с. 257–258]. Таким явлением в 1820–1830-е годы становится водевиль, потеснивший традиционную комедию с ее архаичной пятиактной формой. Несмотря на его популярность в русской культуре XIX века, отношение к нему литературоведов долгое время было пренебрежительным. К пьесам данного жанра часто предъявляются требования, противоречащие самой его природе, авторов водевилей упрекают в развлекательности, уходе от изображения социальных проблем. Однако водевиль – это не сатирическая комедия, он строится по другим законам. Это жанр иной, нежели комедия, модальности, что следует учитывать при его анализе.

Цель данного исследования – изучение жанра водевиля в творчестве его родоначальника на русской почве – А. А. Шаховского (1777–1846).

Задачи исследования: 1) проанализировать конфликт, сюжет, ведущие мотивы водевилей драматурга; 2) описать разные модификации водевильного жанра в творчестве Шаховского; 3) определить роль его водевилей в развитии русской драматургии XIX века.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: культурно-исторический, герменевтический, структурно-семантический.

Результаты исследования. Зарождение русского водевиля относится к 1810-м годам. У его истоков стоял А. А. Шаховской. Его отношение к жанру водевиля было неоднозначным: по его мнению, эти «театральные безделицы», не способствуя нравственному воспитанию публики, открывали широкие возможности для проявления актерского мастерства, импровизации, синтезировали элементы других жанров, других видов искусства – музыки, хореографии.

Шаховской создал первые образцы водевиля на русской сцене: «Казак-стихотворец» (1812), «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец» (1814), «Крестьяне, или Встреча незваных» (1814). «Пьесы водевильного строения, создававшиеся им, намечали линию развития от комической оперы к будущей комедии» [4, с. 36]. Жанр их был определен автором как «опера-водевиль» и совмещал специфические свойства формально близких жанров комической оперы и водевиля. В первом драматург выделял «быстроту в ходе и гораздо более действия, чем разговора» [1, с. 201], а во втором – острые диалоги и куплеты.

В первых операх-водевилях Шаховского ощущается его интерес к национально-исторической тематике. Их сюжеты основаны на «анекдотических» случаях из жизни реальных людей – Ломоносова, поэта-казака Климовского, на реальных фактах из истории России. На первый план выходят не любовные перипетии, а фигура поэта. «Казак-стихотворец» Климовский – участник Полтавской битвы, автор патриотических песен, получивших всенародное признание. Сходно решается тема поэтического творчества и в «Рекруте-стихотворце»: Ломоносов горд тем, что как поэт способствует славе Отечества. Эти пьесы стали итогом размышлений Шаховского о роли поэзии в жизни.

В форме оперы-водевиля нашли отражение и события войны 1812 года. В пьесе «Крестьяне, или Встреча незваных» на сцену выведен народ. В качестве средств для его характеристики Шаховской использовал арии – стилизации под народные песни, насытил речь героев пословицами и поговорками, призванными показать моральное превосходство крестьян над теми, кто, побывав за границей, «выучился любить все нерусское» [3, с. 9]. Настроение крестьянской общины выражено в словах старосты: «...Ежели всякий будет стоять за свою церковь, за свою деревню, за своего помещика, то недолго кутить неприятелю» [3, с. 33].

В основу оперы-водевиля «Актер на родине, или Прерванная свадьба» (1819) также положен «анекдотический» случай из жизни реального лица – придворного актера Шумского. Приехав в Малороссию на свадьбу своей родственницы, он вынужден мирить родителей невесты и жениха, ведущих тяжбу за спорную землю. Чтобы вразумить их, актер читает сцены из пьес Мольера и Расина. Так реализуется просветительский взгляд Шаховского на театр как действенное средство оздоровления нравов. Мысль о высокой миссии театра воплощается в водевилях «Федор Григорьевич Волков», «Бенефициант», «Первое апреля». Мотив театра получает и иносказательное звучание: светская жизнь гротескно уподобляется театру, кукольному спектаклю («Восковые фигуры» (1825)).

В жанре водевиля нашел отражение и интерес драматурга к национальному фольклору. Куплеты ряда водевильных персонажей (Маруси в «Казаке-стихотворце», Вариньки и Марины в «Украинской невесте» и др.) стилизованы под народные песни. Водевиль «Ивановщина, или Именины Пращура» (1832) представляет собой драматургическую зарисовку народных обрядов, связанных с празднованием Иванова дня, Ивана Купалы. В «песенном водевиле» «Старинный русский быт» (1821)

воссозданы народные игры, гадания, а реплики персонажей заменены песнями-стилизациями.

Собственно водевили у Шаховского отличаются от опер-водевилей и комедий-водевилей большей компактностью действия, интенсивностью развертывания интриги, ускоренным темпом. Особая роль принадлежит куплету, тогда как для комедий-водевиля («Женщина-полковник», «Песня, или Конторское приключение») характерно некоторое ослабление его функции, превращение во вставной номер, который можно изъять без ущерба для событийной стороны пьесы.

В творчестве Шаховского появляются и другие жанровые модификации: «водевиль-балет» («Девкалионов потоп, или Меркурий-предъявитель»), «праздник-водевиль» («Еще Меркурий, или Романый маскарад»), «дивертисмент-водевиль» («Братский пир на бывшем рубеже») с элементами «великолепного спектакля» (песнями, танцами, превращениями с использованием машин), обеспечивающими пьесам яркую зрелищность.

Ряд пьес Шаховского демонстрирует сближение водевиля с мелодрамой («Бандит, или Разбойник на бале» (1830), «Запорожские казаки» (1827)).

Многие водевили Шаховского («Новый Бедлам» (1818), «Два учителя» (1819), «Игнаша-дурачок» (1820)) – переделки пьес французских драматургов, среди них отдается предпочтение Э. Скрибу, произведениям которого свойственно виртуозное построение сюжета без глубокой разработки характеров. Эти водевили близки к «легкой» комедии, воспроизводят стиль поведения представителей дворянской среды. Шаховского привлекают внешняя занимательность интриги, смена психологических состояний героев.

Вместе с тем Шаховской предпринимает попытки сообщить водевилю серьезную проблематику, что сближает его с сатирической комедией. Так, в «Актере на родине» обличается взяточничество судейских чиновников, в пьесе «Два учителя» поднимает вопрос о дворянском воспитании, в «Живых картинах» – о подражании иностранным образцам. В водевилях нашли отражение общественно-политические взгляды Шаховского («Крестница» (1836)). Традиционно действие в водевилях концентрировалось вокруг любовного конфликта. У Шаховского любовная интрига либо ослаблена («Восковые фигуры», «Первое апреля», «Песня, или Конторское приключение»), либо вовсе отсутствует («Бенефициант», «Митавская ярмарка», «Притчи, или Эзоп у Ксанфа»). В насыщении водевиля серьезной проблематикой проявилось стремление писателя приспособить водевиль для выражения значимых идей и дидактических целей.

Выводы. Таким образом, водевиль Шаховского отразил ориентацию автора как на западноевропейскую литературную традицию, так и на традиции народной смеховой культуры, национального фольклора, русской литературы XVIII века. Водевиль Шаховского зачастую сближается с другими жанрами: комедией (сатирической и «светской»), комической оперой, мелодрамой. Драматург проявил себя экспериментатором в области формы, что нашло выражение в многообразии жанровых модификаций водевиля. Шаховской осуществил попытки приспособить водевильную форму для выражения своих социально-эстетических воззрений, а также для полемических выступлений, обретающих большую действенность в драматургической форме.

Список литературы

1. Шаховской, А. А. «Опрокинутые повозки», французская комическая опера в 2 д. / А. А. Шаховской // Драматический вестник. – 1808. – № 25. – С. 201–203.
2. Тынянов, Ю. Н. Литературный факт. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Наука, 1977. – С. 255–270.

3. Шаховской, А. А. Крестьяне, или Встреча незваных. Опера-водевиль в 2 д. / А. А. Шаховской. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. театров, 1815. – 62 с.
4. Янковский, М. О. Стихотворная комедия конца XVIII – начала XIX в. / М. О. Янковский. – Москва ; Ленинград : Сов. писатель, 1964. – С. 5–66.

УДК 82.091

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. И. Гончарова,

*аспирант 2-го курса кафедры русской и зарубежной литературы, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Курьянов С. О., заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, д. ф. н., профессор, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В современном литературоведении существенным вопросом, затрагивающим взаимодействие литературы и социума, можно считать проблему распространения и осмысления фантастики.

Само направление во всех проявлениях (научная, сказочная, мифологическая и так далее) литературоведами относится в разряд «развлекательной» [3], о чем упоминает М. Б. Раренко в исследовании художественного произведения как социального инструмента. При этом в исследовательской работе Ю. С. Коробейниковой отмечается, что «*в настоящее время нет общепринятого теоретико-литературного определения фантастики*» [2].

Поэтому **целью данного исследования** является переосмысление роли направления в литературном процессе, а также популяризация лучших произведений фантастического жанра (от произведений о героях греческих мифов, спасающих мир от чудовищ, до книг о героях космоса, покоряющих Вселенную), которые более соответствуют гуманистическому направлению, чем фэнтези, пропагандирующее феодализм, пессимизм и духовную деградацию.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: культурно-исторический метод, сравнительно-исторический метод, историко-типологический метод.

Результаты исследования. От фантастического направления литературоведение отворачивается с появлением реализма, однако ранее произведения по типу «Микромегас» или «Кандид» французского философа-просветителя и прозаика Вольтера считались высокой литературой.

Более того на данный период времени развлекательная беллетристика – А. Дюма у французов, В. Пикуль в России – считаются более «высокой» литературой: в ней отсутствуют чудеса – значит, она ближе к «правде».

В основном фантастика делится на «научную» (модуляция будущего, технологии, космические корабли и т.д.) и «фэнтезийную» (волшебники, условный средневековый магический мир, сказочные персонажи и т.д.).

Активное развитие научной фантастики традиционно относят к концу XIX – началу XX века, её основателями и популяризаторами становятся писатели Жюль Верн, Герберт Уэллс, отчасти Эдгар Алан По.

Однако некоторые ответвления направления – например, утопии – возникают в XV–XVI веках: к примеру, «Утопия» Томаса Мора, «Город Солнца» Томмазо

Кампанеллы, фантастика Сирано де Бержерака и Франсуа Рабле («Гаргантюа и Пантагрюэль»).

Попытку прогнозирования и моделирования будущего предпринимает Джонатан Свифт в сатирическом романе «Путешествие Гулливера», предсказывая открытие двух спутников Марса изобретение механического калькулятора и развитие биоэнергетики [4].

В России востребованность научной фантастики растет в 20-е годы XX столетия, но спустя десятилетие направление претерпевает метаморфозу, впоследствии ставшей литературным достижением СССР, – появляется альтернативная военная фантастика.

В советское время «научную» ставили выше, так как она соответствовала общественным идеалам, звала к звёздам и к формированию общественных отношений, направленных на развитие индивидуума. Нынешняя же ориентация на сказку-фэнтези с привлекательностью феодальных отношений вассалов и сюзеренов свидетельствует о деградации как общества, так и его литературы. Сейчас научное направление активно подменяют псевдонаучным: в произведениях описаны Галактические Империи, космические корабли, освоение Вселенных, но с достижениями науки сосуществуют бароны, герцоги, короли и рабы. А фэнтези продолжает описывать условный средневековый сословный мир с королями, дворянством и рабством.

Очевидна необходимость объяснения и исправления сложившейся ситуации, и в этом ведущая роль литературоведения, и прежде всего литературной критики несомненна. Но общее падение уровня культуры, коммерциализация литературно-критических жанров, появление нуль-литературы уводит взгляд критиков и ученых от фантастического направления в литературе.

Также несомненна консервативность современного литературоведения, а доказательство – статистика известных российских научных электронных библиотек, где по поисковому запросу выдается тысячи исследований по классическим произведениям русской литературы и практически никаких статей, связанных с научно-фантастической литературой.

Выводы. Фантастика является важнейшим направлением литературы, наследницей, по мнению выдающегося советского писателя И. А. Ефремова, произведений приключенческого жанра, способствующим формированию романтических устремлений и призванным оказать благотворное влияние на общество, поскольку у традиционного реализма *«более узкий, более детальный взгляд, и хотя он и глубокий, но без достаточной перспективы. Тут есть опасность утраты не только широты, но и обещания, которое сулит жизнь»*.

Фантастическая литература даёт *«надежду мечты»*, без которой *«сама жизнь невозможна»* [1].

Список литературы

1. Брандис, Е. П. Жизнь ученого и писателя / Е. П. Брандис. – URL: <http://www.i-efremov.ru/Publicism/VL78-02-1.htm> (дата обращения: 21.10.2023).
2. Коробейникова, Ю. С. О фантастике и фантастической литературе / Ю. С. Коробейникова // МНКО. – 2022. – № 6 (97). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-fantastike-i-fantasticheskoy-literature> (дата обращения: 21.10.2023).
3. Раренко, М. Б. Литература как социальный инструмент / М. Б. Раренко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – Вып. 9 (851). – С. 228–237.
4. Свифт, Дж. Путешествия Лемюэля Гулливера / Джонатан Свифт ; ком. В. Рака, И. Чекалова. – Москва : Гос. фирма «Полиграфресурсы» ; Харьков : СП «Фолио», 2002. – 508 с.

ФОНОГРАММЫ КАК ОРИГИНАЛЬНЫЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ В ПЬЕСЕ А. Н. АРБУЗОВА «ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА»

М. С. Горб,

*обучающаяся 3-го курса кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Александрова И. В., д. ф. н., профессор кафедры
русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Пьеса А. Н. Арбузова «Победительница» (1983) является одним из ярких образцов советской драматургии второй половины XX века. Авторское видение нравственных ценностей и человеческих отношений определяет в ней выбор комплекса художественных средств. Среди них важнейшую роль драматург отводит такому оригинальному приему, как включение в текст зафиксированных ремарками фонограмм, которые пока не получили серьезного литературоведческого осмысления. Этот факт обуславливает актуальность данной работы.

Целью исследования является определение авторской позиции, воплощенной в пьесе А. Н. Арбузова «Победительница» посредством применения фонограмм. Для реализации намеченной цели поставлены следующие **задачи**: 1) исследовать содержание используемых фонограмм и проанализировать их роль в создании психологической атмосферы, эмоциональной нагрузки, внутреннего мира персонажей; 2) определить смысловые коннотации и символические значения, связанные с использованием фонограмм в контексте пьесы; 3) выявить и сформулировать авторскую позицию, реализованную в пьесе через систему фонограмм.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: культурно-исторический, структурный, метод целостного анализа художественного текста.

Результаты исследования. Сюжет пьесы облечен в форму «диалогов без антракта», где эпизоды прошлого и будущего переключаются мгновенно, представляя происходящее как драму внутри сознания и памяти героини, а не череду внешних событий. В пьесе девять фонограмм, и первая среди них в наибольшей степени функционально нагружена. Прежде всего звучащая фонограмма обеспечивает фон предстоящим событиям. Ее первые звуки – это музыка и бой часов. Автор говорит о том, что в пьесе начинается отсчет времени. Времени прошлого, настоящего и будущего. При этом часы у Арбузова башенные. Образ башенных часов стилистически точно отделяет протяженную перспективу. Некоторые звуки в фонограмме напоминают важные события в жизни Майи Алейниковой и побуждают ее к размышлениям об определенных моментах ее жизни. Фонограмма начинается строчками Данте, которые являются вечным напоминанием всем живущим об ответственности за прожитую жизнь: *«Земную жизнь пройдя до половины, Я очутился в сумрачном лесу»* [1, с. 140].

Кажется, что портрет героини нигде не приводится. Однако в общем информативном потоке, который выдает зрителю звучащая фонограмма, присутствует объявление: *«Блондинка сорока двух лет, общительная, любящая природу и путешествия, хотела бы встретить непьющего доброго человека сорока-пятидесяти лет, могущего стать верным спутником жизни. Желательно в районе города Риги»* [1,

с. 140]. Этот портрет отличается от характеристики героини. Если первая «общительная», то о второй будет сказано, что она «нелюдимая, сосредоточенная» [1, с. 143]. Обе одиноки. Но если безымянная героиня ищет (непьющего и доброго) спутника жизни, обнажая свои внутренние проблемы, то Майя хотя и одинока, но могла неоднократно выйти замуж и не сделала этого только потому, что замужество, семья, дети могли, с ее точки зрения, помешать карьере.

Сообщение в фонограмме о загрязнении окружающей среды – «тяжелые металлы» в море, болезни деревьев («каждое третье дерево заражено...» [1, с. 140]), разгул браконьеров («ослепленные светом животные становятся легкой добычей...» [1, с. 140] и др.), с одной стороны, говорит о профессиональной сфере центральной героини Майи (она орнитолог), но с другой – выводит на первый план мотив болезни мира, болезни природы и, как следствие, болезни человека. Последующий текст пьесы проясняет позицию драматурга: загрязнение окружающей среды напрямую связано с загрязнением души человека.

Рядом с часами в первой же фонограмме возникает образ пути, дороги, железнодорожного движения, поезда (в других фонограммах – вагона). «*Поезд номер пятьдесят пять Мурманск – Москва прибывает на второй путь...*» [1, с. 140] и др. Направление «Москва – Мурманск» выбрано драматургом не случайно: именно на север, в Мурманск, отправится юная Майя, с одной стороны, совершив предательство по отношению к возлюбленному (получив место в экспедиции и представив научному руководителю данные не ее наблюдений, а Кирилла), а с другой, – отвергнув любовь Кирилла.

В фонограмме звучат строки песни в исполнении Муслима Магомаева: «*А я лечу, лечу снова и кричу одно слово: “Я люблю!..”*». Транслируется шепот: «*И ты меня не оставишь? Никогда не оставишь?..*» [1, с. 140]. Образ коллективной, общественной жизни людей (проблемы экологического загрязнения окружающей среды) соединяется с проблемами личной жизни каждого человека. Причем любовные клятвы и признания звучат у Арбузова на многих языках, что сообщает происходящему глобальный, вневременной масштаб.

Последующие части хоть фактически и не выявляют новых ракурсов в звучащих фонограммах, но обеспечивают развитие действия, дополняя и расширяя смысл первой фонограммы, символически комментируя события жизни героини, иногда «от противного». В частности, появляются темы свадьбы, рождения детей, им противостоит нацистский марш.

Ретроспекция (воспоминания Майи) и сюжет, развернутый в настоящем времени, ведут как будто к категорически отрицательной оценке автором поступков Майи: растеряла к сорока годам близких, не состоялась как ученый. Но к финалу выявляется, что автор не спешит осудить героиню. Перед отправлением в экспедицию у Майи возникает мысль остаться с Кириллом из-за боязни дальнейшего предательства во имя цели, но сам Кирилл настаивает на ее отъезде:

Майя. Я никуда не поеду! (Кричит.) Я остаюсь с тобой!

Кирилл. Нет! Твой поезд трогается – беги же! И будь счастлива... Будь свободна! [1, с. 159]

Согласно Арбузову, этот дар Кирилла – свобода – дар истинно любящего человека. И пусть путь Майи полон ошибок и предательств, она прошла его сама, у нее было право выбора.

Выводы. Фонограмма как прием создает диалог звучащих сознаний, в котором участвует и героиня. Кроме этого, драматург еще добавляет и звуки, которые особым образом создают диалоги мировых голосов-сознаний, из которых можно выделить два общих противоположных мотива. Одни голоса воспроизводят песни, стихи и то, что связано с любовью, рождением новой жизни. Другие голоса – о том, что разъедает

людские души и способствует оскудению, деградации природы и жизни. Оба мотива в фонограммах созвучны сценам из жизни Майи, приехавшей в Москву, чтобы стать биологом, и предающей ради карьеры любимых. Ее жизненные поиски происходят именно в борьбе двух тенденций мира. Фонограммы в тексте обнажают главную мысль Арбузова: в мире борьбы между любовью и оскудением душ и природы сражаться с темными чувствами в душе неталантливому, но энергичному и организованному человека способна только любовь.

Список литературы

1. Арбузов, А. Н. Победительница: диалоги без антракта / А. Н. Арбузов // Театр. – 1983. – № 4. – С. 140-209.

УДК 82.09

ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В РОМАНЕ А. Б. САЛЬНИКОВА «ОККУЛЬТРЕГЕР»

М. Р. Дюсекеева,

магистрант 2-го курса кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Иванова Н. П., д. ф. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Роман А. Б. Сальникова «Оккультрегер» демонстрирует особый художественный мир, в котором сплетаются реальность и иномирие. В этом контексте феномен детства приобретает особое значение как период доступа к трансцендентному миру и обладания Вселенской мудростью. Создавая образы детей и гомункулов, автор использует библейские реминисценции и эксплицирует индивидуально-авторский миф.

Целью данного исследования является изучение онтологической проблематики романа посредством осмысления феномена детства. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) исследовать проблему влияния взросления на восприятие мира и доступ к трансцендентному миру; 2) проанализировать символическое значение образов гомункулов и оккультрегеров в контексте христианской мифологии.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: герменевтический подход, сравнительный метод, символическая интерпретация.

Результаты исследования. В романе А. Б. Сальникова «Оккультрегер» феномен детства осмыслен как аспект онтологической проблематики. Заглавные герои – оккультрегеры – являются людьми, случайно попавшими на землю из потустороннего мира и наделенными магическими способностями. Их работа заключается в борьбе с «мутью» – деструктивным началом, разрушающим гармонию бытия, и «согревании» городов – восстановлении созидательной бытийной основы.

Детство в романе представлено не только как особый лучший мир по сравнению с реальностью взрослых, но и время обладания Вселенской мудростью. Люди становятся ее носителями лишь в период отрочества. Гомункулы – представители иномирия – являются в наш мир в образах вечных детей, обладают даром всеведения и чтения мыслей. Так, их особое знание является не временным даром, а заключается в их сути.

Создавая образ девочки Даши, автор утверждает особое видение мира детьми. Её особенность заключается в том, что она не различает лиц. Тем не менее, даже когда главная героиня-окультист-регер и ее гомункул меняют свой облик, девочка отличает их от других людей, что позволяет ей приобщиться к тайне оккультист-регера. Контакты с Дашей оказываются утраченными, то есть доступ в особый мир невозможен после взросления человека. В некотором смысле исчезает и сама волшебная реальность, лишенная своего носителя.

История мальчика из четырнадцатой квартиры раскрывается сразу после рассказа о Даше, создавая антитезу этих глав. Важность образа персонажа доказывается тем, что главная героиня несколько раз упоминает его, не рассказывая самой истории, то есть «рифмует» ткань текста, выстраивая путь к главе, повествующей о мальчике. Если глава о Даше наполнена чувством ожидания волшебства и заканчивается несколько лирично, то следующая отсылает к проблематике романа А. Б. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него». Будучи ребенком, парень из четырнадцатой квартиры «счастлив своей человеческой жизнью и готов делиться этим счастьем со всеми, кого встретит» [1, с. 191]. Художественная деталь в виде нательного крестика, который тот достал «из-под ворота и сунул себе в рот» [1, с. 191], создает идеальный хрестоматийный образ чистой души. Однако, когда герой взрослеет, он безжалостно убивает Прасковью, то есть трансформируется до неузнаваемости после взросления. Таким образом, лейтмотивом творчества Сальникова является проблема скрытой теневой стороны человека, соседства самых высоких и самых низких чувств, которой писатель не находит решения.

Образ гомункула отличается от прочих, так как он связан с трансформацией образа Христа. Подопечный оккультист-регера является неким Абсолютом в теле ребенка. Во-первых, гомункул не рожден оккультист-регером, а появляется на земле вместе с ним, что восходит к идее непорочного зачатия. Во-вторых, гомункула можно предать, произнеся его имя и тем самым отказавшись от него. Истоки подобной сакральности видятся в негативном отношении христиан к упоминанию имени Бога в быту. В-третьих, оккультист-регер может приказать гомункулу расти, но тогда вырастет необычный человек. Престол, являющийся ангелом наивысшего чина, в диалоге с Прасковьей говорит: «Такое две тысячи лет назад произошло, если ты понимаешь, о чем я» [1, с. 216], что указывает на рождение Христа согласно православному календарю в 1 г. до н.э. Таким образом, автор включает сюжет Библии в авторский миф.

Выводы. А. Б. Сальников исследует проблему взросления как потери доступа к особому трансцендентному миру, что соответствует различным философским концепциям. В христианстве детство также является значимым временем в жизни, так как именно ребенок обладает глубинной интуицией и особым восприятием мира. Гомункул же, являясь неотъемлемой частью личности оккультист-регера, воплощает в себе ее духовное начало, что подчеркивает глубокую связь между ними. Преданность гомункулу, особенно в библейском контексте, подразумевает веру в Бога и символизирует сакральную природу их отношений и феномена детства в целом.

Список литературы

1. Сальников, А. Б. Оккультист-регер / А. Б. Сальников. – Москва : АСТ, 2022. – 416 с.

ПЬЕСА М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ТЕНИ»: ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТА И ПЕРСОНАЖНОЙ СИСТЕМЫ

Д. А. Ефимова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Александрова И. В., д. ф. н., профессор кафедры
русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Данная работа посвящена исследованию пьесы М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени»: изучению особенностей ее жанра, конфликта и персонажной системы. Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина в большей степени изучено в его сатирической направленности. Исследователи научно осмысливают его романы и сказки, однако драматургическое творчество писателя внимание литературоведов привлекает очень редко. Изучение произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина в драматическом роде могло бы дополнить общую картину развития отечественной драматургии второй половины XIX века и внести некоторые коррективы в существующие представления о динамике драмы в России.

Целью данного исследования является выявление особенностей жанра, конфликта пьесы, а также системы ее персонажей.

Задачи исследования:

- 1) выявить специфику жанра пьесы;
- 2) исследовать особенности конфликта;
- 3) охарактеризовать особенности персонажной системы: отношения между героями, их речевое поведение (диалоги), говорящие фамилии, ремарки.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: культурно-исторический, который изучает произведение как явление культуры определенной эпохи, системный подход, обеспечивающий изучение образов персонажей в их системных связях.

Результаты исследования. Специфика жанра пьесы М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени» заключается в том, что исследователи и даже сам автор относят произведение к различным жанрам. Первоначально писатель назвал «Тени» «комедией», потом изменил жанровое определение на «драматическую сатиру». Пьеса однозначно совмещает в себе несколько жанров, образуя жанровый синтез. Однако неверно называть это произведение «комедией». На первый взгляд может показаться, что все действия, герои, события изображены комически, вся сложившаяся ситуация в целом абсурдна. Но М. Е. Салтыков-Щедрин не просто высмеивает пороки общества, а изобличает и гневно осмеивает то, что противоречит нравственным законам. Автор стремится не просто вызвать смех, а раскрыть и осудить социальные, политические и моральные недостатки общества. М. Е. Салтыков-Щедрин сатирически изображает бюрократический аппарат своего времени. Писатель показывает нравы и пороки общества, в частности, людей, которые составляют государственный аппарат второй половины XIX века. Автор обличает карьеризм, чиновничество правящей верхушки общества, клеймит безнравственность людей, показывает их истинную сущность. Сатира позволяет писателю поднимать острые социально-политические вопросы. Однако в пьесе сатира проявляется не просто как прием комического, а уже как

жанрообразующий признак, в результате чего пьеса строится не по комедийной матрице, а по модели сатиры как жанра. Так формируется синтетическое в жанровом отношении явление – драматическая сатира.

Конфликт в пьесе играет ведущую роль. М. Е. Салтыков-Щедрин изображает историю обогащения на строительных подрядах. Показывая аферы Клары Федоровны и князя Тараканова, стремление Клаверова обеспечить себе карьеру, писатель поднимает основную проблему общества – безнравственность идеологии и порочность правящей верхушки страны. Так, на основе этих событий М. Е. Салтыков-Щедрин изображает общественный конфликт двух движений, которые существовали в России во второй половине XIX века: старый князь Тараканов относится к либерально-крепостническому направлению, а его оппонент, Шалимов – к демократическому. Одной из значимых драматических коллизий пьесы является процесс превращения Николая Дмитриевича Бобырева в человеческую «тень». Когда герой только приезжает в город, он еще пытается сохранить свое независимое мнение, с иронией относится к порядкам места, в которое попал. Однако персонаж быстро проникается почтением к людям, которые стоят выше на карьерной лестнице: «Клаверов... ваше превосходительство...» [2, с. 342]. Письмо Шалимова не возродило Бобырева, а наоборот, ускорило его падение. Герой уже не способен на изменение. Так, драматург показывает превращение человека в «тень».

Система персонажей пьесы представлена исключительно негативными действующими лицами, что соответствует авторской разоблачительной интенции. Положительное начало в «Тенях» не персонифицировано: в его роли выступает оценка драматургом героев и событий.

С помощью говорящих фамилий М. Е. Салтыков-Щедрин дает характеристики персонажам. Например, фамилия Павла Николаича Набойкина ассоциируется с набойкой на обуви, которая крепится на каблуке снизу, что символизирует чинопочитание героя, он как бы «прогибается» на службе под тех, кто выше, становится подкаблучником: «для того чтоб добыть связи, необходимо делать уступки – в этом вся теория жизни!» [2, с. 338]. Важную роль в пьесе играют ремарки, которые передают эмоции героев. Например, реплики Бобырева в диалоге со Свистиковым неоднократно сопровождается ремарка «иронически» [2, с. 336]. Герой осознает абсурдность ситуации, не совсем понимает, для чего ему нужно ждать Клаверова в передней, а не в кабинете. Так автор показывает, что даже между давними товарищами может быть социальное неравенство. Также в афише, предваряющей текст произведения, дана краткая характеристика героев. Например, автор отмечает, что Свистиков исполняет у Клаверова роль «домашнего буффа» [2, с. 334]. Согласно «Словарю иностранных слов русского языка» М. Попова, «буфф» – «смешное, шуточное; отсюда буффон – забавник, шут» [1, с. 71]. Получается, что герой выполняет роль некоего шута.

Выводы. В ходе анализа пьесы «Тени» мы пришли к выводам о том, что жанр произведения – драматическая сатира – оформляется посредством жанрово-родового синтеза; конфликты в пьесе – субстанциональные, неразрешимые; спецификой персонажной системы пьесы является то, что в ней отсутствуют положительные герои, автор обличает пороки государственной власти, утверждая, что представители ее верхушки являются человеческими «теньями», у них нет будущего. Для характеристики действующих лиц драматург использует многообразные художественные средства: авторские замечания в афише, говорящие фамилии, эмоционально окрашенные ремарки.

Список литературы

1. Попов, М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / М. Попов. – Москва : Изд-во И. Д. Сытина, 1907. – 601.

2. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Художественная литература, 1965–1977. – Т. 4. – 611 с.

УДК 821.161

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Е. С. Жирнова,

*обучающаяся 5-го курса кафедры русской и зарубежной литературы, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Зябрева Г. А., к. ф. н., доцент кафедры русской и
зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Интерес к Славянскому вопросу в творчестве Ф. М. Достоевского носит по преимуществу историософский характер. Вместе с тем он имеет и политическую составляющую. Первые упоминания о Славянском вопросе в творчестве писателя относятся к Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. Но всерьёз задуматься о судьбах славянства писателя побуждает обострившаяся ситуация на Балканах и неизбежность вступления России в войну с Османской Портой (Русско-Турецкая война 1877–1878 гг.). Исходя из сказанного, **актуальность** данной публикации обусловлена двумя обстоятельствами: во-первых, необходимостью осмысления политических воззрений Ф. М. Достоевского, которые изучены явно недостаточно; во-вторых, потребностью оценить объективность трактовки Достоевским Славянского вопроса, который предельно обострился в наши дни. Представления писателя о перспективах человеческой цивилизации и Русского мира, связанные со Славянским вопросом, могут послужить основой понимания и критерием оценки сегодняшних реалий.

Материалом, исследуемым в работе, являются публицистика и художественные произведения Ф. М. Достоевского, где так или иначе затронута рассматриваемая проблематика. **Цель** – реконструкция трактовки Славянского вопроса во всей его полноте и многозначности. **Методика освоения** сформированного дискурса базируется на комплексе принципов культурно-исторического, структурно-семантического, контекстуального анализа.

Результаты исследования. Исходной посылкой Ф. М. Достоевского в решении Славянского вопроса является идея раскола прежде единого славянского мира на западный и восточный. Причиной раскола видится конфессиональный выбор разных народов. Западные славяне, как известно, приняли католичество, восточные – православие. По убеждению Достоевского, католичество есть религия неистинная, поскольку, в его понимании, она отказалась от подлинного Христа, «рабски попавшись на крючок иезуитам». Прямой презентацией данной мысли писателя является монолог одного из любимейших его героев – «положительно прекрасного человека» князя Мышкина: «Католичество – все равно что вера нехристианская! <...> Это во-первых, а во-вторых, католичество римское даже хуже самого атеизма. <...> Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идёт дальше: он искажённого Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует» [1, т. 8, с. 450–451].

Измена Христу вызывает суровую отповедь Ф. М. Достоевского не только в романе «Идиот», но и в поэтических опытах автора, в частности в стихотворении «На

Европейские события в 1854 г.». Следует напомнить, что западные христиане (французы, англичане, итальянцы), в период Крымской войны приняли сторону иноверцев, отчего в немалой мере пострадал Русский мир. «С неверными на Церковь воевать, / То подвиг тёмный, грешный и бесславный! / Христианин за турка на Христа! / Христианин – защитник Магомета! / Позор на вас, отступники Креста, / Гасители Божественного света!» [1, т. 2, с. 405].

В отличие от западных еретиков, русские, согласно мнению Достоевского, обязаны принять на себя миссию защитников всего мирового христианства. Поэтому не выглядит парадоксальным, что не приемлющий насилия писатель одобряет инициативное вступление России в борьбу с турками на Балканском полуострове. Решительное неприятие Достоевского вызывает поведение изуверов. В статье «Самое последнее слово о цивилизации» автор с возмущением пишет: «В глазах умирающих братьев бесчестятся их сёстры, в глазах матерей бросают вверх их детей-младенцев и подхватывают на оружейный штык; селения истребляются, церкви разбиваются в щепы. <...> Разбойники действуют по указу, по распоряжению министров и правителей государства, самого султана. А Европа, Христианская Европа, великая цивилизация смотрит с нетерпением. <...> “когда же это передают этих клопов”» [1, т. 23, с. 61–62].

В художественном дискурсе этот вывод Достоевского разворачивается в рассказанной Иваном Карамазовым истории, «как турки и черкесы повсеместно злодействуют, опасаясь поголовного восстания славян, – то есть жгут, режут, насилуют женщин и детей, прибивают арестантам уши к забору гвоздями и оставляют так до утра, а по утру вешают» [1, т. 14, с. 217].

В свете подобных обстоятельств жертвенное участие России в деле освобождения славянских народов понимается Достоевским как священный долг. Вместе с тем он прогнозирует, что как только славяне обретут независимость, они начнут поносить свою благодетельницу. «У России не будет никогда, <...> таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными!» [1, т. 26, с. 78]. Тем не менее, как истинно православный гражданин, писатель считает, что наша страна должна предоставить единоверцам возможность сохраниться для самостоятельного исторического бытия. Более того, она не имеет права преследовать никаких корыстных интересов в результате своего служения славянству. Об этом свидетельствуют статьи «Восточный вопрос», «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать», «Новый фазис восточного вопроса» и др., а также «Великое пятикнижие» романов классика.

Выводы. Как видим, в сознании Достоевского сложилось системное представление об истоках, характере, возможностях разрешения Славянского вопроса. Однако политическая мысль писателя не ограничивается лишь рамками последнего, а переходит в историософскую плоскость. Достоевский считает, что решение Славянского вопроса приведёт и к решению вопроса Восточного, суть которого заключается в сохранении вселенского православия. Чтобы возратить всему миру подлинного Христа, нужно действовать постепенно: сначала помочь восточным славянам вновь обрести собственную идентичность, а потом восстановить конфессиональные отношения с европейскими христианами. Только в единении христианского мира возможно изжить существующие конфликты.

В период обострившихся отношений с ближайшими соседями, когда наше Отечество отстаивает традиционные ценности, концепция Достоевского вновь подтверждает свою актуальность. Осмысление граней этой концепции, не затронутых в работе, и составляет *перспективу* настоящего исследования.

Список литературы

1. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1972–1990.
2. Зябрева, Г. А. Концепт «Крым» в творческом сознании Ф. М. Достоевского / Г. А. Зябрева // Учёные записки КФУ им. В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 4 (70). – № 3. – 2018. – С. 3–13.
3. Зябрева, Г. А. Ф. М. Достоевский в восточном вопросе – от политического к эсхатологическому / Г. А. Зябрева // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. – Том 17(56). – № 1. – 2004. – С. 169–177.
4. Сараскина, Л. И. «Надо сказать правду»: Ф. М. Достоевский и его современники в споре об итогах Крымской компании / Л. И. Сараскина // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – № 1 (21). – 2023. – С. 96–140.

УДК 821.161.1

КНИГА В. В. ВЕРЕСАЕВА «ЖИВАЯ ЖИЗНЬ» В СВЕТЕ АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ БЫТИЯ

Г. А. Зябрева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В 2025 году исполняется 80 лет со дня смерти одного из самых популярных литераторов рубежа XIX–XX столетий В. В. Вересаева (1867–1945). Многогранное и многовекторное наследие писателя включает в себя художественную и документально-публицистическую прозу, переводы древнегреческой поэзии, мемуаристику, литературную критику. Однако не все эти страницы вересаевского творчества изучены с надлежащей полнотой и основательностью. Наиболее серьёзно проанализированы беллетристика и очеркистика автора, а его литературно-критические штудии неоправданно остаются на периферии научных исследований. Между тем именно В. В. Вересаев-критик претендует на приоритет в разработке оригинальных критериев оценки неоднозначных художественных явлений, на подлинное новаторство в сфере жанровой организации литературно-критического дискурса. Указанными факторами и обусловлена **актуальность** настоящей публикации, **цель** которой – охарактеризовать концептуальные основы и поэтическую специфику литературно-критического искусства В. В. Вересаева, дополнив тем самым картину развития отечественной словесности Серебряного века. Реализации поставленной цели способствует привлечение репрезентативного текстового материала, осмысленного посредством культурно-исторического, сравнительно-типологического, структурно-семантического **методов**.

Результаты исследования. Вершиной своих творческих достижений, в отличие от читателей-современников, В. В. Вересаев считал не публицистически акцентированные «Записки врача», не идеологически «заряженные» повести об интеллигенции, а эстетически утончённое критико-философское эссе «Живая жизнь» (1909–1914). Название и содержание этой книги определил концепт, ставший основополагающим в мышлении В. В. Вересаева. Под «живой жизнью» им понимался феномен самопроизвольного, самодостаточного, самоценного бытия, к которому было причастно всё земное. Смысловую суть этого феномена в полной мере выражает формула писателя: «Жизнь! Жизнь! Сила великая. Сила всесвятая и благая. Всё, что пропитывалось ею, освещалось изнутри и возвеличивалось, всё начинало трепетать

какими-то быстрыми внутренними биениями <...> Всё и всех жизнь принимала в себя, властительница светлая» [1, т. 2, с. 527].

Однако при всей увлечённости витальностью сущего В. В. Вересаев не мог не увидеть, что в окружающем мире она проявляется по-разному. Если в природе «живая жизнь» действует «вольно», «не скрываясь», «без удержу, с неколебимым сознанием законности и красоты своего существования» [1, т. 1, с. 190–191], то в человеческом сообществе, повреждённом цивилизацией, она в немалой степени искажается, тускнеет, деформируется.

Спасительной в неблагоприятных условиях социума автору виделась целевая установка на сохранение, закрепление, активизацию в людях стихийного чувства жизни, которое даётся им от рождения. Однако В. В. Вересаев был вынужден констатировать, что далеко не каждый готов и способен, желает и умеет беречь этот бесценный дар. Отсюда возникает деление человеческого рода на две категории. Одну, по мнению писателя, составляют люди «здоровые и сильные, люди нутра <...> Их невозможно расколоть надвое» [1, т. 2, с. 120]. Другую – те, кто склонен к болезненному рефлексированию, к разладу между сознанием и подсознанием, к подавлению непосредственных ощущений диктатом разума. Эта классификация распространяется В. В. Вересаевым и на натуры творческие, чья деятельность осуществляется в области искусства.

В центр трактата «Живая жизнь» выдвигаются фигуры русских классиков – Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, знаменующих для многих поколений читателей тип истинных творцов, создателей эстетически непревзойдённых картин бытия. Согласно теории В. В. Вересаева – и это, безусловно, верно – оба писателя являются разнополярными художественными индивидуальностями. Неправомерно, однако, то, что аксиология Л. Н. Толстого превозносится в противовес аксиологии Ф. М. Достоевского и что первый предвзято оценивается как безупречно светлый гений, а второй – лишь как гений мрачный, лишённый творческой притягательности. Причина этого, по мысли В. В. Вересаева, коренится в якобы патологической нелюбви автора «великого пятикнижия» ко всей окружающей действительности. Показательны в отношении сказанного заголовки частей, посвящённых каждому из великих романистов. Эссе о Л. Н. Толстом называется «Да здравствует весь мир!», эссе о Ф. М. Достоевском – «Человек проклят». В. В. Вересаев заключает, что здравица миру базируется у Л. Н. Толстого на радостном восприятии жизни и на свойстве его дарования пластически претворять эту радость в красоту художественной реальности. Мрачное же отношение Ф. М. Достоевского к сущему, как ни парадоксально, соотносится автором трактата с остротой его аналитического ума, которому будто бы недоступно постижение первоизданной тайны жизни и рационально необъяснимое доверие к ней.

Примечательно, однако, что сама формула «живая жизнь» заимствуется оппонентом Ф. М. Достоевского именно из произведений предшественника, который первым актуализировал данное понятие в контексте отечественной литературы, поначалу придав ему функции концепта, а потом и философско-эстетической универсалии. В отличие от В. В. Вересаева, «живая жизнь» предстаёт у Ф. М. Достоевского такой формой экзистенциального, которая интегрирует в себе обыденное и возвышенное, земное и небесное, чувственное и духовное. Тем не менее, одно из значений концепта «живая жизнь», предложенных классиком, почти полностью совпадает со смыслом вересаевского определения, процитированного выше: «Эта живая жизнь есть нечто до того прямое и простое, до того прямо на нас смотрящее, что именно из-за этой прямооты и ясности и невозможно поверить, чтобы это было именно то самое, чего мы <...> с таким трудом ищем» [цит. по 1, т. 3, с. 179]. Правда, «прямота», «простота» и «ясность» возводятся у Ф. М. Достоевского к началу

божественному, сакральному, а у В. В. Вересаева – к сугубо природному, материальному.

Выводы. Как видим, в книге «Живая жизнь» выстроена целостная концепция бытия, в свете которой рассмотрены разнополярные творческие миры. Предложенные характеристики этих миров подчиняются заранее заданной схеме, что порождает немалую долю субъективной оценочности. Тем не менее подходы, положенные в основу анализа художественного материала, демонстрируют свою плодотворность и перспективность. Лирико-публицистическая презентация генеральной идеи (эссе), её философско-социологический срез (трактат), текстологическое комментирование фактографии (монтаж разнородных нарративов) задают вектор развития не только этюдам художника о художниках, но и литературной критике в целом.

Список литературы

1. Вересаев, В. В. Собрание сочинений в четырёх томах / В. В. Вересаев. – Москва : Изд-во «Правда», 1985.
2. Зябрева, Г. А. Идеи и образы Ф. М. Достоевского в «крымском романе» В. В. Вересаева / Г. А. Зябрева // Вопросы русской литературы : межвузовский научный сборник. – Симферополь : Крымский Архив, 2008. – Вып. 15 (72). – С. 101–112.

УДК 821.161.1

АНТРОПОНИМ «НИКОЛАЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ СТАВРОГИН»: АВТОРСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ

Е. С. Мальцева,

*обучающаяся 3-го курса кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Зябрева Г. А., к. ф. н., доцент кафедры русской и
зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Актуальность исследования. Фёдор Михайлович Достоевский является одним из величайших представителей не только русской, но и мировой литературы. Его творчество представляет собой обширнейший материал для исследований, поэтому обращение к произведениям классика продолжает сохранять свою актуальность и в наши дни. Несмотря на то, что наследие Ф. М. Достоевского изучено уже довольно основательно, в его границах до сих пор остаются явления, которые на данный момент исследованы не в полной мере. Так, литературоведами более капитально осмыслено миропонимание Ф. М. Достоевского, нежели поэтика мастера. Однако именно изучение поэтического искусства писателя является одним из главных средств раскрытия его замысла в том или ином произведении. В ряду творческих приёмов художника, помогающих осветить его авторскую позицию, особое место занимает поэтика имени.

Изучением этой проблемы в творчестве Ф. М. Достоевского занимались такие исследователи, как А. Л. Бем, М. С. Альтман, В. В. Виноградов, С. А. Скуридина, Е. А. Акелькина, С. В. Белов, М. В. Поник. Однако в их работах философия и символика имени исследуются только в отдельных произведениях или на примере отдельных антропонимов. Поэтоним же «Николай Всеволодович Ставрогин», хотя и привлекал внимание учёных, ещё не был никем из них рассмотрен во всей системе смыслов и оттенков.

Поскольку имя главного героя «Бесов» встречается на протяжении всего романа, то есть проходит через весь художественный текст и трансформируется внутри него, оно приобретает разную семантическую и эмоциональную окраску. Таким образом, в зависимости от контекста, в котором к герою прилагаются те или иные формы онима, можно сформировать представление о его судьбе и сущности характера. Так, чтобы понять отношение самого автора к главному герою романа, необходимо проанализировать его имя во всех контекстах, учесть варианты этого имени со стороны всех остальных персонажей, ведь имяназачение героя – ведущий критерий оценки его личности в целом.

Целью исследования является анализ антропонима «Николай Всеволодович Ставрогин», раскрываемого в совокупности всех контекстов романа «Бесы». Это принципиально важно для формирования представления об авторском отношении к данному персонажу, чей образ является краеугольным в художественной концепции произведения. В связи с поставленной целью в данной публикации решаются следующие **задачи**:

- изучить развитие смыслоотражающей функции антропонима;
- выделить в тексте исследуемого романа все варианты именований главного героя;
- структурировать эти варианты по определённым параметрам;
- установить общие семы в выявленных видах данного антропонима;
- провести их целостный анализ.

Методами осмысления текстуального материала являются структурно-семантический, культурно-исторический, системный.

Главным **результатом** проведённого исследования стала по-новому аргументированная трактовка образа главного героя «Бесов», сложившаяся вследствие анализа его антропонима с учётом всех контекстуальных значений. Изучив представленные в тексте романа именования персонажа, мы пришли к следующему пониманию его сущности. Николай Ставрогин изначально был наделён необыкновенными дарованиями и чрезвычайной силой, обладание которыми стало для него настоящим крестоношением (что отражено главным образом в его фамилии), поскольку он не мог их достойно реализовать. Однозначная интерпретация образа героя невозможна, поскольку в расшифровке его антропонима можно встретить как Божественное, так и бесовское начала. В пользу этой гипотезы свидетельствует, например, сочетание в фамилии героя семы креста и семы рога, а также сохраняющаяся на протяжении всего произведения двуликость героя, выражающаяся в ономастических антитезах: «Истинный – Премудрый Змий», «сокол – филин», «благодетель – изверг» и т. д. [1, т. 10, с. 205, 127, 219, 43, 323]. В связи с этим, по нашему убеждению, чрезвычайная внутренняя сила, которой обладал Николай Ставрогин, могла воплотиться либо в великое добро, либо в великое зло. К большому сожалению, эта сила находит своё выражение именно в совершении величайшего злодеяния – растления малолетней девочки. Однако согласно концепции автора, совершение этого греха ещё не является приговором для Ставрогина, поскольку обратной стороной его поступка становится возможность совершить великое покаяние. Подтверждение данной мысли можем найти в словах другого героя, старца Тихона, у которого исповедуется Ставрогин: «подвиг ваш, если от смирения, был бы величайшим христианским подвигом, если бы выдержали» [1, т. 11, с. 108]. Однако главный герой, не нашедший в себе силы для совершения данного подвига, подписывает себе уже окончательный приговор, что также выражается в его именовании – устами старца Тихона Достоевский называет Ставрогина «бедным погибшим юношей» [1, т. 11, с. 108]. Таким образом, отвергнув единственно возможный путь спасения – истинное непоказное покаяние – Ставрогин лишается всякой надежды на исцеление своего

повреждённого духа. При этом характеристика сущности героя, его напряжённейшая внутренняя борьба, надежда на духовное возрождение, а также окончательная утрата данной надежды находят своё выражение именно в тех именовании, которыми его нарекают остальные персонажи произведения в переломные для судьбы героя моменты. Так, например, когда Ставрогин отказывается от предложения Петра Верховенского возглавить революционное движение, последний в порыве гнева называет его «дрянным, блудливым, изломанным барчком» [1, т. 10, с. 326].

Выводы. Как видим, Ф. М. Достоевский на протяжении всего произведения мастерски меняет звучание имени главного героя, постепенно раскрывая перед читателем его образ во всей полноте смысловых оттенков. Вариативность контекстов служит изображению многоликости и сильнейшего духовного разлада Николая Ставрогина. При этом, используя в отношении героя именовании с негативной коннотацией, автор стремится не к дискредитации его натуры, а к достоверному изображению духовно-нравственной деградации личности, не реализовавшей свой обширнейший природный потенциал. Так, по замыслу Ф. М. Достоевского, если непомерная сила, дарованная Богом для исполнения высокого предназначения, находит своё выражение в совершении не великих подвигов, а великих грехов, в душе человека образуется страшная пустота, соразмерная утраченной силе. Эта пустота становится настоящей адской бездной, полностью поглощающей разум и дух человека, не ставшего достойнымместилищем Божьих дарований. При этом в качестве главного средства изображения духовного облика героя Достоевский выбирает именно его антропоним, воспринимать который необходимо во всей палитре смысловых оттенков, раскрывающихся именно в определённом контексте.

Список литературы

1. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 томах / Ф. М. Достоевский. – Москва : Изд-во «Наука», 1974.

УДК 821.161.1

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТА В РАННЕЙ ДРАМАТУРГИИ В. С. РОЗОВА

А. А. Старовойтова,

*обучающаяся 3-го курса кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Александрова И. В., д. ф. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. Конфликт в художественных произведениях является элементом, определяющим сюжетную динамику, провоцируя по воле писателя самовыражение героев. Научный взгляд на конфликты ранней драматургии Виктора Сергеевича Розова (1913–2004) поможет наиболее полно понять, как писатель отразил свою эпоху и духовные искания живущих в это время людей. На сегодняшний день этот аспект творчества драматурга не получил обстоятельного осмысления в литературоведческих исследованиях, что подтверждает актуальность данной работы. В ней предпринимается подробный текстуальный анализ пьес драматурга, анализируется специфика воплощения в них характеров и конфликтов.

Целью данного исследования является выявление специфических особенностей драматического конфликта в драматургии В. С. Розова 1950–1960-х

годов. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: 1) дать определение понятий «конфликт» и «драматический конфликт»; 2) выявить особенности конфликта в драме; 3) проанализировать пьесы раннего периода творчества В. С. Розова с точки зрения особенностей реализации в них различных типов конфликта.

Методы исследования. В исследовании использованы культурно-исторический, структурный методы, а также метод целостного анализа текста.

Результаты исследования. Конфликт в художественном произведении – противоречие, образующее сюжет, формирующее систему образов, концепцию мира, человека и искусства, особенности жанра, выражающееся в композиции, накладывающее отпечаток на речь и способы описания героев, могущее определять специфическое воздействие произведения на человека – катарсис. Теория литературы рассматривает конфликт как отличительную черту драмы и театра, чем обосновано и появление такого понятия, как «драматический конфликт», т. е. столкновение антагонистических сил, основанное на «противоречии между жизненными (как правило, нравственными) позициями персонажей, служащее источником развития сюжета в драме и обеспечивающее его специфическую структуру» [2, с. 104].

Способами воплощения конфликтов в пьесах В. С. Розова 1950–1960-х годов выступают драматическое действие, система персонажей, монологи и диалоги героев, авторские ремарки, изображение среды, обстоятельств, в которые герои помещены. Мещанство быта и мещанство духа волнует В. С. Розова на протяжении всего его творчества. Один из его девизов – «Искусство – это свет», и вся его драматургия служит этой сверхзадаче: просветлению душ человеческих, прежде всего юных. А помогают автору «просветлять» читателей его герои – максималисты, борцы за справедливость (пусть на узком, бытовом фронте). Критики называли их «розовскими мальчиками». И в рамках пьес, и за их пределами они давали взрослым уроки независимости в мыслях, доброты и человеколюбия и противостояли тому, что подавляло их личность. Один из них – Андрей Аверин («В добрый час!», 1955), не пожелавший идти в институт «с чёрного хода» и решивший самостоятельно искать своё место в жизни: «Но где-то есть это моё место. Оно – только моё. Моё! Вот я и хочу его найти. Призвание – это, наверное, тяга к этой точке» [3, с. 136]. Через этот монолог выражается авторская позиция и воплощается суть конфликта всей пьесы.

Написанная по живым воспоминаниям в 1943 году пьеса «Вечно живые» прозвучала в 1956-м, при открытии театра «Современник», как нельзя более актуально и своевременно. За прошедшие тринадцать лет послевоенной мирной жизни все проблемы, отмеченные Розовым во время войны, встали в полный рост перед современным драматургу обществом. История Бориса, Белки, Марка и Володи, связанных друг с другом войной и бедой, показывает четыре пути, выбранных каждым из героев в начале войны. Вопрос о способности духовно зрелой личности откликаться на человеческую беду Розов ставил ранее в пьесе «Её друзья», где показал школьников, переборовших надвигающуюся беспощадную силу рока в виде слепоты одноклассницы. В «Вечно живых» слепой силой рока, сметающей всё на своём пути, является война. Острое осознание своей малости и значимости, жажды жить и любить, глубоко волнует каждого из героев. Исходя из своих представлений о допустимости тех или иных нравственных решений, каждый поступает сообразно своей совести.

Главными героями произведений Розова 1950–1960-х годов стали представители послевоенной молодежи, вступающие в «неравный бой» как с недоверием к себе людей военного поколения, так и с их прямолинейностью, привычкой делить мир на плохое и хорошее, на молодое, неопытное, – и старое, проверенное, умудренное опытом. С Розова начинается история сложного, драматично и конфликтно устроенного человека – человека нового времени, словно вобравшего в себя историческую травму,

поглотившего ее. Его герои учились под покровительством и предводительством сильных отцов, победивших фашизм. И вот теперь, в 1950-е, они становятся самостоятельным поколением, готовым принимать ответственность за свою жизнь – часто через поступки парадоксальные, неоднозначные с точки зрения банального морализма [2, с. 107].

В пьесах В. С. Розова картина мира не имеет строгой моральной однозначности: хулиганство может не быть деструктивным, а рафинированное мировоззрение интеллигента может не быть синонимом добродетели [1, с. 24].

В произведениях драматурга воплощаются разные типы конфликтов: межпоколенческий (в пьесе «В добрый час!» – конфликт Андрея Аверина и его матери Анастасии Ефремовны), психологический, он же внутренний (например, внутренний конфликт Вероники из драмы «Вечно живые» или Нюры из пьесы «В день свадьбы» (1963)), но самый типичный для Розова – нравственный конфликт, реализованный во всех пьесах драматурга.

Выводы. В ранних пьесах писателя морально-этические идеалы «розовских мальчиков» сталкиваются с мещанством и вещиизмом внешнего мира. Герои борются за свои ценности, до последнего отстаивая важность понимания простых человеческих истин. Тяга к героике пробуждается в «розовских мальчиках» в качестве «зова предков». Геройство возведено в культ, вменяется в обязанность, а места для применения героических способностей – нет. В этом и воплощается главный конфликт всей ранней драматургии В. С. Розова.

Список литературы

1. Зябликов, А. В. Семейная тема в драматургии В. С. Розова / А. В. Зябликов // Костромской гуманитарный вестник. – № 1. – 2014. – С. 23–26.
2. Крылова, В. К. «Бесконфликтность» в борьбе с «безыдейностью» / В. К. Крылова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – Новосибирск : НП «СибАК», 2014. – № 10. – С. 102–111.
3. Розов, В. С. Собрание сочинение : в 3 т / В. С. Розов. – Москва : ОЛМА-Пресс, 2001. – Т. 3. – 506 с.

УДК 821.161.1

ВОПЛОЩЕНИЕ «ТРАДИЦИОННОГО» ЖЕНСКОГО ТИПА В ПОВЕСТИ «ВИНОВАТА ЛИ ОНА?» А. Ф. ПИСЕМСКОГО

К. Р. Терещенко,

*магистрант 1-го курса кафедры русской и зарубежной литературы, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Александрова И. В., д. ф. н., профессор кафедры
русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В работе рассматриваются пути интерпретации А. Ф. Писемским «традиционного» женского типа, сложившегося в русской литературе XIX века, а также художественные средства его воплощения.

Целью данного исследования является выявление особенностей художественного осмысления традиционных литературных типов в малой прозе А. Ф. Писемского (на примере повести «Виновата ли она?»). Данная цель обусловила постановку следующих **задач:** 1) изучив «традиционный» женский тип в

произведениях русской классики (в частности, романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкина), выделить основные черты, которые характерны для данного литературного типа; 2) определить основные принципы создания характера героини повести А. Ф. Писемского «Виновата ли она?» на уровне сюжета, предыстории, способов выражения авторского отношения; 3) на основе сравнительного анализа пушкинского романа с повестью А. Ф. Писемского выявить типичные и специфические черты «традиционного» женского типа у писателя, а также авторскую оценку героини, относящейся к данному типу.

Методы исследования. В исследовании использованы культурно-исторический, сравнительно-исторический и типологический методы.

Результаты исследования. Сопоставление романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и повести «Виновата ли она?» А. Ф. Писемского позволяет сделать вывод о том, что обе героини (Татьяна Ларина и Лидия Николаевна) относятся к «традиционному» женскому типу, согласно классификации В. Н. Кардапольцевой [1, с. 56]. В русской литературе он воплощается в образах различных героинь, которые обладают общими чертами характера: самоотверженностью, терпением, смирением, скромностью и кротостью.

Можно с уверенностью сказать о том, что образ Татьяны Лариной полностью соответствует перечисленным признакам, хоть он и обладает при этом значительной индивидуальностью. Например, застенчивость, неприветливость, нежелание общаться с незнакомыми людьми, что может перерасти в замкнутость и странность, являются общими чертами подобных героинь, относящихся к «традиционному» типу, в том числе и Татьяны [2, с. 118].

Также в характеристике образа Татьяны следует отметить тот факт, что героиня лишена фальши и притворства. Ее душевная простота в сочетании с глубиной внутреннего мира делают образ более разносторонним, что позволяет рассматривать его в двух аспектах: романтическом и реалистическом. С одной стороны, героиня при написании письма Евгению Онегину руководствуется определёнными идеалами и представлениями о любовных отношениях, которые смогла сформировать благодаря сентиментальным французским романам, на которых она выросла. Но, с другой стороны, в конце произведения она отказывает Онегину, что может являться фактом принятия Татьяной Лариной действительности и полным смирением с ней. Из этого можно сделать вывод о том, что образ Татьяны не настолько однозначен и типичен, как может показаться на первый взгляд, чего нельзя сказать об образе Лидии Николаевны из повести А. Ф. Писемского «Виновата ли она?».

Поначалу действительно кажется, что образ данной героини полностью соответствует «традиционному» женскому типу и во многом схож с образом Татьяны: «Она была далеко не красавица, но в то же время в ней было что-то необыкновенно милое и доброе, что невольно влекло к ней с первого раза» [3, с. 16]. Но, тем не менее, в данном образе заметны и некоторые отличительные признаки:

- в отличие от Татьяны Лариной, в образе Лидии Николаевны отсутствует романтическая составляющая, поскольку ещё в самом начале произведения она уже смирилась со своим реальным положением, то есть она готова выйти замуж по расчёту. Более того, согласно её представлениям, любить и вовсе не нужно, потому что судьба женщины изначально известна: «... Не думаю, я первая никогда и никого не полюблю. – Это почему вы думаете? – Так... Полюбить одного, а выдадут за другого: лучше уж никого не любить» [3, с. 32];

- более явственно проявляется мотив жертвенности, который является определяющим в образе Лидии Николаевны, поскольку уже с самого начала она обрекает себя на эту «необходимую», с её точки зрения, жертву, то есть даже не пытается как-то бороться за своё счастье, а просто смиряется с данным фактом

действительности. Более того, обстоятельства, которые вынудили героиню пойти на такой шаг, более драматичны, нежели в пушкинском романе (хотя Татьяна тоже приносит определённую «жертву»): на кону стоит благополучие семьи, что становится фактором, определяющим выбор героини, она решает поставить потребности семьи выше своего счастья, иначе впоследствии стала бы корить себя гораздо больше, нежели за другой выбор;

- по сравнению с образом Татьяны Лариной, меняющимся по ходу развития событий в романе, образ Лидии Николаевны статичен и более приземлён: он лишён тех ярких красок, которые использованы в образе Татьяны, хотя рассказчик и отмечает в Лидии Николаевне те черты, которые соответствуют его идеалу женщины («Женщина должна быть не суетна, а семьянинка, кротка, но не слабохарактерна, умна без педантизма, великодушна без рисовки, не сентиментальна, но способна к привязанности искренней и глубокой» [3, с. 37]), в её образе присутствует больше «типических» черт, чем каких-либо «индивидуальных». Это позволяет сделать вывод о том, что образ Лидии Николаевны больше соответствует «типу», нежели «характеру».

Выводы. Апелляция А. Ф. Писемского к традиционным типам русской литературы является значимым свойством его художественного мира. Создавая образы героев, относящиеся к тому или иному типу, А. Ф. Писемский вступает в диалог с предшествующей ему традицией отечественной литературы, с одной стороны – опирается на идеи и художественный опыт классиков, а с другой – дает изображаемым героям оригинальную интерпретацию, отражающую особенности его восприятия современной окружающей действительности и формируемых ею человеческих характеров. Это подтверждается сравнительным анализом образов героинь романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и повести А. Ф. Писемского «Виновата ли она?».

Список литературы

1. Кардапольцева, В. Н. Женские лики России / В. Н. Кардапольцева – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2000. – 160 с.
2. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2008. – 412 с.
3. Писемский, А. Ф. Виновата ли она? / А. Ф. Писемский – Москва : Гослитиздат, 1955. – 87 с.

УДК 821.161.1

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В ЛИРИКЕ В. В. МАЯКОВСКОГО

П. А. Федорчук,

*обучающаяся 4-го курса кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Научный руководитель: Иванова Н. П., д. ф. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Введение. В художественной литературе концепт представляет собой результат взаимодействия внутренней формы произведения со словесными и общекультурными стереотипами. Путем концептуального анализа лирических произведений представляется возможным выявить особенности концепта «Любовь» в индивидуально-авторской картине мира В. В. Маяковского.

Целью данного исследования является изучение форм реализации концепта «Любовь» в лирике В. В. Маяковского разных периодов творчества и в выявлении в ней новых компонентов семантики анализируемой ментальной структуры.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: концептуальный анализ художественных произведений, сравнительно-исторический метод, сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования. Понятие концепта достаточно широко и многогранно. В работе «Константы: Словарь русской культуры» Ю. С. Степанов предлагает следующее определение концепта: «Это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [2, с. 43]. Концепт – это единица когнитивной деятельности, которая включает в себя как общекультурные, так и индивидуально-авторские составляющие. Соответственно, концептуальный анализ художественного текста позволяет более глубоко исследовать лингвокультурные и психолингвистические аспекты произведений литературы, что определяет актуальность данного исследования.

Концептосфера, представляющая собой совокупность концептов, формирует художественный мир автора. Глубокий анализ художественного концепта требует учёта множества аспектов. Необходимо учитывать идейно-тематический контекст, спектр когнитивных ассоциаций, соотношение авторской и общекультурной интерпретаций концепта, а также используемые автором художественные средства его реализации.

В качестве теоретико-методологической основы исследования выбрана методика концептуального анализа, предложенная А. В. Шутовой, так как к ее преимуществам можно отнести комплексный характер, суть которого заключается в формулировании темы, выявлении слов, вербализующих концепты, сравнении индивидуально-авторского представления с общепринятым, обобщении наблюдений относительно форм реализации концепта [3, с. 42].

В русской языковой картине мира «Любовь» является фундаментальным концептом, тесно связанным с эмоциональной сферой человеческой личности. Он подчинен законам многовековой русской культуры, поэтому необходимо учитывать ментальные и культурные особенности русского народа при обсуждении его места и значения в индивидуально-авторской концептосфере.

Любовь в художественном осмыслении В. В. Маяковского во всех анализируемых стихотворениях как раннего, так и позднего периода творчества изображается как сильное сердечное чувство – такое представление совпадает с универсальным, лексикографически зафиксированным. Но в то же время можно говорить о новых интерпретациях, которые имеют уникальные коннотации и эмоциональную окраску.

Так, в стихотворении «Лиличка» 1916 года практически все метафоры и сравнения переносятся на физические явления, природу и животных, что говорит о выделении значения «любовь как естественное проявление». Также индивидуально-авторским элементом является изображение любви как чего-то физически тяжелого. Например, сравнение любви с неподъемной гирей. Этим обусловлено выделение значения «любовь как тяжесть». Схожее авторское видение мы можем встретить в поэме «Люблю». Кроме того, в словарной статье описывается любовь как «сердечное чувство», а в индивидуально-авторской интерпретации она может быть отображена с помощью изображения сердца как человеческого органа при помощи уникальных тропов. Ярким примером служит метафора «сердце в железе». Этим обусловлено выделение значения «сердце как вместилище любви».

Далее мы проследили репрезентацию концепта в более поздних произведениях В. В. Маяковского, которые неразрывно связаны между собой, это – «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» и «Письмо Татьяне Яковлевой».

В «Письме товарищу Кострову...» (1928) мы наблюдаем появление значения «любовь как космический объект». В произведении любовь – это чувство планетарного масштаба, для его реализации используются «космические» образы, метафоры и сравнения. Также мы можем выделить значение «любовь как стихия», которое перекликается со значением «любовь как естественное проявление» в стихотворении «Лиличка!». Кроме того, в произведениях можно проследить русскую национальную особенность в осмыслении данного концепта, заключающуюся в наделении природного и стихийного начала особой ролью в жизни человека (стихотворения «Лиличка!» и «Письмо товарищу Кострову...»).

В стихотворении «Письмо Татьяне Яковлевой» (1929) выражена любовь к Родине, что совпадает с общепринятым пониманием, но здесь любовь к человеку и Родине является одним целым, тождественными понятиями. Уникальное отличие от ранее анализируемого произведения состоит в том, что здесь можно говорить о расширении понятийной сферы концепта «Любовь» за счет понятий «любовь как Родина» и «любовь как революция».

В произведении, фактически завершающем творчество В. В. Маяковского, так как строки из него были оставлены в предсмертной записке, можно увидеть появление значения «любовь как прибежище». В стихотворении «Уже второй...» любовь изображается как судно, которое в любой момент может попасть в бурю окружающей действительности и разбиться о ее скалы. Это говорит о расширении авторской картины мира и форм репрезентации анализируемого концепта.

Выводы. Являясь ключевым элементом культурного кода, концепт «Любовь», обладает уникальными особенностями восприятия и ассоциаций, характерными для каждого отдельного народа. Это разнообразие культурных контекстов находит свое яркое выражение в художественном тексте, где каждая литературная традиция переосмысливает концепт «Любовь» сквозь призму своих традиций, исторического опыта и эстетических предпочтений. В ходе концептуального анализа лирики В. В. Маяковского разных периодов творчества нами были выделены уникальные индивидуально-авторские формы реализации концепта «Любовь», среди которых: «Любовь как естественное проявление», «Любовь как главная ценность», «Любовь как космический объект», «Любовь как Родина» и «Любовь как прибежище».

Список литературы

1. Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. В. Маяковский ; Академия наук СССР. – Москва : Гослитиздат, 1955. – 464 с.
2. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов ; «Языки русской культуры». – Москва, 1997. – 824 с.
3. Шутова, А. В. Концептуальный анализ художественного текста как основа формирования текстовой компетенции / А. В. Шутова // ТГПУ. – 2017. – С. 42.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА В ЕГО ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМАХ

УДК 81'42

ФОНОВЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ СЕМАНТЕМ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ю. А. Герасименко,

*старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.
Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье вводится в научный оборот термин *фоновая переменная семантемы*. В соответствии с лингвистическим анализом художественного текста рассматриваются «ключевые слова», обладающие коннотацией особого рода. Анализируются незначительные смысловые компоненты, не повлиявшие на основное лексическое значение слова, не зафиксированные в словарях и не сохранившиеся в коллективной памяти. Однако именно эти коннотации, просуществовав относительно недолго, определяют ценностный компонент в семантике слова, зафиксированный в синхронном тексте.

Ключевые слова: лингвистический анализ художественного текста, лексический фон, ключевые слова, семантема, семантическая доля, фоновая переменная, оценочность, авторское содержание в тексте.

Summary. The term *background variable of a semanth* is introduced into scientific use in the article. In accordance with the linguistic analysis of a literary text, “key words” with a special kind of connotation are considered. The article analyzes minor semantic components that did not affect the main lexical meaning of the word, which were not recorded in dictionaries and were not preserved in collective memory. However, it is these connotations that have existed for a relatively short time that determine the value component in the semantics of a word, fixed in a synchronous text.

Key words: linguistic analysis of a literary text, lexical background, keywords, semanth, semantic fraction, background variable, evaluative value, author’s content in the text.

*Казалось бы, всё это само собой разумеется.
Однако об этом придётся, по всей вероятности,
говорить ещё не раз, так как всё сказанное
пока ещё очень часто не учитывается не только
литературоведами и методистами, но и лингвистами,
работающими в области стилистики.*

Н. М. Шанский

1. Препамбула. Академик Н. М. Шанский выделял 7 объектов лингвистического анализа художественного текста (ЛАХТ), это: 1) лексические и фразеологические архаизмы и историзмы; 2) непонятные факты поэтической символики; 3) устаревшие и окказиональные перифразы; 4) диалектизмы, профессионализмы, арготизмы и термины, незнакомые современному носителю языка; 5) авторские новообразования; 6) «ключевые слова разбираемого текста как художественного целого с тем или иным конкретным содержанием»; 7) устаревшие или ненормативные факты в области фонетики, морфологии или синтаксиса [1, с. 7]. Особый интерес представляет проблема ключевых слов. Во-первых, как единственный из объектов анализа, которому сам Николай Максимович уделил наименьшее внимание. Во-вторых, как феномен

компрессии текста [2], представляющий в итоге, по мнению некоторых учёных, специфический «тип текста» [3], а, на наш взгляд, концептограмму. Проблема заключается в том, что под ключевым словом подразумевают несколько понятий, близких, но не сводимых друг к другу, или же набор слов, концентрирующих в себе «план содержания» текста. А это, в свою очередь, нивелирует контекст, и как бы ни был «многоцветен мир слов, их сочетаний» [1, с. 5], в процессе его компрессии неизбежна смысловая редукция текста. Как следствие – информация (а Н. М. Шанский понимал художественный текст прежде всего как «информацию, выраженную определёнными языковыми средствами» [1, с. 6]) становится потенциально абберативной, таящей в себе риск смысловых погрешностей, поскольку любая семантическая трансгрессия обусловлена распадом континуальности текста как лингвоцентричной сбалансированной системы. Таким образом, роль аналитика, имеющего дело с ключевыми словами, неким фундаментом содержания, а не с «чистыми» фактами языка, преподносимыми в тексте линейно, в соответствии с его, текста, архитектурой, – весьма двусмысленна. С одной стороны, ЛАХТ предписывает «обязательную оглядку на излагаемый в художественном тексте “план содержания” и сопровождающие его внеязыковые факты» [1, с. 20]; с другой – «экстралингвистические факты» пересекают лингвистический анализ с другими видами анализа – стилистическим и литературоведческим, что, в общем, не противоречит ЛАХТу, т. к. он закономерно предваряет комплексный анализ текста, однако может обернуться обратным влиянием и в итоге – рассмотрением языковых фактов с идейной точки зрения, т. е. обусловленной социокультурно. Соглашаясь с тем, что «номинативные единицы языка (слова, фразеологизмы, словосочетания) должны быть раскрыты во всех присущих им фоновых и коннотативных значениях как языковые обозначения того или иного культурно-исторического (лингвострановедческого) содержания» [1, с. 21], Н. М. Шанский, тем не менее, предостерегал, что «такое расширение лингвистического анализа в сторону культурно-исторического возможно лишь в определённых пределах: только для установления сторонних носителей современного русского литературного эталона архаических и экзотических явлений и понятий (выраженных соответственно историзмами, этнографизмами и экзотизмами) и «фоновых семантических долей» слов и словосочетаний» [1, с. 21]. Об этой «фоновости» в связи с представлением о ключевых словах и пойдёт речь.

2. Четвёртый сон Веры Павловны: лингвистический детектив. Вслед за Н. М. Шанским, посвятившим роману Чернышевского очерк «Какую Рахметов тянул лямку» в своей последней книге «Лингвистические детективы» [7], интересно «расследовать» по методу ЛАХТа ещё один, едва ли не самый знаковый образ романа.

Принято считать, что одним из признаков «ключевого» статуса слова является частотность его употребления в тексте либо фрагменте текста (если принять как аксиому вербальную аддитивность текста).

Во фрагменте романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» ключевым словом является «алюминий»: «Где-то на юге России <...> стоит огромный дворец из **алюминия** и хрусталя, с зеркалами, коврами, с чудесной мебелью»; «...рано или поздно **алюминий** заменит собою дерево, может быть и камень. Но как же все это богато! Везде **алюминий** и **алюминий**, и все промежутки окон одеты огромными зеркалами. И какие ковры на полу! Вот в этом зале половина пола открыта, тут и видно, что он из **алюминия**. <...> Но кто же живет в этом доме, который великолепнее дворцов?»; «Великолепная сервировка. Все **алюминий** и хрусталь...».

При внимательном прочтении бросается в глаза странное несоответствие утилитарности и великолепия: «Но как же все это богато! <...> великолепнее дворцов». Современному читателю не приходится объяснять, что такое алюминий. По всем признакам это не архаизм (скорее наоборот!), не историзм, не экзотизм, не термин...

Слово общеупотребительно и бедно коннотациями (напр., в Словаре русских синонимов: «серебристый, легкий, крылатый металл»).

В Словаре В. И. Даля (1863 г.) находим предсказуемое толкование слова: «АЛЮМИНИЙ, алюминий *м.* химич. щелочной металл глиний, основа глинозема, глины; также, как основа ржавчины, железо; а яри – медь. Алюминит *м.* ископаемое, похожее на квасцы, водный сернокислый глинозем. Алюнит *м.* ископаемое, весьма близкое к квасцам». Словари более позднего лексикографического периода ничего принципиально нового к этой дефиниции не добавляют (только свойства: лёгкость, ковкость, стойкость к коррозии; метод получения: электролиз глинозёма; применение: строительство, авиация, приборостроение...). Заметим, в связи с изложенным ниже, что сначала металлу было дано название «алюмий» (оно принадлежит шведскому химику Берцелиусу и восходит к греческому названию квасцов – «алюмен» ‘вяжущий’), на «алюминий» его изменил англичанин Дэви, и в русском словоупотреблении это слово не могло появиться раньше 1820-х гг. (что тоже сомнительно, вероятно – гораздо позже).

Для выявления «авторского содержания» [4, с. 8] необходимо обратиться к истории химии. Первое упоминание о лёгком металле, подобном серебру, встречается у Плиния Старшего: чашу из этого металла, выделенного из глины, некий верноподданный поднёс в дар императору Тиберию, за что лишился жизни: Тиберия беспокоило возможное обесценивание настоящего серебра. Только в XVI в. Парацельсу удалось открыть глинозём – окись неизвестного науке металла в квасцах. Немецкий химик Маргграф выделил глинозём лишь в 1754 году, в 1807 году английский химик Дэви тщетно попытался получить металл в чистом виде при помощи электролиза щелочей, не удалось это и Берцелиусу. Получил алюминий в 1825 г. датчанин Эрстед, чьи опыты были продолжены немецким химиком Вёлером; метод Вёлера, опубликованный в 1827-м, позволял получить металл «в виде зерен величиной не более булавочной головки» [5, с. 30]. Пока совершенствовался метод, металл становился, как сейчас принято говорить, «трендом». В наше время драгметаллами признают 4 элемента: платину, золото, серебро и палладий. А в середине XIX в. наравне с ними использовался алюминий. Цены на алюминий были выше цен на золото (это факт!). Известно, что император Наполеон III на одном из приёмов «блеснул» именно тем, что императорская семья и наипочётнейшие гости пользовались алюминиевыми приборами – вилками и ложками – к чёрной зависти приглашённых, которым подали золото и серебро. Презентация слитков алюминия, или «серебра Девиля» (по имени получившего эти слитки Сен-Клер Девиля) на Всемирной выставке в Париже в 1855 г. стала сенсацией.

Эти факты предшествовали времени написания романа Чернышевского. Так что «алюминиевая утопия» на самом деле является символом невероятного богатства. Слово «алюминий» у Чернышевского эквивалентно русскому фразеологизму «жить по-царски». До конца XIX в. «алюминий по-прежнему оставался главным образом ювелирным металлом, интересно, что даже в 1889 году, когда Д. И. Менделеев находился в Лондоне, ему в знак признания его выдающихся заслуг в развитии химии был преподнесен ценный подарок – весы, сделанные из золота и алюминия» [5, с. 33]. В наше время на такое сочетание металлов вряд ли решится даже самый смелый дизайнер.

Л. А. Новиков, разрабатывавший курс лингвистического толкования художественного текста, говорил об «активной роли читателя» [6, с. 16–17], т. е. о читательской интерференции на текст, с чем соглашался и Н. М. Шанский: прочтение различно в зависимости от временной дистанции между написанием и прочтением текста (но, в отличие от интерпретации текста, ЛАХТ лишён «субъективно-оценочных и конъюнктурных моментов» [1, с. 8]). Насколько «активна» роль читателя и насколько

своевольно прочитан классический текст, можно судить по следующей цитате: «Н. Г. Чернышевский в романе «Что делать?», написанном в 1866 г. [вообще-то с декабря 1862 г. по апрель 1863 г. – Ю. Г.], предсказал использование алюминия как строительного материала. Действительно, при возведении современных небоскрёбов всё чаще применяют алюминиевые конструкции. Надо сказать, что не последнее место в нашей жизни занимают и алюминиевые кастрюли, чайники и другие предметы домашнего обихода. Они легки, гигиеничны, удобны...» [10]. Это в качестве курьёза.

3. Сто рупий. «Раз утром, когда во двор гостиницы вбежал рикша, на котором я обычно ездил в город, малаец встретил меня на ступеньках веранды и, поклонившись, тихо сказал по-английски:

– Сто рупий, сэр».

Перед нами один из самых парадоксальных (с точки зрения анализа текста) рассказов И. А. Бунина. Парадоксальных потому, что состоит всего из трёх абзацев текста и одной реплики прямой речи. Эта реплика: «Сто рупий» – при лингвостилистическом анализе представляется не мотивированной содержанием всего остального текста. И всё же именно она является ключевым его словом, т.к. вынесена в заголовок и концентрирует в себе смысл произведения [см.: 8].

По частотности употребления «ключевыми» в этом крошечном рассказе следовало бы считать слова «золотой», «чёрный» и «райский»: чашка *золотого* чая; *чёрный* бархат <...> удивительных ресниц; *дегтярные* (= чёрные) волосы; «в мочках маленьких ушей покачивались *золотые* дутые кольца»; «чёрные ресницы – подобие тех *райских* бабочек, что так волшебным мерцают на *райских* индийских цветах». Наконец, синтез: «она полулежала и молчала, мерно мерца *чёрным* бархатом своих *ресниц-бабочек*». Эта бунинская гармония чёрного с золотым контрастно подчеркнута употреблением других прилагательных со значением цвета: «Её тропически крепкое маленькое тело, его *кофейная* нагота была открыта на груди, на плечах, на руках и на ногах до колен, а стан и бедра как-то повиты яркой *зелёной* тканью. Маленькие ступни с *красными* ногтями пальцев выглядели между *красными* ремнями лакированных сандалий *жёлтого* дерева». Портрет женщины-азиатки (воздержимся от субъективно-оценочных моментов!) подчеркнут коннотациями понятия *райский* = *неземной*, как на уровне отдельных лексем, так и на уровне словосочетаний и синтаксиса: «К какому роду *земных* созданий можно было отнести её?», «нежность её *детского* лица», «*неправдоподобно* огромны и *великолепны* были черные ресницы», «Красота, ум, глупость – все эти слова никак не шли к ней, как *не шло всё человеческое*: поистине, *была она как бы с какой-то другой планеты*».

Заметим, ради последовательности анализа, однако не прибегая к деталям, что её слуга – «желтолицый, мучительно-узкоглазый малаец» семантически противопоставлен ей: его «белая парусиновая куртка» ≠ её *чёрные* ресницы и волосы и т.п. Важнее то, что этот малаец – единственная смысловая связка между нарративным текстом и репликой. Если бы – к примеру – эта реплика «Сто рупий» принадлежала вбежавшему рикше, мотивация её значения оказалась бы непоправимо нарушена. Хотя мы бы понимали, что сто рупий – это цена. Цена за какие-то услуги. Но именно благодаря речи малайца мы понимаем, что «сто рупий» соотносится не с повозкой рикши и не с платой, например, за постой в гостинице...

Но в этом ли смысл рассказа?

Тут придётся вернуться в пределы лингвистического анализа, которые – ради понимания текста – мы вынуждены были покинуть. Итак: сто рупий. Почему именно «Сто рупий»? Обратимся вновь к экстралингвистическим фактам. Рупия (с санскрит. *рупиякам* ‘серебряные монеты’, ‘чеканное серебро’) исторически была серебряной монетой Индии. «Оценка рупии основывалась на её содержании серебра, которое имело чёткие установки в девятнадцатом веке, в то время как самые сильные

экономические державы оперировали золотым стандартом. Открытие чрезмерных ресурсов серебра в США и разнообразных европейских колониях привело к уничтожению сравнительной котировки серебра по отношению к золоту. Внезапно стандартная валюта Индии перестала быть в соотношении с внешним миром. Это событие имеет название «падение рупии» [11]. И. А. Бунин посетил о. Цейлон в 1911 г. и был живым свидетелем «падения» индийской валюты, начавшегося в конце XIX в. Вот информация о котировке того времени: «если в 70-х годах XIX века рупия стоила чуть более 23 пенсов, то в конце XIX века курс обмена валют приравнивал одну рупию к 15 пенсам, то есть к 1/16 фунта стерлингов» [12]. Интертекстуальный комментарий: «Пример из Конан Дойля: гостиничный счёт, который помог Холмсу раскрыть очередную загадку в рассказе «Знатный холостяк» [первая публикация – в журнале «Strand Magazine», апрель 1892 г. – Ю. Г.]: “Окт. 4-го. Комната – 8 шилл. Завтрак – 2 шилл. 6 пенс. Коктейль – 1 шилл. Ленч – 2 шилл. 6 пенс. Стакан хереса – 8 пенс.”» [14]. Любителям производить расчёты не составит труда вычислить эквивалент 100 рупиям: к примеру, это могут быть 50 английских завтраков (1 шиллинг = 12 пенсов)... или 6 фунтов 5 шиллингов. Много ли это? Пожалуй. «В Англии в 1914 г. в машиностроительной промышленности недельный заработок модельщиков составлял приблизительно 42 шилл., монтеров и токарей 39 шилл., а чернорабочих – 22 шилл.» [13]. То есть услуга, предлагаемая угодливым малайцем, стоила бы, как труд английского чернорабочего почти за полтора месяца...

Понятие «женщина за сто рупий» создаётся по той же модели, что и, например, американское «выглядеть на миллион долларов». Знание этих фактов внеязыковой действительности позволяет понять смысл бунинского текста с максимальной глубиной. Правильнее было бы сказать – *аксиологию* бунинского текста, т. к. смыслы могут быть порождены самым парадоксальным образом (например, ничто не противоречит допущению, что никаких «услуг», связанных с этой женщиной, малаец не предлагает, – может, он сообщает цену, за которую купил эту девочку-подростка, по восточному обычаю, или жалуется, во сколько ему обходится её содержание...). Однако *интерпретация* текста – непозволительная роскошь для ЛАХТа.

4. В свете теории лексического фона. В выявлении «авторского содержания» в рассмотренных случаях лингвистическое комментирование оказывается бессильно, и вносит ясность лишь реально-исторический комментарий, «фон», понимаемый в самом широком смысле слова.

Упоминая «фоновые семантические доли» слов, Н. М. Шанский употребил термин Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. Под семантическими долями (СД) авторы понимают «признаки, критерии, по которым предмет включается или не включается в объём лексического понятия» [9, с. 55], «совокупность СД, образующих лексическое понятие, – это некоторое знание, т.е. и в понятийном плане назначение языка быть хранителем знаний проступает достаточно отчётливо. Однако вокруг каждого слова, особенно центрального, ключевого, складывается целый ореол всевозможных сведений» [9, с. 57], непонятийных СД, образующих лексический фон.

В рассмотренных нами случаях нельзя говорить ни о фоновых словах как таковых (словах с неполноэквивалентностью фонов) – они не подходят под классификацию безэквивалентной и фоновой лексики [см.: 9, с. 60–64], ни о модификации лексического фона при стабильной понятийной семантике: рассуждая о динамике лексического фона, авторы «Языка и культуры» делают ценное замечание: «Во-первых, язык воспринимает далеко не всё из того, что имеет место в жизни: преходящие, случайные, периферийные явления появляются и исчезают без следа в языке. Во-вторых, лексический фон <...> не лишён собственной инерции: явление может исчезнуть в актуальной действительности, но язык помогает ему сохраниться в коллективной памяти членов языковой общности» [9, с. 79]. Как же тогда быть с

явлениями, которые не то что не исчезли, а прочно закрепились в языке (при том, что и преходящим в нашем случае будет не само явление, а только отношение к нему, его *оценка*)?

Надо признать, что ключевое значение слов иногда основывается на незначительном смысловом компоненте, который можно назвать *фоновой переменной семантемы*. Мы имеем дело со словами, значение которых не изменялось исторически, но которые в определённый отрезок времени обладали коннотацией, вскоре утраченной, более того – не зафиксированной в словарях (как, впрочем, и в коллективной памяти). Однако именно благодаря этим коннотациям слова приобретают статус «ключевых» в рассматриваемых текстах и требуют к себе более пристального внимания, чем традиционно анализируемые архаизмы, историзмы et cetera. Семантика таких слов в тексте обусловлена фоновыми переменными в значении, они – «однодневки» в континууме языка, но они-то и оказываются в фокусе художественного текста, отражающего жизнь.

5. Новый ракурс. Нельзя не сказать об одном интересном аспекте, открывающемся связи с изложенным выше. СД «ценность» (как вариант, «драгоценность»), присутствующая очевидно в семантемах «золото», «золотой» и подобных им (например, «яхонтовый (ты мой)»), в наших случаях задаётся фоновыми переменными, связанными с относительно краткосрочной дороговизной алюминия или исторической котировкой рупии, подведённой под языковой архетип числа 100 (наиболее ярко числительные архетипы проявлены во фразеологии, поговорках, ср.: «сто раз», «дожить до ста лет», «Сто бед – один ответ» и др.). В выбранных нами текстах эти семантемы представляют собой ключевые слова.

Ценностный компонент в семантике, *оценочность* относится к категории «образ автора» (автор не как «грамматический субъект»!), однако категория «образ автора» является категорией стилистики, отнюдь не лексикологии. Возникает дилемма: с какой же позиции рассматривать *ключевые слова* текста (если, как мы усомнились в начале, специфическим *типом текста* их считать неправомерно)? Ведь ключевые слова несут в себе авторскую нагрузку, соотносимы со стилем и авторской идеей. Но словоупотребление – ещё не стиль. Да и оперировать категорией «образ автора» в типе анализа, не предполагающем либо сильно ограничивающем её употребление, методологически неверно.

Представляется перспективным применить виноградовский термин «авторское содержание» уже на уровне лингвистического (лексического) анализа текста – главным образом по отношению к словам, являющимся ключевыми. Фоновые явления играют здесь первостепенную роль.

Список использованных источников

1. Шанский, Н. М. Лингвистический анализ художественного текста / Н. М. Шанский. – Ленинград, 1984.
2. Сахарный, Л. В. Расположение ключевых слов в структуре развернутого текста (к изучению деривационных механизмов компрессии текста) / Л. В. Сахарный // Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика). – Пермь, 1988. – С. 27–29.
3. Сахарный, Л. В. Набор ключевых слов как тип текста / Л. В. Сахарный, А. С. Штерн // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. – Пермь : Пермский политехнический ун-т, 1988. – С. 34–51.
4. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – Москва, 1971.
5. Венецкий, С. И. Рассказы о металлах / С. И. Венецкий. – Москва, 1979.
6. Новиков, Л. А. Лингвистическое толкование художественного текста / Л. А. Новиков. – Москва, 1979.

7. Шанский, Н. М. Лингвистические детективы / Н. М. Шанский. – Москва, 2002. – С. 381–382.
8. Короткая, М. Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Л. Короткая. – Тверь, 1996.
9. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва, 1983.
10. Использование алюминия : [сайт]. – URL: <http://zhelezoruda.ru/gidrometallurgiya/ispolzovanie-alyuminiya.html> (дата обращения: 01.11.2012).
11. Рупии : [сайт]. – URL: <http://www.bablon.ru/rupi.htm> (дата обращения: 01.11.2012).
12. Рупия : [сайт]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D0%BF%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 20.03.2025).
13. Мотылев, В. Заработная плата и прибавочная стоимость в капиталистическом хозяйстве / В. Мотылев. – URL: <http://www.biografia.ru/fintrest/literatura048.html> (дата обращения: 25.03.2025).
14. Цены на различные товары и услуги в Англии : [сайт]. – URL: <http://www.coins-gb.ru/tsenyi-na-razlichnyie-tovaryi-i-uslugi-v-anglii.html> (дата обращения: 01.11.2012).

УДК 811.161.1:81-139

МЕТАТЕМНЫЙ ПРИНЦИП АНАЛИЗА УЧЕБНОГО ТЕКСТА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Р. Н. Гусейнова,

*старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье обосновывается целесообразность использования метатемного анализа учебных текстов для иностранной аудитории на примере материалов страноведческого характера. Рассматриваемый метод позволит с большей полнотой представить учебный материал в системе практических занятий по русскому языку в иноязычной аудитории.

Ключевые слова: страноведческий текст, иноязычная аудитория, метатема.

Summary. In the article the author substantiates the feasibility of using the principle of meta-thematic analysis of educational texts for a foreign audience. The texts taken from regional studies materials. This method will allow to present educational material in a more complete manner in the system of practical classes in the Russian language for a foreign language audience.

Key words: regional text, foreign language audience, meta-thematic.

Новые требования к содержанию обучения русскому языку как иностранному продиктованы изменившимся отношением в межкультурной культуре. Необходимость не только личного, но и профессионального общения представителей различных языковых групп становится обыденностью. Именно поэтому некогда традиционный подход в практике преподавания иностранных языков (от обучаемого к обучающемуся) давно сменился коммуникативным. Иными словами, основные виды, формы и акты речи в процессе работы организуются в русле коммуникативно-деятельностного обучения.

Актуальность проблемы. Безусловно, изменения, происходящие в системе образования, требуют более эффективной подготовки инофона, а именно учета

специфики коммуникации в процессе изучения языка. Одним из аспектов такой подготовки и является приобретение знаний о стране и регионе обучения.

Цель исследования – рассмотрение лингводидактического метатемного принципа описания текстов страноведческого характера, а также разработка на этой базе новой технологии обучения речевому общению. Отметим, использование в учебном процессе текстов подобного рода выигрышно, поскольку человек, оказавшийся в незнакомой культурной среде, испытывает естественную потребность в аккультурации, кроме того, страноведчески наполненный текст может стать дополнительной мотивацией для изучения нового языка.

Тексты подобного характера, особенно на начальном этапе обучения, содержат практически все базовые метатемы, с которыми иностранные студенты будут встречаться как в гуманитарном, так и в естественнонаучном блоке профессиональной подготовки.

Как известно, предметом изучения страноведения является совокупность научных знаний о наиболее важных процессах, явлениях и событиях жизни народа (носителя изучаемого языка), призванных способствовать овладению языком как коммуникативным средством [1, с. 13, 44–47]. Исходя из данного определения, можно утверждать, что тексты страноведческого характера включают в себя сведения об истории, культуре, традициях и реалиях как страны в целом, так и региона в частности. Подобные знания выступают и средством коммуникации, и способом ознакомления обучающихся с новой для них действительностью [2, с. 42].

К выбору текста для работы с иностранной аудиторией следует подходить ответственно, учитывая не только предметное, но и коммуникативное содержание.

Предметное содержание является специфическим для каждой конкретной дисциплины, поскольку передает совокупность фактов, заданных темой. *Коммуникативное же содержание* универсально, оно представляет собой совокупность интенций (коммуникативных намерений) [2, с. 39–40].

Д. И. Изаренковым подобные интенции были названы метатемами и определены как «совокупность, множества тем, объединяемых на основе единства, тождества аспектов рассмотрения обозначенных в них объектов (классов объектов)» [5, с. 53]. Всего автор выделил 41 иллюкативную единицу, но допускал уменьшение до нескольких единиц в каждой конкретной дисциплине. Содержательная сторона историко-страноведческих дисциплин была определена 5-ю метатемами: (1) «Общая характеристика объекта», (2) «Общая характеристика процесса», (3) «Создание нового объекта как результат видоизменения объекта и перехода объекта из одного состояния в другое», (4) «Кризис и распад объекта», (5) «Способы и приемы осуществления деятельности над объектом» [7, с. 31].

На сегодняшний день известны несколько типов метатем, а именно: информативно-констатирующая, информативно-эспликативная, информативно-аргументативная и информативно-директивная [7, с. 39–41]. Как правило, тексты, раскрывающие какую бы то ни было метатему, могут представлять несколько типов одновременно.

Рассмотрим аспекты метатемы **«Общая характеристика объекта»**.

✓ **Характеристика состояния общества на определенном этапе его развития**

«В Конституции Российской Федерации записано, что власть в государстве принадлежит многонациональному народу, являющемуся носителем и единственным источником власти в стране. Именно он избирает Главу государства – президента на основе всеобщего равного и прямого избирательного права» (Конституция Российской Федерации, ст. 3, ст. 86) [6, с. 5, 41].

Целеустановка данного фрагмента текста позволяет отнести его к информативно-директивному типу, предполагающему предписание к действию.

✓ **Изменения, происходящие в экономической и социальной областях, а также в культуре и политике**

«Конец X – начало XI века – период наивысшего подъёма Руси. Князь Владимир ввел христианство, начал чеканить монету. Князь Ярослав Мудрый издал первые законы Руси, которые назывались «Русская правда». Во время правления князей Владимира и Ярослава Мудрого Русь стала крупным государством в Европе» [3, с. 80].

Данный отрывок можно считать примером информативно-аргументативного типа текста, особенность которого – использование цепи логических рассуждений в качестве доказательства приводимого тезиса.

✓ **События биографии лица**

«Александр Васильевич Суворов – русский полководец, основоположник русской военной теории. В 12 лет он пошёл служить в Семёновский полк, где провёл шесть с половиной лет. При Елизавете Петровне, во время Семилетней войны, был переведён в действующую армию. При Екатерине II не только воевал, но и смог арестовать самого главного бунтовщика того времени – Емельяна Пугачёва. При Павле I полководец выступил в Итальянском и Швейцарском военных походах. Начав военную карьеру помощником главнокомандующего, Александр Васильевич Суворов дослужился до генералиссимуса» [4, с. 18, 34–39].

Данный пример представляет информативно-экспликативный тип текста, в нём тезис преподносится в виде иллюстрации.

✓ **Географический объект**

«Российская Федерация – самое крупное государство в мире, оно находится в Восточной Европе и Северной Азии. Площадь России свыше 17 млн км².

Российское государство граничит с 18-ю государствами по суше и двумя – Аляской (штат США) и Японией – по морю.

Страну омывают 3 океана и 13 морей. В России много рек и озёр. Самая длинная река – Волга, а самое глубокое озеро – Байкал» [3, с. 12].

Целеустановка данного отрывка даёт основания отнести его к информативно-констатирующему типу текста, не допускающему дискуссионного процесса.

Следует отметить, что в данной статье рассматривается только один тип метатема на примере страноведческих текстов. В учебном же процессе следует использовать все типы, не ограничиваясь историческим содержанием материалов.

На наш взгляд, работа по составлению учебных текстов на базе метатемного анализа будет способствовать более эффективной подготовке студентов к учебной деятельности, особенно на продвинутом этапе обучения.

В заключение отметим, в практике преподавания русского языка как иностранного использование текстов страноведческого характера представляется оправданным, поскольку без системы ценностей новой культуры не произойдет социализации и инкультурации инофона.

Для успешного обучения в неродной языковой среде обучающийся должен быть сориентирован на овладение социокультурными представлениями о стране и регионе обучения.

Более полно представить учебный материал и более грамотно спрогнозировать результаты работы в иноязычной аудитории позволит метатемный принцип анализа учебного текста.

Список использованных источников

1. Вьюнов, Ю. А. Россия на рубеже XX–XI веков : учебное пособие по страноведению / Ю. А. Вьюнов, А. В. Манько, Е. В. Дунаева ; под ред. Ю. А. Вьюнова. – Москва, 2011. – 550 с.

2. Горянский, В. Д. Вопросы местного страноведения как составная часть лингвокраеведческого аспекта преподавания / В. Д. Горянский // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 1979. – С. 39–44.
3. Гусейнова, Р. Н. Тексты к дисциплине «Русский язык для иностранных обучающихся» : методические указания / Р. Н. Гусейнова. – Симферополь, 2017. – 123 с.
4. Золотарев, В. А. Во славу Отечества Российского : Развитие воен. мысли и воен. искусства в России во второй половине XVIII в. / В. А. Золотарев, М. Н. Межевич, Д. Е. Скородумов. – Москва, 1984. – 335 с.
5. Изаренков, Д. И. Метатемный подход к отбору и описанию предметного компонента коммуникативной компетенции / Д. И. Изаренков // Основные тенденции в организации и содержании учебного процесса на начальном и среднем этапах (в условиях его прагматической ориентации). – 1993. – С. 47–58.
6. Конституция РФ с изменениями, вынесенными на Общероссийское голосование 1 июля 2020 года. – Москва, 2020. – 96 с.
7. Марков, В. Т. Лингводидактическое описание учебного текста и технология обучения речевому общению иностранных студентов гуманитарного профиля : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Владимир Тимофеевич Марков ; Московский пед. гос. ун-т. – Москва, 2004. – 42 с.

УДК 372.881

**ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН К
ОБУЧЕНИЮ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ
ИНДИЙСКИХ СТУДЕНТОВ, ПОЛУЧАЮЩИХ ОБРАЗОВАНИЕ В КФУ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО)**

Н. И. Иванюк,

*старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается процесс адаптации иностранных студентов к жизни и обучению в новой стране и определяются основные проблемы, с которыми они сталкиваются в этот период. Также отмечаются причины низкой мотивации к изучению русского языка, что препятствует успешной межкультурной и социокультурной адаптации иностранцев и их профессиональному обучению в вузе.

Ключевые слова: адаптация, иностранные студенты, мотивация, русский язык как иностранный.

Summary. The article examines the process of adaptation of international students to life and study in a new country and identifies the main problems they face during this period. There are also noted reasons for low motivation to learn Russian, which hinders the successful intercultural and socio-cultural adaptation of foreigners and their professional education at the university.

Key words: adaptation, international students, motivation, Russian as a foreign language.

Иностранные граждане, приезжающие получать образование в России, сталкиваются со многими проблемами. И одной из них является адаптация к жизни и учебе в новой стране, которая отягощается разрывом с привычной социальной, культурной, климатической средой, семьей и друзьями, а также языковыми

трудностями. Как правило, решением этих задач, помимо собственно образовательных, занимаются подготовительные факультеты и отделения для иностранных граждан. Именно на начальном этапе изучения русского языка будущие студенты осваивают учебную деятельность, характерную для высшей школы, приобретают навыки самостоятельной работы, вырабатывают собственный стиль поведения в новой для них среде, а также осуществляют взаимодействие с представителями русской культуры и преодолевают «языковой барьер». Следует отметить, что ранее обучение на подготовительных факультетах и отделениях было обязательным для иностранных абитуриентов.

Как же происходят адаптационные процессы у студентов, которые приступают к обучению в России, минуя подготовительные факультеты? Многие вузы обучают иностранных граждан на английском языке, что также препятствует быстрой их адаптации к новым условиям.

Целью настоящей статьи является описание основных проблем адаптации иностранных студентов к жизни и учебе в новой стране, а также определение причин низкой мотивации к изучению русского языка.

Адаптация – это «процесс продуктивного взаимодействия человека со средой» [1, с. 73]. Иными словами, адаптация – это приспособление человека к новым условиям вследствие изменения внешней среды. В случае с иностранными студентами следует говорить о межкультурной (социокультурной) адаптации, под которой понимается погружение инофонов в новую культуру, усвоение ее норм и правил поведения [3].

Проблемам межкультурной адаптации посвящены работы отечественных психологов и культурологов. Часто в их основе лежит теория адаптаций Я. Ким, в соответствии с которой адаптация является комплексным процессом. По ее мнению, успешно преодолеть адаптационный процесс позволит соблюдение следующих условий: 1) налаживание контактов с новым окружением; 2) знание языка, без которого невозможно достижение положительных результатов процесса коммуникации; 3) наличие мотивации к общению и др. [4]. Также исследователь подчеркивает, что адаптация основана на коммуникации: человек начинает адаптироваться тогда, когда общается с другими людьми в новой среде.

Что стоит на пути к быстрой адаптации иностранных студентов к новым для них условиям? В первую очередь это объективные факторы, такие, как другая страна, культура, язык, религия, правила поведения, абсолютно иной климат, неумение одеваться по погоде, отсутствие привычных продуктов питания, незнакомые методы обучения и требования, оторванность от родителей, бравших до этого на себя многие функции от приготовления пищи до уборки и стирки. Также препятствуют быстрой адаптации иностранных обучающихся несформированность у них навыка самостоятельной работы и языковой барьер [2, с. 36].

Рассмотрим основные проблемы адаптации иностранных граждан на примере индийских студентов, обучающихся в Медицинском институте имени С. И. Георгиевского Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь), которые получают образование по специальности «Лечебное дело» на английском языке.

В процессе адаптации они сталкиваются со всеми перечисленными выше проблемами. К тому же надо учитывать национальные особенности индийцев, к которым относят следующие:

- усидчивость и трудолюбие (высокая мотивация в получении профессии, которая в Индии является гарантией высокого уровня жизни);
- неприхотливость и умение приспосабливаться к бытовым неудобствам (индийские студенты легко адаптируются к условиям жизни в общежитиях);
- уважение к старшим (как правило, индийские студенты вежливы и послушны);

– коллективизм (проявляется в том, что студенты садятся за парту по трое или пользуются одним учебником на троих и более);

– стремление к поиску социальной поддержки (для индийских студентов сложно прогнозировать трудные ситуации, связанные со временем и общением) [5].

Как отмечают В. А. Федотова и С. Ю. Жданова, индийским обучающимся «нужно четко обозначать дедлайны, предупреждать о текущих контролях, а им самим уделять особое внимание тайм-менеджменту», так как они не могут правильно распоряжаться своим учебным временем [5]. Следствием этого является их отношение к итоговой аттестации, которую многие из них не сдают и к которой не готовятся. Кроме этого, они могут не приходить на назначенные официально передачи зачетов и экзаменов. Подобное отношение к учебному процессу является следствием, с одной стороны, дезадаптации к нему, с другой стороны, их национальной чертой.

Как показывает практика, индийские студенты начинают активно изучать русский язык, но со временем у многих обучающихся интерес к изучению нового языка пропадает. Преподавателям русского языка как иностранного важно понимать, каковы причины демотивации к изучению предмета.

Во-первых, это недостаточное время на адаптацию индийских студентов к новым условиям. Помочь в решении этой задачи могло бы подготовительное отделение для иностранных граждан. А препятствуют адаптации такой фактор, как решение Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского селить всех иностранных студентов в отдельные общежития, где они не имеют возможности общаться с русскими студентами. То есть им не надо приспосабливаться к условиям жизни в новой стране, они живут практически в изоляции.

Во-вторых, причиной потери мотивации к изучению русского языка является дефицит времени, так как индийские студенты обучаются на английском языке, который не является их родным языком. Не все студенты знают язык обучения (английский) в нужном для понимания профильных дисциплин объеме. Также могут возникнуть трудности в понимании английской речи, обусловленные разницей в произношении студентов и преподавателей. Вследствие этого обучающимся приходится больше времени уделять изучению дисциплин специальности.

В-третьих, изучающие русский язык студенты сталкиваются с трудностями русской грамматики и произношения, с отсутствием времени, а иногда и нежеланием на заучивание новой лексики, что, соединяясь с возможностью исключить общение на русском языке, дает свои негативные результаты. При этом немаловажным является и опыт студентов старших курсов, который показывает, что можно жить и учиться в стране без знания русского языка. Такой «положительный пример» старшекурсников в сочетании с коллективизмом индийских студентов как характерной национальной чертой также является причиной того, что индийцы не стремятся знать язык страны, в которой они обучаются.

Перечисленные факторы обуславливают низкую учебную мотивацию к изучению русского языка и, следовательно, проблемы адаптации иностранных учащихся к новым условиям жизни.

Впоследствии незнание русского языка влечет за собой трудности при прохождении практики в медучреждениях, так как при сборе анамнеза пациенты говорят по-русски и вся практическая деятельность будущих врачей в России осуществляется на русском языке.

Таким образом, новая страна, новый коллектив, новый язык, новая культура, большой объем информации, получаемый в ходе изучения профильных дисциплин, – это то, с чем сталкиваются иностранные студенты, начиная учиться в другой стране. На их адаптацию к новым условиям требуется время, а также возможность и желание преодолевать возникающие в ходе адаптации трудности. В условиях обучения на

английском языке адаптация иностранцев к обучению в России проходит дольше, сложнее и не всегда успешно. При этом важно помнить, что реализация обучающихся из других стран в профессиональной сфере напрямую связана с их адаптацией к жизни и учебе в новых для них условиях. И знание русского языка играет важную роль в их адаптационном процессе.

Список использованных источников

1. Горенкова, О. А. Адаптация и дезадаптация специалистов социальной сферы / О. А. Горенкова, М. А. Косинова, С. А. Каменева // Проблема профессиональной дезадаптации в условиях современных социальных вызовов : материалы конференций. – Липецк : Липецкий ГПУ, 2021. – С. 72–75.
2. Набивачева, Е. А. Профилактика дезадаптации иностранных студентов в образовательном процессе российского вуза : специальность 13.00.01 : дис. ... канд. пед. наук / Е. А. Набивачева. – Хабаровск, 2007. – 189 с.
3. Смирнов, А. А. Психология вузовской адаптации : учебное пособие / А. А. Смирнов, Н. Г. Живаев. – Ярославль : ЯрГУ, 2009. – 115 с.
4. Фалькова, Е. Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях : методическое пособие / Е. Г. Фалькова. – Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. – 77 с.
5. Федотова, В. А. Адаптация студентов из Индии и арабских стран к образовательному пространству российского вуза / В. А. Федотова, С. Ю. Жданова // Социальная психология и общество. – 2020. – Том 11. – № 2. – С. 93–106.

УДК 372.881.161.1

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПО ОБУЧЕНИЮ НАВЫКАМ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

С. В. Майборода,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается проблема обучения связной монологической речи на занятиях по русскому языку как иностранному. Предлагается система организации материала с позиций коммуникативно-когнитивного подхода в обучении языку, рассматриваются основные виды заданий.

Ключевые слова: коммуникативно-когнитивный подход, русский как иностранный, обучение монологической речи.

Summary. The article deals with the problem of teaching coherent monological speech in Russian at foreign language classes. The system of organizing the material from the standpoint of the communicative-cognitive approach in language teaching is proposed; the main types of tasks are considered.

Key words: communicative-cognitive approach, Russian as a foreign language, teaching monological speech.

Важнейшей задачей в процессе развития навыков владения иностранным языком является усвоение универсальных особенностей построения связного монологического высказывания. Для этого необходимо понимание логических черт и способов организации синтаксических единиц в тексте, знание о различных стилях речи, умение использовать различные типы связи самостоятельных предложений [1].

Как показывает практика, проблема продуцирования связного, логически выстроенного монологического высказывания у иностранных студентов, изучающих русский язык, часто обусловлена отсутствием у них умений и навыков текстопостроения и на языке-посреднике, что может свидетельствовать об отсутствии у них знаний о специфике важнейших атрибутов текста: композиции, грамматической и логической связности высказываний, особенностях определенного типа речи – повествования, описания, рассуждения; признаков формальной и логической завершенности [4]. Между тем для будущего иностранного специалиста важно уметь общаться на неродном языке и учебно-профессиональной сфере, и при повседневном общении, когда возникает потребность в передаче полной, точной и ёмкой информации [3].

Решением перечисленных проблем может явиться разработка комплекса учебно-методических материалов по обучению связной речи на занятиях по русскому языку как иностранному, ориентированного на обучающихся с уровнями владения от A1 до B1.

Обучение практическим умениям продуцировать собственный устный и письменный текст должно проходить поэтапно в зависимости от уровня владения языком и предлагаться в рамках методической целесообразности. Основными задачами на каждом этапе являются: 1) познакомить обучающихся с универсальными принципами организации различных текстов; 2) сформировать умения и навыки, необходимые для подготовки устного и письменного сообщения в рамках повседневной и учебно-профессиональной деятельности; 3) выработать умения формулировать и аргументировать собственное мнение.

Согласно принципам коммуникативно-когнитивного подхода в практике обучения языку должны учитываться следующие необходимые условия: 1) речевая и функциональная направленность организации обучения и подбора материала; 2) индивидуализации процесса обучения, то есть учет социальных и личностных интересов и потребностей учащихся; 3) опора на сознание учащихся и вовлечение их в процесс познания сути изучаемых явлений.

При разработке комплекса заданий важно предусмотреть постепенное усложнение текстового материала и учебных упражнений с учётом текущего уровня владения изученных лексико-грамматических тем. Кроме того, целесообразно продумать доступный для студентов грамматический комментарий (краткое объяснение теоретических положений на языке-посреднике с примерами микротекстов на русском языке). Так, на различных этапах обучения должны быть подробно рассмотрены также принципы организации микротекстов различных функционально-смысловых типов речи (описания, повествования, рассуждения), сферы их использования, лексического наполнения и особенностей грамматики.

В соответствии с методической целесообразностью материалы должны предлагаться в последовательности, при которой соблюдается должная пропорция системного, функционального и собственно коммуникативного подходов. Особое внимание следует уделить средствам межфразовой связи, порядку слов в предложении с позиций актуального членения, композиционному строению текста. К упражнениям на восприятие группы предложений можно отнести: нахождение в тексте слов, посредством которых предложения связываются друг с другом; ознакомление с возможными средствами связи предложений между собой, определение в тексте различных типов предложений, которые начинают или заканчивают текст. На более продвинутом этапе можно предложить обучающимся задания по работе со смысловыми блоками текста, например, членение текста на абзацы и составление плана.

Речевые упражнения при обучении построению монолога направлены на развитие навыка грамматической и логической связности высказываний, тренировку активного употребления различных способов связи предложений. Примерные формулировки заданий: 1) *«Восстановите последовательность предложений так, чтобы получился связный текст»*; цель задания – выявление и восстановление логико-смысловых отношений; 2) упражнения на отработку навыков лексической и грамматической трансформации, а также навыка грамматической и логической связности высказываний: *«Объедините простые предложения в сложные. Для этого исключите повторяющиеся слова, заменяя их союзами или союзными словами, местоимениями»*.

Задания репродуктивно-продуктивного характера направляют действия обучающегося таким образом, чтобы он, владея более обширным запасом средств связи, воспроизводил или самостоятельно продуцировал связанные друг с другом предложения в пределах одного типа речи. Примерные формулировки заданий: *«Опишите картинку. Сформулируйте заголовок и составьте текст по схеме: зачин – основная часть – концовка»*. Далее может быть предложено задание на продуцирование собственного высказывания по плану / иллюстрации. На продвинутом этапе студентам предлагаются задания, имеющие целью развитие профессиональной коммуникативной компетенции, к примеру: *«Расспросите пациента о боли в области сердца. На основе полученной информации составьте сообщение (доклад) для врачебной конференции»*.

Особо следует отметить то, что при выборе словарного материала необходимо учитывать семантическую ценность, степень активности тех или иных единиц и конструкций в речи. Это замечание справедливо и для отбора тем, предлагаемых студентам для подготовки монологического высказывания. Основой для монологических высказываний может служить жизненный опыт, собственные знания. Примерами заданий на начальном этапе могут служить такие, как: а) расскажите о себе /своей семье / родном городе /своей стране, б) расскажите об интересном случае из вашей жизни; в) опишите свой распорядок дня / как вы проводите свободное время; г) расскажите о друге [2]. Примерные темы для подготовки монолога-повествования: Расскажите об экскурсии / о проблемной ситуации и т. п.

Мотивацией для продуцирования монологического высказывания могут быть ситуации, с которыми столкнулись или могут встретиться студенты в повседневной жизни, например, описание человека, подозреваемого в краже, вербальное описание потерянных или забытых вещей, рассказ о случившемся событии и т.п. Задания на развитие коммуникативных навыков построения текста в таких случаях предполагают: описание иллюстраций, фотографий, продуцирование собственных высказываний по заданным установкам или согласно плану, схеме, алгоритму.

Таким образом, целенаправленный коммуникативно-когнитивный подход в подготовке материалов для обучения связной речи иностранных учащихся позволяет сочетать методику аналитического чтения и развитие способностей студентов к импровизации связного монологического высказывания, навыков интерпретации и продуцирования текста с применением структурных средств связи.

Список использованных источников

1. Москальская, О. И. Композиционная структура микротекста / О. И. Москальская // Научные труды МГПИИЯ. – Москва, 1978. – Вып. 125. – С. 46–50.
2. Немыкина, И. В. Система заданий по продуцированию монологических высказываний в курсе обучения русскому языку как иностранному / И. В. Немыкина, Б. Г. Ашуа // Проблемы Науки. – 2022. – №1 (170). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-zadaniy-po-produtsirovaniyu-monologicheskikh>

vyskazyvaniy-v-kurse-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu (дата обращения: 23.03.2025).

3. Тимонина, С. В. Формирование умений устной монологической речи у иностранных учащихся в учебно-профессиональной сфере: естественно-научный профиль, этап предвузовской подготовки : специальность 13.00.02 : дис. ... канд. пед. наук / Светлана Викторовна Тимонина. – Санкт-Петербург, 2011. – 251 с.

4. Фильцова, М. С. О преодолении субординированного билингвизма (из практики обучения связной речи студентов English Media) / М. С. Фильцова, Д. Шарма // Молодой ученый. – 2016. – № 26 (130). – С. 701–704.

УДК 82:81

ЭТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ВРАЧА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-МЕДИКОВ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. А. Пономаренко,

заведующая кафедрой русского языка как иностранного, доктор филологических наук, доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье речь идёт о культурно-исторических аспектах, влияющих на жанровую организацию речевого общения врача и пациента. Формирование этического портрета базируется на патерналистской модели. Исследование выполнено на материале произведений русских писателей-медиков XIX–XX вв.

Ключевые слова: речевой жанр, паспорт жанра, коммуникация, образ врача, эмпатия.

Summary. The article deals with cultural and historical aspects that influence the genome organization of speech communication between a doctor and a patient. The formation of an ethical portrait is based on a paternalistic model. The research is based on the works of Russian medical writers of the XIX–XX centuries.

Key words: speech genre, genre passport, communication, image of a doctor, empathy.

Медицинская тема прослеживается в русской литературе с XVIII века. В эпоху просвещения поэтов и писателей интересовала *танатология* (от др.-греч. *θάνατος* – смерть и *λόγος* – учение) – учение о смерти, связь души и тела, смерть и бессмертие (В. А. Майков «Ода преосвященному Платону о бессмертии души в рассуждении бесконечных наших желаний»; Г. Р. Державин «Бессмертие души»; А. Н. Радищев «О человеке, его смертности и бессмертии»; Н. М. Карамзин «Прощание», «На смерть князя Г. А. Хованского» и др.), причём для произведений этого времени не является характерным описание анатомических или физиологических подробностей заболеваний.

В XIX веке создаются произведения, связанные с появлением «русской физиологической школы» и последующим становлением реализма как магистрального направления в русской литературе. Начиная с 1840-х годов, литературные изображения болезней и умирания обуславливаются популяризацией научной медицины. К числу писателей, затрагивающих темы предсмертных и болезненных состояний, принадлежат А. И. Герцен («Доктор Крупов»), В. И. Даль («Мёртвое тело»), И. С. Тургенев («Отцы и дети», «Смерть»), А. Н. Лесков («На ножах»), Л. Н. Толстой («Смерть Ивана Ильича») и др. Несмотря на распространение научных идей, в литературных текстах, за исключением детализации телесно-физиологических подробностей, не представляется

этиология заболевания, не описываются симптомы, отсутствуют профессиональные диалоги.

Медицинская тема продолжает оставаться актуальной и на рубеже XIX–XX веков, причём многие писатели данного периода отдают предпочтение традициям танатологической прозы: Ф. М. Достоевский («Записки сумасшедшего», «Братья Карамазовы»), Л. Н. Толстой («Три смерти»), В. М. Гаршин («Красный цветок»), Л. Андреев («Красный смех») и др. В творчестве названных авторов наибольшее внимание уделялось описанию заболеваний, имеющих психологический и психиатрический характер, где картина болезни связана с сознанием человека и с его душой.

Литературный период рубежа XIX – XX веков и первой четверти XX века отмечен также появлением феномена профессионального письма. В это время появляются произведения А. П. Чехова, В. В. Вересаева, М. А. Булгакова. Имея профессиональное медицинское образование, эти авторы являлись в обществе полноправными литераторами. Их произведения вошли в число литературных трудов, составляющих золотой фонд русской классической литературы.

В период социалистического реализма литературный процесс связывался с определённым социальным заказом, который просматривался в описании производственного процесса. В художественных текстах вместо лирических отступлений, характерных для произведений классической литературы, появляется фактический материал, повествующий о личном профессиональном опыте героев. Занимаясь писательской деятельностью, Н. М. Амосов, Ю. З. Крелин, Ф. Г. Углов оставались, в первую очередь, превосходными врачами. Уровень их художественного таланта был ниже по отношению к основной профессии. Цель их литературного труда – рассказать об интересных случаях из практики, описать социальную среду, в которой формировались производственные отношения внутри трудового коллектива.

Несмотря на широкий круг писателей, интересующихся медицинской темой, русская литература располагает довольно ограниченным списком авторов, одновременно занимающихся литературным творчеством и врачебной деятельностью. В связи с этим в данной работе проанализированы произведения великих литераторов конца XIX – первой четверти XX века А. П. Чехова, В. В. Вересаева, М. А. Булгакова, а также известные имена врачей XX века, заявивших о себе в литературе – Н. М. Амосова, Ю. З. Крелина, Ф. Г. Углова. Интерес к произведениям названных авторов определён не только медико-биографической направленностью сюжета, но и тем, что «изображение медицинской профессии в русской литературе в существенной степени определяет представление не только о медицине, но и самом русском обществе» [1, с. 11].

Исследуя *жанровую* организацию речевого общения врача и пациента, обратимся к творчеству А. П. Чехова, В. В. Вересаева, М. А. Булгакова, Н. М. Амосова, Ю. З. Крелина, Ф. Г. Углова. Включённые в систему «паспорта» *речевого жанра* концепции *говорящего* и *адресата* рассматривают с учётом социально-статусных характеристик, основанных на парадигме свой/чужой; старший – равный – подчиненный; авторитетный – неавторитетный; имеющий – не имеющий полномочий [3; 4].

Анализ произведений вышеназванных писателей-медиков свидетельствует о том, что в речевых жанрах, выбранных из произведений писателей-врачей конца XIX – первой четверти XX века, состоит в том, что пациент находится в подчинённой позиции по отношению к врачу, причём отношения подчинённости следует рассматривать не как социальные, а как сакральные (от лат. *sacrum* – священное). Данная точка зрения объясняется культурно-религиозными обстоятельствами, в соответствии с которыми в то время образ доктора воспринимался человеком как образ

Бога-Вседержителя – вершителя человеческих судеб. В древних культурах – египетской, иудейской, греческой, византийской – способность врачевать свидетельствовала о «божественной» избранности человека и определяла его элитное, как правило, жреческое положение в обществе. Православная христианская религия повлияла на развитие древнерусской медицины. По примеру Византии в монастырях и церквях Киевской Руси монахи занимались лечением больных. Поэтому в русской христианской традиции в безнадежных, трагических ситуациях принято приходить в Храм и просить помощи у Спасителя, ибо жизнь и смерть человека зависит от воли Господа. Обращаясь к врачу и доверяя ему свою жизнь, пациент как от Бога ждёт от доктора проявления безграничных возможностей и сотворения чуда.

Процесс сакрализации *образа врача* со времён античности и до начала XX века сопровождался использованием по отношению к врачу различным языковым средствам (эпитетов, разного рода обращений, особых лексико-грамматических форм), а также невербальных компонентов. В исследуемых текстах художественной литературы конца XIX – первой четверти XX (в речевых жанрах *мольбы* и *благодарности*), присутствуют факты обожествления врача посредством употребления императива в форме единственного числа в сопровождении паралингвистических средств: жеста коленопреклонения или целования рук. Например: *«Мать вдруг автоматическим движением передала девочку бабке и стала передо мною на колени. – Дай ей капель, сказала она и стукнулась лбом в пол, – удавлюсь я, если она помрет»* (Булгаков, «Стальное горло»); *«– Доктор, голубчик! Дорогой! – в экстазе твердила мать. – Вы понимаете ли, что вы для меня сделали?... Нет, вы не поймете!.. Господи, как мне вам сказать?... Когда я буду умирать, у меня в голове один вы будете! Вы не знаете, я дала обет скорбящей божией матери...Как мне вас отблагодарить, я навеки ваша должница неоплатная!.. Доктор!.. Простите...И она хватала мои руки, чтобы целовать их...»* (Вересаев, «Записки врача»).

Образ *доктора* в речевых жанрах произведений советской эпохи также характеризуется подчинённой позицией, однако отношения подчинённости здесь не являются сакральными, поскольку при изменении социально-экономической формации (переход к социализму), следствием которого явилась смена научных парадигм; секуляризация и становление общества массового атеизма привели к постепенному вытеснению религиозных устоев из общественной и личной жизни. В этот исторический период доктора перестали воспринимать как Спасителя, наделив его качествами «обычного» человека, грамотно выполняющего свои профессиональные обязанности. Подчинённость в данном случае обусловлена изначально высокой социальной ролью, поскольку профессия врача считалась авторитетной и престижной.

Несмотря на то, что инициатива обращения к врачу исходит от пациента, «ведущим» в диалоге является врач, который воспринимается как «хозяин» положения, владеющий необходимой научной медицинской информацией, а также информацией, принадлежащей комплексу социальных и личностных факторов, относящихся к пациенту. По мнению В. В. Жура, отношения адресанта и адресата (врача и пациента) определяются «...социальной ролью, харизматической властью (личностные характеристики врача) и эскулаповой властью (специальные теоретические знания, практические навыки и умения)» [2, с. 11]. В речевых жанрах, организующих высказывание врача (в разновременных литературных источниках), отмечаем применимость компонента «на равных». Чтобы представить позицию адресанта, произведём небольшой экскурс в историю медицинской науки. Так, исторические данные демонстрируют тот факт, что отношения равенства между врачом и пациентом определяются моральными принципами медицинской этики, которая включает в себя несколько моделей.

Впервые моральные принципы, которых должны были придерживаться врачи в отношении больных, в общих чертах были сформулированы ещё до Гиппократов (около 460–377 гг. до н. э.). В течение ряда веков она существовала в виде устного предания, передаваемого от одного поколения врачей к другому. Дополненное Гиппократом первое литературное оформление «Клятвы» было сделано лишь в III веке до н. э. «Клятва» вошла в «Гиппократов сборник», после чего в широких кругах её стали называть именем Гиппократов.

Второй исторической формой врачебной этики стало понимание взаимоотношений врача и пациента, которое сложилось в Средние века. Нравственное отношение к пациенту понималось как необходимое условие всего лечебного процесса. Если в гиппократовской модели медицинской этики завоёвывается социальное доверие пациента, то средневековая европейская модель представляла собой учёт эмоционально-психических особенностей личности, признание глубины её душевно-духовных контактов с врачом и включённости этих контактов в лечебный процесс. Эта модель взаимоотношений врача и пациента получила название «патерналистской» («отцовской», «родительской»). Отношения между врачом и пациентом в данном случае напоминают отеческое отношение родителя к ребёнку или священника к прихожанину (священник традиционно именуется отцом или батюшкой, а прихожанин – сыном или дочерью).

При реализации патерналистской модели всю ответственность за диагностические и терапевтические меры, необходимые для восстановления здоровья пациента, врач берёт на себя. Вследствие этого он даёт пациенту выборочно информацию для получения согласия на проведение лечения, которое он как врач считает целесообразным. Пациент выступает при этом в пассивной роли, его участие в принятии решения не требуется или сводится к минимуму. Доминантная роль врача находит отражение в выборе соответствующей коммуникативной стратегии, отвечающей цели коммуникации. При данной модели коммуникативная стратегия подчёркивает статусно-ролевой характер интеракции с апелляцией к авторитету врача. Патерналистская модель господствовала в медицине на протяжении многих столетий. Современные социокультурные исследования в области медицинской социологии демонстрируют тот факт, что психологическое «взаимоналожение» функций врача, священника, а также родителя является одним из наиболее стойких – едва ли не бессознательных – эмоциональных комплексов, определяющих взаимоотношения врачей и их пациентов.

Патерналистская модель проявляет себя в примерах речевого жанра *утешения*, когда говорящий (доктор), проникаясь сочувствием к переживаниям пациента, пытается эмоционально воздействовать на него. В таких случаях врач прибегает к реализации прагматической тактики проявления эмпатии и ободрения, обращаясь к пациенту на *ты* и выражая, таким образом, сопричастность личной сфере больного. Например: «*Тихонько, тихонько... потерпи, – говорил я, осторожно прикладывая руки к растянутой жаркой и сухой коже*» (Булгаков, «Крещение поворотом»); «– **Будь поспокойнее. Жива. Будет, надеюсь, жива. Только, пока трубку не вынем, ни слова не будет говорить, так не бойтесь**» (Булгаков, «Стальное горло»).

Трагические либо крайне нежелательные обстоятельства или события, которые иногда сопровождали адресата (пациента), например, смерть близкого человека, также вызывали у говорящего (доктора) сострадание и нацеливали его на закономерную реакцию – оптимизацию эмоциональной сферы слушающего. Формальными средствами объективизации *утешения* в подобных ситуациях выступают: 1) императивная форма глаголов со значением ‘эмоционального состояния человека’ *успокаиваться*, а также глагол *перестать* в императивной форме (*перестаньте!*), включающий сему ‘категоричность’: *перестаньте!* = *хватит!* Использование императивной лексики

сопровождается невербальными актуализаторами. Например: «– Умерла?! – захлебнулся он, и вдруг, глядя на меня остановившимися, выпученными глазами, быстро, коротко зарыдал, словно залаял; он как будто не мог оторвать взгляда от моих глаз, трясясь и рыдая этим странным, отрывистым, похожим на быстрый лай рыданием. – **Успокойтесь... ну, что же делать!** – сказал я, кладя ему руку на рукав» (Вересаев, «Записки врача»); 2) устойчивые выражения, направленные на подбадривание адресата для оказания положительного воздействия на развитие ситуации общения: *Возьмите себя в руки; не принимайте близко к сердцу; не обращайтесь на это внимания*. Например: «– **Возьмите себя в руки. Не надо так убиваться. Ведь ничего страшного не произошло**» (Углов, «Сердце хирурга»). Следует подчеркнуть, что чувство сопереживания передаётся с помощью лексических единиц, в семантику которых входит указание на невербальный акт касания. Например: «– *А что вы, деточка, такой мрачный, если все боли прошли? Ну, я понимаю, разумеется, не единым отсутствием болей жив человек, но тем не менее ох как мешают они жить... Яков Григорьевич уже сидел на краю кровати, **накрыв руку больного своей хоть и старой, но теплой, дружелюбной ладонью***» (Крелин, «Суета»). Утешение связывается с его особой значимостью для русского языкового сознания, проявляющегося в сострадании к другим людям, активном стремлении принести облегчение и успокоение, ослабить страдание и вселить надежду на скорое выздоровление.

Проанализированные фрагменты текстов писателей-врачей служат утверждением того факта, что профессия врача имеет характер особого служения. К ценностным постулатам и нормам медицинской специальности причисляется образованность, бескорыстность, эмпатия (способность сопереживать), самоотверженность, правдивость, гуманизм, умение организованно воздействовать на психическую сферу пациента.

Список использованных источников

1. Богданов, К. А. Врачи, пациенты, читатели : патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков / К. А. Богданов. – Москва : ОГИ, 2005. – 504 с.
2. Жура, В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском дискурсе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Жура. – Волгоград, 2008. – 29 с.
3. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
4. Формановская, Н. И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении / Н. И. Формановская // Избранные статьи разных лет (юбилейный сборник). – Москва : Информационно-учебный центр государственного университета русского языка им. А. С. Пушкина, 2007. – С. 85–95.

УДК 82:81

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ Л. В. ЩЕРБЫ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

А. А. Ховалкина,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты лингвистического образования в свете педагогических идей академика Л. В. Щербы, в частности: принцип активной

грамматики; изучение иностранного языка вместе с изучением родного как основа гуманитарного образования; развитие логического мышления путём сравнения двух систем – языка родного и чужого. Отмечается, что лингвистическое образование является единственным путём к созданию более высокой культуры.

Ключевые слова: Лев Владимирович Щерба, экспериментальная фонетика, активная грамматика, идеографический принцип описания лексики, изучение и преподавание родного и иностранного языков.

Summary. The article examines aspects of linguistic education in the light of the pedagogical ideas of academician Lev Vladimirovich Shcherba, in particular: the principle of active grammar; learning a foreign language together with learning a native language as the basis of humanitarian education; the development of logical thinking by comparing two systems – the mother tongue and a foreign language. It is noted that linguistic education is the only way to create a higher culture.

Key words: Lev Vladimirovich Shcherba, experimental phonetics, active grammar, the ideographic principle of vocabulary description, the study and teaching of native and foreign languages.

Лев Владимирович Щерба – учёный с мировым именем, мыслитель, теоретик, языковед, принадлежащий к блестящей плеяде русских и европейских учёных I половины XX века, был одновременно одним из самых авторитетных и влиятельных деятелей советской педагогики.

Носитель высокого академического знания, стоявший в одном ряду с такими учёными, как Фердинанд де Соссюр и И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба был деятельным участником строительства образовательной системы в советской России, редактором всех стабильных школьных учебников по русскому языку довоенного периода. Педагогические идеи Л. В. Щербы, высказанные в 20-е – 30-е годы прошлого века, вошли в плоть и кровь отечественного школьного образования.

Будущий учёный – действительный член двух Академий – Л. В. Щерба происходил из демократически настроенной среды русской интеллигенции XIX века. Закончивший с золотой медалью I-ю киевскую мужскую гимназию и проучившийся один год в Киевском университете на естественнонаучном факультете, Л. В. Щерба перевёлся на историко-филологический факультет Петербургского университета. Здесь у него произошла встреча с одним из выдающихся языковедов конца XIX – начала XX века И. А. Бодуэном де Куртенэ, на долгие годы ставшим его учителем и наставником. Затем, после сдачи магистерских экзаменов, в 1906–1908 годах Л. В. Щерба был направлен за границу. В Германии, Италии, Франции, Чехии он слушал ведущих учёных-языковедов; цель командировки – подготовка к профессорскому званию, то есть к преподаванию в университете. В дореволюционную эпоху им были защищены две диссертации: магистерская в 1912 году и докторская в 1916. В постреволюционную Россию он вступил зрелым учёным, разносторонне образованным, готовым к решению многих практических вопросов организации обучения как в высшей, так и в средней школе.

Из биографического очерка Л. В. Щербы известно, что его педагогическая деятельность началась с преподавания русского языка и литературы в I-ом Кадетском корпусе Петербурга. Но уже и будучи профессором университета, он одновременно преподавал в средних учебных заведениях, на Высших женских курсах (Бестужевских), в Учительском институте, часто выступал перед учителями, печатался в педагогических журналах, участвовал в развитии методики преподавания в средней школе [2, с. 20].

Его первый научный доклад, сделанный в 1904 году на Первом съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях «О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета», был одновременно и

докладом по методике преподавания. Сам учёный, подводя итог многолетней научной и практической деятельности, одной из своих главных заслуг видел в результатах своего педагогического труда.

Говоря о педагогических идеях Л. В. Щербы, прежде всего необходимо сказать о его важном человеческом принципе, воспринятом от И. А. Бодуэна де Куртенэ: даже из самой отвлечённой науки вывести практические следствия и передать людям. О том, насколько был широк его человеческий и научный диапазон, говорят воспоминания близко знавших его людей. По свидетельству Р. И. Аванесова, «Как много внимания ни уделял Л. В. Щерба вопросам лингвистической практики, всё же он был прежде всего лингвист-мыслитель, лингвист-теоретик. Можно сказать, что Л. В. Щерба был лингвист для лингвистов...» [1, с. 13]). И при этом, по свидетельству другого его современника, И. В. Рахманова, «Лев Владимирович Щерба, крупный лингвист-теоретик, был совершенно чужд научного высокомерия. Он пользовался каждым случаем, чтобы показать, какое приложение наука о языке может иметь к практике. Этим, в частности, объясняется и его интерес к методике обучения иностранным языкам» [3, с. 215].

В языке Л. В. Щерба видел орудие не только общения, но и мышления. Этим определялось и место обучения родному и иностранным языкам в рамках школьных программ. Ещё в 1904 году академик Ф. Ф. Фортунатов, выступая на I-ом съезде преподавателей русского языка, говорил о том, что педагогическая цель изучения грамматики равнозначна изучению математики и состоит «в развитии мыслительных способностей учащихся» [2, с. 117]. По-новому определяется и задача учителя: приучить учащихся восходить от примеров к обобщениям (индукция) и двигаться в обратном направлении: от правил к примерам (дедукция). Ф. Ф. Фортунатов, а за ним и Л. В. Щерба, был сторонником того, чтобы на занятиях русским языком включалось языковое мышление: формы языка следует изучать в связи с мышлением.

Мысль о необходимости приучать видеть за формой содержание, смысл и значение тех форм языка, которые предстают перед нами в грамматике, проходит через всё творчество учёного. Даже разбор по составу слова – это маленькое исследование, которое помогает развить сознательное отношение к родному языку и приучает к точности и ясности употребления слов [2, с. 31]. Такой, аналитический, подход к обучению грамотности (орфографии) основан на том, что наше письмо этимологично, то есть сохраняет единство морфемы, и, таким образом, обучение письму связывается с обучением грамматике.

Занимаясь вопросом общеобразовательной ценности различных школьных предметов, сравнивая, в частности, родной язык и математику, Л. В. Щерба высказывается в пользу преимущественного обучения родному языку. Значение родного языка в том, что его изучение прививает умение говорить и писать, а также способствует воспитанию логического мышления, то есть подготавливает научно мыслящего человека. Не математика развивает в школе отвлечённое мышление (математическое мышление вообще очень специфично), самое главное в школе – родной язык и литература, которые, по мнению Щербы, составляют один предмет и проявление полезности которых очевидны. С них начинается школьник, входя в первый класс, – ими должны и кончаться все школьные науки. «Сгусток человеческой творческой силы – в текстах, глубокая программа деятельности – в языке» [2, с. 129].

В 20-е годы, будучи уже прославленным учёным, Л. В. Щерба остро реагирует на падение грамотности в обществе. Выступая в печати, он указывает на то, что этот «пробел дошёл до размеров общественного бедствия». «Между тем для быстроты чтения и просто из уважения к читающему писать следует "грамотно"». «Писать безграмотно – значит посягать на время людей, к которым мы адресуемся, а потому совершенно недопустимо в правильно организованном обществе. Нельзя терпеть

неграмотных...» [2, с. 119]. В таком неожиданном качестве учёного-ригориста предстаёт один из самых деликатных и обходительных людей своего времени.

Будучи специалистом в области общего и сравнительного языкознания, тонким знатоком грамматики индоевропейских языков, превосходно знавшим современные европейские языки, Л. В. Щерба выступал за увеличение числа предметов гуманитарного цикла и введение в школьную программу иностранных языков. Занимаясь вопросами терминологии, он не раз говорил о том, что в России термины обычно строились на основе греческих и латинских корней и «без знания латыни современная научная терминология плохо понятна», отсюда следует вывод академика, что в школе нужно ввести преподавание латинского языка [2, с. 58].

Так сложилось, что с разрушением системы школьного образования дореволюционной России в школьных программах послереволюционного времени не было предмета «иностранный язык». Л. В. Щерба, закончивший курс русской классической гимназии, не мог принять такого положения вещей и использовал все свои возможности для того, чтобы живые европейские языки вошли в программу советской школы 30-х годов. Вклад маститого учёного в методологию преподавания не только родного, но и иностранных языков огромен. Он был первым из русских лингвистов, научно разработавших методику преподавания иностранных языков.

Назовём только некоторые важные, на наш взгляд, положения разработанной им теории.

1. Будучи одним из первых учёных в Европе и России, научно разрабатывавших, вслед за Фердинандом де Соссюром и И. А. Бодуэном де Куртенэ, аспект речи и создавшим направление экспериментальной фонетики в России при Санкт-Петербургском университете, Л. В. Щерба изменил отношение к вопросу обучения произношению. Если раньше к ошибкам в произношении относились терпимо, то теперь в них стали видеть помеху при устном общении. Этот же принцип относится и к письменной речи. В наше время, когда исповедуется коммуникативный подход в обучении языку, уровень требовательности к нормированной устной и письменной речи оказался существенно заниженным.

2. Именно Л. В. Щербе, последовательно проводившему мысль о единстве формы и содержания, принадлежит идея двоякого подхода к изучению языка: от формы к содержанию («пассивная» грамматика) и от содержания к форме («активная» грамматика). «Пассивная грамматика изучает функцию, значение строевых элементов данного языка, исходя из его формы, т. е. из внешней их стороны. Активная грамматика учит употреблению этих форм» [2, с. 81]. Принцип активной грамматики был положен в основание функциональной грамматики, которая, в свою очередь, легла в основу коммуникативного принципа обучения языкам. При этом следует заметить, что активная грамматика не отменяет пассивной, но служит базой для развития навыков речевой деятельности.

3. Идея активной грамматики нашла также отражение в лексикографической деятельности учёного. Движению мысли от содержания к слову соответствует идеографический принцип описания лексики. Такой словарь даёт материал для построения истории мышления, отражённого в языке, помогает за языком видеть народ, который им пользуется, и культуру, которая складывается, в том числе, и под непосредственным влиянием этого языка [2, с. 108–109]. Задача эта чрезвычайно сложная, может, практически и не осуществимая, но вполне осмысленная и логически обоснованная.

4. Изучение иностранного языка вместе с изучением родного составляют основу гуманитарного образования, поскольку приучает: **внимательно** читать книги («работа с книгой»), понимать **механизм** грамотного письма, читать текст любой сложности, а также даёт навык к самостоятельному изучению иностранных языков [2, с. 125].

5. Если изучение родного языка, которым дети уже практически владеют, позволяет заниматься осознанием своего мышления (чего не даёт ни один из предметов, преподаваемых в школе), то изучение иностранных языков помогает увидеть, что границы образа и понятия в различных языках совмещены по-разному. «Преодоление родного языка, выход из его магического круга, – по словам Щербы, – заставляет вдуматься в самое существо человеческой мысли» [1].

6. Отвергая «метод гувернантки» при изучении иностранных языков, как не имеющий социальной почвы в советском обществе и исключающий одновременное изучение родного языка, Щерба рассматривает метод «свободного общения» и указывает на его положительные и отрицательные стороны. Метод «свободного общения» гораздо лучше метода гувернантки, однако изучая разговорную речь, учащийся овладевает говорением, но при этом слабо знает грамматику и не имеет понятия о нормах литературного языка. Но, с другой стороны, только непосредственно живя среди носителей языка, можно до конца понять способ мышления этого общества и усвоить себе его язык. Но и такое обучение языкам не доступно для широкого круга лиц. Академик Щерба останавливается на традиционном методе, который подводит к сравнению двух систем – языка родного и чужого, что, в свою очередь, позволяет развивать логическое мышление.

7. Рассматривая вопрос об общеобразовательной ценности каждого школьного предмета, Л. В. Щерба высказывал убеждение в том, что правильно поставленное лингвистическое образование является единственным путём к созданию более высокой культуры, в чём убеждает опыт всего человечества на протяжении всей его истории.

8. Академика чрезвычайно волновало то обстоятельство, что в школьных программах всё меньше становилось уроков русского языка, но всё больше уроков физики, химии, математики. Он с тревогой обращал внимание на то, что при овладении русской речью объяснение русских слов по классическим текстам подменяется заучиванием слов специальных, только этим наукам принадлежащих. Тем самым, – говорит академик Щерба, – мы заменили изучение родного языка изучением языка науки. При этом происходит непоправимое: в угоду безликому термину мы стираем в сознании школьника народный словесный образ. Родной язык проигрывает, поскольку школьник не осваивает его до конца или осваивает прямолинейно, практически, не понимая красоты слова.

9. Незнакомство с иностранным термином, которое, будто бы, затрудняет освоение литературы по специальности, – тоже пустая легенда. «Пользуюсь случаем, чтобы подчеркнуть ошибочность обывательского мнения, будто технические термины составляют главную трудность при чтении специальных иностранных текстов: незнание предмета для одних и плохое знание данного общего языка для других – вот истинные причины трудности специальных технических текстов» [2, с. 108–109].

В 1924 году Л. В. Щерба был избран членом-корреспондентом Академии Наук СССР, а в 1944 году он стал академиком двух Академий: АН и Академии педагогических наук. По случаю своего избрания в АПН, он скромно признался: «Мне кажется, что я могу сказать в этой области новое слово – именно в силу того, что во мне сочетается теоретик-лингвист с методистом-практиком» [2].

Закончить хочется словами Р. И. Аванесова: «Щерба поставил перед лингвистической наукой столько вопросов, нередко предвосхищая будущее её развитие, что, не впадая в преувеличение, можно сказать: он не только наше лингвистическое прошлое, но и наша жгучая современность» [2, с. 146].

Список использованных источников

1. Аванесов, Р. И. О встречах с Львом Владимировичем Щербой / Р. И. Аванесов // Теория языка. Методы его исследования и преподавания : к 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы. – Ленинград : Наука, 1981. – С. 3–14.

2. Колесов, В. В. Лев Владимирович Щерба : книга для учащихся / В. В. Колесов. – Москва : Просвещение, 1987. – 160 с.
3. Рахманов, И. В. Метод анализа текста / И. В. Рахманов // Теория языка. Методы его исследования и преподавания : к 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы. – Ленинград : Наука, 1981. – С. 215–220.

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ X МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО КОНГРЕССА
**ФИЛОЛОГИЯ. СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

Симферополь, 10 – 11 апреля 2025 г.

В авторской редакции

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, зд. 31а,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru